

**Владимир Гурко**

Черты и силуэты прошлого:  
правительство и общественность  
в царствование Николая II  
глазами современника

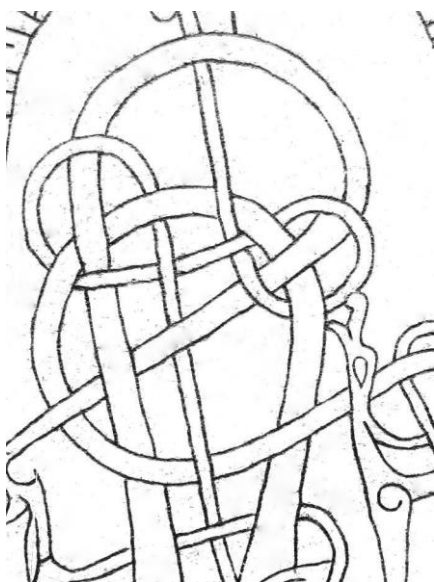
материалы по истории позднеимперской России  
том 09

Издательство Упыря Лихого  
2022

Наше издательство названо именем **Упыря Лихого** (Эпир Неробкий, Öpir Ofeigr), первого русского переписчика книг, имя которого мы знаем.

Соратник нормано-русских князей, священник, переписчик книг и рунорезец, Упырь Лихой своим примером напоминает нам о том, как важно без робости распространять знания и красоту среди варварства и тьмы.

---



орнамент на камне U-104 в Уппланде, созданном Упырем Лихим

---

## **Владимир Иосифович Гурко**

Черты и силуэты прошлого: правительство  
и общественность в царствование Николая II  
глазами современника

Вступительная статья Н.П.Соколова и А.Д.Степанского

Публикация Н.П.Соколова

Комментарии Н.П.Соколова и И.В.Ерохова

Издательство Упыря Лихого

2022

---

Настоящее издание повторяет одноименную книгу серии «Россия в мемуарах» (Новое литературное обозрение, 2000).

Комментарии Н.П.Соколова дополнены комментариями И.В.Ерохова (обозначены звездочкой \*).

Авторские комментарии даны общим списком с научными комментариями, но они обозначены особо, а их номера выделены жирным шрифтом.

## Оглавление

Н.П.Соколов, А.Д.Степанский. Записки государственного человека .....	4
От автора .....	26
Предисловие .....	29
Часть I. Последние спокойные годы дореформенного строя (1894—1902) .....	38
Глава 1. Первые годы царствования (1894-1902).....	39
Глава 2. Дореформенный Государственный совет .....	56
Глава 3. Министр финансов Сергей Юлиевич Витте .....	76
Глава 4. Министр земледелия и государственных имуществАлексейСергеевич Ермолов .....	119
Глава 5. Министр внутренних дел Иван ЛоггиновичГоремыкин .....	131
Глава 6. Министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин .....	146
Глава 7. Министр юстиции Николай Валерьянович Муравьев .....	158
Глава 8. Председатели департаментов и отдельные члены Государственного Совета .....	164
Глава 9. Столетний юбилей Государственного совета.....	189
Глава 10. Государственная канцелярия .....	192
Глава 11. Кодификационный отдел Государственной канцелярии .....	211
Часть II. Наша внутренняя политика за время управления Министерством внутренних дел В.К.Плеве .....	222
Глава 1. Министр внутренних дел Вячеслав	

Константинович Плеве (12 апреля 1902 г. - 15 июля 1904 г.) .....	223
Глава 2. Крестьянский вопрос .....	270
Глава 3. Некоторые из сотрудников В.К.Плеве по управлению министерством внутренних дел .....	370
Глава 4. Борьба Плеве с Витте .....	411
Глава 5. Борьба Плеве с общественностью.....	458
Часть III. Начало Русско-японской войны и попытка власти достичь примирения с общественностью .....	509
Глава 1. Что породило Русско-японскую войну.....	510
Глава 2. Попытки власти достигнуть примирения с общественностью .....	581
Глава 3. Положение крестьянского вопроса во время управления кн. Мирским Министерством внутренних дел .....	641
Глава 4. События последних дней управления кн. Мирским Министерством внутренних дел.....	673
Часть IV. Усиление натиска общественности на власть.....	696
Глава 1. Министерство внутренних дел А.Г.Булыгина (18 января - 17 октября 1905 г.) .....	697
Глава 2. Министерство графа С.Ю.Витте.....	782
Глава 3. Первое министерство И.Л.Горемыкина и Государственная дума первого созыва (23 апреля —9 июня 1906 г.) .....	910
Часть V. Усиление натиска общественности на власть.....	982
Глава 1. Министерство Столыпина. Вторая и Третья Государственные думы (9 июня 1906 г. - 11 сентября 1911 г.) .....	983
Глава 2. Министерство Коковцова и Четвертая государственная дума .....	1045

Часть VI. Годы мировой войны .....	1120
Глава 1. Первый период войны (лето 1914 - до весны 1915 г.).....	1121
Глава 2. Второй период войны (летние месяцы 1915 г.) .....	1148

## Н.П.Соколов, А.Д.Степанский. Записки государственного человека

...И когда уже назад в разрушенную, загрязненную, заплеванную, но все же бесконечно дорогую Родину?

*В.И. Гурко. Париж. 1924 г.*

...Отстаивал интересы крепостников-помещиков..

*Комментарий к Полному собранию сочинений В.И.  
Ленина*

Эта книга написана семьдесят лет назад, но перед отечественным читателем является, по существу, впервые. Английское издание, увидевшее свет в 1939 г.<sup>1</sup>, не вполне передает оригинал и дошло далеко не до каждого из советских спецхранов, так что даже историки пользовались им крайне редко. Неспециалистам же имя Владимира Иосифовича Гурко вообще мало что говорит. Между тем подробные аналитические воспоминания Гурко «Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II» должны по праву занять одно из первых мест в обширном корпусе мемуарной литературы, вышедшей из-под пера российских бюрократов. Интерес к свойствам и особенностям этой среды в последние десятилетия только усиливается, поскольку, по меткому замечанию одного исследователя, она «не только

1 Gurko V.I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford, 1939.

управляла, но в значительной степени и правила» Россией в конце XIX - начале XX века<sup>2</sup>.

Автор, проведший лучшие свои годы в Министерстве внутренних дел, достигший при П.А. Столыпине поста товарища министра, вполне осознает ограниченность своего опыта: «Я смотрел на события из окошка этого ведомства, смотрел, следовательно, несомненно односторонне и вовсе не намерен этого скрывать. Мои беглые заметки, представляющие краткую хронику времени, непосредственно предшествовавшего и сопутствовавшего встряске, испытанной Русским государством в царствование Николая II, хронику, иллюстрированную некоторыми личными воспоминаниями, если и имеют какую-либо цену в смысле сырого исторического материала, то лишь как освещение этих событий с точки зрения чиновника, в течение почти всей своей государственной службы убежденного, что Россия, русский народ не доросли еще до самоуправления, а ее интеллигентские слои представляли не творческие, а разрушительные элементы. Увы, со временем я убедился, что, с другой стороны, жизнь народа, предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного управления. Удержаться эта форма вообще не могла, так как перестала соответствовать психике интеллигентных слоев населения — этого, как ни на есть, основного фактора народной жизни. В этом, на мой взгляд, и заключалась в то время трагедия русской государственной власти».

Здесь точно охарактеризованы и жанр книги, и ее концепция, и позиция автора. Перед нами своего рода групповой портрет петербургской бюрократии рубежа веков. С этим

2 Lieven D.C.B. Russian Senior Officialdom under Nicholas II: Carees and Mentaities // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 32 (1984). P. 199.



связаны как сильные, так и слабые стороны воспоминаний (например, характерная периодизация их по эпохам правления министров внутренних дел и премьеров, которой автор придерживается даже тогда, когда его собственный материал не вмещается в эти границы). Сочинение Гурко — это не воспоминания в узком смысле слова. По существу, перед нами история последнего царствования, написанная активным и влиятельным участником событий, много знавшим и много передумавшим. Наряду с рассказом о некоторых конкретных обстоятельствах, часто более нигде не описанных, читатель найдет здесь множество портретов, мыслей и оценок, свидетельствующих о тонком уме и проницательности автора.

Биографические сведения о В.И.Гурко довольно скудны. Возможно, это является результатом его целенаправленных усилий. Гурко никогда не любил говорить о себе. Он, например, отказался предоставить материалы издателю справочника о членах Государственного совета, посетовавшему, что «несколько лиц или совершенно не имели своих портретов, или почему-либо дать их не пожелали»<sup>3</sup>. В записках В.И. Гурко прямо сформулировал принцип «неупоминания о самом себе»; безусловно, он имел некоторые основания в известные периоды своей жизни избегать публичности, поскольку судьба его складывалась отнюдь не просто.

Владимир Иосифович Гурко родился 30 ноября 1862 г.<sup>4</sup> Он происходил из рода, оставившего заметный след в военной истории России. Дед его в 1840-е гг. командовал Кавказской линией. Отец — фельдмаршал И.В.Гурко — был одним из главных авторов победы России в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Брат — Василий Иосифович — сделал блестящую

3 Левенсон М.Л. Государственный совет. 2-е изд. Пг., 1915, с. 1.

4 См.: РГВИА, ф.232, оп.1, ед.хр. 212, ч.2.

военную карьеру, достигнув во время Первой мировой войны поста командующего Западным фронтом и начальника Генерального штаба.

Владимир Гурко не пошел традиционной для семьи военной стезей и по окончании в 1885 г. Московского университета избрал гражданскую службу. Начал он ее в должности комиссара по крестьянским делам Гродецкого и Радиминского уездов Варшавской губернии. Энергично принявшись за дело, молодой, честолюбивый и хорошо образованный чиновник усердно вникал в суть аграрного вопроса и вскоре сделался настоящим экспертом. Уже в 1887 г. он публикует экономические очерки «Дворянское землевладение в связи с местной реформой, обратившие на себя внимание специалистов. Продвижение по служебной лестнице совершалось быстро и без помех, Гурко становится членом варшавского губернского присутствия по крестьянским делам, а затем исполняет должность варшавского вице-губернатора.

С 1895 г. начинается новый виток его карьеры, Гурко переезжает в Петербург и в апреле поступает на службу в Государственную канцелярию — учреждение, занимавшееся подготовкой законопроектов для Государственного совета. В 1898 г. он уже помощник статс-секретаря департамента экономики. Эту школу прошло немало государственных мужей старой России, для многих Государственная канцелярия служила трамплином к высотам власти. Гурко не был исключением. В 1902 г. новый министр внутренних дел В.К.Плеве предоставил ему пост начальника земского отдела, ведавшего общественным управлением и поземельным устройством всех разрядов крестьян.

К этому времени взгляды Гурко на крестьянский вопрос вполне сформировались и были изложены в экономических траттах «Очерки Привислянья» (М., 1897) и «Устои народного хозяйства России» (СПб., 1902). В дальнейшем Гурко подробно развил их в публикациях, получивших широкую известность,

— брошюре «Отрывочные мысли по аграрному вопросу» (СПб., 1906) и нашумевшем докладе «Наше государственное и народное хозяйство» (СПб., 1909) на V съезде уполномоченных объединенных дворянских обществ. Обычно позицию Гурко трактуют как прагматичную защиту исключительно дворянских интересов, что, на первый взгляд, естественно для члена Совета объединенных дворянских обществ. Однако это не совсем верно.

Гурко правильнее всего охарактеризовать как «государственника. С его точки зрения все сословные и классовые интересы должны быть подчинены общей задаче — обеспечению мощи и процветания России в целом. Отталкивается Гурко в своих рассуждениях от наблюдений над «иностранческой окраиной» империи, где ему довелось начать служебную карьеру, заставляющих задумываться над проблемами, как ныне бы выразились, геополитического порядка. Уже в 1897 г. он указывает на ошибочность дальневосточной экспансии, в результате которой Россия рискует «не только потерять плоды всей многовековой борьбы с Польшей и Турцией, но еще и впредь обречь себя на роль чернорабочего Европы, с ломом и киркой прокладывающего ей путь на Восток»<sup>5</sup>. Россия, по мнению Гурко, уже утрачивает позиции в Европе: «...в то время как русский крестьянин ежегодно десятками тысяч переселяется в далекие тундры Сибири, — замечает он, — наши западные окраины <...> наводняются немецким пришельцем, мирно, но стойко и неуклонно отодвигающим наши этнографические границы к востоку»<sup>6</sup>.

Основой могущества страны может быть только высокопроизводительное хозяйство. Между тем Россия начинает

5 Гурко В.И. Очерки Привислянъя. М., 1897, с. 2.

6 Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. СПб., 1902, с. 56.

проигрывать в этом всемирном соревновании, она и до революции 1905 г. «занимала последнее место среди других мировых держав», а после революции «ее экономическое положение проявляет грозные признаки ухудшения: количество многих производимых страной ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят все в большее расстройство»<sup>7</sup>. Источник слабости — в низкой культуре земледелия, не позволяющей развить все производительные силы нации и поставить ее вровень с европейскими соседями, которые «на таком земельном пространстве и при таких климатических условиях, при наличности которых мы не в состоянии добыть от природы необходимое для удовлетворения наших ограниченных нужд, <...> извлекают достаточное количество ценностей для удовлетворения своих развившихся потребностей»<sup>8</sup>.

Ни один из существующих типов земледельческого хозяйства, по мысли Гурко, не может служить базой для подъема экономики. Мощная финансовая поддержка, оказанная дворянству, не пошла ему впрок, «потребности минуты <...> заслоняли выгоды будущего и в громадном большинстве случаев всецело поглощали... предоставленные им для поднятия хозяйства денежные средства»<sup>9</sup>. Мелкое крестьянское хозяйство не может выступить в такой роли ввиду низкой производительности и культуры земледелия. Тем самым «жизнь настоятельно требовала не поддержания сельского хозяина, а поддержания и развития самого сельскохозяйственного промысла»<sup>10</sup>. Крестьянство нуждается помимо земельной соб-

7 Гурко В.И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909, с.1.

8 Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. СПб., 1902, с. 56.

9 Гурко В.И. Там же, с. VI.

10 Гурко В.И. Там же, с. VII.

ственности еще в соседстве дворянской усадьбы, которая должна объединить «русскую культуру с русской народной стихией»; на поместном дворянстве, по представлению Гурко, «держалась вся земская работа, работа, направленная на пользу народных масс»<sup>11</sup>. Здесь центральная для понимания дальнейшей деятельности Гурко мысль о том, что ни крупные латифундии, владельцы которых не заинтересованы в интенсификации хозяйства, ни крестьянский двор в его современном виде не могут быть основой будущего процветания России. Гурко видится, пожалуй, тот тип капиталистического хозяйства, который теперь назвали бы крупным фермерством. «Лишь владельцы имений средней величины с такою доходностью, которая удовлетворяет современным потребностям интеллигентной семьи в деревенской обстановке, могут и имеют все к тому побуждения повысить технику сельскохозяйственного промысла, да и вообще культурный уровень местной жизни. <...> Как интересы государства, так и интересы деревни в равной степени говорят за всемерное содействие образованию владений средней величины из крупных поместий и за прекращение дальнейшего дробления владельческих земель на мелкие участки с переходом их в крестьянские руки»<sup>12</sup>.

Вторым путем формирования хозяйств такого рода мыслится выделение из общины крепких крестьян, а потому Гурко прилагает значительные усилия для разработки программ ликвидации крестьянской общины и создания крестьянского землевладения на правах частной собственности. Избыточное же сельское население должно найти себе занятия в городской промышленности, как указывает пример Англии, Франции и Германии. То есть путь, предлагаемый Гурко, есть чисто

11 Гурко В.И. Доклад о земле // Возрождение. 1926. 10 апреля.

12 Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. СПб., 1902, с. 61.

либеральный путь капиталистического развития по западно-европейскому образцу.

Следует подчеркнуть, что знакомство с земледелием у Гурко не было кабинетным, а его позиция в аграрном вопросе не была результатом теоретических спекуляций — в родовом имении он вел обширное интенсивное хозяйство. В основании программы Гурко, выросшей из этого опыта, лежала мысль о необходимости интенсификации сельского хозяйства; простая же передача крестьянству помещичьих земель не увеличит благосостояния крестьянства и разрушит последние очаги эффективного производства в деревне. Политика государства должна облегчать выход из общины и формирование класса средних земельных собственников при недопущении всех видов «социализации», «национализации» и «принудительного отчуждения частновладельческих земель». На принципиальном значении именно частной собственности Гурко настаивает особо, это краеугольный камень его взглядов. «До сих пор все государства мира признавали землю предметом частной собственности, — утверждает он с трибуны Государственной думы, обращаясь к левым и правым «социалистам» (по его терминологии). — Именно на этой основе развилась и окрепла та сельскохозяйственная культура, которая обеспечила государствам Западной Европы их общее развитие, их экономическое процветание»<sup>13</sup>.

Получив в 1902 г. с назначением на должность управляющего земским отделом Министерства внутренних дел значительный простор для действий в этом направлении, Гурко повел дело к созданию на месте крестьянской общины крепких

13 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. СПб., 1906. Т. 1, с. 19.

крестьянских хозяйств на основе личной собственности. В июне 1902 г. при министерстве была образована редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах, материалы для этой комиссии готовили сотрудники земского отдела во главе с Гурко<sup>14</sup>. Первыми шагами к ликвидации общины представлялись Гурко уничтожение круговой поруки и отмена выкупных платежей. В этом смысле и был им составлен аграрный раздел манифеста 26 февраля 1903 г., предусматривавшего облегчение выхода крестьян из общины<sup>15</sup>. По авторитетному выводу Ю.Б. Соловьева, «более чем кто-либо другой, он подготовил переход к тому, что стало потом называться столыпинской аграрной реформой»<sup>16</sup>. В.Н.Коковцов даже полагал, что Столыпин пришел к идее реформы только по приезду в Петербург подпав под влияние «такого страстного человека, каким был В.И.Гурко, давно уже остановившийся на необходимости бороться с общинным землепользованием и не раз пытавшийся влиять в этом смысле и на Горемыкина»<sup>17</sup>. Однако замышлявшаяся Гурко реформа так бы и откладывалась бесконечно в долгий ящик министерским согласованиями и царской нерешительностью, если бы не разразившаяся революция. Для Гурко настал звездный час. Вершиной его политической карьеры становится 1906 год, когда ему, только что назначенному на пост товарища министра внутренних дел, было поручено отвечать от имени правительства на вызывающий адрес Первой Государственной думы. В блестящей речи

14 См.: Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984, с. 62.

15 См.: Отрывки из воспоминаний Д.Н. Любимова // Исторический архив. 1962. № 6.

16 Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство, 1907-1914. Л., 1990, с. 87.

17 Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903-1919. Париж, 1933, т.1, с. 255.

Гурко по существу обосновывал давно им выношенную либеральную перспективу решения аграрного вопроса. Выступление Гурко в Думе 19 мая 1906 г. имело двоякий эффект. Оно звучало настолько весомо, что заслужило ему широкую поддержку в умеренных кругах (от консерватора сенатора Г.В.Глинки до П.Б.Струве). Его также высоко оценили наблюдатели крайне левой политической ориентации, хотя эта оценка и получила своеобразное выражение. Гурко сделался для экстремистского крыла Думы едва ли не самым опасным парламентским противником, с которым не грех разделаться любой ценой. По свидетельству В.Г.Тана, крестьянские депутаты, примкнувшие к левым партиям, требовали, во-первых, земли, а во-вторых, «чтоб Гурки не было»<sup>18</sup>.

Вместе с тем эта же речь, обнаружившая у Гурко задатки недюжинного парламентского бойца, по существу — готового премьера, вызвала ревность П.А.Столыпина, который поспешил под первым удобным предлогом отделаться от слишком яркого и самостоятельного «товарища». Гурко в результате скандала, связанного с нашумевшим «делом Лидваля», был обвинен в махинациях с поставками продовольствия для голодающих и принужден оставить министерство.

Суть этого не до конца проясненного эпизода заключается в следующем. В период голода 1905—1906 гг. в руках Гурко сосредотачивается руководство всеми продовольственными операциями, в том числе и заключение контрактов на казенные поставки хлеба в пострадавшие местности. В 1906 г. он заключает со шведским подданным Леонардом Лидвалем договор о поставке последним 10 миллионов пудов хлеба в голодающие местности, Лидвалю был выдан задаток в 800 тысяч рублей, но контракт оказался исполненным только в

18 Тан В.Г. Вторая Дума // Русское богатство. 1907. №2, с. 122.



незначительной части, не покрывшей даже аванса. Гурко был привлечен к суду Особого присутствия Сената по обвинению «в превышении власти и нерадении в отправлении должности». Однако он вел себя в высшей степени странно для уличенного мошенника. Уже будучи под судом, он вызвал на дуэль Ф.И.Родичева, который по своему обыкновению ради красного словца чрезвычайно резко отозвался в Думе о его действиях в продовольственном деле. Стреляться Родичев отказался. По завершении процесса Гурко начал судебное дело против редактора газеты «Русь» М.М.Крамалея и журналиста С.А.Изнара, обвинивших его в намеренном расхищении казенных сумм. Суд признал газетчиков клеветниками и приговорил их к трехмесячному тюремному заключению<sup>19</sup>. Тем не менее левая, черносотенная и просто желтая принялась травить Гурко, уж больно удобный подвернулся случай для раздувания сенсации и дискредитации правительства. Следует иметь в виду, что «дело Гурко-Лидваля» «раскручивалось» в разгар выборов во Вторую Государственную думу.

Причина провала продовольственных поставок в высшей степени характерна и хорошо обрисовывает образ Гурко. Фирма шведского подданного Лидваля только год занималась хлебуной торговлей и была мало известна на хлебном рынке. На этом и был построен расчет. Лидваль принимал на себя обязательство поставить огромное количество зерна для пострадавших губерний по сравнительно низкой цене (83 коп. за пуд; отечественные поставщики брались продать по 96 коп.) при непременно условии монопольного исполнения всего контракта своей фирмой. Как объяснил сам Лидваль корреспонденту «Нового времени», он «рассчитывал применить чисто американский прием». Если бы одновременно постав-

19 См.: Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914, т.15, стб. 298.

ками в казну занималось несколько поставщиков, пояснял Лидваль, «то это породило бы конкуренцию и цена на хлеб была бы поднята, но раз покупает один, а собственники зерна имеют нужду в продаже его, то естественно, что выжиданием можно было бы заставить собственников зерна понизить цену до последней степени»<sup>20</sup>. Поэтому для успеха плана особенно большое значение приобретала тайна сделки, чтобы продавцы не узнали, что Лидваль осуществляет казенную закупку и с наступлением срока поставки будет вынужден заплатить любые деньги, и не стали выжидать в свою очередь. Когда пресса подняла шум вокруг казенных поставок, план оказался сорванным. Злоупотребления со стороны Гурко и злого умысла во всей этой истории, разумеется, не было, был риск, значительный, но разумный, суливший в случае успеха огромную экономию казенных средств и понижение хлебных цен, к чему стремился Гурко. Как пояснял он в своих показаниях следственной комиссии, перед ним открывались два пути: «один, обеспечивающий для меня лично полное спокойствие и безответственность, но неизбежно сопряженный со значительными лишними расходами для казны, а следовательно, и для населения. <...> Но был и другой путь. Отрешившись от мысли о соблюдении внешних формальностей, не отсутывая перед ответственностью, которая при этом ложилась на меня лично, - вести все дело коммерческим путем, всемерно стремясь сохранить казне и населению те деньги, которые при ином способе действий были бы несомненно непроизводительно перерасходованы»<sup>21</sup>.

Неожиданный провал остроумно задуманной комбинации наводит на мысль, что в этом направлении предпринимались целенаправленные усилия. Прежде всего трудно поверить, что

20 Новое время. 1906. 4 ноября.

21 Там же. 1907. 7 января.

и отметил со свойственным ему ехидством С.Ю.Витте, будто сам Столыпин совершенно не был в курсе дела, однако он «совсем от него отстранился, т.е. сделал так, как будто бы все это ему было совершенно неизвестно и этим распоряжался один Гурко»<sup>22</sup>. Но министр не просто устранился. У непредубежденного наблюдателя невольно зарождаются подозрения, что вся мощь Министерства внутренних дел была обрушена на Гурко с целью дискредитировать его: сведения агентуры о недобросовестных поставках Лидваля поступают в министерство точно через день после отъезда Гурко в отпуск<sup>23</sup>; тут же, как по команде, московская полиция начинает преследование Лидваля за нарушения правил прописки паспортов, наконец, участники финального судебного заседания сенатского присутствия свидетельствуют об оказании на судей давления (смотри письмо Н.И.Гучкова на с. 598—599). За всем этим ощущается организующая рука министра.

Но помимо этой весьма вероятной личной интриги председателя Совета министров есть более общая закономерность в изгнании Гурко из правительственных кругов. Кажется, ближе всех к истине подошел Ю.Б.Соловьев, видевший в отстранении Гурко, которого он наряду с Витте и Кривошеиным причисляет к «государственным деятелям» (в отличие от «бюрократов»), свидетельство его чужеродности в бюрократической среде. «Его падение закономерно обуславливалось и его неполным соответствием правилам неписаного бюрократического устава, запрещающего, в частности, брать на себя малейший риск, хотя бы на йоту большую ответственность, чем следовало, полностью пренебрегая всеми остальными соображениями и пользами. Бюрократ не мог попасть впросак так, как он»<sup>24</sup>.

22 Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3., с. 399.

23 ГАРФ. Ф. 102 ДП. 2-е делопроизводство. 1907. Д. 7., ч. 47, л. 14.

24 Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 87.

Суд приговорил Гурко к отстранению от должности за превышение власти и неосторожность. В корыстные мотивы действий Гурко не верили даже его политические противники<sup>25</sup>. Блестяще начатая административная карьера оборвалась. Гурко тем не менее не падает духом и начинает с нуля новую карьеру — общественного деятеля. В 1909 г., то есть еще до окончания трехлетнего срока, в течение которого отрешенный от должности по суду не имел права занимать общественные должности, Гурко избирается гласным тверского губернского земства. Активно сотрудничает он и в Совете объединенных дворянских обществ, где в 1909 г. исполняет обязанности управляющего делами. В 1912 г. он возвращается на российский политический Олимп в качестве члена Государственного совета по выборам от тверского земства. В Совете Гурко возглавил умеренно либеральную «беспартийную группу», а летом 1915 г. стал одним из основных авторов программы «Прогрессивного блока».

Гурко сторонился обоих полюсов российского политического мира. Он безусловно чужд всем левым движениям, поскольку не верит в спасительность и даже возможность немедленного осуществления в России демократических начал. «Сторонники конституционного образа правления должны бы наконец понять, — убеждает он. — что и самая конституция может быть осуществлена только при наличии многочисленного зажиточного, вполне независимого класса населения. Ограничить силу может только сила. Толпа, конечно, тоже сила, но сила дикая, неорганизованная, и поэтому она может расшатать власть, низвергнуть ее, но прочно взять ее в свои руки она не в состоянии. В стране нищих не только не

25 Как, например, П.Б.Струве. См.: Fisher H.H. Editor`s preface // Gurko V.I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford, 1939.

может установиться конституции, но даже не может удержаться самодержавный строй... В стране нищих может водвориться только деспотия, безразлично, византийского ли типа деспот, опирающийся на преторьянскую гвардию, или народоправство худшего пошиба, фактически выражающееся в деспотическом господстве сменяющейся кучки властителей наверху и множества бессменных мелких властей полицейского типа — внизу»<sup>26</sup>.

Но и для консерваторов Гурко — не совсем свой. А.В. Богданович, скрупулезно фиксируя в дневнике все настроения правых кругов, зарегистрировала ходячее убеждение, что Гурко «продаст Россию в аграрном вопросе», что он опасный либерал и «ярый поклонник земства», хотя и пригодится на время, поскольку «нахал» и умеет разговаривать с Думой<sup>27</sup>. В декабре 1916 г. Гурко спровоцировал характерный скандал в заключительном заседании VI съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ, громогласно заявив по поводу принятой съездом резолюции, где усиленно подчеркивалась неограниченность царской власти, что самодержавия в России нет уже десять лет и дворянству пора бы с этим считаться<sup>28</sup>.

Эти и иные факты позволяют утверждать, что Гурко во всех коллизиях предреволюционной России выступает прежде всего как практик, привыкший «работать в условиях, дающих

26 Гурко В.И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909, с.29.

27 Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. М., Л., 1924, с. 291, 380.

28 См.: ГАРФ, ф. 434, оп. 1, ед.хр. 52, л. 109.

возможность претворять слова в дела»<sup>29</sup> и не имеющий склонности жертвовать полезным результатом ради чистоты теории или идеологического фетиша. Расстановка политических сил была неблагоприятна для деятелей такого склада, и особенно для Гурко — либерала классического типа, которому одинаково претили и убогий консерватизм — «тащить и не пущать» — записных патриотов, и заигрывания кадетов с социалистами.

Революция и последовавшая за ней Гражданская война привели к полному краху этого типа либерализма в России. Прагматик Гурко оказался не ко двору ни в одном из противоборствующих лагерей, на которые расколосось русское общество. Центр общественного спектра, и до революции представлявшийся зыбким, в кризисной ситуации стремительно испарился. Все усилия Гурко в этот период «общего маразма, охватившего не только культурные слои населения, но даже и массу»<sup>30</sup> как раз и были направлены на консолидацию либерального центра. Весной 1917 г. он принимает активное участие в создании «Союза земельных собственников», пытается реализовать свою давнюю мечту о солидарной работе крепкого крестьянина и дворянина-помещика, а в октябре был избран его представителем во Временном совете Российской республики (Предпарламенте). В марте 1918 г. Гурко оказывается, наряду с П.И.Новгородцевым и А.В. Кривошеиным, в числе инициаторов и главных действующих лиц «Правого центра» — первой организации, стремившейся объединить и координировать все антибольшевистские силы от кадетов до

29 Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу, 1917-1918 // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15., с. 50.

30 Там же, с. 41.

«Союза земельных собственников»<sup>31</sup>. В качестве представителя «Правого центра» Гурко отправляется на поиски союзника сначала, в июне 1918 г. к Юденичу, а в начале сентября — в Добровольческую армию. Выбор Гурко для этой миссии определялся тем, что он был «единственным посредником между правым центром и наиболее видными и влиятельными представителями офицерства, вступившего в Красную Армию с целью борьбы с большевизмом»<sup>32</sup>.

В Киеве Гурко входит в контакт с «Советом национального объединения России» и безуспешно пытается навести мосты между атаманом Войска Донского, придерживающимся германской ориентации, и Добровольческой армией, хранящей верность союзникам. И вновь прагматичный «цинизм» Гурко столкнулся с идеологической зашоренностью, мешавшей воспринимать союз с украинскими сепаратистами, донскими властями и немцами, хозяйничающими в Киеве, как чисто тактическую меру, чтобы «воспользоваться уже несомненно приближавшимся к концу пребыванием германских войск в пределах России и при их помощи создать мощную военную русскую силу, хотя бы в смысле имеющегося у нее вооружения за счет того военного материала, который Юг России еще заключал и который при иных условиях неизбежно должен был попасть в руки большевиков»<sup>33</sup>. Позднее Гурко участвует в Ясском совещании уполномоченных от антибольшевистских общественных организаций с представителями Антанты, составляет совместно с П.Н. Милюковым текст обращения к союзным правительствам и развивает в совещании идею о «мировой опасности большевизма», угрожающей и развитым

31 См.: Голиков Д.Л, Крушение антисоветского подполья в СССР, 1917—1925. М., 1975, с. 116—117.

32 Гурко В.И. Из Петрограда... С. 35.

33 Там же, с. 41.

странам — победительницам<sup>34</sup>. На этом же совещании он был включен в состав делегации, которая должна была представлять интересы антибольшевистских сил перед союзными правительствами. С этой делегацией Гурко совершает абсолютно безрезультатное паломничество в Париж и Лондон. Оттуда он «поспешил направиться в обратный путь на Юг России, в Одессу, где еще кое-как держалась русская государственная власть»<sup>35</sup>, и здесь наблюдает ее окончательную деградацию и агонию.

Затем последовало бегство в Турцию и длительные мытарства по Европе. Осев, наконец, в Париже, Гурко до последних дней своей жизни пытается организовать умеренный «правый центр», выступая энергичным членом «парламентской группы».

В 1920 г. он оказывается в числе инициаторов создания Союза сельских хозяев в Париже. В 1926 г. входит в возглавляемый П.Б.Струве оргкомитет и принимает деятельное участие в подготовке и проведении Зарубежного съезда, долженствовавшего объединить всю русскую эмиграцию. На съезде он делает «Доклад о земле», легший в основу аграрной резолюции. Вновь прагматик Гурко вызвал яростные нападки идеологов, предложив признать все земельные захваты, «предать забвению все имущественные преступления, совершенные в России в период революции» и непременно «закрепить земли в собственности», что только и позволит восстановить «земский мир»<sup>36</sup>.

34 Савич Н.В. Из Красного Петрограда на Белый Юг: Воспоминания депутата Государственной думы // Русское прошлое: Исторический альманах. СПб., 1992. Кн. 3, с. 306—309.

35 Гурко В.И. Из Петрограда... С. 74.

36 Возрождение. 1926. 10 апреля. С. 3.



В.И.Гурко скончался в Париже 18 февраля 1927 г. Государственный деятель, которого по энергии и интеллектуальному потенциалу ставили вровень с М.М.Сперанским и Д.А.Милютиным, ушел из жизни, оказавшись практически невостребованным Россией начала века.

Забвение постигло и сочинения Гурко. Спокойный тон, отсутствие откровенной «партийности» делали его работы непригодными ни для правой, ни для левой «мельницы», И потому они оказались прочно и незаслуженно забыты, а вернее, «вытеснены» (пользуясь фрейдистским термином) из российского общественного сознания. Между тем Гурко не только недюжинный аналитик, но и превосходный портретист. Возможно, сказались наследственность и семейная традиция — бабка Гурко по материнской линии графиня Салиас де Турнемир (урожденная Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина) была в свое время широко известной писательницей, выступавшей под псевдонимом Евгения Тур на страницах «Современника» и «Русского вестника». Перу Гурко принадлежит, в частности, одна из лучших политических биографий последней императорской четы «Царь и царица» (Париж, 1927).

Рецензенты отмечали, что Гурко в ней удалось с честью справиться с трудной задачей, обнаружив «много психологического чутья и отличное понимание механизма, управляющего людскими поступками. Книга его — прежде всего книга умного человека»<sup>37</sup>. Эта работа Гурко недавно была переиздана в России.

Воспоминания Гурко, позволяющие судить об общих закономерностях формирования аппаратной политики старой России, совершенно уникальные в отечественной мемуарной

37 Звено. 1927. № 6, с. 374.

традиции, до сих пор были известны только в английском переводе, для которого текст их был перекомпонован и несколько сокращен. В тех случаях, когда редакторы не могли разобрать фамилии упоминаемых лиц, они использовали описательные обороты<sup>38</sup>, обширные подстрочные комментарии Гурко иногда вносились в основной текст, но иногда и опускались вовсе.

История текста известна нам крайне фрагментарно. Работать над мемуарами Гурко начал, по всей видимости, сразу после переезда в Париж в 1920 г. Уже в 1922 г. он публикует большой очерк «Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа С.Ю.Витте»»<sup>39</sup>, некоторые пассажи которого буквально совпадают с текстом воспоминаний Гурко. В 1924 г. воспоминания Гурко о периоде революции и Гражданской войны публикуются в «Архиве русской революции» И.В.Гессена. Следует предполагать, что эта работа продолжалась до самой смерти Гурко и не была закончена, последние части воспоминаний (V и VI) явно отмечены печатью незавершенности и, по всей видимости, не прошли окончательной авторской правки.

Несмотря на то что Гурко провел последние годы жизни во Франции, все наши обращения во французские хранилища не дали результата — местонахождение рукописи русского оригинала воспоминаний установить не удалось. Текст настоящего издания воспроизводится по машинописной копии, хранящейся в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США).

38 Так, например, неразобранная в оригинале фамилия А.Н. Никитина была заменена характеристикой «представитель Петербургской городской думы».

39 См.: Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2, с. 59-153.

Машинопись включает более 700 листов, отпечатанных с обеих сторон по правилам дореформенной орфографии. Первые три части имеют рукописную правку, предположительно рукой самого Гурко, части 4—6 лишены такой правки, можно заключить, что они печатались с рукописи уже после смерти Гурко. Некоторые характерные ошибки (пунктуация в русском тексте по правилам английского синтаксиса: ошибки в согласовании членов предложения; передача «θ», выступающей в качестве инициала, как «O» и т.п.) заставляют думать, что, хотя переписчик безусловно очень хорошо владел русским языком, он не был для него родным. Такого рода погрешности, если текст допускает однозначное толкование, исправляются в настоящем издании без специальных оговорок. Гурко в годы революции лишился архива, о чем весьма сожалел, и писал по памяти, освежая ее публиковавшимися в то время материалами, за появлением которых внимательно следил. Тем не менее в тексте имеется некоторое число ошибочных датировок известных событий, которые в таких случаях также исправляются без специальных оговорок.

Воспоминания печатаются в соответствии с современной орфографией. Текст воспроизводится полностью, все отточия принадлежат автору. При подготовке текста было унифицировано написание ряда слов (например, «с.р-ы» и «эсеры») и в некоторых случаях устранены сложные инверсии, затрудняющие восприятие длинных периодов. Утраченные слова и части слов восстановлены по смыслу.

Недостающие в машинописной копии три страницы (две в части I и одна в части VI) даны в обратном переводе с английского, эти места отмечены специальными сносками.

Составители пользуются случаем, чтобы выразить свою глубокую признательность Владимиру Агафонову, Александру Бобосову и Питеру Позефски, чье бескорыстное содействие позволило существенно сократить сроки подготовки текста.

Н.П. Соколов, А.Д. Степанский

## От автора

Двух станов не борец, а только гость случайный,  
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,  
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,  
Я знамени врага отстаивал бы честь.

И. Толстой

Старая Россия стремительно отошла в прошлое. Какой будет новая Россия, мы не знаем, но одно неоспоримо — между старой и еще не народившейся новой Россией события прорыли пропасть. Совсем еще недавние по времени годы настолько от нас отодвинулись, что их можно рассматривать почти в исторической перспективе *sine ira et studio*<sup>40</sup>. С другой стороны, живых свидетелей недавнего прошлого, имевших возможность сколько-нибудь близко наблюдать за работой государственного аппарата и принимавших личное участие в политической жизни страны, становится с каждым днем все меньше, а у остающихся пережитые ими чрезвычайные события и новые условия жизни все больше застилают вчерашний день. Ускользает из памяти внутренний распорядок, принятый в наших государственных и общественных учреждениях, и те их бытовые особенности, которые письменных следов не оставили, а для будущих историков последних лет существования России самодержавного строя представляют некоторую ценность.

Одновременно сглаживаются в памяти и личные особенности наших государственных и общественных деятелей. Воссоздать их облики по письменным документам, относящимся к их деятельности, будет со временем тем затруднительнее, что многие государственные архивы уничтожены, а частные, содержание коих в особенности способствует опреде-

лению свойств отдельных лиц, в значительной части расхищены. Но и эти особенности имеют свое значение для восстановления во всей ее полноте эпохи царствования Николая II.

Настоящий труд составляет попытку запечатлеть на письме основные черты русского политического прошлого и отметить главные течения общественной и бюрократической мысли дореволюционной России и набросать силуэты игравших ту или иную роль правительственных и общественных деятелей.

Труд не имеет, разумется, притязания дать исчерпывающую картину дореволюционной России. Автор, наоборот, вполне сознает все присущие ему немаловажные недостатки и прежде всего несоразмерность отдельных его частей. Но таково неизбежное свойство описания исторических событий современниками. Одни из этих событий ему ближе известны и в большей степени захватывали его внимание, другие, наоборот, ему менее известны. Естественно, что при таких условиях современник при последовательном изложении всех хотя бы только важнейших событий описываемой им эпохи одним уделяет большее внимание и излагает их с большей подробностью, а других касается лишь в общих чертах, причем силою вещей останавливается преимущественно на тех, в которых он принимал посильное личное участие. Автору настоящего труда было тем труднее избежать этого недостатка, что в его распоряжении вследствие жизни в изгнании было ограниченное число материалов и печатных источников.

Силою вещей автор вынужден был черпать сообщенные им сведения преимущественно из своей памяти, стремясь проверить их точность путем бесед с лицами, имевшими близкое касательство к описываемым им событиям и обстоятельствам.

Автор не сомневается, что, невзирая на все приложенные им старания к тщательной проверке всего фактического материала, заключающегося в его труде, тем не менее в него

могли вкрасться некоторые фактические ошибки. Но вот преимущество опубликования во всеобщее сведение субъективного описания событий еще при жизни хотя и поредевших, но все же в достаточной степени многочисленных современников и участников этих событий и характеризуемых им лиц. Ошибки, допущенные им, могут быть этими лицами указаны и исправлены.

Автор не сомневается и в том, что на него посыпятся нарекания за откровенное, ничем не прикрашенное выражение своего мнения не только о деятельности, но даже и о личных особенностях некоторых лиц здравствующих и с которыми он лично знаком и доселе порой находится в непосредственном соприкосновении.

Автор почитает себя вправе утверждать, что в характеристике, данной им, тех двух сил — бюрократии и общественности, — которые он пытался изобразить в своем труде, он не только всемерно стремился быть, насколько это людям вообще дано, объективным, но что это не составляло для него труда. Прослужив в течение более двадцати лет в рядах бюрократии, он волею судеб был перекинут в ряды общественности, в работе которой в мере своих сил и разумения принимал с тех пор постоянное участие. Таким образом, автор имел возможность близко ознакомиться как с правительственной, так и с общественной средой и на практике убедиться, что обе стороны имели свои несомненные достоинства и свои бесспорные недостатки.

В заключение автор считает себя вправе с чистой совестью сказать, что он неизменно руководствовался правилом: *Amicus Plato, sed magis amica veritas*<sup>41</sup>.

41 Платон мне друг, но истина дороже (лат.)

## Предисловие

Царствование императора Николая II юридически делится на две части, а именно на время существования России самодержавного строя (1894—1906) и время установления строя конституционного (1906—1917). Однако по существу царствование это делится на четыре различных по их основным особенностям периода. Одни из них как бы олицетворяются теми государственными деятелями, которые на их протяжении обладали наибольшим влиянием и властью и проявляли наибольшую действенность, а другие характеризуются господствовавшими в данное время общественными силами и течениями.

В продолжение первого периода — примерно от воцарения (1894 г.) до весны 1902 г. — молодой государь, сознавая свою неопытность в государственных делах, предоставил почти полную самостоятельность своим министрам, большинство которых занимало свои посты еще в царствование Александра III. Среди этих министров главенствующее положение почти тотчас занял пылкий, охваченный жаждой непрерывной творческой деятельности министр финансов С.Ю.Витте. Ему Николай II оказывает в это время полное доверие и всецело поддерживает во всех его экономических и финансовых начинаниях. В результате в государственной политике господствуют вопросы хозяйственные. Развивается ускоренным темпом промышленность, оживляется торговля, как внутренняя, так и внешняя, укрепляются государственные финансы. Государственные бюджеты завершаются значительным превышением поступлений над расходами и при этом непрерывно растут. Накапливаются частные капиталы. Образуется влиятельный и мощный своим богатством торгово-промышленный слой, исполняющийся по мере увеличения своего богатства стремлением к почестям и власти. Нарождается класс рабочего пролетариата. Однако сельские народные массы не только не богатеют, а даже местами беднеют. Обусловливается это преимущественно тем пренебрежением, в



котором находится земледелие и вообще все отрасли сельского хозяйства. Хлебные цены неудержимо падают, отчасти по причинам мировым, но отчасти и по причинам внутренним — неустроенности хлебной торговли и бедности производителя зерна, вынужденного выбрасывать его на рынок при всякой существующей на него цене. От падения цен на хлеб крестьянство страдало не менее, чем землевладельческий класс.

В последние годы этого периода, в общем спокойного, не отмеченного никакими серьезными нарушениями земского мира, среди общественности начинают просыпаться политические страсти. Выражается это пробуждение преимущественно студенческими волнениями, принявшими к концу века почти хронический характер. Кончается этот период рядом направленных против носителей власти террористических актов. Падает от руки убийцы министр народного просвещения Боголепов, а вскоре после него министр внутренних дел Сипягин. Убийства эти не только не вызывают негодования в широких слоях общества, а, наоборот, встречаются молчаливым сочувствием. Оппозиционная печать, поскольку это позволяют цензурные условия, стремится доказать, что акты эти являются естественным и даже неизбежным последствием существующего в стране политического строя.

Убийство Сипягина и последовавшее вслед за ним (апрель 1902 г.) назначение руководителем внутренней политики В.К.Плеве составляли ту грань, которая отделяет первый, относительно спокойный период царствования от второго, весьма бурного, распадающегося на две, хотя и однородные по существу, но почти противоположные во внешности, части. Первая часть заполнена борьбой власти с просыпающейся общественностью. Плеве при искреннем желании: принести пользу государству, при стремлении провести реформы, направленные к улучшению деятельности управительного аппарата и укреплению положения крестьянства, фактически ограничивается своеобразной борьбой с общественностью.

Отличительной чертой этой борьбы является смешение правительством всех оппозиционных элементов воедино. Лица, высказывающие умеренные конституционные вожеления, преследуются почти в одинаковой степени как подлинно революционные силы. Проявляется необыкновенная придирчивость ко всем и вся, без принятия, однако, решительных мер общего свойства. Отсюда повсеместное и общее раздражение самых разнообразных слоев общественности без их обессиления. Словом, если первый период царствования и прошел под знаком Витте, то начальная половина второго периода прошла под знаком Плеве, а закончилась она его убийством.

Сменивший Плеве на посту министра внутренних дел кн. Святополк-Мирский стремился примирить оппозиционную общественность с властью и отколоть ее от элементов революционных. Он провозглашает эру доверия к общественности, возбуждение которой, однако, не только не улегается, а, наоборот, под влиянием тяжких неудач, испытанных на театре разыгравшейся в то время несчастной войны с Японией, захватывает все более широкие общественные круги и выражается все громче, все ярче.

Общественность из стороны обороняющейся, какой она фактически была при управлении Плеве, превращается в сторону нападающую и определенно все с большей энергией и дерзостью, состоя при этом нередко в духовном, а порой и фактическом единении с элементами революционными, штурмует власть. В борьбу эту втягиваются и народные массы, в особенности руководимые социалистами-революционерами фабричные и заводские рабочие. Власти ограничиваются тем, что то с большей, то с меньшей решительностью обороняются. Сменяются лица, стоящие у кормила власти, но среди них нет ни одного лица, дающего тон государственной политике. Наибольший, правда более или менее пассивный, отпор настоятельным требованиям общественности проявляет сам император. Тем не менее общественность при помощи разгоревшихся

в 1905 г. народных волнений и всеобщей железнодорожной забастовки одерживает частичную победу. Манифестом 17 октября 1905 г. провозглашается учреждение народного представительства, без участия которого впредь не подлежит изданию ни один закон. Издание этого манифеста, однако, не достигает успокоения в стране. Поставленный во главе правительства С.Ю.Витте тщетно стремится сговориться с оппозиционными элементами. Революция выходит на улицу. В Москве возникает вооруженное восстание. Сериозные беспорядки вплоть до бунтов отдельных воинских частей вспыхивают во многих местностях обширной империи. Строй находится на краю гибели. Спасает его состоящий в кабинете Витте министр внутренних дел П.Н.Дурново. Он ведет почти самостоятельную политику и путем беспощадной борьбы с революционными элементами более или менее восстанавливает внешний порядок в стране. Акт 17 октября положил юридическую грань между старым, определенно самодержавным строем и новым, представлявшим странное смешение строя конституционного с абсолютизмом.

Открытие деятельности первого народного представительства положило начало сотрудничеству власти с общественностью. Поначалу сотрудничество это не только не привело к сближению двух этих сил, по крайней мере поскольку общественность отразилась в нижней законодательной палате, а, наоборот, привело к обострению их взаимных отношений и даже к усилению общественного возбуждения. Государственная дума первого созыва, хотя и руководимая элементами буржуазными, проявляет чисто революционные наклонности. Сменивший Витте на посту председателя Совета министров И.Л.Горемыкин ограничивается поначалу пассивным сопротивлением оппозиции, но заканчивает он свое кратковременное правление весьма решительным актом — роспуском Государственной думы.

Поставленный немедленно вслед за сим во главе правительства Столыпин стремился успокоить общественное возмущение произведением царскими указами в порядке верховного управления тех либеральных мероприятий, на которых особенно настаивали в предыдущие годы прогрессивные элементы страны. В Крестьянский банк для продажи их крестьянам передаются все пахотные удельные и казенные земли. Одновременно издаются правила о порядке свободного выхода крестьян из состава земельной общины, Мерой этой имеется в виду насадить в земледельческом населении чувство собственности и создать слой крепкого зажиточного крестьянства.

Собранная в ноябре 1906 г. Государственная дума второго созыва однако отнюдь не довольствуется произведенными со времени роспуска Первой Государственной думы мероприятиями. Наоборот, степень ее оппозиционности заметно превосходит по своему натиску оппозиционность Первой Государственной думы. К тому же проявляется открытое стремление уже не к политическому, а социальному перевороту. Однако уставшее от волнений предыдущих лет население лишь слабо реагирует на произносимые с кафедры Государственной думы горячие революционные речи.

Убедившись, что с народным представительством, избранным по системе, установленной законом 14 декабря 1905 г., правительство работать не может, Столыпин решается нарушить основной закон. Указом 3 июня 1907 г. Государственная дума распущена и одновременно издано властью монарха новое положение о выборах в Государственную думу, обеспечивающее в ней большинство, готовое дружно работать с существующей властью.

Этим актом закончился период резкой борьбы ответственности с властью и начался период, установивший сотрудничество этих двух сил. Ознаменовался этот третий период нахождением у власти людей волевых, отличавшихся дей-

ственной инициативой. Столыпин задался целью поднять ослабевший престиж власти и одновременно привлечь на ее сторону умеренные земские круги и зажиточное крестьянство и в значительной степени этого достигает. Кипучую деятельность проявляет главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В.Кривошеин. В области подъема сельского хозяйства и крестьянского землеустройства он достиг блестящих результатов, а после убийства в сентябре 1911 г. Столыпина, в бытность председателем Совета министров В.Н.Коковцова, приобретает значительное влияние на всю государственную политику. Деятельным фактором народной жизни является в течение этого периода избранная по новому избирательному закону Государственная дума, по счету третья. Осуществляется стремление Столыпина превратить Государственную думу из установления, принципиально враждебного правительству, в его деятельного и мощного сотрудника. По инициативе Третьей Государственной думы принимаются многие законодательные меры, направленные к подъему народного благосостояния и уровня его умственного развития. В результате народ и вообще вся страна богатеют со сказочной быстротой. Темп хозяйственной жизни усиливается с каждым годом. Бюджеты, как государственный, так и местных учреждений — земств и городов, неудержимо растут, причем поступающие доходы с избытком покрывают расходы.

Понемногу налаживается и отношение власти с широкими слоями населения. Революционные элементы теряют почву под ногами и видимо слабеют. Оппозиция продолжает будировать власть, но реально выступать против нее не осмеливается. Словом, утверждается земский мир.

Период этот продолжается до половины 1914 г., т.е. до самого начала великой войны, когда наступает четвертый, последний период царствования. Поначалу война еще теснее сближает всю общественность с властью. Обнаружившийся к началу 1915 г. серьезный недочет в нашем боевом снаряжении

дает первый толчок к подъему общественного недовольства. Выступает и ярко обнаруживается значение роковой фигуры Распутина, проникшего в царские чертоги невежественного мужика, к несчастью обладавшего некоторыми гипнотическими способностями. Фактическая власть постепенно переходит от царя к царице, пока наконец не сосредотачивается почти всецело в ее руках. Царствует Александра Феодоровна, лишь по временам встречающая более или менее пассивный отпор со стороны государя. Влияние Кривошеина ослабевает, а затем сходит на нет, вплоть до смены его с министерского поста. Начинаются усиленные смены лиц, стоящих у власти. Удрученный годами, утративший всякую действенную энергию, а в особенности пропитанный устаревшими политическими взглядами Горемыкин, вновь назначенный в декабре 1913 г. председателем Совета министров, замещается в ноябре 1915 г.<sup>42</sup> всецело поглощенным личными интересами и преступно равнодушным к интересам государства Штюмером, а с осени 1916 г. приобретает огромное влияние неуравновешенный Протопопов, назначенный при содействии разнообразных темных сил на пост министра внутренних дел. В это время приобретает исключительное психологическое значение распространившееся по всей стране и пустившее глубокие корни убеждение, что фактическим властителем состоит тот же Распутин. Раздается слово «измена», и в число изменников стоустая народная молва включает не только носителей власти, но и царицу. Общественность приходит в крайне возбужденное состояние. Ее настояния о привлечении к власти людей, пользующихся общественным доверием, не встречают ни сочувствия, ни серьезного противодействия. Пользуются

42 Гурко не точен: И.Л.Горемыкин занимал пост председателя Совета министров с апреля по июнь 1906 г. и с января 1914 г. по январь 1916 г.

создавшимся положением и революционные элементы. Действуя отчасти на вражеские германские деньги, они занимают усиленную пропагандой в рабочей среде и тыловых частях армии. Общественные настроения развиваются сами по себе, причем власть не прилагает никаких усилий к их направлению в желательную сторону. В стране накапливаются в огромном количестве разнообразные горючие материалы. Создаются почва и силы для полного крушения государственного строя. Царица это сознает, но не обладает ни умением, ни политическим чутьем, необходимыми для восстановления нормальной общественной атмосферы. Не находит она и людей, способных стать у кормила государственного корабля.

Таким образом, царствование Николая II имело два творческих периода. Эпоха Витте, продолжавшаяся от воцарения до 1902 г., и семилетняя (1907 по 1914) эпоха Столыпина—Кривошеина, эпоха делового сотрудничества этих двух талантливых государственных деятелей с большинством собранного в Государственной думе народного представительства. Между этими двумя периодами произошла несчастная война с Японией и разыгравшаяся на ее почве первая открытая схватка между общественными силами и властью. Порожденная этой схваткой довольно продолжительная смута, однако, благополучно улеглась. Государство стало на новый путь, суливший расцвет и экономических и культурных сил страны.

Конечный, четвертый период продолжается менее трех лет. Независимо от мировой войны, в которую втянута Россия и которая, разумеется, составляет самую сущность и основной источник всех последующих зол, период этот знаменуется постепенным отречением государя от власти. Власть эту Николай II поначалу почти всецело передает императрице, действующей под влиянием не сознаваемых ею темных сил, а под конец отрекается от нее формально. На деле это приводит к почти немедленному упразднению всякой власти в государстве.





**Часть I. Последние спокойные годы  
дореформенного строя (1894—1902)**

## Глава 1. Первые годы царствования (1894-1902)

20 октября 1894 г. В Петербурге ясный солнечный день. На улицах столицы необычайное скопление народа, но настроение толпы отнюдь не праздничное. На Невском, на всех переулках толпятся люди, читающие с явно озабоченным видом наклеенные на стенах печатные объявления: то извещения о состоянии здоровья находящегося на Южном берегу Крыма в Ливадии пораженного тяжким недугом императора Александра. На площади Казанского собора также заметно необычайное оживление. В соборе, переполненном молящимися, идет молебен об исцелении страждущего монарха. Настроение столичного населения определенно удрученное, подавленное.

Болезнь государя, почти с места принявшая столь же быстрое, сколь угрожающее течение, предвещала скорую смену царствования. Событие это было в высшей степени неожиданно. Богатырская осанка Александра III, его возраст, обыкновенно совпадающий с расцветом сил, его внешний вид, не обнаруживавший никаких признаков болезненного состояния, казалось, обеспечивали стране продолжительное бессменное царствование. Известие об опасном состоянии здоровья императора было тем более неожиданно, что извещение о постигшем его недуге последовало лишь в то время, когда он принял угрожающий характер. Не успела ввиду этого страна осведомиться о болезни государя, как выяснилось, что недуг его смертельный и что, следовательно, государство силою вещей вступает в неизбежную при самодержавном строе новую полосу своей исторической жизни.

Понимало это, быть может, не столько сознательно, сколько инстинктивно население столицы; понимала это вполне определенно петербургская бюрократия и ее правящие верхи. Взоры ее невольно обращались к неведомому будущему, стремясь его угадать в свойствах и особенностях имеющего вступить на престол наследника Цесаревича, но свойства эти были мало кому известны, причем определялись они различ-

но. Сколько-нибудь отчетливого представления о личности преемника Александра III не было ни у населения, ни даже у правящего слоя. Будущий Николай II ничем не успел к этому времени выявить свои индивидуальные особенности, тем более что участия в государственных делах он не принимал. Правда, он состоял председателем комитета по сооружению Сибирской железной дороги, но председательствование это было лишь почетное, и всем было известно, что влияние на решения этого комитета он не оказывал. Господствовавшие ввиду этого на его счет мнения были крайне разноречивы.

Но в одном отношении сходились все, а именно в признании отсутствия государственного опыта у завтрашнего руководителя судьбами России. Неудивительно, что будущее представлялось при таких условиях столь же непредвидимым, сколь смутным. Об опасениях, господствовавших в этом отношении среди лиц правящего синклита, я лично имел случай судить по словам, сказанным мне в это самое 20 октября 1894 г. управлявшим Морским министерством Н.М.Чихачевым. Передавая ему письмо моего отца, привезенное мною из Варшавы, откуда я в этот самый день приехал, я, естественно, первым делом спросил его, какие вести из Ливадии. «Самые плохие, — ответил мне Чихачев, — надежды на выздоровление нет никакой, и, по всей вероятности, кончина государя уже последовала». «Передайте вашему отцу, — добавил Чихачев, — что будущее представляется нам здесь чрезвычайно смутным. Наследник — совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно. Военная строевая служба — вот пока единственно, что его интересует. Руль государственного корабля выпал из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки в течение, по всей вероятности, продолжительного времени им не

овладеют. Куда при таких условиях направит свой курс государственный корабль — Бог весть».

Предположение Чихачева, что кончина государя уже последовала, оправдалось. В этот же день часам к девяти вечера появились экстренные прибавления к газетам, извещавшие о кончине Александра III. Вышли они как раз ко времени отхода с Николаевского вокзала курьерского поезда в Москву и вызвали такое волнение, что пассажиры того вагона, в котором уезжал и я, безразлично — знакомые и незнакомые, невольно вступили в общую беседу, обмениваясь мнениями по поводу происшедшего крупнейшего для государства события. При этом господствовавшая нота почти у всех была одна и та же: «Что-то будет, что-то будет».

Наружный вид Москвы по приезде на другой день в первопрестольную столицу меня чрезвычайно удивил. После того всеобщего волнения, которого я был свидетелем в Петербурге, Москва поражала своим спокойным видом и, казалось, равнодушием к перемене царствования. В храмах, конечно, шли панихиды по усопшем царе, раздавался, вероятно, и траурный перезвон, но людских скоплений у церквей видно не было, и уличная толпа ничем не выказывала того волнения, которым был охвачен Петербург.

Толпа эта была обычная, деловая, спешившая, каждый по своему делу и ни в чем не выказывавшая озабоченности за будущее. Не увидел я и особенного волнения по поводу смены царствования и в среде московского поместного дворянского общества, уже сильно к тому времени поредевшего, но все еще дававшего тон московской культурной общественности. Невольно припомнил я то, чего был свидетелем в той же Москве за тринадцать лет перед тем, а именно 2 марта 1881 г., когда было получено известие об убийстве Александра II. Тогда Москва представляла растревоженный улей, где все повседневные заботы сразу куда-то отошли, где мысли всех и каждого, как в гуще населения, так и в общественных кругах, были прикова-

ны к вопросам общенародного значения. Резкая разница между настроениями Петербурга и Москвы в октябрьский день 1894 г. бросалась в глаза всякого сколько-нибудь наблюдательного человека. Бюрократический Петербург, быть может вследствие большей связанности личных интересов многих его жителей с возможными переменами в личном составе правительства, выявлял определенно большую зрелость политической мысли, нежели все больше превращавшаяся в торгово-промышленный центр Москва. Ушедшая в преследование своих личных утилитарных интересов, Москва проявляла явные признаки утраты присущих здоровому национальному организму государственных инстинктов, причем, очевидно, не постигала она и тесной зависимости частных интересов от того или иного общего состояния государства.

Но не один торгово-промышленный слой и связанные с ним элементы населения проявляли равнодушие к вопросам общегосударственного значения.

Замкнутость в каких-то своих особых мыслях и целях проявляли и интеллигентные общественные круги, дававшие тон преобладающим в стране настроениям. Учащаяся молодежь, столь бурно выражавшая свои чувства и мысли в конце 70-х годов, как-то присмирела, в значительной степени отошла от идейных замыслов и как бы погрузилась в мелкие мещанские интересы. Средние общественные круги выдвинули столь художественно изображенные Чеховым серенькие, будничные типы. Словом, наступила какая-то передышка в стремительно проявлявшемся в предшествующий период страстном развитии общественной мысли.

Происходило это, быть может, отчасти и оттого, что потрясенное реформой 19 февраля 1861 г. поместное дворянство уже выделило из своей среды все наиболее увлекающиеся действенные элементы, составлявшие, как известно, основные кадры революционного движения 70-х годов XIX в., а размножившаяся среда разночинцев не успела еще воспитать в себе

определенные политические взгляды и довольствовалась удовлетворением своих еще скромных материальных потребностей.

Понятно, что при таких условиях бюрократический Петербург, впитавший в себя большинство культурных сил страны, сильнее откликался на вопросы государственного масштаба, нежели народная Москва. Невзирая на то, что, по общему мнению, провозглашаемому именно Москвой, Петербург будто бы оторвался от страны и утратил национальные чувства, он, тем не менее, вследствие большей культурности своего населения, вернее оценивал значение смены личности верховного правителя, нежели Москва, погрязшая в своих личных повседневных интересах и к тому же охваченная в ее верхах жадной к наживе.

В результате Петербург, отражавший в качестве управительного центра настроения правительственных кругов, а Москва — господствовавшие в стране течения общественной мысли, произвели на меня в октябрьские дни 1894 г. впечатление двух различных сил, друг другу если не враждебных, то, во всяком случае, чуждых и мыслящих далеко не одинаково.

Невольно напрашивался вопрос, что породило эту отчужденность, правда, в известной мере с давних пор проявлявшуюся между двумя столицами, но в направлении, казалось, как раз обратном. Бывало, Москва проявляла большую чуткость к глубоким национальным интересам, Петербург же, наоборот, более формальное к ним отношение.

Казалось, что тринадцать лет в полном смысле этого слова благополучного царствования Александра III, несомненно внесшие успокоение в страну, должны были способствовать сближению бюрократической мысли с мыслью общественной, а на деле произошло как раз обратное.

Чем же это объяснить? Отрицать крупные результаты, достигнутые в области упрочения внутренней мощи и внешнего

значения России за время царствования Александра III, нет возможности. Достаточно бросить самый беглый взгляд на положение страны в начале и к концу этого царствования, чтобы в этом убедиться. Вступив 2 марта на окровавленный убийством царя-освободителя русский престол, Александр III застал обширную империю в состоянии почти хаотическом. Действительно, в государственной политике последних лет царствования Александра II не было ни последовательности, ни стойкости. Постоянная перемена политического курса то в направлении либеральности, то реакционности, то в сосредоточении всех усилий правительства к борьбе с так называемой «крамолой», то в стремлении прельстить общественность мерами, направленными к введению более или менее правового строя, лишала власть должного обаяния. Постоянные террористические акты против лиц, стоящих у власти, поддерживали в стране состояние хронического внутреннего брожения.

В тяжелом положении находилось как государственное, так и народное хозяйство. Государственные бюджеты заключались ежегодными все возрастающими дефицитами. Наряду с этим происходило обесценение бумажных денежных знаков, отражавшее нашу экономическую зависимость от государств Западной Европы.

Недоимки в поступлении окладных сборов, а в особенности выкупных платежей увеличивались из года в год, явно свидетельствуя о понижении народного, и в частности крестьянского, благосостояния<sup>43</sup>.

43 Финансы России были подорваны Крымской войной. Реформы в стране и Русско-турецкая война 1877—1878 гг., потребовавшие огромных затрат, окончательно расстроили государственные финансы. Недоимка по окладным сборам и выкупным платежам достигала в 1871—1880 гг. 22% ежегодно. Бюджеты заключались с большим дефицитом, для покрытия которого при-

Блестящая по одержанным военным успехам Русско-турецкая война закончилась чрезвычайно невыгодным для нас Берлинским трактатом<sup>44</sup>, больно уязвившим национальное самолюбие и обнаружившим наше бессилие перед угрозами объединившихся против нас Англии и Германии.

За тринадцать лет царствования Александра III положение это радикально изменилось.

Царствование это представило разительный пример того огромного значения, которое представляет для государства определенная, не подверженная никаким уклонениям политическая линия. Именно этими свойствами отличалась политика Александра III, и только благодаря им, невзирая на то что она не соответствовала многим вождениям передовых кругов общественности, она тем не менее не вызвала ни резких протестов, ни открытых выступлений. Та внешняя мощь, которой дышала богатырская фигура Александра III, соответствовала силе и твердости его характера и воли. Борьбась с

ходило прибегать к внешним и внутренним займам. Государственный долг с 1858 по 1880 г. вырос с 1,7 до 4,6 млрд руб. В конце 1857 г. был прекращен размен кредитных билетов на золото. В 1879 г. в обращении находилось 1146 млн руб. кредитных билетов при разменном фонде в 176 млн руб. См.: Россия: Энциклопедический словарь. СПб., 1898. С. 192- 209.

- 44 Берлинский трактат, заключенный 1 июля 1878 г. в результате работы международного конгресса, изменял ряд условий русско-турецкого Сан-Стефанского мира от 19 февраля того же года в ущерб интересам славянских народов Балканского полуострова и уменьшал территориальные приобретения России в Закавказье. Конгресс проходил под председательством Бисмарка, который, вопреки данным обещаниям, не оказал России поддержки. Поведение Бисмарка российскими дипломатами и общественностью было оценено как предательство, что послужило толчком к заключению русско- французского союза.



этой волей — передовая общественность это инстинктивно чувствовала — было столь же бесполезно, сколь небезопасно. Под главенством твердой, свыше направляющей воли такими же свойствами твердости и последовательности обладали и поставленные во главе различных отраслей управления отдельные лица, что обеспечивало всему государственному аппарату равномерный и согласованный в его отдельных частях спокойный ход.

Содействовало этому в высшей степени и чрезвычайно редкая в течение всего царствования смена руководителей как внешней, так и внутренней политики. Министром иностранных дел состояло одно и то же лицо — Н.К.Гирс. Министров внутренних дел после увольнения унаследованного от прошлого царствования гр. Н.П.Игнатьева было всего лишь два, Д.А.Толстой и И.Н.Дурново, причем второй заменил первого лишь вследствие его кончины. Редки были и смены руководителей других отраслей управления. Так, военным министром состояло в течение всего царствования то же самое лицо — П.С.Ванновский.

В результате в стране господствовал ненарушимый земский мир, под покровом которого Россия медленно, но зато без резких скачков, неминуемо нарушающих нормальное течение народной жизни, экономически крепла и развивалась.

Искренно миролюбивая внешняя политика Александра III, чуждая всяких фантастических планов и достижений, но исполненная достоинства и стойко отстаивающая основные государственные интересы, дала в равной степени блестящие результаты.

Пrestиж России и ее державного повелителя достигли к концу царствования давно не бывалых пределов. Можно без преувеличения сказать, что к началу 90-х годов прошлого века Александр III был общепризнанным суперарбитром Европы. К редко, но веско высказываемым им мнениям прислушивались все государства мира.

Зависело это преимущественно от того, что ни с какими отдельными государствами Россия в союзе не состояла. Памятный тост<sup>45</sup> Александра III «За моего единственного друга князя Черногорского», владения которого не превышали размером территории русского уезда, одновременно подчеркивал как мощь России, не нуждающейся ни в чьей посторонней помощи, так и полную свободу действий в случае возникновения какого-либо конфликта между западноевропейскими государствами.

Неизвестность, на какую чашу весов будет брошен русский меч, останавливала отдельные государства от обострения их взаимных отношений, чем и поддерживала общеевропейский мир.

Внешняя политика Александра III дала России не достигавшуюся ею дотоле роскошь того великолепного одиночества, той «splendid isolation»<sup>46</sup>, которую до тех пор могла позволить себе только Англия, благоприятствуемая в этом отношении ее островным положением.

Да, все это было так. Внутренняя и внешняя мощь России были, по-видимому, неуязвимы, но правы были и те лица, которые характеризовали внутреннее спокойствие страны и господствовавший в ней земский мир как тот Римский мир

45 Тост, поднятый Александром III, «За моего единственного друга, князя Николая Черногорского» должен был подчеркнуть независимость внешнеполитического курса России, недавно расторгнувшей союзные отношения с Германией. См.: Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 263-264.

46 «блестящее одиночество» (англ.).

(*Pax Romana*), о котором Тацит говорил «*Solitudinem faciunt et pacem appellant*»<sup>47</sup>.

Общественная мысль была определенно сдавлена, как политическими, так и цензурными тисками. В результате государственные инстинкты у интеллигентных масс были притуплены, а устремления ее направлены исключительно к личному благу, что и порождало то равнодушие к вопросам государственным, которое выказала в момент кончины Александра III Москва. Отстраненная от всякого даже идейного участия в строительстве государства интеллигенция, а за ней и народные массы естественно утратили интерес ко всему, что выходило из рамок их непосредственных личных интересов.

Не так, разумеется, относились к этим вопросам отдельные лица, как по своим личным свойствам, так и по присущему им умственному горизонту не перестававшие духовно жить и загораться обширными политическими и социальными проблемами. Они накапливали неудовольствие и даже гнев на существующий политический строй и ждали лишь возможности вырваться из сдавливающей общественность гнета, дабы превратиться в духовных вождей интеллигентных масс и провозгласить народное право на непосредственное участие в государственном строительстве.

Замена на русском престоле Александра III, успевшего выработать за время продолжительного состояния в положении наследника престола, а затем и царствующего императора определенные политические взгляды, неопытным юношей, не имевшим до тех пор никакого касательства к государственной политике, была тотчас учтена упомянутыми лицами.

47 Точно: «Устанавливают пустыню и называют это миром», а по существу: «Водворяют молчание и признают это умиротворением» (Прим. автора).

Не успело еще тело Александра III быть предано вечному покою, как пресса определенного направления поспешила выявить отрицательные стороны политики Александра III. Застрельщиками явились толстые ежемесячные журналы, как «Вестник Европы»<sup>48</sup> и даже умеренного направления «Исторический вестник»<sup>49</sup>. С достаточной прозрачностью указали эти органы на необходимость изменения политического курса в более либеральном направлении.

По тому же пути решили пойти и некоторые общественные учреждения, причем особенно проявило себя тверское губернское земское собрание.

Руководимое духовными отцами будущего кадетизма И.И.Петрункевичем, Ф.И.Родичевым и И.А.Корсаковым собрание это в представленном ими молодому государю всеподданнейшем адресе<sup>50</sup>, не обинуясь, высказалось за необходимость введения в стране правового строя, *alias*<sup>51</sup> конституции.

Что мог ответить на это молодой государь?

48 «Вестник Европы: Журнал истории, политики и литературы» (СПб., 1866—1918). Издатель-редактор М.М. Стасюлевич; с 1909 г. изд. — М.М.Ковалевский, ред. — К.К.Арсеньев; с 1917 г. изд.-ред. Д.Н.Овсяннико-Куликовский, ред. — Д.Д.Гримм.

49 «Исторический вестник: историко-литературный журнал» (СПб., 1880—1917). Изд.-ред. — С.Н.Шубинский, с 1912 г. — Б.Б.Глинский.

50 По случаю восшествия Николая II на престол девятью земствами (Тверским, Тульским, Уфимским, Полтавским, Тамбовским, Саратовским, Курским, Орловским и Черниговским) по инициативе тверских либералов во главе с И.И.Петрункевичем были поданы адреса с умеренными политическими требованиями, в том числе — «доступа голоса земств к престолу» (см.: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 158-161).

51 Иными словами (лат.).

Совершенно не разбирающийся в тем более неведомых ему государственных вопросах, что прирожденной склонности к ним он не ощущал, находящийся в то время под влиянием своей матушки, вдовствующей императрицы, естественно преклонявшейся перед политической мудростью ее покойного супруга, Николай II не мог иметь иного намерения, кроме как послушно следовать по стопам своего родителя. Это он и высказал в первом изданном им манифесте<sup>52</sup>.

Но политика Александра III была естественным последствием всего его умственного и духовного склада, которым вполне поэтому соответствовала.

Следовать этой политике, не обладая теми внутренними свойствами, на коих она покоилась, была задача неосуществимая, говоря точнее, это была попытка с негодными средствами. Последнее тотчас сказалось на практике. Действительно, едва ли не главной причиной внутренних смут, омрачивших царствование Николая II и приведших в конечном счете к крушению государства, было именно стремление царя осуществить такой способ правления, который не соответствовал мощи его духовных сил. Иначе говоря, быть самодержцем, не обладая необходимыми для этого свойствами.

Сказалось это почти с первых месяцев царствования, и прежде всего в речи Николая II, обращенной им к представ-

52 В опубликованном 20 октября 1894 г. манифесте о восшествии на престол Николая II говорилось: «...в этот скорбный, но торжественный час вступления нашего на прародительский престол <...> вспоминаем заветы усопшего родителя нашего и, проникшись ими, приемлем священный обет перед лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных» (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XIV. СПб., 1898. С. 625-626).

лявшимися ему по поводу его воцарения многочисленным земским, городским и сословным общественным организациям<sup>53</sup>.

Включенные в эту речь, именно по поводу упомянутого мною адреса тверского губернского земского собрания, слова «бессмысленные мечтания» были до чрезвычайности неудачны. Получив широкое распространение, они тотчас стали предметом столь же злобной, сколь насмешливой критики. Они действительно неопровержимо свидетельствовали как о наивности политического горизонта, так и об отсутствии политического такта у молодого руководителя судьбами России.

Менее резкое, теоретически мотивированное возражение или даже отповедь произвели бы, несомненно, большее впечатление. Явно детская формулировка отношения к государственному порядку, признанному всеми культурными странами, выявляла несерьезность его, а следовательно, и возможность бороться с ним.

Таким образом, с самого начала царствования выявилась неизбежность конфликта между теми двумя силами — правительством и общественностью, — под знаком взаимной борьбы которых прошла большая часть царствования Николая II.

53 Принимая 17 января 1895 г. депутацию представителей дворянства, земств и городов, Николай II произнес речь, в которой дал отрицательный ответ на просьбу земств:

«Известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный Родитель» (Правительственный вестник. 1895. 18 января).

Борьба эта возгорелась, однако, не сразу. Подобно тому как взбаламученное море житейское<sup>54</sup>, даже по миновании причины, вызвавшей его бурное состояние, не сразу может успокоиться, так и застывшие народные массы не сразу утрачивают свою бездейственность и не в одночасье переходят в возбужденное состояние. Именно вследствие этого первые годы царствования в отношении государственного управления и внутреннего настроения не многим отличались от предшествующего периода.

По инерции состояние страны, в особенности по внешнему виду, в политическом отношении оставалось прежним, а первым вестником нарождающегося резкого его изменения явилось молодое поколение в лице учащихся в высших учебных заведениях, не испытывавшее духовного гнета времени царствования Александра III.

Независимо от этого государственная политика первых лет царствования Николая II вскорости обнаружила, что «следование стопам» Александра III, оставаясь внутренним желанием молодого царя, на деле совершенно не осуществлялось.

Внутренняя политика Александра III сводилась, по существу, к укреплению существующего строя путем упрочения положения поместного дворянства, экономической поддержки крестьянства, возвеличения значения церкви и воспитания народа в духе православной веры. В отношении населенных инородцами окраин политика Александра III состояла в

54 Слова Гурко имеют своим истоком названия «антинигилистического» романа А.Ф.Писемского «Взбаламученное море» (1863) и цикла романов А.Ф.Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (1846— 1847), сатирически изображающего падение нравов в эпоху становления капиталистических отношений.

стойком и последовательном проведении в них русских государственных начал. В соответствии с этим были учреждены Дворянский и Крестьянский земельные банки<sup>55</sup>, образован институт земских начальников<sup>56</sup>, построенный в известной степени на принципе патримониальной власти, пересмотрены положения о земском и городском самоуправлении в сторону усиления цензовых элементов, учреждены во множестве церковно-приходские школы<sup>57</sup>, усилено церковное строительство.

- 55 Государственный дворянский банк был основан в 1885 г. по проекту министра финансов Н.Х.Бунге. Банк выдавал долгосрочные ссуды потомственным дворянам- землевладельцам под залог земельной собственности. Крестьянский поземельный банк — государственный ипотечный банк был учрежден в 1882 г. для выдачи долгосрочных ссуд крестьянам на приобретение земель. В 1895 г. банк получил право на покупку дворянских имений для перепродажи по частям. В 1907—1909 гг. банку были переданы для продажи крестьянам земли удельного ведомства.
- 56 В соответствии с Положением от 12 июля 1889 г. в 40 губерниях был введен институт земских участковых начальников, контролировавших деятельность крестьянского общественного самоуправления и являвшихся первой судебной инстанцией для крестьян и лиц других податных сословий. В связи с реформой были упразднены уездные по крестьянским делам присутствия и мировые суды. Поскольку земские начальники назначались по представлению губернатора министром внутренних дел почти исключительно из числа местных потомственных дворян, реформа рассматривалась либеральной общественностью как попытка восстановить власть помещиков над крестьянством.
- 57 В царствование Александра III при министре народного просвещения И.Д.Деянове (с 1882 г.) была предпринята попытка усилить роль православной церкви в деле народного образования и по возможности передать все начальные училища



Во всех этих областях политика Николая II претерпела существенные изменения, а главное — выявила отсутствие планомерности и стойкости.

По отношению к окраинам это выявилось почти тотчас после воцарения в увольнении, под влиянием императрицы Марии Феодоровны, главного начальника Привислянского края И.В.Гурко, твердого проводника взглядов Александра III. Во внутренней политике выразилось оно во всемерной поддержке торговли и промышленности и в прекращении мер, направленных к упрочению служилого сословия. Личное отношение Николая II к этому сословию оставалось как будто прежнее, но правительственная политика по отношению к нему изменилась радикально.

Последовали изменения и в области политики международной. Оставаясь, на первый взгляд, и по внешности прежней, она в существе приняла совершенно иной характер. Дружба с Францией при Александре III была лишь диверсией и ответом на навязанный нам Германией Берлинский трактат, а отнюдь не провозглашением неприязни к ней. Демонстративно торжественное посещение Николаем II Парижа<sup>58</sup> был прямой вызов, брошенный в лицо Германии. Почти одно-

в ведение Синода. В 1884 г. были изданы правила о церковно-приходских школах (пересмотрены и дополнены в 1891 г.). В 1894 г. при Синоде образовано высшее управление церковными школами. Число начальных школ, находящихся в ведении Синода, возросло с 4213 в 1884 г. до 34 341 — в 1914 г. См.: Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие. 1884—1909. СПб., 1909. Приложение. С. 14—15; Церковные школы Российской империи за 1914 год. Пг., 1916. С. 33.

<sup>58\*</sup> Визит Николая II во Францию проходил с 23 сентября по 17 октября 1896 г.

временное превращение наших дружественных отношений с Францией в твердый союз наложило на нас, с одной стороны, огромные обязательства, а с другой — окончательно нарушило вековую традиционную дружбу Романовых и Гогенцоллернов. То и другое лишило нас той свободы действий, которой так справедливо дорожил Александр III.

Таким образом, от «следования по стопам» ничего не осталось. Стопы эти понемногу стусевались, а главное, следовать по ним было не по силам преемнику Александра III.

Но почему это произошло? Ответ может быть лишь один. Самодержавие в руках Николая II, как единоличное и самостоятельное разрешение основных государственных вопросов, перестало существовать. Его фактически заменила олигархия правительственного синклита, состоящего из сменяющихся, никакими общими политическими взглядами не сплоченных, а посему между собою постоянно борющихся глав отдельных отраслей правления. Среди этих глав, носящих звание министров, то в большей, то в меньшей степени брали верх то одни, то другие, могущие, однако, осуществить свое временное всемогущество лишь в пределах непосредственно подчиненного им ведомства.

Центром политической жизни, по крайней мере с внешней стороны, сделался Государственный совет. В этом установлении всего яснее выявлялись господствовавшие в данное время течения. Там же всего ярче выступали личные качества и свойства стоящих у власти государственных деятелей.

На фоне деятельности названного учреждения, в виду этого всего, легче дать краткий очерк господствовавшей в России за первый период царствования Николая II внутренней политики, равно как набросать силуэты лиц, призванных за это время к власти.

## Глава 2. Дореформенный Государственный совет

Государственный совет, высшее учреждение империи с 150-миллионным населением, рассматривавшее и пропускавшее законы, касавшиеся одной шестой части земной суши, состоял к началу царствования Николая II менее нежели из ста человек. Однако из этих ста лиц, для которых многие области государства были в полном смысле *terra incognita*<sup>59</sup>, фактически в обсуждении законопроектов принимало участие не более сорока: по принятому порядку проекты по существу обсуждались лишь в департаментах Государственного совета, обыкновенно соединенных, в работах которых участвовали лишь члены Совета, в департаменты специально назначенные.

Департаментов было три — законов, государственной экономики и духовных и гражданских дел; в 1899 году образован был четвертый, названный Департаментом промышленности, наук и торговли<sup>60</sup>. Помещение в этом названии наук между промышленностью и торговлей характеризовало настроение тех лет, когда развитие русской промышленности, под могучим натиском С.Ю.Витте, признавалось очередной и важнейшей задачей государства, а науки, т.е. народное образование, чем-то второстепенным.

Члены Совета, в департаменты не назначенные, заседали лишь в Общем собрании Совета, которое по установившемуся распорядку фактически проектов не обсуждало, а лишь рассматривало те вопросы, по которым в департаментах произошло разногласие. Последнее происходило сравнительно редко, а касались разногласия, за ничтожными исключениями, лишь каких-либо принципиальных вопросов, причем происходили они не столько между членами Совета, сколько между главами

59 Земля неизведанная (лат.).

60\* Департамент промышленности, наук и торговли был учрежден 1 января 1900 г.

отдельных ведомств, имевшими голос в Совете *ex officio*<sup>61</sup>: между препиравшимися министрами делились голоса членов Совета. Однако и среди членов Совета, состоявших в департаментах, деятельное участие в прениях принимали не все. Объяснялось это способом пополнения Государственного совета. Членами его назначались отставленные министры, генерал-губернаторы, послы, т.е. люди весьма пожилые и в большинстве для работы уже мало пригодные. Собственно для работы в Совете назначались в некотором количестве сенаторы, из наиболее выдающихся, однако и они не отличались молодостью, а со временем, так как звание члена Совета было пожизненным, переходили в разряд членов Общего собрания, т.е. увеличивали почти бесполезный балласт этого учреждения.

При прежних царствованиях постоянное пополнение Государственного совета производилось со строгим разбором. Проникнуть в Государственный совет по протекции было настолько невозможно, что и попытки к этому не производились. После воцарения Николая II понемногу наряду с лицами, имевшими по своему прошлому или по личным качествам неоспоримое право войти в состав высшего государственного учреждения, стали проникать и лица, заручившиеся благоволением влиятельных придворных сфер.

Заседания Совета отличались особой чинностью и даже торжественностью, в особенности общие его собрания, чему немало способствовала внешняя обстановка роскошного, художественно отделанного Мариинского дворца. Общие собрания происходили в изображенном на известной картине Репина круглом с верхним светом зале, окруженном колоннами, поддерживающими хоры. Усталый темно-красным ковром,

61 По должности (лат.).

установленный двумя круглыми концентрическими столами, покрытыми бархатными, под цвет ковра, скатертями и покойными обширными креслами, увешанный по окружности в просветах колонн портретами царствовавших за время существования Совета императоров, зал этот, в особенности при вечернем освещении, носил печать не только торжественности, но даже некоторой таинственности. Тут, казалось, было место заседаний какой-либо масонской ложи или совета дождей, скрытого от глаз непосвященных. Не нарушал этого впечатления и состав заседавших. Седые либо лыбые, испещренные морщинами, нередко сторбленные, но при этом все облеченные в мундиры и украшенные орденами, почтенные старцы производили по первому разу впечатление не то исторической живой картины, не то декорации. Некоторой театральностью было обставлено и вступление новых членов в Государственный совет, причем принятый порядок сохранился и после включения в состав Совета членов по выборам. При первом же появлении в Общем собрании Государственного совета нового члена председатель приветствовал его вступление, на что новый член вставал и кланялся как председателю, так и членам, оборачиваясь для сего во все стороны, а вслед за этим вставали все члены Совета и кланялись вновь вступившему в их среду. Кроме того, каждый новый член Совета подписывал специальную присягу, остававшуюся неизменной со времени образования Совета, в особой, переплетенной в зеленой замше книге. Книга эта представляла своего рода уник, так как заключала все подписи всех членов Государственного совета, когда-либо входивших в его состав, в том числе и трех императоров — Александра II, Александра III и

Николая II, — бывших членами Совета до их воцарения. Где-то теперь эта историческая реликвия?<sup>62</sup>

Самые заседания, происходившие под председательством великого князя Михаила Николаевича, а в его отсутствие — старшего из председателей департаментов (в описываемое время таковым был Д.М.Сольский), начинались с прочтения государственным секретарем, в описываемое время — В.К.Плеве, высочайших указов, относившихся до Совета, и сообщения о тех принятых Советом законопроектах, которые получили высочайшее утверждение с указанием, в случае происшедших в Совете разногласий, с каким мнением согласился государь. Затем кем-либо из чинов Государственной канцелярии читались законопроекты, принятые департаментами. Обязанность эту, благодаря его прекрасному голосу, четкому и вместе с тем быстрому, что особенно ценилось, чтению, обыкновенно исполнял помощник статс-секретаря Н.Ф.Дерюжинский (бывший впоследствии при обновленном Государственном совете товарищем государственного секретаря). Прения, как сказано, не происходило. Если по поводу единогласно принятого департаментами проекта кто-либо из членов Общего собрания желал высказать какие-нибудь возражения, то он должен был, по принятому обычаю, заранее об этом заявить председателю; происходило это очень редко и обыкновенно имело последствием возвращение проекта в департаменты для нового его обсуждения, при участии возражавшего члена, в той части, которая встретила его возражение; самостоятельного изменения Общим собранием проекта, единогласно принятого департаментами, никогда не производилось.

62\* Книга находится в РГИА, ф. 1162, оп. 2, д. 13

Обсуждение вопросов, вызвавших разногласие в департаментах, сводилось к нескольким речам, произносимым представителем ведомства, внесшего законопроект, и тех ведомств, которые против него возражали, а равно представителями двух сложившихся мнений из среды членов Совета. Говорили обыкновенно те же самые наиболее речистые лица, причем стремились блеснуть красноречием; речи их после заседания обыкновенно горячо обсуждались членами Государственного совета и вызывали комплименты по адресу ораторов. После выслушания речей приступали к голосованию, происходившему посредством отобрания голосов чинами Государственной канцелярии, обходившими заседавших членов. Разногласие обыкновенно ставилось так: «Вы, ваше высокопревосходительство, с министром таким-то или против?» Такая постановка облегчала голосование, так как некоторые члены не имели решительно никакого мнения, проекта не читали, а если бы прочли, то едва ли бы за старческой дряхлостью поняли. К последним принадлежали и лица, некогда представлявшие выдающихся государственных деятелей, но окончательно утратившие свежесть ума и работоспособность, как, например, бывший министр юстиции Набоков<sup>63</sup> и герой Плевны генерал Ганецкий. Не обходилось при этом и без курьезов; так, один из членов Совета, генерал Стюрлер, карьера которого проходила на каких-то придворных должностях<sup>64</sup>, заявил однажды, что

63\* Действительный тайный советник Д.Н.Набоков (1827-1904) был назначен в Государственный совет после отставки с поста министра юстиции в 1885 году. Генерал от инфантерии И.С.Ганецкий (1810-1887) был назначен в Государственный совет в 1878 году.

64\* Генерал от инфантерии А.Н.Стюрлер (1825-1901) до назначения в Государственный совет в 1896 году состоял для особых пору-

он с большинством и на почтительное замечание отбравшего голоса чиновника, что большинства еще нет, что оно выяснится лишь после голосования, не без досады ответил: «Я вам говорю, что я с большинством» — и с этого положения так и не сошел.

При очерченном порядке заседания Общего собрания, происходившие раз в неделю, естественно, продолжались недолго, обыкновенно около часа. Исключение составлял май месяц, последний ежегодной сессии Совета, когда в Общее собрание стекались из департаментов все принятые ими в течение зимы сложные и обширные проекты; число их на повестке доходило в это время до ста. В зимние месяцы их было от 12 до 15. Большой живостью и несомненной деловитостью отличались заседания департаментов. Происходили они четыре раза в неделю, начинались в час дня и с перерывом на полчаса продолжались обыкновенно до 6 часов, что было принято за предельный срок. Внешний порядок и здесь соблюдался образцовый; заседали в вице-мундирах, курить не разрешалось, колкости и личные нападки отнюдь не допускались, а горячие прения являлись редким исключением. Чинопочитание было строжайшее: лица, не состоявшие членами Совета, кроме заменявших министров товарищей их, имевших в таком случае право голоса, за стол заседания не допускались, причем даже государственный секретарь и статс-секретарь (заведующий делопроизводством того департамента, по которому проходило дело) сидели за особым маленьким столом, лишь приставленным к столу, занятому членами Совета. Лица, приглашавшиеся «для представления объяснений», сажались за

чений при в.кн. Николае Николаевиче (старшем), а затем был шталмейстером двора наследника (будущего Александра III).



особый стол рядом с тем чиновником канцелярии, которому было поручено составление журнала<sup>65</sup> по рассматриваемому проекту. Приглашались для объяснений почти исключительно директора департаментов ведомства, представившего законопроект. Исключение из этого правила, на моей памяти, делалось лишь для петербургского градоначальника, который приглашался, когда дело касалось города Петербурга или, вернее, штатов его полиции. Дважды приглашенный генерал Клейгельс<sup>66</sup> был каждый раз усажен за стол заседания, причем отнеслись к нему с особым вниманием. Зато приглашенный для объяснений (в качестве управляющего Главной палатой мер и весов) профессор Д.И.Менделеев — эта мировая известность — не только был посажен за *Katzentisch*<sup>67</sup>, но даже резко осажен одним из членов Совета за то, что захотел, не будучи к тому приглашен председателем, высказаться по поводу одной из статей разработанного им и обсуждавшегося проекта нового положения о мерах и весах; по установленному порядку «приглашенные для объяснений» могли давать их, лишь будучи спрошены кем-либо из членов Совета; благодаря этому присутствие их было обыкновенно бесполезно, ибо их почти никогда ни о чем не спрашивали. Вопросы обращались к министру, представившему проект, или заменявшему его това-

65\* Журналом называли тогда протокол заседания; в журналах Государственного совета все речи передавались в третьем лице, без дословной записи, но с изложением всех тезисов, высказанных в каждом выступлении.

66\* Генерал-майор (затем генерал-лейтенант) Н.В.Клейгельс занимал должность санкт-петербургского градоначальника с 1895 по 1903 год.

67 Обеденный стол, накрываемый для детей в стороне от главного стола (нем.).

рищу министра, а те считали неудобным выказать хотя бы малейшее незнакомство со всеми подробностями рассматривавшегося вопроса, хотя фактически знать их часто безусловно не могли. Объяснения их в таких случаях, бывало, не соответствовали тем мотивам, которые легли в основу обсуждаемого правила, что подчас и вызывало нетерпеливое и досадливое ерзание по стулу близко ознакомленного с делом, приглашенного для объяснений лица; случалось при этом, что лицо это вставало, подходило к своему шефу и что-то шептало ему на ухо, но тот обыкновенно лишь нетерпеливо от него отмахивался.

Общественные деятели для объяснений никогда не приглашались. Исключение, если не ошибаюсь, впервые (причем оно осталось единичным) было сделано в 1900 году при рассмотрении положения о портовых сборах<sup>68</sup>; были вызваны представители городских управлений главных портовых городов. Приглашение это вызвало немало толков и обсуждалось как явление чрезвычайное. Конечно, и этим представителям не было дано права участвовать в обсуждении проекта, существенно затрагивавшего интересы портовых городов: по проекту, что и было затем осуществлено, портовые сборы, до тех пор взимавшиеся в пользу городов, поступали в ресурсы казны с целью образования особого фонда, за счет которого наши приморские порты должны были оборудоваться в мере действительной надобности каждого из них без соображения с суммой полученных в нем портовых сборов. Представители городских общественных управлений были введены в зал заседаний в начале разбора дела и усажены за стол, стоявший в глубине залы; каждому из них было предложено высказать

68\* Закон «О преобразовании взимаемых в империи портовых сборов» от 08 июня 1901 года, ПСЗ №20335.

свои соображения. По выслушании их объяснений, сводившихся к тому, что портовые сборы и распоряжение ими надо сохранить за городами, городским деятелям было предложено удалиться, и самое обсуждение проекта произошло после их ухода. Надо, однако, признать, что объяснения общественных деятелей не заключали каких-либо новых данных и вообще были малоубедительны, за исключением доводов представителей прибалтийских портов — Ревеля, Риги и Либавы, свободно и горячо защищавших доверенные им интересы. Члены Совета — прибалтийцы не замедлили в кулуарных беседах подчеркнуть это обстоятельство, а товарищ государственного секретаря барон Иксуль-фон-Гильденбандт даже заявил: «Вот вам продукт высшей культуры, не то что ваше Русское Собрание»<sup>69</sup>. Только что тогда образовавшееся Русское Собрание —

<sup>69</sup> «Русское собрание» — общественная организация, созданная группой писателей и публицистов (В.Л.Величко, М.В.Волконский, Н.А.Энгельгардт и др.) для «противодействия опасной для русского дела космополитичности высших слоев высшего общества». Согласно уставу, утвержденному 26 января 1901 г., общество ставило своей целью «изучение явлений русской и славянской народной жизни разработку вопросов словесности, художества, народоведения и народного хозяйства охранения чистоты и правильности русской речи». Председателем общества был избран писатель Д.П.Голицын; Н.К.Перих подарил обществу одну из своих картин. Большинство членов общества принадлежало к верхам бюрократии. К 1904 г. отделения «Русского собрания» открылись в Харькове, Варшаве, Киеве, Одессе, Оренбурге, Перми. Постепенно общество приобрело политическую окраску. После ухода Д.П.Голицына и избрания председателем М.Л.Шаховского (1905) все большую роль в обществе начинают играть политически ориентированные лидеры (Е.В.Богданович, Б.В.Никольский и др.), по иници-

правая организация с ярко национальной окраской — было бельмом на глазу у прибалтийцев, конечно, не по его правизне, а по его национальным, скажем обрусительным стремлениям.

При всей внешней мертвенности старого Государственного совета роль этого учреждения не была тем не менее ничтожна, но сводилась она преимущественно к весьма добросовестному рассмотрению деталей обсуждавшихся законоположений, причем в этих деталях, поскольку они касались политики, большинство Совета неизменно стояло на устранении произвола администрации, на введении большей законности, на ограждении прав частных лиц от их нарушения по личному усмотрению власти. Конечно, весьма относительно, но Государственный совет в общем был неизменно более либерален, чем состав высшей правительственной власти.

Как всякое собрание людей, не стоящих непосредственно у власти, лично ею не пользующихся и притом не несущих никакой ответственности за свои решения, имевшие к тому же юридически лишь значение советов, Государственный совет готов был идти на большие уступки общественному мнению, нежели лица непосредственно правящие. Конечно, среди членов Совета были и реакционеры, но таких было меньшинство. Значительно больше было индифферентов, применявших свои мнения к настроению верхов и больше всего опасавшихся оказаться не с тем мнением, с которым согласится верховная власть. Случалось, однако, что Государственный совет играл

ативе которых было начато создание «Союза русского народа» в качестве массовой опоры организации. Формально «Русское собрание» просуществовало до революции 1917 г., но заметной активности не проявляло. См.: Степанов С.А. Черная сотня в России: (1905—1914). М., 1992. С. 33-35, 89, 91, ПО.

роль тормоза, а именно при попытках какого-либо министра провести какую-нибудь решительную, смелую меру. Зависело это от той оппозиции, которую почти неизменно оказывали члены Совета — бывшие министры — по отношению к мероприятиям их преемников, в особенности благодаря возрасту членов Совета, естественно склонявшему их к осторожности и медлительной во всех областях постепенности.

Влияние возраста сказывалось иногда и иным путем: часть членов департаментов, в особенности же председатели их, от которых зависело назначение к слушанию того или иного проекта, избегали вообще рассмотрения сложных дел, изучение которых было связано с немалым трудом; случалось, что такие проекты возвращались под каким-либо предлогом представившему их ведомству. Так было с весьма сложным, потребовавшим долголетней разработки, проектом о принятии и оставлении русского подданства; он был возвращен Министерству внутренних дел исключительно вследствие того, что бывший в то время (в 1898 г.) председателем Департамента законов Островский по крайне болезненному состоянию не был в силах его одолеть. Предлогом послужило возникшее тогда предположение об изменении порядка издания законов, затрагивающих интересы Финляндии.

Значительно ослабляло значение Совета отсутствие у него права законодательной инициативы, т.е. самостоятельной разработки какой-либо законодательной меры. Право это, как известно, используется крайне редко представительными учреждениями Запада, и тем не менее важность его неоспорима, а именно как сила потенциальная: оно заставляет правительство исполнять возложенные на него законодательными учреждениями поручения. Такие поручения мог давать и Государственный совет, и правом этим он пользовался широко, но на практике, за отсутствием у Совета каких-либо способов принуждения, оно сводилось к нулю: ведомства в огромном

большинстве случаев не обращали на них никакого внимания, и я даже не припомню ни единого проекта, внесенного в Государственный совет в исполнение данного им поручения.

Конечно, поручения касались лишь второстепенных вопросов и собственно техники управления. Широких политических вопросов Государственный совет в своих поручениях ведомствам не касался, да фактически и не мог касаться: всякие попытки его в этом направлении были бы, несомненно, быстро осажены. Такой случай, впрочем, и был. При рассмотрении какого-то законопроекта выяснилось, что буряты освобождены от телесных наказаний<sup>70</sup>, а живущее среди них русское население по решениям волостных судов подвергается этим наказаниям. Усмотрев в этом вопиющее неравенство между народом-властелином и ничтожным иноплеменником, Государственный совет высказал пожелание об общей отмене телесных наказаний. Пожелание это, первоначально внесенное в резолютивную часть журнала департаментов, было затем помещено лишь в изложение мотивов, высказанных в Общем собрании Совета. Произошло это по настоянию опытных членов Государственного совета, высказавших в кулуарных беседах опасение, что подобное проявление инициативы членами Государственного совета вызовет неудовольствие государя, имеющего будто бы в виду отменить этот вид наказания особым манифестом после рождения наследника престола.

70\* По всей видимости, Гурко здесь заблуждается. Статья 75 Положения об инородцах устанавливала, что «все кочевые и бродячие Сибирские инородцы за преступления и проступки, менее важные, судятся по их обычаям, и таковые преступления и проступки считаются исковыми». Таким образом, вопрос о возможности телесного наказания был оставлен на усмотрение инородческого самоуправления.

Члены эти оказались совершенно правы<sup>71</sup>. Даже в той невинной форме, в какой Государственный совет решился выразить по этому предмету пожелание, оно вызвало резкую резолюцию Николая II, а именно: «Это будет тогда, когда я этого захочу». Само собою разумеется, что резолюция эта вызвала среди членов Государственного совета разное к ней отношение. Пугливые члены испугались, а смелые высказали не скрытое негодование. Этим обстоятельством тотчас воспользовался министр внутренних дел Д. С. Сипягин, постоянно встречавший со стороны большинства Государственного совета сопротивление внесенным им определенно реакционным законодательным предположениям, для того, чтобы представить государю Государственный совет как учреждение чуть что не крамольное и, во всяком случае, стремящееся провести свои взгляды, не считаясь вовсе с волей монарха. Инсинуация эта, к тому же совершенно неверная, имела последствием, что у Николая II появилось недружелюбное чувство к учреждению, состав коего им же назначается.

Существовала, однако, область, в которой роль Государственного совета была весьма значительной, а именно изыскание компромиссных решений по вопросам, вызвавшим разногласие между отдельными ведомствами. Действительно, в сущности Государственный совет был не чем иным, как примирительной камерой находящихся в постоянных между собой неладах министров и даже ведомств, взятых в совокупности. Решающую роль в этих неладах Государственный совет

71\* Телесные наказания для крестьян по приговору волостных судов (розги до 20 ударов) было отменено Высочайшим манифестом от 11 августа 1904 года «О милостях, дарованных в день святого крещения наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича», ПСЗ №25014.

имел в особенности при рассмотрении сметы государственных расходов и доходов. Все ведомства, естественно, стремились ежегодно увеличивать отпускавшиеся в их распоряжение средства, а Министерство финансов, назначая при составлении сметы почти самовластной рукой в свое распоряжение изрядные суммы, неизменно возражало против увеличения сметных ассигнований, даже на первостепенные государственные надобности по другим ведомствам; имело оно при этом обыкновенно союзником Государственный контроль. В разрешении возникавших на этой почве разногласий Государственный совет имел, так сказать, последнее слово, так как против решения большинства его членов Министерство финансов не решалось идти.

Разногласий в Совете стремились избежать не только члены Совета, но едва ли не в большей мере, по крайней мере по вопросам сколько-нибудь второстепенным, и начальники ведомств, не желая доводить их разрешения до верховной власти, тем более что по таким вопросам государь неизменно утверждал мнение большинства членов Совета. Впрочем, тут играла огромную роль личность того или иного министра, степень его влияния, прочность на занимаемой должности и, увы, тех благ земных, которыми он мог располагать. На практике в этом отношении министры в конце прошлого века, да, вероятно, и ранее, делились на две категории: на тех, которые импонировали Совету и относились к нему полупокровительственно, и на тех, которые заискивали перед Советом, ища в нем опоры в своей борьбе с другими ведомствами.

Вообще в Государственном совете с необычайной яркостью и выпуклостью обнаруживались все особенности нашего государственного строя, напрасно именовавшегося самодержавным. В разрозненности министров, в их постоянных пререканиях, лишь редко проистекавших из-за личных счетов и видов, а основанных на различном понимании ими ближай-



ших государственных задач, некоторые усматривали смягчение единоличного начала правления страной. Не раз приходилось слышать: «В этом состоит наша русская конституция». Но это, по крайней мере, за последнее время, безусловно неверно; фактически имелась кучка сменявшихся в пределах управления отдельными отраслями народной жизни олигархов и отсутствие единой, направляющей к заранее намеченной и ясно сознанной цели государственной власти. Олигархи эти в полном смысле слова расхищали государственную власть, превращая ее в нуль, так как и сами не могли себе присвоить хотя бы той части ее, которая относилась до дел, ими ведаемых.

Государственная власть как таковая перестала действовать и даже чувствоваться. Происходила произвольная, часто совершенно непредвидимая смена министров; существовал административный произвол над отдельными личностями, действовала сложная система тормозов и препон в отношении проявления личной инициативы и энергии в любой области, но власти творческой, направляющей народную жизнь и создающей благо состояние страны и ее населения, не было. В сущности, государственный аппарат положительного влияния на народную жизнь не имел. Жизнь эта развивалась сама по себе, понемногу с трудом разбивая те путы, которыми она была связана, развивалась, следовательно, не только помимо, но отчасти вопреки государственной власти, влияние которой если и сказывалось, то по преимуществу отрицательное, т.е. в качестве силы, задерживающей и тем самым озлобляющей здоровые творческие элементы страны.

Таков был общий порядок, общий ход вещей. Случалось, однако, что он прерывался, а именно при появлении у власти какого-либо министра, имеющего определенные творческие замыслы и обладавшего достаточной силой воли и влиянием, дабы сломить оппозицию своих инакомыслящих коллег. Таким министром был несомненно и прежде всего Витте,

наложивший печать своего творчества на целый период царствования Николая II; таким же был и В.К. Плеве, не оставивший заметных следов своего пребывания у власти благодаря кратковременности его управления Министерством внутренних дел<sup>72</sup> и несравненно меньшей стремительности своего характера. Однако, как ни сильно было влияние подобных личностей, оно все же не могло распространиться на все отрасли народной жизни, что порождало уродливо одностороннее развитие одних ее сторон при застое всех остальных.

Одним застоєм, впрочем, здесь не все ограничивалось. Происходила, кроме того, расслоенность государственной политики. Если слабые товарищи могущественного сановника данного времени не могли провести никаких существенных преобразований, не могли воплотить в действие своих замыслов и предположений, то и сатрап момента не был в силах заставить своих коллег согласовать повседневную их политику с своими начинаниями и взглядами. Следствием этого было то, что благие и, во всяком случае, энергичные мероприятия, исходящие от лица, не только обладавшего властью, но и деятельно ею пользовавшегося, в значительной мере лишались своей действенной силы за отсутствием той общей обстановки, той атмосферы, которая бы им благоприятствовала.

Приведу для иллюстрации один из наиболее ярких примеров внутреннего противоречия между правительственными мерами, применявшимися в той же области, а именно в вопросе о взаимоотношениях между представителями труда и капитала в нашей промышленности. В ведении Министерства финансов состояла фабричная инспекция. При ее помощи

72\* В.К.Плеве был назначен министром внутренних дел 4 апреля 1902 года, убит 15 июня 1904 года.

ведомство это стремилось не только оградить рабочих от чрезмерной их эксплуатации работодателями, но, по возможности, сгладить вообще трения между трудом и капиталом, служа между ними примирительным посредником. Но наряду с фабричной инспекцией действовал административно-полицейский надзор, который такому примирению нередко препятствовал, причем не прочь был принимать крутые меры по отношению к рабочим при возникавших забастовках не только без ходатайства о том промышленников, но даже вопреки их ясно выраженному желанию предоставить им самим мирно сговориться с рабочими. Так продолжалось до пресловутой зубатовщины<sup>73</sup>; да не прекратилось это и при ней, приняв лишь иной характер.

73 В 1901 г. начальник московского охранного отделения Св. Зубатов выступил с идеей создания легальных рабочих организаций под надзором полиции. Разработанные Зубатовым принципы их деятельности были изложены в записке, составленной для него Л.А. Тихомировым. Московский обер-полицеймейстер Д.Ф. Трепов представил ее генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу, который идею Зубатова одобрил. Первым шагом по реализации программы Зубатова стали воскресные чтения в Историческом музее по истории английских профсоюзов и зарубежному фабричному законодательству. В 1901 г. в Москве была создана первая зубатовская организация «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», затем подобные объединения были образованы в Одессе, Киеве, Минске, Николаеве и Харькове. В противовес Бунду Зубатов инспирировал создание Независимой еврейской рабочей партии, действовавшей в Минске, Вильно, Ковно, Киеве, Екатеринославе и Одессе. Деятельность зубатовских организаций вызвала протесты промышленников. Зубатов был переведен в Петербург (с октября

А наша цензура, разбросанная до известной степени по всем ведомствам, причем одни ведомства сами печатали за счет казны то, что другое — Министерство внутренних дел по Главному управлению печати — воспрещало.

Бессилие отдельных министров в деле разрешения всех вопросов, сколько-нибудь соприкасавшихся с кругом дел, подведомственных другому министерству, породило у нас в последнее царствование довольно любопытное явление, а именно стремление министров, имевших в данную минуту наибольшее влияние, включить в свое министерство все дела, сколько-нибудь соприкасавшиеся с вопросом, непосредственно подлежащим его ведению. Так, Витте настолько расширил круг дел, подлежащих ведению Министерства финансов, что фактически свел почти к нулю роль министерств путей сообщения и земледелия. К тому же, несомненно, стремился и Сипягин, причем свою задачу он поставил еще шире, а именно превратить то ведомство, в котором он в данное время управлял — сначала канцелярию прошений, а потом Министерство внутренних дел, в главенствующее над остальными ведомствами и их как бы контролирующее. Наконец, того же, несомненно, добивался и Плеве, но несколько иным путем и в более скромных пределах. Так, он мечтал о включении в Министерство внутренних дел, с одной стороны, государственных позе-

1902 г. — зав. Особым отделением департамента полиции), вступил в конфликт с В.К. Плеве и в ноябре 1903 г. был обвинен в попустительстве стачечному движению на юге России и в Закавказье и отправлен в отставку с запрещением жить в столицах. В 1905 г. С.Ю.Витте предлагал Зубатову вернуться на службу, но тот отказался. См.: Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991; Кавторин В. В. Зубатовщина // Первый шаг к катастрофе. СПб., 1992.

мельных банков, Дворянского и Крестьянского, а с другой, всей фабричной инспекции и в этих видах проектировал учреждение в составе управляемого им министерства главных управлений по сельским делам и труда.

Впрочем, и в самих министерствах различные их отделы не всего действовали согласно. Так, известен случай, когда найденная при полицейском обыске рукопись послужила ближайшим поводом к ссылке ее автора в Сибирь, а самая рукопись была несколько месяцев спустя целиком напечатана в журнале за подписью ее автора<sup>74</sup>, причем журнал не подвергся за это никаким цензурным карам<sup>75</sup>.

74 Статья М.П.Бородина «Мертвая петля» (Отечественные записки. 1880. № 7. Отд. 2. С. 40—63), посвященная голоду среди крестьян Вятской губернии, наличие которого администрацией отрицалось, была опубликована после ссылки автора 26 июля 1879 г. в Восточную Сибирь. Утверждение о том, что причиной ссылки М.П.Бородина послужило обнаружение у него при обыске рукописи статьи, которая позднее была опубликована с разрешения цензуры, содержится во многих изданиях (см., напр.: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Ростов-на-Дону, 1906. Т. 1. С. 78; Русские ведомости: Сборник статей. М., 1913. Отд. 2. С. 28), однако, по всей видимости, для этого были и другие основания; известно, что при обыске у него были обнаружены запрещенные издания (см.: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. Стб. 137).

75 Случай этот произошел еще в начале 80-х годов прошлого века с писателем Бородиным; статья, за которую до ее напечатания он был сослан в Якутск, касалась экономического положения населения Вятской губернии, а напечатана она была, уже после его ссылки, в «Отечественных записках». (Прим. автора)

Наконец, противоречивые меры принимали суд и администрация. Припоминаю случай, происшедший в 1897 году, когда тверское губернское присутствие<sup>76</sup> сделало замечание двум земским начальникам за то, что они в составе уездного съезда отложили разбирательство какого-то дела, а тверской окружной суд признал это решение правильным и одобрил действия председательствовавшего на съезде уездного члена окружного суда<sup>77</sup>. Таким образом, члены той же коллегии за совместно и единогласно принятое ими решение одновременно заслужили одни одобрение, а другие — порицание от тех высших правительственных органов, которым они были подчинены.

76\* Губернское присутствие - административная комиссия, составлявшая собой верхнюю инстанцию т.н. учреждений по крестьянским делам, занимавшихся административным надзором и судом (по небольшим искам и мелким правонарушениям) над крестьянами. Основной задачей губернских присутствий был разбор жалоб на постановления уездных съездов (подчиненных административных комиссий), которые, в свою очередь, преимущественно рассматривали жалобы на постановления земских начальников, а также на некоторые решения волостных и сельских сходов. Губернские присутствия были созданы в 1889 году.

77\* Уездный член окружного суда - судья окружного суда, действовавший отдельно от суда в губернском городе и единолично рассматривавший дела по некоторым преступлениям средней тяжести. Уездный член по должности председательствовал в судебных заседаниях уездного съезда, рассматривавших жалобы на судебные постановления земских начальников.

### Глава 3. Министр финансов Сергей Юлиевич Витте

Государственный совет, как я уже сказал, в области влияния его на государственную политику был в особенности и прежде всего примирительной камерой<sup>78</sup> между спорящими, а подчас и враждующими между собой министрами. Понятно, что при таких условиях в Государственном совете выявлялись всего ярче как общая политика, так и личные свойства отдельных министров, поскольку они вообще имели отношение к общей государственной политике.

Среди таких министров, конечно, на первом плане выступает фигура С.Ю.Витте. Зависело это, однако, не только от объема той власти и того влияния, которыми обладал Витте. Играла здесь роль и его несомненно выдающаяся личность, благодаря чему влияние его на заключения Государственного совета сохранилось в значительной мере, даже когда его положение стало в достаточной степени шатким.

В чинном распорядке Государственного совета Витте, несомненно, представлял некоторый диссонанс. Его огромная, несколько нескладная фигура с не в меру длинными даже для его роста руками, его лишенное особой выразительности обыденное, некрасивое лицо, его простая, чуждая всяких трафаретных оборотов, слегка грубоватая, скажу даже не совсем культурная речь с весьма заметным южным — одесским — акцентом, его полное пренебрежение ко всяким традициям «высокого собрания» производили сначала несколько странное и не вполне выгодное впечатление. Оратором его отнюдь нельзя было назвать, речь его не только не блистала цветами красноречия, но даже не отличалась складностью и особой последовательностью, и тем не менее впечатление он произ-

78 Камера — здесь в значении: парламент, народное собрание или заседание выборных от сословий (см.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 82).

водил большое. Витте был, безусловно, психологом, и при всей кажущейся простоте и безыскусственности своей речи хорошо знал, с кем имел дело, и соответственно строил свои соображения. Не чужда была Витте и лесть, иногда даже слишком явная; умел он сразить противника и личными выпадами и вообще нередко прибегал к соображениям *ad hominem*<sup>79</sup>; не останавливался он и перед фактами, подчиняя их своим соображениям и даже свободно их изобретая.

Вообще в основе отношений Витте к людям было глубокое презрение к человечеству. Черта эта не мешала ему быть по природе добрым и отзывчивым человеком. Сказывалось это в особенности в его отношениях к сослуживцам и подчиненным. Постоянно поддерживая своих бывших сотрудников, ни с одним из своих подчиненных он не расстался, не устроив так или иначе его судьбу, даже когда он этого не заслуживал, как, например, известный по громкому скандалу, которым закончилась его служебная карьера, директор железнодорожного департамента Максимов<sup>80</sup>.

79 Применительно к человеку (лат.); так говорят о доводах, относящихся не к существу обсуждаемого предмета, а отсылающих к личным качествам сторонников и противников различных точек зрения.

80 Отставка В.В. Максимова была связана с нашумевшим в 1899 г. «Мамонтовским делом», когда усилиями С.Ю. Витте были доведены до полного краха предприятия С.И.Мамонтова «Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги» и «Общество Невских судостроительного и вагоноделательного заводов» (см.: Гиндин И.Ф. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства // Исторические записки. М., 1950. Т. 35. С. 114— 115; Арензои К.Р. От Киреева до Абрамцева // Панорама искусств. Вып. 6. М., 1983). При производстве следствия по этому делу были обнаружены документы, уличавшие в крупной взятке директора



В отношении Государственного совета способ действий Витте был тот же, который он широко практиковал в других областях своей деятельности. Всегда хорошо осведомленный о том, какие лица имеют в данной среде или по данному вопросу преобладающее влияние, он направлял именно на них все свое внимание, причем для того, чтобы заручиться их содействием, а в особенности освободиться от их противодействия, прибегал к разнообразным мерам, сводившимся, однако, в сущности к одной — подкупу. Одних он подкупал лестью, других, и, увы, это было большинство, более реальными выгодами. Последнее для Витте было всегда доступно. Кроме большого числа хорошо оплачиваемых должностей — а у всякого есть если не сыновья, то племянники или вообще близкие, которых надо пристроить, в распоряжении министра финансов имелся государственный кредит. Независимо от Государственного банка, выдававшего не только торговые, но и промышленные ссуды, в ведении Витте были и Дворянский и Крестьянский земельные банки, причем последний мог приобретать земельные имущества почти по любой цене.

Случалось, конечно, что Витте нарывался на резкий отпор со стороны лиц, которых он стремился таким путем привлечь на свою сторону. Так, например, на сделанное им назначенному министром иностранных дел кн. Лобанову предложение об уравнении получаемого им содержания с жалованьем послов (разница составляла около 30 тысяч рублей в год) он получил в ответ: «Разве вы слышали, что я об этом хлопочу? В таком случае ваша осведомленность плохая». Подобные ответы,

железнодорожного департамента Министерства финансов В. В. Максимова, который, однако, не был отдан под суд, но лишь отправлен в отставку (см.: Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний: По поводу «Воспоминаний» гр. СЮ. Витте. М.; Пг., 1923. С. 47, 60- 65).

вследствие их редкости, не изменяли, однако, обычной тактики Витте, а в результате ему почти неизменно удавалось тем или иным способом обезоружить хотя бы часть своих влиятельных противников. По отношению к остальным образ его действий и даже обращение резко изменялись — он стремился брать их нахрапом и даже терроризировать.

Образчик последнего способа действий Витте в Государственном совете представило дело о дополнительном ассигновании около двух миллионов рублей на создание Петербургского политехнического института. Сооружение и оборудование здания этого института было первоначально исчислено, если не ошибаюсь, в 5 миллионов рублей и уже потребовало чуть не двукратного дополнительного ассигнования. С отпуском нового двухмиллионного ассигнования стоимость этого здания должна была достигнуть почти десяти миллионов. Государственный контролер П.Л.Лобко находил испрашиваемые суммы чрезмерными и настойчиво возражал против их ассигнования, по крайней мере полностью. При обсуждении этого вопроса в департаментах Государственного совета Лобко выступил с резкой критикой Министерства финансов в деле сооружения упомянутого здания. Витте, разумеется, с не меньшей резкостью отвечал. Задетый какими-то словами, Лобко не выдержал и сказал, что о способе действий Министерства финансов в этом деле можно судить по тому, что необходимая для института площадь земли в Лесном была приобретена министерством за сумму свыше 200 тысяч рублей, тогда как продавец, некий Сегаль, купил ее лишь за несколько месяцев перед тем за 30 тысяч рублей. Желая как-нибудь сгладить возникший инцидент, председатель департамента заявил, что это, собственно, не относится до Государственного совета, что время уже позднее (приближались уже сакраментальные 6 часов, позже которых заседаний не принято было продолжать), и предложил перейти к голосованию. Но не таков был Витте, чтобы пропустить брошенное ему обвинение без резкой

отповеди. «Мы здесь до ночи просидим, — заявил он с полным игнорированием прав председателя, — но раз здесь занимают-ся инсинуациями, я не могу молчать». В блестящей, в смысле фактов, импровизации Витте разбил наголову неосторожно расхорохорившегося Лобко, а результатом было то, что дополнительное ассигнование было принято единогласно, не исключая и возражавшего государственного контролера. Само собою разумеется, что в журнале заседания департаментов инцидент этот получил слабое отражение, причем ни данные, приведенные Лобко, ни факты, приведенные Витте, в нем не были упомянуты: импровизаций на бумаге лучше не закреплять.

Характерен для Витте и другой инцидент, разыгравшийся в Общем собрании Совета. Обсуждался вопрос об обложении промысловым сбором епархиальных свечных заводов. Обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев, разумеется, возражал. Речь его по этому поводу, как и все его речи, впрочем, весьма редкие, была выслушана с особым вниманием. До чрезвычайности худой с пергаментным цветом кожи и иератическим ликом, как-то особенно подчеркнутым большими черепаховыми очками, Победоносцев производил впечатление приказного или, вернее, подъячего дореформенных судов, до тонкости изучившего всю судебскую казуистику. Таким он, в сущности, и был: знаток гражданского права, он при всем своем несомненно выдающемся мыслительном аппарате обладал умом исключительно аналитическим. Разобрать любое явление, подвергнуть его всесторонней критике никто не мог лучше Победоносцева, но зато всякое творчество — результат ума преимущественно синтетического — было ему совершенно чуждо и недоступно. Тем не менее речь Победоносцева, всегда логически построенная и красиво сказанная — русским языком он владел в совершенстве, отличалась и убедительностью, и убежденностью, в особенности когда, постепенно оживляясь, он воздевал руки горе и с пафосом рисовал ужасы, которые ожидают государство, если будет принята оспариваемая им

мера; верный себе Победоносцев никогда не отстаивал и не предлагал, а неизменно ограничивался критикой чужих предложений или мнений. Так было и в данном случае, причем Победоносцев между прочим упомянул, что имеется особое высочайшее повеление, согласно которому епархиальные свечные заводы никаким сборам не подлежат. Наступила очередь Витте. Не помню, что именно он сказал по существу дела, но относительно упомянутого Победоносцевым высочайшего повеления выразился определенно. «Не могу я, — заявил Витте, — откапывать все высочайшие повеления — на это у меня времени нет, да и какое имеют они значение». Такого заявления не только Совет, но и стены Мариинского дворца едва ли когда-либо слышали, но к Витте уже настолько привыкли, что заявление это даже не вызвало изумления<sup>81</sup>.

Ко времени воцарения Николая II Витте уже успел выявить свои основные особенности — смелость, решительность и широту творческого размаха. Им была уже проведена винная монополия<sup>82</sup>, выдержал он и таможенную войну с Германией, возникшую на почве установленных им таможенных ставок на изделия германской промышленности. Заключенным в 1894 г.

81\* Необходимо добавить, что Государственный совет в данном случае поддержал позицию Победоносцева (Положение о государственном промысловом налоге, ст. 371 (6)).

82 Закон о винной монополии, подготовленный по инициативе С.Ю.Витте, был утвержден 6 июня 1894 г.; практическая его реализация началась с января 1895 г. первоначально в четырех губерниях и была завершена на всей территории империи только к 1900 г. Монополия государства распространялась на очистку спирта, оптовую и розничную торговлю крепкими напитками; производство спирта-сырца разрешалось и частным лицам. К 1900 г. монополия приносила 11%, а к 1913 г. — 22,1% дохода бюджета (см.: Фридман МИ. Винная монополия. СПб., 1914—1916. Т. 1-2.).

с Германией торговым трактатом ставки эти были удержаны ценой подъема со стороны Германии ставок на продукты нашего сельского хозяйства<sup>83</sup>.

Наиболее крупным делом, внесенным Витте в Государственный совет в новом царствовании, было введение у нас золотой валюты<sup>84</sup>.

83 В период с 1879 по 1887 г. Германия довела таможенное обложение русского сельскохозяйственного экспорта до 100%. В ответ Россия в 1891 г. приняла по настоянию Витте протекционистский таможенный тариф, практически блокировавший ввоз немецких промышленных изделий в Россию. В феврале 1893 г. Германия сообщила свои условия снижения таможенных пошлин, практически означавшие требование отмены русского покровительственного тарифа 1891 г. Тогда в отношении Германии с 20 июля был принят двойной тариф, как для страны, отказывающейся России в статусе наибольшего благоприятствования. Противостояние было на время разряжено подписанием 29 января 1894 г. договора о торговле и мореплавании между Германией и Россией, где стороны пошли на приблизительно равные уступки (см.: Копелова Ю.И. О таможенной войне между Россией и Германией в начале 90-х годов XIX века // Труды Горьковского педагогического института им. М. Горького. Т. 18. Исторический сборник. Горький, 1956).

84 Проведение денежной реформы, готовившейся в 1880-х гг., началось с утверждения императором 4 февраля 1895 г. доклада С.Ю.Витте о необходимости введения золотого обращения. Законом 8 мая 1895 г. было разрешено заключать сделки на золото. По закону «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» 3 января 1897 г. была проведена девальвация рубля на 1/3 и в качестве монетной единицы был принят золотой рубль, содержащий 0,774235 г. золота. 29 августа 1897 г. был издан указ об эмиссионных операциях Государственного банка, получившего право выпуска кредитных билетов, обеспеченных золотом и обменивавшихся на золото без ограничений. Все зако-

Укажу прежде всего по этому поводу, что, вступая в управление Министерством финансов, Витте имел лишь слабое представление о финансовой науке и практике. Это не мешало ему, однако, с присущей ему самоуверенностью немедленно наметить самые решительные реформы, круша все установившиеся в финансовом ведомстве приемы и традиции. Среди этих реформ Витте имел в виду отнюдь не введение золотой валюты, а, наоборот, в целях оживления народного хозяйства «насыщение мельчайших каналов денежного обращения» путем увеличения выпуска кредитных знаков. Систему эту поддерживал Катков, содействовавший назначению Витте главой финансового ведомства. На этой почве в связи с заявлением Витте о возможности построить Великий сибирский путь на бумажные деньги и состоялось его назначение<sup>85</sup>.

ноположения реформы были объединены в «Монетном уставе», изданном 7 июня 1899 г. Реформа укрепила внутренний и внешний курс рубля. См.: Власенко В.Е. Денежная реформа в России 1895—1898 гг. Киев, 1949.

85 Гурко ошибается. При прямой поддержке М.Н.Каткова министром финансов в январе 1887 г. был назначен И.А.Вышнеградский, с 1883 г. печатавший в «Московских ведомостях» статьи с критикой финансовой политики Н.Х.Бунге. С.Ю. Витте занял пост министра финансов в августе 1892 г. при поддержке «Московских ведомостей», но уже после смерти Каткова (в июле 1887 г.). (См.: Ананьин Б.В., Ганелин Р.Ш. И.А.Вышнеградский и С.Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика XIX—XX вв. Л., 1972.) План С.Ю.Витте, одобренный императором, — строить Транссибирскую магистраль на средства от выпуска «сибирских кредитных билетов» — был изложен в специальной записке, разосланной 13 ноября 1892 г. всем членам Особого совещания (см.: Пролог Русско-японской вой-

В первую пору своей финансовой деятельности Витте настолько держался этого взгляда, что остановил осуществление мер не только намеченных, но уже отчасти проведенных его предшественниками Бунге и Вышнеградским для укрепления нашей денежной единицы. Действительно, мысль утвердить наш рубль в золоте была выдвинута Бунге, а приступлено к ее осуществлению Вышнеградским.

Вдохновителем финансовой политики Витте был первоначально взятый им себе в товарищи профессор Киевского университета Антонович, а последний определенно стоял за развитие торговли и промышленности посредством увеличения количества денежных знаков, обращающихся в стране. В этих видах Антоновичем был переработан устав Государственного банка, согласно которому банку представлялось значительно расширить свою деятельность в области выдачи ссуд

ны: Материалы из архива графа С.Ю.Витте. Пг., 1916. С. 10—17.) Князь В.П.Мещерский утверждал, что Витте не находил в этом плане противоречия введению золотой валюты, считая, что «золотая валюта — это для Европы, а план строить сибирскую железную дорогу на кредитные билеты исходит из веры, что Россия все может» (Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1912. Т. 3. С. 392). Однако, по всей видимости, правы Б.В.Ананьич и Р.Ш.Ганелин, полагающие, что «к моменту назначения министром финансов Витте еще не имел достаточно четкой экономической программы» и, видимо, не был посвящен в план подготовки денежной реформы (см.: Кризис самодержавия в России. 1895— 1917. Л., 1984. С. 35). Обстоятельство это сам Витте старался скрыть. Бывший директор департамента железнодорожных дел Министерства финансов В.В.Максимов, сообщая корреспонденту газеты «День» об этом эпизоде, отметил, что «Витте страшно конфузился, когда кто-нибудь случайно упоминал об этой записке, и принял меры к уничтожению всех ее экземпляров» (День. 1915. 7 марта).

как крупной, так и мелкой промышленности. Едва, однако, устав этот получил силу закона, как Витте успел изменить свое отношение как к вопросу о кредитном денежном обращении, так и к самому защитнику бумажных денег Антоновичу. Здесь именно проявились в полной мере финансовые способности Витте. Он необычайно быстро разобрался в мало знакомой ему до тех пор области и не остановился перед решительным изменением своей первоначальной политики, причем расстался с Антоновичем. Последнего в качестве советника по финансовым вопросам заменил при Витте выписанный из Берлина и вступивший в состав Международного банка Ротштейн<sup>86</sup>. При ближайшем участии этого банкира и была осуществлена Витте денежная реформа, т.е. укреплена в золоте наша денежная единица. Осуществлена эта реформа была, однако, не через посредство Государственного совета. Здесь она встретила ожесточенное противодействие. Оппозицию эту Витте не удалось сломить, и ему пришлось взять свой проект обратно и затем провести его через финансовый комитет, причем он получил силу закона Высочайшим указом<sup>87</sup>. То было время

86\* Гурко здесь ошибается. А.Ю.Ротштейн переехал из Германии в Петербург в конце 1870-х и с 1890 г. был директором петербургского Международного коммерческого банка. Ротштейн имел доверительные отношения еще с предшественником Витте на посту министра финансов А.И.Вышнеградским (Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М. 2014. С. 119–123.).

87\* Гурко излагает ход денежной реформы несколько упрощенно. На самом деле Министерство финансов уже к концу 1893 года стабилизировало отношение кредитного (бумажного) и золотого (в импералах, золотой монете) как 3:2, допуская волатильность в пределах не более 3%. С начала 1896 года золотую монету стали принимать в налоговые платежи по тому же курсу. В 1896 году государство стало вводить в денежный оборот золо-



(1896 г.), когда Витте был в апогее своей власти и не стеснялся осуществлять задуманные им меры вопреки всем и вся с нарушением нормального порядка, путем использования неограниченной власти самодержца. Способ этот для самого Витте был отнюдь не безопасный, так как не только возлагал всю ответственность за принятые решения на него одного, но и возбуждал против него весьма влиятельные круги. Надо отдать справедливость Витте, перед этой опасностью он не останавливался, рискуя тем самым подорвать и даже утратить свое положение. Но в то время власть для Витте была не целью, а лишь способом осуществления своих творческих замыслов, полем для приложения своих недюжинных сил.

Роль Витте в развитии русской промышленности общеизвестна. Влияние мер, принятых Витте в этом направлении, было потому особенно сильно, что они в общей совокупности составляли целую систему, направленную к той же цели, что и создало ту атмосферу, в которой русская промышленность получила возможность быстро и пышно расцвести. Однако

тую монету, выдавая именно монетой значительную часть платежей от казны. Таким образом, в течение 1896 года денежная система России из бивалютной (бумажный кредитный рубль и золотая монета, обмениваемые по плавающему рыночному курсу) де-факто превратилась в монометаллическую золотую. Все эти мероприятия были проведены без законодательного оформления. В законодательном порядке была проведена лишь формальная часть реформы - на купюрах появилась надпись, что их стоимость составляет 1/15 золотого имперала и они подлежат свободному обмену на золотую монету, то есть государство дало твердое обещание сохранять как постоянную ту систему, которая уже действовала. Именно этот шаг реформы, последний и достаточно формальный, Витте провел не через Государственный совет, а через Финансовый комитет, что было законным, но экзотическим путем законодательства.

была здесь теневая сторона, и притом весьма существенная, а именно, что некоторые из проводимых мер были искусственны и, следовательно, долго их применять не было возможности, а с их прекращением некоторые отрасли промышленности стали заметно слабеть. Это относится в особенности к металлургической промышленности, расцветшей главным образом благодаря казенным заказам преимущественно для надобностей как находящихся в эксплуатации, так и в особенности строящихся железных дорог. С прекращением этого строительства занятые для этой цели заводы стали испытывать огромные затруднения для сколько-нибудь полного использования их оборудования.

Математик по образованию, железнодорожник по профессии, Витте до перехода на государственную службу, как уже упомянуто, обладал весьма ограниченным багажом познаний в области политической экономии и финансовой науки. В сущности, до этого перехода он был лишь знатоком железнодорожного хозяйства и одновременно крупным дельцом, отличавшимся выдающейся способностью практически смотреть на вещи и уметь извлекать из них непосредственную реальную пользу. Способность эта, в связи с умением легко и быстро разбираться в совершенно новых, ему дотоле неведомых вопросах, сделала из Витте блестящего министра финансов, но государственного деятеля в полном смысле этого слова из него все же не создала.

Целые области государственной жизни остались для Витте до конца его дней совершенно неизвестными и даже недоступными его пониманию. К тому же о России и русском народе он имел лишь смутное понятие, что особенно обнаружилось в бытность его в 1905 г. главой правительства. Практическая сметливость — вот что неизменно руководило Витте при разрешении им тех разнообразных вопросов, с которыми он сталкивался. Однако эта сметливость, помогая ему удачно, а иногда и блестяще разрешать вопросы дня, не давала ему того

прозрения в будущее, без которого нет истинных творцов народного счастья и государственного величия. В соответствии с этим и программа экономической политики Витте была лишь программой деятельности данной минуты и отличалась той простотой концепции, которая ему вообще была свойственна. Сводилась она, в сущности, к одному накоплению наличных денежных средств в государственной казне и накоплению частных капиталов в стране. Сознвая, разумеется, что лучшим средством пополнения государственных средств является оживление хозяйственной жизни страны, к этому оживлению он и стремился, но единственный способ этого оживления он видел в развитии промышленности, и притом промышленности крупной, т.е. именно той, которая служит источником накопления частных капиталов.

Поклонник Фридриха Листа, об учении которого он написал даже небольшое исследование<sup>88</sup>, Витте разделял его взгляд, что сельское хозяйство представляет ограниченное поле применения людского труда, тогда как промышленность, не стесненная определенными физическими пределами, может развиваться безгранично и, следовательно, поглотить беспредельное количество труда. На сельское хозяйство в соответствии с этим Витте смотрел как на необходимую, но чисто служебную отрасль народного хозяйства. Земледелие, в представлении Витте (быть может, неясно им самим сознаваемом, но четко выступавшем в его мероприятиях), должно давать

88 В книге «Национальная экономия и Фридрих Лист» (Киев, 1889; 2-е изд.: По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист. СПб., 1912) С.Ю.Витте, характеризуя взгляды немецкого экономиста, по существу изложил собственную программу строительства «национальной экономики», важнейшими инструментами которого были протекционизм в тарифной сфере и усиленное развитие железнодорожной сети.

пропитание населению, но само по себе служить источником его благосостояния не может. Именно отсюда проистекало его отрицательное отношение ко всем мерам, направленным к подъему сельского хозяйства.

На первый взгляд, совершенно непонятно более чем равнодушное отношение Витте к происходившему в России в 90-х годах прошлого века неимоверному падению цен на сельскохозяйственные продукты, в особенности на зерно, вызвавшему жестокий сельскохозяйственный кризис. Наличие этого кризиса Витте попросту отрицал, не то иронически, не то патетически восклицая в представленной им всеподданнейшей записке: «странный кризис, когда цена на землю постоянно растет»<sup>89</sup>, но при этом не дал себе труда отметить, да, по-видимому, не давал себе труда и выяснить, соответствует ли доходность земли, определяя ее по учетному проценту<sup>90</sup>, ее

**89** Заявление Витте, что цена на землю непрерывно росла у нас, тоже неверно. Достигнув в черноземной полосе в половине 70-х годов приблизительно ста рублей за десятину, она оставалась неизменной в течение долгого ряда лет и лишь в конце 90-х годов прошлого века, т.е. именно ко времени, к которому относится всеподданнейшая записка Витте, начала вновь довольно решительно повышаться. Но это повышение проявилось, лишь когда сельскохозяйственный кризис, достигший своего апогея в 1893—1894 гг., начал ослабевать. Повлияла на повышение стоимости земли и девальвация нашей денежной единицы, утвержденной при введении золотой валюты в двух третях ее прежней ценности. (Прим. автора)

<sup>90\*</sup> Для эпохи Гурко стоимость денег определялась не по кредитному, а по учетному проценту. Учетный процент - это процент, который банк вычитает из стоимости долгового обязательства при покупке его до срока исполнения. Учетный процент не совпадает с кредитным процентом. Например, если банк покупает вексель номиналом в 1 рубль со сроком оплаты через год с

рыночной стоимости. Отрицать, что в 90-х годах, т.е. именно в годы управления Витте Министерством финансов, у нас разразился сельскохозяйственный кризис, по меньшей мере странно. Когда на рожь цена в волжских и многих центральных губерниях упала до 12 коп. за пуд и даже в Москве, этом центре внутренней хлебной торговли, в смысле установления именно ею средней цены на зерно внутри России, немногим превышала 20 коп. за пуд, Витте ограничился заказом группе экономистов с А.И.Чупровым во главе статей под названием «Влияние хлебных цен и урожаев»<sup>91</sup>. Сборник этот является ключом для уразумения политики Витте. Цель его издания состояла в парировании указаний прессы на бедственность падения цен на хлеб для всего земледельческого населения России, т.е. 80% русского народа. На пространстве нескольких сотен страниц гг. экономисты в качестве непреложной истины, с помощью сложных цифровых выкладок, установили, что русский крестьянин является не производителем зерна, по крайней мере

учетом 20% годовых (учетный процент), это значит, что продавец векселя получает на руки 80 копеек. Следовательно, в современном исчислении банк дал ему кредит под 25% годовых (кредитный процент).

91 См.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: Статьи Н.Ф.Анненкова, В.Н.Григорьева, Н.А.Каблукова и др. / Под ред. А.И. Чупрова и А.С. Посникова. Т. 1—2. СПб., 1897. Защищаемый авторами тезис о предпочтительности для развития российского народного хозяйства поддержания низких цен на хлеб вызвал бурную полемику. См.: Ходский Л.В. По поводу книги «Влияние урожаев...»: С приложением ответа проф. Чупрову. СПб., 1897; Пшено Д.И. По поводу полемики о дешевом хлебе. Ответ гг. Чупрову и Посникову. Киев, 1897; Самарин Д.Ф. О низких ценах на хлеб: По поводу книги «Влияние урожаев...» М., 1902.

поступающего на рынок, а потребителем его, а посему для него дешевая цена на этот продукт его питания выгодна.

Приходили к этому выводу простым путем, а именно — с одной стороны, увеличением количества душевого потребления хлеба крестьянством, а с другой — уменьшением размера крестьянских урожаев и сокращением крестьянской посевной площади. При этом не были вовсе приняты во внимание земли, которые состояли в арендном или испольном пользовании земледельческого населения. Конечно, все эти построения не представляло никакого труда разрушить, но так как конечный вывод ученых исследователей сводился к тому, что высокие цены на хлеб выгодны только для рентных землевладельцев, то наша радикальная пресса не дала себе этого труда, но даже восхваляла появившееся исследование.

«Вредно для зубров — следовательно, превосходно для страны» - вот изумительный по простоте и прямолинейности вывод, который делала радикальная часть общества. Между тем достаточно было принять во внимание, что из общего количества получавшегося в стране зерна более миллиарда пудов поступало на рынок и что этот миллиард — результат народного труда, чтобы убедиться, что не одни землевладельцы страдали от низких цен на хлеб, что от этого страдало все без исключения сельское население. Действительно, если даже признать, что все количество это доставляли владельческие экономии (что, разумеется, неверно), то и в таком случае значительную часть рыночной стоимости зерна (фактически в ту пору всю его стоимость) составляла оплата затраченного на обработку почвы и уборку урожая труда того же крестьянского населения. Отсюда следует, что чем цена на зерно была ниже, тем поневоле дешевле расценивался и оплачивался затрачиваемый на его получение народный труд. Впоследствии, когда цены на хлеб значительно поднялись, положение это вполне оправдалось: цена на сельские рабочие руки стала быстро возрастать.

Спрашивается, можно ли признать, что Витте с его умом и практическим смыслом не понимал этого простейшего и очевиднейшего факта. Думается, что это недопустимо. Но в таком случае как же объяснить его безразличие к падению цен на хлеб? Быть может, невозможностью принять какие-либо меры к их подъему? Но это не так. Влиять на мировые цены на хлеб он, разумеется, не мог. От цены зерна в Германии зависела в значительной степени вся вообще наша экспортная цена хлеба, которая, в свою очередь, определяла цену хлеба внутри страны, но принудить Германию понизить таможенные ставки на русский хлеб Витте не был в состоянии. Для этого необходимы были, по меньшей мере, уступки по нашим протекционным пошлинам на изделия германской промышленности, которые нашу промышленность лишили бы возможности с ней конкурировать, даже на нашем внутреннем рынке и, следовательно, фактически убили бы многие ее отрасли. Все это так, и тем не менее была возможность принять ряд других мер к поддержанию цены русского хлеба на зарубежных рынках или, вернее, в русских портах; без этого хлеба Западная Европа обходиться в ту пору не могла. Так, ничто не препятствовало устроить сеть хлебных элеваторов, ввести варрантную систему на хранящееся в них зерно<sup>92</sup>, расширить кредитные операции под хлеб, обеспечить доброкачественность хлеба, экспортиру-

92\* Смысл варрантной системы в том, что землевладелец сдает на хранение зерно (в мешках) на элеватор, где оно проходит очистку и обезличивается, ссыпаясь в общий резервуар. Элеватор выдает продавцу варрант, то есть складское свидетельство. Этот документ продавец зерна может продать, и элеватор выдаст зерно тому, кто предъявит варрант. Продать варрант проще, чем товарную партию зерна, так как зерно в элеваторе имеет стандартное качество, гарантируемое элеватором, так что партия товара не нуждается в осмотре; соответственно, продажу варранта можно произвести без личной встречи.

емого за границу<sup>93</sup>, и т.д. Дешевая цена русского хлеба в значительной степени проистекала от необходимости у его производителя, вследствие отсутствия у него достаточных оборотных, да и вообще всяких средств, немедленно реализовать весь урожай тотчас после его уборки по любой существующей на рынке цене. Этим, конечно, пользовались скупщики зерна и заграничные экспортеры. Ежегодно к осени, т.е. ко времени умолота, цена на хлеб при сколько-нибудь сносном урожае стремительно падала, с тем чтобы несколько подняться к весне. Перечисленные меры могли бы оказать этому мощное противодействие. Не додуматься до них Витте, разумеется, не мог, тем более что ему об этом твердили с разных сторон. И тем не менее Витте эти меры если и осуществлял, то в столь ничтожных размерах, что влияния они никакого иметь не могли. Последнее давало ему лишь возможность утверждать, что меры эти он принимает, но расширить их, что требует затраты значительных средств, он не может, так как опыт указал, что они результата не дают.

Но где же причина столь непонятого упорства Витте в этом вопросе? Причина, несомненно, была, а состояла она в том, что Витте, задавшийся целью во что бы то ни стало насадить фабрично-заводскую промышленность в России, признавал необходимым обеспечить эту промышленность дешевыми рабочими руками. В этом, в сущности, при отсут-

93\* Речь идет о том, что мелкие производители продают зерно различного качества (как по фактуре, то есть по удельному весу, так и по засоренности), а оптовые заграничные покупатели желают покупать зерно одной или нескольких известных им марок, гарантированно соответствующее определенному стандарту качества. Предполагалось, что какие-либо ассоциации производителей или российских торговцев должны выполнить эту задачу, очищая и смешивая мелкие партии зерна в портах.



ствии богатого и емкого внутреннего рынка, заключался главный шанс русской промышленности в ее борьбе с промышленностью западноевропейской. Технически безмерно хуже оборудованная, нежели промышленность Запада, имея в своем распоряжении рабочих недостаточно развитых, лишь недавно привлеченных к фабрично-заводскому труду, а следовательно, не успевших приобрести необходимые навыки для достижения сколько-нибудь высокой производительности в работе, русская промышленность могла окрепнуть лишь при возможности пользоваться исключительно дешевой рабочей силой. Но расценка рабочего труда на той ступени экономического развития, на которой находилась Россия, зависела почти исключительно от стоимости основных продуктов питания. Мало того, безвыгодность земледельческого промысла обеспечивала постоянный приток сельских рабочих на фабрики и заводы. Впрочем, в этом случае, как во многих других, Витте действовал под влиянием весьма ценимого им Д.И.Менделеева. Соображения Менделеева по вопросу о значении дешевых жизненных припасов для процветания промышленности были им впоследствии изложены в известном его труде «К познанию России»<sup>94</sup>. Таким образом, удержание на низком уровне хлебных цен вполне отвечало замыслам Витте. А замыслы эти были грандиозные; в своих воспоминаниях он продолжает утверждать, что пройдет немного лет, как Россия превратится в первую по промышленности страну мира.

Вот где, думается, надо искать разгадку отношения Витте к земледелию, а тем более к рентному сельскому хозяйству. Не будучи само по себе, ни при каких условиях, источником на-

94 Книга Д.И.Менделеева «К познанию России» (СПб., 1906), подводящая итог его исследований народного хозяйства страны, имела большой успех — второе и третье издания были выпущены в том же году.

копления свободных капиталов, сельское хозяйство в случае своего процветания, т.е. при поглощении большого количества труда и высокой оплате этого труда, могло явиться серьезным тормозом для развития нашей фабрично-заводской промышленности.

Наконец, не следует забывать, что Витте был в высшей степени государственным человеком, т.е. человеком, стремившимся не столько к насаждению довольствия и счастья среди граждан страны, сколько к обеспечению величия и силы государства как целого. В соответствии с этим на отдельные слои населения он смотрел преимущественно как на строительный материал государственной мощи<sup>95</sup>.

Тут приходится вновь указать, что Витте был сыном своего века - горячим поклонником капиталистического строя и

95 В своих воспоминаниях С.Ю.Витте писал, что «экономическая, а потому в значительной степени и политическая мощь страны заключаются в трех факторах производства: в природе — природных богатствах, капитале, как материальном, так и интеллектуальном, и труде». Далее Витте утверждал, что Россия «чрезвычайно богата природой», но основная масса трудового населения — крестьянство — «находится в рабстве произвола, беззаконности и невежества», и государство «не может мощно идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предугазано природой вещей, а может быть, и судьбою». Однако, продолжает он, «несмотря на то ужасное время, которое мы ныне переживаем, я все-таки убежден в том, что Россия имеет громадную будущность, что Россия из всех тех несчастий, которые ее постигли и которые, вероятно, будут, к несчастью, еще следовать, выйдет из всех этих несчастий перерожденной и великой, то я убежден в том именно потому, что я верю в русское крестьянство, верю в его мировое значение в судьбах нашей планеты» (см.: Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 499, 526, 532).

капитализма вообще. Но этот капитализм или, вернее, его возрастание он видел в торговле, в промышленности обрабатывающей и добывающей, но отнюдь не в сельском хозяйстве.

Безразличное отношение Витте к сельскому хозяйству, вызванное первоначально той специфической политикой, которую он преследовал, получило сильное подкрепление в той оппозиции, которую он встретил в своей деятельности со стороны сельских хозяев. Сказать, что вся эта оппозиция была беспристрастна, нельзя. Нападки на Витте за установление золотой валюты были малообоснованны; не вполне справедлива была и критика его политики таможенной, протекционной для промышленности. Критики этой в связи с стремлением подорвать его положение, а в особенности противодействовать проводимым им мероприятиям Витте хладнокровно перенести не мог и очень скоро от равнодушного отношения к сельским хозяевам перешел во враждебное, причем неизменно отождествлял их с поземельным дворянством, которому приписывал преследование исключительно узких сословных интересов.

Отмечу, однако, что ненависть Витте была направлена не против магнатов землевладения, а против тех мелких и средних землевладельцев, о которых он сам говорит, что класс этот был разорен и жил изо дня в день. К нашей земельной знати Витте относился иначе; ее он старательно стремился оторвать от массы поместного сословия, заинтересовывая в крупных промышленных предприятиях и тем уничтожая их промышленную солидарность с сельскими хозяевами.

Знать эта нужна была Витте как для укрепления своего положения у престола, куда ее представители имели доступ, так и для удовлетворения присущего ему мелкого чувства — снобизма, ибо, к сожалению, Витте не был вовсе лишен этой слабости. Ради проникновения в высшее петербургское общество он ухаживает за его представителями и всячески ищет приобрести их расположение. Одним он устраивает продажу по сходной цене казенных земель, другим он выдает крупные

промышленные ссуды и субсидии, у некоторых приобретает для Крестьянского банка по особой оценке их земельные имущества. Правда, он же, старательно их соблазнявший, бросает им в своих воспоминаниях резкое обвинение в угодничестве, продажности и безграничной жадности<sup>96</sup>.

Злоба Витте на поместное сословие отразилась в заключающемся в его воспоминаниях описании действовавшего с 1897 по 1902 г. Особого совещания по делам дворянского сословия. Недаром Витте говорит, что совещание это было образовано для изыскания мер воспособления мелкому дворянскому землевладению, хотя ни в его названии, ни в его документах, относящихся до его учреждения, не было указано специально на мелкое землевладение. На деле действительно именно мелкий, а отчасти и средний дворянско-землевладельческий слой находился в неимоверно тяжелых экономических условиях<sup>97</sup>, и если возможно было возражать против его

96 Витте выражал пожелание, чтобы в России стал «невозможен такой порядок вещей, при котором величайшая нация находится в вечных экспериментах эгоистической дворцовой камарильи». Он утверждает далее, что «при дворе дворянская камарилья, требовавшая все больших и больших подачек, работала против него всюю». Однако Витте обходит стороной вопрос о выдаче им этой самой камарилье значительных «неуставных ссуд (то есть долгосрочных ссуд, выдававшихся по специальным высочайшим повелениям, что противоречило уставу Государственного банка); особенно широко практиковал это Витте в период 1900—1903 гг. (см.: Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 500, 501, 504, 505, 533, 624, 625).

97\* Говоря о тяжелых условиях, Гурко имеет в виду землевладельцев, самостоятельно ведущих хозяйство и, следовательно, зависимых от уровня цен на продукцию и производственных издержек. Сдача земли в аренду (если она не заложена в обеспечение ипотечного кредита) всегда даст владельцу операцион-

поддержания на сословной почве, то преимущественно лишь теоретически. Практически слой этот охватывал почти весь состав борющихся с нуждой землевладельцев. Сельскохозяйственный кризис на представителях этого слоя отразился столь же тяжело, как и на крестьянстве. Невзирая на всю их воспитанную поколениями любовь к земле, они вынуждались к ликвидации своих владений и к переходу в другие отрасли занятий. Между тем многие из них были поэтами своего дела; искали они не каких-либо чрезвычайных барышей, а лишь возможности как ни на есть связать концы с концами, прокормить семью и дать воспитание детям. И вот этих-то людей Витте клеймит за их мнимую жадность, за преследование ими будто бы исключительно узкословных целей и даже за стремление построить свое благополучие на счет всего остального населения. В действительности не любил и даже презирал этих людей Витте именно за их бедность, за их неумение (обусловленное, однако, обстоятельствами, находящимися вне их влияния) наживать богатство, накапливать капиталы. Дельцов финансового мира, зарабатывающих миллионы, промышленников, удваивающих в несколько лет свое состояние, он уважал и к их ходатайствам относился с предупредительностью.

О дворянском совещании Витте говорит, что там сошлись люди, которые были врагами народа, и что поэтому он употребил все усилия, чтобы это совещание никаких серьезных мер не приняло. Последнее, безусловно, верно, но Витте забыл упомянуть, к какой стороне деятельности этого совещания он проявил явно враждебное отношение и добился ее прекращения. Проявил же он это отношение, лишь когда совещание это

ную прибыль; для такого случая тяжелыми условиями можно считать лишь падение прибыли ниже того уровня, к которому землевладелец привык.

от обсуждения сословных интересов (способов вступления в ряды дворянства, круга деятельности дворянских собраний и т.п.) перешло к рассмотрению интересов общенародных. Произошло это, когда совещание разделилось на отдельные комиссии, причем была образована комиссия экономическая под председательством министра земледелия Ермолова. Комиссия эта стала сразу на ту точку зрения, что экономические интересы дворянства неразрывно связаны с интересами земледелия вообще и что единственной действительной помощью помещному сословию могут служить лишь такие меры, которые привели бы к подъему общего уровня русского сельского хозяйства. Осведомившись через своих представителей — участников комиссии о том пути, на который комиссия стала, Витте немедленно весьма резким письмом на имя ее председателя заявил, что комиссия вышла из пределов вопросов, предоставленных ее обсуждению, и что он, Витте, решительно возражает против дальнейшей ее деятельности в принятом ею направлении. Попытки Ермолова отстоять свободу действий комиссии, как все его попытки бороться с Витте, оказались безрезультатными. Да оно и трудно было. Витте находился в то время на апогее своего влияния, а близость его ко двору была настолько значительна, что ему было поручено читать лекции по политической экономии великому князю Михаилу Александровичу, состоявшему в ту пору наследником престола. Кончилось дело тем, что Ермолов покорился властному окрику своего могущественного коллеги. Описывая этот инцидент, не заметил Витте и того противоречия с самим собой, в которое он впал по этому вопросу. Действительно, в той части своих воспоминаний, где он говорит о сельскохозяйственном совещании и об образовании местных сельскохозяйственных комитетов, он же утверждает, что комитеты выска-

зались прежде всего за обеспечение интересов крестьянства, за упразднение их сословной обособленности и вообще обратили главное внимание на удовлетворение народных нужд<sup>98</sup>. Но из кого же состояли эти комитеты? Председателями их были уездные предводители, а членами в подавляющем большинстве дворяне-землевладельцы и в том числе — *horribile dictu*<sup>99</sup> — земские начальники<sup>100</sup>. Таким образом, оказывается, что, с одной стороны, земельное дворянство — враг народа, а с другой, что оно же заботится прежде всего о народных нуждах, презирая собственные выгоды. Наконец, из кого же состояло

98 Здесь (как и в нескольких других местах) Гурко без изменений вставляет в текст фрагменты из своей статьи «Что есть и чего нет в "Воспоминаниях графа С.Ю.Витте"». Статья эта писалась до выхода русского издания «Воспоминаний» Витте «по французскому изданию воспоминаний, а следовательно, все цитаты представляют перевод с французского текста» (Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 62). В русском тексте воспоминаний Витте нет упоминания о мелком дворянском землевладении. Витте пишет, что состав Особого совещания о нуждах дворянского сословия, действовавшего в 1897—1902 гг., был таков, что, «очевидно, имелось в виду поднять не благосостояние народных масс, а исключительно поднять благосостояние земельных частных собственников и преимущественно нашего задолженного и искусственно поддерживаемого дворянства», большинство же дворян, на его взгляд, «в смысле государственном представляет кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей, ничего не признают» (см.: Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 514, 519).

99 Страшно вымолвить (лат.).

100\* Гурко имеет в виду, что по закону земскими начальниками следовало назначать местных дворян-землевладельцев. На практике это удавалось не всегда, но большинство земских начальников действительно было помещиками.

русское земство? Впрочем, неприязнь к сельскому хозяйству и к представителям рентного землевладения из средне- и мелкопоместного дворянства Витте перенес и на земство, покоившееся исключительно на этом элементе.

Общеизвестна записка Витте, составленная им в 1899 г. по поводу проекта введения земских учреждений в западных губерниях<sup>101</sup>. В этой записке Витте доказывал, что земство при самодержавном строе плохой и опасный орган управления, и решительно высказывался за сокращение поля его деятельности. Последнее он проводил еще и в другой записке, относящейся к тому же времени и касавшейся народного образования. В ней Витте возбуждал вопрос о полном изъятии из ведения земств всего школьного дела с передачей его в распоряжение Синода. О культурном значении земства, которого, кажется, еще никто не отрицал, Витте здесь не обмолвливается ни словом, зато усиленно напирает на то, что земство «переоблагает крестьян»<sup>102</sup>.

Враждебное отношение Витте к земству было вызвано, конечно, не одной его неприязнью к поместному дворянству. Значительную роль здесь играло земское самообложение.

101 В 1899 г. по поводу обсуждения в Государственном совете законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях С.Ю.Витте написал обширную записку, доказывая принципиальную несовместимость земских учреждений с самодержавным строем (см.: Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С.Ю. Витте (1899) с предисловием и примечаниями Р.Н.С. [П.Б. Струве]. Stuttgart, 1901).

102 Вероятно, имеется в виду записка С.Ю.Витте «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений», датированная 14 декабря 1898 г. (см.: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 106–112)



Урезать это право Витте всячески стремился и, по-видимому, преимущественно с этой целью проектировал отнятие у него забот о народном образовании. Так, именно в записке, касающейся этого вопроса, он указывал, что земство тратит на этот предмет ежегодно 7 миллионов рублей, которые с большей пользой для дела были бы употреблены, если бы расходовались непосредственно государством. Наиболее ярким образчиком отношения Витте к земству был внесенный им в 1902 г. в Государственный совет законопроект о предельности земского обложения, внесенный им совместно с министром внутренних дел Сипягиным. Проект этот вызвал много толков и возражений, причем прошел в значительно смягченном виде<sup>103</sup>, в том смысле, что поставил земству определенные пределы обложения в самом законе, а не по усмотрению администрации, как это первоначально было предложено. Правда, закон от этого стал уже совершенно нелепым, фактически ограничив право самообложения тех уездных и губернских земств, обложение которых было наиболее ничтожным: на его основании земства могли ежегодно увеличивать установленные им сборы с недвижимых имуществ не свыше 3% обложения предыдущего года. Получилось, что те земства, обложение которых достигало, допустим, 300 тысяч рублей, могли его увеличить лишь на 3 тысячи рублей, а земства с обложением имуществ в 3 миллиона рублей имели право сразу его повысить на 90 тысяч рублей. В процентном отношении повышение обложения в обоих случаях было одинаковое, а в конкретных суммах совершенно различное, причем относительно высокое обложение могло

103\* Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об установлении предельности земского обложения в губерниях, в коих введено в действие Положение о губернских и уездных земских учреждениях, и об освобождении земств от некоторых расходов» от 12 июня 1900 года, ПСЗ №18862.

быстро и беспрепятственно возрастать, а низкое нельзя было повысить соответственно требованиям жизни. Первое фактически так и произошло: изюмскому уездному земству закон этот не помешал довести обложение десятины земли до 6 рублей, суммы, по сравнению с доходностью земли, — чрезмерной. Что же касается земств с низким обложением, то закон и на них едва ли отразился, так как с разрешения администрации увеличение земских сборов свыше 3% было также возможно, и на практике администрация впоследствии в этом никогда не отказывала. Таким образом, весь закон свелся практически к нулю, а между тем произведенное им впечатление было самое неблагоприятное. Словом, это был один из тех булавочных уколов государственной власти, который, отнюдь не увеличивая ее престижа, достигал лишь одного результата — раздражения общественности.

Здесь Витте руководило желание направить возможно большее количество народных средств в кассы Государственного казначейства, чему обложение земское, а также и сельско-мирское (он и против него высказывался) в известной мере препятствовало. Тем не менее объяснить одним этим его поход против земства нельзя. Правом самообложения обладали и городские самоуправления, причем, если смотреть на них с точки зрения Витте, они являлись при самодержавном строе такой же аномалией, как и земские учреждения. Однако против них Витте не ополчался, против торгово-промышленного слоя он никогда не выступал<sup>104</sup>, а всякие общественные

104\* Гурко подразумевает, что избирательное право в городских самоуправлениях было цензовым, и все городские избиратели были либо домовладельцами, либо владельцами торгово-промышленных заведений, то есть, в своем большинстве, представителями бизнеса. Гласные городских дум и члены го-

организации, связанные с торговлей и промышленностью, не только поддерживал, но даже сам вызывал к жизни. Так, в 1899 г. по инициативе Витте были разрешены периодические съезды представителей металлургических и промышленных предприятий, а также вагоностроительных и механических заводов северного и прибалтийского районов. Съезды эти имели тем большее значение, что большинство из них образовало постоянные органы, охраняющие интересы той промышленности, которую они представляли, органы, вскоре получившие большую силу и значение<sup>105</sup>. Объясняется это опять-таки тем, что Витте был типичным горожанином, т.е. купцом, промышленником, и все близкое к земле ему было чуждо и значения для него не представляло. Правда, впоследствии он заинтересовался и так называемым крестьянским вопросом, равно как и вопросом земельным. Но к этим вопросам он ближе подошел, уже оставив финансовое ведомство и превратившись в председателя Комитета, а затем Совета министров.

В частности, права земств безгранично поднимать обложение недвижимых имуществ Витте опасался именно с точки зрения интересов промышленного класса. Имущества этого класса, расположенные вне черты городов, а именно оборудо-

родских управ избирались только из числа городских избирателей.

105\* Отраслевые (часто регионально-отраслевые) съезды представителей промышленных предприятий учреждались как частно-публичные установления. Право участия в съезде предоставлялось всем предприятиям соответствующей отрасли и региона, но за это и съезд получал право облагать любое предприятие, имеющее право участия, особым сбором, даже если оно не желало участвовать в работе съезда. Как правило, сумма сбора, и, соответственно, количество голосов на съезде, распределялись пропорционально стоимости выпущенной продукции.

вание фабрик, подлежали земскому обложению, представители же этого класса в земских собраниях составляли незначительное меньшинство<sup>106</sup>.

Обнаруженное Витте в поданной им записке о земстве резко отрицательное отношение к местному самоуправлению кажется на первый взгляд странным и даже непонятным. Автор Манифеста 17 октября 1905 г., Витте вполне оценивал значение общественного мнения и не упускал случая привлечь его на свою сторону, что ему нередко и удавалось. Свое умение он, как известно, в этом отношении проявил в особенности в Америке при ведении им там мирных переговоров с японцами, предшествовавших заключению Портсмутского договора: в несколько дней сумел он так себя поставить, что склонил на свою, и тем самым русскую, сторону американское общественное мнение, что сыграло существенную роль в деле установления мирных условий<sup>107</sup>. Но дело в том, что в глазах Витте

106\* Земское избирательное право было цензовым. Все, чье имущество стоило выше ценза, в равной мере имели один голос. Следовательно, дорогостоящие промышленные предприятия давали их владельцам тот же один голос в земском избирательном собрании, которым располагал и всякий небогатый помещик. Между тем, обложение земскими сборами было пропорционально стоимости имущества. Справедливо заметить, что это соображение относимо не только к промышленникам, но и к крупным земельным собственникам.

107 Мирный договор, завершивший Русско-японскую войну 1904—1905 гг., был заключен 5 сентября 1905 г. в Портсмуте (США). Россия признала Корею сферой интересов Японии, уступила Японии Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и портом Дальний. Мирные переговоры, начавшиеся при посредничестве президента США Теодора Рузвельта, вел С.Ю. Витте, которому удалось настроить американскую прессу в пользу России и тем принудить к уступкам японскую

общественное мнение было одно, а общественная деятельность — совершенно другое. Будучи по складу своего характера человеком чрезвычайно властным, он был, в сущности, может того сам не сознавая, так называемым просвещенным абсолютистом. Искренне и горячо отстаивая народное просвещение, нетерпеливо и страстно стремясь провести всевозможные реформы, направленные к всестороннему экономическому развитию страны, он, однако, полагал, что все это может быть достигнуто скорее и осуществлено лучше ничем не ограниченной и вполне свободной от внешних давлений единоличной властью, нежели органами, построенными на выборных началах и вынужденными считаться с изменчивыми взглядами демократии. Соответственно с этим общественное мнение для Витте было важно не само по себе, не как указание того или иного образа действий, и даже не как творческое начало, а лишь как орудие для достижения своих, им самим заранее намеченных целей. Словом, считался он с ним не как с фактором народной жизни, а лишь как с трамплином для проведения своих начинаний, для осуществления своей воли. Его скептическое мнение о человечестве, взятом в массе, естественно приводило его к убеждению, что народ должен управляться без его непосредственного в том участия, причем правители, не ради пользы дела, а для укрепления своего положения и своей власти, должны так облекать свои мероприятия, чтобы они привлекали общественное одобрение. Конечно, его формулой абсолютизма было «Und der König

делегацию. Условия мира оказались в результате менее унижительными для России, чем все ожидали. В награду Витте был пожалован графский титул.

absolut wenn er iinser Willen thtit»<sup>108</sup>; но разве сторонники народовластия не подходят сами под другую формулу, в сущности, тождественную: «Et le peuple souverain, si son desir est le mien»<sup>109</sup>, и разве не сводится часто на практике весь вопрос к тому, при помощи какого орудия легче достигнуть осуществления своих взглядов. В положении Витте в бытность его министром финансов это несомненно было для него легче при существовании единичной власти; естественно, что ее он и отстаивал, причем общественное мнение было для него важным, но лишь подсобным средством для укрепления своего положения.

Сознавая огромное влияние повременной прессы на общественное мнение, Витте всемерно стремился быть в лучших отношениях с ее представителями, причем и тут, конечно, не брезгал никакими средствами. Умел пользоваться Витте и нашими учеными силами, как по существу в отношении наиболее полного освещения разрабатываемых им вопросов, так и в целях авторитетного для общества доказательства правильности проводимой им политики. Так, он неизменно пользовался столбцами «Нового времени» для защиты своих финансовых мероприятий при посредстве не без выгоды для себя ему преданных экономистов<sup>110</sup>. Не стесняло, однако,

108 «И король неограничен, когда выполняет нашу волю» (нем.). Цитата из «Песни ночного сторожа» немецкого поэта и естествоиспытателя Адельберта Шамиссо (1781— 1838).

109 «И народ — суверен, когда его желания совпадают с моими» (фр.).

110 Отношения С.Ю.Витте с А.С.Сувориным и его газетой «Новое время» были более сложными, нежели их представляет Гурко. Витте и Суворин, нуждаясь во взаимной поддержке, неоднократно оказывали друг другу важные услуги и на протяжении многих лет поддерживали личные контакты. Однако Суворин

Витте при случае надевать на прессу намордник, когда высказываемое ею не отвечало его видам. Еженедельный орган долголетнего противника его финансовой политики — С.Ф. Шарاپова — «Русское дело» он прекратил путем цензурных запретов<sup>111</sup>. Однако надо признать, что он прибегал к таким способам неохотно, очевидно сознавая их тщетность и даже обратное действие. Иной способ действия по отношению к печатным произведениям своих противников был ему более свойственен и более по душе, а именно примененный им к изданной за границей брошюре Циона, заключавшей злостные нападки на его финансовую политику. Брошюру эту, запрещенную цензурой для ввоза в Россию, Витте, узнав про эту меру, немедленно освободил от запрета, о чем не преминул, конечно, осведомить общественное мнение путем печати<sup>112</sup>.

был принципиальным противником курса Витте (прежде всего во внешней политике и по национальному вопросу), и его газета подвергала Витте резкой критике. Витте в 1905 г. утверждал, что «Новое время» — газета «подлейшая, что ее влияние тлетворно и что проводимая ею политика зловреднейшая для России», и даже предпринял попытку перекупить издание, оказавшееся в трудном финансовом положении (см.: Динерштейн Е.Л. А.С.Суворин: Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 97, 119, 295-297).

- 111 Гурко ошибается — первый раз издание еженедельной газеты С.Ф.Шарাপова «Русское дело» (М., 1886—1890, 1905—1910) было прекращено по инициативе министра внутренних дел Д.А. Толстого и его преемника И.Н.Дурново. Усилиями С.Ю.Витте было закрыто издание Шарাপова «Русский труд: Еженедельная, политическая, экономическая и литературная газета» (СПб., 1897—1899).
- 112 Неясно, о какой из книг И.Ф.Циона идет речь. Первая его брошюра «M. Witte et les finances russes: D'apres des documents officielle et inedits» (Paris, 1895) тогда же стала предметом разбирательства «Особого совещания для обсуждения преступной

Но одно — единичная брошюра явно памфлетного характера, а другое — постоянная, хотя и остроумная, критика постоянного печатного органа, каковую заключало «Русское дело» Шарапова. Покончить с этой критикой Витте удалось лишь иным, не административным способом. Дело в том, что Шарапов заменил свой журнал выпуском брошюр, выходивших под разными названиями, но представлявших, в сущности, такое же периодическое издание, имевшее тех же сотрудников и заключающее ту же критику, как и прекращенный журнал<sup>113</sup>. Просущество-

деятельности проживающего за границей действительного статского советника Циона» под председательством министра внутренних дел И.Н.Дурново. Совещание приняло решение запретить Циону дальнейшее пребывание за границей, а по возвращении в Россию привлечь к уголовной ответственности. Цион вернуться в Россию отказался и был лишен русского подданства, всех прав состояния и пенсии. В 1896 г. Цион издал две брошюры «Куда временщик Витте ведет Россию?» (Paris, 1896) и «СЮ. Витте и его проекты злостного банкротства перед государственным советом» (Leipzig, 1896). Витте организовал слежку за Ционом через П.И.Рачковского, который 8 января 1898 г. сообщал, что Цион «работает над корректурой брошюры по финансовому вопросу. Приятели стащили три первых листа названной брошюры, которые посылаю на благовоззрение. Русской брошюры пока не пишет» (см.: Карьера Рачковского // Былое. 1918. № 2. С. 83). Эта брошюра не числится ни в каталоге Российской государственной библиотеки, ни в наиболее полной библиографии работ Циона (Артемов Н.М. Илья Фаддеевич Цион: Краткая биография. Н. Новгород, 1996). Нельзя исключить, однако, что Рачковский с некоторым запозданием сообщал о французском переводе брошюры 1896 г., вышедшем под названием «M. Witte et ses projets de faillite devant le Conseil de l'empire» (P., 1897).

113 После закрытия «Русского труда» С.Ф.Шарапов, по его словам, «не сдался». В Москве в 1900—1906 гг. вышло 9 томов его «Со-



вал он, однако, недолго, прекратившись одновременно с получением Шараповым денежной субсидии для принадлежащей ему мастерской по производству легких крестьянских плугов...<sup>114</sup>

чинений». Каждый включал три выпуска, представлявших собой по существу отдельные номера журнала. В 1900 г. вышел первый том — «Мой дневник» (вып. 1—3); в 1901 г. — Т. 2 (вып. 4 «Сугробы», вып. 5 «Оттепель», вып. 6 «Ледоход»), Т. 3 (вып. 7 «Борозды», вып. 8 «Посевы», вып. 9 «Сенокос»), Т. 4 (вып. 10 «Жатва», вып. И «Озимы», вып. 12 «Умолот»), Т. 5 (вып. 13 «Заморозки», вып. 14 «Пороша», вып. 15 «Метели»); в 1902 г. — Т. 6 (вып. 16 «Ухабы», вып. 17 «Половодье», вып. 18 «Яровые»), Т. 7 (вып. 19 «Страда», вып. 20 «Урожай», вып. 21 «Туманы»), Т. 8 (вып. 22—24 «Через полвека. Фантастический роман»); Т. 9 (вып. 25 «Тучи» — 1904, вып. 26 «Снега» — 1905, вып. 27 «Ураган» — 1906). Шарапов с удовлетворением отмечал, что «с каждой книжкой тираж этого странного журнала увеличивался, Витте скрежетал зубами, а Сипягин приказал цензуре меня «прекратить». Но я прочно засел в лазейку старого цензурного устава и не сдавался. Я печатал последние выпуски «Сочинений» уже в пятнадцати тысячах экземпляров» (цит. по: Эфрон С. К. Воспоминания о С.Ф.Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 727).

- 114 В 1902 г., после того как С.Ф.Шарапов разослал во все уездные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности свое критическое «Открытое письмо к С.Ю. Витте», Витте нашел способ практически подкупить его, предоставив казенную субсидию для развития принадлежавшей Шарапову кустарной мастерской для изготовления плугов его собственной конструкции. Мастерская была преобразована в акционерное общество «Пахарь», а Министерству финансов по испрошенному Витте высочайшему повелению было разрешено, в нарушение действовавшего закона, купить половину акций на 50 тыс. рублей (см.: Эфрон С.К. Указ. соч. // Исторический вестник. 1916. № 2. С. 514; № 3. С. 723-726).

Говоря о неразборчивости Витте в средствах, нельзя упустить из вида те невероятные трудности, тем более раздражительные, что они отчасти сплетались из множества мелких и притом закулисных противодействий, которые встречало осуществление всякой сколько-нибудь крупной меры. Разнообразные, часто сменявшиеся и иногда совершенно неожиданные влияния на исход того или иного вопроса вынуждали Витте искать опоры в своей деятельности решительно во всех сферах, в том числе и у таких беспринципных людей, как пресловутый редактор «Гражданина» кн. Мещерский<sup>115</sup>, как успешно торговавший патриотизмом и монархизмом генерал Богданович<sup>116</sup>, и даже таких явных авантюристов, как извест-

115 Князь В. П. Мещерский имел настолько дурную репутацию, что его сторонились даже его идейные союзники М.Н.Катков и К.П.Победоносцев. Современников возмущало, что он «держит себя надменно и подобно гусю расхаживает в обществе» (Дневник СМ. Сухотина 1871 г. // Рус. архив. 1894. № 7. С. 436) и в то же время не брезгует самыми «сладкими и подбострастными приемами», чтобы «влезть в душу» сильных мира сего (Витте СЮ. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 576, 581). Свою близость к императорам Александру III и Николаю II Мещерский использовал не только для добывания средств на свои издания, но и для крупных финансовых афер, в которых был уличен публично. Кроме того, Мещерский имел репутацию мужеложца, о чем открыто писалось в прессе (см.: Бука [П.А.Крушеван]. Темы дня. Кн. Мещерский. Опыт некролога // Знамя. 1903. 17 июня).

116 Генерал от инфантерии Е.В.Богданович, служивший в Министерстве внутренних дел, имел репутацию лицемера, эксплуатировавшего глубокую религиозность последних российских самодержцев. Занимая должность ктитора (старосты) Исаакиевского собора в Петербурге, Богданович с большой выгодой для себя выпускал под маркой «Исаакиевского братства» патриотические брошюры и листовки собственного сочинения (см.: Вавилов Е. Предисловие// Богданович А.В. Три последних

ный всему Петербургу Андронников<sup>117</sup>, которого Витте использовал как осведомителя. Поставленный в иные условия, Витте был бы, вероятно, разборчивее в средствах и, конечно, не якшался бы с людьми, которых он в душе мог только презирать. Действительно, Витте превосходно разбирался в обста-

самодержца: Дневник. М.; Л., 1924. С. 5—6). Богданович получил право еженедельно писать Николаю II «в собственные руки» и использовал его для протезирования разнообразным искателям «мест», наполнявшим его «салон», содержащийся на деньги из секретных фондов Министерства внутренних дел и Министерства императорского двора. Богданович утратил влияние на императора в 1913 г., после неудачной попытки поссорить его с Распутиным (см.: Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 171, 192; Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л.; М., 1925. Т. 4. С. 464.).

- 117 Князь М.М.Андронников, будучи частным лицом без определенных занятий и постоянных источников дохода, обладая скандальной репутацией (авантюриста, интригана, сплетника и мужеложца), жил тем не менее на широкую ногу и пользовался большим влиянием в правительственных кругах. М.М.Андронников, всерьез именовавший себя «адъютантом господ бога», собирал конфиденциальную информацию и то, что позднее стали именовать «компроматом»: при его аресте в 1917 г. был конфискован превосходно систематизированный архив, для перевозки которого потребовалось два грузовых автомобиля (см.: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 114). Поэтому Андронникову удавалось держать в страхе почти всю петербургскую высшую бюрократию. Его услугами как осведомителя пользовались многие министры и крупные чиновники, они «поддерживали с ним лучшие отношения и стремились исполнять его просьбы» (показания С.П. Белецкого см. в: Падение царского режима. Т. 4. С. 151).

новке, легко и быстро к ней приспособлялся и действовал по пословице — с волками жить, по-волчьи выть. Обстановка, среди которой протекала деятельность Витте, была тяжелая, но способ борьбы Витте с ней был таков, что лишь ухудшал ее.

Вообще, нравственной безгливости у Витте и следа не было, а преследуемые им государственные цели как-то органически переплетались с целями личными, из которых основными были удовлетворение безграничного властолюбия и весьма у него развитого, иногда даже мелочного, честолюбия. Оценивал же Витте людей, как свидетельствуют его воспоминания, хотя и пристрастно, но только в смысле беспощадной ненависти к своим врагам, друзей же он мысленно вовсе не прихорашивал.

Все же нельзя отрицать, что обстановка неудержимо толкала не его одного, а и многих других современных ему государственных деятелей, нравственно стоявших неизмеримо выше его, к побочным способам достижения своих целей, иначе говоря, к интриге в ее бесконечных разновидностях. Но Витте дошел в этом отношении до виртуозности, конечно обусловленной его природной беспринципностью. Тем не менее именно этой обстановкой надо объяснить то искреннее почитание, которое Витте постоянно и открыто высказывал, несмотря на несомненную непопулярность подобного мнения, памяти Александра III. При нем Витте был сначала министром путей сообщения, а затем министром финансов, при нем же приступил он к своим крупнейшим реформам и на опыте убедился, что при Александре III надо было заручиться лишь согласием царя на проведение какой-либо меры — остальное зависело уже от исполнителя, которому никакие посторонние влияния помешать не только не могли, но и не пытались. Иное положение создалось впоследствии, и Витте надо было проявить необыкновенную энергию, настойчивость и ловкость для осуществления проводимых им мер, притом совершенно безразлично от их политической окраски и той отрасли управ-

ления, которой они касались. Впоследствии Витте нередко публично заявлял, что если некоторые его меры не были достаточно вперед продуманы, то вследствие того, что ему было необходимо их проводить с исключительной спешностью, так как он никогда не был уверен в завтрашнем дне.

Наблюдая за Витте в Государственном совете, легко можно было подметить и другую черту его характера и ума: отсутствие у него мелочного самолюбия и тупого упрямства при отстаивании своих взглядов и выслушании возражений на них. Легко усваивая всякий предмет, он, в сущности, не обладал незыблемо установившимися убеждениями и взглядами, а оппортунизм был вообще свойственен его природе. Цель его была неизменная — экономическое развитие России как основы ее политического могущества, но способы достижения этой цели у него менялись.

Способность Витте изменять свои взгляды, и притом только что им высказанные, иначе говоря, способность убеждаться приводимыми ему доводами обнаруживалась также в Государственном совете. Так, бывали случаи, когда Витте поддерживал в департаментах Государственного совета до обычного в середине заседания перерыва одно мнение, а после перерыва переходил на другую сторону и защищал мнение обратное.

Но в особенности обнаруживалась эта черта Витте в частных беседах. Высказываемые ему возражения он выслушивал внимательно и не усматривал в них, как это свойственно многим даже умным людям, что-либо для себя обидное. Впрочем, происходило это иногда и от другой причины, а именно от присущей Витте склонности подлаживаться под мнение своего собеседника, чтобы тем привлечь его в число своих сторонников.

Подводя итоги деятельности Витте в роли министра финансов, надо признать, что здесь на первом плане, несомненно, стоят его крупнейшие заслуги по упорядочению нашего

государственного хозяйства. Заключение не только бездефицитных, но из года в год дававших крупные излишки государственных бюджетов; укрепление русских финансов как введением золотой валюты, так и весьма удачной конверсией государственных займов с понижением платимого по ним процента с 6 до 4<sup>118</sup>; весьма значительное увеличение нашей железнодорожной сети; насаждение и развитие у нас как высшего, так и среднего технического образования; прекрасно подобранный состав как ближайших сотрудников, так и вообще всех многочисленных служащих в финансовом ведомстве; образцово поставленная податная инспекция; блестящее осуществление и организация всего крупнейшего дела винной монополии — все это плод усиленной работы С.Ю. Витте. Несомненно, многое сделано им и в области хозяйства народного. Благодаря принятым им разнообразным мерам развилась почти со сказочной быстротой наша промышленность и тем оттянула часть сельских жителей от земледелия, которое, вследствие увеличения численности населения, уже не могло использовать всей рабочей силы крестьянства. Насаждение и развитие у нас промышленности было, несомненно, очередной государственной задачей, и ее Витте разрешил с энергией, решимостью и свойственным ему широким размахом.

118\* Конверсия займов - обмен ранее выпущенных ценных бумаг на новые, имеющие иные условия выпуска. Конверсии государственных долговых обязательств в конце 19 века - начале 20 века производились на условиях, не ущемляющих держателей бумаг. Как правило, при конверсиях уменьшался процентный доход по бумагам, но при этом улучшались иные условия выпуска - продолжительность выплаты дохода, условия и правила, при которых возможен досрочный выкуп бумаг или их принудительный обмен на бумаги новых выпусков. В целом, конверсии имели целью сократить платежи по государственному долгу в ближайшие годы, растянув их во времени.

Приложи Витте свои незаурядные силы и исключительную работоспособность одновременно и к другой отрасли народного труда — земледелию, и деятельность его приобрела бы огромное историческое значение. Углубись Витте своевременно в вопрос сельскохозяйственный, и он понял бы, что центр тяжести — в образовании крупных крестьянских владений, работающих на рынок, при сохранении рентного землевладения, двигателя сельскохозяйственной техники<sup>119</sup>. Изучи Витте крестьянский вопрос, и он мог бы вовремя повлиять на упразднение общины и одновременную отмену закона о неотчуждаемости надельной земли. Последнее привело бы к свободной игре экономических сил народа, при которой земля естественно перешла бы в наиболее крепкие руки, могущие наилучшим образом использовать ее производительную силу. Такая политика не только укрепила бы развитую им, но отчасти повисшую в воздухе за отсутствием достаточного внутреннего рынка промышленность, она не только подняла бы уровень нашего сельского хозяйства; она достигла бы неизмеримо большего, а именно спасла бы Россию от падения в ту бездну, в которую ее ввергли доселе бесчинствующие на нашей родине изуверы. Этому воспрепятствовало бы обогатевшее и, следовательно, умственно развившееся земельное крестьянство, постигшее на деле, что не увеличением площади принадлежащей ему земли, а усиленным использованием ее производительных

119\* Гурко имеет в виду то обстоятельство, что высокотехнологичное полеводство удобнее всего вести на достаточно крупном и компактном земельном участке, а такие участки могли попасть в распоряжение крестьян лишь через аренду у помещиков, так как общинное крестьянское землевладение было чересполосным, то есть каждый член общины пользовался множеством узких полосок, раскиданных по всем владениям общины.

сил может русский земледелец стать на ноги и обеспечить себе довольство.

Но, увы, Витте мог влагать свою душу лишь в то, что непосредственно от него зависело, чем он единолично и почти безотчетно ведал. В этом выражалась его безграничная власть. Земледелие, сельское хозяйство не входило в круг его ведения, и он относился к нему сначала равнодушно, а затем, встретив со стороны его представителей противодействие его политике, — нескрывая враждебно. На крестьянство Витте смотрел преимущественно как на дешевую рабочую силу для той же промышленности, причем земельное крестьянство было в его глазах не столько производителем ценностей, сколько плательщиком налогов, поступающих преимущественно от потребления им зелена вина.

За эту одностороннюю политику, которую тщетно, ибо слишком поздно, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, стремились выправить после ухода Витте заменившие его у власти, в смысле главных в этой отрасли государственных деятелей, Столыпин и Кривошеин, Россия платит ныне всем своим достоянием. В происшедшем катаклизме бесследно исчезли все следы несомненно выдающейся работы Витте в деле упрочения нашего государственного хозяйства и развития фабрично-заводской промышленности.

Остается надеяться, что этот жестокий урок не пройдет даром, что будущие воссоздатели русской государственности постигнут, что основой благосостояния русского народа может служить лишь правильно поставленное, технически совершенное, использующее в возможно большей степени народную рабочую силу земледелие, и одновременно убедятся, что использовать всю эту силу в одном земледелии нельзя, что необходимо часть этой силы, и притом значительную, привлечь к другой — неземледельческой работе, почему развитие фабрично-заводской промышленности для России столь же важно, как интенсификация ее сельского хозяйства.



Возвращаясь к роли Витте в Государственном совете, упомяну в заключение про ту усиленную агитацию, которую он повел там в 1901 г. при прохождении проекта нового устава о воинской повинности в Финляндии. Едва ли особенно интересуясь финляндским вопросом, Витте проявил в этом деле исключительную энергию и сплотил всю либеральную часть Государственного совета преимущественно в целях борьбы с внесшим этот проект военным министром Куропаткиным, борьбы, возникшей из-за усиленных требований военным ведомством денежных средств на увеличение нашей боеспособности, в особенности на Дальнем Востоке и, в частности, в Порт-Артуре. Тут же столкнулся впервые Витте с уже выдвигавшимся на первые роли, только что назначенным министром статс-секретарем Финляндии Плеве. Витте как будто уже почуял ту враждебную силу, которую может для него представить Плеве, и заранее хотел ее в известной степени парализовать. Ему это не удалось, но зато предчувствия его в скором времени оправдались.

## Глава 4. Министр земледелия и государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов

Совершенную противоположность Витте представлял другой министр того времени, очень часто появлявшийся в стенах Мариинского дворца, — А.С.Ермолов, министр земледелия и государственных имуществ.

Столь же простой в своем обращении и столь же чуждый чиновничьего формализма, как и Витте, Ермолов с его приземистой, далеко не казистой фигурой, с его обросшей во всех направлениях головой, с его странной манерой разговаривать, держась вполоборота к собеседнику, находясь как будто постоянно наготове от него уйти, отнюдь не производил впечатления сановника, да и вообще сколько-нибудь крупного государственного деятеля. Весьма образованный и начитанный, Ермолов отличался чрезвычайной добросовестностью и, несомненно, душою был предан порученному делу. Автор многих сочинений по сельскому хозяйству, из которых некоторые обладали, несомненно, достоинствами<sup>120</sup>, он, к сожалению, был лишен организаторских способностей и не умел претворить в дело ни свои обширные познания, ни те замыслы, которые зарождались в его уме. В своих сочинениях, благодаря которым он и был назначен министром земледелия еще при Александре III, он нарисовал широкую программу тех мер, которые ему казались необходимыми для подъема русского сельского хозяйства, причем даже проектировал поднятие уровня Каспийского моря и учреждение в России особых ферм для разведения страусов. На деле, однако, не только не принялся Ермолов за поднятие морских уровней, но вообще ни

120 Наибольшую известность получили две работы А.С.Ермолова: Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1—4. СПб., 1901—1905; Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т. 1—2. СПб., 1909.

одной существенной меры за долголетнее управление министерством не провел.

Достаточно было войти в занимаемый Ермоловым превосходный дом министерства, построенный при гр. Киселеве<sup>121</sup> в широком масштабе времен Николая I, чтобы сразу убедиться, что хозяин столь же скромный, сколь нехозяйственный человек. В особенности поражала в этом отношении приемная министра. Огромных размеров прекрасная зала производила впечатление запущенного помещения заброшенной барской усадьбы: облезшие стены, покрытые во многих местах паутиной, старинные красного дерева кресла с прорвавшейся и облезшей обивкой, окончательно выгоревшие на солнце, когда-то пышные занавеси, непротертые окна, двойные рамы, которые, очевидно, не открывали годами, — все это красноречиво свидетельствовало о равнодушии хозяина к какой-либо пышности, но также о неумении его держать в порядке хотя бы свою челядь. Так оно и было. Начальственности у Ермолова не было никакой не только во всем его внешнем облике, но и по существу: его многочисленные подчиненные не только держались с ним совсем запанибрата, но и слушались его по малости. При этом не обладал Ермолов и умением распределить работу между собою и своими подчиненными, и это до такой степени, что, например, сам держал корректуру издававшейся его министерством «Земледельческой газеты».

В особенности же не обладал Ермолов способностью воодушевлять своих сотрудников, придать им ту энергию, ту жажду творчества, без которых ничего значительного и важно-

121\* Исаакиевская пл., д. 4; сейчас здесь находится Всероссийский научно-исследовательский институт растениеводства имени академика Н. И. Вавилова.

го осуществить нельзя. Впрочем, на сотрудников Ермолова, среди коих были, несомненно, и дельные и знающие люди, удручающе действовало сознание, что всякое их начинание все равно неминуемо замрет за отсутствием у главы ведомства энергии и умения обеспечить ему развитие. Именно благодаря этому в зеленом ведомстве, как называли Министерство земледелия по цвету канта на присвоенных ему мундирах, царил зеленая скука и необыкновенная затхлость. На двери одной из комнат министерства красовалась надпись: «Песчано-овражное делопроизводство». Надпись эта вполне подходила всему ведомству. Как на дне какого-то песчаного оврага пребывало там в блаженном покое все русское сельское хозяйство.

Неудивительно, что при таких свойствах трудолюбивейший и всемерно стремившийся принести пользу родине Ермолов не сумел наладить надлежащее использование наших обширнейших государственных имуществ и необъятных лесных пространств, не сумел дать правильную постановку нашему горному делу и, уходя из министерства, оставил наше сельское хозяйство, столь хорошо ему известное и столь ему дорогое, на прежнем, можно сказать, ветхозаветном уровне.

Надо, однако, признать, что кроме отсутствия у Ермолова организаторских способностей была и другая причина, лишившая его возможности принести сколько-нибудь существенную пользу русскому сельскому хозяйству и улучшить эксплуатацию государственных имуществ, а именно систематический отказ Министерства финансов в ассигновании мало-мальски достаточных на это средств. Конечно, и в этом отношении сыграли тоже большую роль природные свойства Ермолова — отсутствие сильной воли и упорной настойчивости, с одной стороны, и неумение достигать чего-либо путями обходными — с другой. Безусловно честная, прямая природа Ермолова делала его совершенно неспособным к какой-либо

интриге, независимо от той цели, к которой она была направлена. Между тем без доброй доли ловкости, без умения разобраться во всей сложной петербургской бюрократической обстановке достигнуть чего-либо в то время было невозможно.

Насколько Ермолов не умел пользоваться присвоенной ему властью для создания в бюрократическом мире таких отношений, которые помогали бы ему осуществлять свои предположения, можно судить в особенности по тому, что он не сумел использовать с этой целью весьма действительное имевшееся у него для этого средство, которым неизменно и весьма умело пользовались его предшественники. Состояло оно в том, что все так называемые аренды — денежные выдачи, назначавшиеся на определенное число лет — от 3 до 12 — занимающим более или менее высокое служебное положение должностным лицам, ассигновались из доходов от государственных имуществ и назначались по всеподданнейшим докладам министра государственных имуществ, т.е. почти всецело фактически зависели от этого министра. Ермолову настолько были чужды подобные приемы достижения своей цели, что и это средство в его руках было для него почти бесполезным, причем он настолько слабо отстаивал свои прерогативы, что этим средством, случалось, пользовались другие его коллеги, в том числе и его противники. Они испрашивали назначение таких аренд для нужных им лиц помимо Ермолова, который в таких случаях получал соответственное распоряжение непосредственно от верховной власти. Дошло даже до того, что Витте вознамерился захватить все это дело путем передачи назначений аренд по всеподданнейшим докладам министра финансов. Однако тут Ермолов проявил несвойственную ему энергию и решимость, и Витте потерпел неудачу. Любопытно, что в то время, как разыгрывался этот инцидент, ни Витте, ни Ермолов не скрывали в частных

беседах, что назначение аренд им необходимо для укрепления их влияний.

Что же касается причин, по которым Министерство финансов постоянно отказывало в предоставлении необходимых средств для мероприятий, предположенных Ермоловым, то городские и чиновничьи сплетни при писывали это каким-то личным счетам, возникшим между Витте и Ермоловым на почве неотданного визита между женами этих последних. Однако суть дела была, безусловно, не в этом. Витте, не допуская самым решительным образом значительного увеличения расходов по Министерству земледелия, делал это как в целях сохранения бюджетного равновесия и накопления свободной наличности Государственного казначейства, так и в сознании, что те средства, которые могли бы быть предоставлены на развитие сельского хозяйства и в пределах которых, собственно, и испрашивал их Ермолов, существенного влияния на уровень этого хозяйства иметь не могли. К этому, несомненно, присоединялось и полнейшее недоверие Витте к организаторским способностям Ермолова, отсутствие всякой уверенности, что отпущенные средства будут израсходованы с пользой для дела. Отнюдь, по своему обыкновению, не стеснялся Витте это громко и высказывать. «Дайте мне, — говорил он, — другого министра земледелия — решительного и дельного, и я его забросаю средствами». Нельзя, однако, утверждать, что Витте был при этом вполне искренен, что отрицательные свойства Ермолова не были лишь удобным способом для оправдания отказа в отпуске необходимых средств на подъем отрасли русского народного труда. Взгляд Витте на сельское хозяйство как на нечто второстепенное в области производства ценностей не подлежит сомнению. Неоспоримо также, что он не верил, что наш землевладельческий класс способен к творческой деятельности, не верил, что он с пользой для дела употребит те средства, которые могут быть ему предоставлены

путем облегчения ему кредита. При этом он, по-видимому, не признавал и значения развития сельскохозяйственных знаний в крестьянской земледельческой среде. Эта среда должна была, по мнению Витте, прежде всего выделить необходимый для развития фабрично-заводской промышленности рабочий материал, причем он полагал, что это выделение произойдет тем в большем размере и тем скорее, чем ниже будет сельскохозяйственная техника. Наконец, не мог Витте простить землевладельческому классу его страстной критики общей проводившейся им экономической и финансовой политики.

Бороться Ермолову с Витте было, конечно, во всех отношениях не под силу, тем более что мужества для того, чтобы поставить вопрос ребром — или дайте мне возможность работать, или освободите меня от моих обязанностей, — он тоже не имел. При таких условиях Ермолов поневоле ограничивался, так сказать, зачатками различных мероприятий, вероятно надеясь, что при изменившихся условиях зачатки эти легко будет развить в соответствии с действительными потребностями русского масштаба. Действительно, не было той отрасли дел, сосредоточенных в Министерстве земледелия, по которой Ермолов не входил бы в Государственный совет с проектами, направленными к их развитию, но все они представляли преимущественно отвлеченные положения и правила, а собственно средства для их применения либо совершенно отсутствовали, причем полагалось, что они будут назначаться ежегодно в сметном порядке, либо исчислялись в каком-то миниатюрном виде, причем тем не менее неизменно сопровождались возражениями со стороны Министерства финансов. Последнее вполне понятно: Витте даже при скептическом отношении к сельскому хозяйству, благодаря присущему ему широкому размаху, вероятно, охотнее отпускал бы очень крупные средства, могущие оказать действительное влияние на дело, для которого они назначались, нежели суммы ни-

чтожные, но тем самым силою вещей непроизводительные. Так было с институтом инспекторов по сельскохозяйственной части: один инспектор на губернию, причем их предположено было вводить постепенно, очередями, в первую же очередь число их ограничивалось, если не ошибаюсь, двенадцатью. Так было и с проектом о мелиоративных ссудах на земельные улучшения и оборудование хозяйств улучшенным инвентарем и сельскохозяйственными промышленными заведениями. Первоначальное предположение Ермолова о выдаче на бездоходные, но имеющие государственное значение мелиоративные работы, как то: укрепление сыпучих песков и оврагов, беспроцентных ссуд было Витте в Государственном совете благополучно провалено, причем размер сумм, ежегодно отпускаемых из средств казны для выдачи этих ссуд, определен в до смешного малом размере. Так было и с положением о сельскохозяйственных опытных имениях, фермах, станциях и т.п., которое свелось в сущности к установлению различных типов подобных учреждений, к их законодательной классификации. При рассмотрении этого положения в Государственном совете, между прочим, выяснилось, что средства, находившиеся в распоряжении Министерства земледелия для выдачи из них пособий земским и иным общественным учреждениям на содержание сельскохозяйственных опытных станций, мастерских и т.п., конечно, недостаточные, но все же в общем представлявшие значительную сумму, в буквальном смысле распылялись. Число учреждений, получавших подобные пособия, было довольно значительно, но самый размер этих пособий был нередко прямо смехотворный: имелись учреждения, получавшие в год по 25 и даже по 10 рублей пособия. Происходило это, несомненно, по той же причине — мягкости характера Ермолова, не позволявшей ему отказать какому-либо учреждению в удовлетворении его просьбы о



пособии, хотя бы, по необходимости за отсутствием средств, в минимальном размере.

Об этой мягкости и о том, насколько Ермолов сам ее сознавал, свидетельствует следующий случай. В проект об учреждении должностей инспекторов по сельскохозяйственной части было введено правило, в силу которого на эти должности могли быть назначаемы лишь лица с специальным сельскохозяйственным образованием. В Государственном совете по этому поводу было высказано, что лиц с подобным образованием у нас вообще мало и что напрасно министр желает сам себя ограничить, что от него всегда будет зависеть назначать специалистов при наличности подходящих среди них кандидатов, но зато при отсутствии таковых он будет иметь возможность назначить лиц с общим высшим образованием, среди которых, несомненно, найдутся лица, вполне подходящие по своему практическому знакомству с сельским хозяйством для исполнения обязанностей инструктора сельского хозяйства. Ермолов вопреки своему обыкновению, однако, упорно отстаивал свое предположение, причем в частной беседе откровенно сознался, что правило это ему необходимо, так как он иначе не будет в состоянии отделаться от навязывающихся и со всех сторон навязываемых ему уже ныне, еще до издания закона, кандидатов на учреждаемые должности, по его мнению непригодных, но имеющих диплом высшего образования. Однако и в данном случае, как всегда, Ермолов защищаемого им правила отстоять не сумел, а в результате среди первых назначенных им сельскохозяйственных инспекторов оказались не только не специалисты, но вообще люди, с сельским хозяйством имеющие не много общего.

Количество вопросов, возбужденных Ермоловым за время пребывания на должности министра земледелия, было бесчисленно, причем едва ли не еще многочисленнее были те особые специальные, ведомственные и междуведомственные,

с приглашением экспертов и местных деятелей и без них комиссии, в которых он председательствовал, но ничего реального из всех этих комиссионных занятий, бесед, а иногда и серьезных трудов не получалось. Кроме общих очерченных причин — свойств характера Ермолова и той обстановки, в которой он действовал, — это зависело и от полнейшего отсутствия у него умения председательствовать. Все его комиссии неизменно начинались с произносимой им длинной речи, в которой он выказывал близкое знакомство с подлежащими рассмотрению вопросами и проектировал, в общих чертах, широкие и решительные меры для их разрешения. Но этим и ограничивалась его роль в комиссии, работы которой шли затем без всякого его руководства и тем самым без всякой системы. Все это было хорошо известно участникам комиссий, состав которых был более или менее тот же, и это, конечно, лишало и их всякой охоты принимать живое и деятельное участие в них. Впрочем, представители Министерства финансов в ермоловских комиссиях имели, по-видимому, постоянный наказ проваливать все, что в них обсуждалось, что им без особого труда и удавалось. Сдать дело в архив или передать дело в комиссию Ермолова было в то время едва ли не синонимом.

При всем этом, как это ни удивительно, сам Ермолов не терял присущей ему весьма своеобразной энергии. Ничего или почти ничего не достигая, он тем не менее продолжал стремиться чего-то достигнуть, и не было того сколько-нибудь близкого ему вопроса, которого бы он не старался так или иначе разрешить, и эту энергию Ермолов сохранил до конца своих дней. В бытность министром искал Ермолов, насколько это позволяли условия времени, сотрудничества и поддержки общественных деятелей. Проектируя учреждение местных органов Министерства земледелия, он стремился связать их деятельность с работой земских учреждений. При его содей-

ствии состоялся в Полтаве районный съезд по кустарному производству и состоявшийся вслед за тем в 1902 г. всероссийский кустарный съезд в Петербурге. Съезд этот работал под председательством известного впоследствии по его деятельности в Первой Государственной думе гр. П.А.Гейдена, причем не был стеснен рамками своей программы и тем самым явился до известной степени выдающимся для того времени общественным явлением. Однако вынесенные съездом разнообразные резолюции, из которых, впрочем, многие имели лишь отдаленное отношение к кустарным промыслам, как, например, отмена телесных наказаний, остались на бумаге и никаких конкретных последствий не имели.

Столь же бесплодна по своим результатам была другая попытка Ермолова привлечь общественные силы к сотрудничеству с управляемым им министерством, а именно образование при министерстве сельскохозяйственного совета. На ежегодные сессии этого совета, продолжавшиеся около двух недель, Ермоловым приглашались общественные деятели и известные сельские хозяева, но и это учреждение ничего не дало ни Ермолову, ни делу и постепенно, как все начинания Ермолова, сошло на нет.

Само собой разумеется, что если Витте принадлежал к числу министров, терроризовавших некоторых членов Государственного совета, то, наоборот, Ермолов принадлежал к числу ищущих у них защиты и опоры. По отношению к нему те самые члены Совета, которые не решались возражать на самые резкие выходки Витте, держали себя покровительственно и дружески журили его за будто бы недостаточную разработанность вносимых им проектов, причем в особенности доставалось их редакции, которая действительно хромала. Дело дошло даже до того, что Ермолов взял к себе в товарищи в 1898 г. статс-секретаря Департамента законов Государственного совета барона Иксуль-фон-Гильденбандта в качестве испытанного

редактора, вполне знакомого с принятой в Государственном совете законодательной техникой. Назначение это было весьма странное. Иксуль ни об одном из вопросов, ведавшихся Министерством земледелия, понятия не имел, а свои познания в сельском хозяйстве сам определял, говоря, что и картофель-то он видал только в кушанье. Редакция законопроектов Ермолова при сотрудничестве Иксуля стала, быть может, лучше, но результат остался прежний: под всеильными ударами Витте они лишались всякого внутреннего содержания и служили лишь для приумножения нашего бумажного законодательства.

По своим политическим взглядам Ермолов, несомненно, принадлежал к либеральному лагерю. В бурные дни конца 1905 г. он даже настолько расхрабрился, что за довольно многолюдным ужином общественного характера демонстративно чокнулся с лицом, предложившим тост за введение в России демократической конституции, причем лицом этим была известная актриса императорских театров М.Г.Савина; правда, что в то время Ермолов перестал быть министром, превратившись в рядового члена Государственного совета.

В заключение не могу не привести анекдота про Ермолова, рассказанного им самим, достаточно для него характерного. Отправился однажды Ермолов на Страстной неделе исповедоваться в Исаакиевский собор, причем по своей скромности стал в хвост всегда многочисленных в это время исповедников. Священник, по присущей им всем любознательности, спросил его на исповеди, чем он занимается, и на ответ, что он служит в Министерстве земледелия, пожелал узнать, какую должность он занимает. Ермолов не счел возможным на исповеди уклониться от правдивого ответа. «Как вам не стыдно, — грозно сказал ему священник, — пришли исповедоваться, а сами так нагло врете, ну кто может поверить, что вы министр».

Батюшка, по существу, был прав, не только по внешнему облику не был Ермолов министром, но не был он им и по существу. Прекрасный, честный человек, трудолюбивый и даже ученый кабинетный работник, Ермолов мог быть мужем совета, но мужем дела он не был и быть не мог<sup>122</sup>.

122\* Для прояснения характеристики Ермолова, данной ему Гурко, следует понимать предмет ведомства Министерства земледелия. Министерство, в части сельского хозяйства, ведало исключительно научной, образовательной и инструкционной стороной сельскохозяйственного дела. Всё, что составляло суть земельного строя, то есть организация крестьянского самоуправления, правовое регулирование крестьянского землевладения, надзор за крестьянским самоуправлением, продовольственное дело (то есть система помощи при неурожаях) относилось к ведомству МВД и от Ермолова не зависело.

## Глава 5. Министр внутренних дел Иван Логгинович Горемыкин

В семилетие —1894—1902 гг. перед Государственным советом, если не считать унаследованного от прошлого царствования, но вскоре назначенного председателем Комитета министров И.Н.Дурново, прошли два министра внутренних дел — И.Л.Горемыкин и сменивший его осенью 1899 г. Сипягин. Первый из них, Горемыкин, известен преимущественно как двукратный председатель Совета министров при существовании у нас представительных учреждений. Но Горемыкин до 1905 г. и после него в отношении высказывавшихся им политических взглядов представляет в значительной степени два разных лица.

Прослужив в течение долгих лет в Сенате, правда не по судебному, а по 2-му, так называемому крестьянскому, департаменту, Горемыкин невольно впитал в себя приверженность к законности и отрицательное отношение к административному произволу. По природе, несомненно, умный, тонкий и вдумчивый, с заметной склонностью к философскому умозрению, он считался при назначении министром внутренних дел не только в либеральном лагере, так как по личным связям принадлежал к либеральному сенаторскому кружку, но даже сторонником, конечно платоническим, толстовского учения. Но выдающейся чертой характера Горемыкина и его умственного настроения, чертой, с годами все больше в нем развивавшейся, было ничем не возмутимое спокойствие, очень близко граничившее с равнодушием. Именно этой чертой, надо полагать, объяснялась и некоторая его склонность к учению Толстого о непротивлении злу. *Laissez faire, laissez passer*<sup>123</sup> — вот что было, в сущности, его лозунгом, а основным правилом в жизни

123 Не мешайте, дайте дорогу (фр.) — лозунг либеральных экономистов XVIII— XIX вв., означавший требование невмешательства государства в экономическую жизнь общества.

— *Quieta non movere*<sup>124</sup>. Не трогайте, не делайте ничего — само все устроится, все «образуется» — вот к чему сводилось его основное жизненное правило и чему научил его служебный жизненный опыт. Любимым, постоянно им повторяемым выражением было «все пустяки», что обозначало — не надо горячиться, не надо волноваться, следует спокойно ожидать, чтобы события и время сами лишили вопрос дня его остроты. Тогда само все устроится — зрелый плод от одного прикосновения свалится вам в руки либо сгниет и тем самым просто исчезнет.

К такому образу действия, а вернее, к такому бездействию побуждало Горемыкина и другое его свойство — присущая ему в высокой степени лень. Это не была лень мысли, ум его постоянно работал и тонко разбирался в окружающей обстановке, а лень всякого «дела»; впрочем, это даже не была лень в точном смысле слова, а очень близкое к этому свойству — опасение всякого беспокойства, опасение чем-либо нарушить свой покой. Глубокий эгоист и при этом сибарит, очень ценивший комфорт во всех его видах, Горемыкин как-то инстинктивно избегал всего, что могло бы повлиять на спокойное, размеренное, вперед тщательно рассчитанное и приуроченное течение его жизни.

Свои личные дела Горемыкин вел превосходно. Будучи безусловно честным человеком, он, однако, составил себе к концу жизни прекрасное состояние исключительно бережливостью и хозяйственностью<sup>125 126</sup> и умением использовать все

124 Не трогать того, что покоится (лат.), то есть не нарушать существующих традиций в той или иной общественной сфере.

125 Основанием состоянию Горемыкина послужил изданный им сборник кассационных решений 2-го департамента Сената, обер-прокурором которого он состоял в течение нескольких

свои обширные связи и знакомства, не прибегая при этом к предосудительным средствам.

Вообще, людьми Горемыкин умел пользоваться превосходно, умел подбирать полезных для себя сотрудников и использовать знания и способности каждого в полной мере, умел, как говорится, чужими руками жар загребать. Широкого размаха у него не было и в помине, щедростью он отнюдь не отличался, и даже благодарности за оказанные ему услуги не испытывал, а за исключением близких ему лиц, т.е. собственно семьи в самом тесном смысле слова, едва ли кого-либо любил. Политику свою он строил преимущественно на собственных, а не на государственных интересах, а при столкновении этих двух интересов отдавал предпочтение собственным. Основывал же он свою даже государственную политику на глубоко продуманных, всесторонне и тонко рассчитанных, но маленьких средствах.

лет. Сборник этот, необходимый для всех крестьянских учреждений империи, выдержал несколько изданий, причем новые издания пополнялись позднейшими решениями Сената, что вынуждало лиц, связанных с крестьянским делом, приобретать новые экземпляры сборника, что, в свою очередь обеспечивало постоянный, непрекращающийся сбыт его. (Прим. автора)

- 126 Имеется в виду «Сборник решений Правительствующего сената по крестьянским делам. Изд. обер-прокурором 2-го деп. Правительствующего сената И.Л.Горемыкиным» (СПб., 1889). В 1893—1903 гг. сборник выдержал еще четыре издания (под заглавием «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений»).



К человечеству он питал такое же презрение, как и Витте, но у Витте это презрение сказывалось в его отношении к отдельной конкретной личности, с которой ему приходилось иметь дело и на худших струнах которой он неизменно желал играть. К человечеству как целому, в особенности к русскому народу, он не относился безразлично и прилагал все усилия к улучшению его положения, в особенности же к возвеличению России. Словом, Витте был патриотом, убежденным и горячим. У Горемыкина презрение к человечеству принимало иную форму и выражалось главным образом в индифферентизме. В соответствии с этим власть для Витте имела значение не сама по себе и даже не как способ удовлетворить свое честолюбие и тем не менее обеспечить свое материальное положение<sup>127</sup>; она ему была нужна для применения к делу его кипучей энергии, его огромных, несомненно, творческих сил. Власть для Горемыкина в этом отношении была не важна, и имела она значение преимущественно ради того значения и того материального довольства, того комфорта, которые она ему доставляла. Такая сравнительно мелочь, как пользование казенной квартирой, для Горемыкина имела огромное значение. Для сохранения власти Витте мало перед чем останавливался, но отказаться ради нее от живой деятельности, от проявления своей воли и осуществления своих мыслей он даже если бы в уме и решил, то на практике осуществить бы не мог. Стремился к сохранению власти, а при утрате ее — к возвращению к ней всемерно и Горемыкин; однако к средствам, практикуемым

127 В частной жизни Витте проявлял ту же широту размаха, как и в своей государственной деятельности, и тратил большие деньги, но сибаритом Витте не был, и деньги для него никогда не были целью, а лишь средством, но средством необходимым; стеснять себя в чем-либо Витте не был в состоянии. (Прим. автора)

Витте, не прибегал. Присущее Горемыкину джентльменство не позволяло ему действовать через тех темных личностей, содействием которых не пренебрегал и не брезгал Витте. Чужда была Горемыкину широко практиковавшаяся Витте система создания сторонников путем подкупа. Но зато, достигнув власти, все склоняло Горемыкина к бездеятельности или, по крайней мере, к медлительности и осторожности. В каждом новом возбуждаемом вопросе он видел прежде всего те неприятности, которые при его разрешении могут для него возникнуть, то беспокойство, которое он может ему причинить. Подходил он к каждому вопросу ввиду этого с величайшей осторожностью, и если не мог или не считал почему-либо для себя выгодным его просто обойти или спихнуть, то принимался за его разрешение с нарочитой медлительностью, стремясь взять его измором, так сказать, тихой сапой, предварительно обеспечив сочувствие к предположенному его разрешению среди нужных для него лиц, а в особенности самых верхов.

Тихонько, сидя у себя в кабинете в покойном кресле, обдумывал Горемыкин свои ходы и затем нередко составлял имевшие у него особое назначение записки. К составлению таких записок он привлекал лиц, хорошо знающих предмет, причем предварительно набрасывал сам те выводы, к которым надлежало прийти, и те главные мотивы, которые надо было развить. При этом он неизменно требовал возвращения ему вместе с составленной запиской и его собственноручных набросков ее. Самую записку он затем тщательно рассматривал и всегда делал в ней некоторые изменения, так что автор никогда не знал, что, собственно, из его записки достигало назначения. Такими, в сущности, маленькими средствами он строил свою карьеру, и, устроив ими свою судьбу, он, по видимому, думал, что ими же может обеспечить судьбу государства.

С общественным мнением Горемыкин, по крайней мере в бытность министром внутренних дел, по существу не считался, но идти против него, а тем более чем-либо его раздражать всячески избегал, и это все по той же причине — нежеланию нарушить не только свой, но и общественный покой. С земскими учреждениями, с которыми он сам был до известной степени связан, так как состоял в течение нескольких трехлетию уездным гласным Боровичского уезда, он стремился сохранить не только мирные, но даже дружественные отношения. Одной из мер его в этом направлении было увольнение от должности тверского губернатора П.Д.Ахлестышева, даже невзирая на то, что у Ахлестышева были большие связи и что, следовательно, его увольнение могло даже создать Горемыкину могущественных врагов в правом лагере. Ахлестышев принадлежал к той породе администраторов, про которых Тургенев говорил, что они страдают административным восторгом<sup>128</sup>; носился он с своим званием, как с сырым яйцом, все боясь его как-нибудь уронить, а с тверским земством стал в столь неприязненные отношения, что создал ему исключительное положение в общественном мнении. Достаточно сказать, что на смету тверского уездного земства, не помню на какой год, Ахлестышев предъявил 165 протестов. Тверское губернское земство, в сущности не отличавшееся от многих других, благодаря стараниям Ахлестышева приобрело особый ореол, а тверская губернская управа при нем почти постоянно состояла из лиц по назначению от правительства. Горемыкин вполне понял всю невыгодность такого положения для министра внутренних дел и, войдя в переговоры с представителями

128\* Выражение «административный восторг» получило широкую известность после его многократного использования Ф.М.Достоевским в романе «Бесы» (1872 год).

большинства тверского губернского земского собрания, добился от них выбора такого личного состава управы, который давал ему возможность его утвердить, не капитулируя явно перед оппозиционными правительству земскими людьми.

Таковыми частными мерами Горемыкин, однако, не ограничился, он, кроме того, остановил введение в действие получившего силу закона нового лечебного устава<sup>129</sup>, по которому от земства фактически отнималось заведование содержимыми на земские средства больницами и приемными покоеми.

Приостановил он и другие разрабатывавшиеся в Министерстве внутренних дел предположения о сокращении компетенции земства и даже взял обратно представленный его предшественником в Государственный совет проект изъятия из ведения земства всего продовольственного дела<sup>130</sup>.

129\* Устав лечебных заведений ведомства Министерства внутренних дел получил Высочайшее утверждение 10 июня 1893 года. Устав не относился к общегосударственному законодательству, являясь ведомственным документом, и не был включен в Полное собрание законов. В Именном высочайшем указе о введении Устава в действие было указано, что он вводится постепенно, по усмотрению министра внутренних дел. Фактически же Устав никогда не применялся.

130\* Продовольственным делом именовалась система выдачи крестьянам в неурожайные годы продовольственных ссуд (обычно выдавались зерном) на питание и обсеменение полей. Система была многоуровневой и состояла из сельских общественных продовольственных капиталов (могли быть или зерновыми, или денежными), в которые крестьяне должны были откладывать часть урожая, и из губернских и имперского продовольственных капиталов (денежных), которые задействовались для помощи сельским капиталам, когда они оказывались недостаточными.

Однако наиболее решительно проявил Горемыкин свое отношение к земским учреждениям по поводу представленного им в 1898 г. в Государственный совет проекта введения земств в западных губерниях, а также в губерниях восточных — Астраханской, Оренбургской и Ставропольской<sup>131</sup>. В ответ на приведенный мною выше отзыв на этот проект Витте, в котором последний говорил, что «земство непригодное орудие управления», Горемыкин не без пафоса писал: «Основой действительной силы государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность; выработать в народе способность к самоустройству и самоопределению может только привычка к самоуправлению, развитие же бюрократии и правительственной опеки создает лишь обезличенные и бессвязные толпы населения, людскую пыль».

На почве этого проекта и выраженных по его поводу суждений, по-видимому, и удалось Витте поколебать доверие к нему государя.

Желание Горемыкина использовать общественные силы для обеспечения при их помощи местных потребностей и сознание необходимости развития местной самодеятельности и воспитания культурных слоев населения в целях их постепенного приобщения к работе государственной были использованы Витте для внушения государю, что Горемыкин стре-

131\* Планы Горемыкина были реализованы значительно позже. Земства в Юго-Западных губерниях появились с 1903 года (без земских собраний, с управами по назначению от правительства) и были преобразованы в выборные с 1912 года. Земства в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губернии начали действовать с 1913 года. Земства в Северо-Западных губерниях так и не были учреждены.

мится к ограничению прав монарха, к введению в России конституции. По существу это было совершенно неверно. Существовавший в России государственный строй Горемыкин считал совершенно неизменным и, по-видимому, не предвидел не только его возможного крушения, но даже постепенной эволюции. Насколько в нем крепко было это убеждение, можно судить по тому, как он отнесся к мнению, высказанному ему королем греческим Георгом, которого он посетил при плавании в 1908 г. по Средиземному морю на яхте неизвестного миллионера, грека по происхождению, англичанина по подданству, Захарова (Горемыкин, как я уже упомянул, умел заводить приятные знакомства и ими при случае пользоваться). Король Георг сказал ему, что главное, как для России, так в особенности для благополучия царского дома, чтобы государь строго соблюдал конституцию, и при этом сослался на собственный пример. «Оставаясь на почве конституции, — сказал Георг, — я всегда совершенно спокоен за свою судьбу». Горемыкин приводил эти слова как пример полного незнакомства иностранцев с условиями России. «Что же он воображает, что русский император и король торговцев губками и коринкой — одно и то же. Власть русского царя тем сильнее, чем больше он ее проявляет» — вот как заканчивал свой рассказ Горемыкин.

Если Горемыкин не отличался энергией, то силой воли и упорством он, несомненно, обладал. Хорошо знакомый с техникой административного управления, он умел заставлять своих многочисленных подчиненных вполне точно исполнять сделанные им распоряжения и вообще согласовывать свой образ действий с данными им указаниями. Сам он всегда знал, чего хотел, и к раз намеченной цели шел осторожными, тихими, но верными шагами. Приступая к всякому действию неохотно и лишь после всестороннего его обдумания, он, остановившись на каком-либо решении, уже не испытывал колебаний и проводил его без всякой горячности, но решительно и

настойчиво. При этом он не терял хладнокровия и самообладания ни при каких обстоятельствах. В этом отношении он тоже не был сходен с Витте, который при всей своей решимости и кипучей энергии не отличался непоколебимостью характера и исключительной силой воли. Чрезвычайные события нарушали внутреннее равновесие Витте, и он способен был при этом растеряться. С особой яркостью обнаружилось это различие между Горемыкиным и Витте в 1905 и 1906 гг.

При совокупности всех очерченных свойств и особенностей Горемыкина понятно, что четырехлетнее его управление Министерством внутренних дел ничем не отразилось на ходе дел в государстве и не оставило следов не только в стране, но и в самом министерстве. Между тем одним из мотивов назначения Горемыкина министром было желание двинуть давно назревший вопрос о реформе так называемого крестьянского законодательства, знатоком которого он не без основания признавался. С этой целью назначен он был в начале 1894 г. товарищем министра внутренних дел и, если мне память не изменяет, по его указаниям был составлен перечень вопросов, касающихся крестьянского управления, которые должны были обсудить учрежденные еще в 1894 г. губернские совещания. Совещания эти, действовавшие под председательством губернаторов, имели в своем составе местных общественных деятелей (включенных в них по избранию администрации) и должны были закончить свои работы к весне 1896 г. Однако труды этих совещаний Горемыкин по назначении министром внутренних дел не использовал и вообще за все четыре года управления министерством лишь однажды собрал своих сотрудников для обсуждения крестьянского вопроса, причем не дал им никаких ни указаний, ни поручений и, побеседовав с ними часа два, ограничил этим всю свою деятельность в этой области.

Такое отношение к крестьянскому законодательству у Горемыкина было сознательное: он вполне постигал все те огромные трудности, которые были сопряжены с осуществлением какой-либо реформы в крестьянском деле, и все те препятствия и нападки, которые он неизбежно встретил бы при проектированном им в любом направлении пересмотре положений 19 февраля 1861 г. Препятствия и нападки эти неизбежно последовали бы, с одной стороны, либо от сторонников общины, либо из лагеря защитников личного землевладения, а с другой — либо из среды почитателей особого крестьянского управления и суда, либо от приверженцев всесословного административного и общего судебного строя. Но идти на эти препятствия и неизбежные нападки значило по меньшей мере утратить спокойствие и рисковать своим положением. Ни то ни другое Горемыкина отнюдь не прельщало. К тому же сам он сохранял некоторую приверженность к народническому направлению 60-х годов, причем хвалился своим участием в проведении крестьянской реформы 1864 г. в Царстве Польском, где он занимал должность вице-губернатора. Его перу принадлежали очерки истории крестьян Польши<sup>132</sup>, в которых он *passim*<sup>133</sup> высказывался за политику государственной опеки над крестьянами. Им же в качестве одного из чиновников сенаторской ревизии Саратовской и Самарской губерний было произведено в 1880 г. исследование экономического быта и юридического положения местного крестьянства. Составленная им по этому поводу записка обладала, по заключавшимся в ней данным, серьезными достоинствами, но, собственно, сколько-нибудь определенных мер для улучшения

132 См.: Горемыкин И.Л. Очерки истории крестьян в Польше. СПб., 1869.

133 Повсюду, в разных местах (лат.).



положения крестьянства не заключала. Однако народническая жилка и в этой записке сквозила довольно ясно, а отзвуки ее, хотя уже слабые, сохранились в словах Горемыкина еще в 1905 г. Как ни на есть, в бытность министром внутренних дел Горемыкин, по-видимому, и по существу не усматривал особенной надобности в пересмотре положений 19 февраля 1861 г. Он, конечно, понимал, что положения эти устарели, но думал, что постепенно силою вещей и под напором жизни они сами отчасти отомрут, отчасти изменятся кассационными решениями Сената, как раз по тому департаменту, обер-прокурором которого он еще столь недавно состоял.

В таком отношении к крестьянскому вопросу, в сущности, отражался, как в фокусе, весь Горемыкин, все его мирозерцание, весь его умственный склад. Тишина и спокойствие — вот к чему надо прежде всего стремиться во всех областях. Усыплять общественное мнение, употребляя для этого в количестве неограниченном лавровишневые капли<sup>134</sup>; не возбуждать каких-либо волнующих общественность вопросов; не принимать вызывающих критику мер; стремиться со всеми быть в ладу — вот к чему должна сводиться вся система внутренней политики, не исключавшая, однако, принятия в исключительных случаях мер решительных и бесповоротных.

Как ни однобока подобная политика, она, однако, была несравненно лучше той, которая у нас постоянно проводилась, а именно: много треску, бесконечные угрозы, беспрестанное раздражение общественности и окраин с их населением и полное отсутствие последовательности и настойчивости.

Избегая всяких крутых, а тем более острых вопросов, ясно, что Горемыкин ни с какими важными или хотя бы слож-

134\* Популярное в ту эпоху успокаивающее и обезболивающее средство.

ными законопроектами не выступал, а поэтому в Государственном совете почти не являлся. Вместе с тем он избегал принимать участие и в разыгрывавшихся в стенах Мариинского дворца междуведомственных пререканиях, благо разумно предпочитая быть лишь их сторонним свидетелем. Вообще, в вопросы, не касавшиеся его ведомства, он не вторгался, так как это могло также нарушить его столь им ценимый покой. При таких условиях политическую фигуру Горемыкина в Государственном совете определить было трудно или, вернее, невозможно. За сессии 1897—1898 и 1899 гг. припоминаю лишь его участие в рассмотрении департаментами новых штатов петербургской полиции или, вернее, образования полицейской конной стражи. Способ его защиты обсуждаемых предположений был совершенно своеобразный; самого проекта он совершенно не касался, да едва ли даже он его читал, а ограничился рассказом о том, что происходило на улицах Петербурга незадолго перед тем состоявшемся приезде президента Французской республики<sup>135</sup> и как-то очень ловко и умно сумел придать сделанным им тогда распоряжениям либеральный характер, в смысле предоставления возможности населению принять свободное и широкое участие в чествовании высшего представителя демократической республики. Затем он незаметно перешел к общей внутренней политике, касаясь ее, однако, так сказать, с анекдотической стороны. При этом всем своим обращением и своей речью он как бы вводил членов Совета в закулисную сторону политики, словно вел с ними конфиденциальную беседу. Мерно поглаживая и расправляя свои пышные бакенбарды — любимый и постоянный жест, — он с добродушным видом и слегка прищуренными, лукаво

135\* Имеется в виду визит в Россию президента Франции Феликса Фора в августе 1897 года.

смеющимися глазами как бы ставил себя на одну доску с рядовыми членами Государственного совета, превращал их в своих конфиденентов и сотрудников. Члены департаментов, имевшие почти постоянно дело лишь с товарищами министров, обычно заменявшими начальников ведомств, вообще очень ценили участие в их суждениях самих министров. Принятый Горемыкиным тон и вся его речь, как бы дававшая просветы в самые тайники нашей внутренней политики, и, наконец, тот легкий либерализм, которым была подернута его речь, — все это как нельзя больше не только нравилось, но даже льстило членам Совета. В обсуждавшемся вопросе они, несомненно, в особенности сознавали свое подневольное положение и невозможность не согласиться с предположениями главного представителя административной власти в деле полицейской охраны царской резиденции. Легко и охотно сделанные Горемыкиным уступки по некоторым вызвавшим возражения подробностям проекта окончательно их прельстили: Горемыкин ушел из заседания под общий хор одобрительных о нем отзывов.

Горемыкин твердо знал правило фонвизинской придворной грамматики, согласно которому несколько полугласных подчас сильнее и могут одолеть одну гласную<sup>136</sup>, и неизменно стремился завязать и сохранить хорошие отношения с лицами и маловлиятельными, но которые могут стать таковыми в любую минуту путем того или иного назначения.

136 Гурко весьма вольно толкует «Всеобщую придворную грамматику» Д.И. Фонвизина, где о «безгласных» сказано только, что «они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят» (Фонвизин Д.И. Избранное. Б.м., ОГИЗ, 1947. С. 155).

Невзирая на все свое искусство лавировать в петербургских сферах, Горемыкин осенью 1899 г. во время своего отсутствия из Петербурга был заменен на должности министра внутренних дел Д.С.Сипягиным. Очевидно, что одно Горемыкин упустил из виду, а именно, что отсутствующие всегда виноваты; его увольнение было для него страшным ударом и притом совершенной неожиданностью; он узнал о своей отставке на русской границе при возвращении из Парижа.

Но что же, собственно, было причиной отставки Горемыкина? Установить определенно я не могу, скажу лишь, что та причина, которая в то время признавалась достоверной, а именно борьба Витте с Горемыкиным на почве отстаивания последним прав земских учреждений, едва ли по существу верна. Что такова была внешняя сторона этой борьбы, несомненно: именно к этому времени относится записка Витте о несовместимости местного земского самоуправления с самодержавным государственным строем. Однако, думается мне, что Витте избрал этот вопрос, так как именно он сулил ему наибольшие шансы успеха в деле отстранения Горемыкина от одной из важнейших отраслей правления. На деле же это была борьба двух противоположных характеров, а в особенности темпераментов. Витте был весь натиск и энергия, Горемыкин — олицетворением постепенности и медлительности при упорстве в столкновении с инакомыслящими. Действовать совместно эти два характера не могли, и более горячий противник, играя на охранении прав престола, победил рассудительного и по существу более преданного самодержавному строю кунктатора<sup>137</sup>.

137 От латинского «cunctator» — «медлитель».

## Глава 6. Министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин

Заместитель<sup>138</sup> Горемыкина Д.С.Сипягин был типичным представителем старого русского барства, со взглядами которого совпадало и его представление о государственном управлении. Россия для него все еще представлялась вотчиной, которой должен отечески править русский царь. От природы ограниченного ума, он хотя и обладал дипломом высшего образования<sup>139</sup>, однако и образованностью отнюдь не отличался. Бесконечная сложность назревших и вновь возникавших вопросов, связанных с дальнейшим развитием России, от него ускользала. Наравне со всеми он видел, что русский государственный корабль явно сбивается с пути, что сколько-нибудь определенного курса он не держит, а как-то безнадежно толкается в разные и притом иногда прямо противоположные стороны, но основные причины этого грозного явления были вне его понимания. Зло, по его мнению, состояло в особенности в том, что отдельные министры недостаточно оберегали царскую власть, причем этой же властью пользо вались при проведении тех мер, которые расшатывали прочность самодержавия и уничтожали престиж его ставленников на местах.

Сущность своих взглядов в этом отношении Сипягин обнаружил еще до назначения министром, а именно за год до того, состоя главнымуправляющим собственной Его Величества канцелярией по принятию прошений<sup>140</sup>. В составленной им тогда записке он проектировал установление в виде общего обязательного правила, чтобы министры все свои принципиальные меры и имеющие политический характер законода-

138 Здесь слово «заместитель» использовано в значении «преемник».

139\* Сипягин был кандидатом прав Петербургского университета.

140\* Канцелярия была автономным учреждением, подчинявшимся непосредственно императору.

тельные предположения, ранее испрошения царского согласия на их осуществление, передавали в управляемую им канцелярию, с тем чтобы главноуправляющий этой канцелярией (т.е. он, Сипягин) докладывал их государю. Таким незатейливым путем он предполагал, что будет достигнуто единство государственной политики и уловлены зловредные покушения на расшатывание патриархально-самодержавного государственного и сословно-административного местного управления. Это до невероятности странное предположение, имевшее в виду не то воскрешение опричнины, не то учреждение в лице управляющего канцелярией должности *Eminence grise*<sup>141</sup>, казалось Сипягину верным средством как для объединения деятельности отдельных министров, так и для обеспечения более близкого участия верховной власти в фактическом управлении государством. Сипягин при этом, очевидно, не отдавал себе отчета в том, что устанавливаемая им застава с контрольным пунктом могла лишь явиться лишним тормозом для развития государства, но отнюдь не обеспечивала единства действий начальников отдельных ведомств, политика которых фактически сказывалась и отражалась на управлении не столько в силу тех или иных предполагаемых ими преобразований, сколько от суммы того множества единичных решений, которые они ежедневно принимали, и распоряжений, которые отдавали. Впрочем, в основе предположений Сипягина заключалась правильная мысль, а именно, что в рамках самодержавного строя наладить на единый дружный лад высшее государственное управление, придать ему творческую силу можно было лишь путем образования однородного кабинета, возглавляемого од-

141 Серое преосвященство (фр.). Исторически — отец Жозеф — монах-францисканец, тайный сотрудник кардинала Ришелье; в переносном смысле — тайный советник влиятельного лица.

ним лицом, ответственным перед престолом, но и обладающим властью по отношению к отдельным членам кабинета и лично их избирающим из среды своих единомышленников. Не имея возможности прямо высказать эту мысль и хорошо сознавая, что осуществление ее возможно лишь косвенным путем в каком-либо замаскированном виде, Сипягин решил провести эту контрабанду под ложным флагом. Причем он мог рассчитывать, что, сделавшись поначалу лишь контролером политической деятельности министров, он со временем силою вещей превратится в их руководителя, а затем и формально станет в их главе.

Проект Сипягина, разумеется, привел в ужас министров. Не только по личным соображениям не желали они пропускать через сипягинское сито свои предположения; они вполне понимали и государственную нелепость изобретенного им порядка. Между тем Сипягин, имевший обширные связи при дворе, уже успел получить предварительное одобрение своего проекта. Необходимо было, следовательно, пустить в ход все средства и нажать все пружины. Это и было сделано, причем прибегли к старому, испытанному способу провала нежелательных мер — учреждению особой комиссии для рассмотрения сипягинского проекта, с привлечением в состав комиссии лиц, облеченных в силу своей прежней государственной деятельности особым авторитетом. Комиссии этой стоило, однако, немало труда достигнуть своей цели. Затруднение состояло в том, что у комиссии не было уверенности, что ее заключения будут приняты, если автор проекта будет все же настаивать на благодетельности своих предположений. Совещанию удалось, однако, уговорить Сипягина самому отказаться от своего проекта, что и положило конец всему этому делу. Это, однако, не помешало тому, что Сипягин после назначения министром внутренних дел все же продолжал стремиться к осуществлению своей основной мысли и намерения — объединению всей

министерской коллегии под своим главенством, но уже иными путями. Как бы то ни было, но назначенный министром внутренних дел Сипягин, конечно, тотчас взял обратно из Государственного совета представленный его предшественником проект распространения земского самоуправления на западные и некоторые восточные губернии, причем вознамерился построить свою политику на усилении значения дворянства как служилого сословия. При этом он обнаружил, однако, лишь свой изумительный дилетантизм. Избранный им для этого способ был наивен до чрезвычайности; состоял он в учреждении в составе Министерства внутренних дел особого департамента по делам дворянства. Соответствующий проект был им представлен в Государственный совет, причем он уже наметил и директора этого нового департамента — екатеринославского губернского предводителя А.П.Струкова, известного консервативностью своих взглядов, а в особенности преданностью идее упрочения за дворянством роли и значения коренного служилого сословия. Осуществить этот проект ему, однако, не было суждено, так как Государственный совет до убийства Сипягина его не рассмотрел, а заменивший Сипягина Плеве взял его из Государственного совета обратно<sup>142</sup>.

Наряду с этим Сипягин, занимавший в течение некоторого периода должность губернатора, носился с мыслью всемерного возвеличения этой должности и придания ей исключительного значения в общем правительственном аппарате. Начальники губерний в его представлении должны были быть не

142\* Гурко здесь несколько искажает факты. На самом деле, в июне 1902 года, уже при министерстве Плеве, получил Высочайшее утверждение штат Канцелярии министра внутренних дел по делам дворянства, нового отдельного подразделения МВД, имевшего 8 штатных должностей (ПСЗ №21691).



простыми администраторами, а местными представителями верховной власти, изображающими, подобно послам при иностранных державах, особу монарха. Надо сказать, что действующий закон, не в силу предоставленной им губернаторам фактической власти, а в части, определяющей характер их деятельности (так называемая Бибииковская инструкция<sup>143</sup>, по имени министра внутренних дел времени Николая Павловича, ее составившего, и впоследствии введенная в положение о губернском управлении), давал для этого некоторую почву. Способ, к которому при этом прибег Сипягин, был, однако, столь же детский, как и избранный им в вопросе об увеличении значения дворянства: он убедил государя принимать приезжающих в Петербург губернаторов отдельно от других представляющихся лиц и выслушивать от них подробный доклад о состоянии вверенной им губернии и вообще о всех местных нуждах. Сипягин, по-видимому, однако, сам вскоре убедился, что получавшаяся при этом разногласия лишь усиливала общий хаос: по крайней мере, порядок этот продолжался недолго и Сипягин не стремился его восстановить.

Что же касается управления министерством, то он понимал его тоже своеобразно. В министре внутренних дел он видел всероссийского губернатора. Не охватывая в должной мере вопросов общегосударственных, он поневоле вдавался во все мелочи управления, причем, по-видимому, был убежден, что может, сидя в своем кабинете на Фонтанке, деятельно участвовать в разрешении всех местных дел. Время свое он посвящал ввиду этого преимущественно продолжительным беседам с приезжавшими в Петербург представителями местной администрации. Завел он при этом любопытный порядок,

143\* Том II Свода Законов, Общее учреждение губернское, ст. 253-420.

а именно: каждый прибывавший в столицу губернатор должен был до приема его Сипягиным представить список тех вопросов, по которым он намерен был говорить с министром. Заключавшиеся в этом списке вопросы распределялись между соответствующими той отрасли управления, которой они касались, департаментами, с тем чтобы последними были составлены подробные по каждому вопросу справки. По получении этих справок и внимательного их изучения Сипягин принимал прибывшего губернатора и часами с ним беседовал по поводу какого-нибудь моста, необходимого, по мнению губернатора, для какой-либо местности управляемой им губернии или какого-нибудь перешедшего в Сенат, вследствие поданной на него жалобы, решения губернского присутствия или присутствия по земским и городским делам. Разговоры эти в огромном большинстве случаев не только были бесплодны, но и не могли быть иными по многим вполне понятным, казалось бы, причинам. Но это, однако, не влияло на Сипягина, и этой системы он держался все время управления министерством, причем количество требовавшихся справок все увеличивалось. Дошло до того, что в департаментах почти все дело сводилось к составлению справок, составлению всегда спешному, но очень подробному. Ходячей шуткой между чиновниками некоторых департаментов было называть министерство конторой Капаныгина (бывшее в то время бюро в Петербурге по получению справок о сдающихся квартирах). Немудрено, что при таких условиях никаких мер общего характера, связанных в большинстве случаев с необходимостью издания новых законов, министерством не разрабатывалось, а тем более не осуществлялось. В сущности, даже решение текущих дел фактически перешло к товарищам министра, причем была учреждена новая третья должность товарища министра внутренних дел, на которую был назначен занимавший в то время должность товарища государственного секретаря

А.С.Стишинский. Одновременно взамен состоявшего при Горемыкине товарищем министра барона Иксуль-фон-Гильденбандта он избрал П.Н.Дурново, бывшего в царствование Александра III директором департамента полиции, а со времени увольнения от этой должности находившегося в Сенате по его 1-му (административному) департаменту. С назначением этих лиц, в определенно консервативных взглядах которых Сипягин был вполне уверен, важнейшей частью министерства бесконтрольно правил Дурново, а частью, подведомственной Стишинскому, а именно крестьянскими учреждениями, — никто.

Прекраснейший и честнейший человек, чуждый всякой интриги, душою преданный делу и отличающийся необыкновенной добросовестностью и трудолюбием, Стишинский был органически не способен ни к какой власти.

Необходимо, однако, отметить, что при своей умственной ограниченности и малой образованности Сипягин обладал каким-то особенным внутренним чутьем (чего Витте, например, был в значительной мере лишен). Так, вернувшись из совершенной им в 1900 г. поездки по России, где он, однако, силою вещей видел лишь внешнюю показную сторону, кроме администрации и представителей лишь той части русской общественности, которая в общем в то время отнюдь не была охвачена революционными стремлениями, он, к немалому изумлению сопровождавших его чиновников министерства, определенно им заявил, что в России творится что-то неладное и нарождается революция. Замечательно, что Витте, вполне сознававший умственную ограниченность Сипягина, однако признавал за ним какой-то, как он выражался, «женский инстинкт». Однако инстинкта, хотя бы и женского, для управления Россией, очевидно, было недостаточно. Сознание, что

«что-то в Дании подгнило»<sup>144</sup>, не давало еще возможности изобрести способ замены подгнившего крепким и здоровым.

В департаментах Государственного совета Сипягин появлялся редко, заменяя себя и там своими товарищами, а в те исключительные разы, когда появлялся, производил впечатление жалкое. Не обладая ни даром слова, ни логическим мышлением, ни знанием техники порученного ему дела, он беспомощно путался в своих объяснениях. Обстоятельство это, однако, не мешало тому, что вносимые им законопроекты, хотя и с разногласиями и урезками, все же благополучно принимались Советом, хотя многие из них отнюдь не нравились его членам. Так, при Сипягине было введено положение о земских начальниках в трех западных и трех северозападных губерниях; при нем же было передано все продовольственное дело от земских учреждений — крестьянским<sup>145</sup>. Слишком было известно то влияние и благоволение, которым пользовался Сипягин, чтобы большинство членов Совета решалось идти против него. К тому же по многим вопросам у Сипягина был могущественный защитник в лице Витте. Так, именно Витте фактически провел в Государственном совете закон о передаче продовольственного дела земским начальникам и уездным съездам. Руководствовался при этом Витте, вероятно,

144 Гурко цитирует реплику Марцелла из 4-й сцены первого акта трагедии Шекспира «Гамлет». Фраза эта могла иметь для современников дополнительный смысл — в Дании проживала вдовствующая императрица Мария Федоровна, имевшая решающее влияние на Николая II в первые годы его царствования.

145\* Гурко имеет в виду учреждения по крестьянским делам, являвшиеся подразделениями МВД (губернские присутствия, уездные съезды и земские начальники).

надеждою, что с этой передачей уменьшатся периодически производимые ассигнования из казны на продовольственные нужды неурожайных местностей. Надо признать, что в ведении земских учреждений дело это было поставлено плохо, в особенности в отношении пополнения продовольственных сельских запасов крестьянскими обществами. Не обладая правом принять какие-нибудь принудительные меры по отношению к этим обществам, земские учреждения лишены были возможности понудить их к накоплению этих запасов.

Впрочем, Витте вообще вполне учел как значение Сипягина, так и возможность использовать его в своих целях. Небезынтересно бывало наблюдать, как Витте, взявши Сипягина под руку, расхаживал с ним по залам Мариинского дворца во время перерывов заседаний Государственного совета. Менее схожих между собой людей трудно было себе представить. Благообразный, невзирая на несколько баранье выражение лица, родовитый барин Сипягин с тщательно расчесанной бородой и в прекрасно сидящем на нем вицмундире и небрежный во всем своем внешнем виде, плебей по наружности, но заведомо умный Витте, казалось, не могли иметь ничего общего между собой. Не надо было поэтому обладать особой проницательностью, чтобы определить, что Витте пользуется свободной минутой, чтобы обработать по какому-нибудь делу своего далеко не бесхитростного коллегу. Тем не менее в известной мере это ему часто удавалось. Независимо от той поддержки, которой добивался Витте от Сипягина перед государем, он еще достигал от него таких общих распоряжений по Министерству внутренних дел, которые обеспечивали проведение на местах мероприятий по Министерству финансов. Так, например, Витте добился при Сипягине иного отношения со стороны местной губернской и уездной администрации к податным инспекторам, нежели это было до него. Циркуляром Сипягина податные инспектора были даже введены в состав

административных присутствий уездных съездов по крестьянским делам на правах полноправных членов. Последнее, несомненно, отвечало пользе дела: личный состав податной инспекции, надо отдать справедливость Витте, набирался весьма тщательно и в общем был вполне удовлетворительный. Фабричная инспекция, которую губернская административная власть вообще недолюбливала, была также до известной степени ограждена Витте через посредство Сипягина от вмешательства в ее действия общей полиции.

Находясь, несомненно, под влиянием Витте и исполняя многие из предположений последнего, Сипягин, однако, одновременно вел и свою определенную линию. Действительно, мысль объединить деятельность отдельных министерств, которую он хотел осуществить, как я уже сказал, еще будучи главноуправляющим собственной Его Величества канцелярией по принятию прошений, он отнюдь не оставил, но способ при этом уже был другой — а именно учреждение должности главы кабинета с подчинением ему в общих вопросах отдельных министров<sup>146</sup>.

Несмотря на то что двухлетнее управление Сипягина Министерством внутренних дел не оставило следа в стране, ему удалось воздвигнуть себе памятник в виде перестроенного здания министерства на Фонтанке<sup>147</sup>. Витте охотно ассигновал значительные суммы для этой цели, а за исполнением предприятия Сипягин наблюдал самолично. В соответствии с указаниями последнего в столовой был сделан сводчатый потолок, а стены отделаны в древнерусском стиле. Сипягин

146 Далее в машинописи утрачены две страницы. Текст до конца главы приводится в обратном переводе с английского.

147\* Наб. Фонтанки, д. 57. Интерьеры, созданные при Сипягине, утеряны.

был хлебосольным и любезным хозяином; он любил хорошо поесть и попотчевать своих друзей отличным обедом; он был знаток кулинарии и большой ценитель русской старины во всех видах; и уж он не пожалел казенных денег для усовершенствования этого своего любимого обиталища. Художественные панели украсили стены столовой; на одной из них изображалось избрание на царство Михаила Федоровича Романова. И, весьма любопытно, на кожаной обивке стульев помещалась собственная монограмма Сипягина. Целью честолюбивых стремлений Сипягина было устроить там прием государя. В действительности в этом заключалась и первопричина всей затеи. Но вмешалась жестокая судьба. Сипягин был убит накануне того дня, когда он должен был дать обед государю. В своем великолепном дворце он прожил всего лишь несколько месяцев.

Распространенное предание гласит, что в этой самой комнате ему было дано знамение приближающейся трагедии. В тот день, когда он въезжал во дворец, тяжелая бронзовая люстра древнерусского стиля упала с потолка и разнесла в щепки накрытый для обеда стол. Говорили, что это происшествие глубоко огорчило Сипягина. Позже, после убийства Плеве, также занимавшего эту квартиру, широко распространилось убеждение, что этот дом приносит несчастье своим обитателям<sup>148</sup>.

148\* Суеверное убеждение оказалось полностью верным. Из одиннадцати преемников Плеве семь погибли насильственно: Столыпин был убит террористом, Булыгин, Макаров, Маклаков, Алексей Хвостов и Протопопов были расстреляны большевиками, Штюмер умер мучительной смертью в заключении в Петропавловской крепости при Временном правительстве, при фактическом отказе в лечении.

Вне ближайшего семейного круга, кажется, никто, за исключением одного Витте, не оплакивал его смерти. Витте не только лишился ценного помощника и ходатая перед государем, но также обрел в лице сменившего Сипягина Плеве серьезного и опасного противника, которому в конце концов и удалось его свергнуть.



## Глава 7. Министр юстиции Николай Валерьянович Муравьев

Прочие, кроме обрисованных мною в предыдущих главах, министры описываемого времени редко утруждали Государственный совет своими сколько-нибудь крупными законодательными предположениями; не принимали они и деятельного участия при рассмотрении проектов других ведомств. Политическая физиономия их при таких условиях в пределах Мариинского дворца (поскольку он был занят Государственным советом, так как в нем же, занимая особое помещение, находился и Комитет министров) выступала лишь случайно и притом бледно. К тому же военно-морское законодательство проходило помимо Совета<sup>149</sup>, а ежегодные сметы их были фактически забронированы. За исключением каких-нибудь случайных и незначительных ассигнований, расходы этих ведомств предварительно обсуждались в особых комиссиях и приходили в Государственный совет после состоявшегося уже соглашения с отпускавшим государственные средства ведомством, т.е. Министерством финансов, а потому Государственному совету не приходилось в этом деле играть роль той примирительной камеры, которой, как я уже сказал, он был по существу. Идти против состоявшегося соглашения значило идти против правительства вообще, и притом в области управления, а не законодательства. Но об этом Государственный совет не смел и помышлять.

Равным образом совершенно выходила из компетенции Государственного совета вся наша иностранная политика, в том числе и торговая; хотя таможенные договоры и проходили через него, но это было только формальностью. Министр иностранных дел, следовательно, тоже совершенно не зависел

149\* Законодательные акты, относящиеся к армии и флоту, рассматривались Военным советом и Адмиралтейств-советом, исключительно военными учреждениями.

от Совета, а потому и сам в нем роли не играл. Не выступал с какими-либо проектами и протестами и Государственный контроль, ограничивая свои замечания чисто формальными соображениями, например, по вопросу об отнесении той или иной учреждаемой должности к тому или иному разряду по выслуживаемой на ней пенсии. Сменившиеся за описываемый период деятельности Совета министры народного просвещения (Боголепов и Ванновский) проявляли свою деятельность почти исключительно в порядке управления и в Государственном совете не высказывались и ничем особенным не выказывались. Министр путей сообщения кн. Хилков представлял, несомненно, несколько отличный тип *self made man*<sup>150</sup> — как известно, он начал свою карьеру машинистом в Америке, — но, по-видимому, он был исключительно техником. Свои безусловно демократические взгляды он ничем в Совете не обнаруживал, кроме лишь того, что голосовал при разногласиях всегда с наиболее либеральным из сложившихся мнений.

Выдающуюся во всех отношениях фигуру представлял Н.В.Муравьев — министр юстиции. Опытный судебный деятель, занимавший, однако, лишь прокурорские должности, ученый, образованный, превосходный оратор, Муравьев отличался огромным честолюбием и в карьерных целях всегда прислушивался к настроению верхов и с ними согласовал свои действия. Так, в 1895 г., при открытии им в Ревеле новых судебных установлений он в согласии с намечавшимися тогда новыми веяниями произнес блестящую, привлекающую всеобщее внимание речь, в которой говорил, что под крыльями могучего русского орла есть место всем народностям. «В составе русского государства, — сказал он, — несть ни Еллина, ни Иудея». В том же 1895 г. при открытии им деятельности комиссии по пересмотру судебных уставов он с особой яркостью подчерк-

150 Человек, всем обязанного только самому себе (англ.).

нул, что суд должен быть независим от всяких посторонних влияний. Со временем отношение его к этому вопросу, однако, изменилось и, думается мне, под влиянием как изменившихся настроений на верхах, так и страстного желания занять должность министра внутренних дел. Консервативные взгляды были при этом тогда обязательны, да он и по существу их разделял. Состоя министром юстиции, он понимал, что не может не быть сторонником законности и права, что перед судебным ведомством ему необходимо отстаивать судебскую независимость, если не от власти генерал-прокурора, которым он состоял по званию министра юстиции, то, по крайней мере, от администрации. Положение при этих условиях создавалось для него довольно сложное, и осторожный Муравьев выходил из него тем, что в дальнейшем избегал всяких сколько-нибудь ярких выступлений и вообще направил свою деятельность преимущественно к окончанию начатой еще в 1881 г. разработки нового уголовного уложения и необходимого в связи с изданием нового уложения переустройства судебных учреждений. Первое, а именно новое уложение, ему и удалось провести через все многочисленные обсуждавшие его комиссии. Государственным советом оно было рассмотрено в 1903 г. Второе же, связанное с изменением судебной компетенции земских начальников, он не довел, да и не мог довести до конца, так как для этого необходимо было соглашение с министром внутренних дел<sup>151</sup> и притом явное обнаружение либо ярко

151\* Все т.н. «учреждения по крестьянским делам» со смешанной судебной-административной компетенцией (земские начальники, уездные съезды и губернские присутствия) были подчинены МВД. Между тем, подсудность дел земским начальникам была разграничена с городскими судьями, уездными членами окружного суда и окружными судами - а это уже были чины и учреждения судебного ведомства. Соответственно, любое из-

консервативного, либо либерального направления, а это не входило в его виды. В результате получилось то, что утвержденное еще в 1903 г. новое уголовное уложение целиком никогда в действие приведено не было. Фактическое применение получило оно лишь в той части, которая касалась государственных преступлений<sup>152</sup>. Была еще одна мера, которую провел Муравьев, и притом с некоторым треском, а именно отмену ссылки по судебным решениям с заменой ее тюремным заключением, а также и по приговорам сельских обществ по отношению к их членам, отбывавшим наказания за уголовные преступления, с заменой ее полицейским надзором<sup>153</sup>. По

менение этой подсудности требовало соглашения между МВД и Министерством юстиции.

152\* В действие были целиком введены следующие части нового Уголовного уложения: «О бунте против Верховной власти», «О смуте», «О государственной измене» и «О противодействии правосудию», относящиеся к политическому и революционному протесту, и «О непотребстве», относящиеся к преступлениям против общественной нравственности и половой неприкосновенности; также были введены в действие несколько отдельных статей по различным преступлениям, не предусмотренным Уложением о наказаниях 1885 года (например, преступлениям против авторских прав).

153\* 10 июня 1900 года были Высочайше утверждены Временные правила о замене ссылки на поселение и житье другими наказаниями (ПСЗ № 18777). Этими правилами полностью была полностью отменена ссылка на житье как особое уголовное наказание, с заменой ее различными видами заключения. Ссылка сельскими обществами «порочных» членов (формально именовавшаяся «предоставлением в распоряжение правительства») была сохранена, но поставлена в зависимость от согласия земского начальника, уездного предводителя дворянства и губернского присутствия; эти меры существенно уменьшили количество ссылаемых сельскими обществами лиц.

поводу этой меры, проходившей в Государственном совете в 1900 г., Муравьев произнес в Общем собрании Совета блестящую речь, в которой между прочим сказал: «Министр юстиции императора Николая II говорит — ссылка отменена». Это гордое заявление осталось только заявлением — фактически эта мера не уменьшила сколько-нибудь значительно число ежегодно ссылаемых в Сибирь<sup>154</sup>.

Заканчивая эти беглые абрисы личностей некоторых министров русской империи за 1894—1902 гг., я не могу не сказать, что за некоторыми исключениями они были людьми, стоящими выше среднего уровня, причем большинство их было близко знакомо с порученным им делом и отдавало ему и свои помыслы, и свои силы. Если, взятые в совокупности, они все же оказались бессильными с пользой для страны управлять государственным кораблем, то преимущественно вследствие того, что корабль этот все больше превращался в безнадежно застрявший воз с впряженными в него лебедью, раком и щукой. Если по временам и оказывалась впряженной в него такая сила, которая почти парализовала взаимно уничтожающие друг друга усилия остальных стремящихся его везти, то и тогда не получались те результаты, которые были бы, действующая эта сила в других условиях и при другой обстановке. Именно такой силой был за семилетие, о котором идет речь, С.Ю.Витте; можно сказать, что период этот прошел под знаком Витте, и отрицать, что многое им было достигнуто, нельзя. Но, увы, не только достигнутое им было односторонне и тем самым в известной степени непрочно, но и способы, которыми

154\* Гурко имеет в виду то обстоятельство, что административная ссылка как внесудебное наказание продолжила существование, причем число лиц, ссылаемых административно всегда существенно превышало число ранее ссылаемых в порядке уголовного наказания.

он действовал, были сами по себе не только беспринципными, но и в высшей степени вредоносными, разрушительными. Они заключали в себе элемент развращения и разложения. Не без основания некоторые из противников Витте говорили, что все ему могут простить, за исключением лишь того, что он ввел в обиход управления такие приемы, которые вконец расшатали весь государственный аппарат. Для осуществления своих предположений представители высшей власти во все времена и во всех странах вынуждены прибегать кроме прямых открытых действий еще и к некоторой закулисной работе. Вопрос сводится лишь к тому, в чем заключается эта работа и насколько именно в ней находится центр тяжести и залог ее успеха. Витте систематически прибегал в этой работе к способам безнравственным и именно на них почти исключительно опирался. Но тем самым он поставил перед остальными представителями высшей власти дилемму: либо тоже, поскольку у них была для этого возможность, действовать коррупцией, либо знать, что их усилия плодотворно работать и вести страну по пути прогресса заранее обречены на неуспех: слишком уже Витте разжег аппетиты, слишком много развел он шныряющих за кулисами всевозможных акул. В конечном результате именно эти акулы, выплыв на поверхность, захватили власть, если не непосредственно, то через своих ставленников, что и привело к ее окончательной гибели. На одного ли Витте падает ответственность за применявшийся разрушительный способ действия — другой вопрос.

## Глава 8. Председатели департаментов и отдельные члены Государственного Совета

Среди членов Государственного совета сколько-нибудь существенное, хотя все же ограниченное, влияние на основные черты нашей государственной политики, поскольку она отражалась в законодательстве, имели лишь председатели департаментов Государственного совета, причем их влияние зависело отчасти от того, что они одновременно, по своему званию, были членами Комитета министров. Голосами их в названном Комитете министры весьма дорожили, так как там они нередко играли решающую роль при постоянно возникающих между министрами пререканиях. Большинство голосов по обсуждаемому в Комитете вопросу часто зависело от того, на чью сторону склонятся их мнения. Само собою разумеется, что влияние председателей департаментов обнаруживалось преимущественно не на заседаниях этих департаментов, а за кулисами: министры раньше внесения в Государственный совет сколько-нибудь важных, а тем более спорных и политически острых законопроектов предварительно сговаривались с председателем того департамента, по которому должны были пройти эти проекты, и старались заручиться его сочувствием и содействием.

Председателями департаментов Государственного совета за взятый мною период были: Законов — М.Н.Островский, а затем с осени 1899 г. — Э.В.Фриш; Экономии — Д.М.Сольский; Духовных и гражданских дел до 1899 г. тот же упомянутый мною Фриш, а позднее — И.Я.Голубев; Промышленности, наук и торговли — по его утверждению в 1899 г. — Н.М.Чихачев. Из всех перечисленных лиц наибольшим влиянием пользовался Сольский, что происходило отчасти и вследствие того, что он был одновременно и председателем Финансового комитета,

учреждения в законе не предусмотренного<sup>155</sup>, но имевшего немалое значение, так как в нем предварительно обсуждались все важнейшие вопросы финансовой политики, в том числе и вопрос о совершении государственных займов и всех касающихся их условий.

Сольский был бюрократ старой школы, занимавший еще в царствование Александра II должность государственного контролера. Несомненный знаток финансовых проблем, обладавший огромным опытом во всех сметных вопросах, он нес при ежегодном прохождении государственной росписи через председательствуемый им департамент огромную работу и при рассмотрении отдельных частных этой сметы всегда мог привести к их решению в желательном для себя смысле. Возражать против высказанного им мнения Министерство финансов никогда не решалось. По вопросам же существенным и основным Витте неизменно сам сговаривался с Сольским, причем ему обыкновенно удавалось заручиться его содействием.

К старой школе принадлежал и Островский, бывший министром государственных имуществ<sup>156</sup> в течение почти всего царствования Александра III. Литературно образованный (он был единокровным братом писателя Островского) и весьма

155\* Комитет финансов действовал с 1822 года, не будучи упомянут в каких-либо законах. Законодательно его существование было оформлено только в 1906 году.

156\* Министр государственных имуществ, министр земледелия и главноуправляющий землеустройством и земледелием - это последовательные названия одной и той же должности, несколько раз менявшиеся при переименовании ведомства, одновременно заведовавшего государственными имуществами и сельским хозяйством в целом.



добросовестный работник, он искренне желал принести пользу на всех занимаемых им должностях, причем отличался безусловной честностью. Однако широким государственным умом он не был наделен, а творческими способностями не обладал вовсе. Пройдя в молодости через суровую жизненную школу и пробив себе дорогу упорным трудом, притом еще в то время, когда мнение начальства признавалось непреложным, он, с одной стороны, чрезвычайно дорожил достигнутым им положением, а с другой, сохранил до конца дней своих какое-то инстинктивное уважение к мнению лиц, обладающих большой властью. Все это заставляло его быть крайне осторожным в своих действиях и избегать столкновения с лицами, могущими ему повредить.

По отношению к Витте осторожность Островского была сугубая, тем более что в экономических и специально финансовых вопросах он разбирался с большим трудом и сам вполне это сознавал. Припоминаю, как он искренне мучился, когда зимой 1898 г. ему пришлось участвовать в бывшем под личным председательством государя особом совещании для рассмотрения представленной Витте и упомянутой мною выше записки по вопросу о привлечении в Россию иностранных капиталов. Часть членов комитета относилась к эксплуатации иностранным капиталом природных русских богатств несочувственно. Получив записку Витте, Островский обратился к лицам, которым он доверял в отношении их знакомства с экономическими вопросами. Лица эти оказались принадлежащими к числу противников прилива в Россию иностранных капиталов, и им не стоило большого труда убедить в этом Островского. Но тут возникло другое затруднение. «Хорошо, — говорил Островский, — вы меня убедили, но как я могу спорить по этому вопросу с Витте. Вот вы дали мне ряд мотивов и даже изложили их на письме — я, конечно, могу ими воспользоваться. Но ведь ни вы, ни я не знаем, что мне на эти мотивы возра-

зит Витте; где я найду контрвозражения, ведь вас за мной не будет. А к тому же Витте способен привести не только мотивы, но еще и факты. Ну как я разберусь в этом?» Ответить на это было, разумеется, трудно. И тем не менее после многих колебаний Островский все же решился, конечно, весьма мягко и стараясь обойти всю чисто экономическую сторону вопроса, возразить Витте<sup>157</sup>.

В результате, кстати сказать, желание Витте не было исполнено. Комитету министров было предоставлено и впредь «иметь свободное суждение» по всем подлежащим его разрешению вопросам, связанным с вопросом о водворении в России иностранных капиталов.

Не могу не сказать, что положение Островского было отнюдь не единичным. Малое знакомство с экономическими вопросами было присуще большинству наших государственных деятелей, получивших образование и даже близко стоявших к управлению страной в конце прошлого века. Ведь, в

**157** Решился на это выступление Островский после того, как его посетил посланный к нему Витте для его склонения на свою сторону В.И. Ковалевский, бывший в то время директором одного из департаментов Министерства финансов. Ему, как лицу, стоящему ниже его по служебному рангу, Островский, не опасаясь, определенно изложил те мотивы, которые заставляют его колебаться присоединиться к мнению Витте. К удивлению Островского, Ковалевский не только не возражал на приведенные ему доводы, но заявил, что он их сам вполне разделяет, причем может лишь выразить свое удивление тому, насколько Островский близко знаком с данным вопросом. Этот маленький случай может тоже служить иллюстрацией несогласованности действий отдельных частей того механизма, который в общем составлял русский государственный аппарат. (Прим. автора)

сущности, до появления Витте (поневоле приходится вновь и вновь к нему возвращаться) никакой экономической политики в России не было, а все финансовые вопросы сводились к стремлению свести без дефицита государственную роспись доходов и расходов, причем средство для этого было одно — изыскание новых и увеличение старых налогов. О повышении материальных средств населения, об увеличении не государственного в узком смысле слова, а народного богатства почти никто не помышлял. Экономические вопросы при таких условиях мало интересовали чиновничий мир, так как с ними они никогда не приходили в соприкосновение. Понятно, что с ними не был знаком и Островский, хотя долгие годы служил в Государственном контроле, где был деятельным сотрудником создателя нашего контроля — Татаринова, а затем в течение с лишком десяти лет управлял Министерством государственных имуществ, на попечении которого состояло, или, вернее, должно было состоять, все наше сельское хозяйство.

Кроме односторонности своих познаний Островскому за описываемое время существенно мешало плодотворно работать крайне болезненное состояние. Через силу, принимая величайшие предосторожности, он все же продолжал являться в Государственный совет, болезненно цепляясь за свою должность, которую ему и удалось сохранить до самой смерти. Вообще, в этом отношении на посторонний взгляд Государственный совет должен был производить по меньшей мере странное впечатление: с одной стороны, Сольский, давно лишившийся свободного употребления ног и с трудом передвигавшийся при помощи двух палок, с другой — Островский, сидевший во время заседаний отгороженным от окон, снабженных, однако, тройными рамами с внутренним между ними отоплением, плотной высокой ширмой.

Председатель Департамента духовных и гражданских дел Фриш — юрист, законник, тоже весьма добросовестный работ-

ник — производил впечатление формалиста-чиновника, отнюдь не возвышающегося над средним уровнем умеренно умного и умеренно образованного человека. Я, впрочем, не имел случая сколько-нибудь близко его наблюдать, а потому не в состоянии дать хотя бы его силуэт.

Совершенно иной тип представлял, во всяком случае, адмирал Чихачев, бывший одно время морским министром, но известный в особенности как делец, учредитель и организатор Русского общества пароходства и торговли<sup>158</sup>, нашего самого крупного пароходного предприятия, председателем правления которого он одно время состоял, и, наконец, как человек, много содействовавший оживлению северных берегов Черного моря, в том числе и Южного берега Крыма. Экономистом он, конечно, тоже че был, но практиком в торговых и промышленных делах был выдающимся. К сожалению, ко времени назна-

158 Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ) учреждено 3 августа 1856 г. при значительном участии правительства (казна купила 20% акций на сумму 2 000 000 руб.). Осуществляло пароходное сообщение между российскими черноморскими и иностранными портами, а также перевозки по Днепру, Южному Бугу и Днестру. Основная часть перевозок осуществлялась по обязательным маршрутам, за которые казна выплачивала Обществу «помильную плату». В 1870 г. оно получило от казны Одесскую железную дорогу, перевозки по которой были связаны с операциями Общества на море. К началу XX в. субсидируемое правительством общество превратилось в крупнейшую монополию в мореходном деле. Н.М.Чихачев был директором РОПИТ в 1862—1884 гг. и, пользуясь своими связями (в 1860—1862 гг. он был адъютантом великого князя Константина Николаевича), добивался значительных льгот для общества, акции которого поднялись в цене за время его директорства со 160 до 1000 руб. (см.: Афанасьев Н.И. Современники: Альбом биографий. СПб., 1909. Т. 1. С. 325-326).

чения председателем департамента государственного совета он уже в значительной степени утратил энергию и работоспособность и по многим вопросам послушно шел на поводу своего докладчика — статс-секретаря департамента Д.А.Философова.

Чихачев принадлежал к либеральному лагерю Государственного совета, причем во все времена был определенным, отнюдь не скрывающим этого юдофилом. Председатель в смысле умения вести заседание и руководить прениями он был слабый.

Заменивший Фриша на председательском кресле Департамента духовных и гражданских дел И.Я.Голубев был выдающийся юрист, причем отличался он необыкновенной типичностью. Лишенный всякой растительности на лице с запечатленным на нем определенно скопческим, старушечьим выражением, Голубев еще до назначения председателем департамента был несомненно самым добросовестным и самым трудолюбивым членом Государственного совета. Не было того проекта закона, которого бы он не изучил во всех подробностях, и не было того проекта журнала департаментов, которого бы он тщательно не прочитал и не высказал на письме своих замечаний на него. По специальности цивилист, он вникал, однако, решительно во все вопросы и голосовал по каждому из них вполне сознательно. Замечания его весьма не только дельные, но и существенные, когда они касались вопросов гражданского права, приобретали, однако, мелочный характер едва ли не по всем остальным. К редакции законов он относился с придиричностью. Примером может служить его замечание по поводу одной из статей положения о мерах и весах, в которой было сказано, что меры жидкости должны иметь «форму тел вращения». Невзирая на повторные заявления Менделеева, что он не может найти другого определения для круглых сосудов, могущих иметь различный диаметр в разных

своих плоскостях, Голубев все же настойчиво утверждал, что с определением, помещенным в проекте закона, как недостаточно ясным, он согласиться не может и журнала до подыскания другого определения подписать не желает; и он поставил на своем: было найдено другое определение, его удовлетворившее (было ли оно яснее, другой вопрос), а именно, что сосуды эти должны иметь в «горизонтальном сечении форму круга». Недаром бывший в то время государственным секретарем Плеве с обычным ему сарказмом называл Голубева почетным помощником статс-секретаря Государственного совета.

Впоследствии Голубев был председателем Департамента духовных и гражданских дел, а в обновленном Государственном совете занимал в течение многих лет должность вице-председателя, причем отличался прежним тщательным изучением рассматривавшихся проектов и умелой, когда он председательствовал, постановкой вопросов при прохождении сложных и вызывавших наибольшее количество поправок законоположений. В смысле политическом Голубев представлял весьма любопытную смесь типичного формалиста-чиновника и одновременно либерала судейского типа. При старом строе, когда он еще представлялся непоколебимым, Голубев в высшей степени соблюдал чиновничество и сам был послушным исполнителем указаний свыше. Дорожил он при этом до крайности благоволением свыше, причем обнаруживал временами мелочное честолюбие. Но по мере того, как старый строй стал обнаруживать признаки недолговечности, а общественность, наоборот, признаки нарастающей силы, Голубев, отнюдь не упуская случая по-прежнему выказывать преданность престолу, стал стремиться завербовать и сочувствие общественных элементов. Так, председательствуя в обновленном Государственном совете, он умел так вести заседания, что с внешней стороны, по крайней мере, члены Государственного совета были убеждены, что свободе их суждений не будет поставлено

никаких строго не обоснованных преград. Достигал он этого способом чрезвычайно простым, а именно посредством предварительных переговоров с лидерами оппозиции. В этих переговорах Голубев говорил всегда и непременно одно и то же, а именно, что он-то был бы рад дать им полную свободу высказаться, и даже даст им эту свободу, но что это приведет к его устранению от должности вице-председателя Государственного совета, что им же едва ли будет выгодно. Однако в последние месяцы существования старого строя, а именно в декабре 1916 г. и январе 1917 г., Голубев вдруг обнаружил немалую долю гражданского мужества. По некоторым вопросам он сам вперед предупреждал оппозиционных членов Государственного совета, что критика с их стороны ныне вполне своевременна. Правда, что он же, не прерывая ораторов в их речах, затем устранял из стенограммы речи то, что могло вызвать на него нарекания в смысле попустительства. Делал он это, однако, всегда после переговоров с говорившими и получения их на то согласия. Немудрено, что Голубев пользовался при таких условиях, в особенности среди выборных членов Государственного совета, популярностью и особым уважением. После Февральской революции 1917 г. оно выразилось в составлении этими членами денежного фонда имени Голубева для выдачи из него стипендий по какому-либо учебному по выбору самого Голубева заведению. Старика, доживавшего свои последние дни, — он умер несколько месяцев спустя — оказанное ему внимание, по-видимому, чрезвычайно тронуло. Прибывшим на его квартиру для поднесения этого фонда членам Совета он при этом по поводу происшедших чрезвычайных событий высказал убеждение, что главной задачей является сохранение в России двухпалатной системы законодательных учреждений. Тут еще раз обнаружился весь Голубев со всеми особенностями его мышления. На Россию надвигалось величайшее из мыслимых испытаний: внутри ее расшатывала при помощи герман-

ских денег облекшаяся в мантию друзей пролетариата кучка фанатиков, окружившаяся толпой грабителей; на улице господствовала чернь; извне наседали могущественный враг, а Голубев, по собственному заявлению, изучал государственное устройство культурных стран и приходил к заключению, что спасение России состоит в сохранении в ней верхней законодательной палаты.

Несомненно интересные фигуры представляли в Государственном совете обломки прошлого, пережившие своих сверстников, деятели времен Александра II и начальных лет царствования Александра III. Среди них особенно выделялись гр. Пален и гр. Игнатъев.

Министр юстиции еще при введении судебных уставов Александра II, высоко державший знамя судейской независимости от всяких посторонних давлений и влияний, ревниво оберегавший нравственный престиж судейского звания и всемерно ввиду этого стремившийся к тщательному подбору личного состава судей и прокурорского надзора, Пален был чистокровным балтийцем и говорил по-русски с ярко выраженным, типично немецким акцентом<sup>159</sup>.

Он был известен необыкновенной прямоотой характера и отличался безупречной, можно сказать рыцарской в лучшем смысле этого слова, честностью. Невзирая на свои весьма поч-

**159** О немецком акценте Палена и способе его выражаться на русском языке ходило множество анекдотов; так, между прочим утверждали, что однажды какому-то явившемуся к нему просителю, находившемуся в крайне удрученном состоянии, он участливо сказал: «Оботритесь духами», что должно было обозначать «ободритесь духом». О впечатлении, произведенном этим заявлением на просителя, анекдот не повествует. (Прим. автора)



тенные годы, он вполне сохранил ясность ума; говорил он, правда, редко, но всегда деловито и убедительно, умея в каждом вопросе сразу схватить сущность, и хотя на ломаном русском языке, но все же ясно высказать свое, чувствовалось, искреннее и чуждое всяких посторонних соображений, мнение. Назначенный осенью 1901 г. председателем учрежденного при Государственном совете особого присутствия для рассмотрения проекта нового уголовного уложения, Пален проявил, невзирая на свой возраст, необыкновенную работоспособность и деловитость. Работы этой комиссии, в состав которой были введены такие знатоки уголовного права, как Таганцев, Розинг и Дервиз, пошли совершенно необычайным темпом, и в 1903 г. выработанный комиссией проект уголовного уложения был утвержден, разумеется, без изменений Общим собранием Государственного совета.

Министр внутренних дел начала царствования Александра III, покинувший этот пост после провала его предположений о созыве земского собора; предположений, клонящихся если не к конституции, то, по крайней мере, к созданию эмбриона ее, гр. Н.П.Игнатьев был в некоторых отношениях прямой противоположностью Палена. Умный, тонкий и весьма хитрый, он был, несомненно, выдающийся дипломат и оказал огромные услуги России в бытность посланником в Пекине, при заключении весьма выгодного для нас Айгунского договора<sup>160</sup>. Не менее значительна была его деятельность в качестве русского посла в Константинополе, где он сумел поднять на необыкновенную высоту престиж русского имени, причем сам пользовался исключительным авторитетом и обаянием. К описываемому времени он, однако, почти совсем удалился от

160 Айгунский договор с Китаем был подписан в 1858 году; договор устанавливал границу между Россией и Китаем по р. Амур.

всяких государственных дел, предавшись на склоне дней самым разнообразным аферам, совершенно в конечном результате его разорившим. В прениях Совета он участвовал редко, причем определенностью своих заявлений не отличался.

Живым памятником старины являлся также П.П.Семенов-Тянь-Шанский, еще участвовавший, несмотря на свой возраст<sup>161</sup>, в работах департаментов Совета. Бывший при подготовке реформы 19 февраля 1861 г. личным секретарем первого председателя редакционной комиссии Я.И.Ростовцева и принимавший до конца участие в работах этой комиссии, Семенов считал себя хранителем заветов творцов крестьянской реформы и с жаром отстаивал положения 19 февраля во всей их полноте. Земельная община с ее периодическими переделами была для него святыней, прикасаться к которой могли лишь враги России. Интересным Семенов был, однако, лишь вне стен Мариинского дворца, когда он в частной беседе рассказывал с каким-то особым благоговением об эпохе великой реформы и живыми красками рисовал личности ее творцов.

К деятелям прежнего времени несомненно принадлежал военный министр в течение всего царствования Александра III, П.С.Ванновский, хотя он и был на короткое время извлечен из архива назначением в 1901 г. министром народного просвещения. На этой должности Ванновский, как известно, ограничился провозглашением нелепой по существу, но оправдывавшейся характером предшествующей деятельности министерства, — «эры любви» в школьном деле. Военный по недоразумению, он был, однако, хорошим организатором

161\* П.П. Семенов-Тянь-Шанский родился в 1827 году.

военного хозяйства, с педагогикой имел мало общего, хотя некогда и работал в области военного образования.

Среди прежних деятелей упомяну в заключение еще про Е.А.Перетца, занимавшего некогда должность государственного секретаря. Типичный по наружности представитель чиновника-бюрократа времен Александра II с обязательными для того времени подстриженными бакенбардами и бритыми усами и подбородком, Перетц был прекрасным оратором. Речь его отличалась не только плавностью и тщательностью отделки, но неизменно заключала какие-либо отвлеченные принципы, изложенные не без притязания на ученость и, во всяком случае, на широкие государственные взгляды. Наравне с другими обломками старины выступал он, однако, редко.

Если перечисленные лица не принимали постоянного участия в занятиях Совета и вообще не оказывали на них сколько-нибудь существенного влияния, то все же их значение не было ими вполне утрачено, но проявлялось оно спорадически и притом вне их прямой компетенции в качестве членов Государственного совета. Значение их состояло в том, что они, наравне с некоторыми другими лицами, привлекались для более или менее келейного предварительного обсуждения каких-либо исключительно важных или особо острых вопросов. Происходило это всего чаще, когда кому-либо из министров нужно было либо провести меру, встречавшую возражения влиятельных кругов, либо — и это в особенности — когда необходимо было провалить какое-либо вдруг возникшее, более или менее стороннее предположение. Испрашивалось в таких случаях рассмотреть данный вопрос в специально образованном совещании. Вот в эти совещания вводились как иконы прежние заслуженные деятели, а затем министры опирались на их «испытанный государственный ум и опыт» для достижения своей цели. Нельзя, однако, сказать, что такие совещания собирались для проведения каких-либо личных

взглядов, а тем более выгод. Они чаще всего обуславливались необходимостью парализовать какое-либо постороннее влияние и предотвратить крупную государственную ошибку или явно невыгодную для государства аферу. В таких случаях министры временно забывали свои взаимные нелады для дружного отпора дилетантским затеям или покушениям авантюристов на казенный сундук.

В подобное совещание был передан приведенный мною выше проект Сипягина. Приведу для примера и другой случай другого свойства, а именно дело о составленном инженером Балинским проекте сооружения метрополитена в Петербурге<sup>162</sup>. Проект этот был грандиозный — осуществление его требовало ни много ни мало как 380 миллионов рублей. О значительности этой суммы можно судить по тому, что заключавшиеся нами в ту эпоху государственные займы никогда не достигали такой суммы, не превышая обыкновенно 200 миллионов рублей. Между тем иностранные капиталисты, согласные финансировать это предприятие, желали получить правительственную гарантию, не помню, в каком размере процентов на влагаемый в это дело ими капитал. Витте, разумеет-

162 Проект П.И. Балинского в первоначальном варианте, представленном в 1898 г., предусматривал сооружение окружной железной дороги вокруг Петербурга, и только в позднейшей версии, датированной 1 февраля 1901 г., постройка была названа «метрополитеном». Поддерживали проект Балинского Базиль Захаров и английский инженер и промышленник Джексон. Витте удалось получить агентурную информацию, уличающую Горемыкина в намерении получить комиссию при осуществлении этого проекта, и добиться его отставки в 1899 г. (см.: Ганелин Р.Ш. Николай II, С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкин и проект Петербургской круговой железной дороги // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 210-223).

ся, против этого восстал, но Балинский успел заручиться весьма солидными сторонниками, весьма разнообразного общественного положения. Его поддерживал состоявший с ним в дружеских отношениях Горемыкин, за него же усиленно ходатайствовала небезызвестная балерина Кшесинская. Через ее посредство проект Балинского получил предварительное одобрение свыше, выраженное в весьма решительной резолюции. Добился каким-то образом Балинский и сочувствия Сипягина, бывшего в то время министром внутренних дел. Провалить это дело при таких условиях Витте единолично не решился и прибег к испытанному средству — образованию особого при Государственном совете совещания под председательством Сельского. Совещание это не замедлило дать определенно отрицательный отзыв на представленный ему проект, высказавшись, однако, за оплату Балинскому расходов по составлению проекта в размере, если память мне не изменяет, 100 тысяч рублей. Проект Балинского представлял, однако, по видимому, значительные достоинства. Судить об этом можно в особенности по тому, что иностранные капиталисты, после отказа в гарантии, выразили согласие на осуществление проекта и без казенной гарантии, при условии предоставления им права беспошлинного ввоза необходимых для сооружения метрополитена материалов и частей, но Витте и это признал (уже впоследствии единолично) недопустимым.

Ближайшему и притом нередко весьма тщательному во всех их подробностях обсуждению подвергались законопроекты в департаментах Государственного совета. Среди членов, заседавших в департаментах, имелись специалисты по всем главнейшим отраслям государственного управления, и отказать им в добросовестном изучении проектов и стремлении изменить их к лучшему отнюдь нельзя. По вопросам финансовым и экономическим такими специалистами за взятый мною

период считались В.В.Верховский, Н.В.Шидловский и Ф.Г.Тернер.

Верховский — талантливый, речистый и даже блестящий в своих репликах — не был, однако, серьезным экономистом и принадлежал к категории дилетантов, слишком легко все схватывающих, так сказать, на лету, чтобы дать себе труд углубиться в серьезное изучение предмета. Он был известен в Совете как ярый противник Витте и его финансовой политики. Выделился он в этом отношении в особенности при рассмотрении Советом проекта о введении в России золотой валюты. Невзирая на то что он занимал в то время лишь должность товарища главноуправляющего учреждениями императрицы Марии<sup>163</sup> — Протасова-Бахметьева — и собственно членом Государственного совета не состоял, ему тем не менее удалось, благодаря тому, что он постоянно заменял в Совете своего шефа, сплотить против проекта настолько значительную группу членов Совета, что Витте пришлось взять свой проект из Государственного совета и затем провести эту меру непосредственно Высочайшим указом. В последние годы описываемого мною времени Верховский уже значительно сдал и, хотя по-прежнему возражал почти против всех мер, предлагавшихся Министерством финансов, уже не имел прежней энергии и, во всяком случае, не был лидером оппозиции против Витте. Его

163\* Главнoуправляющий Собственной Его Величества канцелярией по ведомству учреждений императрицы Марии имел статус т.н. «главноуправляющего независимой частью», и был подчинен непосредственно императору. Главнoуправляющий состоял в том же II классе, что и министры, и так же был непосредственным докладчиком императора; но при этом он не входил в Комитет министров, и не был членом Государственного совета по должности, участвуя в совете лишь при рассмотрении дел своего ведомства.

выступления понемногу все больше приобретали характер выпадов, а не серьезной критики.

Значительно менее талантливый и тоже не обладавший серьезными познаниями в области экономики — насколько помнится, он вообще имел лишь домашнее образование — Н.В.Шидловский<sup>164</sup> отличался дотошностью и входил в тщательноерассмотрение всех подробностей проекта, вплоть до редакции его отдельных статей. Последнее объяснялось его прежней службой в Государственной канцелярии, где он был статс-секретарем одного из департаментов и благодаря этому близко знаком с законодательной техникой. Шидловский был также противником политики Витте, и представителям Министерства финансов в департаментах Совета приходилось постоянно вести с ним словесную полемику.

Более беспристрастным, можно сказать, бесстрастным участником прений по финансовым вопросам был Тернер. Бывший профессор Петербургского университета, перу которого принадлежало несколько небезынтересных исследований по экономическим вопросам<sup>165</sup>, Тернер стремился подвергать ученому анализу отражающиеся на народной жизни проекты экономического либо финансового характера. От науки он, однако, уже к этому времени несколько отстал и вообще заметно устарел, так что большого впечатления своими речами не производил и значительным влиянием не пользовался.

164\* Н.В.Шидловский имел гимназическое образование.

165 См.: Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Т. 1-2. СПб., 1896-1901; Он же. Вопросы, возникающие по предмету улучшения быта крестьян. Извлечение из данных, представленных губернскими совещаниями Министерству внутренних дел. СПб., 1902.

Как бы то ни было, вопросы сметные и податные подвергались при участии как означенных, так и некоторых других лиц тщательному обсуждению, а касавшиеся их проекты испытывали значительные изменения в сторону их несомненного улучшения. Достаточно упомянуть в этом отношении утвержденное в 1898 г. положение о промысловом налоге, составлявшее первую попытку ввести у нас прогрессивное подоходное обложение, по крайней мере, в отношении крупных, обязанных публичной отчетностью предприятий<sup>166</sup>.

По вопросам управления и вообще внутренней политики, а также по вопросам школьным и учебным наиболее видную роль играл А.А.Сабуров — министр народного просвещения в последние годы царствования Александра II. Являясь наиболее решительным и ярким представителем либерального течения в Государственном совете, он мало вдавался в подробности обсуждавшихся законопроектов, ограничиваясь обыкновенно критикой лишь наиболее реакционных его правил. Блеском речь его не отличалась — говорил он медленно и как-то вяло, причем избегал всяких личных нападок и обостренных с кем-либо пререканий. Влияние Сабурова, а оно, несомненно, было, проявлялось преимущественно за кулисами, в «кулуарах» Государственного совета, где вообще обыкновенно происходили стоворы и соглашения между сторонниками отдельных мнений, в особенности же с представителями ведомств. Впрочем,

166\* Промысловый налог состоял из нескольких отдельных налогов, взимаемых с разных предприятий и лиц по разным принципам. В частности, предприятия, обязанные публичной отчетностью (то есть, фактически, акционерные общества) уплачивали дополнительный сбор с прибыли по прогрессивной шкале (от 3 до 12% прибыли), причем ставка налога определялась исходя из отношения прибыли к уставному капиталу.



либеральная оппозиция имела и частные совещания у себя по квартирам, конечно отнюдь не оформленные. Среди лиц, назначенных в полном составе тою же властью, не могло быть и речи об образовании чего-либо похожего на политическую партию, тем более стоящую в оппозиции к правительству.

Положение членов Совета, стремившихся отстаивать права общественности, было вообще очень трудное. Всякие попытки в этом направлении признавались в то время чуть что не революционными. Доходило это до такой степени, что когда однажды по обсуждавшемуся проекту земским учреждениям представлялось какое-то новое право (к сожалению, не припомню, какое именно), введенное в журнал департаментов указание на значение земских учреждений и вообще общественной инициативы было статс-секретарем департамента Философовым почти целиком исключено, хотя Философов сам был земским гласным и притом сторонником местного самоуправления. Если принять во внимание, что журналы департаментов Совета опубликованию отнюдь не подлежали и дальше Общего собрания Совета никуда не шли, а просто сдавались в архив, приведенный факт нельзя не признать красноречивым свидетельством больше чем боязливого отношения правительственных верхов к этой стороне государственной жизни.

Другим заметным членом либерального лагеря, также принимавшим деятельное участие в рассмотрении проектов, касавшихся управления, был кн. Л.Д.Вяземский, бывший ранее управляющим уделами<sup>167</sup>, а перед тем атаманом уральского

167\* Департамент Уделов в составе Министерства императорского двора был ведомством, управлявшим общим имуществом императорской фамилии (удельным имуществом) - преимущественно доходными землями и лесами, а также капиталами, доходы от которых распределялись между членами император-

войска<sup>168</sup>. Среди членов Совета Вяземский приобрел известность после испытанной им крупной неприятности. Ему был объявлен в приказе по Военному министерству высочайший выговор за вмешательство в распоряжения правительства, и одновременно он был устранен от участия в заседаниях Государственного совета на довольно продолжительное время за то, что при разгоне очередной, преимущественно студенческой, демонстрации у Казанского собора вступился в действия полиции и, пользуясь своим военным званием, оградил от казачьих нагаек нескольких курсисток<sup>169</sup>.

Остальные, кроме поименованных, члены Государственного совета выступали, так сказать, спорадически, преимущественно по тем вопросам, которые были им ближе известны по их прежней службе, причем у некоторых были свои особые

ской фамилии. Также в управлении Уделов находилась существенная часть недвижимых имуществ, принадлежащих монарху по должности (так называемые «государевы имущества»), а также и некоторые личные имущества монарха.

168\* Атаманы (полное название должности - наказные атаманы) казачьих войск традиционно назначались из генералов, не принадлежащих к казачьему сословию.

169 Демонстрация студентов 4 марта 1901 г. на площади перед Казанским собором в Петербурге, протестовавших против применения «Временных правил» 1899 г. об отдаче в солдаты участников студенческих волнений, была жестоко разогнана полицией, казаками и жандармами. По неофициальным данным было несколько убитых и свыше 100 раненых. Около 1 тыс. человек были арестованы. Пытавшийся остановить избиение член Государственного совета кн. Л.Д.Вяземский получил императорский выговор «за вмешательство в действия полиции при прекращении уличных беспорядков» (Искра. 1901. № 3. Апрель).

коньки. Так, например, И.И.Шамшин, состоявший председателем особой комиссии по разработке нового устава о службе гражданской, при образовании какого-либо нового правительственного учреждения заявлял, что вопрос должен быть отложен впредь до утверждения разрабатываемого его комиссией устава, по правилам которого и должны быть определены штаты учреждаемых новых должностей в отношении присваиваемого им класса и разряда по выслуге пенсий. Предложение это, разумеется, отклонялось, что не мешало Шамшину вскорости вновь выступить с тем же заявлением. Так это продолжалось в течение многих лет, причем разрабатываемый Шамшиным устав не только никогда не увидел света, но даже не был внесен на рассмотрение ни старого Государственного совета, ни новых законодательных учреждений. Потребность же в нем несомненно была, так как установление нового, повышенного в соответствии с изменявшимися условиями жизни размера пенсий за службу было вопиющей необходимостью<sup>170</sup>.

Несколько особое положение в Государственном совете занимали его члены прибалтийского<sup>171</sup> происхождения. Наши

170\* Так как размеры пенсий чиновников, предусмотренные действующим законом, не удовлетворяли даже минимальным жизненным потребностям, то к началу 20 века правительство стало массово (до 3-4 тыс. пенсий в год) назначать т.н. «усиленные» пенсии, размер которых устанавливался индивидуально. Эти пенсии, как назначавшиеся не по закону, рассматривались Комитетом министров. Разумеется, при таком положении дела Комитет министров был перегружен мелкими пенсионными делами, не соответствующими задачам и статусу высшего государственного учреждения.

171\* В понятиях эпохи Гурко «прибалтийский» есть то же самое, что и «Остзейский»; этот термин обозначает Эстляндскую, Кур-

немецкие бароны относились в общем хотя и добросовестно, но по существу довольно равнодушно ко всем законодательным предположениям, не затрагивавшим так или иначе Остзейских провинций. Но зато все, что сколько-нибудь задевало интересы этого края, а в особенности его дворянства, вызывало с их стороны чрезвычайно согласованную и деятельную работу. Старания их при этом не ограничивались защитой своих интересов в самом Государственном совете. Имея своих сородичей во всех ведомствах, и прежде всего в «сферах»<sup>172</sup>, они пускали в ход самые разнообразные пружины для достижения намеченной ими цели.

Одним из примеров умелого и ловкого охранения баронами своих интересов может служить дело о праве собственности местных дворянских обществ на так называемые прибалтийские дворянские имения. Имущества эти были переданы прибалтийским дворянским обществам в XVIII в. из состава государственных имуществ с тем, чтобы на доходы с них дворянство исполняло некоторые государственные повинности, как то: содержание местной полиции и т.п. Впоследствии от несения этих повинностей дворянство было освобождено с принятием расходов по ним на счет казны, однако самые имения оставались во владении дворянских обществ. В 1890 г. по

ляндскую и Лифляндскую губернии, то есть, приблизительно, современную территорию Эстонии и Латвии. Территория, приблизительно соответствующая современной Литве, в терминах Гурко является частью Северо-Западного края.

172\* Гурко пользуется бюрократическим жаргоном своей эпохи, разумея под «сферами» круг придворных лиц, которые, не имея формально отношения к работе исполнительной власти и законодательному процессу, могли влиять на принимаемые решения за счет доверительных личных отношений с императором.

поводу выдвинутого тогда вопроса о земельном устройстве поселенных на части этих имений крестьян, все еще остававшихся, можно сказать, в феодальных отношениях к владельцам имений, Министерство внутренних дел вынуждено было выяснить, кому же, собственно, принадлежит титул собственности на них — дворянству или государству. От этого зависело устройство поселенных на них крестьян, а именно: по правилам ли, относящимся к частным имениям, или по установленным для государственных имуществ. Если бы дело не касалось прибалтийского дворянства, то нет сомнения, что вопрос был бы разрешен самим министерством или, по крайней мере, им было бы сделано какое-нибудь определенное представление по этому спорному вопросу либо в Сенат, либо в Государственный совет. Но дело касалось прибалтийских баронов, а потому и решить его так просто нельзя было и помыслить. Остановились ввиду этого все на том же способе — учреждении при Государственном совете особой для его разрешения комиссии. Председателем был назначен член Совета Герард, а в состав ее ввели представителей всех четырех прибалтийских дворянских обществ (четвертое — острова Эзель, имевшее особое от материковой части Эстляндской губернии дворянское общество). Вот тут-то и закипела работа у прибалтийцев. Первым их шагом была жалоба государственному секретарю на одного из чинов Государственной канцелярии, заведовавшего делопроизводством комиссии, за составление им юридической справки по делу. Из справки этой с очевидностью выяснялось, что спорный вопрос не может быть разрешен на почве права гражданского, а всецело относится к праву публичному, т.е. должен быть разрешен исключительно с точки зрения целесообразности, иначе говоря, что государство сохранило в полной мере право распоряжения спорными имуществами по своему усмотрению. Такая постановка дела, конечно, была не по шерстке прибалтийцам, а потому, и вполне оценивая значение

делопроизводства при решении вопроса, они не замедлили приложить все старания к замене заведовавшего делопроизводством другим лицом, им вполне угодным. Действуя через своего сородича — товарища государственного секретаря — барона Ю.А. Иксуля, они указывали, что заведующий делопроизводством вышел из своей роли, позволив себе в разосланной членам комиссии справке предрешить ее заключение. Последнее было с формальной стороны неверно, ибо, наоборот, согласно справке, комиссия имела возможность разрешить вопрос по своему усмотрению; однако по существу справка, конечно, предрешала вопрос в смысле юридической принадлежности имений государству. Ход этот баронам не удался, так как злокозненная справка была разослана членам комиссии «по распоряжению» ее председателя. Тогда прибегли к другому способу — устроили, что в комиссию был введен в качестве знатока прибалтийского гражданского права (кстати сказать, никакого отношения к вопросу не имевшего) сенатор Гасман, в благоприятном для себя отношении которого заранее убедились.

Невзирая на эти ходы, прибалтийцам не удалось добиться, чтобы комиссия признала спорные имения собственностью дворянства, — слишком было явно обратное. Не удалось, однако, или комиссия на это не решилась, признать титул собственности на имения и за государством. Она ограничилась разрешением вопросов, касавшихся устройства крестьян, поселенных в имениях, признав, что они должны быть устроены по правилам, относящимся к государственным, а не частновладельческим земельным имуществам, и оставив вопрос о праве собственности на имения открытым. Заключение это получило высочайшее утверждение, имения остались во владении дворянских обществ, равно как право распоряжения процентами с капитала, причитавшегося с крестьян за выкуп предоставляемой им части земли. Прибалтийцев, однако, это не удовлетво-

рило. Прошло лишь несколько лет, и они получили в 1905 г. разрешение не только на распоряжение упомянутым капиталом, но и на залог оставшейся в их владении, за наделом крестьян, части имений с правом свободно распорядиться залоговой суммой. Мотивом к их ходатайству были происшедшие в 1905 г. погромы некоторых баронских имений, на покрытие убытков по которым и предназначались все указанные суммы. Нелишне добавить, что самый залог имений прибалтийское дворянство произвело в прусском кредитном обществе, и притом в сумме, достигавшей их полной стоимости, чем оно и забронировалось от всяких покушений государства возратить имения в свое владение.

*La charite bien ordonnee commence par soi-meme*<sup>173</sup> — правило это прибалтийское дворянство усвоило в совершенстве и проводило неукоснительно. Однако едва ли именно его следует упрекать в том, что интересы горсти немцев в Прибалтике соблюдались в большей мере, нежели интересы общегосударственные, равно как интересы большинства местного иноплемennого населения.

173 Если хочешь облагодетельствовать весь мир, начинай со своего дома (фр.).

## Глава 9. Столетний юбилей Государственного совета

Начальные годы века были для наших высших государственных учреждений подряд юбилейными. В течение этих лет праздновали свое вековое существование многие министерства, праздновал его и Государственный совет. Как это ни странно, но юбилеи эти носили какой-то грустный характер; как будто хоронили прошлое, не ожидая вместе с тем ничего хорошего от будущего. Но особенно тягостное впечатление произвел, невзирая на всю его внешнюю торжественность, юбилей Государственного совета, состоявшийся в 1901 г.

Началось с того, что в представленном проекте данного Государственному совету по поводу его юбилея высочайшего указа государем было сделано два весьма знаменательных изменения. В проекте было, между прочим, сказано, что Государственный совет был учрежден в 1801 г. из лиц, «доверием монаршим и общим почтенных». Государь слова «и общим» собственноручно вычеркнул. Одновременно исключил он из помещенной в проекте фразы «мнениям Совета с уважением внимали венценосные прадеды, приснопамятный дед и незабвенный родитель наш», слова «с уважением». Значение этих поправок, или, вернее, исключений, было вполне понятно членам Совета. Действительно, как это ни странно, но Государственный совет, сплошь составленный по назначению короны, а в большинстве из бывших ближайших и нередко долголетних сотрудников престола, непосредственно им самим выбранных, не пользовался благоволением свыше. Вполне благонамеренное собрание лиц, из которых многие, несмотря на их преклонные года, с чрезвычайной добросовестностью посвящали все свои силы и весь свой разум на служение не только родине, но и престолу, тем не менее состояло под некоторым подозрением.

С особенной резкостью это выступило именно в день юбилея, увековеченного кистью Репина на известной его картине, изображающей состоявшееся в этот день торжественное



заседание Совета<sup>174</sup>. Прибывший на это заседание император, встреченный всеми членами Совета в вестибюле Мариинского дворца, прошел непосредственно в зал собрания, где тотчас его открыл. Продолжалось заседание весьма недолго, так как все оно состояло в прочтении государственным секретарем данного Государственному совету указа и раздаче чинами Государственной канцелярии членам Совета юбилейных медалей. Никаких речей, никаких взаимных приветствий произнесено не было; в зале царило какое-то томительное молчание, чувствовалась какая-то всеми осознаваемая неловкость. Вместо праздничного, хотя бы слегка приподнятого настроения господствовали всеобщая угнетенность и стеснение. Между носителем верховной власти и его советниками висела невидимая, но густая завеса. Не войдя в соседний зал, где был приготовлен открытый буфет с шампанским и где предполагалось, что после тоста за императора, провозглашенного председателем Государственного совета, царь выпьет за здоровье членов Совета, государь тотчас уехал. Такое почти демонстративно холодное отношение носителя верховной власти, не удостоившего никого из членов Совета хотя бы краткой беседы, глубоко оскорбило почтенных старцев, в мере своих сил и разумения честно и верно в течение всей их жизни служивших русским монархам.

174 Юбилейное заседание, посвященное столетию Государственного совета, учрежденного 30 марта 1801 г., ввиду того что 30 марта 1901 г. приходилось на Страстную пятницу, состоялось только 7 мая 1901 г. Действительному члену Петербургской академии художеств И.Е.Репину предложено было «с высочайшего соизволения» написать «большую картину», изображающую юбилейное заседание. Работа над картиной (400\*887 см, 80 фигур) велась с участием учеников художника — Б.М.Кустодиева и И.С.Куликова и была завершена в 1903 г.

Государственный совет в описываемое время, конечно, уже отживал свой век, но причины, по которым он не принес той пользы, которую мог бы принести, таились не в нем и даже не зависели от его состава, а тем более от престарелого возраста многих его членов. Верхние законодательные палаты Запада имеют в своей среде не меньшее число бывших сил и бывших энергий. В английской палате лордов есть члены, приближающиеся к ста годам, и, однако, палата эта вплоть до последнего времени была одной из творческих сил страны. Конечно, не препятствовала работе Государственного совета и та внешняя чинность, которой отличались его заседания. Этой чинностью и даже торжественным внешним ритуалом, оставшимся неизменным в течение многих веков, отличается в гораздо большей степени демократически избранная английская же палата общин. Душили деятельность Государственного совета, во-первых, келейность его собраний, отсутствие всякой гласности у них, а главное, та роль примирительной камеры, которую он играл. Будь, с одной стороны, однородное правительство, а с другой — свободно гласно высказывающееся собрание умудренных житейским опытом бывших государственных работников, и деятельность этого собрания давала бы иные, значительно более плодотворные результаты.

## Глава 10. Государственная канцелярия

В общем строе старого Государственного совета несомненным значением обладала состоявшая при нем Государственная канцелярия. Учреждение это не было в точном смысле присутственным местом, так как с публикой, не ведая никакими частными интересами, сношений она не имела, а вторых, потому, что собственно занятий в ней почти не происходило. Служащие в канцелярии, кроме молодежи, работали по домам и в Мариинский дворец приходили на заседания Государственного совета и его департаментов, а в иное время если и появлялись, то преимущественно как в клуб, где за чашкой чая или кофея, разносимого лакеями в придворных либреях, делились городскими слухами и обменивались мнениями по злободневным политическим вопросам, нередко вступая по их поводу в горячие споры.

Центром, где собирались чиновники канцелярии, служила читальня Государственного совета, куда сами члены Совета заходили редко: ею почти всецело завладела канцелярия<sup>175</sup>. Конечно, все отдельные части канцелярии, обслуживавшие каждая один из департаментов Совета, имели свои особые помещения, но там занимались лишь писаря и экспедиторы да происходила считка корректур журналов Совета и составление справок по назначенным к слушанию проектам. То и другое производилось молодежью — преимущественно причисленными<sup>176</sup> к канцелярии. Справки составлялись чисто механиче-

175 Комната эта впоследствии, при перестройке Мариинского дворца в 1906 г. для его приспособления под Государственный совет нового устройства, была уничтожена, войдя в состав нового обширного зала заседаний Совета. (Прим. автора)

176\* Причисленными (к какому-либо ведомству) именовались чиновники, не занимавшие штатной должности. Эти лица могли получать разнообразные поручения от начальства и выполнять их либо бесплатно, либо с оплатой за счет каких-либо нештатных сумм. Часть причисленных была, по существу, стаже-

ски при помощи ножниц и клея, так как состояли они, за редкими исключениями, из одних статей действующего закона, относящихся к рассматриваемому проекту, и имели целью облегчить членам Совета ознакомление с ними, освобождая их от необходимости разыскивать нужные статьи в 16 томах нашего свода, а также в собрании узаконений и распоряжений правительства<sup>177</sup> в отношении тех правил, которые еще не были введены путем кодификации в самый свод. С этой целью нужные статьи вырезались из отдельных томов свода и брошюр собрания узаконений, наклеивались на листы бумаги и отправлялись в Государственную типографию, где они и печатались по числу лиц, которым рассылались рассматриваемые в Совете дела. Изводилось при этом изрядное количество экземпляров свода и собраний узаконений, хотя едва ли справками этими пользовались члены Совета; разве заглядывал в них Голубев, но и тот, вероятно, по природной недоверчивости, добросовестности и точности, обращался к подлинным своду и сборникам.

При описанных условиях служба в Государственной канцелярии, естественно, весьма ценилась: ежегодные четырехмесячные отпуска<sup>178</sup>, во время летнего перерыва занятий в

рами, а другая часть не имела поручений и, ничего не делая и не получая содержания, просто сохраняла за собой права государственной службы (не выслуживая при этом пенсии). Для лиц, уже занимавших штатную должность, перевод в причисленные считался наказанием.

177\* Еженедельное издание, в котором публиковался более широкий круг нормативных актов, чем те, которые затем включались в Полное собрание и законов и кодифицировались в виде изменений в Своде законов.

178\* Продолжительность отпусков чиновников не устанавливалась нормативно, но нормальным считался месячный отпуск.

Государственном совете; почти полная свобода распоряжения своим временем; близость к центру государственного управления и сравнительная тем самым осведомленность по злободневным политическим вопросам; частое общение с министрами и посему большая возможность, при желании работать, сделать карьеру, наконец, приятная, почти однородная среда сослуживцев — все это заключало такие исключительные преимущества, которые не могли не привлекать каждого, и поэтому давало полную возможность подобрать кадр даровитых и трудолюбивых работников. Конечно, не весь состав канцелярии принадлежал к этой категории; наоборот, он резко делился на две части, которые Плеве характеризовал как знатных иностранцев и белых рабов. Но знатные иностранцы, за редкими исключениями, подвигались по службе медленно, карьеры не делали и занимали в большинстве случаев сверхштатные, неоплачиваемые должности либо даже оставались в течение долгих лет причисленными, конечно, тоже не получающими содержания. Фаворитизма, продвижения по протекции, по крайней мере, на ответственные должности, не было, да оно и было невозможно: работа канцелярии требовала значительного умственного развития, большого навыка и немало го труда. Если дни у работающих чинов канцелярии могли быть более или менее свободными, то зато вечера и даже ночи сплошь проводили они за письменным, правда собственным, столом.

Чтобы определить значение канцелярии, достаточно сказать, что никогда в департаментах Совета, а тем более в Общем его собрании отдельные статьи закона не принимались в определенной точной редакции: принимались, собственно, правила закона, но самое их изложение всецело и неизменно предоставлялось канцелярии. Действовала она при этом весьма свободно, т.е. внесенный ведомством проект подвергала нередко коренной переработке, будто бы только редакционной, но на деле часто затрагивавшей суть правил. Конечно,

роль канцелярии ограничивалась подробностями, и основных крупных, а тем более политических сторон проекта она касаться не могла. Но, если принять во внимание, что большинство законов, проходивших в то время, было технического свойства, то надо будет признать, что Государственная канцелярия являлась деятельным фактором в русском законодательстве. Приведу для примера такие законы, как положение о мерах и весах и новые, изданные в 1901 г. правила о взаимном земском страховании, а также правило о виноградно-водочном производстве. Все эти законы были составлены Государственной канцелярией наново, причем для характеристики этой работы достаточно сказать, что Д.И.Менделеев, автор положения о мерах и весах, сначала пришедший в ужас от сделанных изменений, затем не только признал их правильными, но еще счел долгом выразить благодарность чинам канцелярии за их сложную, кропотливую, добросовестную работу.

Еще большее влияние имели статс-секретари Государственного совета<sup>179</sup>, т.е. лица, ведавшие делопроизводством департаментов, причем каждый департамент имел своего статс-секретаря. Основывалось их влияние на том, что не только от них в конечном результате зависела редакция закона, но и потому, что они же докладывали поступавшие проекты председателям департаментов. Последние, как я уже сказал, были люди весьма опытные и в общем деловитые, но заметно устаревшие. Разбираться во всех подробностях сложных законов, что возможно лишь путем тщательного сопоставления отдельных их статей, им было нелегко; от статс-секретаря

179\* Эту штатную должность (имевшуюся только в Государственной канцелярии) не следует смешивать с почетным званием статс-секретаря Его Величества, не связанным с конкретной должностью и значительно более престижным.

зависело многое — так или иначе осветить или хотя бы привлечь на какое-либо правило проекта особое внимание.

Статс-секретарями за период с 1897 по 1902 г. были люди с большим опытом: быстро усваивали они самые разнообразные и иногда совершенно им неизвестные перед тем вопросы. Конечно, знакомились они с вопросом лишь теоретически, книжно. Непосредственно народная жизнь им была мало знакома и еще менее выдвигавшиеся ее развитием новые запросы и требования. Не сталкивались они ни с каким конкретным делом и в порядке бюрократического заведования им, а следовательно, не могли и таким путем изучать ни государственные, ни народные потребности. Кругозор их, естественно, отличался при таких обстоятельствах безграничностью, ибо действовали они как бы вне времени и пространства, а составление законодательных правил проникнуто стремлением привести все и вся, на всем пространстве империи, к одному общему уровню, подвести под один общий шаблон. Естественно, что отражалось это в особенности на законах, касавшихся всецело или отчасти окраин государства.

Статс-секретарями отделения законов были за описываемый период барон Ю.А.Икскуль-фон-Гильденбандт, а позднее Г.И.Шамшин. Первый — Икскуль — в душе был ярким балтийцем, в смысле отстаивания баронских<sup>180</sup> интересов, но, однако, тщательно это скрывал и одновременно принимал близко к сердцу общегосударственные интересы. Думается мне, однако, что опять-таки в душе он преклонялся лишь перед германской культурой и отрицал всякое культурное значение за русским народом. Редактор барон Икскуль был превосходный и законодательной техникой обладал в совершенстве. Все поступав-

180\* Гурко просторечно именуется матрикулированное дворянство Остзейских губерний «баронами», хотя далеко не все его члены носили этот титул.

шие при нем в департамент проекты подвергались самому тщательному рассмотрению, причем происходило это при участии всего состава служащих в отделении. Словом, происходило форменное коллегиальное совещание, состоявшее в том, что сначала лицо, которому поручалось данное дело, излагало его сущность и подвергало его всесторонней, как по существу, так и во всех его подробностях, критике; затем в обсуждении принимали участие все остальные чиновники отделения вплоть до зеленой молодежи. Порядок этот, способствующий тщательному ознакомлению статс-секретаря с проектом, а следовательно, через его посредство и председателя департамента, служил превосходной школой для всех участников совещания. Он не только заинтересовывал их в деле и вызывал полезное соревнование, так как каждому хотелось выказать и знакомство с делом, и общую образованность; он вместе с тем имел воспитательное значение. Он расширял кругозор, вводил в круг государственных вопросов и даже в гущу государственного управления.

Общему развитию, логическому мышлению, усвоению сущности изучаемого вопроса и умению ясно и точно излагать на письме факты и мысли еще больше способствовала основная работа Государственной канцелярии, сводившаяся к составлению журналов заседаний департаментов Совета и переработке журналов соответственно с принятыми решениями самих законопроектов. На журналы эти обращалось исключительное, даже, быть может, чрезмерное внимание, и составлялись они в отделении законов превосходно. Будущий историк русского законодательства, равно как исследователь нашего государственного строя за XIX век, найдет в них драгоценный материал. Состояли эти журналы в точном и исчерпывающем изложении сущности внесенного проекта, равно как обстоятельств и мотивов, его вызвавших; затем следовало изложение высказанных в департаментах по основным предположениям законопроекта мнений, и заканчивался журнал сделанными



и принятыми замечаниями по поводу отдельных статей или правил проекта; к журналу, составляя его заключение, прилагался законопроект в измененной, соответственно высказанным суждениям, редакции. Весь журнал должен был быть весьма кратким, что, конечно, затрудняло работу. Исчерпать на немногих страницах сущность сложных, захватывающих иногда разнообразные стороны народной жизни положений и правил представляло немалый труд; еще Вольтер, извиняясь за пространность своего письма, писал, что не имеет достаточно времени, чтобы быть кратким.

Не обходилось, однако, при этом без некоторых смешных формальностей. Так, при изложении происшедшего разногласия обязательно было отвести обоим мнениям совершенно одинаковое количество страниц и даже строк: убедительность мнения очевидно расценивалась на меру длины, а не по удельному весу. Зато в изложении единогласно высказанных суждений редактору предоставлялась почти полная свобода; он не был стеснен тем, что фактически говорилось в департаментах, и мог опустить или развить сказанное и даже прибавить ряд собственных соображений, подкрепляющих принятое решение. Объяснялось это тем, что суждения Совета излагались безлично, как бы от всего департамента. Поэтому каждый член Совета мог *ad libitum*<sup>181</sup> либо признать изложенные соображения за свои, либо приписать их своим коллегам. Ближе придерживались в журналах к фактически высказанному при изложении происшедших разногласий; однако, так как и тут мнения излагались от лица группы членов, развитие сказанного не было исключением, а иногда являлось необходимым ради уравнивания по их длине двух разных мнений.

181 По желанию (лат.).

Конечно, одинаково убедительное изложение двух противоположных мнений представляло для образованного и самостоятельно мыслящего редактора задачу и трудную, и тягостную, причем должно было иметь на него в конечном результате влияние развращающее. Приучая к диалектике, а быть может, в известной мере и к объективности, оно одновременно развивало скептицизм, индифферентизм и склонность к соглашательству — свойства и без того присущие русскому правящему слою. Энциклопедичность вопросов и дел, проходивших через руки редакторов, с другой стороны, бессознательно склоняла их к мысли, что они все знают, а в особенности на все способны, а это отражалось на их последующей деятельности. Деятельность же эта была нередко широкая и притом в масштабе Русского государства, так как Государственная канцелярия была рассадником высших должностных лиц. Именно из нее вышли многие из наших последних министров, как то: Кауфман, Харитонов, Рухлов, Философов, Коковцов, Трепов. Все это люди несомненно выдающиеся, но едва ли все они были вполне подготовлены для занятия тех должностей, которые впоследствии занимали. Впрочем, и то сказать, едва ли конституционные министры Запада — журналисты, врачи, адвокаты, прошедшие через стаж народных представителей в парламентских учреждениях, — обладают большими познаниями и большим опытом.

Возвращаюсь к статс-секретарям Государственного совета. Не все они обладали теми свойствами, которые отличали барона Иксуля. Так, заменивший его Г.И.Шамшин (брат члена Государственного совета И.И.Шамшина) представлял совершенно иной тип. Формалист-чиновник, мало интересовавшийся сутью дела, он обращал внимание преимущественно на «корректность» журналов, причем понимал ее своеобразно. По его мнению, она состояла в том, чтобы журналы не только ничего резкого, но и сколько-нибудь определенного не заключали. «Знаете, — говорил он, — как ласточка, летая над водой,

чуть-чуть задевает ее поверхность крылом, вот так и в журналах должны мы касаться существа дела; так чуть-чуть, тем самым ничем не связывая решений Совета по другим более или менее аналогичным делам».

Трудолюбив был при этом Шамшин необыкновенно и имел благодаря этому адское терпение писать наново все представляемые ему его подчиненными журналы, причем умудрялся уписать их мелким бисерным почерком на полях будто бы исправляемого им текста и так их изложить, что они заключали лишь гладко нанизанные слова, почти без всякого содержания; такой уж талант ему природа дала. Зато на редакцию законов Шамшин почти не обращал внимания, сохраняя то их изложение, которое было дано составителем журнала.

Совершенно иначе относился к делу Д.А.Философов, статс-секретарь отделения промышленности и торговли с 1899 г. — времени его образования — по осень 1901 г., когда он был назначен товарищем государственного контролера. Умный, талантливый, он отличался беззастенчивостью и какой-то добродушной наглостью. Весьма честлюбивый и всемерно стремившийся к власти, но вместе с тем ленивый по природе, он, как многие умные, ленивые люди, обладал необыкновенной способностью подыскивать себе таких сотрудников, работу которых он мог бы обернуть в свою пользу, выдавая ее, не стесняясь, за свою. Однако, когда это было необходимо, он мог любую работу исполнить и сам, обладая при этом талантливым, чуждым канцелярского шаблона пером. Назначением в статс-секретари он был обязан собственной работе, а именно проведя в Государственном совете в сессию 1897—1898 гг. положение о промысловом налоге.

С мнениями, высказанными в департаментах, Философов почти не считался, и составляемые при нем журналы являлись весьма слабым отражением того, что было действительно в департаментах сказано. Делом он все же интересовался, причем влияние его, через посредство председателя Департамента

промышленности и торговли Чихачева, на решения Совета постоянно чувствовалось.

Экономист по призванию, твердых политических убеждений Философов не имел, а какие имел, неохотно высказывал, всячески избегая быть причисленным к тому или иному лагерю. Стремясь главным образом сделать карьеру и сознавая, что времена изменчивы, он умел сохранить связи во всех лагерях, в том числе и земском, аккуратно участвуя в качестве губернского гласного в псковских губернских земских собраниях. Там он считался умеренным прогрессистом, но участие принимал лишь в разрешении хозяйственных вопросов. Впоследствии в 1905 г. он сдвинулся сначала влево. Состоя в кабинете Витте государственным контролером<sup>182</sup>, он при обсуждении избирательного закона в Государственную думу решительно высказался за так называемую четыреххвостку<sup>183</sup>. Конечно, это не помешало ему впоследствии принять портфель министра торговли и промышленности в кабинете Столыпина и там участвовать в проведении закона 3 июня 1907 г., круто изменившего первоначальный выборный закон в сторону эклектизма<sup>184</sup> избирателей. Должность министра занимал он, однако, недолго: 6 декабря 1907 г. он скоропостижно умер в Мариинском театре во время торжественного представления в царском присутствии «Жизни за царя».

182\* Харитонов занимал пост государственного контролера и был по статусу равен министру.

183\* То есть за прямое, тайное, равное и всеобщее избирательное право на выборах в Государственную думу.

184\* Гурко называет эклектизмом различную степень представленности (то есть различные отношения количества избирателей к количеству выбираемых ими депутатов) в Думе для разных категорий избирателей, характерную для избирательного законов 1905 и 1907 годов.

Несколько иного склада был П.А.Харитонов — статс-секретарь отделения духовных и гражданских дел. Не менее честолюбивый, чем Философов, но пробивавший себе дорогу упорным трудом, он решительно стоял на точке зрения начальства, не стесняясь резко ее изменять при сменявшихся настроениях верхов либо переменявшихся обстоятельствах. В описываемый период Харитонов был ближайшим сотрудником Плеве по проектированию различных мероприятий, касавшихся Финляндии, и высказывал самое решительное желание лишить этот край всякой самостоятельности. Благодаря участию Плеве, бывшего в то время государственным секретарем в нашей финляндской политике, вопрос этот был часто темой споров и разговоров между чиновниками Государственной канцелярии. Принимал участие в этих спорах, происходивших, как всегда, в читальне, и Харитонов, причем не стеснялся высказывать самые реакционные взгляды. Помню, как однажды от Финляндии разговор перешел на общую тему местного самоуправления и коснулся земских учреждений. Большинство беседовавших высказалось, разумеется, за земские учреждения, за большую их самостоятельность и за освобождение их от административной опеки. Харитонов возражал и наконец заявил, что не видит разницы между учреждениями правительственными и земскими: те и другие ведают государственными делами, а потому должны быть в одинаковом подчинении у агентов власти. Очевидно, озадаченный такой постановкой вопроса, один из возражавших запальчиво возразил: «А ведь разницу-то легко определить. Сводится она к тому, что, когда здесь, в правительственном учреждении, вы что-либо мне заявляете, я должен вам сказать — слушаюсь, ваше превосходительство; состоя же с вами в земстве, я бы вам сказал: извольте завираться, Петр Алексеевич». На этом спор, среди водворившегося слегка неловкого молчания, как-то сразу прекратился. Но вот наступил бурный 1905 год, Плеве уже был в могиле, а Харитонов внезапно превратился в реши-

тельного сторонника парламентарного строя, покоящегося на наиболее демократической системе выборов народных представителей. Когда же в 1906 г. собралась Первая Государственная дума, то Харитонов громил своего бывшего оппонента по вопросу о земских учреждениях за то, что он высказывался против внесенного 33 членами Государственной думы проекта о принудительном отчуждении частновладельческих земель. Насколько такой крутой оборот Харитонова был искренен, я решить, разумеется, не могу, но смелости произведенного *volte-face*<sup>185</sup> отрицать нельзя. Собственно в Государственной канцелярии Харитонов проявил незаурядную трудоспособность, в особенности при проведении в Государственном совете нового уголовного уложения. Состоя впоследствии государственным контролером, он не выказал необходимого мужества для обнаружения тех крупных злоупотреблений, которые неизбежно по временам обнаруживались по некоторым ведомствам. При нем, как и при его предшественниках, контроль работал очень тщательно, но следствием его работы были только начеты за неправильно израсходованные рубли и копейки, а растраченные миллионы по-прежнему как-то ускользали из поля зрения. В крайнем случае о них говорилось лишь в не подлежащих опубликованию, совершенно секретных ежегодных всеподданнейших отчетах государственного контролера.

Другим статс-секретарем Государственного совета, превратившимся впоследствии во время существования Государственной думы в министра, был С.В.Рухлов. Знаток сметных правил, он ежегодно в качестве заведующего делопроизводством Департамента государственной экономии нес огромную работу по составлению государственной росписи доходов и

185 Поворота, быстрого изменения мнения на противоположное (фр.) .

расходов согласно с сделанными департаментом в проекте росписи изменениями. Работа эта была в особенности тяжела вследствие крайней спешности и срочности. К рассмотрению росписи Департамент государственной экономии приступал лишь после 1 октября, времени начала сессии Государственного совета, после летнего перерыва, а 1 января, т.е. через три месяца, роспись, получившая все надлежащие утверждения, неизменно опубликовывалась во всеобщее сведение. Следует при этом отдать справедливость Департаменту государственной экономии и всем причастным к его работе, а следовательно, и Рухлову, что проект росписи рассматривался ими весьма тщательно, и, поскольку этому не мешали «независящие обстоятельства», исправлялся неизменно к лучшему.

Как это ни странно, но Рухлов также принадлежал к противникам политики Витте, доказывая между прочим, что вся наша металлургическая промышленность вызвана к жизни искусственно и существует лишь казенными заказами, главным образом для надобностей наших железных дорог, оплачиваемыми по чрезвычайно высокой цене. Занимая впоследствии, вплоть до осени 1915 г., должность министра путей сообщения, он поставил себе основной задачей подъем доходности казенных железных дорог, но достиг этого лишь за счет уменьшения капитальной их стоимости, уменьшив почти до полного прекращения пополнение подвижного состава и ухудшив состояние путей. При этом почти совершенно прекратилось проведение новых железнодорожных линий, но в последнем едва ли именно он повинен. Во всяком случае, он остался верен тому, что некогда высказывал о нашей металлургической промышленности. За счет железных дорог она при нем, во всяком случае, не существовала. Пользу от этого государство, однако, не извлекло: с открытием войны пришлось спешно увеличивать железнодорожный подвижной состав, но наши заводы для этого не были, за неимением у них в предшествующие годы значительных заказов, достаточно при-

способлены, что и вынудило делать крупные заказы за границей, преимущественно в Америке. Да и нашим заводам пришлось оплатить исполнявшиеся ими во время войны заказы по иным, значительно повышенным ценам.

Живой, подвижной и несколько увертливый Рухлов был, безусловно, честный человек и добросовестный работник, но государственным деятелем он не был. Не хватало у него для этого не столько ума, сколько замаха и энергии. На нем вполне оправдалась французская поговорка *tel brille au second rang qui s'eclipse au premier*<sup>186</sup>. В качестве статс-секретаря он был, несомненно, выдающимся работником, а выдвинутый на первые ответственные роли, он не оправдал надежд, которые на него многие возлагали, и оказался в лучшем случае посредственностью. Скажу несколько слов про часть Государственной канцелярии, называвшуюся отделением дел государственного секретаря. Отделение это фактически делилось на две части, из которых одна была занята исключительно составлением так называемых меморий. Заключали эти мемории, в весьма сжатом изложении, сущность внесенного в Государственный совет законопроекта, состоявшихся по нем в Совете суждений и введенных в него Советом изменений, причем в случае происшедшего в Совете разногласия приводилась и сущность двух мнений с перечислением разделяющих каждое из них членов Совета, в том числе и министров. Мемории эти представлялись государю, причем страницы, на которых должна была последовать царская резолюция, отмечались особыми закладками с обозначением на них той формулы царской надписи, которая требовалась для превращения проекта в закон. Разногласия Государственного совета разрешались тем, что под фамилиями тех лиц, мнение которых он разделял, государь писал «и Я». Так как случалось, хотя очень редко, что

186 Лучше быть первым в деревне, чем последним в городе (фр.)



государь утверждал мнение меньшинства, то возвращение меморий, заключавших разногласие, в особенности если оно касалось какого-нибудь особенно острого злободневного вопроса, ожидалось с большим нетерпением. Единогласные решения Совета царем неизменно утверждались.

Как ни сжато излагались мемории, но все же, в особенности в весенние месяцы, они представляли довольно объемистые фолианты, значительную часть которых занимали, разумеется, самые законопроекты. Поэтому кроме меморий, являвшихся официальным документом, препровождавшимся в Сенат для опубликования утвержденных законов, составлялись еще кратчайшие извлечения из них, в которых самые сложные законоположения излагались в нескольких строчках, в телеграфном стиле, причем столь же кратко излагались и высказанные в Государственном совете разные мнения. Первоначально при государственном секретаре Половцове, когда впервые был введен этот порядок, извлечения если не составлялись, то, по крайней мере, писались собственноручно государственным секретарем. Но уже при предшественнике Плеве Муравьеве это было оставлено: извлечения переписывались на ремингтоне, на обыкновенной без всяких печатных бланков бумаге и прилагались к мемории.

В другой части отделения дел государственного секретаря были сосредоточены все дела, касавшиеся личного состава Государственного совета и Государственной канцелярии. Через эту часть проходили все назначения, награды и представления об увеличении содержания членов Совета и т.п.

Определенного содержания для членов Совета законом установлено не было, и размер его определялся в каждом отдельном случае при назначении нового члена Совета. Назначавшиеся оклады нельзя было считать чрезмерными; обыкновенно они первоначально устанавливались в 10 тысяч рублей и затем повышались до 12 тысяч рублей, а иногда и до 14 тысяч. Больше содержание получали лица, занимав-

шие в течение многих лет министерские должности; для них они составляли обыкновенно 15 тысяч, и лишь в последние годы несколько лиц получало 18 тысяч рублей<sup>187</sup>. Конечно, для многих эти содержания являлись пенсиями, так как никакой работы эти лица не несли и даже присутствие их в Совете было фактически не обязательно. Едва ли, однако, и как пенсии были эти оклады чрезмерными для лиц, посвятивших всю свою жизнь государственной службе, занимавших на ней высшие должности и так или иначе работавших на пользу родины. Английские министры, если они занимают эту должность в течение 11 месяцев, получают пенсию в размере полного министерского содержания.

Дела, касавшиеся личного состава, сохранялись в величайшей тайне, в которую даже статс-секретарь, ведавший отделением дел, не всегда посвящался. Велись они непосредственно государственным секретарем, а исполнителем был экспедитор отделения, известный всему Государственному совету И.Т.Таточка, личность, пользовавшаяся ввиду этого немалым почетом.

Таточка выслужился из писцов, никаким образовательным цензом не обладал, но канцелярское дело знал в совершенстве, а в смысле хранения тайн был крепче фараоновых могил. Большого роста и значительной дородности, с круглым, немного заплывшим лицом и маленькими, слегка прищуренными, вероятно, чтобы и они случайно не выдали какой-либо тайны, но все же явно хитрыми хохлацкими глазами, Таточка был самым доверенным лицом В.К.Плеве. Естественно, что назначенный весной 1902 г. министром внутренних дел Плеве пожелал сохранить при себе Таточку в качестве личного

187\* Некоторые члены Совета получали большее содержание. Так, адмирал Е.И.Алексеев получал 20 тыс. руб., И.Л.Горемыкин - 24 тыс. руб., граф В.Н.Кокцов - 40 тыс. руб.,

секретаря. Однако сам Таточка, несмотря на те выгоды, которые ему предоставляло такое назначение, на это не соглашался. За сделанное ему предложение он усиленно благодарил Плеве, но принять его упорно отказывался, опрошенный же о причине своего отказа, долго мялся и наконец сказал: «Вас ведь, ваше высокопревосходительство, скоро убьют, и я останусь ни при чем; новый министр возьмет на мое место своего человека, а я лишусь всякого места, да и пенсии той не получу, на которую я здесь могу рассчитывать». Что было на это ответить? Однако выход был найден: Плеве испросил высочайшее повеление, по которому пенсия Таточки была определена вперед, в случае его выхода в отставку, в почтенную сумму, если не ошибаюсь, трех тысяч рублей. Предусмотрительность Таточки оказалась, как известно, не лишней. Он своевременно воспользовался имевшимся у него на руках повелением, одна ко полученной пенсии не радовался: оставив службу, он как-то сразу захирел и осунулся.

В заключение не могу не упомянуть еще про одно типичное лицо, не имевшее непосредственного отношения к Государственному совету, но составлявшее тем не менее в течение долгих лет его неизменную принадлежность. Посещавшие Мариинский дворец за последние 25 лет, наверно, помнят часто встречавшуюся в залах дворца высокую, неизменно затянутую в мундир фигуру военного, напоминавшего тип времен Александра II. То был заведующий зданием дворца полковник, впоследствии генерал Шевелев. Как некогда про министра императорского двора Александра I фельдмаршала кн. Волконского говорили, что он получил фельдмаршальский жезл *au feu de batteries de cuisine*<sup>188</sup>, так про Шевелева еще с

188 В огне кухонной канонады (фр.). На самом деле кн. П.М.Волконский, бывший начальником военно-походной канцелярии (1801—1805), а позднее начальником Главного штаба

большим основанием и не без некоторой игры слов можно сказать, что генеральский чин он выслужил за кофейником. Действительно, Шевелев славился своим умением, путем смешения различных его сортов, готовить удивительно вкусный кофе, который и подавался вместе с чаем во время перерывов бесчисленных, происходивших в Мариинском дворце заседаний. Сам Шевелев гордился своими гастрономическими способностями, и ему нельзя было сделать большего удовольствия, как похвалить приготовлявшийся по его указаниям действительно вкусный напиток.

В свое время боевой офицер, участвовавший в составе одного из гвардейских пехотных полков в Турецкой кампании 1877—1878 гг., Шевелев тем не менее по природе был прежде всего хозяин, сохранивший, однако, на всю жизнь выправку и старинные военные приемы не только движений, но и речи. Дворец, находившийся на его попечении, содержался им в блестящем порядке, а подведомственная ему многочисленная челядь, не в пример дворцовой прислуге, вообще хамски разнузданной и вороватой, отличалась вежливостью и дисциплиной. От зоркого взгляда Шевелева ничего не укрывалось, и если генеральский чин не вполне подходил к занимаемой им должности, то сам он ей вполне соответствовал, причем отличался безупречной честностью. Должность свою Шевелев сохранил до самой Февральской революции, причем в занимаемой им во дворце квартире укрылись некоторые из министров, застигнутых переворотом во время происшедшего во дворце заседания Совета министров.

Оставшись на своем месте и при Временном правительстве, Шевелев, очевидно, был свидетелем разгрома в октябре

(1815—1823), участвовал в ряде сражений в период наполеоновских войн, а министром императорского двора стал только с восшествием на престол Николая I в 1826 г.

1917 г. столь тщательно в течение долгих лет содержимого им Мариинского дворца — этого свидетеля столь разнообразных сцен и событий, начиная от пышных балов, когда дворец еще принадлежал великой княгине Марии Николаевне, и кончая происходившими там заседаниями Временного Совета Российской Республики. 27 октября 1917 г. члены этого совета были сначала задержаны занявшими все входы дворца измайловцами, а затем появились «краса и гордость революции» — кронштадтские моряки и, выгнав членов совета, тотчас приступили к разгрому дворца<sup>189</sup>. Его-то печальным свидетелем и должен был быть Шевелев.

189 Мариинский дворец был построен на Исаакиевской площади в Петербурге в 1839—1844 гг. по проекту архитектора А.И.Штакеншнейдера для вел. кн. Марии Николаевны, дочери Николая I, страдавшей болезнью ног, в связи с чем вместо лестниц во дворце использовались широкие пандусы, удобные для коляски. В 1894 г. наследники продали дворец в казну, предоставившую его для заседаний Государственного совета (см.: Достопримечательности Ленинграда. Л., 1967. С. 292—294). Гурко ошибается, Мариинский дворец был занят революционными войсками 25 октября 1917 г., и Измайловский полк в этом участия не принимал. «Все входы и выходы из Мариинского дворца были заняты солдатами Кексгольмского полка и моряками Гвардейского экипажа... К часу дня все члены Предпарламента оставили Мариинский дворец» (Минц И.И. История Великого Октября. М., 1978. Т. 2. С. 930).

## Глава 11. Кодификационный отдел Государственной канцелярии

В 1893 г. был упразднен кодификационный отдел, преобразованный из II отделения собственной Его Величества канцелярии<sup>190</sup>, а обязанности его, состоявшие в согласовании свода законов с новыми издаваемыми законоположениями, переданы в Государственную канцелярию с образованием при ней особой части, названной отделом свода законов. Указанное согласование, с постоянно вызывавшимся им новым изданием отдельных томов свода, требовало кропотливого труда, исключительной внимательности и тщательного изучения всех 16 томов нашего свода. Происходило это вследствие того, что собственно новых уставов и положений, целиком заменявших старые, издавалось мало; большинство законов постановлялось «в изменение, дополнение и отмену существующих законов»<sup>191</sup>.

Принятая у нас система кодификации законов по своей крайней сложности не существует, насколько мне известно, нигде в мире, хотя и представляет огромное удобство для всех, имеющих дело с законами страны. Немудрено, что постановка ее в тех чисто чиновничьих учреждениях, которые ею раньше

190 Для устранения разрыва между обсуждением законопроектов, их редактированием и составлением свода II отделение Собственной Его Величества канцелярии, выполнявшее кодификационные функции, было в 1882 г. упразднено, а его функции стал выполнять вновь созданный кодификационный отдел Государственного совета. В 1894 г. этот отдел был ликвидирован, а кодификацией стало заниматься отделение свода законов Государственной канцелярии.

191 Исключение составляло лишь уложение о наказаниях и устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Касающиеся их новые правила вводились в них непосредственно при самом их установлении, причем снабжались соответствующим дополнительным номером статьи. (Прим. автора)

ведали, хромала во многих отношениях, почему и решено было с передачей этого дела в Государственную канцелярию привлечь к нему наши ученые силы. Во главе нового отделения канцелярии был поставлен известный криминалист профессор Н.Д.Сергиевский, а среди его сотрудников были такие лица, как известный знаток государственного права профессор Н.М.Коркунов и профессор гражданского права Малышев.

Сергиевский принадлежал к тому меньшинству нашей ученой коллегии, которое исповедовало консервативные взгляды. В частности, Сергиевский слыл сторонником телесных наказаний, почему нередко именовался кнутофилом. В своей докторской диссертации, касавшейся уголовных наказаний в средние века<sup>192</sup>, он имел неосторожность сказать, что одной из причин широкого применения в исследуемое время смертной казни была дешевизна этого вида кары, так как она освобождала государство от необходимости содержать преступный элемент населения. Заявление это вызвало среди официальных оппонентов Сергиевского при защите им своей диссертации бурю негодования, хотя, чем собственно они возмущались, трудно понять. Ведь Сергиевский приводил лишь одну из причин распространенности смертной казни в Средние века и вовсе не рекомендовал следовать этому примеру. На деле Сергиевский, отличавшийся по внешности и манере говорить некоторой грубоватостью, был прекраснейший человек, отличительным же его свойством был горячий патриотизм, быть может, несколько шовинистического оттенка. Этим обстоятельством воспользовался Плеве для привлечения его к участию в разрешении вопросов, касающихся Финляндии, назначив его председателем особой учрежденной при кодифи-

192 См.: Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.

кационном отделе комиссии по систематизации законов Великого княжества Финляндского. С учреждением этой комиссии кодификационный отдел и его главный начальник — государственный секретарь приобрели видное политическое значение и из учреждения и должности, исключительно технически канцелярских, вошли в круг учреждений и лиц, частных к общей политике государства.

Я до сих пор ничего не сказал о В.К.Плеве, хотя, казалось бы, именно его следовало прежде всего помянуть, говоря о Государственной канцелярии, во главе которой он стоял в течение почти десяти лет. Но дело в том, что Плеве в текущий ход занятий канцелярии почти вовсе не входил, предоставив это всецело статс-секретарям Государственного совета, заведовавшим делопроизводством отдельных департаментов Совета. Он, разумеется, сохранил за собой все назначения по канцелярии, и надо отдать ему справедливость, сумел подобрать и выдвинуть целый рой выдающихся работников. Каким-то непонятным способом он был хорошо осведомлен о личных качествах и способностях почти всех чинов канцелярии, хотя в непосредственное сношение с ними почти не входил. Держал себя при этом Плеве в отношении к своим подчиненным не только начальственно, но даже несколько величественно. Вызов кого-либо служивших в канцелярии к государственному секретарю был всегда событием и служил темой для различных комментариев, сам же вызывавшийся шел к Плеве не без упоминания «царя Давида и всей кротости его»<sup>193</sup>. Действительно, Плеве отличался острым и даже злым языком и не прочь был при случае огорошить своего подчиненного несколькими ядовитыми сарказмами. Делал он это даже в тех

193\* Выражение из 131 Псалма, вошедшее в народную «молитву царя Давида», читаемую для защиты от гнева начальников.



случаях, когда вызывал кого-либо, чтобы поручить ему какую-нибудь особую работу по вопросу, которым он лично был в данное время занят, что, конечно, свидетельствовало о некотором его доверии к вызванному и признании за ним известных познаний или хотя бы способностей.

Значение Плеве как государственного секретаря было несомненное, но исключительно закулисное и не имело отношения собственно к подведомственной ему канцелярии. Оно состояло в том участии, которое он принимал почти во всех образуемых при Государственном совете особых комиссиях по острым политическим вопросам, а также — и это главное — в выборе тех или иных лиц, назначаемых в состав этих комиссий, и, наконец, в выборе, преимущественно среди сенаторов, необходимых для работы в Государственном совете новых членов его. Действовал он при этом через председателя Совета великого князя Михаила Николаевича. Все это создавало для Плеве влиятельное и для многих даже завидное положение, но его самого, конечно, не удовлетворяло. Он слишком привык за свою прежнюю службу к живой деятельности, а главное — к широкой власти. Директор Департамента полиции, а затем товарищ министра внутренних дел сначала при гр.Д.А.Толстом, а затем при И.Н.Дурново, фактически самостоятельно правивший этим министерством при обоих названных лицах, Плеве не мог не стремиться к возвращению на административное поприще и к занятию министерского кресла. Между тем проходил год за годом, а о нем как-то забыли. Выскакивали неизвестно откуда новые кандидаты такого же, как и он, политического направления, но не обладавшие ни его опытом, ни его значением, вроде дилетанта Сипягина. Для Плеве стало ясно, что, если он не найдет способа иметь более или менее частое общение с верховной властью, ему никогда не дожидаться исполнения своих желаний. По должности государственного секретаря он постоянных докладов у государя не имел, а

должен был их испрашивать особо каждый раз, когда к тому представлялась надобность, что случалось весьма редко (почти исключительно для получения согласия на назначение на такие должности по Государственной канцелярии, которые замещались высочайшими указами). Найти, следовательно, такое дело, по которому повод для испрошения всеподданнейших докладов представлялся бы часто, вот тот первый шаг, который ему нужно было сделать. И такое дело наконец нашлось, а именно финляндский вопрос. Возник он, однако, не по инициативе Плеве, но ему удалось скоро его себе присвоить. Возбужден он был военным министерством, пожелавшим слить финляндское войско, состоявшее исключительно из уроженцев Финляндии, и привлечь этих уроженцев к несению воинской повинности в составе русских войск. Но тут было непреодолимое препятствие: законы, касавшиеся Финляндии, проходили в финляндском Сейме, и рассчитывать на принятие этим Сеймом закона, согласованного с предположением военного ведомства, не было никакой возможности. Нужно было, следовательно, изменить самый порядок законодательства по Великому княжеству. К этому и решили прибегнуть, причем по обыкновению образовали для этого особую комиссию при Государственном совете, действовавшую под председательством председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича, а рабочей ее силой был статс-секретарь Совета Харитонов, которому поручено было ее делопроизводство. Комиссия эта выработала те основные положения об издании законов, касающихся Финляндии, но затрагивающих интересы империи, которые были утверждены указом 3 февраля 1899 г. и вызвали такое негодование финляндцев.

Как известно, финляндские политики утверждали, что положения эти нарушали октроированную Александром I при присоединении Финляндии конституцию этой страны, русские же исследователи утверждали, что Александр I обещал лишь

сохранить конституции (т.е. установления) Финляндии, но никакой конституции за ней не признавал. В этом споре о числе конституций финляндцы довольствовались единственным числом, а русская власть предпочитала предоставить им их во множественном числе, причем надо сказать, что в манифесте по этому предмету Александра I говорится о конституциях Финляндии; как это толковать — это, конечно, другой вопрос. Как бы то ни было, но на основании упомянутого положения 3 февраля 1899 г. законы, которых оно касалось, подлежали рассмотрению Государственного совета империи и получали силу по их утверждению русским императором.

Вот этим-то обстоятельством и воспользовался Плеве, дабы ближе стать к финляндскому вопросу, указав, что, коль скоро Государственный совет будет рассматривать некоторые вопросы, касающиеся Финляндии, необходимо, чтобы законы этого края были ему известны, а для этого нужно их собрать и систематизировать. Для исполнения этой работы, весьма сложной и кропотливой, и была образована при кодификационном отделе Государственной канцелярии особая междоудомственная комиссия, председателем которой, как я сказал, был назначен заведующий этим отделом профессор Сергиевский, причем участие в ее работе принимали русские знатоки финляндского законодательства профессор Берендс, назначенный по этому поводу помощником статс-секретаря Государственного совета, и генерал Бородкин, являвшийся в комиссии представителем военного ведомства. Но коль скоро была учреждена эта комиссия, так тотчас же возникло при ходе ее работы множество спорных вопросов, что и дало Плеве возможность в качестве государственного секретаря, под общим руководством которого действовала комиссия, войти в самую гущу русско-финляндских отношений и иметь по их поводу частые доклады у государя. Таким образом, поставленная цель была достигнута.

Не подлежит сомнению, что во многом русские исследователи финляндского вопроса — Ордин, Еленев и сотрудники Плеве — были фактически правы. Финляндцы, естественно, желали отстоять самостоятельность своего края, но прибегали они при этом к способам недопустимым, в том числе и к явным подлогам и передержкам. Заключались они в тенденциозно неверном переводе на русский язык государственных актов, изданных по-шведски во время шведского господства в Финляндии, и в столь же неверных переводах на местные языки — финский и шведский — русских текстов законов, изданных для Финляндии. Были даже такие курьезы, что действовавшие в Финляндии законы пополнялись в Финляндии правилами, изданными в Швеции уже после отторжения от нее этого края.

Такой случай был обнаружен профессором Таганцевым по отношению к действовавшему в Финляндии уголовному уложению. Тем не менее русская политика по отношению к Финляндии была в корне неправильна. Ничего не достигая по существу в смысле закрепления Финляндии за Россией и вообще обеспечения общегосударственных интересов, она лишь раздражала финляндцев, одновременно уничтожая в них не только всякий страх русской власти, но и всякое уважение к ней. Происходило это вследствие того, что все принимаемые в отношении Финляндии меры были не только полумерами, но фактически даже вовсе не осуществлялись. Зависело же это от двух причин. Первая коренилась в общем бессилии русской государственной власти осуществить что бы то ни было смелое и решительное, так как власть эта была, как я уже старался это доказать, распылена между дюжиной министров, постоянно препятствовавших друг другу, благодаря разности политических взглядов, предпринять что-либо имеющее широкое государственное значение. Вторая причина касалась специально Финляндии и состояла в том, что сама власть смутно

сознавала, что проектируемые ею меры в сущности не вызывались государственной необходимостью. Действительно, вопрос состоял вовсе не в том, переведают ли финляндцы русские и шведские тексты законов при их переводе на другой язык, а имеет ли это переведавание значение для России, вредно ли оно ей. Между тем для всякого было ясно, что России от этого ни тепло, ни холодно. Интерес России относительно Финляндии сводился исключительно к одному — быть безусловным хозяином в Финляндском заливе, в том числе и в шхерах, расположенных у финляндских берегов, и иметь, ввиду близости Финляндии к Петербургу, вполне обеспеченную с ней сухопутную границу. Того и другого можно было достигнуть отнюдь не теми мерами, которые провозглашались в отношении Финляндии; повторяю, провозглашались, но не осуществлялись. Ярким примером такого провозглашения явился закон о несении воинской повинности финляндцами, тот самый закон, ради которого были учреждены вызвавшие столько шума основные положения 3 февраля 1899 г. Проект этого закона рассматривался в Государственном совете в 1901 г. На его основании финляндцы должны были исполнять воинскую повинность на равных основаниях с остальными подданными империи. Чем же он, однако, кончился? Во-первых, он вызвал на редкость ожесточенные прения в Государственном совете, причем во главе оппозиции стал не кто иной, как Витте и сплотил вокруг себя большинство членов Совета. Во-вторых, он в конечном счете свелся к тому, что из подлежащих отбыванию воинской повинности свыше 26 тысяч человек финляндцев фактически были привлечены в 1902 г. — 280 человек, а в 1903 г. всего лишь 190 человек. И так для усиления имперской армии 280 солдатами издали те положения 3 февраля 1899 г., которые так озлобили финляндцев против России и вырыли между Россией и Финляндией ту пропасть, которую уже ничто потом не заполнило и не уничтожило. Для той же

цели ежегодно держали свыше 26 тысяч финляндцев под дамокловым мечом привлечения на военную службу, так как ни один из них не мог быть уверен, что жребий не выпадет именно ему, не говоря уже про то, что все они должны были отказаться от своего дела для явки к освидетельствованию, но и этого мало - опубликовав этот закон, привести его в действие, вероятно благодаря его очевидной нелепости, не решились. Ну как не признать, что русская политика по отношению к Финляндии была политикой булавочных уколов, раздражавших, но отнюдь не обессиливавших противника и даже придававших ему большую силу путем его озлобления, с одной стороны, а с другой — посредством внушения ему уверенности, что в сущности бояться ему нечего, что все сводится к пустым угрозам и бутафорской шумихе.

Если Плеве несколько раздул финляндский вопрос по личным соображениям, то, окунувшись в него, он несомненно им заинтересовался по существу и приложил все усилия к его наиболее целесообразному разрешению. При этом он не мог не сознавать, что принятый военным ведомством способ действия совершенно не отвечает пользе дела. Поэтому с своей стороны он подходил к нему очень осторожно, и когда весной 1901 г. был назначен статс-секретарем Великого княжества Финляндского (с оставлением его в должности государственного секретаря), то попытался прежде всего войти в соглашение с наиболее расположенными к России финскими политическими деятелями и найти тот средний путь, который, обеспечивая интересы России и охраняя ее достоинство как суверенного государства, вместе с тем был бы приемлем и для финляндцев. Сделанные в этом направлении попытки (сношения велись преимущественно с видным общественным деятелем Финляндии графом Армфельдом), однако, ни к чему конкретному не привели. Тогда у Плеве появилась другая мысль, и едва ли не самая правильная. Состояла она в том,

чтобы исключить из состава Великого княжества так называемую старую Финляндию, т.е. ту ее часть, которая была присоединена к России еще при Петре Великом и заключала сопредельную с Россией Выборгскую губернию. По отношению же ко всей остальной Финляндии он думал принять иную политику, а именно почти не вмешиваться в ее внутренние дела. Последнее было тем более возможно, что при умелой политике, благодаря экономической зависимости от нас Финляндии, мы всегда могли посредством установления тех или иных таможенных пошлин на финляндские товары, главным рынком сбыта которых служила Россия, не только держать ее в руках, но даже принудить ее саму просить об усилении ее связи с империей. В этих видах была даже учреждена под председательством Философова, бывшего в то время товарищем государственного контролера, особая комиссия для разработки таможенного тарифа по финляндской границе. Однако, по обыкновению, ничего из этих предположений не осуществилось и осуществиться не могло. Принятие таких смелых решений было совершенно не по плечу русской государственной власти начала нынешнего века. Как справедливо заметил Сергиевский, меры принимались дубовые, а люди, которые должны были их осуществлять, были осиновые. К тому же сам Плеве, весной 1902 г. достигнув своей заветной цели — назначения министром внутренних дел, хотя и продолжал оставаться статс-секретарем Великого княжества Финляндского, но уже не имел ни времени, ни, вероятно, особой охоты заниматься финляндским вопросом, который до известной степени и заглох, оставив, однако, одно важное, но не касающееся русско-финляндских отношений наследие, а именно возникшее при прохождении в Государственном совете финляндских законопроектов обостренное отношение между Плеве и Витте. Двум медведям в одной берлоге вообще всегда тесно: соперничество между этими двумя сильными, властными людьми

всячески неминуемо должно было возникнуть, но финляндский вопрос помог этому и сделал из министров внутренних дел и финансов двух ожесточенных противников. Свидетелем борьбы между ними явилась зима 1902 на 1903 г.



**Часть II. Наша внутренняя политика  
за время управления Министерством  
внутренних дел В.К.Плеве**

## **Глава 1. Министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве (12 апреля 1902 г. - 15 июля 1904 г.)**

В десятых числах апреля 1902 г. в служебный кабинет статс-секретаря Государственного совета барона Р.А.Дистерло неторопливыми, мягкими шагами вошел статс-секретарь того же Совета П.А.Харитонов. Поздоровавшись с хозяином кабинета и бывшими тут другими лицами, Харитонов мягко опустился в кресло и, усевшись в нем поглубже и поудобнее, тоном, исполненным шутивого благоговения, таинственно заявил: «Были в Царском Селе. Предложено министерство внутренних дел. Принято». Присутствующим смысл этих слов был вполне понятен. Означали они, что государственный секретарь В.К.Плеве был вызван к государю и принял предложенную ему должность министра внутренних дел.

Несколько затянувшееся после убийства Сипягина назначение министра внутренних дел более обыкновенного интересовало петербургские чиновничьи круги. Оно и понятно. Кандидатами на этот пост называли помимо избранного Плеве еще министра юстиции Н.В.Муравьева и товарища министра внутренних дел П.Н.Дурново. От выбора того или иного из этих кандидатов зависела судьба множества других лиц из высшего состава Министерства внутренних дел и юстиции, а также Государственной канцелярии. При назначении Муравьева многие должностные лица центрального управления Министерства внутренних дел неминуемо были бы заменены судебными деятелями, а с назначением Плеве ожидалось такое же замещение служащими в Государственной канцелярии, что, в свою очередь, приводило к усиленному движению по иерархической лестнице и в самом этом учреждении. Последнее действительно и произошло. Но не одними личными соображениями был вызван исключительный интерес к новому назначению, причем именно возможность выбора Плеве порождала в бюрократических кругах наибольшее количество толков и пересудов. Дело в том, что всем было известно

несовпадение взглядов Витте и Плеве и даже их личное нерасположение друг к другу. Было известно и то, что положение Витте уже несколько поколеблено, а что престиж Плеве, как всякого нового министра, будет, по крайней мере в первое время, неминуемо расти. Бюрократический мир ввиду этого не без основания ожидал столкновения этих двух ловких и почтавшихся за сильных людей, заранее предвкушал то удовольствие, которое доставит им зрелище предстоявшей борьбы, и уже учитывал шансы того и другого на победу над своим противником. Возможный уход Витте от власти многими при этом не только учитывался, но и отвечал их скрытым желанием. Властность Витте, принимавшая с годами все более резкий, а по временам и дерзкий характер, зависимость всех ведомств в наиболее жизненном вопросе — ассигнований денежных средств — от всемогущего министра финансов, не раз проявлявшееся Витте пренебрежение к правам Государственного совета, выражавшееся в том, что он проводил некоторые, и притом самые важные, меры помимо этого учреждения непосредственными и всеподданнейшими докладами и Высочайшими указами, все это создало для Витте, как в правительственном синклите, так и в Государственном совете, множество лиц, не решавшихся открыто выказывать ему недоброжелательство, но в душе желавших его падения. Выражаясь кратко, бюрократический мир все более ощущал и все менее выносил тот гнет, который на него оказывали как личность Витте, так и его неугомонное, беспрестанное творчество, силою вещей отражавшееся на всех, даже ему не подведомственных отраслях государственного управления.

Нельзя, однако, сказать, чтобы сам Плеве пользовался сколько-нибудь широкими симпатиями. Собственно, личных друзей общительный, легко создававший связи в самых различных кругах Витте имел несравненно более, нежели Плеве, хотя последний принадлежал к петербургскому чиновному

миру с значительно более давнего времени, нежели первый. Впрочем, Плеве был вообще из той категории людей, которым легче завязать дружеские сношения с женщинами, нежели с мужчинами. Известность Плеве приобрел еще на должности директора департамента полиции, на которую был назначен вскоре после убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II. В ту пору он настолько сумел наладить полицейский аппарат, что ему удалось в короткий срок почти совершенно разгромить революционную партию «Народной воли»: не только прекратились террористические акты, столь частые в последние годы царствования Александра II, но даже сами попытки их совершения<sup>194</sup>. На должности товарища министра внутренних дел, которую он занимал, если не ошибаюсь, с 1886 г. при гр. Д.А.Толстом и заменившем его Иване Николаевиче Дурново, Плеве выказал несомненные административные способности. Фактически управляя всем министерством, так как ни И.Н.Дурново, ни тем более гр. Толстой текущими делами министерства не занимались, Плеве, несомненно, значительно улучшил работу центрального аппарата, невзирая на то что выбор личного состава министерства зависел не от него; его шефы, спихнув на него почти все свои обязанности, ревниво сохраняли за собою все свои права.

Невзирая, однако, на столь давнее вращение Плеве в высшем бюрократическом мире, все же вполне определенного

194 В.К.Плеве, занимая должность директора департамента полиции в 1881— 1884 гг., значительно обновил состав департамента (созданного в августе 1880 г.) за счет привлечения сотрудников суда и прокуратуры, обладавших хорошим образованием и широким кругозором, что позволило поставить дело политического сыска более профессионально и к 1884 г. ликвидировать последние остатки революционной организации «Народная воля».

представления о нем как о человеке мир этот не имел. Почитали его за умного, деловитого чиновника, но его сокровенный взгляд на государственное управление был для многих неясен. Наиболее распространенное мнение о нем было, что он — простой карьерист, исповедующий те взгляды, которые в данную минуту в служебном отношении разделять всего выгоднее. Известный своим злоязычием П.В.Оржевский, бывший в первую половину царствования Александра III командиром корпуса жандармов, заведовавшим департаментом полиции, говорил про Плеве: «По течению и мертвая рыба плывет», и эта фраза имела в то время успех.

Так ли это было в действительности? Ближайшее знакомство с ним убеждало в обратном. Что Плеве был честолюбив и стремился сделать карьеру, что он в особенности добивался назначения на должность министра внутренних дел — несомненно. Столько же неоспоримо, что он высказывал те взгляды, которые соответствовали господствующему настроению, но совершенно неверно, что он при этом насилывал свои внутренние убеждения или вообще их не имел. Плеве отнюдь не был индифферентом, он искренне и глубоко любил Россию, глубоко задумывался над ее судьбами, сознавал всю тяжесть того кризиса, который она переживала, и добросовестно стремился найти выход из него. Убежденный сторонник сильной и неограниченной монархической власти, Плеве был того мнения, что ни русский народ в его целом, ни, быть может, в особенности его интеллигентские слои недоразвились не только для самостоятельного управления государством, но даже до широкого участия в его строительстве. Русский народ — его серая земледельческая масса — ему представлялся в виде загадочного сфинкса, и он любил говорить, что будущее России зависит от того, насколько государственной власти удастся верно разгадать его затаенную сущность.

Задумываясь над будущими судьбами России, Плеве, по-видимому, представлял себе, что вернейшим способом обеспечения ее спокойного и правильного развития является прежде всего усовершенствование правительственного механизма. Прямо об этом, однако, не высказывал, так как ум его, несомненно, постигал, что жизнь народов зависит от их органических свойств, а не от механических надстроек над нею. Но это положение, при всей его непреложности, было для него лишь теоретическим и умозрительным; реально он сосредоточивал свои помыслы именно на этой внешней стороне народной жизни. При этом он вполне сознавал, что русский управительный механизм не успевал развиваться и совершенствоваться в соответствии с новыми, выдвигаемыми народной жизнью, потребностями. К личному составу администрации Плеве относился при этом критически. Обладая природной, обостренной службою в прокуратуре и по департаменту полиции способностью знать закулисную жизнь и всю подноготную большинства лиц, занимавших сколько-нибудь крупные должности в бюрократическом мире, он не прочь был при случае рассказать про них какой-нибудь пикантный анекдот, из которого становилось ясно, что расценивает он их невысоко<sup>195</sup>.

**195** Служба в департаменте полиции развила в Плеве весьма пагубную страсть к перлюстрации частных писем. Перлюстрация эта касалась не только писем лиц, принадлежавших к революционным или хотя бы оппозиционным правительству кругам; ей подвергались письма всех сколько-нибудь значительных должностных лиц и даже членов императорской фамилии. Ознакомление с письмами своих сослуживцев и знакомых и содержащимися в них отзывами о нем самом, по-видимому, в особенности интересовало Плеве, и едва ли не это обстоятельство развило в нем тот скептицизм и то столь ярко выраженное в нем недоверие к правдивости рода людского, которым он,

несомненно, отличался. Случайно оброненному в частном письме замечанию, весьма часто не отражающему основного мнения пишущего по данному вопросу, он придавал большее значение, чем оно на самом деле имело. Между тем перлюстрация часто не только не способствовала распознаванию истинного облика авторов письма, а, наоборот, искажала его. Чтение чужих писем, естественно, неизбежно приравнивается читающим их к чтению чужих мыслей, тогда как на деле это сводится лишь к подслушиванию чужих речей, а это отнюдь не то же самое. Но проникновение в чужие мысли для большинства людей представляет хотя несомненно нездоровый, но весьма пикантный интерес, причем притягательность его должна со временем все усиливаться. Когда же она производится по долгу службы и будто бы в целях государственных, то сознание по меньшей мере непорядочности этого занятия очень быстро утрачивается; от чтения писем, могущих дать власти какие-либо нужные, а иногда и важные сведения для охранения государственного порядка или раскрытия преступлений, человек незаметно переходит к чтению писем, удовлетворяющих лишь его любопытство и вводящих его в интимный круг личной жизни своих знакомых. После кончины Плеве, когда был произведен осмотр находящихся в его кабинете бумаг, между прочим выяснилось, что он хранил у себя, не передавая их в департамент, бесчисленное количество копий перлюстрированных писем таких лиц, заподозрить участие которых в какой-либо конспирации не было возможности. Все эти письма были строго классифицированы, и на них имелся азбучный указатель.

Надо сказать, что перлюстрируемые письма (перлюстрация писем кроме особого отдела департамента полиции производилась еще в одном отделе Главного управления почт и телеграфов, во главе которого в течение многих лет стоял некий тайный советник Фомин) точно так же не только сохранялись в безукоризненном порядке, но еще ежегодно подвергались осо-

В денежном отношении Плеве был безукоризненно честным человеком. Происходя из весьма малосостоятельной семьи — он был сыном аудитора военно-окружного суда — и пройдя в юности через суровую школу, Плеве хорошо знал цену деньгам. Ни широкого размаха Витте, привыкшего и в частной жизни к неограниченной трате средств, ни сибаритства Горемыкина, ограничивающего свои расходы требованиями личного комфорта и не гонявшегося за показной стороной богатой жизни, у Плеве не было. Расчетливый, но не скупой, Плеве не был при этом ни склонен, ни, по-видимому, способен к денежным аферам и операциям и вообще не задавался целью составить себе сколько-нибудь крупное состояние. В виде недвижимости он обладал лишь крохотным бездоходным имением — дачей в Костромской губернии, где он и проводил свободное летнее время и пределами которого, кстати сказать, и ограничивались его непосредственные наблюдения над народной жизнью. Что же касается наличного капитала, то, как выяснилось после его кончины, все, что он накопил за долгую службу на хорошо оплаченных должностях, сводилось к 40 тысячам рублей.

Приобретенная Плеве репутация сурового и даже жестокого человека также отнюдь не справедлива. При внешней

бой обработке. На их основании составлялись ежегодные отчеты, стремившиеся воспроизвести господствующие в различных слоях населения общественные течения, равно как и отношение этих слоев к текущим событиям вообще и к правительственным мероприятиям в частности. Отчеты эти составлялись не только тщательно, но даже талантливо. Однако, увы, они очевидно не содействовали направлению государственной власти на правильный политический курс и, следовательно, той цели, которой они должны были служить, не достигали. (Прим. автора)



суровости, подчеркнутой величавости и некоторой замкнутости экспансивности Витте в нем вовсе не было — он на деле отличался отзывчивостью к чужому горю; душевной черствости в нем совершенно не было. Подчиненных своих он, правда, считал нужным держать в некотором страхе, причем не мог воздержаться от едкого по их адресу юмора, почему вообще не пользовался в их среде симпатиями. Однако людей, умевших ему отвечать и оберегавших собственное достоинство, он, безусловно, предпочитал людям подобострастным и по отношению к ним изменял свое обращение. Низкопоклонством и хотя бы безответным выслушиванием его едких замечаний и сарказмов его нельзя было взять. Наоборот, таких людей он презирал, причем резкость его обращения с ними увеличивалась. Именно в такое положение поставил себя Б.В.Штюрмер, бывший при нем директором департамента общих дел Министерства внутренних дел. Готовый перенести любые оскорбления, лишь бы сохранить свое служебное положение, связанное со многими жизненными удобствами, Штюрмер довел себя до того, что безмолвно публично выслушивал от Плеве весьма резкие замечания и колкости.

Имевшимися в его бесконтрольном распоряжении крупными денежными суммами<sup>196</sup> Плеве для себя лично ни прямо,

196\* Правительство в целом традиционно располагало т.н. «десяти-миллионным фондом», вносившимся из года год в роспись расходов и доходов (то есть государственный бюджет) без определения ведомства и целей расходования, то есть на свободное и оперативное усмотрение императора. Часть этих средств (обычно около 3 млн. рублей) сопровождалась в росписи пометкой «на усмотрение Его Величества», это был так называемый «безотчетный фонд», расходы по которому не проверялись Государственным контролем. Фонд расходовался на множество разнообразных целей; значительной его частью

ни косвенно не пользовался, но помочь за их счет своим действительно нуждающимся и работающим подчиненным он никогда не отказывал и притом нередко увеличивал сумму просимого пособия. Сам испытав нужду, он постигал чужую нужду, причем говорил, что, если хочешь, чтобы лошадь работала, надо ее кормить.

Как начальник, Плеве умел наладить работу подведомственных ему учреждений, умел требовать от своих подчиненных быстрого и точного исполнения своих распоряжений. Управляя Государственной канцелярией, он превосходно поставил это учреждение, причем сумел подобрать выдающийся кадр работников. К тому же он приступил, вступив в управление Министерством внутренних дел, но, быть может, за краткостью времени здесь ему это менее удалось. При выборе ответственных сотрудников он руководствовался исключительно степенью их соответствия порученному им делу и полезных работников умел ценить и дорожил ими. Это, конечно, не означает, что ему не приходилось назначать людей по посторонним ходатайствам и соображениям. Воспитанный в петербургской бюрократической атмосфере, он хорошо знал, что без некоторых уступок лицам влиятельным, без оказания им известного внимания в смысле исполнения некоторых их просьб обойтись невозможно. Но если люди, о которых хлопотали, были сами по себе для дела малопригодны, то он их пристраивал на синекуры, некоторое количество которых неизбежно имеется в любом обширном ведомстве и притом при всяком режиме. Такими должностями в Министерстве

распоряжался министр внутренних дел, используя фонд для различных секретных выплат (содержание тайных агентов политической полиции, субсидирование так называемой «реп-тильной» прессы и т.п.).

внутренних дел были члены совета министра внутренних дел и члены совета Главного управления по делам печати, а для лиц молодых — должности чиновников по особым поручениям при министре. На эту последнюю должность был между прочими назначен по ходатайству кн. Мещерского, с которым Плеве признавал нужным считаться, небезызвестный Петербургу Бурдуков, состоявший при Мещерском в должности миниона, что, впрочем, вызвало немало толков<sup>197</sup>.

При всем своем природном уме, при всем стремлении широко охватить вопросы государственного строительства, отнюдь не погрязая в текущие мелочи управления, Плеве все же не был в состоянии подняться до истинно государственного понимания вещей и на деле был тем, что некогда было сказано про Сперанского, а именно — огромный чиновник. Не имея ни корней, ни прочих связей ни в одном органическом слое населения, Плеве был чиновник по происхождению, чиновник-юрист по образованию, чиновник по всем своим взглядам, чиновник несомненно высшего полета, превосходно знающий не только бюрократическую, но и административную технику, но все же только чиновник. Он искренне был убежден, что главным, если не единственным, средством вывести Россию на торную дорогу своего дальнейшего развития было приспособление правительственного, по преимуществу административного, аппарата к быстрому и дельному разрешению множества

197 Как писал С.Ю.Витте, «наиболее любимый молодой человек его, Бурдуков, отставной корнет, не имеющий никакого ни образования, ни воспитания, состоит камергером двора Его Величества, получает усиленное содержание, состоит чиновником особых поручений при министре внутренних дел и даже... ему заранее определена пенсия» (см.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 460).

безнадежно застрявших в правительственных учреждениях мелких и крупных административных реформ. Мешало Плеве проникнуться иными взглядами, едва ли не больше всего остального, его малое знакомство или, вернее, совершенное незнакомство со сложными экономическими проблемами современности. Плеве принадлежал к той плеяде русских государственных деятелей, которые и по образованию, и по самому строю всего народного хозяйства той эпохи, к которой они принадлежали, не постигали того значения, которое приобрели в России в последнюю четверть XIX в. вопросы народного хозяйства. До этого времени в России несомненно господствовало натуральное хозяйство; преобладающее большинство отдельных хозяйств представляло самодовлеющие единицы, почти вовсе не втянутые в общий экономический оборот страны. В ту пору почти вся государственная экономика сводилась к стремлению сбалансировать государственный бюджет доходов и расходов. Ввиду этого государственное, более или менее механическое, хозяйство привлекало преимущественное внимание, народное же почти совершенно ускользало не только от воздействия, но даже из поля зрения государственной власти. Значение его признавалось, лишь постольку оно было необходимо для пополнения денежными средствами касс государственного казначейства, а не само по себе.

Администраторы того времени лишь смутно сознавали происшедшую коренную перемену во всем социальном строении государства, и в них еще вовсе не проникло понимание, что при новых экономических условиях, когда весь народный организм составляет одно сложное хозяйственное целое, отдельные части которого находятся в тесной зависимости друг от друга, административные мероприятия лишь скользят по поверхности народной жизни и не в состоянии оказать на нее существенного влияния. Появись Плеве у власти лет на

тридцать раньше, в первой половине 70-х годов, т.е. до Турецкой кампании 1877—1878 гг., которую надо признать за грань между старым натуральным укладом хозяйственной жизни России и новым, основанным на денежном обороте, он, несомненно, принес бы значительную пользу государству в смысле лучшего устройства всей его механической надстройки, отрицать значение которой, разумеется, нельзя. Иное положение было в начале XX в. В эту пору никакие административные реформы одни и сами по себе не могли разрешить переживаемого Россией кризиса. Разнородные общественные силы, вовлеченные в общий хозяйственный оборот, настоятельно требовали прежде всего упразднения всяких сословных перегородок, по крайней мере в отношении подчинения всех слоев населения одному общему гражданскому кодексу, этому могучему регулятору хозяйственных взаимоотношений и широкой экономической свободы. Но эта простая истина еще далеко не получила всеобщего признания, а администраторам старой школы, не сведущим в экономических проблемах, была совершенно чужда. Основой государства они продолжали считать правительственный механизм и лишь к его усовершенствованию прилагали свои усилия.

Обстоятельство это приводило к тому, что сам Плеве отнюдь не сознавал своей пропитанности бюрократизмом. Наоборот, он очень охотно острил над «чиновниками», но в его представлении наименование это относилось к людям, либо вовсе ничего не делающим, либо относящимся к делу формально, без живого интереса к нему. Ко всякому увеличению личного состава правительственных учреждений Плеве относился ввиду этого крайне отрицательно, зная по опыту, что в каждом учреждении работа на деле исполняется лишь небольшой частью служащих в нем, остальные же ограничиваются «присутствованием».

В этом стремлении сократить неизбежное, по мере увеличения числа населения и предъявляемых им запросов, образование новых должностей Плеве, вероятно, тоже усматривал отсутствие у себя чиновничьих свойств и особенностей, и действительно в нем не сразу можно было усмотреть его глубокий бюрократизм. Мешали этому и присущий ему едкий юмор, и даже столь часто блуждавшая на его губах ироническая улыбка — отражение внутреннего скептицизма и разочарованности в людях. Но скептицизм и даже посмеивание над самим собою — давняя принадлежность русского образованного человека вообще, а русского бюрократа — в особенности.

Вступая в управление Министерством внутренних дел, Плеве, по-видимому, поставил себе три основные задачи: во-первых, наладить деятельность департамента полиции, прежде всего в целях прекращения принявших хронический и массовый характер террористических актов; во-вторых, перестроить административный аппарат как в центре, так и на местах, приспособляя его к изменившимся условиям жизни, и, главное, органически связать их с деятельностью земских и городских общественных учреждений и, в-третьих, провести реформу крестьянского законодательства. Как известно, ни одна из этих трех целей им достигнута не была, причем взгляды его на основные черты, которыми должны были отличаться заду манные преобразования, с течением времени в некоторых частях подверглись существенному изменению.

В отношении «борьбы с крамолою» Плеве изменил свой взгляд в первый же месяц управления министерством. Первоначально он действовал под убеждением, что неуспешность этой борьбы происходит исключительно вследствие плохой постановки полицейского сыска и надзора. Именно это он высказал при посещении, в первые же дни по назначении министром, департамента полиции. Ознакомившись с внешней постановкой досконально известного ему по прежнему заведова-

нию этим департаментом полицейского надзора, он, не обинуясь, заявил, что департамент, очевидно, приложил немалые усилия, чтобы испортить ту постановку этого дела, которую он ему некогда дал. Кроме того, Плеве обратил внимание на огромное число арестуемых и поднадзорных и высказал определенное мнение, что государственная безопасность требует изъятия из обращения не множества лиц с революционными взглядами, а лишь ограниченного руководящего революционным движением круга их. В результате этого посещения последовало почти немедленное смещение директора этого департамента — Зволянского.

Столь же определенно отнесся Плеве к деятельности начальника охранного отделения канцелярии московского обер-полицмейстера Зубатова, уже успевшего применить свою систему в Москве при явной и сильной поддержке главной местной власти. Проезжая через Москву в мае 1902 г. в Харьков и Полтаву, где в конце марта произошли первые крупные аграрные беспорядки, он начал с того, что заявил обер-полицмейстеру Москвы Д.Ф.Трепову свое неодобрение деятельности подчиненной Трепову московской охранной полиции.

Чем же объяснить, что взгляды Плеве по этому предмету почти тотчас круто переменялись?

Думается, что главная причина этого изменения состояла в том, что до вступления в управление министерством Плеве не отдавал себе вполне отчета о тех глубоких изменениях, которые произошли в социальном организме страны за последнее десятилетие, т.е. со времени оставления им службы в Министерстве внутренних дел. Когда в начале 80-х годов Плеве удалось разгромить революционную организацию партии «Народной воли», в России не существовало никакого социального движения, а были лишь попытки численно весьма небольшой группы лиц насадить это движение. Иное положение получилось к началу нынешнего века. Развившаяся фаб-

рично-заводская промышленность создала почти не существовавший до той поры в России рабочий пролетариат. Пропаганда социализма, преимущественно марксистского толка, нашла для себя ввиду этого благодатную почву, и это тем более, что в рабочей среде, как следствие пребывания в крупных центрах, появился слой людей, вполне сознательно относившихся к своему положению и стремившихся в общем к определенной цели.

С другой стороны, и русское крестьянство было уже далеко не тем, каковым оно было в 70-х годах прошлого века, в эпоху хождения в народ. Происшедшее с увеличением численности населения уменьшение земельной площади, приходящейся на душу этого населения, при отсутствии какого-либо повышения производительности почвы, т.е. применения более интенсивных способов использования ее производительных сил, все более давало себя чувствовать, в особенности в некоторых местностях Европейской России. Следовательно, и в крестьянской среде почва для ее революционирования имела налицо.

С этим новым положением вещей Плеве, по-видимому, впервые вполне ознакомился из следствия по делу об аграрных беспорядках в Полтавской и Харьковской губерниях. Беспорядки эти, как известно, охватили весьма широкий район. Начались они 30 марта (1902 г.) в Константиноградском и Полтавском уездах, где в течение четырех дней были разгромлены 54 усадьбы, а 31 марта перекинулись в Валкский уезд Харьковской губернии, где также было разгромлено несколько усадеб, из коих две дотла сожжены. Характер этих беспорядков был самый дикий: грабили не только помещичьи усадьбы, но и зажиточных казаков, при этом грабили не только хлеб, живой и мертвый инвентарь, но даже дома растаскивали по бревнам; при грабеже земской больницы утащили тюфяки из-под больных. Из Валкского уезда беспорядки распространились на Бо-



годуховский уезд, а также на сам город Валки, куда направилась обнаглевшая за три дня беспрепятственного грабежа толпа с целью и его подвергнуть повальному ограблению; здесь она была застигнута войсками, посланными для ее усмирения. В грабеже при этом принимали участие самые разнородные элементы: так, среди лиц, растащивших сахар на свеклосахарном заводе, был, между прочим, диакон местной церкви. Данные следствия по этому делу с очевидностью выяснили, что здесь имелось налицо отнюдь не случайное местное явление, а широко задуманное и тщательно подготовленное революционное действие. Широкий размах революционной пропаганды и подготовленность народных масс для ее восприятия выяснил Плеве и сделанный ему в Москве тем же Зубатовым подробный доклад о деятельности революционеров в московском промышленном районе.

Едва ли не из бесед с Зубатовым убедился Плеве, что одними полицейскими мерами нельзя подавить революционное движение в рабочей среде и что даже с трудом можно оградиться от террористических актов, что для этого необходимо прибегнуть к мерам другого свойства, значительно большего масштаба. С.В.Зубатов не принадлежал к заурядным людям. Несмотря на то что он начал свою службу правительству с того, что предал целый революционный кружок, к которому сам принадлежал, он тем не менее был идейным человеком. Он тщательно изучил все социалистические теории, ознакомился с сочинениями всех корифеев социализма и, превратившись в убежденного монархиста, одновременно остался горячим защитником интересов пролетариата. В соответствии с этим деятельность и задачу государственной власти в области борьбы с революционерами он не только не ограничивал полицейским розыском, предупреждением подготавливаемых революционерами террористических актов и изъятием из обращения пропагандистов, а, наоборот, едва ли не придавал

этому второстепенное значение. Основная цель, к которой должно было, по его мысли, стремиться правительство, — это парализовать революционирование рабочего пролетариата посредством, с одной стороны, идейной борьбы с теориями, проповедуемыми социалистами разных толков, а с другой, принятием самим государством решительных мер для защиты представителей труда от эксплуатации капиталом.

В сущности, идеалом Зубатова являлось осуществление многих вожелений социализма (между прочим, восьмичасового рабочего дня) и, следовательно, постепенное изменение социального уклада государства при сохранении старых форм его административного строения. Царь и народ — вот та далеко не новая формула, которую он выдвигал.

Реально деятельность Зубатова в этом отношении выразилась в составлении еще в 1897 г. охранным отделением канцелярии московского обер-полицмейстера, которым он заведовал, а именно чиновником этого отделения Трутневым, инструкции фабричной инспекции в отношении регулирования условий труда на фабриках и заводах. Инструкция эта встретила в Московском по фабричным делам присутствии множество возражений, так как предъявляла к работодателям такие требования, которые законом не оправдывались, и была им принята лишь вследствие настояния московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, действовавшего под влиянием московского обер-полицмейстера Д.Ф.Трепова, в свою очередь всецело разделявшего и поддерживавшего взгляды Зубатова.

В оправдание Зубатова надо сказать, что со времени издания еще в 1886 г. закона, определяющего условия труда женщин и малолетних на фабриках и заводах, никаких дальнейших узаконений в этом направлении издано у нас не было. Между тем закон 1886 г. в той области, которой он касался, несомненно опередил западноевропейское законодательство

по тому же предмету и являлся, таким образом, ярким доказательством того, чего может достигнуть не ограниченная никакими путями монархическая власть в деле защиты слабых от сильных. Именно по этому пути и стремился идти Зубатов.

Выработка правил, определяющих взаимоотношения рабочих и работодателей органами полицейского надзора, — весьма характерное явление для описываемой эпохи и в полной мере определяет, насколько Витте, который должен был бы взять это дело в свои руки, был не экономистом в широком смысле этого слова, а лишь насадителем определенной отрасли народного труда, т.е. фабрично-заводской промышленности, без соображения с теми огромными последствиями, которые должно было иметь неминуемо сопряженное с ней появление в стране многочисленного рабочего пролетариата. Витте был русский Кольбер<sup>198</sup>, но работавший на рубеже XIX и XX вв. и притом сохранивший мирозерцание и взгляды на социальные проблемы конца XVII в. Для него важно было создать условия, благоприятные для работы капитала в крупных промышленных предприятиях; этим одним он и был озабочен. Бесправное положение рабочих, их полная зависимость от работодателей ввиду неразвитости рабочих и их полной неорганизованности в то время вполне отвечали интересам капитала. Изменить это положение, обеспечить за рабочими хотя бы минимальные права ввиду этого вовсе не входило в планы Витте или, вернее, даже не приходило ему на ум; судьба рабочих как таковых его вовсе не интересовала. Витте был воплощением государственника. Интересы целого, мощь и благосостояние империи, взятой во всей совокупности, были ему весьма близки. Народная гордость была в нем чрез-

198\* Заменитый интендант (министр) финансов короля Людовика XIV в 1661-1683 годах.

вычайно развита. Но интересы отдельных слоев населения страны он поддерживал, лишь поскольку в его представлении они совпадали с интересами государства как целого. В этом вопросе, как и во всех остальных, сказывалось основное свойство ума Витте: все синтезировать, все обобщать и ради целого жертвовать всеми частностями, сколь бы они сами по себе ни были значительны.

Как бы то ни было, отсутствие у нас в то время отвечающего условиям времени и развивающейся промышленности рабочего законодательства, а также вялость деятельности фабричной инспекции, происходившая, впрочем, в значительной степени именно от неимения у нее достаточно твердой опоры в нормах закона, невольно наталкивали лиц, отвечающих за сохранение спокойствия в стране, на принятие таких мер, которые по существу отнюдь не входили в круг их деятельности. Что же касается составляющей прямую задачу государственной полиции борьбы с революционерами и их пропагандой, то, по мысли Зубатова, ее надо было построить на внедрении в рабочий класс убеждения в ложности проповедуемых социалистами теорий и вредности их осуществления для самих рабочих. Всякий «барин», включая в это наименование всякого человека с иным, высшим, нежели у народных масс, уровнем образования, преследует, по мнению Зубатова, свои личные цели, с интересами пролетариата, в сущности, не совпадающие. Народ для этих людей, даже когда они будто бы защищают его интересы, служит лишь трамплином для осуществления их собственных, личных интересов, сводящихся в лучшем случае к достижению власти. Единственным верным и неизменным защитником народных интересов является самодержавный царь, стоящий по самому существу своему выше всяких личных интересов и притом имеющий достаточную силу, дабы заставить представителей капитала подчиняться его, направленным к народному благу, решениям.

Подобная пропаганда казалась Зубатову тем более легко осуществимой, что рабочие многих фабрик, расположенных в Москве, выказали живой интерес к просвещению вообще и к расширению своих познаний в области сложного вопроса о взаимоотношениях различных классов в частности. С этой целью рабочие обращались даже к некоторым представителям московской профессуры с просьбой прочесть им несколько лекций на указанную тему. Вот это-то, в определенном направлении, просвещение рабочего класса Зубатов хотел организовать силами государственной полиции, привлекая к нему идейных работников из самой революционной среды, а именно тех из них, которые радикально изменили свои взгляды и убедились в ложности социалистических теорий.

В этом отношении поддерживал Зубатова Л.А.Тихомиров, бывший некогда одним из самых видных членов партии «Народной воли» и затем круто и, по-видимому, искренне изменивший свои взгляды, перешедший в ряды сторонников самодержавного образа правления и даже сделавшийся впоследствии редактором ярко реакционных «Московских ведомостей». Автор в свое время нашумевшей брошюры «Почему я перестал быть революционером»<sup>199</sup>, Тихомиров едва ли не был духовным отцом системы, получившей название «зубатовщины». Задумана она была широко. Так, в Москве для офицеров жандармского корпуса Зубатов устроил особые курсы, на которых слушателей знакомили со всеми разнообразными теориями социализма и существующими в Западной Европе различными социалистическими партиями, в том числе, разумеется, и с русскими революционными организациями. Офицеры эти должны были изучить сочинения Маркса, Зом-

199 См.: Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. Paris, [1888].

барта, Герца, Каутского, а из русских — Прокоповича, Плеханова и других. Цель состояла, по-видимому, не только в том, чтобы дать возможность чинам корпуса жандармов успешно исполнять свою прямую обязанность полицейского надзора и розыска, но и вооружить их такими сведениями, при помощи которых они могли бы сами сделаться идейными противниками революционного социализма, так как само собою разумеется, что изучение социальных теорий сопровождалось их критикой и опровержением. Полученными ими сведениями жандармские офицеры должны были пользоваться для того, чтобы переубеждать привлекаемых ими к дознанию и предварительно, конечно, арестованных членов революционных партий. В сущности, это было возведение в систему того, что осуществил еще в начале 80-х годов известный судебный следователь Судейкин по отношению к революционеру Дегаеву, в конечном результате в 1882 г. поплатившийся, однако, за это жизнью. Судейкин убедил Дегаева способствовать раскрытию замыслов революционных организаций, в составе которых Дегаев продолжал оставаться. Зубатов хотел, по-видимому, идти дальше. Ему недостаточно было использовать переубежденных видных членов партийных организаций, остающихся после их освобождения в составе этих организаций в качестве осведомителей о замыслах последних. Наряду с этим он имел в виду превратить некоторых партийных работников из пролетариата в открытых противников социально-революционных теорий, могущих успешно вести в рабочей среде контрпропаганду. Подобно тому как Горький, устроив на острове Капри школу социализма, подготавливал кадры пропагандистов этого учения, Зубатов мечтал таким же образом составить кадры проповедников самодержавия.

Нужно ли говорить, что система Зубатова была фантастична и могла привести лишь к печальным последствиям? Соединение под одной шапкой деятельности полицейской,

имеющей целью предупреждение и пресечение преступлений, с деятельностью просветительной, направленной на изменение образа мыслей рабочего пролетариата, силою вещей должно было на практике извратить обе эти деятельности. Просветительная деятельность смешалась с полицейскими мерами и приняла совершенно специфическую окраску. Так, на устраиваемых охранной полицией в Москве в рабочих кварталах собеседованиях выступали не только противники социализма, но и его адепты, однако последние вслед за тем нередко арестовывались.

Стремление переубедить арестуемых партийных работников на практике свелось к стремлению создать кадр преданных правительству революционеров без всякой, однако, уверенности, что преданность эта не основана на получении переубежденными не только свободы, но и средств к жизни. Установить степень убежденности людей в чем-либо, а тем более выяснить те внутренние, далеко не всегда ими самими признаваемые, побуждения, которые содействуют созданию у них тех или иных убеждений, вообще более чем затруднительно. Когда же изменение высказываемых данными лицами взглядов ведет к улучшению их материальных жизненных условий, полагаться на искренность и серьезность этого изменения наивно. Однако именно на этом было построено привлечение к сотрудничеству будто бы переубежденных революционеров. На деле, однако, едва ли кто-либо сомневался в том, что привлекаемые к сотрудничеству революционеры были не что иное, как определенные предатели, действующие из корыстных целей.

Надо, однако, признать, что первые шаги Зубатова в направлении изменения образа мыслей рабочей среды оказались внешне, по крайней мере, вполне удачными. Так, 19 февраля 1902 г., в памятный день освобождения крестьян, в Москве состоялась грандиозная манифестация рабочих. В

Кремле у памятника императору Александру II<sup>200</sup> собралась огромная, насчитывающая свыше 30 тысяч человек, рабочая толпа, предварительно торжественно прошедшая через всю Москву, и возложила венок у подножия памятника после отслуженной по царю-освободителю панихиды. Присутствовали на этой панихиде все высшие власти с московским генерал-губернатором, великим князем Сергеем Александровичем, во главе. Манифестация эта должна была символизировать единение царя с трудящимся народом.

Но соловья баснями не кормят. Вслед за убеждением рабочего слоя, что их лучший и даже единственный защитник — правительство, надо было это как-нибудь реально выявить. Помог этому частный случай: на заводе Гужона рабочему оторвало руку. Владелец фабрики почему-то отказался выдать пострадавшему соответствующее денежное вспомоществование. Тогда агентами Зубатова на заводе Гужона были вызваны беспорядки, приведшие к вмешательству администрации в дело об искалечении рабочего и к принуждению в административном порядке заводовладельца выдать лишившемуся руки рабочему высокого вознаграждения. Такое разрешение вопроса, по существу, быть может, правильное, разумеется, лишало распоряжение власти правового основания и вообще вводило во взаимоотношения между рабочими и работодателями элемент произвола, в конечном результате неминуемо приводящий к печальным последствиям. Та же система была применена и на Даниловской мануфактуре при вызванных там стараниями той же полиции беспорядках на почве каких-то предъявленных рабочими требований.

Само собой разумеется, что идти сколько-нибудь далеко по этому скользкому пути администрация не может. Удовле-

200\* Уничтожен в 1918 году.



творить все требования и пожелания рабочих она, конечно, никогда не будет в состоянии, а следовательно, революционные элементы легко найдут благодатную почву для возбуждения рабочей среды, уже не против работодателей и представителей капитала, а против самого правительства, легкомысленно в лице администрации взявшего на себя роль охраны интересов рабочих не на почве соблюдения закона, а собственного усмотрения. Иное дело — создание, путем соответствующих законодательных актов, такого положения, при котором сами же рабочие имели бы возможность ограждать свои интересы, опираясь на нормы действующего права.

Чем при таких условиях объясняется, что Плеве, который не мог этого не понимать, тем не менее не только не прекратил деятельности Зубатова в Москве, а, наоборот, перевел его в Петербург, тем самым как бы одобряя его систему, и, во всяком случае, предоставил ему еще более широкое поле деятельности? Насколько я знаю, тут действовало несколько причин. Едва ли не важнейшей из них была мысль, что переведенный в Петербург и действуя под его непосредственным наблюдением, Зубатов не впадет в те крайности, которых он уже достиг в Москве. Дело в том, что прекратить деятельность Зубатова в полной мере Плеве не был в состоянии. Из разговоров с великим князем Сергеем Александровичем он убедился, что изменить его взгляд на этот вопрос он не может, а бороться с ним на этой почве он знал, что не в силах. Что бы Плеве ни предпринял, великий князь все равно будет под влиянием Трепова и не изменит своего образа действий. Руководило Плеве одновременно и желание ближе присмотреться к результатам деятельности Зубатова и одновременно, опираясь на получаемые от него данные, сначала подчинить себе всю

фабричную инспекцию<sup>201</sup>, а затем приступить и к созданию нового рабочего законодательства. Эта мысль конкретно вылилась у него впоследствии в задуманном им образовании в составе Министерства внутренних дел особого Главного управления труда. Мысль возникла, впрочем, в министерстве еще при Сипягине. Конечно, осуществить эту мысль без ожесточенной борьбы с Витте Плеве не мог, но к этой борьбе он все равно готовился.

Таким образом, в представлении Плеве деятельность Зубатова должна была быть, с одной стороны, лишь некоторым предварительным опытом, а с другой — ступенью для постановки всего рабочего вопроса на совершенно иных основаниях. Однако переведенный в Петербург Зубатов, разумеется, иначе смотрел на это дело. Он с места задумал охватить все крупные промышленные центры антисоциалистической пропагандой, организуемой и руководимой местными охранными отделениями. Во что это вылилось фактически, будет изложено впоследствии. Независимо от этого в Петербурге им был привлечен к этому делу завязавший с ним сношения еще в бытность его в Москве священник Гапон, результаты деятельности которого сказались в полной мере в январе 1905 г. Этим, однако, не ограничилась деятельность Зубатова. Именно она привела к тому, что охранная полиция, быть может, незаметно для самой себя, коль скоро она проникла в лице купленных ею революционеров в подпольные организации, понемногу, отчасти сознательно, отчасти помимо своего желания, превратила своих членов в провокаторов. Агентам полиции — членам этих организаций нужно было побуждать революционеров к активным выступлениям, дабы иметь материал для своих

201\* Фабричная инспекция была подчинена Министерству финансов.

донесений и тем оправдать получаемые ими за их «работу» денежные средства. Охранной полиции, со своей стороны, было весьма на руку искусственно вызывать террористические замыслы, так как это давало ей возможность вылавливать из революционной среды, так сказать с поличным, наиболее решительных ее деятелей.

Именно так развилась и пышно расцвела провокация на почве проникновения агентов сыска в революционное подполье и, обратно, привлечения революционеров в ряды охранной полиции, а именно та провокация, которая в результате дала всем известные махровые цветы, и когда, наконец, нельзя было сказать, где кончается охранка и где начинаются революционеры.

Конечно, допущение зубатовщины было крупной ошибкой Плеве, стоившей ему самому жизни, но, однако, не единственной и едва ли даже самой крупной. Вторая его ошибка в этом деле состояла в том, что он не ограничивал собственно революционных элементов, активно стремившихся опрокинуть не столько политический, сколько весь социальный строй государства, от тех общественных сил, которые хотя и были в оппозиции к правительству, но вовсе не желали коренного переворота и проведения радикальных реформ социалистического свойства.

За минувшие с того времени двадцать лет мы так далеко ушли от тех представлений, которые господствовали в начале века в бюрократических кругах, что с трудом можем себе представить, каким образом могли умные, образованные, искренне стремившиеся к процветанию России государственные люди смотреть на либеральные земские и иные круги как на революционные, и тем более как могли они применять к лицам из этой среды почти те же карательные меры, какие они применяли к людям, стремившимся произвести насильственный переворот всего народного уклада.

Свежо предание, а верится с трудом, что не далее как за год до издания Манифеста 17 октября 1905 г. само слово «конституция» было в России запретным и маскировалось под выражение «правовой строй», причем и в этой перифразе иногда навлекало на лиц, публично заявлявших о желательности его введения в России, суровые репрессии<sup>202</sup>. Однако это было так, и Плеве считал необходимым бороться с либеральным конституционным движением столь же сурово и настойчиво, как с движением социально-революционным. Можно даже предполагать, что на самых верхах конституционного движения опасались более, нежели движения массового, народно-революционного. Последнее казалось совершенно невероятным, с самими же революционерами считались, лишь поскольку они были исполнителями отдельных террористических актов. Наоборот, конституционное движение, приводящее лишь к следующему за самодержавием этапу в последовательном неминуемом со временем изменении формы государственного правления и не могущее ввиду этого почитаться чем-то несбыточным, представлялось более опасным.

Кроме того, нельзя не согласиться с тем определением деятельности департамента полиции, которое дал ему талантливый, но беспутный циник, издававший пресловутого «Гражданина», кн. В.П.Мещерский. Обернувшись тотчас после убийства Плеве и произведший перемену политического курса против него, хотя он же его проводил в министры внутренних дел, а во время управления Плеве министерством всячески его

202\* Гурко, разумеется, имеет в виду административные (то есть внесудебные) репрессии: ссылку, высылку, удаление с государственной, земской или городской службы. Уголовные репрессии за употребление выражения «правовой строй» и тому подобные мягкие проявления либеральных взглядов были невозможны.

поддерживал, кн. Мещерский между прочим писал: «Полиция знала, кто выписывает и читает заграничные запрещенные издания, кто говорит о правительстве резко, очень резко и особенно резко; знала, что есть какие-то типографии, где печатаются прокламации; знала, что говорят или пишут о министре внутренних дел в письмах к приятелям — словом, знала все, что можно было и не знать, но не знала главного, что нужно было знать: что делается в темных и скрытых кружках террористов... Это положение дел восходит ко временам 3-го Отделения, функции которого заключались в наблюдении за образом мыслей россиян. К этому делу наблюдения за образом мыслей, с точки зрения политической благонадежности, примешивалась масса личных отношений, имевших пикантный интерес сплетни и проникания в частную жизнь. Неудивительно, что большая часть внимания и деятельности агентов поглощалась личными сторонами наблюдения, а собственно охранная и предупредительная часть тайной полиции в области преступных замыслов составляла каплю в море дел 3-го Отделения. Оттого за последние годы своего существования 3-е Отделение оказалось бессильным предупредить разные покушения террористов, и они совершались беспрепятственно, и по каждому из них выяснялось, что его успеху содействовала неподготовленность полицейского органа. А рядом с этим множество людей сидело в заключении по обвинению в образе мыслей. Традиции 3-го Отделения унаследовал всецело департамент полиции: главным его объектом остаются «признаки образа мыслей».

Слияние воедино всех оппозиционных правительству элементов страны имело самые тяжелые последствия. Оно искусственно объединило в борьбе против существующего государственного строя элементы, которые ни органически, ни по своим вожделениям не только не имели ничего общего, но являлись по существу силами, друг другу более враждебными,

нежели либеральные земские и даже городские общественные круги и сторонники самодержавия.

Раскол между представителями передовых земских кругов и правительственной властью принял резко определенный характер именно при Плеве. Как это на первый взгляд ни странно, но Сипягин, при всей архаичности своих взглядов на государственное управление, при всей их несомненной реакционности, был ближе к либеральным земским кругам, лучше их понимал, нежели умный, образованный, глубже вникавший в государственные проблемы Плеве. Сам начав свою деятельность на выборных должностях, сам принадлежа к правым, но все же земским людям, Сипягин говорил с ними на одном языке и слишком хорошо их знал, чтобы видеть в них людей, опасных для государственного строя. В ином положении был Плеве. Даже внешние его приемы, его, конечно, вежливое, но величественно-начальственное обращение с председателями земских управ и тем более с городскими головами отталкивали эту среду от него. В результате Плеве остался совершенно одинок и среди органических сил страны не имел никого за себя. Промышленные круги не могли, разумеется, переварить зубатовщины, существенно повлиявшей на последующую резкую оппозиционность этих кругов правительству; земцы и даже дворянство видели в нем человека, для них чуждого, черпающего силу и значение исключительно из той формальной власти, которой он был облечен. Но этой формальной властью уже в ту эпоху недостаточно было обладать, чтобы претворить свои намерения в реальные мероприятия. Безмолвная, придавленная общественность, конечно, тоже не могла ничего осуществить, но ее пассивная сила сопротивления была уже весьма значительна, и никакими полицейско-административными мерами силу эту нельзя было побороть.

Ставить, однако, в вину Плеве его веру в мощь правительственной власти весьма трудно, ибо, спрашивается, кто среди

петербургских деятелей в то время имел правильное представление о положении вещей и кто среди сотрудников Плеве, из которых многие впоследствии бросились влево, не верил во всемогущество бюрократии в смысле возможности осуществления ею любой меры и проведения любой реформы? Можно даже утверждать, что Плеве в этом отношении был прозорливее многих из своих сотрудников, так как ему не было чуждо сознание, что охватить все стороны народной жизни правительственный аппарат не в состоянии и удовлетворить все народные потребности не может. Действительно, первой мыслью Плеве при вступлении в управление Министерством внутренних дел было ввести в состав Государственного совета представителей высших слоев общественности. Любопытно, что при своем приезде в Полтаву, в первые же дни своего министерства, для расследования происшедших там аграрных беспорядков Плеве не только собрал там совещание местных земских деятелей, но поставил на их обсуждение вопрос широкого государственного значения. Говоря о смуте, охватившей страну, он указал на необходимость единения правительства и общества и прямо спросил земцев о тех способах, которыми, по их мнению, такое единение может быть достигнуто. Словом, он почти вкладывал им в уста заявление, что в этих видах необходимо привлечь общественность к более близкому участию в государственном управлении. Однако земцы, по-видимому, устрешенные произведенными погромами частновладельческих имений, в ответ ему говорили лишь об одном — о необходимости ввести в губернии положение об усиленной охране. Вернувшись в Петербург, Плеве на первом же докладе у государя между прочим сказал: «Если бы двадцать лет тому назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что России грозит революция, я бы только улыбнулся. Ныне, Ваше Величество, я вынужден смотреть на положение иначе». Затем Плеве принялся за изучение возникавших в

прежнее время предложений о привлечении выборного элемента к участию в законодательстве страны. Он извлек с этой целью из архивов проекты Валуева, Лорис-Меликова и гр. Н.П.Игнатъева, последовательно разрабатывавшие образование высшего законосовещательного учреждения, включающего элементы общественности. С присущей ему осторожностью и постепенностью знакомил он с этими проектами государя, не вводя при этом в свои планы своих сотрудников, почему обстоятельство это и осталось не только для широких кругов, но даже и для высшего бюрократического мира почти совершенно неизвестным. Одновременно постарался он войти в ближайшие сношения с земскими лидерами в лице наиболее в то время видного из них, а именно Д.Н.Шипова — председателя Московской губернской земской управы. Но здесь он натолкнулся на определенно враждебное к себе отношение. Шиповым было прямо заявлено, что передовое земство с нынешним составом правительства и, в частности, с ним, Плеве, никаких доверчивых отношений иметь не может и не желает<sup>203</sup>. Вот тут в особенности сказалась оторванность Плеве от общественных кругов и его полное неумение войти с ними в дружеские сношения. Другому человеку, опять скажу, хотя бы тому же Сипягину, это не составило бы никакого труда. Как бы то ни было, свою первоначальную мысль об установлении в России, хотя бы в зачаточной форме, конституционного правления, мысль, очевидно, не встретившую сочувствия сверху,

203\* Содержание этой беседы, имевшей место 2 июля 1902 г., подробно изложено Шиповым в его мемуарах (Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918, глава VI). Согласно этому источнику, реакция Шипова на попытки Плеве к сближению была, скорее, уклончивой.



Плеве, быть может отчасти вследствие той непримиримости, которую проявил земский лидер Шипов, вскоре оставил.

Продолжая тем не менее считать необходимым дружное сотрудничество общественных сил с правительственными, он решил наладить его сначала, так сказать, снизу. Именно с этой целью проектировал он местную губернскую реформу, имевшую захватить не только правительственные учреждения, но и земское и городское самоуправление. При этом он отнюдь не имел в виду сузить круг избирателей общественных самоуправлений и сократить сферу их деятельности, но определенно желал связать их работу с деятельностью агентов власти. Работа общественных деятелей должна была быть именно сотрудничеством с представителями власти государственной, причем последнее слово имелось в виду предоставить во многих случаях последним.

В сущности, Плеве хотел применить в России французскую систему, где органы местного самоуправления тесно сплетены с местной администрацией, где префект не только участвует в департаментских собраниях избранных населением советников (наших губернских земских собраниях), но еще утверждает все отдельные статьи расходов общин, на которые распределена вся Франция, если эти расходы в отдельности превышают 300 франков, так как по французскому закону община почитается малолетней (*la commune est mineure*)<sup>204</sup>, и где город Париж, единственная община во Франции, имеющая особое устройство, имеет не выборного, а назначенного правительством главу.

Упускал при этом из виду Плеве два существенных обстоятельства, а именно то, что правительственная власть во Фран-

204 Городская коммуна второстепенна [по сравнению с государственной властью] (фр.).

ции является сама порождением той же общественности, а вторых, и это главное, что она находится под постоянным, гласным и бдительным надзором организованного и весьма развитого общественного мнения. При этих условиях агенты власти во Франции не только не злоупотребляют предоставленным им правом veto и инициативой в делах местного самоуправления, а, наоборот, неохотно им пользуются, что даже вызывает иногда нарекание на них со стороны общественности.

Если бы система, предложенная Плеве, была применена при самом введении у нас земского и нового, утвержденного в 1870 г. городского самоуправления, она, вероятно, предотвратила бы тот антагонизм, который постепенно установился между многими представителями власти и органами местного самоуправления. Не создались бы, быть может, те два лагеря, которые Кривошеин метко охарактеризовал словами «мы» и «они». Но в начале XX в., после почти сорокалетнего самостоятельного существования земских и городских общественных самоуправлений, сплести их с органами правительственной власти в один общий, совместно и дружно работающий организм не было возможности. Против такого изменения характера деятельности органов местного самоуправления восстали бы самые консервативные, самые ретроградные земские люди.

Действительно, нельзя утверждать, что разделение на «мы» и «они» касалось лишь передовых земских элементов. В другой форме, не переходя в оппозицию, ограничиваясь каким-то своеобразно отрицательным отношением к бюрократии, оно проявлялось решительно во всей земской среде. Так, в правых земских кругах нередко можно было услышать про какого-нибудь земского гласного, состоящего на правительственной службе: «Он совсем наш, он земский человек». Словом, правительству подчинялись, но личный состав правительственного аппарата признавали за нечто чуждое, отли-

чающееся прежде всего чиновничьим формализмом. Любопытно, что взгляд этот не был чужд и самой чиновничьей среде как в центральном государственном управлении, так и в провинциальных учреждениях. Тут, несомненно, сказывался природный русский анархизм — присущее русскому народу полупрезрительное, полувраждебное отношение ко всякой власти, быть может отдаленное последствие долголетнего татарского ига, при котором власть была фактически врагом всего народа. Большевики это настроение, несомненно, подержали.

Некоторые шаги в порядке осуществления своей основной мысли — объединение учреждений общественных с правительственными — Плеве все-таки осуществил. Так, им было проведено новое положение о петербургском городском общественном управлении, на основании которого председательствование в присутствии по городским делам<sup>205</sup> было возложено вместо градоначальника на особое лицо, назначенное высочайшей властью. Этим хотели выразить какое-то особое уважение к столичной городской думе. Одновременно были несколько увеличены права этого присутствия в отношении городского благоустройства предоставлением ему возможности в известных случаях принимать необходимые меры обеспечения интересов обывателей в случае, если на самостоятельное исполнение этих мер городская дума не выразила согласия. С этой целью в распоряжение присутствия ежегодно

205\* Присутствие по городским делам - правительственная административная комиссия в градоначальствах (аналог присутствия по городским и земским делам в губерниях), занимающаяся контролем над действиями общественного городского самоуправления и имеющая право отмены определенных его постановлений.

ассигновались некоторые денежные средства, а именно 25 тысяч рублей. Надо отметить, что в общем либеральная пресса отнеслась к упомянутому положению сочувственно, однако исключительно благодаря тому, что круг избирателей городских гласных был расширен посредством включения в его состав квартирноанимателей, уплачивающих не менее 1080 рублей годовой квартирной платы. Другая мера, принятая в направлении того же объединения общественных сил с правительственными, вызвала в разных своих частях различное к себе отношение. Состояла она в том, что при хозяйственном департаменте, переименованном в Главное управление по делам местного хозяйства, был образован особый совет смешанного состава, куда наряду с представителями разных ведомств входили представители земских и городских учреждений<sup>206</sup>. Совет этот должен был ежегодно созываться на особые сессии и обсуждать вопросы, касающиеся местных нужд, в том числе требующие законодательного разрешения. Саму мысль совместного обсуждения упомянутых вопросов в общем приветствовали, но передовые земские и городские круги были весьма недовольны тем, что представители органов местного самоуправления вступали в названный совет не по избранию земских собраний и городских дум, а по приглашению, иначе говоря, по назначению Министерства внутренних дел. Существовали, конечно, технические причины, препятствующие предоставлению этого права самим земским собраниям и городским думами, а именно, что число приглашаемых из их состава лиц было силою вещей значительно мень-

206\* Имеется в виду Совет по делам местного хозяйства. Подробно о Совете: Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908-1910) М.: РОССПЭН, 2008.

ше числа земских губерний и тем более городов и что, следовательно, избрать состав совета они поодиночке не могли, общей же для всех земств и городов организации не существовало. Само собой разумеется, что препятствие это легко было обойти, хотя бы установлением двухстепенных выборов в совет, но это совершенно не отвечало видам Плеве. Сплачивать органы общественного управления в единое целое значило бы придавать им вящую силу и значение. Наконец, нет сомнения, что приглашение земцев в те или иные центральные учреждения или временные комиссии являлось орудием в руках министра как в отношении поощрения земцев, более приверженных существующему государственному строю, так и в смысле опоры при разрешении общих вопросов на определенные, более правые, земские круги. Прием этот именовался в земских кругах «фальсификацией» общественного мнения, причем такую оценку давали ему все земцы без различия политических оттенков. Указывали при этом, что приглашение в качестве представителей земской мысли председателей и членов управ в сущности неправильно. Управы выбираются земскими собраниями лишь для ведения земского хозяйства и никакими полномочиями в отношении выражения ими общих взглядов по принципиальным, касающимся земской жизни вопросам не облечены. Эту мысль приходилось слышать от представителей наиболее правого земского течения. «Мы их выбирали, — говорили они про личный состав земских управ, чтобы они стирали белье в земских больницах, а не для того, чтобы они выражали наши мнения и пожелания». Мнение это разделялось дворянскими, даже крайне правыми кругами. Так, предводитель Белгородского уезда Курской губернии, гр. Доррер, впоследствии явившийся одним из лидеров крайнего правого крыла Третьей Государственной думы, возбудил тот же вопрос в 1902 г. в курском Дворянском собрании. Исходя из той статьи нового, утвержденного по поводу исполнившегося

столетия учреждения Государственного совета положения о нем, которая разрешала председателю приглашать в подготовительные комиссии, учрежденные для рассмотрения особо важных и сложных законопроектов, лиц, которые по своим занятиям и опыту могут принести пользу при их разработке, и подчеркивая случайность, господствующую при выборе «сведущих лиц», гр. Доррер предложил ходатайствовать о предоставлении дворянским собраниям права избирать из своей среды нескольких лиц, достойных быть представителями в разнообразных совещаниях, созываемых правительством. Такой порядок, говорил гр. Доррер, представит «большие гарантии справедливости и успешного действия, чем применяемый ныне».

Словом, привлечение земцев к участию в работе центрального ведомства не привело к осуществлению желания Плеве объединить общественные элементы с правительственными и не привлекло к Плеве симпатий земских кругов и вообще на практике не получило реального значения, быть может, вследствие появления в скором времени выборных законодательных палат, явившихся естественным центром выражения общественных настроений и чаяний. Впрочем, учрежденный по мысли Плеве Совет местного хозяйства при жизни его не успел даже собраться<sup>207</sup>.

Еще в меньшей степени удалось Плеве устранить другой существенный недостаток нашей административной системы, а именно крайнюю централизацию управления даже самыми отдаленными и имеющими свои резко выраженные особенности областями империи. Между тем Плеве вполне разделял мнение Lamennais, столь лапидарно выраженное в известной

207\* Первый раз Совет собрался только в 1908 году.

его формуле: «La centraliation amene a Faroplexie du centre et a la paralytie des extremités»<sup>208</sup>.

Перегруженность центральных ведомств разрешением вопросов даже третьестепенного значения, касающихся окраин, ощущалась петербургским бюрократическим миром в полной мере, причем она давала себя чувствовать с каждым годом все сильнее. Но в особенности страдали от этой централизации сами окраины, и притом как в разрешении текущих дел, касающихся интересов отдельных лиц, так и в области общих, относящихся до них вопросов. Издававшиеся для окраин отдельные законоположения неминуемо отличались недостаточным соответствием местным особенностям, так как составлялись они в петербургских канцеляриях в большинстве случаев людьми, знакомыми с ними лишь теоретически и поневоле смотревшими на них сквозь призму бумажного делопроизводства. Нельзя сказать, чтобы составители этих законоположений относились к ним легкомысленно, а тем более недобросовестно. Наоборот, они нередко вкладывали в порученное им дело всю свою душу, ибо, что бы ни говорили, работающий личный состав наших центральных учреждений был выдающийся. Работы при этом было неисчерпаемое множество, и силы наших министерств даже по их численности не соответствовали объему дела.

208 Централизация приводит к апоплексии центра и параличу окраин (фр). Ф.Р.Ламенне считал главным препятствием к установлению во Франции «истинной демократии» чрезмерную централизацию. Необходимости децентрализации и создания местного самоуправления посвящено множество его статей в издававшемся им либеральном журнале «L'avenir» («Будущее»; Р., 1830—1832). Какое именно сочинение цитирует Гурко, установить не удалось.

Можно для примера привести хотя бы вопрос инородческий. Ну, как было справиться с таким обширнейшим и разнообразным вопросом, относящимся к управлению и земельному устройству киргизов, башкир, бурят, калмыков и иных мелких народностей, когда все дела о них были сосредоточены в одном, состоявшем всего из трех лиц, делопроизводстве земского отдела Министерства внутренних дел!

Против перегрузки министерств и передачи разрешения большинства дел на места имелось, однако, веское основание, а именно невозможность положиться на местную администрацию. Дело в том, что те самые лица, которые не за страх, а за совесть скромно и усидчиво работали в Петербурге, переведенные в условия наших отдаленных окраин, часто и притом быстро развращались существовавшей там общей обстановкой и превращались во взбалмошных помпадуров. Если губернаторы наших центральных губерний иногда приобретали замашки сатрапов, то можно себе представить, во что превращались начальствующие лица в глухих инородческих и вообще невероятно отдаленных от правящего центра местностях. Причина была, разумеется, та же, а именно крайне низкий уровень развития масс и происходящее отсюда отсутствие сколько-нибудь организованного, а тем более влиятельного общественного мнения, могущего умерять произвол власти, подчиняя его известному контролю общества. Вследствие этого те лица, которые в Петербурге, занимая даже высшие должности, держались совершенно скромно и ни в чем не проявляли ни высокомерия, ни самодурства, попавши в провинцию, нередко сразу распускали павлиний хвост и становились почти неприступными. Такое превращение было вполне понятно. Петербург представлял крупный культурный центр, где общественное мнение, даже без надлежащей организованности и при стесненной гласности все же играло значительную роль и имело неоспоримое значение и даже силу. С другой стороны,



Петербург был средоточием такого множества различных властей высших рангов, что каждый единичный представитель власти тонул в их массе. Поэтому даже высшие петербургские чиновники, выйдя из своего служебного кабинета, сразу превращались в обыкновенных обывателей. Совокупность всего этого приводила к тому, что петербургскому бюрократическому миру было присуще скорее изысканно вежливое, нежели высокомерное обращение со всеми имеющими к нему дело. Простота обращения начальства с подчиненными всех рангов, которая достигала в последнее дореволюционное время едва ли не чрезмерности, была у нас значительно большая, нежели в некоторых республиканских странах, где, как, например, во Франции, иерархические градации служащих значительно сильнее отражаются на их взаимоотношениях. Представители центральной власти у нас были как бы пресыщены ею, утратив, казалось, сознание ее государственного значения, а мягкотелое Временное правительство превратило власть просто в пародию. Воскресли же в России пафос власти и необходимо ей, в известных случаях, присущую суровость и властность большевики. Дорвавшись до власти из низов, они ею упиваются и пародируют.

Иное представляла у нас провинция и даже такие крупные центры, как Харьков, Киев и Одесса. Там административная власть была альфой и омегой, причем местного общественного мнения там не существовало, как не было и надлежащей гласности. Такое положение развращало власть и, между прочим, создало всем известный на Руси почти трафаретный тип «губернаторши». Получалась при этом возможность таких случаев, как, например, ожидание приезда «начальника губернии» для начала театрального представления или даже прекращение движения по улице в ожидании проезда того же лица. При этом чем отдаленнее была провинция от столичных центров, чем она резче отличалась во всех своих бытовых

особенностях от коренного ядра государства и чем, следовательно, необходимее было перенести в нее разрешение местных вопросов, тем опаснее было, вследствие ничтожной культуры этих местностей, положиться на администрацию в смысле соблюдения ею норм закона и воздержания от произвола.

До какой степени провинциальная атмосфера действовала в этом направлении, можно судить по тому, что земские деятели при переходе на административные провинциальные посты, что случалось нередко, также очень быстро принимали те помпадурские замашки, которые они, занимая выборные должности, резко осуждали и клеймили. Достаточно припомнить, что в повседневной провинциальной прессе легче было безнаказанно раскритиковать деятельность правительства вообще, нежели неодобрительно отозваться о каком-либо распоряжении местной губернской, да и уездной власти.

Однако и это ненормальное положение имело свои основания. Оправдывалось оно до известной степени как малой образованностью местных журнальных работников, так и малой культурностью местного населения. Критика действий центральных управлений и их глав фактически не подрывала их значения. Иное действие могла производить и фактически производила критика местной власти на серого обывателя некультурной окраины. Она лишала эту власть в его глазах должного престижа. Между тем порядок во многих местностях России, на ее громадных пространствах с населением тем более редким, чем местности эти восточнее, держался исключительно на обаянии власти, лишенной, в сущности, материальных средств остановить не только какое-нибудь народное движение, но даже обеспечить в ней жизнь и имущество обывателей от разбойных нападений. Допустить критику местной власти значило до известной степени расшатать ту основу, на которой во многих местностях России покоился общественный

порядок. Совокупность изложенного приводила к дилемме: либо обрезать полномочия местной власти и тем вызвать как медленность, так и недостаточную жизненность решений местных вопросов, либо облечь местную власть широкими правами и тем усилить ее произвол без достаточных гарантий, что руководящим началом будут правильно понятые государственные интересы, а когда дело будет касаться отдельных личных интересов, то принцип справедливости.

Между этими Сциллой и Харибдой стояла государственная власть империи, причем с годами, по мере усложнения условий жизни и усиления экономической деятельности населения, без, однако, соответствующего повышения его культурности, найти удовлетворительное разрешение этой дилеммы становилось все труднее. Впрочем, в централизации управления нашими среднеазиатскими и дальневосточными владениями, а в особенности в стремлении распространить на них как законы, так и административные порядки, действовавшие в коренных областях империи, действовала другая, можно сказать, психологическая причина.

Области эти были, в сущности, не чем иным, как колониями, но то обстоятельство, что они непосредственно прилегали к территории самой империи, составляя с ней одно непрерывное целое, существенно мешало как государственной власти, так и общественной мысли смотреть на них именно как на колонии. С последним термином неразрывно связано представление о таких владениях, которые отделены от метрополии чужеземными владениями, в особенности же водными пространствами; наши дальние владения, обитателями коих были, однако, чужеземные племена, этой особенностью не обладали. Отсюда и получился взгляд на эти владения как на нечто вполне однородное с созидательным центром государства, система управления коими ни в чем не должна отличаться от системы, установленной в этом центре. Между тем мы

давно должны были выделить их в особое министерство, скажем, колоний, которое и применяло бы к ним иные порядки, именно для колоний приспособленные. Не получилась бы при этом и такая, например, нелепость, как присвоение полудиким племенам киргиз, бурят и башкир почти таких же избирательных прав в законодательные учреждения, как населению коренных русских областей.

Невзирая на все перечисленные причины, мешавшие децентрализации управления, децентрализации, которая должна бы была быть значительнее в некоторых отношениях для коренных областей государства, а в других, наоборот, для присоединенных к империи по существу колониальных владений, все же попытка в этом направлении была сделана Плеве.

По его мысли, государь собрал в конце 1903 г. под своим личным председательством особое совещание министров, имевших отношение к вопросам, возбуждаемым местной жизнью, причем им было предварительно предложено представить этому совещанию список тех дел, окончательное разрешение которых может быть передано местным властям. Всем департаментам Министерства внутренних дел было отдано распоряжение о представлении подобного списка, причем Плеве было предложено включить в него возможно большее количество дел указанной категории. В результате список этот, по крайней мере по Министерству внутренних дел, получился изрядным. Насколько помнится, список этот был целиком утвержден государем, причем те предположения и изменения порядка рассмотрения местных дел, которые не требовали законодательного рассмотрения, были осуществлены Высочайшим повелением от 10 декабря 1903 г., а остальные переданы в межведомственную комиссию, образованную под председательством члена Государственного совета Платонова, носив-

шую пышное название «комиссии о децентрализации»<sup>209</sup>. Порядок этот освободил ведомства от необходимости предварительных, до представления на рассмотрение Государственного совета законодательных их предположений, письменных сношений с другими, так называемыми заинтересованными ведомствами, что, кстати сказать, до чрезвычайности тормозило развитие нашего законодательства. Заключение комиссии Платонова получили силу закона Высочайше утвержденным 19 апреля мнением Государственного совета.

Нельзя, однако, утверждать, что произведенная по инициативе Плеве децентрализация имела сколько-нибудь существенное значение. Фактически центральные ведомства были освобождены от решения тех вопросов, которых они и ранее не разрешали по существу, ограничиваясь почти автоматическим утверждением предположений местных властей. Словом, в результате было достигнуто некоторое уменьшение бесплодной канцелярской переписки и, быть может, ускорение окончательного разрешения некоторых дел, но степень действительной зависимости провинции от центра осталась прежней. Для достижения последнего необходим был смелый, истинно

209 Комиссия по децентрализации под председательством В.К.Плеве была создана в январе 1903 г. для подготовки реформы местного управления. С.Ф.Платонов председательствовал в Особом совещании, образованном 14 августа 1903 г. для рассмотрения подготовленных министерствами предложений о передаче дел из центральных учреждений в местные. Результаты этой работы нашли отражение в законе 19 апреля 1904 г. «Об изменении порядка разрешения некоторых дел, восходящих ныне на усмотрение государя императора, а также разрешаемых в центральных и высших правительственных установлениях» (ПСЗ № 24381).

реформаторский размах, но им ни бюрократический Петербург, ни Плеве, в частности, не обладали.

Была задумана Плеве и другая реформа, тоже бюрократического свойства, но могущая иметь довольно существенное значение, а именно преобразование большинства департаментов самого Министерства внутренних дел, при одновременном их объединении, в несколько главных управлений<sup>210</sup>. Мера эта имела в виду освободить начальника ведомства от рассмотрения и разрешения преобладающего большинства не только текущих дел, но даже очередных, преимущественно технического свойства, законодательных предположений. В соответствии с этим Плеве предполагал предоставить начальникам главных управлений право не только самостоятельного сношения с начальниками других ведомств, но и внесения законопроектов в Государственный совет и защиты их там от своего имени. Исходил при этом Плеве из того неоспоримого положения, что фактически все равно все подобные дела решались директорами департаментов, а красовавшаяся под соответствующими сношениями и представлениями подпись министра ставилась им без чтения их. Правда, что некоторые, формально наиболее добросовестные министры считали своим долгом все же читать все представляемые им к подписи бумаги, но от этого существо дела не менялось. Так, Плеве рассказывал, что ему случалось заставить И.Н.Дурново в бытность последнего министром внутренних дел, с глазами, выступившими на лоб от чтения до одури объемистых представ-

210\* Здесь Гурко ошибается. За время министерства Плеве в составе МВД было создано одно Главное управление - по делам местного хозяйства, при одновременном упразднении Хозяйственного департамента. Главные управления по делам печати, а также почт и телеграфов, были созданы ранее.

лений в Государственный совет, причем он, однако, не только не делал в них ни малейших изменений, но делать их и не мог, так как представления эти доставлялись к подписи министра уже в печатном виде. Равным образом и защиту законопроектов перед Государственным советом было, безусловно, целесообразнее возложить на тех же, переименованных в начальников главных управлений директоров департаментов, нежели на самого министра, лишь редко являвшегося в Государственный совет и возлагавшего эту обязанность на одного из своих товарищей, хотя бы он не принимал никакого участия в их составлении.

Освободить министра внутренних дел от всех сколько-нибудь второстепенных дел было, во всяком случае, безусловно, необходимо, так как только при этом условии был бы он в состоянии спокойно и сосредоточенно вдумываться в основные вопросы государственной жизни, иначе говоря, быть не одной из бесчисленных частей правительственного механизма, хотя бы и особой важности, а государственным деятелем в широком смысле этого слова. Эту необходимость сознавали решительно все наши сколько-нибудь выдающиеся министры и выходили из этого положения путем передачи большинства дел в ведение своих товарищей<sup>211</sup>. Плеве, по особым создавшимся условиям, этого сделать не желал. Своих товарищей он наследовал от своего предшественника — Сипягина, причем это были лица, с которыми его лично связывала прежняя совместная служба. Природная его деликатность не в мелочах, а в существенных для людей вопросах, его несомненная доброта мешали ему с ними расстаться. Наоборот, большинство директоров департаментов было им выбрано лично, и он на них полагался в значительно большей степени. Центр тяжести в

211\* У министра внутренних дел в эпоху Плеве было три товарища.

разрешении всех существенных вопросов, таким образом, естественно перешел к управляющим департаментами. Их он и намеревался превратить из фактических в юридических вершителей этих вопросов. Впрочем, впоследствии преобразованием министра внутренних дел в верховного руководителя ряда главных управлений Плеве имел в виду достигнуть и иной, более важной цели, о которой подробнее будет сказано впоследствии, а именно — постепенного превращения министра внутренних дел если не формально, то, по крайней мере, фактически в руководителя всей правительственной политики. Несомненно, однако, что эта отдаленная цель зародилась у Плеве лишь позднее и что первоначально он стремился лишь к улучшению общей постановки дела в министерстве, в особенности же к предоставлению себе большего досуга для обдумывания вопросов общего значения. Говоря об этом, он между прочим однажды сказал, что во время его поездки с всеподданнейшим докладом в Ливадию, где пребывала в то время царская семья, государь ему сказал, что он особенно дорожит временем пребывания вдали от столицы, так как, не имея здесь ежедневных докладов и приема множества представляющихся лиц, он может отрешиться от мыслей и забот о делах текущих и глубже вникать в вопросы общегосударственного значения.



## Глава 2. Крестьянский вопрос<sup>212</sup>

Третья задача, которую наметил Плеве при вступлении в управление Министерством внутренних дел, — реформа крестьянского законодательства — осталась тоже невыполненной, но производившиеся при нем работы по этому вопросу не были бесплодны. Именно они дали толчок разрешению вопроса о крестьянской земельной общине и легли в основу разрубившего этот вопрос Высочайшего указа 9 ноября 1906 г.

Вопрос о пересмотре узаконений о крестьянах возник в Министерстве внутренних дел еще в царствование Александра III, но дальше некоторого предварительного опроса местных учреждений, произведенного еще в 1895 г. через особые губернские совещания, и печатной сводки последовавших отзывов не продвигался. Двинуть этот вопрос, хотя бы формально, но все же более решительно, выпало на долю Д.С.Сипягина. По его предложению 1 января 1902 г. последовал высочайший указ, коим на министра внутренних дел был возложен пересмотр узаконений о крестьянах «для их согласования с действительными потребностями жизни и пользами государства». Этой ничего не говорящей фразой, напоминающей известные резолюции китайских властей, предписывающие «соответственной власти принять надлежащие меры», ограничивались все указания на основной характер предстоящего пересмотра крестьянского законодательства. В каком направлении предполагал произвести этот пересмотр Сипягин, мне неизвестно,

212 Приступая к изложению хода работ по пересмотру узаконений о крестьянах, я должен оговориться, что вынужден здесь отступить от принятого мною до сих пор способа изложения моих очерков, а именно от полного неупоминания о самом себе. Я слишком близко и тесно был связан с этим делом, чтобы иметь возможность неизменно придерживаться безличного его изложения. Сделанная мною в этом отношении попытка — осталась бесплодной. (Прим. автора)

да, вероятно, он и сам этого сколько-нибудь точно не выяснил. Одно лишь несомненно, а именно, что никаких радикальных изменений в строе крестьянской жизни произвести не предполагалось, причем вся реформа, если только ее можно назвать таковой, должна была быть осуществлена в строго консервативном духе, о чем можно судить как по общему облику самого Сипягина, так в особенности по тому, что руководителем всего дела должен был быть приглашенный Сипягиным к себе в товарищи А.С.Стишинский.

Во всяком случае, ко времени назначения Плеве, т.е. к маю 1902 г., вся подготовка Министерства внутренних дел сводилась преимущественно к переписке с Министерством финансов об отпуске потребных для сего сумм, причем они исчислялись в весьма значительном размере, если память мне не изменяет — в 120 тысяч рублей, подлежащих ежегодному ассигнованию в течение пяти лет, предположительного срока окончания этой работы. Министерство финансов находило эту сумму чрезмерной, и с ним Министерство внутренних дел вело оживленный и усиленный торг. Был, правда, составлен в земском отделе проект положения о мирских сборах, но лишь в сыром виде.

В каком направлении поведет эту работу Плеве, едва ли кто-нибудь знал. В крестьянском вопросе, как известно, политические течения переплелись. Часть крайних правых создала себе из земельной общины не меньший фетиш, нежели она представляла для определенно революционных народнических течений, хотя, разумеется, на иных основаниях, точно так же часть социалистически настроенной интеллигенции отставала особый сословный крестьянский суд и крестьянское обособленное сословное самоуправление с не меньшим пылом, нежели большинство ультраконсерваторов.

Подобно остальным не знал, разумеется, и я, какое положение займет Плеве в этом Imbroglione<sup>213</sup>, но в одном я был уверен, а именно, что в том или ином направлении, но Плеве приложит все усилия к хотя бы формальному исполнению порученной министру внутренних дел работы. Принять возможно близкое участие в этой работе мне хотелось чрезвычайно. Начав свою службу в крестьянских учреждениях губерний Царства Польского, знакомый до известной степени с великорусским крестьянским бытом в качестве сельского хозяина, с детства постоянный — в летние месяцы — деревенский житель, я уже давно пришел к убеждению, что непреодолимым и грозным тормозом нормального развития сельских народных масс и тем самым всего государства является несомненный пережиток старины — земельная община. Приблизиться так или иначе, ввиду этого, к пересмотру крестьянского законодательства, с тем чтобы по возможности двинуть этот пересмотр в направлении скорейшего упразднения общины, было в то время моей неотвязной мечтой. Судьба мне в этом отношении улыбнулась: одним из первых лиц, удаленных Плеве с ответственных должностей в центральном управлении Министерства внутренних дел, был управляющий земским отделом — Савич. Между тем именно в этом отделе, вопреки своему названию ничего общего с земством не имеющем, а ведающем всем обширным крестьянским делом, должна была производиться работа по пересмотру узаконений о крестьянах. Я решился воспользоваться этим обстоятельством и обратился с письмом к Плеве, в котором заявил о моем страстном желании занять означенную вакантную должность.

Шаг этот был совершенно необычайный и абсолютно не принятый. Хлопотали о назначении на ту или иную должность, разумеется, многие, но делалось это неизменно через третьих

213 Путаница, затруднительное положение (ит.)

лиц, либо влиятельных, либо состоящих в личных близких отношениях с тем, от кого зависело желаемое назначение. Но лично, да еще в письменной форме, просить о назначении на ответственную должность, насколько я знаю, никто не решался. Прибавлю, что Плеве знал меня только по службе в Государственной канцелярии, где я занимал должность помощника статс-секретаря, причем и служебные мои отношения или сношения с ним были чрезвычайно редки и ограничились преимущественно составлением для него, когда он был назначен статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского, нескольких писем на французском языке к представителям наименее враждебной русскому владычеству старофинской политической партии. В письмах этих Плеве стремился установить с этой партией, в лице ее главарей, дружеские отношения и определить ту политическую линию, на которой можно было бы взаимно сойтись.

Поступок мой, вероятно, удивил Плеве, но в конечном счете увенчался успехом. Любезной запиской Плеве пригласил меня к себе переговорить по поводу полученного им от меня письма и при этом свидании без обиняков объяснил, что кандидата у него на должность управляющего земским отделом пока нет, но что назначение это он должен произвести с крайней осмотрительностью ввиду того, что оно сводится к выбору лица, на котором фактически будет лежать обязанность произвести при помощи соответствующих сотрудников предположенный пересмотр узаконений о крестьянах, причем работе этой не только он, Плеве, но и государь придают огромное значение.

«Все, что я могу вам предложить, — сказал Плеве, — это воспользоваться предстоящим четырехмесячным каникулярным временем Государственной канцелярии и составить за этот срок, при участии некоторых чинов земского отдела, проект нового положения крестьянского общественного управления».

В случае моего согласия Плеве сказал, что пригласит меня в один из ближайших дней на имеющее быть под его председательством заседание для рассмотрения выработанного еще при Сипягине в земском отделе проекта нового положения о мирских крестьянских сборах.

Характерно, что при этом ни сам Плеве не высказал тех основных положений, на основании которых предположено произвести переработку узаконений о крестьянах и, в частности, положения об их общественном управлении, ни меня не спросил, каковы мои мысли по этому предмету. Со своей стороны, не коснулся этого вопроса и я, на что, впрочем, считал, что имею некоторое право. Действительно, как раз к этому времени закончились в «Новом времени» мои статьи, печатавшиеся в течение зимы 1902—1903 гг. под заглавием «Земледелие и заработки»<sup>214</sup>, в которых я указывал, что, сколь само по себе ни важно распространение в крестьянской среде просвещения, все же применение на практике крестьянами приобретенных ими сельскохозяйственных познаний и навыков до уничтожения общинного владения неэффективно. Община, утверждал я, принуждает своих членов равняться не по уровню знаний и предприимчивости наиболее развитых и энергичных своих членов, а, наоборот, поневоле остается в области земледелия на уровне наименее знающих и несмышленных. Сбить железный обруч, которым стянуты русские крестьяне, насильственно закабаленные существующими у нас порядками землепользования, — единственно верный способ поднять их благосостояние — вот чем я закончил упомянутые статьи.

Высказав, таким образом, гласно и притом в наиболее распространенном органе печати, постоянным читателем

214 Это было в 1901 г. См.: Гурко В. Земледелие и заработки // Новое время. 1901. 21—27, 29 ноября, 1, 12 декабря.

которого был, несомненно, и Плеве, мой взгляд на основной вопрос всего крестьянского быта, я мог предполагать, что взгляд этот ему известен, и посему настаивать на нем не имел основания. Впоследствии оказалось, что это было не так.

Как бы то ни было, я, разумеется, согласился на предложение Плеве и затем поспешил ознакомиться в земском отделе с выработанным проектом. При этом из разговоров с чинами земского отдела выяснились два обстоятельства: во-первых, что сословное крестьянское общественное управление признано подлежащим сохранению и что об образовании всеобщей волости, иначе говоря, мелкой земской единицы, речи быть не должно, а во-вторых, что едва ли не главной причиной признания необходимости пересмотра крестьянских узаконений было желание Витте по возможности сократить общий размер сельских сборов, отвлекающих часть крестьянских средств из касс государственного казначейства, куда они должны были бы поступить в виде окладных сборов и выкупных платежей, по коим за крестьянами числились все возрастающие недоимки. Та же мысль руководила Витте, когда он проводил в 1901 г. при помощи Сипягина закон о предельности земского обложения. В этих же видах он убедил Сипягина приступить к пересмотру крестьянских законоположений. В полном соответствии с этим в Министерстве внутренних дел в первую очередь была поставлена разработка нового положения о мирских крестьянских сборах, даже вне всякой связи с общим планом перестроения крестьянского общественного управления, который никем, впрочем, не составлялся и не обдумывался.

Вскоре затем последовало и само рассмотрение проекта земского отдела под председательством Плеве при участии двух товарищей министра внутренних дел, А.С.Стишинского и П.Н.Дурново, а также двух помощников управляющего земским отделом, Я.Я.Литвинова и Г.В.Глинки. В этом заседании мне ничего не стоило разбить рассматриваемый проект и

одновременно в кратких чертах указать, что вопрос о мирских сельских сборах не может быть вообще сколько-нибудь правильно разрешен до отделения сельского общества, ведающего определенные хозяйственно- административные дела общего значения, от земельной общины, являющейся чисто экономическим союзом или, вернее, просто собранием совладельцев определенного земельного имущества. Отделение это, говорил я, тем более необходимо, что в действительности сельские общества часто не совпадают по их составу с земельными общинами: одни из них состоят из нескольких отдельных земельных общин, другие, наоборот, заключают лишь часть членов какой-либо одной земельной общины. Особенно часто встречаются у нас крупные, так называемые разнопоместные селения, т.е. принадлежавшие до освобождения крестьян нескольким владельцам и потому состоящие из нескольких отдельных земельных общин и имеющие столько же отдельных сельских сходов, сколько общин они заключают. Вследствие этого дела, касающиеся всего селения, взятого в совокупности, не имеют органа для своего разрешения.

На мою критику с большим волнением отвечал Литвинов, оказавшийся, чего я не знал, автором проекта, втайне, по видимому, надеявшийся быть самому назначенным управляющим земским отделом. К несчастью для себя, Литвинов, не отличавшийся вообще красноречием, был, кроме того, заикой, причем, как это бывает с заиками, при волнении всегда заикался больше обыкновенного. Понятно, что при таких условиях его защита проекта не могла отличаться ни живостью, ни убедительностью, а лишь вызывала у Плеве его обычную сардоническую улыбку. Говорил затем, разумеется, Стишинский, причем не столько защищал разбиравшийся проект, сколько старался выгородить и защитить своего сотрудника Литвинова.

Будучи, несомненно, знатоком действующих узаконений о крестьянах, Стишинский не мог, однако, не признать пра-

вильности моего заявления о несовпадении сельских обществ сословно-административной самоуправляющейся общины, обладающей, следовательно, публично правовым характером, с земельной общиной — единицей чисто хозяйственной, частнопрового свойства, но при этом указал, что на практике это различие значения не имеет, что крестьяне к нему с давних пор привыкли, причем легко разбираются в характере подведомственных сельскому сходу дел, образовывая при встречающейся надобности либо частные сходы, состоящие из одних членов земельной общины, для разрешения вопросов, касающихся лишь последней, либо соединенные сельские сходы для рассмотрения дел, интересующих все разбитое на отдельные сельские общества, но составляющее одно целое селение.

Стишинский, верный себе, отстаивал, таким образом, действующий закон, признавая, однако, поневоле его по меньшей мере формальную несообразность. Признаюсь, не без трепета ожидал я, к какому решению придет Плеве: от этого решения зависела, несомненно, и моя судьба, но зависело, кроме того, и направление, по которому пойдет пересмотр положения о крестьянах. Действительно, намеченный мною план состоял в том, чтобы выработать такой проект нового положения о крестьянском общественном самоуправлении, который можно было бы путем самого незначительного изменения и дополнения превратить в положение о всеобщем сельском обществе и волости. Но для этого необходимо было прежде всего формально выделить в отдельный институт гражданского права земельную общину по необходимости, по своему составу строго сословную, ввиду почитавшегося священным и неприкосновенным законом о неотчуждаемости надельных земель в руки лиц иных, кроме крестьянского, сословий. Коль скоро это было бы достигнуто, достаточно было ввести всех владельцев входящих в состав ее территории недвижимых имуществ, чтобы получилась волость всеобщая



словная, т.е. мелкая земская единица, которую я гораздо позднее, а именно весной 1914 г., тщетно старался отстоять в Государственном совете от натиска правого крыла верхней законодательной палаты: выработанный в то время Министерством внутренних дел проект образования этой низшей все-сословной самоуправляющейся ячейки, принятый Государственной думой и защищаемый, правда довольно вяло, правительством, был Государственным советом, как известно, отвергнут<sup>215</sup>.

В 1902 г. мой расчет был основан на том, что выработанные Министерством внутренних дел проекты новых положений о крестьянах должны были быть переданы ранее их представления на законодательное утверждение на обсуждение на места при ближайшем участии местных деятелей. Вот на них-то я и полагался, уверенный, что они внесут в выработанные министерством проекты те небольшие по форме, но весьма значительные по существу изменения, которые приведут к осуществлению издавна горячо проповедуемой ими мысли о необходимости разрушения той, установленной законом, непроницаемой перегородки, которая отделяла крестьян от лиц всех остальных живущих на земле сословий и тем образовала из них отдельную замкнутую касту. Само собой разумеется, что по господствовавшим в то время в правительственных кругах убеждениям, разделявшимся, как я это узнал,

215\* Проект «Положения о волостном управлении» был внесен правительством еще во II Думу в феврале 1907 года, получил одобрение Думы в мае 1911, до мая 1914 находился в Государственном совете без движения, а затем рассматривался особой комиссией; в мае 1914 был отклонен (77 голосов против 73) в целом, не переходя к постатейному обсуждению. (Текст законопроекта и историю его обсуждения законодательными учреждениями см.: П.А.Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2011. Том 1, стр. 88).

и Плеве, провести этот контрабандный товар можно было лишь с крайней осмотрительностью и под весьма консервативным флагом, но мне все же казалось, что при скольконибудь изменившихся условиях мои предположения могут осуществиться без особых затруднений. Надо было лишь с места поставить весь пересмотр положения о крестьянском общественном управлении на такие рельсы, которые в конечном результате неминуемо привели бы к преследуемой цели. Отделение сельского общества от земельной общины такими рельсами, несомненно, и было. Понятно поэтому, с каким нетерпением ожидал я, как выскажется по этому вопросу Плеве, мнение которого в ту минуту было решающим.

В этом отношении мне помог небольшой инцидент, возникший еще до того, как Плеве высказал свое решение, и ярко обнаруживший, на сколько сам он был мало знаком с условиями крестьянского быта, причем не большую осведомленность в этом отношении выказали и чины земского отдела со Стишинским во главе.

Дело в том, что при моих дальнейших объяснениях и контрвозражениях я, между прочим, указал, что между общинным и подворным крестьянским землепользованием, в особенности по отношению к общинам, фактически не производящим переделов общинной земли, существенной разницы нет. Разница эта сводится к тому, что общинник лишен права продажи состоящего в его пользовании земельного надела, тогда как владелец подворного участка надельной земли правом этим обладает. При этом в местностях, где общинное и подворное землевладение соприкасаются на практике, в давно не переделывавшихся общинах происходит и продажа надельных участков, однако преимущественно односельчанам.

На это мое заявление Плеве с удивлением заметил: «Вы уверены в этом?» — и при этом обернулся к Стишинскому, который, однако, ограничился указанием, что продажа общинных участков совершенно незаконна и что если бы подоб-

ная сделка дошла до Сената, то она была бы, несомненно, отменена. Вынужденный войти в более подробное разъяснение вопроса, я, не отрицая справедливости заявления Стишинского, сказал, что суть дела в том, что как при общинной, так и подворной форме землепользования крестьянин не имеет права вполне свободно использовать в хозяйственном отношении состоящие в его владении полевые участки земли. В обоих случаях ему не принадлежит право огораживания этих участков, так как при подворном землепользовании они точно так же не сведены к одному месту и представляют отдельные, часто весьма узкие, полосы, расположенные в разных полях, из которых каждое в своей совокупности заключает земли всех членов общины и превращается при состоянии земли под паром, а также по снятию урожая в общее пастбище, на котором пасется скот всего селения. Обстоятельство это стесняет владельцев подворных участков в деле свободного использования ими своих полевых земель не в меньшей степени, нежели общинников. Обе эти категории крестьян вынуждены поэтому одинаково следовать принятому общиной севообороту, т.е. одновременно оставлять свои участки под паром и возделывать однородные хлебные злаки, т.е. такие, которые созревают приблизительно к одному сроку, чтобы не задерживать времени поступления всего поля по снятию с него урожая под пастбище скота.

Мои объяснения, сопровождаемые указанием, что порядок этот существовал некогда во всей Западной Европе, причем в отдельных местностях сохранился до наших дней и носит на немецком языке специальное название *Flurzwang*<sup>216</sup>, по-видимому, не только убедили Плеве в верности моих слов, но еще дали ему едва ли не преувеличенное представление о

216 Обязательное соблюдение сроков сева и уборки урожая (нем.).

моем знании крестьянских порядков и быта<sup>217</sup>. Во всяком случае, он тотчас же после этого инцидента объявил присутствующим, что поручает мне составление проекта положения крестьянского общественного управления, и притом на тех главных основаниях, которые я изложил. Одновременно он сказал Литвинову и Глинке, что просит их принять участие в моей работе.

Условившись тут же с этими двумя лицами, что мы будем собираться по вечерам для совместного исполнения порученного нам дела, я со следующего же дня приступил к этой работе. Должен сказать, что поначалу я встретил со стороны моих сотрудников несколько холодное, а в особенности — скептическое отношение, открыто проявившееся, когда я заявил, что рассчитываю окончить работу в двухнедельный срок, после чего намерен уехать к себе в деревню и там составить объяснительную записку к совместно нами выработанному проекту. Для них, сравнительно недавно служивших в центральном учреждении министерства, — оба они были перед тем непременно членами<sup>218</sup> губернских присутствий (Литвинов — симбирского, а Глинка — смоленского), всякая законодательная работа представлялась чем-то весьма слож-

217\* Гурко излагает Плеве элементарнейшие сведения, известные в тот момент любому крестьянину и любому сельскому хозяину; этого, однако же, оказывается достаточно для создания впечатления глубокого знатока крестьянских обычаев.

218\* Так назывались члены некоторых присутствий (то есть административных комиссий), единственной служебной обязанностью которых была подготовка дел для заседания комиссии и участие в ее работе, в то время как все остальные члены комиссии имели еще и иную, основную должность. Как правило, непременные члены знали дела комиссии и законодательство, относящееся к ее деятельности, значительно лучше остальных членов, имеющих еще и иные обязанности.

ным и трудным. Я же, прослужив пять лет в Государственной канцелярии, вполне усвоил навык к подобной работе. Кроме того, в них еще чувствовалось то, свойственное местным людям, ироническое отношение к петербургским чиновникам, о котором я упоминал выше, во мне же, как в чиновнике Государственной канцелярии — этого, по их представлению, ультрабюрократического учреждения, они ожидали увидеть едва ли не квинтэссенцию формального отношения к делу и вообще человека, способного с легким сердцем на бумаге одним росчерком пера ломать весь уклад народной жизни, совершенно не давая себе отчета о тех последствиях, к которым приведет такая ломка на местах, и даже не интересуясь ими.

По принятому нами порядку занятия наши шли таким образом. Мы приурочивали наши суждения к отдельным частям и статьям действующего положения о крестьянском общественном управлении, новое издание которого (Особое приложение к IX тому Свода законов), кодифицированное с последовавшими до самого последнего времени изменениями и дополнениями, было только что издано Государственной канцелярией, и затем условливались о тех новшествах, которые в них надлежит ввести. В основу нашей работы мы положили те основные мысли, которые были мною изложены на собрании у Плеве и им одобрены. В течение следующего дня я излагал принятые нами правила на письме, которые мы вечером вновь обсуждали уже в качестве отдельных статей разрабатываемого проекта.

Работа наша шла очень быстро, и мои сотрудники с первых же дней убедились, что нам не потребуется и двух недель для ее окончания; одновременно изменилось и их отношение ко мне, причем они, вероятно, начали подозревать, что я скоро превращусь в их постоянного старшего сотрудника.

Закончив совместное составление проекта, я, как предполагал, уехал к себе в имение, расположенное под самой Тве-

рию<sup>219</sup>, причем предварительно просил Плеве предоставить мне возможность ознакомиться с деятельностью волостных правлений путем обозрения этой деятельности в некоторых различных по характеру волостях Тверской губернии, на что он, конечно, охотно согласился. Ознакомление это потребовало довольно продолжительного времени, причем, кстати сказать, вызвало явное неудовольствие тверского губернатора кн. Н.Д.Голицына (впоследствии — последнего до революции председателя Совета министров). Как я его ни убеждал, что знакомлюсь с деятельностью волостных правлений не в ревизионных целях, а лишь для ближайшего ознакомления с кругом подведомственных этим правлениям дел, что необходимо для исполнения порученной мне законодательной работы, он все же заявил, что не может меня допустить до этого дела без того, чтобы не присутствовал при этом один из непременных членов губернского присутствия. Делать было нечего, пришлось покориться и таскать за собой человека, решительно не знавшего, что делать, пока я вел длительные разговоры с волостным старшиной и писарем и знакомился с невероятно разнообразным кругом дел волостных правлений, из коих огромное, преобладающее большинство никакого отношения к крестьянскому общественному управлению не имело, а было определено общеадминистративного характера.

Несколько дополнив и изменив в соответствии с добытыми сведениями выработанный проект, я приступил к составлению объяснительной записки к нему. Не желая тратить лишнего времени, я ограничился изложением существа дела с полным пренебрежением принятых для законодательных представлений форм, из-за которых подобные записки пред-

219\* Имение Сахарово, Тверского уезда, расположенное в 7 километрах от Твери. Имение перешло к автору по наследству от отца, фельдмаршала И.В.Гурко, умершего в 1901 году.

ставляли обширные фолианты, заключающие изложение хода самого возникновения вопроса, представляемого на законодательное разрешение, а также действующего по нему порядка и, наконец, подробную мотивировку предположенных законодательных новелл<sup>220</sup> с пространными постатейными объяснениями всех заключающихся в проекте правил. Не желая, однако, нарушать принятых форм, я озаглавил мою работу «Извлечение из объяснительной записки к проекту нового положения о крестьянском общественном управлении». Обстоятельство это привело впоследствии к забавным недоразумениям. Интересовавшиеся крестьянским вопросом, раздобыв тем или иным путем экземпляр моей записки (отпечатанной, но никем не подписанной), усиленно разыскивали ту несуществующую записку, из которой они будто бы имели лишь извлечение. Благодаря принятому способу, вся работа была закончена в короткий срок: в начале августа я мог ее представить в печатном виде Плеве, который для ее обсуждения не замедлил созвать тех же лиц, которые участвовали в первом собранном им в начале июня совещании.

Вновь, не без тревоги, ожидал я этого обсуждения, так как в проект были введены некоторые новшества, не вполне приемлемые такими упорными сторонниками всего установленного, как Стишинский. На основании проекта волость признавалась за сплошную территорию, в которую входили земли, как принадлежащие крестьянам, так и лицам иных сословий. Наряду с этим преобразовывался и волостной сход в значительно менее многолюдное собрание, нежели это было установлено по действующему закону; предусматривалось при

220 Новелла (от лат. *novellae*), первоначально — название новых законов, издаваемых императорами в дополнение и замену постановлений кодекса Юстиниана (529— 534 гг.); позднее — любое законодательное новшество.

этом объединение мелких волостей в более крупные, что давало возможность преобразовать само волостное правление в коллегиальное собрание, председателем которого состоял волостной старшина, что также облегчало преобразование волости в мелкую земскую единицу. Определялись минимальные размеры содержания волостного старшины, причем значительно уменьшалась дискреционная власть<sup>221</sup> земского начальника, лишавшегося, между прочим, права подвергать старшину аресту. Все это, разумеется, были лишь робкие шаги и паллиативные меры прежде всего потому, что немислимо было распространить взимание волостных сборов на включаемые в состав волости некрестьянские земли, так как владельцы их не вводились в состав волостного общества, ограничивающегося лицами так называемых бывших податных сословий. Но сам факт возложения всех расходов по содержанию волостного правления на одних крестьян, хотя правление это должно было иметь дело и обслуживать потребности всех лиц, проживающих в пределах волости, независимо от их сословной принадлежности, еще ярче выявлял всю несообразность сохранения за этой территориальной единицей узкосословного крестьянского характера. При дальнейшем рассмотрении проекта обстоятельство это должно было, казалось мне, привлечь внимание сторонников всесословной волости, а таковых в правительственных сферах, в особенности среди членов Государственного совета, было немало, и дать им возможность с большим успехом отстоять свою точку зрения.

Независимо от этого в проект было введено правило, согласно которому крестьяне, получившие среднее образование,

221 Дискреционная власть (от фр. *discretionnaire* — зависящий от личного усмотрения) — предоставленное должностному лицу право в определенных условиях действовать по собственному усмотрению.



а равно получившие звание почетного гражданина<sup>222</sup>, не исключались, как это устанавливал действующий закон, из состава земельных общин с утратой ими прав на общинную надельную землю, а продолжали состоять их членами. По тому времени это было значительное новшество, так как пробивало брешь в крестьянском мире, забронированном от проникновения в его среду посторонних элементов. Не следует забывать, что в то время все еще исходили из предположения, что крестьянский мир представляет вполне однородную массу, внедрение в которую лиц других сословий, иного образования и иных понятий может иметь растлевающее на него влияние. Замечательно, что взгляд этот разделялся обоими крайними флангами общественности. Его почти в одинаковой мере поддерживали как крайние консерваторы, так и социалистически мыслящая интеллигенция. Так, «Русское богатство», журнал определенно марксистского направления, устами своих сотрудников еще в 1905 г. утверждал, что «у крестьян общие чувства, общее движение, нет дифференциации».<sup>223</sup> Со своей стороны, революционная группа «Освобождение тру-

222\* Звание можно было получить не только по образованию или по долговременному состоянию в купечестве (эти пути уже подразумевали выход из крестьянского сословия), но и в виде награды за общественнополезную деятельность, например, за многолетнюю службу церковным старостой, устройство начальных школ и т.п.

223 «Русское богатство: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал» (СПб., 1876—1918) с 1880 г. издавался артелью писателей-народников и последовательно отстаивал народнические (а отнюдь не марксистские) взгляды, для которых характерно отрицание социального расслоения в крестьянской среде. Какую именно статью цитирует Гурко, установить не удалось.

да»<sup>224</sup> в изданном ею проекте программы русских социал-демократов, говоря о том, что в России элементом социального движения может быть лишь рабочий пролетариат, утверждала, что «община, связывая своих членов-крестьян только со своими интересами, препятствует их политическому и умственному развитию».<sup>225</sup> Немудрено, следовательно, что взгляд этот разделялся правительством, полагавшим, что при объединении крестьян с лицами других сословий, хотя бы на почве совместного обсуждения общих хозяйственных интересов, будет нарушена цельность крестьянского мировоззрения и в крестьянскую среду значительно легче проникнет все шире развивавшаяся и, несомненно, тлетворная революционная пропаганда.

Нужно ли говорить, что взгляд этот был глубоко ошибочен, что уже в начале нынешнего века крестьянство утратило свои примитивные взгляды и далеко не представляло однооб-

224 Группа «Освобождение труда», первая российская социал-демократическая организация (Г.В.Плеханов, П.Б.Аксельрод, Л.Г.Дейч, В.И.Засулич, В.Н.Игнатов) была основана в Женеве в 1883 г. и занималась пропагандой марксизма, участвовала в создании газеты «Искра» и подготовке II съезда РСДРП, на котором в 1903 г. самораспустилась.

225 Гурко неточно цитирует «Проект программы русских социал-демократов», составленный Г.В.Плехановым в 1887 г.: «Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций» (Плеханов Г.В. Сочинения. Л.; М., 1925. Т. 2. С. 401).

разной, одинаково чувствующей и мыслящей массы. Крестьянство, значительная часть которого уже более тридцати лет проходила многолетнюю<sup>226</sup> военную службу, крестьянство, которое с каждым годом расширяло район, в пределах которого оно искало и находило разнообразные отхожие заработки, крестьянство, во многих местах фактически сливавшееся с фабричным людом, уже давно расслоилось и заключало в своей среде элементы весьма разнообразные. Искусственное отгораживание крестьян на местах их постоянного жительства от других элементов сельской жизни в порядке общественного управления отнюдь не препятствовало ни распространению в их среде, ни восприятию ими революционной пропаганды, но зато препятствовало их объединению в общем деле с представителями культурных сословий, единению, безусловно благотворному, чему наглядным примером и доказательством служила совместная работа землевладельческого элемента с крестьянским в уездных земских собраниях. Здесь крестьяне воочию и на деле убеждались, насколько представленный в земстве поместный элемент заботился об интересах народной массы. Ведь надо же наконец признать, что русское земство, *horribile dictu*, дворянское и землевладельческое, все свои начинания направляло исключительно в пользу крестьян, само же несло лишь земское обложение и решительно никакой личной пользы из земской работы не извлекало. Народное образование, медицина, страхование от огня, принявшие в последние годы перед революцией столь широкий размах агрономические меры — все это было рассчитано исключительно на удовлетворение нужд крестьянского населения и на условиях быта землевладельцев вовсе не отражалось. Единственно, что могло существенно интересовать землевладельцев, — проведение дорог и устройство мостов — за отсутствием достаточных

226\* На описываемый момент - пятилетнюю.

средств, как известно, находилось в самом зачаточном состоянии и начало развиваться только в самое последнее время и то лишь в единичных земствах.

Опасались проникновения в крестьянскую среду революционного полуинтеллигента, но он туда проникал беспрепятственно, хотя бы и в виде наводнявших деревню бесчисленных земских статистиков, производивших решительно никому не нужные оценочные работы<sup>227</sup>, а фактически отрезали от населения наиболее культурный и в существе своем консервативный слой.

Не подлежит сомнению, что правительство с самого освобождения крестьян, т.е. с начала 60-х годов прошлого века, находилось в очень трудном положении. В эпоху великих реформ Александра II оно горячо и искренне стремилось к развитию самостоятельности в народных массах и к их просвещению и развитию. Но на первых же шагах в этом направлении оно столкнулось с революционным движением, стремившимся использовать все принимаемые меры в своих революционных целях. Достаточно припомнить в этом отношении те воскресные школы, учреждение которых в Петербурге правительство всецело поощряло в 60-х годах, и как ими завладели революционные элементы анархического направления мысли вроде Кропоткина<sup>228</sup> для превращения их в центры пропаганды

227\* Речь идет об оценке стоимости либо доходности земель и недвижимости, служившей базой для исчисления оценочного сбора, основного сбора в пользу земств.

228 Правительство поначалу действительно поощряло развитие воскресных школ, получивших широкое распространение с 1858 г., главным образом в Петербурге, Москве, Киеве, Могилеве и Одессе. 21 сентября 1860 г. министр народного просвещения «в видах содействия этому полезному делу» распорядился предоставлять для открытия воскресных школ помещения ка-

своих учений, в их творческом философском основании недоступных пониманию масс, но вполне понятных в их разрушительной части. Правительство имело право или, вернее, обязано было охранять государство от людей, стремившихся разрушить самые его основания, и поэтому не могло не препятствовать их деятельности. Вина русских революционных групп вовсе не ограничивается тем непосредственным неисчислимым вредом, который они принесли русскому народу своей совершенно не отвечающей уровню его умственного развития пропагандой социального и имущественного равенства, превращавшейся в упрощенном понимании массы в призыв к насильственному отобранию чужого имущества. Вина этих элементов, едва ли не самая тяжелая, заключается еще в том, что она препятствовала правительству во всех его начинаниях в деле развития народного просвещения. Лозунг «грабь награбленное» возник вовсе не в момент появления на сцене в качестве деятельной силы большевиков. Фактически он был заложен в основу учения всех разнообразных революционных кружков и толков. Борьба с этим направлением была неизбежна, и правительство можно упрекнуть не в том, что оно вело эту борьбу, а в том, что оно не только не сумело привлечь к этой борьбе культурный слой, а, наоборот, в известной мере объединило этот слой с явными врагами государства как такового. Эта роковая ошибка не сознавалась мно-

женных училищ. Однако довольно скоро правительство убедилось в неблагонадежности многих активистов движения, и 13 июля 1862 г. последовало высочайшее повеление «немедленно приступить к пересмотру правил о воскресных школах» и «впредь, до преобразования означенных школ на новых основаниях, закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни». Ни сам П.А.Кропоткин, ни его сторонники активно участия в движении воскресных школ не принимали.

гими в правительственной среде вплоть до самого момента революции, что и разделялось в полной мере Плеве. Неудивительно поэтому мои опасения, что даже в той зачаточной форме, в которой проект крестьянского общественного управления заключал попытку объединить крестьянство воедино со всеми слоями сельского населения, он встретит с его стороны решительные возражения. Однако, к вящему моему удивлению, этого не последовало, что, вероятно, зависело в значительной степени от той архиконсервативной мотивировки, которой были сопровождаемы все предположенные новеллы. Правда, Стишинский, как всегда весьма внимательно изучивший обсуждавшийся проект, обратил внимание на сохранение в составе сельских обществ крестьян, автоматически, по полученному ими образовательному цензу, исключавшихся из рядов крестьянского сословия, но возражения его не встретили сочувствия у Плеве, и поэтому он на них не настаивал. Мнение начальства для Стишинского было священно.

В результате проект был единогласно присутствующими одобрен и получил санкцию Плеве, который тотчас после заседания сказал мне, что намерен исполнить выраженное мною желание и назначить меня управляющим земским отделом с возложением на меня всей организации сложной работы по пересмотру крестьянского законодательства; «если на то последует соизволение государя императора», оговорился Плеве, причем прибавил, что Его Величество придает исключительное значение предположенной реформе. Плеве неизменно и щепетильно подчеркивал, что он является лишь проводником и исполнителем царских указаний и иначе как с величайшим почтением о государе, его действиях и словах не упоминал, причем, однако, никогда не прятался за спиной царской власти, чтобы объяснить принимаемые им и не встречавшие общественного сочувствия решения и меры.

Как я уже упоминал, Плеве был, несомненно, добрым человеком, видевшим в своих сотрудниках живых людей, с нуж-

дами которых он всегда считался, — черта, которая отнюдь не была присуща всем нашим сановникам. Проявил он свою, даже исключительную, внимательность и ко мне при объявлении о своем намерении включить меня в состав центрального управления министерства, заявив, что он желает отложить мое назначение до осени, дабы предоставить мне возможность воспользоваться обычным летним отдыхом<sup>229</sup>, что даст мне больше сил для напряженной работы в течение зимы.

Вступив в соответствии с этим в управление земским отделом лишь в самом конце сентября 1902 г., я тотчас занялся подыскиванием лиц, способных быстро и толково, хотя бы с внешней стороны, исполнять работу по редактированию и мотивировке новых проектов положения о крестьянах. При этом я скоро убедился, что мои ближайшие сотрудники по земскому отделу для этого дела малопригодны.

Помощники управляющего отделом, число которых достигало четырех, были люди, достаточно знакомые с законодательной техникой, познания же их в области крестьянского быта были, так сказать, мелочного свойства и ни к каким общим выводам их не приводили. Так, Я.Я.Литвинов, впоследствии заменивший меня в должности управляющего земским отделом, по образованию, кстати сказать, врач, хотя и был мелким землевладельцем Симбирской губернии и последовательно занимал должности земского начальника и непремен-

229\* Характерно, что отпуска для чиновников (и в особенности с сохранением содержания) были по закону не обязательными, а факультативными, и их предоставление зависело исключительно от усмотрения начальства. На практике же условия службы в министерствах улучшились до такой степени, что Гурко уже воспринимает отпуск как нечто непреложное, и даже предоставление его именно летом считает почти что обязательным.

ного члена губернского присутствия, но все же знаком был с крестьянскими распорядками, так сказать, лишь формально, насколько они отражались в разбиравшихся крестьянскими учреждениями делах. Творческой фантазией почтенный Яков Яковлевич не обладал, причем не был одарен и редакторскими способностями. Он был, несомненно, безукоризненно честный человек и чрезвычайно добросовестный работник, но ожидать от него какой бы то ни было смелой инициативы было бы напрасно. Впрочем, смелостью он вообще не отличался и принадлежал к числу добросовестных исполнителей, но отнюдь не людей с ярко определенными собственными взглядами. На Литвинова я мог вполне положиться в отношении ведения текущих дел, что тотчас же использовал, свалив на него почти всю обыденную работу, в полной уверенности, что всякое сколько-нибудь спорное дело он не решит, не переговорив предварительно со мной.

Иным человеком был Г.В.Глинка, впоследствии директор департамента и товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием в бытность таковым Кривошеина. Он был не чета Литвинову. Умный, талантливый, он был однако, скорее способен к административной организационной работе, нежели к работе кабинетной. Ведал он сельской продовольственной частью земского отдела, что поглощало все его время, и по этому одному привлечь его к деятельному участию в пересмотре крестьянского законодательства не было возможности. При этом Глинка, хотя и происходил из Смоленской губернии, был типичный хохол, не лишенный доброй доли хитрости, и отличался в особенности хохлацким упрямством и упорством; заставить его вникнуть в чужие мысли и их сколько-нибудь воспринять было чрезвычайно трудно. Любопытно, что одновременно собственных стойких убеждений он не имел, но зато твердо стоял на тех взглядах, которые в данную минуту разделял. Всего ярче это обнаружилось в вопросе крестьянского землеустройства. Во время революционного



движения 1905 г. он превратился в горячего сторонника принудительного отчуждения частновладельческих земель и, служа в то время в Главном управлении землеустройства и земледелия, поддерживал направленный к осуществлению этой мысли проект Кутлера. Но вот наступила реакция, в ведомстве земледелия водворился Кривошеин, и Глинка изменил свои взгляды, всецело и искренне примкнув к мысли о повышении благосостояния крестьян посредством их переселения на обособленные хутора. Этим, однако, его превращения не кончились. Состоя во время кратковременного нахождения армии генерала Врангеля в Крыму министром земледелия, он составил проект земельного закона, на основании которого все частновладельческие земли переходили к крестьянам той волости, в пределах которой земли эти расположены. Проект этот по существу был верхом несообразности: значение его было чисто политическое, а именно направленное к привлечению симпатий крестьянского населения к Белому движению, но Глинка смотрел на него иначе и, по-видимому, искренне верил, что именно таким путем будет наилучшим образом разрешен весь аграрный вопрос, и поэтому с лихорадочной поспешностью стремился осуществить его на деле. Он даже не собирался пощадить того, что признали нужным сохранить большевики, а именно имение Фальц-Фейна *Ascania Nova*, с его единственным в мире рассадником самых различных диких пород животных, постепенно превращаемых в животных домашних. Впрочем, я должен сказать, что с Глинкой мы вообще как-то не сходились характерами, и хотя и сохраняли дружеские отношения, но взаимно чувствовали, что совместная работа для нас затруднительна. Моя оценка его личности поэтому, быть может, недостаточно объективна.

На должности третьего помощника управляющего отделом я застал некоего Илимова, перешедшего в Министерство внутренних дел из судебного ведомства, человека, определенно тусклого. Он ведал делами крестьянских учреждений

судебного свойства и являлся одновременно как бы юрисконсультотделом, но использовать его в области переустройства волостного суда было немыслимо. Впрочем, Илимов вскоре вернулся в Министерство юстиции, а на его место я выбрал по рекомендации сенатора А.И.Нератова К.К.Стефановича (сына протоиерея Казанского собора), занимавшего должность люблинского, а перед тем — тифлисского вице-губернатора и впоследствии назначенного сенатором. Ко времени его назначения работа по пересмотру узаконений о крестьянах была уже распределена, и потому участия в ней он не принимал, да едва ли и был бы для нее пригоден. Впоследствии он превратился преимущественно в ревизора местных крестьянских учреждений; роль эта ему вполне соответствовала.

Наконец, четвертым помощником управляющего отделом состоял Н.Н.Купреянов — человек очень серьезный и весьма толковый. По своему официальному званию Купреянов был непременным членом присутствия по крестьянским делам Царства Польского, председателем которого, по должности, состоял управляющий земским отделом; присутствие это являлось кассационной инстанцией по отношению к некоторым решениям присутствий по крестьянским делам губерний Царства Польского. Впоследствии Купреянов вплоть до мировой войны занимал должность сувалкского губернатора, откуда и был вытеснен занявшими губернию в феврале 1915 г. германскими войсками. По своим политическим взглядам Купреянов был убежденным консерватором и националистом, но, по иронии судьбы, состоял в близком родстве с наиболее передовыми земцами Костромской губернии, из которой сам происходил. Властный, требовательный по службе, он, к сожалению, отличался тяжелым характером и даже злобностью, вследствие чего был просто ненавидим как своими подчиненными, так и сослуживцами. По своему политическому облику Купреянов был типичным представителем старой русской государственности, сосредоточившей свои заботы и мысли на величии

родины как целого и мало беспокоящейся о степени удовлетворения потребностей народных масс. К вопросам, касающимся русского крестьянского быта, он относился поэтому довольно равнодушно. Крестьянское дело в Царстве Польском он знал превосходно<sup>230</sup>, причем там твердо отстаивал интересы крестьян против интересов землевладельцев, полагая, что это соответствовало русским государственным интересам.

Среди остальных, весьма многочисленных, чинов отдела многие были людьми выдающимися, но, к сожалению, очень мало из них можно было использовать для предстоящей законодательной работы. Так, например, И.М.Страховский, впоследствии вятский, а затем тифлисский губернатор и, наконец, сенатор, был человек высоко и разносторонне образованный и живо интересующийся всяким порученным ему делом, причем был знатоком государственного, а особенно административного права. Его участие в разработке положения о крестьянском общественном управлении было бы драгоценно; к тому же он обладал талантливым пером. Но упомянутое положение было уже выработано еще до моего назначения в министерство, причем Плеве, как я узнал впоследствии, сознательно не ввел его в число моих сотрудников по этой работе. Дело в том, что Страховский был сотрудником журнала «Право» определенно либерального направления, редакция которого составила впоследствии зерно кадетской партии, и на страницах этого журнала отстаивал необходимость слияния крестьян с остальными

230\* Крестьянский строй в губерниях Царства Польского существенно отличался от общероссийского. Крестьяне владели землей исключительно подворно, не платили выкупных платежей, их землевладение часто было отягощено многочисленными сервитутами по отношению к бывшим помещикам, гмина (аналог волости) была всесословной, а гминный суд имел две инстанции и т.п.

ссловиями в порядке управления и суда, а также независимость от администрации земских учреждений. Плеве, какими-то таинственными путями знавший биографии большинства служащих в министерстве, как-то полусутоливо, полусерьезно аттестовал мне его как «гносного либерала», которому, собственно, не место в Министерстве внутренних дел. Обстоятельство это, однако, не помешало тому, что с учреждением в 1903 г. пятой должности помощника управляющего земским отделом мне удалось без труда получить согласие Плеве на назначение на эту должность этого самого Страховского. Упомяну здесь, кстати, что либерализм Страховского не выдержал столкновения с действительностью: на должности вятского губернатора он, отстаивавший права земства, вступил с местным земством в упорную борьбу, а на должности тифлисского губернатора прослыл ярким реакционером.

Неисчерпаемым кладезем познаний в области крестьянского законодательства и аграрного вопроса был в земском отделе Д.И.Пестржецкий, впоследствии читавший курс крестьянского права в Училище правоведения и вследствие этого присвоивший себе после эмиграции из Советской России в Берлин звание профессора, хотя никогда таковым не был, ибо ни малейшей ученой степенью не обладал. Весьма любопытный тип представлял этот человек. Больших познаний в какой-либо определенной области с меньшей способностью разбираться среди них и прийти на их основании к определенному выводу я в жизни моей ни у кого не встречал. Если прибавить, что Пестржецкий отличался, кроме того, необыкновенным самомнением, большим честолюбием и немалым чванством, то станет ясно, что ни к какому творческому делу приспособить его было нельзя. Впрочем, утверждали, что свои имущественные дела он умел вести превосходно, я же знаю лишь то, что, унаследовав от какого-то дяди большое состояние в Полтавской губернии, он кстати и некстати говорил о своем

обширном сельском хозяйстве и как-то противно кичился своим богатством. В земском отделе он ведал делами горнозаводских крестьян, земельное устройство которых не было завершено до самой революции, причем составлял по этим делам обширнейшие рапорты в Сенат<sup>231</sup>. Ввиду их спорности и огромных замешанных в этих делах интересов, они все неизменно доходили до Сената по жалобам на решения губернских присутствий со стороны либо крестьян, либо владельцев горнозаводских имений. Дело о землеустройстве горнозаводских крестьян несомненно требовало коренного разрешения ряда принципиальных вопросов в законодательном порядке. Заняться этим делом мне решительно не было времени, и я поневоле предоставил ему следовать своим прежним ходом, крайне медленным и не всегда согласованным в смысле однородности постановляемых по ним отдельных решений. Я, впрочем, несколько раз пытался разобраться в некоторых

231\* Земельное устройство большей части бывших горнозаводских крестьян к началу 20 столетия не было окончено. Крестьяне (на самом деле являвшиеся рабочими) бесплатно пользовались земельными наделами, предоставляемыми заводчиками, но за это имели обязанность работать на заводе. Заводчик имел ответную обязанность «сохранения заводского действия», то есть был обязан гарантировать занятость и заработную плату. При невозможности сделать это (либо по соглашению сторон) заводовладелец был обязан наделить крестьян землей, после чего взаимно-обязательственные отношения прекращались. На практике наделение землей представляло огромную проблему, так как фактическое землепользование крестьян, нуждавшихся обычно только в покосах (рабочие держали коров, но не нуждались в полях) было меньше того, чем их полагалось наделить. В результате бывшие горнозаводские крестьяне полстолетия оставались в подвешенном положении, а их взаимные с горнозаводчиками претензии только нарастали.

отдельных делах при участии Пестржецкого, знавшего наизусть все касающиеся их узаконения, равно как разъяснения Сената, но никогда не мог добиться определенного ответа на обращенные к нему вопросы. На каждый вопрос он отвечал градом цитат из кассационных решений Сената, но ответить определенно «да» или «нет» на поставленный вопрос он решительно был не в состоянии. Поручить при таких условиях принципиальную разработку вопроса об окончательном землеустройстве горнозаводских крестьян Пестржецкому было бы бесполезно, а допустить этого путаного человека до работы по выработке новых положений о крестьянах было бы просто вредно. Устранение от этой работы Пестржецкий, разумеется, почел за кровную обиду и невероятное с моей стороны легкомыслие; иметь такого знатока крестьянского права и не привлечь его к переработке этого права в целях согласования его с изменившимися условиями жизни Пестржецкий мог объяснить только завистью к нему и даже, быть может, боязнью, что я сам при этом обнаружу свое невежество в этих делах. Мнение это он мог считать тем более обоснованным, что всяким порученным ему делом он занимался с любовью и с полной беспристрастностью. Труженик кропотливый и дотошный, он в свои печатные труды по аграрному вопросу включал множество фактических, преимущественно статистического характера, драгоценных данных, но какие-либо новые мысли или хотя бы ясно изложенные выводы труды эти не заключают. Этим же качеством отличается и изданная им в 1922 г. брошюра под заглавием «Около земли»<sup>232</sup>. Это — драгоценный, но сырой материал для выяснения последствий проведенных большевиками земельных реформ. Что же касается курса крестьянского

232 См.: Пестржецкий Д.И. Русская промышленность после революции. Берлин, 1921; Он же. Около земли: Из курса лекций сельскохозяйственной статистики. Берлин, 1922.

права, который Пестржецкий читал в Училище правоведения, то нельзя себе представить ничего более путаного и непонятного. Читая этот курс, я невольно жалел его несчастных слушателей, вынужденных сдавать по нему экзамен. Достойны сожаления, впрочем, и сенаторы 2-го (крестьянского) департамента, куда Пестржецкий был назначен незадолго до революции. Могу себе представить те пространные и путанные речи, которые они вынуждены были от него выслушивать по поводу всякого разбираемого ими дела.

Перебирая в памяти моих бывших сотрудников по земскому отделу, я не могу не упомянуть еще некоторых из них, настолько мне приятно, живя за рубежом и оплакивая дотла разрушенную великую и бесконечно дорогую родину, мысленно остановиться на том времени, когда я по мере моих сил и разума стремился содействовать ее укреплению и развитию. При этом я должен отдать справедливость моему предместнику по управлению земским отделом Г.Г.Савичу. Талантливый, способный, знающий и умеющий работать, но ленивый и не интересующийся никаким делом по существу, он обладал особым даром разбираться в людях и подбирать не только толковых, но прямо выдающихся работников. Земский отдел заключал 16 делопроизводств, из которых каждое ведало какой-либо отдельной важной отраслью, и почти все заведующие ими были не только вполне на своем месте, но, можно прямо сказать, лучшего выбора едва ли можно было сделать. Не интересуясь сам делом, Савич не мог, разумеется, использовать столь удачно им же выбранных людей в полной мере их сил и знаний. Предоставленные самим себе, но вместе с тем лишенные возможности по собственному почину возбуждать какие-либо общие вопросы и вообще проявлять какую-либо инициативу, они поневоле вынуждены были при Савиче ограничиваться рутинным рассмотрением текущих дел, да и от этого их отвлекало постоянное составление бесчисленных справок по ним для представления их Сипягину, который, как

я упоминал, воображал, что может из Петербурга разрешать местные, не имеющие принципиального значения дела. Впрочем, в земском отделе составление справок приняло необычайные размеры и по другой причине, а именно вследствие изумительной лени самого Савича. Знакомиться непосредственно с каким-либо делом он не имел вовсе обыкновения; не довольствовался он при этом и устными по ним докладами своих сотрудников, а непременно требовал от них представления письменных по ним справок, заключающих сжатое, но ясное изложение всего дела, к которому они относились. Порядок этот почитался в отделе настолько нормальным, что он сохранился и после ухода Савича, и служащие в отделе были даже несколько удивлены, когда я его, тотчас по вступлении в управление отделом, всецело раз и навсегда отменил. Это, казалось бы ничтожное, обстоятельство сразу изменило отношение к делу едва ли не всех заведующих делопроизводствами, что мне впоследствии неоднократно свидетельствовали мои ближайшие сотрудники. Вообще, Савич не только не поощрял никакого проявления инициативы у своих подчиненных, а, наоборот, относился отрицательно, чтобы не сказать враждебно, к возбуждению ими каких-либо, безразлично крупных или мелких, общих вопросов. Однако достаточно было предоставить им свободу в этом отношении, чтобы тотчас выяснилось, насколько большинство служивших в отделе относилось не только с интересом, но и с любовью к порученному им делу. Так, по инициативе моих сотрудников в земском отделе были произведены работы, в которых давно чувствовалась настоятельная потребность. Были, например, пересмотрены все изданные со времени освобождения крестьян, т.е. за сорок лет, относящиеся к крестьянскому делу циркуляры министерства, число которых достигало нескольких сотен, причем оказалась возможность преобладающее большинство их отменить, а оставленные, в весьма незначительном числе, в силе изложить в виде кратких,



легко усвояемых тезисов, что, несомненно, облегчило работу местных учреждений. Еще большее значение имело издание наказа земским начальникам в их административной деятельности, в котором, между прочим, были определены границы применения земскими начальниками их дискреционной власти в отношении наложения штрафов и заключения под арест проживающего в пределах их участка крестьянского населения. Наказ этот был составлен И.М.Страховским и предварительно его утверждения подробно обсужден и рассмотрен группой лиц, служащих в отделе, большинство которых начало свою службу в местных крестьянских учреждениях. Составление подобного наказа должно было бы сопутствовать самому учреждению института земских начальников, но за истекшие с тех пор тринадцать лет исполнено не было, чем, несомненно, в значительной степени объясняются многие дефекты в деятельности этого института. Наконец, были приняты меры, из которых некоторые были осуществлены в законодательном порядке для улучшения личного состава земских начальников: так, лица, не имеющие высшего образования, должны были ранее назначения на эти должности пройти через определенный стаж, а именно состоять в должности кандидата земского начальника при каком-либо губернском присутствии и сдать специальный экзамен. Одновременно при самом земском отделе были образованы специальные курсы для лиц, желающих занять эту должность, и учреждены экзамены для прошедших эти курсы. Для облегчения и упорядочения работы волостных правлений был издан специальный сборник<sup>233</sup>, включающий выдержку из 16 томов Свода законов, всех узаконений, которыми эти правления должны были руководствоваться, причем законы эти были приурочены к различным

233 См.: Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. СПб., 1904.

сторонам весьма разнообразной деятельности волостных правлений. Сборник этот скоро сделался настольной книгой в волостных правлениях. По инициативе В.И.Бафталовского, переведенного на службу в земский отдел из саратовского губернского присутствия, человека, вообще отличавшегося живым отношением к делу, было предпринято издание периодического журнала<sup>234</sup>, в котором кроме текущих распоряжений правительства и имеющих руководящее значение решений Сената, относящихся до сферы деятельности крестьянских учреждений, помещались статьи по вопросам крестьянского права, выдержки из отчетов по ревизиям местных крестьянских учреждений и был заведен отдел ответов на обращенные в редакцию журнала любыми лицами вопросы по тому множеству недоумений, которое вызывало применение на практике нашего расплывчатого, крайне бедного положительными правилами крестьянского права. Отдел этот приобрел несомненную популярность у местных крестьянских учреждений, о чем можно было судить по количеству получавшихся в журнале разнообразных вопросов. Что же касается самого журнала, то им пользовалась даже общая пресса, неоднократно помещавшая цитаты из него на своих столбцах. Стремлением улучшить должность земских начальников и направить их

234 Известия Земского отдела (Министерства внутренних дел]: Ежемесячный журнал (СПб., 1904—1917). Журнал публиковал сведения о служебных переменах по ведомству Земского отдела, законы, правительственные распоряжения, решения Сената и циркуляры МВД. С июня 1907 г. редакция стала помещать «отдельные статьи частных лиц по вопросам, относящимся до устройства быта и управления крестьян», а с ноября 1909 г. — частные объявления. Главный контингент подписчиков составляли «должностные лица крестьянских и землеустроительных учреждений» (см.: Отчет по Земскому отделу: Краткий обзор его современной деятельности. СПб., 1911. С. 18-19).

деятельность в русле строгой законности были вообще преисполнены все служащие земского отдела. Я должен, однако, сказать, что огульные нападки, которым подвергались земские начальники, были по меньшей мере до чрезвычайности преувеличены. Нет сомнения, что в среде института, насчитывающего до шести тысяч человек<sup>235</sup>, были лица, не соответствовавшие занимаемой ими должности, но, наряду с этим, множество земских начальников с любовью занималось порученным им делом, причем пользовалось уважением сельского населения, охотно обращавшегося к ним по всем своим разнообразным делам и нуждам. Не подлежит также сомнению, что на ход крестьянского общественного управления институт земских начальников имел, в общем, благотворное влияние. Сама мысль об образовании этого института была, безусловно, правильна, но, к сожалению, извращена приданием земским начальникам судебных функций<sup>236</sup>. Впрочем, по мере уменьшения численности как вообще поместного сословия, так в особенности тех его членов, которые предпочитали жить в своих поместьях, уровень личного состава земских начальников заметно понижался. В сущности, выбирать было не из кого, а пришлый элемент был в общем хуже даже тех местных

235\* Гурко ошибается. На 1903 год было около 2200 земских начальников (Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г.. СПб. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1903).

236\* Земский участковый начальник занимался одновременно и административным надзором за крестьянами и их самоуправлением, и являлся судьей по мелким делам над крестьянами. В юрисдикцию земского начальника входили иски (только между крестьянами) на сумму до 300 рублей, а также дела о преступлениях и проступках, наказуемых не более чем 1 годом заключения в тюрьме или штрафом до 300 рублей.

землевладельцев, которые мало соответствовали этой должности. Завлечь в деревенскую глушь на сравнительно ничтожное содержание людей, могущих как ни на есть устроиться в более или менее культурных городских условиях, было тем труднее, что даже разрешение ими жилищного вопроса было почти невозможно. Помещики жили в своих усадьбах, а где мог поселиться пришлый человек, обреченный жить в пределах определенного сельского участка<sup>237\*</sup>

Наконец, нельзя отрицать, что в отдельных случаях при выборе земских начальников из местной среды играли роль и их личные связи. Характерный в этом отношении случай произошел при мне в 1903 г. в Старооскольском уезде Курской губернии. На должность земского начальника был представлен местным губернатором по соглашению, как этого требовал закон, с губернским и уездным предводителями дворянства некий Беляев, причем из доставленных о нем в министерство сведений оказалось, что по образованию он был фельдшер, каковую должность в последнее время и исполнял в буйном отделении дома умалишенных во Владикавказе. В утверждении этого кандидата министерством, разумеется, было отказано. Тогда как к Плеве, так и ко мне начали поступать письма от самых разнообразных лиц с просьбой об утверждении Беляева, а затем приехали лично за него ходатайствовать местные губернатор Гордеев, губернский предводитель Дурново и ряд

237\* Квартиры земских начальников располагались в одном из волостных сел их участка, и только для одного участка в уезде (из, в среднем, 3-4-5 участков на уезд) они иногда размещались в уездном городе. Мысль Гурко состоит в том, что в селах - волостных центрах обычно не имелось никакого предлагаемого в аренду жилья, которое подходило бы уровню комфорта чиновнику (служебного жилья для чиновников в сельской местности не существовало).

других лиц. Выяснилось, что Беляеву удалось каким-то образом увезти дочь весьма уважаемого местного помещика кн. Касаткина-Ростовского<sup>238</sup> и на ней жениться. Родители, всячески стремясь несколько облагородить навязанного им их дочерью зятя и приставить его к какому-либо более подходящему занятию, нежели окарауливание сумасшедших, воспользовались открывшейся вакансией должности земского начальника, в пределах участка которого находилось их имение<sup>239</sup>, чтобы уговорить местных людей, от которых это зависело, представить его на эту должность. Я, разумеется, ответил определенным «non possumus»<sup>240</sup>. Однако однажды Плеве сказал мне: «Мы отказали в утверждении земским начальником некоего Беляева; меня со всех сторон за него просят — нельзя ли его все-таки назначить?»

- Помилуйте, Вячеслав Константинович, ведь Беляев до сих пор был фельдшером при буйных сумасшедших. Не можем же мы признать местное население буйными сумасшедшими!

— Да, да, конечно.

Прошло еще несколько времени, и приезжает ко мне председатель курской земской управы Н.В.Раевский, известный в то время своим либерализмом, и тоже усердно просит о назначении Беляева. На мое удивление, что просит об этом

238\* По-видимому, это князь Н.Ф.Касаткин-Ростовский (1848-1908) - новооскольский уездный предводитель дворянства, действительный статский советник, в звании камергера, с 1906 года член Государственного совета по выборам от земства; учредитель правой «Курской народной партии порядка», активный деятель Объединенного дворянства.

239\* Имение Чернянка Новооскольского уезда.

240 «Не можем» (лат.). Формула категорического отказа апостолов Петра и Иоанна на требование иудейских священников не проповедовать учение Христа.

именно он, я повторил ему приблизительно то, что сказал Плеве.

— Нет, он уже более года оставил эту должность и вообще не такой плохой. К тому же он уже несколько месяцев изучает обязанности земского начальника у занимающего эту должность в соседнем участке. Очень уж жалко стариков; право, назначьте его.

— Ну хорошо, пускай он сам сюда приедет, я с ним поговорю и посмотрю, что он такое.

Не прошло и недели, и передо мной предстал маленький, весьма невзрачного и совершенно некультурного облика коренастый, мускулистый человек, по внешнему виду вполне пригодный для укрощения буйных сумасшедших, но едва ли способный исполнять судебные обязанности. Поставил я ему для начала лишь один вопрос, а именно — правилами, заключающимися в каком томе Свода законов, он будет руководствоваться при исполнении обязанностей земского начальника. Беляев, после довольно продолжительного молчания, выпалил: «В первом». Ответ этот я счел совершенно достаточным для того, чтобы прекратить дальнейший разговор, и, конечно, остался при прежнем мнении. Этим дело, однако, не кончилось: письма и личные ходатайства продолжались едва ли не в увеличенном количестве. Приехал вновь и Раевский, причем утверждал, что Беляев лишь не знал, в каком томе Свода законов находятся узаконения о крестьянах, но сами узаконения вполне изучил. Выведенный из терпения, я довольно резко ему сказал, что от меня это назначение, во всяком случае, не зависит и чтобы он обратился с этой просьбой непосредственно к министру, на что Раевский заявил, что он был у Плеве, который его направил именно ко мне.

— Ну, если так, то моего согласия никогда не получится.

На этом мы расстались, причем ни Плеве мне, ни я ему ни слова о ходатайстве за Беляева больше не говорили, а губерна-

тору я написал официальное письмо, прося его не замедлить представлением нового подходящего кандидата на вакантную в Старооскольском уезде должность земского начальника.

Однако вместо этого представления ко мне явилась дряхлая старушка, мать жены Беяева, и столь неутешно плакала и так жалобно просила за своего зятя, что я не выдержал и сказал, что вновь доложу это дело министру.

— Мне даже совестно, о чем я хочу вас просить, — сказал я при первом моем докладе Плеве, — но все-таки не согласитесь ли вы на назначение Беяева?

— Бога ради, назначьте, — поспешно ответил мне Плеве, — у меня была старушка Касаткина-Ростовская, и я, только боясь вашего буйного нрава, выдержал ее атаку и сказал, что ничего для нее сделать не могу и чтобы она вас об этом просила. Назначьте, а не то от просьб за Беяева я больше жить не могу.

Беяев был назначен, но последствия получились самые неожиданные. В 1905 г. во время аграрных беспорядков была разгромлена усадьба Касаткина-Ростовского<sup>241</sup>, причем в числе громил был и незадолго перед тем уволенный от службы Беяев, которого к тому времени жена, предварительно им жестоко избитая, покинула.

Невзирая на все эти обстоятельства, затруднявшие соответствующий подбор личного состава земских начальников, тем не менее главная причина, по которой институт этот не был в части своего состава на высоте своего призвания, состояла в том, что по своему учреждению он был предоставлен

241\* Погром имел место 1 ноября 1905 года. В доме князя в Черняевке была разбита вся обстановка, крестьяне также увезли часть хлеба (см.: 1905 год в Курской губернии. Курск, 1922, стр. 72).

самому себе без должного или, вернее, всякого руководства. Вина в этом, несомненно, падает на Стишинского, управлявшего земским отделом в первые годы по учреждении означенного института. Не обладая вообще способностью руководить чем-либо, Стишинский был, кроме того, мелочным: он мог чрезвычайно тщательно и добросовестно вникать в каждое отдельное рассматриваемое им дело, но охватить общим взглядом что бы то ни было и выяснить себе его кардинальные линии он был вовсе не в состоянии. Синтез был Стишинскому не только не свойственен, но и не доступен. Кроме того, Стишинский, почитавший себя духовным отцом института земских начальников, так как составлял под руководством Пазухина, правителя канцелярии гр. Д.А.Толстого, в бытность его министром внутренних дел, проект положения об этом институте, относился с какой-то любовной ревностью к каждому земскому начальнику. Характерный эпизод в этом отношении произошел на первом же моем докладе Плеве по должности управляющего земским отделом. Докладывая в присутствии Стишинского о неправильных действиях какого-то земского начальника, я предложил принять по отношению к нему суровую дисциплинарную меру. Стишинский немедленно заступился за обвиняемое мною лицо и сказал при этом, что действия его мною изложены не совсем правильно. Плеве тотчас обратился ко мне и грозно сказал: «Ваш доклад неверен?!», на что я ответил, что за верность моего доклада, разумеется, отвечаю и прошу Плеве отложить решение этого дела до следующего доклада, чтобы Стишинский мог ближе ознакомиться с ним. Плеве согласился, а на следующем докладе Стишинский вынужден был признать, что обстоятельства дела мною были изложены правильно, причем он, однако, полагает, что предложенная мною дисциплинарная мера слишком сурова. Выслушав со своей обычной саркастической улыбкой Стишинского, Плеве полушутливо сказал: «Ну, я вижу, что управляющий земским отделом привел товарища министра к



Иисусу. Согласен в данном случае с вашим мнением, — продолжал он, обращаясь ко мне. — Засим прошу вас впредь все подобные дела решать по обоюдному согласию с Александром Семеновичем, не доводя их вовсе до меня. До сих пор я этого делать не мог, так как Александр Семенович всякого земского начальника почитает за своего первенца, ну, а вы, я вижу, видите в них пасынков». Плеве, по крайней мере по отношению к Стишинскому, был, безусловно, прав. По какой-то странной аберрации Стишинский видел во всякой попытке ввести деятельность земских начальников в более точно определенное русло дискредитацию их значения и склонен был придавать то же значение всякой дисциплинарной мере, примененной по отношению к отдельным земским начальникам. Словом, в представлении Стишинского, земские начальники должны были являться отражением не власти государственной, руководящейся твердыми нормами права, а власти патримониальной, основывающей свои решения на всем комплексе внутренних особенностей данных лиц, не могущих быть уловленными никакими законами и доступных лишь пониманию людей, находящихся в постоянном близком соприкосновении с той средой, которой они призваны руководить. Само собой разумеется, что Стишинский не только никогда не высказывал этого взгляда, но даже едва ли формулировал его самому себе, но что такова была вся его психология — для меня несомненно. Ничем иным не могу я объяснить и того, что земские начальники с самого их образования были не только предоставлены сами себе в смысле руководства их деятельностью, но даже не было принято мер к выяснению степени соответствия назначенных лиц возложенным на них обязанностям. Первая ревизия земских начальников, охватившая 24 уезда, расположенные в трех губерниях, была произведена лишь в 1904 г., т.е. спустя 15 лет после их учреждения, причем она сразу обнаружила множество вопросов, настоятельно требовавших компетентного разрешения. Выяснилось,

между прочим, что надзора за деятельностью земских начальников почти вовсе не существовало иначе, как в порядке рассмотрения поступающих от заинтересованных лиц жалоб на их решения и действия. Происходило это вследствие того, что лица, на которых возложен был законом этот надзор, уездные предводители дворянства, за редкими исключениями не только его не осуществляли, но всемерно его избегали по той простой причине, что подведомственные им земские начальники были одновременно и теми лицами, от которых в значительной степени зависело само избрание уездных предводителей. Выяснилось, кроме того, что главный дефект большинства земских начальников состоял не в том, что они проявляли какой-то ничем не сдерживаемый произвол по отношению к местному населению, а в том, что они были склонны к бездействию. Глубокая провинциальная лень, сдобренная доброй дозой индифферентизма к порученному делу, — вот была отличительная черта многих, если не большинства, земских начальников.

Возвращаясь, однако, к личному составу земского отдела и упомяну прежде всего о заведующем делопроизводством по чиншевым делам Западного края<sup>242</sup>, В.И.Якобсоне. По внешне-

242 Чинш (польск. *czynsz* от нем. *zins* — процент) — в Польше и Литве оброк, который платился с земли или дома, находящихся в продолжительном владении. Чиншевое владение, или право вечной и наследственной аренды, обусловлено отбыванием арендатором в пользу собственника земли натуральных или денежных повинностей — чинша, размер которого не подлежал изменению по усмотрению одной из сторон. Законом 1886 г. были образованы уездные по чиншевым делам присутствия, на которые возлагалась обязанность установления вечночиншевого права по двум основным признакам: 1) бессрочность и потомственность владения, 2) неизменность оброка. Тогда же сельским (вне городов и местечек) вечным чиншеви-кам

сти Якобсон представлял приказного 50-х годов: длинный, худой, весь бритый, являющийся по начальству не иначе как в вицмундире с орденом на шее<sup>243</sup>, он состоял на занимаемой им должности столь продолжительное время, что успел дослужиться на ней до чина действительного статского советника. Кругозор его был, разумеется, весьма узок, но чиншевые дела, из которых большинство отличалось чрезвычайной сложностью, он знал превосходно и питал к ним какую-то особенную нежность. Надо было видеть, какое явное наслаждение доставляло Якобсону подробно и любовно докладывать все обстоятельства какого-либо исключительно крупного дела, в особенности если решение по нему имело принципиальное значение. Если в России к моменту революции еще остались чиновники типа Якобсона, то они, несомненно, с тех пор с горя все умерли, постольку для них занятие порученным им делом было священнодействием.

Совершенно иной, можно сказать противоположный, тип представлял заведующий инородческим делопроизводством

предоставлено право приобрести в собственность признанные за ними чиншевые земли посредством выкупа лежащих на них повинностей при содействии правительства.

243\* По правилам, на службе в будничные дни чиновникам следовало носить форменный сюртук (для чиновников от VI класса - также и мундирный фрак), а более неудобный и имевший шитье вицмундир был принадлежностью «обыкновенной» (надевалась только по различным исключительным случаям, типа дворянских выборов и похорон) и парадной формы, на службе его надевали только на различные церемонии или на такие совещания с участием высокого начальства, где это особо указывалось повесткой. См. «Свод правил о ношении форменной одежды чинами гражданского ведомства», приложение к ст. 531 Устава о службе по определению от правительства, том III Свода законов.

И.И.Крафт, занимавший впоследствии должность якутского губернатора<sup>244</sup>. Не получивший никакого школьного образования и начавший службу разъездным почтовым чиновником в Сибири в местности, населенной инородцами, он отличался живым, своеобразным, оригинальным умом и близким знакомством с бытом и особенностями самых разнообразных инородцев, населяющих азиатские владения России. Буряты, башкиры, киргизы — всех их он близко знал и свободно говорил на их языке, причем был горячим защитником их прав на обширные, но весьма слабо ими используемые земли. На земли эти точили зубы решительно все. Стремилось их захватить военное ведомство для передачи различным казачьим войскам; предъявляло на них притязания соседнее оседлое русское население; не прочь было их захватить переселенческое управление для нужд переселения из России. Все подобные покушения Крафт почитал за явное преступление и с необыкновенным жаром отстаивал право кочевников сохранить свой кочевой быт, а следовательно, и необходимые для них обширные земельные пространства. Приземистый, коротконогий крепыш с необыкновенно буйной растительностью на лице и голове, Крафт с его довольно резко выраженным монгольским типом — мать его была бурятка — отнюдь не производил впечатления культурного человека, а тем более чиновника департамента Министерства внутренних дел, но познания его были весьма разнообразны, пером он владел превосходно и обладал природной способностью излагать свои мысли в кратких и ясных выражениях, благодаря чему с законодательной работой справлялся превосходно. Все это не мешало ему, однако, смотреть на государственную власть со

244\* И.И.Крафт был сыном ссыльного и вырос в селе Шушенском Минусинского уезда Енисейской губернии, не имея возможности получить какое-либо образование.

старинной, патриархальной точки зрения. Мне часто приходилось ему говорить, что его идеал — творить суд и расправу, сидя под развесистым дубом и руководствуясь исключительно отвлеченной справедливостью, а отнюдь не каким-либо писанным законом. Во всяком случае, такого соединения простого здравого рассудка, обширного и разнообразного жизненного опыта, всесторонних, приобретенных самоучкой познаний, необыкновенного трудолюбия мне не приходилось встречать. Крафтом при мне были разработаны подробные проекты земельного устройства различных инородцев и порядка их управления, но, увы, все они безнадежно застряли в межведомственной переписке, которая по обычаю должна была предшествовать представлению в Государственный совет всякого законопроекта. Весьма знающим, толковым работником, отличающимся при этом щепетильной добросовестностью, был заведующий делопроизводством по крестьянским делам Прибалтийских губерний барон А.Ф.Мейендорф, состоявший одновременно приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, впоследствии член Государственной думы и товарищ ее председателя. Специальные узаконения о крестьянах этого края он знал превосходно и относился к поступающим к нему делам с отменной беспристрастностью. О степени его добросовестности можно судить по тому, что, когда возникли предположения о некотором изменении этих узаконений, он категорически отказался от участия в этой работе и даже оставил земский отдел, заявив, что он, принадлежа к прибалтийскому дворянству и в известной мере разделяя его взгляды, не может ручаться, что его отношение к этому делу будет совершенно объективным и чуждым определенной окраски.

Ознакомившись с главными работниками земского отдела, я убедился, что найти среди них сотрудников по общему пересмотру узаконений о крестьянах невозможно: вполне отвечающие той специальной отрасли крестьянских дел, которой они заведовали, они не отвечали, однако, тем разнообраз-

ным требованиям, которым должны были, в моем представлении, удовлетворять лица, привлеченные к этой сложной работе. Пришлось искать этих сотрудников среди младших чинов отдела, и среди них я нашел двух весьма полезных работников, а именно приват-доцента Петербургского университета по кафедре государственного права И.Ф.Цызырева, которым была составлена подробная записка к проекту крестьянского общественного управления и постатейные к нему объяснения, и П.П.Зубовского, занимавшего должность младшего помощника делопроизводителя. Последний явился главным редактором проекта положения о крестьянском землепользовании, а также проекта правил об ограничении крестьянских земель и, наконец, впоследствии — высочайшего указа 9 ноября 1906 г., предоставившего отдельным крестьянам право свободного выхода из общины, указа, составившего не что иное, как некоторое видоизменение или, вернее, расширение важнейших по существу положений упомянутого проекта.

И.Ф.Цызырев, человек весьма образованный и владеющий литературным пером, легко входил в чужие мысли и потому был драгоценным редактором, но собственно законодательной техникой не владел и поэтому к составлению самих законопроектов не был привлечен. По неизвестным мне причинам он почти единственный из моих ближайших сотрудников по земскому отделу не выдвинулся впоследствии на сколько-нибудь первые роли в служебной иерархии; ко времени революции он занимал, если не ошибаюсь, должность одного из помощников управляющего земским отделом. Наоборот, П.П.Зубовский сделал в короткое время блестящую карьеру: младший делопроизводитель в 1903 г., он в 1907-м был уже директором департамента землеустройства в Главном управлении того же названия, а ко времени революции — товарищем министра земледелия. Пробыл он себе дорогу удивительным трудолюбием и необыкновенной трудоспособно-

стью. Едва ли Зубовский способен был оценить общее значение разрабатываемых им мероприятий и даже едва ли задумывался над их влиянием на народную жизнь, но зато технический способ их осуществления и казуистические последствия того или иного изложения закона он обдумывал с необыкновенной тщательностью. Желание предусмотреть в самом законе отдельные порождаемые жизнью случаи в том порядке явлений, которых касался проектируемый закон, было у него настолько развито, что в его изложении закон несколько утрачивал свойство общих положений, принимая мелочный, дробный, казуистический характер. Не в недостаточной обдуманности, а, наоборот, в слишком детальной разработке закона приходилось нередко упрекать милейшего Петра Павловича: «Оставьте что-нибудь на долю Сената, призвание которого — толковать закон в его приложении к частным случаям» — вот о чем приходилось просить этого кропотливо добросовестного труженика.

Ограничиться этими двумя лицами для быстрого исполнения предпринятой законодательной работы не было, разумеется, возможности. Надо было, следовательно, искать других сотрудников уже вне отдела. В желающих недостатка не было. Множество лиц обращалось ко мне с предложением своих услуг, причем привлекало их, вероятно, и то обстоятельство, что труд этот, поскольку он не производился чинами земского отдела, получавшими за него лишь усиленные наградные, был платным. На работы по пересмотру крестьянских узаконений были ассигнованы хотя значительно меньшие, нежели первоначально исчисляло их Министерство внутренних дел, но все же крупные суммы; всего за три года (1902—1904) было ассигновано немногим более ста тысяч рублей, из которых, однако, большая часть была израсходована на печатание в количестве нескольких тысяч экземпляров выработанных проектов, сопровождаемых подробными, обстоятельными записками и составивших в общем шесть объема-

стных томов, а также огромное количество опросных листов, разосланных губернским совещаниям, призванным обсуждать упомянутые проекты.

Многие обращались, разумеется, с такими же предложениями и непосредственно к Плеве, который некоторых из них и препровождал ко мне. Я должен при этом сказать, что, поручив мне производство всей работы, Плеве не стеснял меня в выборе сотрудников и никого мне не навязывал, ограничиваясь лишь указанием, что то или иное из посланных им ко мне лиц обладает, по его мнению, такими-то свойствами и данными. Так как круг знакомств Плеве в чиновничьей среде был бесконечно шире моего, то, в конечном счете, кроме служивших в земском отделе, лица, указанные самим министром, за одним лишь исключением были привлечены к пересмотру крестьянского законодательства. Это были А.И.Лыкошин, П.П.Шиловский и А.А.Башмаков.

Наиболее полезным из этих трех оказался А.И.Лыкошин, занимавший должность члена «консультации при Министерстве юстиции учрежденной»<sup>245</sup> и бывший перед этим товарищем обер-прокурора Сената. Его перу принадлежит весьма обширная и в общем интересная, в особенности по богатству заключающегося в ней материала, записка по проекту положения о землепользовании крестьян. Творческой фантазией Лыкошин обладал едва ли не в меньшей степени, нежели Зубовский, но действующее крестьянское законодательство, обширную в этой области сенатскую практику, а также весьма

245\* Консультация составляла заключения по делам, не решенным окончательно в судебно-административных департаментах Сената, а затем и в Общем собрании этих департаментов. Это было обязательным этапом рассмотрения жалоб в судебно-административном порядке, предварявшим их поступление в Государственный совет.



богатую и разнообразную литературу по вопросу о господствующих у крестьян земельных порядках он знал досконально. В составленной им записке он использовал эти знания вполне, что, несомненно, придало ей характер серьезного научного труда. Однако той любви к делу, которой отличался Зубовский, у Лыкошина не было, и к последствиям тех правил, которые он редактировал и мотивировал, он относился довольно равнодушно. Почтенным «недостатком» Зубовского, а именно излишней дотошностью, граничащей с мелочностью, Лыкошин тоже не отличался. Никто себе не враг, и, конечно, Зубовский не мог не желать продвижения по службе и улучшения тем самым своего житейского положения, но Зубовский, исполняя какую-нибудь работу, уходил в нее с головой, тщательно и всесторонне ее обдумывал и безусловно не останавливался на мысли о тех последствиях, которые она могла иметь для него самого. Наоборот, для Лыкошина цель работы была — карьера. Вообще, как личность Зубовский был, несомненно, много выше Лыкошина, одной из отличительных черт которого была необыкновенная угодливость и подобострастное отношение к начальству. Оба они были истолкователями чужих мыслей и исполнителями чужих указаний, но Зубовский углублялся в чужую мысль и, всецело ее воспринимая, стремился ее разработать, усовершенствовать и развить. Вследствие этого в порядке исполнения он обнаруживал значительную инициативу и свои, так сказать, дополнительные мысли не без упорства отстаивал. Наоборот, Лыкошин почти ничего своего в работу не вносил и решительно никогда не возражал на даваемые ему указания. В соответствии с этим, назначенный впоследствии товарищем министра внутренних дел, он не только не проявил на этой должности какой-либо самостоятельности, но вообще не играл никакой роли даже в том самом деле землеустройства крестьян, которому посвятил много труда. Правда, дело это перешло к тому времени целиком в Главное управление землеустройства и земледелия, но все же в

качестве обязательного по должности члена учрежденного при этом управлении Главного земельного комитета Лыкошин мог бы оказать на его направление значительное влияние, но это было время, когда восходила звезда Кривошеина, главноуправляющего этим ведомством и председателя названного комитета, а потому Лыкошин благоразумно предпочел ему поддакивать, нежели вступать с ним в малейшие споры. То же слепое подчинение воле начальства проявил Лыкошин и в Государственном совете, членом которого он был назначен, кажется, в 1916 г. Вступив в ряды правого крыла Совета, он неизменно голосовал (чем и ограничивалось его участие в законодательной работе) соответственно мнению правительства. Что же касается Зубовского, то, назначенный в 1907 г. директором департамента Главного управления землеустройства, он явился главной рабочей осью всего дела землеустройства крестьян и усиленно проводил выселение крестьян на хутора и отрубные участки. Правда, и здесь он ограничивался истолкованием, исполнением и развитием чужих мыслей и предначертаний, которые он неизменно усваивал в полной мере. Вся идейная часть работы, правда лишь в самых широких чертах, в области крестьянского землеустройства, несомненно, принадлежала за эти годы (1907—1915) Кривошеину. Степень приспособляемости Зубовского к чужим мыслям обнаружилась в полной мере лишь после революции, когда он в Крыму, состоя помощником Глинки, с прежней добросовестностью и усердием приводил в действие тот несуразный земельный закон, который был издан генералом Врангелем, — закон, в корне противоречащий тем основам землеустройства, которые он же проводил при прежнем строе.

Совершенно иной, и притом весьма интересный, тип представлял рекомендованный мне Плеве А.А.Башмаков. Человек огромной эрудиции и не столько широкого, сколько безбрежного полета мысли, он положительно не был в состоянии координировать ни свои мысли, ни свои познания. Бле-

стоящий, но чрезвычайно многословный оратор, он отличался, однако, постоянными длительными отступлениями от тех основных положений, которые он в данную минуту защищал. В сущности, это был ряд красивых, блестящих глубокими познаниями петель, имеющих по содержанию лишь отдаленное отношение к обсуждаемому предмету, и потому следить за мыслью Башмакова было более чем трудно. К какой-либо законченной работе Башмаков не был вовсе способен. Еще менее того он был способен изложить в кратких, четко сформулированных правилах какой бы то ни было отдел гражданского кодекса. Привлеченный к участию в составлении проекта нового гражданского уложения, он был вскоре за непригодность к этой работе от нее отставлен. Участие его в работах по крестьянскому законодательству было обусловлено его знанием крестьянского обычного права, особенно в области наследования. Но попытка его закрепить в сколько-нибудь стройном и последовательном изложении основной дух крестьянского обычного наследственного права ему совершенно не удалась. Работу эту, содержание которой, несомненно, во многом исходило из данных, представленных Башмаковым, пришлось в конечном счете поручить другому лицу, а именно молодому человеку В.Г.Петрову, о котором в дальнейшем скажу несколько слов.

Вообще, Башмаков некоторыми своими свойствами чрезвычайно напоминал тургеневского Рудина. Увлекающийся и по первому знакомству неизменно увлекающий и других, он вплотную ни к какому предмету подойти не мог. Нельзя сказать, что он витал лишь в широких обобщениях; речь его, наоборот, пестрела бесконечным множеством частных, но эти частности представляли невероятную мешанину, на которой ни его слушатели, ни он сам не могли обосновать его туманного общего вывода. Получалась какая-то странная смесь синтеза с анализом, где синтез не покоился на анализе, а анализ как бы обладал свойствами синтеза, так как ему под-

вергалось не одно какое-нибудь явление, а множество самых разнородных явлений. Вообще, Башмаков представлял весьма своеобразную и с точки зрения психологической любопытную фигуру, преисполненную невероятных противоречий. Воспитанный и получивший высшее образование за границей (в Швейцарии и Франции), он, казалось бы, должен был проникнуться идеалами западной культуры, а на деле был убежденным народником в его консервативном течении и поклонником самодержавия. В соответствии с этим он был, с одной стороны, славянофилом, ярким врагом германизма и деятельным членом Славянского общества<sup>246</sup>, причем и сам себя

- 246 Славянское благотворительное общество возникло на основе отделения Славянского комитета, учрежденного в 1858 г. в Москве по инициативе М.П.Погодина. В соответствии с уставом, утвержденным 12 апреля 1877 г., общество имело целью «оказывать пособие церквам, школам, литературным учреждениям и литературным предприятиям в славянских землях; изыскивать средства для воспитания молодых славян и славянок как в России, так и за границею; приискывать занятия для славян, приезжающих в Россию; подавать помощь славянам во время особых бедствий: голода, пожаров, разорения какой-нибудь местности или края и т.п.; поддерживать научные и литературные сношения с учеными и литературными обществами в славянских землях; снабжать славянские школы, ученые и литературные общества русскими книгами и периодическими изданиями и получать взамен того их издания; издавать на законном основании книги и др. пособия по части славяноведения; собирать вообще денежные средства для вышеозначенных целей...». По обновленному уставу 1900 г. имело целью вообще содействовать «духовному единению славян с Россией», однако особенно оживленную деятельность развивало в периоды балканских кризисов 1875—1876, 1902—1903 и 1908—1913 гг., когда оказывало материальную поддержку борющимся славянским народам и снаряжало добровольцев для борьбы с Турци-

почитал за ученого слависта, а с другой — сторонником общины и, как сказано, особого крестьянского уклада и народного обычного права. Неудивительно поэтому, что, записавшись в 1905 г. в крайние правые партии, он одновременно отстаивал принудительное отчуждение частновладельческих земель. Удивительна дальнейшая судьба Башмакова — этот хаотический по уму, но чрезвычайно оригинальный и живой человек превратился в редактора «Правительственного вестника»! Объясняется это, однако, очень просто. Не обладая никакими собственными средствами, но зато обремененный многочисленной семьей, Башмаков всю жизнь искал какого-нибудь прочного заработка, но по присущим ему свойствам ни на каком деле удержаться не мог. Редактирование «Правительственного вестника» требовало лишь механической работы, ее он и вел, несомненно продолжая одновременно умственно углубляться в самые разнообразные вопросы без всяких, однако, от этого конкретных последствий.

Третье лицо, рекомендованное мне Плеве и также привлеченное к судебному отделу крестьянского законодательства, а именно к составлению для его применения волостными судами сельского устава о наказаниях, П.П.Шиловский перешел в Министерство внутренних дел из судебного ведомства, где занимал должность судебного следователя. Как личность он отличался огромным честолюбием и достаточной неразборчивостью в средствах для его удовлетворения. Подлаживание к начальству с одновременной безудержной интригой против этого самого начальства, от которой он, по-видимому,

ей. Издавало научные труды по славяноведению и публицистические работы консервативно-славянофильского толка (Т.И. Филиппова, А.А. Киреева и др.), а также «Славянские известия» (СПб., 1889—1891) и «Славянское обозрение» (СПб., 1892), пропагандировавшие идеи панславизма.

не в состоянии был удержаться, составляли его отличительную черту. При всем том Шиловский не был занят исключительно устройством собственной судьбы. Он одновременно живо интересовался общими вопросами, но интересовался ими только по-дилетантски. Весьма бойко и интересно написанные им «Судебные очерки Англии»<sup>247</sup> представляют яркий образчик его дилетантства и отсутствия какой бы то ни было научной не только методики, но хотя бы добросовестности. Вообще же Шиловский, не будучи глупым человеком, отличался в особенности природной талантливостью, причем таланты его не только превосходили его ум, но вообще с серьезным мышлением совершенно не сочетались. Мысли у него рождались самопроизвольно, и подвергать их критическому умственному анализу он не давал себе труда. Такая его особенность, конечно, лишала серьезного значения всякую его работу в области права, где дилетантизм в особенности неуместен и недопустим. Шиловским тем не менее был составлен проект сельского устава о наказаниях, который после многократного коллегиального обсуждения, но с сохранением многих его предположений и после некоторого его перередактирования тем же, упомянутым мною, Петровым вошел в общий, составленный при земском отделе, свод проектов новых крестьянских узаконений<sup>248</sup>.

247 Гурко имеет в виду брошюру П.П.Шиловского «Судебные очерки» (СПб., 1899), где, в частности, были очерки об английском мировом суде и суде присяжных.

248\* Гурко, видимо, не была известна еще одна сторона деятельности Шиловского: это чиновник был оригинальным изобретателем, создавшим опытные образцы однорельсовой железной дороги с гироскопическими вагонами, двухколесного гироскопического автомобиля и одноколесного гироскопического мотоцикла.

Назначенный впоследствии при министре внутренних дел А.А.Макарове, с которым он состоял в личных близких отношениях, костромским губернатором, он затеял против него же в 1912 г. сложную интригу на почве предстоящего в 1913 г., по поводу трехсотлетия царствования дома Романовых, посещения Костромы государем. Интрига не удалась, но зато обнаружилась, и он был переведен губернатором же в Олонецкую губернию, а затем вскоре оставил службу совсем.

Упомяну в заключение о В.Г.Петрове, который был составителем проекта сельского устава о договорах, а также, как я уже сказал, дал окончательную редакцию сельскому уставу о наказаниях и правилах о наследовании в наделных землях. Это был еще совсем молодой человек, лишь за год перед тем окончивший университет и служивший на какой-то низшей должности в Министерстве земледелия. Я лично близко знал Петрова еще в бытность его студентом и мог оценить его незаурядный ум и педантическую точность в формулировании всякой мысли. Переведенный в земский отдел и привлеченный к участию в обсуждении проектов волостного судоустройства, он обнаружил совершенно исключительное юридическое мышление. Это был юрист Божией милостью, и пойдя он по ученой в этой области карьере, несомненно составил бы себе выдающееся имя. Судьба кинула его на службу в Министерство внутренних дел, а затем в Главное управление землеустройства, и здесь ко времени революции он достиг лишь должности вице-директора одного из департаментов этого ведомства, что, впрочем, для его возраста и срока службы было весьма недурной карьерой. Закончу этот перечень лиц, участвовавших в переработке крестьянских узаконений, уже упомянутым мною Г.Г.Савичем, добросовестно составившим проект волостного судоустройства и судопроизводства.

По мере подбора сотрудников налаживалась и сама разработка проектов новых узаконений о крестьянах. Происходила она приблизительно таким же порядком, которым был состав-

лен мною с Литвиновым и Глинкой проект положения о крестьянском общественном управлении, с той разницей, что к обсуждению первоначальной редакции проектов привлекались самые разнообразные лица. Так, к постоянному участию в разработке положения о землепользовании крестьян был привлечен А.В.Кривошеин, бывший в то время начальником переселенческого управления. Однако фактически Кривошеин от этого участия всячески уклонялся, либо вовсе не являясь на наши собрания, либо храня на них упорное молчание. Весьма деятельное участие принимал, наоборот, в особенности при выработке правил об отмежевании надельных земель, управляющий межевой частью Министерства юстиции Рудин. Наконец, приглашались и другие лица при обсуждении каких-либо отдельных частей вырабатываемых проектов, из числа специально знакомых с предметом, которого они касались. Председательствовал при этом А.С.Стишинский, который был поставлен, таким образом, во главе всего дела.

Чем, собственно, руководствовался Плеве, передав мне все распоряжение этим делом, а именно подбор сотрудников, распределение между ними работы, а впоследствии и окончательное закрепление редакции разрабатываемых проектов и одновременно поручив Стишинскому участвовать в нем, и притом в качестве старшего и председательствующего на наших собраниях, я не знаю. Думаю, однако, что это произошло не только из желания не обижать Стишинского полным его устранением от него, а также не исключительно по соображениям формальным и иерархическим, но вследствие желания приставить ко мне в качестве жандарма твердого блюстителя консервативных начал. В моем консерватизме, по крайней мере в области крестьянского вопроса, Плеве, по-видимому, не был уверен. С другой стороны, он прекрасно и с давних пор знал Стишинского, знал его чрезвычайную добросовестность в работе, но и чрезвычайную медлительность. От избытка добросовестности Стишинский, почитавший своей священной



обязанностью внимательнейшим образом читать все представляемые ему на подпись бумаги и обращавший внимание не только на их содержание, но даже на стиль, задерживал их у себя неделями и даже месяцами. Отмечу при этом весьма симпатичную черту Стишинского — абсолютное отсутствие у него при разрешении любого дела каких бы то ни было посторонних соображений. В то время как во многих ведомствах в ту эпоху относились к содержанию той или иной поступившей бумаги в зависимости от того, кем она подписана, а именно — самим ли министром или его товарищем, а если самим министром, то каким, т.е. имеющим ли вообще в данное время вес и влияние или находящимся на закате, причем к бумагам, подписанным Витте, относились с особым почтением, Стишинский не обращал на это никакого внимания и одинаково добросовестно и объективно относился ко всякому делу, от кого бы оно ни исходило и кем бы оно ни поддерживалось или оспаривалось. Примечательно и то, что при возникновении каких-либо вопросов о землеустройстве крестьян, где бывали замешаны весьма крупные интересы как крестьян, так и землевладельцев, он, быть может, бессознательно, но неизменно поддерживал народническую точку зрения, т.е. отстаивал интересы крестьян. Особое внимание обращал Стишинский на рапорты в Сенат, содержавшие заключения Министерства внутренних дел по поступающим в Сенат жалобам на решения местных крестьянских учреждений. Дело в том, что решения Сената по этим делам имели принципиальное, руководящее значение, и, в сущности, узаконения о крестьянах к началу нынешнего века покоились преимущественно на постановленных за истекшие со времени освобождения крестьян сорок лет решениях Сената, нежели на самом законе, крайне бедном по заключающимся в нем правилам.

Последствием щепетильной добросовестности Стишинского, присущей ему во все времена, явилось то, что он еще в бытность управляющим земским отделом задерживал пред-

ставление в Сенат требуемых им заключений и в результате передал своему заместителю Савичу изрядное количество подобных дел, ожидавших в течение многих лет окончательного разрешения. Со своей стороны Савич, этими делами вовсе не интересовавшийся, не только не уменьшил их количество, а, наоборот, значительно приумножил. Ко времени назначения Плева число этих дел превысило 800, причем некоторые из них, преимущественно касавшиеся Юго-Западного края, где земельные отношения были чрезвычайно запутанны, имели свыше 25-летней давности. Именно это обстоятельство было ближайшей причиной увольнения Савича и временного возложения на Стишинского управления земским отделом. Плева потребовал при этом, чтобы все упомянутые дела были не позднее конца года ликвидированы, что и было фактически исполнено, хотя потребовало громадной работы от Стишинского, а отчасти и от земского отдела; говорю отчасти, ибо по большинству этих дел проекты рапортов в Сенат были отделом давно приготовлены и лишь ожидали подписи товарища министра, но так как Стишинский с мнением отдела часто не соглашался, то приходилось эти рапорты пересоставлять, и притом многие по несколько раз.

Зная эти свойства Стишинского — его медлительность и нерешительность, Плева вполне сознавал, что возложить на него ответственность за работы по пересмотру крестьянских узаконений значило похоронить их. Знал, разумеется, Плева и основное свойство Стишинского, а именно чрезвычайную узость его умственного горизонта. Разбираться в основных чертах какого-либо дела Стишинский был не в состоянии; внимание его неизменно прицеплялось к тем мелким подробностям, из которых оно слагалось, и выбраться из этих подробностей он не мог. Творческой фантазии в нем не было и помину. Одновременно знал, однако, Плева и другую особенность Стишинского, а именно его природную непоколебимую приверженность ко всему существующему, и поэтому он был

уверен, что его участие в разработке новых узаконений о крестьянах вполне удержит от сколько-нибудь стремительного новаторства. Действительно, Стишинский при разработке и обсуждении любых законопроектов исходил из положений действующего закона и всякую новеллу органически отвергал. Делал он это совершенно бессознательно и, несомненно, был бы удивлен и даже обижен, если бы ему это кто-либо сказал. Однако самое удивительное (чего Плеве не знал) — это то, что коль скоро какая-либо новелла, даже такая, против которой он первоначально упорно возражал, проникала в законодательство, так он тотчас же не только с ней примирялся, но высказывался за ее строжайшее соблюдение и против всякого ее видоизменения столь же горячо возражал, как ранее упорно противился ее установлению. Если таково было вообще отношение Стишинского ко всякой, даже незначительной реформе, то по отношению к узаконениям о крестьянах оно выражалось с особенной яркостью. Институт земских начальников, как я уже упоминал, был его любимым детищем, и все, что в его представлении было способно умалить значение этого института, встречало с его стороны искреннее негодование. Выражалось это и отражалось на ходе дела в особенности тем, что, участвуя по должности товарища министра во 2-м департаменте Сената, он с необыкновенным упорством и энергией отстаивал обжалованные решения местных крестьянских учреждений.

Кроме того, Стишинский когда-то в далекой молодости составил вместе с неким Матвеевым небольшой, в несколько десятков страниц, сборник крестьянских обычаев в области наследования<sup>249</sup> и поэтому почитал себя за обязательного

249 В составленных П.А.Матвеевым сборниках «Очерки народного юридического быта Самарской губернии» (СПб., 1877) и «Сбор-

защитника крестьянского сословного, руководствующегося обычаями суда.

Все эти отличительные свойства Стишинского были известны, хотя не в полной мере, и мне, так как я имел с ним дело еще по работе в Особом совещании по делам дворянского сословия, управляющим делами которого он состоял, и меня, конечно, смущало, как при этих обстоятельствах пойдет у нас совместная работа и какие установятся личные отношения. На деле, однако, и то и другое наладилось без всякого труда и без малейших трений. Обусловлено это было двумя свойствами Стишинского весьма различного порядка. Первое из них состояло в том, что в представлении Стишинского воля и мысль всякого начальства были столь же священны и подлежали столь же строгому соблюдению, как действующий закон. По отношению же к Плеве, своему долголетнему начальнику, Стишинский держал себя в высшей степени подчиненно и никакие его решения никогда не оспаривал. Таким образом, коль скоро Плеве признал соответственным поручить другому лицу руководство, по существу, работами по пересмотру узаконений о крестьянах, а ему предоставил лишь председательствование в коллегиальном обсуждении вырабатываемых законопроектов, так Стишинский этому всецело подчинился. Другая причина, приведшая к установлению между нами наилучших отношений, была исключительная личная порядочность Стишинского. Абсолютно чуждый всякой интриге, лишенный к тому же чувства зависти и мелкого самолюбия, Стишинский вполне удовлетворялся той ролью, которая была ему предоставлена, и ни прямо, ни косвенно не стремился ее изменить.

ник народных юридических обычаев» (СПб., 1878) об участии А.С. Стишинского в их подготовке не сообщается.

В результате молчаливым между нами соглашением установился такой порядок, что большинство текущих дел по земскому отделу, в том числе почти все рапорты в Сенат, проходили мимо меня непосредственно к Стишинскому, который объяснялся по их поводу с моими сотрудниками, все же дела общего значения, а равно возникающие принципиального значения текущие дела, равно как все личные назначения по крестьянским учреждениям, проходили мимо Стишинского и докладывались мною непосредственно Плеве. Правда, доклады эти по обычаю должны были происходить в присутствии товарища министра, т.е. Стишинского, но на практике и этот порядок был отменен, так как Плеве назначил мне временем доклада те дни и часы, когда Стишинский должен был присутствовать во 2-м департаменте Сената. При этом Плеве отнюдь не скрывал, что делал это вполне сознательно, неоднократно встречая меня фразой: «Так как сегодня Александра Семеновича нет, нам можно говорить по душам».

Словом, создалось такое положение, что Стишинский не только не вмешивался в управление земским отделом, но был совершенно вне курса того, что в нем делается: многие выработанные в отделе законопроекты отправлялись на заключение ведомств, а затем представлялись в Государственный совет при полном неведении Стишинского о самом их существовании. И вот тут-то в особенности обнаруживалась необыкновенная добросовестность Стишинского. Дело в том, что в Государственном совете представления Министерства внутренних дел по земскому отделу должен был защищать он же, причем, однако, узнавал он об этом обыкновенно лишь за несколько дней до их слушания. И вот Стишинский в Государственном совете защищал эти представления во всех их мельчайших подробностях и лишь накануне их рассмотрения Советом, обычно в очень поздние часы ночи — мы оба занимались по ночам, спрашивал меня по телефону, как ему

наиболее убедительно мотивировать то или иное предположенное правило, которое ему не совсем понятно.

Свою добросовестность и совершенно исключительную деликатность по отношению ко мне Стишинский проявлял и в другом отношении, а именно — он считал своим долгом по всякому представлявшемуся ему важным делу, дошедшему до него помимо меня, спрашивать мое мнение. Происходило это также исключительно по ночам и по телефону, что, признаюсь, меня иногда просто бесило, так как то, что Стишинскому представлялось исключительно важным, в моем представлении имело лишь весьма малое значение, а объяснения по телефону, продолжавшиеся иногда часами, я просто ненавидел. Но, как я ни убеждал Стишинского, что мне совершенно безразлично, как Сенат решит то или иное дело, — наши телефонные разговоры касались преимущественно этих дел, — он все же в течение продолжительного времени продолжал таким путем спрашивать мое мнение, пока, наконец, не убеждался, что ничего путного от меня не добьется.

Впрочем, бывало, что мои сослуживцы, не особенно его любившие за его мелочность, никак не могли сговориться со Стишинским по какому-либо делу и в таком случае обращались ко мне с просьбой лично с ним переговорить, но обычно я, для скорости, направлял такие дела иначе, а именно — просто представлял их на подпись Плеве, который всегда подписывал подобные бумаги, не читая. Сам же Стишинский этого даже не подозревал, так как про всякое дело, уходящее из его непосредственного поля зрения, он тотчас забывал.

Столь же благополучно наладилось у нас и рассмотрение под председательством Стишинского проектов новых законоположений о крестьянах. Правда, вначале Стишинский стремился свести всю эту работу к введению в закон лишь последовавших в разъяснение действующего закона многочисленных сенатских решений, иначе говоря, к простой кодификационной работе, которую он тем более любил, что именно этим был

исключительно занят на своей предшествующей должности товарища государственного секретаря. Однако на этой позиции он удержался недолго, и я решительно не помню ни одного, даже мелкого, случая, когда бы он в конечном результате не согласился с моим мнением. В крайних случаях мне достаточно было сделать видимость уступки, состоящей в некотором изменении редакции предположенного новшества, чтобы получить и его согласие. При этом также проявлялась основная особенность Стишинского, а именно преклонение перед совершившимся. Согласившись, иногда после довольно упорных возражений, с каким-либо новым принципом, он уже почитал его священным и горячо поддерживал всякие предположенные способы его осуществления на практике. Именно это произошло с вопросом о поощрении крестьян выселяться на хутора и комассировать<sup>250</sup> свои надельные земли в отрубные участки. Считая первоначально, что это будет содействовать разрушению общины, неприкосновенность которой он, конечно, отстаивал, Стишинский против признания этой меры, принципиально желательной, в течение нескольких длительных наших совещаний упорно возражал, когда же, наконец, согласился, то превратился в самого горячего ее сторонника. При таких условиях участие Стишинского в разработке проектов новых узаконений о крестьянах не только не было вредным, а, наоборот, весьма полезным как редкого знатока всей обширной сорокалетней сенатской практики, несомненно осветившей многие стороны крестьянского быта и распорядков.

Восстанавливая в памяти образ Александра Семеновича, вспоминая неизменно существовавшие между нами лучшие отношения, невзирая на все различие наших политических взглядов, причем различие это становилось с годами все более

250 Комассировать (от фр. *comasseur*) — сосредотачивать.

резким, я не могу еще раз не подчеркнуть удивительное благородство его характера и чрезвычайную скромность. Я не знаю другого такого человека, который мог бы примириться с теми условиями, в которые нас поставил Плева; я не встречал людей, согласных столь добродушно и без малейшего чувства внутренней обиды или горечи превратиться в подручного лица, иерархически ему подчиненного. Конечно, этому помогало то обстоятельство, что Александр Семенович искренне был убежден в первостепенном жизненном значении тех дел, которые достались на его долю. Тем не менее Стишинский не мог не сознавать, да он этого, впрочем, и не скрывал, что о существе дела, которым он будто бы ведал, он не осведомлен. Не испытывать при таких условиях ни малейшего чувства неприязни ко мне, что в полной мере сказалось после кончины Плева, когда у него уже не могло быть никаких своекорыстных побуждений выказывать мне прежнюю дружбу, мог только человек глубоко порядочный и всецело лишенный мелкого самолюбия. Да, Стишинский был, несомненно, человеком, смотрящим на белый свет не иначе как через чрезвычайно узкую щель, но вместе с тем искренне преданным порученному ему делу и горячо любящим Россию. Чванства, горделивости в нем совершенно не было, а его покорность судьбе была необычайна. С особой силой проявилась эта черта у Стишинского уже после революции, когда, лишенный всяких средств, он вынужден был для обеспечения себе пропитания служить сначала в Одессе, а потом в Крыму переводчиком при французской миссии, получая за это ничтожное вознаграждение. Надо было видеть, с каким достоинством, без всякого кривлянья, спокойно и безропотно подчинялся он судьбе и как, почти семидесятилетний старик, привыкший в течение всей своей жизни к комфорту и довольству, мужественно переносил всевозможные лишения и бедствия. Правда, первоначально революция его сразила. Арестованный при Временном правительстве без предъявления ему каких-либо обвинений, он



просидел в одном из казематов Петропавловской крепости свыше месяца и вышел оттуда физически и нравственно разбитым. Я видел его почти тотчас после его освобождения из-под ареста и был поражен как происшедшей в нем переменной, так и отсутствием у него какой-либо злобы к лицам, ни за что ни про что подвергшим его тяжкому оскорблению. Видел я его засим в последний раз в Крыму осенью 1920 г., во время нахождения там армии генерала Врангеля, и вновь изумился, но на этот раз уже тому, насколько он легко, а следовательно, мужественно, перенес все бесчисленные испытания, которые выпали на его долю за истекшие уже к тому времени почти четыре года революции. Эвакуированный затем в Константинополь, Стишинский прожил там еще больше года, продолжая зарабатывать себе скудное существование упорным личным трудом. Но силы его, очевидно, уже иссякли, и первая схваченная им простуда уложила его в могилу. Мир покоящемуся на чужбине праху его!

Возвращаюсь к ходу работ по пересмотру узаконений о крестьянах. Как я уже сказал, главная цель, которую я преследовал при этом, — добиться так или иначе, правдами или неправдами, уничтожения земельной общины и перехода крестьян к личному и по возможности обособленному владению как надельными, так и приобретенными ими в составе обществ и товариществ землями. В этом вопросе надо было, разумеется, считаться прежде всего с мнением Плеве. На деле, однако, оказалось, что определенного мнения у него по этому коренному вопросу не было. С одной стороны, ему казалось, что общинная форма землевладения составляет неотъемлемую особенность всего крестьянского уклада. В этом его, между прочим, поддерживали однажды вызванные им в Петербург представители правого крыла московского дворянства и земства, мнением которых он весьма дорожил. При их участии состоялось у Плеве особое совещание, где обсуждались те главные основания, на которых надлежало бы произвести весь

пересмотр узаконений о крестьянах. Среди участвовавших в этом совещании припоминаю в настоящее время лишь Ф.Д. Самарина, туманно развивавшего туманный славянофильский взгляд по этому вопросу. Совещание это, имевшее, впрочем, характер беседы, причем Плеве даже не пригласил на него Стишинского, никаких заключений не формулировало и вообще ни к чему определенному не пришло, но по вопросу об общине голоса москвичей определенно раздавались за ее всемерное сохранение. С другой стороны, Плеве не мог не признавать, что понятие о праве собственности может быть прочно внедрено в русское крестьянство лишь при условии превращения самого земельного крестьянства в полноправного собственника состоящей в его пользовании земли. Несомненно влияло на Плеве, в смысле, разумеется, несколько отрицательного отношения к общине, то обстоятельство, что социалистически и революционно настроенные круги с жаром поддерживали общинное землепользование. Однако на сколько-нибудь решительную меру в этом направлении, как по малому знакомству с этим вопросом, что он, конечно, признавал, так вообще от отсутствия у него широкого реформаторского размаха, Плеве, конечно, не был способен. В результате, по правде сказать, никаких определенных указаний по этому предмету Плеве не дал. Было *implicite*<sup>251</sup> признано, что о насильственном, принудительном, силою закона, упразднении общины речи быть не может; что же касается мер, способствующих естественному распаду общины и степени их желательности, ничего заранее установлено не было. Для меня стало ясно, что вести открытую борьбу против общины как таковой не приходится, что таким путем никаких результатов достигнуть нельзя. Необходимо было действовать в этом направлении постепенно и по возможности прикрываться каким-либо

251 Неявно (фр.).

другим флагом; надо было перенести спор об общине в иную плоскость, говорить не о ней, а вообще о рациональном землеустройстве, при котором переход крестьян к личному землевладению хотя и входил непременно элементом, но не составлял сам по себе конечной цели. При такой постановке вопроса целью являлось разрешение задачи, по существу бесспорной, а именно повышение производительности земли, состоявшей в пользовании крестьян. В соответствии с этим я приложил все усилия к перенесению центра тяжести в проекте нового положения о землепользовании крестьян на те его разделы, которые касались собственно землеустройства крестьянских владений. Были разработаны подробные правила, имеющие в виду уничтожение дробности и чересполосности крестьянских земель, а также так называемого дальнего и длинноземелья. Эти чрезвычайно распространенные в средней черноземной полосе и не чуждые Малороссии существенные недостатки крестьянских владений, присущие как общинному, так и подворному земельному строю, можно упразднить лишь путем расселения крупных сел на мелкие поселки, а посему были облегчены все существовавшие формальные препятствия к такому расселению, прежде всего посредством предоставления определенному числу крестьян, входящих в состав общины, права выселиться из пределов общего селения в отдельный поселок, владеющий принадлежащими ему землями в более компактной окружной меже, чем достигается приближение полевых земель к селитьбенному месту. Однако вполне устранить эти недостатки, а главное, предоставить право каждому крестьянину вести свое хозяйство вполне самостоятельно, вне зависимости от общепринятой в крестьянской среде системы полеводства, иначе говоря, дать ему возможность постепенно перейти к более интенсивному землепользованию с многолетними и плодопеременными севооборотами, можно только при сведении всей состоящей в его пользовании земельной площади в одной окружной меже, иначе говоря — в один отрубной

участок. В соответствии с этими идеями в области крестьянского землеустройства основной и конечной целью было признано распределение всех крестьянских земель на отдельные самостоятельные участки с перенесением в их пределы жилых и хозяйственных строений, т.е. образование отдельных хуторов. Однако само собою разумеется, что хуторская система крестьянского землевладения осуществима только при праве личной собственности на землю. Община, по самому своему существу, вполне обособленного землепользования без самоупражнения допустить не может, так как передел земли, как всякому известно, при нем фактически неосуществим. Тем не менее в таком виде меры, направленные к предоставлению отдельным членам общины права выхода из нее, с одновременным выделением в их личную собственность причитающейся им доли общинной земли, утрачивали характер юридический, направленный к распаду общины, приобретая значенные меры экономической, преследующей повышение в крестьянской среде уровня сельскохозяйственной техники, т.е. крестьянского благосостояния.

Конечно, это был фортель слегка парадоксального свойства, и притом впоследствии несколько извративший правильное осуществление высочайшего указа 9 ноября 1906 г. о праве выхода из общины. Действительно, лица, осуществлявшие этот указ, руководствовались в своей работе изложенными, выработанными в земском отделе правилами, очевидно даже не подозревая, что при их составлении не предполагалось ни их точного осуществления, ни даже их превращения в закон.

Составлены они были в надежде, что при их рассмотрении местными деятелями последние в большинстве выскажутся за более решительное и быстрое разрушение общины и насаждение хотя бы подворного землевладения и не свяжут этой необходимой юридической меры, могущей быть проведенной в весьма короткий срок, со сложными и длительными работами собственно по землеустройству. Мне казалось, что нужно

было лишь ввести мысль в иное, чуждое политики, экономическое русло, чтобы для всех стала понятна необходимость закрепления за крестьянами владеемой ими земли на праве личной собственности.

Для меня же при этом было очевидно, что сразу перейти от общинного владения к хуторскому крестьяне многих областей России не были в состоянии за отсутствием ряда других, необходимых для сего условий. Предположенный порядок, несомненно, перескакивал целый этап естественной эволюции крестьянского землепользования. Непосредственный переход от общинного землепользования, минуя естественный промежуточный этап личного подворного владения, конечно, трудно осуществим в сколько-нибудь широком размере. Для меня это был лишь тактический прием, при помощи которого можно было при существовавшей тогда общей конъюнктуре провести под правительственным штемпелем товар, почитавшийся за контрабандный, разрушение общины. Пользуясь этим приемом, избегалась необходимость говорить об общине по существу и возможно было, наоборот, связать воедино как общинное, так и личное подворное крестьянское землевладение, так как обе эти формы с точки зрения экономической обладают одинаковыми недостатками. Как я уже сказал, весь центр тяжести был перенесен в область сельскохозяйственную, причем переход от общинного к личному землевладению в юридическом отношении являлся лишь естественным и неизбежным последствием, а не самоцелью.

При этом по необходимости право отдельных крестьян выйти из общины с выделением в их личное владение обособленного, соответствующего причитающейся им доле общинной земли участка было ограничено определенными случаями. Оно предоставлялось отдельным крестьянам лишь при производстве общиной очередных земельных переделов, а в другое время — лишь в случае заявления о желании выйти из общины группой крестьян, если память не изменяет, не менее 20 или

составляющих не менее 1/5 общего числа домохозяев данной общины.

Весьма любопытно, что совершенно однородное правило было единогласно проектировано на состоявшемся в марте 1922 г. в Москве агрономическом съезде, хотя участниками этого съезда были в подавляющем числе либо коммунисты, либо социал-демократы, причем лица не социалистического образа мысли были лишены возможности свободно или, вернее, безнаказанно их высказывать.

Подчеркну еще раз, что для меня главное, если не все, значение производившихся в описываемое время работ состояло в том, чтобы выявить основные недостатки нашего крестьянского строя и одновременно создать в виде выработанных проектов ту канву, на которой местные люди, введенные в известный круг вопросов и как бы вдвинутые в определенное русло мышления, могли бы вышить узоры, соответствующие действительному положению вещей.

В вопросе о крестьянском общественном управлении я стремился навести мысль на создание всесословной волости, причем в соответствии с этим проект сельского и волостного общественного устройства строил на таком расчете, чтобы путем незначительных введенных в него редакционных изменений он мог быть превращен в проект устройства всесословного сельского и волостного общества.

В вопросе о крестьянском землепользовании основной целью было раскрытие полной невозможности поднять крестьянское благосостояние без предварительного разрушения общины и одновременно наметить те широкие задачи по землеустройству крестьян, приступить к осуществлению которых можно только после признания за крестьянами права личной собственности на состоящие в их владении земли. В этом вопросе я опять-таки надеялся, что местные люди укажут на необходимость принять значительно более решительные

меры, нежели я имел возможность внести в составлявшиеся в земском отделе проекты.

Что же касается волостной судебной реформы, а именно проектов волостного судопроизводства и судоустройства и предположенных сельских уставов о наказаниях и договорах и правил о наследовании надельными землями, то я ими интересовался в значительно меньшей степени. Не будучи ни юристом-практиком, ни даже юристом по образованию, я, естественно, не мог иметь в этом вопросе компетентного мнения. С житейской же точки зрения мне казалось, что если невозможно распространить на все население страны действие общих судебных установлений, чему, несомненно, препятствовали многие материальные причины, и прежде всего недостаток нужного количества лиц с соответственным образовательным цензом для занятия судебных должностей во всех сельских местностях — число наших волостных судов превышало 28 тысяч, а также отсутствие у казначейства достаточных денежных средств для их оплаты и, наконец, немыслимость обязать волостной крестьянский суд руководствоваться X томом Свода законов<sup>252</sup>, то все же лучше по возможности, усовершенствовать волостное судопроизводство и судоустройство и дать волостным судьям хотя бы какие-нибудь писанные нормы права, нежели оставлять их в том первобытном положении, в котором они фактически находились<sup>253</sup>, и предоста-

252\* В X томе Свода законов находились Законы гражданские.

253\* Волостные суды при разрешении споров руководствовались местным обычаем и не пользовались общим гражданским правом. Разбирая дела о проступках, волостной суд пользовался Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а также имел специальную юрисдикцию — он мог судить за «мотовство и пьянство, повлекшее расстройство хозяйства»; для всех остальных сословий такое деяние не составляло преступления.

вить им по-прежнему применять фактически в большинстве местностей и по большинству вопросов несуществующее и, во всяком случае, туманное и расплывчатое обычное право. Естественно, что при таких условиях я вообще не добивался составления совершенных во всех отношениях проектов крестьянских узаконений, тем более что я вполне сознавал, что ранее их превращения в закон они пройдут еще множество разнообразных стадий, в течение которых, по окончательном выяснении положенных в их основу принципиальных положений, возможно и должно будет их усовершенствовать. Но чему я придавал огромное значение - это спешности. Зная по опыту, как нестерпимо долго тянулось у нас прохождение всякого сколько-нибудь значительного закона, я считал нужным прежде всего считаться с элементом времени.

К сожалению, совершенно иного взгляда придерживался Стишинский. Как по присущей ему добросовестности, так и по врожденному у него отсутствию способности заглянуть сколько-нибудь вперед и предусмотреть ход событий, ему представлялось, что каждая статья проекта уже завтра превратится в закон и, во всяком случае, не подлежит ни малейшему изменению. На передачу выработанных проектов на обсуждение местных людей он смотрел как на формальность, от которой лично охотно бы отказался. Возможности изменения заложенных в проекты основных положений он, конечно, совершенно

Еще более широкую особенную юрисдикцию волостного суда составляли «маловажные преступления и проступки», максимальное наказание за которые составляло 7 дней ареста либо штраф в 3 рубля. Определение состава таких проступков было оставлен законом полностью на усмотрение суда, а юридические принципы, которым суд должен был следовать, определялись особыми краткими правилами, заменяющими общую часть общеуголовных законов.



не допускал, но высказать ему мой взгляд на это я лишен был возможности. При таких условиях он невольно несколько затягивал окончание работы.

Хотя мы собирались в весьма разнообразном составе для совместной работы в течение всей зимы 1902—1903 гг. не менее трех раз в неделю, причем наши поневоле вечерние — так как день был занят текущей работой — собрания нередко затягивались далеко за полночь, все же к лету 1903 г., т.е. приблизительно через шесть месяцев от начала работ, ничего вполне закончено не было. Были разработаны отдельные части различных проектов, но между собою еще не согласованы. Работы, проведенные Шиловским и Башмаковым, были, можно сказать, в хаотическом состоянии. Объяснительные записки, в особенности постатейные объяснения, также не были еще закончены. Совершенно отсутствовала общая объяснительная записка, разъясняющая в кратких чертах основные положения выработанных проектов и дающая сжатое изложение содержащихся в них отдельных правил.

За множеством других работ ни я, ни мои сотрудники не могли всецело сосредоточиться на реформе крестьянского законодательства. Действительно, одновременно в земском отделе был разработан весьма сложный проект ликвидации сервитутных прав<sup>254</sup> крестьян на частновладельческих землях в девяти западных губерниях, причем для его обсуждения было созвано весьма многолюдное совещание с участием лиц из местной администрации, а равно местных землевладельцев. Одновременно разрабатывался и рассматривался в основных чертах, под председательством самого Плеве, при участии некоторых председателей губернских земских управ, проект

254 Сервитутные (от лат. *servitus* — подчиненность) права — ограниченные законом права пользования чужим имуществом, например, право прохода по земельному участку соседа.

новой постановки всего продовольственного дела. Между тем я твердо решил, что к концу 1903 г. вся работа по крестьянскому делу, в ее первой стадии, должна быть не только закончена, но технически завершена, т.е. напечатана.

Словом, я вскоре убедился, что единственный способ закончить работу в намеченный срок — это временно освободить себя и главных моих сотрудников от всяких иных занятий, что было, однако, возможно, лишь физически оторвав и себя и их от земского отдела. С этой целью я испросил у Плеве разрешение уехать недель на шесть из Петербурга к себе в имение под Тверью, захватив с собою несколько лиц, которые дадут окончательную законченность всей произведенной работе.

Плеве на это охотно согласился, и в половине июня я выехал из Петербурга вместе с пятью лицами, а именно Зубовским, Цызыревым, Шиловским, Зноско-Боровским и Петровым. Работа в деревне у нас закипела. Весь день мы посвящали работе, а по вечерам совместно обсуждали возникшие в течение дня при производстве работы сомнения и недоразумения. При этом Зубовский приводил в окончательный вид положение о землепользовании крестьян, а также проект правил об ограничении крестьянских наделных земель, причем заканчивал объяснительные к ним записки. Шиловский и главным образом Петров заканчивали работы по волостной судебной части, а Цызырев и Зноско-Боровский работали над отделкой положения о крестьянском общественном управлении, дополненного правилами о мирских крестьянских сборах. Я, со своей стороны, просматривал всю произведенную ими работу и взял на себя составление общей ко всем работам объяснительной записки, часть которой, а именно касающаяся крестьянского общественного управления, была, впрочем, в первоначальной редакции написана Цызыревым.

При составлении этой записки я прибег к фортелю, а именно учредил особую, анонимную, будто бы образованную

при Министерстве внутренних дел редакционную комиссию по пересмотру узаконений о крестьянах, с указанием, что она состоит под председательством товарища министра Стишинского, и повел все изложение дела от ее имени, причем вложил ей в уста разнообразные, будто бы ею высказанные соображения и суждения, в действительности никогда и никем при производстве работы не произнесенные. Прием этот представлялся мне наиболее удобным ввиду того, что произведенные работы не должны были носить штампа министерства, т.е. иметь санкцию самого министра: министерство как таковое в моем представлении не должно было быть ни в чем связано произведенной работой, мнение его должно быть высказано им лишь после рассмотрения выработанных проектов на местах при участии лиц, как было сказано в обнародованном 26 февраля 1903 г. манифесте, «доверием общественным обличенных».

Сама записка была разделена на три части. В первой части изложены существующие недостатки крестьянского общественного управления и одновременно указаны те причины, по коим слияние крестьян в порядке их управления с остальными сословиями является преждевременным. Вторая часть заключала резкую критику действующих волостных судов и господствующих в них порядков, причем она заключала указание на то, что благодаря отсутствию твердых норм права, которыми бы руководствовался волостной суд, крестьяне не знают ни своего, ни чужого права, ни своих, ни чужих обязанностей. Наконец, в третьей части были перечислены все многочисленные и разнообразные недостатки в области землепользования и землеустройства крестьян и развита та основная мысль, что крестьянское благосостояние зависит от степени возможно быстрого устранения этих недостатков, после чего перечислялись предположенные в этом направлении меры.

Возвратившись по окончании работы в Петербург, я тотчас представил в печатном корректурном экземпляре составленную записку Плеве, который внимательно ее прочел, о чем я мог судить по некоторым, правда незначительным, введенным им лично в нее изменениям.

К сожалению, сохраненный мною экземпляр записки с собственноручными замечаниями Плеве не только не имеется у меня теперь в руках, но, по всей вероятности, вообще погиб вместе со всеми моими обширными семейным и личным архивами, и поэтому я не могу в точности указать, что именно обратило особое внимание моего тогдашнего шефа. Насколько мне помнится, изменения Плеве сводились к некоторому смягчению критики крестьянского самоуправления и волостного суда. Я должен к этому прибавить, что чтением этой записки и ограничилось ознакомление Плеве с выработанными проектами, основные положения которых ему хотя, конечно, и были известны, но далеко не в полной мере. Плеве был, однако, прав, когда не желал тратить на это время, так как вполне понимал то, чего Стишинский не был в состоянии усвоить, а именно, что до превращения проекта в закон он неизбежно пройдет через многие превращения. Записка же интересовала Плеве потому, что она предназначалась для государя и в случае ее одобрения должна была быть тотчас опубликована во всеобщее сведение.

Замечательно, что единственное лицо, фактически ответственное за содержание записки, а именно Стишинский, так как от имени будто бы возглавляемой им комиссии она была написана, не принимал никакого участия ни в ее составлении, ни в ее утверждении, причем не выразил по этому поводу ни удивления, ни недовольствия.

По одобрению записки государем она была целиком напечатана в «Правительственном вестнике»<sup>255</sup> и вызвала довольно оживленные суждения в повременной печати. Со стороны передовой печати изложенные в записке предположения, разумеется, подверглись всесторонней критике и в общем не встретили сочувствия. Либеральные органы при этом не преминули отметить противоречие между признанием волости сплошной территориальной единицей и приведенными по этому поводу мотивами и ограничением состава волостного общества лицами бывших податных сословий.

Помещенные в объяснительной записке фразы: «Те интересы и дела, которые вверяются заведованию волостных обществ, представляются не узкими интересами внутреннего благоустройства отдельных поселков, а более широкими интересами общественного хозяйства и управления, касающимися известного района уезда. В этом смысле волостная организация имеет некоторые черты земской организации, а потому принадлежность к составу волостных обществ должна определяться главным образом признаками владения имуществом в пределах волостной территории», — были воспроизведены едва ли не во всех органах либеральной прессы; «Вестник Европы» при этом указывал<sup>256</sup>, что из заключающихся в этих фразах «бесспорных выражений вытекает, по-видимому, только один логический вывод: волость, как обнимающая всю территорию данного района и соприкасающаяся по своим задачам с земскими учреждениями, должна быть всесослов-

- 255 См.: Очерк работ редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах // Правительственный вестник. 1904. 9, 10 января.
- 256 Обширный комментарий к составленному Гурко «Очерку работ редакционной комиссии...» занял большую часть «Внутреннего обозрения» № 2 «Вестника Европы» за 1904 г.

ной». «Однако редакционная комиссия, — продолжает «Вестник Европы», — ничего не говоря о причинах, побуждающих ее отступить от только что принятых ею предпосылок, ограничивает состав волостного общества лицами податных сословий».

Такое же противоречие отметила пресса и в трудах комиссии, касающихся волостной судебной части. Тут приводились следующие суждения, заключающиеся в составленной мною объяснительной записке: «Одновременное существование в государственной жизни двух отдельных систем государственного права: писаного, т.е. общего гражданского закона, и неписаного, т.е. обычаев, применяемых во внутренних отношениях известной группы и слоев населения, не может не вызвать между ними постоянной борьбы, результатом которой всюду и всегда является победа закона над обычаем. Законодатель должен не только не препятствовать гражданско-правовому сближению крестьянства с остальными сословиями, но, напротив, всячески способствовать этому сближению, ибо население страны может сплотиться в цельный и сильный общественный организм не прежде, чем все его составные части придут к полному объединению в сфере гражданского права». Суждения эти либеральная пресса признавала азбучными истинами и выражала удивление, что в явный разрез с ними тем не менее редакционная комиссия проектировала сохранение волостного суда и вооружение его писаными кодексами, не вполне согласованными с соответствующими отделами X тома Свода законов и представляющими сводку почти отрицаемых самой редакционной комиссией обычаев.

Мысли эти, однако, не разделялись всеми либеральными элементами страны. Так, гр. Беннигсен, впоследствии член Государственной думы, принадлежавший к левому крылу октябристов, в брошюре под заглавием «К вопросу о пересмот-

ре крестьянского законодательства»<sup>257</sup>, заключающей весьма либеральные положения и в общем одобренной либеральной печатью, высказывался за сохранение волостной судебной юрисдикции и против распространения на крестьян общего гражданского кодекса. «Начало справедливости, — писал он, — лежит в основе всех решений волостных судов и служит тем кодексом, из которого они почерпают мотивы для их обоснования». «В нашем волостном суде, — говорил он далее, — есть все задатки для того, чтобы стать истинным выразителем народного правосознания».

Столь же решительно высказывался в том же смысле на страницах «Вестника Европы» примыкавший к народническому течению публицист Слонимский, говоря, что «у крестьян свое правовое творчество»<sup>258</sup>.

257 См.: Беннигсен Э.П. К вопросу о пересмотре законодательства о крестьянах: Из записок практика. СПб., 1902.

258 В начале 1904 г. в «Вестнике Европы» было опубликовано только две статьи Л.З.Слонимского «Наши экономические задачи и крестьянский вопрос» (№ 1) и «Новейшие противники общины» (№ 2), в которых приведенных Гурко слов обнаружить не удалось. Возможно, Гурко имеет в виду следующее место из статьи Л.З. Слонимского «Современные задачи»: «Так называемые общие гражданские законы были и остаются вовсе не общими, а сословными, приноровленными к быту крепостной России. Сословие свободных сельских обывателей, созданное крестьянской реформой, осталось вне действия гражданских законов по той простой причине, что оно еще не существовало во время составления этих законов и, следовательно, не имелось ими в виду; а применить к специальным поземельным и бытовым отношениям крестьянства гражданские постановления, предназначенные для чиновников, помещиков и горожан, было бы явною нелепостью» (Вестник Европы. 1902. № 7. С. 324).

Такая же разногласица обнаружилась по-прежнему и в вопросе об общинном землепользовании, хотя надо сказать, что самый важный отдел трудов редакционной комиссии, а именно о землепользовании крестьян, подвергся наименьшему обсуждению. Очевидно, что за той, правда пустой, оболочкой предположенных в нем мер экономического свойства, а в особенности сопровождавших эти меры мотивов, пресса не усмотрела их глубокого политического значения, не поняла, что это скромный, но решительный поход против земельной общины. Наиболее прозорливой оказалась в этом отношении крайняя левая пресса. Так, «Русское богатство» прямо указало, что весь проект направлен к «искусственному расслоению крестьянства», не без основания видя в нем ту «ставку на сильного», которую значительно позднее провозгласил Столыпин. В доказательство того, что у крестьян общее чувство и общее движение, «Русское богатство» между прочим приводило, что в аграрных беспорядках и грабежах участвовали в одинаковой степени бедные и богатые крестьяне, и из этого приходило к заключению, что это «не грабеж, а стихийное движение».

Само собою разумеется, что противники общины находили, что проект редакционной комиссии не заключал достаточных мер по уничтожению этого зла. Зло это в их представлении было основное. Так, А.П.Никольский в помещенных еще до опубликования проектов в «Новом времени» статьях под заглавием «Крестьяне, община и X том»<sup>259</sup> пророчески указывал, что «в народе зреют опасные зачатки разрушительного

259 См.: Никольский А.П. Земля, община и X т. // Новое время. 1902. 19, 21, 23, 27 февраля; И, 15, 18, 21—23 марта. Кроме того, Никольский статьей «Послесловие о земле и общине» (Там же. 17 апреля) ответил на критические отзывы Н. Энгельгардта и других авторов.



социализма, так как условия и порядки общинного быта дают понятие только о собственности общей, а не индивидуальной». Говоря о тех перспективах, которые сулит в будущем обособление крестьянства, он с пафосом восклицал: «Разум, совесть и патриотические чувства возмущаются при одной мысли, что эти печальные перспективы могут стать действительностью».

Словом, в конечном результате довольных выработанными проектами среди передовой, наиболее деятельной части общественности не оказалось вовсе. Однако объясняется это, помимо существующего с давних пор в русском обществе коренного расхождения взглядов в крестьянском вопросе, тем штемпелем, который стоял на этих проектах. Само собой разумеется, что под фирмой редакционной комиссии все видели Министерство внутренних дел или, вернее, главу этого ведомства — Плеве, между тем ко времени появления в печати упомянутой объяснительной записки отношение подавляющей части общества к Плеве было определено и резко отрицательное.

По этому поводу не могу не указать еще на одну особенность Плеве, а именно на неумение его использовать то средство, которым пользуются решительно все правительства и которым умело пользовался Витте, а именно гласностью. Он поддерживал близкие отношения с такими органами печати, как «Московские ведомости» и «Гражданин», которые не только не пользовались влиянием в сколько-нибудь широких общественных кругах, а, наоборот, презирались. Поддержка этих органов только вредила общественному положению Плеве, вредила и тем мерам, которые он проводил. Даже такую благонамеренную газету, как «Новое время», всегда готовую помочь правительству, не сумел Плеве использовать в этом отношении.

Я вынужден признаться, что сам тоже вовсе не заботился об этой стороне дела. Центр тяжести в то время находился еще всецело в известных правительственных кругах, и мне дума-

лось, что на них следует в особенности воздействовать, причем полагался и на то, что, когда местные люди ознакомятся с выработанными проектами, они поддержат и разовьют те заключающиеся в них правила, которые были направлены к созданию всеобщей волости, с одной стороны, и к упразднению общины — с другой. Но я вполне сознавал, что с этим делом надо спешить, и поэтому прилагал все усилия к скорейшему окончательному завершению уже чисто технической части работы, а именно отпечатанию всего нужного количества экземпляров пространных трудов «редакционной комиссии», в существование которой каким-то странным образом, кстати сказать, сам уверовал.

В результате в половине января 1904 г. вся эта работа была закончена, а также составлена подробная программа порядка рассмотрения образованными уже к тому времени Высочайшим указом 8 января губернскими совещаниями посланных на их заключение проектов. Программа эта, имевшая в виду по возможности облегчить сложную работу губернских совещаний, а вместе с тем дать возможность впоследствии без особого труда составить свод их заключений, отнюдь не имела в виду в чем-либо стеснять свободу их суждений. Наоборот, в ней подчеркивалось желание получить определенные ответы на все принципиальные вопросы, связанные с пересмотром крестьянского законодательства, причем в препровожденных опросных листах было обеспечено особое место для выраженных в среде совещаний мнений как большинства, так и меньшинства, а равно особых мнений по вопросам, относящимся к такой постановке крестьянского дела, которая проектом не предусмотрена либо не предположена.

Одновременно мне рисовался и будущий ход дела, а именно я надеялся, что не далее осени 1904 г. заключения губернских совещаний поступят в министерство и что, следовательно, к началу 1905 г. возможно будет на их основании соответственно переработать проекты и представить их в

Государственный совет. При этом предполагалось испросить согласие государя на образование в Государственном совете особой комиссии для рассмотрения представленных проектов, подобно тому как это было сделано в отношении нового уголовного уложения, что, разумеется, значительно бы ускорило ход дела и, быть может, привело бы его к окончанию в осеннюю сессию 1905 г.

Меня не смущало то обстоятельство, что в Высочайшем указе Сенату об образовании губернских совещаний для рассмотрения проектов новых узаконений о крестьянах было, между прочим, сказано: «Признали Мы необходимым сохранить за крестьянами сословный строй и неотчуждаемость крестьянских владений надельных земель». Сословный, крестьянский строй вовсе не препятствовал превращению волости во всесословную, что же касается закона о неотчуждаемости надельных земель<sup>260</sup>, то хотя я и признавал его за вредивший и едва ли не более всего остального тормозивший слияние крестьян с другими сословиями, но хорошо знал, что об его отмене в то время, как, впрочем, и позднее до самой революции, не могло быть и речи. За сохранение этого закона в своем ослеплении стояли одинаково рьяно как все правительство, так и вся сколько-нибудь передовая общественность.

260\* Гурко имеет в виду не полную неотчуждаемость надельной земли, а невозможность продать ее кому-либо, кроме как члену своей же общины, то есть неотчуждаемость ее от общины, а не от крестьянского двора. Продажа надельной земли однообщинникам (правда, только в случае переселения) допускалась и до начала описываемых Гурко работ по разработке реформы. В ходе аграрной реформы 1906 года крестьяне, укрепившие участки в собственность, также не получили права продавать их кому-либо, кроме однообщинников; при этом была открыта возможность для крестьян скупать наделы в разных общинах, вступая одновременно в каждую из них.

Правительство видело в этом законе обеспечение от внедрения в сельскую среду посторонних крестьянству элементов; общественность усматривала в нем охрану крестьян от их обезземеливания элементом капиталистическим, и в особенности мелкокапиталистическим. Кулак был тем жупелом, которого в особенности в то время пугалась наша сентиментальная, дряблая общественность.

Гораздо более смушало меня то обстоятельство, что в состав губернских совещаний вводились наряду с представителями дворянства, избранными собраниями предводителей и депутатов, члены от земства, приглашенные губернаторами в числе не менее одного на уезд. Такое различие, а в особенности сам факт включения в состав совещаний членов от земства не по их избранию, а по выбору губернаторов должен был сразу восстановить земскую среду против проектированных узаконений. Однако переубедить Плеве в этом отношении не было никакой возможности. Он сказал, что ему довольно опыта учрежденных в 1902 г. уездных сельскохозяйственных комитетов, составленных из лиц по выбору уездных предводителей, чтобы идти дальше по этому пути.

Единственно, чего я мог достигнуть, это согласия Плеве на определенное указание губернаторам, чтобы они не подбирали искусственно в земской среде лиц только правого направления, а приглашали бы наиболее видных земских деятелей независимо от их политических взглядов.

Отчасти с этой целью, но главным образом чтобы ввести губернаторов, имевших председательствовать в губернских совещаниях, в курс спорных вопросов, затрагиваемых узаконениями о крестьянах, я предложил созвать губернаторов в Петербург, разделив их на несколько очередей, с тем что бы здесь им можно было подробно разъяснить основную сущность проектов, а в особенности тот технический порядок, который необходимо было обеспечить для самой возможности использовать труды совещаний.

На это Плеве охотно согласился, и во второй половине января в Петербург съехались губернаторы первой очереди, если не ошибаюсь, числом около пятнадцати. На первом их собрании председательствовал Плеве, причем решительно заявил, что не должно быть и речи о подборе земских деятелей по их политическим убеждениям, что необходимо пригласить в особенности тех земцев, которые известны своим знанием крестьянского быта и крестьянских распорядков. Затем он предоставил мне слово, и я изложил сущность проектов, причем особенно подробно остановился на проекте положения о землепользовании крестьян, указав, что, в моем представлении, в нем заключается центр всего вопроса. Крестьяне, сказал я, чтобы быть полезными членами самоуправляющейся, хотя бы и сословной, единицы, должны быть прежде всего материально сами обеспечены. Этой обеспеченности крестьянину существующие земельные порядки не только не дают, но всецело ей препятствуют. Если не может быть речи о насильственном упразднении общины, то еще менее допустимо насильственное удержание в составе общины крестьян, желающих из нее выйти на экономический простор.

Далее Плеве предложил участвующим высказаться со своей стороны или предложить какие-либо вопросы, если они таковые имеют. Но здесь, увы, обнаружилась полная неподготовленность большинства прибывших губернаторов. Вопросы, которые они ставили, выказали это в полной мере, но в особенности отличился калужский губернатор Офросимов, про которого, впрочем, в Калуге говорили, что он глух умом, сердцем и ушами. Плеве, любивший ставить людей в неловкое положение, предложил ему какой-то вопрос, смысл которого Офросимов не расслышал и ответил поэтому нечто совершенно несообразное. Вообще среди прибывших тогда провинциальных администраторов на всех, а в том числе на Плеве, произвел наибольшее впечатление кн. С.Д.Урусов, бывший в то время губернатором в Кишиневе. Рассуждал он весьма

толково, причем, однако, явно старался подладиться под тон министра. Не прошло тем не менее и двух лет, и кн. Урусов резко перекинулся в левый кадетский лагерь.

Дальнейшим съездам представителей губернской власти в Петербурге для ознакомления с основными взглядами министерства по крестьянскому вопросу не суждено было состояться. Не успели губернаторы, созванные в первую очередь, разъехаться по своим местам, как разразилась война с Японией, и пришлось вместо приглашения в Петербург намеченных во вторую группу губернаторов предложить находящимся в столице немедленно вернуться к местам их службы, дабы блюсти за производством последовавшей вследствие войны мобилизации запасных. При этом все остальные вопросы поневоле отошли на второй план, и собственно при Плеве пересмотр крестьянского законодательства, поскольку он производился в Министерстве внутренних дел, уже больше не двинулся ни на йоту.

Мне, однако, хотелось по возможности поддержать в тех кругах, которые могли оказать влияние на дальнейший ход этого вопроса, интерес к нему и пропагандировать в их среде то направление этого дела, которое казалось мне единственно правильным. В этих видах я воспользовался тем, что был участником так называемых экономических обедов, и предложил руководителям этих собраний сделать сообщение о произведенных в Министерстве внутренних дел работах по пересмотру крестьянского законодательства.

В те годы, о которых идет речь, когда общественная жизнь в столице была так мало развита, когда о публичном сообщении представителя правительственной власти о каких-либо предполагаемых реформах никому не могло и сниться, экономические обеды, происходившие обычно раз в месяц, а не то и реже и собиравшие от сорока до пятидесяти человек, представляли почти единственный общественный центр, могущий хоть сколько-нибудь, через посредство отдельных своих участ-

ников, влиять на принятие того или иного решения государственной властью.

За этими обедами собирались наиболее интересующиеся экономическими вопросами члены Государственного совета, которые и составляли основное ядро этих собраний; некоторые представители науки и научной публицистики, в том числе и принадлежащие к левому социалистическому лагерю, как, например, профессор Ходский, а также другие, более или менее известные лица. Постоянным секретарем этого кружка состоял гр. Ростовцев, председательствовали же по очереди наиболее видные участники обедов. Эти собрания в отдельном зале ресторана Донона состояли в том, что тотчас после скромного обеда один из участников делал сообщение по какому-либо злободневному, преимущественно экономическому, вопросу, за которым следовали прения. В общем в этой группе господствовало критическое отношение к экономической политике Витте, служившее, по-видимому, главным цементом, объединяющим участников этих собраний, и поэтому здесь подвергались обсуждению преимущественно мероприятия Министерства финансов как предположенные, так и уже осуществленные, последние — с точки зрения тех результатов, которые они порождали. В начале года неизменно обсуждался утвержденный государственный бюджет, причем докладчиком являлся П.Х.Шванебах. Приглашались иногда на эти обеды и лица, не принадлежавшие к постоянному составу их участников, преимущественно приезжие земцы.

Мое предложение сделать сообщение по вопросу о реформе крестьянского законодательства было охотно принято и собрало небывало большое количество участников обедов, причем среди них были в довольно значительном числе земские деятели.

Доклад мой, направленный, разумеется, к защите проектов министерства, я построил, однако, здесь на совершенно иных мотивах, нежели те, которые были помещены в опубли-

кованной объяснительной к ним записке. Здесь я прямо заявил, что государство должно стремиться к слиянию, а не разделению отдельных слоев населения и что посему всякое специально сословное законодательство подлежит не развитию, а упразднению. Однако такое слияние провести в одночасье, сразу не везде и не всегда возможно; жизнь не глина, сказал я, и лепить ее в любые формы не дано законодателю. Необходим известный подготовительный процесс, нужны некоторые промежуточные этапы. Вот этим промежуточным этапом и является выработанный проект. В сущности, это ряд мостов, соединяющих общее законодательство со специальным крестьянским и приближающих последнее к первому. Затем я тут же указал на те введенные в узаконения о крестьянах новеллы, которые сближают их с общим законодательством страны, а также на легкую техническую возможность превращения положения о крестьянском общественном управлении в положение о всесословной мелкой земской единице, а положения о землеустройстве крестьян — в закон, могущий на практике привести к весьма быстрому превращению всего общинного землевладения в личное: достаточно для этого предоставленного по проекту лишь определенной группе лиц права во всякое время выйти из состава общины предоставить каждому отдельному общиннику, чтобы фактически община, как группа земельных собственников, периодически переделывающих между своими членами принадлежащую ей земельную площадь, перестала существовать. В таком случае все общинники, у которых при переделе количество состоящей в их владении земли уменьшится, немедленно из нее выйдут; остающимся же передел окажется бесполезным, так как не будет того объекта, за счет которого они могли бы увеличить свои владения.

Наконец, по вопросу о новом устройстве волостной судебной юстиции я также указал, что это лишь переход к подчинению крестьян общим судам и общему юридическому



кодексу, так как фактически проект нового устава о сельских договорах и правила о наследовании в наделных землях (первый — всецело, а второй — отчасти) воспроизводят нормы проекта нового гражданского уложения. Закончил я тем, что лица, стремящиеся к скорейшему слиянию всех сословий в порядке управления, суда и земельных отношений, должны всячески содействовать превращению в закон разработанных проектов, внося в них те дальнейшие новеллы, которые еще более приблизят этот проект к действующему общему законодательству. Не преминул я, конечно, при этом подчеркнуть, что министерство вовсе не смотрит на выработанный проект как на нечто окончательное, а лишь как на канву, по которой местные люди могут вышивать любые узоры.

Данное мною освещение выработанных проектов, видимо, в значительной степени примирило с ними большинство присутствующих, но зато еще больше восстановило против них сторонников общины, к спору о которой преимущественно свелись все последующие прения.

Доклад мой, в общем довольно пространный, я отпечатал на правах рукописи и затем раздавал тем лицам, влияние которых, мне представлялось, могло содействовать превращению проектов новых узаконений о крестьянах в предполагаемом смысле — в закон. Любопытнее всего, что моим докладом остался вполне доволен Стишинский, заявивший мне, что я избрал замечательно хороший способ *captatio benevolentiae*<sup>261</sup> в пользу возбужденных проектов. Гораздо тоньше оказался и здесь Плеве, который весьма интересовался впечатлением от моего доклада, равно как и его содержанием, с которым он ознакомился по его напечатании. Он без обиняков мне сказал:

261 Снискания расположения (лат.).

«А ведь вы гнете в другую сторону, но я еще сам далеко не уверен, какая сторона правильна».

Надо сказать, что к этому времени мне пришлось уже многократно беседовать с Плеве о крестьянском вопросе и, между прочим, о том, что крестьянство отнюдь не представляет однородную массу, что община, принуждая наиболее энергичных крестьян равняться в отношении системы полеводства и вообще использования природных сил почвы по наименее предприимчивым и развитым своим сочленам, тем самым заставляет их искать выход для своих творческих сил в какой-либо иной отрасли занятий. Деревенские кулаки, утверждал я, наиболее крепкий среди крестьянства элемент, и не их вина, что, не имея возможности развить в сколько-нибудь полной степени свою энергию в области сельского хозяйства, они ищут других выходов и вследствие этого превращаются в мелких торговцев и ростовщиков. Не находя достаточного применения своему собственному труду, они обращаются к эксплуатации чужого труда, в чем община им не только не препятствует, а, наоборот, содействует. Система помощи слабым и опека их от сильных извращает деятельность сильных; слабых же лишь ослабляет, так как не воспитывает в них умения противостоять сильным. Прогресс человечества является результатом деятельности сильных, а улучшение социальных условий зависит прежде всего от степени той органической силы, которой обладает народная масса. Предоставленные самим себе слабые элементы, быть может, действительно погибают, но для человеческого прогресса, равно как и для внутренней прочности народа и созданного им государства эта гибель не имеет значения, а в известной степени даже полезна. Необходимо предоставить простор свободной игре, свободному состязанию экономических сил и способностей народа, так как при нем происходит тот естественный подбор, при котором преимущественно вырабатываются и крепнут сильные народные элементы. Противоположный способ действия ведет

к обратным результатам. Дайте вполне свободный выход из общины каждому крестьянину, отмените мертвящий закон о неотчуждаемости крестьянских наделных земель, и вы получите в сельских местностях многочисленный крепкий элемент порядка и хозяйственного прогресса.

Я не могу сказать, чтобы мои доводы убедили Плеве. Основываясь на своей весьма ограниченной сфере наблюдений сельской жизни, он продолжал утверждать, что наше зажиточное крестьянство не включает элементов морального и культурного прогресса. Приводил он при этом пример знакомого ему по Костромской губернии содержателя постоянного двора, продолжающего в своем домашнем обиходе жить в ужасающей грязи, что для Плеве, по-видимому, было показателем степени его общей культурности. Не мог забыть он и того, что во время аграрных беспорядков в 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях грабили все крестьяне, богатые и бедные, причем все они были подворники<sup>262</sup> и на этом основании приходил к выводу, что в социальном отношении богатые крестьяне и вообще крестьяне, владеющие землей на подворном праве, представляют столь же малую опору, как крестьяне бедные и общинники. По иронии судьбы, он сходилась в этом отношении с публицистами «Русского богатства» ярко социалистического

262\* Подворники — крестьяне, земельные наделы которых находились не в общинном (как в большинстве районов Центральной России), а в подворно-наследственном владении. В подворных общинах основная часть удобной земли была раз и навсегда разделена между крестьянскими дворами, и ее последующие переделы были невозможны.

направления<sup>263</sup>. Но если Плеве не убеждался моими доводами в том направлении, в которое я стремился направить реформу крестьянского законодательства, то зато он, видимо, утрачивал уверенность и в правильности противоположной точки зрения. В результате получилось то, что Плеве в этом основном вопросе народной жизни утратил какую бы то ни было вполне стойкую определенную точку зрения, и если в известных случаях продолжал высказывать свои прежние взгляды, то делал это, по моему глубокому убеждению, по старой привычке, по более легкой для него возможности сколько-нибудь стройно их высказывать, пользуясь для этого механически в нем засевшими и привычными ему формулами и оборотами речи. Люди вообще, сами того не замечая, часто становятся рабами затверженных и автоматически ими высказываемых словесных формул, причем с возрастом рабство это усиливается. Человеческие мозги со временем как бы костенеют и кристаллизировать новые мысли и положения в четко чеканенные формы уже не в силах. Именно в таком состоянии, представляется мне, находился и Плеве. Продолжая говорить прежним языком и пользоваться прежними формулами, он, однако, в глубине своего сознания утратил в них веру, не приобретая новых твердых убеждений. Известная эволюция мысли в нем тем не менее несомненно происходила, и я никогда не терял надежды на то, что если не при его деятельной поддержке, то, по крайней мере, при некотором его попустительстве все же удастся в конечном результате осуществить серьезную реформу крестьянского законодательства. Мне он, во всяком случае, не препятствовал продолжать

263 Гурко имеет в виду в первую очередь А.В.Пешехонова и В.А.Мякотина, которые тесно сотрудничали с социалистами-революционерами и помогали готовить первые выпуски эсеровских газет «Сын отечества» и «Революционная Россия».

пропаганду моих убеждений. Любопытный образчик этого дает следующий случай.

Желая, с одной стороны, посмотреть, как поставлены работы в губернских совещаниях, призванных к обсуждению проектов новых узаконений о крестьянах, а с другой — иметь возможность развить в провинциальной среде мои взгляды на крестьянскую реформу, я просил тверского губернатора кн. Ширинского-Шихматова пригласить меня в качестве местного землевладельца принять участие в тверском совещании, что он и сделал.

Должен сказать, что совещание это произвело на меня в общем тяжелое впечатление и значительно ослабило мою веру в то, что местные люди дадут сколько-нибудь определенные, могущие быть превращенными в нормы права ответы и замечания. Я утешался тем, что участвовал лишь в первых общих собраниях совещания, посвященных ознакомлению с основным характером обсуждаемых проектов, и надеялся, что работа комиссий, которые совещания эти должны были выделить из своей среды для подробного рассмотрения заключающихся в проектах правил, будет более плодотворной. Число этих комиссий должно было соответствовать тем трем главным отделам, на которые распадалась труды министерства, а именно по общественному управлению, волостному суду и землепользованию крестьян; участвовать в их трудах я, разумеется, времени не имел. Во всяком случае, тверское совещание, насчитывающее в общем собрании свыше пятидесяти человек, обнаружило прежде всего, что большинство его участников либо вовсе не прочло, либо совершенно не усвоило подлежащие рассмотрению проекты, которые были им своевременно разосланы.

Началось оно с того, что председатель совещания кн. Шихматов предложил мне дать собранию краткий общий очерк рассматриваемых проектов, что привело прежде всего к тому, что я подвергся перекрестному экзамену со стороны тех

немногих членов, принадлежащих исключительно к лагерю передовых земцев, которые ознакомились с проектами. Экзамен этот сводился к тому, что меня спрашивали, что имелось в виду установлением того или иного предположенного правила, чем вызывалась та или иная проектированная новелла. Просвечивало при этом видимое желание выявить полное незнакомство петербургского чиновника с существом дела, которое он легкомысленно взялся защищать в земской среде, и по возможности заставить его впасть в противоречие с самим собою, что было вполне возможно, так как число отдельных статей в проектах превышало 2400. Особенное старание в этом отношении проявил старый тверской земец, бывший одно время председателем тверской губернской земской управы и принадлежавший к левому крылу тверского земства С.Д.Квашнин-Самарин. По убеждениям он был определенным народником 60-х годов и крестьянское право знал превосходно. Ни в какую критику проектов он, однако, не пустился, а ограничился лишь моим допросом. Такого допроса я вовсе не опасался, ибо во многом, разумеется, я мог ошибаться, но содержание проектов и смысл заключающихся в них правил знал до точки, так что Квашнин-Самарин вынужден был закончить свой допрос словами «благодарю вас, я удовлетворен».

Собственно критика проектов, чрезвычайно расплывчатая и туманная, последовала с другой стороны, а именно из рядов правого земского лагеря, бывшего притом крайним правым, и касалась преимущественно вопроса об общине и необходимости ее строжайшего охранения. Я, разумеется, тотчас возгорелся и ответил пространной и горячей речью, в которой высказал мой взгляд до дна, а именно в том смысле, что все будущее России, ее развитие и прогресс зависят от того, насколько удастся в краткий срок упразднить общину и перевести крестьян к вполне обособленному и самостоятельному землевладению и землепользованию.

Вот по поводу этой моей речи и обнаружилось отношение Плеве к моим взглядам. Вернувшись из Твери в Петербург, я, разумеется, рассказал Плеве, что происходило на тверском совещании, передал мои общие впечатления, упомянул, вероятно, и сказанное мною про общину. Выслушав меня, Плеве вынул из ящика своего письменного стола исписанный лист бумаги и сказал: «А вот что пишут про ваше выступление в Твери» — и затем прочел его содержание. Лист этот заключал копию перлюстрированного письма столпа крайней правой тверского земского лагеря Владимира Николаевича Трубникова к другому тверскому земцу того же направления, бывшему одновременно членом совета министра путей сообщения, Алексею Николаевичу Столпакову. Содержание письма касалось тверского совещания и заключало, между прочим, приблизительно следующую фразу: «Приезжал сюда нас обучать Гурко — яркое олицетворение ни в чем не сомневающегося петербургского либерального чиновника; наговорил нам таких пустозвонных либеральных речей, каких мы от этих господ еще и не слыхивали. Доведут нас до беды эти петербургские фрукты».

Выслушав чтение этого письма, я ожидал, что Плеве по меньшей мере спросит меня, что именно либерального я говорил в Твери, но, к некоторому моему удивлению, он ограничился несколькими, сказанными с его обычной усмешкой, словами: «Сообщаю это вам для сведения» — и перешел к другим вопросам.

С передачей выработанных проектов на места работа в земском отделе по пересмотру крестьянского законодательства временно, естественно, затихла. Разрабатывался лишь, но уже в общем канцелярском порядке, проект устройства при волостных правлениях в наиболее крупных сельских центрах

сельских нотариатов<sup>264</sup>. Потребность в приближении к сельскому населению подобных учреждений обнаруживалась уже с давних пор, как, впрочем, вообще весь уклад сельской жизни настоятельно требовал, в моем представлении, многих коренных улучшений.

Я решил воспользоваться сравнительно более свободным временем, чтобы по возможности ближе лично ознакомиться как с деятельностью местных крестьянских учреждений, так и с общим настроением и нуждами русской сельской жизни. В этих видах я испросил согласие Плеве на производство ревизии губернских и уездных крестьянских учреждений и осмотра иных местных управлений ведомства Министерства внутренних дел в трех различных по их особенностям губерниях, а именно Нижегородской, Курской и Екатеринославской, причем, конечно, сказал, что цель моя — не столько ревизия этих местных учреждений, сколько выяснение общего характера их деятельности и присущих им, по самой их постановке, недостатков. Плеве весьма охотно на это согласился, и я в середине июня 1904 г. выехал в эту поездку, причем мобилизовал лучшие силы земского отдела не с точки зрения их канцелярских редакторских способностей, а в смысле жизненности их взглядов и степени инициативы. Участвовали в этой поездке кроме ранее мною упомянутых Глинки, Страховского, Бафта-

264\* Нотариат был регулируемой частной деятельностью под надзором окружных судов. Закон не запрещал нотариусам действовать вне городов, но на практике нотариусы не желали оперировать в волостных центрах, кроме крупнейших, де-факто уже превратившихся в города. Волостные правления имели право регистрировать в особой книге (и при свидетелях) сделки крестьян своей волости, что было лишь малой частью от стандартного набора нотариальных услуг. Расширению этого набора нотариальных полномочий волостной власти и был посвящен описываемый законопроект.



ловского, Зноско-Боровского, Петрова, еще В.И.Ковалевский, впоследствии заведовавший продовольственной частью в империи, и кн. Н.Л.Оболенский, впоследствии харьковский губернатор. Оба они были люди живые, интересующиеся широкими вопросами государственной и народной жизни, причем В.И.Ковалевский был вообще хорошо знаком с условиями крестьянского быта и отличался исключительной энергией. Перед отъездом выработали подробную программу предстоявшей нам работы, наметив те основные вопросы, которые представлялось особенно желательным выяснить. В губернский город мы приезжали всей гурьбой, производили ревизию трех отделений губернского присутствия — административного, судебного и продовольственного, по окончании которой собиралось совещание из всех местных губернских властей, как правительственных, так и общественных, т.е. дворянских и земских. Излагал я на нем результаты произведенной ревизии и затем переводил суждения на общую тему о наиболее настоятельных местных нуждах и способах их удовлетворения. Затем мы распределялись на три партии, из которых каждая должна была посетить два или три уезда и некоторые из находящихся в них участков земских начальников и волостных правлений. Забегая несколько вперед, скажу тут же, что поездка эта дала нам весьма богатый и разнообразный материал, который я надеялся использовать при выработке окончательных проектов новых узаконений о крестьянах, когда совершенно не учитывавшееся мною событие, а именно убийство Плеве, последовавшее 15 июля 1904 г., на время ее прервало и вообще лишило ее цельности и законченности.

Известие об убийстве министра внутренних дел застало меня на берегу Азовского моря, в Мариуполе, и произвело на всех нас удручающее впечатление, хотя в нашей среде многие отнюдь не разделяли его образа мыслей и способа действий. Но в земском отделе мои сослуживцы ни в чем не испытывали принявший к тому времени запальчиво бестактный характер

борьбы Плеве со всякими проявлениями общественной мысли и деятельности. Никакого участия в этой борьбе, по самому существу его деятельности, земский отдел не принимал, работа же в нем одухотворялась у большинства моих сотрудников горячим желанием принять близкое участие в переустройстве сельской жизни, нравственно удовлетворяла их вполне, и они, естественно, опасались, что с переменой министра внутренних дел произойдет в этом деле по меньшей мере заминка.

Иное отношение, признаюсь, к моему удивлению, увидел я даже в среде Министерства внутренних дел в Петербурге, куда успел вернуться к похоронам Плеве. Директор департамента полиции Лопухин на мои слова об ужасе свершившегося прямо мне сказал: «Так долгие продолжаться не могло» — и прибавил несколько слов о том, что Плеве все и вся душил.

Опасения моих сотрудников, что с переменой министра внутренних дел работы по пересмотру крестьянского законодательства замрут, оправдались, хотя произошло это не от желания последовательно заменивших Плеве кн. Святополк-Мирского и А.Г.Булыгина, а от общего хода событий, а также по другим, более сложным причинам, которых надеюсь коснуться в дальнейшем изложении. Как известно, проекты, выработанные в земском отделе в 1902—1903 гг., не только не получили осуществления, но даже не подверглись дальнейшему обсуждению, а потому, казалось бы, не стоило о них и упоминать, а тем более сколько-нибудь подробно на них останавливаться. Однако это не так, ибо свою роль, и притом значительную, по крайней мере в главном вопросе крестьянского быта, они, несомненно, сыграли.

Именно эти работы не только легли в основание, но послужили и исходной точкой Высочайшего указа 9 ноября 1906 г. о праве свободного выхода из общины; на их же основании были впоследствии утверждены правила о землеустройстве крестьян, причем само землеустройство это производилось,

как я уже упоминал, быть может, слишком рабски следуя тем идеям, которые были высказаны в объяснительной записке к положению о землепользовании крестьян и на которых это положение было построено.

За исключением небольшого круга лиц для всей русской общественности и даже бюрократических кругов указ 9 ноября 1906 г. появился как *Deus ex machina*<sup>265</sup>, совершенно внезапно. Между тем изданию этого указа предшествовали длительные подготовительные работы и несколько неудавшихся попыток проведения заложенных в этом указе принципов в жизнь, о которых я надеюсь поговорить подробнее в другом месте. Самому же проведению правил указа 9 ноября 1906 г. в жизнь оказалось возможным дать с места весьма быстрый ход только благодаря тому, что над разрешавшимся им вопросом в течение нескольких предшествующих ему лет усиленно работали многие лица. Именно эти лица могли явиться и действительно явились деятельными, решительными и умелыми проводниками в жизнь идеи организации крестьянского хозяйства на праве личной собственности при полной хозяйственной самостоятельности каждого земледельца.

Что же касается проектов переустройства крестьянского общественного управления и волостного суда, то труды по их составлению пропали совершенно даром<sup>266</sup>. Я продолжаю,

265 Бог из машины (лат.). Прием античной трагедии; в переносном смысле — неожиданное разрешение сложной ситуации, не вытекающее из естественного хода событий.

266\* Реформа волостного суда началась все же началась с 1913 года (по закону о местном суде 1912 года), причем принципы этой реформы не совпадали с проектами, разработанными при Плеве. Реформированный волостной суд имел две инстанции, их которых верхняя контролировалась восстанавливаемым мировым судом, в то время как земские начальники лишались су-

однако, думать, что необходимо было решиться на одно из двух: либо упразднить обособленность крестьян в области управления и суда, подчинив их общему порядку управления и общему законодательству, либо ввести в действующие законы существенные исправления, хотя бы в смысле сближения специальных узаконений, касающихся этой существенной стороны народной жизни, с общими законами империи. Оставлять волостной суд в том хаотическом состоянии, в котором он находился до самой революции, было крупной государственной ошибкой, немало способствовавшей извращению у крестьян самих понятий о праве собственности и принимаемых ими на себя обязательствах.

дебных полномочий. До революции успели новый местный суд успели распространить только на десять губерний.

### Глава 3. Некоторые из сотрудников В.К.Плеве по управлению министерством внутренних дел

Министерство внутренних дел ко времени вступления Плеве в его управление представляло в общем в достаточной степени расхлябанное, архаическое учреждение. Не только не преследовало оно основного смысла центральных учреждений, а именно наблюдения за ходом жизни, выяснения тех новых потребностей, которые она беспрестанно выдвигает, но даже не представляло оно и хорошо налаженного бюрократического аппарата, безостановочно и быстро решающего те частные дела, которые при нашей централизации в огромном количестве доходили до Петербурга. Я уже упомянул, что в земском отделе число не представленных по различным, рассмотренным местными крестьянскими учреждениями и обжалованным в Сенате<sup>267</sup> делам рапортов было свыше 800, из них большинство — многолетней давности. То же самое наблюдалось и в большинстве других департаментов министерства.

Плеве, сохранивший связи с министерством и хорошо знавший все, что в нем творится, по существу имел полное основание сменить большинство начальников отдельных частей министерства; сказать, однако, что сделанный им выбор заместителей был весьма удачен — нельзя.

Плеве, вполне знакомый с действием правительственного механизма, знал лучше кого-либо, что роль товарищей министра при властном министре, с одной стороны, и деятельных, а в особенности властных директоров департаментов — с другой, была тусклая и незначительная. В сущности, товарищи

267\* Губернские присутствия (учреждения по крестьянским делам губернского уровня) были междудементственными комиссиями, и не имели над собой начальства. Постановления таких присутственных мест можно было обжаловать в административных департаментах Сената; дела крестьянских учреждений рассматривал Второй (т.н. «крестьянский») департамент Сената.

министров были не что иное, как старшие чиновники по особым поручениям министра, облеченные правом подписывать бумаги «за министра» законом; ни круг их обязанностей, ни предел их прав не были определены, а всецело зависели от усмотрения министра. Вследствие этого от министра вполне зависело ограничить круг деятельности своих товарищей любыми рамками и вообще — использовать их в мере своего к ним доверия и признаваемых им за ними способностей.

Именно этим надо объяснить, что Плеве, сменивший при вступлении в управление министерством почти всех директоров департаментов, товарищей министра оставил на их должностях, причем, однако, существенно изменил их роль и значение. Товарищи эти были кроме А.С.Стишинского, о котором я уже неоднократно упоминал, еще П.Н.Дурново и Н.А.Зиновьев.

По природному уму, по ясному пониманию всего сложного комплекса обстоятельств времени, по врожденным административным способностям и, наконец, по твердому и решительному характеру П.Н.Дурново был, несомненно, головой выше остальных лиц, занимавших ответственные должности в центральном управлении министерства.

Начал свою службу Дурново во флоте, но вскоре по окончании курса военно-юридической академии вступил в штат Министерства юстиции. Переход Дурново на гражданскую службу совпал с введением в действие судебных уставов 1864 г. Вместе с целой плеядой талантливых сверстников он содействовал, состоя в рядах прокуратуры, созданию нашего нового суда, отличавшегося твердой законностью и независимостью от воздействия административной власти. Насколько такая независимость отвечала государственному интересу — вопрос спорный. Наш новый суд в течение продолжительного срока после его образования, несомненно, действовал вне условий времени и пространства, преследуя лишь один идеал отвле-

ченной справедливости. Теория Монтескье о разделении властей представляла в то время для суда нечто совершенно непреложное. Гр. Пален, введивший в действие новые судебные уставы, стремясь высоко поднять знамя судейской беспристрастности, доходил до того, что даже требовал, чтобы представители прокуратуры и суда не имели сколько-нибудь близких отношений с представителями других отраслей государственного управления и даже местным обществом. В прокуратуре Пален видел недремлющее око правосудия, бдительно следящее за всякими отступлениями от строгого соблюдения действующих законов, а тем более — за личными правонарушениями, совершенными представителями власти. По мнению гр. Палена, такое беспристрастие и постоянное наблюдение возможно было осуществить лишь при отсутствии личной приязни между представителями власти надзирающей и привлекающей к ответственности, т.е. прокуратурой, с органами власти управляющей — администрацией. При всей возвышенности этого идеала, доведенный до крайности, он представлялся в интересах общегосударственных спорным. Само собою разумеется, что пока дело идет о неуклонном привлечении представителей власти за всякие правонарушения, совершенные ими ради каких бы то ни было личных, в особенности корыстных, целей, идеал этот не подлежит ни малейшей критике. Иное представляется, когда надзор этот приобретает характер придинок к администрации и систематического ее развенчания в глазах общества за несоблюдение ею всех требований закона при обеспечении в стране спокойствия и порядка. Оторванность прокуратуры от общего государственного управления проявлялась в особенности при рассмотрении преступлений политических. То или иное понимание наилучшего государственного и социального строя всегда и везде останется вопросом субъективным. Прямого нарушения законов этики в действиях, направленных к изменению этого

строю, коль скоро они сами по себе не представляют уголовных преступлений (причем, по мнению некоторых, и последние допустимы, коль скоро побуждением к их совершению является не личная выгода, а интерес общественный, как он понимается правонарушителем), конечно, нет. При таких условиях суд, руководящийся не статьями действующего закона, неизменно охраняющего существующий государственный и общественный строй, а велениями отвлеченной морали, далеко переступает основы теорий Монтескье о разделении властей. Действительно, на основании этих теорий власти эти должны быть разделены и независимы друг от друга, но отнюдь не противоположны и антагонистичны. Между тем именно последнего достигала система Палена, внедрявшего в судебных деятелей мысль, что они не часть одного государственного механизма, а представители общественной совести, парящие в области отвлеченной справедливости и обязанные совершенно отречься от практических соображений реальной действительности и общих видов государственной власти.

Наиболее дальновидные, обладающие широким государственным пониманием интересов страны судебные деятели это вполне понимали. К их числу, несомненно, принадлежал П.Н.Дурново. Возможно, содействовало ему в этом и правильное понимание собственных выгод, так как в конечном счете отмежевание судебных деятелей в особую касту ограничивало их дальнейшую службу скудно оплачиваемой и крайне медленной судебной карьерой. Путь этот не сулил Дурново удовлетворения присущих ему в широкой мере властолюбия и честолюбия, а потому он и не замедлил при первой возможности покинуть судебную должность и перейти в Министерство внутренних дел на должность вице-директора департамента полиции, когда директором этого департамента состоял Плеве. Назначенный затем директором того же департамента, он проявил в полной мере свои административные способности,



и перед ним открылась широкая дальнейшая карьера. Задержал эту карьеру на многие годы инцидент, вызвавший оставление им департамента полиции. Желая убедиться в неверности состоявшей с ним в близких отношениях некоей г-жи Доливо-Добровольской, относительно которой у него были подозрения, что она одновременно была в столь же близких отношениях с бразильским поверенным в делах, он пристроил к последнему в качестве прислуги одного из агентов тайной полиции. По указаниям Дурново агент этот взломал письменный стол дипломата и доставил ему содержимое. Бразилец по поводу произведенной у него странной кражи-выемки обратился к общей столичной полиции, а последняя, бывшая к тому же всегда в неладах с чинами департамента полиции, не замедлила выяснить обстоятельства этого дела. На всеподданнейшем докладе обо всем этом инциденте петербургского градоначальника Александр III наложил общеизвестную резкую резолюцию, в результате которой Дурново был уволен от должности директора департамента полиции с назначением к присутствованию в Правительствующем сенате, что, между прочим, вызвало в то время большое негодование в сенатских кругах<sup>268</sup>. Но время шло. Дурново и в Сенате обнаружил свои выдающиеся способности и государственный ум, и Сипягин вновь призвал его к живой деятельности, избрав его своим товарищем и поручив ему заведование департаментом поли-

268 Скандал, поднятый бразильским дипломатом, у которого П.Н.Дурново распорядился произвести тайный обыск, разразился в феврале 1893 г. Резолюция Александра III по делу Дурново гласила: «Убрать эту свинью в 24 часа» (см.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 619). Министру внутренних дел И.Н.Дурново с большим трудом удалось уговорить императора не создавать прецедента и, как было принято, назначить П.Н.Дурново сенатором.

ции. На этой должности застал его Плеве, прекрасно его знавший по прежней совместной службе. Вполне хороших личных отношений между Дурново и Плеве, однако, никогда не было. Оставить Дурново во главе полицейского дела он признавал по многим причинам неудобным. Почитая себя самого за знатока полицейского дела, он вообще не хотел иметь никакого посредника между собою и директором департамента полиции. Ввиду этого он предложил Дурново взамен департамента полиции вполне самостоятельно заведовать Главным управлением почт и телеграфов, представлявшим по своей обширности целое министерство. Этим делом и ведал Дурново при Плеве, и ведал им с несомненным умением и даже любовью. Постановка почтово-телеграфного дела у нас была, несомненно, образцовая, и если она не получила того быстрого развития, которого требовала развивавшаяся народная жизнь, то лишь за отсутствием надлежащих для сего денежных средств. При Дурново, с умением, стойкостью и жаром отстаивавшем в Государственном совете сметные ассигнования почтово-телеграфному ведомству, темп развития этого дела, несомненно, ускорился и общая постановка значительно усовершенствовалась. Тем не менее ни честолюбие, ни самолюбие Дурново, конечно, не были удовлетворены присвоенным ему Плеве положением. Будучи по времени назначения и по чину старшим<sup>269</sup> товарищем министра внутренних дел, т.е. тем из них, кто в случае отсутствия министра или его ухода должен временно исполнять его должность, Дурново фактически был совершенно устранен от всякого участия в собственно политической деятельности этого министерства. Разрабатываемые в

269\* Гурко подчеркивает, что понятие «старший» здесь употребляется по времени назначения, так как по закону все товарищи при одном министре были равны между собой.

министерстве законодательные предположения, равно как вообще общие намерения и политическая программа самого министра, были ему даже неизвестны, что его в высокой степени раздражало. Неудивительно поэтому, что он, под рукой, критиковал деятельность Плеве и даже завязал близкие сношения с политическим противником Плеве — Витте, причем, вероятно, снабжал его материалом, могущим служить для опорочивания действий Плеве. Материал этот был ему доступен, ибо если официальной связи с другими, кроме главного управления почт и телеграфов, отделами Министерства внутренних дел он не имел, то личные сношения его со многими из служащих в них бывшими его подчиненными он, конечно, сохранил.

Дабы не возвращаться к Дурново при описании Министерства внутренних дел при Плеве, добавлю, что от устранения от политической стороны деятельности этого министерства Дурново в конечном результате, несомненно, выгадал. Это дало ему возможность с переменой министра, а именно с назначением кн. Святополк-Мирского, не только удержаться на занимаемой должности, но даже вновь принять деятельное участие в управлении всем ведомством. В это время он настолько отмежевался от реакционной политики Плеве, что даже приобрел в верхах репутацию либерала-прогрессиста, репутацию, чуть было не помешавшую ему занять должность министра внутренних дел в 1905 г. в кабинете Витте. Добавлю здесь лишь, что если высокими принципами П.Н.Дурново не отличался и не был разборчив в средствах, могущих обеспечить его служебные и вообще частные интересы, то все же простым карьеристом его признать отнюдь нельзя: судьбы русского государства составляли предмет его постоянных мыслей и забот.

Вообще говоря, государственных деятелей можно разделить в известном отношении на три категории. К первой, во

все времена и во всех государствах — чрезвычайно малочисленной, относятся те, кто ставит государственный интерес неизмеримо выше интересов собственных и вследствие этого отстаивает этот интерес, не считаясь с собственной выгодой, постоянно тем самым рискуя своим положением. В результате такие исключительные деятели лишь чрезвычайно редко достигают верхов власти, чем в значительной степени и объясняется их малочисленность. В сущности, они могут быть у кормила власти при самодержавном строе лишь при наличии таких правителей, какими были Вильгельм I в Германии и Александр III в России. Ко второй категории относятся политические деятели, которые, имея основной целью осуществление интересов государственных, при проведении той или иной меры тщательно соображали способы их проведения в жизнь, дабы они не могли неблагоприятно повлиять на их служебную или общественную карьеру. В сущности, это то же самое, к чему прибегают во всех парламентских государствах все политические партии, причем на их языке это называется тактикой. Как известно, тактика эта допускает самые разнообразные действия, из коих многие не отвечают требованиям отвлеченной морали. Вот именно к этой категории государственных деятелей принадлежали и Витте и Дурново. Каждый в своем роде, они имели свои политические идеалы, к которым упорно стремились и в достижении которых находили главное удовлетворение. Каждый по-своему и присущими им способами стремились они достигнуть верхов власти. Оба, по мере свойственной им энергии, искали они претворить в дело свои идейные замыслы. Можно было этим замыслам сочувствовать или нет, можно было признавать их правильными и полезными для государства или, наоборот, ложными и вредными для страны, но утверждать, что они искали при этом лишь собственной выгоды и руководствовались лишь личными интересами, безусловно, нельзя. Из этих двух государственных дея-

телей Витте, проведший первые годы своей деятельности вне бюрократической среды, чуждый ее формалистики и множества условностей, обладал, в особенности в первые годы своей государственной работы, большой непосредственностью и большим натиском. Состоя к тому же в течение безмерно большого периода у власти, он, конечно, оказал неизмеримо больше влияния на судьбы русского государства, нежели П.Н.Дурново. Значение деятельности Дурново было волею судеб значительно меньше, хотя при подавлении революционного движения 1905 г., он, несомненно, сыграл решающую роль. Но если сравнить этих лиц по их умственным силам, по степени их понимания событий и по их политической прозорливости, то преимущество должно быть, вне всякого сомнения, отдано Дурново. Для широкой публики это был лишь энергичный и беспощадный усмиритель всякого общественного движения — ретроград, думающий, что великий народ можно вести при помощи одной полицейской силы и по указке городского. Представление это абсолютно ложное. Дурново полагал, что полуторастомиллионную серую массу нельзя предоставить самой себе, нельзя оставить без твердого механического остова, олицетворяемого и полицией, и администрацией, и судом, но сторонником административного произвола он не был. Продолжительная служба в судебном ведомстве, а позднее в 1-м департаменте Сената воспитала в нем уважение к закону, а природный ум указывал, что одними механическими способами народной жизнью управлять нельзя. Будь Дурново у власти сколько-нибудь продолжительное, а в особенности сколько-нибудь нормальное время, он, несомненно, стал бы искать опоры в определенных общественных слоях, причем такими слоями в его представлении были бы именно культурные и патриотически настроенные земские круги. Обратил бы он внимание и на нашу школу на всех ее стадиях и приложил бы все старания к образованию

многочисленного и мощного своей материальной независимостью учительского кадра, способного внедрить в подрастающее поколение гордость в принадлежности к великому народу и любовь к родине, а не презрение к ней, что так старательно воспитывал в течение ряда десятилетий во всех слоях русского народа наш учительский персонал, предаваясь огульному осуждению всего существовавшего на Руси, всех ее государственных порядков, всего ее общественного строя и даже всего ее исторического прошлого.

К третьей категории политических деятелей надо причислить тех, кто интересуется ходом событий и тщательно следит за ними преимущественно в целях выяснения того положения, которое они сами должны занять по отношению к тому или иному общественному течению. Собственный интерес у таких лиц неизменно перевешивает интерес общественный. Они мало заботятся о выяснении степени полезности для государства взятого в целом того или иного политического течения и стараются выяснить степень его силы и его шансы на преодоление других течений и на собственный успех. В сущности, это та людская масса, которая неизменно бежит за колесницей победителя, над кем бы он победу ни одержал. Безусловно, прав был генерал Мале, поднявший восстание против правительства Карла X, когда на вопрос судившего его трибунала, кто его сообщники, ответил: «Вы все, если бы мое действие увенчалось успехом» («Vous tous — si j'avais réussi»)270.

270 Гурко ошибается: генерал Клод Мале пытался совершить 23 октября 1812 г. государственный переворот с целью свергнуть Наполеона I. На вопрос военного суда, кто его сообщники, Мале отвечал: «Вся Франция, и вы в том числе, если бы моя попытка увенчалась успехом» (цит. по: История Франции. М., 1973. Т. 2. С. 158).

Само собой разумеется, что подобное деление грубое. На деле между абсолютным преобладанием у человека альтруизма над эгоизмом и, обратно, эгоизма над альтруизмом имеется множество промежуточных степеней. Но все же где-то имеется, так сказать, водораздел, по разным склонам которого все располагаются в порядке, приближающемся к этим двум полюсам — карьеристам, с одной стороны, и самоотверженным патриотам — с другой. Как Витте, так и П.Н.Дурново находились на склоне патриотов. Нельзя того же сказать про всех других деятелей Министерства внутренних дел, из которых многие думали преимущественно о себе и различались между собою главным образом степенью своей дальновидности. Одни думали лишь о том, как бы угодить начальству данной минуты, не задумываясь над тем, представляет ли это начальство течение, имеющее шансы на длительное господство, другие, более тонкие, заглядывали в будущее, стремясь выяснить, по какому руслу потекут события в более или менее близком будущем. Подобные лица, не вступая, разумеется, в резкий и открытый антагонизм с начальством данного времени, однако избегали всецело связывать свою судьбу с ним и, коль скоро приходили к убеждению, что направление политики их начальства не отвечает будущему ходу событий, либо не примыкали пока что ни к какому течению и вообще старались не высказывать сколько-нибудь определенных политических взглядов, либо, наоборот, уже заранее, из-под руки, критиковали действия начальства, не переходя, однако, открыто в другие станы.

Впрочем, имеется еще категория политических карьеристов, и притом отнюдь не малочисленная, а именно состоящая из лиц, не останавливающихся перед резкими изменениями исповедуемых ими взглядов в зависимости от степени выгоды состояния в том или ином лагере. Таких лиц принято называть ренегатами, но едва ли название это можно признать

правильным. Дабы быть ренегатом, надо верить тому, от чего впоследствии отрекаешься. Но лица этой категории, в сущности, никогда ничему в душе не верят, а лишь говорят, что верят, а потому отречься им приходится не от своих убеждений, а лишь от произнесенных ими слов и уверений. В сущности, убеждения их принадлежат к той категории, о которой повествует анекдот, распространенный в Москве во время усиленного удаления из первопрестольной евреев. Согласно этому анекдоту еврей, перешедший в православие, на вопрос своего сородича, неужели он искренне уверовал в христианство, ответил, что он переменял веру с искренним убеждением, что в противном случае он будет выслан из Москвы<sup>271</sup>. Вот этими убеждениями от противного, несомненно, щегольнуло, к собственной гибели, большинство русских политических деятелей в первые же дни после Февральской революции 1917 г.

К числу подобных лиц нельзя, однако, причислить Дурново. Он мог по карьерным соображениям высказать иногда мнения и мысли, не соответствовавшие его убеждениям, но изменить своим убеждениям на практике он был не в состоянии, настолько они составляли его неотъемлемую часть, а отнюдь не легкий налет, который можно во всякую минуту сбросить и облечься в любой другой наряд.

Третьим товарищем министра при Плеве был Н.А.Зиновьев. Я лично знал его недостаточно, чтобы дать его обоснованную характеристику. Знаю, что это был человек, получивший специальное образование, не то геодезист, не то астро-

271 Массовая высылка в 1891 г. из Москвы евреев-ремесленников и николаевских солдат, имевших право жительства вне черты оседлости, была одним из первых действий назначенного московским генерал-губернатором великого князя Сергея Александровича.



ном<sup>272</sup>, и никакими широкими познаниями не обладавший. Знаю также, что по природе это был резкий и даже грубый человек, что вызвало, между прочим, его перевод с должности губернатора из Тульской в Могилевскую губернию вследствие тех невозможных отношений, которые у него установились в Туле с местным дворянством. Знаю, наконец, что ту же грубость он проявлял при тех ревизиях земских учреждений, которые на него возлагал Плеве, причем, однако, сами ревизии эти были произведены весьма тщательно и раскрыли многие несовершенства в деятельности осмотренных им учреждений, а составленные по этим ревизиям отчеты заключали богатый материал. От сослуживцев Зиновьева я слышал, что он отличался, с одной стороны, рабским следованием указаниям и желаниям начальства, в своем усердии пересаливая их указания, а с другой стороны, каким-то непреодолимым духом противоречия ко всем предположениям, высказываемым его подчиненными. Свойство это было настолько общеизвестно, что докладывавшие ему нередко высказывали предположения, обратные тем, которые они хотели бы осуществить, уверенные, что по духу противоречия Зиновьев именно на последних и остановится.

До назначения Плеве, состоя товарищем министра, он одновременно исполнял и должность директора хозяйственного департамента, т.е. фактически ведал всем земским и городским общественным самоуправлением. С превращением хозяйственного департамента в Главное управление по делам местного хозяйства и назначением начальником этого управления С.Н.Гербея, Зиновьев был отставлен от непосредственного заведования этими делами и почти всецело был исполь-

272\* Н.А.Зиновьев окончил курс Лазаревского института восточных языков.

зован для производства ревизий этих учреждений на местах. Нечего и говорить, что при Плеве Зиновьев был сторонником сокращения сферы деятельности земств и подчинения их вящему надзору администрации. Иные взгляды высказывал, однако, Зиновьев впоследствии в качестве члена Государственного совета уже после преобразования этого учреждения. Примкнув здесь к партии центра, занявшей среднее положение между октябристами и кадетами, Зиновьев никогда не упускал случая выразить свою приверженность неприменному участию общественных сил в местном управлении, причем с жаром отстаивал расширение прав земских и городских учреждений и обеспечение их деятельности от вмешательства и даже надзора администрации.

Два слова о С.Н.Гербеле, и притом не относительно его достоинств и недостатков, определить которые я не могу, так как знаком был с ним весьма мало, а по поводу самого его назначения. Гербель до назначения на упомянутую должность был херсонским губернатором, а до того — председателем херсонской губернской управы. Вот именно благодаря этому и остановился на нем Плеве, когда искал лицо, могущее сделаться постоянным посредником между ним и земскими кругами. Выбирая земского по прежней должности человека, он надеялся, что это облегчит ему возможность завязать хорошие отношения с земством. Несомненно, с тою же целью пригласил Плеве в качестве начальников отделов Главного управления по делам местного хозяйства Немировского — председателя губернской земской управы одной из южных губерний и Пшерадского — городского голову какого-то губернского города. Плеве рассчитывал таким путем обеспечить в министерстве благожелательное отношение к местным земским и городским нуждам и таким путем установить нормальные отношения между администрацией и общественными элементами. Ожидания эти не сбылись, но виноваты в этом были обе стороны.

Либеральная общественность стремилась вовсе не к установлению благожелательного к себе отношения власти, а к занятию в стране доминирующего положения.

Я не стану, разумеется, перечислять всех начальников отдельных управлений Министерства внутренних дел, тем более что некоторых из них я знал лишь весьма поверхностно, а ограничусь лишь теми, кто-либо по свойству управляемых ими департаментов играл известную политическую роль, либо по их дальнейшей деятельности привлекли впоследствии общественное внимание. В последнем отношении едва ли не первое место надо отвести Б.В.Штюмеру, бывшему при Плеве директором департамента общих дел министерства.

Впрочем, сначала на должность директора этого департамента Плеве провел А.П.Роговича, занимавшего впоследствии должность товарища обер-прокурора Св. синода и назначенного затем членом Государственного совета, — человека, в высокой степени порядочного. С Плеве Рогович, несмотря на свои крайне правые убеждения, однако, не поладил, преимущественно на почве недостаточно быстрого и точного канцелярского исполнения распоряжений министра, и был заменен ярославским губернатором Б.В.Штюмером, с которым поменялся местом, будучи одновременно сам назначен губернатором в Ярославль.

Штюмер, несомненно, сыграл фатальную роль в русской истории, когда волею судеб был назначен в 1915 г., в самый разгар войны, председателем Совета министров и одновременно сначала министром внутренних, а затем иностранных дел. Каким образом достиг этот человек высшей степени власти, понять трудно, так как он никакими качествами, кроме выносливой и терпеливой хитрости, не обладал.

Служба этого типичного по беспринципности карьериста началась в Церемониальной части Министерства императорского двора. Достигнув Должности помощника заведующего

этой частью, он воспользовался неосторожным жестом своего начальника гр. Кассини, чтобы одновременно его спихнуть и самому занять его место. Состоял же упомянутый жест в том, что гр. Кассини, получив в награду какой-то, вероятно, очередной, но, очевидно, невысокий орден и почитая, что имел право на большую награду, в досаде бросил орденский знак в печку помещения церемониальной части, где его и оставил. Штюрмер, бывший свидетелем этого орденOMETания, не замедлил о нем донести куда следует, в результате чего и заменил гр. Кассини на занимаемой им должности.

Несколько позднее, в начале 90-х годов, Штюрмер, очевидно решив, что для дальнейшей карьеры надо переменить род службы, и стремясь к губернаторской должности, добился назначения председателем тверской губернской земской управы по назначению правительства после того, как выбранный председателем управы С.Д.Квашнин-Самарин, признанный политически неблагонадежным, не был утвержден. Добился он этого назначения в качестве весьма правого губернского гласного тверского земства. При этом Штюрмеру было обещано, что по истечении срока, на который был выбран неутвержденный председатель управы, он будет назначен губернатором.

В Твери Штюрмер проявил свою беспринципную житейскую ловкость в полной мере. Понимая, что при незнакомстве с земским делом он его самостоятельно вести не может, и не желая вместе с тем подвергнуться критике губернского земского собрания, большинство которого было в рядах оппозиции правительству и, следовательно, приложит все старания, чтобы дискредитировать деятельность правительственного ставленника, он вошел в соглашение с лидерами этого большинства. Соглашение это состояло в том, что он, Штюрмер, будет продолжать вести дело в духе отставленной управы и вообще по указке упомянутых лидеров, которые, в свою очередь, обеспечат его от усиленной травли на земских собра-

ниях. Соглашение это было добросовестно соблюдено обеими сторонами. Штюмер представлял доклады управы земскому собранию на предварительный просмотр и одобрение лидера оппозиции И.И.Петрункевича, а оппозиция критиковала действия правительственной управы лишь для того, чтобы не выявилось состоявшееся соглашение, и в конечном счете как ее действия, так и предположения неизменно одобряла. Таким путем Штюмер сохранял облик исполнительного агента правительственной власти и вместе с тем приобретал репутацию ловкого дипломата, умеющего осуществлять виды правительства без излишнего раздражения общественности.

Естественно, что при таких условиях данное ему обещание было исполнено, и по предоставлении И.Л.Горемыкиным в 1895 г. права тверскому земскому собранию ранее истечения срока ее полномочий управы вновь поставить во главу губернского земского хозяйства выборного председателя Штюмер был назначен сначала новгородским, а затем ярославским губернатором. Надо отдать ему справедливость, что в обеих этих губерниях он сумел наладить отношения с местным земством. Держа перед правительством определенно правое знамя, он одновременно избегал всякого столкновения с земскими деятелями.

Впрочем, в Новгороде Штюмер чуть не погубил себя своей страстью к внешней пышности и разыгрыванием роли падишаха, вероятно развитой в нем службой в придворной церемониальной части. Пригласив к себе на обед съехавшееся в город на какое-то собрание местное дворянство во главе с губернским предводителем кн. Б.А.Васильчиковым (бывшим впоследствии в кабинете Столыпина главноуправляющим землеустройством и земледелием), он устроил при этом нечто вроде царского выхода. Вместо того чтобы встречать приглашенных им гостей, он решил дожидаться, пока они все соберутся, дабы затем торжественно к ним выйти из «внутренних

покоев». Такой образ действия собравшимся гостям пришелся не по вкусу: по предложению кн. Васильчикова все они, не дожидаясь «выхода» хозяина, ушли, направившись к кн. Васильчикову, пригласившему их откусать у него «чем Бог послал». Инцидент этот явился причиной перевода Штюмерера в Ярославль, где он проявил уже столько внимательности к местному дворянству, что дворянское собрание при оставлении им Ярославской губернии приобрело на его имя земельный ценз, дававший ему право вступить в ряды ярославского дворянства, причем само, без его о том ходатайства, зачислило его в свои ряды.

Должность директора департамента общих дел Министерства внутренних дел требовала известного такта, мягкости по форме и некоторой твердости по существу. В этом департаменте были сосредоточены все личные назначения по министерству, а равно назначение наград, разрешение отпусков, распределение денежных ассигнований на содержание и ремонт всех казенных зданий министерства, в том числе и помещений губернаторов. Независимо от этого министры внутренних дел нередко возлагали на директора департамента общих дел неприятную обязанность выражения местным администраторам неудовольствия теми или иными их действиями, а иногда и предложение подать прошение об увольнении от должности<sup>273</sup>.

Проявленное Штюмерером в Твери и Ярославле (новгородский инцидент был забыт) умение будто бы твердо проводить правительственную политику, не только не раздражая при

273\* Увольнение от должности «без прошения» считалось экстраординарным наказанием, крайне оскорбительным для чиновника; по этой причине начальник обычно предлагал увольняемому сохранить лицо, подав прошение об отставке.

этом общественности, но даже привлекая к себе ее симпатии, — вот что, вероятно, побудило Плеве остановить свой выбор на Штюмере после того, как Рогович решительно заявил, что оставаться на должности директора департамента общих дел он не желает. Однако хороших отношений с Плеве Штюмеру установить не удалось. Держась всемерно за свою должность, не обладая никаким прирожденным чувством достоинства, Штюмер не сумел с места оградить себя от колкостей Плеве, который вскоре потерял к нему всякое уважение. Он стал обходиться с ним до крайности резко и не останавливался перед публичным выражением ему замечаний, принимавших иногда форму прямых выговоров. Да, Штюмер выпил за два года службы при Плеве в этом отношении горькую чашу. Насколько, однако, он больно это чувствовал, вопрос другой, так как многое искупало эту тяжкую сторону его положения. Роскошная казенная квартира, хорошее, благодаря получавшимся им значительным наградным деньгам, содержание, возможность разыгрывать перед приезжими представителями губернской администрации роль вершителя их судеб — все это настолько прельщало Штюмера, что он молча переносил до грубости резкое обращение с собою Плеве. В особенности же он дорожил своей должностью вследствие того, что она давала ему возможность завязать множество полезных связей в правительственных и вообще влиятельных кругах, а также удовлетворять своей страсти задавать роскошные обеды и завтраки. Действительно, преобладающим свойством Штюмера было невероятное чванство. Насколько Витте стремился к власти для бурного применения своих творческих сил, а Горемыкин — для обеспечения себе жизненного комфорта, настолько Штюмер искал ее для удовлетворения мелкого честолюбия и пустого чванства. Внешние атрибуты власти — шитье на мундире, ордена, которых у него было бесчисленное множество, как русских, так и иностранных, причем они были

все выставлены у него в особой витрине, внешний почет — вот что единственно влекло Штюмера к занятию высоких должностей. Сознание ответственности за порученное ему дело у него отсутствовало, как отсутствовал и живой интерес к нему. Ленив он был при этом до чрезвычайности, а потому единственной его заботой было найти таких сотрудников, которые исполняли бы за него всю работу по порученной ему отрасли. Последнее ему в значительной степени удавалось. Так, по департаменту общих дел все текущее дело вел за него один из делопроизводителей — Шинкевич, а всю работу идейную, как то: разработку законодательных предположений и составление особых записок по каким-либо сложным делам — исполнял переведенный им из Ярославля доцент государственного права Демидовского лицея<sup>274</sup> Гурлянд, обладавший талантливым пером, хорошими познаниями и умением приспосабливаться к взглядам начальства<sup>275</sup>. Умом или, вернее, способностями Гурлянда Штюмер жил во всех должностях, которые он занимал в столице. Одним качеством Штюмер все же обладал, а именно огромным терпением. Не было того собрания, на котором Штюмер, если входил в его состав, аккуратнейше не присутствовал, не принимая, однако, в нем никакого участия и, по-видимому, не интересуясь вовсе обсуждаемыми на нем вопросами, коль скоро они, так или иначе, не затрагивали его собственной судьбы и его личных интересов. Он даже выработал в себе особую способность мирно спать на заседаниях,

274\* Демидовский юридический лицей в Ярославле был высшим учебным заведением.

275\* Гурко обходит стороной то удивительное обстоятельство, что Гурлянд был евреем и даже происходил из семьи раввина, что являлось чрезвычайной редкостью для человека в положении крупного чиновника и консервативного публициста.



сохраняя при этом вид человека, сосредоточенно слушающего все, что при нем говорится.

Само собой разумеется, что закулисные интриги Штюмер вел неизменно, но вел он их крайне осторожно, скрытно и искусно, так что обнаружить его руку в том или ином деле было весьма трудно. При этом Штюмер проявлял невероятное упорство и большую выдержку. Двенадцать лет, прошедшие между его назначением в 1904 г. членом Государственного совета и достижением им в 1916 г. премьерства, провел он в безостановочном и настойчивом искании способов достижения власти и в результате все же достиг, на собственную беду и на горе России, желаемой им цели.

Среди лиц, имевших по занимаемой ими при Плеве должности в Министерстве внутренних дел политическое значение, надо упомянуть Н.А.Зверева, начальника Главного управления по делам печати. Зверев принадлежал к той малочисленной группе профессоров, которые открыто и определенно исповедовали правые политические взгляды и были убежденными сторонниками самодержавного строя. По происхождению Зверев был сыном крестьянина Нижегородской губернии, получивший образование на средства местного помещика Хотяинцева, подметившего в шустром мальчике живой ум и жажду к знанию. Обстоятельства этого он отнюдь не скрывал, не делая, однако, из него особой для себя заслуги. Ученую карьеру Зверев оставил при назначении министром народного просвещения ректора Московского университета Боголепова, пригласившего Зверева к себе в товарищи.

Зверев был, несомненно, идеальным сторонником неограниченной монархии, причем стремился обосновать свои убеждения научно: он долгие годы трудился над составлением ученого трактата по этому предмету, который, однако, насколько мне известно, не довел до конца. Но одновременно по природе он был рабского духа и заячьей трусливости. Ко

всякому начальству он питал великое уважение, а Плеве наводил на него определенный трепет. Понятно, что при таких свойствах положение печати при нем было не из легких. Предшественник его, М.П.Соловьев, рекомендованный Сипягину Победоносцевым, был человеком совершенно несуразным и лишенным всякой определенной линии поведения. При нем печать абсолютно не знала, что ей дозволено и что ей воспрещено, и ежечасно находилась под угрозой неожиданных кар, но, в общем, все же пользовалась большей свободой, нежели при Звереве. Так, при Соловьеве впервые возник у нас журнал определенно социалистического направления — «Русское богатство»<sup>276</sup> и, как ни на есть, продолжал при нем существовать. Зверев был человек уравновешенный, предъявляемые им к печати требования были определенными, и, следовательно, журнальные работники могли наперед знать, какие высказываемые ими мысли навлекут на них те или иные неприятности. До известной степени новшеством была та внешняя справедливость, которую Зверев ввел в отношении печати, не знаю, по собственному ли почину или согласно указанию Плеве, а именно то, что правая печать, усердно поддерживавшая правительство, подвергалась таким же карам, как и печать оппозиционная. Этим имелось в виду внушить обществу, что правительство вполне беспристрастно и применяет ту же мерку как к разделяющим в общем его взгляды и политику, так и к критикующим его и проводящим мысли, ему неугодные. Результат, однако, получился другой.

276\* «Русское богатство» был социалистическим журналом в бюрократической терминологии Гурко. В современных представлениях этот журнал, категорически не признававший марксистское учение, был, скорее, неонародническим; в терминах эпохи эта позиция называлась «народный социализм».

Оппозиционная печать становилась в таком случае на сторону испытывавшего те или иные неприятности консервативного органа и, не без основания, утверждала, что не существует свободы мысли даже для друзей и что вообще душится не то, что, по мнению правительства, вредно, а то, что ему неудобно.

Как ни на есть, фактически влияния на печать Зверев не имел и иметь не мог, так как даже личных связей с ее руководителями ни в одном лагере завести не сумел. Пробыл он на своей должности, однако, в течение времени управления министерством Плеве и был заменен А.В.Бельгардом при кн. Мирском.

Среди лиц, привлеченных Плеве из Государственной канцелярии в состав Министерства внутренних дел, был, между прочим, Д.Н.Любимов, назначенный директором канцелярии министра<sup>277</sup>. Сын профессора Московского университета по кафедре химии, одного из ближайших друзей М.Н.Каткова и постоянного сотрудника «Московских ведомостей», Любимов по своему воспитанию, по той атмосфере, в которой он провел студенческие годы, был, разумеется, определенным консерватором. Но основной его чертой было отнюдь не скрываемое, циничное по откровенности стремление проложить себе путь к «степеням известным». Несомненно, талантливый, обладаю-

277\* В штатах министерств предусматривалась небольшая личная канцелярия министра, не входившая ни в одно из министерских подразделений. Канцелярия министра вела личную (то есть не исходившую ни из одного из подразделений в отдельности) переписку министра и, в целом, служила его референтурой. Начальники канцелярий министров, при формально невысокой должности, были влиятельными фигурами из-за близости к министрам и высокой осведомленности о всех делах ведомства.

щий бойким, даже блестящим пером, умеющий схватить на лету мысль начальства и необычайно быстро и ярко изложить ее на бумаге, снабдив такими доводами, которые и в голову не приходили автору развиваемой им мысли, он был, несомненно, драгоценным канцелярским сотрудником. Природная любезность и готовность всякому помочь, всем услужить подкупали решительно всех, с кем он имел дело. Свойство это было ему хорошо самому известно, и он использовал его в полной мере. Невольно прощали ему его шутивно-циничное подсмеивание над самим собой, даже когда он с милой улыбкой заявлял, что ему лишь бы попасть к начальству и поговорить с ним полчаса, чтобы обеспечить дальнейшее к себе благоволение. Благодаря привлекательным личным свойствам, такие заявления Любимова не вызывали возмущения даже у лиц, наименее склонных к подобному образу действий. Влияния на то или иное разрешение порученных ему дел и разрабатываемых вопросов он, при таких условиях, разумеется, не только не имел, но его и не добивался. Довольно продолжительный служебный опыт к тому же, несомненно, убедил его, что огромное большинство постоянно составляемых в петербургских высших правительственных учреждениях бесчисленных записок по самым разнообразным вопросам ни к каким реальным результатам не приводят, кроме разве одного — продвижения по службе их составителей. Так он на них и смотрел, видя одновременно в их составлении некоторый спорт, не лишенный известной пикантности. На портфеле, в котором он возил составляемые им записки, была характерная надпись: «Sic itus ad astra»<sup>278</sup>. Впоследствии Любимов проявил, однако,

**278** Портфель этот был чей-то сделанный ему подарок, но надпись характеризует всего Любимова: «Так ли продвигаются к звездам». (Прим. автора)

два безусловно положительных качества совершенно различного порядка. Одним из них было обнаруженное им чувство благодарности к памяти лиц, содействовавших его служебной карьере: после кончины Плеве и замены его Мирским, резко подчеркнувшим, что политику своего предшественника он порицает и намерен открыть новую эру широкого либерализма, Любимов, невзирая на то что это могло ему повредить в глазах нового начальства, составил и напечатал небольшую брошюру под заглавием «Памяти Плеве» определенно хвalebного содержания. Это, конечно, не помешало ему продолжать службу при кн. Мирском, причем указанные выше природные его свойства сослужили ему тут их обычную службу: с Мирским у него установились столь же хорошие и едва ли не более близкие отношения, чем с Плеве.

Другое проявленное Любимовым впоследствии качество — это наличие у него административных способностей. В бытность виленским губернатором, а затем, во время войны, помощником варшавского генерал-губернатора (между двумя этими должностями он состоял товарищем главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией по принятию прошений, где также привлек всеобщие симпатии), он сумел так себя поставить, что пользовался сочувствием и доверием как русских, так и польских общественных кругов, проявив одновременно умелую и толковую распорядительность. Не могу не добавить, что он, несомненно, обладал художественным литературным талантом и богатой фантазией. Рукописное, не видевшее света по эротичности содержания исследование любовных утех в различные исторические эпохи местами напоминает творения Овидия, а напечатанный им не-большой рассказ под заглавием «Обед у губер-

натора» представляет бытовую сцену, достойную пера Лескова, если не Гоголя.

Командиром отдельного корпуса жандармов Плеве избрал генерала В.В.Валя, бывшего в течение довольно продолжительного времени петербургским градоначальником. Валь был типичным немцем и обладал многими присущими этому народу свойствами. Чрезвычайно добросовестный служака, твердо и неуклонно проводящий виды правительства, отстаивавший даже истинно русские интересы, что он проявлял в особенности в бытность губернатором на Волыни, где он усердно содействовал охранению памятников русской старины в этом ополяченном<sup>279</sup> крае, Валь не обладал ни бойким, ни глубоким умом. Полицейское дело он знал, несомненно, в совершенстве и, конечно, был убежденным и крайним консервативатором. Как большинство лиц, служивших на полицейских должностях, Валь, разумеется, подвергался постоянным нападениям, причем не оставляла его и клевета. Так, Валя общественное мнение и городские слухи причисляли к взяточникам, но это, безусловно, неверно. Валь был, несомненно, вполне честным человеком. Несмотря на немецкую бережливость, средства Валя были весьма ничтожны. В бытность его впоследствии членом Государственного совета, единственным источником его существования было получаемое им по службе содержание. Влияния на политику Министерства внутренних дел Валь не оказывал, так как непосредственного отношения к политиче-

279\* Гурко пользуется официозной националистической терминологией, типичной для его эпохи. На нейтральном языке его выражение означает, что Волыни среди землевладельцев (а отчасти и среди имущего городского класса) преобладают поляки-католики. По переписи 1897 года на Волыни только 7.5% населения было католиками.

ской стороне деятельности своих подчиненных по корпусу жандармов он не имел: деятельность эту всецело направлял департамент полиции. Но с политикой, проводимой этим департаментом и, к сожалению, одобряемой Плеве, он был совершенно не согласен. Зубатовщина была ему столь же непонятна, сколь представлялась фантастичной по замыслу и вредной по последствиям. В сущности, с Лопухиным он был в постоянном антагонизме, что, впрочем, было неизбежно вследствие той двойной подчиненности, в которой состояли чины корпуса, главой которого он состоял<sup>280</sup>. Не сочувствовал он тоже и провинциальной деятельности департамента полиции, что неоднократно высказывал Плеве.

Нежностью он, однако, не отличался и на политических заключенных, хотя бы они не участвовали ни в каких деяниях уголовного свойства, смотрел как на обыкновенных преступников. Зависевший в значительной степени от него тюремный режим этой категории заключенных он отнюдь не смягчал. Прямолинейный немец, он не видел никаких оснований облегчать участь людей, замышлявших гибель государства, как он его понимал, причем мотивы их действий были ему при этом совершенно безразличны. Обращение его с политическими заключенными было исключительно начальственное и, несомненно, жесткое и сухое. В Шлиссельбургской крепости он отнял

280\* Корпус жандармов, в чистой теории, представлял собой армейский кавалерийский корпус, предоставленный в распоряжение министра внутренних дел. Чины корпуса жандармов были военнослужащими и подчинялись военному законодательству. Штаб корпуса жандармов был учреждением двойного (военное министерство и МВД) подчинения и руководил деятельностью Корпуса только с формальной, кадрово-учетной и хозяйственной, стороны. По существу же деятельности, распорядительно и методически, корпусом руководил Департамент полиции.

у Веры Фигнер шелковые чулки<sup>281</sup>. По воспитанию, теориям и идеям он принадлежал к предыдущей эпохе и, разумеется, терпимостью к чужим взглядам не отличался. В умственно расшатанном, лишенном стойких убеждений вообще и искренней приверженности к существующему государственному строю в частности русском правительственном составе начала XX в. Валь был, несомненно, анахронизмом. При всей бюрократичности Плеве, он был все же значительно современнее, нежели Валь, представлявший тип администратора времен Александра II. Отношения его с Плеве были дружескими. Плеве ценил в нем точного и исполнительного подчиненного, могущего иногда в душе не соглашаться с полученными им распоряжениями, но не допускавшего и мысли извращать их смысл в порядке их осуществления. Когда Плеве под конец убедился во всей вредоносности деятельности Зубатова, причем даже заподозрил его в двойной игре, то произвести у него обыск и отобрать у него все дела он поручил именно Валю, что, впрочем, в данном случае вполне согласовалось с мнением о Зубатове и его деятельности самого Валя.

Во главе переселенческого управления Плеве застал А.В. Кривошеина. Что сказать про этого человека, игравшего впоследствии весьма крупную роль в правительственном синклите? Сдается, что самой выдающейся его чертой было желание и стойкое стремление взять от жизни все, что она может дать лучшего во всех отношениях. Цель эту поставил себе Кривошеин с молодости и к ней неукоснительно и твердо

281\* В.Н.Фигнер в своих мемуарах пишет: «...приезжал неотесанный солдат, грубый, вызывающий фон Валь...», но, однако, ничего не сообщает об отнятии чулок (См.: Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Том второй. Когда часы жизни остановились. М., 1922).



стремился. При этом он весьма скоро понял, что лучший способ пробить себе дорогу в жизни — это составить себе обширные и полезные связи в самых различных кругах, не исключая при этом и дамской помощи. Судьба ему улыбнулась в этом отношении со студенческих лет, когда он сумел сойтись с сыном министра внутренних дел гр. Д.А.Толстого пресловутым «Глебушкой» — полуидиотом, отличавшимся необычайным аппетитом и думавшим только о том, что он в течение дня съест. Гр. Толстой, не терявший надежды так или иначе развить своего сына, вздумал послать его в заграничную образовательную поездку в сопровождении нескольких лиц, на обязанности которых было разъяснять «Глебушке» все значение и смысл обозреваемого. В числе этих спутников были между прочими художник Прахов и Кривошеин. Это же знакомство с Толстым обеспечило Кривошеину и начало его карьеры<sup>282</sup>. При Толстом он был назначен комиссаром по крестьянским делам уездов Царства Польского и при нем же переведен в центральное управление министерства, а именно в земский отдел. С выделением из этого отдела особого переселенческого управления Кривошеин был переведен туда.

282\* Не упоминаемая Гурко часть истории еще интереснее. А.В.Кривошеин в 1887 году, в возрасте 30 лет, решил повторно поступить на государственную службу и явился в Петербург, имея единственное рекомендательное письмо от отца к его приятелю Прахову. С этим письмом он ошибочно явился к известному историку искусства и археологу А.В.Прахову, который оказался однофамильцем, не знающим отца Кривошеина. Кривошеин, однако же, настолько понравился Прахову, что тот решил ему помочь, в результате чего и состоялась их общая поездка с гр. Глебом Толстым. Более того, Прахов познакомил Кривошеина с миллионерской семьей Морозовых, в результате чего тот женился на внучке Т.С.Морозова Е.Г.Карповой.

Здесь его начальством оказался некто Гиппиус, которого он сумел очень скоро обворожить, последствием чего явилось его назначение помощником начальника переселенческого управления. Чем брал при этом Кривошеин, трудно сказать, ибо к работе склонности у него никогда не было, не обладал он при этом и ни талантливый пером, ни красноречием. В дальнейшем ему помог счастливый для него случай. Его начальник Гиппиус сошел с ума и в качестве сумасшедшего не мог быть по закону уволен от занимаемой должности ранее истечения года<sup>283</sup>. Во временное управление отделом автоматически вступил Кривошеин. В этом положении его застал при назначении министром внутренних дел Сипягин и назначенный последним заведовать переселенческим управлением Стишинский. Обворожить последнего Кривошеину ничего не стоило, равно как одновременно сдружиться со служившим в переселенческом управлении сыном Плеве.

Любопытно, что при этом Кривошеин никогда сколько-нибудь определенно своих политических взглядов не высказывал, так что никто не мог бы цитировать каких-либо его слов или заявлений, по которым его можно было бы причислить к определенному политическому лагерю. Но одновременно всем своим обращением он давал ясно понять, что согласен с мнением тех лиц, с которыми разговаривает, если расположение этих лиц он считал для себя сколько-нибудь полезным. Совершенно не разбиравшийся в людях, чуждый сам побочных приемов для достижения какой-либо личной выгоды, пробив-

283\* Гурков не упоминает, что В.В.Гиппиус не был, несмотря на болезнь, уволен с государственной службы; его перевели на не связанную с реальными обязанностями должность члена совета министра внутренних дел, что было формой почетной пенсии.

ший себе дорогу добросовестной работой и столь же стойкой, сколь искренней приверженностью к определенно консервативным взглядам, Стишинский был прямо очарован умным и ловким Кривошеиным, умевшим выказать свое преклонение перед начальством без всякого наружного подобострастия и лести.

Само собой разумеется, что при таких условиях Кривошеин при первой возможности был назначен на должность начальника переселенческого управления. При назначении Плеве министром внутренних дел Кривошеин был одним из немногих начальников отдельных управлений этого ведомства, которые не были заменены другими лицами. Последнему, вероятно, содействовало то обстоятельство, что до этого назначения в переселенческом управлении служил, как я уже упомянул, единственный сын Плеве, с которым Кривошеин, невзирая на значительную разницу в годах<sup>284</sup>, свел тесную дружбу. Однако если Плеве сохранил Кривошеина, то все же относился к нему весьма критически, поначалу же даже явно к нему придирался, причем придирки эти, не встречая отпора со стороны последнего, становились все ядовитее, все резче. Наконец, дошли до того, что на одном докладе, летом 1903 г., Плеве в присутствии нескольких лиц из состава Министерства внутренних дел обошелся с Кривошеиным с явной грубостью. При этом инциденте выказался характер Кривошеина, уменьье его, когда нужно, предпринимать решительные шаги. Действительно, вопреки общему мнению, Кривошеин отнюдь не был лишен характера и решимости, но этот характер был соединен с исключительной рассудительностью. Сгоряча, тщательно не обдумавши всех обстоятельств каждого данного положения, он никаких сколько-нибудь затрагивающих его

284\* Н.В.Плеве был моложе А.В.Кривошеина на 14 лет.

личные интересы решений не предпринимал, но это вовсе не означало, что он не был способен на действия весьма решительные и, следовательно, неизбежно сопряженные с известным риском. Однако предпринимал он их в крайних случаях, и притом когда риск, сопряженный с их принятием, был, по его предварительно тщательно обдуманному убеждению, меньший, нежели тот, который угрожал ему при отсутствии с его стороны активного противодействия создавшемуся положению.

Ярким образчиком рассудительности Кривошеина, присущей ему склонности тщательно взвешивать все свои поступки и большой выдержки явился впоследствии отказ от министерского портфеля, который ему предложил Горемыкин при образовании им в 1906 г., после отставки Витте, своего кабинета. Для Кривошеина, в то время занимавшего должность товарища министра финансов, это был огромный карьерный шаг. Однако он не принял этого назначения, так как вовсе не был уверен в прочности кабинета Горемыкина, а быть может, и всего существовавшего строя, и предпочел скромно остаться на второй роли, не обязывавшей его выявлять свое политическое лицо.

Именно так оценил обстановку Кривошеин после публично высказанного ему в весьма резкой форме Плеве неудовольствия. В тот же день отправился он к Плеве и определенно заявил, что дальнейшую совместную службу с ним он признает для себя невозможной, а потому просит о своем увольнении от должности. Я уже упомянул, что Плеве принадлежал к тем лицам, которые любят говорить другим дерзости, но одновременно презирают тех, кто их спокойно выслушивает, и, наоборот, исполняются уважением к людям, не позволяющим наступить себе на ногу. То же произошло и в данном случае. Плеве упросил Кривошеина службы в министерстве не оставлять и с этого времени совершенно изменил свое отношение к нему.

Когда же осенью того же 1903 г. Плеве совершал поездку по Сибири в сопровождении Кривошеина, то вернулся уже вполне им очарованный.

Произошла, однако, одновременно и перемена в Кривошеине. Зорко присматриваясь к ходу событий, наблюдая за все растущим общественным недовольством, Кривошеин усмотрел возможность резкого изменения государственного курса, что было бы, конечно, сопряжено с переменой в личном составе правительственного синклита, и принялся за установление личных связей в кругах, враждебных Плеве, причем начал осторожно и мягко критиковать его политику, в особенности антиземскую, чего он, впрочем, не скрывал и от самого Плеве. Так, когда возник вопрос о неутверждении Д.Н.Шипова председателем московской губернской управы, он прямо высказал Плеве, что такое решение было бы чрезвычайно нетактичным и могущим вызвать серьезные последствия<sup>285</sup>.

Особое положение занял он и в крестьянском вопросе. Приглашенный к участию в обсуждении выработывавшихся в земском отделе проектов узаконений о крестьянах, он, однако, никакого деятельного участия в этом обсуждении не принимал и совершенно не высказывался по основному вопросу, а именно сохранении в порядке управления и суда крестьянской обособленности или слияния крестьян в этом отношении с лицами всех прочих сословий. Менее сдержан, однако избегая и здесь сколько-нибудь решительных суждений, был Кривошеин в вопросе об общинном либо личном землевладении крестьян. Усматривая, что в этом вопросе правительственная политика сливается с убеждениями различных по их направ-

285\* Плеве, однако же, так и не утвердил Д.Н.Шипова в должности председателя Московской губернской земской управы (апрель 1904 года).

лению общественных кругов в том смысле, что они одинаково отстаивают земельную общину, вероятно полагая, что при таких условиях именно эта политика в конечном результате восторжествует, Кривошеин высказывался против ломки общинных порядков. Такая позиция представлялась в то время наиболее демократичной. Действующий закон охранял общину, а при существовавшем строе всякое сколько-нибудь решительное изменение закона было бесконечно труднее осуществить, нежели остаться при существующем порядке. Изменение этого закона представлялось ввиду этого маловероятным. С этой точки зрения он сошел значительно позднее, а именно лишь незадолго до назначения главноуправляющим землеустройства и земледелия. Сделал он это в исключительно торжественной форме, а именно: участвуя однажды в Совете министров еще в качестве товарища министра финансов, заведующего Дворянским и Крестьянским банками, он определенно заявил, что, объехав некоторые сельские местности, где уже происходит выселение крестьян на хутора, он убедился, насколько он заблуждался, когда высказывался за сохранение общины. Единственным спасением России и вернейшим средством обеспечить ее материальное процветание и даже умственное развитие народных масс является самое энергичное проведение в жизнь Высочайшего указа 9 ноября 1906 г. о праве выхода крестьян из общины при усиленном содействии к образованию ими отдельных хуторов. Было ли это искреннее убеждение в полезности меры или только утвердившаяся в нем уверенность, что путь, на который стало правительство, будет им стойко осуществляться и что, следовательно, примкнувши к этому движению, ему всего легче увенчать свою служебную карьеру? Я лично думаю, что тут было и то и другое. Дело в том, что Кривошеин обладал выдающимся умом, тонким политическим чутьем, умением разбираться в сложной политической обстановке, но серьезных знаний у него не было, как

не было и знакомства с народной жизнью. При таких условиях вполне обоснованного мнения в вопросе о крестьянском землепользовании он иметь не мог. Когда же он воочию увидел, какая пропасть отделяет крестьянское обособленное хозяйство от того же хозяйства, подчиненного принудительному севообороту общины, он не мог не убедиться в превосходстве первого над вторым. Однако едва ли он стал бы ломать копья за решительные меры, направленные к насаждению единоличного крестьянского землепользования, если бы одновременно не пришел к убеждению, что правительство твердо стало на этот путь и что глава правительства, Столыпин, намерен неуклонно идти в этом направлении.

Перечитав набросанные мною краткие характеристики лиц, стоявших во главе отдельных управлений Министерства внутренних дел в начальные годы века, я невольно задался вопросом: дают ли они правильную оценку этих лиц, не увлекся ли я передачей мелких фактов, рисующих некоторые их слабости и не имеющих существенного значения и, во всяком случае, не отражающих их основных свойств? Людей совершенных на свете нет, и даже лучшие имеют свои недостатки и в течение своей жизни совершают такие отдельные поступки, которые сами же потом мысленно клеймят. Слишком легко ввиду этого, приводя о каком-либо лице единичные, рисующие его факты, дать ложное представление о них. Людей характеризуют не отдельные, выхваченные из их жизни эпизоды, а лишь общая сумма таковых. Для правильной характеристики людей надо из множества свойств каждого лица, как добродетелей, так и недостатков, выделить те, которые являются преобладающими у него. Между тем я не упомянул, что все или почти все обрисованные мною лица хорошо знали порученное им дело и живо им интересовались; в сущности, именно в этом деле, в содействии его улучшению и развитию видели они смысл своего существования. Все они имели свои

недостатки — это несомненно. Не были они людьми, всецело забывающими свои интересы, — это тоже верно, но спрашивается, где же они вообще? И не были ли лица, пробывавшиеся у нас на верхи иерархической лестницы, все же лучшее, что могла дать Россия, что вообще в этом отношении дает род людской в любой стране? Если рассматривать их со стороны их умственных способностей, их общей образованности, то они, несомненно, принадлежали к нашим умственным верхам. Был у них, кроме того, и служебный опыт, и административные навыки. Словом, сравнивать этих людей с теми, которые заполняли наши общественные учреждения, как земские, так и городские, даже просто нельзя. Работа в правительственных учреждениях, независимо от степени плодотворности, была огромная, причем работы этой было тем больше, чем выше была занимаемая человеком должность. В сущности, у большинства петербургской чиновной бюрократии личной жизни почти не было. Время проходило между служебным кабинетом в здании министерства, бесчисленными, преимущественно вечерними заседаниями в том или ином ведомстве и письменным столом в домашнем кабинете, от которого можно было оторваться лишь среди глубокой ночи. Прибавлю к этому русское неумение отделять праздник от будней, благодаря чему свободного времени, в сущности, никогда не было, и знакомые с нашей провинциальной жизнью и с работой в общественных учреждениях должны будут признать, что, как ни на есть, служба правительственная поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном, и что, следовательно, широко распространенный фаворитизм у нас не практиковался. Конечно, бывали назначения, обусловленные исключительно протекцией, однако почти исключительно на весьма второстепенные должности или на существовавшие в общем в весьма незначительном числе синекуры, да и они занимались преимущественно



лицами, проведшими долгие годы на службе, но выслужившими лишь ничтожные пенсии, так как наш давно устаревший пенсионный устав вообще сколько-нибудь достаточных для обеспечения скромного, но безбедного существования средств пенсионерам не представлял.

Конечно, можно рисовать идеальные фигуры революционной общественности, как это сделал, например, в своих воспоминаниях Савинков<sup>286</sup>, на душе которого множество им задуманных и подготавливаемых, но исполненных чужими руками убийств. Владельцев этих рук Савинков и воспекает — меньшего для них он сделать и не мог.

Петербургское высшее чиновничество почиталось совершенно напрасно, и притом отнюдь не одними оппозиционными элементами, а едва ли не всей провинцией, за людей, мало что знающих, еще меньше работающих и ограничивающих свою деятельность появлением на час-другой в министерстве, чтобы выслушать там два-три доклада и принять двух-трех приезжих из провинции. В особенности же были убеждены, что все движение по службе основано исключительно на протекции, причем приписывалось оно женскому влиянию. Представление это совершенно фальшивое. Работой были завалены чины всех министерств, работой нервной, не дававшей покоя ни в будни, ни в праздники. Что же касается денежной честности высшего состава правительства, то, за редкими исключениями, она была безупречна. Говорить теперь о хищениях, будто бы производившихся нашими сановниками, после

286 Гурко мог читать как публикацию отрывков воспоминаний в журнале (см.: Савинков Б.В. Воспоминания террориста // Былое. 1917. № 1—3; 1918. № 1—3, 12), так и первое отдельное издание (Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Харьков, [1926]).

того как раскрылись все государственные архивы и опубликованы наиболее секретные документы, после того, как сначала Временное правительство, а затем большевики произвели самые тщательные следствия о деятельности наших министров, причем им не удалось обнаружить ни одного компрометирующего их факта, можно только, если сам не обладаешь ни малейшей долей добросовестности.

Я, разумеется, не намерен оскорбить наш старый правящий слой сравнением его в каком-либо отношении с шайкой грабителей, именуемой Советской властью. Я сравниваю его с правительствами Западной Европы и утверждаю, что он был безусловно честнее и бескорыстнее последних.

Быть может, взяточничество, в его чистом виде, на Западе среди правящего круга распространено еще в меньшей степени, чем у нас, но стремление к обогащению у него развито неизмеримо больше и достигается преимущественно иными путями. Одновременное нахождение у власти и участие в крупных промышленных и финансовых предприятиях там явление не только заурядное, но обычное. При таких условиях прибегать для получения средств к взятке не приходится. Этот грубый, примитивный и небезопасный способ давно заменен другим, тонким, современным и совершенно, по его неуловимости, безопасным. Своевременное сообщение того или иного предстоящего правительственного решения или действия; косвенная, одним присоединением своего имени, поддержка того или иного частного предприятия и множество иных разнообразных способов содействия доходности промышленной или банковской фирмы или хотя бы подъему рыночной цены их акций приносит значительно большие суммы, нежели первобытное, наивное по своей упрощенности взяточничество. В результате на Западе почти все лица, побывавшие скольконибудь продолжительное время у власти или хотя бы имевшие значительное влияние в среде какой-либо политической пар-

тии, составили себе крупные состояния. Обстоятельство это всем известно, но весьма мало кем осуждается и признается естественным.

Между тем у нас силою закона совмещение казенной службы с частной в качестве директоров или членов совета каких-либо представляющих денежные выгоды обществ и учреждений было прямо запрещено<sup>287</sup>.

Упрекали и поносили наше чиновничество за то, что оно стремилось к занятию должностей, представляющих пользование казенной квартирой; что оно искусственно устраивало себе служебные командировки, будто бы хорошо оплачиваемые; что оно выкраивает себе наградные деньги из остаточных сумм от незамещенных в течение некоторого времени должностей, но как все это ничтожно и как все это доказывает обратное, а именно, что средствами даже крупное чиновничество совсем не обладало и жило исключительно на получаемое жалованье, размеры которого, с удорожанием жизни, становились, по существу, все более незначительными.

В результате получалось, что люди, занимавшие в течение долгих лет первостепенные государственные должности, уходя

287\* Закон 1884 года воспрещал участие в управлении акционерными обществами, банками, железнодорожными обществами, а также и вообще участие в торговых и промышленных товариществах (то есть индивидуальное предпринимательство солидарно с другими лицами) всем чинам III класса (тайный советник) и старше, а также и чинам младших классов, служащим на должностях директоров департаментов, губернаторов, градоначальников, обер-прокуроров департаментов Сената и их товарищей, и некоторых других. Таким образом, министры и их товарищи, сенаторы, члены Государственного совета, как лица III-II классов, в полном составе не имели права на коммерческую деятельность.

в отставку, лишь кое-как перебивались, живя на одну получаемую ими скудную пенсию, а умирая, оставляли детям в виде наибольшей ценности орденские знаки<sup>288</sup> да серебряные альбомы с фотографиями своих бывших сослуживцев, полученные ими от них при оставлении службы.

Правда, что в самое последнее время эти, можно сказать, спартанские нравы начали меняться. Стремительное развитие нашей промышленности и банковских операций породило другое явление, а именно все участвующий переход с казенной службы на частную более или менее видных деятелей, в особенности Министерства финансов и, в частности, кредитной канцелярии<sup>289</sup>, причем присваиваемые им содержания достигали фантастических сумм. Нет сомнения, что при этом учитывались служебные связи приглашаемых на частную службу и их знание тех ходов и приемов, при помощи которых всего легче было получить то или иное правительственное разрешение, добиться утверждения того или иного устава, а в особенности получить желаемую правительственную концессию.

Наряду с этим со времени учреждения выборных законодательных установлений началось привлечение в состав прав-

288\* Даже ордена первой степени стоили, в основной массе, не более 50-100 рублей. Ордена не имели большой мемориальной ценности для потомков, так как император только причислял награжденных к ордену, а сами орденские знаки кавалеры покупали в ювелирных магазинах за свой счет.

289\* Гурко явно намекает на известнейшего предпринимателя конца 1900-х-1910-х годов А.И.Вышнеградского (сына министра финансов И.А.Вышнеградского), который в 1905 году ушел в отставку с должности вице-директора Особенной кацелярии по кредитной части Министерства финансов и немедленно начал чрезвычайно удачную деловую карьеру.

лений и советов частных предприятий влиятельных членов как нижней, так и верхней палат.

Словом, можно сказать, что нравы Западной Европы в отношении стремления служилого слоя не только и даже не столько к власти и почету, сколько к обогащению начали распространяться у нас, и весьма возможно, что они в короткое время стали бы господствующими. Однако в общем личный состав русских правителей до самых последних лет старого строя служил из чести, а не из корысти, и, сохраняя, разумеется, все людские свойства и недостатки, наша бюрократия и воинский командный состав и мыслью и душой служили не себе, а государству, честь и достоинство которого им были бесконечно дороги.

Значит ли это, что все дела вершились у нас в соответствии с народными потребностями? Разумеется — нет. Но зависело это не от свойств преобладающего числа лиц, составлявших в совокупности государственный и правительственный аппарат, а от многих других весьма сложных и разнообразных причин, из которых здесь привожу лишь главную, а именно невероятно быстрое увеличение численности населения империи<sup>290</sup> при чрезвычайно усложнившихся условиях быта и при все более сказывавшейся по мере роста его культурного уровня разноплеменности.

Справиться со всеми этими навалившимися задачами ни одна власть была бы не в состоянии. Перестройка всего государственного здания была неизбежна, но для этого нужен был гений, размах и воля Петра, какового в нужный момент Россия, увы, не выставила.

290\* Темп роста населения Российской империи в начале 20 столетия - около 1.7% в год.

## Глава 4. Борьба Плеве с Витте

Зима 1902—1903 гг. в бюрократических петербургских сферах прошла под знаком борьбы Плеве с Витте, той борьбы, которую опытное в этом деле петербургское чиновничество предчувствовало и предсказывало еще при самом назначении Плеве министром внутренних дел. Вызвана была эта борьба как личными свойствами этих двух властолюбивых по природе людей, так и коренной разницей в их политических взглядах.

Витте строил всю свою деятельность на мерах экономических и стремился поддержать лишь те общественные силы, которые, по его мнению, могли содействовать развитию хозяйственной жизни страны. Вполне правильно признав, что Россия в условиях современности не может сохранить своего международного положения, своей независимости от Западной Европы без развития своей находившейся еще в то время почти в зачаточном состоянии промышленности, Витте направил к этой цели всю свою кипучую энергию. На сельское хозяйство при этом он смотрел как на нечто уже существующее и не требующее искусственной поддержки, а на представителей рентного землевладения как на людей, не способных толко во вести какое-либо производство, а тем более содействовать накоплению капиталов в стране, чему Витте придавал особое значение.

Не зная совершенно сельской России, не имея точного представления об основных свойствах земледелия, препятствующих вообще, вследствие длительности сельскохозяйственного производства и происходящей от этого медленности оборота вложенных в него средств, высокой прибыльности этой отрасли промышленности, он, кроме того, по особым причинам признавал нужным не только не содействовать повышению цен на сельскохозяйственные продукты, и в частности на зерно, а, наоборот, по возможности способствовал понижению этой цены. Дело в том, что Витте находился под сильным влиянием человека, которого он по справедливости высоко ценил и мнению которого придавал огромное значе-

ние, а именно нашего знаменитого химика Д.И.Менделеева. Между тем Менделеев, всемерно стремившийся развить все производительные силы России, признавал нужным воздействовать, как это ныне говорится на современном quasi<sup>291</sup> научном жаргоне, «на факторы, которые находятся в минимуме», что обозначает на простом русском языке, что он признавал нужным в особенности поддерживать те отрасли народного хозяйства, которые наименее развиты. Такой отраслью была обрабатывающая, а в особенности добывающая промышленность. Но как было ее поддержать, как дать ей возможность успешно соперничать с развитой западноевропейской, опирающейся на обладающих давними производственными навыками, а следовательно, весьма продуктивных рабочих? Высокими таможенными ставками? Установить их в любом размере мы не имели возможности: Запад ответил бы нам репрессалиями, которых мы не могли выдержать. Оставалось лишь одно — обеспечить русской обрабатывающей и добывающей промышленности настолько дешевые рабочие руки, чтобы, несмотря на то что это будут первоначально руки неумелые, все же на единицу произведенного продукта цена работы была бы меньше, нежели она обходится Западной Европе. Но обеспечить дешевые рабочие руки возможно было только удержанием цены на жизненные припасы, прежде всего на хлеб, на низком уровне.

Была, однако, еще причина, по которой Витте относился к земледельческому классу отрицательно, а именно те ходатайства, которые к нему поступали от этого класса об уменьшении процента по ссудам из Дворянского земельного банка; о выдаче пособий на дворянские кассы взаимопомощи и на некоторые иные сословные нужды; а в особенности — постоянные просьбы отдельных заемщиков Дворянского банка об

291 quasi — псевдо (лат.).

отсрочках и рассрочках причитающихся с них срочных платежей. Витте не признавал и не желал признавать, что просьбы эти вызваны лишь в отдельных и, в общем, редких случаях тем, что землевладельцы жили свыше своих средств, что в подавляющем большинстве случаев они проистекали, с одной стороны, от того неправильного назначения, которое получали у нас средства, добытые под залог земли, а с другой, от господствовавшего в то время сельскохозяйственного кризиса, обусловившего крайне низкую доходность земельных имуществ.

Ипотечный земельный кредит, употребленный не на развитие и усиление сельскохозяйственного производства того имущества, под которое он был получен, везде и неизменно ведет к обременению и ослаблению производства. У нас же, где он шел главным образом на выделение наследственных долей членов семьи, уступивших собственное земельное имущество своим наследникам, он нередко приводил к тому же результату даже и в тех случаях, когда полученные от него средства употреблялись на оборудование сельского хозяйства перерабатывающими сельскохозяйственные продукты промышленными заведениями и вообще сельскохозяйственным инвентарем. Произошло это от того страшного, хотя, разумеется, неизбежного кризиса, который испытало наше рентное землевладение, когда, лишившись дарового крепостного труда, оно было вынуждено сразу перейти от натурального к денежному хозяйству при условиях, к тому же весьма для него неблагоприятных, и при отсутствии у землевладельцев как теоретических, так даже и практических познаний в сложном деле организации товарного производства сельскохозяйственных произведений.

Всего этого Витте не сознавал и, видя перед собой землевладельцев преимущественно в роли неоплатных должников Дворянскому банку, умоляющих об отсрочках платежей, он признавал едва ли не всех русских землевладельцев за расто-



чителей, не способных не только увеличить общее богатство страны, но даже удержаться от личного разорения.

Что же касается значения русского дворянства как служилого сословия, то он склонен был смотреть на него с интеллигентской точки зрения, разделяемой в последнее время и промышленным классом, а именно как на паразитов, пользующихся неоправдываемыми привилегиями. Совершенно упускал он при этом из вида, что тут вопрос шел не о привилегиях, а о том, что при всех своих недостатках это был единственный слой, обладавший государственным пониманием вещей. Быть может, эта государственность была даже не вполне сознательная, а являлась лишь следствием служения государству в длинном ряду предшествующих поколений, но это не меняло существа дела. Государственностью русское служилое сословие в своей массе было проникнуто, она составляла ее неотъемлемую, органическую часть. Впрочем, была ли наша бюрократия дворянской? Достаточно перебрать хотя бы министров царствования Николая II, чтобы убедиться, что большинство их не принадлежало ни к дворянскому, ни к землевладельческому классу. Плеве, Кривошеин, Ванновский, Куропаткин, Небогатов, Корнилов, Алексеев, Боголепов, Победоносцев (если взять второе поколение), Макаров, Рухлов, Рождественский, Третий Филиппов, Гирс — все были из разночинцев<sup>292</sup>, никто не принадлежал к знати.

Витте, возможно, думал, что служилое сословие могло быть заменено представителями промышленного слоя. Но это глубокое заблуждение. Даже в таких торговых республиках, каковыми были в свое время Венеция и Генуя, а ныне является Англия, служилый правящий слой никогда не сливается и никогда не происходил из торгово-промышленной среды.

292 Гурко неточен, из перечисленных им лиц П.С.Ванновский, Н.К. Гире и В.К.Плеве принадлежали к потомственному дворянству.

Последняя по самому существу своей деятельности силою вещей привыкла обсуждать все встречающиеся вопросы с точки зрения личной выгоды и подняться в массе до широкого, всеобъемлющего государственного взгляда не в состоянии. Это не означает, разумеется, что служилое сословие в лице своих отдельных членов не заботилось столько же о своем личном благе, как все остальные слои населения, но угол зрения у него от долгого заведования делами общего значения был, несомненно, иной.

Можно, конечно, сказать то же самое и про бюрократию, но она страдает другим недостатком — оторванностью от жизни. В западных демократиях старый служилый слой в некоторых странах не без успеха, однако лишь после длительного критического периода заменен представителями свободных профессий, преимущественно практиками-юристами. Едва ли возможно это было в России в начале XX в.

Иначе смотрел на положение вещей в России Плеве. Не будучи вовсе экономистом, он не постигал всех положительных сторон кипучей деятельности Витте, но зато как администратор, не лишенный государственного понимания, видел в землевладельческом классе наиболее консервативный элемент населения страны, в сущности — ее остов. Не принадлежа сам к дворянству и не имея в его среде сколько-нибудь обширных связей, он, быть может, даже преувеличивал его значение или, вернее, силу. Не видел он при этом и тех элементов, которые могли бы в массе заменить дворянство на «стезе службы государственной».

Возможно, наконец, что он некогда стал на почву защиты интересов дворянства по карьерным соображениям, а затем лишь автоматически следовал по этому пути.

Таким образом, борьба Витте с Плеве была, в сущности, борьбой экономиста с администратором-государственником. Экономист Витте не понял, что нельзя создать мощной промышленности в земледельческой, по существу, стране, лишен-

ной к тому же возможности экспортировать продукты своего фабрично-заводского производства, разоряя сельское хозяйство, ибо тем самым уничтожаешь покупательную силу того единственного рынка, который может поглотить продукты этой промышленности. В области же политики экономист Витте, вообще мало в ней разбиравшийся, не постигал, что землевладельческий класс — устой крепости государственного организма и вместе с тем его основной культурный элемент.

Наоборот, администратор Плеве не понимал, что без развития промышленности, без отвлечения значительной части населения к фабрично-заводской работе Россия не может использовать всей рабочей силы ее ежегодно возрастающего огромного населения и, следовательно, обречена на обеднение; что иным путем не может Россия отстоять своей государственной и национальной независимости от напорающей на нее огромной производительной силы Запада.

Не постигал Плеве и того, что земельное дворянство силою вещей обречено на постепенную утрату если не всей, то значительной части своей силы, что рядом с ним возникает другой класс, приобретающий огромное органическое значение в социальном строении государства, а именно торгово-промышленный, и что если этот класс не может ни заменить дворянство, ни вообще, по роду своих занятий, дать кадр служилого правящего слоя, то все же считаться с ним правительственная власть вынуждена и привлечь его к себе обязана.

Не придавал Плеве достаточного значения и численно все возрастающему классу представителей свободных профессий.

Однако едва ли не самое непонятное в той политике, которую избрал Плеве, — это желание опереться на дворянство и одновременное возбуждение против себя всей земской среды, хотя не только фактически, но даже по избирательному закону земская среда была преимущественно средой земельного дворянства.

Правда, что на практике дворянские собрания были в общем значительно правее, нежели собрания земские, но происходило это вследствие того, что в собирающихся раз в три года дворянских собраниях участвовали и такие дворяне, которые, в сущности, с местной жизнью имели весьма мало общего. Такими членами дворянских собраний были лица, находящиеся на государственной гражданской и военной службе, не могущие, да и не желавшие принимать деятельного участия в местной общественной жизни, но охотно приезжавшие раз в три года в свои губернии для поддержания связей с местным дворянским элементом. Таким образом, правизна дворянских собраний зависела в значительной степени от участия в них бюрократического, преимущественно петербургского, элемента и гвардейского офицерства. Более верным отражением настроений землевладельческого элемента, принимавшего деятельное участие в местной общественной жизни, были, несомненно, земские собрания. Следовательно, опираться на поместный класс, одновременно входя в конфликт с земством, значило, в сущности, опираться на известный слой чиновничества, не могущий быть органической опорой существующего строя, по той простой причине, что он уже был его механическим остовом. В результате получилось, что та часть русского землевладельческого слоя, которая имела общественное значение и силу и, следовательно, могла представить некоторую опору для правительства, превратилась в силу, ему оппозиционную, и склонялась она скорее на сторону Витте, в сущности ее органического противника, нежели на сторону Плеве, однако искренне желавшего поддержать дворянское землевладение.

Витте к 1902 г., по-видимому, понял это и, поняв, не замедлил приложить все усилия для привлечения симпатий земских кругов. Первый шаг в этом направлении был им принят еще при Сипягине, когда он образовал под своим председательством особое совещание о нуждах сельскохозяй-

ственной промышленности, хотя, конечно, это не была единственная цель, которую он при этом преследовал.

Всех побуждений Витте в этом деле я не берусь объяснить. Было ли это следствием проникшего в него наконец сознания, что без поднятия уровня сельского хозяйства в стране невозможно не только дальнейшее развитие русской обрабатывающей и добывающей промышленности, но даже сохранение тех размеров ее производства, которых она к тому времени достигла, за отсутствием рынка, могущего поглотить ее про. Или это была лишь диверсия — желание успокоить, а в особенности обезоружить все усиливающуюся со стороны землевладельческого класса критику и оппозицию его односторонней экономической политики. Имел ли он в виду рассмотреть вопрос о подъеме сельского хозяйства без всяких предвзятых мыслей и заранее принятых решений, желая в нем добросовестно при помощи специалистов разобраться и затем согласовать свою дальнейшую деятельность с теми заключениями, к которым его приведет ближайшее ознакомление с состоянием и нуждами сельского хозяйства? Хотел ли он, наконец, провести через сельскохозяйственное совещание некоторые меры, касающиеся крестьянского вопроса, как он это утверждает в своих воспоминаниях<sup>293</sup>, извращая, однако, фактическую сторону образования этого совещания, — решить в настоящее время нет возможности. Как известно, вихрь событий вскоре изменил всю конъюнктуру, при которой было образовано

293 Витте настаивал, что созданное по его инициативе Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности должно было «рассмотреть все, касающееся потребностей сельскохозяйственной промышленности, а главная потребность ее заключалась, конечно, в устройстве быта нашего главного земледельца, именно крестьянина» (См.: Витте СЮ. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 532).

сельскохозяйственное совещание. Сама же деятельность его происходила уже в то время, когда Витте превратился из министра финансов в председателя Комитета министров, причем одновременно тем самым лишился сколько-нибудь обширной власти. При таких условиях судить по тому, во что превратилось фактически это совещание, о тех замыслах, которые руководили Витте при его образовании, нет возможности. При новых создавшихся условиях Витте легко мог признать нужным дать этому совещанию совершенно иное направление, нежели первоначально им задуманное.

Думается, однако, что Витте одновременно преследовал все перечисленные, на первый взгляд как будто бы противоречивые, цели, причем весьма возможно, что затаенной целью был именно если не пересмотр узаконений о крестьянах в целях упразднения или хотя бы существенного смягчения сословной, в порядке управления и суда, обособленности крестьянства, то, по крайней мере, оказание существенного влияния на пересмотр означенных узаконений, возложенный Высочайшим указом 14 января 1902 г. на Министерство внутренних дел. Несомненно, во всяком случае, что на ускорении этого пересмотра, давно признанного необходимым, настоял именно Витте. Но при этом он надеялся, что пересмотр этот будет возложен на особую вневедомственную комиссию под председательством лица, взгляды которого по крестьянскому вопросу совпадали бы с его взглядами. Было им намечено при этом и лицо это, как он об этом упоминает в своих записках, а именно кн. Алексей Дмитриевич Оболенский, бывший в то время товарищем министра финансов — управляющим Дворянским и Крестьянским поземельными банками<sup>294</sup>. Однако эти предположения Витте не осуществились, вероятно, бла-

294\* Два банка являлись отдельными учреждениями, которыми по традиции управляло одно лицо.

годаря Сипягину, который хотя во многом и действовал согласно с нашептанными ему Витте мыслями, но выпустить из своих рук столь важный вопрос вовсе не был намерен. Ввиду этого можно думать, что ближайшим поводом учреждения сельскохозяйственного совещания было состоявшееся возложение пересмотра узаконений о крестьянах на министра внутренних дел. Действительно, прошло лишь девять дней со времени появления Высочайшего по этому предмету указа, как состоялся другой Высочайший указ — 23 января 1902 г., коим образовывалось под председательством Витте сельскохозяйственное совещание, включавшее в свой состав многих министров и вообще по своему внешнему аппарату являвшееся надведомственным установлением и имеющее, следовательно, возможность при некоторой умелости его председателя войти в рассмотрение любых вопросов, сколько-нибудь соприкасающихся с сельским хозяйством. При этом Витте мог не только думать, но даже быть уверенным, что раньше, нежели Министерство внутренних дел исполнит хотя бы часть возложенной на него работы, он сумеет своим обычным стремительным натиском разрешить в своих кардинальных линиях весь вопрос.

Убийство Сипягина и назначение Плеве разрушили эти планы Витте. С назначением Плеве министром внутренних дел Витте знал, что работы в Министерстве внутренних дел примут иной, значительно более быстрый темп. Как было обойти это новое обстоятельство? Каким образом сохранить за собой решающее значение в этом вопросе? Для парирования этого удара Витте вынужден был изобрести новые способы действий. В этих видах сельскохозяйственное совещание под его председательством спешно составляет программу своих занятий, причем признает, что ранее приступа к ее выполнению необходимо опросить местных людей по включенным в нее вопросам. С этой целью образуются местные губернские и уездные сельскохозяйственные комитеты, причем им предо-

ставлено право коснуться в своих суждениях помимо вопросов чисто сельскохозяйственных и вопросов местной жизни также и «вопросов общего правопорядка и общего управления, поскольку таковые отражаются на сельском хозяйстве и местной жизни вообще». При этом Витте заранее был вполне уверен, что так как уездные сельскохозяйственные комитеты образуются под председательством уездных предводителей дворянства из председателя и членов уездной земской управы и лиц, приглашенных их председателем, то они, несомненно, воспользуются предоставленным им правом расширения предложенной им программы, в первую очередь, для обсуждения крестьянского вопроса. Таким путем должно было получиться следующее странное и отвечающее видам Витте положение. Пока Министерство внутренних дел будет вырабатывать проект новых узаконений о крестьянах, основные вопросы, касающиеся крестьянских распоряжков, будут уже рассмотрены местными людьми. Затем произойдет *chasse-croise*<sup>295</sup>, т.е. проект Министерства внутренних дел будет отослан на места для обсуждения местными людьми, которые, однако, уже обсудили крестьянский вопрос в сельскохозяйственных комитетах, а отзывы этих последних поступят в особое совещание по нуждам сельскохозяйственной промышленности, где тотчас и будет приступлено к рассмотрению тех вопросов, которые председатель этого совещания, т.е. Витте, признает нужным поставить в первую очередь. Такими вопросами Витте, конечно, признал бы относящиеся к крестьянскому укладу и кружным путем вернул бы себе доминирующую роль в разрешении столь живо его в то время интересовавшего крестьянского вопроса.

При этом Витте, учреждая упомянутые комитеты, в состав которых входили местные земские деятели, имел в виду

295 Чехарда (фр.).



одновременно привлечь к себе симпатии этих деятелей, причем, по-видимому, искренне думал, что эти местные люди откроют ему новые горизонты и поведают новое слово.

Дело в том, что Витте в то время находился под несомненным влиянием двух людей, а именно кн. Алексея Дмитриевича Оболенского, которого он ввиду этого хотел провести в председатели комитета по пересмотру узаконений о крестьянах, и орловского губернского предводителя дворянства М.А.Стаховича. Через этих двух лиц, близко знакомых с земскими кругами, Витте, вероятно, впервые ознакомился с деятельностью земских учреждений и, во всяком случае, впервые осознал тот ореол, которым земство было окружено в общественном мнении. Он понял, что записка его, составленная в 1899 г., в которой он высказывал убеждение, что земское самоуправление не совместимо с самодержавием, была ложным и нетактичным шагом и что иметь против себя все русское земство ему нет никакого расчета. Рассказы и суждения Стаховича и Оболенского о местных общественных деятелях и о том, насколько они превосходят знанием народной жизни и живым отношением к делу петербургское чиновничество, для Витте были откровением, и притом настолько, что он не только изменил свое отношение к земству, но и их самих признал за людей исключительно прозорливых и умных.

Да, для Витте кн. Оболенский и Стахович были в течение нескольких лет нимфами Егериями<sup>296</sup> — истолкователями внутреннего строя русской жизни, обладателями дара распознавания смысла и сущности господствующих в стране общественных течений. Происходило это, разумеется, оттого, что сам Витте не был вовсе знаком с русской провинциальной

296 Эгерия (Egeria) — в римской мифологии нимфа-прорицательница, вдохновившая царя Нуму Помпилия на создание законов.

жизнью и вообще с бытовыми условиями страны, что и не дало ему возможности в течение нескольких лет распознать, что ни Оболенский, ни Стахович не обладали государственным пониманием вещей, а были типичными представителями русских провинциальных мыслителей, обладающих лишь скудными положительными знаниями при определенно дилетантском отношении к самым сложным вопросам народной жизни.

Близость к Витте впоследствии выдвинула и кн. Оболенского, и Стаховича хотя в разных, соответственно их свойствам, направлениях, а потому, быть может, стоит на них несколько остановиться.

Кн. А.Д.Оболенский начал свою деятельность на общественном поприще, а именно на должности козельского, Калужской губернии, уездного предводителя дворянства. Обстоятельство это наложило на него и на всю его дальнейшую деятельность особый отпечаток. С одной стороны, оно развило в нем неограниченное самомнение: в тесных рамках глухого бедного уезда ему, богатому человеку, окончившему Училище правоведения, хотя лишь по третьему разряду и вообще по существу недоразвитому и недовоспитанному, легко было блистать во всех отношениях. С другой стороны, он вполне воспринял господствовавший в провинции, уже упоминавшийся мною, полупрезрительный, полунадменный взгляд на нашу бюрократию, в особенности на петербургское чиновничество. Местные люди слегка завидовали высшему чиновничеству: власть импонировала. Но все, что составляло рядовое чиновничество, смешивалось ими в одну общую кучу не то буквоедов-приказных, не то легкомысленных папильонов<sup>297</sup>.

Вот с этим двойным убеждением появился кн. Оболенский в Петербурге в самом начале царствования Николая II.

297 От фр. papillon — бабочка, мотылек.

Совпадение едва ли случайное, а вероятно, обусловленное близостью его младшего брата, кн. Николая Дмитриевича Оболенского, к молодому государю, близостью, которой не преминула воспользоваться вся семья Оболенских, о которой в то время говорили, что она живет «котиковым промыслом»: кн. Николая Дмитриевича в семейном кругу называли «Котиком». Как бы то ни было, но кн. Алексей Дмитриевич в очень короткий срок сделал блестящую карьеру — назначенный первоначально Ермоловым инспектором сельского хозяйства — должность, существовавшая тогда в единственном числе на всю империю, — он через короткий промежуток времени назначается сначала товарищем министра земледелия, а затем, при Горемыкине, товарищем министра внутренних дел. При этом рассказывали, что он попал таким путем в начальники директора хозяйственного департамента Кабата, не пожелавшего при прибытии Оболенского в Петербург предоставить ему должность начальника отделения этого департамента, чего первоначально, до назначения инспектором сельского хозяйства, добивался Оболенский.

Как бы то ни было, 1896 год застал Оболенского товарищем министра внутренних дел, где он и выявил себя вполне. По общему отзыву служащих министерства, претерпевших несчастье иметь с ним дело, кн. Оболенский сразу выказал прежде всего полное незнакомство с делом, с одной стороны, и крайне узкий уездно-провинциальный умственный, доходящий до наивности горизонт — с другой. «У нас в Козельском уезде это решалось так...» — была его любимая и постоянная фраза. Далее проявил он и впитанное им в местной среде презрительное отношение и к работе, и к самой личности своих многочисленных докладчиков — не в смысле высокомерия — этим свойством кн. Оболенский не отличался, напротив, он держался каким-то буршем, причем, однако, в самой простоте его обращения сквозил какой-то особенный снобизм. Проистекал его взгляд на своих ведомственных сослуживцев из

искреннего убеждения, что он живой человек, схватывающий суть вещей, а они мертвые люди, видящие и знающие лишь внешнюю их форму. Словом, выражаясь словами Пушкина, «почитал он всех нулями, а единицею себя»<sup>298</sup>. Естественно поэтому, что он считал долгом не соглашаться с большинством бумаг, которые ему представляли на подпись, и требовал их изменения. Но в чем, собственно, эти изменения должны были состоять, он сколько-нибудь ясно и определенно высказать не был в состоянии, так что исполнить его желание не было никакой возможности. В результате бумаги переписывались по несколько раз, чтобы затем быть им подписанными в большинстве случаев в их первоначальной редакции. Действительно, основным свойством кн. Оболенского был чрезвычайно путаный, склонный к парадоксальности ум. На редкость некоординированное и притом совершенно не способное к какому-либо творчеству мышление его было, кроме того, запутано склонностью к мистицизму. Мистику эту, очевидно составлявшую часть его природы, кн. Оболенский пытался обосновывать на quasi учёной почве, а именно на творениях Вл. Соловьева, которого он, вследствие этого, сделался горячим поклонником и даже основал кружок имени Соловьева<sup>299</sup>, занимавшийся

298 Гурко неточно цитирует XIV строфу второй главы «Евгения Онегина».

299 По всей видимости, Гурко имеет в виду начавшиеся в 1901 г. «соловьевские обеды», о которых С.М.Волконский вспоминал: «Человек двадцать и больше сходилось в ресторане Донона у Певческого моста, вкусно обедали, приятно беседовали. Каждый раз читался кем-нибудь доклад, потом обсуждался, и беседа затягивалась за полночь». Были доклады на чисто философские темы, но большей частью они вращались вокруг наболевших вопросов иноверия и инородчества» (Волконский СМ. Мои воспоминания. М., 1992. С. 93; см. также: Носов А.А. От «со-

изучением его произведений. При всем этом нельзя сказать, что кн. Оболенский был глупым человеком; если ограничить знакомство с ним простой беседой, то легко можно было признать его и за определенно умного человека, так как высказываемые им мысли могли легко показаться оригинальными, хотя в существе своем были лишь парадоксальными. В особенности было ему любо то, что Тургенев в «Записках лишнего человека» называл противоположными общими местами. Свойство это с годами у Оболенского выступало все ярче. Так, во время великой войны он все время упорно стоял на стороне Германии и определенно радовался всякому успеху наших врагов, в особенности же — всякой неудаче англичан, которых специально не любил. Еще удивительнее были суждения, которые он высказывал после заключения большевиками Брест-Литовского мира, условия которого он открыто признавал вполне правильными и отвечающими интересам цивилизации и человечества<sup>300</sup>.

Вот этот-то человек, сблизившись с Витте, имел на него в течение известного периода весьма определенное и значительное влияние. Лишь увидев его на конкретном деле, а именно на должности обер-прокурора Синода, которую он занимал в его кабинете, убедился наконец Витте, насколько Оболенский был вздорный, решительно во всех отношениях дилетант, что Витте определенно и высказал в своих воспоминаниях<sup>301</sup>. Но это было значительно позднее, а в 1902— 1905

ловьевских обедов» к религиозно-философскому обществу // Вопросы философии. 1999. № 6).

**300** Проявленное Оболенским при владычестве большевиков позорное подлаживание к ним я объясняю болезненным состоянием и упадком воли. (Прим. автора)

**301** В своих воспоминаниях С.Ю.Витте характеризует А.Д.Оболенского как «человека очень неглупого, хорошо образованно-

гг., именно начиная со времени наступления борьбы между Плева и Витте, последний почитал Оболенского почти за оракула.

Что же касается второго лица, возымевшего к тому времени влияние на Витте, М.А.Стаховича, то он, несомненно, обладал многими привлекательными свойствами. Талантливый, литературно весьма образованный, М.А.Стахович отличался необыкновенным умением завязывать связи и вступать в близкие дружеские отношения с лицами самых различных взглядов и общественных положений. Он был своим человеком и в высшем петербургском обществе, и в мире художников и артистов, и, само собой разумеется, в земской среде. С гр.Толстым он ходил на богомолье, а с художественной богемой проводил бессонные ночи, осушая не одну бутылку вина. Помогали ему при этом и его чрезвычайная общительность, и некоторые салонные таланты — он был прекрасный чтец, и готовность оказать услугу и даже серьезную помощь, причем все это было сдобрено какой-то своеобразной бесцеремонностью, не лишенной нахальства. Приятный собеседник, веселый собутыльник, неоценимый корреспондент, он поддерживал корреспонденцию с сотнями лиц — Стахович умудрялся быть в течение многих трехлетий орловским губернским предводителем дворянства, хотя по исповедуемым им политическим взглядам он был значительно левее преобладающего большинства орловского дворянства. Чрезвычайно характерно для Стаховича и то, что он был избран членом Первой Государ-

го, убедительно говорящего, честного, но крайне легкомысленного. <...> Он говорит по убеждению и убедительно, но убеждения его меняются так же часто, как чистоплотные люди меняют белье. Затем у него крайне беспокойный характер, всегда он всюду во все партии суется, чтобы знать что делается, и давать "советы"» (Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 39).

ственной думы, хотя по составу избирателей этой Думы одно то обстоятельство, что он состоял губернским предводителем дворянства, казалось, совершенно лишало его возможности пройти на этих выборах.

В дальнейшей своей политической карьере Стахович выказал то же необыкновенное умение сидеть зараз на нескольких стульях. Так, в день открытия Первой Государственной думы он явился в Зимний дворец на прием государем членов законодательных палат в придворном камергерском мундире и тем составил яркую противоположность с, в общем-то, серой, как бы нарочито неряшливо одетой толпой членов нижней палаты. Одновременно в Первой Государственной думе он сумел войти в дружеские отношения с лидерами преобладавшей там кадетской партии, не вступая, однако, официально в ее ряды. Эти отношения он сумел сохранить до самого конца старого режима. Так, будучи впоследствии членом Государственного совета по избранию орловского земства, он был в лучших отношениях с левым крылом Совета — академической группой, причем, однако, официально в ней не числился. Любопытно и характерно для Стаховича и то, что, обладая несомненным ораторским талантом, он тем не менее более чем редко высказывался по какому-либо вопросу с трибуны.

Само собой разумеется, что Стахович разделял мнение кн. Оболенского по вопросу о том, что все живое и дельное в России сосредоточено в земских учреждениях, правительственный же аппарат состоит из бюрократов, мертвящих всякое дело, которым ведает или к которому прикоснется. Разница между Стаховичем и Оболенским состояла в том, что Оболенский, клеймя и презирая русскую бюрократию, всемерно, однако, стремился войти в ее состав и занимать в ней высшие должности. Стахович этого вовсе не добивался. Так, когда он явился главным посредником между Витте и теми общественными деятелями, которых последний хотел в 1905 г. включить в свой кабинет, сам он определенно и с места заявил, что ника-

кого министерского портфеля принимать не желает. Объяснялось такое отсутствие честолюбия у Стаховича его преобладающим свойством, а именно нежеланием в чем-либо себя стеснять, а тем более чем-либо серьезно заняться. Природная лень еще в Училище правоведения привела к тому, что, несмотря на свои природные способности, он кончил его последним из всего курса; желание невозбранно пользоваться всеми прелестями свободной холостой жизни богатого человека никогда не покидало Стаховича. Честолюбие у него, несомненно, было, но преобладала над ним распущенность богемы, а посему он ограничивался стремлением к занятию таких положений, которые при внешнем почете ни в чем бы не стесняли его в удовлетворении своих, несколько цыганских, наклонностей и в пользовании всеми благами жизни.

Правда, впоследствии, после революции, он принял назначение на должность финляндского генерал-губернатора, но это объясняется, вероятно, тем, что он отнюдь не имел в виду управлять Финляндией, а лишь явиться живой связью между империей и Великим княжеством, предоставив управление этим краем в полной мере местным деятелям.

Он, как большинство самого Временного правительства, полагал, что достаточно для сохранения связи Финляндии с Россией проявить широкую благожелательность по отношению к местным общественным силам. Дилетантизм, которым отличался почти весь состав Временного правительства, был основной чертой Стаховича, лишённого к тому же государственного понимания и даже смысла. Это отсутствие государственности, которым отличались многие представители нашей либеральной земщины, было типичной особенностью обоих вдохновителей Витте в эпоху его борьбы с Плеве и далее, вплоть до его пребывания в течение нескольких месяцев русским премьером, но из двух кн. Оболенский был, несомненно, легкомысленнее и самонадеяннее Стаховича. Типичные продукты эпохи, они олицетворяли в его двух разновидностях



мягкотелый русский земский либерализм, сплетенный из отсутствия глубоких познаний, поверхностного ума и туманных чаяний космополитического уклона. Сколько-нибудь определенной политической программы по самым основным вопросам народной жизни у них не было, да и не были они в состоянии ее выработать, но дух критики в них был сильно развит, причем он нередко или, вернее, обыкновенно превращался в простой *persiflage*<sup>302</sup>.

Возвращусь к борьбе Витте за сохранение за собой господствующей роли при разрешении крестьянского вопроса.

Отослав на разрешение местных комитетов программу, составленную в сельскохозяйственном совещании, он временно лишился возможности использовать это совещание для проведения своих взглядов. Между тем до сведения Витте доходило, что работы по пересмотру узаконений о крестьянах производятся в Министерстве внутренних дел с лихорадочной спешностью, и у него возникает опасение, как бы Плеве не опередил его в этом вопросе. Тогда он прибегает к новому средству, а именно — учреждает при Крестьянском поземельном банке межведомственное совещание по вопросу о той общей политике, которую должен проводить этот банк при продаже крестьянам как приобретаемых за счет особых ассигнуемых ему на это ежегодно сумм, так и передаваемых ему Дворянским банком оставшихся у него на руках земельных имуществ. Председателем этого совещания он назначил того же кн. А.Д.Оболенского, полагая, что он сумеет провести там свои общие взгляды по крестьянскому вопросу. Расчет был, на первый взгляд, правильным. Установить политику Крестьянского банка без предварительного или, по крайней мере, попутного разрешения коренных основных вопросов кре-

302 Глумление, насмешка (фр.).

стьянского быта, очевидно, не было возможности. Между тем принятые в межведомственном совещании решения этого вопроса приобретали сразу значительно большее значение, нежели какие-то предположения, выработанные исключительно в недрах одного ведомства.

Плеве, разумеется, сразу понял, к чему клонится затея Витте. Возражать против образования упомянутого совещания, имеющего формально в виду лишь определение деятельности учреждения, подведомственного министру финансов, Плеве, однако, не имел возможности. Вынужденный ввиду этого ограничиться зорким наблюдением за деятельностью этого совещания, он назначил в него представителем Министерства внутренних дел состоявшего при нем А.П.Струкова, бывшего екатеринославского губернского предводителя дворянства, известного своими весьма консервативными взглядами, начальника утвержденной по мысли Сипягина в составе министерства канцелярии по дворянским делам — Н.Л.Мордвинова (бывшего управляющего Ставропольской казенной палатой, которого Плеве почитал за знатока в крестьянском вопросе), директора департамента полиции Лопухина, пользовавшегося в то время исключительным доверием Плеве, и автора этих строк. При этом Плеве счел даже нужным собрать этих лиц у себя для совместного обсуждения той линии поведения, которой они должны держаться в этом совещании. Однако, так как никакой программой деятельности этого совещания не существовало, то ясно, что определить заранее, чего должны держаться представители Министерства внутренних дел, не было возможности, а потому все ограничилось указанием Плеве, чтобы выбранные им лица держали его в курсе занятий совещания и ни к каким принципиальным решениям не присоединялись без предварительного получения его на то согласия.

Со своей стороны и Витте мобилизовал на это совещание особенно ценимых им сотрудников, а именно директора

департамента государственного казначейства И.П.Шилова, директора департамента окладных сборов Н.Н.Кутлера и правителя канцелярии министерства А.И.Путилова, бывшего, впрочем, вообще неизменным представителем Министерства финансов во всех межведомственных совещаниях. Эти три Аякса, из которых два первых были впоследствии и министрами: Шипов — финансов, а Кутлер — земледелия, в кабинете Витте выступали всегда общим дружным фронтом, хотя Шипов был сторонником общины, а Путилов — личного землевладения, и, разумеется, голосовали как один. Наибольшее участие в прениях принимал Кутлер, который, по-видимому, являлся наиболее точным выразителем взглядов самого Витте. Общий тон всех троих был неизменно либеральным, а в вопросах, касающихся крестьянства, они определенно отстаивали взгляды, господствовавшие в передовых земских кругах.

Опасения Плеве были, однако, совершенно напрасны, равно как и возлагаемые Витте на совещание надежды были тщетны. Под председательством кн. А.Д.Оболенского никакое совещание ни к каким сколько-нибудь конкретным решениям прийти вообще не могло.

На чем, собственно, сосредоточивались те горячие споры, которые происходили в совещании, я сейчас не припомню, знаю лишь, что вопроса о единоличном и общинном землепользовании не касались вовсе, причем вообще все суждения отличались необыкновенной расплывчатостью. Зависело это главным образом от того, что у самого Оболенского никаких сколько-нибудь точных предположений и взглядов по крестьянскому вопросу не было. Он хотел что-то изменить, что-то исправить, по-видимому, насколько можно было понять из его туманных речей, стоял за распространение на крестьян общих гражданских законов, но так как вопросы эти на совещании поставлены не были, то прямо этого и не высказывал. Определеннее был Кутлер. Стрелы свои он направлял преимущественно против правительственной опеки над крестьянами, и

в частности против деятельности земских начальников. Речь Кутлера была всегда логичная и как будто убежденная. По крайней мере, всегда говорил он тоном хотя неизменно спокойным, но твердым и проявлял наименьшую уступчивость. В общем, повторяю, совещание кн. Оболенского представляло какую-то странную мешанину самых разнообразных вопросов, нередко подвергавшихся одновременному обсуждению, по которым, однако, не только не приходили к какому-либо определенному решению, но и разрешать которые вообще не предполагалось. Приглашались в это совещание различные специалисты. Так, участвовал в нескольких заседаниях Лохтин, автор весьма известных исследований в области сельского хозяйства, причем, однако, его книга<sup>303</sup> была гораздо толковее и умнее, нежели произнесенные им в совещании пространные речи. Проник в это совещание и небезызвестный в то время Н.А.Павлов, носивший прозвище «Дворянин», так как он сопровождал свою подпись на печатаемых им журнальных статьях этим званием. Весьма неглупый, а в особенности талантливый, Павлов не был серьезным мыслителем, но зато, несомненно, обладал свойствами художника и писателя. Написанная им книга, заглавие которой не припомню, рисующая наш сельский быт и условия, в которых находилось наше сельское хозяйство, изобиловала картинками сельской жизни, изображенными с художественной правдой<sup>304</sup>. Однако дальше изображения более или менее внешней стороны русской

303 См.: Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами: Итоги к XX веку. СПб., 1901; Он же. К вопросу о реформе сельского быта крестьян. М., 1902 (продолжение и дополнение первой работы).

304 Консервативный публицист Н.А.Павлов печатался преимущественно в «Гражданине» и «Русском знамени». Гурко имеет в виду его книгу «Записки землевладельца» (СПб., 1915).

действительности он не пошел, что все же не мешало ему сочинять различные проекты, столь же необъятные по замыслу, сколь мало соображенные в порядке их реального осуществления. Отличительным свойством Н.А.Павлова было необузданное честолюбие и страсть красоваться в любом виде на жизненной, преимущественно политической, сцене. Если не непосредственно за славой, то за известностью, хотя бы несколько скандального характера, он гонялся всеми средствами, чем, между прочим, и объяснялось его крикливое присоединение к своей подписи звания дворянина. Не обладая ни терпением, ни усидчивостью, он хотел вырвать у жизни все сразу и потому стремился сделать служебную карьеру не обыкновенным путем посредством более или менее медленного восхождения по иерархической лестнице, а одним скачком. Состоял он чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел, но без содержания, а потому фактически никаким делом занят не был, выступать же предпочитал, где только мог, под флагом общественного деятеля и публициста. При этом составленными им довольно пространными записками по различным вопросам он забрасывал всех министров и вообще влиятельных лиц. Занятию этому преданся он с особым рвением, когда Манифестом 18 февраля 1905 г. было предоставлено всем обывателям так называемое право подачи петиций непосредственно государю. Канцелярия Комитета министров, куда поступали эти петиции, была вообще ими завалена, но среди подававших их не было ни одного, который бы представлял такое количество отдельных записок, касающихся самых разнообразных вопросов, как Павлов. Мотив был, очевидно, все тот же — сразу, на гребне составленного им проекта, достигнуть до «степеней известных». В то время, насколько помнится, он интересовался преимущественно вопросом переселения крестьян на восток, причем предлагал некоторые, не лишённые живой оригинальной мысли планы устройства переселенцев на новых местах. Именно благодаря записке,

касающейся этого вопроса, проник он в совещание кн. Оболенского, но здесь, когда вопрос пошел о способах реального осуществления его сырых и притом довольно хаотически изложенных мыслей, не сумел ни защитить их, ни, тем более, развить. Попытка его присоединиться через Плеве к работе по пересмотру узаконений о крестьянах тоже не увенчалась успехом, хотя он и был в числе тех лиц, на которых Плеве мне указал как на возможных сотрудников в этом деле. Познакомившись с его записками и поговорив с ним лично, я пришел к убеждению, что он принадлежит к числу тех широких фантазеров, участие которых в каком-либо определенном практическом деле лишь сбивает эту работу с правильных рельсов и в конце концов задерживает ее исполнение, но ничего серьезного в нее не вносит, и потому от его сотрудничества я отказался. Павлов не преминул приписать это моей боязни его талантов и знаний и даже произвел меня в своего личного врага. Этой чести я ему, однако, никогда не оказывал, а просто почитал его за интересного собеседника, но за рабочую силу признать не мог.

Как бы то ни было, совещание, учрежденное Витте под председательством Оболенского, ни к чему определенному не пришло за полной невозможностью согласовать тот хаос разнообразных мыслей и предположений, которые были в нем высказаны, в сколько-нибудь приемлемые для членов совещания заключения. Представители Министерства внутренних дел за исключением меня перестали его посещать. Лопухин, насколько помнится, участвовал лишь в первом заседании, а Струков и Мордвинов если иногда и присутствовали, то лишь в качестве молчаливых свидетелей происходящего. Фактически, таким образом, в прениях участвовали Кутлер со стороны Министерства финансов и я со стороны Министерства внутренних дел. Можно, однако, спросить, почему я, в общем разделявший взгляды, проводимые не столько Оболенским (за невозможностью выяснить, в чем они, собственно, состояли), а

Кутлером, тем не менее вел с ним по их поводу оживленную словесную перестрелку? Причин было несколько, причем не скрою, что едва ли не основной было нежелание выпустить из своих рук дело, которому я посвятил уже много труда и которое надеялся лично довести до благополучного конца. Словом, нет сомнения, что тут было затронуто и ведомственное, и личное самолюбие. Оправдывал же я мысленно свой образ действий тем, что вообще считал невозможным осуществить какие-либо серьезные реформы в крестьянском деле путем, избранным Министерством финансов. Мне казалось, что крестьянский вопрос мог быть разрешен только при общей широкой его постановке, а не путем отдельных мероприятий, принимаемых в порядке управления. Между тем фактически именно лишь к этому в лучшем случае могли свестись заключения совещания кн. Оболенского. К тому же, повторяю, я не верил, что кн. Оболенский мог вообще довести какое-либо дело до реальных результатов. В его руках оно неминуемо должно было кончиться *en quene de poisson*<sup>305</sup>. Последнее и произошло, так как даже не удалось составить по нему журнала. Все попытки в этом направлении оказались совершенно тщетными. Журнал был, разумеется, составлен: чего только не были способны составить искусные перья петербургских чиновников, но собрать под ним подписи участников не удалось.

Припоминается, что еще в начале занятий этого совещания Плеве по поводу возбужденных в нем вопросов обратился к Витте с официальным письмом, в котором указывал, что некоторые из этих вопросов не могут быть решены до окончания порученного Министерству внутренних дел общего пересмотра крестьянского законодательства, а посему на участие в их рассмотрении вверенное ему министерство не может

305 Ничем (фр.).

согласиться. Как бы то ни было, но намерение Витте овладеть крестьянским делом предположенным им путем не удалось, и дальнейших попыток он, в бытность министром финансов, уже не предпринимал.

Еще большую неудачу испытал Витте в другом вопросе, по которому велась борьба между ним и Плеве, а именно на подчинении фабричной инспекции министру внутренних дел. В этом вопросе Плеве действовал в согласии с Лопухиным, причем стремления их имели связь с зубатовской политикой.

На фабричную инспекцию департамент полиции косо смотрел едва ли не с самого момента ее учреждения. Он видел в ней организацию, недостаточно благонадежную по своему составу, и притом препятствующую работе охранной полиции.

Казалось бы, что зубатовская политика совпадала с этим направлением, но на деле разница была громадная. Фабричная инспекция наблюдала за исполнением работодателями закона о фабричном труде и отстаивала его обязательность. Зубатов хотел внедрить в сознание рабочих, что закон вообще не имеет значения, а существует правительственная власть, отечески заботящаяся о рабочих, и именно на нее надо возложить все надежды, независимо от того, предвидит ли то или иное положение либо обстоятельство закон или нет. При таких условиях конфликты между чинами охранной полиции и фабричной инспекцией были неизбежны, и ради их прекращения и стремился департамент полиции подчинить эту инспекцию административной власти. Наряду с этим было полное недоверие к личному составу фабричной инспекции, зараженной в массе интеллигентскими взглядами и недостаточно зорко наблюдавшей за пропагандой революционных взглядов среди рабочей массы. Жандармское ведомство было в этом отношении вне подозрений. Таким образом, путем передачи в ведение Министерства внутренних дел фабричной инспекции достигалось, с одной стороны, изменение ее личного состава в сторону ее большей консервативности или, вернее, благона-



дежности с правительственной точки зрения, а с другой — возможность проведения через ее посредство зубатовской политики.

Правда, в полной мере Плеве в этом вопросе не осуществил своих предположений. Фабричная инспекция осталась в ведении Министерства финансов, но по последовавшему 30 мая 1903 г., на основании всеподданнейшего доклада министров финансов и внутренних дел, Высочайшему повелению все местные чины этой инспекции были подчинены руководству губернаторов в отношении применения закона и изданных в его развитие правил, инструкций и наказов относительно соблюдения на фабриках и заводах благоустройства и порядка. Мало того, само назначение фабричных инспекторов, распределение их по участкам и даже представление к наградам должно было впредь производиться по предварительному сношению с губернатором. Последнему было предоставлено, кроме того, право требовать от фабричных инспекторов представления очередных и срочных докладов, а в известных случаях отменять своей властью распоряжения чинов фабричной инспекции без передачи их на предварительное рассмотрение местных по фабричным и горнозаводским делам присутствий. При этом права окружных фабричных инспекторов были доведены до минимума, а именно ограничены правом ревизий дел, производимых чинами фабричной инспекции, и предварительной разработкой сведений по промышленной статистике.

Совокупность произошедших в положении фабричных инспекций изменений, несомненно, привела к фактической передаче этой инспекции в ведение Министерства внутренних дел и местной администрации и радикально изменила сам характер деятельности этого института. Цель создания этой инспекции состояла в учреждении посреднического органа между рабочими и работодателями и надзора за соблюдением законов, регулирующих фабричный труд в видах охраны жизни, здоровья и благосостояния трудящихся. С передачей в

подчиненное положение администрации она превращалась из фабричной инспекции в фабричную полицию.

Признать, однако, что Плеве не имел никаких оснований стремиться к подчинению фабричной инспекции администрации, тоже нельзя. Дело в том, что рознь, существовавшая между ведомствами в их центральных учреждениях, отзывалась на деятельности местных, принадлежавших разным ведомствам учреждений и нередко приводила к полной несогласованности действий органов одной и той же, по существу, государственной власти. Устранить эту несогласованность, иногда переходившую в открытый антагонизм между ними и иногда приводившую к печальным результатам, министр внутренних дел, ответственный за сохранение порядка и спокойствия в стране, не мог не желать. Беда была лишь в том, что такими частными мерами устранялся не первоисточник этой несогласованности, а лишь некоторая часть ее последствий, причем попутно, несомненно, извращался основной характер деятельности отдельных органов управления.

Как бы то ни было, но приведенная мера, состоявшаяся как будто по взаимному соглашению Плеве с Витте, была, разумеется, не чем иным, как решительной победой первого над вторым.

Действительно, не подлежит сомнению, что уже к началу 1903 г. Плеве упрочил свое положение у престола и настолько подорвал доверие к Витте, что удаление последнего являлось лишь вопросом времени. Витте это, конечно, чувствовал, но все же цеплялся за власть, хотя бы ценой таких уступок, к которым он до тех пор отнюдь не привык.

Внешним проявлением благоволения к Плеве и утверждения его программы государственной деятельности явился Высочайший Манифест 26 февраля 1903 г., первый в ряду государственных актов, последовательно в течение ближайших трех лет извещавших о предначертаниях, направленных к усовершенствованию государственного строя.

Нельзя сказать, чтобы начертанная в манифесте программа отличалась определенностью и конкретностью. Содержала она не столько сущность предположенных изменений в общем строе государственного управления, сколько их дух и политическое направление. Плеве спешил закрепить свои намерения хотя бы в самых общих чертах и даже ранее их более точного выяснения для самого себя государственным актом, исходящим с высоты престола.

Для ясности последующего считаю нужным привести здесь его резолютивную часть:

Высочайший Манифест 26 февраля 1903 г.

...Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим инословных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной. Продолжать деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения Православного сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы.

В соответствии с подлежащими задачами по укреплению народного хозяйства, направить деятельность государственных кредитных установлений, особливо дворянского и крестьянского поземельного банков, к вящему укреплению и развитию благосостояния основных устоев русской сельской жизни: поместного дворянства и крестьянства.

Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельском состоянии, по их первоначальному выполнению в указанном Нами порядке, передать на места для дальнейшей их разработки и согласования с

местными особенностями в губернских совещаниях при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных. В основу сих трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, изыскивая одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины. Принять безотлагательно меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки.

Преобразовать губернское и уездное управление для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью, перед Нами строго ответственной.

Поставить задачу дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при Православных Церквях там, где это представляется возможным.

Призывая всех наших верноподданных содействовать Нам к утверждению в семье, школе и общественной жизни нравственных начал, при которых, под сенью Самодержавной Власти, только и могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его права, Мы повелеваем Нашим Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, к ведомству коих сие относится, представить Нам соображения о порядке исполнения предначертаний наших.

Невзирая на всю его неопределенность, манифест этот все же заключал ответ на несколько злободневных, волновавших общественность вопросов. Он, во-первых, отвергал мысль об учреждении мелкой земской единицы на тех началах, которые признавались желательными передовыми земскими кругами, и взамен этого предлагал «сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквях». В чем именно это сближение должно было состоять, я никогда уразуметь не мог, и никто объяснить этого

мне был не в состоянии. Правда, мысль о построении земской жизни на церковноприходской территориальной единице в то время усиленно проповедовалась правой прессой — «Московскими ведомостями», «Гражданином», отчасти и «Новым временем», но сколько-нибудь определенного способа построения этой единицы и связи ее с земскими учреждениями мне не приходилось встречать. В общем, это была одна из туманностей славянофильского мирозерцания.

Затем в манифесте имелось прямое указание на намерение правительства усилить влияние и власть местной администрации над выборными городским и земским учреждениями до такой степени, что именно это ставилось целью преобразования губернского и уездного управлений.

Наконец, по наиболее злободневному вопросу — крестьянскому — имелось указание на дальнейшее охранение земельной общины от насильственной ломки при облегчении отдельным крестьянам выхода из нее. Одновременно предписывалось «принять безотлагательные меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки<sup>306</sup>». Эту единственную вполне конкретную меру, которую преуказывал манифест, легко было включить в него в императивной форме, так как ко времени его издания законопроект по этому предмету был не только внесен в Государственный совет, но в соответственном

306\* Круговая порука - метод взыскания с крестьян казенных податей, при котором сельское общество в целом отвечает за каждого из своих членов, не уплатившего подати, наложенные на него индивидуально. Если обществу не удастся добиться от должника уплаты, то недоплаченная сумма раскладывается на всех остальных членов общества. На практике круговая порука в крайних проявлениях, когда все крестьяне действительно платят за нескольких неплательщиков, в царствование Николая II встречалась редко.

его департаменте уже рассмотрен и одобрен, так что оставалось для издания соответствующего закона лишь по существу формальное заслушивание его общим собранием Государственного совета и утверждение его Высочайшей властью, что и последовало в ближайшие после издания манифеста дни, а именно 12 марта 1903 г.

Имелась, однако, в манифесте и одна, по тогдашнему времени, существенная новелла, а именно привлечение к предварительному рассмотрению нового законодательства о сельском состоянии местных губернских совещаний «при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных».

По этому поводу, быть может, небезынтересно рассказать здесь, как именно составлен был приведенный манифест.

Произошло это так. 25 февраля Плеве, вернувшись от государя, у которого он был с очередным докладом, вызвал меня по телефону и объяснил мне, что государю угодно завтра же, 26 февраля, в памятный день рождения императора Александра III, издать манифест, в коем были бы изложены основные черты будущей правительственной деятельности, как то: поддержка поместного дворянства и крестьянства, а также православного духовенства, устройство земской жизни на основе приходского попечительства с вящим подчинением деятельности существующих земских учреждений административной власти. Кроме того, манифест должен оповестить страну, что разрабатываемые законы о сельском состоянии должны оставить общинный строй неприкосновенным, причем они, проекты этих законов, будут переданы на рассмотрение местных совещаний с участием в них представителей от дворянства и земства. При этом Плеве мне объяснил, что вступительную лирическую часть манифеста он поручил составить начальнику своей канцелярии Д.Н.Любимову, меня же просит изложить в весьма кратких положениях сущность высказанного им. Согласование обеих частей манифеста и его окончательная

редакция должны быть произведены сегодня же вечером, так как он должен представить манифест к подписи в тот же день не позднее 12 часов ночи.

Я, разумеется, тотчас приступил к исполнению этого поручения, причем, признаюсь, был в большом смущении независимо от того, что я никогда манифестов не составлял и с этим родом литературы был совершенно незнаком. Данные мне указания были настолько общи, что изложить их для меня представлялось весьма затруднительным. Кроме того, всецело занятый крестьянским вопросом и делами, сосредоточенными в земском отделе, я не был вполне в курсе предположений Плеве в области вопросов общего управления. Правда, некоторые слова Плеве были для меня, при всей их неопределенности, вполне понятны. Так, например, указание на направление деятельности государственных кредитных учреждений — особенно Крестьянского и Дворянского банков — к укреплению крестьянства и дворянства должно было заключать намек на изменение нашей финансово-экономической политики, т.е. политики Витте, направленной преимущественно к развитию промышленности в сторону одновременной поддержки сельского хозяйства, и даже допустить возможность передачи этих учреждений в ведение Министерства внутренних дел. Должен, однако, сказать, что меня лично по существу интересовали лишь два вопроса, касающиеся проектов новых законоположений о крестьянах. Мне представлялось прежде всего важным так изменить абзац о будущем земельной общины, чтобы он не препятствовал принятию решительных мер в сторону добровольного, по желанию самих членов общины, распада ее. Во-вторых, мне хотелось по возможности расположить общественное мнение к работам, производившимся по пересмотру крестьянских законоположений, если не по существу, то хотя бы в отношении порядка их предполагаемого осуществления. Долго ломал я себе голову на том, как этого достигнуть, и наконец остановился на фразе «при ближайшем участии дея-

телей, доверием общественным облеченных». В сущности, это было лишь повторением фразы, заключавшейся в проекте именного указа Государственному совету по поводу столетия его учреждения. Проект этот, как я уже упоминал, заключал фразу, что Государственный совет состоит из лиц, «доверием Нашим и общим облеченных», причем государь слово «общим» в проекте собственноручно зачеркнул.

Как бы то ни было, часам к 8 вечера проект мною был составлен, и я явился с ним к Плевелу, где застал пришедших ранее меня Д.Н.Любимова и А.А.Лопухина. Тотчас приступили к чтению проекта начала манифеста, составленного Д.Н.Любимовым, причем довольно долго над ним провозились. Так что, когда приступили к существу манифеста, времени оставалось уже немного. Вследствие этого рассмотрение его прошло довольно гладко и быстро. Впрочем, А.А.Лопухин деятельного участия в обсуждении не принимал и на обращение к нему Плевелу отвечал односложно, что же касается Любимова, то ему по существу было, вероятно, решительно безразлично, что будет заключать манифест, быть может вследствие того, что он, не без основания, не придавал ему серьезного значения. Никаких существенных возражений Плевелу тоже не предъявлял — все сводилось к редакции или, вернее, к стилю. Вопрос об общине не вызвал никаких замечаний. Иное произошло, когда дошло до фразы «деятелей, доверием общественным облеченных». Здесь мне пришлось усиленно защищать эту фразу, за которую высказались и Лопухин, и Любимов. Однако Плевелу долго колебался. Наконец найден был компромисс: к слову «деятелей» был прибавлен эпитет «достоинейших», что как бы несколько смягчало значение всей фразы. Проект тотчас был передан для переписки на соответствующей бумаге. Плевелу пошел переодеться в вицмундир и около 12 часов вышел на лестницу, чтобы ехать к государю. Мы трое вышли его провожать. Как сейчас, вижу фигуру Плевелу, спускающегося по лестнице к выходной двери в шубе с портфелем в руках. На нижней



ступени он остановился, обернулся к нам трем, вышедшим его провожать, и сказал: «Так как же — оставить «доверием общественным облеченных»?» Я, разумеется, поспешил еще раз горячо высказаться за эту фразу, и Плеве решительно повернулся и вышел. Мы трое остались ждать его возвращения. Не прошло и часа времени, как Плеве вернулся с манифестом, уже подписанным государем, и тотчас передал его Любимову для напечатания в «Правительственном вестнике».

Манифест этот, разумеется, подвергся обсуждению прессы, причем, по обычаю того времени, за отсутствием возможности подвергнуть его критике, каждый орган печати стремился истолковать его в желательном для себя смысле, тем самым осуждая всякое иное разрешение захваченных манифестом вопросов, кроме указанного данным органом печати.

Впрочем, надо признать, что к тому времени общественные круги, интересующиеся вопросами государственного строительства, уже перестали придавать серьезное значение заключавшимся в государственных актах предубаждениям, так как убедились, что предубажденное сегодня может не только не осуществиться, но даже, наоборот, обратиться на практике в нечто противоположное. Эта потеря веры в серьезность и незыблемость царской воли лишала опубликовываемые царские предубаждения их морального значения, и притом не только в обывательской среде, но и у самих исполнителей этой воли. Для всех сколько-нибудь сознательных элементов было ясно, что царские решения приводились в исполнение, лишь поскольку оставались у власти лица, инспирировавшие эти решения. Ввиду этого в бюрократических кругах интересовались не столько прямым содержанием манифестов, сколько могущими в них быть указаниями или, вернее, симптомами на степень фавора в данную минуту и, следовательно, прочности у власти того или иного министра. С этой точки зрения обсуждался в петербургском чиновничьем мире и Манифест 26 февраля 1903 г., причем видели в нем прямое указание на

падение влияния Витте и на всесильность в данную минуту Плеве. К этому выводу приходили преимущественно на основании той фразы манифеста, в которой говорилось о направлении деятельности государственных кредитных установлений на помощь помещиному дворянству и крестьянству, т.е. сельскому хозяйству. Так же истолковывал его и сам Витте, возмущенный тем, что манифест, составленный даже без его ведома, указывал на направление, которому должны следовать подведомственные ему как министру финансов учреждения, и, разумеется, решил вовсе с этим манифестом не считаться.

Да, на практике от Манифеста 26 февраля осталась всего лишь одна фраза — та самая, на которую лишь с трудом согласился Плеве, — «достоинейшие деятели, доверием общественным облеченные», так как эта фраза впоследствии стереотипно воспроизводилась в ряде других правительственных актов и волеизъявлений, исходящих от самого монарха.

Тем временем борьба между Витте и Плеве обнаруживалась все ярче и становилась все решительнее. Впрочем, не подлежит сомнению, что Плеве удалось довольно скоро вызвать у государя предубеждение к Витте. Последнему содействовало очень многое. Тут влияла, несомненно, и склонность государя увлекаться новыми лицами и даже новыми мыслями. Играл большую роль и тот гнет, который испытывал государь со стороны Витте, хотя с внешней, формальной стороны Витте облакал все свои доклады в крайне мягкие и даже подобострастные формы. Было, вероятно, и не вполне осознанное самим государем желание сменить всех министров начала своего царствования, когда, с одной стороны, поневоле вследствие еще недостаточного знакомства со сложными вопросами государственного управления, а с другой, вследствие природной мягкости характера и никогда им не побежденной застенчивости государь ограничивал свою роль Утверждением предположений своих докладчиков. До какой же степени государь в начале своего царствования стеснялся в изъяснении своей

воли даже в мелких вопросах, характерный образчик представляет случай, рассказанный И.Л.Горемыкиным. Произошел он в 1896 г., т.е. уже после двух лет царствования, а состоял в том, что однажды, по окончании Горемыкиным, бывшим в то время министром внутренних дел, очередного доклада, государь, выказывая несколько больше, нежели обыкновенно, стеснения, выдвинул один из ящиков своего письменного стола и, достав оттуда какую-то бумагу, сказал:

«Меня просят за такого-то о назначении его вице-губернатором. Пожалуйста, Иван Логгинович, устройте его на эту должность». Лицо, о котором просил государь, по словам Горемыкина, не имело ни малейших прав на такое назначение, что он, Горемыкин, и объяснил государю, добавив, что подобные, неоправдываемые назначения могут вызвать справедливое неудовольствие со стороны обойденных, и притом представить весьма нежелательный прецедент и опору для других лиц, которые не преминут им воспользоваться для предъявления подобных же необоснованных претензий. Государь на это не только ничего не возразил, а поспешил как-то смущенно сунуть вынутую им бумагу в ящик, из которого она была извлечена.

Однако с годами постоянное согласие с соображениями своих министров, несомненно, тяготило государя. Ему, естественно, хотелось проявить собственную инициативу как в малых, так и в больших вопросах, но изменить своего отношения к докладам и суждениям министров начала своего царствования, т.е. лицам, с коими сложился иной порядок, у государя не доставало решимости. Отсюда возникало желание сместить этих лиц на новых, с которыми государь думал, что ему легче будет с места установить иные отношения. Этим же надо объяснить и склонность государя самостоятельно, без ведома министров возлагать на отдельных лиц особые ответственные поручения. Это было опять-таки следствием желания проявить личную инициативу, беспрепятственно осуществить свою

волю. Едва ли не первым проявлением этой склонности была вызвавшая в бюрократических кругах немалое смущение командировка государем, кажется в 1897 г., некоего Клопова<sup>307</sup> в местности, постигнутые неурожаем, для доклада об истинном положении населения этих губерний. Откуда взялся и каким образом проник к государю этот Клопов, я не знаю. Известно мне лишь то, что государь не только лично дал необходимые на эту командировку средства, притом в весьма ограниченном размере, но, кроме того, снабдил собственноручной запиской, в силу которой все власти должны были исполнять предъявляемые им Клоповым требования. Первым действием Клопова было обращение с этой запиской в Министерство путей сообщения для предоставления ему особого вагона для разъездов в нем по всей России. Требование это было исполнено, и Клопов покатил в предоставленном ему вагоне, причем первой его остановкой была либо Тула, либо Орел, точно не помню, где он не замедлил предъявить губернатору свою полномочную грамоту. Можно себе представить смущение мест-

307\* А.А.Клопов (1841-1927), отставной титулярный советник, мелкий помещик Новгородской губернии и земский служащий, в 1898 году обратился к императору с письмом, которое по какой-то случайности (точные обстоятельства неизвестны) было царем прочитано. После этого произошли описанные Гурко события, в результате которых Николай II, судя по всему, утерял интерес к Клопову, но не отозвал свое разрешение писать ему непосредственно. В 1899 и 1914 годах царь встречался с Клоповым, а регулярные письма царю (судя по всему, ответа на них не было) Клопов продолжал посылать до конца старого строя. Письма Клопова частично сохранились и опубликованы; они представляют собой описания окружающей его действительности и рекомендации политического характера. Письма Клопова эмоциональны, но сумбурны, позиция автора обычно неопределенная.

ной власти, конечно не замедлившей донести об этом небывалом случае министру внутренних дел Горемыкину. Смущен, разумеется, был и последний, но, однако, не задумался тотчас представить государю бесцельность и совершенную невозможность командировок безответственных лиц, вооруженных такими, почти неограниченными, полномочиями. В результате Клопов был тотчас вызван обратно в Петербург, полномочие у него отобрано, и формально все дело тем и кончилось.

Не подлежит, однако, сомнению, что случай этот оставил тяжелый осадок в душе государя. Желание проявить инициативу, конечно, при этом не ослабло, но выливалось оно уже в иные формы. Воля с годами не укреплялась, ее стало нередко заменять упрямство, отличавшееся от нее тем, что государь в душе был поколеблен в предпринятом им том или ином решении, но тем не менее на нем настаивал, полагая, что он таким путем исполняет свою волю и проявляет твердость характера. В последние годы царствования настаивание на решениях по вопросам, по существу ничтожным, и притом касающимся преимущественно отдельных лиц, приняло какой-то болезненный характер. Никакие убеждения в полном несоответствии предположенного государем решения с установленными по данному предмету правилами и даже законами не действовали. «Такова моя воля» — вот фраза, которая неоднократно срывалась с царских уст.

На каком именно вопросе удалось Плеве окончательно потопить в глазах государя Витте, я не знаю, но имею основание думать, что произошло это на почве того направления, которое приняли работы и суждения образованных Витте уездных сельскохозяйственных комитетов.

С точки зрения политической передача на рассмотрение нескольких сотен мелких местных учреждений вопросов, касающихся в существе своем самих основ государственного управления, так как именно к этому сводилась в конечном результате та безбрежная программа, которая им была препо-

дана, была, несомненно, крупной политической ошибкой, совершенно к тому же не оправдываемой могущей произойти от этого пользой. Если действительно хотели услышать компетентный голос страны, то для этого нужно было собрать местных деятелей, тем или иным путем указанных населением или хотя бы некоторыми его слоями, в правительственный центр, причем ограничить их суждения хотя бы весьма широкими, но все же определенными рамками. Разумеется, это был бы шаг в сторону конституции, но, однако, не долженствовавший обязательно привести к ней. Подобное совещание было созвано при Александре III в самом начале его царствования, когда по инициативе гр. Н.П.Игнатьева в Петербурге было образовано так называемое совещание сведущих людей, причем число предложенных ему вопросов и сам калибр этих вопросов был довольно значителен.

Учреждать же в стране 482 мелких учредительных собрания, ибо по существу переданных на их обсуждение вопросов это были именно учредительные собрания, причем предоставить выбор личного состава этих собраний мелким провинциальным деятелям самого разнообразного по полученному образованию, присущему им кругозору и политическому направлению свойства, было просто фантастично. Какого-либо серьезного прока от подобных собраний, разумеется, быть не могло, ибо что могли высказать без малого пятьсот разъединенных, работающих в глуши, чрезвычайно разнообразных по их составу парламентов, кроме невероятной мешанины, где отдельные крупницы здравого смысла и действительного знания народной жизни неминуемо должны были потонуть в общем безбрежном хаосе разнородных мнений и взглядов. Достаточно принять во внимание, что общее число лиц, участвовавших в «трудах» сельскохозяйственных комитетов, превысило одиннадцать тысяч, а труды комитетов по их напечатании составили свыше 28 000 страниц убористого шрифта, которых, разумеется, кроме составителей сводов этих заклю-

чений, образовавших 18 объемистых томов, никто никогда не читал, чтобы прийти к заключению, что единственным прямым последствием всего задуманного опроса явился весьма значительный, но совершенно бесплодный расход государственного казначейства.

Можно лишь удивляться, что такой несомненно умный человек, как Витте, мог при такой постановке дела придавать ему сколько-нибудь серьезное значение, а он ему, безусловно, такое значение придавал и искренне думал, что услышит нечто новое, ему неизвестное и существенное, — словом, какое-то «петушиное слово». Конечно, это было следствием его полного незнакомства с русской провинциальной жизнью и той веры, которую он возымел в признанных им за оракулов кн. Оболенского и Стаховича. Господствующее течение русской общественной мысли было, разумеется, вполне известно без этого фантастического опроса случайно собранных уездных глашатаев. Ничего нового опрос этот дать не мог, а фактически свелся лишь к тому, что в отдельных уездах, где случайно находились более или менее выдающиеся общественные деятели, к тому же решительно всем известные, уездные комитеты повторяли то, что различные органы столичной печати в том или ином направлении давно проповедовали и отстаивали.

Разнородность состава уездных комитетов была действительно чрезвычайная. В одних уездах предводители дворянства, председатели этих комитетов, ограничились тем их составом, который был предуказан как обязательный самим положением о них, а именно председателем и членами местной уездной земской управы; в других они, пользуясь предоставленным им правом, вводили в их состав неограниченное число лиц, приглашая всех уездных гласных, а также некоторых служащих как правительственных, так и земских учреждений и, наконец, местных крестьян, выбранных для сего волостными сходами.

Так, например, в Лохвицком уезде Полтавской губернии общее число членов комитета достигло 60, а в Арзамасском уезде одних крестьян насчитывалось 25. Наконец, в некоторых уездах председатели искусственно подбирали состав комитета, соответствующий их политическим взглядам, причем придерживались этого рода действий преимущественно представители двух крайних, справа и слева, течений. Само собой разумеется, что в зависимости от того или иного состава комитетов находился как круг вопросов, которого они касались, так и высказанные по ним суждения. Очевидно, что произведенный указанным путем опрос представлял в большинстве случаев такое же значение, как опрос лиц, случайно прошедших в какой-либо данный день по Невскому или по Морской.

Но если прямых последствий от произведенной таким образом анкеты *De omni re scibili et quibusdam aliis*<sup>308</sup> не могло быть никакой, то шумиха по ее поводу получилась чрезвычайная, а косвенные последствия — значительные. Органы печати, в зависимости от того политического направления, которое они представляли, выхватывали те постановления отдельных комитетов, которые отвечали их вождениям, и стремились, играя на них, доказать, что местные деятели исповедуют именно те взгляды, которые давно проповедуют они. Так, левая пресса цитировала решения Темниковского уезда Тамбовской губернии, Суджанского — Курской, Рузского — Московской губерний, отличавшихся особой прогрессивностью, а правая, наоборот, опиралась в своих заключениях на суждения комитетов Чернского — Тульской губернии, Староконстантиновского — Полтавской и Дмитровского — Курской губерний.

308 Обо всех вещах, доступных познанию, и о некоторых других (лат.). Первая часть фразы — название тезисов итальянского гуманиста Пико делла Мирандола (1486), насмешливое добавление «*et quibusdam aliis*» приписывается Вольтеру.



Сущность же высказанного первыми тремя из перечисленных уездов сводилась к тому, что, по их мнению, одной из главных причин, задерживающих развитие народной массы, является юридическая неполноправность крестьян. Следует, говорили они, уравнивать крестьян с лицами других сословий в правах личных и гражданских и подчинить их общей администрации и общим судебным установлениям. Наоборот, вторая группа упомянутых уездов утверждала, что необходимо усилить права властей по отношению к сельскому населению и принять решительные меры против развивающегося в деревне хулиганства. Но неужели надо было учреждать 500 комитетов и опросить 11 000 лиц для того, чтобы узнать, что оба мнения имеют своих приверженцев в уездной провинциальной среде и вообще среди русской общественности!

Примечательно при этом, что сами комитеты, председатели которых включили в их состав всех уездных земских гласных и еще множество других лиц, жаловались на то, что вопросы, предложенные на их обсуждение, не были переданы в уездные земские собрания, «являющиеся единственным компетентным уездным органом для разработки этих вопросов». Суджанский комитет, в состав которого вошли все уездные земские гласные, дошел даже до того, что по предложению председателя уездной земской управы кн. Петра Дмитриевича Долгорукова (впоследствии — товарищ председателя Первой Государственной думы) возбудил ходатайство о том, чтобы был запрошен отзыв уездного земского собрания по всем вопросам, подлежащим обсуждению комитета. Ходатайство это, по существу своему совершенно нелепое, так как оно сводилось не к расширению, а к сокращению круга тех самых лиц, которые его возбуждали, имело целью дискредитировать суждение тех уездных комитетов, которые не включили в свой состав всех земских гласных своего уезда.

Что же касается не только разнородных, но даже безбрежных вопросов, возбужденных отдельными сельскохозяйствен-

ными комитетами, то о них можно судить по тому, что, например, в Царицынском комитете приглашенный в его состав священник возбудил вопрос о подъеме самостоятельности духовенства и об освобождении белого духовенства от власти черного, монашеского духовенства — и вопрос этот в комитете подвергся обсуждению.

По мере того как выяснялся состав уездных комитетов и тот характер, который принимали их работы и суждения, Плеве, несомненно, доводил до сведения государя о той шумихе, которую местами они вызвали, а также о тех мерах, которые он считал нужным принять по отношению к членам некоторых комитетов, как то: членов Воронежского уездного комитета — Мартынова и Бунакова, высланных им из пределов губернии за сделанное ими заявление, что единственный способ двинуть страну по пути дальнейшего прогресса и экономического процветания — это ввести в ней конституционный образ правления. Докладывал Плеве, вероятно, и о том, что существующий строй в некоторых комитетах осуждается уже в самих тезисах, которые предлагаются отдельными членами на их обсуждение. Так, Суджанский комитет внес в свою программу обсуждение «общего правопорядка, ныне почти устраняющего общественные силы от деятельности, построенного на административно-бюрократическом полицейском основании и общем недоверии».

Естественно, что ответственность за все это возлагалась на Витте, как председателя сельскохозяйственного совещания, причем ответственность эта представлялась тем более тяжелой, что Витте, со своей стороны, всемерно старался защищать как деятельность сельскохозяйственных комитетов вообще, так, в частности, тех их членов, которые пострадали за произнесенные в них речи, хотя предоставленная комитетом широта суждений давала им на то право и даже подстрекала на них.

Я не смею, разумеется, это безусловно утверждать, но повторяю, что, по моему мнению, именно защита Витте сельско-

хозяйственных комитетов была той непосредственной причиной, которая вызвала отставление его от управления Министерством финансов. Во всяком случае, одно мне положительно известно, что уже весной 1903 года это увольнение было государем не только предreshено, но даже известно Плеве, причем предполагалось, что оно состоится осенью того же года. Однако на деле оно произошло несколько ранее, а именно в середине июля. Государь при этом высказал Плеве, что он пришел к этому решению во время молебна, отслуженного при спуске на воду в его присутствии одного из наших строившихся боевых судов. Государь передал это Плеве приблизительно в следующих словах: «Бог мне положил на душу, что не надо откладывать на другой день то, на что я вообще решился».

Решение это, по-видимому, не вполне обрадовало Плеве, так как он рассчитывал до осени достигнуть не только отставления Витте от должности министра финансов, но и назначения на эту должность лица, в содействии которого его общим предположениям он был бы уверен. Между тем выбор государя произошел без участия Плеве, а избранное лицо, управляющий Государственным банком Плеске, не принадлежало к числу тех лиц, которых Плеве желал бы видеть на этом посту.

Судьба, однако, в то время благоволила Плеве. Плеске почти тотчас после назначения тяжело заболел и в октябре скончался.

За время болезни Плеске, исход которой был наперед известен, Плеве успел провести одного из тех лиц, на которых он мысленно останавливался. Кандидатами его были: товарищ государственного контролера Д.А.Философов и государственный секретарь В.Н.Коковцов, причем он, однако, преимущественно склонялся к Коковцову, в особенности после того, что Философова стал выдвигать П.Л.Лобко, состоявший в то время государственным контролером.

Выбор государя остановился, как известно, на Коковцове, причем влияние Плеве достигло к этому времени своего апогея и получило ясное выражение.

Как сейчас вижу я выходящего из кабинета Плеве, в ту минуту, когда я входил в его приемную, В.Н.Коковцова в вицмундире при ленте, задумчиво и озабоченно опустившего голову и как-то мрачно со мною поздоровавшегося. Со своей стороны Плеве, провожавший Коковцова до приемной, увидя меня, остановился в дверях кабинета и даже ранее, чем со мною поздороваться, с исключительно довольным выражением лица спросил: «Вы знаете, кого вы сейчас встретили?» Удивленный этим вопросом, я даже сразу не знал, что на него ответить, так как думать, что я не знаю Коковцова, Плеве, конечно, не мог.

«Нового министра финансов», — продолжал Плеве. Войдя затем в кабинет, Плеве с широкой, лишь редко появляющейся на его лице улыбкой сказал мне, что Коковцов приехал к нему прямо от государя, который, предложив ему должность министра финансов, прибавил: «Во внутренней политике прошу вас следовать указаниям министра внутренних дел».

Однако и при В.Н.Коковцове Плеве не удалось достигнуть преследуемой им цели. Против полной передачи фабричной инспекции министр финансов решительно восстал, и составленная по этому предмету Министерством внутренних дел записка, посланная на заключение заинтересованных ведомств, никогда не достигла своего назначения, т.е. Комитета министров, к компетенции которого этот вопрос, как касающийся порядка управления, относился. Обстоятельство это даже вызвало заметное охлаждение между двумя министрами, причем примирение между ними произошло лишь накануне убийства Плеве.

## Глава 5. Борьба Плеве с общественностью

Если зима 1902—1903 гг. прошла в области внутренней политики под знаком борьбы Плеве с Витте, то зима с 1903 на 1904 г. протекла под знаком борьбы Плеве с нарастающим социально-революционным движением, с одной стороны, и с увеличивающейся оппозиционностью либеральной общественности, с другой. Характер этой последней борьбы принял к тому времени со стороны Плеве все более придиричивый, запальчивый характер, причем возбуждает он против себя почти все общественные круги, даже наиболее умеренные, наиболее преданные существующему строю. Получилось такое положение, что правительство повисло в воздухе, имея единственной опорой свой собственный административно-полицейский аппарат. Однако и этот аппарат более чем когда-либо превращался в опору механическую. Автоматически он продолжал действовать более или менее согласно с получаемыми им приказами и указаниями, но составляющие его отдельные лица далеко не в полном составе признают целесообразность исходящих свыше распоряжений и все менее разделяют проводимую центральной властью политику. В результате душа аппарата улетучивается, а действия его принимают характер формальный, лишенный внутренней силы.

Как это на первый взгляд ни странно, но одной из причин утраты Плеве почти всякой опоры в общественных кругах явилось увольнение Витте от должности министра финансов.

Дело в том, что, как я уже упоминал, Плеве при вступлении в управление Министерством внутренних дел рассчитывал опереться в смысле общественности на дворянские землевладельческие круги. На деятельности этих кругов он надеялся сохранить и утвердить внутреннюю прочность государства и одновременно, опираясь на них же и на их враждебное отношение к экономической политике Витте, думал свалить последнего. Как я уже упомянул первоначально, Плеве в дворян-

ско-землевладельческие круги включал и земских деятелей<sup>309</sup>, причем пытался сговориться с наиболее видным из их умеренных лидеров — Д.Н.Шиповым. Встретив с этой стороны ясно выраженное нежелание пойти на соглашение с правительством, Плеве был, так сказать, вынужден изменить свою политику и ограничиться чисто дворянскими кругами определенно консервативной окраски.

Ясно выразилась основная политика Плеве в этом направлении в речах, произнесенных государем в сентябре 1902 г. в Курске, в окрестностях которого происходили в то время большие войсковые маневры. При Приеме государем в Курске представителей дворянства, земства и волостных старшин Плеве присутствовал, стоя непосредственно за государем, как бы желая тем подчеркнуть, что руководитель внутренней политики государства, верный исполнитель царской воли, воспринимает к руководству, наравне с лицами, к которым обращены слова монарха, заключающиеся в них указания. Слова же эти ранее их произнесения были тщательно обсуждены государем совместно с Плеве, причем в основу их положена та Редакция, которую предложил министр внутренних дел. Собравшемуся дворянству государь сказал: «Я знаю, что сельская жизнь требует особого попечения. Дворянское землевладение переживает тяжкое время, но есть неустройства и в крестьянском; для устранения последних по моему повелению соображаются в Министерстве внутренних дел необходимые меры. К участию в этих трудах будут призваны в свое время

309\* Во всех земских губерниях, где существовало дворянское землевладение, большинство в земском собрании было предоставлено дворянам-землевладельцам, что приводило к формированию земских управ также из представителей этой страты. Земельный ценз, необходимый для участия в дворянской курии, в среднем составлял 250-300 десятин.

губернские комитеты с участием дворянства и земства. Что же касается поместного землевладения, которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России, то его укрепление будет моею неустанной заботой». Слова эти настолько определены, что не требуют никаких комментариев: для землевладельцев они предвещали изменение экономической политики в сторону поддержания сельского хозяйства, до того совершенно заброшенного.

Не менее содержательны были царские слова, обращенные к председателям земских управ Курской губернии. Слова эти заключали следующую фразу: «Земское хозяйство — дело первойшей важности, и я надеюсь, что вы посвящаете ему все свои силы. Я рад буду оказать вам всякое попечение, заботясь в то же время об объединении деятельности всех властей на местах. Помните, что призвание ваше — местное устройство в области хозяйственных нужд. Успешно выполняя это призвание, вы можете быть уверены в сердечном моем к вам благоволении». В словах этих звучит уже другая нота: благоволение к земствам обуславливалось тем, что учреждения эти ограничат свою деятельность удовлетворением хозяйственных нужд населения, иначе говоря, не будут вдаваться в политику. Имеется при этом указание на заботы об объединении деятельности всех властей на местах, что должно было, по мысли Плевэ, обозначить, что при предстоящей реформе губернского и уездного управлений земские учреждения будут теснее переплетены с местными административными органами власти.

Наконец, столь же знаменательны были слова государя, обращенные к собранным в Курск волостным старшинам и старостам нескольких губерний, причем слова эти должны были быть особенно приветствованы поместным дворянством. Государь сказал: «Весною в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний крестьяне разграбили соседние эко-

номии<sup>310</sup>. Виновные понесут заслуженное ими наказание, а начальство сумеет, я уверен, не допустить на будущее время подобных беспорядков. Напоминаю вам слова моего батюшки, сказанные им в Москве волостным старшинам в дни священного венчания на царство: «Слушайте ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам». Помните, что богатеют не захватом чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божьим. Передайте в точности все, что я вам сказал, вашим односельчанам, а также и то, что действительные их нужды я не оставлю своим попечением». Совокупность слов, сказанных государем в Курске, составляла целую программу, оглашение которой естественно связывали со вручением управления внутренней политикой Плеве. Дабы, однако, не было никакого сомнения, что именно эту политику он намерен деятельно проводить, Плеве пригласил к себе в Курске местных земских деятелей и в беседе с ними несколько развил мысли, заключающиеся в словах, произнесенных государем, причем распространился о характере задуманной реформы местного управления и отводил при этом широкое поле для деятельности земских учреждений. Беседе этой он,

310 Волнения, вызванные чрезвычайным обнищанием крестьян в результате неурожая 1901 г., начались в имении герцогов Мекленбург-Стрелицких Карловке 7 марта 1902 г. В дальнейшем движение, носившее стихийный характер, охватило Константиноградский и Полтавский уезды Полтавской губернии, а также Валковский и Богодуховский уезды Харьковской губернии. Всего до окончательного подавления беспорядков войсками 3 апреля было разгромлено 105 помещичьих экономии. Крестьяне были уверены, что «государь издал указ, согласно которому они имеют право силой отбирать у помещиков хлеб, землю и имущество» (Емелях Л.И. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 169).



очевидно, придавал большое, принципиальное значение, так как сущность сказанного им была передана представителям прессы, которая их тотчас и воспроизвела.

Словом, в начале своего управления министерством Плеве стремился заручиться поддержкой и симпатиями дворянских кругов и сохранить добрые отношения с земством. Усилия его в этом направлении первоначально не были бесплодны. Так, в самом Петербурге круг лиц, в общем не реакционного направления, не только приветствовал действия Плеве, но старался его поддержать, в особенности на почве его борьбы с Витте. Я имею в виду тех лиц, которые еженедельно собирались у К.Ф. Головина и образовали у него нечто вроде политического салона. Салон этот среди немногих политических салонов, имевшихся в Петербурге на рубеже XIX и XX вв., по своей политической окраске занимал среднее положение.

Значительно правее его был салон кн. В.П.Мещерского<sup>311</sup>, издателя «Гражданина»: в нем собирались петербургские сановники, а также некоторые общественные деятели опреде-

311 В салоне кн. В.П.Мещерского первоначально в 1870-е гг. собирались литераторы, которых князь хотел привлечь к сотрудничеству в «Гражданине» (А.Н. Апухтин, Ф.М. Достоевский, НС. Лесков и др.). С начала 1880-х гг. «среды» (позднее — «пятницы») утратили значение литературных, превратившись в собрания чиновников, искавших покровительства Мещерского. «Часы князя были нарасхват; к нему ездили министры, послы и влиятельные придворные лица. Некоторые губернаторы сделали блестящую карьеру» только благодаря своевременному посещению князя в его особняке в Гродненском тупике (Князь В.П. Мещерский: Некролог // Исторический вестник. 1914. № 8. С. 585). В периоды наибольшего влияния Мещерского на Александра III, а затем Николая II в этом салоне «подбирались министерские кандидатуры и готовились реакционные мероприятия» (Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989. С. 163).

ленно ретроградного направления, причем посещали его с особым усердием лица, стремившиеся через посредство кн. Мещерского добиться: одни — министерских портфелей, другие — видных назначений в провинцию. По городским слухам, некоторым из них в течение известного периода это удавалось.

Левее бывавших у К.Ф.Головина был кружок «Вестника Европы», собиравшийся преимущественно у К.К.Арсеньева<sup>312</sup>. Это был салон, где встречались главным образом писатели, ученые и журналисты, но бывали там и приезжие земские деятели наиболее передовых взглядов. Господствующей нотой здесь был просвещенный либерализм, а пределом желаний — введение в России правового строя, иначе говоря, конституции, даже не парламентского типа.

Что же касается кружка лиц, собиравшихся у Головина, то это были преимущественно землевладельцы земской складки. Основным ядром этого салона были орловцы: Н.А.Хвостов, С.С.Бехтеев, А.А.Нарышкин и А.Д.Поленов<sup>313</sup>. Н.А.Хвостов

312 В 1874—1878 и затем в 1883—1917 гг. на беседах по вопросам политэкономии, философии и литературы, именовавшихся «шекспировскими чтениями», в салоне К.К. Арсеньева собиравлась многочисленная аудитория «преимущественно молодых людей и девиц», а также «людей в возрасте, стариков и дам», перед которой выступал с докладами «весь цвет тогдашней петербургской интеллигенции» (Котляревский Н.А. Холмы родины. Берлин, 1923. С. 144). Помимо сотрудников «Вестника Европы» и энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона на этих собраниях присутствовали либеральные земские деятели. По существу, салон Арсеньева был центром координации земских и внеземских либеральных сил (см.: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 95).

313 К.Ф.Головин, с 1881 г. вследствие заболевания спинного мозга разбитый параличом и утративший зрение, продолжал служить

занимал должность обер-прокурора 2-го (крестьянского) департамента Сената, но был типичным земцем первой формации, в течение долгого времени работавшим в орловском земстве и некогда, в 1882 г., приглашался Н.П. Игнатьевым в совещание сведущих людей. Народник типа 60-х годов, Н.А.Хвостов был ярким поклонником земельной общины и обособленного крестьянского управления и суда.

С.С.Бехтеев, бывший в течение многих лет председателем елецкой уездной земской управы, человек живого ума и не лишенный некоторых познаний в области экономических вопросов, составлял в то время исследование роста благосостояния страны, напечатанное под заглавием «Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия»<sup>314</sup>. Труд этот, довольно растрепанного содержания, за отсутствием у автора знакомства с методами производства подобных исследований, содержал, однако, множество любопытных данных и немало живых мыслей. Первоначально столь же горячий поклонник общины, как Хвостов, он приблизительно к этому времени радикально изменил свой взгляд по этому предмету, превратившись в энергичного проповедника необходимости перехода крестьян к личному землевладению. Когда, уже после революционного

и играл заметную роль в обществе. На «средах» Головина, имевших характер политико-экономического кружка (до 1887 г. существовавшего под названием «Эллипсис»), а с начала 1900-х гг. превратившихся во влиятельный политический салон, собирались представители консервативной земско-дворянской фронды, борющейся за усиление влияния дворянства, против абсолютной монополии бюрократии на принятие политических решений.

314 См.: Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. Т. 1—3. СПб., 1902—1911.

движения 1905 г., Кривошеин, назначенный главноуправляющим землеустройства и земледелия, искал себе опоры, между прочим, в землевладельческих кругах, он провел С.С.Бехтеева в члены Государственного совета от короны<sup>315</sup>, но там Бехтеев, подобно преобладающему большинству членов этой палаты, не имевших служебного бюрократического опыта, не играл сколько-нибудь видной роли.

А.А.Нарышкин, начавший свою деятельность тоже в орловском земстве, а затем последовательно занимавший должность подольского губернатора, товарища министра земледелия (при Ермолове), сенатора 1-го департамента и, наконец, члена Государственного совета по избранию дворянства, отличался исключительно высокими нравственными качествами и рыцарской честью. Органически не перенося никаких мер, направленных к стеснению человеческой деятельности, он, будучи ярким русским патриотом, тем не менее совершенно не разделял проводимой правительством политики по отношению к населяющим империю инородцам. В особенности порицал он нашу политику по отношению к полякам, что отчасти исходило из прочно внедренных в него славянофильских устремлений. Свою преданность славянской идее он доказал на деле, поступив добровольцем в ряды сербских дружин во время их борьбы с турками в 1876 г. Будучи ранен, он получил за участие в этой борьбе солдатский Георгиевский крест — единственный орден, которым он гордился. Впоследствии Нарышкин был избран председателем Славянского благотворительного общества, организации, преследовавшей, как известно, не столько гуманитарные, сколько политические цели. Кристально чистый, весьма доброжелательный, он по всему складу своего ума и характера был и остался на всех занимаемых им должностях типичным русским земцем 70-х годов.

315\* То есть по назначению.

Несколько и умственно, и физически ленивый, он был тем не менее и добросовестным работником, и серьезно образованным человеком. Славянофил чистой воды, он был убежденным сторонником триединой формулы — «самодержавие, православие, народность», влагая, однако, в эту формулу отнюдь не полицейское содержание. Для него самодержавие представлялось в виде таинственного общения между монархом и страной. «Народу — мысль, а власть — царю» — вот тот идеал, который предстал перед его мысленным взором, причем вплоть до революционного брожения 1905 г. он почитал самого себя либералом.

А.Д.Поленов — тоже орловец, был человеком неглупым, но тупым и смотрящим на мир Божий через рисующие его статистические цифры. Вследствие этого свойства, когда в кружке Головина в 1899 г. обсуждался вопрос, поднятый впервые товарищем министра финансов В.И.Ковалевским, о том, что окраины государства, в особенности западные, живут и процветают за счет центральной части империи, которая вследствие этого истощается и беднеет, Поленов изложил основные положения и выводы, к которым пришел этот кружок, в испещренной статистическими данными брошюре. Выпущенная на правах рукописи брошюра эта отличалась странным внешним видом: она представляла собой тощую тетрадь в темно-серой обложке с заглавием, напечатанным серебряными буквами, и носила громкое название «Исследование экономического положения центральных черноземных губерний». Заключение в ней цифровые данные были довольно разнообразны, но освещены они были весьма односторонне. *Habent sua fata libelli*<sup>316</sup>. Брошюра Поленова имела

316 После неурожая 1897 г. широко дебатировался вопрос об «оскудении» черноземного центра страны. С.Ю. Вите поручил тогда небольшой группе частных лиц (К.Ф.Головин, А.Д.Поленов) и

два вполне реальных последствия. Во-первых, она составила карьеру ее автору, который вскоре после ее выпуска был назначен директором одного из департаментов Министерства земледелия, а затем товарищем министра того же ведомства. Оказалось, однако, что между составлением статистическо-экономической брошюры и заведованием обширной отраслью народного труда существует некоторая разница. Поленов в общем вполне подходил к «зеленому ведомству», как называли в то время, а именно при управлении им Ермоловым, Министерство земледелия как по цвету канта на мундире, присвоенном этому ведомству, так, в особенности, по той зеленой скуке, которая в нем царила. Скуку эту Поленов не развеял, а тотчас по оставлении Ермоловым должности министра земледелия преемником последнего был куда-то спроважен. Вторым последствием появления брошюры Поленова было образование, однако лишь три года спустя, особого совещания, получившего в просторечии наименование комиссии по оскудению центра. Дело в том, что данные и выводы брошюры Поленова были подхвачены некоторыми органами прессы и произвели на общество некоторое впечатление. Витте, весьма чутко относившийся к общественному мнению и никогда не оставлявший без возражений всего, что представляло его деятельность в неблагоприятном свете, поручил департаменту окладных сборов всесторонне осветить возбужденный вопрос. В

особо приближенным чиновникам Министерства финансов (Н.Н.Кутлер, В.И.Ковалевский) изучить вопрос на основе имеющейся статистики. Образованное таким образом частное совещание под председательством И.А.Звягинцева завершило работу в 1901 г. См.: Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 132. Материалы совещания см.: Исследование экономического положения центральночерноземных губерний. Труды Особого совещания 1899—1901 гг. / Сост. А.Д.Поленов. М., 1901.

результате получились чрезвычайно обстоятельный и весьма ценный статистический сборник под заглавием «Движение благосостояния с 1861 по 1900 год средних черноземных губерний по сравнению с остальными»<sup>317</sup>, а затем и упомянутая комиссия по оскудению центра.

Кроме перечисленных наиболее постоянных посетителей К.Ф.Головина собиралось у него и множество других лиц переменного состава, причем нередко можно было у него встретить гр. П.А.Гейдена, впоследствии видного участника земских съездов, а затем главу немногочисленной партии мирного обновления; А.В.Евреинова — предводителя Суджанского уезда Курской губернии, женатого на одной из представительниц известной своим просвещенным меценатством и либерализмом московской купеческой семьи Сабашниковых<sup>318</sup>, проявившего в качестве председателя местного сельскохозяйственного комитета ярко оппозиционное направление; кн. Павла Дмитриевича Долгорукова, перекинувшегося позднее в партию конституционных демократов; А.Н.Брянчанинова, честолюбивого политика, не сумевшего пристроиться ни к какому определенному политическому течению.

Из петербургских бюрократов частым посетителем Головина был П.Х.Шванебах, занимавший впоследствии в кабинете Горемыкина и Столыпина должность государственного контролера. Он был несомненный знаток экономических вопросов

317 См.: Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Вып. 1-3. СПб., 1903.

318 Алексей Владимирович Евреинов в 1885 г. вступил в брак с Антониной Васильевной Сабашниковой, сестрой издателей М.В. и С.В.Сабашниковых.

и вообще отличался большой начитанностью, которой любил щеголять. Шванебах был убежденным и жестоким противником экономической политики Витте, причем не останавливался перед резкой критикой этой политики, хотя сам состоял в то время членом совета министра финансов. Его два финансово-политических исследования, «Денежная реформа» и «Наше податное дело»<sup>319</sup>, по ясности, сжатости и содержательности изложения, в особенности первое из них, несомненно, много способствовали уяснению интересующейся читающей публикой как светлых, так и темных сторон финансовой политики Витте. Кроме того, Шванебах специализировался на анализе ежегодной государственной сметы и сопровождавшего ее всеподданнейшего доклада министра финансов. Доклад этот неизменно рисовал все финансовое и экономическое положение государства в нарочито розовом свете. Шванебах подвергал эти доклады всесторонней и жестокой критике, причем свои замечания и выводы, не имея возможности по условиям времени помешать в печати, докладывал в различных полупубличных и частных собраниях, как, например, на так называемых «экономических обедах» и в состоявшем под председательством гр. Игнатьева Обществе торговли и промышленности<sup>320</sup>, где, однако, обсуждение доклада Шванебаха было прервано распоряжением властей.

319 См.: Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901; Он же. Наше податное дело. СПб., 1903.

320 Общество для содействия русской промышленности и торговле было основано в 1867 г. при поддержке министра финансов М.Х.Рейтерна для «противодействия идеям свободной торговли, которые пропагандировались в официальных сферах». Общество, объединявшее крупных предпринимателей и чиновников, занималось лоббированием интересов русских торгово-промышленных кругов. Общество имело обширную сеть отделений во всех крупных промышленных центрах и, начиная с



Чрезвычайно своеобразный характер всему салону К.Ф.Головина придавал сам хозяин: слепой паралитик, не владевший ногами и лишь слабо владевший руками, он тем не менее умел объединять людей даже иногда довольно различных взглядов, умел заводить беседу и даже, до известной степени, направлять ее. Физически разбитый старик сохранял юношескую живость ума и горячий интерес к самым разнообразным вопросам общественной и государственной жизни. Обладал он при этом совершенно исключительной памятью и весьма тонким памятливым слухом. По звуку шагов он узнавал всех входящих и любил их приветствовать, называя по имени и отчеству ранее, нежели они сами заговаривали. Голоса же всех своих многочисленных знакомых он запоминал по первому разу, причем умел их безошибочно отличать в общем перекрестном разговоре. Плодовитый романист, написавший не менее 15 томов различных беллетристических произведений, из которых некоторые не лишены таланта и тонкой наблюдательности, Головин был одновременно и литературным критиком, и весьма знающим экономистом, написавшим и в этой области несколько обширных исследований<sup>321</sup>.

В салоне Головина находили отзывы все текущие события государственной и общественной жизни, но особенно частой темой беседе служили вопросы экономические. Последнее

1882 г., проводило съезды представителей промышленности и торговли. Н.П.Игнатьев был председателем общества в 1883—1908 гг. (см.: Отчет о деятельности высочайше утвержденного общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г. СПб., 1892).

321 См.: Головин К.Ф. Крупное землевладение в Западной Европе и в России. М., 1887; Он же. Сельская община в литературе и в действительности. М., 1887; Он же. Наша финансовая политика и задачи будущего. СПб., 1899.

объяснялось и тем, что тогда вообще в государственном ареопаге первенствовала фигура Витте и возбуждали горячие споры принимавшиеся им решительные финансово-экономические мероприятия. Естественно, что собиравшиеся, как принадлежавшие преимущественно к землевладельческому слою, были противниками односторонней, направленной исключительно к развитию в стране промышленности, политики Витте. При этом, разумеется, пересаливали, с одной стороны, доказывая, что все осуществленные Витте реформы губительны для страны, а с другой, утверждая, что он ведет страну к определенному финансовому краху. Так, например, припоминаю, как однажды Н.А.Хомяков (впоследствии — председатель Третьей Государственной Думы), бывший до того директором одного из департаментов Министерства земледелия, ничтоже сумняся утверждал, что введение у нас золотой валюты — еврейская затея!

Состоявшееся весной 1902 г. назначение Плеве было приветствовано собиравшимися у Головина как симптом предстоящего падения Витте. В связи с учреждением сельскохозяйственных совещаний, от которого, так как оно было передано в руки Витте, не ожидали в этом кругу никаких полезных результатов, собиравшимися у Головина был выделен небольшой круг лиц, задавшихся целью составить краткую записку, посвященную разбору всей нашей экономической политики и содержащую, изложение своих *desiderata*<sup>322</sup> в этой области. Записка эта предназначалась специально для Плеве, своевременно была ему вручена и, вероятно, дала ему некоторый материал в его кампании против Витте. Во всяком случае, представлявших ему эту записку от имени составлявшего ее кружка Плеве встретил чрезвычайно любезно и вел с ними продолжительную беседу.

322 Пожеланий (лат.).

Из сказанного видно, что главная причина поддержки Плеве дворянско-землевладельческими кругами происходила от их нелюбви к Витте и надежды, что первый свалит второго. Когда же эта цель была достигнута, у землевладельческого дворянства не было больше оснований поддерживать министра внутренних дел. Впрочем, существенно этому содействовала одна частная причина, а именно неутверждение Высочайшей властью избранного черниговским дворянским собранием губернским предводителем дворянства Муханова. Собрание это выбирало собственно не губернского предводителя, а двух кандидатов на эту должность, которые как бы представлялись на выбор престола. Однако не было случая, чтобы не утверждался тот из этих кандидатов, который получил большее число избирательных голосов<sup>323</sup>. Фактически вследствие этого выбиралось одно лицо, после состоявшегося выбора которого убеждали какого-либо дворянина баллотироваться во вторые кандидаты, при этом заведомо наперед знавшего, что ему положат меньшее количество избирательных шаров, нежели его предшественнику по баллотировке. По отношению к черниговскому Дворянскому собранию крепко установившийся обычай был нарушен. Государь утвердил губернским предводителем второго кандидата, причем сделано это было вопреки мнению министра внутренних дел. Плеве дважды докладывал о том крайне тяжелом и нежелательном впечатлении, которое неминуемо произведет такое решение даже на самые умеренные дворянские круги, являющиеся единствен-

323\* Второй из кандидатов при этом оказывался также должностным лицом, так и называвшимся - кандидат предводителя дворянства. Кандидат мог заменять предводителя при выполнении любых его функций, если предводителю было угодно; если предводитель оставлял пост, то кандидат заменял его на срок, оставшийся до следующих регулярных выборов.

ной органической опорой правительственной власти. Однако коль скоро решение это состоялось, Плеве — безусловно, верный и преданный слуга государя — не задумался принять на себя весь одиум<sup>324</sup> этой меры. На совет дать понять хотя бы черниговскому дворянству, что решение это принято не по его инициативе, Плеве решительно ответил: «Моя обязанность защищать государя, а не подвергать его нападкам общественности». За достоверность изложенного я ручаюсь, так как я присутствовал при этой беседе.

Вполне определившееся к тому времени стремление Плеве строго ограничить деятельность земств исключительно заботами о местных хозяйственных нуждах, конечно, тоже содействовало непопулярности Плеве в дворянских кругах. Этими рамками дворяне-землевладельцы, они же — земские деятели, тем менее могли удовлетвориться, что лично они от каких-либо земских хозяйственных начинаний ничего не выгадывали.

Впрочем, отношения между земцами и Плеве были испорчены почти с самого начала его руководства внутренней политикой. Отнести это всецело к вине Плеве, однако, едва ли можно. Дело в том, что при производстве следствия по аграрным беспорядкам, происходившим в марте 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, выяснилось, что они были вызваны революционной пропагандой, в которой главное и деятельное участие принимали статистики полтавского губернского земства<sup>325</sup>.

324 Ненависть (лат.), в данном контексте - дурная репутация.

325\* Гурко слишком однозначно характеризует ситуацию. Несмотря на арест нескольких сот подозреваемых, никаких профессиональных революционеров-подстрекателей персонально следствию установить не удалось. Привлечены к суду были только рядовые участники волнений, отчасти получившие небольшие

По этому поводу не могу не сказать несколько слов о производившихся земствами огромных статистических работах. Выяснением стоимости и доходности облагаемых земскими сборами недвижимых имуществ некоторые земства интересовались с давних пор, причем произведенные ими в этой области работы в отдельных губерниях, как, например, в Воронежской, несомненно дали ценный материал, хотя не столько в отношении стоимости облагаемых имуществ, сколько степени платежеспособности и степени благосостояния населения. Произведенное в этой губернии определение бюджетов крестьянских хозяйств, исполненное, если не ошибаюсь, известным земским статистиком Воробьевым, имело научное, а могло приобрести и практическое значение.

Ввиду того, что работы эти были связаны со значительным расходом, правительство признало нужным оказать в этом деле содействие земствам: по закону 18 января 1899 г. земствам выдавалось на этот предмет ежегодное денежное, довольно значительное, пособие. Пособие это после закона 12 июня 1900 г. о предельности земского обложения приобрело обязательный характер, так как установление твердого предела этого обложения было связано с завершением предпринятой земствами переоценки объектов обложения. Установлены были при этом и основные правила производства этих работ, распадающиеся на три последовательных этапа, а именно: 1) собирание и разработка оценочно-статистического материала, 2) установление общих оснований оценки, 3) применение

сроки заключения, а отчасти помилованные царем. Полтавские земские статистики (класс, особенно ненавидимый Гурко и многократно появляющийся на страницах его воспоминаний) к суду не привлекались. В целом, мнение Гурко опирается на материал дознаний, который не получил достаточной доказательной силы для предания конкретных лиц суду.

оценочных норм к отдельным имуществам по трем их главным категориям, как то: земельным, городским и торгово-промышленным, включающим фабрики и заводы. Надо признать, что работы эти, коль скоро они были поставлены в указанном широком масштабе, по существу получили значение общегосударственное и тем самым не только выходили из сферы интересов отдельных земств, но превышали их внутреннюю компетенцию, превышали те специальные познания по этому предмету, которыми обладали в большинстве губерний земские деятели.

В зависимости от последнего оценочные статистические работы получили в различных губерниях совершенно различный характер и направление, причем в действительности они совершенно ускользали из ведения не только губернских земских собраний, но и их исполнительных органов — губернских земских управ. Работы эти оказались, по существу; в полном и бесконтрольном ведении приглашенных управами заведующих оценочными их отделениями статистиков, из которых многие и сами не были на высоте возложенной на них задачи. Так, уже в 1902 г. выяснилось, что собранный в некоторых губерниях оценочный материал настолько неудовлетворителен, что земские учреждения вынуждены были его целиком забраковать и приступить заново к его составлению. Произошло это в Казанской, Черниговской и Тульской губерниях. В общем же выяснилось, что работы эти производятся крайне медленно, что из стадии собирания оценочного материала вышли лишь немногие губернские земства и что сам характер этих работ отличается по отдельным губерниям чрезвычайной пестротой. Одни земства ограничивались собиранием едва ли даже достаточного для преследуемой цели чисто формального материала, другие, наоборот, расширяли свои исследования до полной их безбрежности, производя не оценочно-статистическую работу, а сложное экономическое обследование, однако мало где покоящееся на научных методах.

Это была одна сторона вопроса, приводящая к тому, что до самой революции работы эти в большинстве земств были еще далеко не завершены, причем поглотили десятки миллионов рублей казенных, т.е. народных, средств.

Само собой разумеется, что собранный оценочный материал во многих губерниях при этом устарел и утратил практическое значение. Впрочем, можно сомневаться, что произведенная таким путем оценка недвижимых имуществ во всей земской России могла вообще иметь практическое значение как по малой компетентности большинства собирателей этого материала, исчислявшихся сотнями, так и по разнообразию применявшихся в отдельных губерниях и отдельными статистиками методов и оснований<sup>326 327</sup>.

**326** Это не мешало, однако «Русским ведомостям» заявить: «Россия может, как известно, гордиться перед всем культурным миром своей земской статистикой». (Прим. автора).

**327** Земская статистика, развивавшаяся до 1893 г. независимо от правительственной, высоко оценивается в исторической литературе. В заслугу земским статистикам первого периода ставятся переход от поселенного к подворному обследованию деревни, применение помимо опросного экспедиционного метода наблюдения, обеспечивавшего большую полноту и достоверность собираемых статистических сведений (см.: Гозулов А.И. Указ. соч. С. 79; Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи (обзор методологии). М., 1961). Законом 8 июня 1893 г. на земства была возложена обязанность провести сплошную переоценку имуществ (главным образом недвижимости), облагаемых земскими сборами, причем проведение работ было поставлено под контроль Центрального статистического комитета МВД. Законом 18 января 1899 г. земствам на проведение этих работ было предоставлено правительственное пособие в 1 млн руб. В результате с 1900 г. оценочные работы сделались основным и практически единственным занятием земских статисти-

Независимо от этого, какое вообще могла иметь серьезное экономическое значение даже вполне правильная оценка объектов обложения прямыми налогами в стране, где податная система была основана на косвенных налогах?

Как бы то ни было, это лишь одна сторона вопроса, сводившаяся в худшем случае к бесполезной ежегодной трате нескольких миллионов рублей. Иное значение представляла другая его сторона, а именно та легкость и та благодатная почва, которые представляло для революционных элементов вполне законное общение с сельским населением и совместное обсуждение с ним его экономического положения в отношении распространения среди крестьян определенных социалистических взглядов. Наблюдение за деятельностью земских статистиков в этом отношении было почти невозможно как со стороны администрации, ввиду отсутствия полицейского надзора в сельских местностях, так и со стороны земства, имевшего поневоле дело с лицами, ему неизвестными: количество статистиков в некоторых губерниях было весьма значительно (в Полтавской губернии оно достигло в 1901 г. 594 человек), причем большинство составляло переменный состав, работавший в данном земстве лишь в течение летних месяцев одного года. Хладнокровно смотреть на систематическое революционизирование сельского населения армией земских статистиков правительство, конечно, не могло и не имело права. Убедившись из дознания о беспорядках в Полтавской губернии, что оно было вызвано революционной пропагандой, дея-

стических бюро. Они потребовали привлечения многочисленных сборщиков низкой квалификации и использования менее совершенных правительственных методик, что привело в целом к снижению уровня земской статистики (см.: Пешехонов А. Кризис в земской статистике // Рус. богатство. 1901. № 12. С. 167-189).



тельное участие в которой принимали именно земские статистики, Плеве опубликованным во всеобщее сведение в июне 1902 г. всеподданнейшим докладом испросил Высочайшего соизволения на ограничение в текущем году земских статистических обследований в некоторых губерниях, с тем чтобы работы эти ограничились исключительно городскими местностями и городскими недвижимостями<sup>328</sup>.

Невзирая на то, что в упомянутом всеподданнейшем докладе были приведены изложенные выше факты и соображения, причем ни одного слова порицания деятельности самих земских учреждений доклад этот не содержал и даже упоминал о том, что в некоторых губерниях земские статистики вступали

328 Высочайшим повелением 30 мая 1902 г. «собираение статистических сведений о земельных имуществах» было прекращено в Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской губерниях. Право прекращать статистические обследования в «отдельных сельских местностях» прочих губерний было предоставлено губернаторам. Мотивы запрета были изложены в докладе министра внутренних дел: «Для собирания необходимых статистических сведений земские учреждения должны были подобрать постоянный личный состав, пополняемый в летние месяцы временными сотрудниками, нередко далеко не безупречными в политическом отношении. <...> Постоянное, особенно при обследовании земельных имуществ, общение с крестьянами дает неблагонадежным людям широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться с которой при слабости полицейского надзора в селениях представляется крайне затруднительным. Последние события в Полтавской и Харьковской губерниях с очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предел вредному влиянию, которое оказывали на сельское население некоторые из земских статистиков» (Правительственный вестник. 1902. S июня).

в пререкания с земскими управами и действовали вопреки их указаниям, все же проводимая им мера вызвала неудовольствие в земских кругах. Именно тут пробежала первая кошка между земством и Плеве. Пробежала эта кошка в особенности потому, что в означенном докладе упоминалось о намерении правительства передать все оценочное дело из земских учреждений в заведование администрации. Здесь сказалась одна из исключительных особенностей Плеве, а именно необыкновенное умение и склонность раздражать людей, ограничиваясь при этом лишь мелкими бесцельными уколами и страданиями. Сколько-нибудь решительных мер Плеве, в сущности, за все время своего управления министерством не принял ни в одной области, но число мелких, нанесенных им как отдельным лицам, так и крупным общественным и даже национальным объединениям обид и уколов весьма значительно. Действительно, не было той области, которой Плеве бы не коснулся и так или иначе не раздражил. В Финляндии все предположенные им грозные меры на деле свелись к нулю, доведя, однако, финляндскую общественность, отчасти именно вследствие их недейственности, до белого каления.

Характерный образчик такого образа действий представляют два государственных акта, последовавшие в один и тот же день — 18 декабря 1903 г., касающиеся уклонения населения Финляндии от явки к исполнению воинской повинности. В Высочайшем рескрипте от упомянутого числа на имя финляндского генерал-губернатора, коим предписывалось принять некоторые весьма мягкие меры по отношению к уклонившимся, было сказано: «ограничиваясь в данном случае перечисленными мерами, поручаем вам предварить население края, что уклоняющиеся от призыва 1904 года будут подлежать впредь назначению в войска, вне Финляндии расположенные», а по всеподданнейшему, состоявшемуся в тот же день докладу представления императорского финляндского Сената последовало все милостивейшее соизволение государя императора

прекратить дальнейшее довызыскание с общин новобранцев призыва 1902 г.

Угрозы, послабления и милости — все смешивалось воедино, вследствие чего угрозы не устрашали, а послабления и милости не вызывали благодарности. В армяно-григорианском вопросе Плеве ограничился такими мерами, которые не имели и не могли иметь влияния на сущность этого вопроса, а лишь напрасно озлобляли армян, их, однако, не обессиливая<sup>329</sup>. В своих сношениях с русской общественностью и специально с земскими кругами он также свел свою борьбу к принятию репрессивных мер по отношению к отдельным лицам, притом не наиболее оппозиционным правительству, и на страдание, что вот не сегодня-завтра я вас всех в бараний рог согну и подчиню всецело администрации.

Все это приводило общественность в повышенно нервное состояние, но устрашающего впечатления на нее не произво-

329 Указ о конфискации всего движимого и недвижимого имущества армянской церкви от 12 июня 1903 г. был инспирирован главнокомандующим на Кавказе кн. Г.С.Голицыным, стремившимся таким образом лишить революционную пропаганду источника средств. По Закавказью прокатилась волна демонстраций. В сентябре, когда указ начали вводить в действие, как сообщал С.Ю.Витте А.С.Ермолов, «народ, заранее уже наэлектризованный невероятными толками различных агитаторов, проявлял настолько вызывающе дерзкое сопротивление, что приходилось прибегать к помощи вооруженной силы, как это имело место в Эчмиадзине — резиденции католикоса, городах Александрополе и Карее; в других местах прием имущества по необходимости производился в присутствии вооруженной полицейской стражи» (цит. по: Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 602). В августе 1905 г. был издан указ о возврате конфискованного имущества армянской церкви, культурно-просветительным и иным общественным организациям.

дило. *Fortiter in re, suaviter in modo*<sup>330</sup> — основной принцип, долженствующий руководить всею государственной деятельностью, был абсолютно чужд Плева. Чужд он был, увы, всей русской государственной власти в эпоху царствования Николая II.

Бесперывно гроыхали правительственные громы, но удары молний почти отсутствовали. Между тем был период, в течение которого Плева пользовался полным доверием государя и мог провести любую меру в желаемом для него направлении, однако ни одной действительно серьезной меры не было им принято, притом не только в порядке творческом, но хотя бы в отношении сокращения прав и сферы деятельности тех общественных организаций, которые, по его мнению, оказывали вредное влияние на ход государственной жизни. Строились первоначально широкие планы, которые затем понемногу все сокращались, чтобы закончиться какой-либо совсем ничтожной мерой либо совершенно испариться; гора неизменно ограничивалась рождением мыши.

Финляндский вопрос и в этом отношении представляет любопытный образчик. Хотел первоначально Плева совершенно выделить из Великого княжества так называемую Старую Финляндию, т.е. Выборгскую губернию, присоединенную к России еще при Петре Великом, включив ее в состав русских областей империи и подчинив всему существующему в них порядку и действующим в них законам. Намерение это, о котором финляндцы, разумеется, осведомились, вызвало среди них величайшую тревогу, и негодование. Однако вскоре Плева от этой мысли отказался, сведя свои предположения в этой области к присоединению к Петербургской губернии двух соседних с ней волостей Выборгской губернии. Но и это пред-

330 По существу дела — твердо, по способам — мягко (лат.).

положение не было осуществлено. Между тем финляндцы, как все маленькие народности, ревниво относились ко всякому сокращению их территории.

Словом, власть действовала как капризная женщина: обижалась по пустякам, щипалась и одновременно плакалась, что ее не хотят понять, но никаких решительных, хладнокровных, стойких и до конца осуществленных мер не принимала. Запрещенное сегодня завтра разрешалось. Отвергнутое вчера на другой день приветствовалось и одобрялось. Престиж власти, уверенность в непоколебимости принятых ею решений улетучивались. С одной стороны, не было уверенности в том, что за невинные, законом не запрещенные действия не уедешь, по выражению Пушкина, «прямо, прямо на восток»<sup>331</sup>, а с другой, укреплялось убеждение, что стоит лишь проявить стойкое сопротивление, чтобы парализовать любое распоряжение правительства. Уходили в какое-то мелочное препирательство, причем столкновения между властью государственной и общественными учреждениями превращались в своеобразный юридический процесс, то разрешавшийся сенатскими решениями<sup>332</sup>, то противоречащими этим решениям произвольными действиями администрации.

331 Гурко цитирует стихотворение В.А.Жуковского «Путешественник» (опубл. в 1810 г.; см. Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 99), представляющее собой вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Странник». У Жуковского речь идет о пути на Восток ради обретения «храма чудесного». Для обозначения ссылки использовал этот стих А.С.Пушкин в письмах к П.А.Вяземскому от 1 сентября 1828 г.: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду и далее. Прямо, прямо на Восток» (Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 250).

332\* Гурко имеет в виду рассмотрение Первым департаментом Сената жалоб земств и городских самоуправлений на неутвер-

Не достигалось даже то, о чем говорит Тацит как об основе прочности императорской власти в Древнем Риме: «*oderint dum metuant*» («ненавидели, но боялись»), что в таком совершенстве применили в управлении большевики. При Плеве ненависть к правительству неуклонно росла, а страх перед ним все более исчезал.

Означенным основным свойством отличался и всеподданнейший доклад Плеве о земских оценочно-статистических работах. Заключавшаяся в Нем не то угроза, не то обещание передать эти работы в ведение администрации никогда осуществлена не была, но заложила первое основание недоброжелательного отношения земства к Плеве.

Упомяну здесь, что и в дальнейшем в этом вопросе, как и во многих других, Плеве продолжал действовать путем отдельных распоряжений, не изменявших существа дела, но усиливающих раздражение общественных кругов. Так, по всеподданнейшему докладу Плеве 25 марта 1904 г. ему, министру внутренних дел, было предоставлено право приостанавливать все земские статистические обследования в тех губерниях, в которых он признает это целесообразным, но правом этим на деле он воспользовался, в общем, лишь в весьма ограниченных пределах. Это была та же система подвешивания дамоклова меча над головой правых и виноватых, озлобившая и тех и других без достижения от этого реального результата.

ждение либо отмену губернаторами каких-либо их постановлений. Сенат, в целом, затруднялся решать многочисленные дела этой категории исходя из духа права, с трудом усматриваемого в относящихся к самоуправлениям законах; вместо этого Сенат предпочитал буквалистские, формальные трактовки закона, а это приводило к тому, что его решения в пользу губернаторов и в пользу городов и земств распределялись равномерно и в случайном порядке.

Тут, несомненно, сказывалось все судебное и полицейско-бюрократическое прошлое Плеве и отсутствие какого-либо общения с элементами и учреждениями общественными. Формального, бюрократического отношения к ним, при всем желании подойти к этим элементам ближе и говорить с ними на их языке, Плеве перебороть не мог, как не был он в состоянии удержаться от сарказмов и иронии. Употребляя французское непере译имое выражение «c'était la doigte qui lui manquait»<sup>333</sup>.

Именно это свойство Плеве явилось едва ли не главной помехой с самого начала его управления Министерством внутренних дел для установления между ним и земскими кругами дружеских или хотя бы просто нормальных отношений. Помешали этому, несомненно, и те люди, которых он избрал посредниками между ним и земством. Так, предпринятая им попытка сговориться с председателем московской губернской земской управы, о которой я упоминал уже ранее, потерпела неудачу в значительной степени от личных свойств ведшего эти переговоры Н.А.Зиновьева, отличавшегося какой-то природной грубостью и резкостью. Когда же эта попытка не удалась и несколько озлобленный этим Плеве решил побороть земство на деловой почве, выяснив путем ревизий земских учреждений многие дефекты в их практической хозяйственной деятельности, то избранные им ревизоры, а именно тот же Зиновьев и Штюмер, своим отчасти неумелым, отчасти определенно злобным и даже не всегда порядочным образом действий привели к полному разрыву между ним и земствами.

Зиновьев, по-видимому, думал, что достаточно выявить и сделать общим достоянием те недочеты, которые он обнаруживал при этих ревизиях, чтобы лишить эти учреждения

333 «Ему не хватало такта» (фр.).

общественных симпатий и, во всяком случае, в полной мере оправдать принимаемые против них правительственные меры. Трудно было впасть в большее заблуждение. Общественность мало интересовалась хозяйственной деятельностью местных самоуправлений, в особенности земских. Она видела в земцах передовых борцов за политическую свободу, за участие широких слоев населения в разрешении вопросов общегосударственного значения и именно с этой стороны дорожила ими и ценила их.

При этом Зиновьев обнаруживал, несомненно, придиричье отношение к земским деятелям и ставил им в вину такие деяния, которые решительно никакого ущерба никому не наносили, а, наоборот, лишь содействовали успеху хозяйственных начинаний земства. Так, в ревизионном отчете московского губернского земства Зиновьев вменил в вину местному земству и признал за явное нарушение им закона собиравшееся губернской земской управой совещание председателей уездных земских управ. Подобные совещания по мере расширения хозяйственной деятельности земств были, безусловно, необходимы, а упразднить их не было никакой фактической возможности. Формальное запрещение таких совещаний могло лишь привести к их перенесению в частные помещения и придать им тем самым конспиративный характер, что не могло, очевидно, соответствовать видам правительства.

Между тем обвинение земских деятелей в столь невинных и по существу правильных действиях налагало на всю производившуюся ревизию отпечаток пристрастности, что лишало доверия к правильности оценки других сторон земской деятельности, действительно страдавших недочетами. Кроме того, весь способ описания деятельности земских и городских учреждений был в корне неправилен. Ревизионные отчеты Зиновьева ограничивались указанием недочетов в земской деятельности и не отмечали вовсе те отрасли их деятельности,



которые были поставлены удовлетворительно, а тем более не указывался постепенный рост и расширение деятельности общественных учреждений. Так, в ревизионном отчете о столетии городских управлений решительно все городское хозяйство было раскритиковано и сделано исключение лишь для одного школьного дела<sup>334</sup>.

Неудачным оказался и выбор для производства ревизии новоторжской уездной и тверской губернской земских управ Б.В.Штюрмера. В этой ревизии общество вообще усматривало репрессалию за адрес, представленный тверским земством государю еще при восшествии на престол, адрес, заключавший прямое указание на необходимость введения в стране конституционного образа правления и инспирированный земцами Новоторжского уезда. При этих условиях ревизия эта, что бы она ни обнаружила, была бы, во всяком случае, встречена общественностью с недоверием и даже неприязнью. Назначение для производства этой ревизии Штюрмера, а главное —

334\* Ревизии в императорской России в разных случаях направлялись на разные цели. Некоторые ревизии были прямо направлены на раскрытие ожидаемых злоупотреблений и предание виновных лиц суду; некоторые, напротив, представляли собой обследование деятельности каких-либо властей или учреждений с целью выяснить целесообразность и эффективность их деятельности. Ревизии городских и земских учреждений, проводимые Зиновьевым, твердо относились ко второму типу, то есть обнаружение при них деяний наказуемых изначально не предполагалось. Выводы отчетов об этих ревизиях показывают, что Зиновьев собирал информацию о деятельности земств исключительно с целью информирования МВД и определения дальнейшего направления взаимодействия правительства с земствами, рекомендаций по возбуждению уголовного преследования или применению дисциплинарных мер отчеты не содержат.

способы ее производства усилили это чувство. Дело в том, что Штюмер сам был гласным тверского земства по Бежецкому уезду, причем в бытность председателем тверской губернской земской управы по назначению от правительства сошелся с левыми кругами этого земства. Вследствие этого, когда Штюмер приступил к производству возложенной на него ревизии, то встретил со стороны местных земских деятелей вполне дружелюбное и доверчивое отношение. Сам Штюмер, конечно, вовсе не старался изменить этого отношения к себе и, мало того, при самом производстве ревизии не только никаких замечаний не делал, а, наоборот, высказывал самые либеральные мнения о деятельности земств вообще. Появившийся затем в печати отчет Штюмера о произведенной им ревизии как гром поразил и возмутил тверское земство<sup>335</sup>.

- 335 Б.В.Штюмер (при участии И.Я.Гурлянда и Л.В.Половцева) проводил ревизию Тверской губернской, Новоторжской и Ржевской уездных земских управ с 23 октября по 19 ноября 1903 г. Ревизии по политическим мотивам были подвергнуты земства, служащие, по словам отчета Штюмера, «характерными показателями того внутреннего процесса, каким происходит превращение земской управы из органа хозяйственной жизни уезда в орган, претендующий на политическую роль» (цит. по: Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1912. Т. 4. С. 565). 8 января 1904 г. высочайшим повелением министру внутренних дел было предоставлено право «назначить на текущее трехлетие председателей и членов тверской губернской и новоторжской уездной земских управ, без производства предусматриваемых положением о земских учреждениях вторичных на эти должности выборов», а также «воспрепятствовать пребыванию в пределах Тверской губернии или отдельных ее местностей лицам, вредно влияющим на ход земского управления» (Правительственный вестник. 1904. 16 января).

Особенно возмутило тверичей, что Штюмер в ревизионном отчете поставил в вину губернскому земству отказ в ассигновании каких-либо средств на школьное дело тверскому уездному земству вследствие того, что последнее постановило передать все земские школы в ведение епархиального начальства, т.е. превратить их в школы церковно-приходские, тогда как это постановление губернского земства было инспирировано им самим в качестве губернского гласного.

Надо, однако, отдать справедливость Штюмеру: представленный им ревизионный отчет, автором которого был упомянутый мною выше Гурлянд, заключал мастерское изображение многих несовершенств в тверском земском хозяйстве, а также недопустимое с правительственной точки зрения попустительство обреченных земских управ по отношению к определенно революционной деятельности их наемных служащих, так называемого «третьего элемента»<sup>336</sup>. Но даже государственно мыслящие слои населения совершенно не постигали в то время, что эта революционная деятельность подтачивает не существующую форму правления, а устои всего социального строя страны и направлена прежде всего против них самих. Либеральные элементы видели в революционной интеллигенции лишь мощного союзника в их борьбе за «правовой порядок» и от этого представления освободились в полной мере лишь после торжества в 1917 г. большевизма, упразднившего и право и порядок.

Последовавшее 16 января 1904 г., по всеподданнейшему докладу Плеве, назначение на предстоящее трехлетие правительственных земских управ в Тверской губернии и в Ново-

336 «Третьим элементом» в 1899 г. самарский вице-губернатор Г. В. Кондоиди назвал земских служащих, не принадлежащих ни к числу выборных земских гласных, ни к земской администрации, но оказывающих решающее влияние на ход дел.

торжском уезде и одновременное предоставление министру внутренних дел права «воспрещать пребывание в пределах Тверской губернии или отдельных ее местностей лицам, вредно влияющим на ход земского управления», вызвало в земской среде почти единогласное возмущение.

Высылка из Тверской губернии гласного Петрункевича, лидера либеральной партии, а равно Апостолова и Н.К.Милюкова (родственника будущего лидера кадетской партии) лишь усилило это чувство. Тому же содействовало и предоставление права тверскому губернатору «устранять от службы по земству лиц, вредных для общественного порядка и спокойствия».

По поводу ревизии тверского земства надо указать, что принятые на ее основании меры составили определенное нарушение закона. Закон предоставлял правительственной власти самой назначать состав земской управы лишь после двоекратного неутверждения им выборного состава управы. Поэтому, в данном случае, министру внутренних дел следовало предоставить новоторжскому уездному и тверскому губернскому земским собраниям выбрать новые, взамен не утвержденных им, управы и лишь в случае выбора ими таких лиц, которых он не признал бы возможным утвердить в их должностях, назначить собственной властью личный состав этих управ. Вопрос этот подробно обсуждался Плеве вместе с его сотрудниками, причем все они, за исключением Штюмера, высказывались за соблюдение закона. Что же касается Штюмера, то, опрошенный последним, он в ответ прочел составленный им проект всеподданнейшего доклада, по которому испрашивалось не только немедленное назначение личного состава упомянутых управ правительством, но еще и распространение на Тверскую губернию положения о чрезвычайной охране. Тут произошла довольно любопытная сценка, ярко свидетельствующая о тех отношениях, которые установились между Плеве и директором департамента подведомственного ему министерства. После прочтения Штюмером своего про-

екта Плевел молча взял его из рук Штюрмера и, не говоря ни слова, разорвал его на части и бросил в корзину. В результате же был составлен новый всеподданнейший доклад, в котором говорилось лишь о назначении правительственного состава обривизованных управ. Никакие убеждения одного из сотрудников Плевел не предпринимать этого бесцельного и ложного шага при этом не подействовали, причем несколько разозленный Плевел в качестве *ultima ratio*<sup>337</sup> извлек из своего портфеля и показал полученную им собственноручную записку государя, гласившую: «Я много думал о нашем разговоре о тверском земстве: надо их треснуть». Записка эта, написанная чернилами и подписанная полным именем «Николай», свидетельствовала по своей форме, что государь придавал ей значение повеления. Действительно, записки, которые государь обращал к министрам, обыкновенно писались им карандашом и имели в виде подписи лишь букву «Н», и только те, которыми государь что-либо предписывал, облекались в более формальный вид.

Служило ли это обстоятельство оправданием Плевел в данном случае? Едва ли. Очевидно, что решение государя было основано на докладе самого Плевел, от содержания которого оно и зависело. Независимо от этого Плевел всегда имел возможность представить при новом докладе государю дело в его настоящем, хотя бы с точки зрения закона, свете. Однако на это Плевел, воспитанный в условиях царствования Александра III, не был способен.

В не меньшей мере возбуждали общественное недовольство и меры, принимавшиеся к сокращению круга вопросов, обсуждавшихся сельскохозяйственными комитетами. Не без основания при этом указывали на несогласованность действий

337 Последнего довода (лат.).

местных властей. Так, одни губернаторы в качестве председателей губернских сельскохозяйственных комитетов, предоставляли членам этих комитетов полную свободу суждений, другие же не только стесняли эту свободу и самовольно ограничивали круг вопросов, который они допускали к обсуждению, но даже сообщали этим комитетам лишь выдержки из суждений уездных сельскохозяйственных комитетов, устраняя из них все то, что, по их мнению, выходило из круга вопросов, подлежащих их обсуждению. В Тамбове это привело даже к выходу из состава губернского комитета почти всех общественных деятелей.

Особое недовольство и даже возмущение вызвали, однако, действия самого Плеве по отношению к некоторым членам уездных сельскохозяйственных комитетов. Так, упомянутая мною выше высылка из Воронежа Мартынова и Бунакова, одному из которых (не помню кому) было к тому же под 80 лет, за речи, сказанные ими в Воронежском уездном сельскохозяйственном комитете, так же как лишение кн. Павла Дмитриевича Долгорукова, рузского уездного предводителя дворянства, права участвовать в выборных общественных учреждениях, породили неудовольствие даже в наименее оппозиционных правительству дворянских и земских кругах<sup>338</sup>.

Все это привело к тому, что отношения земских учреждений с представителями администрации, а в особенности с ее главным руководителем Плеве понемногу все более ухудшались и обострялись. Состязания между теми и другими приобретали местами характер спорта. Некоторые губернаторы через посредство губернских по земским и городским делам

338 Общественность была особенно возмущена вызовом в Петербург в департамент полиции для объяснений с последующей высылкой тяжело больного Н.Ф.Бунакова, которому было 65 лет.

присутствий отменяли все большее количество постановлений земских собраний, которые, в свою очередь, обжаловали решения этих присутствий в Сенат, причем последний нередко становился на сторону земств.

Настроение земских кругов и основные их чаяния получили наиболее яркое выражение в записке представителей 17 земских губерний, приглашенных в комиссию по оскудению центра. Комиссия эта была образована еще весной 1903 г., т.е. во время управления Министерством финансов Витте, и в его представлении, несомненно, должна была помочь ему в его борьбе с Плеве, но собралась она при управлении Министерством финансов Плеске, а именно в октябре 1903 г., и действовала под председательством В.Н.Коковцова, бывшего в то время государственным секретарем и лишь недавно покинувшего должность товарища министра финансов и посему хорошо знакомого с подлежащим обсуждению вопросом. Плеве смотрел на эту комиссию с определенной неприязнью, и назначение Коковцова ее председателем состоялось по его представлению о том государю.

Действительно, на первом же заседании земцы перевели суждения в область общих вопросов, и притом не столько экономических, сколько политических. Был, разумеется, поднят и даже поставлен во главу угла вопрос крестьянский, на что, собственно, и надеялся инициатор комиссии Витте. Но времена были уже не те. Коковцов, имевший по этому поводу определенные инструкции и отнюдь не желавший восстанавливать против себя Плеве, надеясь вскоре при его содействии заменить на посту министра финансов умиравшего в то время Плеске, разумеется, не мог допустить такого изменения характера комиссии. Поступил он, однако, очень дипломатично: никого из земцев он не остановил, а лишь предложил им изложить их общие взгляды в особой записке; на разрешение же комиссии поставил лишь те вопросы, которые были преду-

смотрены программой ее занятий, политики, разумеется, не касавшиеся.

Цель земцев была, однако, в известной степени достигнута: записка их появилась в повременной печати и, таким образом, содействовала распространению их взглядов<sup>339</sup>. Заключала же эта записка все лозунги, выставлявшиеся в то время земскими кругами, как то: проведение начала равенства крестьян как в правах, так и в обязанностях с другими сословиями, причем перечислялись все те ограничения прав крестьян, которые необходимо отменить. Далее земцы указывали, что действенность мер, направленных к подъему сельского хозяйства, будет обеспечена лишь в том случае, если одновременно будут приняты меры, клонящиеся на подъем культурно-

339 В отличие от других подготовительных комиссий Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности к работе «высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России» были привлечены представители земств 18 губерний «центра». «Депутаты», собравшиеся осенью 1903 г., должны были учитывать решения состоявшегося в Москве 23—25 мая 1902 г. нелегального земского съезда, потребовавшего расширения программы Особого совещания. По мнению съезда рассмотрению подлежали помимо технико-экономических проблем правовое положение крестьянства, состояние народного образования, положение земства как органа местного самоуправления, финансово-экономическая политика государства и, наконец, гласность в обсуждении экономических вопросов жизни страны. В этом направлении и была составлена в октябре 1903 г. «Записка земцев в комиссию центра» (Народное хозяйство. 1903. № 6, ноябрь — декабрь. С. 201—223), имевшая большой общественный резонанс как первая легальная публикация позиции умеренно-либеральных земских кругов.



го уровня крестьянства. Выражалось при этом желание передачи земству осуществления всех мер, направленных на подъем экономического благополучия крестьянства при одновременном снабжении земств с этой целью правительственными, общегосударственными средствами, «так как они, земства, и только они, могут с пользой и планомерностью проводить эти меры в жизнь». В заключение земцы высказывались за уменьшение косвенных налогов на предметы первой необходимости<sup>340</sup> и их замену прямым подоходным налогом, занижение выкупных платежей и сложение накопившихся по ним недоимкам, за принятие имеющих государственный характер мирских расходов<sup>341</sup> на счет государственных средств, за развитие на средства Государственного банка и сберегательных касс мелкого народного кредита, за поддержание кустарных промыслов, урегулирование отхожего промысла, упорядочение переселенческого дела и арендного пользования земель.

Я нарочно привел подробный перечень пожеланий земцев, из которых большинство было принято комиссией, чтобы лишний раз отметить, как относилось к своим обязанностям старое русское земство, всецело руководимое и в преобладающем большинстве состоящее из представителей дворянского землевладения. На предложенные ему вопросы о подъеме сельского хозяйства оно ответило рядом пожеланий, направленных всецело и исключительно к подъему крестьянского

340\* Имеются в виду акцизы на спирт, табак, сахар, спички и осветительные масла (т.е.керосин)

341\* Имеются в виду преимущественно расходы на ведение паспортного и военного учета крестьян, сбор статистики по требованиям государственных учреждений, доставление получателям разного рода казенных повесток и т.п. расходы, ложившиеся в основном на волостные правления.

благосостояния, к уравниванию крестьянских прав. И все это высказывали, и притом единогласно, представители всех земских течений, причем среди приглашенных в комиссию преобладало правое течение. Наиболее левым из приглашенных был председатель новгородской земской управы Колюбакин<sup>342</sup>, да и тот, говоря о неустройстве и неурядках сельской жизни, говорил о необходимости их немедленного устранения в целях обеспечения государственной крепости и основ существующего социального строя. Это не мешало и не мешает до сих пор нашим революционерам, да и не им одним, говорить о гнете, испытывавшемся крестьянами от помещиков, о том, что помещики — вот то главное зло, которое необходимо было истребить в России, и что в этой своей части большевистская революция сделала благое дело.

Русские помещики едва ли были даже правы, когда в роли заведующих местными хозяйственными нуждами всецело игнорировали интересы всех остальных, кроме крестьянского, слоев населения. Независимо от того общеизвестного положения, «*que la charite bien ordonnee commence par soi meme*»<sup>343</sup>, имеющего глубокий смысл, такой образ действий был уже потому по меньшей степени односторонним, что экономическое процветание государства обеспечивается лишь при нор-

342\* Дальнейшая биография А.М.Колюбакина оказалась довольно бурной. Он стал одним из основателей Конституционно-демократической партии, был отстранен от должности председателя Новгородской губернской земской управы за неблагонадежность, избран в депутаты III Государственной думы, приговорен к 6 месяцам заключения за публичную политическую речь и исключен из Думы. В январе 1915 года Колюбакин, командуя ротой, погиб в бою под Варшавой.

343 «Если хочешь облагодетельствовать весь мир, начинай со своего дома» (фр.).

мальном росте благосостояния всех классов населения, но с точки зрения этической подобный образ действий землевладельческого класса нельзя не признать в высшей степени бескорыстным и возвышенным. Кто заменит в новой России этот наиболее культурный и готовый на всякие жертвы ради достижения народного блага, ныне почти всецело истребленный класс?

Единственно, что земцы отстаивали как будто бы в собственных интересах, это самостоятельность земских учреждений и ограждение их, как они выражались в своей записке, «от всевозможных внешних воздействий». «Между тем, — писали они, — деятельность земства встречает в последнее время всевозможные препятствия».

В этой фразе вылились основные волновавшие в то время земские круги заботы и чувства и ясно сказалось их единодушно недружелюбное отношение к Плеве. Глухая борьба принимала характер открытой оппозиции и, конечно, еще более озлобила Плеве, что выразилось, между прочим, в том, что избранные в 1904 г. вологодским губернским земским собранием Кудрявый, а московским — Шипов председатели губернских земских управ не были им утверждены в этих должностях. Мера эта была едва ли разумна, а неутверждение Шипова, безусловно, нетактично как по отсутствию сколько-нибудь серьезных оснований к тому, так и вследствие той широкой популярности, которой Шипов пользовался почти среди всех земцев без различия их политических взглядов.

Не меньшее, разумеется, неудовольствие как среди земцев, так и вообще в широких общественных кругах вызвало прекращение Плеве деятельности общеземской организации, работавшей на Дальнем Востоке<sup>344</sup> на происходившей там в то

344 «Общеземская организация» была создана в феврале 1904 г. для объединения действий земских учреждений «под флагом Крас-

время Японской войне. Однако надо признать, что причины к принятию этой меры, несомненно, были у Плеве. Организацию эту, действующую под руководством лживого, хитрого и слабовольного кн. Львова, с места наводнили революционные элементы. Выяснилось это в полной мере, когда по возобновлению деятельности этой организации после убийства Плеве и назначения министром внутренних дел кн. Святополк-Мирского и обнаружившегося в Маньчжурской армии в 1905 г. тотчас после окончания войны распада дисциплины в Сибири произошли крупные революционные выступления. В этих выступлениях как среди их подстрекателей, так и среди их участников оказались многие лица, работавшие в общеземской организации.

ного Креста» для помощи раненым на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны. В.К.Плеве приложил все усилия, чтобы помешать ее деятельности, но успеха не имел. 17 апреля 1904 г. министр циркулярно распорядился «не приводить в исполнение [решения] совещаний земских уполномоченных до представления их в министерство» и «ни в коем случае не допускать дальнейших соглашений совещания с земствами, до настоящего времени не присоединившимися к организации». Однако земцам удалось добиться признания организации. 27 апреля 1904 г. Николай II принял инициатора «Общеземской организации» Г.Е.Львова и «благословил» его «на святое дело человеколюбия». После окончания войны организация сосредоточилась на помощи пострадавшим от неурожая. На съезде представителей земств в сентябре 1907 г. был выработан Устав организации, утвержденный следующим съездом в начале 1908 г., избравшим председателем Г.Е.Львова, а членами управления А.М.Орбелиани, Д.Н.Шипова, Н.Н.Хмелева и кн. Д.А.Кугушева (см.: Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1907. Т. 2. С. 344-350, 358; СПб., 1912. Т. 3. С. 592).

Роковым последствием все усиливавшегося запальчиво-раздражительного отношения Плеве к умеренно-либеральным кругам общественности явилось все большее цементирование воедино всех оппозиционных элементов, в том числе и крайних. Так, например, когда собравшийся в начале января 1904 г. третий съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию был на второй же день после его открытия распоряжением градоначальника закрыт, а некоторые его участники подвергнуты административной высылке, то мера эта вызвала всеобщее возмущение, хотя некоторые из речей, произнесенных на съезде, носили открыто революционный характер, допустить который правительство не могло, а высланные лица — Чарнолуцкий, Фальборк и Воробьев — принадлежали к социал-демократическому лагерю русской интеллигенции<sup>345</sup>.

Столь же резко осуждалось и другое, состоявшееся почти одновременно с первым, распоряжение правительства, а именно воспрещение огласить на заключительном собрании происходившего между 4 и 11 января 1904 г. в Петербурге пироговского съезда врачей принятых им постановлений. Воспрещение это фактически привело лишь к тому, что постановления эти, в составлении коих участвовало 2136 членов съезда, передавались из рук в руки и таким путем получили едва ли не большее распространение и, во всяком случае, вызвали к себе больший интерес, нежели если бы оглашение их было разрешено. Ненужность этой меры была тем большая, что правительство имело в то время полную возможность, если не желало широкого распространения резолюций пиро-

345 Гурко ошибается: Г.А.Фальборк принадлежал к партии кадетов; В.И.Чарнолуцкий и воронежский статистик Ф.А.Щербина, которого Гурко называет «Воробьевым», были народными социалистами.

говского съезда, собственным циркулярным распоряжением воспретить их воспроизведение в печати. Ограничиться этим было тем более целесообразно, что подобное распоряжение было одновременно принято.

Впрочем, отношение Плеве к печати также подвергалось жестокой критике, в особенности же осуждались меры, принимаемые по отношению к отдельным журналистам. Так, например, мера, принятая против А.А.Столыпина<sup>346</sup>, состоявшего в то время либо издателем, либо редактором «Санкт-Петербургских ведомостей», а именно лишение его права редактирования этой газеты, не встретила сочувствия даже в кругах, наиболее преданных существовавшему государственному строю. Оно и понятно. А.А.Столыпин был в общем весьма умеренный публицист, между прочим горячо восставший против обвинения администрации в организации кишиневского еврейского погрома<sup>347</sup>.

Совокупность всех распоряжений министра внутренних дел, раздражавшая общественность, хотя по существу не важных и в особенности не достигавших никаких реальных результатов и имевших иногда характер придирок, имела последствием, что даже на активные выступления террористов-революционеров часть по существу консервативно настроенных культурных слоев населения смотрела все с большей снисходительностью, не только избегала их осуждения, но доходила даже до оправдания их способа действий.

346\* А.А.Столыпин был братом будущего премьер-министра П.А.Столыпина

347 Еврейский погром в Кишиневе 6—7 апреля 1903 г. вошел в общественное сознание как один из самых жестоких; по неполным официальным данным, во время погрома было убито 45 и ранено около 400 человек.

Участившиеся еще с весны 1903 г. революционные вспышки то в том, то в другом месте обширного государства не только не вызывали в либеральных кругах опасений за целостность государства, а тем более за собственную безопасность, а, наоборот, рассматривались как симптом неизбежного в скором будущем изменения государственного строя в желательном для них направлении. Буржуазный капиталистический строй почитался при этом преобладающим большинством имущественно обеспеченных слоев населения настолько по самому существу своему даже не крепким, а просто естественным и поэтому незыблемым, что возможность его, хотя бы временного, крушения никому и в голову не приходила. Происходила в их представлении лишь осада политической власти в целях обеспечения непосредственного участия в ней общественных сил, а посему производящие эту осаду, все без исключения и независимо от способа их действий, приветствовались как союзники. Естественно, что при таких условиях суровое усмирение возникающих беспорядков не только вызывало возмущение, но приводило к расширению кругов, интересующихся политическими вопросами и порицающих правительственную деятельность.

Огромное впечатление произвели на общественность действия власти при подавлении беспорядков, возникших в марте 1903 г. на златоустовских заводах Уфимской губернии. Здесь для усмирения рабочих были вызваны войска, ружейным огнем которых было убито 45 человек и ранено<sup>348</sup>, в том числе

348 Расстрел рабочих в Златоусте 13 марта 1903 г. получил в литературе наименование «златоустовской бойни». По приказу уфимского губернатора Н.М. Богдановича войска рассеяли выстрелами толпу рабочих-стачечников казенного оружейного завода, требовавших отпустить арестованных накануне уполномоченных, избранных для переговоров с администрацией.

несколько женщин. Последовавшие затем беспорядки в Баку, Батуме, Саратове, Вильно<sup>349</sup>, усмиренные без кровопролития, уже почти не привлекли общественного внимания, которое понемногу привыкло на них смотреть как на нечто нормальное, в общем для государства как такового не опасное и, во всяком случае, не требующее общественного противодействия.

Не изменили этого отношения и беспорядки, произошедшие в Одессе в июле 1903 г., хотя они потребовали вызова в город воинских частей, находившихся в это время в их летнем лагерном расположении. Не взволновали общество и беспорядки, возникшие осенью 1903 г. на заводах Екатеринославской губернии. Еще меньшее впечатление произвели волнения на Кавказе (в Шуше, Нухе, Елизаветполе), которые связывали с суровыми мерами, принятыми по отношению к армяно-григорианской церкви, имущество которой было принято в казенное управление, а глава ее, католикос Мкртич, заточен в монастырь. Мера эта была принята по предложению главноначальствующего на Кавказе кн. Г.Голицына и в общем не одобрялась Плеве, однако общественное мнение приписывало и ее ненавистному министру внутренних дел.

Действительно, к этому времени всякое действие и даже всякое событие, вызывавшее неудовольствие и неодобрение общественного мнения, целиком приписывалось Плеве. С осо-

По данным историков, было убито 69 и ранено 250 человек. См.: Златоуст. Революционное движение 1896—1905. Свердловск, 1926.

349 Перечисляемые Гурко как отдельные события «беспорядки» являются эпизодами Всеобщей стачки на Юге России в июле—августе 1903 г., проводимой согласованно всероссийскими (РСДРП, партия социалистов-революционеров) и национальными (Еврейская независимая рабочая партия, «Гнчак», «Дашнакцутюн», «Сакартвело») социалистическими партиями.



бой резкостью сказалось это по поводу двух событий, хотя и весьма различных по их значению, но едва ли не в равной степени вызвавших озлобление против Плеве, так как возникновение обеих общественность приписывала Плеве, а именно еврейский погром в Кишиневе и наша война с Японией.

Произошедший в апреле 1903 г. кишиневский еврейский погром был приписан инициативе Плеве не только русской общественной мыслью, но и западноевропейской прессой. Погром этот принял совершенно необычайный размер. Производился он в течение двух дней — 6 и 7 апреля, причем 45 человек было убито, 71 тяжело ранен и 350 получили легкие поражения. Еще значительно были имущественные повреждения: разгрому подверглись 700 домов и 600 лавок, количество же растрепанных перин, без которых даже бедные евреи не обходятся, было столь значительно, что весь воздух в городе был заполнен содержащимися в перинах пухом и перьями.

Русская пресса по цензурным условиям не имела, разумеется, возможности воспроизвести на своих столбцах упорно распространявшуюся революционными элементами нелепую сказку, что погром этот не только сознательно не был прекращен властью в самом начале, а, наоборот, был искусственно вызван администрацией<sup>350</sup>. В ином положении была иностранная пресса, значительная часть которой находилась в

350 Современный исследователь проблемы Ханс Роггер пришел к выводу, что «можно с уверенностью утверждать, что погромы не были подготовлены, инспирированы или допущены как элемент сознательной политики правительства. Доступные источники свидетельствуют скорее напротив, что основной и долговременной целью правительства было сдерживать массовое насилие, а не потворствовать ему» (Rogger Hans. *Russian Ministers and the Jewish Question, 1881 — 1917 // Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia*. Berkley, 1986. P. 109).

еврейских руках. Легенда о том, что русская правительственная власть не только не удерживает население от еврейских погромов, а, наоборот, поощряет его в этом направлении, распространялась и ранее. Распространение это обуславливалось желанием международного еврейства доказать, что население, производящее погромы, отнюдь не питает недружелюбных чувств к проживающему с ним бок о бок еврейскому населению, а искусственно натравливается на него властями. Еврейство, согласно этой легенде, являлось тем деривативом, тем козлом отпущения, на которое русское правительство стремилось направить неудовольствие населения своим тяжелым материальным положением, зависящим, по существу, от неправильной экономической политики самого правительства. Абсолютная вздорность этой легенды едва ли требует доказательства. Можно так или иначе объяснять недружелюбное отношение к еврейству населения городов и местечек так называемой местности еврейской оседлости; можно признавать или отрицать эксплуатацию христианского населения живущим среди него еврейским элементом, но нельзя отрицать самого факта глухой неприязни русских народных масс к этому племени, неприязни, легко переходящей по самому незначительному поводу в жестокую злобу, принимающую самые дикие выражения.

Тем не менее легенда эта не только распространялась, но находила даже в русской среде множество лиц, принимавших ее на веру и даже безусловно убежденных в ее справедливости. Вслед за кишиневским погромом она получила всемирное распространение. Воспроизведена она была не только в западноевропейской, но и в американской печати, причем на столбцах ее появилось даже апокрифическое письмо министра

внутренних дел бессарабскому губернатору<sup>351</sup> от 25 марта 1903 г., помеченное «совершенно секретно», следующего содержания:

«До сведения моего дошло, что в вверенной вам области готовятся большие беспорядки, направленные против евреев, как главных виновников эксплуатации местного населения. Ввиду общего среди городского населения беспокойного настроения, ищущего только случая, чтобы проявиться, а также принимая во внимание бесспорную нежелательность слишком суровыми мерами вызвать в населении, еще не затронутом революционной пропагандой, озлобление против правительства, вашему превосходительству предлагается изыскать средства немедленно по возникновении беспорядков прекратить их мерами увещания, вовсе не прибегая, однако, к оружию»<sup>352</sup>.

351 Апокрифическое письмо В.К.Плеве бессарабскому губернатору В.С.Раабену (Times. 1903. 5/18 мая) было перепечатано многими зарубежными газетами (в том числе «Освобождением» — 1903. № 22. 8/21 мая). Гурко воспроизводит вариант перевода, приведенный в опровержении В.К.Плеве, утверждавшего, что все «сведения вымышлены: письма министра внутренних дел бессарабскому губернатору приведенного содержания не существует, и никакого сообщения с предупреждением бессарабских властей о готовящихся беспорядках не было» (Правительственный вестник. 1903. 13 мая). Проводивший независимое расследование А.А.Лопухин установил, что имел место подлог (см.: Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 16).

352 Можно ли удивляться, что письмо это было всем миром признано за подлинное, когда сам Плеве, прочитав его в «Освобождении» (которое он постоянно читал), первоначально сам подумал, что оно действительно было им подписано? Он вызвал директора департамента полиции Лопухина и гневно

Плеве признал нужным в особом правительственном сообщении огласить содержание приписанного ему письма, сопроводив его, разумеется, заявлением, что не только письмо это вымышленное, но что вообще никаких ни писем, ни сообщений бессарабскому губернатору с предупреждением о готовящихся беспорядках от министра внутренних дел послано не было. Однако последствия этого правительственного сообщения получились обратные тем, которых ожидал Плеве. Вымышленное письмо было перепечатано нашей прессой, разумеется, с сопровождавшим его опровержением, но без всяких комментариев, что лишь распространило и утвердило в русском обществе веру, что погром был вызван искусственно. Этому же, несомненно, содействовала высылка из России корреспондента газеты «Times», некоего Braham'a, вообще снабжавшего эту газету корреспонденциями, изобиловавшими вымышленными сведениями враждебного для России свойства, но особенно напиравшего на прямую причастность русской администрации к кишиневскому погрому. Мера эта,

его спросил: «Как могли вы подsunуть мне к подписи такое письмо?» Узнав, что подобного письма никогда послано не было, он, конечно, успокоился. передал власть с целью вооруженного подавления беспорядков. Оправдание это было, конечно, слабое, но одновременно доказывающее, что никаких указаний на то, чтобы он «вовсе не прибежал к оружию» для подавления беспорядков, он не получал. Слабость же его оправдания заключалась в том, что, как было указано в циркуляре министра внутренних дел губернаторам от 28 апреля 1903 г., т.е. вскоре после погрома, «гражданские власти во время беспорядков не имеют права при вызове войск передавать военному начальству свои обязанности по водворению порядка, а должны лично присутствовать на местах, направлять совокупность деятельности войск и полиции к умелому и энергичному подавлению беспорядков». (Прим. автора)

сама по себе совершенно бездоказательная, конечно, не остановила того потока грязи, которую лили на Россию и ее правительство некоторые иностранные органы прессы, причем как «Times», так и ее корреспондент Braham лишь усилили свои нападки на русский государственный строй, и в частности на министра внутренних дел Плеве.

Словом, кишиневский погром еще более сгустил ту атмосферу ненависти, которая понемногу окружила Плеве не только в русском общественном мнении, но даже и в иностранном, хотя в этом тяжелом происшествии он ни в каком отношении повинен не был. Формально это можно доказать тем, что бесарабский губернатор Фон-Раабен, не сумевший вовремя остановить еврейский погром, был немедленно уволен в отставку с присвоением ему лишь полагавшейся по закону пенсии, как известно, совершенно нищенской<sup>353</sup>. По этому поводу я имел случай лично беседовать с Фон-Раабеном, разумеется, старавшимся оправдать свои действия и сваливавшим всю вину на военное начальство, которому он фактически

Наконец, отсутствие всякого участия администрации в организации еврейских погромов проявилось в полной мере весьма скоро, а именно осенью 1904 г., когда подобные погромы произошли при управлении Министерством внутренних дел кн. Святополк-Мирским в Ровне Волынской губернии, Александрии — Херсонской и Смеле — Киевской, причем в этом местечке были разгромлены 172 еврейские лавки. Подо-

353\* К началу 20 века около четверти чиновников, уходивших по возрасту в отставку (то есть, по существу, все лица на более или менее старших должностях), получали т.н. «усиленные» пенсии, устанавливавшиеся в индивидуальном размере постановлением Комитета министров. Это до такой степени вошло в обычай, что получение отставным губернатором пенсии в стандартном размере представлялось Гурко наказанием.

зреть кн. Мирского в устройстве погромов едва ли кто решится. Впрочем, это признала и еврейская пресса.

Газета «Новости», издававшаяся евреем Нотовичем<sup>354</sup>, после жестокого еврейского погрома, произошедшего в 1905 г. в Томске<sup>355</sup>, приписать который правительству не было никакой возможности, разразилась громовой статьей против русского народа. Она писала, что до сих пор еврейство почитало своим врагом правительство самодержавной России и ему одному приписывало все испытываемые им в России бедствия. Но теперь еврейство убедилось, что враг его — весь русский народ; против этого народа должно еврейство поднять борьбу на смерть.


354 Умеренно-либеральная газета «Новости и Биржевая газета» (СПб., 1880—1906), выступавшая в защиту частного предпринимательства и конституционного переустройства России, была «прекращена навсегда» в 1906 г. постановлением Особого присутствия Петербургской судебной палаты, издатель-редактор ее О.К.Нотович «за распространение сочинений, возбуждающих к неповиновению и противодействию закону» был приговорен к заключению в крепости сроком на один год.

355 Еврейский погром в Томске 21—22 октября 1905 г., по утверждению газеты «Забайкалье» (1905, 11 ноября), был устроен по инициативе отставного полицмейстера и нескольких купцов, которые на тайном собрании решили «переодеть нескольких городских, которые должны будут идти на базар и приглашать чернь устроить «патриотическую» манифестацию, а после устроить избиение студентов и евреев, и если найдется на это дело мало желающих, то предложить им плату от 1 р. 50 коп. до 4 рублей» (цит. по: Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905—1914. М., 1992. С. 52). Однако в ходе судебного процесса вполне выяснился стихийный характер беспорядков (см.: Дело о погроме в г. Томске: Отчет о судебном заседании Томского окружного суда. Томск, 1909).

Не могу по этому поводу не отметить то пристрастное отношение в смысле огульной критики, которую проявляла наша прогрессивная печать к действиям правительства. Когда шел вопрос о способе подавления беспорядков в Златоусте, народ ставился на пьедестал, а действия власти, направленные к водворению порядка, квалифицировались как преступление<sup>356</sup>. Когда же тот же народ принялся громить евреев, он тотчас превратился в чернь, а власть, своевременно не применившая силы оружия, обвинялась в попустительстве.

Да, тяжело было положение русского правительства в те времена.

356\* Особенность событий в Златоусте состояла в том, что возмущение рабочих было, по существу дела, недоразумением. Администрация казенного горного завода объявила о выдаче рабочим расчетных книжек; рабочие же восприняли это мероприятие как перевод их с более или менее льготного (в смысле условий труда) положения казенных горнозводских рабочих на общее положение рабочих в частной промышленности. Уверения администрации в том, что никаких изменений в правах рабочих не будет (фактически верные) не вызвали доверия, и атмосфера постепенно накалилась до такой степени, что были вызваны войска, которые затем применили оружие.



## **Часть III. Начало Русско-японской войны и попытка власти достичь примирения с общественностью**



## Глава 1. Что породило Русско-японскую войну<sup>357</sup>

Русско-японская война принадлежит ныне к событиям исторического прошлого, и притом, казалось бы, значения второстепенного. Останавливаться на ней сколько-нибудь подробно и углубляться в причины ее порождения не представляет, по-видимому, ввиду этого ни особого интереса, ни значения в смысле ее связи с современными европейскими и даже русскими событиями. В переживаемое нами бурное время разбор исторических фактов, не имеющих значения для текущей действительности, может интересовать лишь ограниченный круг лиц, настолько смутная и беспокойная современность, чреватая еще многими дальнейшими ожидающими нас грозными событиями, всецело и мощно захватывает всех и каждого.

Однако так ли это? Точно ли Русско-японская война не имеет тесной связи с текущими событиями в России? Думается, что, наоборот, началом всех бед, испытанных и доселе испытываемых Россией, является именно эта война. Несчастная во всех отношениях, она раскрыла многие наши утренние язвы, дала обильную пищу критике существовавшего государственного строя, перебрала в революционный лагерь множество лиц, заботящихся о судьбах родины, и тем не только дала мощный толчок революционному течению, но придала ему национальный, благородный характер.

**357** Настоящая статья составлена на основании как некоторых сохранившихся у меня кратких подневных записей того времени, к которому она относится, так и некоторых опубликованных с тех пор статей и заметок по вопросу, коего она касается: «Дневник Куропаткина», помещенная во французском «Le Correspondant» статья А.М.Безобразова и статья Романова, помещенная в издаваемом в России сборнике «Русское прошлое» под заглавием «Концессия на Ялу». (Прим. автора)

Вину за возникновение этой войны возлагали не только впоследствии, но и тотчас после ее начала на Плеве, причем усиленно старался в этом смысле едва ли не главный, хотя и не единственный, виновник этого события — Витте. Утверждал Витте, а следом за ним и общественное мнение, что цель Плеве состояла в том, чтобы путем легкой победоносной войны оторвать внимание общественности от вопросов внутренней политики, ослабить тем самым влияние революционных элементов и одновременно поднять в глазах населения ореол существующего государственного строя. Каких-либо конкретных доказательств в подтверждение этого тяжкого обвинения, однако, никем никогда приведено не было.

Не входя во все подробности нашей дальневосточной политики, изобиловавшей крупными ошибками, скажу лишь, что основания Русско-японской войны были заложены задолго до ее возникновения, а именно еще в 1895 г. тотчас после заключения 5 апреля этого года Японией и Китаем Симоносекского договора<sup>358</sup> и, следовательно, до участия Плеве в составе правительства.

На основании упомянутого договора Китай уступал Японии весь Ляодунский полуостров, а также часть Маньчжурии. С своей стороны мы выставляли принцип неприкосновенности территории Китайской империи, при содействии Франции и Германии вынудили Японию отказаться от этого приобрете-

358 В соответствии с мирным договором, заключенным между Китаем и Японией 17 апреля 1895 г. в г. Симоносеки, Китай признавал «полную и безусловную независимость и автономию» Кореи, а также уступал Японии южную часть Маньчжурии (Ляодунский полуостров), Тайвань (Формозу) и Пескадорские острова. См.: Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895— 1905. СПб., 1906. С. 1-13.

ния, заменив его денежной контрибуцией, уплата которой была проведена Китаем при нашей финансовой помощи. Таким путем Япония лишалась контроля над китайскими таможнями, который был установлен Симоносекским договором как гарантия уплаты Китаем контрибуции. Все это было сделано по мысли Витте, как он подробно это рассказал в своих воспоминаниях, и шаг этот надо признать правильным: России было, безусловно, невыгодно допустить энергичную японскую нацию на азиатский материк и там постепенно заменить для нас в качестве соседа «недвижный Китай»<sup>359</sup>.

Не прошло, однако, и года после установления нами упомянутого принципа, как усилиями того же Витте мы сами его нарушили. Заключенное Витте в Москве в 1896 г. соглашение с

359 Гурко имеет в виду следующее место из «Воспоминаний» С.Ю. Витте: «Я пришел тогда к заключению... что России наиболее выгодно иметь около себя соседом сильный, но неподвижный Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а следовательно, и будущего благоденствия Российской империи» (Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 45). Витте приложил все усилия, чтобы «воспрепятствовать осуществлению» Симоносекского договора между Японией и Китаем; по его инициативе соответствующее решение было принято особым совещанием, состоявшимся 30 марта 1895 г. под председательством вел. кн. Алексея Александровича. 4 апреля император утвердил решение особого совещания. Российский МИД развернул соответствующую работу, и уже 11 апреля 1895 г. дипломатические представители Франции, Германии и России в Токио сделали японскому правительству представление, в котором настоятельно рекомендовали отказаться от Ляодунского полуострова; дипломатические шаги были подкреплены военной демонстрацией. Японское правительство вынуждено было пересмотреть условия Симоносекского договора, отказалось от Ляодунского полуострова, получив дополнительную денежную контрибуцию.

Китаем о направлении Великого сибирского пути по Северной Маньчжурии с предоставлением нам суверенных прав в пределах обширной полосы железнодорожного отчуждения это у принципу определенно противоречило<sup>360</sup>.

Но и этим Витте не ограничился. Одновременно он же направил нашу деятельность в Корею. В ту пору заведование корейскими финансами находилось в руках русского агента Алексева, официально именовавшегося советником корейского императора, а в корейской армии инструкторами состояли русские офицеры. Само собою разумеется, что как проведение нами железной дороги по Маньчжурии, так и положение, занятое нами в Корее, вызвали острое неудовольствие Японии. Неудовольствие это имело тем более законное основание, что деятельность наша в Корее не согласовывалась с дипломатическими трактатами, заключенными между Россией и Японией, а именно Сеульским меморандумом от 2 мая 1896 г. и Московским протоколом от 26 мая 1896 г., которыми обе договаривающиеся стороны не только признавали нерушимость принципа суверенитета Корейской империи, но и обязывались действовать на территории Кореи при соблюдении полной между собою согласованности. Правда, этим роль Витте в нашей дальневосточной политике временно ограничивается и на сцену выступает другое лицо, действующее в направлении распространения наших владений на берегах Тихого океана, а именно министр иностранных дел гр. Муравьев.

Воспользовавшись тем, что Германия, придравшись к какому-то ничтожному инциденту с ее миссионерами в Китае,

**360** Мысль о проведении Сибирского пути по Северной Маньчжурии впервые возникла в Сибирском комитете еще в предыдущее царствование, но Александр III эту мысль решительно отверг. (Прим. автора)

силою захватила в ноябре 1897 г. китайский порт Цинтау (Киао-Чусоу), Муравьев возбуждает вопрос о занятии нами всего Ляодунского полуострова с расположенным в нем Порт-Артуром. Подобный образ действий находится в явном противоречии с Московским 1896 г. договором, по смыслу которого мы обязаны были защищать Китай от иноземных на него нападений. К сожалению, в данном случае мы лишены были этой возможности, так как еще за шесть месяцев до захвата немцами Киао-Чусоу, а именно в июле 1897 г. во время посещения Петербурга императором Вильгельмом, последнему удалось вырвать у государя обещание не препятствовать захвату этого порта германцами. Государь впоследствии назвал данное им обещание «неосторожным» и объяснил его тем, что Вильгельм застал его врасплох.

Как бы то ни было, коль скоро мы не имели возможности протестовать против внедрения Германии в Китай, то естественно возникла мысль компенсации. Если Германия овладела портом на южном берегу Печелийского залива, то казалось, что нам следует иметь свой порт на северном его берегу.

Собранное по этому поводу под председательством великого князя совещание высказывается против этой мысли. Витте справедливо указывает, что занятие Порт-Артура создаст нам двух врагов — Китай, от которого мы его захватим, и Японию, которой мы не позволим там укрепиться под предлогом нарушаемого нами ныне принципа неприкосновенности китайской территории. К мнениям этим присоединяется председатель совещания, но Муравьев продолжает настаивать на своем, и ему удастся склонить к своей мысли государя. Вопреки мнению Ванновского, Муравьев провозглашает: «Un drapeau et une sentinelle — le prestige de la Russie fera le reste»<sup>361</sup>.

361 «Знамя и часовой! — Prestиж России не должен умяляться» (фр.).

Начинаются дипломатические переговоры с Китаем об уступке нам в долгосрочную аренду всей Квантунской области, но идут они весьма туго, и расчет на получение добровольного согласия Небесной империи на наше внедрение в ее пределы не оправдывается. Можно полагать, что тем все бы и кончилось, но тут вновь выступает на сцену тот же Витте. По соглашению с министром иностранных дел он предлагает для убеждения Китая дать взятку влиятельным членам китайского правительства. Дело это поручается нашему поверенному в делах в Китае Павлову и финансовому агенту Покотилову. Лицам этим удастся соблазнить двух китайских сановников Ли-Хунь-Чжана и Чжань-Ин-Хуана. За сумму в один миллион рублей названные сановники обязываются получить согласие Богдыхана на исполнение наших желаний и действительно достигают этого: 15 марта 1898 г. Китай передает нам в бесплатное арендное содержание сроком на 38 лет Квантунскую область с находящимися в ней Порт-Артуром и бухтою До-лянь-Вень — будущим портом Дальний.

Чем же, спрашивается, вызвана была настойчивость, проявленная в этом вопросе Муравьевым и противоречащее с первоначально высказанным им мнением содействие Витте в деле занятия нами Ляодунского полуострова?

В своих воспоминаниях, где он, впрочем, значительно преувеличивает свою роль в этом деле, Витте объясняет это тем, что государь будто бы решил в случае отказа Китая добровольно уступить нам Порт-Артур с прилегающей местностью захватить его силою. Позволительно, однако, сомневаться, что мы решились бы на столь грубое, ничем не обусловленное нарушение международного права. Думается, что причина у Витте была другая, и притом та же самая, которая руководила Муравьевым, а именно желание угодить государю и тем укрепиться на своем министерском кресле.

Действительно, для разумения нашей дальневосточной политики на рубеже XIX и XX вв. необходимо помнить, что

Николай II до воцарения впервые прикоснулся к государственной деятельности именно на Дальнем Востоке. Первое его личное выступление как представителя царской власти произошло на русских берегах Тихого океана, куда он прибыл после совершенного им морского путешествия по странам Востока. Но этого мало. Вернувшись в столицу, предварительно проехав через всю Сибирь, он был назначен председателем комитета по сооружению Сибирского железнодорожного пути, комитета, имевшего задачей не одно только это сооружение, но и общее развитие Сибири, в том числе и наших дальневосточных владений. Таким образом, покойный государь, еще в бытность наследником престола, подошел к управлению России со стороны Дальнего Востока и вопросов, связанных с укреплением там нашего владычества. Естественно, что после воцарения именно эти вопросы привлекали его особое внимание или, по крайней мере, были ему ближе знакомы и тем самым в особенности любы.

До Николая II ни один русский император, хотя бы до своего воцарения, не посетил Сибири и Дальнего Востока, и потому покойный государь здесь чувствовал себя пионером. Его молодое воображение неизбежно должно было рисовать ему возможность навсегда связать свое имя с дальнейшим развитием русской государственности и расширением наших пределов на берегах Тихого океана. В этой мысли его горячо поддерживали и некоторые из его спутников по путешествию на Восток, с которыми он во время этого путешествия сблизился. Среди них особенно выдавался в этом отношении кн. Э.Э.Ухтомский. В составленном им пространном описании этого путешествия<sup>362</sup>, прошедшем до его опубликования через

362 См.: Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича: 1890-1891. СПб.; Лейпциг, 1893-1897. Т. 1-3.

личную цензуру цесаревича, Ухтомский развивал ту мысль, что задачи России на Дальнем Востоке необычайны, открывают перед ней неограниченные возможности и требуют особого внимания. Получив после воцарения Николая II издательство «Санкт-Петербургских ведомостей»<sup>363</sup> — ежедневной газеты, составляющей собственность казны, Ухтомский принялся усиленно доказывать в этом органе печати, что Россия на Западе и вообще на Европейском материке достигла крайних пределов своего возможного владычества, которое при этом настолько прочно, что не требует Дальнейших забот об его вящем закреплении. Наоборот, на Дальнем Востоке исторические задачи России еще далеко не исчерпаны и туда именно должна быть направлена творческая энергия русского народа.

Мысль эта нашла у молодого государя тем более благоприятную почву и живой отклик, что в неведомых ему сложнейших вопросах внутреннего Управления коренной Россией он был поневоле вынужден в первые годы Царствования следовать указаниям своих министров. Правда, он и здесь стремился проявить личную инициативу, но осуществить мысли, которые у него возникали, силою вещей, вследствие неопытности в государственном управлении, он не был в состоянии.

Здесь был твердо установленный, хотя, быть может, и рутинный тем тверже соблюдаемый порядок разрешения государственных вопросов и всякие экспромтные мысли и намерения даже самодержцу возможно бы осуществить лишь при исключительной силе воли и огромной настойчивости. Попытки Николая II проявить себя лично в этом направлении были при таких условиях заранее обречены на неуспех.

363 Э.Э.Ухтомский был назначен редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» в 1896 г.



Под этим двойным давлением, а именно под яркими, воспринятыми в юности впечатлениями своего путешествия по азиатским владениям России и под гнетом чувства своего бессилия проявить личную инициативу в делах управления ядром государства, а также в европейском международном положении, Николай II должен был роковым образом направить свои взоры к Сибири и берегам Тихого океана и там искать применения своего творчества и возможности проявления личной инициативы.

Такому направлению мыслей государя первоначально, несомненно, содействовали и некоторые министры, а среди них в особенности Витте. Они чувствовали, что в какой-нибудь области необходимо предоставить молодому государю возможность осуществлять возникающие у него лично мысли. Такою областью им, разумеется, представлялась та, которая имела в их глазах наименьшее значение, где они сами почти не проявляли какой-либо инициативы и где вообще всякие опыты были сопряжены, по их мнению, с наименьшим риском для нормального хода управления, а именно та же Сибирь и тот же Дальний Восток. Достигнуть же этого было тем легче, что именно туда сами собою тяготели мысли государя.

Надо, впрочем, признать, что Витте, направляя нашу действительную политику на Восток, мог исходить и из государственных соображений. Если верить Витте (Воспоминания. Т. 1.), направляя политику России на восток, он тем самым стремился обеспечить мир на западе<sup>364</sup>. В беседе, которую он

364 Гурко имеет в виду то место воспоминаний С.Ю.Витте, где он сообщает о своем разговоре с германским императором Вильгельмом II во время посещения им Петербурга в июле 1897 г. Витте развивал идею континентального союза России, Германии и Франции. «Раз эти страны будут находиться между собою в твердом, непоколебимом союзе, то, несомненно, — рассуждал

имел с императором германским в 1897 г. (как раз в то время, когда государь обещал не препятствовать Германии овладеть Цяо-Чжау), Витте будто бы проводил ту мысль, что Европа для своего процветания должна в лице составляющих ее отдельных государств жить в мире и согласии и направлять свою деятельность на другие континенты. России, говорил будто бы Витте, нужен для своего развития продолжительный мир, а посему развиваться она должна в том направлении, где она не встретит вооруженного сопротивления, а именно на Дальнем Востоке.

Таким образом, в представлении Витте, как государственные интересы России, так и его личный интерес побуждали его обращать мысли сударя на берега Тихого океана. К этому же образу действий, едва ли тех же двойных целях, прибег и министр иностранных дел. При всем своем легкомыслии, гр. Муравьев вполне понимал, что всякие дилетантские заявления в международных вопросах, касающихся европейских государств, хотя бы они исходили из самых возвышенных побуждений, как, например, мысль о всеобщем разоружении и о породившей ее Гагской мирной конференции<sup>365</sup>, чреватые гроз-

Витте, — все остальные страны континента Европы к этому центральному союзу примкнут, и таким образом, образуется общий континентальный союз, который освободит Европу от тех тягостей, которые она сама на себя наложила для взаимного соперничества. Тогда Европа сделается великой, снова расцветет, и ее доминирующее положение над всем миром будет сильным и установится на долгие времена» (Витте СЮ. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 123).

365 Гагская конференция мира (6 мая — 17 июля 1899 г.), в работе которой участвовали ПО делегатов из 26 стран, собралась по почину Российского правительства, которое в циркулярной ноте 12(24) августа 1898 г. предложило всем государствам путем международного обсуждения изыскать действенные средства

ными последствиями. Наконец на этой тактике в течение некоторого времени стремился упрочить свое положение и Куропаткин, назначенный военным министром в начале 1898 г.

Направить мысли Николая II в сторону Тихого океана всячески старался, кроме того, и император германский, которому мысли Витте, поскольку они касались России, были, несомненно, весьма любы. Рассчитывал он таким путем парализовать деятельное участие России в разрешении европейских международных проблем, от участия в которых он сам, однако вовсе не отказывался. Всем известно то приветствие, которое Вильгельм II сигнализировал государю, отплывая в июне 1897 г. после посещения им России из вод Балтики: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

Слова эти, вероятно, запали в душу государя, и надо думать, что именно их он вспомнил, когда тотчас после объявления войны Японией, послал наместнику на Дальнем Востоке телеграмму, в которой выражал уверенность, что адмирал Алексеев, назначенный главнокомандующим всеми нашими

обеспечения мира и положить конец развитию вооружений. Конференция приняла три конвенции (о мирном решении международных споров; о законах и обычаях войны на суше; о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г.) и три декларации, запрещавшие употребление разрывных пуль, метание взрывчатых веществ с воздушных шаров и употребление снарядов, распространяющих удушливые газы. По основному вопросу «о сохранении на известный срок существующего состава сухопутных вооруженных сил и величины военных бюджетов и предварительного изучения средств возможного сокращения в будущем численности армии и отпускаемых на нее ассигнований» конференция решения не приняла из-за противоречий между участниками.

сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, выполнит историческую задачу утверждения господства России на Тихом океане<sup>366</sup>. Точным текстом этой телеграммы я не располагаю, но смысл ее был именно такой.

Характерно и то, что непосредственный толчок к занятию нами Порт-Артура дал опять-таки Вильгельм II занятием, как я упомянул, китайского порта Цинтау (Киао-Чжау). Занятие нами Порт-Артура, если бы мы ограничились его превращением в военно-морскую базу, едва ли бы породило все истекшие из этого занятия события. Но Россия никакими колониями в точном смысле слова, т.е. территориями, непосредственно не соприкасающимися с метрополией, не владела, и мысль о возможности охранения Порт-Артура такой морской базой, какими во множестве владеет Англия, в наше сознание не укладывалась. Одновременно с мыслью о занятии Квантунской области возникло вследствие этого стремление связать ее сухим путем с русскими владениями.

Проводится им в первую очередь железная дорога через всю эту обширную область, соединяющая Сибирский путь у Харбина с Порт-Артуром, причем проводится она по самой середине Маньчжурии через ее главный центр Мукден, а поло-

366 По всей видимости, Гурко изменила память: Е.И.Алексеев был назначен главнокомандующим всеми военно-сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке приказом по военному ведомству (Правительственный вестник. 1904. 29 января), особой именной телеграммы опубликовано при этом не было. В напечатанном позднее рескрипте А.Н.Куропаткину при назначении его главнокомандующим сухопутной армией также была повторена формула правительственного сообщения о разрыве дипломатических отношений и манифеста об объявлении войны, где говорилось только о защите «достоинства России и ее державных прав на Дальнем Востоке» (Там же. 13 февраля).

са железнодорожного отчуждения превращается фактически в русскую территорию. Здесь действуют русские законы и распоряжаются русские власти. На пустынном берегу в 80 верстах от Порт-Артура строится обширный коммерческий порт Дальний, оборудуемый с неслыханной роскошью, причем по этому поводу даже не запрашивается военное ведомство о степени соответствия наличности ничем не защищаемого порта поблизости от крепости Порт-Артур и войск, приспособленных для высадки морского десанта. Создается Восточно-Азиатское общество пароходства<sup>367</sup>, являющееся конкурентом японскому коммерческому флоту. Учреждается общество для эксплуатации маньчжурских горных богатств. Создается Русско-Китайский банк<sup>368</sup>, имеющий содействовать русской промышленности и торговле на всем Дальнем Востоке, а в том числе, разумеется, и в Маньчжурии. Правда, все это ведется под

367 Акционерное общество «Русское Восточно-азиатское пароходство» было учреждено 15 мая 1899 г. для перевозки грузов «между русскими портами, преимущественно на Дальний Восток и обратно». Действия общества, капитал которого составлял 3 млн рублей, начались 11 сентября 1899 г. и продолжались два года, о каких-либо операциях общества после 1901 г. сведений нет (см.: Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1908. С. 651).

368 Русско-китайский банк был создан в 1895 г. группой французских банков (Готтингер и Ко, Парижско-Нидерландский банк, Лионский кредит, Национальная учетная контора) и Петербургским международным банком по инициативе Российского правительства. Три места членом правления принадлежали французам, остальные пятеро назначались российским министром финансов. Председателем правления банка был назначен Э.Э.Ухтомский. В 1910 г. произошло слияние банка с Северным банком, в результате чего был образован Русско-Азиатский банк — самый крупный коммерческий банк России.

флагом будто бы частных предприятий, но фасад этот настолько прозрачен, что решительно никого не обманывает, и про него забывают и сами его создатели. Словом, Витте выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, имеющее все атрибуты самостоятельного государства, как то: собственное войско, именовавшееся Заамурской пограничной стражей и прозванное обывателями, по имени жены Витте, Матильдиной гвардией, собственный флот, а главное, собственные финансы, так как благодаря прикрепленной ко всем этим предприятиям маске частного дела государственными средствами, на которые они действуют, Витте распоряжается без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм. О размере этих сумм можно судить по тому, что одно сооружение Восточно-Корейской железной дороги обошлось в 400 миллионов рублей, причем стоимость версты этого пути превысила 150 тысяч рублей<sup>369</sup>.

Под напором жажды творчества и властолюбия Витте забывает даже первоначальный мотив, побудивший его содействовать развитию нашей деятельности на Дальнем Востоке, а именно желание угодить государю предоставлением ему возможности проявить в этом направлении свою личную волю. На Дальнем Востоке более чем где-либо Витте заменяет русское государственное начало своим личным усмотрением и произволом. Государь понемногу убеждается, что и в этой области он все более превращается в простого зрителя кипучей деятельности своего министра. Однако желание проявить в каком-либо крупном деле собственную инициативу у Николая II от этого отнюдь не исчезает, а легкость, с которой Россия развернула свои пределы на Дальнем Востоке, порождает мысль идти дальше в этом направлении. Рисуеться возмож-

**369** В России стоимость версты не превышала 60 тысяч. (Прим. автора)

ность подчинить русскому владычеству и иные азиатские страны, как то: всю как Северную, так и Южную Маньчжурию, а равно и Корею. По словам Куропаткина, государь мечтал даже о Тибете и Афганистане.

Вспоминаются тут первоначально отброшенные планы двух прожектеров, сыгравших в нашей дальневосточной аванюре фатальную роль, — В.М.Вонлярлярского и А.М.Безобразова. Оба отставные гвардейские офицеры, и притом однополчане, они представляли, однако, два различные типа. Вонлярлярский, раструсивший большую часть огромного состояния своей жены в различных фантастических предприятиях, жадно искал новых предприятий, сулящих сказочные барыши. Умением вести коммерческие предприятия он не обладал вовсе, — его заменяла полнейшая беспринципность и готовность идти на всякие комбинации, в которых, однако, по его неопытности страдательным лицом оказывался в конечном результате он сам. Фантазером, несомненно, был и Безобразов, но стимулом у него служила не жажда наживы, а болезненное самолюбие и неограниченная самоуверенность. Его пленяла роль видного политического деятеля, причем полем своей деятельности он избрал именно Дальний Восток, знатком которого он себя почему-то вообразил.

В ноябре 1897 г., т.е. еще до завладения нами Порт-Артуром и когда мы развивали нашу деятельность в Корее, в Петербург приехал владивостокский купец Бринер с предложением купить у него полученную им от корейского правительства концессию на эксплуатацию обширных, охватывающих всю Северную Корею лесных пространств по рекам Тумен и Ялу. Первоначально Бринер обратился с этим предложением к директору Международного банка небезызвестному советнику в финансовых делах Витте Ротштейну, но с ним ему не удалось совершить эту сделку. В дальнейших поисках покупателя принадлежащей ему концессии Бринер сталкивается с Вонлярлярским, который тотчас же возгорается этим делом:

купить за несколько десятков тысяч рублей концессию на эксплуатацию территории в 5000 квадратных верст, изобилующих неисчерпаемыми естественными богатствами, представляется делом весьма заманчивым. Однако он понимает, что эксплуатация этой территории, находящейся вдали от всяких путей сообщения, требует затраты огромных средств и мыслима лишь в масштабе государственного предприятия. Именно в качестве такового прельщается этим делом А.М. Безобразов, с которым стоваривается по этому делу Вонлярлярский, и посему стремится заинтересовать им великих мира сего. Ему удается привлечь внимание в общем несклонного заниматься подобными вопросами бывшего министра двора гр. И.И.Воронцова-Дашкова, а также легко увлекающегося великого князя Александра Михайловича.

Увлеченный своей богатой фантазией, Безобразов составляет по этому делу обширную записку, которую ему удастся через гр. Воронцова представить царю. В этой записке Безобразов стремится убедить Николая II приобрести концессию Бринера в личную собственность и тут же развивает обширный план ее использования. Происходит все это в марте 1898 г., т.е. как раз в то время, когда идут переговоры с Китаем об уступке нам Квантунской области с Порт-Артуром. Осведомленный об этих переговорах Безобразов в ярких красках рисует значение предлагаемой концессии в смысле превращения ее в живую связь между нашими дальневосточными владениями (Уссурийским краем) и вновь присоединяемую к империи областью.

Исходя из того положения, что приобретший концессию получает право на проведение по ней железнодорожных и телеграфных линий, Безобразов стремится прельстить государя мыслью о проведении железнодорожного пути через концессионную территорию в видах соединения наших дальневосточных владений с тем самым Порт-Артуром, к овладению которым государь в то время стремится. Линия эта должна



была при этих условиях захватить лишь в малом своем протяжении Северную Маньчжурию, где она, по мысли Безобразова, должна была пройти через Гирин.

За это предложение, коль скоро останавливались на решении соединить рельсовым путем метрополию с Печилийским заливом, можно было привести в то время веские доводы.

Действительно, выбор того или иного направления железнодорожного пути, соединяющего наши дальневосточные владения с Порт-Артуром, предreshал всю нашу дальнейшую политику по отношению к народам желтой расы. Надо было в то время решить основной вопрос, а именно с интересами которой из двух держав — Китая или Японии — мы не будем считаться при установлении сухопутной связи Порт-Артура с метрополией, так как без нарушения интересов одной из них мы этой связи создать не могли. Правительство, в лице министров военного и иностранных дел, а в особенности министра финансов Витте, полагало, что для нас выгоднее не считаться с интересами слабого Китая, и потому остановилось на мысли провести железную дорогу через Маньчжурию. Интересы Японии, таким образом, нами не задевались, так как, по мнению названных министров, сосредотачивались они в Корее и ею ограничивались.

Безобразов был другого мнения. Он утверждал, что проведение нами рельсового пути по всей Маньчжурии, втягивая в сферу нашего влияния ее богатую южную часть, столь же неприемлемо для Японии, как и завладение нами на тех или иных основаниях Северной Кореей. Иначе говоря, Безобразов полагал, что установить сухопутную связь Сибири с Порт-Артуром без вызова к нам враждебных чувств не только в Китае, но и со стороны Японии мы вообще не можем. При таких условиях задача наша, по мнению Безобразова, сводилась к тому, чтобы провести предположенный железнодорожный путь по той местности, которую можно всего легче защищать от нападения Японии, и притом с наименьшим наруше-

нием интересов Китая. Подобной местностью в его представлении являлась Северная Корея и именно та ее обширная часть, концессию на которую можно было легко приобрести. Горный хребет, отделяющий бассейны рек Ялу и Тумен в северо-восточной его части от Японского моря, в средней части от Корейского полуострова, а в юго-западной от Желтого моря, представлял естественную защиту концессионной территории от Японии в случае появления ее войск в Южной Корее. Хребет этот являлся, таким образом, первоклассной линией стратегической обороны почти по всему протяжению предполагаемой дороги в случае ее проведения в проектированном им направлении. Особенное значение придавал Безобразов при этом юго-западной части Северной Кореи, прилегающей к Ляодунскому полуострову. Здесь имеется горный проход, дающий легкий доступ из расположенной у Печилийской бухты приморской части Северной Кореи в занятую нами Квантунскую область. Занятием этого прохода мы будто бы совершенно преграждали пути японским войскам по направлению к Порт-Артуру. Что же касается Китая, то мы при таком направлении железной дороги проводили ее лишь в незначительной части Северной Маньчжурии, а посему Небесную империю не озлобляли. Одновременно он утверждал, что без усиления нашей военной мощи на Дальнем Востоке мы вообще не в состоянии охранить сухопутную связь Сибири с Порт-Артуром, ни со стороны Китая, ни со стороны Японии.

Весьма возможно, что в этом последнем отношении Безобразов был прав, но это должно было привести лишь к одному заключению, а именно, что мы вообще не в состоянии распространить нашего владычества ни на Маньчжурию, ни на Корею. Независимо от того, что значительное увеличение численности нашей армии было нам не по средствам, не соответствуя нашей экономической мощи, мы ее там фактически держать не могли. Действительно, откуда бы мы взяли достаточно многочисленный контингент лиц, который бы составил

сколько-нибудь соответствующий своему назначению офицерский состав наших расквартированных в Северной Корее или Маньчжурии войск? Нищенские оклады содержания нашего офицерства в связи с медленностью прохождения военной службы вообще все меньше привлекали сколько-нибудь способных молодых людей на службу в наши армейские части. Но коль скоро служба в них была бы, кроме того, сопряжена с оставлением родины, с жизнью в некультурных условиях азиатского Востока, среди чуждого во всех отношениях населения, за тридевять земель от коренной России, то можно было быть уверенным, что охотники если и найдутся, то лишь такого умственного и морального уровня, который лишает их всякой возможности устроиться в самой России. Спрашивается, чего бы стоили войска, обучение и воспитание которых оказалось бы в таких руках<sup>370</sup>.

Всего этого Безобразов и его присные, среди коих играл видную роль его двоюродный брат капитан 1-го ранга Абаза, совершенно не соображали, ибо вообще не принимали во внимание условий и интересов всей России, взятых в их совокупности, а лишь носились с мечтой о захвате нами новых огромных территорий. Попавшая им на беду корейская концессия совершенно затуманила в этом отношении их воображение. Как бы то ни было, но коль скоро местностью для проведения железнодорожного пути, связывающего Сибирь с

**370** Насколько место расквартирования воинских частей имеет влияние на личный состав их офицерских кадров, мы могли убедиться при переводе в конце 80-х годов наших кавалерийских полков из губернских городов Центральной России в губернии Царства Польского на германскую границу. Перевод этот сопровождался массовым оставлением военной службы офицерами этих полков и последующим понижением культурного уровня их офицерского состава. (Прим. автора)

Порт-Артуром, была избрана Маньчжурия, так жребий был уже брошен: весь дальневосточный расчет должен был быть построен на мирном сговоре с Японией. К этому стремились как Витте, так и министры военный и иностранных дел. Так, уже в апреле 1898 г. мы входим в особое соглашение с Японией, на основании которого уступаем в ее пользу завоеванное нами в Корее положение<sup>371</sup>.

Признав за нею, в силу этого соглашения, преимущественное право на развитие в Корее промышленной и коммерческой деятельности, мы одновременно отзываем из Кореи наши офицерские инструкторские отряды, финансового советника при императоре и даже закрываем учрежденный нами там по форме частный, но фактически состоящий в ведении Министерства финансов Русско-Корейский банк.

Мысль Безобразова о проведении нами железной дороги через Северную Корею становится при таких условиях неосуществимой, и одновременно должна, казалось бы, рушиться и мысль об эксплуатации нами корейской концессии. Неудача, которая поначалу постигла его план, не охладила Безобразова. Он продолжает стремиться играть роль в нашей дальневосточной политике и, в частности, убеждает государя послать на

**371** Заключение нами в 1898 г. соглашение с Кореей, известное под названием Ро-зен-Нисси, по имени тех русского и японского дипломатов, которые его совершили, содержало всего лишь три статьи и отнюдь не отличалось определенностью. Сущность его была изложена во второй статье, гласившей: «Ввиду большого количества японских промышленных и торговых предприятий в Корее и значительного числа японцев, проживающих в этой стране, императорское русское правительство не предпримет никаких мер. могущих препятствовать развитию промышленных и коммерческих сношений между Кореей и Японией». (Прим. автора)

средства Кабинета Его Величества особую экспедицию в территорию концессии Бринера. Экспедиция эта должна выяснить, что представляет в экономическом отношении концессионная площадь, а также какое она может иметь для нас значение в отношении стратегическом. В этих видах в состав экспедиции, состоящей под главенством служащего в Кабинете Его Величества тайного советника Непорожнева включаются два офицера Генерального штаба (впоследствии члены Государственной думы) — Звегинцев и барон Корф (сын Приамурского генерал-губернатора барона А.Н.Корфа). Офицеры эти по возвращении из упомянутой экспедиции вводятся непосредственно к государю. Своими восторженными рассказами о естественных богатствах исследованного ими края, а также о его значении для стратегической обороны (они привезли его подробную топографическую съемку) от Японии захваченной нами Маньчжурии они возбуждают живейший интерес Николая II. Горячо, разумеется, поддерживает этот интерес Безобразов. В результате 11 мая 1900 г. концессия Бринера приобретает на имя Непорожнева на личные средства государя за весьма, впрочем, скромную сумму в 65 тысяч рублей.

Впоследствии утверждали, что цель приобретения этой концессии состояла в извлечении из нее крупных денежных барышей. В отношении к государю такое утверждение просто нелепо: русскому самодержцу не было никакой надобности прибегать к таким сложным средствам для увеличения своего личного богатства, если даже допустить, что он вообще мог питать такие намерения<sup>372</sup>.

**372** Насколько русские цари, а в том числе и Николай II, мало заботились о накоплении личных денежных средств, вполне выяснилось после революции 1917 г., когда оказалось, что царская семья не владела никакими капиталами, находящимися вне пределов России. (Прим. автора)

Вопреки тому, что многие утверждали, не преследовал, как я уже упомянул, корыстных целей и Безобразов. Он был фантазер, одержимый манией величия, роль царского советника прельщала его честолюбие, а возможность влияния на кардинальные вопросы государственной политики дурманила его слабую голову и окончательно скрывала от него общее положение страны за преследуемой им химерой владычества России едва ли не во всей Азии. Приблизительно таким же человеком был и его alter ego<sup>373</sup> А.М.Абаза, сам по себе личность вполне порядочная, но и весьма ограниченная. Убежденные, что завладение бассейнами Тумена и Ялу обеспечит нам оборону от неминуемого, по их мнению, нападения японцев, они одновременно видели в Северной Корее обширное поле для применения русской промышленности. Мечтали при этом идти по следам Англии, которая на плечах своих пионеров и при содействии своих капиталов, промышленности и торговли завладела таким путем многими из своих наиболее лакомых колоний. Упустили лишь из виду существенную разницу между нами и Англией. Последняя захватывала новые территории своей органической силой, теми избытками в людской энергии и в денежных средствах, которыми обладала метрополия. Само государство шло лишь следом за этой органической силой; оно лишь закрепляло за собою то, что уже фактически было захвачено его подданными. В ином или, вернее, обратном положении находилась Россия. У нас не только не было свободных средств и людской предприимчивости, а, наоборот, острый недостаток тех и других даже для удовлетворения наших внутренних потребностей в них. Приток к нам иностранных капиталов и иностранной промышленности этим и обуславливается. Сколько-нибудь широкая деятельность в области промышленности вне наших пределов

373 второе я (лат.)

могла быть, при таких условиях, осуществлена нами, во-первых, в явный ущерб использованию наших собственных естественных богатств, а во-вторых, не в путях частной русской предприимчивости, а в порядке государственной или, вернее, правительственной деятельности, осуществляемой не людьми, исключительно действенными и энергичными, и не на частные средства, а на средства казенные и лишь наемными агентами, отдающими свой труд за определенное вознаграждение и лично не заинтересованными в том предприятии, к которому они привлечены.

Словом, здесь мог быть применен только тот старый русский способ действия, последствием которого являлось, по выражению Ключевского, то, что «государство пухло, а народ хирел».

Привлечь русских людей и русский капитал к каким-либо экзотическим предприятиям было тем более трудно, что именно в ту эпоху, более чем когда-либо, всякий сколько-нибудь толковый и нравственно устойчивый русский человек мог легко устроить свою судьбу и с выгодой пустить в оборот имеющиеся у него средства в самой России<sup>374</sup>. Приходилось поневоле искусственно создавать исключительно выгодные условия для привлечения подходящих людей, притом без всяких гарантий относительно степени их пригодности для работы в тяжелых условиях некультурных стран. Среди них,

374\* В описанную Гурко эпоху государственные и гарантированные государством твердопроцентные ценные бумаги приносили 4.5-5% годовых (от рыночной цены), а диверсифицированный портфель акций надежных предприятий приносил около 7% годовых. На остатки по текущим счетам банки чаще всего начисляли 3% годовых. Соответственно, от любых вложений, требующих инициативы, личных деловых способностей, или же связанных с риском, ожидалась еще большая доходность.

разумеется, могли попадаться лица, ищущие по складу своего характера новых сильных ощущений и вообще более приспособленные к деятельности в ничем не стесняемых первобытных условиях человеческой жизни, нежели в размеренном порядке современной цивилизации. Но такие лица были исключение; большинство же приходило на долю либо мелких авантюристов и искателей легкой наживы, либо неудачников, к упорному труду совершенно не привыкших, к нему неспособных и личными средствами не обладающих.

Таким образом, с точки зрения колониального развития России предприятие на Ялу совершенно не отвечало степени органической силы русского народа.

Наоборот, в политическом отношении предприятие это лишь безмерно усложняло наше международное положение, в особенности на Дальнем Востоке. Вопрос шел, очевидно, не о захвате нами тех или иных стратегических линий обороны от Японии, а о том войске, которое может их защищать. Коль скоро достаточного для этого количества войск у нас не было, нужно было удовольствоваться тем, что мы уже захватили в Маньчжурии, а не стремиться к дальнейшему расширению, в особенности в прямой ущерб интересов Японии в Корее.

Спутало все карты, но одновременно задержало и приобретение корейской концессии внезапно вспыхнувшее в Китае так называемое боксерское движение<sup>375</sup>. В Маньчжурии

375 Народное восстание в Северном Китае против засилья иноземцев в 1899–1901 гг., подготовленное тайным обществом Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»), позднее Ихэтуань («Отряды справедливости и согласия»), было разгромлено войсками Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии. Иностранцы назвали восстание «боксерским».



объектом нападения была линия строящейся Восточно-Китайской дороги и образовавшиеся по ней рабочие поселки.

Движение это было подготовлено самим китайским правительством и несомненно пользовалось его поддержкой, но все же имело характер неорганизованного народного выступления. Коль скоро мы доставили в Маньчжурию сколько-нибудь значительное количество войск, оно было поэтому быстро подавлено, причем больших бед нашим там предприятиям не причинило. В отношении строящейся дороги оно выразилось не столько в разрушении уже законченных ее участков и искусственных сооружений, сколько в уничтожении денежной отчетности по произведенным работам...

В результате боксерское восстание лишь разожгло аппетиты всех наших авантюристов, искавших на Дальнем Востоке удовлетворения кто честолюбия, а кто сребролюбия.

Восстание это, однако, с очевидностью выявило, что наше положение в Маньчжурии отнюдь не безопасное, что к нашему присутствию и к затеянным нами там предприятиям как китайская государственная власть, так и местное население относятся враждебно и что, следовательно, распространять нашу власть и влияние на Дальнем Востоке мы должны с крайнею осторожностью и отнюдь не создавать новых причин озлобления против нас народов желтой расы. У правительства выработался, однако, как раз обратный взгляд, чему, впрочем, способствовала та легкость, с которой мы разгромили боксерские банды. У многих лиц правительственного синклита создалось убеждение, что желтая раса для нас не страшна. Так, невзирая на предостережения, исходящие от лиц, весьма компетентных в этом вопросе, Куропаткин продолжал считать и утверждать, что Япония в военном отношении величина ничтожная. Столь же оптимистичен был и гр. В.Н. Ламздорф, заменивший в июне 1900 г. умершего Муравьева на посту министра иностранных дел.

Значительно правильнее продолжал оценивать с этой стороны обстановку Безобразов. В записках, представленных им различным влиятельным лицам, между прочими и великому князю Александру Михайловичу, он не без основания указывал, что положение наше в Маньчжурии весьма шаткое, но вывод, к которому он приходил, все тот же, а именно увеличение нашей военной мощи на Дальнем Востоке и в первую голову завладение нами в целях стратегической обороны Северной Кореей, иначе говоря, территорией, приобретенной нами в концессию.

В соответствии с этим тотчас после замирения Китая Безобразов, продолжая действовать побочными путями, вновь стремится обратить взоры государя к этому делу, которое именует не иначе как «личное дело моего государя», что, несомненно, усиливает интерес к нему Николая II, не перестающего мечтать о проявлении личной инициативы.

Составляется устав Восточно-Азиатской промышленной компании<sup>376</sup>, причем учредителями показаны В.М.Вонлярлярский, кн. Ф.Ф.Юсупов, гр. В.А.Гендриков, М.А.Серебряков и А.М.Абаза. Государь соглашается на внесение устава в Комитет министров и отдает распоряжение барону Фредериксу приобрести за счет Кабинета на имя капитана 1-го ранга Абазы 200 паев компании. Получив это распоряжение, барон Фредерике

376 Устав Восточно-азиатской промышленной компании был внесен в Комитет министров 5 июня 1900 г. Однако под предлогом восстания в Китае СЮ. Витте удалось добиться разрешения Николая II «не вносить это дело в Комитет, покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке». Только в мае 1903 г., когда Витте оказался в опале, Безобразову и его друзьям удалось утвердить устав Русского лесопромышленного товарищества на Дальнем Востоке (см.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 113, 208).

представляет государю (2 июня 1900 г.) записку, в которой, упомянув про то, что коммерческая прибыльность предприятия представляется весьма сомнительной, подробно развивает то положение, что участие русского царя, хотя бы анонимное, через посредство третьего лица, в русских коммерческих делах, успех коих зависит в значительной степени от действий правительства, совершенно невозможно. Известия об этом могут проникнуть в печать, если не русскую, то заграничную, и, во всяком случае, тайной не останутся. В заключение Фредерике предложил предоставить принять участие в этом деле Министерству финансов.

С своей стороны следом за этим представляет свои соображения царю по этому делу гр. Воронцов. Он, наоборот, настаивает на личном участии царя в этом деле, причем предвидит, что «если не будет явно, что мы работаем для Вас и под Вашим покровительством, то, вероятно, большинство откажется, не желая отдавать свое время и труд на увеличение средств X-а, Y-а или Z-а, при могущих изменяться взглядах гг. министров». Одновременно обращается Воронцов с письмом к Фредериксу, в котором в весьма резких выражениях упрекает его в том, что он тормозит дело государственного значения.

Барон Фредерике, как известно, отличался ограниченными умственными способностями, но одновременно и безукоризненной честностью и рыцарскими свойствами. Внутреннее чутье нередко руководило его действиями, прирожденный инстинкт ему подсказывал, что русскому царю негоже участвовать в коммерческих делах.

Поэтому Фредерике, получив от царя категорическое приказание приобрести на средства Кабинета паи образуемого общества, наотрез отказался от исполнения этого Высочайшего повеления, подав одновременно прошение об увольнении от должности министра двора.

Прошение это Фредерике снабдил изложением тех мотивов, которые его к этому побуждают, — недопустимость для

русского царя участвовать в денежных делах, прибыльность которых зависит от мер государственных, самим царем проводимых, причем прибавлял, что если государю угодно вложить в это дело деньги в виде помощи ему, не связанной ни с какими возможными прибылями, иначе говоря, в виде безвозвратной субсидии, то он, Фредерике, хотя и считает, что это неразумная трата государевых денег, разумеется, не сочтет себя вправе этому препятствовать.

Государь весьма ценил Старика, как он в семейной обстановке звал Фредерикса, а потому внял его убеждениям, отставка Фредерикса не была принята, а царской резолюцией от 5 июля было приказано не вносить это дело в Комитет министров, пока не успокоятся события на Дальнем Востоке. Обстоятельство это, однако, не охладило Безобразова и всячески его поддерживавшего Вонлярлярского.

Не проходит и двух месяцев, как Безобразов вновь напрягает все усилия к учреждению задуманной им компании, причем действует в полном согласии с гр. Воронцовым. 23 июля (1900 г.) он представляет государю новый меморандум, в котором проводит ту основную мысль, что в Маньчжурии и вообще во всем Северном Китае должно всецело господствовать «наше единоличное влияние», причем предусматривается «переселение остальных иноземных влияний в Южный Китай»

— «Куй железо, пока горячо», — пишет Безобразов царю, имея в виду наши успехи в подавлении боксерского движения и ту видимость соглашения по китайскому вопросу, которая выразилась в совместном движении военных отрядов европейских держав на Пекин.

Вновь испытав неудачу и приписывая ее всецело противодействию Витте, Безобразов меняет свою тактику и вместо того, чтобы продолжать вести борьбу путем злобной критики всех его действий, в подаваемых им царю записках он пытается войти с ним в соглашение. Это ему в известной степени, по видимому, удастся. В записке, поданной им Николаю II 23

апреля (1901 г.), он утверждает, что Витте относится к мысли об образовании товарищества сочувственно. Действительно, в июне 1901 г. устав товарищества утверждается Комитетом министров, но учредителями оказываются не прежние лица из придворных сфер, а два подставных лица — Альберт и Крузе. Однако дело от этого не подвигается, ибо товарищество никакими средствами, кроме пожертвованных Кабинетом Его Величества, не обладает и к указанному в уставе времени образования его основного капитала он оказался в размере 20% предусмотренного общего его размера; сумма эта не собирается, а потому товарищество юридически перестает действовать.

Казалось бы, что после всех своих многолетних стараний, неизменно оканчивающихся неудачами, Безобразов должен был бы утратить надежду на успех и отступить от задуманного дела. Да так бы оно, по всей вероятности, и было, если бы не стоявший за ним Вонлярлярский, не переставший надеяться, что при помощи корейской концессии он избегнет грозившего ему окончательного разорения, что в конечном результате в 1907 г., кстати сказать, и произошло. С апреля 1902 г., а именно после назначения министром внутренних дел Плеве, рабочей силой в этом деле является именно он, а Безобразов используется лишь для представления через его посредство записок царю. С Плеве Вонлярлярский находится в весьма оживленных, почти ежедневных, сношениях и, по-видимому, встречает в нем на почве борьбы с Витте деятельную поддержку. В результате Витте сдаётся и в январе 1903 г. открывает на имя Безобразова кредит в два миллиона рублей «на известное Его Императорскому Величеству употребление». Кредит этот ассигнуется частью из 12-миллионного фонда, частью из секретного фонда Русско-Китайского банка, а главным образом (свыше половины) из прибылей иностранного отделения кредитной канцелярии. Таким образом, дело и деньги, на него назначенные, попадают в бесконтрольное распоряжение отдельных лиц, не внесших пока что в него ни одной копейки

собственных денег, причем ведется дилетантски. Зато Безобразов приобретает все большее влияние на ход дела на Дальнем Востоке и, назначенный 6 мая статс-секретарем, превращается в полуофициального докладчика по всем вопросам, до него относящимся.

Это положение пугает решительно всех заинтересованных министров, которые при таком обороте дела предпочитают придать ему законную оформленность. Не препятствуют этому и Безобразов и Ко, так как полученные ими деньги уже на исходе. В результате 31 мая 1903 г. утверждается устав «Русского лесопромышленного общества на Дальнем Востоке», учредителями коего значатся кроме лиц, поименованных при образовании несостоявшейся Восточно-Азиатской промышленной компании, еще гр. А.И.Игнатьев, П.П.Гессе и Н.Г.Матюнин. Были ли вложены в это дело учредителями какие-либо средства, мне неизвестно. Во всяком случае, размер этих средств держался в строгом секрете. Что касается Кабинета Его Величества, то общий размер ассигнованных им на это дело средств в виде безвозвратной субсидии достиг 250 тысяч рублей.

Тотчас по образовании лесопромышленного общества делу разработки леса в устьях Ялу придается государственное значение. Выражается это в том, что в предприятии работают лица, состоящие на государственной службе, но освобожденные от всяких иных занятий и продолжающие тем не менее получать казенное содержание. Мало того, для вооруженной защиты предприятия переводится на самую корейскую границу — в Фынь-Хувно-Чен — читинский казачий полк.

У Безобразова возникает даже мысль образовать солдатские рабочие артели для разделки леса, одетые в китайское платье и имеющие оружие, спрятанное в обозе. Когда это нелепое предположение, по настоянию Куропаткина, отвергается, Безобразов образует такие же артели из ... хунхузов, которые вооружаются казенными ружьями.

Само собою разумеется, что в смысле защиты края полк этот, а тем более хунхузы не имели никакого значения. Получается, таким образом, совершенно невозможное положение. С одной стороны, мы не увеличиваем нашей военной силы, могущей оказать сопротивление натиску Японии, с другой, мы пускаем в ход все средства для того, чтобы окончательно озлобить Японию, внушив ей уверенность, что мы не намереваемся вовсе считаться с соглашением, заключенным с нею в 1898 г. относительно Кореи. Между тем к этому времени мы уже точно знаем, что таким образом мы неизбежно входим в конфликт с теми основными задачами, которые поставила себе Япония.

Действительно, уже в 1900 г. наше дипломатическое представительство в Японии отдавало себе в этом вполне точный отчет. Нашим посланником в Японии был в это время барон Р.Р.Розен, один из весьма образованных и дальновидных наших дипломатов, впоследствии предсказавший, что наш союз с Францией и Англией неминуемо вовлечет нас в войну с Германией последствия которой, даже в случае поражения немцев, будут для нас неблагоприятны. Вот этот барон Розен еще при занятии нами Порт-Артура в 1898 г. убеждал Министерство иностранных дел в необходимости для нас войти в твердое соглашение с Японией по всему дальневосточному вопросу, не ограничиваясь тем кратким и неопределенным актом, который был им совместно с японским министром Нисси подписан.

В те времена престиж России на азиатском Востоке был действительно настолько велик, что Япония соглашалась на весьма большие уступки, лишь бы не войти с нами в столкновение на Азиатском материке и в водах Тихого океана.

К этому вопросу барон Розен возвращался в своих донесениях неоднократно, но с особою настойчивостью развил он свои мысли в конце 1900 г. после того, как японский министр иностранных дел маркиз Ито, осведомившийся о приобрете-

нии нами концессии в Северной Корее и встревоженный тем, что мы ввели в Маньчжурию значительную военную силу, которую несмотря на подавление боксерского движения, по-видимому, не собираемся из нее удалять, вел с ним по этому поводу весьма серьезные разговоры.

Маркиз Ито прямо заявил, что Япония вынуждена перекинуть свое владычество на часть Азиатского материка, так как население ее, вследствие естественного прироста, уже не может безбедно жить в пределах составляющих Японию островов. Такой частью Азиатского материка может быть, говорил Ито, только Корея, и притом преимущественно северная ее часть, так как Корейский полуостров и более южные части Восточно-Азиатского побережья, если не считать уже занятого Россией Ляодунского полуострова, столь густо населены, что о переселении туда японцев речи быть не может. Япония, однако, признает, продолжал Ито, что и Россия имеет существенные интересы в сопредельных с нею на Дальнем Востоке государствах, а потому предлагает ей миролюбиво разделить сферы влияния в этой стране, а именно предоставить ей северо-восточную, прилегающую к Уссурийскому краю, часть расположенной вне полуострова Кореи, с тем чтобы на ее долю досталась юго-западная ее часть, прилегающая к Желтому морю. Иначе говоря, вопрос шел о разделении приобретенной нами корейской концессии с Японией на более или менее равных началах.

При этом маркиз Ито не скрыл от барона Розена, что перед Японией возникает дилемма либо сговориться с Россией и в дружбе с нею владеть восточной частью Тихого океана, либо обратиться к какой-либо иной державе, в союзе с которой явиться противником дальнейшего распространения России на Дальнем Востоке. Такой державой, понятно, являлась Англия, сойтись с которой на почве противодействия России для Японии было тем легче, что Англия не скрывала своих враждебных чувств к России. Барон Розен, проведший в Япо-



нии на различных дипломатических должностях много лет и близко ее изучивший, видел, что Япония развивается с необыкновенною быстротою, а население ее отличается исключительными боевыми качествами. Поддерживал его в этом мнении и бывший тогда военным агентом в Японии полковник Вогак, утверждавший, что японская армия вскоре представит грозную силу.

Розен полагал, что превращать при таких условиях Японию в врага России, врага, которому, очевидно, удастся заручиться в той или иной мере содействием наиболее могущественной морской державы — Англии, для нас нет никакого расчета.

В пространном донесении изложил он свои разговоры с Ито, причем горячо советовал принять условия Японии. Но в это время мысль о завладении нами не только сданной в концессию территорией Кореи, но впоследствии и всей страной уже пустила глубокие корни, причем особенно заманчивой представлялась та ее часть, которая приближается к занятому нами Ляодунскому полуострову. На донесении барона Розена государь положил весьма резкую резолюцию, в том смысле, что он никогда не допустит Японию внедриться в Корею. В результате барон Розен был смещен с поста посланника в Японии и переведен на совершенно второстепенный пост посланника в Баварии, а на его место назначен Извольский. Почти одновременно был перемещен и полковник Вогак в соседний Китай, а взамен его назначен в Японию полковник Ванновский, сыгравший в нашей дальневосточной аванюре тоже немалую роль. В своих донесениях полковник Ванновский утверждал, что японская армия обладает ничтожной боевой силой и технически совершенно не оборудована. Донесения эти легли в основание того твердого убеждения, которое господствовало почти до самой войны в петербургских прави-

тельстванных кругах, что Япония никогда не осмелится вступить с нами в вооруженную борьбу<sup>377</sup>.

С своей стороны, соответственно начиненный в Петербурге, Извольский, поддерживаемый Ванновским, первоначально, по-видимому, тоже стал на ту точку зрения, что нам нет надобности считаться с японскими притязаниями, так как отстоять их при помощи оружия они не в состоянии. Однако к осени 1901 г. разобрался в истинном положении вещей и Извольский. Возобновивший с ним переговоры маркиз Ито продолжал указывать на необходимость для Японии дать части ее населения выход в ближайшую к ней часть Азиатского материка и необходимость для нее соглашения по этому поводу либо с Россией, либо с Англией.

В этих видах японское правительство в октябре 1902 г. решило послать маркиза Ито в Европу, причем первым его этапом должен был быть Петербург, а вторым, в случае его неу-

**377** Сам Ванновский был настолько убежден в правильности своего взгляда, что уже после начала Японской войны делал в петербургских гостиных частные сообщения, в которых подробно доказывал, что японская армия при первом же столкновении с нашими будет разбита в пух и прах. Я присутствовал на таком несомненно последнем сообщении в доме С.С.Бехтева в апреле 1904 г., а именно в день получения известия в Петербурге о несчастном для нас Тюренченском бое. В то время Главный штаб рассылал некоторым официальным лицам получаемые им телеграммы о ходе военных действий. Вернувшись домой с упомянутого сообщения Ванновского в весьма радужном настроении, так как не имел основания ему не верить, я нашел у себя телеграмму штаба, сообщавшую о потере нами под Тюренченом, если память мне не изменяет, 18 орудий. Известие это облетело Петербург с быстротою молнии и сразу изменило отношение к войне во всех общественных кругах. (Прим. автора)

дачи переговоров с русским правительством, Лондон. Обстоятельство это побудило Извольского обратиться к министру иностранных дел гр. Ламздорфу с подробным и весьма убедительным письмом, в котором он указывал, что для России наступила последняя возможность мирно сговориться с Японией и что при отсутствии такого сговора война с этой державой в более или менее близком будущем станет неизбежной, причем война эта будет тяжелая.

Пока наши дипломатические представители в Японии волновались и били тревогу, Петербург продолжал оставаться в блаженном спокойствии. Не внял Ламздорф предостережению Извольского, не внял и Куропаткин донесениям Вогака, не перестававшего с переводом в Китай следить за нарастанием японской военной силы и доносить, что Япония деятельно готовится к войне и что воинская ее мощь весьма значительна. На одном из таких донесений Куропаткин положил даже весьма резкую резолюцию в том смысле, что Вогак сообщает явный вздор. Объяснялось это, впрочем, тем, что Вогак был в близких отношениях к Безобразову и поддерживал его точку зрения о необходимости увеличить численность наших войск на Дальнем Востоке. Соответственно с этим настроением глав наших дипломатического и военного ведомств прибывший в ноябре 1901 г. в Петербург маркиз Ито был встречен нелюбезно и ни к какому соглашению прийти, конечно, там не мог.

Словом, Петербург в лице не только Витте, но и министров военного и иностранных дел продолжал пребывать в уверенности, что воевать с нами Япония не отважится, а если отважится, то будет легко разбита.

Все эти лица, очевидно, совершенно не оценивали той разницы, которую представлял для нас и для Японии дальневосточный вопрос. Для нас обладание Маньчжурией имело третьестепенное значение, а проникновение в Корею — лишь способ защиты той же Маньчжурии. Оно могло быть оцениваемо только как некоторое колониальное расширение, могущее

быть использовано лишь в более или менее далеком будущем. Для Японии, наоборот, это был вопрос жизненный, и борьба здесь имела характер глубоко национальный. Соответственно этому Япония сосредотачивала на этом вопросе все свое внимание, наше же правительство среди множества иных бесконечно сложных вопросов обращало на него лишь мимо-летное внимание, причем связывало его с той борьбой личных влияний, которая велась вокруг государя. В этом вопросе многих гораздо больше интересовало, кто возьмет верх в той возгоравшейся борьбе, нежели самый исход корейско-маньчжурского предприятия.

Иначе смотрела на соперничество, возникшее между Россией и Японией, Англия. Она сразу поняла ту выгоду, которую она может извлечь из вовлечения России в открытую борьбу с Японией. Ввиду этого приехавший в Лондон из Петербурга маркиз Ито был встречен там с исключительным почетом, и ему не стоило труда войти с английским правительством в соглашение, в силу которого Англия обязывалась помочь Японии своим флотом в случае войны с двумя державами.

Соглашение это, заключенное 30 января 1902 г., обеспечивало Японии в случае войны с Россией, что либо она будет иметь дело с ней одной, либо, если бы Россия заручилась содействием другой державы, например, Франции, она будет иметь союзницу могущественную морскую силу Англии.

Для Японии это обстоятельство было решающим. Опираясь на него, война с Россией в случае дальнейшего ее противодействия японским планам проникновения на Азиатский материк была предрешена уже в начале 1902 г. и составляла, таким образом, лишь вопрос времени.

Соглашение с Англией беспокоило наши правящие сферы. Мы решаемся умерить наши притязания на Дальнем Востоке. Заключенным 26 марта 1902 г. соглашением с Китаем мы обязываемся очистить в годичный срок от наших войск Юж-

ную Маньчжурию, а в 18-месячный срок, т.е. к 26 сентября 1903 г., эвакуировать и всю Северную Маньчжурию.

Принимается это решение вопреки всем стараниям Безобразова, влияние которого в это время не сказывается.

Однако в этом состоянии относительного спокойствия дальневосточный вопрос пребывает лишь до осенних месяцев того же 1902 г., когда вмешательство Безобразова во все дела, касающиеся нашего положения на берегах Тихого океана, вновь принимает весьма решительный характер и даже облекается в фантастические предположения<sup>378</sup>.

Именно с этого момента борьба между министрами и Безобразовым принимает открытый характер. Куропаткин, Витте и Ламздорф объединяются для противодействия влиянию и планам этого авантюриста.

Министры эти, а среди них в особенности Куропаткин, стремятся убедить государя перенести центр внимания с Дальнего Востока на Запад, где уже собирались к тому времени, на

**378** Куропаткин в своем дневнике (помешенном во втором томе издаваемого в советской России «Красного архива») рассказывает об изумительной затее Безобразова, а именно об изобретенном им осенью 1902 г. способе «тайными средствами» действовать в Южной Маньчжурии противно нашим обязательствам (не препятствовать иностранцам развивать Ней их экономическую деятельность). «Я вынудил Безобразова, пишет Куропаткин, высказаться, что же это за тайные средства. По его словам, они должны были заключаться в следующем: Витте и Ламздорф должны открыть всю Южную Маньчжурию иностранцам и иностранным предприятиям. Начальник Квантунской области, адмирал Алексеев, не должен им мешать, но затем должны явиться на сцену послушные нам хунхузы, и предприятия лопаются, люди исчезнут...»(!) (Прим. автора)

почве вечного Македонского вопроса<sup>379</sup>, грозовые тучи. Куропаткин указывает, что наша дальневосточная политика вместе с подавлением боксерского движения обошлась уже в сумму свыше миллиарда рублей, не давши при этом никаких ощутительных выгод, и являлась лишь источником дальнейших расходов и убытков. Так, одна Восточно-Китайская железная дорога приносит нам, считая % на затраченный капитал, свыше 30 миллионов ежегодного убытка, а к этому надо еще присоединить содержание ее охраны, именуемой заамурской пограничной стражей, стоящей свыше 15 миллионов в год<sup>380</sup>.

379 Историческая область Македония в центральной части Балканского полуострова находилась под турецким владычеством с XIV в. В 1875 г. в Македонии вслед за Болгарией началось анти-турецкое восстание. По Сан-Стефанскому миру, завершившему Русско-турецкую войну 1877—1878 гг., Македония должна была войти в состав независимой Болгарии. Однако Берлинский конгресс постановил оставить ее под властью Турции. Решение это способствовало росту национально-освободительного движения, вылившегося в 1903 г. в восстание, жестоко подавленное турецкими властями.

380 В дневнике Куропаткина под 24 августа 1903 г. приведен его разговор с императрицей Александрой Феодоровной относительно Дальнего Востока, бывший в Либаве после царского осмотра Либавской крепости. «Я навел разговор, пишет Куропаткин, на то, что в Либаве в военном отношении мы очень слабы, что денег нет, флота нет, что все теперь берет Дальний Восток и что в этом существует большая опасность. Государыня начала возражать мне с необычайной горячностью, что теперь и надо все силы и средства направлять на Дальний Восток, что там главная опасность, что там может быстро вспыхнуть война, что там мы должны быть особенно сильны во флоте, что потом, года через четыре, когда там все будет готово, можно опять перенести внимание на Запад. Мое замечание, что на Западе для нас зреет и все увеличивается опасность, что если мы отстанем

Мотивы у поименованных лиц для противодействия планам и влияниям Безобразова были, однако, разные. Куропаткин, стремясь к увеличению нашей военной подготовленности на западной границе, желает направить в эту сторону ограниченные средства, которыми располагает военное ведомство, и поэтому противится дальнейшему усилению нашей деятельности на Дальнем Востоке. Витте не желает выпускать из своих рук почти единоличное хозяйничанье во всех созданных им предприятиях в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, причем также стремится по возможности ограничить расходы казны на Дальнем Востоке. Наконец, Ламздорф опасается, что наша шумливая деятельность в Южной Маньчжурии и Северной Корее создаст нам международные осложнения не только с Китаем и Японией, но и с Америкой и Англией. Вырисовывающаяся на горизонте возможность вооруженного столкновения с Японией, хотя на страну эту продолжали смотреть как на силу более или менее ничтожную в боевом отношении, все же смущает правительство. Министерство уверено, однако, что избежать ее можно не увеличением количества наших войск,

от наших соседей, мы будем побиты, что все наши успехи на всех второстепенных театрах ни к чему не приведут. Говорил, что опасаюсь Европейской войны. Государыня выразила уверенность, что до Европейской войны не допустят, что теперь страшно нашествие желтой расы, что ей надо дать отпор и пр. Чувствуя, что здесь я поддержки не найду, я признал себя побежденным и откровенно сказал государыне: «Увы, чувствую, что моя вылазка окончилась полной неудачей». Государыня смеялась, но твердо говорила: «Да, да, тут нет сомнений». Очевидно, государь делился с ней своими разногласиями с министрами. Государь с интересом прислушивался к нашему разговору... После обеда государь, проходя мимо меня, смотрел на меня с торжествующей улыбкой, которая говорила: "Что, не удалось...". (Прим. автора)

расположенных на Дальнем Востоке, а прекращением явно агрессивного по отношению к Японии образа действий. С своей стороны, Безобразов стоит на другой точке зрения, причем убеждается, что один он не в состоянии сломить противодействия министров, и решает искать союзника вне их состава. В качестве такового он намечает начальника Квантунской области адмирала Алексеева.

В этих видах добывается Безобразов командировки в Порт-Артур для выяснения общего положения дел на азиатском Востоке.

Обставляется эта командировка с крайней торжественностью. Едет он туда, окруженный свитой чиновников различных ведомств, конечно, в особом вагоне, и притом снабженный собственноручным письмом государя к Алексееву.

По приезде в Порт-Артур он разыгрывает там роль полномочного посланца монарха, вторгается в распоряжения всех властей, в том числе и местных китайских. Состоит он при этом в личной телеграфной переписке с государем, которая ведется особым шифром. Обеспокоенные сведениями, получаемыми о действиях Безобразова, министры стремятся ограничить его своеволие, но удается это им лишь в малой степени. Что касается Алексеева, то он поначалу как будто несколько встревожен действиями Безобразова, в особенности поскольку они касаются наших отношений с Китаем, но все же высказывает ему большую предупредительность. Между прочим, на уведомления о последовавшем в Петербурге (16 февраля '903 г.) решении эвакуировать Южную Маньчжурию, согласно принятому нами обязательству к 26 марта 1903 г., с переводом расположенных там войск вовнутрь России, Алексей, отчасти ради обеспечения Порт-Артура большей военной силой, но отчасти и ради привлечения к себе расположения Безобразова, отвечает настойчивым ходатайством о передвижении этих войск в Квантунскую область. Ходатайство это, поддерживаемое Безобразовым, получает удовлетворение. Окончательно



прельщает Безобразов Алексеева мыслью о преобразовании управления Квантунской области в наместничество на Дальнем Востоке с подчинением наместнику всех наших войск и предприятий, находящихся в Маньчжурии. Под напором разыгравшегося честолюбия Алексеев поддерживает Безобразова и в вопросе о концессии на Ялу. Самоуверенность и нахальство Безобразова доходят к этому времени вследствие этого до такой степени, что он представляет государю записку под заголовком «Расценка положений», в которой не только доказывает необходимость увеличить численность наших войск на Дальнем Востоке на 35 000 человек, но еще указывает, как их расположить. При этом он совершенно не считается с принятым нами обязательством очистить к 26 марта 1903 г. от наших войск всю Южную Маньчжурию и предполагает даже ввести в Северную Корею конный отряд с горными орудиями в 5000 человек.

Совокупность всех этих действий Безобразова дает возможность Куропаткину и Ламздорфу несколько пошатнуть к нему доверие государя. Напрасно оставленный им в Петербурге в качестве своего защитника Абаза, имея свободный доступ к императору, стремится оправдать все эти действия теми препонами, которые министры ставят на пути осуществления Высочайшей воли в смысле расширения нашей деятельности на Дальнем Востоке. Главную роль в деле развенчания Безобразова в глазах государя играет опять-таки Витте. Своим многочисленным агентам на Дальнем Востоке он дает приказ об его осведомлении о всех действиях и словах Безобразова во время его там пребывания<sup>381</sup>. В руках Витте получается бога-

**381** По-видимому, главный материал для этих донесений доставлял некий Гиршман — главный инженер Восточно-Корейской железной дороги, сумевший втереться в доверие Безобразова и затем аккуратнейшим образом сообщавший Витте о том, что

тейший материал, которым он и орудует в намеченном им направлении. На его основании по указаниям Витте в Министерстве финансов составляют краткие донесения о деятельности Безобразова на Дальнем Востоке, которые затем Витте и представляет государю. В результате государь решает вызвать Безобразова обратно в Петербург и командировать самого Куропаткина в Порт-Артур, «дабы, как он говорит, сгладить следы Безобразова». Для успокоения японского весьма возбужденного против России общественного мнения Куропаткина командируют, кроме того, в Японию. 10 апреля (1903 г.) делается распоряжение об отводе читинского казачьего полка из Фин-Хуан-Чена. Еще ранее того государь собирает нескольких министров, а именно Куропаткина, Витте, Ламздорфа и Плеве, для обсуждения вопроса о дальнейшей судьбе лесного предприятия на Ялу. На совещании этом, состоявшемся 26 марта 1903 г., присутствовал и Абаза. Основным вопросом, предложенным на обсуждение приглашенных министров, было превращение корейского лесного предприятия в действующее, сообразно общим законам, акционерное общество. Вызвано это было тем, что в руках Безобразова и Ко предприятие это поглотило уже все вложенные в него средства. Требуется прилив новых средств, и инициатор дела старается их получить из кассы государственного казначейства, а буде представится возможность, то и от иностранных капиталистов<sup>382</sup>. При этом рисуется им картина будущих от предприя-

тот ему рассказывал. Рассказы же эти отличались смесью фанфаронства и хвастовства на тему его близости к государю и безудержного фантазерства в области будущей роли России на берегах Тихого океана. (Прим. автора)

**382** Был даже момент, когда предприниматели, в особенности Вонлярлярский, по-видимому забыв о тех государственных це-

тия барышей. Так, уже в данном 1903 г. прибыль от него должна составить, по их словам, 5 миллионов рублей, а в будущем 1904 г. достигнуть 10 миллионов рублей<sup>383</sup>.

Примечательно, однако, что весь основной капитал этого общества определяется всего в два миллиона рублей: с этой ничтожной суммой предполагают осуществить, да еще при участии иностранных капиталистов, дело, которое признается его руководителями имеющим русское общегосударственное значение. Был даже момент, когда предприниматели, в особенности Вонлярлярский, по-видимому забыв о тех государственных целях, которые они преследовали, думали привлечь к этому делу японские капиталы.

На совещании 26 марта 1903 г. все приглашенные министры высказывают опасение, что наша деятельность в бассейне Ялу может создать для нас многочисленные международные осложнения; указывается при этом не одна Япония, а и Англия и в особенности Америка.

Относительно Японии Куропаткин говорит, что хотя из войны с нею мы, конечно, выйдем победителями, но что стоить нам эта война будет дорого. Протянется она, вероятно, года полтора, обойдется приблизительно в 700—800 миллионов рублей и потребует с нашей стороны армии в 300 тысяч, потери которой составят примерно от 30 до 35 тысяч человек убитыми и ранеными.

лях, которые они преследовали, думали привлечь к этому делу японские капиталы. (Прим. автора)

**383** На деле в 1903 г. удалось погрузить всего лишь один пароход лесом, добытым на Ялу, а для исполнения заключенных по поставке лесного материала контрактов пришлось приобрести таковой в Америке. В результате вместо прибыли получились, разумеется, крупные убытки. (Прим. автора)

Тем не менее участники совещания не имеют мужества определенно высказаться против всякого продолжения нашей деятельности на Ялу и стремятся лишь к одному, а именно к превращению всей этой деятельности в определенно частное предприятие, отнюдь не поддерживаемое и не защищаемое нашими сухопутными или морскими военными силами.

В соответствии с этим в конечном выводе совещание выражает согласие на образование упомянутого акционерного общества, с тем чтобы деятельность общества носила исключительно коммерческий характер и была ограничена одной разработкой леса. При этом Витте высказывается за то, чтобы во главе общества стояли лица, действительно компетентные в промышленных делах. Совещание допускает, однако, «ограниченное» участие средств государственного казначейства в образуемом обществе, равно как таковое же ограниченное участие иностранных капиталов. Любопытно, что совещание одновременно поручает министрам финансов и иностранных дел постараться получить от китайского правительства концессию на эксплуатацию лесов на левом маньчжурском берегу реки Ялу, с тем чтобы эта концессия была передана тому же образуемому обществу. Делается это по настоянию того же Витте, который в то время как будто еще верил в жизненность и прибыльность корейской концессии. Таким образом, между министрами не обнаруживается разногласия, и если виноват в этом решении Плеве, то, во всяком случае, не в большей степени, нежели главы других ведомств. Но суть дела не в этом. Кроется она в том, что в этот период Витте, убедившись, что для того, чтобы совершенно прекратить всякую нашу деятельность в Корее, он не имеет достаточного влияния, направляет все свои стремления к тому, чтобы поставить эту деятельность на строго коммерческую ногу и отстранить от нее Безобразова. В этих видах он входит в личные сношения с тем из заправил в корейском промышленном предприятии, который ищет в нем исключительно лишь одного — денежной наживы, а

именно с Вонлярлярским, и стремится при его помощи устранить Безобразова от этого дела. При этом Вонлярлярского Витте стремится перетянуть в свой лагерь обещанием, что в случае устранения Безобразова во главу всего предприятия он проведет его. Словом, в данном случае, как и во многих других, он прибегает все к тому же излюбленному способу — подкупу. Перед таким подкупом Вонлярлярский, конечно, бы не устоял, если бы вообще имел возможность содействовать планам Витте и проводить его взгляды. Но этой возможности у него, безусловно, не было, вследствие чего он предпочел использовать сделанные ему Витте недвусмысленные предложения для того, чтобы упрочить свое положение у Безобразова. По возвращении последнего с Дальнего Востока Вонлярлярский рассказывает ему о сделанных ему Витте предложениях, которые затем сообщаются уже самим Безобразовым государю. Сообщение это, разумеется, усиливает недоверие Николая II к Витте и, вероятно, сыграло немалую роль в деле увольнения Витте от должности министра финансов.

Подсказано было упомянутое решение совещания, с одной стороны, несомненно угодливостью министров и их нежеланием решительно высказаться против хорошо им известных намерений самого государя, так и уверенностью, что, в сущности, никакая серьезная опасность на азиатском Востоке нам не угрожает.

Разделяет этот взгляд, несомненно, и Витте, и если он тем не менее противодействует планам Безобразова, то преимущественно в той их части, которая касается увеличения численности наших войск на Дальнем Востоке, так как это сопряжено с новыми значительными расходами казны. Насколько Витте считал, что Япония бессильна вступить с нами в борьбу, видно из того, что он упорно отказывал в кредите, необходимом для сооружения в Порт-Артуре сухого дока, что впоследствии задержало на продолжительное время ремонт наших броненосцев, подорванных японцами в первый день войны. Серьез-

ный ущерб нашей боеспособности на море нанес Витте также и упорным отказом ассигновать средства, необходимые для практического плавания нашей эскадры, сосредоточенной в Порт-Артуре, вследствие чего наш дальневосточный флот вступил в войну без достаточной практической подготовки. Военные суда нашей дальневосточной эскадры вообще составляли не сплоченную в одну боевую единицу эскадру, а отдельные суда, обладающие разною быстротою хода и разной артиллерией, и вообще разнотипные. Отсутствие достаточной совместной подготовки, кроме того, не дало ей никакой практики сосредоточенных боевых действий. Возвращаясь к предприятию на Ялу, надо отметить, что Витте в известной мере, как мы видели, поддерживает и даже стремится распространить его в пределах Маньчжурии.

Таким образом, если признавать, что непосредственной причиной войны с Японией явилась эксплуатация нами лесов поблизости от устьев Ялу, то виновны в этом все министры, участвовавшие в совещании 26 марта 1903 г., а больше других тот же Витте, а отнюдь не Плеве, как это Витте впоследствии повсюду утверждал.

Разногласие во взглядах между министрами произошло месяца полтора спустя, а именно после возвращения Безобразова из Маньчжурии. Приехал он оттуда, как я уже сказал, с планом образования наместничества на Дальнем Востоке. Мысль эта не встретила, разумеется, сочувствия ни у Витте, ни у Ламздорфа. Первый лишился таким образом возможного полноправного распоряжения всем, что им было создано в Маньчжурии, второй отстранялся от непосредственного руководства нашей дальневосточной международной политикой<sup>384</sup>. Иначе смотрел на это Плеве. Его интересы как мини-

384 \* На момент создания наместничества на Дальнем Востоке аналогичных должностей в России не существовало; при этом

стра внутренних дел образование наместничества не нарушало, наоборот, ослабляло значение Витте, что входило в его планы. Таковы, вероятно, были его личные соображения, но побуждали его к тому же и соображения государственные. Путем образования наместничества он надеялся ослабить закулисное влияние Безобразова и сосредоточить в одних руках, или, вернее, в одном органе, всю нашу дальневосточную политику. Действительно, в его представлении образование наместничества было неразрывно связано с учреждением Особого комитета по делам Дальнего Востока, в состав которого вошли бы как министры — Куропаткин, Ламздорф, Витте и он сам, так и Безобразов. Достигались при этом, по мнению Плеве, две цели. С одной стороны, дальневосточная политика не только не миновала бы министра иностранных дел, а, наоборот, обязательно осуществлялась при его ближайшем участии, что в последнее время происходило не всегда, с другой — Безобразов вводился таким путем официально в круг лиц, причастных к делам Дальнего Востока и тем самым делался ответственным за принимаемые по этим делам решения<sup>385</sup>.

имелся большой административный опыт, полученный в эпоху наместничеств на Кавказе (упразднено в 1883) и в Царстве Польском (упразднено в 1874). Пользуясь этим опытом, министры могли приблизительно представить себе будущее взаимодействие с наместником.

**385** Я отчетливо помню, при каких условиях мне это было сказано Плеве. Придя однажды к министру по делу, я встретился у него в приемной с неизвестным мне господином высокого роста и, как мне показалось, несимпатичной наружности, которого Плеве лично провожал. Так как подобную любезность Плеве выказывал лишь в редких случаях, я поинтересовался узнать, кто его посетитель. Получив ответ: «Как, вы его не знаете? Это Мещерский», у меня вырвалось: «Я с подобными господами не

Словом, Плеве надеялся обеспечить нашу дальневосточную политику от закулисных влияний отдельных безответственных лиц. Введенные в состав государственного учреждения, действующего под председательством самого монарха, они лишались возможности тайно нашептывать государю что-либо, касающееся вопросов, подведомственных этому учреждению, выводились, так сказать, на свет Божий и не могли ввиду этого, не стесняясь средствами, представлять свои предположения в исключительно благоприятном для них освещении.

О самом Безобразове Плеве выражался при этом весьма резко, а Абазу почитал за крайне ограниченного человека. Надо сказать, что сила этих людей у государя состояла в том, что оба они были чистые люди, искренно убежденные в пользе для государства своих фантастических планов, а государь в этом отношении, несомненно, обладал исключительною чуткостью.

знаюсь». Отсюда завязался разговор о закулисных влияниях и об отдельных лицах, втершихся в доверие государя, и я позволил себе сказать, что влияния эти проявляются и получают силу потому, что сами министры считают нужным с ними считаться, что если бы гг. министры не обращали на таких господ никакого внимания и решительно отказывались от ведения с ними каких-либо политических бесед, то и влияние их, силою вещей, свелось бы к нулю. Плеве решительно с этим не соглашался и объяснил, что его способ другой, а именно в превращении безответственных советников в лиц официально причастных к делам государственного управления. «Вот, например, Безобразов, — сказал Плеве, — я уверен, что с назначением членом Особого комитета на Дальнем Востоке не только сам он будет относиться к делу иначе, но и значение его слов у государя не будет больше, чем других членов комитета». (Прим. автора)



Официально вопрос о наместничестве был разрешен на совещании, состоявшемся у государя 7 мая 1903 г. вскоре после возвращения Безобразова из Порт-Артура. Участвовали в нем Витте, Ламздорф, Плеве, заменявший Куропаткина, уехавшего к тому времени в Японию, начальник Главного штаба В.В.Сахаров, Безобразов, Абаза и вызванный из Китая для заведования всем лесным предприятием на Ялу генерал Вогак.

Совещание началось с докладов Безобразова и Вогака о нашем положении на Дальнем Востоке. Оба они указывали на нашу чрезвычайную там слабость и настаивали на увеличении количества расположенных там войск. Говорили они также, что Япония деятельно готовится к войне, причем Безобразов доказывал, что для Японии вопрос вовсе не ограничивается Кореей, что для нее присутствие в Маньчжурии столь же недопустимо, как и занятие части Кореи, а потому отход наш за реку Ялу лишь ослабит наше положение, но не предотвратит столкновения с Японией. Избежать этого столкновения можно не уступчивостью, а лишь усилением нашей боеспособности.

С своей стороны, генерал Сахаров сказал, что война с Японией для нас крайне нежелательна и что если ее можно избежать путем отказа от корейской концессии — это необходимо сделать тем более, что занятие нами Северной Кореи не облегчит нам борьбы с Японией. Мнение это поддержал и Витте, заявив, однако, что для определения степени нашей мощи на Дальнем Востоке и необходимости увеличения количества имеющихся там войск надо дожидаться возвращения Куропаткина. Что касается Ламздорфа, почти лишенного дара речи в каком-либо собрании, то он просил разрешения представить свое мнение впоследствии на письме. Содержание его мне неизвестно.

Наконец, Плеве заявил, что доклады Безобразова, а в особенности Вогака рисуют наше положение на Дальнем Востоке в совершенно новом свете. Положение это, очевидно, таково,

что обязывает относиться ко всему происходящему там с сугубою осторожностью. Поэтому ему представляется существенно важным сосредоточить разрешение всех вопросов, касающихся этого отдаленнейшего края, в одних руках и в одном вполне компетентном органе в центре.

Оставив вопрос об усилении нашей военной мощи на Дальнем Востоке открытым до возвращения Куропаткина, государь принял по выслушании всех мнений три решения, а именно:

1. Выяснить те гарантии, которые мы должны потребовать от Китая ранее эвакуации нами, согласно с заключенным 26 марта 1902 г. с этим государством соглашением, всех наших войск из Маньчжурии.

2. Для сосредоточения всех вопросов, касающихся Дальнего Востока, учредить там особое наместничество.

3. Образовать под личным председательством государя Особый комитет по делам Дальнего Востока из министров военного, финансов, иностранных и внутренних дел и статс-секретаря Безобразова, возложив управление делами этого комитета на адмирала Абазу. К обязанности комитета относится разрешение всех главных вопросов, касающихся Дальнего Востока.

Принятые на совещании 7 мая 1903 г. решения, подсказанные Безобразовым, были поддержаны Плеве с лучшими намерениями, но имели они самые нежелательные во всех отношениях последствия.

Начать с того, что положение о наместничестве было выработано лишь к концу июня, а потому опубликование его последовало уже после того, как Япония 15 июля 1903 г. обратилась к России с официальной нотой, в которой предлагала приступить к переговорам по тем вопросам, «по которым интересы обеих держав могут войти в столкновение».

В учреждении наместничества Япония усмотрела недвусмысленный ответ на свое предложение, и это тем более, что другого ответа она до тех пор не получила. Действительно, образование наместничества из Квантунской области и Примурского края, отрезанного от нее всей Маньчжурией, как бы включало эту последнюю в пределы Русского государства. Именно так поняла эту меру Япония, хотя на деле она была вызвана иными соображениями.

Но наиболее роковым последствием учреждения наместничества и Комитета по делам Дальнего Востока явилось то, что вся наша дальневосточная политика всецело выскользнула из ведения правительства и очутилась в руках Алексева, Безобразова и Абазы. Действительно, переговоры с Японией перешли к наместнику, а докладчиком по ним оказался в качестве управляющего делами Комитета по делам Дальнего Востока Абаза, инструктируемый Безобразовым, который, впрочем, иногда лично докладывал дела по комитету государю. Что же касается самого комитета, то он за все восемнадцать месяцев своего существования ни разу не был собран. Словом, Безобразов перехитрил Плеве и, образовав при содействии последнего наместничество и Дальневосточный комитет, использовал эти учреждения для устранения от дел по Дальнему Востоку всех министров, в том числе и самого Плеве, и сосредоточения их всецело в своих руках.

С своей стороны, Плеве был весьма встревожен теми сведениями о нашем положении в Маньчжурии и Порт-Артуре, которые сообщил Вогак на совещании у государя. С нетерпением ожидал он возвращения с Дальнего Востока Куропаткина, рассчитывая от него получить вполне точные, а может быть, и более утешительные данные по этому вопросу.

В последнем он ошибался. Куропаткин вернулся в Петербург сияющий и не стесняясь повсюду заявлял, что о нападении на нас Японии и речи быть не может. Повлиял на него в этом отношении, вероятно, и тот весьма почетный прием,

который ему был оказан в Японии. При этом Куропаткин исходил, однако, не из ложного представления о военной слабости Японии. Наоборот, он с восхищением отзывался о японских войсках, об их выправке, снаряжении, а особенно о тех успехах, которых они достигли за последние годы. Словом, он в полной мере оценивал военные качества японской нации и армии и лишь утверждал, что последняя в численном отношении не может равняться с русской армией и противостоять ей поэтому не в состоянии<sup>386</sup>.

Свой оптимизм Куропаткин закрепил и на бумаге. Во всеподданнейшем докладе о своей поездке на Дальний Восток от 15 октября 1903 г. он утверждал, что Порт-Артур приведен в такое состояние обороны, при котором он совершенно неприступен ни с моря, ни с суши, даже для армии в десять раз сильнейшей, нежели имеющийся в нем гарнизон, что крепость эта снабжена продовольственными и боевыми припасами на годовой срок, что наша дальневосточная эскадра вскоре будет иметь возможность вся сосредоточиться на порт-артурском рейде и что эскадра эта уже ныне может успешно помериться со всем японским боевым флотом.

**386** Надо сказать, что между нашими военными агентами в Японии — сухопутным и морским — было по этому вопросу существенное разногласие. Полковник Самойлов, заменивший Ванновского, высчитывал численный состав японской армии максимально в 350 тысяч, а капитан 1-го ранга Русин утверждал, что Япония может выставить значительно более многочисленную армию, благодаря особой принятой ею системе так называемых скрытых военных кадров (раздвоение существующих полков и иных боевых единиц). Последний, как известно, оказался прав: Япония выставила армию в 800 тысяч человек. (Прим. автора)

Авторитетное и столь категорическое заявление военного министра рассеяло все опасения Плеве, и он перестал даже стремиться принимать личное близкое участие в нашей политике на Дальнем Востоке, что, вероятно, зависело и от того, что едва ли не основная цель, которую он при этом до тех пор преследовал, а именно свалить Витте, с августа 1903 г. уже была им достигнута.

Еще до возвращения Куропаткина в Петербург Безобразов, пожалованный в статс-секретари, получает новую командировку в Порт-Артур, дабы там совместно с Алексеевым выяснить и определить как главные основания, на которых должно быть учреждено наместничество, так и численность войск, которыми мы должны располагать на Дальнем Востоке.

Северную Маньчжурию к тому времени уже решено было не эвакуировать от наших войск.

На совещании по этим вопросам в Порт-Артуре участвует и Куропаткин, нарочно задержанный в Японии до приезда в Порт-Артур Безобразова<sup>387</sup>.

Совещания эти ни к чему определенному не приводят, и дело вновь переносится в Петербург, но зато на них происходит резкое столкновение между Куропаткиным и Безобразовым, выставляющим себя глашатаем царских мыслей и пожеланий. Разыгрывается оно на том же вопросе о разработке

**387** Инцидент этого задержания Куропаткина в Японии не лишен некоторого комизма. Дело в том, что официальный визит Куропаткина закончился и связанная с ним программа была исчерпана. Пришлось выдумать предлог. Остановились на том, что Куропаткин останется на некоторое время в Японии для занятия рыбной ловлей, которой он действительно был большой любитель. Однако японское правительство плохо поверило этому предлогу и смотрело на дальнейшее пребывание Куропаткина с большой подозрительностью. (Прим. автора)

концессионных лесов на реке Ялу. Куропаткин определенно высказывается за ее полное прекращение. Безобразов отстаивает, разумеется, противоположное мнение. Алексеев не высказывается вовсе по этому вопросу, но тотчас после совещания присоединяет свою подпись к телеграмме, посылаемой Куропаткиным в Петербург, в которой последний настойчиво советует отказаться от какой-либо дальнейшей деятельности в Корее. Таким образом, Алексеев, не решаясь высказаться в этом смысле в присутствии Безобразова, все же на деле примыкает к мнению Куропаткина и других министров о необходимости прекратить наши корейские замыслы для избежания войны с Японией, из чего явствует, что сам он войны этой не желает. Честолюбивый царедворец Алексеев, не решающийся открыто и явно выступить против Безобразова и его затей, одновременно, очевидно, переоценивает влияние на государя Безобразова, которому к тому же он считает, что обязан возведением в высокий сан царского наместника.

Вернувшись в столицу, Куропаткин тщетно продолжает с жаром отстаивать то положение, что нам необходимо обратить особое внимание на Запад и остановить наше распространение на Дальнем Востоке, а главное — направить все имеющиеся средства на оборону западной границы, перестать их тратить в отдаленнейшей и пока что чужой окраине и отказаться от эксплуатации корейской концессии.

Увы, советам Куропаткина не внимают. Императрица при разговоре на эту тему с Куропаткиным, который отметил это в своем дневнике, говорит, что защита с Запада — вопрос будущего, а главным вопросом дня является укрепление наше на Дальнем Востоке. Безобразов, наоборот, забирает все большее влияние. Он вторгается уже во всю нашу иностранную политику, доказывает, что предположенное сооружение стратегической Принаревской железной дороги бесцельно и что назначенные на это средства могут быть направлены на Дальний Восток. Мало того, он добивается отмены уже решенных

больших маневров под Варшавой и перевода в Забайкалье, за счет получающейся от этого экономии, двух пехотных бригад из Европейской России. Словом, официальное привлечение Безобразова к политической деятельности не мешает ему проводить свои взгляды, вовсе не считаясь с мнением ответственного синклита.

Однако, повторяю, все же худшим последствием учреждения наместничества является передача дипломатических сношений с Японией и Китаем адмиралу Алексееву.

Начать с того, что изменение принятого порядка международных сношений задело самолюбие Японии и с места лишило переговоры с ней того дружеского характера, которым они до тех пор отличались, хотя надо признать, что и ранее того наше отношение к Японии по временам страдало отсутствием дипломатической корректности, причем проявляли мы иногда недопустимое высокомерие.

Яркой иллюстрацией подобного образа действий может служить следующий случай. Командующему нашей эскадрой на Дальнем Востоке адмиралу Скрыдлову не понравилось, что при посещении судами этой эскадры корейского порта Мозампо туда же появлялись японские военные суда, и он, ничтоже сумняся, телеграфировал управляющему морским министерством адмиралу Тыртову о необходимости прекращения появления японских морских военных сил в этом порте во время нахождения там русских судов.

Это столь же необоснованное, так как порт Мозампо был открыт для судов всех государств, сколь нелепое требование было поддержано Ламздорфом, который и предписал нашему посланнику в Японии предъявить соответствующее требование японскому правительству. Извольский, зная вперед, что требование это не будет исполнено, отказался от его предъявления, на что получил вторичное предписание с указанием, что оно ему передается по Высочайшему повелению. Вынужденный, таким образом, предпринять этот бесцельный по

существо, но вредный для сохранения дружественных отношений с Японией шаг, Извольский его поневоле причем, конечно, ничего не достиг. В особенности же почувствовала себя Япония оскорбленной, когда на вопрос, обращенный ее послом в Петербурге, Мотоно, к министру иностранных дел Ламздорфу относительно некоторых условий, предъявленных Японии наместником, он получил в ответ, что он, Ламздорф, ничего по этому поводу сказать не может, так как весь вопрос соглашения с Японией передан всецело адмиралу Алексееву.

Смысл существования японского посланника при русском правительстве, таким образом, исчезал совершенно, что и не преминул заметить Мотоно. Все эти инциденты, разумеется, обостряли наши отношения с Японией, невзирая на все старания вновь назначенного в Японию на пост посланника барона Розена.

Обострение это произошло, между прочим, и вследствие того, что наши ответы на предложения Японии давались лишь по прошествии весьма длительного срока. Дело в том, что дипломатические сношения с Японией были лишь формально переданы наместнику, фактически они происходили не иначе как при ближайшем участии Петербурга, но не в лице министра иностранных дел, а в лице управляющего делами дальневосточного комитета, произведенного к тому времени в адмиралы А.М.Абазы. Порядок этот обуславливал крайнюю медленность с нашей стороны в сношениях с Японией. Между тем японцы усматривали в этой медленности желание России оттянуть окончательное выявление своих намерений с целью увеличить тем временем свою боеспособность на Дальнем Востоке и отсюда приходили к заключению, что Россия решила разругать спорные вопросы силою оружия.

В этом убеждении Япония тем более укреплялась, что некоторые меры в направлении увеличения наших боевых сил на Дальнем Востоке действительно принимались. Так, решено было сформировать еще четыре стрелковых батальона для



усиления ими гарнизона Владивостока, а в ноябре 1903 г. Алексеев, придравшись к какому-то инциденту, вновь занял наши войсками Мукден, т.е. часть Южной Маньчжурии. Меры эти, конечно, становились известны японцам, и поэтому, хотя в дальнейших переговорах мы и стали проявлять большую уступчивость, не соглашаясь, однако, всецело на японские условия, японцы продолжали усматривать в этой уступчивости определенное желание оттянуть время для вящей подготовки к войне.

Несколько загадочным является положение, занятое в эту пору Алексеевым. Доподлинно зная к половине 1903 г., что Япония лихорадочно готовится к войне, он, однако, никаких решительных мер к ее предотвращению не принимает.

Действительно, недостатка в сведениях по этому вопросу у нас нет. Так, в половине августа 1903 г. наш военный агент в Японии полковник Самойлов доносил, что можно ожидать открытия военных действий Японией в ближайшие дни. Более осторожный в своих донесениях капитан Русин с своей стороны вполне подтверждает, что Япония безусловно готовится к войне. В том же августе он сообщает, что из объезда японских портов он убедился, что транспортов для отправки войск на Азиатский материк Япония пока еще не заготавливает, так как не накапливает в своих портах необходимого для сего количества коммерческих судов. В другом донесении Русин сообщает, что по имеющимся у него сведениям Япония намерена открыть военные действия в последние числа января (1904 г.) внезапным нападением на наш флот, что впоследствии, как известно, и оправдалось.

По получении этих сведений в Петербурге, Алексееву было предписано проявить большую предупредительность и даже уступчивость по отношению к Японии.

В особенности встревожилось наше правительство и сам государь, когда Алексеев в половине сентября (1903 г.) телеграфировал непосредственно на высочайшее имя, что по его

сведениям японцы собираются высадить десант в Чемульпо или в устьях Ялу и что он намерен в таком случае «оказать противодействие открытой силой на море высадке дальнейших эшелонов», иначе говоря, напасть на японский флот.

На телеграмму эту государь тотчас ответил Алексееву, что он не желает войны с Японией и войны этой не допустит. «Примите все меры, чтобы войны этой не было» — так заканчивалась телеграмма царя.

Как разобраться в этих противоречиях? Как примирить воинственные замыслы Алексеева, столь ясно выраженные в его телеграмме Николаю II, и стремление устранить повод к войне отказом от корейской концессии? Лица, близко стоявшие к Алексееву, хорошо его знавшие и притом вовсе его не идеализировавшие, доказывали мне, что Алексей — честолюбивый Царедворец — первоначально избегал противоречить Безобразову, через которого надеялся достигнуть высокого звания царского наместника, но, коль скоро он этой цели достиг, его единственным желанием являлось сохранение своего положения, подвергать которое случайностям войны вовсе не входило в его намерения. Алексей, говорили эти лица, вполне сознавал, что война с Японией дело нешуточное; близость к Японии и множество получаемых оттуда сведений и донесений давали Алексееву полную картину японской боеспособности. Но Алексей, как и многие другие, был уверен, что и Япония опасается боевого столкновения с нами и идет лишь до тех пределов, которые не приведут ее неминуемо к войне.

На телеграмму, посланную им государю, Алексей, по-видимому, смотрел как на способ запугать Японию и поэтому телеграммы свои, косвенными путями, доводил до сведения Японии.

Действительно, если мы не хотели войны с Японией, то первоначально и в течение довольно длительного срока не желала ее и Япония, вполне постигавшая, что мощь России в

общем и целом — огромная. Знал это, разумеется, и Алексеев и воспринял образ действия, рекомендованный Безобразовым, а именно запугивание. Полагал он, по словам моих собеседников, что если Япония будет убеждена, что при первой высадке ее войск на Азиатский материк Россия на нее немедленно нападет, то она от мысли о высадке откажется.

Приблизительно к половине декабря положение наших переговоров с Японией было следующее: Япония желала, чтобы мы ей уступили всю Корею и, кроме того, установили пятидесятиверстную нейтральную полосу по обе стороны маньчжурско-корейской границы. Мы же, по настоянию Безобразова, поддерживаемого в этом отношении Алексеевым, соглашались уступить Японии Корею лишь до 39-й параллели, т.е. с сохранением за нами устьев Ялу и, следовательно, всей территории концессии.

Совершенно иначе смотрели на это члены правительства. Куропаткин в записке, представленной государю в октябре 1903 г., настаивал на том, чтобы мы ограничились занятием Северной Маньчжурии, причем допускал даже возвращение Китаю, взамен этой области, всего Ляодунского полуострова вместе с Порт-Артуром, при условии уплаты нам Китаем определенной суммы за возведенные там сооружения. Копию своей записки он сообщил Плеве (а может быть, и другим министрам), который к ней всецело присоединился. Того же мнения было и Министерство иностранных дел. С своей стороны, барон Розен признавал наиболее целесообразным принятие японских условий, а именно уступку всей Кореи Японии, при условии занятия нами всей Маньчжурии.

По этому вопросу 15 декабря 1903 г. у государя было вновь совещание, на котором участвовал великий князь Алексей Александрович, министры Ламздорф и Куропаткин и управляющий делами Комитета по Дальнему Востоку Абаза. Совещание это единогласно признало, что переговоры с Японией необходимо продолжать. Государь при этом вновь сказал:

«Война безусловно невозможна» — и прибавил: «Время — лучший союзник России. Каждый год ее усиливает». Тем не менее полного согласия на японские условия мы не выражали, а продолжали уступать по мелочам, весьма растягивая переговоры.

Так продолжалось до самого отзыва японцами 25 января 1904 г. своей миссии из Петербурга. Мы продолжали принимать некоторые меры к усилению нашей военной мощи на Дальнем Востоке, впрочем, преимущественно на бумаге, продолжая одновременно уступать японцам по разным мелким вопросам, продолжали не желать войны и тем не менее отставлять часть Северной Кореи, а также противиться укреплению японцами Корейского пролива на корейском берегу. Решено было не признавать за *casus belli*<sup>388</sup>, если японцы высадят свои войска в Южной Корее, но не допускать их высадки в Северной. Продолжали мы в особенности быть уверенными в огромном превосходстве нашего флота над японским и потому не допускали и мысли, что японцы сами на нас нападут на море.

Однако когда 25 января Япония заявила о прекращении дипломатических сношений с нами, государь вновь собрал у себя совещание заинтересованных министров, которое пришло к единогласному решению о выражении согласия на все японские условия, о чем соответствующая телеграмма и была послана барону Розену. Но было уже поздно. К этому времени раздражение Японии по отношению к нам было уже настолько велико, а воинственное настроение японцев достигло таких пределов, что японское правительство, быть может полагавшее, что выраженное нами согласие лишь уловка для оттяжки времени с целью увеличения тем временем наших боевых сил на Дальнем Востоке и что при подписании самого соглашения

388 повод к войне (лат.).

мы найдем какие-либо новые причины для отказа от согласия на ее условия, задержало телеграмму, посланную Розену, а тем временем произвело внезапное нападение миноносцами на наш флот в порт-артурском рейде.

Это запоздалое согласие наше на японские условия бесспорно доказывает, что войны с Японией мы отнюдь не желали.

Уверенность, что войны с Японией не будет, к январю месяца, по-видимому, укрепились вполне и у Алексеева. По крайней мере, намерение напасть самому на японский флот в случае высадки им войск в Южной Корее он уже окончательно оставил, убедившись к тому времени в полной мере, что государь войны, безусловно, не желает. Мысль же, что Япония сама нам объявит войну, ему была, по-видимому, совсем чужда. Действительно, приблизительно до конца декабря наш флот был начеку и принимал меры предосторожности на случай внезапного нападения японского флота. О возможности такого нападения еще в сентябре предупреждал Алексеева наш морской агент в Японии, капитан 1-го ранга Русин. Но с начала января меры эти были понемногу отменены. Результат общеизвестен: наши лучшие суда — броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» — были подорваны и надолго выведены из строя, а стоявшие у Чемульпо крейсера «Варяг» и «Кореец» хотя со славой, но все же погибли в неравном бою. В сущности, в этот день был предрешен весь ход войны. До него наш флот мог с успехом бороться с японским флотом, после это было почти невозможно.

Надо, впрочем, признать, что Россию в Японской войне, как вообще за последние годы существования старого строя, преследовал какой-то злой рок. Так, совершенно случайно погиб на «Петропавловске» наш единственный выдающийся флотоводец — адмирал Макаров, так, в первом морском бою с эскадрой адмирала Того мы, признав себя разбитыми, повернули наши суда обратно в порт-артурский рейд как раз в тот

момент, когда командир вражеской эскадры дал с своей стороны сигнал, к отступлению, сигнал тотчас же отмененный при виде отхода нашей эскадры. Решительно то же самое произошло в сражении при Лаояне. Наконец, в сражении при Мукдене нанесла нам громадный вред песчаная буря, дувшая в лицо нашим войскам.

Где же в конечном счете кроется причина войны с Японией и на ком лежит ответственность за ее возникновение?

Решительно все наше правительство было против нее, не желал ее, безусловно, и Николай II, и тем не менее она произошла, безусловно, по нашей вине.

Причина одна и единственная, а именно — твердое и неискоренимое убеждение правящих сфер, что силы наши и тем более наш престиж настолько велики во всем мире, а в особенности в Японии, что мы можем себе позволять любые нарушения даже жизненных интересов этой страны, без малейшего риска вызвать этим войну с нею: «Un drapeau et une sentinelle — le prestige de la Russie fera le reste»<sup>389</sup> — вот что громко провозглашал министр иностранных дел, а думали едва ли не все власть имущие. Война, полагали русские правители, а вместе с ними и Николай II, всецело зависит, в отношении к сравнительно маленькой Японии, от нас и от нашего желания. В основе здесь была опять-таки переоценка наших сил и недооценка как степени значения для Японии Кореи, так в особенности органической и, в частности, военной мощи этой страны.

Наш образ действий, лишенный даже международной корректности, в особенности для государства, предложившего на Гаагской мирной конференции всеобщее разоружение, был тем более недопустим и даже непонятен, что, в сущности, мы

389 «Флаг и часовой - всё остальное делает престиж России» (фр.)

не придавали серьезного значения как водворению Японии в Корею, так даже нашему внедрению в Маньчжурию. Это была ребяческая игра, как ее верно окрестил Витте, совершенно не отдавая себе отчета, что основу ее заложил он сам.

Однако если никто из правительства войны не желал, то это отнюдь не значит, что входящие в его состав лица в ней невиновны, но степень их вины различная.

Распределяя эту вину между лицами, влиявшими на нашу дальневосточную политику, надо еще раз признать, что первым виновником был Витте. Именно он втравил Россию во всю дальневосточную авантюру. Не удостоверившись предварительно в том, насколько проведение нами железнодорожного пути через Маньчжурию, а в особенности учреждение в Южной Маньчжурии ряда промышленных предприятий приемлемо для Китая и даже для Японии, и не только не выяснив, в состоянии ли мы *manu militari*<sup>390</sup> защищать эти предприятия, а, наоборот, систематически отказывая в средствах на усиление нашей военной мощи на Дальнем Востоке, он широкой рукой тратил там русские народные средства, ослабляя там органическую силу России и отвлекая внимание государя и правительства от укрепления нашего положения в Европе. Если бы средства, вложенные в даже нам не принадлежащую Маньчжурию и ни на что нам там не нужные Порт-Артур и порт Дальний, были употреблены в центре государства, то можно смело сказать, что мы бы иначе встретили врага в 1914 г.

Однако непосредственным виновником Японской войны, в течение некоторого времени сознательно обострявшим наши отношения с Японией, был адмирал Алексеев. Вел он эту политику исключительно из личных честолюбивых видов, не

390 Военным путем, т.е. с применением силы (лат.).

без основания решив, что его значение и предоставленная ему власть, даже титул будут тем шире и значительнее, чем больше будет осложняться наше положение в управляемой им области. Вина Алексеева тем более тяжелая, что, допуская разрешение русско-японского спора силою оружия и зная, что решающее значение при этом будет иметь флот, он не приложил никаких усилий к соответственной подготовке его боеспособности и не привлек на Дальний Восток талантливых флотоводцев, сознательно окружая себя бездарностями.

Правда, в последние месяцы перед войной он переменял свой образ действий и, по-видимому, стремился предотвратить вооруженное столкновение с Японией, но было уже поздно. Япония затратила столь большие средства на подготовку к войне и при этом настроила свое общественное мнение столь воинственно, что война превратилась для нее в необходимость.

Между этими двумя людьми — Витте, создавшим условия, которые нас привели к войне, и Алексеевым, своим высокомерием озлобившим японцев, — располагаются остальные причастные к делам Дальнего Востока лица, в большей или меньшей степени виновные в этой войне. Среди них первое место принадлежит Безобразову и его присным.

Виноват Безобразов прежде всего в том, что с легкомыслием безответственного дилетанта, не знакомого в силу своего положения с общими нуждами и состоянием страны, усиленно толкал Россию на Дальний Восток, удовлетворяя тем свое безграничное честолюбие и неудержимое стремление играть видную политическую роль. Но особенная вина его состояла в том, что, сознавая, как он это сам неизменно утверждал, нашу незащищенность в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, а также что одно наше присутствие там разжигает к нам злобу и Китая и Японии и усиленно ввиду этого настаивая на усилении на Дальнем Востоке нашей военной силы, он, невзирая на то что почти ничего в этом отношении не делалось (ибо и сделано



быть не могло), тем не менее, с своей стороны, продолжал действовать в направлении дальнейшего раздражения Японии и тем усиливал ее враждебность к нам. Действительно, если Безобразов понимал, что наша деятельность в Маньчжурии (а следовательно, тем более в Корее) поведет к вооруженному столкновению с Японией, то он, разумеется, должен был одновременно понимать и то, что до доведения нашей военной мощи до такой степени, при которой, по его понятиям, мы могли бы дать успешный отпор японцам, мы должны были умерять эту деятельность и искать миролюбивого выхода из создавшегося положения. Между тем, пока лица из правительственного состава, не верившие в нашу слабость на Дальнем Востоке и, во всяком случае, почитавшие, что в случае боевого столкновения с Японией мы выйдем из него победителями, все же стремились к мирному улажению спорных между Россией и Японией вопросов и соответственно этому советовали быть уступчивыми, Безобразов, везде кричавший о нашей слабости в Маньчжурии и даже в Порт-Артуре, настаивал на резком отпоре всяким японским притязаниям. Его упорные советы не проявлять ни к Японии, ни к Китаю никакой уступчивости, а, наоборот, твердо вести там агрессивную политику сыграли, несомненно, фатальную роль в деле русско-японского конфликта. Следуя именно этим советам, мы усиленно бряцали оружием и потрясали кулаком, не имея, однако, никакого намерения вступить в драку и даже вполне сознавая крайнюю ее нежелательность для нас. И здесь, увы, нет сомнения, что вызван был образ действий Безобразова упорным желанием использовать изобретенную им пресловутую концессию на Ялу, так как единственно чего серьезно добивалась Япония, из числа ее притязаний, на которые мы не выражали согласия, была именно та часть Кореи, где эта концессия находилась. Если тут не были замешаны никакие личные корыстолюбивые цели, то упрямое фантазерство, а в особенности безграничное честолюбие играли зато первенствующую роль, а отнюдь не

забота о русском народном благе и величии России. Если история свяжет имя Безобразова с нашим разфомом на Дальнем Востоке, т.е. с тем событием, которое явилось первым звеном в цепи разнообразных причин, приведших к развалу Русского государства, то едва ли она ошибется<sup>391</sup>.

**391** В статье, помещенной в номере от 25 мая 1923 г. журнала «Le Correspondent» и озаглавленной «Les premières causes de l'effondrement de la Russie - Le conflit Russo-Japanais» («Первопричина крушения России — Русско-японская война» (фр.)), А.М.Безобразов, между прочим, утверждает, что лесное предприятие на Ялу имело не агрессивный, а оборонительный характер. Но спрашивается, что же оно обороняло, если не захват нами чужой территории, на которую простирали претензии другие державы и спор о которой не был еще улажен. Оборона таких захватов является по существу не чем иным, как нападением. Из этой же статьи видно, впрочем, что если бы советы Безобразова были исполнены целиком и в точности, то они все же не избавили бы нас от поражения японцами. Действительно, в записке, представленной 15 июня 1903 г. государю, он указывал, что для того, чтобы наше положение на Дальнем Востоке было достаточно прочным, мы должны иметь в Квантунской области два корпуса численностью в 74 тысячи человек, вдоль Маньчжурской железной дороги 22 тысячи человек, в Уссурийском крае один корпус в 29 тысяч человек и, наконец, в Сибири в резерве 80 тысяч человек, всего, следовательно, армию с ее резервами в 205 тысяч человек. Однако мы впоследствии ввели в Маньчжурию 912 тысяч войска и тем не менее были разбиты. Таким образом, ясно, что даже исчерпывающее исполнение указаний Безобразова нас бы ни от войны, ни от поражения не избавило. Между тем в указанной статье Безобразов стремился доказать, что все несчастье произошло от того, что не следовали его указаниям и советам. Увы, слишком следовали! (Прим. автора)

Нельзя признать невинным и Куропаткина в возникновении Японской войны, но источником его вины была причина иного порядка. Куропаткин сознавал, что при имевшихся у нее средствах Россия не была в состоянии поддерживать свою боевую готовность на ее западной европейской границе и одновременно содержать многочисленную армию, действующую с завоевательными целями против Китая и Японии. Поэтому он вполне правильно стремился привлечь внимание государя к западу, с тем чтобы те, в общем недостаточные, средства, которыми располагало военное ведомство даже для защиты России от ее западных соседей, не были еще уменьшены путем их обращения на Дальний Восток. Однако поставить этот вопрос ребром он не решался. Не хватило у него гражданского мужества прямо сказать, что Россия недостаточно сильна, чтобы одновременно сохранить свое положение в Европе и вести завоевательную политику на берегах Тихого океана.

Правда, Куропаткин прилагал все усилия к тому, чтобы мы не слишком зарывались в нашей дальневосточной политике, но вместо того, чтобы прямо сказать: «Да, на Дальнем Востоке мы слабы, но сильнее там быть не можем без утраты нами нашего положения в Европе», он говорил, что силы, имеющиеся у нас в Порт-Артуре, Маньчжурии и Приамурской области, достаточны для защиты наших там интересов. Основывался Куропаткин на том положении, что до наших пределов японская армия ранее прибытия необходимых войск из России, во всяком случае, не дойдет. Между тем чем дальше японцы проникнут своим войском в пределы Маньчжурии, тем поражение их, по его мнению, будет решительнее. В результате получилось то, что мы продолжали держать себя вызывающе по отношению к Японии и Китаю без наличия той силы, которая оправдывала бы подобный образ действий. Неоднократные утверждения Куропаткина, что в случае войны с

Японией мы, конечно, победим, без сомнения, влияли на государя и обуславливали принимаемые им решения.

Конечно, Куропаткин был вполне искренен и даже прав, когда утверждал, что Япония не в силах тягаться с Россией, но имел он при этом в виду всю русскую военную мощь, хотя вполне сознавал, что направить ее целиком против Японии, тем самым обнажив нашу западную границу, мы не можем. Вообще, оптимизм Куропаткина относительно того, что войны со стороны Японии нам нечего опасаться, непонятен. Заменивший Ванновского на должности военного агента в Японии Самойлов упорно утверждал, что Япония лихорадочно готовится к войне и накапливает против нас огромную боевую силу. Между тем оптимизм этот Куропаткин проявил не только до начала военных действий, но и после их открытия. До того дня, когда он был сам назначен командующим Маньчжурской армией, он продолжал утверждать, что война с Японией не потребует значительного напряжения с нашей стороны, и отказывал в отправлении в Маньчжурию части войск, расположенных на нашей австро-германской границе. Однако, тотчас по возложении на него ведения военных действий, он резко изменил свой взгляд и потребовал отсылки на Дальний Восток почти всей нашей лучшей артиллерии, сосредоточенной именно на западной границе.

Уверенность Куропаткина в полном разгроме нами Японии с особой яркостью сказалась в представленном им государю, уже после назначения командующим Маньчжурской армией, плане японской кампании. В этом плане, указав, что первый период войны должен сводиться у нас к завлечению Японии как можно глубже в пределы Маньчжурии, избегая сколько-нибудь решительных действий впредь до сосредоточения нами на Дальнем Востоке вполне достаточных сил, он далее говорил, что второй период несомненно должен свестись к одному или двум решительным поражениям японских войск,

вслед за которыми мы должны произвести десант в самой Японии и окончить войну пленением Микадо<sup>392</sup>.

Таким образом, главная вина Куропаткина состоит в том, что он не только не представлял государю в истинном свете степень нашей военной мощи, а, наоборот, поддерживал уверенность Николая II в нашем общем беспредельном могуществе, но говорил он это вполне искренно.

Между тем об этом могуществе у государя было вообще преувеличенное представление. Происходило это, быть может, также вследствие его путешествия через всю империю из Владивостока до Петербурга, когда он в течение многих недель, так как путешествие по Сибири было совершено на лошадях, ехал по безграничным пространствам Российского государства. Огромность территории страны, а также общей численности ее населения настолько поражали воображение, что за ними скрывалась и малая наша культурность, и хозяйственная бедность, и техническая отсталость, и недостаточная отточенность нашего оружия<sup>393</sup>.

392 Титул микадо (буквально — высокие врата), которым обычно пользовались иностранцы для обозначения японского императора, сами японцы употребляют только в поэтических текстах и особо торжественных случаях (см.: Япония и ее обитатели. СПб., 1904. С. ПО). В 1867—1912 гг. японский престол занимал император Муцухито.

393 Ярким образчиком уверенности государя в легкости победы над Японией могут служить слова, сказанные императрицей Александрой Феодоровной моей покойной матери, представлявшей государыне в самом начале Японской войны. В то время было спешно приступлено к сооружению Кругобайкальской железной дороги взамен паромной переправы поездов через озеро Байкал. Для личного наблюдения за производством работ по сооружению этой дороги отправился на место министр путей сообщения кн. Хилков. Матушка моя в разговоре с

Наконец, наименее виновны в Русско-японской войне те лица, на которых общественное мнение вину эту почти целиком возлагало, а именно наше дипломатическое представительство в Японии и Плеве.

На наших посланников в Японии обвинения по поводу этой войны сыпались градом, между тем именно они первые указали на необходимость мирного улажения тех вопросов, по которым наша дальневосточная политика резко противоречила жизненным интересам Японии. Значительно был виноват министр иностранных дел, однако лишь в том отношении, что не сумел настоять на том, чтобы было вполне выяснено, что именно мы считаем для нас существенно важным на Дальнем Востоке. Действительно, еще накануне войны мы не определили с исчерпывающей полнотой и ясностью, что именно мы преследуем на Дальнем Востоке и в чем состоят наши дальнейшие намерения по отношению к Маньчжурии и Корее. От этого и произошло то, что в Петербурге одни лица центрального правительства стояли за занятие нами всей Маньчжурии, а также части Северной Кореи, а другие — за ограничение наших пожеланий одной лишь Северной Маньчжурией, причем некоторые из них, в том числе Куропаткин, соглашались даже вернуть Китаю Порт-Артур и всю Квантунскую область, тогда как наш посланник в Японии стоял за предоставление Японии всей Кореи с тем, чтобы нам была предоставлена вся Маньчжурия, наконец, наш посланник в Китае Лессар стоял за очищение нами всей Маньчжурии, в том числе и Северной. Эта неопределенность даже тех основных целей, которые мы

государыней выразила надежду, что кн. Хилкову. благодаря его энергии, удастся исполнить эту важную задачу в короткий срок, на что императрица ответила: «*Mais il n'aura pas le temps d'y arriver, que la guerre sera terminee*» («Он не успеет туда доехать, как война закончится» (фр.)). (Прим. автора).

преследовали, также пагубно отразилась на ходе наших переговоров с Японией. Дотошные во всем, что они предпринимают, японцы не могли себе представить, чтобы мы не преследовали вполне определенных, заранее намеченных целей во всех наших дальневосточных начинаниях, и поэтому те колебания, которые мы проявляли при переговорах с ними, естественно считали за уловки, продиктованные желанием закончить наши военные приготовления ранее, чем раскрыть наши карты, для них очевидно неприемлемые. Естественно, что японцы предпочли при таких условиях не откладывать войны, а начать ее самим и тотчас.

Наконец, вина Плеве состоит в том, что он совершенно против своего желания сыграл в руку Безобразова, поддержав его в вопросе об учреждении наместничества и Комитета по делам Дальнего Востока. В его представлении мера эта должна была привести к уменьшению влияния Безобразова и к передаче всех вопросов, связанных с предприятиями на Ялу, на совместное обсуждение представителей всех заинтересованных ведомств. На деле получилось обратное, чего предвидеть Плеве не мог. Но отсюда до приписывания Плеве желания втянуть Россию в войну с Японией весьма далеко. Наоборот, войны этой он, как и все прочие министры и, конечно, и сам государь, определенно не желал. Влиять на принимаемые до возникновения войны меры Плеве к тому же и фактически не мог. На два последних совещания, бывших у государя по этому вопросу, а именно 15 декабря 1903 г. и 25 января 1904 г., в которых участвовали великий князь Алексей Александрович, Куропаткин и Ламздорф, Плеве даже не был приглашен.

## Глава 2. Попытки власти достигнуть примирения с общественностью

Открывшаяся с убийством Плеве вакансия министра внутренних дел вновь возбудила честолюбие тех, которые считали, что имеют право или шансы занять эту должность. Встрепенулись одновременно и те два лагеря, на которые делилась тогда высшая бюрократия и придворные круги, и пустили в ход все имевшиеся у них средства и влияние для убеждения государя, одни, что необходимо стойко продолжать политический курс, проводившийся покойным министром, другие, что немислимо следовать дальше по пути, поднявшему едва ли не всю мыслящую Россию на дыбы. Первые указывали при этом, что изменение курса государственного корабля как следствие удачного террористического акта, недопустимо, так как является прямым поощрением революционной деятельности, а другие утверждали, что дальнейшее раздражение общественности, и в особенности во время войны, принимавшей все более неблагоприятный оборот и требующей все большего напряжения национальных сил, — опасно для существующего государственного строя и губительно для благополучного исхода войны.

Среди личных кандидатур самой возможной считалась кандидатура министра юстиции Муравьева, выставлявшаяся и ранее и поддерживаемая великим князем Сергеем Александровичем, причем сам Муравьев почитал свое назначение обеспеченным. Выразилось это, между прочим, в том, что при прибытии государя на одну из панихид по покойном министре Муравьев демонстративно стал во главе собравшихся в одной из зал министерского дома высших чинов Министерства внутренних дел, а во время выноса тела Плеве открыто взял на себя роль руководителя, причем признал целесообразным для обеспечения своей кандидатуры подчеркнуть, что он будет продолжать политику насильственно устранившегося министра. Однако тем временем работали в свою пользу и другие лица из того же консервативного лагеря, стремясь достигнуть назначе-



ния иными, окружными путями; к ним принадлежал директор департамента общих дел Министерства внутренних дел Б.В.Штюмер, сумевший втереться в доверие гр. С.Д.Шереметева, человека, очень близкого ко двору. Мечтал, несомненно, о своем назначении и временно управлявший министерством П.Н.Дурново, но он лишен был возможности деятельно продвигать свою кандидатуру, так как главная его опора того времени — Витте не пользовался благоволением свыше и к тому же находился вне Петербурга, на Кавказе.

Первоначально взяло верх течение консервативное: состоялся Высочайший указ о назначении Штюмера, но торжество его было мимолетное; указ этот ранее его опубликования был истребован обратно из собственной Его Величества канцелярии, через которую все подобные указы проходили.

Перемена произошла под влиянием императрицы Марии Феодоровны, никогда не сочувствовавшей жесткой политике Плеве и вообще неизменно высказывавшейся за благожелательное отношение как к общественным элементам вообще, так, в частности, к населяющим окраины государства нерусским народностям. Особым благоволением государыни пользовались при этом поляки, имевшие в лице своей высшей знати доступ к императрице и неизменно стремившиеся использовать его в своих национальных целях. Преимущественно на этой почве возникла кандидатура на пост министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского, бывшего в то время виленским генерал-губернатором и привлекшего симпатии польского населения края.

По городским слухам, государыня для проведения своего кандидата прибегла к содействию Е.Г.Милашевич, по первому мужу Шереметевой, дочери великой княгини Марии Николаевны от ее морганатического брака с гр. Г.Г.Строгановым. Господю Милашевич государь знал с детства, был с нею дружен и, ценя ее ум, охотно вел с нею беседы на политические те-

мы<sup>394</sup>. Вот эту госпожу Милашевич императрица позвала к себе завтракать, пригласив одновременно и государя. В городе потом рассказывали, что Е.Г.Милашевич при этом свидании с государем нарисовала ему настроение, вызванное даже в умеренных, преданных существующему строю кругах политической постоянных репрессий всякого гласного проявления общественных мыслей и чаяний. Одновременно были выставлены результаты иной, мягкой политики кн. Святополк-Мирского по отношению к полякам управляемого им края.

По этой или по каким-либо другим причинам, но государь решил повременить с назначением нового руководителя внутренней политики и переговорить предварительно с кн. Святополк-Мирским. Последний был в отпуску, жил у себя в деревне Харьковской губернии и вовсе не стремился стать преемником Плеве. Вызванный через харьковского губернатора Э.А.Ватаци, лично отправившегося в имение князя, чтобы передать ему царский вызов, кн. Святополк-Мирский, разумеется, немедленно явился в Петербург и был принят государем в Петергофе в Александрийском фермерском дворце, где в то время жила вся царская семья. Во время этого приема кн. Мирский сначала упорно отказывался от предложенного ему государем назначения, ссылаясь на свое слабое здоровье, причем откровенно высказал, что политику Плеве он совершенно не разделяет и что для успешной борьбы с революционным движением необходимо делать строгое различие между подпольными революционными силами и теми общественны-

394\* Весьма близкое знакомство Е.Г.Шереметевой (с следующим браке (1896 год) Милашевич, 1861-1908) с семьей Александра III, и в особенности с императрицей Марией Федоровной, подтверждается многими мемуаристами (А.А.Половцов, С.Д.Шереметев, гр. Вера Клейнмихель).

ми элементами, которые восстают не против всего социального и политического уклада страны, а лишь против произвола правительственной власти.

Государь неизменно усматривал в отказе от принятия видных государственных должностей свидетельство благородства и отсутствие карьеризма у отказывавшихся, да иначе и быть не могло, если принять во внимание ту погоню за этими должностями, которой государь был постоянным свидетелем. Вследствие этого отказ от занятия предлагаемого поста лишь усиливал у государя желание видеть на нем именно данное лицо. С присущим ему личным обаянием, основанным главным образом на чарующей простоте обращения, государь настоял на принятии кн. Мирским должности министра внутренних дел. Поколебленный в правильности взглядов Плеве, государь утвердил при этом в принципе и программу кн. Мирского, а закончил беседу словами: «А теперь пойдите в коттедж; там будут очень довольны, что вы приняли должность министра внутренних дел». «Коттедж» был одним из дворцов, расположенных в собственной Его Величества даче «Александрия»<sup>395</sup>, и в нем в то время жила императрица Мария Феодоровна.

Но что же, собственно, представлял из себя новый руководитель внутренней политики государства?

Едва ли не отличительной его чертой было желание жить со всеми в мире и чувствовать себя окруженным благожелательной атмосферой. Нельзя сказать, что кн. Мирский искал при этом популярности. Он просто по основному свойству своего характера не только не был склонен к принятию каких-либо и кого-либо раздражающих мер, но вообще был совер-

395\* «Александрия» является частью дворцово-паркового ансамбля Петергофа.

шенно лишен того, что французы называют «le roigne»<sup>396</sup>. Вполне во всех отношениях порядочный человек, не обладал кн. Мирский и искусством упрочиться на занятом им посту и настойчиво проводить определенную политическую линию среди разнообразных, скрещивающихся и перепутанных личными интересами политических течений.

Принадлежа к семье, выдвинувшейся на военной службе<sup>397</sup>, кн. Мирский не видел смысла существования вне этой службы, но стремился он лишь к ношению военного мундира, украшенного царскими вензелями<sup>398</sup>, и к занятию почетных должностей, власть же его мало привлекала, а зуд государственного творчества был совершенно не присущ. Впрочем, он не только не был государственным деятелем, но даже вообще серьезным человеком, хотя и прошел в свое время Академию Генерального штаба и не был лишен умственных способностей. В соответствии с этим умозаключения его не были осно-

396 хватка, сила (фр.).

397 Отец князя, по происхождению польский шляхтич, служил в начале царствования Александра II на Кавказе адъютантом при наместнике фельдмаршале кн. Барятинском и носил фамилию Мирского. Благоволивший к нему всесильный, по своей дружбе с Александром II, фельдмаршал признал это достаточным, чтобы испросить присвоение ему фамилии и титула древнего рода Святополк-Мирских. Отец князя в начале 90-х годов минувшего века был наказным атаманом Войска Донского. Любопытно, что княжеское достоинство было присвоено и дяде кн. Мирского — Николаю Ивановичу, а две его родные тетки продолжали носить до самой смерти фамилию Мирских, живя в Варшаве в весьма скромной обстановке. (Прим. автора)

398\* То есть мундира т.н. «военной свиты», объединяющей всех носителей военно-придворных званий (флигель-адъютантов, генерал-майоров свиты, генерал-адъютантов).

ваны на тщательном изучении вопроса, подлежащего его разрешению, а лишь на более или менее поверхностном настроении, причем чувства у него вообще преобладали над умом. Благодушный по природе облик кн. Мирского сложился к тому же под влиянием всей его прежней, до назначения министром внутренних дел, счастливой жизни, представлявшей, в сущности, сплошной безмятежный праздник. К нему был вполне применим известный стих Пушкина:

Блажен, кто с молодю был молод,  
а в тридцать выгодно женат;  
кто в пятьдесят освободился  
от частных и других долгов,  
кто славы, денег и чинов  
спокойно в очередь добился<sup>399</sup>.

Служба в гвардии, а затем в Генеральном штабе, но на второстепенных должностях, никогда не обременяла его чрезмерной работой. Женитьба на графине Бобринской дала ему большие средства и открыла путь к почестям. Занимая последовательно должности губернатора, товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов и, наконец, с мая 1902 г. виленского генерал-губернатора, он и на этих должностях не утруждал себя работой и вообще серьезно ни во что не вникал, а давал лишь известный неизменно благодушный тон своему управлению.

Ко времени занятия должности министра внутренних дел у кн. Мирского, несомненно, выработались известные политические взгляды, но взгляды эти были типично обывательские, сознание же возложенной на него тяжелой ответственности за

399 Гурко цитирует строфу X восьмой главы «Евгения Онегина», опустив строки со второй по седьмую.

внутреннее спокойствие государства в него никогда не проникало. С легким сердцем принялся он управлять Россией, с столь же легким сердцем оставил он государственную деятельность, сделав центром своего дальнейшего существования великосветский яхт-клуб, где, согласно последним строкам приведенного стиха Пушкина, о нем «твердили целый век: N.N. прекрасный человек».

Совокупность всех этих свойств кн. Мирского привела к тому, что его кратковременное управление Министерством внутренних дел, начавшееся с расточения улыбок по адресу общественности и ответных с ее стороны приветствий, кончилось, при его полном фактическом устранении от деятельного руководства внутренней политикой, усилением общественного брожения и, наконец, кровью, пролитой 9 января 1905 г. на улицах Петербурга.

Отсутствие у кн. Мирского не только внутренней энергии и, как принято ныне выражаться, пафоса власти, но даже понимания грозного положения, в котором находилось государство, обнаружилось еще до вступления его в управление министерством. Действительно, приступил он к исполнению возложенных на него в высшей степени ответственных обязанностей, как говорится, с прохладцей: назначенный министром 26 августа, он лишь 16 сентября вступил в исправление своих обязанностей.

Однако самое вступление это кн. Мирский постарался обставить как можно ярче, в смысле оповещения общественности, что курс, который он намерен проводить, радикально расходится с курсом его предшественника. В смысле действий это выразилось в одновременном увольнении Стишинского и Зиновьева, двух товарищей министра при Плеве, генерала Валя — командира корпуса жандармов и Штюрмера — директора Департамента общих дел с назначением всех четырех членами Государственного совета.

Огульное, еще до вступления нового министра в управление ведомством, увольнение иерархически ближайших сотрудников Плеве, естественно было принято обществом не только за оповещение о предстоящем крутом изменении ненавистой политики покойного министра, но еще и за доказательство, что сделано это будет немедленно и решительно. На деле же необычное, в порядке прохождения службы, назначение Штюмерера из директоров департамента членом Государственного совета объясняется тем, что между он прошел через эфемерную стадию неопубликованного назначения министром; что же касается скоропалительного устранения остальных переименованных лиц из состава центрального управления, то для знающих кн. Мирского оно явилось только лишним доказательством его слабоволия и природного отвращения к причинению себе малейшего беспокойства. Дело в том, что если бы кн. Мирский отложил это устранение до вступления в должность, то он вынужден был бы иметь со всеми этими лицами тяжелые и неприятные разговоры. Проще было сделать это заранее, из-за кулис, освобождая тем самым не других, а самого себя от неприятностей.

Да, кн. Мирский совершенно не обладал свойством, необходимым для всякого крупного начальника, а именно силою действия, которое он признает необходимым для пользы порученного ему дела, но сопряженное с нарушением собственного покоя и душевного равновесия. Подтверждается это, между прочим, и тем, что, расставшись с некоторыми, и притом по существу вовсе не ближайшими, сотрудниками Плеве еще до встречи с ними, он, вступив в управление и войдя в личные сношения с оставшимися, служившими при Плеве высшими чинами министерства, никого из них не сменил. Факт этот тем более характерен, что по отношению к некоторым из них на него было произведено определенное в этом направлении

давление со стороны лиц, имевших на него неоспоримое влияние<sup>400</sup>.

**400** Среди лиц, которых желали устранить из министерства, был и автор этих строк. Во время производства мною ревизии крестьянских учреждений Нижегородской губернии в августе 1904 г., т.е. уже после убийства Плеве, у меня произошли недоразумения с нижегородским губернатором генералом Унтербергером, возникшие на почве взаимных визитов и вызванные, признаюсь откровенно, обоюдным мелочным самолюбием. Имело же это недоразумение следствием, что Дурново, временно управлявший министерством после кончины Плеве, по письму неизвестного мне содержания Унтербергера предложил мне по телеграфу прекратить ревизию и вернуться в Петербург, что я и вынужден был исполнить. Однако Дурново, с которым у меня при жизни Плеве установились плохие отношения, этим не ограничился. Он привел к тому, что кн. Мирский на первом же моем докладе с оника предложил мне подать в отставку, пояснив, что к этому его побуждает мой образ действий в Нижнем Новгороде, причем даже не пожелал выслушать моих объяснений, так как «решение его непреклонно». Последнее объяснялось опять-таки слабоволием Мирского, опасавшегося, что, коль скоро вопрос станет на почву объяснений, он не устоит в принятом решении: общеизвестно, что слабовольные люди всегда заранее объявляют свои решения неизменными. Разозленный таким отношением, я заявил, что прошения об отставке не подам, так как никакой вины за собою не знаю и не признаю. Такого оборота кн. Мирский не ожидал и прямо выпалил: «Да что вы говорите! В Нижнем Новгороде вы присвоили себе звание лица, ревизующего губернию по Высочайшему повелению. Разве это допустимо?» Тут уже пришлось мне выпучить глаза. Дело в том, что я производил ревизию по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, на который последовало Высочайшее соизволение, и в соответствии с этим мне был выдан из министерства открытый лист с указанием,



что на меня возложено по Высочайшему повелению производство ревизии в таких-то губерниях таких-то учреждений, причем самый лист, как все не имеющие значения бумаги по департаменту общих дел министерства, был подписан товарищем министра Дурново. Последний этого, вероятно, даже не забыл, а просто не знал, так как все подобные бумаги подписывались им машинально, не знакомясь с их содержанием; что же касается нижегородского губернатора, то в министерстве его забыли уведомить о моем приезде. Уверенность Дурново в обратном была основана на том, что обыкновенно ревизии, производимые директорами департаментов, назначались по распоряжению министра. Отступление в данном случае было сделано ввиду того, что мне предоставлено было право ревизовать учреждения моему департаменту, т.е. земскому отделу, не подведомственные, как то административные и земские, для чего и требовалось Высочайшее соизволение, почитавшееся Высочайшим повелением. К моему счастью, упомянутый открытый лист у меня сохранился и весь инцидент был тотчас исчерпан, причем, несомненно, послужил мне на пользу. Не будь его, я, по всей вероятности, попал бы в число лиц, устраненных из министерства еще до вступления в управление им кн. Мирским, так как в этом вопросе он был инспирирован не только Дурново, но и кн. Алексеем Оболенским, которые оба, хотя и по разным причинам, желали моего ухода. Оболенский руководствовался при этом желанием устранить меня от крестьянского вопроса. Наличие происшедшего инцидента давала возможность расправиться со мною более круто, т.е. совершенно удалить со службы, чего, однако, Дурново, как временно управляющий министерством, сделать не мог, а посему, уверенный, что имеет против меня неотразимое оружие, отложил это до вступления в управление министерством кн. Мирского. Натиск на кн. Мирского в смысле удаления меня из министерства. Но уже с назначением на какую-либо иную должность по исчерпанию изложенного инцидента не прекратился, причем особенно на этом настаивал, как мне впоследствии это передавал сам кн.

Расчистив себе путь увольнением ближайших официальных сотрудников Плеве к сочувственному приему своего назначения общественностью, кн. Мирский начал свою государственную деятельность с торжественного приема высших чинов министерства. Прием состоялся в зале совета министра и ознаменовался двумя фактами — одним ничтожным, но подчеркнутым веяния времени, и другим, несомненно крупным и получившим широкий отголосок. Мелкий факт состоял в содержании речи, которой приветствовал кн. Мирского член совета министра, пресловутый генерал Е.В.Богданович<sup>401</sup>. Присвоил он себе это право в качестве старшего в чине из членов совета министра, а использовал его для того, чтобы высказать наилиберальнейшие мысли. Скажи эту речь кто-либо другой из чинов министерства, и она бы не представляла ничего особенного, так как среди них многие могли бы ее произнести вполне искренно. Но в устах Богдановича, искони щеголявшего лампадным благочестием и полицейским патриотизмом и выставявшего напоказ свое восхищение поли-

Мирский, не кто иной, как Витте, видевший во мне помеху для всецелого завладения реформой крестьянского законодательства. Думаю, что помешало этому все то же свойство кн. Мирского, не способного причинить не столько другим, сколько самому себе малейшего огорчения. Стремлением кн. Мирского избежать всего, что могло нарушить его благодушный покой, во многом объясняется как его общая политика, так некоторые принятые им в качестве министра меры. Да, покой свой кн. Мирский, как многие администраторы, оберегал в большей степени, нежели вверенные ему государственные интересы. (Прим. автора)

401\* Личность Е.В.Богдановича и его политический салон подробно описаны в известном дневнике его жены А.В.Богданович (Три последних самодержца. М-Л.: 1924).

тикой Плеве, это было просто гнусностью, которую, впрочем, кн. Мирский так и оценил.

Фактом крупного общественного значения была речь самого нового министра, содержащая следующие слова:

«Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно доброжелательном и на искренно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного устроения государства».

Следом за приведенной речью последовали и другие аналогичные по духу, но более конкретные заявления со стороны кн. Мирского, причем он наиболее решительно и точно высказался в интервью, данном им корреспондентам иностранных газет. Им он прямо сказал, что намерен проводить определенно либеральную политику, которая выразится прежде всего в децентрализации управления окраинами, в распространении на них положения о земских учреждениях и в отмене законоположений, ограничивающих права евреев.

Впрочем, по воспроизведении иностранной печатью слов, сказанных им ее представителям, кн. Мирский признал нужным несколько сузить их смысл и значение. Так, корреспонденту газеты «Русь»<sup>402</sup> кн. Мирский объявил, что иностранные корреспонденты неточно передали содержание его разговора с ними. «Они категорически излагали мои ответы на поставленные ими мне вопросы, — сказал Мирский, — но я должен признаться, что я лично на многое в настоящее время не могу категорически ответить. Я до сих пор стоял в стороне от мно-

402 «Русь: Ежедневная газета» (СПб., 1903-1908). Ред. А.А. Суворин.

гих вопросов, и есть немало серьезных дел, с которыми я теперь только близко знакомлюсь. Возьмем, например, вопрос о крестьянской реформе, по поводу которого у нас собран громадный материал. Я его знаю большею частью из газет. С деталями знакомлюсь теперь и, разумеется, не могу еще высказаться определенно именно потому, что теперь мой взгляд на этот вопрос приобретает весьма важное значение»<sup>403</sup>  
404.

**403** Хотя кн. Мирский и сказал, что он знакомится с «детальями» крестьянского вопроса, но на деле он не только с деталями, но даже с основными проблемами этого вопроса никогда не ознакомился, а посему и взгляда на него не выработал, невзирая на все старания в этом направлении Витте и кн. Оболенского. Последний стремился вдохновить кн. Мирского своими несколько мистическими мыслями по этому вопросу, но так как мысли эти и для него самого не были ясны, то прельстить ими несклонного к мистике кн. Мирского ему не удалось. (Прим. автора)

**404** В беседе с корреспондентом Associated Press Томсоном, широко растиражированной русскими газетами, П.Д.Святополк-Мирский заявил, что «верит в успех земства» и «уверен, что оно может работать с большой пользой» (цит. по: Русь. 1904. 17 сентября). Эти высказывания вызвали в обществе преувеличенные надежды, и министр поспешил умерить ожидания. Гурко цитирует беседу кн. П.Д.Святополк-Мирского с корреспондентом Л. Львовым (Л.М.Клячко) (см.: Русь. 1904. 28 сентября). Л.М.Клячко утверждал позднее, что добился согласия на опубликование интервью только при условии предварительного просмотра текста, «три раза в этот день я носил ему корректуру, и каждый раз он делал все новые сокращения» (Львов Л. За кулисами старого режима: Воспоминания журналиста. Л., 1926. С. 98).

Кн. Мирский подтвердил, что во всей своей деятельности он будет основываться на принципе доверия. «Применение этого принципа, — заявил он, — первое условие для достижения благих результатов».

Приведенные слова не остались одними словами. Непосредственно за ними последовали и некоторые соответствующие действия. Так, тверскому губернатору и новоторжскому уездному земству было предоставлено право вновь поставить во главе их земского хозяйства выборные управы. Общеземской организации было разрешено возобновить свою деятельность на театре войны. Множеству лиц, сосланных либо высланных из определенных местностей, было предоставлено право свободного избрания места жительства. К ним принадлежали Бунаков и Мартынов, сосланные за речи, сказанные ими в Воронежском уездном сельскохозяйственном комитете, Н.К.Милюков, Дервиз, Апостолов и Балавинский, потерпевшие в связи с произведенной Штюрмером ревизией тверского земства; Анненский, Чарнолусский, Фальборк, Лавринович и Воробьев<sup>405</sup> — участники съезда по профессиональному образованию; Переверзев (будущий министр юстиции Временного правительства), Волькенштейн, Смирнов, Гудзь и еще некоторые другие, лишенные свободы передвижения по различным поводам. Кн. П.Д.Долгорукову разрешено вновь принимать участие в общественной деятельности. Среди амнистированных были лица, разделявшие социал-демократические взгляды и деятельность которых в смысле попыток революционирования страны была далеко не безупречна. Производившаяся

405 Гурко вновь называет «Воробьевым» Ф.А.Щербину, высланного в 1903 г. в административном порядке из Воронежской губернии.

Зиновьевым ревизия земских учреждений была тотчас прекращена.

Речи и заявления кн. Мирского, равно как перечисленные его распоряжения, получили широкий отклик во всей стране и вызвали почти всеобщую радость. Со всех сторон посыпались к Мирскому письменные и телеграфные приветствия и адреса от самых разнообразных лиц и учреждений. Так, обратились к нему многие земские собрания и городские думы, причем неизменно подчеркивали его слова о необходимости «искренно благожелательного и искренно доверчивого отношения к общественным учреждениям и к населению вообще». Некоторые из этих учреждений включали при этом в свои приветствия и указание на то, что «доверчивое отношение» власти лишь в том случае получит реальное значение, если выразится в вполне конкретных реформах, направленных к утверждению в стране правового порядка, под чем, как всегда, подразумевалось установление представительного образа правления.

Не отставала, разумеется, и пресса. Политика кн. Мирского приветствовалась почти всеми органами печати. Кн. В. Мещерский в издаваемом им «Гражданине» даже воспользовался этим случаем, чтобы лягнуть Плеве, перед которым при его жизни рассыпался до цинизма. Исключение составили «Московские ведомости» и «Свет»<sup>406</sup>, которые стремились доказать, что слова кн. Мирского отнюдь не предвещают перемены в основной правительственной политике, так как

406 Имевшая широкое распространение в силу своей дешевизны консервативная ежедневная газета «Свет» (СПб., 1882—1917) отстаивала «преобладание русской народности» и необходимость сильной монархической власти, избавленной от опеки бюрократов-западников.

сам кн. Мирский заявил, что будет руководствоваться началами, изложенными в Манифесте 26 февраля 1903 г.

Наоборот, А.С.Суворин в «Новом времени» воспевал пришествие весны.

Правда, одновременно пресса выражала опасение, что весна эта непрочная, что вновь может повеять ненастной осенью и что посему следует использовать затишье как можно полнее. На эту тему С.В.Яблоновским были даже написаны стихи, начинавшиеся со слов:

Весна ли это? Покрытый цветами,  
Стоит как в сказке вишневый сад,  
И воздух полон теплом и светом,  
И все надело весны наряд.

Благожелательное отношение к себе общественности кн. Мирский старался всемерно поддержать и укрепить.

Понимая, что невозможно ограничить деятельность министра внутренних дел, как она очерчена в законе, расточением улыбок и распоряжениями, подкупающими общественность, что деятельность эта со времени объединения Министерства внутренних дел с бывшим III отделением собственной Его Величества канцелярии силою вещей принимает по временам иную, противоположную окраску, он поспешил отделить собственно охранно-полицейскую работу министерства от себя лично и от принимаемых им мероприятий общеполитического значения. В этих видах состоялись, по его всеподданнейшему докладу 22 сентября 1904 г., т.е. менее недели по его вступлении в управление министерством, Высочайший указ и высочайше утвержденная инструкция, возложившие на товарища министра внутренних дел, состоящего командиром корпуса жандармов, общее заведование делом по предупреждению и пресечению преступлений и по охранению общественной безопасности и порядка. Этими же актами тому же

лицу было передано разрешение почти всех дел, производящихся по департаменту полиции и отнесенных действующим законом к компетенции министра.

В сущности, это было восстановление прежнего, действовавшего до 1880 г. порядка, когда вся политическая полиция была выделена в особую часть, во главе которой находился начальник III отделения собственной Его Величества канцелярии, состоявший одновременно шефом жандармов. Правда, связь этого учреждения с Министерством внутренних дел еще оставалась, но состояла она исключительно в том, что командир корпуса жандармов числился подчиненным министра внутренних дел и не имел самостоятельного доклада у государя. Однако при данной кн. Мирским постановке и эта связь не могла быть долговечной и должна была порваться, что фактически и произошло несколько месяцев позднее при заместившем Мирского Булыгине.

Тем не менее пока что кн. Мирский своей цели добился. Всю черную работу он свалил на назначенного им командиром корпуса жандармов генерала Рыздзевского, а сам остался лишь общим руководителем внутренней государственной политики и безмятежно продолжал твердить о своем доверии к общественным силам. Реально это выразилось в двух вещах: во-первых, в разрешении состоявшегося 6 ноября 1904 г. съезда земских деятелей, а во-вторых, в представлении государю всеподданнейшей записки о внутреннем политическом состоянии России. Доклад этот перечислял те мероприятия, которые, по его мнению, в состоянии успокоить оппозиционную часть общественности и примирить ее с правительством. К нему был приложен и проект указа Сенату, перечислявший те довольно существенные изменения в государственном строе, которые предreshались верховной властью и подробная разработка которых возлагалась на учрежденный для сего



комитет, возглавляемый лицом, облеченным особым доверием монарха.

Составление означенной записки кн. Мирский поручил С.Е.Крыжановскому, помощнику начальника Главного управления по делам местного хозяйства, причем, однако, вполне точных, а тем более исчерпывающих указаний о сущности реформ, имеющих быть предначертанными в сопровождавшем записку проекте указа, он не дал, а ограничился изложением в общих чертах двух основных предположений. Первое из них, и в его представлении едва ли не главное, состояло в обеспечении в стране неуклонного соблюдения всеми правительственными местами и лицами закона, т.е. в устранении произвола агентов власти. Таким путем кн. Мирский, по-видимому, имел в виду удовлетворить основное высказываемое оппозиционной общественностью пожелание, а именно установить в стране «правовой порядок», понимая этот термин в буквальном его смысле. Я сомневаюсь, чтобы кн. Мирский искренно думал, что именно этим ограничиваются пожелания общественности, полагаю, что он просто хотел играть словами. Общественность, говоря о «правовом порядке», имела в виду представительный образ правления, и едва ли то, что было понятно всякому рядовому обывателю, не было столь же ясно кн. Мирскому. Думается поэтому, что, подхватив тот же термин, он хотел прикинуться, что, утверждая в стране неуклонное соблюдение закона, он тем самым в полной мере осуществляет пожелания общественности. Однако одновременно он понимал, что на такой дешевой уловке, взятой самой по себе, многого не достигнешь, и потому помимо одновременного осуществления отдельных высказываемых общественностью пожеланий он хотел окончательно ее прельстить расширением состава законосовещательного установления империи — Государственного совета — введением в него представителей, избранных крупными общественными учреждениями.

Это, разумеется, имело мало общего с конституционным образом правления и даже совпадало с первоначальными предположениями Плева, но, несомненно, составляло хотя и робкий, но все же определенный шаг в этом направлении.

Излагая свои мысли по содержанию предположенного им всеподданнейшего доклада, кн. Мирский обнаружил свой глубокий дилетантизм как в вопросах государственного права вообще, так и в степени ознакомления с вопросами, волнующими в данное время общественность, в частности.

Первое выразалось в том, что в виде материала для изложения начал законности в стране он указал на брошюру некоего Глинки-Янчевского, трактующую о реформе Сената<sup>407</sup>, и очень настаивал на позаимствовании изложенных в ней мыслей. Автор этой брошюры — по образованию инженер — состоял в то время сотрудником «Нового времени», а впоследствии редактором субсидируемой правительством газеты «Земщина», органа правого крыла Третьей и Четвертой Государственных дум; самая же брошюра являлась результатом долголетнего процесса Глинки-Янчевского с казной и указывала на дефекты нашего судебного процесса, при котором, в случае возникновения спора между казной и частными лицами, казна в лице представителей ее интересов являлась в последней инстанции — Сенате и стороной и участником в

407\* В брошюре С.К.Глинки-Янчевского «Пагубные заблуждения: По поводу сочинения К.Ф.Хартулари "Право суда и помилования как прерогативы российской державности"» (СПб, 1899) утверждалось, что император должен обладать правом принимать окончательные решения по жалобам на кассационные решения Сената и по делам, решенным судом присяжных. В другой брошюре «Во имя идеи» (СПб., 1899) был дан обзор вызванной первой брошюрой журнальной полемики.

постановлении судебного решения. Исходя из этого частного случая, Глинка-Янчевский указывал отчасти на извращение, отчасти на фактическое неисполнение Сенатом основной, возложенной на него его учредителем Петром I задачи быть зорким блюстителем исполнения закона всеми правительственными местами и лицами империи.

Изложенные общие места и ходячие мысли, по-видимому, представлялись кн. Мирскому верхом государственной мудрости и чуть ли не откровением.

Что же касается других вопросов, которых должна была коснуться записка, то кн. Мирский на них вовсе не остановился и ограничился лишь передачей составленной в департаменте полиции записки, заключавшей те изменения, которые могут быть допущены в положении о чрезвычайной и усиленной охране, причем сводились они к сокращению прав административной власти в отношении ссылок и арестов.

В Министерстве внутренних дел привыкли составлять записки и всеподданнейшие доклады на основании общих, не отличающихся определенностью указаний высшего начальства, привыкли расшифровывать эти указания или, вернее, применять их общий дух к тем конкретным вопросам, которые в данное время были злободневными, выдвигались жизнью и волновали общественность. Уравнение прав крестьян с правами лиц других сословий, образование мелкой земской единицы, расширение деятельности земских и городских общественных учреждений, обеспечение большей гласности и ограждение прессы от произвола цензуры и, наконец, облегчение положения старообрядцев и лиц инославных исповеданий — вот на чем в то время настаивала общественность.

Все эти положения и были развиты в проекте всеподданнейшего доклада и включены в виде основных начал в проект Высочайшего указа наряду с теми двумя предположениями, которые были высказаны самим кн. Мирским, а именно рас-

ширение полномочий Сената с предоставлением ему между прочим права производства по собственному почину сенаторских ревизий правительственных учреждений и введение в Государственный совет представителей земских учреждений и городских дум крупнейших городских центров. Относительно последнего предположения в докладе имелось указание, что проектируемое представительство нельзя почитать ограниченным в смысле тех слоев населения, которые будут участвовать в его избрании, так как одновременно предполагается значительно демократизировать земские и городские общественные самоуправления путем изменения способа их избрания.

Наконец, как записка, так и проект указа выдвигали новое положение, разделявшееся в то время лишь частью общественности, и притом отнюдь не преобладающей, но превосходящее по его органическому значению для всего социального строения государства все остальные намеченные мероприятия — а именно упразднение земельной общины. По составлении приведенной записки она была обсуждена кн. Мирским при участии его ближайших сотрудников и после некоторого ее переработки, в смысле изложения заключавшихся в ней мотивов в более консервативном духе, представлена государю. Ввиду важности заключавшихся в записке и сопровождавшем ее указе предположений государь пожелал подвергнуть их рассмотрению в особом под своим председательством совещании из некоторых министров<sup>408</sup>. Совещание это собиралось дважды, а именно 7 и 8 декабря 1904 г.

408\* Николай II не любил председательствовать в совещаниях и делал это лишь в считанных, исключительных случаях. В частности, он лишь три раза председательствовал в Совете министров в самый критический период 1905 года.

В первом из этих совещаний участвовали лишь некоторые министры, а на второе были приглашены еще и великие князья Владимир и Сергей Александровичи, Михаил Александрович и, кажется, Александр Михайлович.

Тут обнаружилась полнейшая неопытность кн. Мирского в практиковавшихся в наших высших бюрократических кругах способах проведения сколько-нибудь крупных новых предположений, способах, впрочем, неизменно присущих всем политическим режимам. Он совершенно не подготовил почвы для благоприятного в его смысле разрешения вопросов, возбуждаемых им в представленном государю докладе, не предпринял достаточных шагов для обеспечения себе поддержки большинства приглашенных в состав совещания членов и даже не ознакомил их заранее со своими предположениями. Мало того, он допустил крупную ошибку, а именно обратился к государю с просьбой не приглашать на совещание Победоносцева, как лица, известного своим отрицательным отношением ко всякому законодательному новшеству. Но подобная просьба могла лишь поселить у государя недоверие к целесообразности предположений кн. Мирского. Неправильна она была и по существу, ибо желание устранить от обсуждения какого-либо вопроса лиц, которые относятся критически к предположенному его разрешению, упраздняет самый смысл его обсуждения. Неудивительно поэтому, что государь не только пригласил Победоносцева, но сделал это собственноручной запиской, в которой было сказано: «Мы запутались. Помогите нам разобраться в нашем хаосе».

В результате на совещаниях у государя получилось то, что при существовавшей конъюнктуре неминуемо должно было произойти. Лишенный широкого государственного понимания, не обладающий умением вразумительно развить и поддержать свое мнение, кн. Мирский был вдребезги разбит своими оппонентами. На его слабые обывательские доводы,

опирающиеся не на подробном и глубоком анализе внутреннего состояния страны, а лишь на некотором не лишенном здравого смысла чутье, его оппоненты отвечали доводами, покоящимися на исторических примерах и на принципах государственного права, причем все это было искусно переплетено с такими соображениями, которые должны были особенно повлиять на государя. Из великих князей Владимир Александрович высказался за привлечение общественных элементов к участию в законодательстве, а Сергей Александрович, наоборот, резко возражал против этого предположения.

Победоносцев, как это предвидел Мирский, горячо восстал против введения в состав Государственного совета выборного элемента. В сущности, он повторил то, что за 22 года перед тем говорил в совещании, созванном в 1882 г. Александром III для обсуждения проекта министра внутренних дел того времени гр. Н.П.Игнатъева о созыве земского собора<sup>409</sup>. К сожалению, имевшийся у меня почти стенографический отчет этого совещания, составленный одним из его участников — министром государственных имуществ М.Н.Островским, вероятно, погиб вместе со всем моим архивом, но я твердо помню,

409 Идея созыва совещательного Земского собора была подсказана министру внутренних дел гр. Н.П.Игнатъеву в январе 1882 г. И.С.Аксаковым. Александр III поначалу отнесся с интересом к этой затее, отдававшей русской стариной. Речь шла о созыве совещательного собрания с прямыми выборами от сословий на основе имущественного ценза. 27 мая 1882 г. подготовленные Игнатъевым проекты манифеста и рескрипта на имя министра внутренних дел о созыве Собора обсуждались особым совещанием с участием царя в Петергофе и были отвергнуты (см.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964; Твардовская В.А. Александр III // Российские самодержцы. М., 1993).

что главным противником этого проекта был тот же Победоносцев. Он бросил прямо в лицо гр. Игнатьеву обвинение в том, что он обманывает государя, утверждая, что его предположение не изменит основ государственного строя, тогда как в действительности оно вводит конституционный образ правления, ограничивающий права государя. В результате проект гр. Игнатьева был отвергнут, а сам он скоро уволен от должности министра внутренних дел. Приблизительно тот же прием употребил Победоносцев при рассмотрении предположений Мирского, но результат, благодаря участию Витте, получился несколько иной.

Воспользовавшись представившимся случаем, чтобы засвидетельствовать свою преданность самодержавному строю, Витте тоже восстал против включения в Государственный совет выборных членов, но одновременно указал, что заключающиеся в проекте Мирского другие предположения заслуживают полного внимания. Предположения эти для их правильного освещения необходимо, однако, тщательно обсудить при участии начальников всех ведомств.

Мысль эта не встретила возражений, и совещание закончилось тем, что Витте, как председателю Комитета министров, были тут же переданы представленные кн. Мирским доклад и проект указа для их дальнейшего соображения.

Витте торжествовал. Ему удалось вновь захватить в свои руки дело большой государственной важности, и использовать этот случай он намеревался вовсю.

Что же касается кн. Мирского, то он вернулся из совещания государя окончательно выбитый из седла и мрачно сказал своим сотрудникам: «Все провалилось! Будем строить тюрьмы». Вероятно, он тут же понял, что его политическая роль кончена, и даже подал прошение об увольнении от должности, которое, однако, государем не было уважено.

К этому заключению Мирский мог бы, впрочем, прийти и ранее, а именно после окончания бывшего в начале ноября в Петербурге частного съезда общественных деятелей, когда государь отказал Мирскому в его настойчивой просьбе принять лидеров съезда, состоявшегося почти по инициативе самого князя.

История этого съезда такова. Тотчас по вступлении в управление Министерством внутренних дел кн. Мирский подобно Плеве пожелал вступить в сношение с земцами, и притом наиболее оппозиционными. Таковыми в то время не без основания считались некоторые земские деятели Тверской губернии, имевшие лидером И.И.Петрункевича. Лицу этому, однако, в 80-х годах был воспрещен въезд в Петербург, а потому первым шагом в этом направлении было снятие с Петрункевича наложенного на него запрещения. Первоначально переговоры с Петрункевичем вел директор департамента полиции Лопухин, лично знакомый с ним по своей прежней службе в Твери на должности прокурора окружного суда. Петрункевич с места заявил, что соглашение с правительством возможно, но что даже для приступа к переговорам необходимо, чтобы правительство на деле выказало, что оно действительно намерено изменить свою политику преследования земской либеральной мысли. Заявление это и явилось одной из причин принятия Мирским перечисленных мною выше мер по отношению к земским учреждениям и деятелям, над которыми тяготели те или иные административные кары. Дальнейшие переговоры кн. Мирский, за отъездом Лопухина за границу, поручил начальнику Главного управления по делам местного хозяйства Гербелю. С этою целью Гербель поехал в Москву, где вступил в сношение с земскою группой, возглавлявшейся Д.Н.Шиповым. Группа эта образовалась еще в 1903 г., когда в Москве состоялось ее первое частное собрание, на котором был выработан общий план действий на предстоящих



земских выборах для обеспечения успеха на них прогрессивного крыла земцев. Входили в эту группу наиболее выдающиеся земцы того времени, как то: губернские гласные — саратовский — Н.Н.Львов, псковский — гр. П.А.Гейден, московский — Н.И.Гучков, состоявший одновременно и московским городским головой. Группа состояла примерно из 30—35 человек.

По мере ухудшения нашего положения на театре Японской войны, произошедшего в особенности в августе 1904 г., и, вероятно, под влиянием распространившихся вслед за убийством Плеве слухов об изменении характера внутренней политики группа эта решила обратиться к государю с особой запиской. Имелось в виду изложить общее тревожное состояние страны и указать, что в целях успокоения усиливающегося общественного брожения, а также и для придания нашему законодательству более живого темпа и плодотворного характера необходимо привлечь выборный элемент к участию в законодательной работе. Вопрос этот в то время был поставлен в рамках земского собора. Решено было предоставить при этом вполне законченный проект по этому предмету. Для составления этого проекта обратились к не входившему в группу С.А.Муромцеву, будущему председателю Первой Государственной думы. Последний согласился исполнить эту работу, однако лишь при условии, что его авторство будет сохранено в полной тайне.

Тем не менее такова была лишь внешняя постановка дела. Фактически же руководил группой умеренных либеральных земцев, хотя она этого и не подозревала, «Союз освобождения», состоявший из земских и городских деятелей левого крыла, включавшего радикальных представителей профессуры

и особую еврейскую группу<sup>410</sup>. Союз образовался еще в начале 1903 г., имел свой, издававшийся за границей, под редакцией П.Б.Струве, орган — «Освобождение», члены его собирались по временам на конспиративные съезды и имели сношения с революционными организациями. В сентябре 1904 г. союз этот принял участие в собравшейся в Париже «Конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства» и присоединился к выработанной этой конференцией общей программе действий, причем целью было поставлено уничтожение самодержавия и установление свободного демократического государственного строя. На конференции этой члены «Союза освобождения», в том числе и П.Н.Милюков, восседали рядом с представителями социал-революционеров Азефом и Виктором Черновым<sup>411</sup>. Вот этот-то

410 «Союз освобождения» был основан на конспиративном съезде в Швейцарии 20—23 июля 1903 г. Участие в его образовании «особой еврейской группы» является домыслом Гурко. Само определение союза как «либеральной русской партии» плохо согласуется с этим утверждением (см.: Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг.: Организация, программа, тактика. М., 1985. С. 158-160).

411 Конференция революционных и оппозиционных партий России проходила в Париже 30 сентября 1906 г. под председательством финского националиста К.Циллиакуса, по инициативе которого она и была собрана. В конференции приняли участие эсеры; польская социалистическая партия; Латвийская социал-демократическая рабочая партия; Грузинская партия социалистов-федералистов- революционеров; Армянская революционная федерация; Польская национальная лига; Финляндская партия активного сопротивления; «Союз освобождения» (П.Н.Милюков, П.Б.Струве). Г.В.Плеханов уклонился от участия в конференции, выставив в качестве предлога то обстоятельство, что она собирается на японские деньги. По всей

союз, собравшись в октябре 1904 г., постановил: 1) принять участие в предстоящем съезде земских и городских деятелей и побудить его на открытое заявление конституционных принципов; 2) организовать 20 ноября, по случаю сорокалетия судебных установлений, банкеты с целью проведения на них радикальных конституционных и демократических резолюций; 3) поднять на очередных земских собраниях вопрос о введении конституционного правления и созыва для того народного представительства и 4) начать агитацию за образование союзов лиц либеральных профессий и за объединение их в один союз, который бы вошел в связь с революционными партиями. Программу эту союзу удалось вскоре осуществить в полной мере.

Правительство о состоявшемся решении было в полном неведении, не знал о нем, разумеется, и приехавший в Москву Гербель. Ограничился же он тем, что отговорил умеренную группу от подачи государю оконченной Муромцевым к тому времени упомянутой записки, но о самом съезде, его составе и характере не сумел с ними договориться. Мирский имел в виду сговориться с земскими людьми и, соответственно, соглашался на съезд земских деятелей в Петербурге. После же поездки

видимости, и для остальных участников конференции связи К. Циллиакуса с бывшим военным атташе Японии в Петербурге полковником Акаши не были секретом (см.: Copeland W. *The Uneasy Alliance: Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground, 1899-1905.* Helsinki, 1973. P. 153; Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция // *Тайны Русско-японской войны.* М., 1993. С. 24—48). Конференция приняла «Декларацию» и «Протокол» (опубликованы: Листок «Освобождения». 1904. № 17), однако реальное взаимодействие установлено не было, а координационные бюро никогда не были созданы (см.: Шацилло К.Ф. Указ. соч. С. 235-259).

Гербеля съезд фактически превратился в съезд общественных деятелей, причем число его участников достигло 104, в том числе был и расхрабрившийся к тому времени С.А.Муромцев, причем съезд оказался всецело в руках «Союза освобождения». Обстоятельство это изменило весь характер съезда, придав ему ярко оппозиционную окраску, причем сам Мирский узнал о его составе, лишь когда он собрался в Петербурге.

Съезд собирался в частных квартирах, а именно 6 и 9 ноября у тверского земца П.А.Корсакова, 7-го— у А.Н.Брянчанинова, 8-го— у В.Д.Набокова. Принятые съездом резолюции, указав в начальных тезисах на то резкое расхождение и даже раскол, происшедшие между официальной Россией, между правительственной властью и общественными элементами страны, заключали изложенные в императивной форме пожелания нового, еще не предъявлявшегося к власти свойства. Здесь был впервые выставлен лозунг о свободе слова, печати, собраний и союзов, который затем, вплоть до издания Манифеста 17 октября 1905 г., трафаретно воспроизводился на всех последующих выносимых различными общественными объединениями резолюциях. Здесь же говорилось и о неприкосновенности личности и жилищ; заканчивались же эти постановления уже не затушеванным обычными двусмысленными выражениями указанием на необходимость участия народных представителей «в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации». Последнее решение (11-й пункт резолюции съезда), однако, не было принято единогласно; меньшинство, если не ошибаюсь, состоявшее из 30 человек против 70, составлявших большинство, высказалось за «правильное участие народного представительства в законодательстве при сохранении единой, нераздельной царской власти».

Съезду этому общественность, естественно, придавала исключительное значение. Невзирая на его частный характер, на него смотрели не только как на разрешенное собрание, но как на покровительствуемое министром внутренних дел. Выразилось это, между прочим, в том, что отличавшийся большой осторожностью А.С.Суворин все решения съезда немедленно по их постановлению отпечатал в типографии издаваемого им «Нового времени», вследствие чего решения эти в печатных гранках тотчас распространялись по городу<sup>412</sup>  
413.

412 Гурко ошибается, печати было строжайше запрещено освещать работу земского съезда и даже упоминать о нем. Никаких сведений о том, что в типографии «Нового времени» печатались резолюции съезда, обнаружить не удалось. Л.М.Клячко утверждает, что на экземпляре решений съезда, обманом добытом им на заседании, «под текстом постановлений, требовавших конституцию, была напечатана "фирма": "Типография отдельного корпуса жандармов, Спасская, 17"». Клячко объяснял это тем, что П.Д.Святополк-Мирский, «доверяя русскому народу, не доверял земцам. Он не разрешил им печатать свои постановления, опасаясь, что их напечатают в большом количестве, а сам напечатал в своей типографии в количестве 104 экземпляров» (См.: Львов Л. Указ. соч. С. 73).

413 На съезде этом участвовало немало лиц, занимавших одновременно и различные правительственные должности. Среди них были между прочим и служившие в земском отделе губернские гласные Саратовской губернии - А.А.Павлов и Псковской губернии - В.И.Ковалевский, через которых я и был в курсе всего происходящего на нем. Любопытно, что через десять лет спустя, а именно в 1913 г., Н.А.Маклаков в качестве министра внутренних дел хотел признать дальнейшую службу у себя в министерстве Ковалевского недопустимой на том основании, что он участвовал в ноябрьском съезде 1904 г. Конечно, это был

Широко распространились по всей России постановления съезда и «Союза освобождения».

С своей стороны кн. Мирский во время съезда находился в личной связи с главными действовавшими в нем лицами, причем с самого начала, не дождавшись вынесенной съездом резолюции по обсуждавшимся им по неизвестной ему программе вопросам, обещал его представителям прием у государя, на котором они могли бы представить монарху пожелания съезда.

Не упустил этого случая и Витте, чтобы ближе сойтись с представителями либеральной общественности. Говорил он с ними при этом языком привычным гадалкам, при котором слушатели имеют возможность истолковать сказанное в соответствии с собственными желаниями. В подобном способе изложения своих мыслей Витте к тому времени дошел до виртуозности. Несомненно, что при этом Витте наталкивал общественных деятелей на выражение ими их пожеланий в полной мере. Речь Витте сводилась в общем к тому, что он-де очень дорожит общественным мнением и признает весьма полезным для правительства услышать вполне свободно высказанную и точно сформулированную общественную программу государственной политики. Конечно, он сам не может

предлог. Основной причиной были несогласия, возникшие между Ковалевским, заведовавшим в то время канцелярией продовольственной части империи, и управляющим этой частью В.Э.Фришем. Однако даже в качестве предлога нельзя не признать его характерным для министра, действующего уже при существовании представительных законодательных учреждений. Мне пришлось объяснять Маклакову, что Ковалевский участвовал не только с моего ведома, но и с полного одобрения. (Прим. автора)

вперед высказаться, как он отнесется к этой программе и будет ли он ее целиком поддерживать, но это вопрос дальнейшего, ныне же важно, по его мнению, лишь одно, а именно не препятствовать общественности гласно формулировать свои мысли и чаяния.

Приведенного мнения, впрочем, не без влияния кн. А. Оболенского, посредника между Витте и кн. Мирским, придерживался и последний и поэтому приложил все старания исполнить желания земских деятелей и устроить им прием у государя, но последнее, как я уже сказал, ему не удалось. Государь в таком приеме решительно отказал. Решение это, безусловно правильное по существу, вероятно, было подсказано и утратой к тому времени у государя веры в целесообразность политики Мирского. Действительно, политика эта имела к тому времени единственным результатом воскурение фимиама лично кн. Мирскому, но не изменила отношения либеральной прессы к революционерам и к продолжавшим вспыхивать то там, то здесь на почве революционной пропаганды народным волнениям. Общая политическая атмосфера, отчасти под влиянием продолжавшихся неудач на театре войны, отчасти благодаря предоставлению прессе большей свободы, не только не становилась более благоприятной правительству, а, наоборот, сгущалась; требования, предъявляемые общественностью к государственной власти, все усиливались и принимали все более резкий характер. Одновременно до государя, несомненно, доходили сведения о том, что съезд не может почитаться за представительство земской России. Съезд этот состоял не из лиц, избранных земскими собраниями, а лишь из группы гласных, объединившихся вокруг московской губернской земской управы и кооптированных ею в свою среду отдельных земцев различных губерний, а также из общественных деятелей определенной политической окраски, не принадлежащих вовсе к земской среде. Словом, это была группа

частных лиц, не имеющая никаких прав говорить от чье-либо имени, кроме собственного. Но если даже признать собравшихся на съезд в Петербурге если не формальными, то все же подлинными по существу выразителями подлинных мнений известных общественных слоев, то что же, собственно, мог бы им сказать государь в ответ на выраженные ими пожелания? Ведь среди этих пожеланий были такие, которые имели в виду изменение основных законов государства, и всякий ответ на них государя был бы предрешением их и притом в положительном смысле. Действительно, простое обещание обсудить эти пожелания было бы уже признанием их осуществимости.

Кн. Мирский, очевидно, совершенно всего этого не соображал; не постигал он, что уже одним данным им земцам обещанием устроить им царский прием он ставил государя в ложное положение. Сказалась тут, между прочим, и разница между кн. Мирским и Плеве. Тогда как последний считал своим долгом направлять на себя лично вызываемое правительственными действиями общественное неудовольствие, хотя бы действия эти были приняты против его мнения, кн. Мирский, наоборот, стремился привлечь преимущественно к себе симпатии общественности, перенося ответственность за принятие непопулярных решений непосредственно на верховную власть. Именно так поступил он в данном случае, объяснив лидерам съезда, что государь не внял его усиленным просьбам о их приеме.

Что же сказать про политику кн. Мирского?

Нет сомнения, что он вполне правильно делал строгое различие между открытыми революционерами антигосударственного и антинародного направления и общественными элементами, стремившимися лишь к участию в строительстве государства без радикального изменения не только социального, но и политического уклада. Столь же правильно было его



решение прекратить беспрестанные придирки, систематическое раздражение и ожесточение элементов, не только не опасных для прочности государственного строя, но, наоборот, могущих быть превращенными, при умелом обращении с ними, в его наиболее крепкие, органические устои. Некоторые, и притом существенные, уступки либеральной общественности были при этом неизбежны, и готовность идти на них, естественно, должна была лечь в основу политической программы.

Но если самый замысел кн. Мирского был правильный и отвечал создавшемуся положению, то принятый им способ его исполнения был младенчески наивный.

Прежде всего кн. Мирский не сознавал, что во все времена существующий в стране государственный уклад ниспровергался не столько вследствие производимой на него атаки, сколько за отсутствием у него деятельных сторонников и защитников. Если бы он это постиг, то он одновременно понял бы, что первой заботой правительства в то время должно было быть создание такого общественного слоя, на который оно могло бы опереться в своей борьбе с осаждающими государственную власть революционерами различных толков. Недостаточно было ввиду этого достигнуть прекращения непосредственных нападков на правительство со стороны земских и городских самоуправлений и либеральной прессы. Нужно было достигнуть их деятельного участия в борьбе с растлевающей народные массы пропагандой утопических учений и с расшатывающими и развращающими правительственную деятельность террористическими актами.

Проводя резкое различие во всех своих частных и даже официальных, но келейно происходивших беседах, между революционерами и либеральной оппозицией, кн. Мирский не имел мужества прямо это высказать в каком-либо официальном акте или публичном заявлении, не имел решимости ска-

зять, что благожелательное и доверчивое отношение к общественной деятельности и готовность расширить рамки этой деятельности требуют, чтобы общественность определенно высказалась против революционной социалистической пропаганды и заклеила террористические акты.

Конкретно сближение земских кругов с правительством должно было при этом выразиться в ином отношении земских управ к местной администрации. Деятельность и тех и других должна была идти параллельно, и земства должны были прекратить практикуемое ими в широком масштабе приостановительство на многочисленных наемных земских должностях многих как скрытых, так и явных революционеров различных толков. Этим страдали, как ни странно, отнюдь не одни передовые по личному составу земские управы. Больше чем снисходительно относились к политическому прошлому своих служащих и к высказываемым ими революционным взглядам и правые земские деятели. В стремлении расширить сферу своей деятельности все земства без различия их политической окраски желали захватить в свое ведение низшее народное образование<sup>414</sup>, хотя фактически никакого контроля

414\* Начальное народное образование в сельской местности (в земских губерниях) в эпоху Николая II оказалось де-факто разделенным между двумя структурами. Начальные народные училища ведомства Министерства народного просвещения в абсолютном большинстве содержались земствами; церковно-приходские школы, весьма близкие по программе, относились к духовному ведомству. Принятый еще в царствование Александра III курс на приоритетное развитие сети церковно-приходских школ вызывал недовольство земских деятелей. Казенные субсидии земствам на развитие начальных школ до 1906 года практически отсутствовали, в то время как церковно-

за деятельностью сельских учителей иметь не могли. Не усматривали земства и опасности наводнения сельских местностей земскими статистиками — прямыми проводниками революционной пропаганды в крестьянскую среду.

Обязанность правительства была раскрыть земским деятелям те глубокие революционные корни, которые пускает в сельские народные массы земский третий элемент, и указать, что доверие к земцам правительство может иметь, но к третьему элементу не может и что земствам, следовательно, надо выбрать, с кем они хотят идти — с правительством или со своими наемными служащими.

До достижения этой задачи, иначе говоря, до прямо и открыто провозглашенного лидерами оппозиционной либеральной общественности отречения от молчаливо-пассивной у одних и конспиративно активной у других солидарности с революционными элементами, никакие сделанные этой общественности уступки не имели значения в отношении укрепления государственного строя. Такие уступки, наоборот, усиливали общественное брожение и увеличивали если не оппозиционность либеральной части общества, то, во всяком случае, предъявляемые ею к власти требования.

Если формула «сначала успокоение — потом реформы», как заключавшая антитезу, была бессмысленна, так как основной причиной общественного брожения было именно неосуществление определенных реформ, а неуспешность борьбы с революционным движением зависела преимущественно от молчаливого сочувствия, которое оно встречало со стороны либеральной общественности, то была другая формула, вполне

приходские школы в значительной доле финансировались из бюджета.

осуществимая, — «сначала сговор с либеральной оппозицией, а потом соответствующие этому сговору реформы».

Но для достижения такого сговора надо было прежде всего точно выяснить для самого себя предел тех уступок, на которые правительство признает возможным идти, словом, выработать определенную программу и получить твердое одобрение ее верховной властью. Имея такую твердую базу, можно было вступить в переговоры с либеральной оппозицией, да, думается мне, и с радикальной ее частью, и дойти с ней до вполне дружеского соглашения. П.Б.Струве был, безусловно, прав, когда в издаваемом им в то время в Париже журнале «Освобождение» говорил, что Святополк-Мирский должен поставить вопрос о конституции прямо. «Этого требует от него, — продолжал Струве, — простая добросовестность по отношению к самому царю, ибо не ставить этого вопроса перед царем значит просто обманывать Николая II»<sup>415</sup>.

Политика кн. Мирского действительно имела тот основной недостаток, что ничего конкретного она не заключала и ни на какую определенную программу открыто не опиралась и даже для собственного руководства ее не имела. Инициатива такой программы, естественно, перешла при таких условиях к общественности, которая и поспешила воспользоваться оказанным ей «доверием» для того, чтобы вырвать у правительства ее немедленное осуществление. Но для успешного натиска на правительство общественности необходимо было сохранить занятое ею положение благожелательного нейтралитета у одних ее элементов и определенного сочувствия у других по отношению к революционным элементам, в которых она не

415 Гурко цитирует статью П.Б.Струве «Кн. Святополк-Мирский и вопрос о конституции» (Освобождение. 1904. № 59. 28 октября/10 ноября. С. 159.)

без основания видела единственную реальную силу, с которой правительство вынуждено считаться.

Перед русской государственностью в то время открывалось два пути. Один, имея в своей основе твердое охранение самодержавного строя, состоял в решительном и быстром проведении правительственной властью тех органических реформ, которых неотступно требовали развивавшаяся народная жизнь и расширявшаяся хозяйственная деятельность населения. Здесь в первую очередь необходимо было перестроить социальный организм страны. Наряду с самыми решительными мерами, направленными к сохранению остатков редющего и тем самым утрачивающего свое политическое значение землевладельческого класса и к уравнению в общественном положении с дворянством представителей крупного промышленного класса посредством его постепенного слияния с ним — путь, по которому с давних пор следует Англия, — нужно было создать мощный слой зажиточного крестьянства, владеющего на праве личной собственности крупными, десятин в 30—50, участками земли — этого надежнейшего во все времена и во всех государствах устоя существующего порядка.

Путь этот требовал от правительства большой энергии, широкого реформаторского размаха и исключительного такта, и при всем том нельзя было быть уверенным, что социальное перестроение государства обгонит заливавшую страну революционную волну, но признать его безнадежным тоже нельзя было.

Если же государственная власть на такую широкую и быстро осуществляемую реформу не почитала себя способной либо вообще признавала ее недостаточно обеспечивающей спокойное развитие государства и желала немедленно привлечь на свою сторону либеральную общественность, то надо было осуществить ее основное желание и ввести конституционный образ правления при народном представительстве,

опирающемся на ограниченный круг избирателей. Крупные реформы могли быть в таком случае осуществлены уже с участием этого представительства. Конечно, часть радикал-либералов этим бы не удовлетворилась и еще теснее связалась бы с революционными партиями. Однако оказавшиеся на стороне правительства интеллигентные силы были бы также весьма значительны, и бой, во всяком случае, перестал бы происходить между одним правительством и всей передовой общественностью. В нем со стороны власти неминуемо приняли бы деятельное участие и культурные общественные силы.

Это был тот естественный путь, идя по которому государства Западной Европы постепенно эволюционировали от самодержавия к парламентаризму.

Если в середине 1904 г., т.е. после убийства Плеве, государственная власть, не меняя резко своей политики, пригласила бы лидеров умеренной либеральной оппозиции и выслушала бы их пожелания, то она бы выяснила, что наиболее прогрессивные общественные круги, разумеется, не зараженные социалистическими утопиями, стремились лишь к конституционному режиму непарламентарного типа.

Припоминаю по этому поводу разговор, бывший у меня с профессором Петражицким, впоследствии видным членом партии конституционных демократов, а в то время членом редакции журнала «Право». Разговор этот произошел позднее описываемого времени, а именно 5 февраля 1905 г., т.е. на другой день после убийства в Москве великого князя Сергея Александровича, но тем более он характерен, так как по тому времени общественные круги под влиянием завоеванной ими большей свободы гласности при прежнем отсутствии конкретного осуществления высказываемых ими пожеланий значительно увеличили, по сравнению с высказанными ими в ноябре 1904 г., предъявляемые ими правительству требования.

Профессор Петражицкий спросил меня, будет ли журнал «Право» подвергнут цензурным карам<sup>416</sup>, если поместит его статью, в которой поясняется, что когда общественность говорит о конституции, то она имеет в виду лишь участие народного представительства в законодательстве страны. Что же касается исполнительной власти, то она должна остаться всецело в руках министерской коллегии, назначаемой и увольняемой монархом и перед ним одним ответственной. К этому Петражицкий прибавил, что редакция «Права» накануне решила напечатать эту статью, но убийство великого князя заставляет ее поступить с особой осмотрительностью, так как, по всей вероятности, убийство это побудит правительство принять репрессивные меры, между прочим и в области свободы печати. Разговор этот я привожу как доказательство умеренности политической программы того времени будущих сторонников народовластия. Характерно также для того времени, что не только я, но и присутствовавший при этом разговоре Стишинский высказались за желательность появления упомянутой статьи, а также уверенность, что никаких неприятных последствий от ее напечатания журнал «Право» не испытает.

Если таковы были взгляды наиболее прогрессивной части либеральной общественности в феврале 1905 г., то, разумеется, еще умереннее были пожелания, высказывавшиеся либеральными дворянскими кругами, причем, однако, и эти круги указывали на необходимость привлечения выборного элемента к государственному строительству. Ярким доказательством этого служила записка, представленная министру внутренних

416\* Следует понимать, что для Л.И.Петражицкого было очевидно, что Гурко по своей должности не может направлять деятельность Главного управления по делам печати, то есть их разговор представлял собой просто обмен личными мнениями.

дел в конце ноября 1904 г. (т.е уже после земского съезда) 23 губернскими предводителями дворянства, причем в их числе были оба столичные предводители П.Н.Трубецкой и гр. Гудович. Записка эта говорила «О правильно организованном участии представителей сословных, земских и городских общественных управлений в разработке и составлении новых законопроектов», причем предполагала возложить эту работу на «Государственный совет с соответственным расширением его компетенции».

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в конце 1904 г. правительство могло стовориться с значительной частью общественности на конституционной реформе определенно монархического типа.

Кн. Мирский, очевидно, не понимал, что среднего между двумя указанными путями у правительства не было и быть не могло, и сам пошел по третьему, межеумочному пути. Он дал волю культурной общественности свободно высказывать свои политические идеалы и чаяния и разрешил, чтобы не сказать вызвал, съезд общественных деятелей, имевших выработать общую политическую программу, не выяснив предварительно, ни к чему сведется эта программа, ни будет ли он в состоянии ее осуществить. Это была типичная политическая маниловщина.

«Я, мол, поглажу их по головке, а они мне за это помогут их же собственные желания не исполнить». Вот к чему, в сущности, сводилась наивная мечта кн. Мирского. На деле же произошло обратное.

Такой способ действий был до такой степени неразумен, что можно было даже предположить в нем присутствие провокационных мотивов, которых у Мирского, безусловно, не было. Действительно, искусственный вызов общественности на выражение ее политических вожделений, с тем чтобы затем



этих вожделий не исполнить, мог только породить усиление общественной оппозиции.

Да, легкомысленная политика кн. Мирского, непосредственно следовавшая за жесткой и придирчивой политикой Плеве, дала первый толчок революционному движению 1905 г., движению, нашедшему благоприятную почву во всеобщем недовольстве, порожденном тяжелыми неудачами на театре войны. При этом первым открытым революционным общественным выступлением был именно ноябрьский, 1904 г., земский съезд. Вынесенные этим съездом резолюции легли в основу всех последующих предъявляемых общественностью к правительству требований, с той весьма существенной разницей, что либеральные деятели видели в осуществлении своих резолюций исполнение предела своих желаний, а подхватившие их лозунги социал-демократы и социал-революционеры добивались их лишь для получения в свои руки оружия, необходимого им для полного разрушения всего политического и общественного уклада страны.

Показной либерализм кн. Мирского, не опирающийся ни на какую определенную программу, в сущности сводился лишь к одному — *laissez faire, laissez passer*<sup>417</sup>. Но привыкшая к административному гнету общественность, почуяв свободу, разумеется, не сумела ее благоразумно использовать и совершенно не сознала той ответственности, которая связана со всяким правом, в том числе и правами политическими. Обстоятельство это дало «Союзу освобождения» полную возможность осуществить свою сентябрьскую программу едва ли не в большей мере, нежели он сам этого ожидал.

417 Не мешайте, дайте дорогу (фр.)

Предположенные им по поводу сорокалетия судебных установлений политические банкеты<sup>418</sup> состоялись почти повсеместно во всей России, причем на них произносились горячие политические речи, клеймившие существующий строй и открыто требовавшие немедленного низвержения самодержавия.

Следом за банкетами судебно-юбилейными последовал ряд других, без определенных поводов, причем устраивались они различными корпорациями либеральных профессий, как то: адвокатами, врачами, инженерами, журналистами и даже лицами без определенных профессий, укрывавшимися под общим наименованием общественных деятелей. Произносимые на них речи и выносимые ими резолюции, естественно, становились все радикальнее. Любопытно, что на банкетах этих участвовали, а иногда и ораторствовали лица, состоящие на государственной службе, не испытывая за это никаких репрессий и даже неприятностей.

Вполне удалась «Союзу освобождения» и та часть его программы, которая имела в виду побудить земские собрания примкнуть к конституционному движению. Собрания эти, как уездные, так и губернские, обращались с адресами и петициями как к правительству, так и к верховной власти, повторяя в них, то в смягченной, то даже в усиленной форме, постановле-

418\* Смысл самой формы т.н. «банкетной кампании» заключался в том, что частные собрания знакомых друг другу лиц, приглашенных индивидуально и бесплатно, не требовали никакого согласования с властями, в отличие от публичных собраний, которые по умолчанию (то есть без особого разрешения) запрещались, вне зависимости от их темы. Банкет, таким образом, был формой политического митинга, замаскированного под частную встречу знакомых.

ния ноябрьского земского съезда. Поток этих обращений был, однако, в половине декабря остановлен особым правительственным распоряжением.

Не менее успешно шли и начинания «Союза освобождения», агитирующие за образование различных профессиональных союзов, но так как это требовало некоторой подготовительной работы, то конкретные результаты она дала лишь несколько позднее, а именно к весне 1905 г.

Словом, в этот период руководящей и тайной пружиной общественного движения был всецело «Союз освобождения». Социал-демократы, расколовшиеся уже к тому времени на два лагеря — большевиков и меньшевиков, планомерного участия в общественном движении не принимали. К тому же большевики с Лениным во главе отстаивали то положение, что всякая совместная работа с либеральной буржуазией лишь ослабит значение «вождей пролетариата».

Тем не менее в некоторых провинциальных городах «партийные работники» согласно с указанием органа меньшевиков «Искры» стремились внести свою специальную ноту в либеральное движение. Они врываются в банкеты и собрания и превращали их в митинги. Имело это место, между прочим, в Харькове и Одессе. В Саратове революционные элементы устроили митинг, на котором было провозглашено низвержение самодержавия и учреждение демократической республики<sup>419</sup>.

419 В «Письме к партийным организациям: Только для членов партии», рассылавшемся в качестве приложения к октябрьским номерам «Искры» за 1904 г., редакция указывала, что «наиболее импонирующим способом заявления социал-демократическим пролетариатом своих требований и своего отношения к тактике умеренных либералов были бы многолюдные

манифестации рабочих, приуроченные к тому, когда земские собрания будут обсуждать адреса, петиции, ходатайства, словом, когда в них вообще в той или иной форме будет поднят вопрос об обращении к правительству с просьбами о пожаловании какой-нибудь конституции или хоть подобия таковой». Первая крупная манифестация такого рода прошла в субботу 6 ноября в Харькове. Когда при обсуждении в Харьковском юридическом обществе доклада о земских учреждениях председатель НА Гредескул предложил послать приветственную телеграмму кн. П.Д. Святополк-Мирскому, адвокат Гонтарев потребовал включить в текст телеграммы требование участия в «законодательных учреждениях представителей от народа с правом решающего голоса». «После этой речи, — как сообщал очевидец, — послышались из публики, присутствовавшей в количестве около 1000 человек, бурные аплодисменты и долго несмолкавшие крики «долгой самодержавие». Посыпались также в большом количестве листки... Началось пение революционных песен; с пением же вышли на улицу, подняли знамя и прошли сомкнутой толпой по улицам. В конце демонстрации явилась полиция, несколько человек было сильно побито, несколько арестовано. В демонстрации участвовало много рабочих» (Искра. 1904. № 78. 20 ноября. С. 6). Две другие крупные манифестации были приурочены к «банкетной кампании», которой «Союз освобождения» отмечал 40-летие судебных уставов. В Одессе 20 ноября 1904 г. манифестации начались с чтения в окружном суде реферата о новом суде в присутствии «нескольких тысяч народа». Рабочие активисты превратили собрание в митинг, причем «полицию с триумфом изгнали. Чебанова (пристава) поколотили». Продолжение манифестации — уличное шествие с пением революционных песен и красными знаменами — закончилось столкновением с полицией и казаками, причем многие демонстранты были ранены, одна женщина задавлена насмерть, 60 человек арестовано (Искра. 1904. № 79. 1 декабря. С. 6). В Саратове 20 ноября «демократическая публика устроила свое собрание... в народной чайной на "Пе-

В результате в России произошло то, что в историческом прошлом имело место во многих других государствах. Слабое правительство, не способное ни на какие, в любом направлении, решительные действия — ибо для того, чтобы добровольно уступить часть своих полномочий обществу, от государственной власти требуется едва ли не больше решимости и твердой воли, нежели для их сохранения, — уступает общественности в ее частных требованиях, не исполняя, однако, ее основного желания, и тем не только не примиряет ее с собою, а усиливает ее натиск, причем само вооружает ее для этого натиска соответственным оружием.

В то время в правых бюрократических кругах избранный кн. Мирским образ действий жестоко осуждался. Его приписывали не его наивности, а, наоборот, видели в нем тонкий макиавеллиевский ход. Утверждали, что он имеет в виду поставить верховную власть в безвыходное положение, а именно — опираясь на высказанное общественными деятелями мнение, что единственный способ остановить надвигающуюся народную революцию состоит в даровании стране конституции, присоединить к этому и свое заключение в том смысле, что он, министр внутренних дел, не может в противном случае отвечать за сохранение в стране спокойствия и порядка. Круги эти

шем базаре"», где собралось «до 1000 человек (рабочих, интеллигенции, учащихся). Говорили прямо без обиняков... и тут определенно высказались за демократическую республику... Когда были выработаны резолюции, решено было через представителей сообщить их юристам, присутствующим на своем банкете, что и было исполнено» (Искра. 1904. № 80. 15 декабря. С. 5).

дошли до того, что прозвали кн. Святополк-Мирского «Святополком Окаянным»<sup>420</sup>.

Между тем кн. Мирский не имел в виду даже конституции, ибо введение в законосовещательное учреждение представителей городских и земских самоуправлений, являясь шагом к конституции, конечно, не было таковой. Действовал же он просто на ощупь, и притом в значительной степени под влиянием того же Витте, убеждавшего его, преимущественно через посредство кн. Оболенского, как в необходимости либеральных реформ, так и в желательности предоставить общественности свободно высказать свои политические взгляды. Понятно поэтому озлобление, вызванное у кн. Мирского критикой Витте на совещании у государя тех самых его предположений, которые тот же Витте ему подсказал.

Если кн. Мирский не обнаружил государственной мудрости в достижении желаемого примирения общественности с правительством, то не большую политическую прозорливость обнаружил в том же направлении и Витте, вырвавший у кн. Мирского осуществление намеченной им программы удовлетворения общественных пожеланий.

Принялся за это дело Витте с обычною у него страстностью и первую стадию провел с молниеносной быстротой. Прошло лишь десять дней со времени совещания у государя по обсуждению записки кн. Мирского, как Витте уже выработал новый проект указа Правительствующему сенату, озаглавленный им «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и содержавший большинство предположений, заключавшихся в записке кн. Мирского. Имелись, однако, в нем и существенные отступления и новшества. Так, прежде

420\* По летописному прозвищу князя Святополка Владимировича, жившего на рубеже 10-11 веков.

всего указ этот содержал в своей заключительной части весьма знаменательную фразу, имевшую, по мнению Витте, обеспечить за ним руководство всей государственной политикой. Фраза эта гласила: «В ряду государственных наших учреждений задача теснейшего объединения отдельных частей управления принадлежит Комитету министров: вследствие сего повелеваем Комитету министров по каждому из приведенных выше предметов войти в рассмотрение вопроса о наилучшем способе проведения в жизнь намерений наших и представить нам в кратчайший срок свои заключения о дальнейшем, в установленном порядке, направлении подлежащих мероприятий. О последующем ходе разработки означенных дел Комитет имеет нам докладывать».

Последние слова были вставлены Витте тоже не зря. Ими он хотел себе обеспечить постоянный, в определенные дни, доклад у государя, чего с назначением председателем Комитета министров он лишился<sup>421</sup>.

Засим, что касается самого содержания указа, получившего в просторечии название указа 12 декабря 1904 г., то он прежде всего гласил, что главной заботой правительства должно быть «наилучшее устройство быта многочисленного у нас крестьянского сословия». Здесь Витте опять-таки преследовал параллельно две цели — одну общегосударственную,

421\* Комитет министров в регулярном порядке рассматривал лишь мелкие рутинные дела, преимущественно назначение усиленных пенсий чиновникам и утверждение уставов акционерных компаний с акциями на предъявителя; эти дела Комитет разрешал самостоятельно, без Высочайшего утверждения. Дела, докладывавшиеся императору (например, законодательные акты, не относимые к одному определённом ведомству) рассматривались Комитетом достаточно редко.

другую личную. Последняя состояла в том, чтобы закрепить за собою в качестве председателя особого совещания по сельскому хозяйству главную роль в разрешении крестьянского вопроса. В этих видах он включил в указ упоминание, что ныне «в особом, из опытейших лиц высшего управления, совещании изучаются важнейшие вопросы устройства крестьянской жизни на основании сведений и отзывов, заявленных при исследовании в местных комитетах общих нужд сельскохозяйственной промышленности». Достижение общегосударственной цели, которую Витте преследовал, а именно слияния крестьян с лицами прочих сословий, он рассчитывал достигнуть включением в указ повеления, чтобы работы сельскохозяйственного совещания «привели законы о крестьянах к объединению с общим законодательством страны, облегчив задачу прочного обеспечения пользования лицами этого сословия признанным за ними царем-освободителем положением полноправных, свободных сельских обывателей».

Весьма характерно для тогдашних взглядов Витте, что никакого упоминания о мерах к упразднению земельной общины в указе не заключалось, хотя в проекте кн. Мирского имелось, как я уже сказал, соответствующее указание. Едва ли требуются дальнейшие доказательства того, что еще в декабре 1904 г. Витте вовсе не разделял мнения о необходимости для обеспечения однообразного социального строя всего государства в первую очередь разрушить земельную общину и передать крестьянам состоящие в их пользовании надельные земли в их полное владение.

Исключение пункта о земельной общине тем более показательно, что все остальные предположенные кн. Мирским реформы были воспроизведены Витте в составленном им указе, за исключением, разумеется, введения в Государствен-



ный совет выборного элемента, отвергнутого на совещании у государя<sup>422 423</sup>.

422 В своих воспоминаниях Витте утверждает, что соответственный пункт был введен в представленный им проект указа, но государем вычеркнут. Это, безусловно, неверно. В последнем легко убедиться из описания самого Витте, при каких условиях это будто бы произошло. Действительно, Витте говорит, что представленный им лично проект указа был тут же государем подписан, причем был вычеркнут пункт о дополнении Государственного совета выборными членами. Не говоря про то, что исключение какой-либо части акта, представленного к подписанию государя, требовало переписки этого акта. Достаточно ознакомиться с текстом указа 12 декабря 1904 г., чтобы убедиться, что никаких предположений о привлечении к законодательной работе представителей общественности он не заключал. Нет сомнения, что в противном случае именно эти предположения были бы поставлены во главу угла всего указа и сопровождаемы соответственными Разъяснениями их значения. Утверждение Витте, что упомянутые предположения были им введены в проект указа, тем более странно, что он же перед этим говорит, что они были отвергнуты на совещании у государя, забывая лишь отметить, что одним из главных их противников был он сам. (Прим. автора)

423 Витте излагает историю пункта о привлечении выборных от земств в Государственный совет, находившегося в проекте указа 12 декабря 1904 г., следующим образом: «Я ответил государю императору, что <...> привлечение представителей общества, особливо в выборной форме, в законодательные учреждения есть первый шаг к тому, к чему стихийно стремятся все культурные страны света, т.е. к представительному образу правления, к конституции...: если Его Величество искренне, бесповоротно пришел к заключению, что невозможно идти против всемирного исторического течения, то этот пункт в указе должен остаться; но если Его Величество... находит, что такой об-

Опубликовав указ 12 декабря, правительство попыталось его использовать для принятия более решительных мер к прекращению выражения тех из обращаемых к нему общественными кругами требований, которые выходили из пределов, возвещенных этим указом реформ. Правительственным сообщением от 14 декабря оно оповестило общественность, что всякое нарушение порядка и всякие сборища противоправительственного характера должны быть и будут прекращены всеми имеющимися в распоряжении власти законными средствами. «Земские и городские установления и всякие учреждения и общества, — говорилось далее, — обязаны не выходить из пределов и не касаться тех вопросов, к обсуждению которых не имеют законных полномочий». Заключало это сообщение и указание на то, что возникшее общественное движение «чуждо русскому народу, верному истинным основам существующего государственного строя», а предъявляемые некоторыми кругами требования именовались при этом недопустимыми в силу «освященных основными законами, незыблемых начал государственного строя».

Первоначально этому оповещению земские и городские установления в известной мере подчиняются: заготовленные ими адреса и петиции не оглашаются и не предъявляются по

раз правления недопустим, что он его сам лично никогда не допустит, то, конечно, с этой точки зрения осторожнее было бы пункт этот не помещать. <...> После этого государь сказал мне: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне богом народа, и поэтому я последую вашему совету и пункт этот вычеркну». <...> Я откланялся государю... и с указом, в котором был вычеркнут этот пункт (а впоследствии утвержден государем), вернулся в Петербург» (Витте СЮ. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 334- 335).

принадлежности, но общественное брожение отнюдь не успокаивается. Система «разрешенное сегодня завтра запрещается» лишь озлобляет общественность. Поддерживает это брожение пресса, едва ли не в большей степени поддерживает его... Комитет министров и его председатель Витте.

С лихорадочной поспешностью приступает он в Комитете министров к обсуждению заключительных пунктов указа 12 декабря в целях развития содержащихся в них общих положений и изыскания способов их фактического осуществления. Однако при всей своей энергии достигнуть конкретных результатов самому Витте при этом не удастся. Комитет министров по самому существу своему не мог взять на себя задачу, которая требовала предварительного тщательного соображения и соответствующего рабочего органа. Конечно, всего проще было поручить отдельным ведомствам разработку законоположений по частям указа, относящимся до предметов их ведения, но это совершенно не отвечало целям Витте. С одной стороны, он, быть может, опасался, что переданные в соответствующие министерства предположения эти там не получат желательного ему широкого либерального характера, а с другой, и это было, несомненно, главной причиной, по которой он не прибег к этому простому способу, он желал прежде всего как можно больше расшуметь проводимые реформы и сохранить за ними в глазах общественности характер мер, задуманных и осуществленных лично им, а вовсе не проведенных в обычном порядке.

Дело в том, что в то время Витте, лишившись царского благоволения, решил вернуться к власти под натиском общественного мнения и потому всемерно стремился привлечь к себе общественные симпатии. С обычной ему неудержимостью и совершенно не считаясь с тем, что слова его могут быть переданы даже в преувеличенном виде государю, он заявил общественным деятелям, с которыми в то время вообще искал

сближения: «Я так глубоко вгоню либеральные реформы, что назад их не отымешь».

Какой же способ избрал для этого Витте? Лишенный возможности самостоятельно выработать в Комитете министров соответствующие законопроекты, вынужденный передать это дело в другие руки, он решил поступить, если можно так выразиться, от обратного, а именно окончательно заклеить существующий по затронутым в указе вопросам порядок. В этих видах он подвергает этот порядок обсуждению в Комитете министров, тщательно зарегистрировав всю высказываемую по его поводу критику, и включает ее в журналы Комитета министров, которые затем предают гласности<sup>424</sup>. Публике официально сообщается, что вся государственная политика была до сих пор сплошной ошибкой, если не простым безобразием. Рассматривая положение печати, Комитет министров кается в обскурантизме, а обсуждая законы, касающиеся старообрядцев, заявляет, что они достигли результатов обратных от тех, которые при их издании преследовало правительство. Однако особенной критике подвергаются, в связи с обсуждением положений об усиленной и чрезвычайной охране, действия администрации. По этому поводу уже самый указ 12 декабря утверждал, что власти в России не исполняют закона и не несут за это должной ответственности. Комитет министров развивает эту тему, причем замещающий в нем кн. Мирского

424 Указ 12 декабря 1904 г. адресовался по настоянию С.Ю. Витте Комитету министров, который он предполагал преобразовать в «кабинет» — объединенное правительство. Уже 14 декабря Комитет объявил о намерении «установить направление предстоящих работ» во исполнении указа, приняв на себя рассмотрение и тех вопросов, которые должны были решаться в законодательном порядке (см.: Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 года. СПб., 1905).

его товарищ П.Н.Дурново рисует целую картину русского бесправия и произвола администрации. Он утверждает, что степень пользования правами, предоставленными администрацией «Положением об усиленной охране», «находится в непосредственной зависимости от личных взглядов того или иного представителя власти: в одной и той же губернии с переменой губернатора нередко изменялось и отношение к данному вопросу. С течением времени представители административной власти на местах стали применять административную высылку не только к лицам политически неблагонадежным, но и вообще к таким обывателям, поведение которых, по мнению начальства, нарушало спокойное течение общественной жизни».

Охарактеризовав таким образом действия власти, Дурново в столь же черных красках описывал положение населения. «Ни один обыватель, — говорил он, — не может быть уверен в том, что он обеспечен от производства у него обыска или заключения его под арест»<sup>425</sup>.

**425** Дурново в это время, как я уже упоминал, выказывал определенный либерализм. "Он громко заявлял, что так долгие государство жить не может, что правительство представляет каких-то татар, живущих в вооруженном лагере. В это же время под его председательством рассматривался в Министерстве внутренних дел вопрос об изменении паспортного устава и положения о видах на жительство, причем Дурново предлагал отменить запрещение выезжать за границу без особых паспортов и даже отстаивал право членов крестьянской семьи начиная с восемнадцатилетнего возраста получать отдельные виды на жительство без согласия на то, как этого требовал закон, главы семьи. Предположение это находилось в полном противоречии с укладом крестьянской семьи и касалось, по существу, вовсе не положения о видах на жительство, а узаконений о крестьян-

Не менее решительно высказывался и председатель Комитета Витте. Он упрекал государственную власть в непредусмотрительности и общей неумелости. «Не было, — указывал он, — своевременно понято значение рабочего вопроса; не был уменьшен гнет, тяготеющий над евреями; не было найдено пути к успокоению учащейся молодежи».

Столь необычайное публичное покаяние было тем более странно, что оно не сопровождалось никаким немедленным фактическим изменением действующих законов: все ограничивалось более или менее туманными обещаниями изменить характер власти в будущем.

Получалось, таким образом, определенное впечатление, что в среде правительства один лишь Витте искренно желает изменения системы управления, но бессилён переломить старые порядки, так как фактически не у власти. Поддерживал это мнение сам Витте в своих частых беседах с представителями либеральной оппозиции. Построил он к тому времени свои планы возвращения к власти на создании себе в России столь

нах, в силу которых надельная земля составляет не личную собственность домохозяина, а семейную собственность, фактически же оно нарушало крепость семьи, так как правилом действующего закона обеспечивался установившийся у крестьян обычай, что члены семьи, уходящие в отхожие промыслы, часть своего заработка обязаны были высылать домой. Можно было к этому положению относиться так или иначе, но отменить его вне всякой связи с общим положением, созданным законом для крестьян, было по меньшей мере странно, почему я против этого решительно и возражал. Впрочем, как известно, никакого изменения в положении о видах на жительство до самой революции произведено не было, хотя во многих своих частях его, конечно, давно следовало пересмотреть. (Прим. автора)

популярного имени, что ему вынуждены будут передать бразды управления государством. Впечатление это усиливалось еще и от самого способа, избранного для осуществления начал, провозглашенных 12 декабря и до некоторой степени разработанных Комитетом министров, а именно поручение этого дела особо созданным комиссиям, непосредственно не связанным с правительственными органами и возглавляемым наиболее известными своим либерализмом членами Государственного совета. Так, меры к водворению законности в стране было поручено обсудить и выработать комиссии под председательством члена Государственного совета А.А.Сабурова; законы о печати поручено пересмотреть комиссии под председательством Д.Ф.Кобеко. Значительно менее популярное лицо было поставлено во главе комиссии о веротерпимости — гр. А.П.Игнатъев, который, кроме того, был назначен председателем комиссии по пересмотру положений об усиленной и чрезвычайной охране.

Реально работы всех этих комиссий дали ничтожные результаты. Одним лишь законам о печати посчастливилось. Выработанный комиссией Кобеко проект был рассмотрен Государственным советом почти накануне открытия Первой Государственной думы и действовал за сим до самой революции 1917 г. Впрочем, еще до образования комиссии о веротерпимости состоялся указ 17 апреля 1905 г., отменивший почти все стеснения, существовавшие для старообрядцев.

Не подлежит сомнению, что все меры, предположенные указом 12 декабря и отчасти осуществленные на его основании, были по существу не только разумны, но настоятельно необходимы. Законы о печати у нас устарели<sup>426</sup>. Положения об

**426** В изданном в 1873 г. положении о печати имеется, между прочим, статья 140, на основании которой министр внутренних

охранах, в сущности, заключали лишь несколько статей, фактически узаконивающих нарушение административной властью всех законов, ограждающих неприкосновенность личности и жилищ. Законы о старообрядцах давно лишились всякого государственного значения и являлись ничем не оправдываемым утеснением наиболее преданных народным устоям элементов. Что же касается упрочнения законности в стране, то нарушение ее зависело от внедрившихся обычаев и порядков и могло быть обеспечено простым применением тех самых действующих законов, пересмотр коих при этом занялись. Впрочем, в этой области сколько законы ни изменяй, но если общество не доросло до самозащиты от произвола власти, он неминуемо будет проявляться.

Все это так, и тем не менее невозможно согласиться с Витте, говорящим в своих воспоминаниях, что указ 12 декабря 1904 г. «мог бы способствовать успокоению революционного настроения, если бы он получил быстрое, полное, а главное искреннее осуществление».

Действительно, сколь бы далеко ни пошла государственная власть в порядке осуществления начал, изложенных в

дел имеет право «воспрепятствовать обсуждению или оглашению в печати вопросов государственной важности». В мотивах к этому закону было оговорено, что «право это может быть применяемо лишь в случаях крайне редких». Таких «редких» случаев оказалось, однако, к 1 января 1905 г. 564, иначе говоря, в среднем через каждые 20 дней, причем со временем случаи эти все учащались и за последние к тому времени годы повторялись в среднем каждые 13 дней. Любопытно, что таким «вопросом государственной важности» уже в 1905 г., когда страна была охвачена революционным психозом, был признан вопрос о том, должны ли танцовщицы в балете брить себе волосы под мышками или нет. (Прим. автора).



указе 12 декабря, требования, предъявлявшиеся ей к тому времени общественностью, она осуществить все-таки бы не могла, а если бы действительно осуществила, то привела бы очень скоро к собственному свержению. Последнее доказала в полной мере как попытка идти по этому направлению тотчас после издания Манифеста 17 октября 1905 г., так и фактическое осуществление безграничной свободы Временным правительством 1917 г., весьма успешно давшим себя уничтожить уличной черни, предводительствуемой беспринципными антигосударственными элементами.

Коренная ошибка всех мер, принятых кн. Мирским и отчасти осуществленных Витте, состояла не в них самих, а в том, что они проводились не с целью усовершенствовать государственный порядок, а ради успокоения оппозиционной общественности, и притом в виде уступок ее требованиям.

Не начини кн. Мирский своего управления провозглашением ничем не обусловленного «доверия» обществу, не разрешай он ноябрьского земского съезда, а осуществи по почину самой государственной власти реформы, проведенные в силу указа 12 декабря, и эти реформы были бы всеми государственными элементами страны приветствованы. Но выпустить из рук инициативу реформ, дать возможность оппозиции провозгласить свою программу и затем ограничиться частичным ее исполнением — это значило лишь проявить свою слабость и не уменьшить, а усилить натиск оппозиции.

В результате общественное брожение поднималось как пена в бокале шипучего вина и тянуло за собою те революционные подонки, которые до тех пор таились в подполье, а ныне, смешавшись с этой пеной, стали смело и даже нагло выступать наружу. Возобновились и массовые студенческие беспорядки и демонстрации, совсем было за последние перед этим годы прекратившиеся. В Петербурге они, однако, не приняли широких размеров, но зато в Москве в декабре месяце

они настолько разрослись, что пришлось для водворения порядка в городе вызывать кавалерийские части.

Не дремали, разумеется, при этом и революционные элементы, однако деятельность их в эту пору в смысле влияния на рабочие и вообще народные массы не имела еще ощутительных результатов. Толчок народному движению, проявившемуся в Петербурге в начале января 1905 г., был дан организациями, возглавляемыми агентами правительства, alias агентами уже устранившегося, но оставившего на местах своих сотрудников Зубатова.

Одновременно падал престиж власти. Последнему, естественно, содействовало содержание опубликованных в то время Витте журналов Комитета министров по разработке указа 12 декабря. Коль скоро правительство, уподобившись провинившемуся школьнику, стало плаксиво каяться в своих разнообразных винах и сопровождать это покаяние чуть ли не клятвенными обещаниями, что впредь оно будет себя вести примерно, то у общественности, естественно, исчез по отношению к нему не только какой-либо страх, но и уважение. Власть сама себя развенчивала и утрачивала то обаяние, на котором во всех странах и во все времена зиждется преимущественная ее сила. Общество, наоборот, приобретало уверенность в себе и, почуяв свободу, закусило удила и бессознательно мчало страну стремглав в революцию, хотя в наиболее культурной своей части революции не только не желало, а, наоборот, весьма ее опасалось.

Словом, страну охватил революционный психоз, и удерживать его распространение и разрастание правительство уже никакими мерами и никакими уступками не было в состоянии, так как вопрос шел о самом его бытии.

Государь, отнюдь не лишенный наблюдательности, проявил в данном случае большую прозорливость, нежели его советники. Он ясно увидел, что деятельность Витте в области

проведения политических реформ порождает не успокоение общественности, а, наоборот, ее вящее возбуждение, и, по обыкновению, мягко и действуя косвенными путями, поспешил устранить его от этого дела. С этой целью государь созвал в начале января по поводу все усиливающегося в стране революционного брожения Совет министров<sup>427</sup> — учреждение, действующее по закону под председательством самого монарха, и по его окончании сказал, что он желает, чтобы впредь все важнейшие вопросы общего значения, возбуждаемые министрами, обсуждались именно в этом Совете, причем назначил своим заместителем на председательском кресле старшего члена Совета, председателя Департамента государственной экономии Государственного совета, гр. Сольского. Таким образом, Комитет министров был вновь ограничен в своей деятельности рассмотрением текущих маловажных вопросов, а его председатель Витте лишен роли политического руководителя министерской коллегии. Витте слишком натянул струну и мог себе не без основания сказать: «Сорвалось».

Что же касается кн. Мирского, то он тотчас после провала его всеподданнейшего доклада на совещании у государя добровольно устранил себя от всякой политической деятельности, да и вообще как-то скис и превратился в пустое место.

<sup>427\*</sup> На тот момент Совет министров, учрежденный в 1861 году, по закону представлял собой нерегулярное и факультативное совещание министров под председательством императора. С 1882 года Совет министров не созывался. Александр III и Николай II предпочитали принимать доклады министров индивидуально, а заведомо межведомственные темы обсуждать (без своего личного присутствия) в Комитете министров либо разнообразных Особых (то есть учреждаемых для конкретного случая) совещаниях. Передача председательствования в Совете заместителю была новацией.

### Глава 3. Положение крестьянского вопроса во время управления кн. Мирским Министерством внутренних дел

Фактическое отсутствие руководителя внутренней политики ощущалось, разумеется, как в общем ходе событий, так в особенности в Министерстве внутренних дел, превратившемся в одну из правительственных инстанций по разрешению текущих дел, причем отдельные его департаменты фактически преобразовались в самостоятельные учреждения, не связанные между собою никакой общенаправляющей их волей. Быть может, с особой яркостью сказалось это в делах, подведомственных земскому отделу, иначе говоря, в крестьянском вопросе, разрешение которого, в его главных чертах, захватил Витте, поставивший его на разрешение председательствуемого им сельскохозяйственного совещания.

Первоначально в этом вопросе Мирский намеревался, видимо, идти в фарватере Витте и кн. Оболенского. По их настоянию взял он себе в товарищи на вакантную должность, занимавшуюся Стишинским, т.е. заведующего крестьянскими учреждениями, Н.Н.Кутлера<sup>428</sup>.

Признаюсь, я усиленно возражал против этого назначения; мне вовсе не хотелось получить в качестве шефа лицо, с которым я в течение двух лет усиленно препирался в различных комиссиях, а в особенности допустить властное хозяйничанье Витте в области, которую я ревниво оберегал от постоянного воздействия. Что именно в этом состоял смысл назначения Кутлера, я, конечно, не сомневался. Убедить Мирского мне, однако, не удалось, но к вящему моему изумлению состоявшееся 20 ноября 1904 г. назначение Кутлера решитель-

<sup>428\*</sup> Речь идет о распределении обязанностей по руководству отдельными подразделениями министерства между товарищами министра; в данном случае Кутлер назначается тем товарищем министра, которому подотчетен Земский отдел.

но никаких последствий, в нежелательном для меня смысле, не имело. Кутлер даже не приложил никаких стараний приобрести влияние на направление деятельности, будто бы подведомственных ему частей Министерства внутренних дел и вполне удовлетворился безоговорочным подписыванием всех посылаемых ему к подписи бумаг. Последнее весьма обрадовало служащих земского отдела, которым щепетильная добросовестность и придирчивость к мелочам Стишинского в достаточной мере надоели, так как они обуславливали необходимость по поводу чуть ли не каждой бумаги иметь с ним продолжительные объяснения. Что же касается моих личных отношений с Кутлером, то они, можно сказать, вовсе не принципиальное значение дела по земскому отделу шли мимо него.

Припоминаю, однако, один довольно типичный разговор с ним. По какому-то поводу я сказал, что земский отдел не обладает достаточными средствами для оплаты экстренных работ. Кутлер выразил свое крайнее изумление. По его мнению, таких средств у отдела должно было быть весьма много, так как в его распоряжение, конечно, поступают все суммы из кредита, назначенного на содержание местных крестьянских учреждений, оставшиеся неизрасходованными к концу года вследствие незамещения в течение года некоторых из этих должностей, общее число коих превышало шесть тысяч. Я ответил, что этими суммами, как ассигнуемыми по другому параграфу сметы Министерства внутренних дел, нежели по которому ассигнуются средства на содержание самого отдела, последний распоряжаться не может. «Это ничего не значит, — ответил Кутлер, — в таком же положении находится департамент окладных сборов Министерства финансов по отношению к содержанию податной инспекции, но мы тем не менее остающимися к концу года неизрасходованными средствами, ассигнуемыми на ее содержание, в департаменте всегда пользуемся. Я вам это устрою, т.е. покажу, как это сделать».

Разговор этот, не имевший, впрочем, не помню почему, никаких реальных последствий, убедил меня в том, что Кутлер легко принимает окраску того учреждения, в котором в данное время состоит, и быстро воспринимает типично ведомственный патриотизм.

Свойство это, на мой взгляд, было у Кутлера наиболее типичным и ярко сказалось во всей его последующей деятельности. Добросовестный работник, точный исполнитель чужих мыслей и указаний, он лишен был собственных твердых убеждений и взглядов и не только легко приспособлялся ко всякой обстановке, но быстро проникался окружающей его атмосферой господствующими в ней течениями. Стоя во главе ведомства землеустройства и земледелия, он первоначально отстаивал интересы крупного сельского хозяйства и рентного землевладения, когда же получил приказание составить проект принудительного отчуждения части частновладельческих земель, то добросовестно и это исполнил. Вынужденный вследствие провала этого проекта и предательства Витте, приписавшего ему инициативу составления этого проекта, оставить государственную службу, он вообразил себя кадетом и в качестве члена Второй Государственной думы составил новый проект на ту же тему, причем принялся провозглашать социалистические принципы. Не будучи избран членом Третьей Государственной думы, он присоединился к банковской деятельности и здесь превратился в горячего защитника интересов капитала и крупной промышленности. Дальнейшую эволюцию он испытал по избрании, после Февральской революции 1917 г., председателем постоянного совета съездов промышленности и торговли. Здесь он оказал содействие образовавшемуся в то время Союзу землевладельцев выдачей ему довольно значительного пособия из сумм, находившихся в распоряжении этого совета. Однако верх приспособляемости Кутлер выказал, когда при большевиках превратился в управ-

ляющего Государственным банком, которым пренебрежительно, но, вероятно, вполне добросовестно правил до самой смерти<sup>429</sup>.

Таков был Кутлер, и, следовательно, неудивительно, что проводником политики Витте, коль скоро он вышел из его подчинения, он сделаться не мог. Значительно менее понятно, что Мирский, взяв Кутлера с целью проводить в крестьянском вопросе мысли, навеянные ему Оболенским, не только перестал интересоваться этим вопросом, но с Кутлером совершенно не сошелся и в проводимую им политику его вовсе не посвящал.

Доверенным лицом Мирского в Министерстве внутренних дел был Э.А.Ватаци, назначенный им директором департамента общих дел. С Ватаци Мирский познакомился еще при управлении Северо-Западным краем, где Ватаци при нем занимал должность ковенского губернатора, откуда был переведен на ту же должность в Харьков. Начал свою служебную карьеру Ватаци комиссаром по крестьянским делам<sup>430</sup> в одной из губерний Царства Польского и там пользовался репутацией весьма деятельного и знающего работника и человека, желающего себе пробить дорогу к степеням известным. Лично я никогда не мог составить себе о нем определенного мнения, производил же он на меня впечатление человека, бесспорно, неглупого, но не имеющего определенной политической физиономии, ограничивающегося старательным исполнением

429 Гурко ошибается, в 1922—1924 гг. Н.Н.Кутлер участвовал в проведении денежной реформы в качестве члена правления Государственного банка РСФСР.

430\* Комиссар по крестьянским делам - должность в губерниях Царства Польского, приблизительно соответствующая по компетенции участковому земскому начальнику.

порученного ему дела и не преследующего никаких вперед намеченных задач и тем более широких государственных целей. Службой, которая была источником его существования и на которой он хотел пробыть на жизненный простор, он очень дорожил и потому старался быть в ладу как с начальством, так и со всей окружающей средой, что, впрочем, отвечало его природному добродушию. К интригам Ватаци не был склонен и карьеру свою основал на добросовестной работе и на следовании господствующему в данное время течению и взглядам ближайшего начальства. Энергией Ватаци тоже не отличался или как-то рано ее утратил, и хотя стремился на первые роли, но сколько-нибудь широкой инициативы не проявлял.

В сущности, Мирский и Ватаци характерами были весьма схожи и вообще подходили друг к другу. Оба преисполненные лучших намерений и неспособные не только к активной борьбе с кем бы то ни было, но даже и к отпору на произведенный на них с любой стороны натиск; они оба не чужды были политической маниловщины. Понятно, что при таких условиях Ватаци не мог помочь Мирскому бороться с Витте в стремлении последнего отнять у Мирского всякое политическое значение.

В результате получилось то, что Мирский довел свое равнодушие к крестьянскому вопросу до такой степени, что даже не принял никакого участия в его рассмотрении в сельскохозяйственном совещании. Наоборот, Витте проявил здесь свою обычную энергию.

С величайшей поспешностью была составлена по его указанию сводка заключений местных сельскохозяйственных комитетов по крестьянскому вопросу, что, впрочем, облегчалось тем обстоятельством, что так как вопрос этот прямо комитетам не был предложен, то многие из них его вовсе не рассматривали. Затем сам Витте счел целесообразным заранее



высказать те начала, которые, по его мнению, должны быть проведены в новых узаконениях о крестьянах. В талантливой записке по крестьянскому делу, написанной по его поручению А.А.Риттихом, проводилась та основная и до бесспорности правильная мысль, что законодательство страны должно стремиться к объединению всех граждан под действием одних общих законов и одних общих административных и судебных установлений. Отсюда делался вывод, что пересмотр узаконений о крестьянах должен иметь в виду по меньшей мере их сближение с остальными сословиями в порядке управления и суда, а отнюдь не дальнейшее и вящее разобщение.

Однако вопрос о крестьянском землепользовании, т.е. об общинном владении землей, обсуждался в записке, так сказать, лишь попутно и никаких конкретных разрешений не заключал.

В крестьянском вопросе Витте в то время очевидно усматривал прежде всего и едва ли даже не исключительно его политическую, а не экономическую сторону.

Такое странное для экономиста Витте направление мысли объяснялось, вероятно, тем, что и в самом изменении гражданского положения крестьянства он не без основания усматривал могущественный способ оживления экономической деятельности сельских народных масс. Зависело это в особенности от его весьма недостаточного знания особенностей крестьянского быта. Наконец, тому же, несомненно, содействовало и то, что передовая общественность, становясь все более единомышленной в вопросе о слиянии крестьян с другими сословиями в порядке управления и суда, в вопросе о земельной общине продолжала держаться разных взглядов.

Рассмотрение крестьянского вопроса в сельскохозяйственном совещании Витте обставил весьма торжественно и даже стремился придать ему ученый характер.

Приглашены были им профессора А.С.Посников, Петражицкий, Пихно, Гулевич, причем и здесь создавалось то направление, которое он хотел дать суждениям совещания: среди приглашенных им профессоров не было ни одного, высказывавшегося за разрушение общины, но зато был такой горячий защитник этой формы землепользования, как А.С.Посников, написавший по этому вопросу несколько ученых исследований<sup>431</sup>. Наоборот, в вопросе об упразднении сословной, в порядке управления и суда, обособленности крестьян среди приглашенных представителей нашей профессуры не было разногласия. Исключение составлял вопрос о полном прекращении применения судом крестьянского обычного права. В этом вопросе даже столь выдающийся в области гражданского права юрист, как профессор Петражицкий, высказывался нерешительно, основываясь при этом на любимой им теории построения законов гражданских на почве врожденного у человечества интуитивного права.

Из бюрократического мира в совещании участвовали едва ли не все лица, почитавшиеся знатоками в области крестьянского права. Были тут и сторонники существующего порядка, имея во главе престарелого участника реформы 1861 г. П.П.Семенова-Тянь-Шанского. К ним принадлежали И.Л.Горемыкин, Н.А.Хвостов — обер-прокурор 2-го департамента Сената и, конечно, А.С.Стишинский. Но были и горячие приверженцы решительного отступления от положений 19 февраля 1861 г., как то: сенатор М.А.Евреинов, печатно ратовавший за всесословную волость, А.П.Никольский, автор статей «Крестьяне, община и X том», и, разумеется, кн. А.Д.Оболенский,

431 Посников А.С. Общинное землевладение. Ярославль, 1875—1877. Т. 1-2.

обнаруживший и здесь присущую ему запутанность мыслей и понятий.

О степени той важности, которую придавали решениям совещания по крестьянскому вопросу, можно было судить по присутствию бывшего министра двора гр. Воронцова-Дашкова, лишь редко удостоивавшего своим посещением даже заседания Государственного совета, членом коего он состоял. Наконец, постоянными участниками заседаний совещания были введенные в его состав министры Ермолов — земледелия, Муравьев — юстиции и Коковцов — финансов.

Заседания совещания происходили два раза в неделю по вечерам в большом зале совета министра финансов и собирали до 60 человек кроме обширной канцелярии, насчитывавшей десятки лиц. Управляющим делами совещания был первоначально И.П.Шипов — директор департамента государственного казначейства, а впоследствии министр финансов в кабинете Витте. Однако, когда Витте примкнул к мысли об уничтожении земельной общины, Шипов — сторонник этой формы землепользования был заменен А.И.Путиловым, приверженцем принципа личного землевладения.

Сам Витте появлялся в зале заседаний, лишь когда ему докладывали, что совещание в полном сборе, и, поздоровавшись лишь с лицами, находившимися на его пути к председательскому креслу, тотчас открывал прения. Держал себя при этом Витте хотя по обыкновению просто, но властно и как бы по-хозяйски. Так, на столе заседаний перед ним стоял особый хрустальный в металлической оправе ящик с папиросами<sup>432</sup>, а

432\* По представлениям того времени, чиновникам недопустимо было курить в заседаниях присутствий (то есть полномочных комиссий), то есть при осуществлении ими, единолично либо

сам он появлялся с четками, обернутыми на руке, которые он медленно, но почти беспрестанно перебирал. Словом, Витте держал себя с домашней непринужденностью и, выказывая несколько подчеркнутую внимательность представителям профессуры, относился в общем ко всем членам совещания и высказываемым им мнениям совершенно одинаково, не делая между ними различия в зависимости от занимаемого ими служебного положения.

Сказать, что Витте обладал даром председательствовать и умением вести прения, однако, нельзя. Происходившие собрания были чрезвычайно интересны, но зависело это от самого масштаба обсуждавшихся вопросов, равно как от несомненно выдающегося в преобладающем большинстве состава участников совещания, но планомерностью происходившие прения не отличались. Крестьянский вопрос был разделен на его три составные части — общественное управление, сословный суд и землепользование, но так как каждая часть была весьма сложна и обширна, то одновременно в одном и том же заседании произносились пространные речи по различным сторонам обсуждаемой части вопроса. Сводки высказанных мнений при этом Витте не формулировал, да это было и затруднительно, так как обсуждались не какие-либо конкретные положения, а более или менее отвлеченные голые принципы, что и придавало работе совещания привлекательную, но малопроизводительную академичность. Совещание это имело характер политического салона, обсуждающего вопросы широкой политики, а не государственного учреждения, рассматривающего какие-либо конкретные вопросы и имеющего целью провести в жизнь ту или иную определенную

коллективно, властных полномочий. Курение в совещаниях консультативного характера считалось возможным.

реформу и вырабатывающего с этою целью вполне реальные мероприятия и правила. Тем не менее ко времени окончания обсуждения каждой части программы занятий совещания канцелярия изготавляла как бы выжимку высказанных суждений, которая затем подвергалась новому, но уже краткому обсуждению и затем голосовалась.

Влияние на принимаемые решения Витте, несомненно, оказывал, но преимущественно вне самых собраний, в порядке частных бесед с отдельными его членами. В самом совещании Витте высказывался мало или, вернее, кратко, не рискуя пускаться в подробное рассмотрение вопроса, досконально ему неизвестного и по которому он имел не столько обоснованное мнение, сколько ясно очерченное направление. Я хочу этим сказать, что он определенно стоял за упразднение крестьянской обособленности, но стоял на основании общих государственных соображений, а как это практически осуществить, ясно себе не представлял. Более определенно ему рисовалось слияние крестьян с другими сословиями в порядке местного самоуправления — путем образования мелкой земской единицы.

На этом вопросе, собственно, и сосредоточились суждения совещания по первой части его программы, причем, разумеется, с места обозначились два лагеря — большинства, высказывавшегося за всеобщую мелкую земскую единицу, и меньшинства, возражающего против этой мысли. Дело в том, что при внешней видимости вполне беспристрастного подбора состава совещания, так как в нем участвовали корифеи обоих существовавших в этом вопросе диаметрально противоположных направлений, фактически имелось обеспеченное большинство за решение вопроса в духе, желательном Витте.

Я уже упоминал, что Мирский в совещании фактически участия не принимал (если не ошибаюсь, он был лишь на двух заседаниях). Между тем по конструкции совещания министры

принимали в нем участие лишь лично в числе персонально назначенных в его состав членов и поэтому заменить себя никем не могли. Ввиду этого юридически Министерство внутренних дел в разрешении совещанием крестьянского вопроса вовсе не участвовало, фактически же оно было представлено тремя лицами: Кутлером, Кривошеиным и мною. Само собою разумеется, что мы не получили никаких указаний от Мирского относительно той линии, которой должны держаться, а посему каждый из нас отстаивал свою личную точку зрения. Впрочем, Кривошеин за все время высказался лишь однажды, да и то не по существу крестьянского вопроса, а по затронутому по ходу суждений вопросу переселенческому. Что же касается Кутлера и меня, то мы часто высказывали мнения противоположные.

Разномыслие это очень не нравилось Витте, как, вероятно, огорчало его и то, что Кутлер не оправдал возлагавшейся им на него надежды в смысле подчинения мнения Министерства внутренних дел в крестьянском вопросе его указке. В особенности сказалось это при рассмотрении вопроса о волостном суде. Витте желал связать в этом вопросе Мирского определенным заявлением в смысле полного упразднения этого суда. В этих видах он лично просил Мирского приехать на заседание совещания, на котором вопрос этот должен был рассматриваться, в чем Мирскому трудно было ему отказать. Во время этого заседания Мирский, однако, упорно молчал, пока Витте сам не обратился к нему с просьбой сказать, как смотрит на этот вопрос Министерство внутренних дел. Положение Мирского было очень тяжелое. Не принимая до тех пор участия в заседаниях совещания, не имея даже отчетливого представления, о чем идет речь, он смутился и сказал лишь немного слов, которые можно было понять как угодно, вернее, вовсе нельзя было понять, но которым Витте постарался тут же придать желательный ему смысл. Произошло это уже после

того, как Витте вырвал у Мирского осуществление предположенных им либеральных реформ, а следовательно, когда Мирский уже утратил добрые чувства и доверие к Витте, чего, однако, по мягкости характера открыто ему не выказывал. Немудрено поэтому, что на следующий день после этого заседания Мирский мне сказал: «Говорите и отстаивайте, что хотите в совещании Витте, но я туда более не поеду; я отлично понимаю, что он просто хочет меня поймать. Вопрос до сих пор для меня не ясен, и вперед связывать себя каким-либо мнением я не могу».

Возвращаюсь, однако, к обсуждавшемуся в сельскохозяйственном совещании вопросу о мелкой земской единице. Из произведенного мною в течение предшествующего лета ознакомления с деятельностью волостных правлений в нескольких уездах трех различных по их особенностям губерний я пришел к убеждению, что местные хозяйственные интересы еще вовсе не будут обеспечены одним включением в состав волостных обществ всех проживающих в пределах волости и владеющих в них недвижимой собственностью лиц других сословий, хотя бы это и сопровождалось объединением мелких волостей в одну более крупную. Дело в том, что значительное Уменьшение числа волостных центров с соответственным увеличением территории отдельных волостей было бы сопряжено, в особенности при нашем бездорожье, с значительными неудобствами для населения, имевшего постоянную надобность обращаться по самым различным вопросам в волостные управления. Между тем превращение существующих крестьянских волостных обществ во всесословные для преобладающего большинства из них не имело бы никакого реального значения, так как в их пределах если и имелись недвижимые имущества лиц других сословий, то лишь в незначительном числе и ничтожной ценности; во многих волостях их и вовсе не было. Ввиду этого средства большинства волостей, необходимые для удовлетво-

рения местных общественных нужд, остались бы по-прежнему совершенно ничтожными. Как я выразился в сельскохозяйственном совещании, большинство учрежденных таким путем всеобщих мелких земских единиц имело бы достаточно средств разве для содержания волостного общественного петуха. Наоборот, единичные волости, случайно имеющие в своей черте либо обширные частновладельческие земельные имущества, либо крупные промышленные заведения, получили бы столь мощные от их обложения волостными сборами денежные средства, которые бы поставили их в слишком привилегированное положение по сравнению с другими волостями, и притом, несомненно, в ущерб им, так как при обращении этих средств на хозяйственные потребности более обширной территории ими бы воспользовались и соседние волости.

Со своей стороны, прельстился я в то время английской системой организации низших ячеек местного самоуправления, основанной на совершенно ином принципе. В Англии четыре основные отрасли местного хозяйства: школьное дело, лечебно-санитарная часть, благотворительность и дорожное дело — имеют каждая свои особые территориальные округа, площадь которых зависит от возможности удовлетворения этих нужд обитающим в их пределах населением и степенью его платежных сил. Так, заботы о школах сосредоточены в ничтожных по их размерам территориальных единицах; лечебно-санитарное дело ведается уже в более значительных по их пространству и населенности округах, так как та же больница может обслуживать население, живущее на большем от нее расстоянии, нежели ежедневно посещаемая школа. Еще в большем районе может успешно действовать благотворительная помощь, выражающаяся преимущественно в устройстве приютов, богаделен и тому подобных учреждений. Наконец, наибольших размеров достигают округа, ведающие дорожным делом, что обуславливается как стоимостью дорож-



ных сооружений, исполнять которые под силу лишь более или менее мощным по их платежным средствам общественным объединениям, так и самым существом этого дела, т.е. соединением путями сообщения не только ближайших местностей, но и более удаленных. Что же касается до остальных разнообразных общественных потребностей, то они ведаются более крупными объединениями, а именно графствами.

В отчете по произведенной мною ревизии, существенная часть которого заключала те общие выводы в отношении обеспечения местного благоустройства, к которым я пришел, эта схема была подробно развита, причем само собою разумеется, что предположенная мною первичная земская ячейка должна была явиться всеобщей. При этом я указывал, что крестьянская волость должна в таком случае превратиться в низшую, исключительно административную инстанцию, обслуживающую как общесословные, так и общегосударственные потребности, и как таковая должна быть в непосредственном ведении администрации и содержаться на общегосударственные средства, что не мешало бы сохранению за волостными должностями выборного начала.

Предложенная мною схема заинтересовала некоторых членов совещания, но ни к каким результатам это не привело.

Вообще, по мере хода работ совещания я все более убеждался, что ожидать от него каких-либо реальных последствий не приходится и что поставленная на эти рельсы реформа крестьянского законодательства затянется до бесконечности. Становилось все очевиднее, что непосредственная цель, которую в то время преследовал Витте, состояла в огульном, до их рассмотрения в центральных учреждениях, забраковании проектов новых узаконений о крестьянах, выработанных в Министерстве внутренних дел, и передаче всего этого дела для новой разработки в какое-либо подведомственное Витте междуведомственное учреждение, хотя бы, например, в Коми-

тет министров или в то же сельскохозяйственное совещание с учреждением при нем специального с этою целью рабочего органа. Такой оборот дела мне, разумеется, не нравился во всех отношениях; выпускать это дело из своих рук без борьбы я вовсе не намеревался. Я продолжал думать, что наиболее быстрым способом разрешения крестьянского вопроса, и притом не только в его общих, принципиальных чертах, но и в проведении соответственных законодательных актов, является дальнейшая разработка проектов Министерства внутренних дел, хотя бы и сопровождающаяся существенными их изменениями. Но для того, чтобы этого достигнуть, необходимо было, чтобы рассматривавшие как раз в это время упомянутые проекты губернские совещания энергично продолжали свою работу.

Указ 12 декабря, оповещавший о рассмотрении крестьянского вопроса в совещании Витте и о том новом направлении, которое дается этому вопросу, не мог не повлиять на работы этих совещаний, отнимая у них всякую охоту обсуждать проекты, как будто уже забракованные.

Сообразив все это, я убедил Мирского циркулярно сообщить всем губернаторам, что работы Министерства внутренних дел отнюдь не утратили своего значения и что скорейшее рассмотрение их на местах существенно важно, причем указал, что подобное оповещение губернских совещаний ввиду указа 12 декабря возможно и будет иметь значение лишь в том случае, если оно будет опираться на соответственном решении государя. Кн. Мирский, однако, не сразу на это согласился, и тут мне пришлось прилгнуть к содействию Ватаци, который был не прочь отомстить Витте за то, что он вырвал у кн. Мирского осуществление его предначертаний в области общей политики. Конечно, кн. Мирский и Ватаци вполне сознавали, что предположенная мера будет прямым ударом, по сельскохозяйственному совещанию, поскольку оно занималось

крестьянским вопросом, а в особенности по самому Витте, уже торжествовавшему победу в той давней борьбе, которую он вел в этом вопросе с Министерством внутренних дел.

В абсолютной тайне был составлен особый всеподданнейший доклад по этому делу и одновременно заготовлен проект циркулярного письма губернаторам. Доклад этот был представлен кн. Мирским государю 31 декабря 1904 г.; в тот же день циркулярное письмо губернаторам было министром подписано и тотчас сдано в «Правительственный вестник». Оно появилось в новогоднем его номере, всегда получавшем исключительное распространение, так как он заключал обычно жалующие к 1 января награды.

В письме этом, указывавшем, как сказано, что оно составлено соответственно указаниям верховной власти, заключалась фраза, что основным материалом при окончательной разработке крестьянского законодательства послужат заключения губернских совещаний, как «высказываемые людьми, специально к тому призванными, близко стоящими к сельскому населению и вполне ознакомленными с его особенностями». Фраза эта приобретала особое значение в связи с упоминанием в письме об обсуждении крестьянского вопроса в сельскохозяйственном совещании, которому, таким образом, придавалось лишь второстепенное значение.

Наряду с этим в заключительной части этого письма разъяснялось, что губернским совещаниям должна быть предоставлена должная свобода суждений, так как от них «важно получить не одобрение посланных на их заключение проектов, а выражение действительных, господствующих по сим вопросам в среде людей, ознакомленных с сельским бытом, взглядов и мнений».

Само собою разумеется, что письмо это произвело на членов сельскохозяйственного совещания впечатление разорвавшейся бомбы, причем одни — меньшинство — его горячо

одобряли, а другие — резко и страстно критиковали. Что же касается Витте, то он был им в высшей степени расстроен и на первом же после его появления заседании совещания выказал мне подчеркнутую холодность. Не сомневаюсь, что он наговорил по этому поводу много неприятностей Кутлеру, который не сумел укараулить интересов Витте в Министерстве внутренних дел, хотя специально был для этого туда посажен. Сужу я об этом потому, что первоначально Кутлер, хотя, разумеется, не посвященный в тайну составления этого письма, не был им вовсе возмущен, находя вполне естественным, что ведомство отстаивает значение произведенных в нем работ, а через несколько дней выказывал уже иное к нему отношение. Само собою разумеется, что занятия сельскохозяйственного совещания тем не менее продолжались и наконец дошли до рассмотрения вопроса о земельной общине<sup>433</sup>.

Постановка вопроса о земельной общине в последнюю очередь уже сама по себе свидетельствовала о недостаточном понимании Витте сущности всего крестьянского вопроса, так как только при его предварительном разрешении можно было разрешить тесно с ним связанные вопросы крестьянского общественного управления и суда, а в особенности применения судом крестьянского обычного права. Свидетельствовала она также, что Витте придавал этому вопросу лишь второстепенное значение.

**433** Произошло это уже после отставки кн. Мирского и назначения министром внутренних дел А.Г.Булыгина, но так как последний, насколько помнится, даже не был введен в состав сельскохозяйственного совещания и, во всяком случае, участия в нем не принимал и даже по его поводу со мною не разговаривал, то для последовательности и Цельности описания деятельности этого совещания закончу его здесь, в главе, посвященной мною министерству кн. Мирского. (Прим. автора)

Вопрос об общине, как я уже неоднократно говорил, представлялся мне центральным не только во всем строе крестьянской народной жизни, но даже для всего как политического, так и экономического будущего государства. Поэтому я воспользовался первой возможностью высказать по этому поводу мой взгляд до конца. В пространной речи я изложил все те основания, по которым мне представлялось, что община отнюдь не является особенностью, присущей русскому крестьянству, а просто примитивная форма землепользования, через которую прошли все народы в известной стадии их экономического развития. Закончил я свое изложение перечислением тех конкретных мер, которые необходимо тотчас принять для скорейшего перехода всего крестьянства к личному, по возможности обособленному, землевладению и землепользованию, меры, которые впоследствии вошли в указ 9 ноября 1906 г. о праве выхода крестьян из общины.

Витте слушал мои объяснения с величайшим вниманием, причем, закрыв ввиду позднего времени заседание тотчас по окончании моей речи, демонстративно ко мне подошел и, пожимая мою руку, сказал: «Я с вами вполне согласен». Вообще, я должен сказать, что с тех пор отношение ко мне Витте значительно изменилось, и мне пришлось впоследствии с ним неоднократно вполне дружелюбно беседовать на разнообразные темы.

Суждения совещания по вопросу о земельной общине приняли, однако, затяжной характер. За ее сохранение высказывались с особою горячностью профессор Посников, Стишинский, Хвостов и, насколько помню, член Государственного совета Калачев, почитавшийся знатоком крестьянского обычного права; за ее немедленное разрушение, в сущности, никто не стоял. Перечислял своим невероятно скрипучим голосом недостатки общины А.П.Никольский, заменивший впоследствии Кутлера на должности главноуправляющего земле-

устройством и земледелием, но никаких конкретных мер, направленных к ее упразднению, он, однако, тоже не предлагал.

Вообще в этом вопросе не только бюрократия, но и общественность проявляли какую-то странную робость. Число лиц, сознававших и, главное, признававших все отрицательные стороны общинного землевладения, было более чем значительно, но число решившихся высказаться за энергичные меры, направленные к разрушению общины, было совершенно ничтожно. Так, среди множества уездных сельскохозяйственных комитетов не было ни одного, поставившего этот вопрос ребром и осмелившегося его определенно разругать. Земельная община представлялась каким-то фетишем, и притом настолько свойственной русскому народному духу формой землепользования, что о ее упразднении едва ли даже можно мечтать. К числу таких лиц в течение долгого времени, несомненно, принадлежал и Витте, чем и объясняется, что центр тяжести крестьянского вопроса он переносил в его политическую плоскость. Наконец, за общину усиленно стояли социалисты всех толков, а русская общественность, даже в той ее части, которая не была заражена социалистическими утопиями, все же не смела высказаться за меры, которые будто бы противоречили благу народных масс. Да, социалистические учения у нас многими признавались за неосуществимые, но если бы они могли быть постепенно осуществлены — за отвечающие интересам большинства человечества, и очень мало лиц постигало в полной мере, что идея всеобщего человеческого во всех отношениях материального равенства не только утопична, но и вредна и ведет не к улучшению условий человеческого существования, а к их ухудшению. Никак не хотели признать глубокой правоты старого римского изречения «*humanum pusillus vivit genus*» («род людской живет немногим») и что правление всех ведет не к повышению

уровня человеческой деятельности, а к ее понижению решительно во всех ее областях, как материальных, так и духовных. В особенности же считалось у нас непристойным высказываться за такие меры, которые по духу своему были антисоциалистичны. Робость нашей общественности в вопросе об упразднении общины во многом зависела от этого.

Вопрос об общине был тем более сложный, что с ним был тесно связан и вопрос о семейном и личном владении крестьян землей. Я, разумеется, не стану входить во все подробности этих сложных вопросов и отношения к ним сельскохозяйственного совещания, тем более что все высказанные в его среде по их поводу мнения воспроизведены, как вообще все суждения совещания по крестьянскому вопросу, в изданных и, насколько помню, поступивших в продажу стенографированных протоколах<sup>434</sup>. К сожалению, у меня ныне нет в моем распоряжении и этих протоколов, как и вообще преобладающего большинства документов, относящихся до описываемого времени, что существенно препятствует более подробному и всестороннему его изображению. Приходится поневоле полагаться почти исключительно на свою память, которая, как известно, часто изменяет человеку. Думаю, впрочем, что во всем мною до сих пор описанном она мне, вероятно, изменяла в смысле некоторой неполноты картины, которую я стремлюсь воспроизвести, но не в смысле точности передаваемого мною.

Итак, я сказал, что суждения по вопросу о земельной общине затянулись в совещании Витте: начатые, если не ошибаюсь, еще в начале февраля 1905 г., они к концу марта не были закончены, а между тем 30 марта совещание, далеко не закон-

434 См.: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Протоколы по крестьянскому делу. Заседания с 8 декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г. СПб., 1905.

чившее своих трудов, было внезапно закрыто. История этого закрытия не лишена некоторого интереса.

Дело в том, что с кончиной Плеве, конечно, не исчезли все как политические, так и личные враги Витте. Среди них наиболее сильным, упорным и умеющим спокойно и настойчиво преследовать поставленную им себе цель был И.Л.Горемыкин, некогда, еще в 1899 г., лишившийся под влиянием Витте портфеля министра внутренних дел и царского благоволения. Состоя с тех пор лишь членом Государственного совета, и притом участвующим лишь в общих его собраниях, Горемыкин лишен был возможности сколько-нибудь деятельно бороться с Витте. Назначенный в состав сельскохозяйственного совещания, Горемыкин, коль скоро это совещание приступило к обсуждению крестьянского вопроса, стал его неукоснительно посещать и хотя, по своему обыкновению, высказывался в нем мало, но, однако, определенно выражал свое несочувствие тому направлению, которое стремился дать разрешению этого вопроса Витте. Едва ли, однако, ему удалось бы достигнуть своей цели, т.е. свалить Витте и одновременно самому так или иначе вернуться к активной деятельности, если бы Витте сам к этому времени не лишился доверия престола. Произошло это приблизительно к концу января 1905 г. на почве осуществления указа 12 декабря 1904 г. Но в особенности помогло Горемыкину назначение петербургским генерал-губернатором Д.Ф.Трепова, скоро приобретшего влияние у государя. Дело в том, что с братом его В.Ф.Треповым, бывшим во время управления им Министерством внутренних дел Директором департамента этого министерства, Горемыкин был весьма близко знаком.

Два слова об этих двух братьях. Д.Ф.Трепов был, по существу, прекрасный человек. Порядочный во всех отношениях, он посвящал все свои силы поручаемому ему делу и стремился принести на нем наивозможно большую пользу, но в особен-



ности отличался он непоколебимой и беззаветной преданностью особе государя. В сущности, Россия если для него существовала, то лишь на втором плане, а впереди нее была династия. Словом, он был типом того гвардейского офицера, который составлял идеал германского императора Вильгельма II<sup>435</sup>, а именно человек, готовый идти против всех и вся и в том числе и против самых близких ему по крови, если на то последует приказ его повелителя или вообще этого потребуют, по его представлению, интересы монарха. Но этим и ограничивались его достоинства. Достаточно в умственном отношении ограниченный, он, кроме того, был в высшей степени невежествен.

Закончив свое образование в училище, где, по выражению Щедрина, все науки проходят верхом<sup>436</sup>, он с этих пор, кроме устава кавалерийской службы, едва ли открыл какую-нибудь книгу. Однако и это было бы терпимо, если бы не другие его особенности: действительно, во все времена существовали вполне сносные администраторы, не отличавшиеся ни исключительным умом, ни образованием, но обладавшие зато здравым смыслом, твердой волей, не задававшиеся какими-либо широкими задачами, а ограничивающиеся добросовестным исполнением своей прямой обязанности — охранением общественного порядка и спокойствия. Совершенно иного типа был Д.Ф.Трепов. Принадлежал он к числу тех ограниченных, но

435\* По распространенной в то время легенде (видимо, полностью безосновательной) братья Треповы были внуками (внебрачными) императора Вильгельма I и, соответственно, двоюродными братьями Вильгельма II.

436\* Д.Ф.Трепов получил образование в Пажеском корпусе, выпускники которого традиционно начинали службу в гвардейской кавалерии.

весьма честолюбивых людей, которые совершенно не сознают своей ограниченности, ничтоже сумняся берутся за всякое дело, и притом постоянно хватаются за исполнение самых вздорных, случайно пришедших им в голову или навеянных другими идей. Если к этому прибавить, что никакой устойчивостью ни мысли, ни образа действий он не отличался и легко поддавался панике, то легко будет понять, что более неподходящего человека для исполнения сложных обязанностей государственного характера, да к тому же в революционное время, нельзя было выбрать.

Сочетание ограниченности с крайним невежеством, с одной стороны, и легкая увлекаемость новыми мыслями, с другой, приводили на практике к самым неожиданным результатам. Свойства эти побуждали Д.Ф.Трепова предпринимать такие действия, которые в корне противоречили единственно крепко в нем заложенному чувству — глубокому и искреннему монархизму. Обнаружилось это в полной мере весной 1906 г., когда под влиянием страха за династию он пустился в переговоры с кадетами, осаждавшими власть в Первой Государственной думе.

При всем том надо сказать, что при поверхностном знакомстве с ним Д.Ф.Трепов первоначально производил приятное впечатление. Благовоспитанность форм и чрезвычайная искренность тона, при полной готовности — это ясно чувствовалось — воспринять мысль своего собеседника, скрывали до поры до времени его глубокое невежество, а в особенности неспособность длительно останавливаться на какой-либо мысли и сколько-нибудь тщательно ее обсудить. Крылатое слово, пущенное про него с трибуны Государственной думы кн.

С.Д.Урусовым, — «вахмистр<sup>437</sup> по образованию и погромщик по призванию» — в корне неверно. Даже Витте, в своих воспоминаниях отзывающийся весьма нелестно о Д.Ф.Трепове, отрицает, что он был охотником до погромов и вообще до дикого насилия<sup>438</sup>. Я скажу, что он не был и вахмистром. Образование его было действительно немногим больше, нежели у вахмистра, но отличительными для вахмистра свойствами — прямолинейностью и тонким пониманием своих прав и обязанностей — он вовсе не отличался. Наоборот, он постоянно хотел достигнуть преследуемой цели и осуществить возложенные на него обязанности не обыкновенным рутинным, единственно доступным для преобладающего числа людей способом, а какими-то особыми, сложными и новыми путями. Не считался он при этом ни с какими установленными порядками и даже законами. Последнее развилось у него, несомненно, в бытность его обер-полицмейстером в Москве, где под всеильной защитой великого князя Сергея Александровича, занимавшего должность генерал-губернатора, он привык не считаться ни с чем и ни с кем и столь же

437\* Еще один намек на кавалерийское прошлое Трепова. Звание вахмистра существовало только в кавалерии и жандармерии, в прочих родах войск ему соответствовало звание фельдфебеля.

438 Витте в своих «Воспоминаниях», соглашаясь с первой частью характеристики, данной Д.Ф.Трепову кн. С.Д.Урусовым («вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждению»), замечает далее: «Трепов не был погромщик по любви к сему искусству, но он не исключал сего средства из своего политического репертуара и по убеждению прибегал к нему или, вернее, был не прочь к нему прибегать, когда считал сие необходимым для защиты основ государственности, так как основы эти ему представлялись как "вахмистру по воспитанию"» (Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 350).

свободно нарушать права частных лиц, сколь игнорировать распоряжения, исходящие из центрального управления Министерства внутренних дел.

Иной человек был В.Ф.Трепов, бывший в описываемое время сенатором 1-го (административного) департамента, а перед тем таврическим губернатором.

Немногим более образованный<sup>439</sup>, нежели Д.Ф., совершенно не склонный к отвлеченным рассуждениям, он отличался большим природным здравым смыслом, практической сметкой и деловитостью при железном характере и исключительной напористости в достижении преследуемой цели. Столь же убежденный консерватор и, разумеется, монархист, как и брат его, он все же видел в монархии не самоцель, а служебное начало для блага родины. При этом он вполне понимал, что сохранить единодержавный строй, разрушив те основы, на которых он зиждется, невозможно. Такой основой, в представлении В.Ф.Трепова, был существовавший в России сословный строй, правда, с каждым днем все более разрушавшийся и на деле во многих отношениях проявлявшийся лишь в различных, разбросанных в 16 томах Свода законов постановлениях, но все же сохранивший свою внешнюю видимость. Вследствие этого, когда Витте пустился в крикливую критику порядка вещей в империи и провозгласил необходимость слияния крестьян с прочими сословиями, В.Ф.Трепов вполне примкнул к стремлениям Горемыкина окончательно сломить шею Витте и, но возможности, захватить разрешение крестьянского вопроса в свои руки.

В результате получилось то, что сокровенным центром борьбы с Витте явилась квартира Горемыкина. Здесь, в тесном кружке, к которому присоединился Кривошеин, осуждались

439\* В.Ф.Трепов получил образование в Александровском лицее.

все действия Витте и обсуждались способы его устранения. Центр этот просуществовал довольно долго, а именно до весны 1906 г., т.е. до увольнения Витте от должности председателя Совета министров и назначения на его место Горемыкина. Действовал этот кружок через Д.Ф.Трепова, причем впоследствии тут составлялись особые записки, предназначенные для государя, а в некоторых случаях имеющие целью вразумить лишь самого Д.Ф.Трепова.

Действительно, хотя В.Ф.Трепов и имел влияние на своего младшего брата, но далеко не безграничное. Последний, как большинство слабовольных людей, боялся чужого влияния и, когда подозревал, что им хотят управлять, проявлял значительное упрямство. Подходить к нему надо было умеючи, оберегая его самолюбие и отнюдь не действуя на него нахрапом. Между тем В.Ф.Трепов, по свойствам своего горячего темперамента и несдержанного характера, не был способен на дипломатические подходы, в особенности к родному, да притом еще младшему, брату. Надо было дополнить непосредственное воздействие на Д.Ф. еще чем-либо иным. Вот в таких-то случаях и прибегали к особым запискам, написанным академически и в мягких тонах. Для составления этих записок был привлечен Кривошеиным Н.В.Плеве — человек определенно тупой, но хорошо владеющий пером и умеющий излагать и даже развивать чужие мысли. Но это было уже несколько позднее, а именно во время премьерства Витте, когда Д.Ф.Трепов состоял дворцовым комендантом и имел, следовательно, возможность ежедневно видеть государя.

В описываемое время центр этот только что образовался, но тем не менее весьма скоро добился существенного успеха. Руководимый хитроумным Улиссом — Горемыкиным, он сумел использовать усиливавшееся у государя недоверие к Витте, когда последний пустился в своеобразное исполнение предначертаний указа 12 декабря 1904 г., чтобы окончательно

его свалить. Началось это с того, что Горемыкин принялся в сельскохозяйственном совещании уличать Витте в непоследовательности и в том, что он ныне усиленно порицает те самые меры правительства, которые он же сам в свое время защищал и проводил. Вопрос шел об отмене в законодательном порядке в 1895 г. статьи 165 положения о выкупе надельных земель, в силу которой каждый крестьянин-общинник имел право приобрести в личную собственность состоящий в его пользовании участок надельной земли путем досрочного взноса всей причитающейся за этот участок выкупной суммы. Так как отмена этой статьи служила главным препятствием к постепенному разрушению общины, то тем самым оказалось, что инициаторы этой меры в высшей степени содействовали закреплению у нас общины. Горемыкин между тем заявил, что всего решительнее высказывался за эту меру и горячо защищал ее перед Государственным советом при ее прохождении там не кто иной, как С.Ю.Витте, ныне высказывающийся за уничтожение общины.

Витте, весьма не любивший, чтобы его уличали в непоследовательности, а в особенности в совершении им каких-либо ошибок, отвечал с явной запальчивостью и наотрез отрицал утверждения Горемыкина. Не уверен, но мне кажется, что именно в пылу этого спора Витте и сказал ту фразу, которая и должна была его погубить. «Не пройдет и года, — пророчески заявил он, — как мы в этом или в каком-либо ином зале будем говорить о переделе частновладельческой земли».

Витте в данном случае проявил политическую прозорливость: в феврале 1906 г. Совет министров под его же председательством действительно обсуждал вопрос о принудительном в пользу крестьян отчуждении частновладельческих земель, но в то время прозорливость эта оказалась для него роковой. Не прошло и недели, как сельскохозяйственное совещание было Высочайшим указом закрыто и одновременно учреждено но-

вое совещание об укреплении крестьянского землевладения под председательством Горемыкина. В данном на имя Горемыкина рескрипте<sup>440</sup> целью этого совещания было поставлено расширение крестьянского землевладения «при неременном условии охранения частного землевладения от всяких на него посягательств» и затем скорейшее отграничение крестьянских земель, «дабы вящим образом утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности».

Помешенные в рескрипте фразы, конечно, не были ответом на слова Витте. Включены они были вследствие происшедших в начале апреля, т.е. недели за три до закрытия сель-

440 Одновременно с указом от 30 марта 1905 г. о закрытии Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности был опубликован подписанный императором в тот же день рескрипт на имя И.Л.Горемыкина о назначении его председателем вновь создаваемого совещания, независимого от редакционной комиссии МВД, которому надлежало разработать средства «непосредственного упрочения земельного строя крестьян... при неременном условии сохранения частного землевладения от всяких на него посягательств» и «приложить заботы к завершению отграничения крестьянских наделов от земель прочих владельцев, дабы тем самым вящим образом утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности» (Правительственный вестник. 1905. 1 апреля). В феврале 1905 г. сильные крестьянские волнения, сопровождавшиеся погромами усадеб, произошли в Черниговской и Орловской губерниях. Министр земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолов в своем докладе императору 14 марта 1905 г. связывал усиление брожения среди крестьян с влиянием раненых, возвращающихся с японского фронта (см.: Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1989. С. 28, 86-87).

скохозяйственного совещания, аграрных беспорядков, охвативших довольно широкий район. Беспорядки эти были вызваны, как все подобные беспорядки, социал-революционной пропагандой, не прекращавшейся со времени первых аграрных волнений, происшедших в апреле 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях. Особенно усилилась эта пропаганда с началом Японской войны, причем приобрела по мере испытываемых нами неудач все более благоприятную почву.

Казалось бы, два эти явления — неудачная война и успех проповеди насильственного отобрания крестьянами земли у помещиков — не имели ничего общего; между тем внутренняя психологическая связь между ними несомненно была. Тут действовали две причины различного порядка: возроставшее среди крестьян общее недовольство, порождаемое преимущественно призывом на войну запасных, и падение в народном представлении престижа государственной власти — неизбежное последствие поражений на поле битвы.

Как бы то ни было, Горемыкин торжествовал: после более пятилетнего вынужденного отдыха он вновь возвращался к активной деятельности, причем одновременно выбивал из седла, на которое рассчитывал сам сесть виновника этого отдыха — Витте.

Не могу не рассказать здесь небольшой сценки, происшедшей на последнем заседании сельскохозяйственного совещания, характерной как для общих условий того времени, так и для главного участника — Горемыкина.

Заседание это, как всегда вечернее, происходило в тот момент, когда юридически сельскохозяйственное совещание уже перестало существовать. Утром этого самого дня — 30 марта 1905 г. — были подписаны государем акты об его закрытии и об учреждении нового совещания, причем рескрипт Горемыкину уже был ему доставлен.



Обстоятельство это не помешало Горемыкину не только появиться на этом заседании, но еще принести с собою документы, уличающие Витте в том, что он в 1895 г. поддерживал меры, фактически закреплявшие на неопределенное время существование земельной общины.

Как сейчас вижу входящую в зал заседания уже в то время слегка согбенную фигуру Горемыкина с непосредственно следующим за ним курьером, несущим два толстых фолианта: то были два дела Государственного совета, заключавшие бумаги и документы, касающиеся рассмотрения в 1895 г. вопроса об отмене упомянутой мною статьи 165 положения о выкупе надельных земель. Усевшись на своем обычном месте, Горемыкин с невозмутимо спокойным видом раскрыл положенные перед ним дела Государственного совета на заранее закладками отмеченных им местах, а по открытии заседания тотчас попросил слова. Разглаживая привычным жестом свои длинные пышные бакенбарды, принялся он за чтение высказанных Витте за девять лет перед тем доводов в пользу закрепления общинного землепользования вплоть до истечения срока выкупной операции. Доводы эти были, впрочем, исключительно фискального свойства и не касались существа вопроса<sup>441 442</sup>.

441 Витте в своих мемуарах утверждает, что он стоял за сложение с крестьян следуемых с них за надельные земли выкупных платежей. Но когда же это было? В 1895 г. он настолько мало за это стоял, что даже лишил отдельных крестьян права досрочного выкупа причитающейся им доли надельной земли из опасения, что при этом из состава земельных крестьянских общин выйдут наиболее зажиточные крестьяне, вследствие чего труднее будет взыскать с оставшихся в общине крестьян ежегодно уплачиваемые ими за взаимную круговую порукою выкупные суммы. Да и независимо от того, кто бы стал препятствовать

Для тех из присутствовавших на этом заседании лиц, которые уже знали о последовавшем закрытии сельскохозяйственного совещания, зрелище это было любопытным и, скажу, тяжелым. Не сомневаюсь, что Горемыкин пришел на совещание не столько для того, чтобы потешиться над поверженным врагом, как для того, чтобы отвести от себя подозрение в том, что именно он инициатор закрытия совещания. Таким способом он, вероятно, хотел доказать остальным членам совещания, что его закрытие столь же неожиданно для него, как и для них. Однако на деле для тех, впрочем весьма

министру финансов уменьшить налоговое бремя, если бы он сам по состоянию средств государственного казначейства признавал это возможным? И зачем только Витте в своих воспоминаниях цинично утверждает такие факты и приписывает себе такие намерения, опровергнуть которые так легко на основании множества им лично подписанных бумаг или высказанных и закрепленных в печати слов? (Прим. автора)

- 442 С.Ю.Витте писал: «Несколько раз в Государственном совете я возбуждал вопрос или, вернее говоря, щупал почву: как отнесся бы Государственный совет, если бы я в качестве министра финансов поднял вопрос о сложении выкупных платежей, — и заметил явное нерасположение к такой мере» (Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 529). В то же время он признавал, что в 1893 г., когда решался вопрос о разрешении выхода из общины крестьянам, уплатившим выкупные платежи, он «не вполне изучил крестьянский вопрос и относительно преимуществ того или другого способа крестьянского владения землей не установил себе окончательного воззрения» и потому «не высказывался ни за общину, ни за личное владение, а находил, что было бы благоразумнее, пока не будет выяснен и разобран крестьянский вопрос во всей его совокупности, действие статьи о выдеде приостановить» (Там же. Т. 2. С. 509-510).

немногих, лиц<sup>443</sup>, которые уже знали о совершившемся, способ действия Горемыкина по отношению к Витте был жестокой игрой кошки с мышкой. Витте, несомненно, обладал многими недостатками, но отказать ему в горячем интересе к судьбам России и в том, что он во всякое дело вкладывал всю свою энергию и всю свою душу, никак нельзя. Он жил государственными интересами, и чем крупнее они были, тем с большей относился он к ним страстностью. Поэтому, когда Витте, закрывая это последнее заседание совещания, указал на то, чем он займется в своем следующем собрании, слова его, для меня по крайней мере, были трагичны. Так свелась на нет одна из тех бесчисленных предпринимавшихся лицами, искренно желавшими движения России по пути дальнейшего процветания, попыток сдвинуть наше устарелое законодательство с мертвой точки.

Передача вопроса о земельной общине в совещание, председательствуемое Горемыкиным, было сдачей его в первоклассную усыпальницу, где, как это всякий понимал, он мог пролежать в блаженном покое до скончания веков. События этого, однако, как известно, не допустили.

**443** К числу их принадлежал Кривошеин, который еще до прихода Горемыкина сообщил мне эту по тогдашнему времени весьма сенсационную новость. (Прим. автора)

## Глава 4. События последних дней управления кн. Мирским Министерством внутренних дел

Возвращаясь к периоду управления Министерством внутренних дел кн. Мирским, закончившемуся, как я уже упомянул, еще до закрытия сельскохозяйственного совещания, мне остается сказать лишь о двух событиях, непосредственно предшествовавших его увольнению от должности и омрачивших уже начальные дни бурного 1905 г.

Первое из этих событий произошло 6 января в день Крещения. В Зимнем дворце в этот день, по обычаю, состоялись высочайший выход из внутренних покоев в дворцовый храм и церковный парад войскам. Расположенная в Петербурге и его окрестностях гвардия в лице отдельных небольших частей всех входивших в ее состав воинских единиц становилась в таких случаях шпалерами в залах дворца по пути следования государя в церковь.

Церемония эта 6 января 1905 г. отличалась обычною торжественностью и великолепием. Съехавшиеся во дворец участвующие в выходе «особы обоего пола», выстроившись попарно в длинную колонну в концертном зале, заблаговременно составили головную часть царского выхода. Церемониймейстеры, проходя по обеим сторонам этой колонны, как всегда тщетно пытались поддержать в ней некоторое равнение и порядок, пока, наконец, по данному знаку, не застучали по паркету своими высокими, украшенными голубыми андреевскими лентами, тростями, предупреждая тем о предстоящем царском выходе. Раскрылись двери малахитовой гостиной, где собирались перед выходом все члены царствующего дома, и в них, предшествуемый министром императорского двора, появился государь рядом с государыней, а за ними, шествуя попарно под звуки Преображенского марша, и все остальные члены императорской фамилии.

Бравые, открытые лица подобранных один к одному великанов гвардейской пехоты; тонкие, вытянутые в струнку фигуры кавалеристов; высящиеся над воинскими частями

боевые исторические знамена; перекатывающиеся из зала в залу по мере приближения государя чеканные, звучные военные команды; торжественные аккорды исполненного могучими оркестрами военной музыки марша «Знают турки, знают шведы, про нас знает целый свет»<sup>444</sup>, ясный солнечный день, заливший огромные роскошные залы дворца; блеск расшитых золотом мундиров и русских, определенного покроя, нарядов придворных дам — все это вместе составляло неподражаемую и незабываемую картину, невольно захватывало даже лиц, привычных к этим торжествам, и заставляло временно забыть и тяжелую, уже отмеченную рядом крупных неудач войну, и тревожное, смутное положение внутри государства.

Действительно, насколько придворные церемонии, при всем своем великолепии, не вызывали у лиц, часто на них присутствовавших никаких особых ощущений и скоро прискучивали, настолько происходившие в царском присутствии военно-церковные торжества неизменно порождали повышенное настроение. Просыпалось чувство национальной гордости, сознавалась необъятность народной мощи, представляемой и символизируемой монархом в его сочетании и слиянии с представителями физических и духовных сил великой страны.

444 Во второй половине XIX в. «Марш Преображенского полка Петра Великого», музыка которого была сочинена неизвестным автором (по всей видимости, военным капельмейстером в 1720-е гг.), исполнялся со словами солдатской песни «Славны были наши деды» (Гурко цитирует неточно, первая строка: «Знают турки нас и шведы») и использовался в качестве главного торжественного марша (см.: Соболева НА., Артамонов В.А. Символы России. М., 1993. С. 149–152).

Кто видел неподдельный энтузиазм русского воинства на царских смотрах, кто был свидетелем стихийного стремления народной толпы в исторические минуты русской жизни к царским чертогам в надежде там лицезреть олицетворение русской государственной силы, тот постиг, до какой степени была воистину неодолима мощь России, духовно слившейся с царем.

Чувство это, несомненно, охватывало и самого монарха, и неудивительно поэтому, что 6 января 1905 г. государь, носивший с начала войны более чем когда-либо грустный отпечаток на лице, казался спокойнее и веселее обыкновенного.

Тем временем самое торжество протекало обычным, рассчитанным до последней мелочи порядком. Воинские части при своих знаменах, в определенный заранее момент покинув мерным, звучным шагом залы дворца, спустились по большой Иорданской лестнице на набережную Невы и там заняли заранее намеченные им места. Ко времени окончания в дворцовой церкви литургии сошлись на набережной крестные ходы из всех петербургских церквей: бесчисленные церковные хоругви и златотканые парчовые ризы духовенства, отливающие всеми цветами радуги, превратили обширную дворцовую набережную в многолюдный, окаймленный воинством, искрометный церковный собор.

Словом, это было одно из тех военно-церковных торжеств, которыми отличался русский императорский двор от всех королевских дворов Западной Европы и где все еще сохранялся облик московского периода Русского царства, когда власть мирская и власть церковная проникали друг друга и, взаимно друг друга пополняя, составляли одно целое.

Но вот окончилась литургия в дворцовой церкви. Государь, окруженный членами царского дома, в сопровождении высших военных и гражданских чинов следуя за идущим крестным ходом придворным духовенством, спускается на

набережную и входит под сень построенной на льду реки обширной иордани<sup>445</sup>.

При пении придворной капеллы духовенство погружает крест в невские воды, и с Петропавловской крепости раздаётся Установленный орудийный салют. Выстрел за выстрелом гулко и однообразно разносятся по реке и вдруг прерываются каким-то иным, более раскатистым, определено даже для непривычного слуха боевым отзвуком, тревожно и недоуменно смотрят друг на друга присутствующие. Чувство чего-то необычного испытывают как находящиеся на набережной, так и оставшиеся в выходящих на Неву залах дворца. Однако торжество продолжается своим спокойным, размеренным чередом: церковно-военный церемониал заканчивается обычным, ничем, по-видимому, не нарушенным порядком.

Далеко не сразу становится известным всем вернувшимся с иордани в залы дворца, что гвардейская конная батарея, назначенная для производства салюта и расположенная с этою целью на Васильевском острове у здания биржи, наискось иордани выпустила (кто говорил — один, а кто говорил — несколько) боевых шрапнельных выстрелов, которыми убит городской, стоявший на набережной, перебито поблизости от государя древко церковной хоругви и разбито несколько стекол в верхнем свете Николаевского зала. При этом одна из картечных пуль старого, крупного образца, пробив оконное стекло, ударилась в одно из украшавших стены зала золотых блюд и скатилась вдоль стены на пол, где я, стоявший поблизости, ее поднял и передал кому-то из дворцового начальства.

445 Иордань — крестообразная прорубь на реке или озере для совершения обряда водосвятия в праздник Крещения Господня, иногда над иорданью ставился киворий — навес-беседка.

Как могло произойти такое чудовищное событие? Была ли это несчастная случайность, порожденная непростительной халатностью, или сознательное покушение?

Произведенное расследование, выяснившее, что начальство батареи при самом производстве салюта не присутствовало, а предоставило распоряжаться фейерверкерам, приписало это событие небрежности. Военный суд, разбиравший это дело, приговорил виновных в нем офицеров — командира батареи Давыдова и капитана Карцева — к легким наказаниям, от которых они впоследствии были государем освобождены<sup>446</sup>.

Но была ли это простая небрежность? Не знаю. Сколь ни поразителен был этот небывалый в истории случай, чтобы собственная гвардия, эта царская стража, обстреляла на мирном торжестве своего монарха, все же едва ли не более удивительно, что он не вызвал не только в обществе (печати, насколько помнится, о нем запрещено было сообщать), но даже в правительственных кругах ни особого волнения, ни усиленных разговоров. А между тем даже если это была просто случайность с сравнительно незначительными последствиями, то все же она яснее многого другого говорила, что «в Дании что-то подгнило».

Впрочем, надо сказать, что впечатление, произведенное этим случаем, в значительной степени стерлось другим событием, имевшим, несомненно, более тяжелые последствия и происшедшим всего лишь три дня спустя, а именно 9 января, и известным под названием выступления Гапона.

446\* Эти офицеры продолжили службу и получили кличку «стрелков по императорской фамилии» (шутка, основанная на созвучии с названием гвардейского полка Стрелков императорский фамилии).



В начале января 1904 г. было образовано, стараниями Зубатова, Петербургское общество фабричных и заводских рабочих. Общество это, имевшее будто бы просветительные цели, на деле должно было преследовать все ту же несчастную мысль: внедрить в рабочих преданность существующему политическому строю, внушив им, что только государственная власть в состоянии оградить их от эксплуатации капитала. Весьма деятельным членом этого общества сделался священник Гапон — личность, во всяком случае, незаурядная. Честолюбивый, одержимый страстью играть видную роль, но умевший прикрыть свои честолюбивые мечты и замыслы до известной степени искренним душевным жаром, Гапон в течение 1904 г. сумел завоевать себе совершенно исключительное влияние в рабочей среде. Достиг он этого, разумеется, путем горячей защиты интересов рабочих, разъяснением им степени их эксплуатации капиталом, иначе говоря, возбуждением у них классовой ненависти к работодателям, и попутным развитием той мысли, что от царской власти всецело зависит улучшение их судьбы. Одной из постоянных тем бесед Гапона в учрежденных во многих фабриках, в том числе и на огромном Путиловском заводе, отделениях общества был разбор отношений между рабочими и хозяевами.

Действовал ли Гапон в революционных целях и был ли он в сношениях с революционными кружками с самого начала своей деятельности в рабочей среде? По-видимому, нет; по-видимому, сначала он был верным исполнителем указаний жандармской полиции. Но, вероятно, он скоро сам увлекся своей ролью защитника интересов пролетариата и одновременно понял, что без полного изменения всего социального уклада, достижимого только революционным путем, никаких радикальных изменений в взаимоотношениях различных слоев населения произойти не может. Понял он также, что от воли хотя бы не ограниченного в своих правах самодержца не

зависит изменить сложившееся на почве капиталистического строя положение вещей. Придя к этому убеждению, он согласился с главарями партии социал-революционеров и действовал не только в соглашении с ними, но даже при их непосредственной помощи. Вероятно также, что именно в этих целях затеял он распространить свою деятельность и завязать сношения в рабочих кругах Москвы и Киева. Попытка эта была, однако, прекращена в корне. В Москве, куда Гапон явился, если не ошибаюсь, весной 1904 г., якобы как представитель департамента полиции, местная власть не только не позволила ему вести бесед с рабочими на фабриках и заводах, но великий князь Сергей Александрович в качестве московского генерал-губернатора в резком письме министру внутренних дел Плеве заявил, что он не может допустить вмешательства агентов Департамента полиции в работу подведомственной ему московской столичной жандармской охраны. На письме этом Плеве положил весьма грозную резолюцию по адресу Гапона, воспрещающую ему под страхом всяческих кар выступать где бы то ни было вне Петербурга. Не удалось Гапону проникнуть и в киевские рабочие круги. Однако если степень доверия к Гапону со стороны департамента полиции и министра внутренних дел была, как видно, относительная, то, наоборот, петербургский градоначальник, носивший по странной случайности фамилию префекта города Парижа, убитого толпой в начале Французской революции, а быть может, и принадлежавший к этому роду, Фуллон верил в него всецело. Рекомендовал Фуллона на весьма ответственную должность столичного градоначальника дворцовый комендант П.П.Гессе, пользовавшийся доверием государя. Выбор Фуллона был несчастный. Служив некогда, еще при Александре II, в военно-походной канцелярии государя, он оставил службу в связи с отставкой начальника этой канцелярии генерал-адъютанта Салтыкова. Вернувшись в строй, Фуллон командовал в 90-х годах прошло-

го века в Варшаве, где я в то время его знал, лейб-гвардии Петербургским полком, а позднее был назначен начальником управления Варшавского жандармского округа. Он был весьма воспитанный, светский человек, приятный собеседник, а в особенности приятный партнер в винт, но кроме этого едва ли обладал какими-либо достоинствами. На должности петербургского градоначальника он обнаружил полную нераспорядительность и, надо прямо сказать, трусость.

Вот этого Фуллона настолько обошел Гапон, что он даже снялся с ним вместе на фотографической карточке, изображавшей один из отделов собрания фабричных и заводских рабочих.

Немудрено, что при таких условиях Гапон мог невозбранно заниматься прямым революционированием рабочей среды. Действительно, начиная с ноября 1904 г. революционная пропаганда производилась почти во всех, числом 12 (не считая Коломенского, находившегося вне города), отделах образованных Гапоном рабочих собраний. Наряду с пропагандой в этих собраниях, где все же необходимо было облекать ее в особую форму, играя на формуле «Царь и народ», Гапон вел и келейную пропаганду в среде набираемых им рабочих. Тут он высказывался уже более откровенно и прямо настаивал на необходимости коренного изменения всего существующего строя. Ближайшим сотрудником Гапона в этой работе был социал-революционер Рутенберг; через него Гапон состоял в сношениях с партией эсеров, но действовал он при этом самостоятельно и директивам этой партии не подчинялся. Так, например, рабочие, участвовавшие в этих конспиративных собраниях, составляли кадр агентов самого Гапона. Через них он сеял прямую смуту в рабочих массах, через них же создал он рабочую забастовку, приведшую к событиям 9 января. Началась эта забастовка с того, что 29 декабря 1904 г. рабочие Путиловского завода обратились к заводууправлению с требо-

ванием обратного приема на завод уволенных четырех рабочих и расчета виновного в этом увольнении надсмотрщика, некоего Тетявина. Само собою разумеется, что это был лишь предлог, и даже неудачный, так как из четырех рабочих, о коих шла речь, лишь один был уволен администрацией завода, а остальные три ушли сами, причем ни один из всех четырех не выражал желания быть вновь принятым на завод.

На последовавший со стороны заводоуправления отказ исполнить это требование рабочие Путиловского завода, подговоренные агентами Гапона, 3 января объявили забастовку, причем предъявили заводу ряд новых требований общего характера, как то: установление восьмичасового рабочего дня, повышение издельных расценок платы и т.п., впредь до исполнения которых они заявили, что на работу не станут. К этой забастовке по уговорам тех же агентов Гапона примкнули в последующие дни почти все фабрики Петербурга, причем отчасти насильно были втянуты в это движение и типографские рабочие, вследствие чего с 7 января 1905 г. в столице перестали выходить газеты. Наконец, в эти же дни уже самим Гапоном вполне открыто была внушена рабочим мысль подать петицию об их нуждах непосредственно самому государю.

Разразившееся на заводах волнение для социал-демократов было такою же неожиданностью, как и для охранной полиции. Последняя, считая Гапона своим агентом и притом пользующимся особым доверием градоначальника, не только за ним не следила, а, наоборот, вполне доверялась его показаниям о происходящем на заводах и вообще была убеждена, что вся деятельность Гапона происходит с ведома и одобрения начальства. Любопытно, однако, что то, что было неизвестно охранной полиции о деятельности Гапона, знал «Союз освобождения», пытавшийся войти с ним в соглашение еще в ноябре 1904 г.

Что касается социал-демократов, то коль скоро забастовочное движение получило широкое распространение, так они немедленно развили свою агитационную деятельность на всех заводах, а с самим Гапоном вошли в определенное соглашение. Так, петиция, составленная Гапоном при участии Максима Горького<sup>447</sup>, представляла, в сущности, не что иное, как социал-демократическую программу-минимум<sup>448</sup>. На состоявшем-

447 М.Горький не редактировал гапоновскую петицию, хотя активно участвовал во всех событиях 9 января 1905 г. Он упоминает об участии социал-демократов в работе над ее текстом, но кто именно выступил в этой роли, до сих пор не вполне ясно (см.: Ганелин Р.Ш. К истории текста петиции 9 января 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 14. С. 229—249).

448\* Петиция Гапоновской организации рабочих являлась «многослойным» и достаточно бессвязным текстом. Один ее слой представлял собой жалобу на тяжелую жизнь рабочих и просьбу к царю облегчить ее, составленный в достаточно верноподданнических выражениях. Второй слой представлял собой органические рабочие требования, выраженные в достаточно радикальной форме; в частности, там содержалось требование введения 8-часового рабочего дня, на тот момент находившееся на стыке рабочих и политических требований - по форме это было рабочее требование, а по сущности (ввиду практической невозможности его исполнения) - революционное. Третьим слоем петиции были чисто политические и революционные (в тогдашней системе понятий) требования, уже неотносимые к рабочему движению, то есть требования политического представительства на основе всеобщего избирательного права, ответственного правительства и т.п.

В целом, характер петиции наводит на мысль, что вначале этот документ задумывался с расчетом на возможность частичного удовлетворения властями его требований, но затем, получая

ся 7 января совещании Гапона с социал-демократами последние приняли его предложение поставить «партийных работников» в задние ряды толпы с тем, чтобы не дать ей отступить в случае остановки ее первых рядов мерами полиции.

Как известно, для передачи петиции царю рабочие всех заводов должны были собраться на площади Зимнего дворца, стекаясь туда с окраин по пяти определенным маршрутам.

Охранная полиция едва ли не только накануне дня, назначенного для этого выступления, наконец сообразила, что происходит что-то неладное и что едва ли Гапон действует соответственно указаниям департамента полиции, и донесла о готовящейся петиции по начальству. Но к этому времени перестал скрывать свою затею и сам Гапон. Наоборот, он обратился по этому делу с письмом к государю и кн. Мирскому. В письмах этих, соблюдая все внешние формы почтения, он просил о принятии государем от всей рабочей массы столицы, имеющей для этого явиться на площадь Зимнего дворца, петиции с изложением их нужд и чаяний, которую в этих письмах он вкратце излагал.

Застигнутый врасплох Мирский поспешил собрать по этому поводу 8 января вечером совещание из нескольких лиц. Тут были министры юстиции (Муравьев) и финансов (Коковцов), директор департамента полиции Лопухин, начальник штаба войск округа Мешетич и, разумеется, градоначальник Фуллон. Совещание это весьма быстро пришло к единогласному решению, а именно: Гапона арестовать, а рабочей толпы до Зимнего дворца не допустить, при этом предполагалось, что рабочие будут остановлены на периферии города, на что, однако, гене-

всё более и более радикальную редактуру, он превратился в чисто революционное воззвание, не подразумевавшее никакой положительной встречной реакции от правительства.

рал Мешетич заявил, что по месту расположения казарм и позднему времени и, наконец, вследствие множества путей, ведущих из фабричных районов в центр города, быть может, не удастся преградить пути всем отдельным рабочим группам к Зимнему дворцу, а посему для безопасности следует, кроме того, занять войсками ближайшие подступы к нему.

На деле, как известно, Гапон арестован не был, а некоторые рабочие группы все же проскочили до ближайших к Зимнему дворцу пунктов города, причем к этим группам по дороге присоединилась разношерстная толпа простых обывателей, примкнувших к ним из любопытства.

Главная масса рабочих, состоявшая преимущественно из путиловцев, дошла, однако, только до Нарвских ворот, где ей преградили путь войска. Толпа сначала здесь остановилась. Тогда Гапон счел возможным окончательно скинуть с себя маску и обратился к толпе с речью, в которой призывал рабочих идти напролом, причем, между прочим, сказал: «Если царь нас не хочет принять, значит, нет у нас царя. Отстоим тогда свои права сами». Партийные работники тем временем принялись разжигать толпу, причем среди рабочих, первоначально вышедших с хоругвями и царскими портретами, сразу появились красные флаги. Возбужденная этим толпа снова двинулась вперед и лишь после нескольких залпов, унесших довольно много жертв, шарахнулась и разбежалась. Бежал, конечно, и Гапон, которому Рутенберг тут же в подворотне обстриг волосы. Он скрылся у Максима Горького, где, скинув рясю, окончательно преобразился в мирянина.

Что касается остальных рабочих групп, то сопротивление оказала лишь толпа, направлявшаяся с Васильевского острова. Не пропущенная через Неву, она кинулась внутрь острова к заводу холодного оружия Шафа, завод этот разгромила, а находившимся в нем оружием вооружилась, после чего принялась за сооружение баррикад, за которыми и укрылась. Баррикады

эти были взяты войсками, а толпа разогнана лишь после нескольких часов уличного боя.

Наиболее грустную судьбу испытали те рабочие толпы, перемешанные с обывателями, которые проникли до ближайших окрестностей Зимнего дворца. Шли эти толпы, в преобладающей их части, ни о каком насилии не думая, не ожидая и для себя ничего плохого. Тем более они были поражены, когда по головным их частям, подошедшим, с одной стороны, по Невскому к Полицейскому мосту и по Гороховой к Адмиралтейскому проспекту, а с другой — по Каменноостровскому проспекту к Троицкому мосту, был произведен ружейный залп. Конечно, были при этом сделаны соответственные предупреждения и предложения разойтись, но подбадриваемые втиснувшимися в их ряды революционерами, задние продолжали наступать. Надо, впрочем, сказать, что рабочие были к этому времени, несомненно, в возбужденном состоянии, а многие из них просто не хотели верить, что, почти беспрепятственно пропущенные чуть не до самого дворца, они чуть не под самыми его окнами подвергнутся обстрелу. После первых же залпов толпы эти разбежались.

Как могло произойти это чудовищное по глупости и роковое по своим последствиям событие? Почему, прежде всего, не был арестован Гапон?

Причина оставления Гапона на свободе совершенно анекдотична. Понимая, что вся его затея с подачей петиции неизбежно станет известной полиции до ее осуществления, Гапон, пользуясь своей близостью к Фуллону, так сказать, заранее обеспечил себе свободу, и притом весьма своеобразным способом. Явившись к Фуллону и, вероятно, указав ему на то, что у него много врагов, которые желают его погубить, он взял с него честное слово, что он не будет им арестован, что бы про него ни доносили, так как он работает на пользу страны. Фуллон, слепо веривший Гапону, слово это ему дал. Однако Гапон



и этим не удовольствовался. «Нет, — сказал он, — ты дай мне свое солдатское честное слово, что меня не арестуют». (Говорить со всеми на «ты» было вообще привычкой Гапона.) Почему солдатское честное слово крепче других — неизвестно, но очевидно, что так на него смотрел и Фуллон, ибо, давши его, он затем не счел невозможным его нарушить.

Приведенное основание оставления Гапона на свободе совершенно невероятно, однако так именно его объяснил сам Фуллон, очевидно совершенно не подозревавший, что, исполняя данное им слово, он одновременно нарушает данную им присягу.

Во всем этом деле было, однако, что-то вообще роковое, ибо, казалось бы, чего проще было Фуллону, получив распоряжение об аресте Талона, объяснить Мирскому, что ему это неудобно и что посему это надлежит поручить кому-либо другому.

Между тем арест Гапона, по всей вероятности, остановил бы все рабочее движение. Действительно, по словам некоторых рабочих Путиловского завода, из наиболее развитых и разумных, с которыми мне пришлось говорить<sup>449</sup> несколько дней спустя после катастрофы 9 января на заводе — этом главном центре деятельности Гапона, еще до этого дня стали подозревать, что Гапон вовсе не агент правительства, а действует с революционными целями. 8 января, т.е. накануне выступления, мнение это настолько укрепились, что путилов-

**449** Беседа моя с рабочими происходила на квартире некоего Гофштетера — сотрудника «Нового времени», весьма талантливого и убежденного народника типа 60-х годов, горячего сторонника формулы «Царь и народ», поддерживавшего вследствие этого сношения с умеренными по их воззрениям рабочими кругами. (Прим. автора).

ские рабочие ожидали ареста Гапона и, придя на завод утром 9 января, были очень этим озабочены. «Что, батюшка здесь? Не арестован?» — спрашивали они друг у друга, входя в заводские помещения, и, узнав, что он здесь и на свободе, вполне уверовали, что им дана будет полная возможность дойти до царя и даже получить от него согласие на исполнение всех изложенных ими в петиции пожеланий.

Уверенность эта у путиловцев продолжалась, разумеется, лишь до вступления у Нарвских ворот в пределы города. Но здесь толчок уже был дан, и остановить его развитие было очень трудно. Что же касается обстрела тех, в общем, не особенно многочисленных групп, которые подошли к окрестностям Зимнего дворца и которые, несомненно, легко было разогнать, не прибегая к оружию, то надо сказать, что распоряжалось при этом одно лишь военное начальство, получившее определенный приказ ни в каком случае не допускать рабочих дальше известного предела, остановив их движением ружейным огнем. Приказ этот оно в точности и исполнило.

Градоначальник Фуллон не выходил при этом из занимаемого им помещения на углу Адмиралтейского проспекта и Гороховой, а услышав выстрелы войск, расположенных недалеко от этого места, впал в панику. Он побежал по выходящим на улицу парадным комнатам своей квартиры, где со времени начала Японской войны работали дамы на Красный Крест, и сам потушил все электрические огни.

Нет сомнения, что выступление рабочих 9 января было затеяно Гапоном и примкнувшими к нему революционными силами в целях возбуждения народных масс против царской власти. Однако в глазах рабочих они сумели замаскировать эту цель весьма ловко. Вполне ярко проявилась эта солидарность не только мысли, но и действия между наиболее радикальными из буржуазных элементов и определенными «партийными» работниками. Выяснилась эта солидарность в составе той

депутации, которая 8 января посетила кн. Мирского, ее, однако, не принявшего, и Витте, имевшего с нею продолжительный разговор. В состав этой депутации входили с одной стороны будущие левые кадеты, как то: академик Шахматов, Гессен, Кедрин и др., а с другой — Мякотин, Пешехонов и Максим Горький, уже в то время принимавшие видное участие в революционной работе, причем с последним Гапон, как я упомянул, находился в близких сношениях. Как известно, депутация эти настаивала на том, чтобы рабочие толпы были допущены до государя. Цель их была, разумеется, вполне ясная, а именно — узаконить действие, по существу, да и по форме, безусловно революционное, и тем самым обеспечить его дальнейшее беспрепятственное развитие. Наконец, вполне выявилась эта солидарность в вечер того же 9 января, когда все эти лица собрались в Вольном экономическом обществе<sup>450</sup> и обсуждали происшедшие события вместе с тем же Гапоном, появившимся здесь уже в мирском наряде, после чего он немедленно бежал в Финляндию<sup>451 452</sup>.

450 Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства было основано в 1765 г. в Петербурге по инициативе Екатерины II. С конца 1880-х общество становится центром либеральной оппозиции. Правительство, признав «вредной» деятельность общества, распорядилось в 1900 г. прекратить публичные заседания общества, а затем вообще приостановило его деятельность, продолжал собираться только Совет общества под председательством президента П.А.Гейдена, широко предоставлявшего помещения общества для общественных мероприятий.

451 Дальнейшая судьба Гапона известна: вступив вновь в соглашение с охранной полицией, он выдал ей некоторых видных партийных работников и социал-демократов и по обнаружении этого революционером был заманен ими в необитаемое, за-

Искусно направленная революционерами стоустая молва, конечно, преувеличила количество жертв 9 января, причем из Петербурга во все стороны понеслись совершенно невероятные по их явной нелепости сообщения о безобразиях, будто бы чинимых властью не только в день выступления рабочих, но и

брошенное здание, расположенное в окрестностях Териок, и там его прежним другом Рутенбергом без дальних разговоров повешен. Труп его был обнаружен лишь несколько месяцев спустя. С этим Рутенбергом мне пришлось встретиться в совершенно иной обстановке. Перед эвакуацией в апреле 1919 г. Одессы французскими войсками при командующем русскими войсками, вынужденными ввиду отхода французов также оставить Одессу, генерале Шварце был образован совет обороны города, в состав которого входили: заведующий гражданским управлением Андро, министр финансов Добровольческой армии Бернацкий, управляющий контролем Ильяшенко и... Рутенберг. При оставлении Одессы я был, неизвестно почему, кооптирован в состав этого совета и оказался, таким образом, коллегой Рутенберга, и что самое удивительное, во многом сходил с ним во мнениях. Любопытно, что совет этот, не изменяя своего названия, продолжал действовать около месяца на находящемся близ Константинополя острове Халка, куда были первоначально свезены и отчасти интернированы русские воинские части, вывезенные морем из Одессы, а также часть беженцев, вывезенных англичанами из одновременно эвакуированного «белыми» войсками Крыма. (Прим. автора)

- 452 Гапон был повешен группой рабочих под руководством П.М. Рутенберга на даче в Озерках под Петербургом 28 марта 1906 г. по решению ЦК партии эсеров и по приказу Азефа (см.: Рутенберг П.М. Убийство Гапона. М., 1990). В современной исторической литературе наметился отход от прямолинейной трактовки деятельности Гапона как полицейского провокатора (см.: Ксенофонтов И.Н. Георгий Гапон: Вымысел и правда. М., 1996; ср.: Гапон Г.А. История моей жизни. М., 1990).

в последующие дни. Подобные сообщения наводнили иностранную прессу и, разумеется, были воспроизведены русской закордонной печатью. Образчиком таких сообщений может служить рассказ «очевидцев», помещенный в таком сравнительно умеренном органе, как издаваемое П.Б.Струве в Париже «Освобождение». В номере от 27 января 1905 г. в журнале этом было напечатано, что его корреспондент «спешит сообщить ужасный факт». «Это было, — пишет корреспондент, — 13 января днем на Петербургской стороне, угол Большого проспекта и Введенской улицы. Мимо конки (на верху которой сидели свидетельницы — медички) проезжали казаки. Вслед им сверху конки было сказано «опричники» (даже не закричали на всю улицу это слово). И вот конку останавливают, и казаки стаскивают двух мужчин, по виду интеллигентных, и начинается расправа саблями, затем их начинают топтать и через несколько минут тела превращаются буквально в бесформенные куски мяса. Откуда-то притаскивается деревянный ящик, куда и складываются эти останки. После этого, продолжает корреспондент, я начинаю верить упорному слуху о том, как на Малом проспекте Васильевского острова казак снес голову ехавшему на извозчике студенту».

Подобных «эпизодов» революционная пресса печатала целые колонки, и, несмотря на всю чудовищную нелепость, многие почитали их за непреложную истину. Можно представить себе, насколько они содействовали нарастанию революционного настроения в стране.

Одновременно не проходила и растерянность власти. Так, например, испуг главного виновника бедствия 9 января, Фуллона, не прошел у него и в последующие дни, когда город, хотя наружно все в нем было спокойно, был превращен в военный лагерь: на углах улиц стояли военные пикеты, а по улицам разъезжали то шагом, то рысью казачьи разъезды.

В один из ближайших дней после 9 января, а именно 10 или 11-го, мне нужно было, не помню, по какому поводу, свидеться с градоначальником, для чего я и поехал к нему, предварительно узнав по телефону, что он дома. Подъезжая к дому градоначальства, я с удивлением убедился, что входная передняя дверь наглухо заперта. На мой усиленный звонок дверь наконец приотворилась, и из темноты выглянуло лицо швейцара, моего давнего знакомого еще по Варшаве, где он служил на той же должности у обер-полицмейстера Клейгельса, привезшего его с собою в Петербург при назначении столичным градоначальником.

Узнав меня, швейцар, лишь немногим более приотворив дверь, пропустил меня в темную прихожую, и лишь когда вновь запер дверь, слегка ее осветил.

— Что у вас тут происходит? — спросил я в изумлении.

— Не приказано никого пускать, и света не приказано держать. Пожалуйте, я вас проведу к генералу.

— Зачем меня провожать, я и сам дорогу знаю.

— Никак нет. Генерал во внутренних комнатах и оттуда не выходят.

Пошли. По каким-то полутемным коридорам провел он меня в выходящую на двор небольшую комнатку, вся обстановка которой состояла из обширной тахты, на которой и усмотрел я столичного градоправителя, кутающегося в какую-то на вид дамскую кацавейку с мурmolкой на голове.

— Что с вами, Иван Александрович?

— Я простужен, не выхожу; да, впрочем, я уже более не градоначальник.

— Да почему же вы мне этого не сказали, когда я к вам телефонировал?

— Я должности еще не сдал. Но мне уже предложена должность варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа.

Заявление это поразило меня как громом. Жалкий трус, только что проявивший полнейшую нераспорядительность и неумение охранить порядок в городе, постыдно передавший, вопреки закону, все свои полномочия военным властям, лишенный всякого административного опыта и не способный исполнять даже полицейские обязанности, назначается на наиболее ответственный военный пост в империи, в край, где сосредоточена большая часть русской армии и управление которым связано с наибольшими трудностями<sup>453</sup>.

Прямо от Фуллона проехал я к кн. Мирскому и с ужасом передал ему мною виденное и услышанное. Но, увы, сам Мирский был в состоянии немного лучше, нежели Фуллон. Правда, двери у него не были забаррикадированы, никакого страха он не выказывал, но энергии у него тоже не увидел. На мой рассказ он мне ответил, что петербургским генерал-губернатором назначается только что уволенный от должности московского обер-полицмейстера Д.Ф.Трепов, что он сам на должности министра внутренних дел не остается и что потому ему вообще ни до чего больше дела нет.

Государственная власть расплзлась по всем швам. Управление министерством кн. Мирского, начавшееся с идиллии, кончилось кровавой трагедией.

Исполненный добрых намерений, но лишенный элементарного государственного понимания вещей, слабовольный администратор, мечтавший при принятии на себя роли руко-

453 В конце концов Фуллон в Варшаву все же назначен не был и удовольствовался должностью корпусного командира. (Прим. автора)

водителя внутренней политики государства успокоить либеральную общественность и оторвать ее от революционных элементов в стране, своей политической маниловщиной привел к тому, что увеличил оппозиционность либеральной культурной части общественности и усилил ее солидарность с антигосударственными революционными элементами, а в руки последних дал могучее средство возбуждения рабочего пролетариата непосредственно против государя. Расстрел нескольких сот людей, мирно шедших подать своему монарху изложение своих нужд и убежденных в массе, что они действуют согласно воле начальства, какого лучшего орудия могли желать революционеры из подполья для пропаганды своих учений в темной невежественной народной массе!

Правда, либеральная пресса иначе оценила управление кн. Мирского. «Мы думали, — говорила газета «Русь», причем к ее мнению присоединились и другие органы печати одинакового направления, — что министерство Мирского может быть названо министерством перелома от бюрократического произвола и насилия к правовому порядку, от полицейских способов управления великим народом к культурному попечению о его нуждах, от разлада между правительством и народом к их дружескому и плодотворному единению».

Да, ко всему этому искренно стремился Мирский, но избранные им средства столь же мало соответствовали цели, сколь сама цель была по существу неоспорима и азбучно верна. Выставляя эту цель, Мирский мог прельстить ею государя, у которого иной цели, конечно, никогда не было и быть не могло, но, неразумно используя средства, имевшиеся для этого в его распоряжении, он достигнутыми им печальными результатами опорочил самые эти средства в глазах монарха, что, конечно, лишь задержало их разумное применение более опытными лицами.



Если 9 января глубоко взволновало всю общественность и дало ей лишний довод и повод энергично добиваться, хотя бы при помощи сил, враждебных государству, представительного образа правления, а также содействовало революционированию рабочих масс, то оно же одновременно вызвало некоторую панику в бюрократических кругах, поселив в них уверенность, что так долгие продолжаться не может, что реформа государственного строя неизбежна. Побудило это некоторых лиц искать той тихой гавани, в которой и укрыться хотя бы на время надвигающейся бури. К их числу принадлежал Н.В.Муравьев, уже переставший желать назначения на должность министра внутренних дел, хотя в это время, благодаря усилению влияния великого князя Сергея Александровича, он, вероятно, имел возможность этого достигнуть.

15 января был уволен от должности кн. Мирский, даже без назначения членом Государственного совета<sup>454</sup>, и в тот же день назначен на эту должность А.Г.Булыгин, только что перед этим, а именно 1 января, заменивший великого князя Сергея Александровича на посту московского генерал-губернатора.

Но еще ранее этого, а именно 11 января, назначенный петербургским генерал-губернатором Д.Ф.Трепов был облечен

454\* По традиции, лица, занимавшие важнейшие посты (военный министр, министр финансов, министр внутренних дел) при увольнении от должности назначались в Государственный совет (это была де-факто пожизненная должность), а менее значимые, или кратковременно занимавшие должность министры непременно получали какую-либо иную пожизненную должность (сенатора или хотя бы члена совета министра). Увольнение министра в отставку рассматривалось как выражение крайнего неодобрения императора.

диктаторскими полномочиями, причем ему были подчинены и войска Петербургского гарнизона.

## **Часть IV. Усиление натиска общественности на власть**

## Глава 1. Министерство внутренних дел А.Г.Булыгина (18 января - 17 октября 1905 г.)

Если назначение новых министров внутренних дел после убийства Сипягина, а затем Плеве интересовало и даже волновало не только чиновничьи круги, но и общественность, то смена Мирского Булыгиным ни на кого решительно не произвела впечатления. Общественное внимание было всецело привлечено к событиям на театре войны, а в особенности к усиливающемуся общественному брожению, с каждым днем все яснее принимавшему открыто революционный характер. Брожение это уже не ограничивалось простыми выступлениями и протестами, а все чаще приводило к нарушению общественного спокойствия и порядка. Бороться с этим брожением, правда, пока лишь в пределах Петербургской губернии, был призван Д.Ф.Трепов; присвоенные ему диктаторские права, однако, ясно указывали, что внутренняя политика сосредоточится в его руках, что от него будет преимущественно зависеть то или иное ее направление. Понятно, что при таких условиях назначение бесцветного по его прошлой деятельности Булыгина только усилило это убеждение и тем самым не вызвало чьего-либо интереса.

Последующее обнаружило правильность этого мнения: Булыгин за время своего управления Министерством внутренних дел политической роли не играл.

Подробно останавливаться на его личности ввиду этого нет основания, тем более что она была во всех отношениях заурядная.

Землевладелец Рязанской губернии, Булыгин принадлежал к той многочисленной группе местных администраторов, которые сделались таковыми благодаря тому, что бывший при Александре III министром внутренних дел гр. Д.А.Толстой был сам рязанским помещиком и черпал состав губернаторов и вице-губернаторов из знакомой ему дворянской среды своей родной губернии. Назначенный сначала самарским вице-губернатором, Булыгин вскоре был переведен уже губернато-

ром в Калугу, а оттуда на ту же должность в Москву. Здесь он сошелся с великим князем Сергеем Александровичем, занимавшим пост московского генерал-губернатора, а также с московским обер-полицмейстером Д.Ф.Треповым, что и привело его в конечном результате к министерскому портфелю.

Прекраснейший и честнейший человек, Булыгин, разумеется, не был государственным деятелем и едва ли даже представлял себе, в чем именно состоит государственная деятельность, и если не теоретически, то практически смешивал ее с администрацией.

Еще более благодушный, нежели Мирский, так как это свойство проистекало у него не от желания оградить себя от каких-либо неприятности, могущих нарушить его спокойствие, а от природной душевной доброты и благожелательного отношения к людям, Булыгин обладал простым здравым смыслом и при ограниченных общих познаниях некоторым административным опытом.

Присуще ему было и умение обращаться с людьми и вращаться в любой среде. Попав в петербургскую обстановку, он сумел быстро разобраться в сложных придворных и общественных взаимоотношениях и к ним приноравливаться. Перефразируя известное французское положение, про него можно было сказать: *qu'il connaissait les detours du serail malgree qu'il n'y ait pas ete eleve*<sup>455</sup>.

Именно эти его свойства доставили ему впоследствии должность главноуправляющего учреждениями императрицы Марии<sup>456</sup>, где, не вводя, разумеется, никаких изменений и

455 Он знал все закоулки сераля, хотя и не был допущен туда (фр.)

456\* Ведомство учреждений императрицы Марии (по имени супруги Павла I Марии Федоровны) представляло собой независимую от министерств государственную организацию, уп-

улучшений в постановке у нас женского образования, он оказался вполне ко двору: начальницы институтов и женских гимназий<sup>457</sup> были от него в восторге.

По политическим взглядам Булыгин был, конечно, сторонником самодержавного строя, однако не столько по убеждению, ибо едва ли он когда-либо серьезно задумывался над вопросом о различных формах государственного управления, сколько просто потому, что он вырос, жил и действовал при этом строе и никакого другого реально себе не представлял. Не обладая врожденной чуткостью Сипягина к смыслу совершавшихся событий, он тем не менее всего ближе подходил к типу, который представлял последний, а именно к типу русского барина-помещика, преклонявшегося пред личностью монарха, но склонного смотреть свысока на бюрократию и чувствовавшего себя дома лишь в своей губернской земско-дворянской семье. Эту среду он знал превосходно, знал ее пристрастие к фрондерству, но и безусловную неопасность в смысле революционного элемента. Однако происшедшие в этой среде изменения были ему мало известны. Превращение некоторых ее

равлявшую разнородной массой образовательных, лечебных и благотворительных учреждений; наиболее известными подразделениями ведомства были женские институты (закрытые средние учебные заведения) и Воспитательные дома (для подкидышей); также ведомство управляло Александровским лицеем и Училищем правоведения, рядом больниц в обеих столицах, комплексом заведений для слепых и глухонемых, разнообразными приютами и благотворительными обществами. Императрицы традиционно принимали большое участие в деятельности ведомства, так что служба в нем на руководящих должностях давала придворные связи.

457\* Небольшая часть женских гимназий исторически относилась к Ведомству учреждений императрицы Марии.

членов в убежденных поборников народовластия при одновременном появлении на поприще земской деятельности отдельных, не лишенных даровитости лиц, стремящихся достигнуть здесь того общественного положения, которого они по каким-либо причинам либо не сумели добиться, либо лишились на службе государственной, — все это оставалось вне понимания Булыгина и, во всяком случае, недостаточно им оценивалось. Наряду с этим он вовсе не давал себе отчета в глубоких изменениях, происшедших в крестьянской среде, в появлении среди крестьянства многочисленного элемента, принадлежащего к нему лишь по паспорту<sup>458</sup>, но впитавшего все представления городского жителя и далеко отошедшего от примитивного мирозерцания сельских масс 70-х и даже 90-х годов минувшего века. Со времени ходынской катастрофы<sup>459</sup>,

458\* Особенностью сословного строя было отсутствие у крестьян всяких стимулов для перечисления в сословие мещан при переселении в города. Оставаясь формально приписанными к своей крестьянской общине, но отказавшись от земельного надела, они не платили мирских сборов и сохраняли аварийную возможность вернуться в деревню и вновь получить надел, на который не теряли права. В результате рост городов в послереформенную эпоху в основной части происходил за счет увеличения в их населении доли «формальных» крестьян, некоторые из которых уже родились в городе и никогда не бывали в своей общине.

459 Программа коронационных торжеств Николая II предусматривала раздачу царских подарков во время народного гулянья на Ходынском поле в Москве. С ночи 17 мая 1896 г. на поле собралось до 600 тысяч человек. Московские власти, занятые охраной царя, выделили для наблюдения за порядком только 46 солдат. Утром 18 мая при открытии будок с подарками началась давка, в которой только по официальным данным пострадало 2690 человек, из которых 1389 умерли (см.: История Моск-

происшедшей в 1896 г., прошло лишь девять лет, а между тем масса сельского, в особенности пригородного, населения испытала за это время огромное превращение: если в 1896 г. на коронации Николая II толпа на Ходынском поле, имея сотни мертвых в своей среде, при появлении государя приветствовала его восторженными криками, то та же толпа, случись это спустя 7—8 лет, проявила бы, по всей вероятности, иное настроение.

Имя Булыгина связано в представлении русского общества с первым проектом положения о Государственной думе, когда предполагалось признать за ней лишь значение совещательного органа. Однако связь Булыгина с этим проектом была исключительно формальная, и отпечатка его мыслей он вовсе не заключал. Ограничивалась эта связь лишь тем, что упомянутый проект в его первоначальном виде был не столько выработан, сколько принят совещанием, состоявшим под его председательством. Несколько нарушая хронологическую последовательность моего изложения, скажу несколько слов об этом совещании. Состояло оно из представителя Министерства финансов А.И.Путилова, профессора государственного права Ивановского, видного члена весьма правого московского славянофильского кружка Федора Дмитриевича Самарина и помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства С.Е.Крыжановского, которым фактически и была выполнена вся работа комиссии.

вы. М., 1955. Т. 5. С. 666). Российское общество было возмущено не только множеством жертв, но и тем, что торжества продолжались, а главный виновник трагедии — московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович — не только не был наказан, но даже получил «высочайшую признательность».



Действительно, никаких преуказаний Булыгин не получил, сам же он не имел определенных или хотя бы неопределенных предположений о характере предстоящего преобразования. Профессор Ивановский не только не представил какой-либо схемы разрешения этого важнейшего вопроса, но даже не принимал сколько-нибудь живого участия в обмене мнений по нему в среде совещания. Некоторые предположения высказал и даже изложил на письме Самарин, но сводились они к тому, чтобы учредить уездные и губернские совещательные органы, а общеимперского вовсе не образовывать. Ф.Д. Самарин, точно так же как и его брат А.Д.Самарин, впоследствии занимавший должность обер-прокурора Святейшего синода, был во всех отношениях прекрасный, хрустально чистый человек, но творческой фантазией не обладал вовсе. По складу ума это был типичнейший славянофил 60-х годов, в том смысле, что он витал в общих, весьма туманных, пропитанных мистикой построениях. Византийское административно-полицейское самодержавие ему было совершенно чуждо, а предносящееся его мысленному взору духовное единение между носителем верховной власти и народной стихией, оправдывающее и освящающее единоличную волю этой власти, он конкретно изобразить в каких-либо законодательных нормах, конечно, не мог.

А.И.Путилов в качестве представителя Министерства финансов был занят вопросом об ограждении государственной росписи доходов и расходов от значительной ее ломки народным представительством и составил те сложные правила, которыми роспись эта в значительной своей части была как

впоследствии выражались, бронирована<sup>460</sup> от покушений на ее изменение народными избранниками.

Словом, наиболее существенный вопрос, а именно — система выборов народного представительства, в совещании Булыгина, в сущности, не был подвергнут тщательному, всестороннему обсуждению, а была принята система, предложенная Крыжановским, в общем построенная на тех же основаниях, которые существовали для выборов земских гласных.

Булыгину идея народного представительства была вообще не по сердцу. Он спешил лишь так или иначе покончить с навязанной ему задачей, причем смотрел на вырабатываемый под его фирмой проект лишь как на первую стадию этой работы, полагая, что она должна служить канвой для суждений совещания гр. Сольского. Совещание это заключало, как известно, весь состав Совета министров, и на его обязанности было представить государю окончательный проект. Предположение Булыгина в значительной степени оправдалось. При приступе названного совещания к рассмотрению проекта булыгинской комиссии Витте в пространной речи выставил тот принцип, который и был впоследствии осуществлен, а именно обеспечение за представителями земельного крестьян-

460\* Основной принцип т.н. «бронирования» заключался в том, что все расходы, которые ранее попали в бюджет через особое высочайшее повеление или какой-либо иной особый закон (а не в порядке ежегодного утверждения императором бюджета), не могли быть сокращены законодательными учреждениями. Кроме того, расходы на Министерство императорского двора были бронированы в полном составе. Для обоснования бронирования ведомством были составлены огромные перечни так называемых «титолов», то есть разнообразнейших старых законодательных актов, доходящие иногда до высочайших повелений 18 века.

яинства преобладающего большинства в Государственной думе. В России, говорил Витте, земельное крестьянство составляет большинство населения страны, является основой всего народного строя и тем фундаментом, на котором зиждется все государственное здание; оно же представляет и наиболее надежный элемент в смысле охранения существующего порядка.

Хотя участие Витте в рассмотрении булыгинского проекта было преждевременное, так как он вскоре был послан в Америку для переговоров с японцами о мире, все же высказанное им мнение явилось руководящим критерием при обсуждении проекта совещанием Сольского. Осуществлено это мнение было весьма просто, а именно путем упразднения предложенных совещанием Булыгина специально крестьянских уездных избирательных собраний и доведения выборщиков от волостных обществ до общесословных губернских избирательных собраний, где они являлись в подавляющем большинстве. Однако в последний момент, уже после третьего чтения обсуждаемого и соответственно измененного проекта, совещание Сольского вновь вернулось к этому основному вопросу. Поводом послужила записка Крыжановского, облеченная подписью Булыгина, в которой указывалось, что если бы вопрос шел лишь о выяснении чувств населения и его отношения к основным вопросам государственной жизни, то обращение к представителям народных масс было бы понятно.

Однако учреждается такой орган, который должен обсуждать сложные законопроекты, касающиеся всех разнообразных сторон государственной жизни. Полагаться в этой области на собрание, не обладающее в своем большинстве соответствующими знаниями, нельзя. Большинство это не будет в состоянии понять не только содержащихся в законопроекте правил, но даже заголовка его.

Невзирая на заявление Сольского, по настоянию которого совещание приступило к четвертому чтению проекта, что и его

смущает положенный в основу его принцип, все же никаких существенных изменений в проекте сделано не было.

Как известно, впоследствии проект положения о Государственной думе обсуждался в июле 1905 г. в Петергофе в совещании под председательством самого государя. Введенные тут в него незначительные поправки не повлияли на общий его характер. Что же касается Булыгина, то он настолько мало интересовался этим вопросом, что окончательную обработку проекта, носящего его имя, совершенно выпустил из своих рук. Она была произведена Государственной канцелярией.

Впрочем, Булыгин не отдавал себе вообще отчета о глубоком значении предпринимавшейся реформы. На Государственную думу он склонен был смотреть как на всероссийское земское собрание и искренно верил, что роль ее будет исключительно совещательная<sup>461</sup>. Образчиком его непонимания

461\* Так называемая «Булыгинская» дума, учрежденная Манифестом от 6 августа 1905 года, но так никогда по этому закону и не созванная, представляла собой нечто среднее между законодательным и законосовещательным учреждением. Дума могла утверждать или отклонять законопроекты при наличии за этого квалифицированного большинства голосов, а при его отсутствии, подобно Государственному совету, просто формулировало решение большинства и одно (или даже несколько) решений меньшинств, на которые разделялись депутаты. После этого законопроект переходил в Государственный совет, обсуждавший его по той же процедуре. Император, как и при старом строе, сохранял возможность на свое усмотрение утвердить и решение большинства, и решение меньшинства, и даже дать делу свое независимое решение. Таким образом, в части позитивной Булыгинская дума задумывалась как законосовещательное учреждение. Но при этом для случаев отклонения Думой законопроекта полномочия императора ограничивались повторным внесением его на рассмотрение, то есть в части

может служить то недоумение, которое он выразил по поводу записки, представленной ему Крыжановским. Записка указывала на необходимость органически спаять новое государственное установление с существующими путем соответственного преобразования последних. Указывалось при этом на Государственный совет, а в особенности на построение центральной правительственной власти, а именно на необходимость превращения ее во власть монолитную, спаянную одной волей, одним общим пониманием государственных задач и тем самым вполне солидарную. «К чему это, — сказал Булыгин, — это дело будущих поколений».

Если Булыгин не проявил себя в качестве лица, которому поручено было проектировать начала коренного изменения государственного строя, то столь же мало отразилось на ходе дел его управление министерством, даже на личном составе. Еще в большей степени, нежели при Мирском, департаменты министерства представляли самостоятельные учреждения, Занятые, однако, исключительно текущими канцелярскими делами. Ни о каких законодательных работах в департаментах и речи не было, причем не только заглохла всякая инициатива в этом направлении, но были заброшены и те работы, которые производились в них при предшественниках Булыгина. Зависело это, впрочем, не столько от свойств Булыгина, сколько от характера времени: все даже первостепенные по существу вопросы народной жизни были отодвинуты на второй план обострившимися и принимавшими все более революционный характер событиями. Мысли всех и в бюрократическом мире были сосредоточены на вопросах государственного устройства,

негативной Дума выступала как учреждение независимое и полномочное (слово «законодательное» к отклонению законопроектов вряд ли применимо).

а общественные элементы получали все большее значение в представлении всех и каждого. У бюрократии, при таких условиях, пропадала всякая энергия к какой-либо работе, вне точного круга текущих дел, а наиболее живые ее элементы стремились так или иначе пристроиться к общественной работе, тем проявить свою деятельность и в мере сил отсюда влиять на ход событий. Правительственный аппарат как фактор народной жизни, в сущности, перестал существовать и почти всецело превратил свою деятельность в механическое обслуживание текущих народных потребностей. Действовали суды, фиск взимал с населения подати, работали правительственные учреждения хозяйственного технического характера, не имеющие, в сущности, органической связи с государственной властью как таковой, как то: винная монополия, почта и телеграф, правительственные железные дороги, отделения Государственного банка, но центральные учреждения, до тех пор в течение целого века ведавшие государственным строительством, как-то сразу почти лишились основного смысла своего существования.

Политика почти вся сосредоточилась в руках одного лица, колеблющегося как трость на ветру и одновременно принимавшего меры, диаметрально по своему направлению противоположные, — Д.Ф.Трепова.

Правда, что лицо это с 21 мая 1905 г. официально само перешло в состав Министерства внутренних дел, будучи назначено товарищем министра, заведующим делами полиции, но по существу это вовсе не было подчинение его деятельности взглядам и решениям Булыгина, а простое изъятие из ведения последнего не только всей охранной полицейской отрасли этого ведомства, но и лишение Булыгина всей его политической роли.

Действительно, состоявшимся одновременно с этим назначением особым указом товарищ министра внутренних дел,

заведующий делами полиции, был поставлен в отношении к своему официальному шефу в положение если не начальственное, то, во всяком случае, вполне самостоятельное. Сделано это было без предварительного осведомления о том Булыгина, который едва ли не из газет узнал, что фактически произошло восстановление некогда существовавшего III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии<sup>462</sup> с той, однако, существенной разницей, что за ним сохранен был ярлык Министерства внутренних дел и, следовательно, сохранилась видимость ответственности за его деятельность официального главы ведомства — министра внутренних дел.

Булыгин, конечно, сразу понял то в высшей степени фальшивое положение, в которое он был таким образом поставлен, и обратился к государю с письменной просьбой об увольнении от занимаемой должности. Государь, лишь весьма редко за все свое царствование резко и решительно выражавший свою волю на словах, иногда облакал свои решения на письме в императивные и властные формы. Наследовал он это от Александра III, про которого говорили, «qu'il a la plume feroce»<sup>463</sup>. Произошло это и в данном случае: на просьбе Булыгина государь написал резолюцию, вполне точных слов

462\* То есть обособленного учреждения, заведующего политической полицией. Характерно, что Гурко твердо считает Департамент полиции МВД учреждением именно политической полиции; это связано с тем, что общая полиция в ту эпоху считалась удовлетворительно руководимой на губернском уровне, и практически не нуждающейся в общеимперском управлении, соответственно, Департамент полиции значительно более занимался полицией политической (Отдельным корпусом жандармов и охранными отделениями), чем полицией общей.

463 «что у него кровожадное перо» (фр.).

которой не помню, но смысл ее был тот, что министры не подают прошений об отставке, а государь их сам увольняет.

Булыгин был человек мягкий, а в особенности в высшей степени верноподданный: он склонился перед царской резолюцией и ограничился тем, что демонстративно, где только мог, говорил, что внутренней политикой он постолько не ведает, что даже узнает о важнейших политических мероприятиях исключительно из газет. Чрезвычайно ленивый по природе, Булыгин едва ли даже очень печалился о снятии с его плеч огромной обузы, сопряженной с большой, хотя бы чисто механической, работой, и предался своему любимому занятию — игре в винт. Избрал он себе постоянным партнером директора департамента общих дел Ватаци, всегда умевшего сдружиться со своим начальством.

Только один раз видел я Булыгина глубоко возмущенным образом действий своего мнимого товарища Д.Ф.Трепова. Это было летом 1905 г., приблизительно через месяц после его отрешения от руководства внутренней политикой государства. В то время министр жил на даче на Аптекарском острове. Был жаркий солнечный день. Булыгин сидел, забившись в угол комнаты перед поставленным наискось письменным столом. Одетый в нанковую курточку, но тем не менее весь лоснящийся от пота, он с первого взгляда произвел на меня впечатление человека, которого вот сейчас хватит удар. С лицом багрово-красным, с выпученными глазами, чем он вообще отличался, Булыгин, очевидно утративший спокойное благодушие, столь ему свойственное, более чем когда-либо изображал на лице обычное выражение какого-то изумления.

— Нет, вообразите, какой нахал! — встретил он меня совершенно непонятными мне словами. — Спрашивает моего совета.

—??!!



— Да, да, спрашивает, как ему поступить с ожидающимся новым выступлением петербургских рабочих.

— Трепов?

— Ну да, Трепов. Сейчас звонил по телефону; спрашивает моего совета. Нет, каково! Ответил, что я ему не советчик и что, раз он взял на себя всю охрану порядка, пускай и действует как знает и не пытается сваливать на меня ответственность за принимаемые им решения.

Милейший Александр Григорьевич искренно возмущался, долго не мог успокоиться, постоянно вставляя в дальнейшем разговоре, конечно на иные темы, выражения своего негодования на своего бывшего московского сослуживца, причем неоднократно повторял: «Дожить нам с ним до беды, дожить!» Когда же я наконец сказал: «Да почему же вы не уйдете?» — он, уже успокоившийся, поглаживая себе привычным ему жестом живот, ответил, как всегда немного нараспев: «Просил — не пускают».

Понятно, что при таких условиях передавать что-либо заслуживающее интереса из жизни Министерства внутренних дел при Булыгине, по крайней мере поскольку это министерство было ему фактически подчинено, не приходится.

Между тем само по себе время управления министерством Булыгина изобиловало множеством незаурядных событий. Так называемое в то время «освободительное движение» успело захватить решительно все слои населения, и «политикой» в самых разнообразных формах и проявлениях занимались решительно все.

Дать хотя бы беглый обзор этих событий в непосредственной связи с деятельностью Министерства внутренних дел при этих условиях, разумеется, не приходится, а излагать их под заголовком, носящим имя Булыгина, даже смешно. Тем не менее я не собираюсь его изменять. Я смотрел на события из

окошка этого ведомства, смотрел, следовательно, несомненно односторонне и вовсе не намерен этого скрывать. Мои беглые заметки, представляющие краткую хронику времени, непосредственно предшествовавшего и сопутствовавшего встряске, испытанной Русским государством в царствование Николая II, хронику, иллюстрированную некоторыми личными воспоминаниями, если и имеют какую-либо цену в смысле сырого исторического материала, то лишь как освещение этих событий с точки зрения чиновника, в течение почти всей своей государственной службы убежденного, что Россия, русский народ не доросли еще до самоуправления, а ее интеллигентские слои представляли не творческие, а разрушительные элементы. Увы, со временем я убедился, что, с другой стороны, жизнь народа, предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного управления. Удержаться эта форма вообще не могла, так как перестала соответствовать психике интеллигентных слоев населения — этого, как ни на есть, основного фактора народной жизни.

В этом, на мой взгляд, и заключалась в то время трагедия русской государственной власти.

С одной стороны, власть имела глубокое основание опасаться передачи кормила государственного корабля в руки общественности, и те, которые думают, что образ ее действий был обусловлен одним лишь желанием самой остаться единственным распорядителем судеб империи, глубоко ошибаются. В борьбе правительства с общественностью у обеих борющихся сторон, конечно, играли роль самые разнообразные соображения, в том числе и классовые, и личные. Но не эти последние имели преобладающее значение в принимаемых государственною властью решениях. В основе этих решений лежали соображения и мотивы высшего порядка, и именно они в конечном счете брали верх.

Власть вполне понимала, что почти все, что было лучшего в России в смысле способностей, дарований, добросовестного толкового исполнения своих обязанностей и, в особенности, государственного разума, почти целиком втягивал в себя правительственный аппарат. Вне этого аппарата, в смысле деятельной силы, оставались, за отдельными исключениями, либо отуманенные утопическими вожделениями и теориями фанатики, либо честолюбцы, не нашедшие удовлетворения своему самолюбию на государственной службе, либо, наконец, отвлеченные теоретики и легкомысленные дилетанты, ни в чем не сомневающиеся, готовые с легким сердцем производить любые опыты на народном теле.

Понимала власть и то, что при невежестве народных масс, коль скоро от них будет зависеть выбор вершителей судеб страны, к власти проникнут наиболее беспринципные элементы, а именно те, которые прибегнут к наиболее демагогическим приемам и не остановятся перед безграничными посулами.

Последующее оправдало это в полной мере. Поставленное общественностью Временное правительство заключало в себе все те лучшие, отборные силы, которыми общественность обладала, причем возглавлено оно было человеком, которого радикальные оппозиционные круги признавали чуть не за гения. На деле гений оказался пустым местом и даже... мелким жуликом, беззастенчиво прикарманившим средства, которыми распорядился<sup>464</sup>, а остальные члены этого правительства, из

464\* Обвинения князя Г.Е.Львова в хищениях по должности сопредседателя Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов (т.н. Земгора), весьма распространенные в правительственных кругах в 1916 г. - начале 1917 года, никогда не были ни подтверждены, ни опровергнуты, так

коих некоторые, несомненно, вложили всю свою душу в порученное им дело, — по меньшей мере несостоятельными<sup>465</sup>.

как эта организация ни разу не подверглась комплексным правительственным ревизиям. Поскольку крупнейшие для этого учреждения расходы были произведены в 1916 году, Февральская революция помешала не только обревизовать его, но даже и составить бухгалтерский (и даже кассовый) отчет за этот год. Таким образом, мнения Гурко являются не более чем догадками. Несомненно, какие-то хищения при огромности аппарата и расходов Земгора, да еще при слабо поставленном контроле, имели место. Но оснований сказать о них что-то определенное, и тем более обвинять Г.Е.Львова не имеется.

**465** Выбор правителей верховною властью был далеко не всегда удачный, а в последние годы опрокинутого строя в большинстве случаев определенно несоответственный. Однако выбор общественности оказался еще хуже. Большинство общественных ставленников оказалось в нравственном отношении на уровне наихудших из их непосредственных бюрократических предшественников, а как администраторы-техники они были неизмеримо ниже их. Но, будучи в технике управления неопытными, сомнения они были неограниченного. Именно это их легкомысленное сомнение их и погубило. При в большинстве плохих министрах последних месяцев старого строя существовал десятилетиями налаженный административный аппарат. Этот аппарат по силе инерции мог продолжать почти безукоризненно работу даже при очень плохих главных руководителях. Члены Временного правительства, если их расценивать лишь со стороны их умственных способностей, были выше большинства замененных ими руководителей ведомств. Сохранили они прежний аппарат, личный состав которого был готов верой и правдой служить России и после переворота, готов был всецело подчиниться власти и указаниям своего нового начальства, выставленного общественностью, то оно, вероятно, продержалось бы дольше и могло бы даже удер-

жать порядок в стране. Иначе поступило это правительство. В лице своего слабовольного премьера оно с места сменило весь личный состав высшей губернской власти, не потрудившись даже сопроводить эту смену теми указаниями, которые были необходимы. Члены Временного правительства, несомненно, приведут в свое оправдание те тяжелые условия, при которых они приняли на себя управление государством. Но были ли эти условия тяжелее, нежели для опрокинутого ими правительства? Едва ли. Положение нашей армии было более чем когда-либо прочно, а снабжение ее артиллерией, снарядами и вообще боевыми припасами достигло небывалых с самого начала войны размеров. Кроме того, вначале, при своем вступлении во власть, оно пользовалось полным общественным доверием. В исключительно тяжелом, совершенно безвыходном положении было французское правительство в 1870 г., принявшее власть от действительно насквозь прогнившего и позорно развалившегося наполеоновского режима. Однако благодаря тому, что правительство это, кстати сказать с места назвавшее себя правительством национальной обороны, заключало в своей среде действительно незаурядных людей, помышлявших лишь об одном — о защите родины, оно сумело создать из ничего новую армию, которая, ставши на берегах Луары, защитила Францию от ее окончательного завладения германскими войсками. Действительно, приняло оно власть, имея в виде войск, кроме находившихся в осажденном Париже, лишь 30 000 разбросанных по разным местам резервов при артиллерии, насчитывавшей лишь сотню орудий. Однако не прошло и четырех месяцев, не успели немцы овладеть Парижем, как создана была новая армия, численностью в 600 000 штыков и сабель при 1484 орудиях. Нельзя сказать, чтобы правительство это не было осаждаемо и внутренними врагами. Коммунистам удалось даже завладеть Парижем, но с ними справились Тьер и Гамбетта. Причина же одна: эти люди представляли только национальные интересы. Кадетско-социалистическое русское Временное пра-

Когда же народные массы захватили фактическую власть, ставленниками их оказались те, кто сумел посулить им наибольшее материальное благополучие, независимо от степени осуществимости их посулов и даже способов их осуществления.

С другой стороны, государственная власть, предоставленная самой себе, без дальнейшей помощи общественности и, наоборот, при усиливающейся оппозиционности к ней общественности, не могла быть на высоте исполинской задачи управления 180-миллионным населением страны, занимающей одну шестую часть земной суши и притом в момент окончательного перелома всего характера хозяйственной деятельности этого населения. Совершение властью множества ошибок было при таких условиях неизбежно. Страдала, разумеется, и русская бюрократия теми недугами, которые присущи всем бюрократиям в мире. Формализм, излишняя приверженность к существующему, рутинность, недостаточная организационная связь с народной жизнью, а посему и недостаточное понимание происходящих в ней сложных эволюционных процессов и нарождающихся новых потребностей; наконец, отсутствие реформаторской решимости и энергии — все это было свойственно русской бюрократии, но как технический управительный аппарат она в общем и целом работала превосходно, безусловно совершенствовалась и, как-никак, делала героические усилия, чтобы выполнить возложенные на нее задачи.

По мере хода событий, развернувшихся в 1905 и 1906 гг., сознание всех приведенных условий и обстоятельств стало все более проникать в культурные, государственно мыслящие

вительство, наоборот, представляло только партийные интересы. (Прим. автора)

общественные круги. Действительно, наиболее характерным явлением этой эпохи было разделение либеральной оппозиции на два весьма различных лагеря.

Почти все, что было в ее среде действительно болеющего о судьбах родины и участвовало в освободительном движении не ради преследования своих личных целей, а для обеспечения государству лучшего порядка его управления, понемногу переходило на сторону правительственной власти. Наоборот, элементы, искавшие переворота, дабы при нем удовлетворить свои уязвленные самолюбия и добраться к власти, становились все радикальнее, все ближе сходились с разрушительными революционными силами и все более строили свой успех на безудержной демагогии, совершенно не считаясь с той ценой, в которую он обойдется стране.

1905 год можно разделить на четыре отдельных периода, из которых первый продолжался примерно до 18 февраля, т.е. до опубликования рескрипта Булыгину, возвещавшего о предстоящем призыве к участию в законодательной работе выборных представителей всех слоев населения. Период этот отличался многочисленными стачками и все усиливающимся рабочим движением. Второй период заключал весенние и летние месяцы. Отличительной его чертой было развитие общественной деятельности и изобилие разнообразных общественных съездов. Съезды эти собирались почти исключительно в Москве, ставшей, таким образом, центром либерального общеземского движения. В течение этого периода более или менее культурные общественные круги стремятся выяснить для себя самих свое отношение к совершающимся событиям и выработать соответствующие политические программы. В этот же период было опубликовано положение о законосовещательной Государственной думе, и в связи с этим общественная мысль была поглощена вопросом о наилучшем характере представительных учреждений и о системе выборов их лично-

го состава. Ознаменован был этот период, кроме того, аграрными беспорядками, рабочими стачками и множеством террористических актов.

Третий период, начавшийся примерно в начале сентября, прошел под знаком окончательного объединения наиболее радикальной части интеллигентской оппозиции с революционными силами подполья, что дало возможность этим силам осуществить общую железнодорожную забастовку и вообще нарушить нормальный ход жизни всей страны. Закончился он изданием Манифеста 17 октября.

Наконец, четвертый период, окончившийся примерно с концом года, ознаменовался рядом вооруженных выступлений пролетариата при уменьшившемся, однако, сочувствии к этим выступлениям как рядового обывателя, так и культурных слоев населения и изменившемся характере действий государственной власти. В крепких руках П.Н.Дурново власть перестала плыть по течению и решительно выступила на путь механического подавления революционного движения.

Я, разумеется, не намерен подробно излагать или хотя бы перечислять все то множество отдельных проявлений охватившего страну в ту пору брожения, хочу лишь попытаться отметить важнейшие этапы подъема общественного настроения и нарастания революционной волны, а также в общих чертах охарактеризовать деятельность за ту же пору государственной власти.

Окраску правительственной деятельности за первые девять месяцев революционного 1906 г. давало лицо, для этой роли мало соответствующее — Д.Ф.Трепов. Это был, как я уже говорил, человек вполне порядочный и благожелательный, но совершенно не подготовленный к широкой государственной деятельности и к тому же лишенный твердой воли. Последнее и сказалось во всем его образе действий, не отличавшемся ни последовательностью, ни твердой решимостью. Прибыл Тре-



пов в Петербург из Москвы все еще прельщенный системой Зубатова, но так как сам Зубатов еще с весны 1904 г. был сослан во Владимир, то применял он эту систему такими способами, с которыми едва ли бы согласился сам ее инициатор.

Действительно, как можно иначе назвать, как не той же зубатовщиной тот способ, к которому Трепов прибег в целях успокоения рабочей среды тотчас по назначении петербургским генерал-губернатором, а именно устроенный им прием государем представителей рабочих Петроградского района.

Мысль остановить таким путем рабочее движение была, разумеется, детски наивна. После событий 9 января забастовочное движение охватило большинство всех петербургских фабрик и заводов. Достаточно сказать, что общее число рабочих забастовочных дней в течение января 1905 г. достигло совершенно небывалой и с тех пор не достигнутой цифры — 920 тысяч. О значительности этой цифры можно судить по тому, что до тех пор максимальное число рабочих забастовочных дней в течение целого года во всей империи составило (в 1903 г.) всего 445 тысяч. Вот при этих-то условиях Трепов не находит ничего лучшего, как устроить инсценировку «единения царя с народом». Выбор рабочих производится им при помощи некоего Ушакова, рабочего экспедиции заготовления государственных бумаг, ближайшего помощника Зубатова в деле организации рабочих собраний. При этом само собою разумеется, что выбранные рабочие пропускаются через строгий политический фильтр. Составленную таким образом рабочую депутацию везут в Царское Село, заставляют государя держать им речь, содержащую обещание заботиться о благосо-

стоянии рабочего люда, после чего кормят обедом и отпускают восвояси<sup>466</sup>.

Но кого же при этом обманывают и чего этим достигают? Рабочих и их успокоения? Отнюдь нет. Рабочих обещаниями не возьмешь: им гораздо больше обещают подговаривающие их к стачечным выступлениям партийные их сочлены. Ответственность? Но большинство ее не придает царским словам значения. Обманутым являлся здесь один лишь Николай II, который благодаря подобным приемам до самого конца своего царствования оставался при убеждении, что против монархии одни только «интеллигенты», а народ, и в том числе фабрично-заводской рабочий, за самодержавие и продолжает видеть в царе лучшего защитника своих интересов.

Если прием государем рабочей депутации не внес и не мог внести успокоения в рабочую среду, все более подчиняющуюся влиянию революционеров и увлекаемую социалистическими утопиями, то не больших результатов достигла и другая мера, изобретенная на этот раз не Треповым, а Витте. Я имею в виду учрежденную 29 января 1905 г. под председательством члена Государственного совета Н.В.Шидловского комиссию по рабочему вопросу, с введением в ее состав представителей от

466 Осенью 1904 г. при поддержке Министерства финансов было учреждено «Петербургское общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве», председателем которого стал рабочий экспедиции заготовления государственных бумаг М.А. Ушаков, состоявший в переписке с С.Ю. Витте. Именно его Витте представлял Николаю II вскоре после издания Манифеста 17 октября. В конце 1905 г. Ушаков основал Независимую социалистическую рабочую партию, а в 1906—1908 гг. издавал «Рабочую газету», пользовавшуюся влиянием у некоторой части квалифицированных рабочих (см.: Лаверьчев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России. М., 1972. С. 168-170).

работодателей и рабочих по их выбору. Цели комиссии были столь же необъятны, как и туманны. В сопровождавшем ее образовании особом указе сказано, что она образуется «для безотлагательного выяснения причин рабочего недовольства в Петербурге и его пригородах и принятия мер для устранения их в будущем».

Рассуждая отвлеченно, подобная комиссия если не могла, конечно, устранить в будущем, иначе говоря, раз навсегда, «причины рабочего недовольства», то все же могла бы дать благие результаты, если бы... ох, много «если бы». Но прежде всего нужно было, чтобы вожаки рабочих, вошедшие в комиссию, но сами к среде рабочих принадлежащие далеко не в полном составе, желали успокоения рабочей массы. Между тем они преследовали противоположную задачу. Им нужно было не прекращение рабочих волнений, а, наоборот, их усиление. Они приложили все старания, чтобы сорвать комиссию, для чего провели в качестве представителей рабочих в состав комиссии «партийных» рабочих<sup>467</sup>.

Однако на этом не останавливаются попытки правительства успокоить рабочие массы и заслужить их расположение и даже благодарность. Прибегает оно при этом к старому излюбленному им способу — административному произволу. Вместо

467\* Выборы представителей от рабочих в комиссию Шидловского были двухстепенными. Вначале рабочие по предприятиям выбирали выборщиков, а затем выборщики на общем собрании избирали членов комиссии. Выборщики оказались настолько политизированными, что, не приступая к выборам, уже заявили Шидловскому разнообразные политические требования. Когда Шидловский объявил, что комиссия не будет рассматривать общеполитические вопросы, как не входящие в ее компетенцию, выборщики отказались проводить избирательное собрание, оставив комиссию без членов от рабочих.

того чтобы путем соответственного законодательства дать возможность рабочему классу самому законными, уже признанными во всех промышленных странах способами отстаивать свои интересы, оно само непосредственно вмешивается в экономические взаимоотношения капитала и труда и путем давления на промышленников пытается добиться исполнения ими хотя бы части пожеланий рабочих в отношении повышения платы и сокращения часов работы.

Так, 24 января (1905 г.) министр финансов собирает у себя представителей правлений и владельцев расположенных в Петербурге и его окрестностях фабрик и заводов и предлагает им тотчас ему сообщить, какие они могут и намерены сделать уступки рабочим. Промышленники, естественно, отвечают, что каких-либо общих для всех заводов и фабрик уступок они ни указать, ни сделать не в состоянии. Каждый завод имеет свои особенности, и расценка труда производится на них различными способами в зависимости от характера производимых на них работ. Степень прибыльности отдельных предприятий также весьма различна, и что одно предприятие может сделать, то другие не в состоянии осуществить без полного краха. Заявление это, однако, не удовлетворяет министра финансов, и он двусмысленно заявляет, что упорное нежелание предпринимателей пойти навстречу требованиям рабочих может иметь для них тяжелые последствия.

Принимаются, впрочем, правительством в отдельных случаях и более решительные меры. Так, например, Путиловскому заводу, объявившему расчет всем своим рабочим и временно прекратившему производство впредь до набора состава рабочих, согласных работать на условиях заводоуправления, военный министр объявляет, что если завод немедленно не возобновит производства, он его лишит всех данных ему военных заказов. Правда, распоряжение это мотивируется военным временем, но фактически оно сводится к принуждению заво-

доуправления принять все условия, продиктованные рабочими.

Наиболее ярким выражением этой правительственной политики является телеграмма, которую министр путей сообщения кн. Хилков убедил государя послать правлению Ливаво-Роменской железной дороги. В телеграмме этой государь выражал свое удовольствие и благоволение по поводу сокращения рабочего дня на упомянутой дороге до 9 часов<sup>468</sup> при одновременном повышении рабочей платы.

Подобная политика правительства, желающего отыгаться на спине промышленности и за ее счет заслужить благодарность рабочего класса, имела, однако, своим последствием лишь огульное возмущение промышленных кругов и их вящее сближение не только с оппозиционными, но и с революционными силами. Рабочие же массы отнеслись к ней совершенно равнодушно, так как их пожелания далеко превышали то, что правительству удалось достигнуть своими произвольными и силою вещей не координированными действиями.

В результате промышленные круги забрасывают правительство своими записками, в которых не только резко критикуют действия правительства, но прямо говорят, что рабочие волнения отчасти вызваны самим правительством, отчасти являются последствием общего политически бесправного положения населения страны и ее рабочего класса в частности.

Выступают с такими записками представители железнодорожной промышленности, горнопромышленники Урала,

468\* Речь идет не более чем о рабочем дне в железнодорожных мастерских. Работники собственно железной дороги трудились по сложным расписаниям с суточными или полусуточными дежурствами и разнообразными интервалами между ними, что и ожидается от предприятия с непрерывным режимом работы.

фабриканты и заводчики Петербурга и, наконец, группа фабрикантов и заводчиков Москвы и Московского района, руководительствуемая председателем Московского биржевого комитета<sup>469</sup> — Морозовым. Однако замечается и другое. Не без основания полагая, что при представительном образе правления владельцы капитала непременно получают если не преобладающее, то, во всяком случае, могучее влияние на ход управления страной, они решили добиваться конституции, не останавливаясь даже перед средствами обоюдоострыми. К тому же сам Морозов находился в то время под сильным влиянием Горького и не жалел даже личных денежных средств для поддержания революционного брожения среди рабочих<sup>470</sup>.

469\* Биржевые комитеты были, по букве закона, всего лишь общественными организациями, управлявшими биржами. На само же деле общие биржи (в отличие от специализированных: фондовых, мясных, мучных и т.п.) вообще не функционировали как биржи, никаких биржевых собраний, на которых бы предприниматели собирались вместе и совершали бы сделки, а также велась бы котировка цен на товары, не проводилось. Вместо этого биржевые общества превратились в обыкновенные предпринимательские организации, заботившиеся об общих интересах предпринимателей, чаще всего в форме различных ходатайств к правительству или же участия в разнообразных совещаниях.

470\* Увлеченность Саввы Тимофеевича Морозова революционными идеями развивалась в нем одновременно с глубоким личностным кризисом. 13 мая 1905 года он покончил с собой, причем оказалось, что его полис страхования жизни на сумму 100.000 рублей был выписан на актрису М.Ф.Андрееву. Андреева, в свою очередь, передала 60.000 рублей из этих средств большевистской фракции социал-демократической партии; по всей видимости, она исполняла устно выраженную волю покойного.

Внешним отражением такого настроения части московских промышленных кругов явилась представленная ими правительству особая записка. «Настоящие рабочие волнения, — говорила эта записка, — хотя и построены на экономической почве, но в то же время являются крупным политическим движением... Отсутствие политических прав, вот где следует искать главнейшие причины периодических рабочих волнений». Отсюда следовал, разумеется, вывод, что установление правильных отношений между рабочими и промышленниками возможно лишь при условии правового государства. Заканчивалась записка почти дословным повторением резолюций ноябрьского земского съезда и указанием на необходимость предоставления рабочим права сходов, собраний, союзов и коллективного отказа от работы.

К тому же выводу приходит и другая записка, поданная правительству по тому же предмету, а именно записка 198 инженеров.

Естественно, что при таких условиях комиссия Шидловского, работавшая лишь в пределах вопроса об экономическом положении рабочих, ни к чему прийти не могла, кроме вящего возбуждения рабочих масс, и посему вскоре была закрыта.

Тем временем поднявшаяся в начале января стачечная волна, приобретающая все более революционный характер, не только не шла на убыль, а, наоборот, вздымалась все выше и захватывала все большее число рабочих районов. Одновременно разразились в иных губерниях и крупные аграрные беспорядки.

Осада власти становилась все энергичнее, и вели ее силы революционные. Так, московский комитет социал-демократической рабочей партии в январе 1905 г. резко высказался против резолюции ноябрьского 1904 г. земского съезда. Он определенно признал единственным выходом из создавшегося положения «низвержение путем вооруженного восстания

существующего правительства и созвание учредительного собрания для установления демократической республики и узаконения политических и экономических требований пролетариата». Попытку земцев сговориться с правительством комитет признал за постыдный торг и за сделку буржуазии с властью на счет прав народа. Одновременно комитет постановил: «На всех митингах вести агитацию за права пролетариата и выступать с протестом против сделки либералов с царским правительством, указывать на необходимость продления революции (начало ее приурочивалось к 9 января — выступление Гапона) и объявить стремления и домогательства либералов изменой народу».

В соответствии с этой резолюцией социал-демократическая рабочая партия (как большевики, так и меньшевики) принялась усиленно поддерживать рабочее движение, всемерно стремясь свернуть его с пути экономических требований на путь требований политических. Распространялись тысячами прокламации, усиленно зашмыгали по всей России крючконосые брютеты<sup>471</sup> — «партийные работники». Не отставали, разумеется, и социал-революционеры, орудуя в своей любимой сфере — крестьянской среде и вызывая аграрные беспорядки. В результате забастовочное движение захватило мос-

471\* Еще один случай характерного для Гурко антисемитского упрощенного объяснения сложных общественных процессов. На непредвзятый взгляд характерной особенностью социал-демократов, в сравнении с другими революционными партиями, было широкое привлечение к низовой партийной работе реальных индустриальных рабочих, без какого-либо преобладания евреев в этой среде. Еще одна характерная черта партии - ее ярко выраженный «германский» характер, следующий из генезиса социал-демократической мысли, и выражавшийся на том этапе в тесной связи с германской братской партией.



ковские фабрики и типографии, распространилось на Ригу, Ревель, Либаву и Варшаву; в последней оно приняло даже характер вооруженного восстания, подавленного лишь силою оружия. Не в меньшей степени захвачены были революционным движением и южные центры промышленности, как Екатеринослав и Киев. Перекинулось это движение и на Кавказ, где выразилось в уличных беспорядках, возникших в Тифлисе и Батуме. Повсеместным лозунгом был созыв Учредительного собрания, избранного по 4-членной формуле<sup>472</sup> подачи голосов. Не прекращались студенческие беспорядки во всех высших учебных заведениях, вызвавшие закрытие многих из них. Участились террористические акты. 4 февраля был убит великий князь Сергей Александрович, уже оставивший к тому времени пост московского генерал-губернатора. Словом, каждый день приносил известия о каких-либо новых очагах волнений, о новых нарушениях общественного порядка и спокойствия. Власть при этом становилась все более растерянной, причем у нее росло убеждение, что без некоторых уступок успокоить взбаламученное море житейское нет возможности.

Однако на самых верхах все еще мечтали сохранить самодержавный строй, ограничившись лишь предоставлением населению прав свободно высказывать свои мысли по вопросам государственного строительства. Положительное заявление о незыблемости самодержавного строя, сопровождаемое немедленным предоставлением права частным лицам и учреждениям непосредственно обращаться к государю с изложением своих предположений, — вот к какому решению пришел в половине февраля Николай II. Не исключалось им при этом и учреждение избранного населением законосовещательного установления.

472\* Всеобщее, равное, тайное и прямое голосование.

В соответствии с этим утром 18 февраля 1905 г. появилось два государственных акта, по существу одинаково мало говорившие взбудораженной общественности, а именно манифест «о нестроениях и смутах» и указ Сенату о петициях, начинающиеся словами: «Ослепленные гордынею злоумышленные вожди мятежного движения дерзновенно посягают на освященные православною церковью и утвержденные законами основные устои государства Российского, полагая, разорвав естественную связь с прошлым, разрушить существующий государственный строй и вместо одного учредить новое управление страной, отечеству нашему не свойственное». Далее манифест говорит:

«Да станут же крепко вокруг престола нашего все русские люди— верные заветам родной старины... к вящему укреплению истинного самодержавия на благо всех верных наших подданных».

Указ Сенату повелевал возложить на состоящий под председательством государя Совет министров «рассмотрение и обсуждение поступающих на имя наше от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного устройства и улучшения народного благосостояния».

Оба эти государственных акта исходили непосредственно из Царского Села и для министерской коллегии явились полной неожиданностью. Вдохновителем их появления был, по видимому, дворцовый комендант П.П.Гессе, причем основой для манифеста служил набросок, написанный самим государем, составлялся же он несколькими лицами, в том числе неким Юзефовичем<sup>473</sup>, доверенным лицом Гессе. В последней

473\* Речь идет о статском советнике Б.М.Юзефовиче, чиновнике Собственной Е.И.В.Канцелярии. В 1905 году Юзефович вышел в

редакции манифест был послан на рассмотрение Победоносцева, который его всецело одобрил.

Появление этих манифеста и указа было для правительства тем более неожиданно, что незадолго перед их появлением государем было более или менее предрешиено учреждение законосовещательного учреждения, состоящего из лиц, избранных населением. Инициатором здесь явился человек, от которого этого во многих отношениях нельзя было ожидать. Это был тишайший и скромнейший А.С.Ермолов. На первом своем очередном докладе после выступления 9 января рабочих под предводительством Гапона, а именно 17 января 1905 г., Ермолов испросил разрешение государя изложить ему волнующие его чувства и мысли в отношении общего положения страны. В пространной, дышащей искренностью и любовью к родине речи он высказал свое глубокое убеждение в безусловной необходимости привлечь общественные силы к участию в решении вопросов государственной важности. Слова Ермолова, вероятно в связи с событием 9 января, произвели на государя глубокое впечатление. Следуя своей обычной импульсивности, государь тут же поручил Ермолову тотчас переговорить по этому вопросу с Витте, а также представить письменную записку по этому предмету<sup>474</sup>. Однако Витте, отчасти, быть может, от того, что инициатива исходила в данном случае не от него, а от почитавшегося им за ничтожество Ермолова,

отставку, поселился в Киеве и сделался там одним из самых влиятельных ультраправых активистов.

474 Записка А.С.Ермолова, датированная 31 января 1905 г., содержала призыв к собранию народного представительства, «пока Русь в своем богоданном царе, в своей силе и мощи не изверилась» (Записки А.С.Ермолова // Красный архив. 1925. № 1(8). С. 49-69).

отнесся к сказанному довольно холодно, но Ермолов с совершенно не свойственной ему настойчивостью продолжал упорно стремиться к осуществлению высказанных им государю предположений, развивая их на своих последующих всеподданнейших докладах. Определилась при этом и внешняя форма, в которую должны были вылиться как способ оповещения страны о предстоящем преобразовании, так и порядок выработки соответствующих законодательных актов. Вспомнили, что реформа 19 февраля — освобождение крестьян — была впервые возвещена в Высочайшем рескрипте, данном виленскому генерал-губернатору Назимову<sup>475</sup>; таким же путем решено было поступить и теперь, а именно объявить о воле государя впредь привлекать к участию в законодательстве страны лиц, избранных населением, в рескрипте на имя министра внутренних дел, возложив на него и разработку закона, устанавливающего порядок осуществления этого

475 Александр II публично заявил о необходимости отмены крепостного права в московском Дворянском собрании 30 марта 1856 г. В январе 1857 г. начал работу Секретный комитет для подготовки реформы, который действовал крайне медленно, поскольку император полагал необходимым добиться от самого дворянства инициативы в этом деле. Однако дворянство решительно отказывалось подавать соответствующие прошения, и только к концу 1857 г. виленскому генерал-губернатору В.И.Назимову удалось склонить литовских дворян согласиться на освобождение крестьян по образцу Остзейского края, где реформа была проведена в 1816—1819 гг. 20 ноября 1857 г. последовал рескрипт на имя Назимова, предписывающий образовать губернские комитеты для «улучшения быта помещичьих крестьян» и излагающий первый вариант правительственной программы. С момента опубликования рескрипта подготовка реформы, сделавшись гласной, уже не могла быть остановлена бюрократическими методами.

положения. Проект такого рескрипта государь поручил составить самому Ермолову.

Однако составленный Ермоловым проект, отличавшийся своей длиной, не удовлетворил государя, после чего такое же поручение было дано главноуправляющему собственной Его Величества канцелярии по принятию прошений, барону Будбергу. Проект Будберга также не был одобрен, но самое решение государя уже стало известным почти всем министрам и возражений с их стороны не встретило. Тем не менее дело это все еще велось келейно. Так, редакция рескрипта, признанная государем наиболее приемлемой, была составлена кем-то из приближенных к Николаю II лиц, в состав правительства не входящих, и для его обсуждения государь пригласил к себе на то же 18 февраля нескольких министров. В своих воспоминаниях Витте говорит, что приглашенные государем лица лишь по пути в Царское Село узнали о появлении упомянутого манифеста и были возмущены принятием без их ведома столь важного государственного акта<sup>476</sup>. Между тем

476 Гурко имеет в виду следующее место «Воспоминаний» С.Ю.Витте: «17 февраля все министры и я как председатель Комитета были приглашены к государю императору в Царское Село для обсуждения мер, которые необходимо принять для успокоения общества. Когда мы приехали на вокзал, сели в вагон и поезд двинулся, то один из министров говорит: «А вы читали манифест, который сегодня появился в собрании узаконенный, а равно и указ Сенату?» Мы все были удивлены, не имея понятия ни об этом манифесте, ни об указе. В том числе был удивлен и министр внутренних дел Булыгин». Бывший тут же министр юстиции Манухин объяснил, что только «ввиду категорического высочайшего повеления» разрешил опубликовать с нарушением законного порядка «манифест о нестроении и

весьма легко объяснить причину появления этого манифеста именно до обсуждения рескрипта Булыгину и его подписания государем. В представлении государя, учреждение законосовещательного с выборным составом учреждения отнюдь не приводило, а в особенности и не должно было привести к умалению царского самодержавия. Это он и хотел подчеркнуть путем издания утверждающего самодержавие манифеста. Одновременно таким путем государь, вероятно, хотел ограждать себя от всяких попыток со стороны приглашенных им лиц склонить его к установлению конституционного строя. Однако прибывшие министры этого не поняли и для предупреждения дальнейших неопределенностей и колебаний в этой области поспешили примкнуть к предложенной на их обсуждение редакции рескрипта, не тронув в нем ни единого слова, а для того, чтобы государь не изменил своего намерения, тут же представили его к царской подписи. Для последнего потребовалось отрезать верхнее поле проекта рескрипта, ввиду написанного на нем слова «Проект», что и было сделано Булыгиным при помощи ножниц, которые ему принес один из камерлакеев.

Подписанный рескрипт Булыгин захватил с собой, и в тот же день он появился в особом экстренном прибавлении к «Правительственному вестнику».

Как известно, рескрипт этот возвещал о намерении государя «отныне привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений». Заканчивался же он весьма неудачной фразой, а именно словами: «Я вместе с тем предвижу всю слож-

смутах», автором которого Витте называет К.П.Победоносцева. См.: Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 376.

ность и трудность проведения сего преобразования в жизнь при непременном сохранении незыблемости основных законов империи».

Намерение Николая II состояло, очевидно, в том, чтобы указать, что принцип самодержавия при осуществлении проектируемого преобразования отнюдь не должен быть нарушен, но на деле получилось утверждение, что преобразование это трудно согласовать с основными законами империи, т.е. именно с самодержавным образом правления.

Если правительство было ошеломлено появлением неожиданного для Него манифеста, то еще в большем недоумении была общественность, прочитав утром царский призыв к охране самодержавия, а вечером возвещение о привлечении к законодательству страны выборных от населения причем, само собою разумеется, более важный акт, знаменовавший решительный шаг в конституционном направлении, совершенно заслонил в общественном внимании манифест, заключающий лишь красивые слова.

Правая печать в лице «Московских ведомостей» и «Света», конечно стремилась перенести центр тяжести на манифест и, опираясь на него, свести почти на нет значение рескрипта, но это был голос в пустыне: общественность почти в полном составе приветствовала привлечение выборных от населения к государственному строительству.

Как бы то ни было, 18 февраля 1905 г. явилось началом второго периода освободительного движения: оно было поворотным пунктом как в настроении, так и в характере деятельности общественности. Повлекло оно за собою, с одной стороны, расслоение общественности на отдельные группы, на образование у нас политических партий, причем в это расслоение были силою вещей вовлечены все сознательные элементы страны. Зрителей борьбы правительства с обществом почти не осталось; в той или иной мере все сколько-нибудь культурные

элементы населения вынуждены были, так сказать, самоопределиваться по тем четырем основным политическим течениям, которые сразу резко обозначились. Идя справа, эти течения были: определенно самодержавное, неуклонно и упрямо отстаивающее то положение, что призыв населения к законодательству отнюдь не должен в чем-либо умалить историческую власть монарха; умеренно-либеральное — определенно высказывавшееся за конституционную монархию, но готовое поддержать в остальном как существующее правительство, так и общий государственный уклад; радикальное, желающее сохранить лишь вывеску монархии, но в сущности стремящееся к установлению народовластия и демократического строя, и, наконец, революционно-социалистическое, видящее в изменениях формы правления лишь орудие для изменения всего экономического и социального уклада страны.

Распределение населения между этими течениями произошло, разумеется, не сразу, причем как вследствие отсутствия какого-либо опыта у общественности в политической работе, так и в силу основных свойств русского народа — отсутствия у него внутренней дисциплины. Вскоре народилось множество отдельных промежуточных не столько течений, сколько политических организаций, чему, конечно, способствовали как разница во взглядах различных слоев населения на способы достижения и отстаивания своих политических идеалов, так и стремление множества отдельных личностей иметь собственную, ими возглавляемую, партию. Надо, однако, сказать, что период от 18 февраля до 17 октября 1905 г., т.е. до появления манифеста, превратившего будущее народное собрание из законосовещательного в законодательное, в сущности, расслоил лишь центр русской общественности; фланги его, подразделяясь, разумеется, на отдельные организации, остались приблизительно в прежнем составе и при прежних своих политических воззрениях. Зато центр общес-



твенности, представлявший до тех пор, по крайней мере по наружному виду, одно слитное целое, почти с места обнаружил два течения, резко различающиеся друг от друга.

Однако и это расслоение не сразу дало себя знать. Так, на состоявшемся в Москве 24—25 февраля 1905 г. земском съезде, на котором участвовали представители трех четвертей земских губерний, раскол не только не обнаружился, а, наоборот, казалось, что произошло полное объединение земских элементов в направлении дальнейшего их общего полевения. На съезде этом уже был поставлен вопрос об Учредительном собрании и выставлен новый, вполне демократический лозунг о выборах на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Определенная левизна февральского земского съезда объясняется, однако, тем, что он подготовлялся еще до появления рескрипта Булыгину от 18 февраля, т.е. до возвещения о призыве к законодательству выборных от населения, и, по существу, отражал взгляд земской среды, в преобладающей части еще озлобленной упорным нежеланием власти идти на какие-либо уступки в порядке привлечения земских людей к государственной работе. Надо, кроме того, помнить, что земские съезды той эпохи отражали губернские земские собрания, избранные в период времени от 1902 по 1904 г. включительно, т.е. когда земская среда в особенности испытывала на себе давление администрации и поэтому была настроена более чем оппозиционно. Последнее привело к торжеству в этот период на земских выборах наиболее оппозиционных правительству, радикально настроенных земских людей. Действительно, прошло лишь два месяца с упомянутого съезда, как раскол в земской среде стал резко обнаруживаться. На втором земском съезде, происходившем в апреле месяце, определенно обозначились два основных течения: большинство стоит за парламент, выбранный на основе получившей к тому времени широкое распространение четырехчленной формулы, а мень-

шинство высказывается, согласно с мнением меньшинства ноябрьского земского съезда, за законосовещательное учреждение. К этому меньшинству принадлежит и даже возглавляет его Д.Н.Шипов, еще столь недавно общепризнанный лидер всей передовой земской России. Это же меньшинство, не высказываясь за сословные выборы, стоит на почве системы земских выборов по положению 1864 г.<sup>477</sup>

Впрочем, было высказано и среднее мнение, выраженное Кузьминым-Караваевым и Арсеньевым, которые одинаково возражали и против старой земской системы, и против так называемой четырехвости.

Словом, на апрельском земском съезде происходит первое открытое и явное расслоение земской среды на демократов-парламентариев и на реформаторов-монархистов, и уже вполне четко выступают те две главные партии, на которые разделятся в ближайшем будущем передовые буржуазные элементы, а именно кадеты и октябристы.

Однако при охватившем в то время страну революционным психозе из этих двух течений явное преобладание получает, даже в земской среде, течение радикально-демократическое; представители либеральных профессий примыкают к нему почти в полном составе. Выступают эти представители на широкую общественную арену путем истолкования указа о петициях в том смысле, что он предоставляет всем русским гражданам право публичных собраний для обсуждения вопросов государственного характера. Толкование это, разумеется,

477\* То есть на выборы, в которых отдельно голосуют волостная (то есть крестьянская), бессословная землевладельческая и городская (имущественно-цензовая) курии, при этом представительство от разных курий не равное, с преимуществом для двух последних.

неправильно; указ определенно говорил о предположениях «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», поступающих на имя государя «от частных лиц и учреждений», и вовсе не устанавливал «права собраний». Именно в этом смысле толкует и стремится ограничить на практике применение означенного указа администрация, но фактически настоять на этом не в состоянии. Власть уже утратила обаяние и лишь весьма частично в состоянии оградить существующий порядок и соблюдение действующих законов.

Так, уже 28 марта собирается всероссийский съезд адвокатов и единогласно постановляет о том, чтобы комиссия Булыгина, вырабатывающая положение о законсовещательной Государственной думе, ограничилась разработкой закона о созыве Учредительного собрания, избранного на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

За этим съездом следует собрание литераторов, однако закрытое полицией, и некоторые другие.

Начинают образовываться при этом, согласно программе «Союза освобождения», разнообразные профессиональные союзы, число коих к маю месяцу достигает 14, причем они, согласно той же программе, объединяются на первом их организационном съезде, состоявшемся 8 мая, в «Союз союзов».

Новый и весьма сильный толчок к возбуждению общественного настроения дает происшедшая 15 мая гибель почти всего нашего флота в Цусимском проливе. В этом поражении усматривают прежде всего неспособность бюрократии вести государственный корабль. Общественность совершенно забывает, что отправка в воды Тихого океана нашего Балтийского флота, а в особенности эскадры адмирала Небогатова, состоявшей из совершенно устаревших тихоходов, была произведена под напором именно общественного мнения, вопреки указаниям морских специалистов. Последние определенно утвер-

ждали, что включение в эскадру адмирала Рождественского броненосцев старого типа не только не усилит ее, а, наоборот, ослабит, тормозящим все ее движения тяжелым и, в сущности, бессильным привесом. Современники, вероятно, еще помнят о той кампании, которую, при усиленной поддержке «Нового времени», вел беззастенчивый карьерист, капитан 1-го ранга Кладо в пользу посылки на Дальний Восток всех судов Балтийского флота независимо от их боеспособности<sup>478</sup>, как эту кампанию поддерживали общественные круги, как именно они принудили государственную власть осуществить это явно нелепое требование.

Бюрократия, государственная власть, конечно, виновата в посылке старых галош, как в то время называли суда эскадры

478 В обширной статье «После ухода 2-й эскадры Тихого океана», подписанной псевдонимом «Прибой» (Новое время. 1904. 11—19 ноября), Н.Л.Кладо убедительно доказывал, что высланная для усиления Тихоокеанской эскадры с Балтийского моря «эскадра адмирала Рождественского значительно слабее тех сил, которые ей могут противопоставить японцы» и настаивал на посылке дополнительных сил из состава Балтийского и даже Черноморского флота. Кратко аргументация его была повторена в статье «К посылке 3-й эскадры» (Там же. 23 ноября). Псевдоним был раскрыт самим автором в ответе на критические отзывы (О праве всех сословий на поступление в морские учебные заведения // Новое время. 1904. 26 ноября). Статьи имели большой общественный резонанс и были вскоре переизданы отдельной брошюрой (Кладо Н.Л. [Прибой]. После ухода 2-й эскадры Тихого океана. СПб., 1905). Статьи Кладо способствовали посылке 3-й эскадры под командованием адмирала Н.И.Небогатова, вышедшей из Либавы 2 февраля 1905 г. Эскадра Небогатова, состоящая из старых судов, стала обузой для эскадры Рождественского, что послужило одной из причин разгрома под Цусимой.

Небогатова, но виновата она, кроме того, и в том, что не имела мужества не исполнить в данном случае общественных требований. Последнее лишь способствует тому, что общественность проникается искренним и глубоким убеждением в полной несостоятельности бюрократии, ей одной приписывает все военные поражения и внутренние несовершенства и одновременно полагает, что достаточно передать власть в руки ее избранников, чтобы все наладилось и усовершенствовалось<sup>479</sup>.

Убеждением в своем превосходстве над бюрократией проникнуты происходящие весной 1905 г. совещания, съезды и публичные собрания. Наиболее резко это выражают, разумеется, элементы революционные или весьма к ним близкие. Так, упомянутый мною, объединяющий 14 профессиональных организаций «Союз союзов» на своем втором, состоявшемся 25 мая, собрании постановляет: «немедленное устранение разбойничьей шайки, правящей государством, и постановление на ее место учредительного собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов, без различия пола, вероисповедания и национальности». В этом постановлении кроме утверждения превосходства общественности над бюрократией звучали открыто революционные ноты, причем предъявляемые к власти требования все расширяются: в четы-

**479** Под тем же убеждением неспособности бюрократии справиться с выпавшими на ее долю в течение мировой войны тяжелыми задачами действовала критически настроенная общественность в течение 1915 и 1916 гг., причем точно так же убеждала, что общественные силы с этими задачами справятся. Практика показала, однако, обратное. Бюрократия того времени, невзирая на исключительно неподходящий состав правительственного синклита, все же оказалась неизмеримо во всех отношениях выше тех общественных сил, которые ее заменили в марте 1917 г. (Прим. автора)

рехленную формулу всеобщей подачи голосов вводится новое начало — равноправие женщины, а также вероисповеданий и национальностей. Обнаруживаются одновременно в стране и те центробежные течения, которые двенадцать лет спустя привели к расчленению государства; губернии Царства Польского охватываются национальным движением, объединившимся с движением социальным; выставляется принцип автономий окраин, причем на Кавказе он обостряет отношения между различными населяющими его племенами; последнее приводит к кровавому столкновению между ними в Баку<sup>480</sup>, повлекшему за собою многочисленные, в особенности между татарами и армянами, человеческие жертвы. Но посреди этого брожения и смуты патриотические элементы крепко держались старых представлений. Они не могли понять, что опасность слева угрожает существованию не только государственной власти, но и тех классов, которые они сами представляли, и продолжали с большим воодушевлением подливать масла во всепожирающий огонь революции.

С 24 по 27 мая в Москве прошел объединенный съезд представителей земств, городов и дворянских обществ. Собрался он вскоре после цусимской катастрофы и единогласно принял резолюцию о необходимости немедленного созыва свободно избранных народных представителей для обсуждения с монархом вопросов войны и мира и установления

480 Во время армяно-азербайджанской резни в Баку 6—9 февраля 1905 г. погибли несколько сот человек. В советской литературе утверждалось, что резня была спровоцирована властями, и бакинский губернатор Накашидзе специально был вызван в январе в Петербург, где и получил указания способствовать столкновениям на национальной почве, чтобы подорвать стачечное движение (см.: История Азербайджана. Баку, 1960. Т. 2. С. 555).

порядка в стране. Участники съезда составили довольно подробную петицию царю, которая была в основном вполне верноподданной и проникнутой горячей любовью к стране, но в то же время провозглашала, что администрация должна быть преобразована и лица, пользующиеся доверием общественности, должны быть призваны к участию в правительстве. Эта петиция служит доказательством того, что бюрократия считалась недееспособной, она также является первым свидетельством той судорожной борьбы за власть, которая позднее столь сильно окрашивает деятельность вождей конституционно-демократической (кадетской) партии. Цусимское поражение на время<sup>481</sup> сглаживает раскол либеральной оппозиции, обнаружившийся на апрельском съезде, майское совещание все еще представляет более или менее единый передовой земский фронт, но фактически в нем преобладают кадеты. Особенно это сказывается в личном составе делегации, избранной совещанием для представления государю составленной им резолюции. В делегацию эту входят профессор кн. С.Н.Трубецкой, Ф.А.Головин, кн. Пав.Д.Долгоруков, гр. П.А.Гейден, Н.Н.Львов, Ю.А.Новосильцев, кн. Г.Е.Львов, Н.Н.Ковалевский, кн. Д.И.Шаховской, И.И.Петрункевич и Ф.И.Родичев. За исключением Н.Н.Львова, гр. П.А.Гейдена и самого лидера делегации кн. С.Н.Трубецкого, чуждых духу кадетской партии, остальные члены делегации — главные созидатели кадетизма.

Но что же делает власть, как она реагирует на постоянное нарушение закона<sup>482</sup> и на обращаемые к ней все повышающиеся политические требования?

481 В машинописи утрачен один лист. Текст в прямых скобках дается в обратном переводе с английского.

482\* Под нарушениями закона Гурко имеет ввиду все перечисленные собрания как таковые. На тот момент право созывать со-

Отличительной особенностью власти того времени является отсутствие у нее сколько-нибудь определенной линии поведения, хотя она все более сосредотачивается в руках одного лица — петербургского генерал-губернатора Д.Ф.Трепова и наконец переходит к нему всецело. Как я уже упомянул, 21 мая Трепов назначается товарищем министра внутренних дел с оставлением петербургским генерал-губернатором, с предоставлением ему вполне самостоятельного заведования всем государственным полицейским аппаратом и с подчинением всего петербургского гарнизона. С первого взгляда, да, думается мне, и по существу, поскольку она отвечала свойствам его ума и характера, деятельность эта представлялась просто сумбурной, однако на деле она едва ли не была наиболее соответствующей той эпохе. Действительно, что могла сделать в то время власть, если бы она желала действовать вполне логично и планомерно? Очевидно, одно из двух: либо принять решительные меры к точному соблюдению действующих законов взбудораженными общественными элементами, либо отменить или, по крайней мере, изменить законы, иначе говоря, немедленно даровать населению свободу слова, собраний и союзов. Однако оба эти пути были бы не только ошибочными, но и определенно опасными. Лишившись еще в предшествующую эпоху по разным причинам, среди коих имели не малое значение наши военные поражения, должного обаяния, власть могла заставить общественность отказаться от наруше-

брани принадлежало лишь таким общественным организациям, у которых оно содержалось в уставе (и даже эти собрания во многих случаях отдельно разрешались властями), причем с обсуждением исключительно уставного круга вопросов. Любое собрание, обсуждающее общеполитические вопросы, по умолчанию было незаконным.



ния закона лишь при помощи столь крутых мер, которые явно не соответствовали бы содеянным правонарушениям. Несоответствие это было тем более кричащим, что нарушение закона производилось отчасти вследствие искреннего чувства любви к родине, отчасти под флагом этой любви. С другой стороны, узаконить общественные выступления предоставлением населению определенного права свободно собираться, образовывать любые союзы и высказывать все свои мысли и чаяния неминуемо привело бы к необходимости немедленно исполнить эти мысли и чаяния, а в первую очередь, передать самую власть в руки общественности без всякой уверенности, что она сумеет справиться с ее тяжелым бременем. Наконец, надо иметь в виду, что в то время власть уже не имела возможности принять какие-либо либеральные меры по собственному почину, как она это имела при вступлении Мирского в управление внутренней политикой.

Всякие шаги власти в этом направлении были бы лишь исполнением, и, однако, только частичным, требований общественности, а посему, с одной стороны, неизбежно были бы приняты как вынужденные уступки этой общественности, «как завоевание освободительного движения» и истолкованы слабостью власти, а с другой, никого бы полностью не удовлетворили. Но это обстоятельство привело бы не к укреплению власти, не к уменьшению враждебного к ней отношения, а лишь к усилению предъявляемых к ней требований и вящему на нее напору всех оппозиционных сил, как определенно революционных, так и стремящихся лишь к обновлению внешних форм государственного управления.

Власть имела дело с общественностью определенно психически больной, а посему и вынуждена была поступать с ней не по правилам логики, понятным лишь людям умственно уравновешенным, а путем некоторого ее убажания, не передавая ей, однако, в руки кормила правления.

Не могла при этом власть думать, что какими бы то ни было мерами, сколько-нибудь согласными с охранением основных государственных устоев, возможно оторвать от освободительного движения более или менее значительную часть общественности и на ее поддержке укрепить свое положение. Это опять-таки было вполне возможно ранней осенью 1904 г. и неосуществимо в весенние месяцы 1905 г. Те умеренно передовые элементы, на которых впоследствии обосновал свою власть Столыпин, лишь на опыте революционных эксцессов 1905 и 1906 гг. сознали, что осуществление гражданских свобод в полной мере возможно лишь постепенно, по мере политического воспитания хотя бы просвещенных и полупросвещенных слоев населения. В то же время эти умеренные либералы требовали осуществления гражданских свобод в той же мере, как элементы радикальные и даже революционные. С другой стороны, круги определенно правые, чтобы не сказать реакционного направления, поддерживавшие правительство, легко могли утратить всякое значение в смысле общественного устоя порядка, коль скоро заливавшая страну революционная волна получила бы большую силу: нетерпимость оппозиции к представителям консервативных взглядов достигла в то время крайних пределов и, конечно, вылилась бы при первой фактической к тому возможности в полный запрет этим элементам гласно высказывать свои мнения.

Да, власть в ту пору едва ли вполне сознательно избрала тот путь, по которому она фактически шла. Руководили ею, по всей вероятности, другие разнообразные мотивы, а прежде всего отсутствие у нее самой сколько-нибудь ясного представления о том образе действий, которого ей следовало придерживаться. Но на практике именно это ее и спасло. Не узаконивая права общественных выступлений и вмешательства населения в государственные дела, власть тем самым сохранила за собою право в отдельных случаях нарушения закона, коль

скоро оно грозило серьезными последствиями, принять необходимые карательные меры. С другой стороны, не лишая фактически передовую общественность возможности излить накопившие у нее чувства и высказывать свои политические чаяния, власть тем самым давала свободный выход этим чувствам и мыслям, а посему несколько уменьшала их напор. Одновременно принятым способом действий власть возбуждала сознательность той части общественности, которая не была заражена революционным психозом, и, таким образом, в ее лице создавала себе мощного союзника. Для власти, как всегда, были страшны не увеличение количества ее врагов и усиление их агрессивного наскока на правительственный аппарат, а все большее сокращение ее приверженцев и защитников, так как ни одна существующая власть, владеющая всем правительственным механизмом, не была свергнута, коль скоро сохраняла в населении страны сколько-нибудь значительное количество лиц, ей сочувствующих и готовых ее защищать. Необходимо было, следовательно, тем или иным путем привлечь на свою сторону хотя бы некоторую часть общественности, что, разумеется, всего легче было сделать посредством устрашения некоторых элементов общественности возможными последствиями от смены власти и перехода ее в руки лиц, определенно опасных для общественного спокойствия и порядка. Самые эксцессы все более зарывавшихся в своих требованиях явно оппозиционному правительству общественных элементов содействовали отрезвлению наиболее уравновешенных и не зараженных личным честолюбием общественных деятелей и образованию ими той органической силы, без наличия которой никакая механическая сила продолжительно успешно действовать и хотя бы защищать себя не в состоянии.

Мудро поступил и государь, согласившись принять делегацию упомянутого московского дворянско-земско-городского

совещания<sup>483</sup>, в состав коей вошли и представители Петербургской городской думы М.П.Федоров, барон П.Л.Корф и А.Н.Никитин после того, что Петербургская городская дума присоединилась к петиции совещания. Государь, очевидно, понял, что, невзирая на неприемлемость некоторых положений, заключенных в постановлении этого съезда, все же они были продиктованы чувствами любви к родине и даже в общем и целом к существующему строю. И государь не ошибся. В сказанных ему кн. С.Н.Трубецким словах не было ничего сколько-нибудь недопустимого в обращении подданного к монарху. В его словах звучал голос горячего патриота, болеющего о судьбах Родины. Слова Трубецкого «нас привело сюда одно чувство — любовь к отечеству и сознание долга перед вами, государь» облетели всю Россию и вызвали всеобщее одобрение. Слова государя хотя и не заключали, в сущности, ответа на речи членов делегации, были все же вполне приемлемы для государственно мыслящей России. Конечно, слова эти не отличались определенностью, но иными они в ту пору и быть не могли, причем сама их неопределенность давала возможность представителям всех не явно революционных общественных течений толковать их в желательном для них смысле. Наиболее ярким местом речи государя было: «Отбросьте ваши сомнения, моя воля — воля царская — созвать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно... Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью,

483 Депутация общественных деятелей, от лица которой держал речь С.Н.Трубецкой, была принята Николаем II 6 июня 1905 г. в Петергофе (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 8 июня.).

общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам».

На членов делегации слова эти произвели огромное впечатление, быть может не столько сами по себе, сколько по той, присущей покойному царю чарующей простоте, с которой они были сказаны, так как в одном нельзя отказать Николаю II, а именно в личном обаянии. Это не было обаяние царственного величия и силы, наоборот, оно состояло как раз в обратном — в той совершенно неожиданной для властителя 180-миллионного народа врожденной демократичности. Николай II каким-то неопределенным способом во всем своем обращении давал понять своим собеседникам, что он отнюдь не ставит себя выше их, не почитает, что он в чем-либо отличает себя от них. Обращение его было настолько безыскусственно и до странности просто, что как-то привлекало к нему симпатии всех, с которыми он беседовал. В особенности сильно было это обаяние при первой встрече, при первом обращении с ним. Лица, с которыми он состоял в частом и продолжительном общении, переставали испытывать этот *charme*<sup>484</sup> и даже начинали питать к нему иные чувства.

Надо, однако, отметить бестактное распоряжение, сделанное по поводу вышеупомянутых слов царя Министерством внутренних дел. По чьей инициативе это было принято, мне неизвестно. Циркуляром Главного управления по делам печати газетам было запрещено истолковывать слова государя, а губернаторам было предложено принять меры против распространительного толкования царских слов. Распоряжение это было тем более неразумное, что последовало оно уже после того, как царские слова были истолкованы прессой в самых

484 Шарм (фр.).

разнообразных смыслах, а губернаторы были вообще фактически лишены возможности принять предлагаемые им меры.

Весенние месяцы 1905 г. хотя и изобиловали разнообразными общественными собраниями и съездами, обращавшимися с все повышающимися требованиями к власти, все же в общем были значительно спокойнее двух начальных месяцев года. Стачечное движение в Петербурге, насчитывавшее в январе 920 тысяч рабочих забастовочных дней, а в феврале — 506 тысяч, в апреле месяце почти совсем прекратилось: число забастовочных рабочих дней достигло всего лишь 96 тысяч. 1 мая, невзирая на старания революционных партий, прошло совершенно спокойно: фабрики работали в этот день полным ходом. Неудача эта очень печалила «партийных работников», а либеральная закордонная пресса («Освобождение») не без грусти отмечала, что «никакая организационная сила еще не владеет народными массами». Прекратились одновременно и аграрные беспорядки, принявшие в феврале и отчасти в марте широкие размеры.

Наконец, эти же весенние месяцы были отличены едва ли не первыми проявлениями жизни и деятельности правых организаций, и притом различных оттенков.

Так, 26 марта в Москве собрались вновь предводители дворянства в числе 26, обсуждавшие записку Д.Н.Шипова.

Записка эта высказывалась за законосовещательное учреждение и проводила ту мысль, что дальнейшее развитие формы правления должно происходить в тесном единении с властью.

«Борьба с правительством кончена, нужна помощь царю» — вот суть записки<sup>485</sup>.

Цусима повлияла, однако, и на предводителей дворянства. Под ее влиянием они составили адрес государю, в котором умоляли его не медлить осуществлением возвешенных реформ. Адрес этот был представлен государю 15 июня принятыми им московским и петербургским предводителями дворянства кн. П.Н.Трубецким и гр. В.В.Гудовичем, которые, развивая заключенные в записке положения, прибавили, что личная ответственность царя за все происходящее в стране и со страной для него опасна, что необходимо эту ответственность скорее перенести на народное представительство.

В том же смысле высказались и некоторые дворянские собрания.

Положение представителей консервативного направления русской мысли было, однако, в ту пору весьма тяжелым. Решительно все препятствовало гласному проявлению их чувств и мыслей. Старые общественные организации, как земские, так и городские, были захвачены и находились почти всецело в руках либеральной оппозиции. Дворянские собрания по закону собирались лишь раз в три года, причем и в их среде во многих губерниях преобладали представители прогрессивной мысли. Корпорации врачей, адвокатов и журналистов изобиловали лицами не только радикального, но даже революционного образа мыслей, если не действий. Высказывать в их среде консервативные мысли почиталось просто непристой-

**485** В составлении ее участвовали кн. П.Н.Трубецкой, бывший городской голова В.М.Голицын, М.А.Стахович. В.И.Герье, Н.А.Хомяков, кн. Г.Г.Гагарин и П.Герасимов, который ее редактировал. Она отстаивала созвание Государственного Земского собора. (Прим. автора)

ным и было, во всяком случае, сопряжено с полной утратой популярности и даже травлей со стороны инакомыслящих. Наконец, весьма многочисленный бюрократический слой, имевший в своих рядах людей выдающихся и могущих противопоставить доводам противной стороны многие весьма веские положения, в силу своего служебного положения в своем большинстве был лишен возможности выступать на общественной арене. Еще в большей мере это было невозможно представителям армии, этой *grande muette*<sup>486</sup>, хотя в ее рядах монархисты, несомненно, преобладали. Наконец, нельзя не признать, что в то время как идеология республиканского и парламентского образа правления, равно как различных социалистических построений государства, была развита в полной мере, научно обоснованная идея монархии почти вовсе не была разработана в русской литературе. Существовали различные труды славянофилов по этому вопросу, но, во-первых, они отличались крайней туманностью и неопределенностью, что лишало возможности строить на них какие-либо конкретные предположения, а во-вторых, они относились к предшествующей эпохе и не имели в виду тех глубоких экономических изменений, которые испытала Россия за последние десятилетия, и вообще значительно устарели. К тому же отставивать существующее, силою вещей, как всякое творение рук человеческих, изобилующее недостатками, вообще безмерно труднее, нежели восхвалять еще не осуществленные, а посему отвлеченные, совершенные теории и концепции. Отсутствие идеологии монархического принципа, наконец, события дня, тяжелые неудачи на театре Японской войны затрудняли до крайности всякую защиту существующих порядков. События эти, несомненно, обнаружили множество недочетов во всей

486 Великий немой (фр).



организации работ правительства, раскрывали и другие язвы, разъедавшие весь бюрократический строй. Восхвалять его не было ни малейшей возможности. Лечения этих язв настоятельно требовали основные государственные и народные интересы. Вопрос сводился лишь к тому, как их лечить, какое применить для этого лекарство.

Правые элементы, конечно, не отрицали наличия этих язв, но полагали, что передача власти в руки народа не ослабит зла, а, наоборот, усилит. В их глазах *le remede etait pire que le mal*<sup>487</sup>.

Им мыслилось, что при сохранении единодержавного принципа и известных реформах, проведенных царскою властью, будут скорее и успешнее достигнуты оздоровление строя и упорядочение его управления, нежели при превращении власти в премию и яблоко раздора между состязающимися друг с другом различными политическими группировками. Нельзя сказать, что в среде русской общественности не было вообще научно образованных и вдумчивых людей, убежденных сторонников монархического принципа, но эти люди были почти все всецело втянуты в правительственный утратитель- ный аппарат, где и были поглощены своими непосредственными прямыми обязанностями. Ко всему этому надо еще прибавить, что у консерваторов до последнего времени не было видимой причины публично отстаивать свои убеждения и развивать свои взгляды. Существовавший строй, в общем, отвечал их воззрениям, и их мысли были сосредоточены на осуществлении в рамках этого строя тех конкретных реформ, которые в их представлении могли бы повысить народное благосостояние и увеличить государственную мощь. От этого зависело и отсутствие у них партийной организованности,

487 Лекарство было хуже болезни (фр.).

неизменно являющейся следствием стремления либо что-либо осуществить и чего-либо еще не существующего достигнуть, либо подвергающееся опасности отстоять и сохранить.

Но такой, по крайней мере явной, опасности монархический строй не подвергался, или, по крайней мере, опасность эта сторонниками этого строя не сознавалась. Отсутствие организованности у правых элементов общественности предопределяло и другое их свойство, а именно неумение, за отсутствием у них какого бы то ни было опыта в этом деле, объединяться в сплоченные партийной дисциплиной организации. Чужд им был, кроме того, и самый характер общественной деятельности, а необходимые для сего навыки у них в полной мере отсутствовали. Между тем нет сомнения, что успех оппозиционных партий в значительной степени зависел именно от их давней организованности; чем партии эти были левее, чем революционнее, тем они были сплоченнее, тем большей обладали партийной дисциплиной<sup>488</sup>, тем опытнее в пропагандировании своих мыслей и в способности привлечения общественных симпатий.

Вполне понятно, что при таких условиях налетевший как будто внезапно на Россию революционный вихрь застал сторонников существующего строя в полном разброде и в первое время лишенных всяких способов оказать этому вихрю какой-либо идейный отпор. Только с возвещением 18 февраля 1905 г. об учреждении народного представительства постигли консервативные элементы общественности, что для успешного осуществления своих взглядов, для охранения России от ско-

488\* Замечание Гурко контрфактично. Для партий эсеров и социал-демократов было характерно крайнее стремление к фракционности, в то время как кадетская партия более или менее сохраняла монолитность.

роспелых опытов и стремительного изменения всего ее государственного уклада они должны принять участие в общественном движении, хотя бы в неблагодарной роли апологетов существующего, а для этого должны сплотиться в политические сообщества. Однако в силу приведенных обстоятельств предпринятые в этом направлении попытки не могли отличаться ни жизненностью, ни вообще сколько-нибудь крупным значением.

В среде петербургской бюрократии первый толчок в этом направлении дал не кто иной, как Б.В.Штюрмер, бывший в то время рядовым членом Государственного совета. Почти тотчас после появления рескрипта, возлагавшего на Булыгина составление проекта положения о Государственной думе, он стал приглашать к себе на совместное обсуждение политических вопросов дня некоторых из своих коллег по Государственному совету, знакомых ему сенаторов и служащих в разных министерствах, впрочем, преимущественно в Министерстве внутренних дел. Тут были Стишинский, гр.Толь, А.Д.Зиновьев, А.П.Струков, гр.А.А.Бобринский, А.А.Ширинский-Шихматов, А.А.Киреев, А.Н.Столпаков, Д.Н.Любимов, Н.А.Павлов, а также многие перечисленные мною лица, посещавшие салон К.Ф.Головина, всего же человек 30—40. Цель Штюрмера состояла, разумеется, в составлении такого круга лиц, который мог ему содействовать для проникновения к власти, но держал он себя вполне тактично, сам почти вовсе не высказывался, а играл лишь роль радушного хозяина. Поначалу собрания эти проходили в обмене сведений и мыслей по текущим вопросам и не имели в виду образования какой-либо политической партии. Тем не менее число участников этих собраний постепенно увеличивалось и даже вызвало перенесение их к гр.Толю вследствие обширности занимаемого им помещения. Здесь, в среде собравшихся, была впервые высказана мысль об учреждении определенного правого политического союза, причем

приступили к намечению тех лиц, которые могли бы составить президиум союза и выработать его политическую программу. Были при этом намечены Стишинский, Любимов, Павлов и автор этих строк, но последний не только не согласился войти в президиум, но вообще возмутился намеченным составом. «Помилуйте, — сказал я, — вы хотите образовать общественную организацию, а во главе ее намереваетесь поставить чиновников Министерства внутренних дел: вчерашнего товарища министра внутренних дел, правителя его канцелярии, чиновника по особым при ней поручениям и директора одного из департаментов министерства. И в эту организацию вы думаете, что будете в состоянии привлечь какие-либо общественные силы! Ведь это будет приглашение в полицейский участок, а не в политическую партию». Как Стишинский, так и Любимов хотя, быть может, и не были польщены моими словами, но все же тотчас со мною согласились. Иначе поступил Павлов, он с жаром доказывал, что он старый земец, известный публицист (он был бы ближе к истине, если бы сказал — скандалист) и что состояние его на должности чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел, да к тому же еще сверх штата, не может лишить его звания общественного деятеля. Не помню, тут же ли или несколько позднее был избран другой состав президиума, а именно председателем гр. А.А.Бобринский, бывший в течение многих лет петербургским губернским предводителем дворянства, его товарищем — А.П.Струков, еще недавно исполнявший ту же должность в Екатеринославской губернии, и А.А.Нарышкин, старый, весьма уважаемый земец Орловской губернии. Однако одновременно, а именно, как только выяснилось, что лица, ставшие во главе союза, намерены дать ему действительно характер общественного объединения, некоторые из инициаторов, видевшие в нем лишь ступеньку для осуществления личных замыслов, от него отошли, в том числе и Штюрмер.

Ушел, разумеется, и Павлов, о чем никто не сожалел. Зато вошли в него все лица, сколько-нибудь связанные с общественностью, как то: Бехтеев, Н.А.Хвостов, К.Ф.Головин, некоторые деятели Славянского общества, как А.А.Башмаков, П.А.Кулаковский. После этого собрания союза были перенесены на Галерную в дом гр. Бобринского. Было выбрано и правление в составе, если не ошибаюсь, десяти членов, в числе их были Киреев, Ширинский-Шихматов, не занимавшие административных должностей, имена прочих не помню. Правление немедленно занялось выработкой устава союза, а в особенности его политической программы. Я забыл сказать, что названа была эта организация «Отечественный союз». Занялись, разумеется, и вербовкой членов союза, но последнее шло туго: набирать чиновников не было ни смысла, ни охоты, связи же с широкими кругами населения у лидеров союза почти отсутствовали. К тому же время было такое, что и чиновный люд пытался определенно занять то или иное положение, так как совершенно не был убежден, что существующий строй устоит против направленной на него яростной атаки. Обывательские инстинкты и шкурные интересы брали у многих верх. Да, в то время левые круги были упоены одержанным ими, в смысле возбуждения общественности, успехом и убеждены в предстоящем им в близком будущем торжестве, напротив, круги консервативные были подавлены, причем многие в их среде утратили веру в прочность своего положения. Компромисс — вот тот образ действий, которого придерживался в то время чиновник-обыватель, а потому ярко и определенно выставлять свои личные убеждения не имел вовсе охоты.

К публичным выступлениям лидеры союза тоже не были вовсе подготовлены, да такие выступления в то время, коль скоро исходили из правого лагеря, не могли иметь успеха и даже собрать многочисленной аудитории. Приходилось поневоле заняться кабинетной работой и действовать привычными

для бюрократии способами, а именно стремиться провести свои взгляды не через общественность, а через ту же власть, путем представления ей письменных изложений своих взглядов и предположений. Совещание Булыгина по выработке положения о Государственной думе объявило в то время, что оно примет во внимание все могущие поступить к нему предположения о порядке разрешения обсуждаемого ею вопроса.

Обстоятельство это побудило правление союза составить собственный проект организации законосовещательного учреждения и системы выборов его личного состава.

Живо вспоминается мне собрание правления союза на Галерной в уютном особняке гр. А.А.Бобринского<sup>489</sup>. В сравнительно небольшом зале, устланном мягким ковром и уставленном шкапами, заполненными бесчисленным множеством предметов археологии, полученных от произведенных графом раскопок, за продолговатым столом, при смягченном розовыми абажурами свете нескольких канделябров, собрались созидатели союза и серьезно обсуждали вопросы, на решение которых они, в сущности, лишены были возможности сколько-нибудь значительно повлиять. Происходила, однако, работа мысли, выяснялись взгляды участников, выяснялось одновременно и то разногласие между ними, которое впоследствии должно было распределить их по различным политическим группировкам, хотя в общем и консервативного, но совершенно различного по существу направления. Составленный союзом проект, озаглавленный «Земский Собор и Государственная дума», имел ту особенность, что он предполагал учреждение двух законосовещательных органов, а именно одного многочисленного и обсуждающего лишь основные вопросы государственной жизни, и другого, сравнительно малочисленного,

489\* Санкт-Петербург, Галерная ул., д. 58-60.

насколько помню, включавшего лишь сто человек, избранных из своей среды первым собранием. Это второе собрание — отбор первого — должно было быть рабочим органом, обсуждающим государственную смету и законы свойства технического. Само собою разумеется, что проект этот никем решительно принят во внимание не был, однако же доставил двум членам союза приглашение на известное Петергофское совещание, рассмотревшее в первых числах июня 1905 г. проект Государственной думы, выработанный совещанием Булыгина. Кроме того, открывая вышепомянутое совещание, государь сказал: «Перед нами два проекта — проект совещания, работавшего под председательством Александра Григорьевича (Булыгина), и проект «Отечественного союза»». Это было, однако, единственное упоминание о проекте, выработанном в союзе, никакой речи о нем в дальнейшем не было. Само собою разумеется, что государь был осведомлен об этом проекте через посредство членов союза, которые имели связи в придворных кругах.

Несомненно большую жизненность проявила организация, возникшая в то время в Москве, под названием «Союз русских людей». Инициаторами этого союза были лица, принадлежавшие к той же среде, из которой происходили лица, образовавшие «Отечественный союз», но не состоявшие на государственной службе и по условиям жизни в Москве имевшие связи в более разнообразных кругах, нежели петербургские бюрократы. Союз этот также выработал свою программу, причем организовал довольно многочисленное, состоявшее из весьма различного звания лиц собрание. На одно из таких собраний, состоявшееся тотчас после избрания земским и городским совещанием депутации к государю, получили приглашение члены правления «Отечественного союза» и поспешили на него откликнуться. На собрании этом был составлен

адрес государю и избраны лица, имеющие его представить монарху.

Лица эти были приняты государем несколько дней спустя после приема депутации, имевшей во главе кн. С.Н.Трубецкого.

Само собою разумеется, что пресса, за исключением двух единственных определенно правых органов, «Московских ведомостей» и «Света», прием этой делегации старательно замолчала, и потому общественного значения факт этот не получил. Однако некоторое влияние на самого государя обращенные к нему слова, вероятно, имели, но было ли это влияние благотворно — другой вопрос, решить который я не берусь.

Во всяком случае, выступления правых кругов на ход событий в ту пору не влияли, получали же события все более революционный характер. Собравшийся 15 июня съезд представителей городов вынес резолюцию, еще более радикальную, нежели земский съезд, а именно требование немедленного обеспечения неприкосновенности личности и жилищ, и свободы слова, печати, собраний и съездов, и созыва Учредительного собрания, избранного всеми лицами, достигшими 25-летнего возраста без различия пола, национальности и вероисповеданий, на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

По поводу этого съезда я имел случай беседовать с Д.Ф.Треповым, причем беседа эта имела довольно неожиданные для меня последствия. Решивши почему-то, что я знаток земского положения и законов, относящихся до общественных самоуправлений, Трепов незадолго до этого съезда пригласил меня к себе и в присутствии встреченного мною у него Рачковского, игравшего в ту пору видную роль в департаменте полиции, спросил, какие имеются законные способы прекратить самовольно собирающиеся, все учащающиеся съезды



различных общественных организаций, или, вернее, по каким статьям закона можно привлечь участников этих съездов к законной ответственности. На это я ответил, что с вопросом этим совершенно незнаком, а потому ответа на него дать не могу, что касается моего вообще взгляда, то он сводится к тому, что, коль скоро власть утратила обаяние в глазах населения, никакими частичными мерами обеспечить исполнение законов нет возможности. Привлечение к судебной ответственности, да еще при нашей судебной волоките, членов съезда едва ли прекратит последние, а из отдельных их участников лишь создаст народных героев, мучеников за народные интересы. Надо прежде всего восстановить престиж власти, а для этого необходимо, во-первых, снова вселить в население уверенность, что всякое слово, сказанное властью, твердо и непреклонно и что принятые ею решения она сумеет осуществить, чего бы ни стоило. По этому поводу я рассказал случай, имевший место в Царстве Польском в 1892 г. В Лодзи вспыхнули рабочие беспорядки, выразившиеся, между прочим, в поломке рабочими множества станков на некоторых прядильных фабриках, а также в уличных буйствах. Буйства эти продолжались два дня, а призванная для их усмирения военная власть с ними в течение двух дней не справилась. Бывший в то время варшавский генерал-губернатор послал начальнику местного гарнизона нешифрованную лаконическую телеграмму: «Предлагаю сегодня же прекратить беспорядки, не жалея патронов»<sup>490</sup>. Результат получился именно тот, который

490 Гурко рассказывает этот эпизод явно по семейному преданию. В 1892 г. должность варшавского генерал-губернатора занимал его отец И.В. Гурко, распорядившийся решительно прекратить беспорядки в Лодзи (возникшие в связи с первомайскими демонстрациями и последовавшим за ними еврейским погромом) телеграммой командующему войсками, в которой, в

ожидался. Едва успела эта телеграмма дойти до Лодзи, как тотчас стала известной рабочему населению, которое и поспешило немедленно мирно разойтись по домам; ни одного выстрела войсками произведено не было. (Случай этот мною был рассказан в изданной мною, под инициалами В.Г., еще в 1897 г. книге под заглавием «Очерки Привислянья».) Конечно, я привел этот факт как образец того, к чему приводит уверенность у населения, что власть не шутит и что отданные ею распоряжения будут исполнены в точности, и вовсе не имел в виду советовать его применение в момент полного упадка обаяния власти. Велико было поэтому мое изумление, когда месяца три спустя я встретил эти памятные слова «не жалеть патронов», ставшие историческими, в приказе Трепова по войскам петербургского гарнизона. Вообще же меня поразил при этом посещении Трепова тот кустарный способ решения важнейших политических вопросов, который я у него встретил. При полном незнании действующего законодательства, обеспечивающего порядок в стране, обращение за советами к случайным лицам, не представляющим ни малейшего авторитета в этом деле, обнаруживало какой-то странный дилетантизм и полную неуверенность в себе. Администрация, коль скоро намеревается прибегнуть к суду для соблюдения того или иного нарушенного правила, должна, очевидно, обратиться к прокуратуре и с нею выяснить наиболее соответственный способ действий.

Впоследствии к этому способу и обратились, но в несколько своеобразной форме. Сенатору Постовскому по Высо-

частности, приказывалось «патронов не жалеть» (см.: Данишевский Т. Первое мая в Польше: По материалам и документам из истории польского рабочего движения. 1890—1950. М., 1952. С. 44).

чайшему повелению было поручено выяснить характер и причину возникновения земского съезда, заседавшего в Москве с 6 по 9 июля, однако каких-либо последствий расследования это не имело.

Продолжу, однако, краткое перечисление событий второго революционного периода 1905 г. Июль месяц продолжал изобиловать всевозможным съездами. 6 июля собрался новый, четвертый по счету с начала года земский съезд, невзирая на последовавшее со стороны Министерства внутренних дел циркулярное распоряжение всем земствам, запрещающее собираться на нем.

На этом съезде уже явно господствуют радикальные элементы, хотя в состав его президиума наряду с И.И.Петрункевичем и Ф.А.Головиным избирается и гр.П.А.Гейден, будущий лидер мирнообновленцев<sup>491</sup>. Однако одновременно секретарями съезда избираются представители третьего элемента, близкие к социалистически мыслящим кругам, — Полнер, Астров и Розенберг. Съезд разбирает появившийся к тому

491 Либеральная Партия мирного обновления была создана в 1906 г. (программа опубликована 18 июня) левыми октябристами (гр. П.А.Гейден, М.А.Стахович, Д.Н.Шипов) и правыми кадетами (Н.Н.Львов, кн.Е.Н. Трубецкой и др.) на основе «фракции мирного обновления», сложившейся в Первой Государственной думе. Отличалась от октябристов отрицательным отношением к правительственному террору. П.А.Столыпин вел переговоры с лидерами партии о вступлении их в состав кабинета, видя в них, в противоположность кадетам, «общественных деятелей, которые положили в основу своей деятельности закономерное проведение возвещенных правительством реформ» (цит. по: Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 236.). В 1907 г. объединилась с Партией демократических реформ.

времени в печати (26 июля в газете «Новости») булыгинский проект Государственной думы и, разумеется, его отвергает. При этом заседание съезда с треском покидают представители казанского земства, а также курского в лице кн. Касаткина-Ростовского и Говорухи-Отрока и некоторые другие его участники. Присутствующий на съезде М.А.Стахович умудряется занять на нем то положение, которое он впоследствии сумел с необычайной ловкостью сохранить в течение всей своей дальнейшей политической карьеры: он шепчется за кулисами, причем «езде он свой, везде приметен», но на самом съезде почти не выступает и в голосовании не участвует.

Главный вопрос, обсуждавшийся этим съездом, — обращение к населению с особым воззванием в целях общения с широкими массами населения и объединения с ними в борьбе за истинное народное представительство. По этому вопросу съезд выносит единогласное постановление. В нем говорится: «Считая в высшей степени важным вызвать теперь же проявление общественного отношения к законопроекту Булыгина, съезд считает необходимым организовать во всей стране в течение июля многочисленные собрания и внести на эти собрания принятое съездом заключение по этому предмету».

Принимается и проект этого воззвания, заключающего между прочим следующее положение: «Соединенными силами всего русского народа надо выступить против государственного разорения и не враздробь, не поодиночке надо бороться, защищая свою жизнь, свое имущество и право».

Основная нота, которую съезд тянет на все лады: «Отечество приведено существующим строем и действиями правительства на край гибели». «Мы пытаемся привести создавшееся положение к мирному разрешению». «Путь, нами указываемый,— путь мирный».

Способами такого «мирного разрешения» является обращение к населению с воззванием, что «надо бороться», «не

враздробь, не поодиночке. Как известно, будущее «Выборгское воззвание»<sup>492</sup> будет объяснено такими же мотивами. Съезд 6—8 июля закрывается полицией, а принятое им решение обратиться к населению с воззванием в исполнение не приводится.

Обстоятельство это, однако, не мешает многим участникам съезда собраться на другой день на собрание земцев-конституционалистов. Группа эта впервые собралась еще 8 ноября 1903 г. для воздействия на земские собрания в смысле оппозиционного правительству направления их деятельности, причем собрались тогда представители 20 губерний.

Съезд земцев-конституционалистов признал прежде всего, что булыгинский проект не отвечает данному государем 6 июня земско-городской делегации обещанию, что выборы в Государственную думу будут установлены «правильно». Очевидно, полагая, что положения, им высказываемые, и положения, по существу «правильные», адекватны, съезд постановляет, что «отныне он считает бесцельным подобные обращения

492 Имеется в виду воззвание «Народу от народных представителей», выпущенное 10 июля 1906 г. депутатами Первой Государственной думы (первоначально его подписали 180 депутатов, позднее к ним присоединились еще 52 человека), преимущественно из фракций кадетов, трудовиков и социал-демократов. Депутаты собрались на территории Финляндии в Выборге, где были вне досягаемости российской полиции, чтобы протестовать против роспуска Думы. Воззвание содержало призыв к населению саботировать призыв в армию, не платить податей, не признавать государственных займов. Против депутатов было возбуждено уголовное дело, и в результате судебного процесса 12—18 декабря 1907 г. 167 из них были приговорены к трехмесячному тюремному заключению, что означало лишение их избирательных прав (см.: Винавер М. История Выборгского воззвания. П., 1917).

предостерегающего и увещательного характера и полагает, что они не должны иметь места со стороны земцев- конституционалистов».

Далее съезд обсуждает вопрос о присоединении к «Союзу союзов», и именно здесь происходит окончательный раскол между левым и правым крылом либеральной буржуазии. Открытое присоединение к организации, только что принявшей на конспиративном съезде, собранном 1—3 июля в Финляндии, что все участвующие террористические акты оправдываются действиями правительства, возмущает некоторых членов съезда. Предлагается ввиду этого следующая резолюция: «Единогласно признавая, что в настоящее время Россия переживает такой исторический момент, когда могут и должны приниматься в борьбе с правительством средства не только не обоснованные прямо на законе, но даже противозаконные в формальном смысле этого слова, но не придя к единогласию в вопросе о допустимости всех средств борьбы до явно насильственных включительно, земская группа «конституционалистов-демократов» присоединяется к «Союзу союзов». Однако и эта формула отвергается, и съезд присоединяется к «Союзу союзов» безо всяких оговорок.

В этом решении все значение съезда, о коем идет речь. Им обуславливается образование партии К.Д., все ближе сходящейся с социал-демократами—меньшевиками. В конечном счете в 1917 г. отсюда и получилась коалиция Керенского с Львовым и Милюковым.

Правда, партию конституционных демократов в принципе решено было образовать еще ранее, освящено же решение было лишь в августе на четвертом конспиративном съезде «Союза освобождения», который таким образом и в этом начинании является истинным направителем радикальной мысли того времени. Впрочем, этим и заканчивается деятельность

«Союза освобождения», фактически обратившегося в партию народной свободы, иначе говоря, в кадетов.

Наряду со съездами представителей местных самоуправлений продолжают собираться отчасти открыто, отчасти тайно съезды различных новообразованных организаций. Так, 30 июля собирается крестьянский съезд, принявший громкое название всероссийского. Насчитывает он около ста участников, из которых свыше четверти к крестьянству не принадлежат, причем руководящую роль играют на нем, разумеется, интеллигенты, близкие к социал-революционерам. Тут обсуждается, конечно, земельный вопрос.

Тем временем социал-демократы, не сговорившиеся между собою в апреле по вопросу о продолжении рабочего движения, чем отчасти объясняется неудача в организации рабочих манифестаций 1 мая, с тех пор приходят к более или менее согласному решению в вопросе о подготовке вооруженного восстания.

Собравшийся в мае третий съезд социалистов-большевиков единогласно признает, что движение пролетариата призвано сыграть руководящую роль в революции и в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания, и посему поручает всем партийным организациям выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации «роль массовых политических стачек» и «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата и к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников».

По существу, к тому же решению приходит и собравшаяся одновременно с упомянутым съездом конференция меньшевиков. Не веря «в возможность приурочить повсеместное восстание к заранее назначенному сроку» и полагая, «что благоприятные условия для победоносного восстания создаются

прежде всего непрекращающимся брожением в массах», конференция решила расширить свои операции в массах на почве текущих политических событий и укрепить в них «сознание неизбежности революции, необходимости быть всегда готовыми к вооруженному отпору и возможности его превращения в каждый момент в восстание».

Из этих резолюций видно, что сущность разногласия между большевиками и меньшевиками сводилась лишь к тому, что меньшевики желали использовать в своих целях оппозиционные силы и, подготавливая вооруженное восстание, одновременно участвовать в работе радикального крыла либералов; наоборот, большевики не придавали никакого значения оппозиционным силам, желали от них резко отмежеваться и направить свою деятельность исключительно и всецело на подготовку вооруженного восстания. Сказалась эта разница в касающихся этого вопроса резолюциях Упомянутого съезда и конференции. Съезд большевиков постановил:

1) разъяснить рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная с умеренно либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым «Союзом освобождения» и многочисленными группами лиц свободных профессий, и 2) энергично бороться против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступить от имени пролетариата.

Конференция, наоборот, решила «заинтересовать посредством широкой агитации в революционной борьбе пролетариата за демократическую республику возможно более широкие круги населения, дабы обеспечить боевым действиям пролетариата возможно более активную поддержку непролетарских групп».



Ту же тактику, как известно, осуществили эти две группы социал-демократов, единые по существу, но лишь несогласные в вопросе о способе достижения поставленной цели, и в 1917 г.

Как бы то ни было, тотчас после приведенных решений социал-демократических управительных центров «партийные работники» развели самую энергичную пропаганду вооруженного восстания, причем направили свои усилия на создание смуты в армии и флоте. Результаты этой деятельности сказались уже в июне месяце. Объектом воздействия они избрали в первую очередь Черноморский флот. В Севастополе им удалось образовать центральный комитет матросов, разработавший план восстания всего флота во время июльских маневров. План этот был сорван частичным разразившимся до срока, а именно 15 июня, восстанием команды броненосца «Князь Потемкин Таврический». Команда арестовала весь офицерский состав, завладела управлением судна, которое затем в течение целых 13 дней носилось по Черному морю, угрожая Севастополю и посещенной им Одессе бомбардированием. В самой Одессе незадолго до того, а именно 10 июня, партийными работниками было поднято восстание портовых рабочих, не без труда усмирненное войсками, вызванными из их лагерного расположения.

Успех этот, разумеется, окрылил оба крыла партии, причем орган меньшевиков «Искра» писал: «Пришло время действовать смело. Смелость победит... Захватывайте оружием государственные банки и оружейные склады и вооружайте весь народ».

Если достигнутый ими успех окрылил революционные силы, то радикалов он отнюдь не отрезвил, как не повлияло на них заявление большевиков, что для них они такие же враги, как и царское правительство. Радикалы продолжали лнуть к революционным организациям, причем даже восхищались результатами их работы. Так, в помещенной в «Освобожде-

нии» корреспонденции из Севастополя, под заглавием «Вольный корабль», автор с восхищением описывает то «захватывающее, поднимающее зрелище», которое представлял «несущийся под красным флагом по морским волнам вольный корабль».

«Нельзя было не любоваться, — пишет корреспондент, — дерзостью мысли, смелостью широкого размаха, былинной удалью» вольного корабля, и в умилении восклицает: «Всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету»<sup>493</sup>.

Этими выступлениями и происшедшими в июне в Петербурге довольно мирными рабочими забастовками ограничались, однако, народные волнения в течение летних месяцев 1905 г.

В августе происходит общее затишье, а число забастовочных рабочих дней в Петербурге падает до четырех тысяч. Объясняется это временем года, неизменно наиболее во всех отношениях тихим, а может, опубликованием 6 августа положения о Государственной думе и о порядке выборов ее членов. Хотя принятая система выборов и не отвечает пожеланиям большинства наиболее деятельной части общественности, но все же в общем этот государственный акт приветствуется как определенный и решительный шаг в направлении народовластия.

493 Гурко имеет в виду статью «Вольный корабль (От нашего одесского корреспондента)» за подписью «Аноним», автор которой прямо цитирует «Песню о Соколе» М. Горького: «Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету» (см.: Освобождение. 1905. № 74. 13 (26) июля. С. 408).

«Освобождение» не без основания восклицает: «Из рук Николая II Россия исторгла новый инструмент борьбы с самодержавием и должна его использовать целиком и сполна»<sup>494</sup>. Да, именно как на орудие борьбы смотрит большинство общественности на будущую Государственную думу и обсуждает наилучшие способы его использования. Молодые, только что образовавшиеся партии усиленно готовятся к выборам и все свое внимание сосредоточивают на привлечении в свои ряды возможно большего количества сторонников. От борьбы, непосредственно направленной против правительства, они оборачиваются лицом к населению и готовят те кадры, которые должны пойти на приступ власти уже в самой Государственной думе.

Под влиянием ли происходящего затишья или по каким-либо иным, мне неведомым причинам, но правительство в лице Трепова в своем колебании между репрессиями и уступками общественности склоняется в сторону последних. Смягчает оно одновременно и меры, принимаемые им по отношению к революционным элементам. Так, арестованное в полном составе в июле в Лесном, близ Петербурга, во время его конспиративного собрания бюро «Союза союзов» выпускается целиком на свободу, хотя полученный при обыске материал дает вполне достаточные основания для установления его явно революционной деятельности. В то же время последовало

494 Гурко не совсем точно цитирует статью П.Б.Струве «Из рук царя — из рук Микадо и Англии», где говорилось: «Закон 6-го августа означает для нас не мир с правительством, но дальнейшую еще более напряженную борьбу с ним. Из рук Николая II Россия исторгла новый инструмент борьбы с самодержавием и должна его использовать целиком и до конца» (Освобождение. 1905. № 76. 2(15) сентября. С. 441).

распоряжение об ограничении арестов революционных деятелей лишь теми из них, которые причастны к террористическим актам. При раскрытии нелегальных типографий жандармская полиция ограничивается конфискацией типографских принадлежностей, а самих устроивших типографию партийных работников не задерживает. Допускаются и публичные демонстрации, поскольку они не выливаются в уличное бесчинство. Но главная уступка общественности происходит в конце августа месяца, когда правительство внезапно предоставляет автономные права высшим учебным заведениям и тем лишает себя права вмешиваться во все, что в них происходит. Экстерриториальность храмов науки тотчас используют революционные силы.

Действительно, еще в июле орган социал-демократии «Искра», говоря о предстоящем осенью возобновлении занятий в высших школах, пишет: «Захватное право должно воцариться и в академических залах. Систематическое и открытое нарушение всех правил полицейского утвержденного распорядка, изгнание педелей, инспекторов, надсмотрщиков и шпионов всякого рода, открытие дверей аудиторий всем гражданам, желающим войти в них, превращение высших учебных заведений в место народных собраний и политических митингов, вот цель, которую должно поставить себе студенчество». «Превращение университетов и академий в достояние революционного народа, так можно формулировать задачу студентов». «Такое превращение, конечно, сделает университет одним из пунктов концентрации и организации народных масс»<sup>495</sup>.

495 Гурко цитирует передовую статью «К началу академического года» (Искра. 1905. № 107. 29 июля. С. 1).

Правительство как будто идет навстречу этому, а революционные элементы принимают программу «Искры» к руководству и немедленно по возобновлении занятий осуществляют ее в полной мере. В университетах митинги самого разнообразного состава населения следуют за митингами, и на них во всеуслышание развивается социал-демократическая пропаганда, а народ призывается к вооруженному восстанию. Доходит до того, что в университетах захватившим всю власть в них революционным студенчеством отводятся специальные аудитории для собраний солдат, офицеров, чиновников, городских, домашней прислуги и... агентов охраны!

Собрания эти продолжаются до поздней ночи, и подвизаются на них партийные ораторы, которые поочередно объезжают все высшие учебные заведения. Появляются между ними и специалисты по обращению к определенной по своему составу аудитории. Профессорская коллегия этому не сочувствует, но в большинстве своем сама трепещет и не решается принять какие-либо меры к очищению университетов Петербурга и Москвы от психически больной разношерстной толпы. Раздается лишь один мужественный голос против творящихся в университетах безобразий, голос свободно выбранного московской профессорской коллегией ректора кн. С.Н.Трубецкого. Он обращается в начале сентября к студентам с горячей речью и убеждает их охранить храм науки от его превращения в место непрекращающихся бесчинств.

«Университет, — говорит он, — не есть место для политических собраний — не может и не должен быть народной площадью». Но голос этот скоро умолкает, и умолкает навеки. 29 сентября Трубецкой внезапно умирает, быть может на счастье для себя. Москва, студенчество устраивают ему небывалые по многолюдству похороны. Конечно, похороны эти служат одновременно и поводом для мощной политической манифестации, несомненно, однако, что смерть Трубецкого

вызвала в широких общественных кругах, а в особенности у студентов, искренние сожаления<sup>496</sup>.

Вообще с началом сентября 1905 год переходит в третью стадию своего революционного развития, заканчивающегося изданием Манифеста 17 октября. Стадия эта отличалась не только особою бурностью — этим свойством последние месяцы года обладали едва ли не в большей степени, — сколько наибольшей сплоченностью всех оппозиционных общественных сил и наибольшей растерянностью власти.

Поначалу революционное движение почти не выходит на улицу, а сосредотачивается в самых различных зданиях, преимущественно именно в высших учебных заведениях. Но зато здесь оно бушует вовсю.

Однако уже с половины сентября возобновляются рабочие стачки, причем предъявляются требования не столько экономические, сколько политические; во главе идут наиболее развитые рабочие, как, например, рабочие в типографиях. В Москве забастовка типографий начинается 23 сентября, но проходит она мирно и через четыре дня прекращается.

Открытый толчок к открытию явно революционных действий дает последовавшая 3 октября ратификация Портсмут-

**496** Умри Трубецкой несколькими месяцами позже, и картина была бы, несомненно, Другая. Сергея Николаевича Трубецкого, моего товарища по университету, я знал очень близко — это была совершенно исключительная по благородству, прямоте и искренности и светлomu уму натура. Он, конечно, не мог бы примириться с тем, во что в конечном результате вылилось в 1906 г. освободительное движение, откололся бы от кадетов, как это сделал его брат Евгений Трубецкой, что неминуемо и повело бы к изменению отношения к нему русской, сбитой с толку интеллигенции. (Прим. автора)

ского договора. Война кончена. Население, в своей массе под-сознательно понимавшее, что внутренняя смута недопустима, когда родина борется с внешним врагом, перестает испытывать эту нравственную узду.

Действительно, уже с 4 октября в Петербурге начинается забастовка рабочих на определенно политической почве и очень быстро распространяется на все фабрики и заводы, захватывая все более широкие круги населения. В стачку эту постепенно втягиваются почти все общественные учреждения, обслуживающие потребности населения: трамвай, электрическое освещение, водопровод; хотя последний и продолжает действовать, но с постоянными перерывами. Приблизительно к 10 октября в забастовке участвует все рабочее население города, причем уже с 7 октября бастуют некоторые железные дороги Петербургского узла. Город с наступлением темноты погружается во мрак и вообще находится на осадном положении. Банки спешно принаравливают к своим окнам и дверям железные решетки, магазины закрывают свои металлические занавеси, а у кого их нет, заколачивают окна досками. Забастовавшие рабочие наводняют центральные части города и образуют шумные сборища. Казачьи патрули и конная полиция не в состоянии, по-видимому, предупредить скопление мятежной толпы. Разогнанная на одном перекрестке, она тотчас же собирается на каком-нибудь ином. Партийные работники разжигают толпу затверженными, однообразными, но тем сильнее действующими речами. В головы рабочих усиленно вбивается одна и та же мысль, один и тот же лозунг, которые в конечном результате настраивают их целиком на один лад. В некоторых местах появляются баррикады, при разрушении которых, например на Васильевском острове, войска вынуждены прибегнуть к действию оружием. Агитаторы стремятся проникнуть в казармы, но это им пока не уда-

ется, старослужащие унтер-офицеры их быстро вылавливают и передают в руки властей.

Общее повышенное настроение отражается и на войсках, чему, конечно, содействует и несение ими усиленной караульной службы по охране правительственных учреждений и банков. Сведения, приходящие из провинции, рисуют приблизительно ту же картину во многих городах империи: в Харькове, Одессе и Екатеринославе стачечное движение с 10 октября превращается в вооруженное восстание. Построенные восставшими баррикады берутся войсками с боя. С 12 октября железнодорожная забастовка по приказу из Петербурга распространяется на всю железнодорожную сеть и тем парализует хозяйственную жизнь страны. Организуется эта стачка по соглашению между революционными партийными центрами и крайним левым крылом радикальной общественности в лице ее органа «Союза союзов». В Москве стачечное движение распространяется несколько туже, нежели в Петербурге. Однако к 15 октября и там бездействуют все фабрики и прекращается нормальная жизнь города. Нет света, нет средств передвижения, бастуют земские и городские служащие, прекращаются занятия в некоторых правительственных учреждениях, объявляют забастовку артисты императорских театров, бастуют аптеки и доктора, присоединяются к движению ученики средних учебных заведений.

Власть решительно не знает, что предпринять, и не решается прибегнуть к энергичным мерам, хотя еще имеет к тому возможность. В Петербурге она ограничивается пассивной охраной города от буйства толпы. Правда, 14 октября Трепов издает пространный приказ по гарнизону, заключающий предупреждение населения, что никакие дальнейшие скопления толпами допущены не будут. Именно в этом приказе говорится:



«При оказании со стороны толпы сопротивления холостых залпов не давать и патронов не жалеть». При создавшейся обстановке приказ этот, как и следовало ожидать, никакого устрашающего впечатления не производит. 15 октября к бастующим присоединяются наборщики в типографиях, до сих пор продолжавшие набирать газеты ввиду их оппозиционного направления. Отрезанная от всей страны вследствие прекращения железнодорожного сообщения, столица лишается за отсутствием газет сведений о творящемся в ее пределах. Выходят, правда, «Правительственный вестник»<sup>497</sup> и «Ведомости петербургского градоначальника»<sup>498</sup>, но их сведениям, впрочем весьма скудным, никто не верит. В зависимости от этого распространяются по городу самые фантастические слухи. Так, например, утверждают, что рабочие с расположенного в 15 верстах от города огромного Коломенского завода всей толпой идут на столицу с намерением громить все, что попало. Слух этот распространяется в особенности в богатом Литейном квартале и порождает среди его жителей немалый страх. Тем временем еще 13 октября в Петербурге образуется «Общегородской совет рабочих депутатов» (по одному от каждого 500 рабочих), представляющих 147 заводов и фабрик и более 50 мелких предприятий. Председателем его избирается помощник присяжного поверенного Хрусталева-Носарь. Совет тотчас приступает к образованию боевых рабочих дружин, причем по его примеру на некоторых заводах рабочие принимаются за изготовление холодного оружия.

497 «Правительственный вестник» (СПб., 1869–1917) в 1905 г. выходил под редакцией вначале П.А.Кулаковского, а потом С.С.Татищева.

498 «Ведомости петербургского градоначальства» (СПб., 1899–1917) в 1905 г. выходили под редакцией А.А.Коробова.

Буржуазные партии исчезают с политической арены за исключением, однако, собравшейся 14 октября на свое учредительное собрание кадетской партии. Ею принимается следующая, предложенная Милюковым, резолюция: «Народ требует основных свобод, свободного избрания народных представителей в Учредительное собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и общей политической амнистии. Цели эти общие с конституционалистами-демократами, а потому съезд заявляет свою полнейшую солидарность с забастовочным движением. Съезд приветствует крупнейший шаг народа, организованное, мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса, политически бесправного, но общественно мощного».

Проявив принятием этой резолюции свое необычайное мужество и исключительный государственный разум, кадеты расходятся по домам и дальнейшего участия в народном движении октябрьских дней не принимают и вообще ничем себя не проявляют.

Наконец, 15 октября в редакции консервативной газеты «Новое время» собирается комитет прессы и постановляет «не считаться более с запретами цензуры», чего, впрочем, осуществить не может, так как рабочие лишили вообще прессу возможности что бы то ни было печатать.

Но что же в это время делает власть, кроме выпуска грозных на бумаге и не осуществляемых на деле приказов?

Власть ищет выход из положения и сосредоточивает все свои надежды на только что вернувшемся из Америки, увенчанном лаврами Портсмутского договора, возведенном в графское достоинство Витте. Но Витте знает себе цену и ставит свои условия. Разыгранная им в то время роль ясна до чрезвычайности. Преисполненный веры в себя самого, не задумывающийся громко заявить: «Я знаю, как спасти Россию», он желает всю власть сосредоточить в своих руках на таких усло-

виях, при которых лишить его этой власти корона бы не имела возможности. Способ этот очень простой. Он состоит в том, чтобы убедить общественность, что он в полной мере разделяет мнение передовых слоев о необходимости для дальнейшего развития государства установления в нем твердого правового порядка, имеющего в основе население, облеченное всеми правами свободных граждан. В соответствии с этим между 10 и 17 октября он ведет определенный торг с верховной властью. Государь желает вручить ему права главы исполнительной власти, не связывая себя никакими обязательствами. Витте утверждает, что взять в свои руки бразды правления он может лишь при удовлетворении основных требований общественности, желает, чтобы осуществление этих требований произошло путем высочайшего утверждения его доклада, в котором признается необходимость немедленного осуществления гражданских свобод. Правда, он одновременно повторно заявляет на происходящих у государя заседаниях, что есть и другой способ водворения порядка в стране, а именно введение диктатуры и механическое подавление народных волнений, осуществить который он, однако, не способен, и что он не решается высказаться определенно за выбор одного из предлагаемых им способов. Но это простая диверсия или, вернее, желание снять с себя ответственность за принимаемое решение. Что это решение будет принято в соответствии с его желанием, он ни на минуту не сомневается, настолько он убежден в том, что без его помощи власть не в состоянии выйти из создавшегося положения.

Таково положение, занятое Витте по отношению к престолу. Иное положение занимает он по отношению к общественности, иные речи обращает он к ней. Так, 11 октября он принимает делегатов от служащих на железных дорогах Петербургского узла, на большинстве коих еще с 7 октября прекращено движение, и обращается к ним с пространною речью,

сказав, что он с ними говорит не как председатель Комитета министров, а как частное лицо!! Он, не обинуясь, заявляет, что «военное положение на железных дорогах (против которого возражали делегаты) анахронизм в настоящее время, и можно лишь выразить удивление, что оно до сих пор не снято». Перейдя засим к текущим событиям, Витте произносит следующие, чудовищные в устах председателя министерской коллегии слова: «В этой борьбе может погибнуть правительство, но и вы, лучшие силы народа, погибнете тоже и сыграете в руку той буржуазии, против которой вы боретесь в настоящее время».

Сколько в этих словах грубой демагогии, какое отсутствие государственности! Можно сказать, что тут каждое слово — государственное преступление.

Самое допущение возможности гибели правительства, т.е. государственной власти, — как охарактеризовать этот поступок! А страдание рабочих победой буржуазии, что обозначает оно?! Цель этих слов тем не менее ясна: возьмите меня к власти, и я исполню все ваши желания, я дам вам победу и над властью, и над буржуазией.

Результат получается, однако, неожиданный: стачечный железнодорожный комитет, выслушав сообщение своих делегатов о сказанном им Витте, немедленно постановил превратить частичную железнодорожную забастовку во всеобщую, охватывающую всю империю, что и приводит в исполнение<sup>499</sup>.

499\* Имеются и другие мнения об этом историческом эпизоде. В частности, в коллективной монографии «Первая революция в России: взгляд через столетие» (М., 2005) приведен, со ссылкой на газету «Право» противоположный по значению рассказ, в котором Витте не соглашается с требованиями железнодорож-

Витте идет, однако, дальше по принятому им пути прельщения общественности. 13 октября он посылает в Одессу профессору Ярошенко телеграмму, приветствующую его с возвращением в город, из которого он был выслан распоряжением местной администрации за произнесенные на банкете 20 ноября 1904 г. революционные речи. Факт этот, надо полагать не без участия Витте, немедленно оповещается всей прессой.

В тот же день, 13 октября, на записку государя, возлагающую на него «объединение всей деятельности правительства», т.е. превращающую его из председателя Комитета министров, обсуждающего лишь определенный и весьма тесный круг вопросов, во главу министерской коллегии, он отвечает решительным заявлением, что не в состоянии исполнить Высочайшей воли без предварительного принятия, одобрения и опубликования всей его программы. Жребий брошен. Витте сжег свои корабли, убежденный, что перед этим ультиматумом верховная власть не устоит. Положение государя действительно было чрезвычайно тяжелое. Отрезанный от столицы, сообщение с которою поддерживалось лишь казенными пароходами запугиваемый своими ближайшими советниками, опасавшимися за личную участь монарха и его семьи, государь колеблется и медлит решением.

После отказа Витте от возглавления правительства проходит два дня. Смущенный этим, Витте начинает сомневаться в правильности своего расчета и приходит к убеждению, что для окончательного успеха надо прибегнуть еще к каким-либо мерам, к какому-либо иному способу воздействия на государя. Способ этот им тотчас и изобретается. Состоял он в том, чтобы довести до сведения великого князя Николая Николаевича,

ников о созыве Учредительного собрания и ставит ответный ультиматум: «сначала успокоение - потом реформы» (с. 297).

который имел в то время у государя большой вес, такие обстоятельства, которые убедили бы его, что единственный способ спасения государства и престола от крушения — немедленное установление конституционного режима. Для этого Витте обращается к старому своему знакомому, с которым свел его еще Зубатов, а именно к уже однажды упомянутому мною рабочему экспедиции заготовления государственных бумаг Ушакову, деятельному сотруднику Зубатова в деле организации рабочих собраний. Ушаков — малый развитой, толковый, умеющий плавно излагать свои мысли и притом превосходно знающий рабочую среду и имеющий неисчерпаемый запас сведений по настроению рабочих в различных петербургских фабриках и заводах. Вот этого Ушакова Витте вечером 16 октября направляет к великому князю Николаю Николаевичу и через посредство другого своего клеветы, небезызвестного Андроникова, имеющего в свою очередь связи с некоторыми приближенными великого князя, добивается того, что Ушаков принимается Николаем Николаевичем<sup>500</sup>.

Наказ Ушакову дан определенный: представить великому князю положение в таком свете, что только немедленное дарование конституции может отвратить вооруженную револю-

**500** Витте считал себя настолько обязанным Андроникову за оказанную ему услугу, что, вернувшись 17 октября из Царского Села с подписанным манифестом, он тотчас написал записку П.Н.Дурново, прося его причислить к Министерству внутренних дел М.М.Андроникова. Любопытно, что просьбу эту он обратил не к Булыгину, как ни на есть все еще занимавшему должность министра внутренних дел, а к Дурново, видя в нем в то время будущего заместителя Булыгина. (Прим. автора)

цию, но что зато признание за народом права представительства тотчас остановит рабочее движение<sup>501</sup>.

Получив после того приглашение к государю на 17 октября, Витте едет туда в сопровождении управляющего делами Комитета министров Н.И.Вуича и все того же преданного ему кн. Алексея Дмитриевича Оболенского. По дороге он решает, что в одном необходимо уступить, а именно согласиться на оповещение населения о даровании конституции не посредством своего доклада, утвержденного государем, а манифестом, исходящим от самого монарха. Побуждает его к этому, вероятно, то обстоятельство, что он еще 16 октября узнает о вызове в Петергоф своего давнего недруга — Горемыкина, который совместно с Будбергом уже составил манифест о даровании населению некоторых из тех прав, на которых настаивает общественность. Спешно во время путешествия в Петергоф на пароходе составляет Оболенский набросок манифеста, с которым Витте и появляется у государя.

На этот раз расчет Витте оказывается правильным. Вера в то, что Витте единственный человек, могущий спасти положение, побуждает государя, невзирая на все личное к нему нерасположение и даже недоверие, вручить ему бразды правления и избрать из двух предлагаемых ему проектов манифеста несколько переделанный проект Витте и одновременно утвердить сопровождающий этот манифест всеподданнейший доклад Витте; последний является, однако, уже не первоосновой манифеста, а лишь дальнейшим развитием, а именно указывает на необходимость немедленно, не дожидаясь соот-

501\* Запись о беседе, сделанная М.А.Ушаковым, опубликована в 1923 году (Красный архив. Том 4.) Ушаков не признает, что его беседа с в.кн. Николаем Николаевичем была устроена Витте, но само содержание беседы совпадает с изложением Гурко.

ветствующего изменения законов, осуществления гражданских свобод.

Манифест 17 октября 1905 г. был, по существу, несомненной капитуляцией власти перед общественностью или, вернее, перед революционными силами. В манифесте выражена «непреклонная» царская воля:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, в мере возможности, соответствующей краткости оставшегося до созыва Думы срока, привлечь теперь же к участию в Думе те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим Дальнейшее развитие начала общего избирательного права законодательному порядку.

3) Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

С изданием этого манифеста заканчивается многовековой период русской истории. Начинается новая эра, продолжавшаяся, однако, менее двенадцати лет.



## Глава 2. Министерство графа С.Ю.Витте

17 октября 1905 г. было, несомненно, днем всеобщей радости русской передовой общественности, но высказывалась эта радость далеко не всеми слоями и не в одинаковой степени.

Революционно и социалистически настроенные элементы расценивали ознаменовавший этот день царский манифест преимущественно с точки зрения возведенных им гражданских свобод. В этих свободах они не без основания усматривали мощное средство как для беспрепятственного распространения своих идей, так и для усиления своих революционных действий, но сам по себе манифест их, конечно, вовсе не удовлетворял. Ввиду этого, радуясь ему в душе, они тем не менее радости этой громко не высказывали, а, наоборот, заявляли о совершенной недостаточности последовавшего государственного акта.

Радикал-либералы усматривали в издании манифеста приближение того момента, когда осуществится, быть может, не всеми ими еще вполне сознаваемая, но все заветная их мечта, а именно когда, опираясь на народные массы, они превратятся в правящий класс и сами станут у власти. Испытывая поэтому огромную радость, они выражали ее сдержанно, отмечая, где только можно, что манифест можно приветствовать лишь как первый шаг на пути превращения самодержавной России в строго конституционную монархию, главным же образом как орудие для достижения дальнейших целей.

Таким образом, одна лишь умеренно либеральная часть общественности громко и безоговорочно выражала свою радость, видя в манифесте осуществление ее пожеланий в полной мере.

Однако среди всех представителей этих различно настроенных слоев населения было одно лицо, которое несомненно радовалось больше всех, — это был гр. С.Ю.Витте.

Возвращаясь 17 октября из Петергофа с подписанным манифестом и утвержденным всеподданнейшим докладом, Витте торжествовал.

Совершенно не оценивая ни настроение низших слоев населения, стремившихся не к политическим правам, а к определенным материальным благам, ни сущности вождельний радикальных кругов либеральной общественности, Витте не только радовался возвращению к огромной власти и кипучей деятельности, он уже воображал себя кумиром России и был совершенно уверен, что состоявшиеся государственные акты сразу внесут успокоение в страну и даже прекратят подпольную работу революционных сил. Огромной принятой на себя перед страной ответственности он, по-видимому, вовсе не сознавал.

Все свои мысли Витте направил вследствие этого к скорейшему осуществлению содержащихся в манифесте и докладе положений, в том числе к немедленному изменению избирательного закона, желая тем внушить общественности уверенность, что изданные акты заключают не пустые слова, а твердое решение олицетворяемой им власти немедленного, в полной мере, проведения их в жизнь. Выражается это настроение Витте в том, что он немедленно по приезде в Петербург передает эти акты для их оглашения в «Правительственном вестнике», совершенно забывая, что кроме Петербурга имеется еще вся обширная и весьма возбужденно настроенная страна; так уже при самом приступе к руководству всей правительственной политикой Витте обнаруживает полнейшее отсут-

ствие административного опыта и даже государственного чутья. Ему в голову не приходит, что самая элементарная предусмотрительность требует, чтобы о состоявшемся государственном преобразовании местная администрация была осведомлена хотя бы несколько ранее обывателей и чтобы ей были преподаны указания о порядке оглашения царского манифеста и предписаны меры, направленные к предупреждению возникновения на почве этого оглашения беспорядков.

Впрочем, надо сказать, что иллюзии эти разделяют с Витте и представители администрации. Так, Д.Ф.Трепов, извещенный Витте по телефону о состоявшемся манифесте, приходит в восторг и говорит находящемуся у него в это время начальнику петербургского охранного отделения Герасимову: «Вся страна будет завтра праздновать великий патриотический национальный праздник рождения новой, свободной России». Столичный градоначальник В.А.Дедюлин собирает у себя вечером 17 октября высших чинов полиции, читает им манифест, целует его и приступает затем к обсуждению не столько способа охранения спокойствия в городе, сколько порядка оглашения манифеста, причем даже высказывается мысль об объявлении его посредством особых герольдов.

С своей стороны Витте, тотчас по возвращении в столицу, вызывает к себе Крыжановского в качестве составителя булыгинского проекта положения о выборах в Государственную думу и вступает с ним в продолжительную, затянувшуюся до поздней ночи беседу на тему о возможных способах изменения этого положения в соответствии с указаниями последовавшего Манифеста.

Следующей заботой Витте является скорейшее осуществление бурно предъявляемого в те дни возбужденной общественностью требования об амнистии лиц, подвергшихся наказаниям за политические правонарушения. Изготовление указа по этому предмету он поручает Министерству юстиции, по соглашению с Министерством внутренних дел, номинально все еще имеющим во главе Булыгина—Трепова, но фактически никем не руководимым. Сопровождает Витте это поручение указанием о включении в число амнистированных возможно большего числа категорий политических правонарушителей. Ближайшей его заботой является затем, естественно, подбор личного состава своего министерства. Стремится он одновременно войти в ближайшую связь с различными кругами общественности. В эти первые дни он продолжает еще действовать под убеждением, что акты 17 октября привлекли к нему симпатии большинства общественности. В этом убеждении его поддерживают те, правда немногочисленные, приветствия, которые обращают к государю некоторые общественные установления. Так, Петербургская городская дума в телеграмме, посланной Николаю II, довольно развязным тоном восклицает: «Ура! Царю свободного народа». С более корректным приветствием обращается к государю московское биржевое собрание, в нем оно свидетельствует о своей «прежней преданности монарху». Но в особенности искажает в представлении Витте степень удовлетворенности общественности оглашенными актами то множество приветствий, которое получается им лично, хотя исходят они в подавляющем большинстве не от каких-либо учреждений или корпораций, а от отдельных лиц.

Не нарушает его настроения и многолюдная манифестация, собравшаяся 18 октября у Казанского собора, хотя она и сопровождалась несением красных флагов и плакатов с надписью «Требуем Учредительного собрания». При каждой манифестации толпа имеет отряд революционного Красного Креста, снабженный перевязочными средствами и состоящий из врачей и сестер милосердия, чем выражается готовность вступить в бой с войсками и полицией.

Не встретив никакого сопротивления со стороны полиции, даже когда их ораторы заявляли, что манифест лишь первая победа революции, что государь должен заплатить свою кровью за угнетение народа, толпа обращает свой гнев на появившуюся у Казанского собора патриотическую манифестацию, во главе которой несут трехцветный национальный флаг. Происходит короткая свалка; раздаются несколько выстрелов; раненый носитель русского флага выпускает его из рук. Национальные цвета склоняются перед красным знаменем Интернационала. Толпа гудит и шествует дальше. Перед появившейся после этого полусотней казаков толпа, однако, немедленно расходится.

Прекращение железнодорожной забастовки, знаменующее возобновление нормальной жизни страны, поначалу как будто подтверждает уверенность Витте в неминуемости успокоительного действия Манифеста 17 октября. Однако на этом и кончаются иллюзии Витте.

Выясняется прежде всего, что железнодорожная забастовка уже была на исходе и прекращена преимущественно вследствие накопившегося у рядового обывателя негодования на причиняемые ему отсутствием железнодорожного сообщения бесчисленные неудобства и материальные убытки. Вожди

забастовки поняли, что таким путем они могут отчудить от себя народные массы, и поспешили использовать манифест для благородного отступления. Однако московский стачечный комитет не преминул одновременно (19 октября) заявить, что прекращение забастовки лишь временное, что железнодорожники «берутся за работу, чтобы совершеннее организовать, собрать необходимые средства, организовать всеобщее вооружение пролетариата и продолжить борьбу под знаменем социализма» впредь до достижения фактических свобод, Учредительного собрания, всеобщей амнистии и удовлетворения социально-экономических нужд.

Неудачными оказываются и попытки Витте заручиться содействием радикальной общественности и повременной прессы.

Вызванные Витте представители левого крыла земских съездов, только что образовавшие партию народной свободы (кн. Г.Е.Львов, Кокошкин и Ф.А.Головин), на его просьбу об оказании ему содействия в его работе отвечают хотя и мягко, но определенно выраженным требованием о немедленном созыве Учредительного собрания, так как это-де единственный способ успокоить страну. Напрасно убеждает их Витте, что от Государственной думы будет зависеть изменение избирательного закона на основе всеобщей подачи голосов, и даже обещает поддерживать в этом отношении Думу, они все же отказываются оказать ему какую-либо поддержку, очевидно исходя из того убеждения, что правительство сумеет создать такую избирательную систему выборов в Государственную думу, которая обеспечит ему в ней послушное большинство.

Еще больший афронт испытывает Витте со стороны приглашенных им представителей ежедневной печати. На обра-

щенную к ним просьбу способствовать успокоению общественности Витте выслушивает от глашатая собравшихся журналистов, издателя уличной газеты «Биржевые ведомости» еврея Проппера сказанное в дерзкой форме назидание.

«Уберите бесчинствующих солдат, передайте полицейскую охрану столицы в руки милиции», — говорит ему Проппер, и Витте, еще столь недавно при случае резко осуждавший старых заслуженных членов Государственного совета, не находит в себе мужества осадить зарвавшегося наглого торговца ходкой крапленой макулатурой. В результате помещенное в газете «интервью»<sup>502</sup> с Витте обнаруживает для всех и вся отсутствие у него необходимой твердости и даже умения соблюсти достоинство государственной власти.

Не удалось Витте составить и свой кабинет в соответствии с имевшимися у него в этом отношении предположениями. При образовании этого кабинета Витте одновременно преследовал две цели, а именно сделать его, с одной стороны, сколь можно больше приемлемым для передовой общественности, а второе — подобрать себе таких сотрудников, которые всецело повиновались бы его указаниям. Действительно, если Витте охотно шел на всякие заигрывания и даже уступки общественности в смысле предоставления ей прав устно и печатно

502 Встреча С.Ю.Витте с представителями прессы состоялась 19 октября 1905 г., причем, по утверждению Витте, вопросы от лица всех журналистов задавал издатель «Биржевых ведомостей» С.М.Проппер (см.: Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 60-64).

высказывать любые взгляды и мнения, то поступиться в ее пользу малейшей долей своей власти он вовсе не намеревался.

Тут опять-таки сказывалась органическая склонность Витте к просвещенному абсолютизму — форме правления, столь же заманчивой, как и трудно осуществимой.

Приступив к образованию своего министерства, Витте с места столкнулся с одним обстоятельством, в одинаковой степени препятствовавшим ему достигнуть обе поставленные им цели, а именно с обещанием, данным им П.Н.Дурново, еще до назначения своего главою правительства, включить его в свой кабинет в случае образования такового в качестве министра внутренних дел<sup>503</sup>.

Обещание это было, несомненно, вынужденное, и от его исполнения он, вероятно, с места решил уклониться. Дано оно было вследствие какой-то таинственной его зависимости от Дурново. Между тем Дурново был для Витте лицом вдвойне неподходящим. С одной стороны, он отнюдь не принадлежал к тем людям, которые охотно подчиняются чужой указке, и Витте, конечно, предвидел, что безоговорочного послушания он от него не добьется. С другой стороны, Дурново был личностью для общественности, по его политическим убеждениям, совершенно неприемлемою. Оппозиционная общественность

**503** Сам Дурново был настолько уверен в своем назначении, что мысленно распределял свою мебель в присвоенной министру внутренних дел квартире и даже послал на эту квартиру, еще занимаемую Булыгиным, снять точную мерку одной из комнат с целью выяснить, может ли в ней поместиться какой-то исключительных размеров шкаф. (Прим. автора)



отнюдь не была введена в заблуждение теми либеральными речами, которые Дурново произносил в Комитете министров при обсуждении способов осуществления указа 12 декабря 1904 г. и которые тогда же были преданы гласности. В Дурново передовая общественность инстинктивно чувствовала человека определенно правого направления и сильной воли, который сумеет вновь ввести общественную деятельность в законом ограниченные рамки. Желая его потопить в общественном мнении, пресса извлекла из архивов тот инцидент, который некогда, еще при Александре III, привел Дурново к увольнению от должности директора департамента полиции. Воспроизводилась в разных версиях и царская резолюция, предшествовавшая этому увольнению. Клеймился этим путем и нравственный облик Дурново.

Совокупность всего этого побудила Витте не считаться с данным им обещанием и наметить на пост министра внутренних дел кн. С.Д.Урусова, сумевшего на занимаемой им должности тверского губернатора привлечь к себе симпатии близкого к учредителям кадетской партии левого крыла местного земства, причем сделано это было им, конечно, без ведома Дурново. Одновременно министром юстиции он избрал человека, также вполне приемлемого для левой общественности, а именно сенатора А.Ф.Кони, приобретшего широкую популярность еще со времени председательствования им в 1878 г. в Петербургском окружном суде при разборе дела и оправдании Веры Засулич, покушавшейся на жизнь тогдашнего петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова. Решив, что он обеспечил себя таким образом от нареканий за выбор окрашенных реакционностью сотрудников по руководству администрации и судом, Витте обратился к некоторым умеренно-

либеральным московским общественным деятелям с предложением вступить в его министерство. Участие этих лиц в его кабинете, по мысли Витте, обеспечивало ему симпатии и поддержку значительной части либерального лагеря. Деятели этими были: Д.Н.Шипов, А.И.Гучков и кн. Е.Н.Трубецкой, которые и прибыли из Москвы в Петербург 26 октября, причем им было сообщено, что министром внутренних дел будет Урусов. Велико было поэтому их изумление, когда по приезде к Витте они узнали, что министром внутренних дел он намечает Дурново, а Урусов будет лишь его товарищем. Вступать в коллегию, одним из членов которой будет одиозная для общественности личность Дурново, они не признали возможным и от предложенных им портфелей (Трубецкому — народного просвещения, Гучкову — торговли и промышленности, Шипову — государственного контроля) они решительно отказались. Впрочем, Трубецкой вообще уклонился от занятия предложенного ему поста, чистосердечно заявив, что в своей публицистической деятельности он выдал такие векселя по вопросу о постановке у нас народного образования, платить по которым при существующих обстоятельствах, он вполне сознает, нет возможности.

Напрасно старался Витте уговорить прочих двух приглашенных им лиц, стремясь им доказать, что участие Дурново в его кабинете необходимо, так как это единственный известный ему чиновник, который в силах справиться с революционными силами подполья, они остались непреклонны. Тем не менее переговоры с этими лицами продолжались в течение нескольких дней, а именно до 30 октября, несмотря на то что как Шипов, так и Гучков оба говорили Витте, что их участие в его министерстве не привлечет к нему симпатий радикальной

оппозиции, что, наоборот, оставаясь вне правительства, они могут оказать ему большее содействие в смысле примирения с властью некоторой части общественности. В конечном результате Витте пришлось отказаться от их сотрудничества и вообще от мысли дать своему кабинету общественную прослойку, так как от кандидатуры Дурново он не считал возможным отказаться.

Что же, однако, произошло в течение этих дней, заставившее Витте не только примириться с передачей Дурново руководства администрацией, а вернее, всей внутренней политикой, но еще тем самым лишиться возможности вовлечь в свою орбиту видных общественных деятелей?

Произошло же то, что Дурново оказался человеком более сильной воли, нежели Витте. На предложение Витте остаться на должности товарища министра на тех же приблизительно правах, которыми облечен был в то время Трепов, конечно, оставляющий свой пост<sup>504</sup>, т.е. вполне самостоятельно заведовать всем полицейским делом, Дурново ответил решительным отказом. Между тем Витте понимал, что сам он в административном деле вполне неопытен и что, с другой стороны, как это выяснили к тому времени усиливающиеся во многих местах революционные вспышки, одними словами и либеральными мерами все более распространявшейся смуты не остановить, что для этого надо применить иные, механические, способы воздействия. Сотрудничество Дурново при этих условиях

**504** Д.Ф.Трепов 26 октября был назначен дворцовым комендантом вместо кн. Енгальчева. (Прим. автора)

представлялось ему незаменимым, и он, скрепя сердце, счел себя вынужденным исполнить данное ему, Дурново, обещание, Урусова же уговорить на занятие должности товарища министра.

Так обстояло дело ко времени приезда в Петербург упомянутых приглашенных Витте общественных деятелей.

Всемерно желая вовлечь последних в свой кабинет, он сделал тогда вторую попытку сохранить Дурново на должности товарища министра, вследствие чего и тянул переговоры с Гучковым и Шиповым, надеясь за это время устранить причину, препятствующую принятию ими предложенных им портфелей.

Избранный для этого Витте способ был весьма простой, а именно он формально представил Дурново государю в качестве своего кандидата на должность министра внутренних дел, но при этом так его охарактеризовал, что государь на это назначение не согласился. Таким образом, Витте мог сказать Дурново, что свое обещание он исполнил, но получить согласие государя ему не удалось. Одновременно он мог рассчитывать, что Дурново предпочтет остаться на должности товарища министра, нежели вновь уйти в Сенат, так как при таких условиях даже на назначение членом Государственного совета он не мог рассчитывать.

Однако провести Дурново было не так легко. Он сразу понял, что отказ государя был ему подсказан самим Витте.

Мне случилось видеть Дурново почти тотчас после получения им от Витте записки, извещающей его о решении государя. Он был положительно в ярости. Как зверь в клетке бегал он по своему кабинету, повторяя десятки раз те же слова:

«Я ему покажу! Нет, я ему покажу!» И он действительно ему показал.

Что именно Дурново сказал Витте, чем он ему пригрозил, я в точности не знаю, но было оно, во всяком случае, в связи с какими-то не то документами, не то перлюстрированными письмами самого Витте, которые, будучи представлены государю, могли его окончательно погубить в глазах Николая II. Словом, так или иначе, но Витте окончательно сдался, и притом настолько, что, получив вторичный отказ государя назначить Дурново, счел себя вынужденным «всеподданнейше» доложить, что без привлечения Дурново к руководству всем имперским полицейско-административным аппаратом он не может ручаться за охранение существующего строя от революционного натиска. Резолюция государя была лаконична:

«Хорошо, только ненадолго».

Дурново был назначен, однако, не министром, а лишь управляющим министерством<sup>505</sup>.

Получив в качестве руководителя внутренней политики ненавистного для общественности и строптивного по отношению к себе Дурново, Витте вынужден был одновременно

505\* Полномочия министра и управляющего министерством были одинаковыми, однако, по сложившейся традиции, министра следовало увольнять от должности с благодарностями, наградами и назначением на какую-либо иную почетную должность (точнее, обратное рассматривалось как выражение неудовольствия императора), а управляющего министерства император мог в любой момент заменить другим лицом без всяких перед ним моральных обязательств.

отказаться и от участия Кони в качестве министра юстиции в своем кабинете и оставить уже занимавшего в то время эту должность С.С.Манухина, заменив его, однако, месяца через полтора Акимовым. Чем был обусловлен этот выбор, я не знаю, однако я охотно допускаю, что и это назначение состоялось не без давления со стороны Дурново, который, как известно, был женат на сестре Акимова и состоял с ним в весьма дружеских отношениях.

Потерпев неудачу с указанными назначениями, тем более тщательно принялся Витте подбирать себе остальных сотрудников из числа лиц, вполне ему послушных. Стремление его в этом отношении тем более понятно, что выбор министров военного, морского и императорского двора ему не был предоставлен. Министров этих избирал сам государь, причем в кабинете Витте на этих постах остались те же лица, которые их занимали до преобразования Комитета министров в Совет министров, имевший быть в принципе однородным и подчиняющимся в общих вопросах указаниям своего председателя.

Естественно, что при таких условиях выбор Витте в первую очередь пал на его бывших сотрудников по Министерству финансов, издавна привыкших более или менее слепо следовать его директивам. Такими лицами были И.П.Шипов, назначенный им министром финансов, Н.Н.Кутлер, получивший портфель главноуправляющего землеустройством (в котором в мае 1905 г. был переименован министром земледелия) и кн. А.Д.Оболенский, пожалованный им в обер-прокуроры Св. синода.

В полном послушании последнего Витте, однако, ошибся. Правда, что в конечном результате Оболенский подчинялся решениям Витте, но предварительно, при обсуждении почти

каждого вопроса, излагал какие-то своеобразные, никогда точно не оформленные и в общем поражающие парадоксальностью и дилетантизмом, туманные мысли. Речи этого человека с тремя петухами в голове, как о нем образно и метко выразился Победоносцев, узнав, что он является его заместителем, лишь бесплодно затягивали суждения Совета, который, впрочем, довольно скоро перестал обращать на них внимание, не давая себе даже труда их оспаривать.

В конечном выводе кабинет Витте разделился на три довольно резко очерченные части. Первая из них состояла из определенных клеветов Витте, не решавшихся даже ему возражать. К ней принадлежали Шипов, Кутлер и Немешаев, назначенный Витте министром путей сообщения из управляющих Юго-Западными железными дорогами. Железнодорожное дело Немешаев, быть может, и знал, но государственным разумом он не обладал вовсе, а был типичным выразителем обывательских взглядов. Поименованные лица в сущности фактически не были членами Совета министров, а как бы специалистами, заведовавшими определенными техническими отраслями управления, к общей государственной политике непричастными.

Вторую часть Совета составляли лица, стремившиеся выказать свою самостоятельность и в порядке управления своими ведомствами проводившие более или менее свои личные взгляды и свою политику, однако в Совете министров в конечном счете все же неизменно примыкавшие к мнению Витте. Это были И.И.Толстой — министр народного просвещения, В.И.Тимирязев — министр промышленности и торговли, Д.А.Философов — государственный контролер, гр. В.Н.Ламздорф — министр иностранных дел. Последний, впрочем, посе-

щал заседания Совета весьма редко, а когда в нем присутствовал, то решительно ни единого слова не произносил. Личность эта была, насколько я мог в этом удостовериться, бесцветная и, во всяком случае, вне вопросов внешней политики ничем не интересовавшаяся и едва ли имевшая смутное понятие о внутреннем положении страны, ее нуждах и вопросах, ее волновавших.

Прямую противоположность между собою представляли первые два из поименованных мною лиц. Гр. Толстой был идеалист и теоретик, но, будучи человеком безусловно во всех отношениях чистым и преисполненным лучших намерений<sup>506</sup>, умом не отличался, а в порученном ему деле мало что смыслил и относился к нему с сентиментальным дилетантизмом. Наоборот, Тимирязев был практик и материалист. Вопросы промышленности и торговли ему были хорошо известны, но преследовал он в то время лишь одну вполне определенную цель, а именно завязать тесные связи в промышленном и сплетенном с ним финансовом мире, с тем чтобы во благовремени самому перейти в ряды банковых воротил, на возможно больший оклад содержания. Впоследствии это удалось ему в полной мере: став председателем совета Русского для внешней торговли банка, он получал до самой революции несколько сот тысяч рублей в год. Свою приспособляемость к обстоятельствам Тимирязев наглядно доказал при большевиках, когда после заключения Брест-Литовского мира он поместил в

506 См.: Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения И.И. Толстого: 31 октября 1905 - 24 апреля 1906. М., 1997; Он же. Дневник. 1906-1916. СПб., 1997.



какой-то немецкой газете обширную статью, облеченную в форму интервью, в которой доказывал, что мир этот вполне приемлем для России и даже выгоден. Впрочем, в германских симпатиях Тимирязев подозревался еще во время Великой войны, основаны же они были у него на тех связях, которые он приобрел в берлинских торгово-промышленных кругах в бытность там нашим финансовым агентом. Опираясь на эти связи, он сумел и при большевиках жить в Петербурге припеваючи.

Несколько иную фигуру представлял Философов. Как я уже сказал, говоря о нем как о статс-секретаре Государственного совета, человек он был умный, способный и умеющий прокладывать себе путь к степеням и известности. Властный и даже по природе нахальный, он в кабинете Витте заботился лишь об одном — как можно крепче усесться на министерском кресле, лелея, быть может, надежду со временем самому стать во главе министерской коллегии, ибо пределов его честолюбия не было.

В октябрьские дни 1905 г. и, быть может, еще больше в течение двух последних месяцев этого же года, когда уличная революция достигла своего апогея, Философов, подобно многим бюрократам из категории «держи нос по ветру», пришел к убеждению, что старый строй целиком и безвозвратно погиб, что его неминуемо, не сегодня так завтра, заменит строй парламентарный. Вот в этом-то строе Философов стремился заранее заготовить себе соответствующее место и поэтому старательно подыгрывался под общественный лад, что и выразилось в его доходящих до радикализма либеральных речах. Носился он, впрочем, и с другою мыслью, а именно с исключением государственного контролера, каким он в то время был,

из числа членов Совета министров и превращением его во вполне независимого блюстителя правильного расходования государственных средств всеми ведомствами. Он полагал, что таким путем его служебное положение будет значительно прочнее, так как не будет связано с шаткой при тогдашних обстоятельствах судьбой личного состава объединенного правительства. Если откинуть, однако, эти чисто личные соображения, то надо признать, что мысль эта была по существу правильная: бдительно и беспристрастно наблюдать за деятельностью членов коллегии, к которой сам принадлежишь и от судьбы которой сам зависишь, весьма затруднительно и возможно лишь при исключительной высоте гражданских чувств.

Третью категорию членов Совета министров образовали те из них, которые лишь формально составляли часть объединенного правительства, фактически же считали себя совершенно от него не зависящими и обязанными исполнять лишь царские веления. Это были барон Фредерикс — министр императорского двора, генерал Редигер — военный министр и адмирал Бирилев — морской министр. Однако Фредерикс в заседаниях Совета почти никогда не бывал, замещая себя управляющим Кабинета Его Величества кн. Н.Д.Оболенским, а Редигер посещал эти заседания лишь изредка, причем в суждениях Совета заметного участия не принимал. Насколько Редигер соответствовал занимаемой им должности, я не знаю, производил же он впечатление не столько военного, сколько добросовестного профессора немецкой складки. Последнему, впрочем, содействовал и его внешний облик: большие, никогда не снимавшиеся им очки и размеренная речь, несколько окрашенная иностранным акцентом. Уроженец Финляндии, по

происхождению он был швед. В войсках Редигер приобрел известность преимущественно тем, что в бытность военным министром отменил барабаны, которые, однако, пришлось вскоре вновь ввести, так как обучение войск мерному, ровному шагу, столь необходимому для пехоты, победа которой, по выражению Наполеона, в ногах, оказалось без барабанов почти невозможным.

Совершенно иной человек был адмирал Бирилев. Типичный русак, но живого, горячего темперамента, смотрел он на все вопросы с чрезвычайной простотою и прямолинейностью. Патриот до глубины души и, конечно, определенно правый, он охотно высказывался по всякому вопросу, причем нередко приходил в азарт, стучал кулаками по столу, но, выпустив все накопившиеся в нем пары, внезапно замолкал и на своем мнении не настаивал.

Из изложенного видно, что в заседаниях Совета Витте являлся полным хозяином положения, имея по каждому вопросу вполне обеспеченное большинство. Держал он себя в соответствии с этим во всех вопросах, не связанных с текущими событиями, а в особенности если дело касалось экономики страны, по-олимпийски и не столько руководил прениями, сколько предписывал заранее принятые им решения. Усвоил он при этом даже привычку не называть некоторых из своих коллег по имени и отчеству, а именовать их по занимаемой ими должности, с своими же бывшими сотрудниками по Министерству финансов обращался как с подчиненными. Так, например, обращаясь к Шилову, ему случалось тоном приказа говорить: «Министр финансов примет соответствующие меры во исполнение моих слов».

Такова была, однако, лишь внешняя сторона дела, так как вошедшие в состав кабинета Дурново и Акимов<sup>507</sup>, имевшие в своих руках две, по обстоятельствам времени важнейшие отрасли управления — администрацию и суд, почти совсем не считались ни с мнениями Витте, ни с решениями Совета. Справиться с ними Витте не имел никакой возможности, так как Акимов с самого занятия поста министра юстиции, а Дурново — через короткий промежуток времени пользовались доверием государя в значительно большей степени, нежели сам председатель Совета, и посему при личных докладах Николаю II неизменно получали высочайшее одобрение своих действий и предположений независимо от того, сходились ли они со взглядами Витте и даже с решениями Совета министров *in cogrore*<sup>508</sup> или нет. Однако по отношению к самому Витте держали себя эти два лица различно. Акимов неизменно

**507** Манухин, как я упомянул, был при Витте недолго. Следуя духу времени, он внезапно превратился из определенного консерватора, каким он был в бытность при Муравьеве сначала директором департамента, а потом товарищем министра, в либерала и горячего сторонника полной независимости суда от каких-либо указаний свыше. Однако в ноябрьские дни 1905 г. некоторые лица судебного ведомства выказали с своей стороны такую зависимость не от начальства, а от определенной части общественности, что оказалось нужным принять по отношению к ним решительные меры, но для этого нужен был на посту министра юстиции человек сильного характера. Таким человеком Манухин не был, что и вынудило Витте с ним расстаться. (Прим. автора)

**508** В полном составе (лат.).

участвовал в заседаниях Совета и горячо отстаивал там свое мнение, так что с ним Витте приходилось считаться и кое в чем ему уступать. Иную тактику принял Дурново. Под тем или иным предлогом, а то и без всякого предлога он просто не являлся на заседания Совета, а заменял себя кем-либо из состава министерства, не считаясь при этом с служебным рангом заместителя.

Само собою разумеется, что такое положение Дурново занял не сразу. Первое время он принимал участие в суждениях Совета, но стал он при этом сразу на определенно правую позицию.

Припоминаю я такой случай. Однажды вечером мне передали из Совета министров, что Витте просит меня туда немедленно приехать. Это было, насколько помнится, в десятых числах ноября, когда Совет собирался еще в Мариинском дворце; впоследствии заседания его происходили в помещении, занимаемом Витте на Дворцовой набережной в доме, принадлежащем Министерству двора, до тех пор занятом служащими по церемониальной части.

По приходе в Мариинский дворец я застал Совет министров за обсуждением тех начал, на которых надлежит построить избирательную систему членов нашей законодательной палаты. Министры были в полном сборе. Встретил меня Витте с обычной ему по отношению к мало знакомым ему личностям любезностью и, пригласив занять место за министерским столом, сказал, что у него ко мне просьба, которую он изложит после обсуждения того вопроса, которым в данное время занят Совет. Обстоятельство это дало мне возможность выслушать несколько речей по волновавшему в то время всех и вся вопросу о порядке избрания членов Государственной думы. Пер-

вым говорил Философов. Ораторским талантом он не обладал, но говорил ясно и определенно. Сводилась же его речь к тому, что он долго не признавал возможным применение в России системы всеобщей подачи голосов, но ныне вынужден высказаться именно за нее, так как всякая иная система совершенно чужда духу русского народа. «Идея всеобщего равенства, — говорил Философов, — настолько глубоко вкоренилась в сознании русского народа, что она сказывается решительно во всех его поступках». Наглядным примером могут служить действия крестьянской толпы при широко распространившихся аграрных беспорядках. Присваивая себе имущество, находящееся на помещичьих усадьбах, толпа непременно соблюдает при его разделе абсолютное равенство; она делит это имущество между собою на столь одинаковых для всех началах, что те предметы, которые поровну распределить нельзя, она либо совершенно уничтожает, либо дробит их на части, хотя бы части эти сами по себе уже не представляли никакой ценности. Так, например, ему известны случаи, когда толпа, дабы поровну разделить между собою громоздкие предметы, как, например, фортепьяно, рубила их на части и эти части распределяла между составлявшими ее отдельными лицами.

Философов, как я уже говорил, был человек далеко не глупый, и я, хорошо его знавший по прежней совместной службе в Государственной канцелярии, просто не верил своим ушам. Основывать право населения на участие в избрании законодателей страны на примерах, свидетельствующих о его явной некультурности, чтобы не сказать первобытном варварстве, к такой логике едва ли кто-либо и когда-либо прибегал. Руководило Философовым, очевидно, другое соображение, а именно что против натиска общественности, с яростью требующей

установления всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, правительство все равно не устоит, а потому лучше пойти на это добровольно, нежели быть совершенно сметенным революционной волной<sup>509</sup>.

Вслед за Философовым говорил министр путей сообщения Немешаев. Его речь была не менее удивительна. Он откровенно заявил, что вопросом народного представительства он никогда не занимался и определенного мнения по нему не имеет, но ему недавно пришлось в качестве управляющего Юго-Западными железными дорогами присутствовать в Киеве

**509** Находясь лишь случайно на заседании Совета министров, я, разумеется, правом голоса не обладал, а потому, внутренне бешась, вынужден был молчать. Однако тотчас по окончании заседания я подошел к Философову и спросил его, неужели единственный имеющийся у него довод в пользу введения в России всеобщей избирательной системы покоится на примерах, доказывающих как раз обратное. На это он мне и высказал то истинное его основание, которое я здесь привел. «Таким путем, — сказал я ему в свою очередь, — вы не боретесь с революцией, а обеспечиваете ей неминуемое торжество». Слова эти не понравились Философову до крайности, и он мне за них отплатил, а именно когда вскоре после того Дурново предположил назначить меня товарищем министра внутренних дел и доложил об этом, как тогда было принято по отношению к назначению всех товарищей министра, в Совете министров, то единственное лицо, возразившее против этого назначения, как мне впоследствии рассказал Дурново, был Философов, тот самый Философов, который предлагал мне быть его товарищем в случае своего назначения министром финансов. (Прим. автора)

на митинге железнодорожных служащих, на котором обсуждался именно этот вопрос и произнесенные на нем речи привели его к убеждению, что единственным правильным решением является признание за населением права всеобщей подачи голосов.

Насколько помнится, сразу после этой ссылки на авторитет железнодорожных забастовщиков вступил в прения сам Витте. Очевидно, опасаясь, что если он не направит суждения Совета на иные рельсы, чего доброго, большинство Совета примкнет к мнению, высказанному первыми двумя ораторами, основываясь, быть может, на более разумных мотивах, Витте поспешил заявить, что хотя он признает наиболее правильной выборной системой ту, которая обеспечивает в лице народных представителей верное отражение мыслей и взглядов всей массы населения, тем не менее он полагает, что к этому надо подходить постепенно и что ныне благоразумнее признать избирательные права за ограниченной частью населения, и прежде всего за крестьянами-домохозяевами, не распространяя этих прав на членов их семьи. Высказав это мнение в достаточно решительной форме, Витте прекратил дальнейшее обсуждение этого вопроса и, обратившись ко мне, сказал приблизительно следующее: «Я считаю, что наилучшим способом охранения порядка на местах является привлечение к этому делу губернских и уездных земских собраний. Для этого необходимо, чтобы эти собрания действовали беспрепятственно и притом были облечены некоторыми особыми правами. Опираясь на решения этих собраний, губернской и уездной администрации будет значительно легче проводить в жизнь необходимые меры, направленные к прекращению крестьянских волнений, так как в таком случае они встретят сочувствие



общественности. Так вот, я вас прошу составить проект немедленного повсеместного созыва уездных и губернских земских собраний на постоянную до успокоения страны сессию (он даже употребил французское выражение «en permanence»<sup>510</sup>), а равно проект тех прав, коими эти собрания должны быть при этом облечены».

Я, конечно, сразу понял, что Витте обратился ко мне по недоразумению, введенный в заблуждение названием того отдела (земского) министерства, которым я ведал. Заблуждение это было тем более странным, что как раз в это время Витте имел постоянно дело с тут же присутствовавшим в качестве редактора бульгинского проекта положения о Государственной думе С.Е.Крыжановским, привлеченным ввиду этого к редактированию нового, в соответствии с указом 17 октября, положения о выборах в это установление. Между тем Крыжановский занимал должность помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства, т.е. именно того учреждения, которое ведало земскими учреждениями. Я не считал, однако, нужным вывести Витте из его заблуждения, а ограничился тем, что кратко сказал, что осуществить его мысль невозможно.

— Почему? — спросил Витте в изумлении.

— Потому, что состав губернских и уездных земских собраний приблизительно тот же и что если открыто губернское собрание, то в уездах не будут участвовать ни председатели земских управ, входящие по должности в губернские собрания,

510 Непрерывно (фр.).

ни наиболее деятельные и видные их члены, так как последние неизменно избираются в губернские гласные.

— Вы в этом уверены?

— Безусловно.

— Ну, так тогда соберем лишь одни уездные собрания.

Мысль эта была нелепая как по существу, с точки зрения абсолютной невозможности собрать и задержать на сколько-нибудь продолжительное время в уездном городе людей, имеющих иные постоянные занятия и обязанности, так и в отношении совершенной недействительности принимаемых ими для охранения общественного порядка решений, так как для нарушителей этого порядка земские собрания не обладают никаким авторитетом. Не успел я, однако, указать на это, как в разговор вступился Дурново, причем он встал на своеобразную, исключительно формальную точку зрения.

— На каком основании, — сказал Дурново, — обращаетесь вы, Сергей Юльевич, к служащему в моем министерстве? Никаких поручений возлагать на него вы не имеете права.

Как это ни странно, но на этом совершенно к делу не относящемся и в сущности дерзком по отношению к главе правительства заявлении Дурново весь вопрос и кончился и никаких дальнейших последствий не имел.

Я привел этот ничтожный инцидент как образчик положительного незнакомства Витте со строем русской государственной жизни вообще и с основами то порицавшихся, то восхваляемых им земских учреждений в частности. Рисует он также степень бесцеремонности обращения Дурново с главой «объединенного» правительства.

Я уже имел случай, говоря о Дурново, указать, что это был человек беспринципный, весьма неразборчивый в средствах для достижения намеченной им цели, но в высшей степени умный и решительный. Оговариваюсь, однако, что беспринципность Дурново не относилась до его политических взглядов. В этой области он имел весьма определенные и стойкие убеждения и к делу, которым заведовал, относился весьма вдумчиво, можно сказать, любовно, как безусловно любил Россию и болел о всех ее неудачах. В полной мере выказал Дурново свои природные способности во время короткого управления им Министерством внутренних дел. Обнаружилось тут одно его свойство, весьма редкое у людей, но зато неизменно присущее всем действительно выдающимся деятелям, составляя как бы необходимую их принадлежность, а именно полная гармония между умом и характером. Сила его воли была, если можно так выразиться, вполне адекватна силе его ума. Благодаря этому он не только быстро разбирался во всяком даже тяжелом положении, но мог принятое им решение проводить без колебаний, стойко и последовательно до конца. Ум его, придя к какому-либо решению, как бы стусывался, отходил на второй план и ограничивался руководством его воли в пределах исполнения принятого им решения. Личным мужеством и физической храбростью Дурново также отличался в высшей степени. За время его управления Министерством внутренних дел революционеры травили его как дикого зверя, но это отнюдь не влияло не только на принимаемые им решения, но и на общую его уравновешенность. Что он испытывал внутри себя, я, конечно не знаю, но наружное спокойствие никогда его не покидало.

Припоминаю, что однажды, зайдя к Дурново, я встретил его в передней одетым, чтобы выйти. Он собирался на заседание Государственного совета в Мариинский дворец, что у Синего моста, от которого он жил довольно близко, а именно на Мойке против Прачешного мостика<sup>511</sup>. Так как мне нужно было что-то ему спешно доложить, я вышел с ним вместе, дабы переговорить по дороге. Пошли мы с ним пешком, причем перешли по Прачешному мостику на тот берег Мойки. Подойдя к Мариинской площади у угла здания Министерства земледелия, Дурново спешно закончил наш деловой разговор и сказал: «Ну, а теперь прощайте», а на мои слова, что я его доведу до площади дворца, спокойно сказал: «Это совсем лишнее; до сих пор мы были более или менее в безопасности, но переход через эту площадь для меня всегда опасен, а посему незачем вам со мною дальше идти».

Я, разумеется, его не послушался, но должен сказать, что не испытывал никакого удовольствия от дальнейшего, весьма, однако, по близости расстояния, кратковременного сопутствования Дурново, причем только тут вполне оценил неизменно присутствующее ему хладнокровие и спокойствие.

Отличался Дурново и другими качествами, а именно отсутствием мелочного самолюбия и мстительности. Испытал я это опять-таки на себе. Я уже как-то упоминал, что мои отношения с Дурново еще при Плеве были по меньшей мере натянутые. При Мирском они испортились окончательно. Дошло даже до того, что на одном заседании у Мирского, на котором

511\* Между этими двумя точками 500 метров.

присутствовал министр юстиции Муравьев и где вопрос шел о введении в действие нового уголовного уложения, что было сопряжено с изменением судебной компетенции земских начальников, я на обращенную ко мне просьбу Дурново прислать ему какое-то дело из земского отдела, касающееся этого вопроса, ответил решительным отказом.

Когда же Дурново на это сказал: «Я вам как товарищ министра приказываю», то получил в ответ краткое: «Руки коротки»<sup>512</sup>.

Естественно, что при таких условиях, как только Дурново был назначен министром внутренних дел, я тотчас явился к нему с прошением об увольнении от должности, причем сопровождал ее текстуально следующими словами: «Так как вы, Петр Николаевич, питаете ко мне столь же мало симпатий, как я к вам, то служить нам вместе, конечно, нельзя». Каково же было мое удивление, когда в ответ я услышал: «Ваши и мои чувства тут решительно ни при чем. Мы переживаем такое время, когда о чувствах речи быть не может. Я считаю вас полезным на том месте, которое вы занимаете, и прошу вас на нем оставаться. Уходить при этих условиях, какие бы ни были ваши чувства ко мне, вы не имеете права». Тут же Дурново в дальнейшем разговоре на тему об общем политическом поло-

512\* Товарищ министра по закону не являлся автоматически прямым начальником для любого сотрудника министерства, он мог либо замещать министра, либо заведовать отдельными подразделениями министерства - но в любом случае для этого требовалось приказание министра. Видимо, в данном случае Дурново не был поручено распоряжение Земским отделом.

жении страны заявил, что он вполне разделяет мою точку зрения, которую я неоднократно при нем высказывал, что всякие послабления власти при охватившем общественность революционным психозе могут способствовать лишь его дальнейшему развитию, а отнюдь не успокоению. К этому надо прибавить, что Дурново вполне в это время сознавал, что весьма решительные реформы во всем государственном строе безусловно необходимы. «Мы живем как в осажденном лагере, — говорил он, — мы перестаем быть национальной властью и превращаемся в каких-то поработителей-татар. Но идти сейчас в порядке полного осуществления провозглашенных свобод — это значит заменить одну тиранию другой, безмерно худшей, от которой неминуемо погибнет государство».

Вообще, Дурново несомненно обладал прозорливым государственным умом и стоял в этом отношении неизмеримо выше Витте. Скажу больше, среди всех государственных деятелей той эпохи он выделялся и разносторонними знаниями, и независимостью суждений, и мужеством высказывать свое мнение, независимо от того, встречало ли оно сочувствие среди присутствующих или нет. Философским умом, глубоким проникновением в народную психику Дурново, правда, не отличался, но зато он был в высшей степени реальным политиком. Привлекали его внимание преимущественно злобы дня. Не заглядывая ввиду этого ни в глубь веков, чтобы там отыскать первоисточник совершающихся событий, ни в далекое будущее, дабы в нем осуществить, путем тех или иных переустройств, определенную социальную теорию, он тем не менее отнюдь не был лишен дара политической прозорливости.

Яркий образчик врожденного у него чутья хода событий — поданная им государю в феврале 1914 г. записка, где он раз-

бирал международное положение России<sup>513</sup>. Записка эта обнаружила в ее авторе глубокую вдумчивость, правильность расценки относительного значения и основных вожделений главных факторов международной политики и в особенности совершенно исключительную прозорливость в отношении будущего хода мировых событий.

Основное положение, которое Дурново проводит в этой записке, это пагубность для России вовлечения в наш союз с Францией третьего члена — Англии. Пока Россия находилась в союзе с одной Францией, она была в состоянии одновременно поддерживать и дружеские сношения с Германией, так как последняя могла иметь захватные замыслы по отношению к этим государствам, но вовсе не опасалась каких-либо покушений против нее самой с их стороны. Но коль скоро в союз этих государств вступила Англия — положение резко изменилось. Германия, вступившая на путь развития своей колониальной политики и в этих видах в короткий срок развившая свое могущество на море посредством сооружения грозного военного флота, встретила здесь непримиримого противника в лице Англии. Но Англия одна, без союза с континентальными европейскими державами, была бессильна по отношению к

513 Подлинный текст меморандума П.Н. Дурново о последствиях для России войны с Германией, представленный Николаю II в феврале 1914 г., опубликован лишь частично (см.: Дурново П.Н. Грядущая катастрофа: Размышления о внешней политике России // Новое время. 1994. № 27. С 58—60). Полный текст был опубликован только в обратном переводе с немецкого (Красная новь. 1922. № 6. С. 178—199).

Германии. Иную опасность представляла эта держава, коль скоро она заручалась содействием непосредственных соседей Германии. Война между Германией и Англией, при участии в ней со стороны последней России и Франции, становилась при таких условиях лишь вопросом времени. Естественно, что Германия при таких условиях предпочтет взять инициативу в свои руки и вступить в бой в тот момент, который ею будет сочтен наиболее для нее благоприятным, а именно не дожидаясь дальнейшего усиления военной мощи своих противников. Таким моментом является именно настоящее время, пока Россия еще не успела докончить план реорганизации и военного снаряжения своих боевых сил.

К этой надвигающейся войне Дурново и обращает свои взгляды: он прежде всего распределяет европейские государства между двумя борющимися лагерями, причем последующие события в полной мере оправдали его предположения. Так, он вперед говорит, что Италия и Румыния останутся сначала нейтральными, а потом присоединятся к странам тройственного согласия и что, наоборот, Турция и Болгария станут на сторону Германии. Далее, он предвидит, что на чьей бы стороне ни оказалась победа, ее неминуемым последствием будет социальная революция в России и Германии, причем начнется она в той из этих стран, которая будет побеждена, и затем перекинется в ее соседку, хотя бы она была победительницей. Указывает он, кроме того, что даже в случае победы Россия ничего от нее не выиграет, так как утратит всякое значение для Франции и Англии, коль скоро военная мощь Германии будет разгромлена, а приведет это к тому, что Англия тотчас возобновит свои козни против России и найдет способы нанести ей ущерб.



Указал, кроме того, Дурново и на всю трудность ведения нами войны против Германии при отсутствии у нас достаточных запасов снарядов, неимения в стране соответственно оборудованной для изготовления военных припасов промышленности, а в особенности при незначительном количестве крупнокалиберных орудий. Последнее указание Дурново тем более замечательно, что даже французские военные авторитеты поняли все значение при ведении войны в современных условиях крупной артиллерии лишь спустя год после начала военных действий.

Одного лишь не предусмотрел Дурново, а именно что Англия, уничтожив военную мощь Германии на море и лишив ее всех колоний, вовсе не пожелает совершенно уничтожить ее силу на континенте. Своим противником Англия почитает вовсе не какое-либо определенное государство, а всякое, представляющее в данную минуту значительную мощь. Полное ослабление Германии в глазах Англии приводит к непомерному усилению мощи Франции. Допустить это она столь же мало склонна, как допустить мировую гегемонию Германии.

Выпавшая на долю Дурново в конце 1905 г. задача была до чрезвычайности трудна, причем она, несомненно, осложнялась свойствами главы правительства, с которыми, как ни на есть, Дурново приходилось, хотя бы и в ничтожной степени, считаться или же вести борьбу.

Вопреки наивному ожиданию Витте, Манифест 17 октября не только не внес успокоения в страну, а, наоборот, усилил повсеместное общественное и народное брожение. Не возымел благотворного в этом отношении влияния и последовавший 21 октября указ об амнистии, хотя в силу этого указа помимо лиц, пострадавших в борьбе за конституцию, было освобождено от

наложенных на них кар и множество лиц, усиленно пропагандировавших полное низвержение всего государственного и социального строя. Амнистия была вообще широкая. Так как указ о ней не включал, однако, лиц, совершивших по политическим мотивам преступные деяния общеуголовного характера, то не только революционные круги, но и радикальную часть общественности он не удовлетворил. Оппозиционная пресса принялась даже по его поводу метать пущие, чем когда-либо, громы по адресу правительства, утверждая, отчасти по наивности, но более всего лицемерно, что успокоение в стране может наступить лишь по амнистировании решительно всех политических преступников, независимо от свойства совершенных ими деяний, так как лишь тогда будут действительно осуществлены провозглашенные манифестом начала гражданской свободы. Результат такого взгляда Временного правительства Россия испытала в полной мере.

Первым грозным предупреждением развернувшихся на почве Манифеста 17 октября событий явились поступившие из провинции сведения о революционных эксцессах, следовавших там немедленно по его оглашению.

«Партийные» работники, узнавшие во многих городах о манифесте ранее администрации, тотчас же приступили к деятельному осуществлению программы III весеннего 1905 г. съезда социал-демократов-большевиков и конференции меньшевиков соответственно с тем развитием, которое ей дали органы революционной прессы. Следуя указаниям «Искры», говорившей: «берите тюрьмы и освобождайте заключенных в них борцов за наше дело: ими усилим наши ряды» и призыву «Пролетария», советовавшего «захват городского управления и сформирование милиции», революционные элементы под

защитою провозглашенных свобод открыто выступали во многих городах наружу и стали предъявлять застигнутой врасплох администрации именно эти требования, как то: передачу полицейской власти в руки городской милиции, немедленный вывод войск и в первую голову освобождение из тюрем всех политических арестантов. С этой целью они организуют из местного рабочего элемента многолюдные манифестации, к которым, конечно, немедленно присоединяются все подонки местного населения, и направляют их под реющими красными флагами к местам заключения. В случае неисполнения тюремным начальством требования толпы о выпуске содержащихся в них политических заключенных вожаки пробуждают толпу вломиться в тюремные помещения силою, что кое-где им и удается, причем выпускаются на свободу все арестанты без разбора. В Оренбурге и в Перми предварительно обхода тюрем толпа захватывает силою местных губернаторов Цехановецкого и Наумова и заставляет их шествовать вместе с собою, причем Цехановецкий вынуждается сам нести красное знамя, а над Наумовым, решительно отказавшимся превратиться в революционного знаменосца, красный флаг несут «товарищи».

Не успела еще местная администрация с грехом пополам восстановить уличный порядок, как под влиянием революционеров разнообразных оттенков, стремящихся методически осуществить преподанную им из центра программу, возникают бунты в различных частях войск. Так, уже 26 октября выступает на сцену будущая «краса и гордость» революции — кронштадтские моряки, и усмирение их требует вызова войск из столицы. В начале ноября в Москве образуется Совет солдатских депутатов, и следом вспыхивает бунт среди сухопутных войск, причем некоторые из них усмиряются не без

труда. Особенных размеров бунты эти достигают во Владивостоке, где в течение двух дней (30 и 31 октября) город фактически находится во власти запасных, и в Севастополе, где происходит форменный артиллерийский бой между взбунтовавшимися командами военных судов и береговыми батареями, причем исход его в течение целых пяти дней (11—15 ноября) представляется неизвестным. Весьма серьезный характер принимает 18 ноября бунт саперного батальона в Киеве. В эти же дни взбунтовавшийся Воронежский дисциплинарный батальон выдерживает ранее, нежели сдать, осаду в забаррикадированных им казармах, а перед сдачей казармы эти поджигает. Не отстают воинские части, расположенные в Киеве и еще в некоторых местах, но серьезных размеров беспорядки там не принимают и быстро прекращаются. В некоторых случаях военные бунты предупреждаются лишь заблаговременным арестом коноводов. Так, в Петербургской электротехнической военной школе арестуется свыше двухсот нижних чинов.

Грозные признаки разложения проявляет Маньчжурская армия, а возвращающиеся домой из этой армии запасные митингуют, учиняют беспорядки в различных находящихся у них на пути сибирских городах, как то: Иркутске и Чите; в этом последнем городе образуется ими Совет солдатских и казачьих депутатов.

Одновременно, само собою разумеется, вспыхивают вновь во многих губерниях аграрные беспорядки.

Словом, работа «товарищей» кипит по всему лицу земли русской. Следом за Петербургским Советом рабочих депутатов образуются такие же советы во многих других промышленных центрах, и все они пытаются вступить в связь с Петербургским

Советом, выражают готовность ему подчиняться и ждут от него директив.

Одновременно на окраинах к социалистическому движению примешивается движение национальное, сепаратистское, принимая наибольшие размеры в Прибалтийских губерниях, где обучаются латышские вооруженные отряды, громящие замки и усадьбы своих давних недругов немецких баронов.

Губернии Царства Польского сильно охвачены национальным движением. Выражается оно здесь, между прочим, кроме рабочих стачек и уличных беспорядков, еще в нападении на гминные (волостные) управления. В них повстанцы видят эмблему русского владычества, хотя состоят они сплошь из выбранного населением местного элемента, но ведут они переписку на государственном языке, и вот эту переписку повстанцы уничтожают. Одновременно происходит массовое, поодиночке, убийство чинов полиции и земской стражи<sup>514</sup>.

В самой Варшаве положение становится настолько грозным, а террористические акты принимают такой массовый характер, что генерал-губернатор, он же командующий войсками округа, генерал Максимович признает за благо укрыться в крепость Згерж, в пределах которой находится летнее местопребывание начальника края. Тотчас уволенный от должности, он замещается генералом Скалоном, по требованию которого в губерниях Царства Польского вводится военное положение.

514\* Ошибка Гурко. Полиция в губерниях Царства Польского называлась земской стражей.

Обстоятельство это вместе с преданием суду бунтовавших в конце октября кронштадтских моряков служит поводом для декретирования Петербургским Советом рабочих депутатов новой всеобщей забастовки, начавшейся 2 ноября.

Петербург вновь погружается с наступлением ночи во тьму, вновь не ходят трамваи, не появляются газеты, с перерывами действуют телефоны, а местами бастуют пекаря, так что в некоторых частях города население остается без хлеба. Распространяется забастовка и на железные дороги, не принимая, однако, всеобщего и полного характера. Так, по Николаевской дороге некоторые поезда продолжают ходить, но пассажиры проникают на них украдкой, боковыми ходами. Поезда эти отходят не с обычных мест отправления, сопровождаются военными командами, а обслуживающие их кондукторские бригады объята величайшей тревогой, опасаясь жестокого возмездия за нарушение велений стачечного комитета. Страх перед новой, где-то скрывающейся, никому не ведомой, но, по-видимому, всеильной властью понемногу охватывает все слои населения. Забастовочное движение принимает, впрочем, в то время характер какой-то заразной болезни. О размерах фабричной забастовки можно судить по тому, что число забастовочных рабочих дней в ноябре месяце достигает 667 тысяч, превышая число таких же дней за октябрь месяц на 150 тысяч. Но рядом с фабричным пролетариатом втягиваются в общее движение, без всякого постороннего приказа, самые различные категории людей. Так, сегодня бастуют служащие в парикмахерских, а завтра — прислуга ресторанов и гостиниц. Не успевают эти забастовки прекратиться, как оставляют работу разносчики газет, примеру которых почему-то следуют приказчики магазинов. Беспочинное, ничем определенным

не вызванное оставление работы превращается в какой-то спорт, в котором участвуют люди всех положений и даже возрастов. Само собою разумеется, что в университетах и иных высших учебных заведениях слушание лекций заменяется многолюдными митингами, на которых горячо препираются между собою социалисты и анархисты. Не отстают и ученики средних учебных заведений, вплоть до находящихся в детском возрасте. Они предъявляют скопом какие-то требования учебному начальству и толпою покидают классы. Словом, забастовочное движение принимает даже несколько юмористический характер, и правые газеты шутя сообщают, что забастовали роженицы в родильных приютах, отказываясь производить на свет впредь до признания за населением всеобщего, без различия пола и возраста, избирательного права. Об университетах ходил другой анекдот, а именно что содержательница пансиона без древних языков<sup>515</sup>, усмиряя бушующих студентов, убежденно говорила им: «Здесь вам не университет, здесь, слава Богу, заведение!»

Тем временем Петербургский Совет рабочих депутатов спешит занять положение органа пролетариата, контролирующего деятельность правительства. Он сносится непосредственно с председателем Совета министров, официально уведомляет градоначальника о замеченных им незаконных действиях полиции и требует их прекращения. Одновременно он учреждает в фабричных частях города милицию, которая кое-где вытесняет полицию. Спеша использовать условия времени и приобретенное им обаяние, Совет этот проводит почтово-

515\* Гурко имеет в виду публичный дом.

телеграфную забастовку. Завоевывает он при этом в среде чиновников почтово-телеграфного ведомства такую власть и влияние, что правительство вынуждено обращаться к нему для передачи своих распоряжений на места. Разрешение это дается, разумеется, лишь когда распоряжение законной власти согласуется с желаниями Совета рабочих депутатов, как, например, телеграмма Витте, отменяющая смертную казнь, к которой были присуждены местными органами учредители Кушкинской в Средней Азии республики после ее упразднения военной силой<sup>516</sup>.

516 На митинге бастующих железнодорожников и солдат крепости Кушка 18 ноября 1905 г. было принято решение о замене всех военных властей выборными лицами. В ответ на это комендант генерал Прасолов объявил крепость на осадном положении и арестовал активистов митинга — инженера Соколова, поручика Андреева, десятника Морозова и др., которые были приговорены к расстрелу (см.: Революция 1905—1907 гг. на национальных окраинах. М., 1955. С. 599—600). 22 ноября 1905 г. министр путей сообщения К.С.Немешаев в связи с многочисленными протестами телеграфировал всем подведомственным ему службам, что приведение приговора в исполнение приостанавливается (см.: Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Высший подъем революции. Ноябрь — декабрь 1905. М., 1955. Ч. 1. С. 845). Действия коменданта Кушки опротестовала Ташкентская судебная палата, потребовавшая от военных властей освобождения арестованных за отсутствием в их действиях состава преступления. 3 января 1906 г. Совет министров рассматривал вопрос об арестованных в связи с тем, что военное начальство отказывалось выполнить требования судебной власти. По всей видимости, упоминаемая Гурко телеграмма яви-



Мало того, Советом рабочих депутатов осуществляется возникшая у него мысль об организации помощи безработным забастовщикам через посредство городской думы, которая в некоторой части своей из сочувствия, а в большинстве — под влиянием страха послушно исполняет веления Совета.

Словом, как писал в то время один из сотрудников «Вестника Европы»: «Власть переменялась. Какие-то люди, особенно страшные своею личною неизвестностью, а еще более анонимностью стоящего за ними чего-то огромного и сильного в сознании и в глазах населения, заняли то самое место, на котором оно привыкло видеть официальное начальство». Тот же сотрудник описывает, как в Москве «закрывали» ресторан и «снимали официантов» в одной из самых больших гостиниц. «В швейцарскую вошли двое молодых людей и потребовали, чтобы к ним вышли официанты. Управляющий самолично побежал наверх. Через минуту с ним спустилось несколько официантов. Молодые люди им сказали: «Закройте ресторан!» Моментально было погашено электричество, вся прислуга ушла, двери в обеденную залу были заперты. Не раздалось ни одного протеста ни со стороны прислуги, обрекавшейся на лишение на неопределенное время заработка, ни со стороны управляющего гостиницы, которая обрекалась на ежедневные убытки. Столь же покорно отнеслись к своей участи — поти-

лась результатом этого заседания, а не единоличного решения С.Ю.Витте.

хоньку кое-чем пообедать в своих душных номерах — постояльцы»<sup>517</sup>.

Подобные описанной сцены «снятия» служащих в совершенно тождественных условиях происходят и в Петербурге, причем не только в обслуживающих общественные потребности частных учреждениях, но и в учреждениях правительственных. Появлялась кучка неизвестных личностей и тоном, не допускающим возражений, требовала немедленного прекращения занятий, и это требование во многих случаях беспрекословно исполнялось. Однако коль скоро пришедшие личности встречали сколько-нибудь решительный отпор, они быстро скрывались и вновь уже не появлялись.

Сложившимися обстоятельствами, впрочем невольно, втягивались в общее движение и чиновники различных ведомств, образующие специальные собственные союзы, а также низшие служащие правительственных учреждений, как то вольнонаемные писаря. Они предъявляют коллективное требование об увеличении платы и одновременно сокращении часов работы, и эти требования, увы, кое-где тотчас исполнялись. Однако и здесь достаточно было самого ничтожного отпора, чтобы требования эти немедленно замолкали. Так, однажды в земском отделе секретарь мне доложил, что писаря отдела, коих было несколько десятков, желают ко мне явиться, чтобы просить о прибавке содержания.

517 Гурко цитирует статью «Из общественной хроники» (Вестник Европы. 1905. № 12. С. 861—862). Как правило, статьи в этот раздел писал К.К. Арсеньев.

«Скажите, — сказал я секретарю, — этим господам, что если они непременно желают меня видеть, то пусть придут, но предупредите их от моего имени, что это будет не только в первый раз, что они меня увидят, но и в последний». Никто ко мне не явился, и ничего больше об этом я не слышал.

Но, увы, рядовой обыватель выказал полную неспособность к какому-либо отпору. Наоборот, он тогда же проявил ту безграничную пассивность, безропотность и покорность, вследствие которых советские грабители могли его безнаказанно обобрать до последней нитки, лишить его всякой свободы, даже свободы мысли, и при помощи нескольких тысяч вооруженных наймитов проделывать над ним всякие опыты, превратив его с этой целью в распластанную лягушку. Вивисекцию, которой большевики подвергали в течение стольких лет русский народ как в совокупности, так и в лице отдельных его членов, можно было предвидеть, наблюдая за безразличием и дряблой покорностью обывателя к нарушавшим его материальные интересы и моральное спокойствие бесчинствам, творимым революционными организациями в 1905—1906 гг. Согласно заголовку брошюры, выпущенной в 1906 г. проф. Сергиевским, обыватель покорно говорил издевающимся над ним революционерам: «Ешь меня, собака!»<sup>518</sup>

Яркой иллюстрацией этой покорности служили производившиеся в ноябре и декабре 1905 г. во многих публичных собраниях, даже не политического характера, открытые сборы

518 См: Сергеевский Н.Д. Ешь меня, собака! (Наша главная болезнь). СПб., 1907.

денег на помощь забастовщикам, а не то и прямо на вооруженное восстание. По рядам публики пускали шапку с соответствующей надписью, и в нее если не все вкладывали свою лепту, но зато ни один не решался выразить по этому поводу своего возмущения или хотя бы не передать ее покорно дальше.

Мощной поддержкой революционного движения явилась преобладающая часть повременной печати. В первую очередь, разумеется, усердствовали социалистические издания, дотоле печатавшиеся в подполье, а потому выходявшие с значительными перерывами и проникавшие только в определенные круги. Теперь они стали выходить открыто и даже легально. Так появились газеты «Начало» и «Новая жизнь», выставившие в заголовке лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Первая из них заменила «Искру» — орган социал-демократов—меньшевиков, а во вторую превратился орган социал-демократов—большевиков «Пролетарий». Завели свой орган и социалисты-революционеры, назвав его «Сын отечества». Окончательно скинул с себя маску социал-демократический журнал «Русское богатство». Все эти издания открыто обсуждают вопрос о вооруженном восстании. Они воспевают всеобщую забастовку «как мировое явление», с пафосом говорят, что «Россия стоит во главе всемирной революции», превозносят «такт и зрелость русского пролетариата», определенно указывают, что «целью революции должны быть не политические реформы, а коренной социальный переворот». Диктатура пролетариата — вот их общий лозунг, пока что скрываемый, не от власти, конечно, — с нею они не считаются, а от буржуазии, под кличкой — демократическая республика.

Народились различные издательства, открыто выпускавшие явочным порядком партийную социалистическую литературу и даже зажигательные воззвания. Расцвела эта литература и получила широкое распространение не в одних столицах, а и в провинции. Издававшаяся в Ростове-на-Дону газета «Донская речь»<sup>519</sup> проявила в этом отношении особое рвение. Вся эта литература получает широкое распространение в массах. Так, например, газета «Сын отечества»<sup>520</sup>, орган социалистов-революционеров, проповедующая отображение всей земли у помещиков, рассылается бесплатно во все волостные правления империи.

Но как же отнеслась к этим призывам революционеров и порождаемым ими событиями оппозиционная, радикальная общественность? Поняла ли она наконец, куда ведут страну социалисты различных оттенков и поскольку она сама в подготавливаемой революционерами государственной катастрофе лишится всякого значения и потонет в общем море бесправия,

519 Ежедневная политико-общественная и литературная газета «Донская речь» выходила в Ростове-на-Дону (1887—1908) и придерживалась либерального направления, а после 1905 г. пропагандировала программу кадетской партии.

520 Сын отечества: Ежедневная общественная, политическая и литературная газета» (СПб., 1904—1905). И.В. Гессен утверждает, что в 1904 г. газета придерживалась политической линии «Права», но «через год перешла к эсерам во главе с Черновым» (Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 188).

разнузданных человеческих страстей и низменных животных инстинктов? Увы — нисколько.

Руководящим центром этой общественности, которую уже с этого времени можно подвести под общее наименование кадетов, становится конституционно-демократическая партия народной свободы. Правда, партия эта еще не получила законченной конструкции и в качестве рабочего органа имела лишь выбранный на ее октябрьском учредительном собрании президиум. Но лидеры партии, ее духовные вожди, определились вполне, и были это те самые лица, которые лишь с незначительным пополнением извне, преимущественно из еврейской среды, властно руководили ее деятельностью в течение всего последующего периода, вплоть до самой революции 1917 г. Выявился и верховный вождь партии П.Н.Милюков. Да, это были все те же Кокошкины, Кизеветтеры, Родичевы, Мануйловы, Набоковы и кн. Львовы с выставляемыми ими вперед, отчасти в качестве декорации, но в особенности из-за тех денежных средств, которые они доставляли партии, кн. Долгоруковыми и гр. Орловыми-Давыдовыми.

Определились, впрочем, не только вожди партии, но и их основные вождения, определился и будущий состав партии, те общественные слои, те национальные элементы, которые составят ее основное ядро и доставят ей наибольшее число рядовых членов.

Выявилось вполне, что цель лидеров партии состоит в установлении такого строя, при котором власть сосредоточилась бы всецело в их руках, и что таким строем они с места признали демократическую республику. Правда, они гласно говорили о конституционной монархии и даже действительно хотели сохранить царя на престоле, но царь этот был им нужен

как внешняя декорация, а также как видимое олицетворение единства всего государства, цементирующее одним своим присутствием различные входящие в империю народности и населенные ими области. Нужен был им царь и как средство привлечения к себе народных масс, искони привыкших видеть в монархе источник высшей справедливости и раздателя земных благ. Они вполне понимали, что, пользуясь обаянием царского имени, им легче будет не только достигнуть власти, но и прочно укрепиться на ней, но в существе считаться с наличием престола они вовсе не имели в виду<sup>521</sup>.

Да иначе и быть не могло, ибо хоть кадетская партия первоначально зародилась как будто в земской среде, но произошло это лишь благодаря тому, что земская деятельность по условиям времени представляла наибольшие возможности для проявления и развития политической агитации. По существу же эта партия была типично городская и тотчас по образованию впитала в себя представителей свободных профессий, в первую же очередь представителей профессуры, адвокатуры и журналистики, которые к тому же через редакционные круги

**521** Именно этим объясняется, что коль скоро в 1917 г. кадетские лидеры, правильно или неправильно, пришли к убеждению, что царское обаяние в русских народных массах растаяло, исчезло, так они тотчас легко и скоропалительно перешли к формуле демократической федеративной республики, причем федерация являлась здесь неизбежным последствием исчезновения в лице монарха того стержня, который скреплял все включенные в империю народы и области. (Прим. автора)

московской газеты «Русские ведомости»<sup>522</sup> и журналов «Русская мысль»<sup>523</sup>, «Вестник Европы»<sup>524</sup> и «Право»<sup>525</sup> состояли в близком контакте с ее земскими членами.

Но для представителей свободных профессий строго парламентский режим, мало в чем отличающийся от республиканского, являлся наиболее облегчающим доступ к власти и сосредоточению ее в своих руках. Адвокатура, журналистика и профессура определенных отраслей знания являются, как известно, главными поставщиками народных представителей в законодательных учреждениях парламентарных государств Запада, а из их среды выходят по преимуществу лица, достигающие власти. Происходит это вследствие того, что по роду своих занятий они входят в непрестанное общение с наиболее разнообразными общественными группировками, обладают ввиду этого наибольшим знакомством с господствующими в стране настроениями и, играя на них, всегда легче могут

522 «Русские ведомости» (М., 1863—1918) — одна из наиболее авторитетных либеральных русских газет; с 1905 г. пропагандировала взгляды правого крыла кадетской партии.

523 «Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический» (М, 1880— 1918) — журнал либерального направления, после 1905 г. пропагандировал взгляды правого крыла кадетской партии.

524 После 1905 г. редакция «Вестника Европы», провозглашая «внепартийность» издания, была близка октябристам и кадетам.

525 «Право: Еженедельная юридическая газета» (СПб., 1898— 1917); после 1905 г. пропагандировала взгляды кадетской партии.



овладеть народными симпатиями и одновременно направлять в ту или иную сторону общественное мнение. Этому примеру Запада будущие кадеты, казалось бы без достаточных оснований, думали, что последует и Россия. Не приняли они вовсе во внимание, что преобладающая часть населения России не обладает сколько-нибудь достаточным развитием, чтобы следовать разумным указаниям людей науки и опытных политических деятелей, что пойдет это население, при передаче в его руки решения судеб страны, не за теми, которые будут развивать им теории о наилучшем способе управления государством, а за теми, которые посулят им незамедлительное улучшение их материального быта.

Сказанным я хочу подчеркнуть, что я отнюдь не утверждаю, что среди лидеров кадетской партии не было людей, бескорыстно убежденных в том, что наилучшим способом правления для России является именно парламентарный режим, и тем более не говорю, что они сознательно преследовали лишь личные выгоды и удовлетворение собственного честолюбия. Но дело в том, что люди сами с трудом могут определить, на чем основаны и откуда проистекают их политические и социальные взгляды и поскольку на их образование влияют, наряду с устремлениями альтруистическими, направленными к благу государства в его совокупности, их вождедения эгоистические, т.е. отстаивание и преследование собственной выгоды. Несомненно, во всяком случае, что массовый рядовой обыватель естественно и неизбежно примыкает к тому политическому течению, которое сулит ему лично наибольшие выгоды. Таким течением для лиц свободных профессий не без основания представлялось течение парламентарное, основанное на демократической системе избрания народных предста-

вителей; к нему они в преобладающей своей части и примкнули.

Впрочем, в принадлежности большинства представителей либеральных профессий к кадетской партии, к которой примкнули, разумеется, кроме присяжных поверенных, журналистов, профессоров еще и писатели, художники, врачи и всевозможные специалисты-техники, играла немаловажную роль еще и другая причина. За предшествующие сорок лет русская интеллигентная мысль достигла одного весьма реального результата. Она сумела внушить общественности, что всякая защита существующего строя совершенно недопустима. Монархия и беспросветная реакция были ею до такой степени отождествлены и соединены знаком равенства, что в глазах передовой общественности они слились воедино. При таких условиях надо было обладать исключительным гражданским мужеством, чтобы открыто исповедовать сколько-нибудь правые убеждения. Не следует, кроме того, забывать, что в то время как либерализм, так и фрондерство лишь редко препятствовали продвижению на государственной службе, наоборот, консерватизм встречал непреодолимые препятствия на пути общественной деятельности, а также в области свободных профессий. Писатели, журналисты, адвокаты, художники, коль скоро они обнаруживали в той или иной форме свою оппозиционность правительству, всячески превозносились. Писания первых находили множество читателей, творения вторых легко сбывались по высокой цене, помощи третьих искали все имевшие дела с судом, так как не только присяжные заседатели, но и коронный суд относился к ним с большей предупредительностью, с большим уважением.

Таким образом, материальные интересы работников свободных профессий также побуждали их щеголять либерализмом и фрондерством по адресу правительства, а следовательно, вступить в среду кадетов. А наши ученые коллегии, разве они не расценивали подчас степень пригодности данного лица для занятия профессорской кафедры в зависимости от исповедуемых им политических взглядов, хотя бы таковые не имели никакого отношения к той науке, представителем которой эти лица являлись? Разве Московский университет не забаллотировал совершенно выдающегося окулиста Головина, имевшего мужество высказать правые мысли, предоставив искомую им кафедру какому-то в научном отношении ничтожеству, щеголявшему политической левизной? Разве Кони и Таганцев не были прославляемы не столько как блестящие криминалисты, сколько как выказывающие либеральные мысли, а профессор Сергиевский, столь же выдающийся криминалист, разве он не был предметом травли за проявляемый им консерватизм? Наконец, разве не всем решительно было известно, что в диссертации на ученую степень немислимо было проводить сколько-нибудь политически консервативные взгляды, а что для успеха необходимо было снабдить ее какой-либо критикой существующего строя, хотя бы указанием во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комариного жала?

Во всем этом, разумеется, была во многом виновата и государственная власть. Независимо от того, что деятельность ее была далеко не всегда безупречна, она часто давала справедливые поводы к жестокой критике; вина ее состояла еще и в том, что она не давала себе никакого труда создать кадр

идейных сторонников в ученом и литературном мире. Единичные лица, которым она в этом отношении покровительствовала, причем покровительствовала слишком явно, как, например, в 80-х годах — Каткову, а 90-х — Грингмуту, такого кадра составить, разумеется, не могли. Вопрос состоял, очевидно, вовсе не в том, чтобы осыпать милостями отдельных лиц, персонально пользующихся фавором власти. Такой образ действий лишь развенчивал этих лиц в глазах общественности, накладывая на них клеймо правительственных наймитов, хотя бы сами по себе они были убежденными сторонниками тех взглядов, которые они проводили. Для образования такого кадра надо было создать такие общие для профессуры и журналистики условия жизни и деятельности, которые отвечали бы их материальным и духовным потребностям; словом, такие условия, которые привязывали бы их к тому строю, который их создал и обеспечивает их существование. Именно благодаря совокупности всего изложенного в ряды кадетской партии усиленно толкали буржуазную интеллигенцию и господствующая в общественности идеология, и ее личные материальные выгоды. Ставить в упрек этой интеллигенции ее принадлежность к кадетской партии ввиду этого отнюдь нельзя. Стремления ее были понятны, естественны, законны и, по существу, сами по себе отнюдь не антигосударственны и не разрушительны.

Столь же мало оснований упрекать ту часть торгово-промышленного слоя, которая также примкнула к кадетской партии, хотя отчасти негласно, вследствие ее зависимости во многих отношениях от правительственной власти. Слой этот в лице многих его представителей, благодаря накопленным ими средствам, приобрел за предыдущие десятилетия первосте-

пенную органическую силу в стране, но формально не обладал соответственными политическими правами, не пользовался он и достаточной экономической свободой. Здесь, следовательно, основным стимулом явилось желание с большей свободой действовать в своей области, а в особенности сравнять себя в смысле участия в политической жизни и внешнего почета с землевладельческим дворянством; содействовала последнему выросшая у видных представителей купечества на почве неудовлетворенного честолюбия зависть и даже злоба к дворянству. Выставленный конституционно-демократической партией лозунг принудительного отчуждения в пользу крестьянства частновладельческих земель был поэтому вполне приемлем и даже люб для части крупного торгово-промышленного мира, так как сулил полный разгром ненавистного дворянского землевладельческого класса.

Что же касается самого упомянутого лозунга, то он в руках партии должен был быть главным козырем для привлечения сельских народных масс.

Имея в виду изложить этот вопрос особо, ограничусь здесь указанием, что в этом вопросе положение партии было трагическое. С одной стороны, ввиду своего буржуазного состава, а также принадлежности к ней части земского элемента она была вынуждена ввести в свою программу принцип выкупа отчуждаемых у частных владельцев земель.

Однако, с другой, установление этого принципа лишало ее возможности успешно соперничать среди крестьянских избирателей с социалистическими партиями, сулившими передать все земли крестьянству безвозмездно. Пришлось прибегнуть, говоря попросту, к некоторому проворству рук, а именно издавать свою программу в двух различных текстах,

опуская в том из них, который предназначался для сельского населения, упоминания об уплате владельцам стоимости отчуждаемой от них земли.

Введенное в программу партии положение о равноправии всех национальностей, быть может, более всех остальных укрепило ее положение. Оно сразу влило в ее среду многочисленных и весьма деятельных сотрудников. Тут в первую очередь вступило в ряды партии все буржуазное еврейство, естественно и законно стремившееся упразднить установленные в стране по отношению к евреям правоограничения. При помощи этого лозунга партия втянула в себя то бродильное начало, тот фермент, который обеспечивал ей развитие энергичной деятельности ее отделов на местах, в провинции. Содействие еврейства было тем более драгоценно для партии, что в его руках находилась большая часть столичной печати и почти вся провинциальная печать. Что же касается газетного репортажа, являющегося осведомительным органом общественности и поэтому имеющего огромное значение, то он был всецело сосредоточен в еврейских руках. Наконец, обеспечила себе партия таким образом широкое содействие не только внутри страны, но и вне ее пределов в лице могущественного международного еврейства.

Но не одни евреи примкнули к партии на почве провозглашенного ею принципа равноправия всех национальностей. Присоединились к ней представители и многих других населяющих страну инородческих племен, по крайней мере поскольку они не могли образовать самостоятельных национальных группировок.

Опять скажу, я отнюдь не утверждаю, что приведенные положения кадетской программы были в нее введены исклю-

чительно в целях партийно-утилитарных. Нет сомнения, что у многих учредителей и лидеров партии существовало вполне искреннее убеждение как в отвлеченной справедливости, так и в государственной пользе упомянутых принятых ею положений. Столь же несомненно, однако, что одновременно было принято в соображение, что положения эти могут способствовать как численному развитию партии, так и внутренней ее мощи.

Словом, ставить в упрек тем слоям населения, которые дали наибольшее число сторонников кадетской партии, их тягу к ней, безусловно, нельзя, как нельзя с нравственной стороны опорочивать и политическую программу партии. Можно с ней, в той или иной части, а то и целиком, не соглашаться, но утверждать, что она сама по себе заключала какие-либо разрушительные начала, нельзя.

Роковой для ее собственной судьбы и для личной судьбы многих ее членов ошибкой партии и ее неизбывным грехом перед родиной была усвоенная ее лидерами тактика, а именно полная неразборчивость в средствах, при помощи которых они стремились достигнуть поставленной ими себе задачи. Вообще, тактика поглощала почти целиком внимание лидеров партии, причем обсуждалась она ими не с точки зрения тех способов, при помощи которых можно всего скорее осуществить ее программные тезисы, а тех средств, которые наиболее способны увеличить ее ряды, придать партии большую силу и тем обеспечить главную цель — захват власти в свои руки. В конечном результате цель, которая должна быть по существу вещей служебной, а именно обладание властью ради осуществления известных реформ, превратилась в всепоглощающую. Наоборот, основные выставленные в программе

партии цели превратились в служебные, имевшие в виду осуществление лишь одной задачи — завладения властью на плечах заманенной в ее ряды простодушной обывательской толпы.

Политическая кухня, увы, нигде не отличается особою щепетильностью и брезгливостью. Еще Гете сказал: «Ein politischer Lied ist ein garstiger Lied»<sup>526</sup>. Без некоторой доли демагогии ни одна политическая партия не обходится или, по крайней мере, не достигает серьезного успеха. Однако политические партии на Западе, точно так же стремясь к захвату власти в свои руки, все же одновременно стараются осуществить в мере возможности, и не стоя у власти, выставляемые ими политические постулаты. Кадетская партия об этом за всю свою деятельность вовсе не заботилась и думала лишь об одном — расшатать существующую власть.

Все же главный неизбывный грех партии состоял в том, да и состоит и поныне<sup>527</sup>, что она в своих действиях обнаружила полное презрение к элементарным правилам этики. Здесь я имею в виду не употреблявшиеся ею приемы избирательной

526 «Политическая песня — гнусная песня» (нем.).

527 Хотя формально, после состоявшегося летом 1921 г. в Париже раскола кадетской партии, откололась от нее та часть, которая возглавляется Милюковым, и даже несколько изменила вследствие этого свое название, наименовавшись республиканско-демократической, но фактически дух кадетской партии сохранился именно в этой отколовшейся части, а изменила свою тактику та часть партии, которая сохранила свое прежнее название. (Прим. автора)



борьбы, не те двойные ее программы, сильно смахивающие на крапленые карты, и не выпущенные ею для руководства имевшихся в среде ее агитаторов подстрочники, не причисляю я даже к существенным грехам партии принятый ею способ борьбы со своими противниками, а именно ту систематическую клевету и ложь, которую она распространяла как против правительственной власти, так и против общественных деятелей, стоявших от нее вправо. Конечно, и эти способы действий достаточно предосудительны, но суть не в них, а в том, что партия выказала полное презрение к интересам государства, интересам Родины. Если бы лидеры кадетизма разделяли теории и взгляды революционных партий, то постоянно оказываемая ими поддержка этим партиям не была бы предосудительна. Но они вовсе не разделяли этих взглядов, вполне понимали губительность для государства этих теорий и тем не менее постоянно шли в ногу с теми, которые *per fas et nefas*<sup>528</sup> стремились их осуществить.

К сказанному надо, однако, прибавить, что однородной по своим взглядам кадетская партия, как, впрочем, всякая иная, никогда не была. Так, между центральным комитетом партии или, вернее, теми ее членами, которые фактически направляли ее деятельность, и местными ее отделами постоянно замечались некоторые расхождения, в особенности там, где видную роль играл земский элемент. Оно и понятно. Лидеры партии поставили себе определенную целью лично достигнуть власти и ради достижения этой цели мало перед чем останавливались. В их глазах поэтому партийные интере-

528 Законным и незаконным образом (лат.).

сы неизменно премировали над интересами государства и застилали их<sup>529</sup>.

Роковую роль в центральном управлении партии несомненно сыграл и ее суверенный повелитель П.Н.Милюков. Свои отличительные свойства — безграничное честолюбие и тщеславие, самоуверенность, доктринерство и политическую аморальность — он сумел привить главарям партии и пропитать ими всю деятельность партии. Вовлекло его, кроме того, в грубые политические ошибки, как это ни странно, слишком большое совершенство его мыслительного аппарата. Аппарат

**529** В годы Великой войны, до самой революции, большинство кадетских лидеров было, однако, несомненно охвачено патристическими чувствами, и они готовы были временно жертвовать интересами партии ради достижения целей общегосударственных. Увы, после революции партийные интересы у них вновь выступили на первую очередь, что и вызвало в 1921 г. раскол партии, когда от нее отделились те ее представители, которые опытом происшедшего «научились», выражаясь словами В.Д.Набокова, «хорошим словам "Родина", "Государство"». У преобладающей массы даже видных рядовых членов партии таких вожделиний, очевидно, быть не могло. Таким образом, в сущности, цель лидеров партии и многих из ее последователей далеко не всегда была тождественна. Избиратели, давая свой голос партии, руководствовались ее программой и стремились к осуществлению провозглашенных в ней положений, причем в подавляющем большинстве были в полном неведении о закулисной деятельности ее лидеров и о тех соглашениях, которые они заключали с вожаками партий революционных. (Прим. автора)

этот, несомненно, действует как часовой механизм и неизменно приводит его к формально, по законам логики, неоспоримо правильным выводам. Его диалектика ввиду этого безупречна, и именно ей обязан он занятым им в партии положением. Но, увы, жизнь не логична, или, вернее, имеет свою логику, не построенную на одних выводах рассудка. Подобно сердцу, о котором Паскаль сказал, что оно имеет свою логику, которой разум не знает, жизнь течет по своим законам, человечеству еще не ведомым и постигнуть которые дано лишь исключительным личностям, одаренным каким-то особым чутьем или инстинктом. Этого дара Милюков лишен был в превосходной степени.

Пресыщенность формальной логикой породила другое его свойство — упрямое, не считаясь ни с чем, доктринерство. Логически следуя примерам истории, Милюков пришел в 1905 г. к тому выводу, что коль скоро государственная власть выступила на путь вынужденных уступок общественности, так она роковым образом будет поставлена в необходимость исполнить ее требования в полной мере. В его представлении эта полная мера сводилась к введению на почве всеобщего избирательного права парламентского режима, т.е. народоправства, при котором власть, он в этом не сомневался, перейдет в руки наиболее умственно развитой части населения, т.е. самого его и его единомышленников. Одновременно доктрина ему говорила, что народоправство только тогда полно и прочно, когда оно установлено самим народом через посредство его представителей. Отсюда его упорное нежелание войти в какие-либо сношения с властью и принципиальное неприятие какой-либо конституции, октроированной монархом. Отсюда

и навязанное им кадетской партии в 1905 г. требование о созыве Учредительного собрания.

Но если Милюков был убежден, что коль скоро он станет лицом к лицу с народом в лице его избранников, то сумеет их покорить и направить их решения по руслу, им начертанному, то, с другой стороны, он вполне постигал, что одними собственными силами возглавляемая им радикальная интеллигенция не в состоянии принудить власти поступиться всеми своими правами; он понимал, что сломить силу этой власти, привести ее к полной покорности его единомышленники могут лишь при содействии элементов революционных.

Революционные партии были, конечно, правы, говоря кадетам в 1905 г.: «Вы торгуете за наш счет, вы присвоили себе то, что мы завоевали», и Милюков не мог в душе этого не признавать. Но одновременно он вполне правильно расценивал и значение сил революционных, опирающихся на народные низы. Без участия буржуазных интеллигентных кругов, без первоначального возбуждения ими общественного настроения в буржуазной либеральной среде революционеры одни и сами по себе тоже ничего бы не достигли. Революции неизменно идут сверху и захватывают народные массы лишь впоследствии. Только таким путем совершаются государственные перевороты, столь легко превращающиеся в национальные катастрофы. Революция 1905 г. шла тем же путем. Начало общественному подъему было положено земскими, городскими и различными профессиональными съездами. Но руководили этими съездами, отчасти за кулисами, именно те элементы, которые создали кадетскую партию. А посему лидеры этой партии, из них же первый Милюков, считали, что именно они вынудили верховную власть уступить часть своих прав народ-

ному представительству, что именно они добились признания за населением прав свободных граждан. Основываясь на этом, они решили, что исполнительная власть должна по праву отныне принадлежать им. Удовлетвориться Манифестом 17 октября они, следовательно, никоим образом не могли.

Сознание силы и значения не только участия в революционном движении, но и в возглавлении его буржуазными кругами никогда не покидало Милюкова и его присных; так, в своей «Истории русской революции» (Т. 1. С. 43.) он сказал, что в феврале 1917 г. Государственная дума вполне сознавала, «что от участия или неучастия Думы в руководстве движения зависит его успех или неудача»<sup>530</sup>. То же самое сознавали, как мы видели (часть II, гл. 3) и социал-демократы, которые даже вперед решили, что они непосредственного участия в первом революционном временном правительстве не примут<sup>531</sup>.

530 См.: Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921—1923. Т. 1-3.

531 На упоминавшейся уже мною (ч. II, гл. 3) конференции социал-демократов—меньшевиков, состоявшейся летом 1905 г., в резолюции, касавшейся захвата власти, было, между прочим, сказано: «Социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей руки в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранит ее от растворения в буржуазной демократии. Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции». Еще решительнее

Это не остановило, однако, Милюкова в бурные осенние месяцы 1905 г., когда государство было на краю такой же катастрофы, которая постигла его в 1917 г., не только продолжать агитационную деятельность возглавляемой им партии, но входить в непосредственное соглашение с революционерами и даже побуждать их к активным действиям.

Заявление социал-демократов, что они первоначально предоставят власть всецело в руки революционной буржуазии, вероятно, вящим образом побуждало его к совокупным до тех пор действиям с ними. Здесь он, очевидно, переоценивал силы радикальной буржуазии, так как, конечно, не мог не знать, что народные массы стремились вовсе не к политическому, а к социально-экономическому перевороту, и, следовательно, если в России нет той силы, которая в состоянии вовремя остановить дальнейший естественный ход событий, то неизбежно произойдет крушение буржуазной власти и переход ее в руки идеологов социализма. Такую силу, невзирая на численную слабость, он, вопреки очевидности, усматривал в тех общественных слоях, которые представляла руководимая им партия. Недаром немцы говорят: «Der Wunsch ist der Vater des Gedankens»<sup>532</sup>. Неудержимое стремление стать у власти, очевидно, заслонило у Милюкова реальное соотношение сил, а политическая аморальность толкнула его в объятия людей, для которых цель оправдывает средства. Однако разница здесь

высказались в том же смысле большевики на III съезде социал-демократов, состоявшемся одновременно с конференцией меньшевиков летом 1905 г. (Прим. автора)

532 «Желание — отец мысли» (нем.).

между Милюковым и некоторыми лидерами кадетов, с одной стороны, и вожаками революционных партий, с другой, все же большая, и притом не в пользу Милюкова и его присных. Социал-демократы — в большинстве интернационалисты и потому, с точки зрения их идеологии, имели право рисковать существованием Русского государства — они преследовали иные, более широкие, цели. Но кадетские лидеры в принципе не сошли с господствующей в мире точки зрения государственного строения человеческих обществ, а потому не имели права рисковать судьбами своей Родины как самодовлеющей единицы.

Именно в этом и проявилась в полной мере аморальность кадетской тактики и ее вдохновителя Милюкова, равно как и готовность ее поставить на карту самое политическое существование России, лишь бы достигнуть власти.

«Наши друзья слева» — вот как в соответствии с этим именовали кадеты революционеров, и хотя в некоторых случаях с ними и пререкались, но на деле присоединяли свои голоса ко всем предъявляемым теми требованиям.

«Уберите полицию», «сдайте охранение порядка милиции», «уберите бесчинствующих солдат», «освободите всех без исключения политических заключенных» — вот чего требовали революционеры, одновременно призывая население к продолжению борьбы с властью вплоть до созыва Учредительного собрания.

Решительно то же самое покорно повторяли за ними радикалы. Так, состоявшийся 19 октября в Москве под председательством одного из будущих лидеров кадетизма Н.В.Тесленко

митинг присяжных поверенных постановляет «продолжать освободительную борьбу».

Так, приглашенные Витте кн. Львов, Кокошкин и Головин настаивают на созыве Учредительного собрания.

Так, представители прессы требуют от того же Витте вывода из городов войска и превращения полиции в милицию.

Но особенно ярко проявились все основные черты кадетизма и усвоенной ими тактики на земско-городском съезде, заседавшем в Москве с 6 по 3 ноября.

На съезде этом, насчитывающем до 230 членов, все еще участвуют некоторые представители умеренно-либерального крыла общественности, но остаются они по всем обсуждаемым вопросам в ничтожном меньшинстве. Тут всецело властвуют радикалы все с тем же Милюковым во главе. С присущим ему необыкновенным проворством пера составляет он проекты резолюций, столь искусно отредактированные, что к ним примыкают лица по существу вовсе их не разделяющие. Проявляет он при этом и ту настойчивость, то упрямство, которыми наша мягкотелая общественность в большинстве своем не обладает и перед которой, отчасти из лени, отчасти из соображения «да не все ли равно», устоять не в силах.

На съезде этом правительство Витте, или, вернее, он сам, все еще почитается орудием, через посредство которого можно достигнуть своих целей. Цель же, как сказано, одна — быть самим у власти, и ставится она вполне определенно: «Можем ли мы настаивать, чтобы нам сейчас вступить в правительство?» — спрашивает собрание И.И.Петрункевич, один из главных деятелей партии в то время. Ответа определенного, однако, не получается. Съезд, очевидно, приходит к заключе-



нию, что правительство для этого еще недостаточно расшатано, и поэтому приступает к изысканию способов его дальнейшего ослабления. Выносится резолюция, представляющая образчик проворства пера, о признании за Государственной думой учредительных функций. Не «Учредительное собрание», чего требуют революционеры, а собрание с учредительными функциями, и на эту перифразу ловится часть съезда. Далее следует всеобщее избирательное право, снятие военного положения в Царстве Польском, всеобщая амнистия, отмена смертной казни и равноправие евреев. Как видно, здесь переплетены основные положения кадетской программы с такими требованиями, осуществление которых должно, по мнению лидеров съезда, принудить правительство немедленно передать власть в их руки.

Тщетно убеждает кн. Е.Н.Трубецкой заменить в резолюции выражение «завоевание народа» словами «приобретение народа», указывая, что термин «завоевание» характеризует революционное состояние страны, что может повести к краху русских финансов в представлении западных денежных кругов.

Тщетно будущий лидер октябристов А.И.Гучков говорит о невозможности отмены военного положения в Польше, «где, как хорошо известно, происходит вооруженное восстание».

Тщетно стремится тот же Гучков убедить лидеров радикальной общественности присоединить в резолюции к словам «съезд требует отмены смертной казни» слова «и безусловно осуждает насилие и убийства как средство политической борьбы».

Все это большинство съезда отклоняет, обнаруживая, таким образом, ту аморальность, то отсутствие патриотизма и даже государственности, которыми кадетизм проникся с самого своего основания. Решительно ту же позицию занимает и радикальная, руководимая кадетами печать.

«Было бы непростительной ошибкой, — говорят «Русские ведомости», — если бы русское общество отнеслось совершенно отрицательно к стачечному способу борьбы за интересы политической свободы или социального прогресса».

Требования об упразднении полиции, об роде войск та же пресса развивает и иллюстрирует соответственными картинками и даже не подобранными, а просто вымышленными фактами. Так, в ее изображении все происходящие ярко революционные, не терпимые ни в одной стране, какой бы свободой ни пользовались ее граждане, выступления они называли мирными манифестациями «народа, выражающего свою радость по поводу признанных за ним гражданских прав», а удерживавших эту толпу от бесчинств казаков — ордой опричников. Так же характеризуется и полиция, когда, например, в Москве она не дозволила революционерам насильно освободить политических, заключенных в тюрьме, что у Каменщиков.

Случайно убитый во время движения этой толпы еврей<sup>533</sup> Бауман превозносится как борец за свободу, а ежедневное убийство стражей порядка замалчивается, если не восхваляется. Похороны Баумана, организованные социал-демократами с необычайной пышностью, где произносятся речи, открыто

533\* Н.Э.Бауман происходил из поволжских немцев-колонистов.

призывающие к вооруженному восстанию, описываются как трогательное проявление народной любви к «борцам за свободу»<sup>534</sup>.

Бесподобны по невероятной лживости и помещенные в радикальных органах корреспонденции с мест. «Профессорский орган» «Русские ведомости», ничтоже сумняся, устами своего корреспондента утверждает, что в Одессе «избивают 70-летних стариков и грудных младенцев». Описывая, как в этом городе были прекращены занятия в среднеучебных заведениях, корреспондент пишет: «Веселой оживленной толпой ученики повсюду «снимали» своих товарищей. Орава городских бросилась на детей с обнаженными шашками, рубила и палила из револьверов. Полилась кровь, кровь маленьких детей...» («Русские ведомости», 30 октября 1905 г.). Не отстают от своих корреспондентов и редакция газеты. «Везде повторяется то же самое, — утверждает она, — манифестанты мирно идут по улице, провозглашая свою любовь к свободе, как вдруг на них без предупреждения и вызова налетают казаки и начинается дикая расправа».

534 Один из лидеров московского комитета РСДРП Н.Э.Бауман, только что выпущенный под залог из заключения, возглавил 18 октября 1905 г. демонстрацию рабочих, направлявшихся освободить заключенных Таганской тюрьмы. Его убил во время демонстрации фабричный сторож — черносотенец Михалин, приговоренный за это деяние к двум годам арестантских рот, но помилованный Николаем II (см.: Товарищ Бауман: Сборник воспоминаний и документов о жизни, деятельности и смерти. М.; Л., 1925. С. 54).

Сплошное извращение фактов и событий разжигает легковверных, а в особенности уже заранее определенно настроенных читателей и, конечно, усиливает всеобщее брожение, порождает революционный экстаз. Происходит какое-то самовзвинчивание как против существующего строя, так и против всех его сторонников, которые сплошь признаются либо за природных кретингов, либо за отъявленных мерзавцев, а чаще всего за тех и других вместе.

На этой почве искусственно создается в известных кругах вполне искреннее негодование ко всяким выступлениям правых организаций, а тем более к образуемым ими патриотическим манифестациям. По отношению к ним словарь прессы сразу изменялся.

В то время как толпа, идущая под красным знаменем, именуется «народом, выражающим свою любовь к свободе», манифестанты, несущие царский портрет, обзываются хулиганами, набранными из общественных подонков.

Когда образуются вооруженные боевые дружины рабочих, радикальная пресса это замалчивает, когда же в Москве «Союз русских людей» задумывает организацию дружин порядка и духовная власть разрешает объявить прихожанам с амвона, что принимается запись в эти дружины, та же пресса иступленно вызывает к власти о «прекращении такого безобразия», и это к той самой власти, ухода которой она тут же требует.

Между тем как ни расценивать руководителей правым встречным движением, но нельзя не признать, что работа их в то время имела значение и сыграла свою роль.

Я, конечно, имею в виду не ту правую организацию — «Отечественный союз», о которой я говорил в предшествую-

щей главе. Работа ее продолжала быть салонной, кустарной, неумелой и значения не имела, хотя попытки выступить на общественную арену и были ею предприняты. Устроила она публичное собрание своих членов в малом зале Дворянского собрания, но публики она собрала немного — около 100 человек. Другое публичное собрание было организовано ими в зале «Русского собрания» на тему об автономии Польши и прошло с большим успехом, причем нашло и отклик в прессе. Малоуспешительны были попытки выступить самостоятельно в прессе. Первоначально останавливались на мысли выпускать особые прибавления при какой-либо существующей газете. Такая газета нашлась, а именно издаваемая А.А.Сувориным «Русь», но соглашение с ней после выпуска двух прибавлений было редакцией нарушено. Тогда решили издавать собственную еженедельную газету, имея, однако, в кассе лишь несколько тысяч рублей. Наняли редакционное помещение, завербовали нескольких молодых людей для дежурства в редакции и приема посетителей, обзавелись даже мальчишками-разносчиками и облекли их в особые картузы, на которых гордо красовалось название газеты «Отчизна»<sup>535</sup>. Затея эта оказалась, как, впрочем, предвидели это вперед, безнадежной. Подписчики исчислялись скромными десятками, розничная продажа была ничтожная, средства скоро иссякли, а посему газета по выходе, если не ошибаюсь, шести номеров мирно почилла. Как это,

535 «Отчизна: Еженедельная политическая и литературная газета» (СПб., 1906) (выходила с 24 января по 1 июня), последний № 20/21; вначале под редакцией Глинки-Янчевского, с № 9 — К.Ф. Головина.

однако, ни странно, но даже этот ничтожный и безвременно почивший орган печати заинтересовал отдельных лиц, которые письмами в редакцию и личным ее посещением выказывали сочувствие проводимым в этой газете мыслям. Небезынтересно, что главным объектом нападок этой газеты был не кто иной, как председатель Совета министров Витте, между тем хотя редактором ее и был журналист Глинка-Янчевский, но составлялась она и издавалась почти исключительно лицами, состоящими на государственной службе и даже занимавшими на ней довольно видное положение.

Гораздо удачнее была возникшая в частном кружке правой молодежи мысль издавать карикатурный журнал в противовес таким же журналам открыто революционного характера. Завелось последних множество, причем они постоянно изменяли свое название, так как продавцов этих сатирических журналов, коль скоро выяснялся их характер, городские усердно ловили и листки эти от них отбирали. Появился у продавцов этих журналов даже особый спорт в смысле тайной изпод полы продажи своего товара в непосредственной близости бдительного полицейского ока. При этом цена на них возросла невероятно, доходя до 10 рублей за номер, но приобретались они преимущественно для составления драгоценных в будущем коллекций. Отличались эти журналы чрезвычайной дерзостью и лиц, стоявших у власти, изображали в грубо оскорбительном виде, но действительного остроумия обнаруживали мало. Осмеивали власть и правые карикатуристы в затейных ими двух сатирических листках, именовавшихся

«Виттова пляска» и «Плювиум»<sup>536</sup>, но, разумеется, с другой стороны, а именно высмеивая ее дряблость и позорную трусость. По идейности и остроумию журнальчики эти были во много раз выше революционных и раскупались весьма бойко. Зло и метко подмечали они и основные свойства кадетской партии. «Уступи мне, а не то «он» бросит в тебя бомбу» — такова была подпись под рисунком, изображавшим кадет, стремящихся завладеть престолом, и стоящего на втором плане социал-революционера, держащего бомбу в руках. Загрести жар чужими руками — вот чего желали кадеты, но ненадолго — роли переменялись.

Довольно терпеливо снося руготню по своему адресу революционных зоилов, Витте положительно не мог переварить критику, исходящую справа. Неоднократно обращался он к Дурново с требованием принять против сатириков суровые меры, но Дурново оставался на это неизменно глух, хотя и сам подвергался насмешкам юных юмористов, и причем знал, кто они.

Стремилась в это время объединиться и создать оплот против надвигающейся разрухи разумная, государственно мыслящая часть либеральной общественности. Ею образует

536 «Виттова пляска: Однодневная газета политико-финансовая. Орган мифической "коморры народной расправы"» (СПб., 1905—1907). «Плювиум: Законное дитя «Виттовой пляски» [Еженедельный сатирико-юмористический журнал]» (СПб., 1906—1908). Главным объектом нападок карикатуристов обоих журналов являлся С.Ю. Витте, по вине которого страну «поразил конституционный недуг».

в Петербурге клуб общественных деятелей, собравший при своем открытии до 500 человек. Собрание это выражает готовность поддержать правительство, выносит резолюцию, осуждающую забастовки, но влияния на ход событий клуб этот за отсутствием у него связей в широкой общественности не оказывает.

Весьма малую жизненность проявило в этот период и учрежденное еще за несколько лет перед тем «Русское собрание» отчасти вследствие бегства его основателя и председателя кн. Д.П.Голицына, присоединившего впоследствии к своему имени фамилию Муравлина, под которой он писал никем не читавшиеся довольно-таки бездарные романчики. Сей господин, глупость которого уступала лишь его напыщенному чванству, испытал столь священный трепет перед надвигавшейся революцией, что внезапно скрылся из столицы по никому не ведомому адресу, поспешив одновременно сложить с себя компрометирующее его звание председателя им же учрежденной правой общественной организации.

Зато именно в эти дни возникла другая правая организация, служившая впоследствии мишенью для всевозможных нападок — «Союз русского народа», тогда же учредивший газету «Русское знамя»<sup>537</sup>, выходившую до самой революции 1917 г.

537 «Русское знамя: Орган Союза русского народа: Ежедневная газета» (1905—1917). Изд. А.И.Дубровин. Редактор в 1905—1912 гг. — А.И.Дубровин.



Как бы ни относиться к учреждениям этого союза и его последующим руководителям, все же надо признать, что союз этот в революционные дни 1905 г. сыграл немалую роль, причинив серьезное беспокойство революционным деятелям. Утверждение, что он был образован старанием и средствами полиции, безусловно неверно. Первоначальные средства союзу дала г-жа Полубояринова, женщина в высшей степени взбалмошная, обладавшая нестерпимым характером, желавшая играть известную роль, но весьма энергичная, отнюдь не находившаяся в связи с полицией, с которой она в качестве владелицы большого дома на Воскресенской набережной постоянно пререкалась<sup>538</sup>.

Первый глава союза доктор Дубровин проявил в революционные дни совершенно исключительную энергию. Какими-то неведомыми мне путями сумел он войти в связь с народными низами и в их среде найти немало убежденных противников революционных лозунгов и горячих сторонников монархии. Нет сомнения, что впоследствии «Союз русского народа» наряду с отдельными убежденными его адептами включил, как в столице, так и в провинции, где он завел свои отделы, многих лиц, идейно совершенно безразличных и готовых, сооб-

**538** Квартира, в которой госпожа Полубояринова помещалась в собственном доме, была разгромлена в первые же дни Февральской революции, одновременно с находившейся тут же, в другом ее доме, выходящем на Шпалерную, редакцией газеты «Русское знамя», которую громилы пытались даже поджечь. При большевиках госпожа Полубояринова была расстреляна. (Прим. автора)

разно обстоятельствам, столь же усердно работать в советских чрезвычайках, как участвовать в патриотических манифестациях. Возможно также, что позднее он пользовался субсидиями от правительства, хотя мне это совершенно неизвестно. Думается мне, однако, что если такие субсидии и выдавались, то в ничтожном размере<sup>539 540</sup>.

539 По расчетам С.А.Степанова, субсидии «Союзу русского народа» из различных источников (МВД, Главное управление по делам печати, Министерство двора, Министерство народного просвещения и т.д.) ежегодно составляли 250—300 тыс. рублей, «хотя в период революции 1905—1907 гг. и в годы Первой мировой войны казна, вероятно, была щедрее» (Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905—1914. М., 1992. С. 101).

540 Вообще же правительство наше по части привлечения и поддержания своих сторонников путем денежных выгод было чрезвычайно расчетливо и скупое. Парламентарные государства действуют в этом отношении гораздо решительнее. Правда, отдельные авантюристы умели каким-то образом вытягивать от правительства денежные подачки, но было это основано скорее на их личных связях и под маской преследования ими политических целей, чем ради самого этого преследования. К ним принадлежал, например, пресловутый генерал Е.В.Богданович. Мне известен только один случай выдачи сравнительно крупной суммы политической организации, но в этом случае средства были отпущены самим государем из его личных средств. 25 марта 1909 г. государь пожаловал «Русскому собранию» сто тысяч рублей на уплату части стоимости приобретенного им собственного дома в Кузнецком переулке. Другая и большая часть стоимости этого дома, где помещалась и учрежденная союзом русская гимназия, была пожертвована члена-

Но, повторяю, возник «Союз русского народа» вполне самостоятельно и в то бурное время в преобладающей своей части состоял из лиц, вступивших в него по убеждениям. Мне случилось быть на одном из организованных им народных митингов. Было это, поскольку помнится, во время ноябрьской рабочей забастовки. В Михайловском манеже, где был организован митинг, царила полутьма; горели какие-то керосиновые лампы; вход был свободный. Посредине манежа был устроен небольшой помост, и на нем подвизались ораторы.

Народу было множество, несколько тысяч и, во всяком случае, не менее двух. Меня интересовали, конечно, не ораторы, а сама толпа, и я прислушивался к ее разговорам. Прежде всего поражало то напряженное внимание, с которым толпа слушала ораторов, и как она живо отзывалась на то, что они говорили, а говорили они весьма бойко и, по-видимому, убежденно. Речи были зажигательные, и в воздухе было много электричества. Можно было опасаться, что толпа прямо из манежа направится кого-нибудь или что-либо бить. Однако прямого объекта для нападения в речах не указывалось, а потому толпа, выйдя из манежа с пением «Боже царя храни», скоро мирно разошлась.

Я лично сторонником организаций, подобных «Союзу русского народа», никогда не был. Я думал и думаю, что воспи-

ми этого «Собрания», причем значительную сумму внес весьма деятельный его член, состоятельный купец Пурышев — горячий патриот и убежденный сторонник русских исторических начал, к коим он причислял и самодержавие. Иных субсидий «Русское собрание» никогда не получало. (Прим. автора)

тивать в народе известные чувства и укреплять его сознание в любви к родине надо прежде всего в школе, а затем на организуемых просветительными обществами лекциях, а не путем устройства никому и ни на что не нужных чайных, куда порядочных образованных людей не заманишь. Прибегать к способам, практикуемым революционерами, или хотя бы поддерживать их никакое законное правительство не в состоянии: в его руках способы эти — орудие неизбежно обоюдоострое. Однако верно это лишь в нормальное время. Во времена же всеобщего брожения, когда народ находится в состоянии массового психоза, правительство не может не поддерживать самопроизвольно возникающие для его защиты организации. Именно такой организацией был в 1905 г. «Союз русского народа»; имело в то время и значение издаваемое им «Русское знамя». Конечно, и в то время союз страдал своим основным недостатком — отсутствием в его среде сколько-нибудь достаточного количества людей широко образованных, но в этом повинно все то же обстоятельство, а именно крепко вкорененное в русскую общественность опасение прослыть реакционером и быть заклеянным прозвищем правительственного наймита.

Как бы то ни было и во что бы впоследствии ни выродился «Союз русского народа», но в 1905 г. свою роль он сыграл и самым фактом своего существования способствовал удержанию революционеров в известных рамках. Обращенные государем в эти дни к союзу в ответ на его приветствие слова

поощрения<sup>541</sup> жестоко критиковались весьма умеренными и даже правыми кругами. Конечно, критика эта была лишь устная, ибо, скажу кстати, даже революционная печать личности государя прямо не затрагивала, что, между прочим, также зависело от появления «Союза русского народа». Революционеры понимали, что на этой почве они могут лишь усилить положение своих противников.

По поводу упомянутой критики не могу не сказать, что она также была основана на той робкой стыдливости открытого исповедования своих правых убеждений, которую воспитала предшествующая эпоха. Стыдливость эта, несомненно, проистекала в значительной степени от того неравного положения, в котором находились обе стороны, а именно критику-

541 Николай II приветствовал 1 декабря 1905 г. депутации «Союза русских людей», Монархической партии и других правых организаций речью, в которой, в частности, были следующие слова: «Принимаю вас в уверенности, что вижу пред собою истинных сынов России, искони преданных Мне и Отечеству. Не сомневаюсь, что вы пойдете не по иному, как только по предначертанному Мною пути; поэтому и призываю вас передать всем любящим дорогую нашу родину, что Манифест, данный Мною 17-го октября, есть полное и убежденное выражение моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению. Для скорейшего осуществления дарованных Мною реформ необходимо при справедливой, строгой и твердой власти водворить спокойствие и порядок в потрясенной смутами Земле Русской. В этой задаче вы должны дружным содействием на местах помочь поставленным Мною властям и Мне» (Правительственный вестник. 1905. 2 декабря).

ющие существующий порядок и его защищающие. Одни рисковали проехаться весьма далеко по направлению к восходящему солнцу, другие говорили как бы под защитой городского. И это чувство сохранилось, когда положение этих сторон фактически по меньшей степени уравнилось.

Во всяком случае, упрекать государя не было никаких оснований, ибо как мог он иначе отнестись к людям, выражающим ему верноподданнейшие чувства, да притом еще в момент осады олицетворяемого им принципа.

Из сказанного о «Союзе русского народа» я бы не желал, однако, чтобы пришли к выводу, что правительство нашло в нем серьезную материальную опору. Помощь его была лишь косвенная, да и имела она преимущественно в Петербурге.

Положение правительства в те дни было в высшей степени тяжелое, и революционеры уже впредь праздновали свою полную победу. Разложение власти шло быстрыми шагами, и сопровождалось оно неизменным спутником всех революций — развращением общественных нравов. В Петербурге открылось множество кафе, кишевших темными дельцами, альфонсами и дешевого разбора уличными венерами. Рынок был наводнен порнографической литературой, и в газетах появились объявления о поступивших в продажу книгах с непередаваемыми названиями. Не было недостатка и в частных объявлениях с предложением весьма недвусмысленных услуг. В кафешантанах распевались куплеты необычайно циничного содержания девицами, внезапно лишившимися доброй половины своего наряда. Но в особенности расцвели игорные дома,

куда вход был свободен для всех и где игра продолжалась всю ночь<sup>542</sup>. Приблизительно то же самое творилось и в Москве.

Всеобщая распущенность захватила самые разнообразные круги. Правительственные чиновники стали высказывать свое несогласие с мнением начальства, а суды стремились выказать свою независимость, присуждая лиц, замешанных в освободительном движении, к самым легким наказаниям, а не то и вовсе их оправдывая. Полиция усмотрела в происходивших событиях основание для усиления взяточничества. Даже малолетние дети и те во многих семьях перестали слушаться родителей. Прислуга насупилась и принялась, в мужской своей

542\* Азартные игры в публичных местах были, в теории, запрещены законом. По сложившейся же к началу 20 века практике правоприменения в азартные игры играли в клубах, куда пускали только их членов; время для игр было ограничено, а с задержавшихся на ночь игроков клубы взимали штрафы, которые и были важнейшим источником их дохода. В принципе, открытые для всех и круглосуточные игорные клубы, описываемые Гурко, были столь же незаконными, как и привычные закрытые клубы, однако к последним все уже давно привыкли. Карточные игры, в которых предел ставки игрока был заранее известен и не мог повышаться внезапно по ходу игры, признавались разрешенными. В 1910-х годах Петербургское градоначальство в видах борьбы с карточной игрой в клубах поощряло организацию публичных игр в бинго. Все остальные виды азартных игр в России не приживались: рулетка считалась специфически французской игрой, кости были практически неизвестны.

части, усиленно пить хозяйское вино, а в женской — душиться господскими духами и носить господское белье.

Вот, наконец, в этом хаосе и разложении был 30 октября назначен министром внутренних дел Дурново. Хотя управлял он министерством тотчас после увольнения Булыгина, а именно еще с 23 октября, но до своего назначения, отчасти так как чувствовал себя калифом на час, а отчасти, быть может, и нарочно, дабы вернее принудить совершенно растерявшегося к тому времени Витте настоять перед государем на его назначении на министерский пост, никаких планомерных действий к водворению порядка не принимал.

Однако, коль скоро его назначение состоялось, так он тотчас смело, решительно и толково принялся за подавление революции. Первой задачей он поставил себе поднять авторитет власти. В этих видах он сразу прекратил издание таких распоряжений, которых власть по обстоятельствам времени не была в состоянии выполнить, а принялся бить по местам наименьшего сопротивления. Здесь он выявил ту последовательность и даже беспощадность, которые должны были внушить населению уверенность, что власть не играет словами и осуществляет принятые ею решения до конца. Приниматься за это приходилось, однако, с большой осторожностью. Надо сказать, что до непосредственного ознакомления в качестве министра внутренних дел с общим положением страны Дурново не отдавал себе отчета о степени опасности, угрожавшей государству. Когда начальник Петербургского охранного отделения Герасимов на обращенный к нему вопрос, сколько лиц



надо изъять из обращения<sup>543</sup> для водворения спокойствия в столице, сказал, что число их приближается к 800, то Дурново с иронией сказал: «Не лучше ли половину всего населения города?» Охарактеризовав далее такое мнение типично полицейским образом мыслей, он прибавил, что на такую меру он никогда не согласится.

Однако ему скоро пришлось изменить свой взгляд. Огромное впечатление произвело на него собранное им совещание из представителей воинских частей, составляющих гарнизон столицы. Командиры пехотных гвардейских частей, за исключением генерала Мина, командовавшего лейб-гвардии Семеновским полком, все единогласно заявили, что за свои части, в случае их привлечения к подавлению народных волнений, они ручаться не могут.

Обнаружившееся, если память мне не изменяет, в эти дни забастовочное движение в среде столичной полиции, выразившееся, между прочим, в том, что городские и околоточные одной из частей города отказались выйти к исполнению своих обязанностей, усложняло положение до последней степени.

Тем не менее Дурново не растерялся и без излишней тревопливости и нервности продолжал идти по избранному пути. Сильная власть главного руководителя как-то сразу почувствовалась ее исполнителями, как столичными, так и провинциальными, и каким-то магнетическим током передалась им.

<sup>543\*</sup> Герасимов имел в виду административную ссылку либо высылку.

Революционные вожаки также это почувствовали и решают нанести новый удар, пока власть еще не успела окрепнуть, не успела еще вернуть себе утерянное ею обаяние, пока к ней самой еще только начала возвращаться вера в себя, в свою силу и могущество. 2 ноября, как я уже сказал, Совет рабочих депутатов объявляет вторую всеобщую политическую забастовку, взяв за предлог объявление военного положения в Царстве Польском и суд над кронштадтскими моряками. По существу дела это лишь предлог, и даже не особенно удачный, ибо до далекого Царства Польского рабочим решительно никакого дела нет и ради него их не подыметь. Удар этот, как я тоже сказал, удастся лишь частично: забастовка и не повсеместная, и не полная. Происходит разнобой, и при этом разное Совет рабочих депутатов, иначе говоря — революционный центр, утрачивает часть своего обаяния, наоборот престиж власти подымается. По прошествии пяти дней забастовка сама собою замирает.

Выказывает в это время Дурново и умение лично импонировать на людей и внушать им веру в непреклонность своих решений. Убедиться в этом мне довелось лично. В один из дней ноябрьской забастовки, когда городские телефоны действовали с перерывами, получить соединение с лицом, стоящим у власти, между прочим, с министром внутренних дел, было почти невозможно. Мне уже вечером пришлось поневоле, для того чтобы переговорить с Дурново, ехать к нему лично. По абсолютно темным улицам проехал я от себя с Пантелеймоновской на Мойку, где у Прачешного моста жил Дурново. Узнав по приезду, что у министра градоначальник, я, не желая мешать их разговору, в ожидании ухода генерала Дедюлина остался в приемной, смежной с кабинетом Дурново.

Почти следом за мною быстрыми и решительными шагами влетает в приемную какой-то молодой человек и отрывисто и резко говорит идущему за ним курьеру: «Мне дела нет, кто у министра. Меня сюда вызвали, так пускай и объясняют, что от меня нужно. Скажите министру — заведующий городской телефонной станцией<sup>544</sup>».

Курьер, после некоторого колебания, бросая на меня умильно-просительные взгляды, ясно говорящие: «Вы видите, ну что я могу сделать», входит в кабинет Дурново. Тем временем пришедший продолжает нервными шагами ходить по приемной, причем весь он изображает из себя неустрашимую отвагу. Даже надетая на нем визитка и та приобретает какой-то задорный вид: фалды ее чуть что не торчат, как бы превращаясь в хвост боевого петуха. Продолжается это несколько минут, пока курьер не выходит из кабинета министра и, к некоторому моему удивлению, говорит пришедшему: «Пожалуйста, вас просят». С тем же натиском направляется назвавший себя заведующим телефонной станцией в кабинет министра и быстро скрывается за дверь. Проходит еще минут пять или семь, дверь кабинета вновь открывается, и в ней показывается все тот же господин. Но, Боже, что за превращение. Если в промежутке его окунули бы в холодную воду, то едва ли бы могла произойти с ним большая перемена. Куда девались

544\* Петербургская городская телефонная сеть принадлежала городскому общественному самоуправлению. Исключительно для правительственных нужд в Петербурге существовал также городской полицейский телеграф, куда менее удобный и популярный среди чиновников.

дерзкий вид, важный облик, отважный напор: вошел к Дурново индейский петух — вышла от него мокрая курица и, семена ногами, направилась к выходной двери.

Войдя вслед за этим к Дурново, я застал его дающим указания градоначальнику как раз относительно городских телефонов. Состояли же они в том, чтобы немедленно была предупреждена какая-то военная телефонная команда о возможности вызова ее для замены городских телефонисток, в случае если забастовка не прекратится, а также об аресте в таком случае заведующего телефонной станцией.

— Что вы сказали этому типу, — спросил я Дурново, — его узнать нельзя было после разговора с вами?

— Да ничего особенного. Просто узнал я, что этот господин потакает бастующим, а посему на его заявление, что он не в состоянии заставить служащих работать, если они этого не желают, я сказал ему, что я тоже не имею возможности заставить его исполнять его работу, но зато имею право и силу лишить его всякой работы<sup>545</sup>.

Слова, как видно, самые обыкновенные, которые, вероятно, в то время говорились многими администраторами. Сила их, очевидно, зависела от того, как и кем они были сказаны.

Маленький, сухой, весь из мускулов и нервов человек, каким был Дурново, умел выразить в случае надобности уверенность в том, что он сумеет превратить свои слова в

545\* Так как Петербург находился на положении чрезвычайной охраны, градоначальник (подчиненный Дурново) имел право немотивированного увольнения любых городских служащих.

действие. Испытав неудачу на почве организации всеобщей забастовки, революционные организации стремятся нанести удар непосредственно на самый аппарат правительственной власти и обращают его на одну из его наиболее необходимых для управления частей; они организуют почтово-телеграфную забастовку.

Предлогом для этой забастовки служит распоряжение Дурново об увольнении почтово-телеграфных чиновников, вступивших в особый, образованный ими союз, невзирая на их циркулярное оповещение, что образование подобного союза незаконно, и предупреждение, что примкнувшие к нему будут отставлены от службы. В Москве по этому поводу собирается съезд делегатов от местных союзов служащих в почтово-телеграфном ведомстве и, руководимый социал-демократами, декретирует забастовку всех чинов этого ведомства впредь до возвращения на службу уволенных товарищей. Решение это тотчас поддерживается Советом рабочих депутатов, которые сами же его и инспирировали, приводится 17 ноября в исполнение, как в Петербурге, так и в Москве.

Положение центральной власти становится чрезвычайно трудным. Она лишается связи со своими местными органами и одновременно подвергается жестоким нападкам не только со стороны оппозиционной прессы, требующей во имя прекращения забастовки исполнения требования союза делегатов, но отчасти и со стороны столичной публики, испытывающей от прекращения почтовых и телеграфных сообщений всевозможные неудобства.

Но Дурново остается тверд. По прошествии двух-трех дней он при помощи специальных войсковых частей кое-как налаживает телеграфные сообщения с главными центрами

страны. Разборка писем и даже разноска по домам, конечно лишь частичная, организуется при помощи добровольцев, преимущественно женщин. Съезд почтово-телеграфных делегатов в Москве отвечает на это требованием немедленного увольнения самого Дурново.

В сущности, это был центральный и даже кульминационный пункт всей революции. Вопрос сводился к тому, кто устоит в этой борьбе. Устоял Дурново. Распоряжением от 21 ноября он оповещает, что все чины и служащие на почте и телеграфе, которые не приступят к работе с 22 ноября, будут тотчас уволены. Одновременно он принимает меры к обезопасению возвращающихся к работе почтовых и телеграфных служащих от насилий революционеров и, кроме того, арестует главных вожаков московского съезда делегатов. Почтово-телеграфные служащие, из которых многие, впрочем, бастовали поневоле от страха перед репрессиями со стороны Совета рабочих депутатов, постигают, что на этот раз законная власть окажется тверже и сильнее власти революционной. Они возвращаются на работу и тем одновременно наносят сильнейший удар престижу революционного центра.

Да, это был несомненно поворотный пункт революции 1905 г. Отдельные и даже весьма бурные ее проявления, как, например, Московское вооруженное восстание, еще происходят до самого конца 1905 г., но дело революционеров с этого момента ими проиграно.

Власть вновь уверовала в себя, наоборот, революционные организации почувствовали свою слабость.

Торжество власти было тем более полное, что одновременно с принятием им решительных мер по отношению к

почтово-телеграфным служащим Дурново, циркулярной телеграммой, предписывает всем местным властям тотчас арестовать всех достаточно обнаруживших себя к тому времени местных революционных вожаков и дела о них препроводить в департамент полиции, что почти повсеместно беспрепятственно и производится.

Наконец, 27 ноября Дурново арестует председателя Петербургского Совета рабочих депутатов помощника присяжного поверенного Хрусталева-Носаря. Личность эта оказывается весьма ничтожной: во время ареста с ним приключается даже медвежья болезнь<sup>546</sup>.

Заменив Хрусталева на председательском месте Троцким-Бронштейном, Совет рабочих депутатов и иные революционные центры, видя, что власть перестала шутить, приходят к заключению, что, если не изыскать нового средства для обессиления правительства, их замыслы едва ли осуществятся. Таким средством они избирают обращение к населению с особым заявлением, пышно озаглавленным «Манифестом».

546\* Г.С.Хрусталева-Носаря, считавшийся осенью 1905 года виднейшим (и опаснейшим для правительства) лидером революционного движения, сразу же после ареста потерял всякое влияние в революционных кругах и более никакой роли в протестном движении не играл. В 1913 году во Франции Хрусталева-Носаря был приговорен к краткосрочному тюремному заключению за кражу часов и двух рубашек.

Заявление это исходит кроме Совета рабочих депутатов от главного комитета Всероссийского крестьянского союза<sup>547</sup>, центрального и организационного комитетов Российской социал-демократической рабочей Партии, Центрального комитета партии социалистов-революционеров и Центрального комитета Польской социалистической партии.

Напечатанное 2 декабря 1905 г. не только в революционных органах — «Начало»<sup>548</sup>, «Новая жизнь»<sup>549</sup> и «Сын отечества», но и в некоторых буржуазных газетах («Русь», «Свободная Россия»<sup>550</sup>, «Русская газета»<sup>551</sup>), оно между прочим гласит:

- 547 Всероссийский крестьянский союз — политический союз, созданный по инициативе крестьян Московской губернии под влиянием эсеров и либералов (учредительный съезд состоялся 31 июля — 1 августа 1905 г.). Программа, принятая на втором съезде 6—10 ноября 1905 г., включала требования политических свобод, немедленного созыва Учредительного собрания, отмены частной собственности на землю и передачу крестьянам без выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. Прекратил деятельность в начале 1907 г.
- 548 «Начало: Ежедневная газета: Орган Социал-демократической рабочей партии» (СПб., 1905-1906). Ред. Д.М.Герценштейн.
- 549 «Новая жизнь: Ежедневная газета» (СПб., 1905). Ред.-изд. Н.М.Минский, второй изд. М.Ф.Андреева. Первая легальная газета большевиков.
- 550 Гурко ошибается, газета «Свободная Россия» выходила только с сентября 1906 г. вместо закрытой «Современной жизни». 2 декабря 1905 г. за опубликование «финансового манифеста» Петросвета были «приостановлены до судебного приговора» по-



«Мы решаем: отказаться от взноса выкупных и всех других платежей; требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей полновесной звонкой монетой; брать вклады из ссудосберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом... Мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну с народом».

Воззвание это было, конечно, рассчитано на то, чтобы посеять панику среди обывателей, вложивших свои деньги в сберегательные кассы.

Исполнение, хотя бы и частичное, населением этого приказа могло бы иметь самые тяжелые последствия и поставить правительство в безысходное положение<sup>552</sup>, тем более что одновременно подрывало наш международный кредит.

мимо перечисленных Гурко газеты «Наша жизнь», «Свободное слово» и «Свободный народ» (см.: Совет министров Российской империи. 1905—1906: Документы и материалы. Л., 1990. С. 93).

551 «Русская газета: [Ежедневная общественная, политическая и литературная газета]» (СПб., 1904-1906). Ред.-изд. Н.П.Дучинский; с февраля 1906 г. - И.Исаков (И.Р.Кугель).

552\* Золотой запас покрывал практически всю находившуюся в обращении банкнотную массу (то есть банкнотную часть денежного агрегата М1), но он принципиально не мог также покрыть и средства на текущих банковских счетах и депозитах до востребования (то есть денежный агрегат М2). Если бы население, вняв «Финансовому манифесту», потребовало бы снятия

Дурново, конечно, сразу это понял и решил, не ожидая дальнейшего развития событий и вящего укрепления престижа власти, нанести революционному центру окончательный удар. 3 декабря он производит арест этого центра, который все еще представляется населению обладателем некоторой революционной силы и принципов, которого оно почти не смеет слушаться. Оцепив полицией во время его пленарного заседания Совет рабочих депутатов, он его целиком заключает в тюрьму.

Шаг это был решительный и, по имевшимся тогда у правительства представлениям, рискованный: признавалось, что последствием его явится немедленное возобновление всеобщей забастовки и выступление всего рабочего населения Петербурга. Дурново понял, однако, что только решительным ударом по этому революционному центру можно было окончательно развенчать его значение в глазах населения и тем если не вполне предупредить гибельность для правительства и страны последствия выпущенного им «Манифеста», то, по

денег со всех счетов, это повлекло бы за собой не только падение свободного размена банкнот на золотую монету, но и падение бы банковской системы в целом, так как для выдачи всех вкладов одновременно не существовало не только золотой монеты, но и банкнот.

В действительности, однако же, дело ограничилось тем, что правительство вынуждено допустить обращение 460 млн. рублей в банкнотах, не покрытых золотым запасом, в то время как установленный законом лимит был 300 млн.; при этом свободный размен банкнот на золотую монету сохранялся непрерывно.

крайней мере, значительно ослабить его силу и значение. Последствием его все же явилось извлечение населением из государственных сберегательных касс до 300 миллионов рублей.

Иначе смотрел на положение вещей Витте. С того самого момента, как для него выяснилось, что Манифест 17 октября не внес успокоения в общество и не превратил его самого в кумира страны, он стал обнаруживать полнейшую растерянность и утратил сколько-нибудь определенную политическую линию.

Весьма чувствительный к проявляемым общественностью по отношению к нему чувствам и к отзывам прессы, он не мог спокойно переварить и те статьи, которыми награждала его социалистическая печать. «Приказчик самодержавия», «чиновный, честолюбивый чиновник, и только» говорили про него «Начало» и «Новая жизнь», а «Русское богатство» к этому прибавляло: «как министр финансов Витте разорил Россию, как премьер он зальет ее кровью и все только, чтобы спасти свою карьеру». Немногим лучше, как мы видели, отзывалась о нем и правая печать. Не препятствуя при таких условиях Дурново подавлять суровыми мерами революционные выступления, Витте тем не менее стремился лично сохранить перед общественностью либеральный лик и по издавна установившейся в нем привычке продолжать действовать столь излюбленными им средствами — лестью и обманом. К бастующим возбужденным рабочим он обращается с воззванием, в котором называет их «братцы» и уговаривает их вести себя добродетельно, причем обещает им всякие блага.

Да, в ноябрьские и декабрьские дни 1905 г. Витте предстал перед лицами, даже близко его знавшими, в новом свете. Куда

девалась его самоуверенность, неограниченная смелость и ни перед чем не останавливающийся натиск. Как в беседах со своими сотрудниками, так даже и в заседаниях Совета министров, коль скоро вопрос сколько-нибудь касается текущих событий и мер, ими вызываемых, Витте обнаруживал не только отсутствие вперед продуманной и твердо принятой линии действия, но и полную растерянность. Приобретенного перед лицом общественности, как ему чудилось, капитала либерализма он всемерно опасался лишиться, но в равной мере если не высказывает, то выказывает опасение быть сметенным революционной волной. Отсюда усиленное заигрывание со всеми слоями общественности, с одной стороны, и предоставление Дурново свободы действий в отношении подавления революции, с другой.

Последнее не мешало ему, однако, где он считал это для себя выгодным, стремиться внушить, что он лично не сочувствует образу действия Дурново и терпит его поневоле ввиду той поддержки, которую последний встречает у престола. Весьма возможно, что руководило им при этом и желание обеспечить собственную безопасность от террористических покушений, ибо, увы, физической храбростью Витте не обладал. Надо полагать, что именно от этого в значительной степени происходила и его неуравновешенная растерянность в эту эпоху его деятельности. Лояльностью к монарху его образ действий тоже не отличался.

Образчиком его стремления направить непосредственно на государя чувства неприязни за неисполнение правительством требований, предъявленных радикальными кругами общественности, может служить ответ, данный им представителям земско-городского съезда, собиравшегося в Москве с 6

по 12 ноября 1905 г. На представленные ему заключения этого съезда, содержащие требование о признании за Государственной думой учредительных функций и о выборе этой Думы на основе всеобщего избирательного права, Витте счел соответственным дать письменный ответ, конечно, тотчас оглашенный в печати. В нем было сказано, что первую обязанностью правительства является исполнение царской воли, а посему все, что может служить «к сужению твердой и непреклонной воли государя, правительство должно отклонить». Нельзя было яснее сказать, что он, Витте, готов исполнить все требования общественности, но что не желает этого царь, который и является, следовательно, единственной помехой в этом деле.

Можно ли удивляться после этого, что Николай II не питал никакого доверия к Витте.

Что же касается той паники, в которой обретался в то время Витте, то проявилась она в полной мере именно по поводу произведенного Дурново 3 декабря ареста Совета рабочих депутатов.

В день этого ареста в Совете министров обсуждался проект правил о союзах. Дурново, невзирая на всю важность этого вопроса, в Совет не поехал, а командировал туда в качестве своего представителя чиновника департамента общих дел, наказав ему не обмолвиться ни единым словом о предстоящем в тот же вечер аресте, что последний, конечно, и соблюл. Не успел, однако, Совет министров окончить обсуждение упомянутого проекта, как Витте доложили, что его просит к телефону министр внутренних дел. Витте тотчас направился к находившемуся в другой комнате аппарату, оставив министров в довольно-таки испуганном состоянии. Вызов председателя из заседания Совета министров министром внутренних дел

несомненно предвещал сообщение о каком-либо важном и едва ли приятном событии. Надо иметь в виду, что происходило это в самый разгар в провинции революционных эксцессов, осложнившихся именно в эти дни рядом бунтов военных частей и местных команд. Возвращение Витте не способствовало успокоению присутствующих. С буквально белым лицом и с прерывающимся от дрожи голосом он в величайшем волнении сказал: «Все погибло. Дурново арестовал Совет рабочих депутатов». Слова эти произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Некоторые члены Совета даже вскочили со своих мест, а управляющий делами Совета Н.И.Вуич затрясся как осиновый лист. Что произошло после, мне неизвестно, так как Витте немедленно прекратил обсуждение вопросов.

С арестом Совета рабочих депутатов революция в Петербурге сразу пошла на убыль, хотя взамен арестованного состава этого Совета и был немедленно избран новый. Не сопровождавшийся никакими выступлениями толпы арест первого состава Совета разрушил тот ореол, которым организация эта была окружена, и притом не только в глазах населения, но и в представлении правительства и самого Витте. К тому же лица, вошедшие в состав нового Совета, не обладали ни опытом, ни влиянием в рабочей среде, а потому он не мог развить своей деятельности. Этот второй Совет был через месяц, а именно 2 января 1906 г., тоже целиком арестован, причем арест его не вызвал никаких протестов даже со стороны рабочих масс.

Однако партийные центры различных революционных организаций продолжали существовать, а не вызвавший никаких волнений в Петербурге арест Совета рабочих депутатов им ясно указал, что, с одной стороны, шансы революции все

уменьшаются, а с другой, что рассчитывать на успех вооруженного восстания в Петербурге совершенно не приходится.

При этих условиях они решились на отчаянное средство, а именно на перенесение центра революционных выступлений в Москву, где как по количеству имевшегося там гарнизона, так и по степени его распропагандированности им казалось, что успех вооруженного восстания обеспечен.

С лихорадочной поспешностью принялись они за его подготовку, причем силою вещей она приняла почти открытый характер. Между тем удачная ликвидация Петербургского Совета рабочих депутатов окрылила Витте, и он задумал покончить с революцией одним ударом, а именно позволить Московскому восстанию выступить наружу, благо оно должно было произойти вдали от его места пребывания, и затем дать предметный урок населению и одновременно расправиться со всеми наиболее деятельными главарями революции. Некоторым из своих ближайших сотрудников по Министерству финансов, как, например, А.И.Путилову, на выраженное им изумление, почему власть допускает открытую на глазах у всех подготовку вооруженного выступления в Москве, он именно это и объяснил<sup>553</sup>.

553\* Гипотезу Гурко следует признать отчасти обоснованной, но не полностью доказанной. Нераспорядительные и плохо скоординированные действия московских властей в начале Декабрьского восстания могут указывать на то, что заговора по провокации восстания, руководимого Витте не имелось, а просто московские власти до восстания столь же плохо справлялись со своими обязанностями, как и в его начале.

Что же касается Дурново, то в Москве он не имел возможности лично принять непосредственное участие в своевременном предупреждении готовящихся событий. К тому же Московское охранный отделение отличалось в то время плохой постановкой розыска.

Однако, когда 8 декабря, благодаря совокупности этих условий, Московское вооруженное восстание не только вспыхнуло, но приняло грозные размеры, а московские власти не проявили для его подавления ни умения, ни должной решимости, Дурново командировал в Москву вице-директора департамента полиции Рачковского лично руководить действиями полиции и войск. Конечно, достиг он при этом успеха лишь благодаря посылке в Москву лейб-гвардии Семеновского полка, возглавляемого решительным генералом Мином, впоследствии оплатившим свою деятельность в Москве своей жизнью: весной 1906 г. он стал жертвою террористического акта. По очистке самой Москвы Семеновский полк был направлен на забастовавшую линию Московско-Рязанской железной дороги, на ближайших к Москве станциях которой засели многие видные партийные работники. Расправа с ними здесь была жестокая: многие были тут же на месте расстреляны.

Усмирением революционной Москвы, однако, нельзя было ограничиться. Надо было еще обезопасить Россию от возвращающихся с Дальнего Востока уволенных запасных. Запасные эти возвращались особыми поездами, но представляли они не воинские части, а буйную, лишенную всякой дисциплины бесчинствующую толпу. Дошло дело до того, что движение на значительной части Великого сибирского пути было ими приведено в полное расстройство. Запасные громили находившиеся у них на пути станции, требовали немедленной



дальнейшей отправки, что, ввиду того, что путь этот был однокорейный, было сопряжено с перерывом всего встречного движения и вообще наводило панику на все железнодорожное начальство.

Для умирения возвращающихся запасных Дурново остановился на генерале бароне Меллер-Закомельском. Генерал этот был известен своей решительностью и беспощадностью, а именно он умирил севастопольский ноябрьский бунт<sup>554</sup>.

Однако при исполнении этого поручения Меллер избрал хотя и радикальный, но все же безобидный образ действия. Отправился он из Москвы в Сибирь на вооруженном поезде во главе избранного состава воинской карательной части. Затем при встрече с поездом запасных, о совершенных коими в пути безобразиях имелись у него сведения, он его немедленно оцеплял своим отрядом, а затем приступал к постепенному выпуску из оцепленного поезда небольших групп запасных, которым тут же учинял жестокою порку.

**554** Про Меллера рассказывали, что, будучи еще молодым человеком и состоя при Скобелеве, как известно склонном к садизму, во время его Хивинского в 1875 г. похода он вместе со Скобелевым забавлялся тем, что в пьяном виде рубил головы пленным хивинцам и туркменам. Именно этот чудовищный образ действий и был причиной немилости, в которой Скобелев находился у Александра II в начале Турецкой кампании 1877-1878 гг. На войну эту Скобелев пошел причисленным к штабу какого-то корпуса и принял участие в совершенной 13 июня 1877 г. Драгомировым переправе через Дунай в качестве простого добровольца. (Прим. автора)

Желаемый результат получился в полной мере. Выпоротые запасные за весь последующий путь держались тише воды, ниже травы. Мне рассказывал очевидец о своей встрече с таким побывавшим в переделке у Меллера проездом на одной из больших станций вблизи Урала. На станции этой было получено сведение, что к ней направлен поезд с исключительно буйным составом запасных. Тотчас буфетчик станции убрал со стойки и вообще увез со станции всю имевшуюся у него провизию, причем и сам счел более благоразумным скрыться; ушел и весь обслуживающий буфет и кухню персонал. Вообще все на станции присмирело и в жуткой тревоге ожидало прибытия опасных частей. Однако проходит час, другой, а поезда все нет, пока наконец с ближайшей станции получается извещение, что поезд с запасными пущен. На станции страх доходит до высшего напряжения, до степени паники. Но вот долгожданный, хотя и нежелательный, поезд подходит к станции, и, к удивлению находящихся на ней, в поезде этом господствует тишина, все двери теплушек заперты, не слышно ни обычных звуков гармоника, ни нестройных разгульных песен, ни даже человеческой речи. Наконец потихоньку, слегка отодвигается дверь одной из теплушек, и из нее, робко озираясь, выдвигается чья-то голова, за головой появляется наконец и туловище, и дюжий запасный с жестяным чайником в руках медленно сходит на платформу и, обращаясь к кому-то из находящихся на ней, тихим голосом спрашивает: «Нельзя ли кипяточку у вас попросить?» Спрошенный, указав, где имеется кипяток, в свою очередь, все еще не без страха, спрашивает: «Да что это у вас на поезде больно тихо?» «Так что с генералом Меллером встретились», — был краткий, но, однако, сразу все разъяснявший ответ.

Конечно, почитающие ту часть человеческого тела, по которой прогулялись не то розги, не то шомпола отряда Меллера, священной и неприкосновенной приходили тогда, придут, пожалуй, и сейчас в величайшее возмущение от такого способа водворения порядка. Едва ли способ, практикуемый большевиками для подчинения своей власти, — массовый расстрел — предпочтительнее<sup>555</sup>.

Однако и этим не заканчивалась борьба с революционными силами. Нужно было еще так или иначе распорядиться с тем множеством лиц, которые были обнаружены как участники в революционной деятельности едва ли не во всех городах России и содержались под стражей.

Дела об этих лицах поступали в департамент полиции, который распределял арестованных на категории, и соответственно учиненным ими деяниям либо постановлял о предании их суду, либо, что в большинстве случаев и происходило, подвергал их административной ссылке в более или менее отдаленные места. Происходило это в особом, действующем при департаменте полиции присутствии, составленном из

555\* Гурко представлял себе действия Меллера-Закомельского несколько односторонне. На самом деле карательный отряд Меллера-Закомельского подавлял революционные выступления различными методами; применялись и порки, и избияния (незаконные наказания), и кратковременные задержания, и задержания с передачей властям для предания суду, и производимые без суда казни (незаконное наказание); имели место и боестолкновения с вооруженными революционерами, также заканчивавшиеся гибелью людей.

директора этого департамента и одного из товарищей прокурора Судебной палаты, а председательствовал в то время в этом присутствии товарищ министра либеральный кн. С.Д.Урусов. Не сомневаюсь, что Дурново возложил на него эту обязанность именно ввиду его популярности в кадетских кругах. И вот Урусов, в марте 1905 г. покинувший службу, выбранный в Калуге членом Первой Государственной думы, а потом вступивший в ряды кадетской партии, до самого своего увольнения с спокойным духом, чуть не ежедневно, ибо присутствие собиралось в это время очень часто, ссылал сотни лиц, точно не зная, ни кто они, ни что они учинили, причем общее число сосланных в это время, судя по воспоминаниям А.А.Лопухина<sup>556</sup>, опубликованным в советской России в 1922 г., достигло 48 тысяч.

Действительно, дело это было поставлено в то время в департаменте полиции из рук вон плохо, как я тогда же в этом лично убедился, так как по уходе Урусова Дурново возложил на меня председательствование в упомянутом присутствии.

Поручение это было мне весьма неприятно. К полиции и полицейским делам я никогда в жизни не имел никакого отношения и склонности к этой по существу необходимой и крайне важной отрасли управления не имел. Будь это в обык-

556 А.А.Лопухин вспоминал, как «Витте потребовал из министерства внутренних дел справку о числе подвергнутых после 17 октября 1905 г. ссылке в административном порядке; оказалось, что <...> цифра сосланных с 17 октября по 15 января дошла до 45 000 человек» (Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 92-93).

новенное время, я, конечно бы, от возложенной на меня Дурново обязанности отказался, но время было боевое: правительство боролось за охранение самых основ государственного порядка, и отказаться от непосредственного участия в этой борьбе я, разумеется, не считал возможным.

Заседания присутствия происходили в помещении департамента. Директором департамента полиции был в то время Э.И.Вуич, брат управляющего делами Совета министров, но сам он за недостатком времени в заседаниях присутствия не участвовал, а заменял себя одним из вице-директоров, неким Нилом Петровичем Зуевым, которого почему-то прозывали Крокодиллом Петровичем, хотя, поскольку я мог заметить, крокодиловскими свойствами он вовсе не отличался. Это был весьма послушный, робкий и даже несколько забитый чиновник, относившийся весьма добросовестно, но как-то безучастно или безразлично к своим служебным обязанностям. Что же касается второго члена — товарища прокурора Судебной палаты, то фамилии его я не припомню и могу лишь сказать, что личность эта была бесцветная.

Самое рассмотрение дел присутствием состояло в том, что начальники отделений департамента по очереди докладывали произведенные местными жандармскими охранными отделениями дознания об арестованных, сопровождая их своими заключениями относительно меры их наказания, т.е. определения места и срока их ссылки. Менее виноватые, или, вернее, менее опасные, ссылались в северные губернии Европейской России, а более опасные направлялись в Сибирь, причем наиболее тяжким местом ссылки почитались Нарымский и Туруханский края. Количество рассматриваемых дел было весьма значительно, почему докладывались они сокра-

щенно. Кроме того, дела о виновных в одном и том же революционном замысле или выступлении не всегда были объединены в руках одного начальника отделения. Так, например, в заседании, в котором я участвовал, рассматривались дела о лицах, замешанных в Московском вооруженном восстании, но докладывались они не одним лицом, а тремя разными лицами. Поэтому при неизбежной у отдельных лиц разнице во взглядах могло легко случиться, что относительно менее виновные при более строгом отношении докладчика могли пострадать в большей степени, нежели более виноватые при благодушном отношении того лица, которое о них докладывало. Наконец, в сведениях, сообщаемых в департамент полиции, не заключалось вовсе данных ни о возрасте, ни о семейном положении, ни даже об образовательном цензе лиц, предположенных к высылке.

При таких условиях роль присутствия состояла почти исключительно в наложении штампов на предположенных мерах охранных отделений и заключениях начальников отделений департамента полиции. Правда, что последние вербовались среди лиц судебного ведомства — судебных следователей и товарищей прокурора, вследствие чего они были даже приравнены по классу занимаемой ими должности к вице-директорам прочих департаментов, и заключения их, ввиду их предварительного судебного стажа, могли внушить известное доверие, но от этого роль самого присутствия не изменялась. Оно все же оставалось автоматическим регистрационным аппаратом, и к этому положению члены его, очевидно, привыкли, ибо даже состоявший в его составе блюститель правосудия (товарищ прокурора) никаких возражений против пред-

положенных мер пресечения дальнейшей вредной деятельности арестованных не предьявлял.

С своей стороны я отлично понимал, что когда дрова рубят — щепки летят, что сколько-нибудь совершенной справедливости при существующих обстоятельствах достигнуть нельзя, но считал, что слепое подтверждение заключений докладчика по отношению к лицам, о коих даже не знаешь, какого они возраста, недопустимо. Поэтому тотчас после окончания заседания присутствия я прошел к директору департамента полиции и просил его циркуляром по телеграфу предписать местным жандармским властям сопровождать свои донесения определенными сведениями о лицах, дела о коих препровождены ими в департамент полиции. Краткий перечень этих сведений был тотчас нами совместно составлен, и соответственная циркулярная телеграмма была тут же отредактирована.

Ограничиться этим я, однако, конечно, не мог. В тот же вечер я поехал к Дурново, описал ему положение и сказал, что я отнюдь не отказываюсь от исполнения в дальнейшем возложенной им на меня обязанности и, будучи вполне согласен принимать самые строгие меры в отношении к лицам, виновным в расшатывании государственных устоев, не могу этого делать вслепую. Дело это сложное, требует внимательного изучения донесений местных агентов власти, сопряжено с затратой значительного времени, но этого времени у меня решительно нет. Всецело ведая земским отделом и Управлением по делам о воинской повинности, подписывая, кроме того, целые вороха бумаг по департаменту общих дел, а также по Главному управлению почт и телеграфов, безусловно присутствуя два раза в неделю в Сенате, участвуя во многих совещаниях и замещая министра в Совете министров, я не имею дос-

таточно времени для личного тщательного изучения дел, проходящих через Особое присутствие при департаменте полиции, а посему я прошу его либо освободить меня, хотя бы временно, пока не будут рассмотрены Особым присутствием ныне поступившие к нему во множестве дела об административной высылке революционных элементов, от заведования другими отделами министерства, либо заменить меня кем-либо другим в качестве председателя этого присутствия.

Дурново предпочел последнее. Особым всеподданнейшим докладом он испросил высочайшее соизволение на возложение председательствования в Особом присутствии при департаменте полиции на члена совета министра внутренних дел В.Э.Фриша, занимавшего перед тем должность помощника петербургского градоначальника. Был ли при нем изменен порядок рассмотрения этим присутствием подведомственных ему дел, мне неизвестно; личность это была заурядная, но человек он был вполне порядочный.

Что же касается меня, то с делом об административной высылке мне пришлось встретиться после того лишь однажды, а именно в течение тех нескольких дней, когда в апреле 1906 г., в промежутке между увольнением Дурново и назначением Столыпина, я управлял Министерством внутренних дел. Дело в том, что журналы Особого присутствия при департаменте полиции подлежали утверждению министра. Они сопровождались списками ссылаемых с указанием срока и места их высылки. Из этих списков я убедился, что, по крайней мере, в одном отношении присутствие это и сам министр были осведомлены, а именно в возрасте, семейном положении и образовательном цензе ссылаемых. Очевидно, что Дурново внял



моим советам и приказал упомянутые сведения помещать и в представляемые ему списки.

Как бы то ни было, но можно считать, что к началу 1906 г. опасность крушения государственного строя, а, как показало последующее, с ним вместе и самого государства была вполне предотвращена.

Возможны были и в дальнейшем продолжали происходить террористические акты, направленные против отдельных защитников строя, но опасности для государства они уже не представляли.

В последние месяцы 1905 г. опасность эта, несомненно, существовала. Пылала в это время положительно вся Россия. Революционный психоз охватил население. От Владивостока до Калиша, от Самарканда до Архангельска, причем имелись и боевые кадры для свержения власти. Кадры эти могли легко составить возвращавшиеся из Маньчжурии, озлобленные боевыми неудачами и сознанием бесцельности войны уволенные в запас, если бы они не были своевременно усмирены. Кадры эти составляли и распропагандированные рабочие обеих столиц и других крупных промышленных центров, овладевшие значительным количеством оружия и иных боевых средств. Вооружение пролетариата шло в то время весьма энергично, причем имелись в распоряжении революционеров и вполне оборудованные лаборатории взрывчатых веществ, причем вблизи столицы, как, например, в Вырице, обнаруженная лишь позднее. Воинские части, в том числе и гвардейские, и даже полиция обнаруживали распад дисциплины и представляли отнюдь не надежную опору.

Не подлежит все же сомнению, что революцию 1905 г. предотвратил всецело Дурново. Именно он, и только он, проявил в то время правильное понимание положения вещей и с редкой планомерностью, хотя, право, и с беспощадностью, удержал от крушения разваливающийся государственный механизм. Но если Дурново укротил революционную вспышку 1905 г., то уничтожить ее последствий он, конечно, не мог. Последствия же эти были весьма серьезные или, вернее, для Русского государства роковые, но сказались они лишь через 11 лет. «Без генеральной репетиции 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна», — откровенно заявил Ленин в книге, изданной в Париже в 1921 г., под названием «*Les maladies infantiles du bolchevisme*»<sup>557</sup>, и он, безусловно, прав.

Генеральная эта репетиция преподавала революционным силам два практических урока. Во-первых, она научила их, как создавать революционное управление, не стоя формально у власти. Шестинедельная беспрепятственная деятельность Петербургского Совета рабочих депутатов, безусловно, дала им и известный опыт, и практические указания. Недаром во главе этого Совета в 1917 г. встал Троцкий-Бронштейн, принимавший деятельное участие в работе того же Совета в 1905 г., а под конец его существования ставший во главе его. Во-вторых, именно в ту эпоху в полной мере ознакомились эти силы с

557 Книга В.И.Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» была написана в апреле—мае 1920 г. к открытию II конгресса Коминтерна и тогда же переведена на все европейские языки. Гурко ссылается на французское издание.

русской радикальной общественностью и ее лидерами и могли их расценить в их настоящую стоимость. Они постигли, что вперед у власти надо поставить именно их, так как они не только не составят для них помехи для последующего захвата власти в свои руки, но, наоборот, расчистят им путь к ней.

Зато лидеры кадетизма не извлекли никакого урока из событий 1905 г. и продолжали упорно строить свой успех на развитии революционной деятельности социал-демократов. Правда, у их лидера был как-то момент просветления. В статье, напечатанной в номере от 22 сентября 1907 г. в «Речи», он, к своему великому сожалению, заявил: «У нас и у всей России есть враги слева. Те люди, которые разнуздали низшие инстинкты человеческой природы и дело политической борьбы превратили в дело общего разрушения — суть наши враги... И мы сами себе враги, если по каким бы то ни было соображениям захотим непременно, по выражению известной немецкой басни, тащить осла на собственной спине»<sup>558</sup>.

558 Гурко цитирует статью П.Н.Милюкова «У нас нет врагов слева», где история отношений кадетов с левыми, пораженными «сектантским ослеплением», излагалась следующим образом: «Поневоле нам пришлось наших «друзей слева» поставить в кавычках, потом заменить выражениями «соседи слева», «противники слева». О «врагах слева» мы, однако, и до сих пор не научились говорить, несмотря на все удобство для нас такого жаргона. <...> Я полагаю <...> мы приобрели нравственное право сказать теперь, что, к великому сожалению, у нас и у всей России — есть враги слева. <...> Те люди, которые разнуздали низшие инстинкты человеческой природы и дело политиче-

Увы, просветление это длилось лишь одно мгновение, и оправдалось лишь его предсказание, что кадеты, продолжая тащить осла на собственной спине, превратили во врагов самих себя. Но это их дело, дело частное. А вот что они предпочитали сотрудничать и лить воду на мельницу тех, которых они же признавали за людей, превративших дело политической борьбы в дело всеобщего разрушения, — каким достаточно сильным эпитетом можно заклеить этот способ действий?

Возвращаясь к событиям конца 1905 г., я должен добавить, что наличность в то время во главе власти Витте в конечном результате не только не затормозила успокоение общественности, а в известной степени этому даже содействовала. Она давала возможность умеренной части либеральной общественности видеть в нем залог того, что в стране в виде нормального порядка будет постепенно введен правовой строй, а за населением упрочены возведенные гражданские свободы.

В известной мере Витте к этому, несомненно, и стремился, хотя, разумеется, не в тех пределах, которых добивались радикальные круги. Поступиться исполнительной властью в пользу избранного населением народного представительства он отнюдь не собирался.

Сказалось это при установлении закона о выборах в Государственную думу, построенного им, как я уже упоминал, на предоставлении преобладающего значения той части населе-

ской борьбы превратили в дело общего разрушения, суть наши враги» (Речь. 1907. 22 сентября).

ния, которая в его глазах представлялась наиболее консервативной, наиболее преданной существующему строю.

Сказалось это в особенности при рассмотрении Советом министров проекта основных законов, выработанного совещанием под председательством гр. Сольского, а фактически составленного двумя лицами — бароном Иксуль-фон-Гильденбандтом, заменившим В.Н.Коковцова на должности государственного секретаря, и его товарищем Харитоновым. Как это впоследствии подробно разъяснил в составленных на основании переданных ему Витте документов Б.Глинский в статьях, помещенных в «Историческом вестнике», если не ошибаюсь, в 1912 или в 1913 г.<sup>559</sup>, все его усилия были направлены к тому, чтобы обеспечить за единоличной волей монарха возможность править государством и принимать все необходимые как в порядке управления, так и законодательные меры для обеспечения беспрепятственного хода государственного механизма и без участия народного представительства. Будучи по существу сторонником просвещенного абсолютизма, он и на конституционный образ правления соглашался лишь по необходимости, но конституцию он представлял себе в России

559 Редактор «Исторического вестника» Б.Б.Глинский познакомился с С.Ю.Витте в 1912 г. и получил от него некоторые документальные материалы (см.: Глинский Б.Б. Пролог Русско-японской войны: Материалы из архива гр. С.Ю. Витте. Пг., 1916. С. V). До смерти Витте они публиковались в журнале в виде тематических подборок без указания происхождения. Гурко имеет в виду подборку «К истории основных законов» (Исторический вестник. 1913. № 3—4).

весьма ограниченную, при которой центр тяжести все же находится в руках монарха и поставленного им правительства. Что же касается народного представительства, то из него Витте мечтал создать для себя ту моральную силу, прельстя которую, он будет в состоянии превратить ее в свою опору перед престолом.

Правда, усилия Витте были направлены не столько к укреплению прав народного представительства, сколько к обеспечению за правительством возможности, в случае необходимости, действовать самостоятельно, но так как понятие необходимости растяжимо, то в конечном результате введенные им в основные законы изменения сводились к ограничению конституционных гарантий.

Одновременно, как я уже упомянул, Витте стремился, с одной стороны, закрепить, а с другой, ограничить определенными рамками признанные в принципе за населением гражданские свободы. В соответствии с этим при нем были изданы правила о союзах, новые цензурные правила, внесшие в эту область довольно значительные изменения.

Пытался Витте провести в законодательном порядке и некоторые органические меры, и в первую очередь признание за крестьянами права свободного выхода из общины, но здесь он встретил непреодолимые препятствия в лице Государственного совета.

Я имею в виду коснуться подробностей этого вопроса в дальнейшем изложении, а здесь ограничусь несколькими словами о характере деятельности Государственного совета в последние месяцы своего существования в его прежнем, дореформенном составе. Отличалась эта деятельность чрезвычай-

ной осторожностью и корректностью, выражавшейся в том, что члены Государственного совета всякий сколько-нибудь важный вопрос отказывались рассматривать и утверждать, неизменно указывая, что он подлежит рассмотрению имеющего соборность народного представительства. Напрасно представители заинтересованных ведомств стремились доказать, что народное представительство в течение продолжительного времени не будет заниматься вопросами сколько-нибудь второстепенными и благодаря этому остановится на долгий срок удовлетворение хотя и не касающихся всей страны, но все же насущных потребностей части ее населения, члены Совета продолжали отстаивать свою точку зрения.

Припоминаю я, между прочим, такой случай. В одном из самых последних заседаний соединенных департаментов Государственного совета рассматривалось представление о дополнительном ассигновании средств на оборудование гинекологического института<sup>560</sup>. Учреждением этого института, строившегося под наблюдением доктора Отта, весьма интересовалась императрица, и даже самая мысль о нем приписывалась государыне. Институт этот устраивался согласно последним требованиям науки и впоследствии явился во всех отношениях образцовым, но стоимость его сооружения была действительно огромная, причем все первоначальные сметы были значитель-

560\* Речь идет о новом здании основанного в 1895 году Императорского клинического повивального института ведомства учреждений императрицы Марии (в наше время НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии имени Д. О. Отта) на Менделеевской линии В.О. в Санкт-Петербурге.

но превзойдены. Тем не менее если бы вопрос о дополнительном ассигновании на его оборудование по существу довольно незначительной суммы (что-то около ста тысяч) рассматривался в прежних нормальных условиях, то он несомненно был бы принят Государственным советом почти без обсуждения. Но тут сказалось знамение времени. Против представления самым решительным образом высказались представители Министерства финансов и Государственного контроля, причем особенно возражал товарищ государственного контролера С.В.Иванов<sup>561</sup>, ссылаясь, конечно, на то, что разрешение этого

**561** Впоследствии этот Иванов прославился в качестве сенатора. Вместе с несколькими другими сенаторами он подписал, если не ошибаюсь, в 1907 г., когда действовала Вторая, наиболее революционная по своему составу Государственная дума, петицию об отмене смертной казни. Прослышав, что петиция эта встречена правительством крайне враждебно, как недопустимое выступление лиц, облеченных высоким званием и не имеющих права злоупотреблять им в порядке частных выступлений, Иванов обратился к министру юстиции с извинительным письмом, в котором объяснил, что петицию эту он подписал по недоразумению. Министр юстиции вполне правильно признал, что письмо это не смягчало вину Иванова, а, наоборот, ее значительно отягощало, и перевел действующего по недоразумению Иванова во 2-е Общее собрание Сената, собиравшееся примерно раз или два в год. Перемещение это было тем более чувствительно, что оно связано было с уменьшением получаемого им содержания наполовину, с 8 до 4 тысяч в год. После этого Иванов, разумеется, тотчас вступил в ряды кадетской партии — этого убежища всех чиновников, лично недовольных правительством, и затем принимал довольно живое участие в



вопроса должно быть предоставлено новым законодательным учреждениям. Не вняли эти представители тому, что отсрочка в ассигновании необходимых средств задержит на неопределенный срок открытие института, и даже сумели привлечь на свою сторону некоторых членов Государственного совета. Иванов, кроме того, пустился в резкую критику самой мысли об учреждении этого института, а в особенности безумной траты денег на его чересчур роскошное оборудование. «Пускай Государственная дума все это разберет» — так приблизительно закончил он свою филиппику. Участвуя в заседаниях в качестве представителя Министерства внутренних дел, я не выдержал такого проявления, в моем представлении, определенного хамства и, признаюсь, в довольно запальчивых выражениях сказал, что против учреждения института и ассигнования уже истраченных на него средств надо было возражать в то время, когда это было принято Государственным советом, а не теперь, когда вопрос идет о незначительном доассигновании. Что же касается передачи этого дела на разрешение Государственной думы, то это равносильно, в особенности если справедливо указание государственного контролера, что расходы по его устройству были непомерно велики, подведению императрицы под удар, так как решительно всем известно то близкое участие, которое она в нем принимала, вплоть до того, что многие части внутреннего убранства исполнялись по ее собственному рисунку. Способ этого возражения был, быть

делах Петербургского городского общественного управления.  
(Прим. автора)

может, некорректный, но действие он произвел: дополнительное ассигнование было принято департаментами единогласно.

Если посредством старого законодательного аппарата Витте силою вещей не удалось осуществить сколько-нибудь серьезных реформ, зато он озаботился разработкой коренных реформ для их немедленного, тотчас по открытии действий новых законодательных палат, представления на их рассмотрение. Государственную думу он хотел встретить с свободными в порядке управления руками, но одновременно и с целым циклом государственных преобразований, касающихся по возможности всех областей народной жизни. Руководили им тут те два основных стимула, которыми отличалась вся его государственная деятельность, а именно лично укрепиться у власти, по возможности все более ее расширяя, и самую эту власть употребить не на управление текущими делами, а на бурное реформаторство. Творец в душе, он по самой своей природе, как бы сотканной из двух элементов — властолюбия и духа инициативы, не мог довольствоваться спокойным усовершенствованием существующего и непременно искал создания чего-то нового. Для такой деятельности Россия, несомненно, представляла безбрежное поле, и Государственная дума в его понимании должна была служить прежде всего, если не исключительно, орудием для проведения им в жизнь крупнейших мероприятий, которых при строе чисто бюрократическом он осуществить не мог.

Впрочем, при подготовке разнообразных сложных законопроектов, которыми он с места хотел завалить молодое народное представительство, руководила Витте и другая мысль, по существу правильная, хотя едва ли бы она привела к желаемым результатам при том составе народного представи-

тельства, который страна послала в первую избранную ею законодательную палату.

Состояла эта мысль в том, чтобы сразу ввести народное представительство в самую гущу практических государственных вопросов, так сказать, прикрепить ее внимание, мысли и суждения к конкретным вопросам народной жизни, тем самым отрывая ее от революционного разглагольствования и бесплодного мечтания.

Под председательством А.П.Никольского, заменившего, если не ошибаюсь, в марте 1906 г. Кутлера на должности главноуправляющего землеустройством, была учреждена особая комиссия для составления списка тех законопроектов, которые должны были быть заготовлены ко времени открытия первой сессии народного представительства. В комиссии этой участвовали представители всех ведомств, за исключением, разумеется, военного, морского и императорского двора, и тут выяснилось, какое множество законодательного материала накопилось и безнадежно застряло в бесплодной междуведомственной переписке. Как теперь, вижу ту обширную печатную тетрадь, которую составил один список заглавий ждущих очереди, а также намеченных законопроектов. Будущему историку предстоит несомненный интерес ознакомиться с этим списком.

Сам Витте весьма интересовался этим вопросом и вел личные беседы по этому предмету с представителями ведомств по этом поводу. Со мною он беседовал на эту тему дважды, причем, разумеется, в первую очередь был поставлен вопрос о праве выхода из общины, который в Государственном совете провести не удалось.

Само собою разумеется, что одновременно им была упразднена предварительная до представления на законодательное утверждение переписка между «заинтересованными» ведомствами по выработанным законопроектам и заменена их внесением в Совет министров, где они и подвергались обсуждению всех членов кабинета.

Вообще, к встрече с Государственной думой Витте приготавлился всемерно и, надо полагать, заранее обдумывал те разнообразные способы, которые он пустит в ход, чтобы ее прельстить и покорить.

Одновременно он прекрасно понимал, что начать совместную работу с Государственной думой с пустым государственным казначейством и, следовательно, при необходимости с места предстать перед нею в роли просителя, ходатайствующего о разрешении произвести государственный заем, значит сделаться ее рабом. Между тем средства казны были в высшей степени подорваны теми огромными расходами, которые поглотила несчастная Японская война.

Ввиду этого, как только внутреннее состояние страны настолько установилось, что возможно было рассчитывать на совершение государственного займа на иностранных денежных рынках, он тотчас вступил в переговоры с группой парижских банкиров, причем ему удалось, конечно не без труда, достигнуть предварительного соглашения на заключение столь крупного по размерам займа, какого до того еще нигде в мире никогда реализовано не было, а именно 800 миллионов рублей золотом.

Однако в последнюю минуту сделка эта чуть-чуть не расстроилась. Посланный в Париж для подписания условия займа

В.Н.Коковцов встретился там с другими посланцами, прибывшими с целью помешать его заключению. Посланцы эти были, увы, русские люди, из которых один носил громкое историческое имя, а действовал от имени кадетской партии<sup>562</sup>.

Среди темных деяний, значащихся на активе этой партии, посылка в иноземную страну эмиссаров с целью подорвать там кредит собственной страны, хотя бы это и облекалось в форму подрыва силы и значения имеющегося в ней в данное время законного правительства, едва ли не самое темное, скажу прямо — постыдное.

Обстоятельство это, несомненно, в высшей степени затруднило Коковцову исполнение возложенного на него поручения, не столько, однако, в отношении самого совершения займа, сколько охранения тех условий, на которых поначалу соглашались кредиторы России.

Действительно, самое обращение к иностранцам кадетских посланцев в достаточной степени свидетельствовало как о слабости партии, которая ищет поддержки своей деятельности не у себя дома, а вне страны, так и степени ее государственности, ибо представить себе, что патриотически настроенная организация может строить козни своему правительству, опираясь для этого на чуждые стране элементы, — этого

562 Гурко, видимо, получил эти сведения от В.Н.Коковцова, который утверждал, что повлиять на решение французского правительства о займе пытались кн. П.Д.Долгорукий и гр. Нессельроде, добившиеся свидания с президентом Фальером благодаря ходатайству Анатоля Франса, не знавшего о цели визита (см.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. С. 156).

на западе Европы культурные круги понять решительно не могут. Иное дело, учесть благородный поступок радетелей о русском народном благе для того, чтобы заставить русское правительство согласиться на более тяжелые условия займа. И этого, конечно, не преминули попытаться сделать представители международного капитала. Коковцову стоило больших усилий парализовать удар, занесенный кадетами над тощей мошной русского народа.

Удачное совершение необходимого заграничного займа развязывало руки Витте, и он уже заранее предвкушал ту силу, которая сосредоточится в его руках, когда он, лавируя между верховной властью и народным представительством и внушая каждой из этих сторон, что проводимые им реформы составляют неперемнное желание другой стороны, будет беспрепятственно и стремительно осуществлять свою волю.

В этом розовом настроении поддерживали Витте, а вместе с ним и весь Совет министров первые сведения о результатах произведенных населением выборов членов Государственной думы. Согласно этим сведениям, избранные в подавляющем большинстве принадлежали к крестьянскому сословию; прошло на выборах и значительное число священников. Между тем не только Витте вместе с правительством, но и общественные элементы были убеждены, что крестьяне, вошедшие в Государственную думу, будут мягким воском в руках власти. Предполагалось, что добрые мужички выберут в члены Думы наиболее степенных и разумных своих сочленов, подходящих к типу наших волостных старшин. На этом главным образом и основывалось требование революционных и оппозиционных элементов об изменении намеченной правительством выборной системы и замены ее четыреххвосткой. Социалисты раз-

личных толков на том же основании решили даже бойкотировать выборы в Государственную думу, стремясь тем развенчать в глазах рабочего слоя ее личный состав.

Мне пришлось участвовать в том заседании Совета министров, которое непосредственно следовало за получением в Петербурге первых сведений о произведенных в большинстве местностей империи выборах. Сведения эти вызвали всеобщую радость среди присутствующих, причем Витте, несомненно, выразил общую мысль, сказав: «Слава Богу, Дума будет мужицкая». Обер-прокурор Синода Оболенский к этому лишь прибавил: «Ну, и поповская, что тоже недурно». Возражений ни с чьей стороны не последовало, и Совет министров в благодушном настроении перешел к рассмотрению текущих дел. При обмене мнений по этим делам остальные члены Совета неоднократно с своей стороны говорили: «Ну, теперь будет легче, с Государственной думой мы это проведем». Словом, никому в голову не приходило, что звание крестьянина еще не гарантирует политической благонадежности обличенного им лица.

Однако следом за сведениями о сословной принадлежности избранных в члены Государственной думы стали поступать сведения и о их партийной принадлежности. Очень скоро выяснилось, что преобладающее большинство избранных именует себя кадетами. При таких условиях крестьянское большинство являлось уже не плюсом, а минусом, так как для всех было понятно, что это будет серая толпа, всецело находящаяся в руках нескольких десятков интеллигентов кадетского образа.

Витте по мере выяснения истинного состава Государственной думы становился чернее тучи, вновь выказывал

признаки повышенной нервности и запальчиво приписывал результаты выборов деятельности Дурново — принятым им крутым мерам в смысле подавления революционного движения. Предположение это было неверное, ибо как могли действия Дурново, почти всецело сосредоточившиеся в городах, повлиять на настроение сельских масс, составляющих большинство выборщиков. Причина была, разумеется, другая, а именно широко расточавшееся кадетами обещание дать крестьянам землю в любом размере, причем об условиях ее получения крестьянами благоразумно умалчивалось.

Однако Витте, по-видимому, искренно верил, что виноват именно Дурново. Полученные Витте приблизительно в это время (судя по упомянутым запискам Лопухина) сведения о высылке в административном порядке 45 тысяч человек, конечно, укрепили его в этом мнении. Но спрашивается, если бы эти 45 тысяч агитаторов не были высланы, были бы результаты выборов более благоприятны?

В одном Витте был прав, а именно когда утверждал, что он многократно просил Дурново ослабить репрессии, не упоминая, однако, что делал он это лишь с января 1906 г., когда революция на улицу почти больше не выступала.

Вообще, отношения между Витте и Дурново стали портиться именно с начала 1906 г., когда Дурново был утвержден в должности министра внутренних дел (до тех пор он был лишь управляющим министерством), а дочь его пожалована во



фрейлины<sup>563</sup>. Благоволение государя к Дурново, несомненно, внушало Витте опасения, что он будет им заменен на посту председателя Совета министров.

Уже с этих пор Витте стал прилагать все усилия к тому, чтобы так или иначе отделаться от Дурново. Революция, по крайней мере поскольку она представляла опасность для государственного строя, по представлению Витте, была окончена, а потому надобности в Дурново он более не ощущал. Независимо от того Витте вполне понимал, что предстать перед Государственной думой, хотя бы лишь в части своей оппозиционной, имея в своем кабинете столь неприятную общественную фигуру, как Дурново, ему будет очень трудно. Ведь недаром вся пресса называла его министерство не иначе как двойным именем — кабинет Витте—Дурново. Вновь облечься в белые ризы либерализма Витте мог, только отсеки от названия своего министерства этот ставший и ему ненавистным, но крепко к нему приставший привесок.

563\* Это было достаточно распространенное отличие - фрейлин в ту эпоху обычно было 150-200. Так как фрейлинами обычно становились молодые девушки, не имевшие, разумеется, никаких личных заслуг, такое пожалование воспринималось как признание заслуг (либо высокого статуса и родовитости) родителей или семьи в целом. Многочисленность фрейлин не позволяла всем нести какие-либо реальные придворные обязанности и поддерживать действительно близкие связи с монархом и его семьей, так что данное звание в ту эпоху стало уже почти что почетным. Ближайшая личная подруга императрицы А.Вырубова была просто частным лицом и придворного звания не имела.

Но как было этого достигнуть? Государь, в октябре предоставивший Витте свободный выбор всех членов его кабинета, с тех пор, несомненно, изменился в этом отношении и на простое заявление Витте о его желании заменить Дурново другим лицом, по всей вероятности, ему отказал бы в этом. При таких условиях Витте решил действовать напролом. Он представил государю мотивированное прошение об увольнении его от Должности и в этом прошении указал на несовпадение его взглядов со взглядами Дурново. Исходил Витте при этом, несомненно, из никогда не покидавшего его убеждения, что он сам незаменим и что в ответ на поданное им прошение государь его не отпустит, а Дурново сам уволит<sup>564</sup>.

Но Витте глубоко заблуждался. Доверием государя он не пользовался с давних пор, а именно еще за некоторое время до своего увольнения от должности министра финансов. Но во время состояния Витте председателем Совета министров чувства государя к Витте превратились в определенно неприязненные. За это время Николай II пришел к убеждению, что Витте не только не отличался той лояльностью, которую он вправе был ожидать от своего первого министра, а, наоборот, способен и готов его продать в любую минуту.

**564** В своих воспоминаниях Витте описывает все мною изложенное в ином свете. С своей стороны, в другом месте, а именно в статье, озаглавленной «Что есть и чего нет в воспоминаниях графа Витте» (Русская летопись. Париж, 1922. Т. 2), я привел те основания, по которым каждый мог убедиться, что рассказ Витте в этой части, как, впрочем, и во многих других частях его воспоминаний, совершенно неверно. (Прим. автора)

Для меня лично увольнение Витте не подлежало никакому сомнению приблизительно недели за две до того времени, когда оно состоялось. В первых числах апреля я по какому-то поводу представлялся государю. Во время беседы с Его Величеством, предметом которой было предстоящее собрание Государственной думы, я высказал, что одним из необходимых условий для успешной работы с Государственной думой является абсолютная солидарность всего министерства. Я даже позволил себе сказать, сопровождая свои слова соответствующим жестом, что министерство должно быть едино и крепко как кулак. Государь, по-видимому, не придавал этому значения. «Да, да, разумеется, — ответил мне государь, как бы отстраняя что-то второстепенное, — но главное, чтобы правительство было в верных руках. Вы понимаете, о ком я говорю».

Признаюсь, слова эти меня просто ошеломили. Чтобы государь, весьма мало меня знавший и очень редко меня видевший, поведал мне то, что им было сказано, нужно было, чтобы его неприязненные чувства к Витте дошли до крайнего предела. Во всяком случае, сомневаться в том, что Витте будет уволен до собрания Государственной думы, не приходилось.

Однако сам Витте этого не предчувствовал до самых последних дней состояния у власти. Так, еще за три дня до своей отставки он в Совете министров продолжал говорить на тему о том, как нужно будет правительству держать себя по отношению к Думе, и с обычным ему оптимизмом высказывал убеждение, что стовориться с нею все-таки можно будет без особого

труда. А тем временем в собственной Его Величества канцелярии составлялся уже прощальный рескрипт гр. Витте<sup>565</sup>.

Решающую роль в деле смены Витте сыграл тот небольшой центр, о котором я упоминал в предыдущем изложении, состоявший под главенством Горемыкина из В.Ф.Трепова и А.В.Кривошеина. Действуя через Д.Ф.Трепова, имевшего в то время по занимаемой им должности дворцового коменданта ежедневный доступ к государю, кружок этот не упускал случая почти с самого назначения Витте председателем Совета министров представить его деятельность государю в неблагоприятном свете. Некоторые данные доставлял этому кружку и Дурново через посредство находившегося с ним в близких сношениях В.Ф.Трепова.

Однако от этого сам Дурново ничего не выгадал. Неблагоприятный результат выборов в Государственную думу и проявляемая общественностью к Дурново непримиримая нена-

565\* Рескрипт - церемониальное частное письмо императора (в редких случаях - и иных членов императорской фамилии), обычно направлявшееся крупным чиновникам по поводу зна-имых юбилеев (например, 50-летия службы), или же по поводу оставления ими долго занимаемых крупных должностей. Обычное содержание рескрипта - похвалы за долговременную полезную службу. Иногда (весьма редко) рескрипты давались при вступлении в должность и содержали своего рода политическую инструкцию сановнику. Рескрипты, в теории, публиковались в прессе по желанию адресата; значимые рескрипты правительство часто публиковало самостоятельно. Характерная черта рескрипта, подчеркивающая его частный и доверительный характер - обращение к адресату по имени и отчеству.

висть побудили этот кружок рекомендовать государю сместить одновременно с Витте и Дурново. Имелось в виду доказать таким образом общественности, что увольнение Витте вовсе не обозначает поворота политики в сторону реакции. Устранение от дел одним общим указом Витте и Дурново должно было, наоборот, как бы связать эти два лица воедино и таким образом окончательно развенчать Витте в глазах передовых элементов общества, лишив его того ореола либерализма, которым он так старательно стремился себя окружить.

Надо, однако, сказать, что полной солидарности в мнениях между самым кружком и избранным им орудием действий — Д.Ф.Треповым — не было. Кружок, в особенности в лице Горемыкина и В.Ф.Трепова, стоял на том, что с народным представительством особенно считаться нет надобности, и, во всяком случае, не следует возвеличивать его в представлении страны. Наоборот, Д.Ф.Трепов исходил из того положения, что с Государственной думой надо по возможности сговориться и, во всяком случае, избегать всего того, что может усилить ее оппозиционность и повысить общественное возбуждение. В особенности же необходимо устранить все элементы, раздражающие общественность. К ним Д.Ф.Трепов не без основания причислял Дурново. Свою роль усмирителя революции Дурново, по мнению Трепова, уже сыграл, и дальнейшее его пребывание у власти не вызывалось государственной необходимостью. При этом в Горемыкине он усматривал человека, отличительной чертой которого является спокойная рассудительность, с которым, ввиду создавшейся между ними связи, и ему лично легко будет сговариваться и вообще сохранить свое влияние у государя.

В результате получилось то компромиссное решение, к принятию которого удалось склонить Николая II. Указом 20 апреля (следовательно, за шесть дней до открытия Первой Государственной думы) Витте и Дурново были уволены от занимаемых ими должностей, а председателем Совета министров назначен Горемыкин.

Указ этот был совершенной неожиданностью не только для тех лиц, коих он непосредственно касался, но и для всех, как бюрократических, так и общественных, кругов.

Витте, увидя себя связанным с Дурново, пришел в положительное бешенство и в этом состоянии продолжал состоять в течение долгих лет, можно сказать, почти до своей кончины. Спокойно пережить вынужденную бездеятельность как раз в ту эпоху, которая, в его представлении, открывала наибольший простор для его творческих замыслов, он положительно не был в состоянии.

Неоднократно пытался он впоследствии вернуться тем или иным путем к власти, хотя и на сравнительно второстепенный пост, обращаясь даже по этому поводу к лицам, к которым он испытывал скорее враждебные, чем дружеские чувства, как, например, к Кривошеину, но все его старания были тщетны.

В глазах Николая II Витте окончательно и бесповоротно превратился в предателя, до такой степени, что когда в 1915 г. Витте скончался и весть об этом дошла до Ставки, где в то время пребывал государь, он выразился в том смысле, что наконец исчез опасный очаг смуты.

Этого же мнения придерживался и Столыпин. Так, когда, по просьбе Витте, Кривошеин стремился убедить Столыпина

назначить Витте председателем особой железнодорожной комиссии, имеющей пересмотреть всю постановку у нас железнодорожного дела, а также наметить план полного оборудования страны путями сообщения, Столыпин ему шутя сказал: «Я должен передать, Александр Васильевич, ваше заявление прокурорскому надзору для возбуждения против вас обвинения в государственном предательстве».

Сколь ни велико было отчаяние Витте, вызванное его увольнением, все же оно не могло быть для него совершенно неожиданным. Независимо от поданного им самим прошения об увольнении многое другое должно было ему предвещать близкую опалу.

В ином положении был Дурново. У него не было никаких оснований думать, что близок час потери им власти. У государя он неоднократно встречал приветливый прием и выражение ему доверия; с обоими братьями Треповыми он был в лучших отношениях и, следовательно, с этой стороны не мог ожидать никакого, выражаясь вульгарно, подвоха. Конечно, он хорошо знал, как к нему относилась общественность, и, несомненно, ожидал неприятной встречи со стороны Государственной думы. Но со всем этим он мечтал успешно справиться. Усиленно готовился он к этой встрече и еще накануне говорил П.М.Кауфману: «Вот они (Государственная дума) увидят, какой я реакционер». План его состоял в развитии перед Государственной думой целой программы либеральных мероприятий, подкрепленной немедленно вслед за этим внесенными на обсуждение Государственной думы соответственными законопроектами. Внезапно все это рухнуло.

Прочитав 20 апреля в газетах указ об увольнении Дурново, я, разумеется, немедленно к нему приехал. Застал я его за

письменным столом, разбирающим какие-то бумаги. Сохраняя по наружности спокойный облик, не обнаруживая никакого возмущения, он был в определенно подавленном, грустном настроении и отнюдь не старался этого скрыть. «Да, для меня это большой удар, — сказал он мне откровенно, — быть у власти и лишиться ее для людей, посвятивших всю свою жизнь государственной службе, очень тяжело. Вы, впрочем, сами это когда-нибудь испытаете, — добавил он, взглянув на меня несколько иронически. — Ну а теперь пока что принимайте от меня власть на законном основании».

Переговорив со мною о некоторых не терпящих отлагательства делах, касающихся департамента полиции, и сказав, между прочим, что, по его мнению, необходимо вернуть из Архангельска сосланного туда профессора Гредескула, выбранного членом Государственной думы от города Харькова, Дурново на прощание, внезапно оживившись, воскликнул:

«Нет, а Витте — вот злится-то, наверно, что мы с ним вместе уволены!»

Этими словами как бы закончил Дурново свое управление Министерством внутренних дел.



### Глава 3. Первое министерство И.Л.Горемыкина и Государственная дума первого созыва (23 апреля — 9 июня 1906 г.)

Кратковременное, продолжавшееся всего два с половиною месяца министерство Горемыкина, решившее роспуск Первой Государственной думы и одновременно с нею сошедшее со сцены, по своему личному составу отличалось прежде всего пестротой и раздвоенностью. Не заключая в себе, в сущности, за исключением Извольского, ни одного искреннего сторонника конституционного образа правления, оно имело, однако, в своей среде лиц, примирившихся с произведенной реформой, признавших ее не могущим быть измененным фактом и потому желавших, при возможно меньшем числе уступок народному представительству, в особенности в области присвоенной им власти, установить с ним сносный *modus vivendi*<sup>566</sup>, так или иначе с ним сговориться. Но были и такие члены нового кабинета, которые не хотели отречься от основного положения — царь самодержавный — и потому стремившиеся, в сущности, не к совместной работе с Государственной думой, а к углублению того антагонизма, который ясно проявлялся с первого же дня заседаний Государственной думы между народными представителями и короной, с тем чтобы в результате покончить с конституционной идеей и вернуться к прежнему порядку неограниченного произвола.

Странное положение занял при этом председатель Совета министров Горемыкин. Враг всяких решительных мер, склонный предоставлять ход событий их естественному развитию, бессознательный поклонник формулы *laissez faire, laissez aller*,

566    Способ сосуществования (лат.).

Горемыкин отнюдь не стремился к фактическому упразднению Манифеста 17 октября и его естественных последствий. Напору общественности он хотел противопоставить не активную, действенную силу, а спокойное, но упрямое пассивное сопротивление. Что касается до способа правления государством и требуемых реформ, то первый он полагал сохранить в полной неприкосновенности, а вторые осуществить сколь можно в меньшем количестве и притом сколь можно менее вносящих в народную жизнь какие-либо существенные изменения. Государственную думу он хотел ограничить рамками, определенными законом: рассматривай новые законопроекты: «Не примешь — останемся при старых».

В лице своих сотрудников-министров он желал иметь лиц, себе послушных, более или менее знающих порученную им область управления, разумеется, не склонных к либерализму, а тем более к осуществлению радикальных реформ, и прежде всего боялся людей с инициативой и пылом, причем мало интересовался их отношением к состоявшемуся изменению образа государственного правления. Сам он с места решил как бы игнорировать существование Государственной думы и, во всяком случае, ни в какие сношения ни с ее председателями, ни с отдельными ее членами не входить. «Пусть выкричатся», — говорил он. Идея сговора правительства с Государственной думой ему была абсолютно чужда. Он с места решил, что такой сговор неосуществим и потому, полагая, что всякие попытки в этом отношении бесплодны, а пожалуй даже, и вредны, ибо будут знаменовать некоторую капитуляцию власти, а последнего он совершенно не допускал, будучи уверен, что малейшая капитуляция приведет в конечном результате к ее гибели.

Интересуясь с давних пор вопросами иностранной политики (его мечтой, по-видимому, было занятие поста посланника в одном из главных европейских центров), он на них в особенности хотел сосредоточить свое внимание, не допуская в этой области никакого вторжения народного представительства. Политику гр. Ламздорфа Горемыкин почитал за в корне неверную, и поэтому первой заботой его было подыскание такого министра иностранных дел, который проводил бы те взгляды, которые он бы ему внушал.

Природный лентяй, он не хотел взять никакого портфеля, а ограничиться проведением своих мыслей. Доклады ненавидел. Зная или, вернее, предполагая, что государь в особенности дорожит именно гр. Ламздорфом, он решил, что может от него избавиться, лишь выставив перед государем необходимость предстать перед Государственной думой с абсолютно новым составом кабинета, за исключением тех министров, назначение которых должно происходить вне всякого влияния на их выбор председателя Совета министров, а именно военного, морского и императорского двора, и всецело исходить от самого престола. Таким образом, должен был с самого начала утвердиться принцип зависимости всех министров, за исключением помянутых трех, от главы правительства. Велико было удивление Горемыкина, которое он мне сам высказал, изложив тут же причину, побудившую его набрать новый состав всего кабинета, когда государь на его предложение заменить Ламздорфа новым лицом не оказал ни малейшего сопротивления. Тут, однако, выразилась одна из типичных черт Николая II — полнейшее странное равнодушие к самым личностям своих главных сотрудников. Некоторых из них он со временем не

возлюбил, так было с Витте, а затем со Столыпиным, причем произошло это главным образом вследствие того чувства их умственного и волевого превосходства над ним, которое он испытывал, но любить, испытывать чувство душевной привязанности к окружающим его лицам он не был способен и расставался с ними без всякого сожаления. Так это было не только с министрами, с преобладающим большинством которых он имел лишь строго официальные отношения и вне докладов совсем не видел, но и с лицами его ближайшего окружения, введенных по роду их служебных обязанностей в интимную жизнь царской семьи. С получением нового назначения, удаляющего их от непосредственной близости к царской семье, они сразу исключались из интимности и о самом их существовании как бы забывалось.

Ярким примером такого отношения может служить В.И.Мамантов, бывший в бытность управляющим канцелярией Министерства двора чрезвычайно близким к царю и даже царице и с назначением товарищем главноуправляющего Канцеляриею по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, оказавшийся сразу отрезанным от всей царской семьи, ни разу не удостоившимся приглашения к царскому столу и даже на царские охоты, постоянным участником которых он до тех пор был.

Равнодушие к людям, отсутствие отзывчивости к событиям даже исключительной важности, какая-то индифферентность к добру и злу и к их проявлениям были, несомненно, одним из отличительных свойств характера этого несчастного во всех отношениях монарха. Ничто его не возмущало, не вызывало порыва его гнева, ничто его не восхищало, не по-

рождало в нем желания отметить обнаруженную доблесть или иное высокое человеческое свойство и соответственно возвеличить их носителя.

Именно эти свойства Николая II привели к тому, что он расстался с Ламздорфом, который, несомненно, был ему более симпатичен, чем большинство других министров (по всей вероятности, вследствие его ничтожества и безграничной угодливости, а также односложности его речей: Николай II терпеть не мог длинных докладов — они его утомляли: умственная непреодолимая лень была тоже его уделом), без малейшего колебания и сожаления, и это тем более, что, имея дело с самого воцарения с безвольным министром иностранных дел, он почитал себя в этой области огражденным от министерского натиска.

Но если Горемыкину удалось легко сменить старых министров, то это вовсе не обозначает, что выбор новых министров зависел всецело от него. Так, прежде всего выбор министра внутренних дел был сделан самим государем, причем царь счел нужным лишь считаться в этом вопросе с мнением председателя Совета.

Вернувшись с первого по назначению доклада у государя, Горемыкин вызвал меня к себе и, рассказав о предположении царя назначить Столыпина министром внутренних дел, спросил меня, что я могу про него сказать. Сам Горемыкин его вовсе не знал. С своей стороны, я сказал, что Столыпина я знаю весьма мало, имел с ним дело лишь однажды, когда он приезжал в Петербург с проектом переселения крестьян селений, входивших в состав Беловежской пушчи, на другие земли в видах прекращения бесконечных претензий этих крестьян на

будто бы производившиеся зубрами пущи в их полях опустошения. Произвел он на меня тогда впечатление человека неглупого, но вместе с тем и не выдающегося, не умеющего даже плавно излагать факты и соображения, что касается его личной репутации, то она безупречна.

Прошло, однако, лишь два дня, и Горемыкин меня вновь вызвал и сказал, что государь останавливается ныне на другом кандидате на пост министра внутренних дел, а именно на смоленском губернаторе Н.А.Звегинцове. «Мне, — сказал Горемыкин, — предстоит ныне сделать выбор между Столыпиным и Звегинцовым. Что вы скажете?» На это я ответил, что между этими двумя лицами выбирать не приходится. «Звегинцов по общим отзывам весьма не глупый и ловкий человек, но в денежном отношении пользуется весьма плохой репутацией. Будучи предводителем одного из уездов Воронежской губернии, он растратил суммы губернской дворянской опеки, а ныне по должности смоленского губернатора слышет за взяточника».

В результате тут же Горемыкиным была послана телеграмма, вызывавшая в Петербург Столыпина, которого я увидел тотчас по его приезде. Объяснив ему цель его вызова и что он должен на следующий же день представиться государю, я воспользовался этим случаем, чтобы постараться убедить его, что без упразднения общины Россия дольше мирно развиваться не может и что чрезвычайно важно ему тотчас заручиться согласием государя на эту меру. Но, увы, тут же я убедился, что Столыпин совершенно не в курсе этого вопроса и даже плохо понимает, что такое земельная община. Он мне стал говорить о каких-то стародушных и младодушных, и я

сразу убедился, что у него пока что весьма узкий провинциальный кругозор.

Тем не менее, вернувшись на другой день от государя, Столыпин мне сказал, что он высказал государю мысль о необходимости перевода крестьянского землевладения на право личной собственности и возражений не встретил. Одновременно Столыпин сказал, что он сначала отказывался от предлагаемого ему поста, когда же государь сказал, что это его непереносимое желание, то он, высказав, что для него как верноподданного желание царя священо, поцеловал у него руку. В это время обаяние царя и царской власти вдали от столицы, в дворянских кругах было еще живо и крепко.

Что сказать про Столыпина, сыгравшего, несомненно, значительную роль за те несколько лет, что он был у власти?

Как это ни странно, но Столыпин, избранный из среды губернской администрации и имевший довольно продолжительный административный опыт, был гораздо ближе к политическому деятелю, нежели к администратору. У него прежде всего совершенно отсутствовало умение разбираться между людьми и, следовательно, подбора сотрудииков.

Сотрудники, выбранные им из среды саратовских сослуживцев, отличались и умственной ограниченностью (например, взятый им в товарищи, впоследствии заменивший его на посту министра внутренних дел А.А.Макаров), и двуличным подхалимством (как назначенный им управляющим его канцелярией И.И.Кнолль), и просто бездарностью (как переведенный им из Саратова чиновник особых поручений Голованов и посаженный им в директора департамента полиции Белецкий — самарский вице-губернатор). Не более счастлив

был он и в выборе лиц из среды петербургской бюрократии — как, например, А.И.Лыкошин — ничтожная козявка, лишенная самостоятельности мысли и воли, ровно как П.Г.Курлов — умный, ловкий, но совершенно беспринципный пройдоха, незаметно для самого Столыпина не только его обошедший, но сумевший его развенчать в представлении Николая II.

Однако и в качестве политического деятеля у Столыпина был серьезный пробел, а именно полнейшее отсутствие какой-либо собственной, строго продуманной, сколько-нибудь целостной программы.

Прибыв в Петербург, у него было только весьма туманное в смысле способа его осуществления стремление примирить общественность с государственной властью. Политику примирения он стремился проводить и в своих отношениях с земскими деятелями в Саратовской губернии и успел там завоевать их симпатии. С этой провинциальной меркой он и появился в Петербурге и, несомненно, мечтал в первое время идти тем же путем и в отношении Государственной думы, с которой с места стремился установить некоторые личные связи через посредство знакомых ему членов Думы от Саратовской губернии, в особенности Н.Н.Львова. У Столыпина был нюх — познаний не было.

С удивительной быстротой разобрался Столыпин в петербургской придворной и бюрократической сложной обстановке и сумел быстро завязать связи с теми кругами и лицами, которые были наиболее влиятельны, в чем ему помогло его обширное родство, причем делал он это не ради укрепления своего личного положения, а в целях успешного осуществления своих политических предположений.



Дело в том, что поскольку под конец своей государственной деятельности Столыпин, отравленный длительным пребыванием у власти, цеплялся за эту власть и готов был многим поступиться ради ее сохранения, постольку в течение довольно продолжительного периода он не обнаруживал никакой склонности идти на уступки в целях сохранения министерского поста. Не проявлял он и сомнений, что у него впоследствии развилось.

Если Столыпин вполне постигал значение общественной психологии и зависимость от того или иного ее отношения к правительству прочности государственного строя и даже земского мира, то народные нужды и те органические реформы, которые были необходимы для успешного развития страны, ему были совершенно неведомы, и он едва ли даже задумывался над ними. Во всяком случае, собственных определенных мнений и предначертаний он не имел, а ограничивался тем, что прислушивался к чужим мнениям и выбирал из них те, которые казались ему наиболее отвечающими в данное время общественным чаяниям наиболее государственно настроенных элементов, причем и здесь для него решающее значение имели не самые реформы и их фактические последствия, а то поскольку они встретят общественное сочувствие и тем укрепят положение власти, ибо центральной его заботой за все время его нахождения у власти было именно укрепление власти.

Невзирая на такое одностороннее направление его мыслей, Столыпин был тем не менее выдающимся государственным деятелем. Он принадлежал к тем редким, избранным натурам, которые одарены какой-то непостижимой по ее

происхождению внутренней интуицией. Решения, к которым он приходил, не были основаны на глубоком анализе существующего положения, не были они и результатом какой-либо государственной доктрины, с которыми он к тому же не был вовсе ознакомлен. Естественник по образованию, его познания в области политических и тем более экономических теорий были более чем скудны, чтобы не сказать, что они совершенно отсутствовали. Но внутренняя интуиция у него была чрезвычайно развита. Каким-то особым чутьем он угадывал среди многочисленных, разноречивых и даже противоположных, со всех сторон к нему притекавших предположений встречающие наибольшее общественное сочувствие тех элементов, на которых государственная власть могла утвердить свое существование, смело и решительно их себе присваивал и энергично их проводил. Наиболее ярким примером в этом отношении явилось проведение им реформы земельного уклада русского крестьянства, что я рассчитываю рассказать в дальнейшем изложении. Его постепенный переход от сближения с правым крылом кадетизма к решительной поддержке октябристов<sup>567</sup>,

567 Союз 17 октября (октябристы) — либеральная политическая партия. Лидеры: П.А.Гейден, А.И.Гучков, барон П.Л.Корф, М.В.Красовский, М.В.Родзянко, М.А.Стахович, Н.А.Хомяков, Д.Н.Шипов. Первый проект программы, впоследствии неоднократно редактировавшийся, опубликован в газете «Слово» 9 ноября 1905 г. Организационное оформление партии завершено на первом съезде, проходившем в Москве 8—12 февраля 1906 г. Главные программные требования: установление конституционного строя на основании Манифеста 17 октября 1905

а затем и националистов также был обусловлен его внутренним чутьем, подсказавшим ему, что культурные, патриотически настроенные элементы страны, по мере укрепления деятельности Государственной думы, все более склонялись к умеренно прогрессивной эволюции, определенно окрашенной национальным духом.

Кроме врожденной интуиции — этого высшего качества истинно государственных деятелей — Столыпин обладал и другим свойством — способностью вселять в своих слушателей и вообще в лиц, с которыми он имел дело, уверенность в искренности высказываемых им суждений. Какими-то невидимыми флюидами он привлекал к себе людей и внушал к себе доверие и даже привязанность. В сущности, Столыпин был рожден для роли лидера крупной политической партии, и, родись он в стране с упрочившимся парламентарным строем, он, несомненно, таковым и был бы. Здесь ему не помешало бы

г. (отсюда название партии), гражданских свобод и гражданского равенства вне зависимости от национальности и вероисповедания. Однако, выступая за сохранение «единства и нераздельности» Российского государства, партия отрицала возможность предоставления автономии отдельным частям империи (за исключением Финляндии) и находила преждевременными попытки «немедленного и безусловного разрешения еврейского вопроса». Местные отделы партии (в 1906 г. — 260) фактически прекратили работу уже к 1907 г., и деятельность партии сосредоточилась в Третьей и Четвертой Государственных думах, где партия имела крупную фракцию. Органами партии служили газеты «Слово» и «Голос Москвы».

даже его неумение разбираться в людях и выбирать способных сотрудников: таких сотрудников выдвинула бы сама партия, которую он бы руководил, и он их, волею или неволею, привлек бы к сотрудничеству, как стоя у власти, так и находясь в оппозиции. Этот коренной недостаток Столыпина — неумение выбирать сотрудников — в стране, не утратившей еще многие черты абсолютной монархии, был главной причиной того, что Столыпину удалось лишь укрепить в России положение власти, поднять ее ореол и значение, но было весьма мало осуществлено коренных преобразований в области местного управления, суда, а тем более в экономической области. В стране со строго парламентарным режимом этот недостаток был бы совершенно парализован работой общественности и тем естественным подбором, который происходит между людьми, открыто выступающими и борющимися с противоположными им политическими течениями на общественной арене. Оратором он был пылким, но речи его составлялись другими лицами.

Само собою разумеется, что все основные свойства Столыпина выяснились не сразу. В министерстве Горемыкина Столыпин как-то, едва ли не сознательно, ступсешался. В заседаниях Совета министров он хранил упорное молчание, быть может сознавая свою неопытность в государственных делах широкого масштаба. Действительно, в этот период самый язык Столыпина, приводимые им аргументы и примеры отличались определенным провинциализмом. Сказывалось это в особенности во время докладов его ближайших сотрудников по Министерству внутренних дел. Тут с его уст нередко слетали слова: «у нас в Саратове» или «у нас в Гродно» (где он был

губернатором до перевода в Саратов) «дела решались так-то и так-то», и общегосударственный масштаб подведомственных ему дел далеко не сразу уложился в его сознании. Но зато он сразу обнаружил, как я уже упомянул, умение разбираться в перекрещивающихся в то бурное время влияниях как на престол, так и на общественное мнение и едва ли не с первого же месяца назначения министром наметил себе задачей превращение во главу всего правительства. Эту линию он сумел провести и тонко и умно, причем сумел даже перехитрить хитроумного Улисса — Горемыкина. Однако, по моему глубокому убеждению, толкало его на занятие поста председателя Совета министров не честолюбие, а отрицательное отношение к Горемыкину, бездеятельность которого ему стала сразу ясна, и убеждение, что, только став у центрального кормила власти, возможно проводить ту внутреннюю политику, которая формально возложена на одного министра внутренних дел, а фактически зависит от совокупной, согласованной деятельности всех министров. Его толкали на это его родство и члены Думы. Еще раз скажу, в начале своей государственной деятельности Столыпин лично для себя не дорожил своим положением и ставил условием своего участия в правительственном составе возможность проводить те положения, которые он считал правильными и спасительными. Так, поначалу мне неоднократно случалось от него слышать заявление такого рода, что-де не он стремился к власти, что его вызвали из провинции без всякого его участия в этом деле, что он, наоборот, отказывался у царя от предлагавшегося ему поста и что он безо всякого сожаления уйдет, если его образ действий будет признан неправильным. Министром он был

плохим и развалил министерство как аппарат — департаменты делали, что хотели.

Министром финансов, вместо довольно безличного и лишнего государственного размаха мысли Шилова, Горемыкин избрал Коковцова, вполне отвечавшего тем требованиям, которые он мысленно предъявлял своим сотрудникам, а именно безмятежному спокойствию и уверенности, что никаких неожиданных сюрпризов он не проявит и никаких выходящих из рутины мер не предложит. Положение русских финансов на другой день после несчастной Японской войны и бурного революционного движения несомненно требовало чрезвычайно бережного отношения к средствам государственного казначейства и не допускало никаких сколько-нибудь рискованных экономических и даже финансовых мероприятий. По отношению к Коковцову Горемыкин мог быть вполне спокоен, что при нем не произойдет ни того ни другого, и потому без колебания остановился на нем, причем встретил немедленное одобрение государя.

В.Н.Коковцов— впоследствии граф, — в течение восьми лет непрерывно ведавший русскими финансами, а с осени 1911 г. по декабрь 1914 г. бывший во главе русского правительства, несомненно тоже сыграл выдающуюся роль в направлении русской государственной политики в последние годы старого режима, хотя роль эта была по преимуществу отрицательная. Обстоятельство это заставляет меня остановиться на нем с некоторою подробностью.

Основные свойства Коковцова общеизвестны. Вылощенная умеренность и аккуратность. Коковцов был на всех занимаемых им должностях добросовестным работником, стре-

мившимся разобраться до последних мелочей в порученных ему делах и притом неизменно придерживавшимся установленной рутины и чуждый всякой инициативы.

При Витте на должности товарища министра финансов он был приставлен к тем департаментам министерства, задача которых состояла в возможном накоплении средств казны и охране этих средств от посторонних посягательств. Главная работа Коковцова состояла в эту пору в отстаивании в Государственном совете тех возражений Министерства финансов, которые оно неизменно предъявляло на всякие требования других ведомств об увеличении ассигнуемых им средств. Витте вполне постигал, что увеличение богатства страны, а следовательно, и приток средств в Государственное казначейство зависит не от экономии в расходовании этих средств, а кроется в умелом поощрении развивающихся или способных развиваться отраслей народного хозяйства. Но эту сторону его деятельности, как то: раздачу всевозможных субсидий, ссуд и дотаций, он сохранил всецело за собою, причем проходили они через департаменты, Коковцову не подчиненные. Коковцову же он предоставил тяжелую и неблагодарную задачу урезывания отпуска государственных средств на все потребности страны, которыми сам Витте не ведал, ибо надо признать, что Витте обо всем, чем он сам не ведал, не заботился вовсе, какое бы общегосударственное значение оно ни представляло.

Превратившись в министра финансов, Коковцов сохранил в полной мере те черты часового у казенного сундука, обязанности которого он в течение многих лет исполнял при Витте. Логический ум, литературная образованность, весьма гладкая и обстоятельная речь прикрывают у него отсутствие широкого

полета мысли и отсутствие фантазии. Смелость в любом направлении ему была совершенно чужда, и от борьбы с силой, которая ему представлялась сколько-нибудь значительной, он всегда отступал и стремился от нее так или иначе уклониться. Сухой, мелочный по природе, он не был склонен жертвовать или хотя бы рисковать собственными интересами. Жизнь свою, а в особенности служебную карьеру, он разметил всю вперед, и хотя поначалу, конечно, вовсе не рассчитывал достигнуть тех ступеней служебной карьеры, до которых его довела его счастливая звезда, но по мере продвижения своего принимал все выпадавшее на его долю как должное и в соответствии с этим расширял предъявляемые им к жизни требования, почитая всякое неосуществившееся его требование за явное нарушение его прав и нанесенную ему незаслуженную обиду.

В ближайшие дни после назначения Коковцова государственным секретарем, а именно весной 1902 г., мне случилось как-то зайти к Философову, бывшему в то время товарищем главноуправляющего государственными имуществами. Застал я его перелистывающим памятную книжку о чинах гражданских, заключающую краткие пометки о прохождении ими службы.

«От меня только что вышел В.Н.Коковцов, — сказал мне Философов, — он мне между прочим высказал свою радость, что ему наконец удалось оставить эту «помойку» — Министерство финансов. Вот я и поинтересовался узнать, как отразилось на судьбе самого Коковцова состояние на службе в этом ведомстве. Оказалось, что за шесть лет состояния в должности товарища министра финансов он получил звание сенатора,



чин тайного советника, орден Александра Невского (или Белого орла, точно не помню) и ежегодную аренду в две тысячи рублей. «Помойка» использована вполне, — добавил Философов, — можно теперь ее и покинуть».

Этот злой отзыв не был лишен основания. Коковцов неизменно верой и правдой служил тем учреждениям и лицам, тем интересам, которыми ведал, но самого себя он тоже не забывал, причем, повторяю, почитал все, чего он настойчиво и спокойно добивался, как абсолютно ему должное. Прибавлю, что порученные ему государственные интересы, как он их понимал, он защищал упорно и стойко, почти не считаясь с значением тех лиц, которые, как ему казалось, отстаивали решения, с ним несогласные. С особою яркостью это выявилося в декабре 1913 г., когда он с упорством возражал против всех мер, предлагавшихся в то время Государственным советом для уменьшения народного пьянства, мер, сопряженных с уменьшением государственных доходов от продажи напитков. Против себя же имел Витте и некоторых из своих коллег, как то Кривошеина, пользовавшегося в то время особым доверием государя. Известно ему было, разумеется, и то, что сам Николай II загорелся в то время мыслью насадить народную трезвость. Обстоятельство это не помешало, однако, Коковцову противопоставлять упорное «non possumus» на все направленные к этому действительные меры, что и закончилось его увольнением от должности министра финансов. Известен мне и другой случай, где Коковцов решительно отказался исполнить желание государыни о продаже или безвозмездной уступке какого-то клочка принадлежавшей государству земли (из имений, приписанных Гробу Господню) какому-то протезе

императрицы<sup>568</sup>. Принципиально Коковцов, разумеется, был прав, но проявленная им стойкость говорит столько же в пользу его государственной честности, сколько обнаруживает узость его государственных взглядов, ибо, спрашивается, кому был бы от того убыток, что какие-нибудь две или три сажени или двадцать десятин перешли в частное владение.

Говоря о Коковцове, нельзя не упомянуть про то необыкновенное счастье, которое ему сопутствовало в течение всей его жизни. Не говоря про то счастье, которое его — в общем отнюдь не выдающегося человека — возвело на долгие годы на пост министра финансов, а затем и председателя Совета министров Российской державы и даровало ему всевозможный почет, вплоть до графского достоинства, надо отметить, что в пережитые Россией бурные эпохи за время его служебной карьеры он каким-то счастливым случаем не был у власти, а потому и не являлся мишенью нападков общественности. В 1905 г. он занимал пост государственного секретаря и потому к государственной политике если и был причастен, то лишь в ее тайниках, даже общественности невидимых, а в 1917 г. — состоял лишь рядовым членом Государственного совета,

568 Речь идет об отказе В.Н.Коковцова летом 1913 г. на просьбу императрицы содействовать капитану Мочульскому в покупке части большого имения в Бессарабии, выкупаемого казной через Крестьянский банк у находящегося в Румынии греческого монастыря св. Спиридония и предназначенного для продажи крестьянам (см.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919. М., 1992. Кн. 2. С. 154-157).

вследствие чего счастливо избег преследований со стороны Временного правительства. Судьба улыбнулась ему и в дальнейшем. Покинув вовремя Советскую Россию, он сумел устроиться в Париже во главе одного из русских банков с солидным содержанием, давшим ему возможность почти ни в чем не изменять свой прежний образ жизни. Случай — среди русской эмиграции — весьма редкий.

Выбор Коковцова надо, однако, признать в то время вполне соответственным. Коковцов был человек крайне осторожный, правда рутинный, но прекрасно знакомый со всею бюджетной частью государства. Русские финансы после Японской войны и при потрясавшей страну почти всеобщей смуте были в очень критическом положении. Золотая валюта хотя и выдержала двойное испытание — войны и смуты, но все же подверглась большой опасности. При этих условиях всемерная экономия в расходовании государственных средств была едва ли не единственным и, во всяком случае, наиболее действительным средством для укрепления положения Русского государственного казначейства. Всякие политические эксперименты как известно, всегда отражающиеся на бирже падением курса и ценности процентных бумаг, были также несовместимы с природой В.Н.Коковцова, и посему, останавливаясь на нем, Горемыкин мог быть вполне уверен, что найдет в нем надежного соратника в политике «Laissez faire, laissez passer», которой сам был убежденным сторонником.

Иной человек был министр юстиции И.Г.Щегловитов. Беспринципный карьерист, Щегловитов — былой сотрудник либерального журнала «Право» — в это время был склонен использовать свою былую либеральную репутацию. Вовсе не уверен-

ный в победе правительства над общественностью, победе, которую он лично, безусловно, желал и которой поскольку мог в пределах своего ведомства содействовал, он отнюдь не желал сжигать своих кораблей и посему склонен был на всевозможные компромиссы.

Останавливаться на личности других министров, как то Кауфмане, Шауфусе, нет оснований. Личности бесцветные — их участие в Совете министров ничем не проявлялось, и влияния на решения Совета они не оказывали. Исключение составляли Ширинский и Стишинский, представлявшие правый фланг кабинета. Заняв, на мой взгляд, правильную по существу позицию, а именно что всякие дальнейшие уступки революционному натиску могут привести лишь к крушению государственной власти, они отличались, однако, умственной близорукостью и ограниченностью. Ширинский — фанатик идеи абсолютной монархии, в голову которого могло вообще сразу уместиться лишь ничтожное количество мыслей, признавал, что вся беда происходит от слабости власти, существующий же полицейско-административный строй почитал едва ли не за совершенный. В экономических вопросах они не разбирались вовсе, и огромное значение хозяйственной свободы от них ускользало совершенно. «Тащить и не пущать» — вот, в сущности, к чему сводилось их политическое credo.

После кипучей деятельности Витте, выразившейся внешним образом, между прочим, тем, что его приемная во все часы дня и до позднего вечера была полна самыми разнообразными лицами, с которыми он поочередно продолжительно

беседовал, совершенно не жалея себя<sup>569</sup>, странно было видеть Горемыкина, продолжавшего по видимости свой прежний образ жизни. От всех текущих вопросов управления Горемыкин с места отгородился и сосредоточивал все свое внимание на каких-нибудь двух-трех вопросах общегосударственного значения. Так, первой его заботой был просмотр выработанного и уже принятого Советом министров нового издания Основных законов империи. Законы эти он тщательно просмотрел и, не прибегая, насколько я знаю, ни к чьей помощи, собственноручно ввел в них некоторые изменения и дополнения, причем руководился он преимущественно стремлением предоставить верховной власти и при новом порядке возможность, в случае надобности, полноправно править государством даже при могущем возникнуть с народным представительством. При этом дело не обошлось и без некоторой заминки. Так, уже после утверждения государем нового свода Основных законов, когда они уже были сданы в печать для опубликования во всеобщее сведение, из Царского Села было дано знать, что государь желает установить, что кроме сметы Министерства императорского двора, фиксированной

569\* Министры в ту эпоху раз или два в неделю вели открытый прием, на который могло записаться любое лицо, имеющее к ним какую-либо просьбу. Наиболее занятый из министров, министр внутренних дел, принимал 5-10 тыс. просителей в год.

раз навсегда в одиннадцать миллионов рублей<sup>570</sup> и не подлежащей обсуждению Государственной думы, фиксируется точно так же в определенном размере и смета учреждений имени императрицы Марии, которая также изъемлется из обсуждения законодательных учреждений. В этом случае Горемыкин выказал, однако, неожиданную твердость, заявив, что никаких дальнейших изменений в Основных законах, коль скоро они переданы для опубликования в Сенат, произвести нельзя.

Смена кабинета перед самым открытием действий представительных учреждений уже сама по себе, в особенности принимая во внимание, что у нашего правительства никогда не было определенной политической программы, ставила новый кабинет в затруднительное положение, в том смысле, что оно не имело возможности выступить перед Государственной думой со сколько-нибудь разработанными законодательными предположениями в области тех разнообразных реформ, которых требовала передовая общественность. Все работы, намеченные в этом отношении комиссией Никольского, были тотчас оставлены. Правда, от председателя Совета министров было дано знать, что желательно, чтобы она представила в новые законодательные учреждения те ее предположения, которые уже были приняты Советом министров. Но сколько-нибудь значительного числа подобных законопроектов в министерстве не нашлось, причем имевшиеся налицо касались

570\* Гурко ошибается; бюджетные расходы на Министерство императорского двора с 1906 года были зафиксированы в сумме 16.359 млн рублей.

предметов, лишенных всякого политического значения и вообще третьестепенных. Вследствие этого в ближайшие дни по своем открытии Государственная дума никаких законопроектов для обсуждения не имела, за исключением двух законодательных предположений, внесенных Министерством народного просвещения, касавшихся одно — устройства прачечной при каком-то, кажется, Дерптском университете, а другое — зимнего сада при каком-то другом учебном заведении<sup>571</sup>.

Обстоятельство это дало возможность Государственной думе с полным основанием пренебречь рассмотрением представленных правительством законопроектов и заняться составлением адреса на Высочайшее имя и по этому поводу высказать с высоты думской трибуны самое резкое осуждение правительству и его образу действий. Поступила бы она так же и при наличии законопроектов, но правительство могло бы тогда держаться иначе.

Вообще, Горемыкин избрал самый худший способ обращения с Государственной думой, а именно — полное прене-

571 К 15 мая 1906 г. в Государственную думу правительством было внесено только два законопроекта Министерства народного просвещения: «О предоставлении Министерству народного просвещения права разрешать учреждение частных курсов» и «Об отпуске 40 029 р. 49 к. на перестройку пальмовой оранжереи и сооружение клинической прачешной при Юрьевском университете». См.: Государственная дума. I созыв. Сессия I. 1906. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1907. С. 246.

брежение к самому ее существованию. Подобное игнорирование учреждения, призванного к деятельности по воле государя и состоящего из лиц, как ни на есть, представляющих население страны, лишь подчеркивало то обстоятельство, что верховная власть не октроировала конституцию, а лишь нехотя подчинилась настойчивому требованию общественности.

Обстоятельство это, с одной стороны, лишало общественность всякой уверенности в том, что сегодня признанные за нею права не будут завтра отняты, а с другой, порождало мысль, что при дальнейшем натиске возможно будет добиться и больших прав и одновременно их закрепления за собою. Если удалось раз насиловать волю, то можно сделать это и дважды.

К этому присоединился еще вопрос этикета. Кому из председателей — Совета министров или Государственной думы — надлежит первому посетить другого. Муромцев, чванный и опирающийся на пример Запада, и в частности Франции, где в порядке иерархии председатель Совета является лишь четвертым лицом в государстве, которому предшествует не только президент республики, но и председатели Сената и палаты депутатов, считал, что ему невместно ехать на поклон к Горемыкину, а последний признавал совершенно недопустимым, чтобы глава правительства, всецело зависящий только от верховной власти, признал бы выборного главу народного представительства выше себя — избранника монарха.

Это ничтожное само по себе обстоятельство тоже с места помешало установлению нормальных отношений между правительством и нижней палатой. Обе стороны с самого начала



заняли определенно враждебное отношение друг к другу, причем ни одна из них не признавала даже желательным примирение между ними.

Кадеты, господствовавшие в первой Думе, даже не давали себе труда скрывать, что они вовсе не желают использовать Государственную думу на благо государству, а смотрят на нее лишь как на орудие свержения правительства.

Характерный эпизод в этом смысле по поводу открытия работ Государственной думы произошел в Московской городской думе. Управа внесла предложение о посылке Государственной думе приветствия. Против этого предложения гласные кадеты (их было всего 26 из 150 городских гласных) решительно восстали, причем их лидер, профессор А.А.Мануйлов, не постеснялся даже в частной беседе объяснить городскому голове Н.И.Гучкову: «Вы ей желаете плодотворной работы. Нам нужно свалить правительство».

Подобное настроение наиболее рьяно осаждавших власть общественных элементов было, разумеется, известно Николаю II, и поэтому неудивительны слова, сказанные государем 6 декабря 1905 г. перед тем, как он подписал положение о выборах в Государственную думу. Представляя это положение к подписи царя, Витте (в присутствии захваченного им с собою автора проекта С.Е.Крыжановского, на случай, если государь предложит какие-либо технические вопросы, на которые сам Витте не мог бы ответить), между прочим, сказал: «Для вас, Ваше Величество, Государственная дума будет помощником в вашем трудном деле».

— Ах, оставьте, Сергей Юльевич, — ответил государь, — я отлично знаю, что я подписываю образование учреждения,

которое будет врагом мне. Но я думаю о будущем, думаю о своем сыне. Мне необходимо учредить новое сосредоточение власти в государстве, которое могло бы укрепить общее положение в стране.

Ни для кого, впрочем, не было тайной, что революционные элементы подполья были против Государственной думы, опасаясь, что вошедшие в нее буржуазные элементы сообразят, наконец, что их главный враг не правительство, а именно они, воинствующие социалисты, мечтающее лишь о том, чтобы разрушить весь социальный строй, и посему сговорятся с правительством и в конечном результате присоединятся к нему в его борьбе с определенно революционным движением. Но, увы, ни правительство, ни передовая общественность совершенно не понимали, что от их взаимной вражды выгадывает лишь тот *tertius gaudens*<sup>572</sup>, который одиннадцать лет спустя захватил власть для того, чтобы окончательно ниспровергнуть политический строй и разрушить социальное строение, первым последствием чего явилась гибель этой самой передовой общественности.

Враждебность к самому престолу большинства членов Государственной думы ярко обнаружилась в самый день ее открытия. На царский прием, имевший место в Тронном зале Зимнего дворца, члены Думы явились в нарочито неряшливом виде.

572 Третий радующийся, т.е. человек, выигрывающий от распри двух сторон (лат.).

Надо, однако, признать, что некоторая бестактность была обнаружена обеими сторонами. Двор решил, что этому приему надо придать особенную торжественность и блеск. Из Москвы были выписаны государственные регалии и высшие сановники, поставленные по обеим сторонам трона, были назначены для их несения. На самый трон была накинута императорская горностаевая мантия, причем говорили, что государыня сама расположила эту мантию на троне, дабы она спадала художественными складками. За сим самую залу разделили на две части, отгороженные от оставленного между ними прохода, по которому должен был пройти царский кортеж, бархатными шнурами. Одну из этих частей предназначили для членов Думы, а другую для членов Государственного совета, сенаторов и иных высших военных и гражданских чинов. Контраст получился поразительный. С одной стороны двор, правительство в расшитых и украшенных многочисленными орденами мундирах, а с другой — серая, почти сермяжная толпа, представлявшая народную Россию. Исходя из наивной мысли, что народных представителей, среди коих было множество крестьян, надо поразить великолепием двора, члены царствующего дома женского пола надели на себя едва ли не все имеющиеся у них драгоценности. Они буквально были покрыты жемчугами и бриллиантами. Но результат получился обратный. Восточный прием внушения уважения к носителям верховной власти был при данных условиях совершенно нецелесообразным. Получилось как бы противоположение народной нищеты и безграничной царской роскоши, причем демагоги не преминули объяснить первое вторым.

Народные представители отнюдь не принадлежали к тем первобытным натурам, которым могла бы импонировать внешняя обстановка. Не помогло и царское приветствие, составленное умно и сказанное царем отчетливо, не без царственного величия, причем государь особенно подчеркнул, что он приветствует лучших представителей населения страны.

Предоставленная самой себе, Государственная дума, лидеры которой заранее установили весь церемониал начала задуманной ими осады власти, безвозбранно, при полном молчании правительства, тотчас превратила свою трибуну в кафедру революции. Началось с того, что один из самых злобных врагов и правительства, и существующего государственного строя И.И.Петрункевич в патетической речи предъявил требование о немедленной и всеобщей амнистии всех политических заключенных, в том числе и совершивших по политическим мотивам уголовные преступления. Правительство молчало, и Дума, кажется единогласно, приняла предложение Петрункевича.

Приступили вслед за тем к составлению адреса на высочайшее имя, в котором изложили все пункты кадетской программы, требуя почти в императивной форме их немедленно осуществления. Тут были, разумеется, и амнистия, и предоставление права всеобщего голосования при выборах в Государственную думу, и отчуждение казенных, удельных, церковных и частновладельческих земель в пользу крестьянства.

Как ни уклонялся Горемыкин от всякого соглашения с Государственной думой, сколь он ни хотел игнорировать самое ее существование, но все же пришлось правительству на это откликнуться. Пришли, однако, к этому не сразу и не без пред-

варительных продолжительных препирательств между членами кабинета.

Заседания Совета министров происходили в помещении, занимаемом Горемыкиным, а именно в доме Министерства внутренних дел, что у Цепного моста<sup>573</sup>. В обширном кабинете, столь мне знакомом еще со времен Плеве, ежевечерне собирались господа министры, но ни к чему положительному долгое время не приходили.

Заседания отличались поначалу необычайной беспорядочностью. Начать с того, что члены Совета не заседали при этом за столом, а были разбросаны по всей комнате, что придавало собранию характер салонной беседы. Собирались при этом не особенно аккуратно, причем министр иностранных дел почти ежедневно опаздывал, так как беспрестанно обедал в том или ином иностранном посольстве, откуда появлялся во фраке *une fleur a la boutonniere*<sup>574</sup>. Неизвестно, почему он, кроме того, предпочитал сидеть верхом на стуле лицом к его спинке, что также едва ли соответствовало характеру собрания, а в особенности серьезности положения. С лицом, похожим на мопса, и с неизменным моноклем в глазу, он выдавал себя за знатока парламентарных нравов и обычаев и стремился играть роль эксперта. Влиянием он, однако, не пользовался. Пространно и как будто деловито высказывался

573\* Наб. Фонтанки, д. 16. В здании располагалась служебная квартира министра внутренних дел и Департамент полиции.

574 С цветком в петлице (фр.).

Коковцов, но, по-видимому, еще сам не решил, какую позицию должно занять правительство по отношению к Государственной думе, а посему трудно было понять, к чему он, собственно, клонит. Столыпин упорно молчал. В общем же речи и высказанные суждения отличались неопределенностью и расплывчатостью. Сколько-нибудь разработанной, продуманной и принятой членами Совета программы не было, а потому по всякому вопросу прения захватывали самые разнообразные предметы. В общем, впечатление было жалкое, тем более что различие между политическими взглядами отдельных членов кабинета сказалось тотчас и, конечно, не содействовало дружной работе, хотя надо сказать, что взгляды крайне правого крыла (Стишинского и Ширинского) одни отличались определенностью, но сводились они к одному: Государственная дума — учреждение революционное, которое надо немедленно разогнать, а всего лучше просто упразднить.

Сам Горемыкин с внешней стороны не занимал господствующего положения и никакой властности не проявлял. Председательствовал он вяло, но одновременно с таким видом, что, дескать, болтайте, а я поступлю по-своему.

Первый вопрос, по которому Совет вынужден был прийти к определенному решению, касался выработанного Государственной думой адреса монарху. Надо ли на него реагировать, и если надо, то как. Говорили об ответном послании от имени верховной власти, что, основываясь на западной практике, отстаивал Извольский, однако скоро сообразили, что это приведет к непосредственному конфликту между монархом и народным представительством, вследствие чего Горемыкин склонен был не обращать вовсе внимания на думский адрес,

продолжая, таким образом, принятую им политику ее полного игнорирования. Но против этого решительно восстали некоторые министры (Столыпин и тут не высказался), указывая между прочим на то, что правительство в таком случае в глазах общественности окажется положительно в нетях. Решили наконец, что правительство должно стать между троном и народным представительством и ответить от своего имени на требования, предъявленные Государственной думой. После весьма суммарного обсуждения думского адреса и выяснения, какие именно заключающиеся в нем предположения могут быть, хотя бы частично, осуществлены, поручили министру юстиции Щегловитову и мне — каждому отдельно — составить проект правительственного ответа на всеподданнейший адрес. Остановились, между прочим, на мне, вероятно, потому, что я с жаром настаивал на необходимости для правительства прервать игру в молчанку и определенно высказать свой взгляд.

На следующий же день Совет приступил к обсуждению составленных нами проектов. Первым прочел свой проект Щегловитов. Он был написан не столько в мягких, сколько в униженных тонах заискивания перед Государственной думой и отличался достаточной неопределенностью.

Не приступая к его обсуждению, предложили мне прочесть мой проект, отличавшийся едва ли не противоположными свойствами: он был написан языком власть имущих и заключал весьма определенное изложение взглядов правительства на затронутые в думском адресе вопросы. Тут выяснился Горемыкин, трудно на что-либо решающийся, но, раз решившись, идущий твердыми шагами к намеченной цели. Он определенно высказался за мой проект, который ввиду этого

вслед за тем подвергся подробному обсуждению. В результате было предположено ввести в него некоторые, в общем незначительные, смягчающие его изменения, и затем мне было поручено, сделав соответствующие исправления, разослать на следующий день в гектографированном виде исправленную редакцию всем членам Совета, с тем чтобы они в тот же день мне их вернули со своими замечаниями, буде таковые у них встретятся. Мне же предоставлено было согласовать эти замечания и, установив таким образом окончательный текст, сдать его в печать, дабы одновременно с прочтением правительственного сообщения председателем Совета, что было назначено на другой день, текст этого сообщения мог быть разослан всем членам Думы.

Заседание Совета министров, затянувшееся, как всегда, за полночь, вынудило меня, вернувшись домой, тотчас приняться за порученную работу. Вызванный мною ранним утром ремингтонист с гектографом<sup>575</sup> перестукал и размножил исправленную редакцию правительственного ответа, а часам к пяти

575 Гектограф — широко распространенное в XIX — начале XX в. средство копирования и размножения документов. Лист оригинала, написанного анилиновыми чернилами или отпечатанного на пишущей машинке, плотно прикладывался к поверхности залитой в специальный ящик смеси глицерина с желатином, оставляя на ней четкий зеркальный отпечаток. С полученной формы можно было получить до 100 копий, отсюда название прибора. Наибольшее распространение в России имели пишущие машинки фирмы «Ремингтон», отсюда тогдашнее название машинисток ремингтонистками.



дня я уже получил разосланные экземпляры обратно. Не имея их ныне в своем распоряжении (я, разумеется, их сохранил), я, конечно, не могу сказать, к чему сводились полученные мною замечания; помню лишь, что замечания эти исходили преимущественно от В.Н.Коковцова и от А.С.Стишинского, которые с присущей им добросовестностью вчитались в проект и отметили свои возражения. К счастью, возражения эти друг другу не противоречили, а потому легко было их принять, и на другой же день Горемыкин имел возможность прочесть правительственный ответ с кафедры Государственной думы.

Голос Горемыкина был слабый, и хотя в зале господствовала полная тишина, его расслышать было трудно, а потому принятая предосторожность об одновременной раздаче членам Государственной думы печатных экземпляров речи Горемыкина оказалась весьма кстати. На одном лишь месте своей речи Горемыкин усилил свой голос, подняв даже при этом в виде угрозы свой указательный палец, а именно где говорилось о недопустимости принудительного отчуждения частновладельческих земель в целях дополнительного наделения крестьян землей.

Само собою разумеется, что лидеры Государственной думы, разозленные не столько тем, что правительство не разделяет их программы, что они, разумеется, предвидели заранее, сколько решительностью его тона и усмотрев в этом, не без основания, что оно собирается оказать действенное сопротивление их притязаниям, сочли нужным усилить тон своих речей на основании правила «ай да Моська, знать, она сильна, коль

дает на слона»<sup>576</sup>. Тон правительственного сообщения был тем более непредвиден для лидеров Государственной думы, что до тех пор те весьма краткие выступления, которые были сделаны отдельными членами правительства, отличались необыкновенной приниженностью, причем в особенности счел нужным расстилаться перед Думой Щегловитов, тот самый Щегловитов, который в третьей Думе, а затем в качестве председателя Государственного совета, почуяв, что правительство одолело, принял совершенно иной, недопустимый по резкой наглости тон в своих обращениях к законодательным палатам и к составляющим их отдельным членам. Подобно всем лишенным внутреннего благородства трусам и перевертам, он был тем нахальнее, чем почитал себя неуязвимее, и тем приниженнее, чем менее был уверен в прочности своего положения.

Между тем мне казалось, что польза дела требует как раз обратного способа действия.

До какой степени в то неопределенное в смысле его исхода время Щегловитов был склонен на всевозможные уступки явно революционной общественности, свидетельствуют те законопроекты, которые он предполагал внести в Государственную думу. Один из них касался ответственности должностных лиц, а другой — совершенной отмены смертной казни, даже военными судами<sup>577</sup>.

576 Гурко цитирует басню И.А.Крылова «Слон и Моська» (1808).

577\* По Уложению о наказаниях, применяемому в судах общей юрисдикции, смертная казнь предусматривалась только за убийство или покушения на убийство императора либо члена

Первый из этих законопроектов был по существу, несомненно, правильный. Порядок, по коему должностные лица за преступления по должности не могли быть привлекаемы к ответственности без согласия на то определенных ведомственных коллегиальных учреждений, иначе говоря их начальства, не выдерживал критики, и Щегловитов был прав, когда во время обсуждения этого законопроекта, встретившего, разумеется, возражения со стороны некоторых членов Совета, наклонясь ко мне, сидевшему с ним рядом, шепнул: «Ну, если и эта реформа недопустима, то надо прямо установить порядки времен Чингисхана».

Столыпин, высказавшийся при голосовании за предположения Щегловитова, уклонился в этом случае от участия в прениях. В конечном результате был ли принят Советом законопроект Щегловитова, я не помню. Если мне память не изменяет, Щегловитову было предложено до его представления в законодательные учреждения внести в него некоторые

императорской фамилии. Военные суды, использовавшие сепаратное военное законодательство, применяли смертную казнь при значительно более широком круге преступных деяний; в порядке исключительного положения гражданские власти могли передавать военным судам и дела гражданских лиц, что и послужило юридическим основанием для большинства смертных приговоров, вынесенных в период 1905-1907 гг. Таким образом, исключение смертной казни из гражданского законодательства не имело особого практического значения, в то время как исключение ее из военного законодательства как раз и привело бы к фактической отмене этого вида наказания.

изменения. Во всяком случае, порядок привлечения к ответственности должностных лиц за преступления по должности остался неизменным до самого конца старого строя.

Предположение Щегловитова об отмене смертной казни не встретило, насколько помнится, в среде Совета ни одного защитника<sup>578</sup>. Восстал против этого и Столыпин, ограничив-

578 И.Г.Щегловитов, до революции 1905 г. постоянно сотрудничавший в либеральном «Праве», по отзыву И.В. Гессена — «добросовестнейший коллекционер чужих мыслей и столь же исполнительный чиновник <...> сам едва ли мечтал подняться до поста министра. Неожиданно <...> назначенный на эту должность, он легко подчинился, а затем всецело подпал под влияние своей честолюбивой третьей жены и начал усердствовать». Щегловитов даже ставил себе в заслугу, что «без отмены судебной несменяемости сумел заставить суд <...> служить требованиям и интересам государственности» (Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 303). Поворот «вправо» был проделан Щегловитовым так резко и грубо, что «некоторые бюрократы начали его сторониться. Таганцев, которого Щегловитов был одним из любимейших и способнейших учеников, перестал даже с ним здороваться» (Львов Л. [Л.М. Клячко]. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 33). Закон об отмене смертной казни — единственный законопроект, прошедший всю законодательную процедуру в Первой Государственной думе и переданный в Государственный совет. 14 марта 1907 г. подавляющим большинством голосов Государственный совет снял его с обсуждения на том основании, что принявшая его Дума была распущена (см.: Степанский А.Д. Политические группировки в Государ-

шийся, однако, простым, ничем не мотивированным заявлением, что он находит эту меру несвоевременной, и предоставивший подробно развить причины такого его отношения переведенному им из Саратова на должность своего товарища прокурору Судебной палаты А.А.Макарову, которого я едва ли не впервые при этом и увидел.

Макаров был типичный судебный деятель из прокуратуры, у которого форма и буква брали неизменно верх над сущностью дела. Свое судебное дело он, однако, знал в совершенстве и, хотя его мотивы были преимущественно формального свойства, тем не менее он разбил предположения Щегловитова вдребезги. Возражали и некоторые другие члены Совета, выставляя преимущественно то веское соображение, что отмена смертной казни как раз в то время, когда революционеры возвели убийство должностных лиц и вообще правительственных агентов в широко применяемую систему, более чем странно. При голосовании сторонников предположения Щегловитова, насколько помнится, не оказалось.

Пытался и я убедить Совет министров в необходимости представления в Государственную думу отвергнутого по формальным причинам Государственным советом во времена министерства Витте проекта, направленного к освобождению крестьянства от обязательного пребывания при общинном порядке землевладения. Без всякого труда убедил я Столыпина внести в Совет министров отвергнутый Государственным

ственным совете в 1906—1907 гг. // История СССР. 1965.№ 4. С. 58, 63).

советом законопроект по этому предмету, но против него решительно восстал Горемыкин, а Столыпин не произнес в его защиту ни единого слова, и предположение это господами министрами было прелюбопытно провалено. Впрочем, Горемыкин был в данном случае, пожалуй, и прав, не по существу, разумеется, а в том отношении, что он шел вразрез с желанием кадетских лидеров, а посему надежд на его принятие Государственной думой не было никаких.

Если Совет министров топтался на месте и, в сущности, ни единого серьезного законодательного предположения не одобрил, Государственная дума, продолжавшая принятую ею политику, продолжала также вести деятельную атаку на правительство, причем сосредоточила свое внимание в первую очередь на аграрном вопросе. За подписью 33 членов Государственной думы были внесены главные основания предположенной ими земельной реформы. Правда, предположения эти отличались чрезвычайной краткостью и носили скорее декларативный характер. Расчет был простой — усилить народные волнения, в сущности ничем не рискуя, так как были уверены, что на это не согласится ни правительство, ни Государственный совет.

В самой Государственной думе нашлись, однако, отдельные лица, которые не хотели идти столь явно плутовским путем к власти. Против предположения 33 членов выступили с возражениями такие передовые общественные деятели, как Н.Н.Львов и кн. Волконский. Высказался, наконец, по этому поводу и Совет министров. На дневном заседании, на котором, не помню почему, я не присутствовал, решено было выступить с возражениями по существу. Остановились для выражения

этих возражений с думской кафедры на А.С.Стишинском и на мне, причем, однако, в чем должны были состоять эти возражения, не решили. Стишинский прямо из заседания Совета приехал ко мне в министерство и передал мне решение министерской коллегии.

На мой вопрос, что же именно должно быть положено в основу возражений, а в особенности, какая же положительная программа правительства в области земельного вопроса, так как и по существу, и по техническим соображениям мне представляется невозможным ограничиться одним отрицанием и критикой предположений Государственной думы, мне Стишинский ответил, что об этом речи в Совете министров не было. «Извольте возражать завтра утром, а что вы скажете, дело ваше».

Такое положение, разумеется, развязывало мне руки. Тем не менее я не мог игнорировать, что лишь за несколько дней перед тем Совет министров, правда, почти без обсуждения, а на основании лишь краткого заявления председателя Совета Горемыкина, отклонил предположение министра внутренних дел о внесении законопроекта, предоставляющего каждому общиннику право свободного выхода из общины. После недолгого размышления и принимая во внимание, что упомянутый проект был внесен в Совет министров за подписью Столыпина и что, следовательно, его согласие на эту меру официально закреплено, я решил, что закончу свою речь в Государственной думе указанием на то, что единственным способом подъема крестьянского благосостояния является не упразднение частного землевладения, а, наоборот, вящее его закрепление посредством упразднения общинного землевладения.

Проработав почти всю ночь над составлением моей речи, я к 11 часам утра уже был в Таврическом дворце. Весть о выступлении членов правительства с возражениями по существу уже облетела членов Государственной думы, и собрались они почти в полном составе. В министерском кабинете (особый министерский павильон в то время не существовал — он был выстроен значительно позднее) я застал приехавшего еще ранее меня Столыпина, который немедленно, с заметным волнением, проступавшим через обычно присущее ему спокойствие и хладнокровие, обратился ко мне со словами: «Я вас прошу сегодня в Государственной думе не выступать». Слова эти меня так и огорошили. Досадно было, во-первых, на кой черт я целую ночь сидел за составлением речи, а во-вторых, я и по существу не без удовольствия предвкушал возможность публично помериться с теми дилетантами, которые выступали по этому вопросу в нижней палате. Действительно, земельный вопрос чрезвычайно сложен, и я заранее был уверен, что никаких дельных возражений на собранный мною фактический материал, доказывающий как дважды два четыре, что передача всех плодородных земель Европейской России крестьянству увеличить его благосостояние не может, так как увеличить площадь уже принадлежащих им земель сколько-нибудь значительно не в состоянии: для преобладающего большинства крестьянства увеличение это выразится в дробных частях одной десятины земли на душу населения.

— Почему? — естественно спросил я Столыпина.

— В качестве министра внутренних дел вопрос земельный и связанные с его окончательным разрешением те или иные предположения должны исходить от меня. Я не могу допу-



стить, чтобы в этом коренном, важнейшем вопросе впервые выступил на кафедре Государственной думы кто-либо иной, а не я.

— Это замечание вы, Петр Аркадьевич, должны обратить не ко мне, а к Совету министров, который мне поручил выступить сегодня, а потому без отмены этого решения Советом министров или хотя бы его председателем я исполнить вашего желания не могу.

— Но, однако, вы же не можете выступить против моего желания.

— Я уже высказал вам мою точку зрения и изменить ее не могу. Вот телефон (во время этого разговора мы оба нервно ходили по комнате, проходя мимо телефона, которым был снабжен министерский кабинет). Позвоните И.Л.Горемыкину, и если он после разговора с вами скажет мне, что мне выступать не надо, то я, разумеется, не выступлю.

Этот способ разрешения вопроса Столыпин почему-то признал для себя неудобным<sup>579</sup>, и мы продолжали еще в течение довольно продолжительного времени шагать по комнате, причем Столыпин продолжал мне развивать причины, по которым он признает мое выступление неудобным, а я упорно твердил одно и то же: «Вот телефон, звоните к Горемыкину».

Убедившись наконец, что меня ему не убедить, он наконец сказал: «Во всяком случае, прошу вас касаться лишь

579 Далее зачеркнуто: «как оказалось впоследствии, он уже возражал».

фактической стороны и ни в какие общие рассуждения не входить», на что я, разумеется, никакого внимания не обратил. Моя речь, продолжавшаяся более часа, уже была составлена, и изменить ее я не мог, да и не хотел, но другое желание, им высказанное, а именно чтобы я сказал, что я говорю не от имени Министерства внутренних дел, а от себя лично, я вынужден был принять к исполнению, что в конечном результате тоже имело некоторые последствия.

Часов около двенадцати наконец открылось заседание Государственной думы. Председательствовал товарищ председателя Государственной думы кн. Петр Дмитриевич Долгоруков в качестве специалиста по крестьянскому вопросу, хотя познания его были довольно элементарные, а смотрел он на весь этот вопрос исключительно с интеллигентской точки зрения и экономические последствия предполагаемого отчуждения частновладельческих земель совершенно игнорировал. В противоположность, однако, преобладающему большинству кадетской партии он искренно был убежден в государственной полезности этой меры и поддерживал ее вопреки своим личным интересам, которые она, несомненно, нарушала. Началось, однако, заседание с какого-то другого значащегося в повестке предмета, и собственно к земельному вопросу приступили лишь в 4 часа дня. Лицам, которым приходилось выступать (да еще впервые) перед многолюдным собранием, конечно, будет понятно, если я скажу, что продолжительное ожидание выступления было не только томительно, но и усиливало то волнение, которое я не мог не испытывать, выступая перед всероссийским народным представительством, сколь бы я к составляющим его отдельным личностям ни относился

отрицательно. Мое положение было тем более трудное, что, в сущности, это было первое выступление правительства с кафедры Государственной думы, и, таким образом, оно как бы превращалось в экзамен правительства перед общественностью.

Первым выступил Стишинский, причем говорил он около часа. Речь его, как всегда плавная и спокойная, была по существу не чем иным, как юридическим докладом, изобиловавшим многими справками — как это не преминула отметить пресса — в доказательство того, что ни существующие узаконения, ни решения Правительствующего сената не позволяют производства дополнительного наделения крестьян землей.

После этого наступил и мой черед. Согласно желанию Столыпина, я начал свою речь со слов: «Позвольте мне выйти из рамок того ведомства, в котором я имею честь состоять, и в мере моего разумения и сил рассмотреть обсуждаемый вопрос в качестве лица, специально его изучившего». Закончил же я свою речь словами: «Не упразднением частного землевладения, не нарушением прав собственности на землю, а предоставлением крестьянам состоящих в их пользовании земель в полную собственность заслужит Государственная дума — собрание государственно мыслящих людей — великое спасибо русского народа».

Сказана была моя речь громко, решительно и авторитетно — словом, говорил я языком власти, но Государственная дума слушала ее со вниманием, о чем можно было судить по господствующей в зале полной тишине, и я могу по совести сказать, что она произвела большое, скажу не обинуясь, огромное впечатление, причем столь же большую роль сыграла в этом

отношении самая манера произнесения речи, как и заключающиеся в ней фактические по земельному вопросу данные. Лидеры Государственной думы, и прежде всего лидеры кадетской партии, сразу поняли, что свергнуть правительство будет не так легко, как они это предполагали, что оно еще сумеет постоять за себя. Мнится мне, что они постигли тут же всю тщетность их усилий сначала развенчать, а затем и свергнуть власть и захватить ее в свои руки. Отсюда у них возгорелась уже прямая ненависть к личному составу правительственной коллегии, и они решили усилить свою атаку на него.

Впрочем, первым последствием моей речи, или, вернее, ее вступительной части, было, что следом за мною выступил на кафедру один из так называемых трудовиков (этим термином окрестили себя социалисты, пришедшие в Государственную думу) и обратился к председателю с просьбой не давать голоса «посторонним лицам». Долгоруков, очевидно, не понял, чем вызвано это заявление, ибо с изумлением в голосе ответил, что он посторонним лицам голоса не предоставлял. Засим вышел мне возражать кто-то из кадетской партии, если память мне не изменяет, Герценштейн, и хотя возражения его и были в высшей степени слабы, но так как основаны они были на умышленном извращении сказанного мною, то я тотчас же записался отвечать.

Я забыл упомянуть, что едва я начал свою речь, как Столыпин, остававшийся до того времени в Думе, встал и вышел.

С величайшим трепетом я ожидал момента, когда мне придется возражать. В голове у меня внезапно образовалась полная пустота, и, несмотря на все усилия, я решительно не представлял себе, что я скажу, не был в силах составить ма-

лейший план ответного возражения. Всем существом своим я сознавал, что тотчас с треском провалюсь, а впечатление первой речи пропадет без следа. Иначе смотрели на мое вторичное выступление лидеры Государственной думы. Они ожидали, что она окончательно их провалит в глазах многочисленных крестьян, входивших в состав Государственной думы, так как вполне сознавали слабость высказанных их глашатаем возражений на сообщенные мною фактические данные. Поспешили они ввиду этого внести за соответствующим количеством подписей предложение о закрытии заседания, хотя час был сравнительно ранний и далеко не достиг обычного времени закрытия думских заседаний. Предложение это, к моему безграничному удовольствию, было принято. Судьба, усилиями моих противников, меня спасла от провала.

Ближайшие дни Государственная дума посвятила другим вопросам и лишь по прошествии трех дней на четвертый вернулась к вопросу земельному.

Если речь моя произвела впечатление на Государственную думу или, вернее, именно так как речь эта произвела впечатление на собрание народных представителей, Столыпин самым фактом ее произнесения был в высшей степени недоволен или, вернее, почел себя оскорбленным. Прямо из заседания Государственной думы поехал он к Горемыкину и заявил ему, что выходит в отставку, так как не может допустить, чтобы глашатаем по вопросам, касающимся его ведомства, являлся бы не он, министр, а его товарищ. Принял он это так болезненно остро, как мне на другой день объяснил Горемыкин, вследствие того, что Совет министров поручил мне выступить по земельному вопросу, невзирая на то, что он тогда же

возражал против этого. Я, впрочем, должен сказать, что некоторое основание он имел, чтобы отнестись именно так к этому, по существу, ничтожному обстоятельству. Во-первых, потому, что наряду со мною выступал главноуправляющий землеустройством, т.е. глава ведомства, а не второстепенный его представитель, во-вторых, потому, что сам он ни разу не выступал с кафедры Государственной думы, и, наконец, ввиду того, что земельный вопрос был главным боевым вопросом данного времени.

Само собою разумеется, что Горемыкин отставки Столыпина не принял и кое-как его успокоил, а в разговоре со мною просил меня по возможности загладить происшедшее у меня со Столыпиным недоразумение.

Тем временем Государственная дума, по-видимому тоже осведомившись о происшедшем инциденте, постановила не давать голоса каким-либо представителям ведомств, иначе как если они заявят, что говорят по поручению своего министра, чем лидеры Думы, по-видимому, рассчитывали лишить меня возможности отвечать на возражения, которые будут высказаны на мою речь.

Узнал я об этом решении Государственной думы лишь в самой Государственной думе, где ко мне подошел чиновник Министерства внутренних дел, дежуривший в Думе во время ее заседаний, и, сообщив о решении Думы, передал мне, что Столыпин в Думе не появится, но уполномочивает меня говорить от имени министерства.

За прошедшие со времени моего выступления три дня лидеры Государственной думы успели ознакомиться с моею речью, к тому времени уже напечатанной, успели и составить

ответные речи. Хотя нет такой вещи и таких утверждений, против которых нельзя было бы возражать, но тем не менее Петрункевич, один из лидеров кадетской партии, взявшийся мне возражать, не блеснул при этом ни остроумием, ни красноречием. С своей стороны, я, памятуя то смущение, которое меня охватило при мысли об экстренном выступлении, заранее заготовил мои возражения на еще не высказанные речи. Помог мне в этом, совершенно для меня неожиданно, один из бывших моих сослуживцев по земскому отделу, барон А.Ф. Мейендорф (впоследствии товарищ председателя Четвертой Государственной думы). Он мне прислал какой-то сборник, в котором была напечатана речь Герценштейна<sup>580</sup>, сказанная им в Москве на состоявшемся в апреле месяце общеземском собрании, посвященном рассмотрению аграрного вопроса.

580 См.: Герценштейн М.Я. Национализация земли // Аграрный вопрос: Сборник статей. М., 1905. С. 84—127. Статья представляет собой обработку доклада, прочитанного им на совещании по аграрному вопросу, происходившем в Москве 28—29 апреля 1905 г. Для своего выступления в прениях 25 мая 1906 г. (см.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. Т. 1. С. 567) Гурко воспользовался высказыванием Герценштейна о том, что «при последовательном проведении национализация должна распространиться не только на частновладельческие земли, но и на крестьянские земли, т.е. на те, которые получены крестьянами посредством выкупа и добровольных актов» (С. 126). Гурко, разумеется, умолчал, что, по мнению Герценштейна, «национализация вызывает ряд весьма основательных возражений» (С. 122).

В этой речи Герценштейн доказывал совершенную нелепость принудительного отчуждения частновладельческих земель, утверждая между прочим, что участие в законодательных учреждениях представителей землевладения существенно важно, так как облегчает борьбу с представителями промышленности и вообще денежного капитала. Использовал я также сообщенное мне из Крестьянского банка усиленное ходатайство некоторых членов Государственной думы кадетской партии, отстаивавших мысль о принудительном отчуждении, о немедленном приобретении принадлежащих им земельных имуществ. Между прочими усиленно ходатайствовал об этом член Государственной думы, предводитель одного из уездов Самарской губернии, некто Протопопов, подпись которого значилась на обсуждавшемся предположении 33 членов Думы.

Я решил, что этих двух фактов для меня совершенно достаточно и что я могу свободно игнорировать всякие сделанные мне возражения, так как главного, а именно представленных мною фактов, они опровергнуть не могут.

В этом огромная разница между судебными речами и политическими. В судебной речи нельзя оставить ни одного утверждения противника неотвергнутым; наоборот, в политических речах можно и даже должно для успеха не обращать никакого внимания на заявления противной стороны. Происходит это оттого, что во всяком судебном деле вопрос идет в установлении того или иного совершившегося факта, вследствие чего можно опровергнуть все, за исключением одного доказательства этого факта, чтобы все-таки не опровергнуть самого факта, ибо одного неопровергнутого доказательства достаточно, чтобы его установить. Наоборот, в политических



речах, где вопрос идет о чем-то предположительном, совершенно достаточно одного серьезного доказательства его вредности, чтобы утратило значение все, высказанное в его пользу.

Моя реплика была вследствие этого весьма краткой, что, однако, не мешало ее успеху. Раздалось даже несколько весьма жидких аплодисментов. Само собою разумеется, что преобладающее большинство членов Государственной думы отнеслось к Стишинскому и ко мне определенно враждебно. Стишинский при вступлении на кафедру был встречен криками «в отставку». Такой же прием был устроен и мне. Как сейчас, вижу я члена Думы Жилкина<sup>581</sup>, сидевшего в верхних рядах, усиленно кричащего: «В отставку-ку-ку!», причем при восклицании «ку-ку» он прятался под пюпитр, которыми были снабжены все места, предназначенные для членов Думы. Засим поднялся общий шум и крик, что вынудило меня, сложив руки на груди, сказать, что я подожду, но столь же мало склонен отказаться от слова, как не намерен и им пользоваться, пока не водворится тишина. Прием этот оказался действительным, и меня выслушали при полной тишине. Герценштейн, конечно, возражал, но все, что он мог сказать, это то, что он может ныне установить, что «нас читают», что уже составляет некоторую победу общественности. Относительно же того крутого изменения, которое произошло в его взглядах, то тогда он говорил теоретически, ныне же приступили к практической работе, перед которой теории должны по временам склоняться.

581\* Депутат И.В.Жилкин принадлежал к Трудовой группе.

Прения по земельному вопросу, как я уже упомянул, послужили некоторою гранью в способах действий Государственной думы. Став с места в оппозицию к правительству. Дума с первого месяца своего существования все же соблюдала некоторое внешнее приличие и корректность в отношении к правительству. После декларации правительства она усилила свою атаку против власти, а после прений по аграрному вопросу окончательно перешла к революционному образу действий. Проистекало это, несомненно, оттого что Дума приходила к убеждению, что простой оппозицией правительству она не вырвет власти из рук короны, что правительство еще недостаточно испугано, что надо повторить те события, которые привели к Манифесту 17 октября, чтобы вырвать у монарха дальнейшие уступки. Члены кадетской партии желали попросту вытаскивать каштаны из огня чужими руками, а именно руками социалистов, совершенно не соображая, что революция, коль скоро она разыграется, в своем размахе не остановится, пока не дойдет до крайних пределов, и что в числе ее жертв в конечном результате будут, несомненно, они сами, т.е. вся буржуазная интеллигенция, что на практике столь неоспоримо доказала революция 1917 г.

На сцену выступают трудовики и такие даже не темные, а определенно беспринципные личности, как Аладьин, бывший перед тем гидом по различным вертепам разврата в Лондоне, а впоследствии во время мировой войны и революции 17-го года превратившийся в наймита английской тайной поли-

ции<sup>582</sup>. Этот тип, открыто предававшийся бесшабашному кутежу по разным шато-кабакам, с кафедры Государственной думы произносил пламенные обличительные речи, причем не останавливался перед такими фразами: «Под царской мантией струится кровь», что не вызывало замечаний и со стороны председателя Государственной думы.

Как должно было реагировать на это правительство?

Думается мне, во всяком случае, не игрой в молчанку. Не принадлежа к составу правительства, я лишен был возможности что-либо лично предпринять и ограничивался поневоле лишь тем, что при произнесении подобных речей демонстративно, на виду у всей Думы, хохотал в лицо неистовствующего с думской кафедры оратора, благо министерские кресла находились рядом с этой кафедрой.

Сказал я однажды, перед открытием заседания Государственной думы, кому-то из министров, не помню, кому именно, сидевшему со мною рядом, настолько громко, что это слышали многие члены Думы, толпившиеся в проходе, отделявшем ложу министров от мест депутатов: «Послушаем, что будут нести сегодня эти хулиганы». В связи с моей речью по аграрному вопросу все это вызвало ко мне определенную злобу многих членов Государственной думы и, разумеется,

582 А.Ф.Аладьин имел сомнительную репутацию. Во время первой эмиграции в 1896—1905 гг. он зарабатывал на жизнь изготовлением в Париже поддельного «антиквариата» (см.: Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 51-52).

прежде всего их лидеров. При этом мне было известно, что ни Горемыкин, ни Столыпин не одобряли такого образа действий. Они полагали, в особенности Столыпин, что по отношению к Думе правительство должно выказывать олимпийское спокойствие и отнюдь не проявлять какой-либо эмоциональности, т.е. ничем не выражать своего негодования. Примириться с таким образом действий я не мог и продолжал держаться по-своему, тем более что никто из состава правительства вопроса этого со мною не поднимал.

Вскоре за прениями по аграрному вопросу Государственная дума вынуждена была приступить к рассмотрению внесенного в нее правительством предложения об ассигновании не помню, сколько именно миллионов, на помощь голодающим<sup>583</sup>. Здесь Дума была поставлена в трагическое положение ей приходилось либо ассигновать в распоряжение правительства испрашиваемое ассигнование, т.е. выразить свое согласие с правительством, либо вызвать в населении неудовольствие ее решением — отказом в отпуске средств, необходимых для поддержки голодающих и обеспечения озимых посевов.

Столыпин воспользовался этим случаем, чтобы выступить перед Думою лично, хотя с постановкой продовольственного

583 Законопроект «Об ассигновании 50 000 000 рублей на выдачу пособий населению пострадавших от неурожая губерний» был внесен МВД и Министерством финансов в Государственную думу 19 июня 1906 г. и утвержден Думой 26 июня (см.: Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1907. С. 246).

дела знаком почти вовсе не был, и я был лишен возможности вторично высказать Государственной думе, по английскому выражению, a piece of my mind<sup>584</sup>.

Признаюсь, я с большой опаскою ожидал выступления Столыпина в Государственной думе, тем более что мне казалось, что оратором он мог быть лишь плохим, хотя бы благодаря присущему некоторому недостатку в произношении.

В этом я ошибся. С кафедры Столыпин говорил громко, отчетливо и авторитетно. Помогала ему при этом его фигура: высокий, стройный, он держал себя на кафедре с большим достоинством, скажу даже, величественно.

Речь его не отличалась деловитостью, но дышала какой-то внутренней убежденностью и искренностью и заключала несколько удачных выражений и отдельных словечек. В общем, он имел успех, тем более что в своей речи он постарался отделить социалистических ораторов от кадетов, с некоторыми лидерами которых у него в ту пору были личные сношения. Словом, злобы к себе Столыпин со стороны Государственной думы не вызвал, и это надо признать за некоторый успех. Кредит на продовольственные нужды, хотя и сопровождаемый некоторыми порицающими правительство резолюциями, был все же ассигнован.

Наконец вполне выяснилось, что продолжаться существующее положение не может, что необходимо либо как-нибудь стовориться с Государственной думой, либо ее распустить. В

584 Откровенное мнение (англ.).

этом отношении мнения в правительственной среде разделились. Одни — меньшинство, как то Извольский и дворцовый комендант Д.Ф.Трепов, - хотели сойтись с Государственной Думою путем какого-либо компромисса. Действовали, однако, эти два лица по разным побуждениям. Извольский, давно утративший продолжительной жизнью за границей связь с Россией, совершенно ее не знавший, но зато прельщенный западными порядками, был явно склонен к парламентарным порядкам. В этом направлении он работал за кулисами, вел сепаратные разговоры и переговоры с кадетскими лидерами - Милюковым и компанией - и стремился убедить государя, что единственный выход из положения — передача власти кадетам. Понятно, что когда, наконец, в Совете министров был поднят вопрос о роспуске Государственной думы, то он высказывался против этой меры, причем указывал, что роспуск законодательных учреждений без определенной причины на Западе неизвестен. Распускается палата в случае нежелания утвердить бюджет или отказа в утверждении признаваемого правящей властью неотложно необходимого законопроекта, но за произношение тех или иных речей и принятие тех или иных резолюций ни одна палата на Западе никогда распущена не была.

Однако по мере того, что Дума все больше закусывала удила и ее революционная пропаганда усиливалась и вносила явное разложение в страну, да надо полагать, что по мере того, что он убеждался, что в кадетском лагере ему министерский портфель не удержать, изменил свой взгляд и Извольский, прозванный в то время в правых кругах «Чегоизвольский».

В один прекрасный день или вечер он, как всегда с опозданием, появился в Совете министров и, оседлав по обыкновению какой-то стул, торжественно заявил, что он ныне признает возможным в принципе роспуск Государственной думы, так как на этих днях «Португалия распустила законодательные учреждения без определенной причины, а лишь за простую их революционность». Такой невероятный мотив, на основании которого ничтожная Португалия имела право решать государственные вопросы сообразно ее собственному пониманию, а великая Россия могла принять ту или иную меру лишь в том случае, если аналогичную меру предварительно приняло какое-либо, хотя бы и третьестепенное, иностранное государство, как это ни странно, не вызвало даже улыбки на лицах русского Совета министров. По-видимому, те, кто стояли за роспуск Государственной думы, были рады и тому, что хотя бы по столь водевильному мотиву наиболее резко возражавший против роспуска Государственной думы член Совета перестает против него возражать.

Своеобразно продолжал держать себя и по этому вопросу Горемыкин: он не возражал против роспуска, но и не высказывался за него, а тем временем, как выяснилось впоследствии, старательно подготовлял к тому почву в Петергофе, где продолжал пребывать государь, не посвящая, однако, в свои намерения членов Совета, так что впечатление получалось такое, что он ничего решительно не предпримет.

Держался в стороне и Столыпин. В прямые сношения с лидерами кадетов он не входил<sup>585</sup>, но был в курсе шагов, предпринимаемых Извольским, а через членов Государственной думы от Саратовской губернии (преимущественно через Н.Н.Львова) старался внушить кадетам, что он сам преисполнен либеральными мыслями и намерениями.

С своей стороны, кадеты с Милюковым во главе с каждым днем все более убеждались, что их дело выиграно. В их представлении вопрос сводился уже не к проникновению к власти, а к полному захвату ее и они определенно заявляли, что Столыпина в состав своего министерства не примут, а портфель министра внутренних дел вручат одному из своих; выдвигался ими на этот пост уже в то время пресловутый кн. Львов, поставленный ими во главе власти в 1917 г., что он и использовал для уничтожения всякой власти в стране.

Правое крыло Совета напрягало тем временем все усилия к тому, чтобы ускорить роспуск Думы. Стремилась воздействовать на дворцового коменданта Д.Ф.Трепова, продолжавшего пользоваться влиянием у царя, но совершенно тщетно.

Неустойчивый в своих политических убеждениях, так как основаны они были не на спокойном и вдумчивом анализе существующего положения в стране, не на каких-либо широ-

585 П.А.Столыпин лично встречался с П.Н.Милюковым между 19 и 26 июня 1906 г., хотя и отрицал впоследствии, что переговоры велись о составе министерства. Свидание и все обстоятельства, сопутствующие ему, подробно описаны П.Н.Милюковым (см.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 383—385).



ких концепциях того, что составляет государственную пользу, а на одном лишь чувстве, легко к тому же подвергающийся панике Трепов в то время озабочен был лишь одним — охранением личности царя и его семейства. Принадлежа в это время уже не к правительству, а к составу двора, где он почитал себя, пока существует царская власть, хотя бы номинальная, вне достижения тех или иных политических партий, Трепов лично уже не был или, по крайней мере, полагал, что не был, заинтересован в сохранении власти в руках бюрократического аппарата. Он поэтому уже вел усиленные переговоры с кадетскими лидерами, на основании которых они, пересчитывая влияние Трепова, и пришли к убеждению, что власть не сегодня-завтра несомненно будет в их руках.

Особенно волновались действиями Государственной думы, особенно стремились к ее скорейшему роспуску члены кабинета Ширинский и Шванебах. Дня за три до роспуска Государственной думы зашли ко мне эти два лица и предложили втроем отправиться к Горемыкину.

Горемыкина мы застали дома и, как почти всегда, свободным: приемная Горемыкина представляла обычную пустыню. Какими путями достигал он того, что его решительно никто не беспокоил и ни с чем к нему не обращался, я не знаю, но фактически это было именно так.

Был жаркий июльский день. Застали мы Горемыкина сидящим на диване неподалеку от окна, дающего на Фонтанку, по ту сторону которой возвышался Инженерный замок. Он был в чесучовом пиджаке, но, невзирая на то, обливался потом. Его гладкое, полное, упитанное, бескровное лицо с белесыми, выпуклыми, лишенными всякого выражения глазами действи-

тельно в ту минуту напоминало белорыбицу, как называли Горемыкина в некоторых сенаторских кругах. Перед ним на маленьком столике стояла простокваша, которую он как-то лениво и машинально ел. Обращенные к нему по очереди Ширинским и Шванебахом убеждения немедленно распустить Государственную думу Горемыкин слушал с величайшим равнодушием и хладнокровием, не давая себе труда им возражать. Напрасно Ширинский прибегал к столь любимым им и трудно постигаемым метафорам, напрасно Шванебах приводил примеры из Французской революции, с мемуарной литературой которой он был на редкость знаком причем постоянно щеголял этим знанием, ничто не действовало — Горемыкин был невозмутим. Я сидел несколько поодаль, почти у самого окна; равнодушие и мертвенность Горемыкина меня бесили, и мне страстно захотелось его так или иначе растормошить.

— Иван Логгинович, — обратился я к Горемыкину, — вы видите, что там? — сказал я, с нарочитой живостью указывая на окно.

— А, где, что? — всполошился Горемыкин, очевидно предполагая, что с улицы грозит какая-то опасность, от которой он не мог считать себя в то время застрахованным.

— Да там, напротив.

— Что же напротив?

— Да Инженерный замок.

— Ну, так что же? — спросил несколько успокоившийся Горемыкин.

— А то, что если бы то, что совершилось в этом замке 11 марта 1801 года (убийство императора Павла), было отложено

на 12 марта, то оно вовсе бы не совершилось, ибо в это время у петербургской заставы был уже выписанный императором Павлом Аракчеев, и он сумел бы разрушить планы заговорщиков. Точно то же и с Государственной думой. Сегодня, допустим, ее еще можно разогнать. Возможно ли это будет через неделю — неизвестно.

— Вы правы, — сказал еще не успевший впасть в свое невозмутимое спокойствие Горемыкин.

Я, конечно, не могу приписывать ни моему посещению, ни тем более моим словам дальнейших действий Горемыкина. Поступки свои он тщательно обдумывал вполне самостоятельно, и я не встречал человека, столь мало поддающегося чужим влияниям, а тем более высказываемым при нем соображениям. Трудно приходя к каким-либо сколько-нибудь верным решениям, он, решившись на какой-либо шаг, как я уже упоминал, с неизменной твердостью шел к его осуществлению. На другой же день вечером состоялось облеченное в письменную форму постановление Совета министров о роспуске Государственной думы, а на третий день днем Горемыкин отправился с журналом Совета в Петергоф к царю.

Знавший об этом Совет министров почти (за исключением Столыпина) в полном сборе ожидал его возвращения на квартире у Горемыкина. Часов около 8 дня наконец вернулся Горемыкин. Вошел он в комнату, где собрались министры, с наречито веселым видом и цитируя слова из писем г-жи Севинье к ее дочери, в которых сказано: «Je vous le donne en cent, je vous le donne en mille vous n'avez pas idée de la nouvelle

que je vous apporte? Je ne suis plus president du Conseil»<sup>586</sup>. Засим он сообщил, что указ о роспуске Государственной думы подписан, а председателем Совета назначен Столыпин, который остался еще во дворце, но вскоре приедет. Тем временем прибыл градоначальник Лауниц, который сообщил, что никаких беспорядков по поводу роспуска не ожидает, что все меры приняты (в Петербург были введены из лагерного сбора некоторые гвардейские кавалерийские части), и что он просит лишь тех министров, которые живут на частных квартирах, дня облегчения работы полиции переехать в казенные здания. Таких было несколько, в том числе Стишинский. Приехал засим Столыпин, но ничего нового не передал — и министры вскоре разъехались.

Произошло же между тем следующее.

Как выяснилось впоследствии, Горемыкин дважды докладывал государю о необходимости роспуска Государственной думы и дважды получил на это согласие Николая II, а затем, когда во исполнение сего представил царю указ о роспуске, он отказывался от своего первоначального решения. Отправляясь 8 июля в Петергоф, Горемыкин твердо решил добиться окончательного согласия царя на эту меру. Ввиду этого он захватил с собою самый указ о роспуске Государственной думы и, кроме того, прошение об увольнении от должности, которое он хотел

586 «Ставлю сто, тысячу против одного, вы понятия не имеете, какую я принес новость! Я больше не председатель Совета» (фр.).

представить царю в случае несогласия Николая II на предлагаемую Советом министров меру.

Приехав в Петергоф, а быть может, по пути туда ему стало известно (как, не знаю), что вопрос о его уходе и замене Столыпиным уже решен, причем Столыпин уже выписан с этой целью в Петергоф.

В Петергофе его ожидал, однако, новый сюрприз. Его там встретил министр двора Фредерикс и принялся убеждать пойти в Государственную Думу и высказать ей порицание от имени государя. Горемыкин, разумеется, понимал всю нелепость подобного предложения и наотрез отказался от исполнения этой мысли. Направившись затем к государю, он увидел, что эту мысль уже успели — очевидно, тот же Фредерикс, действовавший, вероятно, по наущению Трепова, имевшего возможность влиять на Фредерикса через своего шурина Мосолова, управлявшего канцелярией министерства двора, — внушить и государю. Горемыкину не стоило труда разъяснить государю, что подобное обращение к представителям населения совершенно немыслимо, что неизбежным его результатом будет прямой конфликт между престолом и представителями населения. Вслед за этим согласился государь и на роспуск Государственной думы и тут же подписал указ об этом. Но этим Горемыкин не ограничился. Умный и тонкий, он понял, что вслед за этим неизбежно последует его увольнение и призыв на пост председателя Совета министров кого-либо с более либеральной репутацией. К этому времени у государя уже обнаружилась склонность к одновременному принятию двух мер противоположного характера, так чтобы одна из них как бы смягчала другую. Предвидя все это, Горе-

мыкин решил предупредить события, и как только государь подписал указ о роспуске думы, так он тотчас обратился с просьбой о своем увольнении от должности, причем тут же предложил назначить на свое место именно то лицо, на котором, как он знал, государь уже остановил свой выбор, т.е. Столыпина. Ход этот был очень ловкий, в особенности в том отношении, что он таким путем освобождал государя от необходимости самому сказать ему, что он решил заменить его другим лицом, что для государя было всегда чрезвычайно трудно. Позволительно, однако, думать, что происходило это не от природной доброты; государю, в сущности, было все равно, что испытывает при этом увольняемое лицо, но это нарушало его собственное душевное спокойствие, заставляло его напрягать свою волю, что ему всегда стоило больших усилий. Природная мягкость характера и слабоволие здесь сказывались вовсю. Государь тотчас согласился на просьбу Горемыкина, причем одобрил и выбор предложенного Горемыкиным заместителя.

Выйдя вслед за этим из кабинета государя, Горемыкин был встречен Треповым, тревожно спросившим его, на что решился государь. Горемыкин, указывая на свой портфель, ответил кратко:

— Указ о роспуске, подписанный государем, здесь.

— Это ужасно! — воскликнул Трепов. — Завтра к нам сюда придет весь Петербург.

— Кто придет, тот назад не уйдет! — отчеканно ответил спокойно Горемыкин, но, конечно, намотал себе на ус слова Трепова. Они привели его к убеждению, что на государя будут направлены все усилия, что добиться отмены принятого им

решения, пока оно еще не опубликовано. Против такого оборота дела Горемыкин принял все меры. Тотчас после окончания заседания Совета министров он отпустил всех состоящих при нем чиновников, в том числе и жандармского офицера, который даже не сразу согласился оставить помещение, занятое Горемыкиным, говоря, что его обязанность следить неотлучно за безопасностью председателя Совета министров. Затем Горемыкин заявил своим домашним, что он устал, и немедленно лег спать, приказав строго-настрого не будить его ни по какому поводу. Однако и этим он не ограничился; он запер на ключ не только свою спальню, но и комнату, ей предшествующую, чтобы и самому не слышать, если кому-нибудь вздумается к нему стучаться.

Предположения Горемыкина и принятые им меры были далеко не лишними. Прошло немного времени после того, как Горемыкин забаррикадировался от внешнего мира, как фельдъегерь привез Горемыкину пакет от государя. Утром вместе с утренним кофе ему принесли «Правительственный вестник», заключающий указ о роспуске Думы и письмо государя с указанием о том, чтобы опубликование этого указа было отложено.

Здесь Горемыкин выказал не только большую проницательность и находчивость, но и большое гражданское мужество. Взять всецело на себя ответственность за роспуск Государственной думы, когда ему лично это, в сущности, уже было безразлично, так как, выйдя из кабинета государя, которым было принято его прошение об увольнении от должности, на такой поступок способен был не всякий. Казалось, что было бы проще, как предоставить своему заместителю распутаться в

создавшемся положении. Можно было даже не без злорадства предвидеть, что Столыпин с Государственной думой не справится, а посему скоро сам будет отрешен от власти.

Утром 9 июля, пробегая «Правительственный вестник», прочел я в нем, к великому моему удивлению, наряду с указом о роспуске Государственной думы увольнение Горемыкина и назначение Столыпина, события, которые были мне уже известны; еще указы об увольнении от должности Стишинского и Ширинского (а равно манифест, как бы разъясняющий причину роспуска Государственной думы и утверждающий, что роспуск этот отнюдь не обозначает отмены положений, установленных Манифестом 17 октября). Событие это было для меня совершенною неожиданностью. Будучи, невзирая на постоянное разномыслие по многим вопросам с Стишинским, в весьма хороших с ним личных отношениях, я тотчас отправился к нему, дабы выразить ему сочувствие по поводу столь неожиданного для меня и для него его увольнения от должности. Застал я его в помещении Главного управления землеустройством, куда он только что накануне по настоянию Лауница переехал со своей частной квартиры, причем рядом с ним стоял большой письменный стол, перевязанный веревками, концы которых были припечатаны. Было ясно, что стол этот, очевидно, заключающий различные бумаги, составлял личную собственность Стишинского и тоже только что переехал с его частной квартиры, причем с него даже не успели снять перевязывавшие его веревки. Сам Стишинский, как всегда наружно спокойный, находился, очевидно, в удрученном состоянии. Рассказал он мне тут, что узнал о своем увольнении даже не из «Правительственного вестника», а от одного



из своих сотрудников по ведомству, а именно управляющего делами Главного земельного комитета А.А.Риттиха, которому он по телефону намеревался дать распоряжение относительно дня следующего заседания комитета. Риттих, которому увольнение Стишинского было уже известно, был вынужден ему сказать, что от него, Стишинского, назначение заседаний Земельного комитета уже не зависит.

Стишинский, в общем ожидавший своего увольнения, был в высшей степени оскорблен тем способом, которым оно было осуществлено. Еще накануне, после того, что Горемыкин сообщил, что он заменен Столыпиным, Стишинский заявил ему, что он немедленно подаст прошение об увольнении от должности, но Горемыкин ему это отсоветовал, говоря, что Столыпин едва ли станет изменять личный состав Совета министров.

Но в особенности зол был Стишинский на Столыпина, который, вернувшись из Петергофа, конечно, не только знал о предстоящем увольнении его и Ширинского, которое, очевидно, произошло по его настоянию, но, вероятно, даже соответствующие указы об этом имел в своем портфеле, ему ни слова не сказал об этом, предоставив заинтересованным двум лицам узнать об этом из «Правительственного вестника» или даже от третьих лиц, которые бы с ним встретились до прочтения им самим «Правительственного вестника», как это в действительности и произошло. Этой крайней неделикатности Столыпина Стишинский, как и Ширинский никогда ему не простили и тотчас превратились не только в его политических, но и личных недругов.

От Стишинского поехал я к Горемыкину. Старика я застал в весьма благодушном настроении: он, по-видимому, вовсе не

сожалел об утрате власти. Естественно, что мой первый вопрос был: знал ли он уже накануне об увольнении Стишинского и Ширинского, а также когда было решено сопровождать указ о роспуске Государственной думы Высочайшим манифестом и кем он составлялся. На оба эти вопроса Горемыкин ответил, что он сам не знает, когда было решено и то и другое.

Во время моего разговора с Горемыкиным раздался звонок телефона. Из последовавшего за сим разговора Горемыкина по телефону, с кем именно, мне осталось неизвестным, я слышал только одну его половину и ничего не понял, кроме того, что Горемыкин чем-то недоволен, а за сим узнал от него, что ему было сообщено.

— *Mon cher ami encore une bêtise*<sup>587</sup>, — сказал мне Горемыкин, любивший беседовать на французском языке. Оказалось, что дело шло о роспуске Государственного совета, о котором в указе о роспуске Государственной думы не упоминалось. — Надо было сохранить Государственный совет, — говорил Горемыкин, — так как если понадобится (любимое выражение Горемыкина) издать серьезный государственный акт, например, изменить положение о выборах в Государственную думу, то можно было совершить это при участии Государственного совета, заключающего элементы народного представительства.

Из этих слов я понял, что хитроумный Улисс — Горемыкин вовсе не по собственному желанию ушел от власти, что,

587 Еще одна глупость, милый друг (фр.).

наоборот, проектируя роспуск Государственной думы, он одновременно уже мысленно проектировал и дальнейшие шаги государственной власти, а именно изменение выборного закона, причем этот акт должен был быть совершен при участии Государственного совета.

Что же касается Высочайшего манифеста, то узнал я о порядке его возникновения и составления лишь значительно позднее. Дело было так. Столыпину государь предложил быть председателем Совета министров еще до подачи Горемыкиным прошения об увольнении от должности, причем роспуска Государственной думы не предполагалось произвести ни государем, ни Столыпиным. Единственным условием своего назначения главою правительства Столыпин поставил увольнение Стишинского и Ширинского, на что государь и изъявил свое согласие. Мысль Столыпина, которую всецело поддерживал Д.Ф.Трепов, состояла в том, чтобы в его назначении как общественность вообще, так и Государственная дума в частности усмотрели поворот правительства в сторону большего либерализма. Столыпин мечтал заменить Ширинского и Стишинского лицами из состава Государственной думы, чем он надеялся, что Государственная дума удовлетворится, а возможно будет, следовательно, ее сохранить и установить с нею отношения. Однако Горемыкину удалось убедить государя распустить Государственную думу и получить царскую подпись под соответствующим указом. Об этом, разумеется, тотчас узнал Столыпин, но изменить этого решения он уже не мог или, вернее, не решился даже пытаться этого достигнуть. Все, что ему представилось возможным при этих обстоятельствах сделать, это по возможности смягчить впечатление,

которое, несомненно, должен был произвести роспуск Государственной Думы, сопроводив указ об этом роспуске особым манифестом, которым подтверждалось бы намерение государя сохранить в будущем народное представительство. Получив принципиальное на это согласие государя, Столыпин, вернувшись 8 июля из Петергофа, после того, что он побывал в Совете министров в квартире Горемыкина, тотчас пригласил к себе нескольких человек, а именно Щегловитова, с которым он в то время дружил, С.Е.Крыжановского, занимавшего должность второго товарища министра внутренних дел, и, наконец, Федора Дмитриевича Самарина, который почитался в то время за всеми уважаемую общественную деятеля. Когда эти лица вечером того же дня у него собрались, он сообщил что цель собрания — немедленное написание Высочайшего манифеста с указанной мною выше целью. Присутствующие немедленно приступили каждый в отдельности, к этой работе. Проект Щегловитова, как мне говорили, скучный и расплывчатый, был единогласно отвергнут. Подвергся критике и проект, составленный лично Столыпиным. Ф.Д.Самарин по природе кунктатор, не способный на исполнение чего-либо в короткое время, написал лишь отдельные клочки манифеста, среди коих, между прочим, были слова: «Богатыри мысли и дела». Слова эти Столыпину весьма понравились, и он настаивал на их включении в Высочайший манифест, причем полагал, что основой манифеста должен явиться составленный им проект, несколько измененный и дополненный некоторыми фразами, изобретенными Самариным. Проработали над этим чуть не всю ночь, и к утру лишь переписанный набело проект манифеста был отправлен к государю, откуда он был тотчас передан

для напечатания в особом, вышедшем в тот же день прибавлении к «Правительственному вестнику».

Государственная дума первого созыва резко делилась на две неравные части. Во главе ее непререкаемыми вождями и лидерами стали почти все наиболее выдающиеся члены тех многочисленных и разнообразных общественных съездов, которые собирались в обеих столицах за предшествующий год. Лица эти почти сплошь принадлежали к непримиримой оппозиции правительству и по образованию, по инициативе некоторых из них, конституционно-демократической партии вошли в нее скопом. Вторую, большую часть личного состава Государственной думы составили крестьяне. Приветствуя Государственную думу, государь выразился, что он приветствует «лучших людей» России. Увы, на деле это было далеко не так. Начать с того, что судимость по уголовным преступлениям членов Первой Государственной думы была невероятно большая. Она составляла 12% всего их состава. В малокультурной стране неизбежно должны были стать избранниками населения те лица, которые отличались наибольшей неразборчивостью при изложении тех посулов, которые щедро раздавались во время предвыборных собраний со стороны стремившихся проникнуть в нижнюю законодательную палату. Преобладающее большинство, чтобы не сказать — все без исключения представители крестьянства, стремилось туда ради тех денежных выгод, которые были связаны со званием члена Государственной думы. Десять рублей суточных, присвоенные членам Думы, — вот что привлекало туда представителей крестьянства, причем были случаи, что избранные обязывались их избирателям передавать часть полученного

денежного вознаграждения тому или иному крестьянскому общественному установлению.

Само собою разумеется, что состоящее из таких элементов собрание должно было неминуемо в значительной своей части попасть в руки той или иной организации. С одной стороны, их можно было легко умелой пропагандой, в основу которой легли бы посулы материального благополучия, завербовать в любую политическую фракцию, с другой - их можно было легко купить за ничтожные суммы.

Увы, русские сельские массы совершенно не поняли государственного значения признанного за ними права участия в народном строительстве. Избирательная крестьянская масса усмотрела возможность таким путем осуществить усердно в течение полувека, с самого момента освобождения крестьян, навязываемой им мысли о переходе в их собственность всей земли, причем, само собою разумеется, им казалось, да это им революционерами и внушалось, что при таких условиях каждый крестьянский двор будет владеть почти неограниченным, во всяком случае, весьма значительным, исчисляемым десятками, а не то и сотнями десятин количеством земли, а для стремившихся попасть в члены Думы главной, если не единственной, приманкой были те десять рублей суточных, которые были присвоены заседающим в Государственной думе народным представителям.

Это положение, конечно, очень скоро усмотрели и сделали соответствующие выводы и лидеры политических партий и правительство, но сумели использовать его эти два лагеря далеко не в одинаковой степени. Революционные партии, имевшие обширные связи в рабочих кругах Петербурга, где


имелись умелые и убежденные сторонники социалистических теорий, поспешили войти в непосредственную связь с прибывшими в столицу представителями крестьянства, многие из которых, формально оставаясь в рядах кадетской партии, в которую они первоначально записались, так как на выборах это была единственная партия, сулившая землю крестьянам, фактически уже превратились в сторонников социалистических течений. Попыталось действовать в смысле превращения членов Государственной думы из крестьянства в свое послушное орудие и правительство, но, лишенное всякого опыта в этом отношении, действовало оно весьма неумело. По мысли члена Государственной думы Ерогина, были устроены в Петербурге дешевые (вернее, бесплатные) квартиры для крестьян - членов Государственной думы<sup>588</sup>. Первоначально дело это было поручено петербургскому градоначальнику Лауницу, который с своей стороны поручил его чуть что не циркуляром участковым приставам наружной полиции. Пришлось изъять это дело из рук полиции, однако какого-либо специального органа для этого не учредили. Достаточно сказать, что вообще для всего заведования делом о выборах в Государственную думу было образовано при Главном управлении по делам

588 Пансион Ерогина получил среди депутатов Государственной думы насмешливое прозвище «живопырни» (Милюков П.Н. Указ. соч. С. 364). Неудачный опыт изоляции крестьян от левых депутатов при помощи устройства особых квартир был, однако, повторен в октябре 1907 г. и с депутатами Второй Думы (см.: Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. М.; Л., 1924. С. 435).

местного хозяйства одно делопроизводство, состоявшее из двух чиновников при двух ремингтонистках. В конечном результате квартиры были устроены и даже заполнены членами Государственной думы, но, увы, они обратились в центры агитации. Та же зубатовщина.

Квартиранты скоро разошлись... превратившись в дворников, лавочников, разносчиков, особенно много их занялось курятной и зеленой торговлей. Какую материальную выгоду давали эти квартиры? Да почти никакую — за три рубля в месяц можно было поместиться. К тому же Ерогин захотел ввести там чуть не казарменную дисциплину. Надо было найти идейных работников в этой среде, но как это сделать...





## **Часть V. Усиление натиска общественности на власть**

## Глава 1. Министерство Столыпина. Вторая и Третья Государственные думы (9 июня 1906 г. - 11 сентября 1911 г.)

За то шестилетие, в течение которого во главе правительства находился П.А.Столыпин, политика, им проводимая, испытала значительные метаморфозы. Становясь у кормила государственного корабля, Столыпин мечтал привлечь в свой кабинет видных представителей того перводумского большинства, с которым, при наличии Государственной думы, ему стовориться не удалось, а именно некоторых из главарей кадетской партии. Поездка этих главарей после роспуска Государственной думы в Выборг и выпуск ими там известного Выборгского воззвания, призывавшего население к неплатежу податей и налогов и к уклонению от исполнения воинской повинности, привели к тому, что всякий стовор с ними оказался недопустимым. Привлекать к власти людей, которые открыто призывали население к борьбе с существующим правительством, очевидно, не отвечало достоинству государственной власти. Пришлось взять шаг вправо и обратиться к непосредственно стоящим вправо от кадет лидерам оппозиции, а именно к главарям весьма немногочисленной Партии демократических реформ<sup>589</sup>, отличавшейся от кадет не столько по

589 Партия демократических реформ была образована в декабре 1905 г. кружком редакции «Вестника Европы» и профессоров Петербургского политехнического института (М.М.Ковалевский, М.М.Стасюлевич, К.К.Арсеньев, В.Д.Кузьмин-Караваев, К.Л.Поклевский, А.С.Посников). Либеральная политическая программа — требования конституционной монархии и законодательной думы (отрицалась необходимость Учредительного собрания и избирательного права для женщин) — сочеталась

программе отстаиваемых ею государственных преобразований, сколько по способу их осуществления: кадеты не отрицали революционного метода их осуществления и в соответствии с тем находились в тесном контакте с партиями социалистическими, которые должны были для них таскать каштаны из огня.

Члены Партии демократических реформ революционные методы начисто отрицали, с террором примириться не могли, а потому никакого дела с главарями партий, действующих из подполья, иметь не желали. Не чужды они были и мысли вступить в соглашение с правительством и даже войти в его состав при условии, если представители короны обяжутся осуществить наиболее важные пункты их программы. В соответствии с этим, призванные Столыпиным, мирнообновленцы гр. Гейден и Н.Н. Львов поначалу охотно пошли на переговоры с Столыпиным, тем более что один из них — Н.Н.Львов — саратовский землевладелец — был близок к Столыпину еще по Саратову, причем был даже ему обязан тем, что Столыпин его спас в Балашове, куда он лично с этой целью поехал, от ярости

тут с аграрной программой, составленной А.С.Посниковым в духе доктрины народного социализма (предусматривалось образование государственного земельного фонда). Помимо «Вестника Европы» органом партии была газета «Страна». В марте 1906 г. партия объединилась с умеренно-прогрессивной партией под общим названием Партии народного благоденствия, которая, по признанию К.К. Арсеньева, «существовала только по имени».

толпы, настроенной какими-то удивительными путями весьма право, чтобы не сказать черносотенно.

Однако начавшиеся весьма благополучно переговоры между Столыпиным и упомянутыми двумя мирнообновленцами весьма скоро осложнились. В курсе этих переговоров я не был и посему сказать про них ничего не могу. Знаю лишь, что Столыпин шел на значительные уступки. Вновь возникла кандидатура А.Ф.Кони на пост министра юстиции. Кроме двух министерских вакансий, получившихся от увольнения Ширинского и Стишинского, которые Столыпин предполагал заместить общественными деятелями в течение этих переговоров, Столыпин готов был еще предоставить общественности и пост государственного контролера. Был момент, когда соглашение с общественными деятелями Столыпиным почиталось за окончательно состоявшееся — и внезапно все разрушилось: почему — не знаю. Произошло это, во всяком случае, со дня на день. Сужу об этом по следующему, сохранившемуся в моей памяти довольно мелкому обстоятельству. Однажды, приблизительно через неделю после назначения Столыпина, ко мне зашел П.Х.Шванебах и объяснил мне, что ему только что Столыпин сказал, что по состоявшемуся у него соглашению с некоторыми общественными деятелями он согласился на предоставление между прочим поста государственного секретаря Д.Н.Шилову (а может быть, гр. Гейдену — точно не помню) и что посему ему, Шванебаху, приходится покинуть этот пост. На другой день уезжал из Петербурга за границу И.Л.Горемыкин, и проводить его приехали многие министры, входившие в состав его кабинета, а среди них и Шванебах, подошедший ко мне, тоже бывшему на этих проводах, с сияющим лицом и со словами:

«Mori et ressuscite dans les 24 heures»<sup>590</sup>. Оказалось, что его вновь вызвал к себе Столыпин и сказал, что соглашение с общественными деятелями окончательно разрушилось и что ему, Шванебаху, нет надобности оставлять занимаемую должность.

Если мне неизвестны подробности переговоров Столыпина с упомянутыми общественными деятелями, то для меня совершенно ясна основная причина их неудачи. Заключалась она в том, что мысль о привлечении общественных деятелей возникла на почве смятения впечатления в стране от роспуска Государственной думы. В основе лежал все тот же страх, который побуждал Д.Ф.Трепова идти на соглашение с кадетами и противиться роспуску народных представителей. Последствий роспуска Государственной думы опасались, в сущности, все, но в то время, как Горемыкин и его единомышленники среди правительственного синклита почитали дальнейшее продолжение принявшей открыто революционный характер деятельности Государственной думы еще более опасным, нежели ее роспуск, отдавая себе вполне отчет в том, что в конечном счете с Думой сговориться все равно нельзя, что ее все равно, рано ли, поздно ли, придется распустить, противники роспуска предпочитали не задумываться о будущем и в страхе, закрыв глаза на будущее, отступали от непосредственной опасности. Опасение тяжелых последствий роспуска Государственной думы ближайшее окружение Николая II сумело внушить и ему, и неисполнение Горемыкиным приказа об

590 «Умерший и воскресший на другой день» (фр.).

отмене принятого решения о роспуске нижней палаты вызвало в первую минуту весьма определенное неудовольствие государя. К Горемыкину был прислан офицер фельдъегерского корпуса для точного выяснения времени вручения председателю Совета министров записки государя, отменяющей упомянутое решение. Одновременно предложено было принятие всех мер, способных примирить общественность с этим государственным актом.

Среди них намечено было и привлечение общественных деятелей, на что государь согласился весьма неохотно.

Однако по мере того, как проходили день за днем и спокойствие в стране, уже уставшей от революционной смуты, ничем не нарушалось, правительство и сам государь убеждались, что никакой опасности стране не угрожает, что роспуск Государственной думы не вызвал никаких волнений, что в правительстве вновь воскресла вера в возможность править, не считаясь вовсе ни с революционными, ни даже с реформационными требованиями различных слоев населения, самое желание включить в состав правительства *outsider'ов*<sup>591</sup>, не принадлежащих к бюрократическому, вполне подчиненному государственной власти слою, понемногу исчезало.

Изменение взгляда государя на состоявшийся роспуск Государственной Думы сказалось очень скоро. Выразилось оно, между прочим, в том, что Д.Ф.Трепов утратил всякое влияние на царя, а, наоборот, милостивое отношение к Горемыкину не

591 Посторонних (англ.).

только возобновилось, но даже усилилось. Горемыкин был вызван в Петергоф, где к нему вышла во время приема государем и императрица, и здесь ему была высказана горячая благодарность за его службу. Привели к Горемыкину и малолетнего наследника, причем государыня просила Горемыкина благословить его.

Помогли изменению настроения при дворе в особенности сами лидеры Первой Государственной думы. Воззвание, выпущенное ими из Выборга, где они собрались после «разгона», как они выражались, Государственной думы, имевшее вполне определенную цель поставить правительство в безвыходное положение, не получило никакого отклика в стране, и это обстоятельство сразу обнаружило всю незначительность их влияния на те народные элементы, на которые мечтали опереться выборгские трибуны. Ведь недаром же при Дурново было сослано 48 тысяч агитаторов. Не проявили поначалу никакой деятельности и террористы, решившиеся прекратить на время думской сессии всякие террористические акты, а потому не имевшие возможность сразу вновь их возобновить, так как каждый такой акт требует довольно продолжительной предварительной подготовки.

При таких условиях в последнюю минуту придрались к каким-то дополнительным мелким условиям, которые предъявили общественные деятели для вступления в состав правительства, чтобы сразу прекратить с ними всякие разговоры.

Шаг назад был, однако, сделан не столько Столыпиным, сколько самим государем, вообще весьма неохотно соглашавшимся на всякие уступки общественности. Я хочу, однако, подчеркнуть, что руководствовался здесь государь не желани-

ем сохранить в своих руках неограниченную власть (это желание было весьма резко выражено у императрицы, но отнюдь не у государя), а глубоким убеждением, что Россия не доросла до самоуправления, что передача в руки общественности государственной власти была бы губительна для страны. Нет сомнения, что с годами у государя вкоренилась привычка к неограниченному самовластию и что, тем не менее, по природе своей он не дорожил им. Та легкость, с которой он отрекся от престола в 1917 г., и весь его образ жизни и поведения после отречения это в полной мере свидетельствуют.

Государь очень скоро вернулся к прежнему образу мыслей, причем в это время, с упразднением влияния Д.Ф.Трепова, к тому же вскоре скоропостижно скончавшегося<sup>592</sup>, при дворе усилилось влияние лиц относительно правого, чтобы не сказать, реакционного направления. Среди них были и лица, по умственному их развитию совершенно лишенные политического понимания и воспитания, как кн. М.С.Путятин, занимавший должность помощника гофмаршала двора, гр. Бенкендорфа. Человек этот, инспирируемый бывшим обер-прокурором Синода А.А.Шихматовым, неизменно стремившимся и умевшим создать себе связи среди царской челяди, сумел проникнуть в эту пору к государыне, и едва ли не он первый втянул ее в участие в государственных делах, о чем ярко

592\* Д.Ф.Трепов умер 2 сентября 1906 года.



свидетельствуют ее опубликованные письма к государю<sup>593</sup>. Однако с наступлением смутного времени, когда царь и царица убедились, что не только положение страны, но и положение самой династии подвергается опасности, они естественно и неизбежно должны были задуматься над общеполитическими вопросами и искать людей, вполне верных, которые могли бы осветить истинное положение вещей. Таки-ми верными людьми она, разумеется, почитала ближайшее окружение царской семьи. Вот в эту-то минуту подвернулся Путятин, с которым она и вела довольно продолжительные беседы. Именно с этого момента началось сначала малозаметное, нерешительное, слабое вторжение государыни в государственные дела, с годами, однако, все усиливавшееся и приведшее, как известно, в конечном результате к тому, что важнейшие государственные решения, равно как и выбор высших должностных лиц, всецело исходили и зависели от нее.

При таких условиях приходится поневоле остановиться на личности этой глубоко несчастной, но вместе с тем и роковой женщины. Мучительная кончина, а быть может, еще больше те непередаваемые нравственные страдания, которые она с несравненным достоинством перенесла в последние месяцы своей жизни, заставляют относиться к ее памяти с особою осторожностью. Однако, какова бы ни была ее кончина, сколь

593 См.: Переписка Николая и Александры Романовых. [1914—1917] / Под ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1923-1927. Т. 3-5 (Т. 1-2 не выходили).

бы ни были велики ее душевные страдания, какие бы ни выказала она в это время христианские добродетели, все же ее роль в судьбах России от этого измениться не может, роль же эта была выдающаяся, скажу более — решающая.

Для того чтобы понять характер и весь умственный и нравственный облик Александры Феодоровны, необходимо обратиться к ее юношеским годам и к той обстановке, в которой она родилась и выросла. Обстановка же эта была двойственная: маленький, серенький, бившийся в денежных затруднениях германский двор, сохранивший от прежней власти лишь одно — строжайший этикет и тем прочнее его державшийся, чем больше ускользала фактическая власть, с одной стороны, и пышный, тоже скованный этикетом, но вращающийся в необыкновенной роскоши и средневековых традициях, английский двор, с другой стороны, — вот та обстановка, в которой воспиталась молодая принцесса Гессенская Алиса. Чуждая, само собою разумеется, всякой политики, совершенно не разбиравшаяся в степени действительной власти, присущей тем коронованным лицам, жизнь которых она разделяла, от природы гордая, властная, принцесса Алиса с юности не признавала никого равным себе.

Если государь, как все слабовольные люди, мечтал лишь об одном — свести дарованные им народу права по возможности к нулю, то иначе смотрел на дело Столыпин. Он с места задался целью примирить общественность с властью, причем продолжал думать, что даже у наиболее злобных представителей общественности мотивом к оппозиции является возмущение некоторыми наиболее, по условиям времени, яркими пережитками прошлого. Он искренно был убежден, что доста-

точно государственной власти осуществить определенные реформы, отменить вызывающие наибольшее раздражение передовой общественности правила, доказать тем самым, что правительство вполне искренно желает считаться с общественным мнением, чтобы обезоружить оппозицию и завоевать общественные симпатии. В частности, он считал, что и в области земельного вопроса необходимо сделать довольно существенные уступки требованиям, провозглашенным распущенной Государственной думой.

Первые слова, сказанные им мне после своего назначения главою правительства, были: «Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать вовсю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени».

Эту фразу он повторял мне впоследствии неоднократно, и я уверен, что он ее говорил и всем членам своего кабинета и другим своим сотрудникам по Министерству внутренних дел.

Однако надо сказать, что главная цель, которую он преследовал, была не улучшение условий народной жизни, не усовершенствование порядка управления страной, а укрепление государственной власти, поднятие ее престижа и примирение с нею культурной общественности. Эту цель он стойко и последовательно преследовал за все время нахождения у власти и, несомненно, много в этом отношении достиг.

В соответствии с этим осуществляемые реформы интересовали его не столько сами по себе, а в отношении того влия-

ния, которое они окажут на развитие страны, а преимущественно поскольку они будут приветствованы определенной частью общественности и тем самым могут содействовать подъему ореола власти, а следовательно, ее крепости и силы.

При этом он почти с места совершенно правильно разделил русские общественные круги на две резко различные части, а именно на те, которых никакими произведенными реформами не удовлетворишь, ибо цель их единственная и всепоглощающая — достигнуть власти, и те, которым дороги судьбы России, которые искренно болеют о разъедающих ее язвах и, следовательно, способны оценить усилия правительства, направленные к исцелению этих язв. К первым он причислял, в особенности после Выборгского воззвания, лидеров кадетизма, ко вторым — русские либеральные общественные круги, кристаллизовавшиеся в политическом отношении в партии октябристов. Правда, вначале ему не чужда была надежда привлечь симпатии многих членов и в кадетских кругах, чем, между прочим, и была вызвана первая серьезная проведенная им мера, а именно передача Крестьянскому банку всех казенных и удельных и части кабинетских годных для обработки земель для продажи крестьянам. Мере этой Столыпин придавал исключительное значение, полагая, что она произведет благоприятное впечатление в крестьянской среде и вырвет у кадет один из боевых и прельщающих сельское население пунктов их программы. Я был обратного мнения. По существу, мера эта не имела значения, так как земли эти и без того почти целиком находились в крестьянском пользовании

(они сдавались им на льготных условиях в аренду)<sup>594</sup>, а принятие ее могло лишь усилить надежды крестьян на получение всех частновладельческих земель: добились, мол, частичного исполнения кадетской программы, добьемся, следовательно, и полного ее осуществления.

Всего труднее Столыпину было получить согласие царской семьи на отчуждение удельных земель. Государь, справедливо признавая, что удельные земли составляют собственность всего русского императорского дома, не хотел решить этого вопроса единолично. По этому поводу Столыпин мне рассказывал, что он ездил специально с этой целью к великому князю Владимиру Александровичу и его супруге Марии Павловне, и сколь неохотно они выразили свое согласие. Меня Столыпин почитал, не без основания, столь враждебно настроенным против этой меры, что даже скрыл предпринимаемые по этому поводу шаги, пока они не привели к благоприятному (по его мнению) результату.

594\* Более того, в конце 1890-х Уделы начали успешную экспериментальную программу по поднятию эффективности хозяйства на сдаваемых крестьянам землях. Арендные договоры, при весьма льготной цене, стали содержать условия по минимальному уровню техники земледелия: от крестьян требовалось вести многопольный севооборот, травосеяние и т.п. Несмотря на существенный успех этих мер, после продажи удельных земель Крестьянскому банку (с их последующей перепродажей крестьянам) покупатели вернулись к привычному им низкому уровню земледелия.

Вообще, на тему о принудительном отчуждении земли Столыпин со мною не беседовал, и я лишь случайно узнал, что намерения его шли в этом направлении значительно дальше. Узнал я об этом от гр. А.А.Бобринского, которому Столыпин, как раз в первое время своего премьерства, сказал: «А вам, граф, с частью ваших земель придется расстаться».

Понял я тогда, почему Столыпин так настойчиво возражал против моего выступления в Государственной думе по земельному вопросу, а в особенности почему он не хотел, чтобы я говорил от лица Министерства внутренних дел. Он, очевидно, вел уже в то время переговоры с некоторыми думскими лидерами, причем весьма вероятно, что он готов был принять и земельную реформу кадетской партии. Абсолютный невежда в экономических вопросах, Столыпин не понимал совершенно, что упразднение частного землевладения в России равносильно ее экономическому краху, при котором крестьянство пострадает едва ли не в первую голову.

Впрочем, повторяю, Столыпин мало заботился о тех конкретных последствиях, которые будут иметь проводимые им меры. Учитывал он почти исключительно их психологическое значение, то влияние, которое принятие их может оказать на укрепление престижа власти, на степень симпатии к правительству как политических вожаков, так и широких слоев населения.

С своей стороны я решительно не мог смотреть на те или другие принимаемые государством меры только как способы

«*captatio benevolentiae*»<sup>595</sup>, хотя, разумеется, не мог и не признать психологического значения того или иного занятого правительством положения.

Вообще, ни характером, ни складом мышления мы со Столыпиным не сходились. У Столыпина премировали во всех его предположениях теоретические соображения, и здесь он был, несомненно, мастером. Верхним чутьем он инстинктивно постигал ту политическую линию, которой надо придерживаться для овладения популярностью, причем спешу сказать, что популярности этой он искал не для себя лично, а для всего представляемого и возглавляемого им государственного строя. Кроме того, в начале своей государственной деятельности он выказывал большую личную скромность, вполне сознавая, что он недостаточно подготовлен по многим основным вопросам государственного бытия. Со временем это радикально изменилось — но об этом дальше.

Следом за высочайшим указом о передаче крестьянам казенных и удельных земель<sup>596</sup>, мерой, поскольку мне известно,

595\* «Завоевание благосклонности» (лат.), общее название приемов, улучшающих отношение аудитории к оратору.

596\* Гурко смешивает несколько законодательных актов. Именным высочайшим указом от 27 августа 1906 г. для продажи крестьянам были назначены казенные земли Европейской России (с исключением земель, не предназначенных для полеводства крестьянского типа, то есть специализированных хозяйств, лесов и т.п.). Именным высочайшим указом от 19 сентября 1906 года кабинетские (то есть составлявшие личную собственность императора) земли Алтайского округа передавались казне для

в Совете министров вовсе не обсуждавшейся (по крайней мере, при мне в Совете министров она не обсуждалась), приступил Столыпин к попытке осуществления крупных реформ по другим ведомствам. Одной из крупных значительного масштаба реформ, обсуждавшихся в Совете министров, был проект Министерства народного просвещения о введении в России обязательного всеобщего обучения<sup>597</sup>. Обсуждался этот проект вечером 11 августа на даче министра внутренних дел на

водворения переселенцев; эта передача была возмездной (за земли платила казна, но не переселенцы), но бесприбыльной, так как небольшая плата только покрывала расходы по землеустройству. Удельные же земли (также в части, пригодной для крестьянского полеводства) были практически полностью проданы Крестьянскому банку в течение 1906-1908 годов по нормальной рыночной цене, из которой составил особый капитал Управления уделов, являвшийся, как и всё удельное имущество, коллективной собственностью Императорской фамилии. Последняя мера не оформлялась законодательно и публично не объявлялась.

597\* Гурко выражается не вполне точно. Речь шла о постепенном, многолетнем введении в империи всеобщего (то есть гарантированно доступного любому жителю, при установлении максимального расстояния от дома до школы) начального образования (трех-четырёхлетнего, то есть в объеме т.н. одноклассной школы). Возможность введения обязательного (то есть с наказаниями для родителей, не отдающих детей в школу) не рассматривалась, так как до всеобщего образования было еще весьма далекою



Аптекарском острове, т.е. накануне произведенного на ней покушения, унесшего множество жертв.

Докладывал этот проект и защищал его положения не сам министр Кауфман, по-видимому даже довольно слабо с ним ознакомившийся, а его товарищ Герасимов. Столыпин, как всегда, ограничивался тем, что предоставлял по очереди голос записавшимся и сам не только не руководил прениями, но вообще не высказывался вовсе. Председатель он был вообще слабый и притом совершенно лишенный дара резюмировать происходящие прения и высказываемые суждения. Случалось, что он вдруг с жаром скажет несколько слов по поводу высказанного кем-либо мнения, но при этом было именно больше жара, чем доводов, опровергающих оспариваемое им мнение по существу. Вообще, первое движение Столыпина было неизменно подсказано ему врожденным благородством чувств и намерений, что не мешало, однако, тому, чтобы впоследствии брали у него верх другие соображения, более утилитарного свойства, неоднократно заставлявшие его принимать решения, далекие от отвлеченной справедливости.

Проект, внесенный Министерством народного просвещения, был чисто детский по своей утопичности. Недостаточно было провозгласить принцип всеобщего обязательного обучения (его в свое время скоропалительно провозгласили и большевики), надо было еще иметь возможность его практически осуществить. Враг всякого bluff'a<sup>598</sup> и ширококвещательных, не покоящихся ни на каких реальных основаниях предположе-

598 Блефа (фр.).

ний и обещаний, я в этом смысле и высказался в Совете министров, указав, что раньше, чем провозглашать обязательность всеобщего обучения, надо подготовить достаточный учительский персонал и что Министерство народного просвещения лучше бы сделало, если бы проектировало учреждение толково подготовленных инструкторов-преподавателей как для низших, так, кстати сказать, и для средних учебных заведений. Решительно возражал против проекта, по обыкновению с точки зрения предположенных для его осуществления денежных ассигнований казны, и Коковцов. Столыпин безмолвствовал, и заседание кончилось, как всегда, не отклонением проекта, а предложением министерству его переработать, что, в существе, сводилось к тому же самому<sup>599</sup>.

На этом члены Совета разъехались, совершенно не подозревая, что только что избежали большой опасности. Как впоследствии выяснилось, террористы, произведшие покушение на дачу министра на другой день, проезжали в этот вечер мимо нее, имея с собою взрывчатые снаряды и думая их бросить в выдававшееся на улицу широкое окно (вернее, стеклянный выступ) той комнаты, где заседал Совет министров, но так как между дачей и улицей был небольшой палисадник, то в по-

599 Законопроект о введении всеобщего начального образования был представлен Министерством просвещения в Государственную думу в ноябре 1907 г.; единовременные расходы по реализации проекта должны были составить 360 млн руб. Утвержденный Думой 12 февраля 1911 г. проект поступил в Государственный совет и был отклонен 5 июня 1912 г.

следнюю минуту они отказались от этой мысли, полагая, что брошенная ими бомба не достигнет цели. Впрочем, я не ручаюсь за достоверность этого, ибо рассказ об этом никогда не заинтересовался проверить.

На другой день, часа в три, находясь в министерстве, мне понадобилось переговорить о чем-то со Столыпиным по телефону, и я попросил секретаря соединить меня с ним. Не прошло и нескольких минут, как секретарь, взволнованный и бледный, влетел ко мне в кабинет и сказал, что с дачи Столыпина, с которой он соединился, дежурный чиновник просил его дать немедленный отбой, так как ему необходимо снестись тотчас с каким-либо доктором. На даче пожар и есть жертвы<sup>600</sup>.

600 Покушение на П.А.Столыпина было совершено 12 августа 1906 г. — переодетые жандармами террористы (Э.Забельшанский, И.М.Типунков, Н.И.Иванов), принадлежавшие к одной из максималистских групп, отколовшихся от партии эсеров, взорвали дачу министра внутренних дел на Аптекарском острове в часы приема посетителей. В результате взрыва погибли 27 человек, в том числе сами террористы. Среди пострадавших были дети Столыпина: трехлетний сын Аркадий, раненный в голову, вскоре поправился, а у пятнадцатилетней дочери Натальи ноги были раздроблены так, что врачи собирались их ампутировать, отец упросил их не делать этого, но два года девочка не могла ходить (см.: Зырянов П.Н. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992. С. 34; Бок М.П. П.А.Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 176—185).

Тотчас, разумеется, я поехал туда и приехал одним из первых. До меня прибыл лишь градоначальник Лауниц. На даче застал я ужасную картину: у подъезда стояло наемное ландо, лошади которого лежали убитые. Сама дача представляла развалины. Вся ее передняя часть была разрушена. Передняя стена обвалилась, и видны были обширная передняя и соседняя с нею маленькая приемная с обрушившимися потолками, увлекшими за собою мебелировку соответствующих комнат верхнего этажа, где жили дети Столыпиных. Тут же лежали, чем-то прикрытые, тела убитых: их было несколько, а именно все находившиеся в момент взрыва в передней. Изувеченная дочь Столыпина — у нее были перебиты ноги — была перенесена в другое здание. Малолетний сын Столыпина, тоже провалившийся вместе с потолком в нижний этаж, был найден среди всевозможных обломков совершенно невредимым.

Столыпин был, несомненно, смелый, мужественный человек: он сам извлек своего сына из обломков и, невзирая на испытанное им потрясение, сохранил полное спокойствие. Силой взрыва он сам, находившийся за две комнаты от его центра, равно как бывшие у него в это время в кабинете симбирский губернский предводитель дворянства Поливанов и председатель губернской управы Беляков были отброшены на пол, причем свалившаяся со стола чернильница своим содержанием облила затылок и шею Столыпина. Тотчас следом за мною приехал Коковцов. Как сейчас вижу следовавшую за этим небольшую сценку. В крошечной уборной, выходящей в сад, стоит Столыпин и, скинув верхнее платье, старается отмыть облившие его чернила. По одну его сторону стоит

Коковцов, по другую — я. Мокрый, со струящейся с него водой, Столыпин, несколько возбужденный, с жаром говорит: «Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России». И это не была поза. Столыпин в эту пору, в первом пылу государственного творчества, был действительно всецело предан мысли о реформах России и думал лишь о них.

Через несколько дней после этого трагического события состоялось заседание Совета министров в доме министра внутренних дел, что на Фонтанке, куда после взрыва на даче, ставшей совершенно необитаемой, переехал Столыпин. Заседание происходило в церковной аванзале, окна которой выходили во двор. После взрыва на даче передние комнаты с окнами на улицу почитались небезопасными. Установлены были и некоторые формальности для лиц, входивших в дом, занимаемый Столыпиным. На заседании этом обсуждался проект земельного устройства крестьян в Закавказье. Докладывал проект Петерсон, начальник канцелярии наместника на Кавказе. Присутствовал представитель наместника на Кавказе в Петербурге, барон Нольде. В самый разгар прений в залу вошел курьер и передал Столыпину какой-то конверт, с содержанием которого он тотчас ознакомился и немедленно вслед за сим сказал, что он имеет доложить Совету одно очень спешное дело, а потому вынужден перенести рассмотрение обсуждаемого проекта на другой день. Попросив засим присутствовавших чиновников канцелярии Совета министров удалиться, Столыпин прочел полученный документ. Оказалось, что это была собственноручная записка государя, довольно длинная, дословное содержание которой я, конечно, не

помню, но началась она со слов: «Я желаю, чтобы немедленно были учреждены военно-полевые суды для суждения по законам военного времени». Дальше говорилось о тех политических преступлениях (террористических актах, вооруженных выступлениях и т.п.), которые должны быть подведомственны этим судам.

Впечатление, произведенное этой запиской, было огромное. Мера эта в ту минуту, очевидно, не совпадала с намерениями Столыпина, все еще мечтавшего справиться с революцией мерами конституционными. Насколько помнится, не сочувствовал этой мере и министр юстиции Щегловитов, столь решительно впоследствии вторгавшийся своим личным произволом в дела правосудия.

На другой день после этого заседания я вынужден был выехать за границу к моей матери, о тяжелой болезни которой получил известие. Вернувшись примерно недели через две в Петербург, я уже на границе прочел утвержденные правила об учреждении военно-полевых судов<sup>601</sup>, которые и начали

601\* Высочайше утвержденное положение Совета министров «Об учреждении военно-полевых судов» от 19 августа 1906 года и прилагаемые к нему «Правила о военно-полевом суде» вступили в действие немедленно по их опубликовании 23 августа. Эти законоположения были изданы по ст. 87 Основных законов, то есть подлежали внесению в Государственную думу в течение 2 месяцев с момента ее созыва. Так как правительство не внесло данное положение во II Думу, оно автоматически утратило силу через 20 дней после ее первого созыва, то есть 20 апреля 1907

немедленно действовать. Узнал я при этом, что за мое отсутствие обсуждался и другой способ борьбы с подпольным террором, на мой взгляд, наиболее действительный, а именно введение института заложничества: смертная казнь над осужденными к ней не приводится в исполнение, и они сохраняются в виде заложников и подвергаются ей в случае совершения нового террористического акта. Институт этот был почти с места введен большевиками, и среди принятых ими мер эта мера, поскольку она касалась лиц, уличенных в контрреволюции, наименее незаконная. Революционеры в 1906 г. вели открытую борьбу с государственною властью, и последняя, на мой взгляд, не только имела право, но обязана была принять все меры для охранения государства от крушения и для обеспечения нормального порядка управления страной. Ложная сантиментальность и фальшивый либерализм, проявляемый в отношении к врагам государства, отражались на всем ходе государственного управления и, следовательно, нарушали интересы миллионов людей.

Иначе смотрел на это Столыпин. Он с ужасом отмахнулся от предлагаемого способа борьбы, причем одновременно твердо стоял на мысли о проявлении правительством широкой государственной деятельности. Верил он, вероятно, при этом в свою счастливую звезду. Счастье ему действительно в это время улыбалось. Взрыв на даче Аптекарского острова, правда ценой страданий его искалеченной дочери (впоследствии,

года. Действительно, к этому моменту все военно-полевые суды уже завершили свою работу и были распущены.

однако, вполне поправившейся), сделал больше для его популярности, для привлечения к нему симпатий всех, не окончательно захваченных революционным психозом, чем все проведенные им либеральные меры. Вообще скажу кстати, что Столыпин был одним из редких сотрудников Николая II, которому можно было придать титул *felix*<sup>602</sup>, почитавшийся римлянами за наивысший. В общем, наоборот, как сам покойный государь, так и большинство его сотрудников родилось под несчастной звездой; злой рок их тщательно преследовал, а через них и всю Россию. Счастье не покинуло Столыпина до самого конца его жизни: он умер на своем посту, накануне увольнения от должности и, что больше, незадолго до поджидавшей его уже смерти: при вскрытии его тела выяснилось, что наиболее жизненные его органы были настолько истрепаны, что, по свидетельству врачей, жить ему оставалось очень недолго<sup>603</sup>.

Как бы то ни было, застал я в конце августа 1906 г. правительство в творческой реформаторской лихорадке. Я, конечно, не преминул этим воспользоваться, чтобы попытаться осуще-

602 Счастливым {лат.}.

603\* Вскрытием была установлена хроническая ишемическая болезнь сердца, у Столыпина в последние годы были приступы стенокардии (Ю.А.Молин, А.В.Ковалев, А.В.Аверкин, А.Г.Гончаров. Смерть Петра Столыпина — судебно-медицинские аспекты // Судебно-медицинская экспертиза, 2020, №6) Прогноз Гурко чрезмерно радикален в сравнении с объективными медицинскими данными.



ствить давнюю мою мечту, а именно — предоставить крестьянам право свободного выхода из общины. Была образована под моим председательством междуведомственная комиссия, которая обсуждала и пересмотрела уже дважды вносившийся в высшие учреждения — сначала в Государственный совет в марте 1906 г., а затем в Совет министров в мае 1906 г. — проект правил о выходе из общины. Составлено было затем соответственное представление в Совет министров, и я принес его к подписи Столыпину, однако в последнюю минуту Столыпин не решился его подписать и просил меня это сделать «за министра внутренних дел», сказав, что он недостаточно знаком со сложным вопросом крестьянского землепользования и что посему, если в Совете министров будут предъявлены серьезные возражения по некоторым частностям выработанных правил, то ему легче будет согласиться на соответствующие изменения, если под проектом не будет значиться его подпись.

Наступил, наконец, и день рассмотрения выработанного проекта в Совете министров. Мне нечего говорить, с каким волнением я его ожидал. Целых четыре года напрягал я все усилия к тому, чтобы высвободить русское крестьянство из-под общинного ига, прибегая для этого ко всевозможным ухищрениям, и до тех пор все тщетно.

Придя на заседание Совета, я, к величайшему своему ужасу, увидел среди присутствующих престарелого члена Государственного совета, участника крестьянской реформы 1861 г. П.П.Семенова-Тянь-Шанского, ярого защитника общины. «Неужели, — подумал я, — Столыпин пригласил его на обсуждение правил о выходе из общины? Ведь это значило бы, что он сам им не сочувствует». Но в это время ко мне подошел

Столыпин и сказал: «Не говорите ничего о вашем проекте, пока здесь Семенов; он нам мешает; он здесь по делу Алексеевского Комитета<sup>604</sup>».

Действительно, дело, по которому прибыл Семенов, заняло весьма мало времени, и Совет министров тотчас по его отъезде наконец приступил к рассмотрению проекта, о коем идет речь. Первым высказался кн. Васильчиков, заменивший Стишинского на посту главноуправляющего землеустройством.

Кн. Б.А.Васильчиков — тип просвещенного барина, русского европейца, был убежденный конституционалист. Высоко во всех отношениях порядочный и неглупый человек, он не был, однако, ни работником, ни истинно государственным человеком. Это был министр типа времен Николая Павловича — прямой, честный, не склонный ради благ земных угодничать, имевший свой *franc parler*<sup>605</sup> и перед восседающими на престоле, но при этом ни с каким делом в его подробностях незнакомый — и в полном смысле слова дилетант, а потому руководствующийся здравым смыслом, но совершенно не способный со знанием руководить каким-либо сложным делом. На посту своем он оставался недолго — всего несколько меся-

604 Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, состоявший под председательством П.П.Семенова, занимался распределением казенных пособий на воспитание и образование детям офицеров и нижних чинов армии и флота.

605 Обычай говорить откровенно (фр.).

цев и был заменен Кривошеиным. Ушел он, кажется, по неладам с Коковцовым, который отказывал ему в денежных ассигнованиях. Огромные средства и принадлежащее ему по рождению высокое общественное положение — все это давало ему независимость, которая позволяла ему не идти ни на какие компромиссы и «истину царям» даже без улыбки «говорить».

Кн. Васильчиков заявил, что он всецело сочувствует проекту, согласен во всех его подробностях, но при этом, однако, не считает возможным высказаться за его немедленное, по статье 87 Основных законов, осуществление.

— Я, — сказал Васильчиков, — почитаю себя конституционным министром и посему считаю, что такие важные мероприятия без участия законодательных палат приняты быть не могут.

На это заявление я, с своей стороны, возразил, что положение это правильно лишь в обыкновенное, нормальное время. В переживаемые же ныне времена перед этим формальным соображением останавливаться нельзя. Вопрос сводится лишь к тому, целесообразна ли предлагаемая мера или нет. Жизненный интерес родины выше соблюдения тех или иных предписаний закона. По моему же глубокому убеждению, упразднение общинного землепользования — единственный способ обеспечения в стране основ современной общественности, как то право собственности, равно как самое рациональное средство для обеспечения крестьянского благосостояния.

Засим говорил Коковцов, с присущим ему многословием и малым внутренним содержанием. Понять из его слов, за он или против проекта, было довольно трудно. Перешли к постановке к постановке, и хотя почти каждое правило вызыва-

ло со стороны того или другого министра какие-либо возражения, но все же они все благополучно принимались. Запнулись на статье, упразднявшей у крестьян, как подворных, так и общественников, начало семейной собственности. Против установления права личной собственности на состоящие в их владении надельные земли у подворников не возражали, но против распространения того же порядка на крестьян-общественников решительно возражали. Как я ни бился, ничего не мог достигнуть.

Столыпин, по обыкновению, молчал, предоставив мне одному отстаивать внесенный проект. В результате принцип семейной собственности по отношению к общинникам был сохранен, и лишь три года спустя, когда изданные в порядке статьи 87 Основных законов правила были рассмотрены законодательными учреждениями и превратились в закон 11 июня 1910 г., мое первоначальное предположение, а именно признание за домохозяевами-общинниками права личной собственности на принадлежащее им имущество (усадыбы), было наконец осуществлено. Практически это имело, однако, незначительное значение, так как на деле в русской крестьянской семье римское *patria potestas*<sup>606</sup> — эта основа крепости древнего Римского государства, да и всякого общественного конгломерата, искони почиталась неоспоримой. С ослаблением нравов, с падением среди русской крестьянской молодежи авторитета главы семьи, сохранение в законе принципа

606 Отцовская власть (лат.).

семейной собственности способно было бы усилить распад семьи — этой основной ячейки человеческих сообществ.

Как бы то ни было, выходя из заседания Совета министров, одобдившего в общем правила о выходе из общины, я был несказанно рад. «Ныне отпускаеши», — сказал я себе мысленно, и эта промелькнувшая у меня мысль оказалась пророческой: не прошло и трех месяцев, как я фактически был устранен от всякого участия в государственном управлении.

Еще до рассмотрения правил о выходе из общины Советом министров был одобрен проект другого указа, изданного 5 октября 1906 г., тоже выработанного в образованном под моим председательством междуведомственным совещании. Касался он установленных законом различных ограничений в праве лиц крестьянского сословия. Материалы по этому вопросу были все давно подготовлены в земском отделе еще при разработке проектов новых узаконений о крестьянах, а посему работала комиссия весьма непродолжительное время.

Выработанный ею проект был представлен в Совет министров за подписью Столыпина; заключал он отмену едва ли не всех правоограничений лиц крестьянского сословия и, в сущности, уравнивал права всех сословий в Российской империи<sup>607</sup>; отменял он и присвоенную законом дискреционную

607\* Именной высочайший указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и других лиц бывших податных сословий» от 05 октября 1906 года отменял ограничения по допуску крестьян на государственную службу, разрешал им поступать на государственную службу и в учебные заведения, не

власть земских начальников по отношению к крестьянам (3 дня ареста и 5 рублей штрафа), власть, подвергавшуюся в оппозиционной печати столь продолжительной и всеобщей критике.

Не обошлось, однако, при рассмотрении упомянутого проекта в Совете министров без маленького инцидента. По поводу какого-то внесенного в него правила, касающегося волостных судов, предъявил какие-то возражения товарищ министра юстиции сенатор Гасман. Возражения были консервативного свойства (к этому времени министр юстиции Щегловитов уже заметно скинул с себя ту либеральную маску, которую он считал нужным носить при наличии Первой Государственной думы, и, очевидно, дал соответствующие инструкции своим сотрудникам). Я прибег к еще при Плеве усвоенному мною в подобных случаях методу, а именно защите отстаиваемого положения не по либеральным, а по ультраконсервативным мотивам, и, между прочим, сказал: «В качестве доброго черносотенца, я полагаю» — и т.д. Фраза, очевидно, крайне не

справшивая разрешения своего сельского общества, отменял обязательное исключение крестьян из сельского общества при поступлении на казенную службу, получении классных чинов и орденов и т.п. Были отменены ограничения на семейные разделы крестьян, крестьянам разрешили обязываться векселями. Крестьяне были уравнены в правах на получение паспортов с городскими сословиями. Гласные от крестьян в земских собраниях более не выбирались властями из выставленных крестьянами кандидатов, а избирались крестьянскими выборщиками в особых собраниях.

понравилась Столыпину, который щепетильно отстаивал в ту пору свой либерализм и не мог допустить, чтобы говорили, что его ближайшим помощником по Министерству внутренних дел состоит черносотенец. Не принимая, по обыкновению, никакого деятельного участия в отстаивании внесенного за его подписью проекта, он в данную минуту ничего не сказал, но по окончании рассмотрения Советом этого дела, одобренного им безо всяких изменений, счел нужным вдруг заявить: «Ну, мой черносотенный товарищ так налиберальничал сегодня, что я опасаясь, что он предложит нам вскоре упразднить всякие власти, если пойдет дальше в этом его черносотенном направлении».

Сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы 1906 г. сплошь были посвящены Советом министров рассмотрению самых разнообразных проектов, предложенных к осуществлению в порядке все той же статьи 87 Основных законов. Из этих проектов мне припоминаются в особенности два, составленные по Министерству внутренних дел: один по департаменту духовных исповеданий, а другой по департаменту общих дел.

Первый из них касался свободы исповеданий. В основу его была положена американская система признания за церковную общину, с присвоением ей соответствующих гражданских прав, всякого сообщества числом не менее, кажется, двадцати лиц, которое выразит любые духовные верования, если только они не противоречат законам этики (старообрядцы), безразлично от того, поскольку они сходятся с догматами православной религии. Такая непостижимая широта взглядов, непосредственно следующая за веками практиковавшеюся нетерпимостью даже к таким родственным православию сектам, как

раскольничество, мне казалась и опасной, и несвоевременной. Мера эта давала такой простор всевозможному сектантству, который мог внести глубокую смуту в религиозное сознание народа. Мне, конечно, как всякому, известно было то распространение, которое приобрела на Юге России штунда<sup>608</sup>.

Хотя я отнюдь не затруднялся самым решительным, скажу даже дерзким, образом возражать против предположений, вносимых Столыпиным в Совет министров, но я все же понимал, что один ничего не достигну, а посему перед началом заседания Совета обратился к заменившему Шихматова на посту обер-прокурора Св. синода П.П.Извольскому, выразив надежду, что он самым решительным образом воспротивится осуществлению некоторых предположений подлежавшего рассмотрению проекта. Мотив у него был ясный и напрашивавшийся сам собою — невозможность осуществления таких предположений, не запросив, хотя бы предварительно, мнения Св. синода.

П.П.Извольский, попавший в кабинет Столыпина, очевидно, благодаря своему брату, министру иностранных дел А.П.Извольскому, с которым, как я уже упомянул, Столыпин вел совместную кампанию во время существования Первой

608 Штунда — общее наименование ряда сект, появившихся в 1860-е гг. в южных губерниях России под влиянием баптистов из немецких колоний. Особенностью ежедневного распорядка жизни было у штундистов выделение определенного времени для изучения Священного писания (название секты — от нем. Stunde — час). В начале XX в. секты слились с баптизмом.



Государственной думы, едва ли имел в то время какие-либо познания в области церковных вопросов. Инспектор народных училищ в Киеве, где он вращался в кружке кн. Е.Н.Трубецкого, бывшего в то время профессором Киевского университета, и проникнулся взглядами радикальной общественности, Извольский был впоследствии попечителем сначала Киевского, а затем Петербургского учебного округа и решительно ничем не выделялся. По характеру человек мелкий и нерешительный, а по природе добрый и не способный к какому-либо противодействию, Извольский все же, к некоторому моему удивлению, настолько это не сходилось с теми интересами, которые он по должности обязан был защищать, поначалу сказал мне, что он не видит оснований возражать против предположенных правил. Однако после неособенно продолжительной беседы со мною он заявил, что против предположений он будет возражать. Приступили следом к обсуждению проекта. Столыпин, по обыкновению, лично не входивший в суть дела, пропускал статью за статьей при отсутствии с чьей-либо стороны возражений. Молчал и Извольский. Пришлось поневоле вступиться мне. Изложив те мотивы, по которым я по существу не мог согласиться с установлением в стране вероисповедной анархии, я обратился к Столыпину и сказал ему приблизительно следующее: «Вы стремитесь привлечь к правительству симпатии общественности и ослабить оппозицию, но имейте в виду, что настоящую оппозицию, ту, которая сеет смуту, вы никакими уступками не ублажите. Ей если нужны различные свободы, то лишь для того, чтобы использовать их для свержения существующей власти. А та часть общественности, которую вы действительно можете привлечь на сторону правительства,

умеренно-либеральные и умеренно-консервативные круги, неужели вы думаете, что они будут приветствовать изобретенные правила и расшатывание значения православной церкви. Не знаю, как на это смотрит обер-прокурор Св. синода, но знаю, что если вы и добьетесь предположенной мерой некоторого благоволения радикальных кругов, то зато восстановите против себя не только крайних правых, с которыми вы и ныне с трудом боретесь, но и умеренно-правых, а пренебрегать их опорой правительство не может».

Столыпин, очевидно слабо ознакомившийся до сих пор с им же представленным проектом, как будто оживился, и горячо возразив мне, что его нельзя подозревать в желании подорвать значение православной церкви, однако сразу иначе отнесся к обсуждаемому проекту. Восстал против него и обер-прокурор Св. синода. В результате проект был отвергнут.

Любопытные передраги испытал проект предоставления евреям различных льгот<sup>609</sup>, по сравнению с действующими законами. Тут были и льготы по физическим условиям, препятствующим принятию в войска, и льготы в смысле поступления в учебные заведения, и расширение круга лиц еврейского происхождения, имеющих право жительства вне черты еврейской оседлости.

В день рассмотрения этого проекта, составленного департаментом общих дел Министерства внутренних дел, я встре-

609\* Гурко, с достаточной наивностью, именует льготами меры, частично смягчающие существовавшую дискриминацию евреев.

тился, приехав на заседание Совета, в передней Зимнего дворца (Столыпин почти тотчас после покушения на Аптекарском острове переехал во вторую, запасную половину Зимнего дворца) с П.Х. Шванебахом.

— Вы читали еврейский проект? — сказал он мне. — Это нечто совершенно недопустимое. Я надеюсь, что вы будете возражать.

— Да, я тоже нахожу его несвоевременным и не достигающим цели, но возражать мне не совсем удобно. Все-таки он подписан моим шефом — Столыпиным. Начните возражать, а я вас поддержу.

Однако и с этим проектом произошло поначалу то же, что произошло с проектом о свободе вероисповеданий. Статьи проекта, одна за другой, проходят как по маслу. Никто не возражает, в том числе и Шванебах, невзирая на мои обращения к нему знаки: «Что же, мол, вы!»

Опять пришлось мне выступить первым, но постарался я говорить мягко и пока что коснуться не всего проекта вообще, а какого-то отдельного, обсуждавшегося в ту минуту, правила его.

В защиту проекта выступил Коковцов, обсуждавший многие проекты с точки зрения того влияния, которое произведет их принятие на биржу.

Начал он с заявления, что евреев не любит и признает тот разнообразный вред, который они приносят, «но, — продолжал он, — я убедился, что всякие меры относительно евреев совершенно бесполезны. Евреи настолько ловки, что никакими законами им путь не преградишь. Совершенно бесполезно

запирать им куда-либо двери — они тотчас находят те отмычки, при помощи которых двери эти можно отворить. В результате получается бесполезное раздражение еврейства, с одной стороны, и создание, с другой, почвы для всевозможных злоупотреблений и вмешательства со стороны администрации и полиции. Законы, стесняющие евреев, дали не что иное, как доходные статьи для разнообразных агентов власти<sup>610</sup>».

Оставить без возражения такое странное рассуждение я был не в силах.

— Первый раз слышу, — заметил я, — что если где замки не действуют, ибо их открывают отмычками, то их надо просто снять. Одно из двух: или присутствие евреев безвредно, и следует в таком случае упразднить все установленные по отношению к ним правоограничения, и в первую очередь упразднить черту еврейской оседлости, или, наоборот, они являются разлагающим элементом, и в таком случае, если навешенные против них замки недействительны, то нужно заменить их засовами или чем-либо иным, отвечающим цели.

Первое, быть может, самое лучшее. Население страны, в том числе и наша интеллигенция, лишенная механической защиты от засилья еврейства<sup>611</sup>, поневоле выработает в себе

610\* Коковцов в первую очередь имел в виду проживание множества евреев вне черты оседлости (при каких-либо нарушениях весьма сложных правил, определявших такую возможность), сопровождавшееся постоянными взятками полиции.

611\* Гурко использует типичные для эпохи антисемитские произвольные утверждения, традиционно выдаваемые за аргументы.

самом силу сопротивления, как это уже произошло в значительной степени в пределах черты оседлости. Перестанет умиляться их участию и наша интеллигенция, испытав сама силу еврейского засилья, хотя бы, например, в школе. Принятие частных мер в смысле уравнивания прав евреев с правами остальных граждан может иметь только отрицательные результаты. Оно не удовлетворит евреев, не ослабит их революционности, но зато придаст им лишнее орудие, даст большую возможность бороться с правительством. Всем известна та роль, которую играло еврейство в продолжение смуты. Что же, в награду за это им предоставляются льготы?!

Вслед за этим в прения вступили и другие из присутствующих, причем сразу обозначились два резко противоположных лагеря. Столыпин поначалу как будто защищал проект, но затем видимо смутился и сказал, что переносит решение вопроса на другое заседание.

Мои возражения, быть может действительно слишком резкие, по-видимому, раздражали господ министров, и это тем более, что к их составу я не принадлежал, а продолжал присутствовать на большинстве заседаний Совета лишь по установившемуся со времени Горемыкина, специально этого поже-

В частности, трудно понять, как может возникнуть и чем именно вредоносно в учебных заведениях «еврейское засилье», если правила поступления и плата за обучение одинаковы для всех, а оценки выставляются объективно. Соображение о «разлагающем действии» евреев вообще не может быть опровергнуто по причине абсолютной беспредметности.

лавшего, обыкновению. Заметив это, я на другой же день сказал Столыпину, что опасаясь, что мое участие при рассмотрении вопроса о льготе евреям может иметь обратное действие тому, которое мне представляется желательным, а посему на следующем, посвященном этому вопросу заседании Совета участия не приму, ему же считаю своим долгом высказать еще раз подробно те мотивы, по которым мне представляется принятие внесенного им проекта во всех отношениях вредным.

На следующем же заседании, на котором я не был, произошло следующее. Ранее чем приступить к обсуждению проекта, члены Совета по предложению Столыпина решили, что в этом вопросе меньшинство Совета подчинится большинству, на чем бы оно ни остановилось, иначе говоря, что журнал Совета по этому делу будет представлен государю с единогласным мнением. Обыкновенно при разногласии в Совете министров государю представлялись оба мнения — большинства и меньшинства, и от Николая II зависело утвердить любое.

Пришли к упомянутому решению из следующего весьма правильного соображения, а именно нежелания перенести на царя ответственность за то или иное решение этого вопроса. Действительно, если бы государь согласился на признание за евреями некоторых новых прав, то это неминуемо вызвало бы неудовольствие всех правых кругов общественности; наоборот, если бы он их отклонил, вопреки мнению хотя бы части правительствующего синклита, то это усилило бы злобу против него еврейства, чем пренебрегать не следовало. Правда, дела, проходившие в Совете, содержались в тайне, но тайна эта была весьма относительная, и заинтересованные круги всегда умуд-

рались тем или иным путем быть в курсе того, что там происходило.

Результат получился, однако, совсем неожиданный. Большинство Совета проект одобрило, причем самое любопытное, что в числе меньшинства был Столыпин, сам внесший проект на обсуждение господ министров, а государь, невзирая на единогласное мнение Совета, не утвердил его, поступив, таким образом, как бы вопреки всему составу правительства и приняв, следовательно, всецело на себя всю ответственность за его неосуществление.

По поводу отклонения этого проекта по Петербургу ходили разные версии. Рассказывали, что тут главную роль сыграл тот самый Юзефович, который был одним из авторов манифеста об укреплении самодержавия; говорили, что сам Столыпин советовал царю его не утверждать. Были и другие версии; какая из них справедлива, я не знаю<sup>612</sup>.

612 10 декабря 1906 г. Николай II вернул П.А.Столыпину неутвержденным журнал Совета министров по еврейскому вопросу, ссылаясь в сопроводительной записке на «внутренний голос», который «все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя». Столыпин просил императора хотя бы поставить резолюцию: «Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого Советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87-й статьи законов основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до

В течение сентября, октября и ноября 1906 г. правительство было охвачено реформаторским пылом. Извлечен был список дел, составленный при Витте комиссией А.П.Никольского, предположенных для представления в Государственную думу. Рассматривались не только проекты, предложенные на утверждение по ст. 87 Основных законов, т.е. без участия законодательных учреждений, но и такие, которые заготавливались для утверждения в нормальном законодательном порядке, но, странное дело, почти ни один из них законной силы ни тем, ни другим путем не получил.

Припоминаю рассмотрение в Совете проекта подоходного налога, реформы, осуществленной лишь в 1915 г., уже во время войны<sup>613</sup>. Проект докладывал тогдашний товарищ министра финансов Н.Н.Покровский, но Совет министров просто-таки с

созыва Государственной думы». Такая резолюция должна была, по мысли П.А.Столыпина, изменить ситуацию в глазах общественного мнения, в противном случае, писал он, «для общества еврейский вопрос будет стоять так: Совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но Государь пожелал сохранить их». 11 декабря 1906 г. Николай II ответил: «Из предложенных Вами способов я предпочитаю, чтобы резолютивная часть журнала была переделана в том смысле — внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке ст. 87» (Красный архив. 1924. № 5. С. 105-107).

613\* Подоходный налог (как отдельный налог, а не часть промыслового налога) был введен с 1 января 1917 года; но так никогда и не был собран, так как подлежал уплате после завершения облагаемого года, то есть весной 1918 года.



ним не справился. Да оно и немудрено. Кроме Коковцова, внесшего проект, и государственного контролера Шванебаха, с экономическими вопросами, и в частности, с податными системами, решительно никто из членов Совета знаком не был. Обсуждение проекта приняло поэтому, во-первых, хаотический характер, за полным неумением Столыпина вести деловые заседания, а во-вторых, высказываемые суждения составляли какую-то странную смесь обывательщины с архаичностью.

Во что вылилась дальнейшая деятельность Совета министров при Столыпине, как он готовился встретить Вторую Государственную думу, собравшуюся 1 февраля 1907 г., я не знаю. В декабре 1906 г. надо мною было наряжено следствие по делу о заключении контракта на поставку хлеба для голодающих местностей с неким Лидвалем, который принятые на себя обязательства не исполнил, отчего казна потерпела некоторый ущерб<sup>614</sup>, и я фактически перестал входить в состав правительства.

Дело Гурко-Лидваля, как его тогда называли в прессе, наделало огромного шума. Пресса обливала меня всевозможной грязью<sup>615</sup>.

614\* Лидваль недопоставил зерно (и не вернул полученные от казны средства) на сумму 600 тыс. рублей при общей стоимости контракта с ним около 1 млн рублей.

615 Гурко сделался объектом нападок сатириков и карикатуристов бульварной прессы. Например, иллюстрированный листок «Вихрь» (1906. № 18) опубликовал сатирический вызов:

Само собою разумеется, что я не стану входить в подробности этого дела, не могущего кого-либо интересовать, не стану тем более оправдываться, ибо, спрашивается, какое могут иметь значение оправдания, идущие от самого обвиняемого лица.

Скажу лишь несколько слов о роли в этом деле Столыпина. Мои друзья, да и не они одни, утверждали в то время, да и впоследствии, что Столыпин дал этому делу ход из личной ко мне неприязни: доходили даже до утверждения, что во мне он хотел уничтожить опасного для него соперника. Я самым решительным образом это отрицаю. Мои отношения с Столыпиным были действительно неровные, и он вряд ли чувствовал ко мне симпатию, но руководствовался во всяком деле, меня касавшемся, исключительно государственной пользой, как он ее понимал. Он хотел фактически доказать общественности, что власть не останавливается перед самыми решительными мерами по отношению к своим представителям, какое бы положение они ни занимали, коль скоро имеется малейшее подозрение в незаконности их действий. Впрочем, после невероятного шума, поднятого вокруг этого дела, довести его до суда было и в моих интересах, ибо только суд мог его

Родичеву от Гурко,

Едкий Родичев! Напрасно Говорильное ты жало Обнажил весьма ужасно На лихого «объедалу»! Храбрый Гурко по наследству, Я ведь отвагою владею И, обросши рожью с детства. Стрелять авансом я умею.

Черновик слидвалил Петрик.

представить в истинном свете и освободить от всей той грязи, которой его старательно покрывали<sup>616</sup>.

Иное дело — радикально оппозиционная пресса. Она действительно накинута на меня не только потому, что хотела использовать это дело для вящего развенчания правительства в широких общественных кругах, но и потому, что рада была случаю возместить на мне всю ту злобу, которая накопилась против меня со стороны большинства Первой Государственной думы как за речь мою по аграрному вопросу, так и вообще за мое отношение к этому думскому большинству.

Правда, Столыпину нужно было не только мое предание суду, но и осуждение, ибо, убежденный, что в случае оправдания пресса станет доказывать, что и самое предание суду было просто маской, а оправдание было вперед решено, он полагал, что только осуждение меня может доказать общественности, что власть не церемонится со своими представителями любого ранга. Рассуждал он при том вполне правильно, а именно, что

616\* Надежды Гурко на суд оправдались отчасти. Гурко был признан судом Сената виновным в «нерадении по должности», выразившемся в заключении контракта на поставку зерна казне с нарушением установленных законом правил, но без корыстного мотива. Ни предварительное следствие (производившееся особым присутствием Государственного совета), ни обвинение в суде даже не упоминали о возможности получения Гурко каких-либо незаконных доходов. Это привело к тому, что политическая репутация Гурко не пострадала, и он впоследствии был избран предводителем дворянства Тверского уезда, а затем и членом Государственного совета от Тверского земства.

коль скоро, с государственной точки зрения, ценой судьбы одного человека можно принести пользу государству в его совокупности, то перед такой жертвой государственный деятель останавливаться не должен<sup>617 618</sup>.

**617** Мысленно я упрекал Столыпина, упрекаю его и доселе, лишь за одно, а именно что он не пожелал лично появиться на суде и там публично дать свои свидетельские показания, а потребовал, чтобы суд в полном составе явился к нему в Каменноостровский дворец, в котором он в то время жил, и там, при закрытых дверях, дал свои показания, предпослав им пышный дифирамб моей деятельности. Самый вызов не свидетеля в суд, а суда к свидетелю, хотя закон на это давал право лицам, состоящим в определенном чине или классе должности, был фактом беспрецедентным и свидетельствовал о том, до какой бесцеремонности дошел Столыпин уже год спустя после своего назначения главой правительства, о чем я в дальнейшем скажу несколько слов. Мне казалось, что обязанность Столыпина, не по отношению ко мне, а в интересах защиты престижа власти, состояла в том, чтобы присутствовать на суде с самого начала и, таким образом, вполне выяснить для самого себя, виноват ли я в чем-либо или нет, и в зависимости от создавшегося у него убеждения либо призвать на меня все громы и кары правосудия, либо, наоборот, указать на то, что правительство не остановилось перед преданием суду одного из своих ставленников, коль скоро появилось у общественности подозрение в законности его действий, но оно же считает долгом, по выяснении истинных обстоятельств дела, защищать своих слуг от клеветы и грязи, которые, преследуя все ту же цель — развенчать в обще-

ственным мнении власть, столь недобросовестно нагромождала оппозиция.

Не могу я при этом не упомянуть про странное, чтобы не сказать более, вчинение мне в вину обер-прокурором Сената Кемпе моего стремления понизить цену на хлеб, приобретаемый казной для голодающего населения, что привело к тому, что цена на зерно вообще понизилась на рынке. Действительно, сделка с Лидвалем, равно как все остальные заключенные мною сделки, благополучно исполненные, были заключены по цене ниже биржевых. Вменение в вину представителю государственной власти, обязанному беречь интересы казны, его старания заключать торговые сделки на выгодных для казны условиях, равно как признание, что понижение цен на зерно на рынке в голодный год не отвечает интересам населения, достойны фигурировать в юмористическом журнале. Я должен, однако, сказать, что оно было лишь отражением того неудовольствия, которое я вызвал мерами, направленными к понижению цен на зерно, как в хлеботорговых, так и в земледельческих кругах, вследствие чего я оказался под перекрестным огнем. Негодовала на меня оппозиция по вышеприведенным причинам. Недовольны были мною и критиковали мои действия и беспринципные хлеботорговцы и определенно правые земледельческие круги. Я не намерен приводить доказательства моей невиновности, но я надеюсь, что на меня не посетуют и признают за мною законное право привести по этому поводу чужое мнение, не лишённое интереса и в данном вопросе авторитетное. Уже во время бытности моей в эмиграции в Париже я познакомился с бывшим московским городским головою Н.И.Гучковым, входившим в состав того присутствия, которое меня судило. Вот сведения, полученные от него:

Париж, 20 июля 1924г.

Глубокоуважаемый Владимир Иосифович,

Узнав, что Вы заняты составлением Ваших воспоминаний, в которых Вы, вероятно, коснетесь громкого в свое время дела по обвинению Вас в превышении власти, я считаю долгом довести до Вашего сведения один факт, касающийся этого дела, который не может Вас не интересовать.

Назначенный в ноябре 1907 г. по Высочайшему повелению в качестве московского городского головы членом Особого присутствия Сената, перед коим Вы должны были предстать в качестве обвиняемого в преступлении по должности, я должен сказать, что был настроен по отношению к Вам, которого до тех пор в глаза не видел, довольно отрицательно. Газетная травля, которой Вы подвергались в течение целого года, не могла не действовать на людей, не знакомых ближайшим образом с делом, по которому Вы обвинялись.

С первого же дня судебного следствия все дело предстало для меня, да, смею сказать, и для других членов Особого присутствия, в совершенно другом свете, нежели оно изображалось в печати. Для меня стало ясно, что Вы явились жертвой оппозиционной общественности, всячески старавшейся в ту пору очернить правительство и составлявших его отдельных лиц. По отношению к Вам эта общественность питала, по видимому, особую злобу и проявляла необыкновенное ожесточение.

По мере хода процесса полученное у меня в его начале впечатление все усиливалось и сложилось, наконец, в определенное убеждение в Вашей полной невиновности.

Такое же мнение сложилось, очевидно, и у других членов присутствия — представителей общественности, а именно у петербургского губернского предводителя гр. Гудовича и волостного старшины одной из волостей Петербургской губернии (фамилии его не помню), так как при постановке приговора мы все трое высказались за Вашу невиновность и, следовательно, оправдание. Иного мнения оказались сенаторы, коих было пять. Невзирая на все наши доводы, они остались непреклонны.

Необыкновенная, по моему мнению, настойчивость сенаторов, а в особенности то обстоятельство, что уже при обсуждении проекта пунктов обвинения сенаторы возражали и отвергли внесенные мною некоторые поправки, облегчавшие возможность оправдательного приговора, навели меня на тяжелую мысль, что они связаны с полученными сверху директивами.

На другой же день после состоявшегося приговора я, смущенный и взволнованный, поехал к председателю Совета министров П.А.Столыпину, которому счел долгом точно изложить мое мнение о полной необоснованности состоявшегося приговора и о том, что для самого привлечения Вас к ответственности у Министерства внутренних дел не было никаких оснований.

По-видимому, хотели, сказал я, бросить Гурко как некую кость для успокоения оппозиционной части об-

Итак, в дальнейшем изложении событий и изображении действующих лиц той эпохи, которой касаются набрасываемые мною силуэты прошлого, я могу их изображать лишь в качестве постороннего наблюдателя и рядового обывателя. Сохранившиеся у меня связи в петербургском бюрократическом мире давали мне, однако, возможность по временам проникать за кулисы и быть в курсе обстоятельств, остававшихся неизвестными широкой публике, почему я и полагаю, что

щественности и тем привлечь ее симпатии к правительству; но справедливо ли это и отвечает ли истинным интересам государства и олицетворяющей его власти?

П.А.Столыпин на мои слова ничего определенно не ответил. Примите уверения в глубоком моем уважении.

Н.Гучков

(Прим.автора)

618\* Гурко излагает дело односторонне. Суть уголовного обвинения против Гурко состояла в том, что он заключил контракт с Э.Лидвалем, нарушив обязательные требования о предоставлении поставщиком залога в обеспечение своих обязательств, а также полностью оплатив контракт авансом. В результате этого казна, при последующем отказе Лидваля исполнить поставку, не смогла возместить свои убытки за счет залога. Разумеется, заключение контракта без залога улучшило условия для поставщика, что позволило ему выставить более низкую цену; но, в то же время, это было сделано ценой увеличения риска получения казной убытка, который в действительности и случился.



имею некоторое право продолжить мои воспоминания за пределы времени моей государственной службы. Не стану, однако, останавливаться на подробной хронике того времени, а ограничусь лишь относительно краткими штрихами.

Вторая Государственная дума, как известно, оказалась еще радикальнее, чем первая, причем в нее проникли в значительном числе воинствующие социалисты, решившие, после опыта Первой Государственной думы, что выборный закон дает им полную возможность успешно орудовать среди народных масс, и посему прекратившие бойкот Государственной думы, который они провозгласили при самом ее учреждении.

В течение четырех месяцев мужественно выдерживал Столыпин ожесточенный штурм, направленный Второй Государственной думой на правительственную власть. Деятельность этой Думы была настолько явно революционна, что не могла привлечь к себе симпатий каких-либо культурных буржуазных кругов. Столыпин правильно решил, что наисильнейшим врагом Государственной думы была она сама, что она систематически топила себя в глазах сколько-нибудь государственно настроенных кругов и тем самым подготавливала правительству возможность, не вызывая взрыва негодования, изменить выборный закон и построить народное представительство на таких началах, которые обеспечивали бы культурный, преданный интересам России состав выборных от населения.

Вторая Государственная дума была распущена 3 июня 1907 г., и одновременно Высочайшим указом была изменена система выборов.

Акт этот был несомненно актом неконституционным и являлся, следовательно, тем, что французы называют *coup d'etat*<sup>619</sup>. Действие это, состоявшееся по инициативе Столыпина, имело, однако, целью не нарушение конституции, а, наоборот, ее сохранение и укрепление. Государственная власть стояла тогда перед дилеммой либо совершенно упразднить народное представительство, либо путем изменения выборного закона получить такое представительство, которое действительно было бы полезным фактором государственной жизни. Конечно, был и третий выход — исполнить требования оппозиционных элементов и перейти к парламентскому строю. Однако, если об этом могла быть речь в бытность Первой Государственной думы, то при второй Думе это уже явилось бы простым безумием. К этому времени, во-первых, выявилось в полной мере все пренебрежение к государственным интересам той партии, которая была преобладающей в Первой Государственной думе и которой, следовательно, приходилось вручить власть. Выявилось это когда конституционно-демократическая партия не остановилась перед опасностью разрушить весь государственный аппарат — к чему привело бы исполнение населением того, к чему она его призывала в Выборгском воззвании, — лишь бы завладеть самим властью. Засим состав Второй Государственной думы явно указывал, что власть сохранилась бы за кадетами при парламентском строе лишь в течение весьма непродолжительного времени и что вслед за ними неизбежно и скоротечно наступила бы власть социали-

619 Государственный переворот (фр.).

стов различных оттенков, что фактически и произошло в 1917 г.

На этом обстоятельстве играли крайние правые круги и прилагали все усилия убедить верховную власть покончить со всякими конституционными попытками и вернуться к чистому абсолютизму.

Столыпин вполне понимал всю опасность, которую представлял этот шаг. Он понимал, что для укрепления государственной власти нужно привлечь на сторону этой власти хотя бы некоторые культурные общественные круги, а что для этого необходимо не упразднить конституционный образ правления, а, наоборот, его закрепить. Но возможно это было лишь посредством создания такой системы выборов в нижнюю палату, при которой большинство палаты состояло бы из государственно мыслящих элементов. Понимал он и то, что весьма желательно, чтобы в этой же палате были представлены и оппозиционные и даже революционные элементы, дабы страна в лице ее буржуазных элементов могла сама судить о всей антигосударственности высказываемых ими требований и положений.

Соответственно с этим и была построена система выборов по закону 3 июня 1907 г., и надо признать, что намеченной цели она отвечала в полной мере. Государственная дума по счету третья своим составом вполне отвечала тому, что от нее ожидало правительство и что желал в ней видеть Столыпин. Наиболее могущественной группой были там октябристы (числом 170 из общего числа членов в 480), открыто написавшие на своем знамени, что они крепко стоят за участие народ-

ного представительства в законодательстве страны, но этим свои конституционные вождения пока и ограничивают.

Работа Третьей Государственной думы оказалась в результате во всех отношениях в высшей степени плодотворной. Именно эта работа обещала укрепить в России соответствующий уровень образования ее населения конституционный строй.

Правда Третья дума не выявила сколько-нибудь значительного числа выдающихся государственных деятелей, чем в известной степени и оправдалось утверждение бюрократии, что искать вне ее среды выдающихся государственных работников бесполезно, ибо среда эта втянула в себя почти без остатка всю наиболее образованную, наиболее культурную и наиболее пропитанную государственным пониманием часть населения.

Не могла Государственная дума за пятилетний срок своего существования подвести идейный принципиальный фундамент под всю государственную политику, но все же некоторые основные вопросы государственного бытия были ею основательно обсуждены и поставлены те вехи, по которым данная отрасль народной жизни должна была следовать. По одной из важнейших сторон государственной политики Государственная дума была лишена возможности сколько-нибудь определенно высказаться, а именно по политике международной. Эта область почиталась за составляющую какую-то непонятную прерогативу престола, и министр иностранных дел должен был испрашивать каждый раз особое разрешение государя на сообщение Государственной думе тех или иных международных вопросов. Все, что Государственная дума могла в этом

отношении, — это приложить все старания к усилению нашей боевой мощи, составляющей, что ни говори, главнейшую опору государства при разрешении вопросов международных.

Вообще, время существования Второй Государственной думы и первый год деятельности Третьей думы были лучшей эпохой деятельности П.А.Столыпина. При Второй Государственной думе он проявил незаурядную силу воли и спокойное хладнокровие. «Дума гниет на корню», — говорил он и, не пугаясь ее страстных выпадов, продолжал твердо вести свою линию, а именно — соблюдение конституционных гарантий при продолжавшемся стремлении завербовать сочувствие государственно мыслящих слоев населения и таким образом укрепить обаяние и, следовательно, силу власти.

Облетевшее всю Россию и превратившееся в крылатое, хотя ничего особенного оно не заключало, слово его, сказанное в Государственной думе по адресу революционеров: «Не запугаете», подкупило всех и увеличило его популярность не столько само по себе, сколько в его искренности. Общественность поняла, что действительно он мужественный человек, которого бомбой «не запугаешь». Метки были и другие слова, сказанные им во Второй Государственной думе и затем воспроизведенные на памятнике после его смерти в Киеве: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»<sup>620</sup>.

620 Гурко цитирует окончание речи П.А.Столыпина в Государственной думе 10 мая 1907 г. по аграрному вопросу, где премьер-министр отвергал радикальные программы «трудовиков» и кадетов, настаивая на постепенности преобразований и непри-

Чрезвычайно удачен был и выбор на должность главноуправляющего землеустройством А.В.Кривошеина, хотя, по видимому, это было сделано самим Николаем II.

Во всяком случае, Столыпин понял к этому времени значение им же проведенной земельной реформы, установившей свободу выхода из общины, понял и значение хуторского и вообще обособленного хозяйства и всячески помогал Кривошеину в его работе в этой области, в особенности в смысле ассигнования достаточного количества денежных средств на это требующее больших затрат дело. Помогало здесь, разумеется, и природное умение ладить и даже прельщать людей, дружбу и поддержку которых он считал для себя полезной.

Сумел он установить хорошие отношения и с большинством Третьей Государственной думы, чему, с своей стороны, в высшей степени помог лидер первенствовавшей в этой Думе

косновенности частной земельной собственности. «Пробыв 10 лет у дела земельного устройства, — говорил Столыпин, — я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» (Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв II. Сессия II. СПб., 1907. Т. 2. Стб. 445).

партии октябристов<sup>621</sup>, причем в течение некоторого времени установились вполне нормальные отношения между народным представительством и государственной властью.

621 Между П.А.Столыпиным и А.И.Гучковым, возглавлявшим в Третьей Государственной думе фракцию октябристов, существовали довольно близкие личные отношения. Они познакомились 27 апреля 1906 г. в доме петербургского журналиста А.А.Столыпина (брата премьера), и между ними сразу возникла «дружеская приязнь», они часто встречались в неофициальной обстановке, обсуждали политические вопросы и совместную тактику действий, обменивались письмами. Однако на приглашение Столыпина войти в правительство Гучков ответил отказом, так как не были приняты его условия (объявление программы действий кабинета). Позже, когда Столыпин под давлением консервативных сил из императорского окружения брал «правый крен», Гучков уговаривал его дать «открытый бой» камарилье. Однако премьер фактически капитулировал и, по выражению Гучкова, «умер политически задолго до своей физической смерти». В апреле 1911г. Гучков в знак протеста против проведения Столыпиным закона о земстве в западных губерниях в обход Думы (законодательные палаты были распущены на три дня 12—15 марта, и закон принят в чрезвычайном порядке, предусмотренном статьей 87 Основных законов) оставил пост председателя, с этого момента политические отношения были испорчены, хотя добрые воспоминания о Столыпине Гучков сохранял до конца дней (см.: Баженов А.Н. Александр Иванович Гучков // Исторические силуэты. М., 1991. С. 84, 89).

Наладились при нем и отношения между Министерством внутренних дел и земствами, хотя главная заслуга в этой области принадлежит не ему, а С.Е.Крыжановскому. Его заботами было устроено в одном из зданий Министерства внутренних дел особое помещение, где прибывающие земцы могли найти все нужные для них справки, где особо для сего назначенные служащие министерства помогали земцам своими указаниями в деле осуществления того или иного земского ходатайства.

Словом, при Столыпине, и в значительной степени благодаря его умелой политике, в стране наступило успокоение, и страна после испытанных ею передряг ступила твердой ногой на путь развития и обогащения. Последнее возрастало исполненными шагами. Достаточно сказать, что доход одного человека в среднем составлял в 1900 г. — 98 рублей, а в 1912-м — 130 рублей, т.е. повысился на слишком 30%.

По мере успокоения страны, по мере упрочнения и своего личного положения менялся и Столыпин. Власть ударила ему в голову, а окружавшие его льстецы сделали остальное. Он, столь скромный по приезду из Саратова, столь ясно отдававший себе отчет, что он не подготовлен ко многим вопросам широкого государственного управления, столь охотно выслушивавший возражения, возмнил о себе как о выдающейся исторической личности. Какие-то подхалимы из Министерства внутренних дел принялись ему говорить, что он, Петр Столыпин, второй Великий Петр-преобразователь, и он если не присоединялся сам к этой оценке его личности, то и не возмущался этим. К возражениям своим словам, своим решениям он стал относиться с нетерпимостью и высокомерием. Разошелся он нако-



нец и с октябристской партией, найдя ее недостаточно послушной. Между тем огромное достоинство и все значение октябристской партии состояло именно в том, что она, сознавая необходимость укрепить власть в России и готовая в этом отношении помочь правительству, руководствовалась при рассмотрении вопросов, касающихся страны, пользой страны, как она ее понимала, и смело выступала против правительства, если с его образом мысли не сходилась. Не останавливалась она перед раскрытием злоупотреблений и незаконных действий администрации и вообще агентов власти.

Столыпину в 1910 г. это было уже неприемлемо. Ему нужны были клеветы, и он перешел к поддержке партии националистов<sup>622</sup> и на нее стал опираться, партии если не по программе и даже по возглавлявшим ее лидерам (там были чистые

622 Имеется в виду объединенная «русская национальная фракция», которая была образована в Государственной думе 25 октября 1909 г. в результате слияния фракции умеренно-правых (председатель которой П.Н.Балашев стал главой объединения) и национальной группы (лидер А.П.Урусов) по настоянию П.А.Столыпина, стремившегося к созданию устойчивого правого большинства в парламенте. Однако в это время Столыпин, несмотря на смещение вправо, еще не собирался отказываться от союза с октябристами. Окончательно союз Столыпина с октябристами был разорван в апреле 1911 г., когда лидер октябристов А.И.Гучков демонстративно покинул пост председателя Думы в знак протеста против утверждения в чрезвычайном порядке закона о введении земских учреждений в шести западных губерниях.

люди: Балашов, гр. В.Бобринский), то по многим входившим в состав ее членам готовой идти по любому пути, указанному правительством.

Вошел он в острое столкновение с партией правых. При всех ее недостатках, партия эта не была правительственной, она считала себя государственной партией, и все, что так или иначе, по ее мнению, умаляло царскую власть, вызывало с ее стороны острый отпор. Само собою разумеется, что к этой партии примкнули личные враги Столыпина консервативного образа мыслей; выставляя напоказ свою преданность престолу, играя на этой слабой струнке Николая II, они пользовались всяким случаем, чтобы очернить Столыпина в глазах монарха. Образчиком такого способа действий был случай с утверждением штатов Главного морского штаба.

Штаты эти были утверждены Государственной думой и поступили в Государственный совет, где по их поводу был поднят вопрос о нарушении председателем Совета министров прав монарха, так как де штаты военных учреждений не подлежат рассмотрению законодательных учреждений, а подлежат утверждению непосредственной властью монарха после их рассмотрения Военным советом. Государственный совет отклонил на этом основании утверждение представленных ему штатов. Столыпин тотчас подал прошение об увольнении от должности, но, однако, удовлетворился тем, что оно не было принято Николаем II; по существу же уступил. Штаты были утверждены Высочайшею властью, хотя соответствие такого

решения вопроса Основным законам было более чем сомнительно<sup>623</sup>.

Впрочем, в этом вопросе обнаружилась явная интрига группы членов Государственного совета, во главе которой были П.Н.Дурново и В.Ф.Трепов. Вообще, Дурново, состоявший во главе правой группы членов Государственного совета и пользовавшийся в ее среде большим влиянием, увы, руководствовался преимущественно личными соображениями и чувством личной неприязни к Столыпину.

623\* Гурко излагает историю неверно. Внесенный правительством законопроект о штатах Морского генерального штаба был принят Думой 19.12.1908 без прений и перешел в Госсовет, где рассматривался с большими прениями (посвященности исключительно уместности применения к штатам законодательного порядка утверждения) и одобрен незначительным большинством голосов 19.03.1909. Император, однако, 25.04.1909 не утвердил закон, и вслед за тем те же самые штаты 24.08.1909 были приняты как Высочайше утвержденное Положение Совета министров, то есть не в законодательном порядке. Данный случай представлял собой характерный пример рассогласованности государственного управления, так как император считал необходимым никогда не отказывать в утверждении законопроектов, прошедших через Думу и Государственный совет (этот случай был одним из двух исключений из данного негласного правила); особенно нелепым было то, что утвержденный законопроект был внесен правительством и принят без изменений.

Сказалось это весьма ярко и при рассмотрении Государственным советом представленного правительством и прошедшего через Государственную думу законопроекта о введении земства в девяти западных губерниях. Играя на ультранациональных струнах, правое крыло Государственного совета приложило все усилия к отклонению этого проекта<sup>624</sup>. Столы-

624\* Гурко излагает дело неверно. Парадоксальность данной ситуации состояло в том, что правое крыло Государственного совета, традиционно стоявшее на националистических позициях, в видах выражения неодобрения правительству внезапно отказалось от этих позиций, столкнувшись с таким законопроектом, который, казалось бы, точно соответствовал их собственной позиции. Смысл правительственного законопроекта состоял в том, чтобы разделить земских избирателей-землевладельцев на две курии, польскую и непольскую (де-факто русскую), что лишило бы польских помещиков, составлявших большинство помещиков-избирателей, большинства в земских собраниях. Так как в неземских губерниях члены Государственного совета выбирались от землевладельцев, все они де-факто оказывались поляками; после введения земств их должны были сменить члены от земств, которые бы уже оказались русскими, благодаря искусственно созданному русско-дворянскому большинству в земских собраниях. Государственный совет с полной внезапностью, в последний момент вычеркнул из закона положение о создании сепаратных русской и польской курий, лишив его всего националистического смысла, вложенного в него правительством. Это было очевидным проявлением политической беспринципности и интриганства со стороны правых членов Государственного совета. После этого и произошли опи-

пин был этим положительно взбешен. Заявив государю, что при той систематической обструкции, которую он встречает в своей деятельности со стороны Государственного совета, он плодотворно работать не в состоянии, он вновь подал прошение об увольнении от должности. В течение нескольких дней положение оставалось неопределенным, причем правый фланг Государственного совета, и в частности Дурново, уже праздновал победу над врагом — Столыпиным. Но престиж Столыпина в глазах разумной части общественности был в то время настолько велик, причем сам государь настолько ценил Столыпина, что расстаться с ним не пожелал. Однако Столыпин твердо стоял на своем, причем соглашался остаться на посту председателя Совета министров лишь при условии, что будут исполнены три его пожелания, а именно: первое — принудительное увольнение в бессрочный отпуск членов Совета Дурново и Трепова, второе — назначение впредь новых членов Государственного совета от короны с его ведома и согласия и третье — роспуск Государственной думы на несколько дней с тем, чтобы в течение этого времени утвердить положение о западном земстве Высочайшей властью на основании статьи 87 Основных законов. Статья эта давала право Верховной власти издавать высочайшими указами в период междудумья законы по не допускающим промедления важным вопросам, причем указы эти должны быть в течение определенного срока

санные Гурко события с трехдневным роспуском законодательных учреждений.

внесены в законодательные учреждения, от одобрения которых и зависело их превращение в коренной закон.

Когда Столыпин в аудиенции у государя ставил эти свои условия, он между прочим сделал следующее, не лишнее интереса заявление: «Ваше Величество, — сказал он, — если вы одобряете в общем мою политику, направленную к постепенному, все более широкому приобщению общественности к государственному управлению, то благоволите исполнить мои пожелания, без чего я работать в избранном направлении не могу. Но, быть может, Ваше Величество находите, что мы зашли слишком далеко, что надо сделать решительный шаг назад. В таком случае увольте меня и возьмите на мое место П.Н.Дурново. Наконец, существует и третья политическая линия, по моему мнению наименее целесообразная, а именно не идти назад, но и не продвигаться вперед, а стоять на месте. Я могу, конечно, ошибаться и, если вы изволите находить, что именно этой политики надлежит придерживаться, то возьмите на мое место Коковцова».

Государь, как известно, согласился на условия Столыпина: Дурново и Трепов были уволены в бессрочный отпуск<sup>625</sup>,

625\* Гурко использует неточное выражение. Государственный Совет (как законодательное учреждение) состоял из равного числа членов по выбору и членов по назначению от правительства. Между тем, фактически назначенных правительством членов всегда было больше; для разрешения этого противоречия император к началу каждого года назначал к присутствованию в Совете установленное законом число членов, а все остальные

законодательные палаты распущены на три дня, и положение о западном земстве утверждено непосредственно верховной властью.

Не подлежит сомнению, что из трех требований Столыпина одно — второе — было вполне разумное. Остальные же два являлись неприкрытым проявлением неограниченного произвола.

Столыпин победу одержал, но победа эта была пиррова. Государь не мог ему простить совершенного над ним насилия, и в душе он уже с весны 1911 г. решил со Столыпиным расстаться. Убийство Столыпина или, вернее, вызванная этим необходимость назначить на пост председателя Совета министров новое лицо не застала государя врасплох — он еще до выезда из Киева, перед самым своим отъездом, пригласил к себе Коковцова и не только предложил ему этот пост, но тут же ему указал, что он имеет кандидата на открывшуюся должность министра внутренних дел.

оказывались т.н. «неприсутствующими». Николай II не стал нарушать обычай, переводя Дурново и Трепова в непристутствующие члены не в общий срок, а просто передал им неформальное указание более не являться в Совет в оставшееся время сессии, сказавшис больными.

## Глава 2. Министерство Коковцова и Четвертая государственная дума

По мере того как страна после испытанной ею встряски в 1905—1906 гг. успокоивалась, по мере того как в соответствии с этим исчезали и те опасения, которые породило революционное движение пережитых лет, власти все больше и все быстрее возвращались к прежним старым способам управления. Отразилось это прежде всего на порядке назначения главных начальников отдельных ведомств. Дело в том, что Николай II был мало склонен к установленному после 17 октября 1905 г. принципу вручения полноты исполнительной власти одному лицу — председателю Совета министров, от которого зависело бы привлечение тех или иных лиц в состав образуемого им кабинета, причем выбор военного и морского министра, не считая министра двора (что было вполне естественно), с места сохранил за собою<sup>626</sup>. Все же первый объединенный кабинет состоял из лиц, избранных его председателем Витте. При образовании второго кабинета, состав которого был установлен по соглашению государя с назначенным им председателем Совета Горемыкиным, личный выбор государем отдельных его членов сказался уже в большей степени. Третий председатель Совета министров Столыпин сумел за все время

626\* Следует понимать, что описанные Гурко политические принципы были не более чем благими пожеланиями отдельных лиц. Закон (Учреждение Совета министров 1906 года) рассматривал председателя Совета министров просто как лицо, ведущее его заседания и особо ответственное за координацию действий ведомств. Никакое участие председателя Совета в выборе министров не предусматривалось, и министры продолжали индивидуально докладывать дела по своей части императору.



своего нахождения во главе правительства пополнить состав возглавляемого им правительства лицами по своему избранию, но достигал он этого все с большим трудом, и одна из главных причин, по которой Николай II решил с ним расстаться уже за несколько месяцев до его трагической кончины, заключалась именно в том, что, по мнению государя, Столыпин узурпировал власть монарха, проводя в министры своих избранников.

С кончиной Столыпина этот порядок подвергся коренному изменению. Произошло это, между прочим, вследствие того, что заменивший Столыпина В.Н.Коковцов стал во главе правительства в такой момент, когда по внешности изменение состава правительства ничем не обуславливалось. Таким образом, Коковцов с места стал во главе коллегии, в которой далеко не все в нее входящие были его политическими единомышленниками и тем более склонными подчиняться его руководящим указаниям.

Однако по самому началу, а именно в момент назначения председателем Совета, Коковцову удалось устранить назначение на открывшуюся со смертью Столыпина вакансию министра внутренних дел предложенного ему Николаем II нижегородского губернатора А.Н.Хвостова, а провести несколько времени спустя на эту должность А.А.Макарова. Создать, однако, действительно объединенный кабинет, следующий его руководящим указаниям, ему никогда не удалось, а все последующие изменения в составе его кабинета произошли если не вопреки его желаниям, то, во всяком случае, и не согласно с ними. Единственная мне известная попытка Коковцова ввести в состав возглавляемого им кабинета своего кандидата взамен

лица, признававшегося им совершенно неподходящим, окончилась полной неудачей. Я имею в виду увольнение военного министра Сухомлинова и предполагаемое назначение на его место А.А.Поливанова. Произошло это осенью 1911 г. Государь был в эту пору в Ливадии, где Коковцов и доложил ему о желательности замены Сухомлинова другим лицом. Причины для этого у Коковцова были самые веские. Так, ему стало известно, что в ближайшем окружении Сухомлинова находились лица (Альтшулер), работавшие в австрийской шпионской организации. Что именно доложил Коковцов государю, я, конечно, не знаю, но, судя по тому, что передавалось по этому поводу в Петербурге, государь первоначально согласился на предложение Коковцова. Прослышав про грозившую ему опасность, следом за Коковцовым помчался в Ливадию Сухомлинов, и там ему удалось не только укрепить свое положение, но еще добиться и увольнения от занимаемой им должности помощника военного министра, кандидата на его должность Поливанова. При этом произошла даже довольно пикантная сцена. Возвращавшегося из Ливадии Сухомлинова встречали на вокзале его ближайшие сотрудники, в том числе и Поливанов. Подойдя к встречавшим его лицам, и в первую очередь, как к старшему, к Поливанову, Сухомлинов, не подавая ему руки, резко сказал: «По Высочайшему повелению вы больше не помощник военного министра».

Но Сухомлинов был не единственным членом кабинета Коковцова, находившимся с ним в определенной оппозиции. В том же положении был и А.В.Кривошеин, отношения с которым у Коковцова были натянутые еще во времена их совместного состояния в составе министерства Столыпина. Здесь

разногласие было, разумеется, совершенно иного свойства; в основе его были настойчивые ежегодные требования Кривошеиным от Коковцова, как от министра финансов, отпуска все больших средств на нужды землеустройства и сельского хозяйства. Опираясь в этом вопросе не только на Столыпина, но и на государя и даже на Государственную думу, Кривошеин неизменно добивался ассигнования почти всех требуемых кредитов, но добивался он этого не без труда, откуда и происходило их взаимное нерасположение.

В своем месте я уже набросал краткую характеристику Кривошеина, каким он был в начале своей служебной карьеры. Достигнув предела своих желаний, а именно назначения главою обширного самостоятельного ведомства, Кривошеин, можно сказать, в корне преобразился. Куда девалась его скромность, упорное скрывание своих политических взглядов и готовность беспрекословно исполнять указания начальства. Правда, для достижения поставленных им себе целей он продолжал прибегать к изобретенному им ранее приему, а именно к составлению и поддержанию самых разнообразных личных связей, но использовал он эти связи не для достижения личных целей, а для всемерного развития порученного ему дела. Делу этому — крестьянскому землеустройству и подъему уровня сельского хозяйства — он искренно предался, и вел он его с жаром и увлечением. Ставил он при этом преследуемые им задачи прямо и определенно, а в порядке их осуществления обнаружил широкий размах выдающегося государственного деятеля.

Обнаружил при этом Кривошеин и свойства крупного администратора и организатора. Выразилось это прежде всего в

умелом подборе дельных и талантливых сотрудников и предоставлении им надлежащей свободы действий. Совершенно правильно ограничил он при этом свою роль по отношению к ним общими принципиальными указаниями. Умение отличать существенное от второстепенного, замысла от технического его исполнения было в высшей степени присуще Кривошеину. Не входя в мелкие подробности, предоставляя это всецело своим сотрудникам, он, однако, умел сохранить за собою и инициативу, и главные директивы. Строгий, требовательный, он умел придать своим подчиненным энергию в исполнении ими их работы, вдохнув в них увлечение преследуемыми ими задачами. Не останавливаясь перед резкими выражениями и даже крутыми мерами по отношению к лицам, не отвечающим предъявляемым им требованиям, он одновременно не скупился в похвалах и поощрении тех работников, которые умело и толково исполняли свои обязанности.

Совершенно отсутствовавшее у Плеве умение ладить с людьми и привлечь к себе их симпатии Кривошеину было в высшей степени присуще. Оставаясь у себя в ведомстве властным начальником, вне его он превращался в тонкого дипломата. Как я уже упомянул, самая трудная его задача состояла в получении необходимых весьма крупных сумм как для работ по землеустройству крестьян, так и для мероприятий, направленных к подъему техники русского сельского хозяйства. Между тем Коковцов, как известно, заботился прежде всего о сведении бездефицитных государственных бюджетов и о накоплении так называемой свободной наличности Государственного казначейства. Добыть от него при таких условиях те десятки миллионов рублей, которые при Кривошеине государ-

ство расходовало на две указанные выше цели, было нелегко и, во всяком случае, связано с постоянными трениями и пререканиями с главою правительства. Если бы Кривошеин заботился исключительно о собственных интересах и не был одушевлен стремлением принести действительную и большую пользу стране, он, конечно, не стал бы ежегодно домогаться все больших и больших ассигнований на развитие порученной его ведению отрасли народного труда. Упрекали Кривошеина, между прочим, в том, что он не упускал случая рекламировать свою деятельность, причем связано это было в некоторых случаях с значительной тратой казенных средств.

Так, при нем было издано чрезвычайно роскошно иллюстрированное описание хода работ по землеустройству крестьян и еще более роскошно описание азиатской России и всех заключающихся в ней неисчислимых богатств<sup>627</sup>. Весьма интересно также иллюстрированное описание вырабатываемых в наших среднеазиатских владениях, преимущественно в Туркестане, восточных ковров. Однако все эти издания, если до известной степени и рекламировали деятельность самого Кривошеина, то рекламировали еще в большей степени Россию, тот огромный сдвиг, который происходил во всем ее земельном строе, рекламировали те неисчислимые, но еще втуне лежащие естественные богатства азиатской России, которые

627 Имеются в виду богато иллюстрированные издания Главного управления земледелия и государственных имуществ: Азиатская Россия. Т. 1—3. СПб., 1914; Переселение и землеустройство за Уралом. СПб., 1912—1916.

еще ждали разработки и использования; популяризировал он и те художественные сокровища, которые раскрывало изучение произведений, вошедших в состав империи среднеазиатских народностей.

Люди — рабы этикеток. В зависимости от того ярлыка, который наклеивается на то или другое действие, оно представляется им то достойным похвалы, то заслуживающим порицания. Так, достаточно назвать стремление Кривошеина представить деятельность управляемого им министерства в наиболее выгодном свете и широко осведомить о ней общественность рекламой, и оно приобретает характер личный и малопривлекательный. Назовите, однако, те же его действия широким осведомлением общества о проводимых государством крупных мероприятиях и готовностью подвергнуть их широкой критике, и они принимают характер правильной государственной политики, имеющей в виду облегчить дальнейшую работу в атмосфере всеобщего одобрения и моральной поддержки. Стремление приписать действиям, по существу правильным и полезным, личные низменные мотивы, увы, было неизменно присуще русской общественности, и одним из его последствий явилось огульное осуждение деятельности правительства. Так, если правительство работало втихомолку, говорили, что оно скрывает от общества все свои начинания и действия, опасаясь его критики, когда же оно широко осведомляло общественность о своей деятельности и о достигнутых им результатах, называли это саморекламированием. Что же хотели, чтобы правительство занималось самокритикой и представляло собственные действия в неблагоприятном свете?

По существу же важны не те мотивы, которые руководили Кривошеиным, а перед тем Витте, когда они стремились осведомить общество о проводимых ими реформах и получаемых от них результатах, а степень правильности такого их образа действий для достижения преследуемых ими государственных целей. Но в этом отношении сомнения быть не может: оба они избрали верный путь. Кривошеин вполне понимал, что в условиях современности достигнуть серьезных результатов в любой области без обеспечения предпринимаемым мерам сочувствия широких общественных кругов нет возможности. В этих видах он стремился установить наилучшие отношения с членами Государственной думы по возможности всех партий, с тою же целью искал он популярности среди земских кругов, в том числе и среди так называемого третьего элемента. И результаты были налицо. Государственная дума неизменно поддерживала все его представления и требования денежных ассигнований, а в 1913 г. я был свидетелем, как земские агрономы, приглашенные к участию в собранном при Главном управлении землеустройства агрономическом совещании, устами одного из них обратились к председателю совещания, товарищу Кривошеину гр. П.Н.Игнатьеву, с горячей речью, в которой выражали благодарность за предоставленную им возможность широко и свободно высказать все свои мнения и стремления. Кривошеин при этом был последователен: он не только внушал всем своим сотрудникам необходимость благожелательного отношения к общественным элементам и широкой терпимости к высказываемым ими мнениям и даже критике, но даже при выборе сотрудников искал людей, способных по присущим им свойствам привлекать общественные

симпатии и смягчать неизбежно по временам возникающие трения. Кривошеин при этом, разумеется, не мог не сознавать, что некоторые делаемые им при этом уступки требованиям общественности по существу были в государственном отношении едва ли вполне правильны, например, широкое ассигнование земствам весьма значительных средств на разнообразные агрономические предприятия без уверенности, что средства эти будут повсеместно употреблены с пользой. Но он понимал при этом *qu'il faut faire la part du feu*<sup>628</sup>, что без некоторых, по существу неважных отступлений от безусловно правильного образа действий осуществить решительно ничего нельзя.

Да, достигнув власти, Кривошеин пользовался теми же методами, которые привели его к власти, но с той весьма существенной разницей, что пользовался он ими не только ради сохранения власти, но преимущественно в целях использования их для блага государства. Если бы его желания ограничились одним сохранением министерского портфеля, ему было бы гораздо проще и спокойнее не возбуждать новых вопросов, не проявлять широкой лихорадочной деятельности, вызывающей, как всякая деятельность, наряду с похвалой и одобрением ожесточенную критику и создающей многочисленных противников. Если на министерском посту Кривошеин обнаружил свойства государственного деятеля широкого размаха, смелых начинаний и тонкого политического инстинкта, то не впал он и в ошибку Витте, а именно в одностороннее

628 Необходимость локализовать пожар (фр.).



поддержание лишь той отрасли народного производства, которой он сам ведал. Посодействовали этому, впрочем, и те личные связи, которые он по жениному родству имел в московских торгово-промышленных кругах<sup>629</sup>.

Существовала, однако, и другая причина, вследствие которой Кривошеин не замкнулся в круг вопросов, ему лично подведомственных. Действительно, по мере приобретения им влияния у государя и в определенных общественных кругах — землевладельческих и промышленных — он, несомненно, возымел желание стать во главе правительства, т.е. превратиться в председателя Совета министров. Верный своему принципу продвигаться путем создания соответственных связей, он уже в ту пору, когда влияние государыни еще совершенно не ощущалось, приложил все усилия, чтобы приблизиться к ней, и достиг он этого в полной мере, невзирая на имевшееся для него в этом отношении большое препятствие, а именно полное незнакомство с иностранными языками. Между тем хотя государыня и говорила на русском языке, но вести по-русски беседу на разнообразные темы широкого

629 А.В.Кривошеин после окончания университета (1888) познакомился с железнодорожным магнатом С.И. Мамонтовым, который предложил ему должность юрисконсульта Северо-Донецкой железной дороги и ввел в высший московский купеческий «свет» (Морозовы, Крестовниковы, Якунчиковы). В 1892 г. А.В.Кривошеин женился на Е.Г.Карповой, дочери историка, профессора Московского университета Г.Ф. Карпова и А.Т.Морозовой — дочери Т.С.Морозова.

масштаба ей было не совсем легко. Во всяком случае, ей было легче выразить свою мысль во всех ее изгибах и подробностях на каком-либо западноевропейском языке. Нашел Кривошеин и способ завязать с Александрой Феодоровной постоянные деловые отношения. С этой целью он измыслил образовать специальный комитет для поощрения и развития крестьянского кустарного производства, причем председательствование в этом комитете он предложил императрице. Однако этим отнюдь не ограничивались беседы, которые он вел с государыней. Наоборот, в них он касался самых разнообразных государственных вопросов и, несомненно, сумел пленить ее ум и сердце.

Понятно, что при таких условиях влияние Кривошеина начало проявляться в самых разнообразных направлениях, между прочим и в деле выбора министров.

Так, например, гр. П.Н.Игнатьев, сменивший в должности министра народного просвещения Кассо, состоявший до того времени товарищем Кривошеина по Главному управлению землеустройства и земледелия, был проведен на эту должность Кривошеиным.

Словом, весьма скоро после возглавления правительства Коковцовым наиболее влиятельным лицом в министерской коллегии оказался А.В.Кривошеин, а в дело смены министров и назначение новых Коковцов и не решался вторгаться. Да, на посту председателя Совета министров Коковцов оставался почти исключительно министром финансов. В этой области его влияние, несомненно, возросло, но из ее пределов почти не выходило.

Но, увы, влияние это было отрицательное, скажу прямо, мертвящее, и если бы не Государственная дума, с которой ему приходилось считаться, то хозяйственное развитие страны, поскольку оно зависит от финансовой и экономической политики государства, совершенно бы затормозилось, как затормозилось бы и развитие наших вооруженных сухопутных и морских сил.

Из положения безусловного охранителя интересов Государственного казначейства Коковцов никогда не выходил. Систематично накапливал он золото в казенных сундуках, и, складывая его туда, казалось, что прямо слышишь, как он говорит собранным червонцам: «Ступайте, полно вам по свету рыскать, Служа страстям и нуждам человека. Усните здесь сном силы и покоя. Как боги спят в глубоких небесах...»<sup>630</sup>.

Действительно, насколько основные принципы Коковцова соответствовали положению русских финансов в момент возвращения его на должность министра финансов в 1906 г. в кабинете Горемыкина, настолько они противоречили народным интересам начиная приблизительно с 1908 г.

Насколько бережливое, скажем даже скупое, расходование государственных средств и сокращение всех видов кредита вполне уместно и правильно в период экономических депрессий и даже в переживаемый Государственным казначейством период денежных затруднений (что, впрочем, обыкновенно друг с другом совпадает), иначе говоря, когда производство

630 Гурко цитирует монолог Барона из второй сцены трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь».

ценностей перерастает требования рынка, настолько, наоборот, они в корне неправильны в период мощного роста всей совокупности производительных сил страны, а не какой-либо отдельной отрасли производства. Между тем Россия в семилетие с 1907 г. по 1914 г. была именно в периоде исключительно хозяйственного подъема, что, несомненно, происходило вследствие того, что под осуществившуюся к тому времени значительную производственную силу промышленности подводилась и быстро создавалась могущественная потребительская база путем увеличения роста народного благосостояния. Происходил же этот рост вследствие быстрого перехода крестьян к иным формам землеустройства, связанным с иными способами использования производительных сил почвы.

В такой период скупое расходование государственных средств, выражавшееся реально в остановке осуществления многих общепользованных начинаний, как то: незначительное проведение новых железнодорожных линий<sup>631</sup>, недостаточное снабжение железнодорожного хозяйства подвижным материа-

631\* К началу 20 века государство активно участвовало в финансировании частного железнодорожного строительства. Основным методом была скупка облигаций новых железных дорог с последующим рефинансированием этих расходов за счет выпуска казенных консолидированных железнодорожных облигаций. Эта практика привела к тому, что рынок проявлял слабый интерес к железнодорожным ценным бумагам, выводимым на него напрямую. В результате, осторожная политика Коковцова подавила не только строительство казенных железных дорог, но и финансирование строительства частных дорог.

лом (за что мы, между прочим, жестоко поплатились с самого начала возникновения войны), сооружение элеваторов, устройство приморских портов, отказ в средствах для интенсивного использования наших огромных, втуне лежащих государственных лесов и, наконец, недостаточное снабжение средствами денежного обращения, происходящего как от недостаточного выпуска в обращение денежных знаков<sup>632</sup>, так, в особенности, от сокращения многих видов кредита, — было крупной, весьма крупной ошибкой.

У Коковцова ошибка эта, думается мне, обуславливалась его природным пессимизмом и, вероятно, отсюда происходящим отсутствием у него смелости и размаха. Пессимизм его приводил к тому, что никакому риску он не верил и всякое дело почитал за недостаточно обеспеченное и даже едва ли не обреченное на гибель.

632\* Политика Коковцова в области денежного обращения стремилась к тому, чтобы государство не использовало свое эмиссионное право (по закону 300 млн. рублей сверх золотого запаса), а поддерживало полное покрытие банкнот в обращении золотым запасом. Результатом такой политики была некоторая нехватка наличности, постоянно ощущаемая населением и бизнесами. Это приводило к широкому использованию в деловых расчетах государственных облигаций (и даже вырезанных купонов к ним) вместо денег; отказу розничной торговли от расчетов в копейках со знакомыми покупателями (товар продавали «на запись», пока не набирался целый рубль), попыткам предприятий выдавать часть заработной платы талонами в заводскую лавку и т.п. разнообразным явлениям.

Наши банковские деятели, перекинутые после революции в Западную Европу, с удивлением отмечали, что всякие, казалось бы самые верные, предприятия и комбинации в Западной Европе в ближайшие годы после войны давали в конечном счете не прибыль, а убыток, словом, не оправдывались. Говорили они при этом, что в России приходилось за последнее до войны десятилетие идти на комбинации, где доля успеха при предварительном учете не превышала и 10%, и все же все они или почти все давали барыши. Между тем, работая в Париже и Лондоне после войны, они же, те же люди, брались лишь за дела обеспеченные, сулившие 80 и 90% удачи, и тем не менее преобладающее большинство их проваливалось и ликвидировалось убытком.

Между тем люди были те же, а умение их разобраться в деловых вопросах лишь расширилось. Дело, значит, не в них и не в степени их умения разобраться в различных коммерческих и банковских конъюнктурах, а в чем-то другом. Это же другое — не что иное, как общая тенденция данного времени.

Россия после революции 1905 г. и до мировой войны была в периоде не только увеличения производства, но и в периоде роста среднего достатка у массы, т.е. увеличения силы потребления. Наоборот, на западе Европы после войны резко сказался упадок благосостояния масс, а тем самым и сокращение потребления.

Коковцов, очевидно, не учитывал всего этого и не признавал, что судьба его поставила в такой момент во главе русских финансов, когда любой налог переносился населением с легкостью, когда поступления от него превышали самые оптимистические первоначальные предположения, когда самые

широкие затраты государственных средств на производительные расходы давали блестящие результаты и сторицей окупали затраченные на них суммы.

В такой момент нахождение у казенного сундука лица, признававшего за главную задачу его вящее наполнение и, по-видимому, не постигавшего, что при богатом народном кошельке государственный сундук может обходиться без значительных запасных фондов, было определенным, на мой взгляд, несчастьем.

Накопление свободных средств Государственного казначейства, иначе говоря, извлечение из народного обращения лишних для текущих государственных расходов национальных средств, было в ту пору не что иное, как кастрирование народной энергии. О самой этой энергии, о ее напряженности можно судить по тому, что, невзирая на это искусственное уменьшение могущих быть в его распоряжении орудий производства, народное хозяйство проявляло такую жизненность и столь буйно оплодотворяло все, к чему прикасалось, что народное богатство увеличивалось из года в год. Спрашивается, что бы было при ином направлении нашей финансовой политики?

Я считаю себя вправе указать на эту отрицательную сторону в деятельности лица, стоявшего в столь важное время во главе как наших финансов, так и всего правительства, так как дошел до этого убеждения отнюдь не только *post facto*<sup>633</sup>. В

633 Задним числом (лат.).

подробном разборе нашей государственной сметы на 1914 год, с трибуны Государственного совета, равно как в экономическом исследовании, опубликованном мною еще в 1908 г. (под заглавием «Наше государственное и народное хозяйство»)<sup>634</sup>, я развивал решительно те же положения.

Между тем главная цель этого накопления — укрепление нашей денежной валюты — не была достигнута. Действительно, тотчас после начала мировой войны выяснилось для всех и каждого, что чрезмерное для текущих надобностей накопление средств в Государственном казначействе отнюдь не обеспечивает денежной единицы государства от значительного падения при наступлении чрезвычайных обстоятельств. Так, невзирая на наличность у нас в момент объявления войны самого большого количества золота, которое когда-либо до тех пор было собрано в руках одного государства, курс на наш рубль с места понизился по сравнению с курсом на денежные знаки других воюющих государств, хотя золотом они были обеспечены в значительно меньшей доле, нежели наши ассигнации.

Разумеется, была для этого и другая причина, а именно огромный дефицит по нашему международному расчетному балансу, вследствие, с одной стороны, почти полного прекращения нашего экспорта, а с другой, вследствие производства исполинских заказов различного боевого материала на загра-

634 См.: Гурко В.И. Наше государственное и народное хозяйство: Доклад, представленный V съезду уполномоченных объединенных дворянских обществ. СПб., 1909.



ничных, как союзных, так и нейтральных, рынках. Это обстоятельство не ослабляет, однако, моего основного положения: извлечение из народного оборота средств, не потребных для текущих государственных расходов и не затрачиваемых на повышение уровня народного хозяйства, а складываемых в подвалах Государственного банка, кроме отрицательных результатов каких-либо иных дать не может. Я не хочу входить в подробности этого весьма сложного вопроса, к тому же ныне совершенно праздного, тем более что опасаюсь увлечься этой любимой моей темой, а между тем мои очерки и без того разрослись далеко за первоначально предположенные мною пределы. Не могу, однако, в заключение не указать, что в конечном результате накопление золота в подвалах русского Государственного банка практически привело к тому, что большевики получили возможность продлить свою безумную попытку прекратить всю индивидуальную народнохозяйственную деятельность страны и жить за счет работы бюрократического аппарата путем расходования на государственные потребности перешедшего в их распоряжение (вернее, на их расхищение) накопленного в предыдущий период золотого фонда.

Избрание Коковцовым на пост министра внутренних дел А.А.Макарова тоже нельзя признать удачным. А.А.Макаров был типичный судебный деятель, привыкший, как большинство из них, разбираться в уже произошедшем и совершенно не обладающий способностью предусматривать то, что имеет произойти. Между тем давно сказано, что *administrer c'est*

prevoir<sup>635</sup>. К тому же привычка иметь дело с людьми, состоящими либо под следствием, либо под судом, приводит к какому-то особому, специфическому отношению и к роду людскому, и к образуемым им учреждениям, сказывается прежде всего в каком-то формальном, неизменно закрепляемом протоколами и иными письменными документами отношении.

Именно так относился Макаров и к подчиненной ему обширной губернской администрации, и к общественным учреждениям, и государь метко определил его сущность, назвав его нотариусом. Вместо живого, непринужденного и знакомого с психологией земских людей обращения Столыпина Макаров с места проявил какое-то мертвенное, если не враждебное, то, во всяком случае, безразличное, к ним отношение. В результате порвалась та живая связь, которая установилась при Столыпине между земцами и Министерством внутренних дел. Внешним и конкретным образом проявилось оно, между прочим, в упразднении образованного в Петербурге при Министерстве внутренних дел особого земского бюро, где приезжие земцы могли получать необходимые им справки по всем интересующим их делам и где им давались указания и советы и оказывалось содействие для проведения тех дел и вопросов, разрешение которых зависело от других ведомств. В этом бюро приезжие различных губерний земцы встречались друг с другом, обменивались сведениями и советами и, благодаря этому, вскоре начали смотреть на помещение этого бюро как бы на

635 Управлять — значит предвидеть (фр.).

собственную штаб-квартиру, что, естественно, сближало их с правительственными органами и устанавливало добрые отношения между ними и в течение предыдущего периода ненавистным им Министерством внутренних дел<sup>636</sup>. Свою душевную черствость и одновременно отсутствие государственного такта Макаров обнаружил в особенности в речи, произнесенной им в Государственной думе 11 апреля 1912 г. в ответ на запрос Думы по поводу произведенного перед тем на приисках Ленской золотопромышленной компании расстрела бастовавшей толпы рабочих. Количество жертв превышало сто человек, причем, по полученным в Государственной думе сведениям, стрельба войск по толпе рабочих не была вызвана какими-либо агрессивными действиями рабочих. Событие это вызвало, разумеется, чрезвычайный шум и было, конечно, использовано всей оппозиционной прессой. Макаров, не произведя предварительно никакого следствия по этому делу и всецело полагаясь на действия того жандармского офицера (некоего

636 Далее зачеркнуто: «Такие же приблизительно отношения установились у Макарова с членами Государственной думы. Одна его сухая, тощая фигура с прилизанными волосами, тщательно расчесанной бородой и очками на носу, равно как его размеренная бесстрастная речь, наводили на собеседников тоску и какое-то чувство безнадежности что-либо от него получить и бесцельности разговора с ним. К тому же отличался он чрезвычайной мелочностью и во всяком деле, как во всякой представляемой ему к подписи бумаге, видел не суть вопроса, а те запятые, которыми разделяются отдельные их части и положения».

ротмистра Трещенкова), по распоряжению которого войска стреляли в толпу, твердо заявил с трибуны Государственной думы, что распоряжения власти были вполне правильны и обусловлены тем, что многотысячная рабочая толпа сама набросилась на войска. Тут же была сказана им и та фраза, которая потом столь часто повторялась как революционерами, так и оппозиционными силами, а именно: «Так было, так будет впредь». Вместо того чтобы сказать Государственной думе, что Министерство внутренних дел за чрезвычайной дальностью как от столицы, так и от всякого мало-мальски крупного административного центра того места, где произошло это прискорбное событие, не имеет ныне возможности представить Государственной думе нужные объяснения, но что оно немедленно такое расследование произведет и все, что им будет обнаружено, Государственной думе сообщит, Макаров счел нужным с места заявить, что виноваты в этом деле сами рабочие, а жандармские власти совершенно правы. Между тем действительность была иная. Произведенным таки впоследствии специально для этого командированным в Сибирь сенатором Манухиным расследованием было выяснено, во-первых, что экономические условия, в которых находились рабочие на Ленских приисках, были тяжелые, что забастовка их была, следовательно, вполне обоснованна и, наконец, что характер забастовки был вполне мирный и сколько-нибудь основательных причин для стрельбы войск в рабочую толпу не было. В результате ревизии сенатора Манухина местные начальству-

ющие лица (как то: местный губернатор и иркутский генерал-губернатор Князев), равно как и жандармский офицер Трещенков, были смещены<sup>637</sup>, но в общем дело это было затушено, и на скамью подсудимых никто из виновных посажен не был. Вообще надо сказать, что все отношение правительства к делу о ленских беспорядках было в корне неправильно и, конечно, нанесло ущерб народной вере в справедливость царских решений. Не так бы поступил Александр III.

Само собою разумеется, что при таких условиях никаких сколько-нибудь существенных мер общего значения при Макарове Министерством внутренних дел ни осуществлено, ни даже предпринято не было, а заготовленные еще при Столыпине проекты реформы губернского и вообще местного управления продолжали пребывать в блаженном покое в различных департаментах министерства.

Ближайшим сотрудником в том деле, которое почти единственно интересовало и сосредоточивало в то время заботы и внимание правительства, а именно выборы в новую, Четвертую Государственную думу, Макаров избрал А.Н.Харузина. Человек этот, по природе неглупый и даже в известной степени способный, отличался необыкновенным честолюбием, неразрывно у него связанным с безграничным самодовольством, и был типичным карьеристом. Самодовольством дышала вся его маленькая на тонких ножках фигурка боевого петушка. При этом он отнюдь не был солидным, сильным бое-

637\* Гурко частично ошибается; иркутский генерал-губернатор Л.М.Князев оставался в должности до 1915 года.

вым петухом, а именно маленьким, задорным и крикливым петушком.

Не останавливающийся в карьерных целях ни перед каким нарушением не только духа, но и буквы закона, Харузин проявил необыкновенную изобретательность в деле проведения выборов в законодательные учреждения и, следовательно, с точки зрения избравших его лиц, оправдал в полной мере оказанное ему доверие. В какой степени его деятельность оказалась полезной для государства — другой вопрос, хотя надо сказать, что он был лишь техническим исполнителем преданных ему заданий.

Продержался Макаров на должности министра внутренних дел сравнительно недолго, как я уже сказал, ничем не отметив своего пребывания во главе внутренней политики государства. Споткнулся он на том же Распутине. Узнав через посредство департамента полиции, что у каких-то частных лиц имеются не то выкраденные у Распутина, не то проданные им несколько писем к нему государыни, Макаров приложил все усилия к их приобретению, что ему, за весьма крупную сумму, и удалось. Получив эти письма, Макаров поспешил передать их государю. С какою целью он это сделал, понять трудно. Письма государыни были, разумеется, самого невинного свойства, касались здоровья наследника и сводились к испрошению его советов и благословений. Изъять эти письма из частных рук и тем прекратить возможность их превратить в рыночный товар было несомненной обязанностью царского министра. Но этим, казалось бы, и должна была ограничиться его деятельность в этом отношении. Макарову захотелось, по-видимому, на этом еще выслужиться: проявить свою преданность царской семье,

а также уменье охранить ее от всяких неприятностей. Формальный ум Макарова, очевидно, не позволял ему постигнуть, что передача писем государю могла быть и ему и государыне лишь весьма неприятной. Велико должно было быть, следовательно, изумление Макарова, когда в ближайшие дни после этого он безо всякого предупреждения был уволен от должности.

Заместителем Макарова явился полтавский губернатор Н.А.Маклаков. По внешности Маклаков был прямой противоположностью Макарову; круглый, розовый, с веселой улыбкой на лице, он был типичным провинциальным<sup>638</sup> франтом, дамским угодником, забавным рассказчиком и был известен как неподражаемый анекдотист. В сущности, Маклаков напоминал не столько провинциального администратора, сколько известный тип состоящего при таком администраторе чиновника по особым поручениям. Тип этот в провинции был весьма известен, а возлагались на него поручения не столько губернатором, при коем он числился, сколько губернаторшей по самым различным домашним и светским делам. На должности управляющего Тамбовской казенной палатой он сумел прельстить местную меценатку Александру Николаевну

638\* Гурко ошибается: Маклаков был коренным москвичом, дворянином Московской губернии и сыном профессора Московского университета.

Нарышкину<sup>639</sup>, очень близкую ко двору, что и дало ему место полтавского губернатора, где во время торжеств по поводу двухсотлетия Полтавской битвы с ним познакомился государь, которому он сумел понравиться<sup>640</sup>. Выбор государем Маклакова был, по-видимому, совершенно личным, и Коковцов никакого отношения к нему не имел.

Как бы то ни было, Маклаков, попав на должность министра внутренних дел, очень быстро сообразил, что для того, чтобы удержаться у власти, необходимо сблизиться с крайне правым лагерем и демонстративно высказывать определенно правые убеждения, выражать это в том, что к земству относиться по меньшей мере подозрительно, а с Государственной думой быть лишь в формальных отношениях и отнюдь не входить с ее выдающимися членами в близкие отношения. Опоры же нужно искать в Государственном совете, само собою разумеется, в его правом крыле. Эту линию Маклаков наметил себе почти с места и продолжал ее держать до самого конца, причем, по-видимому, сам себя убедил, что он убежденный

**639** Рожденная Чичерина, родная тетка большевистского наркоминдела, убитая и, как говорят, предварительно замученная большевиками в Тамбове. (Прим. автора)

**640** К моменту личной встречи с Николаем II Н.А.Маклаков занимал должность управляющего казенной палатой в Полтаве; после знакомства, состоявшегося на торжествах по случаю двухсотлетия Полтавской битвы, Маклаков получил звание камергера и был назначен черниговским губернатором. (Подробно о назначении Маклакова министром внутренних дел см.: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума: 1912—1914. М., 1981. С. 255- 264, 282.)



сторонник абсолютизма, хотя, по существу, едва ли имел какие-либо сознательно выработанные убеждения. Прибавлю, однако, что арестованный еще при Временном правительстве, а большевиками впоследствии расстрелянный, он держал себя во время нахождения в тюрьме и при совершенном над ним убийстве с достоинством и проявил благородное мужество.

Управление свое министерством Маклаков начал с немедленного проявления своего глубокого провинциализма. Подобно Столыпину, в должности министра внутренних дел он увидел всероссийского губернатора и счел поэтому нужным ночью объезжать полицейские участки города Петербурга, что было по меньшей мере бесцельно. Со временем он, однако, сообразил, что обязанности министра внутренних дел несколько иные, нежели градоначальника, и подобные экскурсии уже более не предпринимались.

Само собою разумеется, что никакими широкими государственными задачами Маклаков не задавался и никаких существенных проектов в Государственную думу при нем внесено не было, за исключением лишь одного, а именно проекта учреждения мелкой земской единицы, первоначально выработанного еще при Столыпине.

С проектом этим произошел, однако, весьма любопытный казус. Принятый с некоторыми изменениями в Государственной думе, он был с треском провален в Государственном совете в весеннюю сессию 1914 г., т.е. перед самой войной, причем за его провал работал в особенности... сам внесший его в Государственную думу Н.А.Маклаков. Действовал он тут под влиянием или, вернее, под давлением правого крыла Государственного совета. Причина же была простая — против

этого проекта, как вообще против всяких проектов, внесенных Министерством внутренних дел, был П.Н.Дурново, не переставший надеяться вновь занять должность министра внутренних дел на почве откровенно правых консервативных взглядов. Маклаков испугался, что на вопросе о мелкой земской единице правое крыло Государственного совета внушит государю убеждение, что он, Маклаков, недостаточно умело разбирается в вопросах внутреннего управления и что для охраны господствующего строя необходимо вновь вверить внутреннюю политику тому лицу, которое сумело в 1908 г. подавить грозивший этому строю взрыв.

Ранее чем перейти к характеристике Четвертой Государственной думы и краткому очерку ее деятельности, необходимо сказать несколько слов о характере выборов ее членов и о произведенном на них давлении правительства. Наблюдение за ходом выборов было поручено товарищу министра внутренних дел А.Н.Харузину, бывшему некогда моим сослуживцем по Государственной канцелярии. Карьерист чистой воды, он, разумеется, из кожи лез, чтобы выборы эти дали определенное большинство лиц, угодных правительству. Я подчеркиваю, именно угодных. Действительно, отрицать за властью право стремиться к получению такого состава законодательных палат, который был бы оплотом существующего строя и разделял бы в общем правительственную программу, просто смешно. Правительство, верящее в соответствие своей политики интересам государства, не только имеет право, но даже обязано стремиться к этому.

При этом надо, однако, делать, думается мне, строгое различие между стремлением заручиться в общем согласным с

правительством большинством в законодательной палате и желанием иметь такую палату, где бы не было ни одного независимого в своих убеждениях и в своем образе действий человека, именно в среде, в общем стоящей на стороне существующего политического строя. Между тем одной из отличительных черт власти за все царствование Николая II было стремление превратить всех своих сторонников, а тем более всех своих агентов в «не смеющих свое суждение иметь» пешек. Господа министры этого царствования, отличавшиеся сами большой дозой угодливости и малой волевой энергией, малой решимостью и смелостью отстаивать свои личные убеждения, не могли допустить, чтобы среди их сотрудников, как вообще среди представителей той общественной среды, которая была с ними солидарна, были люди, не желающие ограничить свою деятельность слепым и безличным подчинением всем их взглядам и указаниям.

Эта черта в значительной степени, думается, способствовала тому, что, когда старый строй рухнул, среди правительственного синклита почти не оказалось лиц, которые бы немедленно от него с легким сердцем не отвернулись и даже пустились в его яростную критику. Любопытно, что та нетерпимость к чужому мнению, о которой я говорил выше, вовсе не сопровождалась собственной решительностью и властью с умением внушать свою волю и заставить подчиненный аппарат в точности ее исполнить. Наоборот, именно властностью наши правительственные верхи вовсе не отличались, что и отражалось на деятельности аппарата, каждый зубчик которого считал возможным руководствоваться в своей работе собственными взглядами и понятиями. Верховная власть не умела

заставить своих ближайших сотрудников быть послушными исполнителями своей воли, так как вообще никаких определенных, сколько-нибудь конкретных политических директив не преподавала и, быть может, именно потому совершенно не переносила открыто высказывающих ей свои собственные мнения, открытого выражения мнений, с нею несогласных. Независимость суждений, которой сильные люди не боятся, ибо уверены, что это не помешает им осуществить свою волю, — вот чего она не терпела. Делай, как хочешь, но не смей меня критиковать, не смей мне говорить, что мой образ действий, по их мнению, неправилен, — вот к чему на практике это сводилось. Воспитав в своих сотрудниках слепое повиновение своим распоряжениям и всемерно подавляя всякую у них независимость, правительство при первом признаке своей непрочности не нашло какой-либо опоры в имевшихся у него многочисленных подчиненных.

В соответствии с этим правительство при выборах в Государственную думу не ограничилось поддержкой тех или иных партий, а еще всматривалось в выставляемых ими или поддерживаемых ими отдельных кандидатов и тех из них, из уст которых оно опасалось, что может при случае услышать критику своей деятельности, старательно устраняло. Нужна правительству была не государственно мыслящая, преданная существующему строю независимая палата, а послушная толпа клеветов. До того, чтобы смотреть на Государственную думу как на активный фактор народной жизни, правительство еще не доросло и впадало в старую, столь соблазнительную систему авторитетных правительств — создать из народного представительства не отражение народной мысли или хотя бы мысли

определенных слоев населения страны, а послушное орудие для осуществления собственных мыслей и предположений. Уроки истории, как всегда, оказались бесплодными. Было основательно забыто, что всего менее надежной опорой власти в переживаемые ею критические моменты являются именно народные собрания, состоящие из сикофантов. Между тем, казалось бы, достаточно было бы вспомнить французскую палату депутатов при Карле X, прозванную за свое необыкновенное послушание *la chambre introuvable*<sup>641</sup>, с легкостью провозгласившую, после трехдневной уличной революции, низложение Карла X, равно как такую же палату, низложившую в 1870 г. Наполеона III, перед которым незадолго перед этим пресмыкалась.

В Петербурге был старательно рассмотрен список членов Третьей Государственной думы, и тех из них, которые проявили наибольшую энергию и вместе с тем осмеливались порой высказывать свое неодобрение тем или иным принимаемым правительством мерам, правительство решило не допустить в Четвертую Государственную думу. Такими лицами оказались октябрист А.И.Гучков, кн. Шаховской, председатель после Гучкова комиссии по обороне, Каменский, поднявший в Третьей Государственной думе столь неприятный для правительства вопрос о сдаче в аренду заключающих в недрах каменноугольные залежи земель Александровской церкви Екатерино-

641 Редкостная палата (фр.).

славской губернии<sup>642</sup>. В число этих лиц был включен и я, очевидно за то, что осмелился на общедворянском съезде в 1908 г. неодобрительно отозваться об узкоказначейской финансово-экономической политике В.Н.Коковцова. Средства, употребляемые для устранения данных лиц от выборов, были разнообразные. Над одними под разными предложениями назначались судебные следствия, вследствие чего они утрачивали право быть избираемыми, другим мешали путем давления на выборщиков, либо, наконец, путем искусственного объединения либо расчленения при уездных выборах отдельных курий. Особенно играли при этом курией духовенства, которая по закону могла либо действовать, либо не действовать.

Любопытный и, быть может, наиболее яркий образчик описанного стремления нашего правительства создать из Государственной думы всецело ей послушное орудие достижения собственных намерений представляли именно выборы 1912 г. в Твери.

642 Инициированный П.В.Каменским и подписанный 107 депутатами Государственной думы запрос министру торговли и промышленности по поводу незаконных действий правительственного маркшейдера Горного управления Южной России, приведших к неправильной оценке угольных запасов и вычислению цены земельного участка, проданного Александровской церковью села Александровки Бахмутского уезда Екатеринославской губернии агроному П.М.Волынскому, был внесен в Думу 4 мая 1909 г. (см.: Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв III. Сессия II. СПб., 1909. Т. 2. № 417).

Наладившееся в губернском земском собрании дружное сотрудничество его левого и правого крыльев не отразилось, да и не могло отразиться, на смягчении их взаимной борьбы на чисто политической почве. В Тверской губернии борьба происходила между двумя партиями — кадетами, с одной стороны, включавшими, как повсюду, левое земское крыло и представителей свободных профессий, и правыми октябристами, хотя собственно октябристской партии, как организации, в Тверской губернии не существовало.

Это правое крыло включало крайних правых, слишком слабых, чтобы выступить самостоятельно, и умеренно-правых и собственно октябристов. Словом, в этой, если можно так сказать, октябристской группе были смешаны решительно все оттенки правой общественности, начиная с крайних правых и кончая октябристами. Большое значение в этой группе имело духовенство, поставившее в Третью Государственную думу трех членов из общего числа 8 членов, приходившихся на Тверскую губернию. Естественно, что с этой группой, являющейся в общем весьма послушной указаниям епархиальной власти, и пришлось иметь дело, причем я лично состоял в постоянных сношениях с Антонием — архиепископом Тверским, весьма тихим и благочестивым пастырем.

Для моих личных выборов самой трудной стадией мне представлялось избрание в выборщики на тверском уездном избирательном собрании. Трудно оно было потому, что от Тверского уезда полагалось всего лишь два выборщика, из них одного необходимо было предоставить духовенству. Между тем уездное избирательное собрание включало в себя множество выбранных от крестьянских обществ, политические

убеждения которых сводились к одному — самим попасть в члены Государственной думы, звание, прельщавшее их тем содержанием (4000 рублей<sup>643</sup>), которое ему было присвоено. Тактика крестьян ввиду этого сводилась лишь к одному — забаллотировать всех кандидатов в выборщики, в том числе часть и принадлежащих к их среде, так как и между собою они могли сговориться лишь с трудом.

Именно в этой стадии выборов мне стало известно, что губернская администрация, вернее, губернатор Н.Г.Бюнтинг делает все от него зависящее, чтобы помешать моим выборам. Обратился с этою целью Бюнтинг и к Тверскому архиепископу Антонию, но так как и с ним отношения у него были весьма натянутые, то, разумеется, ничего не достиг. На уездном собрании, избирающем губернских выборщиков, были выбраны один священник и я. Предстояли выборы губернскими выборщиками уже самих членов Государственной думы. Состав этих выборщиков, общим числом около шестидесяти, обеспечивал победу правым, само собою разумеется, при помощи голосов духовенства, которых набралось 16 или 12, точно не помню, а также при содействии определенно октябристского крыла, возглавляемого Н.П.Шубинским. После продолжительных переговоров состоялось соглашение: духовенству предоставля-

643\* С лета 1908 года депутаты Государственной думы получали содержание в размере 4200 рублей в год; те, кто работал в комиссиях вне времени сессий, получали еще 10 рублей за день работы.



лось два места, Шубинскому обеспечивалось избрание по курии землевладельцев<sup>644</sup>.

Они, в свою очередь, принимали весь наш список, остальных 5 членов Государственной думы, в числе коих был и я. Однако еще до наступления самых выборов членов Государственной думы ко мне стали поступать с разных сторон самые определенные сведения, что губернатор делает все возможное, чтобы я не попал в Государственную думу, причем дает определенно понять, что этого не желает правительство и глава его, председатель Совета министров Коковцов.

Хотя мне и было известно, что Коковцов был весьма раздражен моим докладом на общедворянском съезде, но с тех пор прошло уже три года, и мне в голову не приходило, чтобы правительство, и в частности Коковцов, могло бы придавать какое-либо значение моему избранию в Государственную думу, а тем более всемерно этому препятствовать. Желая выяснить это обстоятельство, я поехал в Петербург и прежде всего отправился к министру внутренних дел Макарову, зани-

**644** В избрании по куриям землевладельцев участвовали все губернские выборщики, но избираемый должен был принадлежать к курии землевладельцев, владеющих полным земским земельным цензом, а посему выборщикам из крестьян и из духовенства не было никакого смысла их забаллотировать, ибо сами они по этой курии избраны быть не могли, вследствие чего обе эти группы охотно соглашались на любого выставяемого большинством выборщиков из землевладельцев кандидата. (Прим. автора)

мавшему одновременно со мною должность товарища министра, но от него я ничего не добился, кроме указания, что выборами особенно интересуется председатель Совета министров Коковцов, от которого будто бы и исходят те или иные указания губернским властям. Для меня стало ясно, что Бютинг на этот раз не уклонился от истины, говоря, что меня не желает правительство, а также, что Макарову безразлично, буду ли я выбран или нет, но что от Коковцова соответствующие указания он получил, изменить которые собственной властью не имеет возможности. Направился я вслед за этим к Коковцову, которому я и поставил вопрос прямо: правда ли, что им даны указания губернской власти препятствовать моим выборам в Государственную думу? Весьма любезно меня встретивший Коковцов ответил мне с делающей ему честь искренностью и прямоотой.

— Да, — сказал он, — я предпочитаю, чтобы вместо вас был выбран любой кадет. Ведь вы же должны понять, что мне будет гораздо труднее отвечать вам, сидящему на правых скамьях Государственной думы, нежели Шингареву (его постоянному оппоненту по государственному бюджету), сидящему налево.

Я поблагодарил его за откровенность, и наша вполне дружественная беседа, продолжавшаяся затем довольно долго, перешла на другие темы. Коковцов, между прочим, мне рассказал, что занимавшего в то время общественное внимание Распутина он на днях, по желанию государя, вызывал к себе, причем на вопрос государя, как он ему понравился, ответил: «На меня, Ваше Величество, подобные личности никакого впечатления не производят». Словом, мы беседовали как два

лица, принадлежащие к одному политическому лагерю, скажу даже, как два бюрократа.

По всей вероятности, Коковцов изменил бы свое отношение к моим выборам, если бы я обещал воздержаться в Государственной думе от критики его финансово-экономической политики, однако такого условия он мне, разумеется, не предложил, я же, конечно, признавал совершенно недопустимым связать себя какими-либо обещаниями. В свою очередь, Коковцов мог прийти к заключению, что, попавши в Государственную думу, я именно на него направлю все свои стрелы.

По странному стечению обстоятельств, выходя от Коковцова, я встретился в его приемной с Бюнтингом, который, вероятно, тут же ему доложил, что единственный способ не допустить меня в Государственную думу — это заставить выборщиков от духовенства голосовать против меня, что, однако, возможно лишь при решительном воздействии на тверского архиерея, с которым я веду выборную кампанию сообща.

Поездка моя в Петербург состоялась еще до выборов земским собранием членов Государственного совета, что именно и заставило меня баллотироваться в члены высшей законодательной палаты, хорошо понимая, что пройти в члены Государственной думы, при создавшихся условиях, мне будет трудно.

Наступил наконец и день выборов. В большой зале тверского Дворянского собрания сошлись все 60 выборщиков губернии, причем сразу определилось, что наше правое крыло имеет вполне обеспеченное и довольно значительное большинство. Но тут же утром я от одного из выборщиков от духо-

венства узнал, что всех их накануне собрали в архиерейском доме, где им владыка предложил некоего Н.Н.Лодыженского, состоявшего чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода, являвшегося одновременно одним из выборщиков по Кашинскому уезду, и сказал им, что они должны всецело действовать при выборах в Государственную думу соответственно его указаниям, так как он имеет, с своей стороны, указания обер-прокурора и вообще правительства. Как скоро выяснилось, Лодыженский приехал к тверскому владыке с письмом от Саблера (по другой, непроверенной версии — было это будто бы письмо от Коковцова), в котором указывалось на необходимость склонить выборщиков от духовенства голосовать против меня. Владыка Антоний сам, очевидно, не решился воздействовать на духовенство в смысле его препятствия моим выборам.

Выборщики от духовенства проявили здесь большую дисциплину и необыкновенную честность. Несмотря на то что им было прямо сказано нашей партией, что если они не обещают дать голос за меня, то никто из них тоже не пройдет в Думу, они прямо сказали, что не могут послушаться данного им наказа. В результате все духовенство было забаллотировано. Я же вовсе не решился баллотироваться, так как явиться в Государственный совет после забаллотировки в члены Государственной думы считал неудобным: пришел-де к вам, потому что меня в другое, очевидно почитаемое мною за лучшее, место не пустили.

Наспех выставили мы тогда вместо кандидатов от духовенства и моей кандидатуры таких лиц, на которых октябри-

сты могли сговориться с левыми. Имена их не помню — причем А.А.Лодыженского, левого октябриста, близкого к кадетам.

Припоминаю замечательную сценку этих выборов. Стоя внизу большой парадной лестницы Дворянского собрания, увидел я спускающуюся всю группу выборщиков от духовенства.

— Ну что, отцы, — сказал я им, — вот к чему вас привело то, что вы превратились в стадо пасомых каким-то чиновником.

— В этом не мы виноваты, — ответили они в голос, буквально скрежеща зубами от злости, — это все Петербург проклятый.

Прибавлю, что я и без голосов духовенства был бы, вероятно, выбран, но в последнюю минуту, уже после собственного избрания в члены Государственной думы, Шубинский дал ясно понять, что и он со своими верными клеветами, которых было с десятков (весь Калязинский уезд), тоже положит мне налево<sup>645</sup>. Откровенность эта, ему вовсе не свойственная, была, однако, вызвана отнюдь не желанием быть хотя бы в ничтожной степени честным, а стремлением запугать меня и заставить отступить от своей кандидатуры, так как он вовсе не был уверен, что, даже имея против себя его голос и голоса

645 При баллотировке шарами, принятой в дворянских и земских собраниях, избиратель брал шар и вкладывал руку в трубу, прикрепленную к ящику с двумя отделениями. Шары, положенные в левое, считались «черными» (против), направо — «белыми» (за).

духовенства, я не был бы выбран. Этой цели он достиг. Баллотироваться я не решился.

Впрочем, участие правительства в выборах в Государственную думу не ограничилось устранением от выборов некоторых нежелательных для него лиц. Значительно дальше пошел департамент полиции. По-видимому, без ведома министра внутренних дел (Макаров это положительно утверждал при допросе его в 1917 г. чрезвычайной следственной комиссией)<sup>646</sup> департамент этот провел в Четвертую Государственную думу от рабочей курии города Москвы одного из своих агентов, определенного провокатора Малиновского, ставшего в Думе даже лидером фракции социал-демократической партии и произносившего с трибуны Государственной думы определенно зажигательные речи. Разоблаченный Бурцевым, специализировавшимся в деле уловления в революционной среде внедрившихся в нее или продавшихся полиции агентов-провокаторов, Малиновский принужден был выйти из состава

646 Чрезвычайная комиссия Временного правительства для расследования преступлений по должности бывших министров допрашивала А.А.Макарова о выборах депутатов Четвертой Государственной думы по рабочей курии в Москве, рассчитывая установить, какой помощью властей пользовался на выборах Р.В.Малиновский. Макаров решительно отрицал свое личное вмешательство в процедуру выборов (см.: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л.; М., 1925. Т. 2. С. 113- 119).

Государственной думы и впоследствии большевиками был расстрелян<sup>647</sup>.

Результаты усиленной работы правительства в деле выборов в Четвертую Государственную думу сказались весьма определенно не столько на составе ее, сколько на характере ее работы.

Действительно Четвертая Государственная дума по своему партийному составу не многим отличалась от своей предшественницы — Третьей Государственной думы, но в нее не входили наиболее даровитые и наиболее боевые представители средних течений, именно благодаря этому количество отдельных фракций, на которые дробилась Четвертая Государственная дума, по сравнению с Третьей значительно увеличилось. Действительно, дробление это произошло не вследствие сколько-нибудь серьезного политического разномыслия между членами этих отдельных групп, сколько явилось результатом личного честолюбия их лидеров. Анархичность русской природы в связи с развившимся у многих членов Государственной думы честолюбием, выразившимся в страстном желании играть самостоятельную видную роль, побудила этих лиц образовать вокруг себя хотя бы небольшую, но ими возглавляемую политическую группу.

Произошло это прежде всего вследствие отсутствия в Четвертой Государственной думе такого волевого человека, каким был А.И.Гучков, умевший объединять людей под своей власт-

647 См.: Дело провокатора Малиновского. М., 1992; Розенталь И.С. Провокатор. М., 1996.

ною ферулою и придавать председательствуемой им группе партийную дисциплину и сплоченность.

Надо, однако, признать, что практически на решениях Государственной думы дробление ее на мелкие группы отражалось незначительно, так как по существу все центральные группы легко сговаривались между собою и фактически всегда имели возможность провести свои предположения и пожелания. Следствие отсутствия в Государственной думе почти насильственно из нее исключенных Каменского, кн. Шаховского, А.И.Гучкова было иное. За их отсутствием Четвертая Государственная дума утратила тот дух инициативы, которым отличалась Третья.

Устранив из Государственной думы тех в общем преданных существовавшему строю членов Третьей Государственной думы, которые отличались наибольшей самостоятельностью и напористостью, правительство, очевидно, думало превратить возглавляемое ими большинство Думы в послушное орудие. На деле же получилось то, что люди, вообще склонные преклоняться перед силою, при перемещении этой силы в ином направлении как бы меняют и свое начальство. Именно это и произошло с Четвертой Государственной думою; когда в борьбе, возникшей во время мировой войны между властью и широкими слоями общественности, последние все более явно превращались в сторону, обладавшую большей силой в стране, она послушно пошла на поводу этой самой общественности и дала себя в конечном счете совсем поработить имевшемуся в ее составе меньшинству — кадетам, как в большей степени отражавшим настроение и мысли общественности.



По своему партийному составу Четвертая Государственная дума, идя справа налево, состояла из фракции правых, численно несколько уменьшившейся по сравнению с Третьей Государственной думой. Как характер ее деятельности, так и лидеры ее остались прежними, хотя официальным ее лидером стало новое лицо, а именно А.Н.Хвостов, покинувший пост нижегородского губернатора в надежде, что он легче проберется к вершинам власти через Государственную думу путем выявления там своей преданности не столько существующему, сколько самодержавному строю. Видной роли в Государственной думе, однако, Хвостов не играл. Пытался он во время войны выдвинуться шовинистическими речами, направленными против проживающих в России немцев, в том числе и немецких колонистов Юга России, на которых в то время было воздвигнуто определенное гонение, но широкого отзвука его речи не получили.

Деятельного участия в работе Государственной думы правая фракция по-прежнему не принимала и продолжала стремиться не к приданию этой работе наибольшей плодотворности, а, наоборот, к возможному дискредитированию как перед общественностью, так, в особенности, перед государем как этой работы (как фактора национальной жизни), так и самой Государственной думы, в смысле ее враждебности существующему строю.

Следом за правыми шли, по-прежнему, националисты, утратившие на выборах значительное число мест в нижней палате. Лидеры и здесь были те же, что и в предыдущей Государственной думе, и практически группа эта при голосовании по-прежнему сливалась с фракцией октябристов. Фракция эта

было новая и притом определенно правительственная. Исходя все из той же мысли превратить народное представительство в свое послушное орудие, правительство задалось целью иметь в составе Государственной думы как бы собственный орган. Образовал эту партию все тот же Крупенский, а возглавлял ее совершенно неуравновешенный и страдающий манией величия В.Н.Львов. Начав с того, что примкнул к крайним правым, Львов, по мере того как проникновение к власти становилось вероятнее при некотором ходе налево, в ту же сторону и направил свои стопы. Его последующая политическая карьера выявила это в полной мере. Член Временного правительства, сдружившийся первоначально с Керенским и одновременно, очевидно плохо разобравшись в характере и истинных намерениях этого политического шарлатана, подстрекавший Корнилова к походу на Петроград, В.Н. Львов перекинулся затем к Колчаку в Сибирь и там вновь завел какие-то политические шашни с предавшими Колчака социал-революционерами и, наконец, очутился среди большевиков, где стремился, по видимому тщетно, стать во главе управления отколовшейся от православной церкви группы духовенства, образовавшей так называемую обновленную живую церковь<sup>648</sup>. Специализиро-

648 Обновленчество — течение внутри Русской православной церкви, преследующее цели модернизации церковной жизни и быта духовенства. Возникло весной 1922 г. Первоначально существовало в виде реформаторских групп: «Живая церковь», «Союз церковного возрождения», «Союз общин древнеапостольской церкви», «Народная церковь» и др., создавших общий орган руководства церковью — Высшее церковное управ-

вался В.Н.Львов на вопросах, касающихся церкви, еще во время войны и затем прилагал все старания не только к приглашению, но даже к преувеличению степени и влияния Распутина на дела церковные, и в частности в решениях Св. синода.

ление. Каждая группа разрабатывала собственную программу более или менее радикального обновления церкви (как правило, предусматривались усиление роли мирян в делах прихода, выборность всех пастырей, женатый епископат, второбрачие духовенства, упрощение богослужения, ведение его на русском языке, перемещение престола из алтаря в центр храма и т.п.). Созванный обновленцами поместный собор в мае 1923 г. объявил о лояльности обновленцев к советской власти, низложил патриарха Тихона и частично санкционировал церковные преобразования. Патриарх Тихон, не признавший соборных решений, анафематствовал обновленцев. В конце 1923 г. было принято решение о роспуске всех групп и объединении их членов в единую обновленную православную церковь. Был создан Синод во главе с митрополитами Евдокимом (Мещерским), затем с 1925 г. — Вениамином (Муратовским), с 1930 г. — Виталием (Введенским), после смерти которого (1946) обновленческая церковь формально прекратила свое существование, но подавляющее большинство приходов перешли под юрисдикцию митрополита Сергия вскоре после опубликования им «Декларации» 29 июля 1917 г. о лояльности советской власти. В.Н.Львов, эмигрировавший в 1920 г., примкнул в Париже в ноябре 1921 г. к «сменовеховцам», вернулся в 1922 г. на родину и до ареста в 1927 г. принимал активное участие в движении «Живая церковь», работая в Высшем церковном управлении.

Товарищем председателя этой группы, влиянием, в общем, не пользовавшейся, был сам организатор партии П.Н.Крупенский, а рупором этой партии, отличавшейся, между прочим, почти полным отсутствием у нее партийной дисциплины, был некто Савенко, обладавший некоторым ораторским талантом.

Следом за партией правого центра непосредственно шло рабочее ядро Третьей Государственной думы — фракция октябристов, сохранившая это положение и в Четвертой Государственной думе, невзирая на то что вследствие усилий правительства она утратила на выборах многих из своих наиболее талантливых представителей. На внутреннем строении этой фракции отсутствие в Государственной думе А.И.Гучкова дало себя в особенности чувствовать: фракция эта в Четвертой Государственной думе разбилась на три отдельные группы. Наибольшую из них по числу членов составляли октябристы-земцы. Председателя у этой группы, облеченного этим званием, не было, а фактически председательствовал товарищ председателя Алексеенко. Другим товарищем председателя был Н.В.Савич. Засим, по обе стороны этого октябристского центра, располагались: с правой стороны консерваторы, избравшие своим председателем Шульгина (их было всего 16 человек), а слева — октябристы-прогрессисты, число которых не превышало 15 человек. Во главе их стоял С.И.Шидловский, имевший склонность сговариваться с кадетами.

Перечисленные центральные фракции, т.е. националисты, правый центр и октябристы, взятые в совокупности,

составляли как большинство в Государственной думе, так и ее рабочее ядро.

Далее влево шла уже оппозиция, как то фракция кадет, численно несколько, но незначительно превышавшая ту же фракцию в Третьей Государственной думе. Лидером ее состоял по-прежнему Милюков, а наиболее видными членами те же Родичев, Шингарев, Маклаков и другие.

Тактика этой фракции, однако, существенно изменилась по сравнению с той, которой она придерживалась в Третьей Государственной думе. Мысль о дискредитировании Государственной думы ею была оставлена, и соответственно сему прекратила она и свою систематичную обструкцию работе этого учреждения. Кадеты, очевидно, убедились, что гораздо целесообразнее ради достижения первоначально поставленной ими цели, внедрения в России демократических начал, вступить самим в работу Государственной думы и стремиться таким вполне легальным путем достигнуть того, чего путем обструкции никак не завоюешь. Обратный образ действий приводит лишь к тому, что отбрасывает вправо тех членов Государственной думы, которые не прочь были с кадетами во многом сговориться. Именно к этому направили свои усилия кадеты Четвертой Государственной думы и впоследствии — во время мировой войны — в значительной степени этого достигли. Так, левые октябристы в конечном результате настолько с ними сблизилась, что почти неизменно голосовали с ними. Изменение образа действий кадетской партии в Государственной думе не обозначало, однако, что и партия как таковая переменяла свою тактику. Не переставала эта партия преследовать свои личные и партийные цели, недостаточно сообра-

зуюсь с тем, поскольку они при этом жертвуют целями и интересами общегосударственными. Не отказалась поэтому партия от своего любимого занятия — всемерного развенчания и осуждения существующего строя, не стесняясь при этом прибегать к извращению фактов и тем более к тенденциозному их освещению. Прибегала к этому при случае и думская кадетская фракция, используя при этом трибуну Государственной думы, но все же в работах Государственной думы она приняла участие усиленно и добросовестно.

Сообразили, по-видимому, кадеты и то, что при их постоянном стремлении не столько к фактическому укреплению в России правового строя, сколько к его юридическому формальному закреплению в писаных актах они достигнут гораздо меньших результатов, нежели октябристы, готовые во многом поступиться при оформлении тех или иных положений, лишь бы реальные результаты проводимых ими законопроектов практически вели к внедрению в стране правовых приемов управления. Дело в том, что октябристы или, вернее, их вождь очень скоро поняли, что правительству важно для сохранения своего положения у престола, чтобы произведенные в стране реформы были облечены в такие формулы, которые бы явно не ослабляли самодержавного принципа, ибо в таком случае даже самые решительные изменения в строе государственного управления не вызывали у верховной власти обострения ее весьма щекотливого отношения ко всему, что имело характер упразднения абсолютизма. Так, существовали слова, которые неизменно вызывали открытое негодование верховной власти, и к ним прежде всего принадлежало слово «конституция», и этого слова октябристы нарочито избегали, кадеты же, напро-

тив, повсюду его втискивали, наивно думая, что закреплением какого-либо термина можно закрепить и сущность его содержания. Правые разбирались в этом вопросе гораздо лучше. Они вполне понимали, что работа октябристов медленно, но верно приведет к гораздо большему участию общественности в делах государственного управления и к значительно более скорому превращению управления страной из полицейско-бюрократического — в самоуправляющееся, нежели резкая, бестактная и формально-тупая политика кадет. Не без основания поэтому правые усматривали своих наиболее опасных врагов именно в октябристах и о всяком их действии доносили на верхи.

Левее кадет оказалась новая фракция прогрессистов<sup>649</sup>, числом незначительная и поставившая себе главной целью

649 Партия прогрессистов была создана в ноябре 1912 г. на основе фракции прогрессистов в Третьей Государственной думе. Своей задачей партия и фракция ставили объединение октябристов и кадетов в «единый фронт либерализма», способный остановить наступление революции. Основные программные требования включали завершение реформ, провозглашенных Манифестом 17 октября 1905 г., обновление избирательного закона, расширение прав Государственной думы и реформу Государственного совета, создание правительства, ответственного перед народным представительством. Лидер — И.Н.Ефремов. Организаторами партии выступили С.Н.Третьяков, Г.Е.Львов, Д.Н.Шипов. В Четвертой Думе фракция прогрессистов насчитывала до 48 депутатов. Более радикальную позицию, нежели кадеты, партия заняла только в 1915 г., вы-

перещеголять кадет оппозиционностью и радикальностью. Лидером этой группы состоял И.Ефремов, человек определенно тупой и бездарный, но крайне честолюбивый. Украшением этой группы был, несомненно, Н.Н.Львов, увлекающийся характер и горячий темперамент которого неизменно бросали его в борьбу со всем тем, что ему представлялось не абсолютно чистым и незаконным. Горячий патриот, доказавший это на деле в период борьбы Добровольческой армии с большевиками, Н.Н.Львов во время мировой войны, по-видимому, проникся убеждением, что существующая власть не в состоянии дать России победу над врагами, и поэтому, естественно, превратился в горячего противника обладателя этой власти.

За прогрессистами шла так называемая народническая партия<sup>650</sup>. Как это указывает и самое ее название, она видела в

ступив с инициативой создания военно-промышленных комитетов. Органы: журнал «Московский еженедельник» и газета «Русская молва». После Февральской революции деятельность партии прекратилась.

650 Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы) объявила о своем образовании в сентябре 1906 г. (учредительная конференция состоялась в ноябре в Финляндии). Идеологами и инициаторами создания партии являлись сотрудники журнала «Русское богатство» А.В.Пешехонов, В.А.Мякотин, Н.Ф.Анненский, В.И.Чарнолуцкий, С.Я.Елпатьевский, В.И.Богораз-Тан и В.И.Семевский. Программные требования (гражданские свободы, всеобщее избирательное право, однопалатный парламент, предоставление автономии национальным меньшинствам, национализация



народных массах соль земли и ту часть населения, ко благу которой должны быть по преимуществу направлены все усилия государства, но одновременно партия была проникнута национальными стремлениями, а идеи интернациональные глубоко противоречили ее миросозерцанию. Во главе этой фракции стоял человек, обладавший сильной волей, но недостаточно уравновешенный, малообразованный и малорассудительный — казак Караулов. Впоследствии, при захвате большевиками власти, он встал во главе одного из казачьих войск и большевиками был убит<sup>651</sup>.

Этим и ограничивались те фракции Государственной думы, которые в большей или меньшей мере влияли на ход ее работ, а равно обладали известной долей государственного понимания. Левее были лишь две незначительные социалистические группы, как то фракция трудовиков<sup>652</sup>, скрывшая

земли) партии были близки к эсеровским. Во Второй Государственной думе знесы образовали отдельную фракцию (председатель В.В.Волк-Карачевский); в Третьей и Четвертой — вели избирательную кампанию и образовали единую фракцию с трудовиками, с которыми окончательно организационно объединились на первом всероссийском съезде партии в июне 1917 г.

651 Гурко ошибается, М.А.Караулов в Государственной думе «примыкал к прогрессистам» (см.: Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 139).

652 Трудовая группа была образована 28 апреля 1906 г. депутатами Первой Государственной думы с целью «объединить вокруг неотложных требований трудящихся, которые должны и могут

под этим названием свое истинное название — социалистов-революционеров, и, вторая, фракция социал-демократов—меньшевиков. Первая возглавлялась А.Ф.Керенским, впоследствии столь способствовавшим окончательному развалу Русского государства, а вторая имела во главе грузина — Чхеидзе<sup>653</sup>. Обе эти партии никакой роли в Государственной думе не играли, и с выступлениями их ораторов Государственная дума совершенно не считалась. Это не мешало, однако, их членам

быть осуществлены в ближайшее время через Государственную думу» представителей «всех трудящихся классов народа: крестьян, фабрично-заводских рабочих и интеллигентных труженников». Программа, опубликованная 19 мая 1906 г., содержала требования всеобщего избирательного права, упразднения Государственного совета, национализации земли и передачи ее в пользование крестьян. В 1906 г. фракция насчитывала до 150 депутатов, председатель постоянного совета — С.В.Аникин. Во Второй Государственной думе было 105 «трудовиков», председатель постоянного совета — А.Л.Караваев. В Третьей Думе «трудовики» получили 14 мест — председатель А.А.Булат. В Четвертой Думе было 10 «трудовиков», которых возглавлял В.И.Дзюбинский (с 1915 г. —А.Ф.Керенский). V съезд «трудовиков», проходивший 7—11 апреля 1917 г., провозгласил группу социалистической партией. VI съезд (17—23 июня 1917 г.) принял решение о слиянии с Трудовой народно-социалистической партией.

653 Меньшевик Н.С.Чхеидзе был председателем объединенной социал-демократической фракции в Третьей и Четвертой Государственных думах. В октябре 1913 г. большевики образовали особую социал-демократическую рабочую фракцию.

выступать по временам с пламенными речами, но произносились они не для Думы, а, по немецкому выражению, «für die offene Fenster»<sup>654</sup> и имели целью по возможности разжигать рабочие массы.

То обстоятельство, что правительство сумело не допустить в Государственную думу некоторых наиболее красочных представителей рабочего центра Третьей Государственной думы, не могло, разумеется, не повлиять как на внешность Четвертой Государственной думы, так и на ее работу, и это тем более, что новых видных парламентских деятелей страна в Четвертую Государственную думу не послала.

Не раздавалось с трибуны Четвертой Государственной думы тех благородных, дышащих любовью к родине, но вместе с тем смелых речей, какими были в Третьей Государственной думе речи А.И.Гучкова, Каменского и кн. Шаховского. Лишилась в их лице Четвертая Государственная дума и дельных, образованных и работающих членов образованных в Государственной думе отдельных комиссий, что, конечно, затрудняло их работу. Надо, однако, сказать, что, с другой стороны, изменение тактики кадет, а именно отказ их от той систематической обструкции, которой они предавались в Третьей Государственной думе, в общем облегчило работу.

В результате все сложные внесенные правительством в Государственную думу законопроекты были ею благополучно в комиссиях рассмотрены и с теми или иными изменениями

654 «Ради открытого окна», т.е. во всеобщее сведение (нем.).

внесены в Государственный совет. Так, военная комиссия ассигновала уже осенью 1912 г. на военные нужды 60 миллионов, а весной 1913 г. на ту же надобность еще 129 миллионов.

Впрочем, надо сказать, что именно на работах военной комиссии всего резче сказалось изменение отношения правительства к Государственной думе.

По составу своему комиссия эта изменилась незначительно. Кадеты, выставившие в качестве своих кандидатов в эту комиссию наиболее левых своих сочленов и при этом настаивавшие на включении в нее членов всех отдельных левых фракций Государственной думы, были все plenum'ом Государственной думы забаллотированы, так что в конечном результате в комиссии этой остался лишь один представитель оппозиции — прогрессист Челноков, но председателем комиссии был избран националист П.Н.Балашов, человек, для этой роли совершенно непригодный. Правда, товарищем председателя был избран Н.В.Савич, вложивший всю свою душу в дело комиссии и весьма скоро превратившийся в ее рабочую ось, но исполнять роль председателя он все же не мог. К тому же в самом начале деятельности этой комиссии в Четвертой Государственной думе произошел по внешности весьма незначительный инцидент, но как-то сразу отразившийся на характере ее деятельности, а именно переименовании ее, по настоянию военного министра, из комиссии по обороне государства в комиссию по военным и морским делам. Это незначительное обстоятельство или привело, или, вернее, совпало с утратой этой комиссией того значения, которое она имела в Третьей Государственной думе. Из комиссии, обсуждавшей по существу вопросы, относящиеся до укрепления военной мощи государ-

ства, и проявившей в этой области широкую личную инициативу, она превратилась в комиссию, ограничивающуюся обсуждением вносимых правительством законопроектов, касающихся вооруженных сил империи.

Вопрос об ассигновании огромных сумм, требуемых для полного осуществления большой военной программы, прошел и в комиссии и в plenum'e Государственной думы вполне благополучно, но при этом выявилось отсутствие в Государственной думе лиц, способных обнять огромный вопрос государственной обороны во всей его широте.

Дело в том, что вопрос этот ранее его обсуждения в общем собрании Государственной думы подвергся рассмотрению в частном заседании всех председателей отдельных фракций Государственной думы, при участии всех членов правительства. Здесь ярко сказалось отсутствие главного вдохновителя по этому вопросу военного ведомства А.И.Гучкова.

Военный министр Сухомлинов совершенно не сумел отчетливо доложить все задачи, осуществление которых необходимо для постановки обороны страны на крепких устоях. Речи, произнесенные членами Государственной думы, были определено обывательского свойства. Значительно ближе других подошел к вопросу А.И.Шингарев, указавший, что для облегчения обороны страны недостаточно организовать мощную, соответственно вооруженную армию. Для успеха при столкновении с другими народами, говорил он, необходимо, чтобы все отрасли народной и государственной деятельности были на более или менее одинаковом уровне с их состоянием у противника. Так, наряду с наличием соответственных вооруженных сил государство должно сообразно с ними развить всю

свою экономическую деятельность и опираться на правильную финансовую систему.

Положение это, по существу ныне бесспорное, — мировая война это вполне доказала — страдало, однако, своей общностью, так как никаких конкретных мер, направленных к достижению указанной цели, не заключало, а среди присутствующих членов правительства никакого отклика не встретило.

В конечном результате Четвертая Государственная дума в общем, несомненно, способствовала в период ее нормальной работы, т.е. до начала мировой войны, упрочнению конституционного строя в стране. При ней народное представительство все более становилось одним из важнейших факторов народной жизни. Текущая законодательная деятельность становилась все более немыслимой без деятельного участия в ней народных представителей. Лица, составлявшие правительственный аппарат, привыкли считаться с Государственной думой, приносившись к общей с ее членами работе в комиссиях и, ввиду все большего отсутствия сплоченности в Совете министров, при разномыслии между отдельными министрами стремились заручиться поддержкой членов Государственной думы для проведения своих предположений.

Это было, однако, не единение с правительством как с таковым, а лишь временные союзы с правительством отдельных ведомств. Так, благодаря наладившимся с членами Государственной думы отношениям министров: Кривошеина — земледелия, гр. Игнатьева — народного просвещения и Григоровича — морского, неизменно достигалось при содействии нижней законодательной палаты ассигнование всех необходимых средств для осуществления предположенных ими мероприя-

тий. Наоборот, того тесного сотрудничества, которое в течение некоторого времени существовало между Третьей Государственной думой и правительством, сотрудничества, осуществляемого вследствие близости председателя Государственной думы Гучкова с председателем Совета министров Столыпиным, у Четвертой Государственной думы с главой правительства совершенно не было. Вследствие этого политическим фактором, влияющим не только на законодательную деятельность государства, но и на всю совокупность государственной политики, в том числе и на область управления, каким, несомненно, была Третья Государственная дума, Четвертая, безусловно, не была.

Вообще, отношение Коковцова к Государственной думе было формально корректное, но отнюдь не дружественное. Был к тому же довольно длинный период, когда председатель Совета министров порвал всякие отношения правительства с Государственной думой, причем произошло это, в сущности, по весьма ничтожному поводу, вызванному к тому же одним из лидеров правого крыла. Дело в том, что однажды при обсуждении в Государственной думе какого-то вопроса в присутствии председателя и некоторых членов Совета министров, если память мне не изменяет, положения об амурской пограничной страже, Н.Е.Марков ни с того ни с сего вдруг заявил: «А прежде всего не надо красть». Ни к кому в частности это заявление обращено не было, но из общего смысла его речи можно было понять, что оно относилось к правительству. Злые языки впоследствии приписывали эту столь же неожиданную, как и дикую выходку лидера правых тому, что Коковцовым незадолго перед тем была решительно сокращена

субсидия, выдаваемая правительством на издание правой фракцией ультраконсервативной газеты «Земщина»<sup>655</sup>. Как бы то ни было, В.Н. Коковцов счел нужным обидеться и немедленно уйти из Государственной думы, уведя с собою и всех присутствующих членов правительства, и после того в течение нескольких месяцев ни он сам, ни другие министры, от которых он, очевидно, это потребовал, в Государственной думе не появлялись<sup>656</sup>.

655 «Земщина» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета» (СПб., 1909-1917). Ред. С.К.Глинка-Янчевский, в 1912 г. - Н.П.Тихменев; изд. С.А.Володимеров, с середины 1915 г. — Н.Е.Марков. Орган крайне-правой фракции Третьей и Четвертой Государственных дум. Газете сочувствовал Николай II, постоянно державший ее на своем письменном столе. В.Н.Коковцов «никогда не скрывал, что отпускаящиеся на издание этой газеты 180 тыс. в год (15 тыс. в месяц) были просто выброшенными деньгами и служили только к общему соблазну, потому что все отлично знали, на какие средства издается эта, никем не читаемая газета» (Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919. М., 1992. Кн. 2. С. 93).

656 Длительное отсутствие членов правительства в Думе, называемое иногда «министерской забастовкой», было результатом грубой выходки Н.Е.Маркова, заявившего в речи по поводу сметы Министерства финансов 27 мая 1913 г., что министр финансов В.Н.Коковцов «совершил чудо <...> он объединил Четвертую Государственную думу в одном порыве, и этот один порыв <...> он гласит два слова (голоса слева: в отставку): красть нельзя. (Чхеидзе: позвольте вашу руку)». После предостережения председателя Марков разъяснил, что слова "красть нельзя"



Ничего более несуразного представить себе положительно нельзя.

От правительства зависело обратиться к председателю Государственной думы с заявлением о принятии каких-либо репрессивных мер по отношению к употребившему непарламентское выражение члену Государственной думы. Еще проще было бы тут же самому войти на трибуну Государственной думы и потребовать от Маркова объяснений по поводу сказанных им слов, что, несомненно, исчерпало бы весь инцидент. Можно было, наконец, поступить так, как поступил Столыпин с членом думы Родичевым, сказавшим, что со временем веревку вешаемых будут называть столыпинским галстуком, а именно вызвать Маркова на дуэль, что, разумеется, кончилось бы, как это кончилось в инциденте с Столыпиным, принесением неосторожным оратором должных извинений<sup>657</sup>. Но вслед-

относились не к одной какой-нибудь личности или целому ведомству, а означали лишь, что нельзя красть в ведомствах безнаказанно. Я это сказал после того, как перечислил ряд определенных фактов...» (Государственная дума: Стенографический отчет. IV Созыв. Сессия I. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 66). Перед этим Марков привел ряд примеров из отчета государственного контролера Харитонова, требовавших как минимум служебного расследования, на что министр финансов не дал разрешения, что и дало основание Коковцову принять оскорбление на свой счет (см.: Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 137-140).

657 П.А.Столыпин вызвал на дуэль Ф.И.Родичева после речи последнего в Государственной думе 17 ноября 1907 г., в которой, в частности, содержался следующий пассаж о репрессив-

ствие слов, произнесенных отдельным членом Государственной думы, хотя бы слова эти и не встретили немедленного осуждения со стороны председателя Государственной думы, прекратить всякие отношения правительства с народным представительством — решение, столь же неожиданное, как и не государственное. Поза «ich bin beleidigt»<sup>658</sup> для правительства совершенно неподходящая. Но самое любопытное также то, что сама Государственная дума в течение довольно долгого времени не знала даже причины непооявления в стенах Государственной думы членов правительства, причем оно не обратило на это даже особого внимания. Когда же Государственная дума наконец поняла, что правительство ее определенно бойкотирует, то ей очень легко удалось этот бойкот прекратить. Способ был простой — президиум Государствен-

ной политике властей: «...кто, не осмеливаясь судить всенародно преступника, казнит его, тот прежде всего сам сомневается в своей правоте. И сомневающиеся в правоте своей насилем не созиждут власти своей, они могут похоронить ее. Вот почему мы защитники порядка (смех), закона и власти... (шум, звонок председателя). Да, господа, я вам скажу более, в то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели, один палладиум в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстухом... (оглушительный и продолжительный шум...)» (Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Часть I. СПб., 1907. С. 396).

658 «Я оскорблен» (нем.).

ной думы перестал ставить на повестку все дела, наиболее интересовавшие правительство, а именно все законопроекты, связанные с ассигнованием в распоряжение правительства каких-либо новых средств. Случилось так, что острее ощутил последствия такого образа действий Государственной думы морской министр Григорович. Осведомившись о причине задержки Государственной думой интересовавшего его представления и не получив, по-видимому, разрешения на личную явку в Государственную думу от председателя Совета министров, Григорович обратился за этим разрешением непосредственно к государю, который и не замедлил его дать. Тотчас после этого Григорович запросил Государственную думу о том, когда он может рассчитывать на обсуждение plenum'ом Государственной думы давно уже одобренного военной комиссией интересовавшего его проекта, заявив, что для его защиты он явится лично. В результате упомянутый проект был немедленно включен в ближайшую повестку и в присутствии Григоровича одобрен Государственной думой. Примеру Григоровича последовали и другие министры, а следом за ними пожаловал в заседание Государственной думы, как говорится, несолоно хлебавши, и В.Н.Коковцов.

Приведенный инцидент характеризует, однако, не только отношение председателя Совета министров к народному представительству, но и степень его власти по отношению к его коллегам, и нельзя потому удивляться, что на должности председателя Совета министров Коковцов, по существу, оставался лишь министром финансов и главою правительства отнюдь не был.

Возвращаюсь, однако, к работе Четвертой Государственной думы. Медленно, но прочно укрепляла работа эта правовые порядки в государстве и понемногу усовершенствовала отдельные отрасли его управления. При этом открытые конфликты ее с правительством становились все реже и борьба с ним все более превращалась в мирные переговоры и принимала характер сговора, а порой и торга. Вы-де уступите нам то и то, а мы вам дадим за это то и то. Прием этот удачно практиковался в Третьей Государственной думе, и его удачно продолжили в Четвертой. Одновременно борьба эта или торг уходили с трибуны Государственной думы, опускаясь, так сказать, в ее недра, а именно в комиссии, причем нередко разрешались путем простых переговоров между лидерами фракций Государственной думы и представителями власти.

В результате за те два года, в течение которых Четвертая Государственная дума работала в нормальных условиях государственной жизни (последующие годы ее деятельности протекали уже в период мировой войны), ею были рассмотрены и одобрены ряд весьма существенных законопроектов, в особенности в области вопросов судопроизводства и уголовного права. Так, ею был одобрен проект устройства мировых судов, установлена ответственность правительственных чиновников путем предоставления прокурорскому надзору права их привлечения к следствию без предварительного согласия их начальства, введен институт так называемого условного осуждения и, наконец, одобрено новое положение о Правительствующем сенате. Реформа Сената имела огромное значение в деле коренного упразднения всякого личного произвола власти. Согласно этому положению, получившему после его

одобрения Государственным советом Высочайшее утверждение, т.е. силу закона, личный состав Сената пополнялся не путем назначения, а путем избрания новых членов<sup>659</sup>.

С началом войны почти всецело прекратилась законодательная работа народного представительства и совершенно нарушено было нормальное течение, а тем более развитие народной жизни и ее хозяйственного благоустройства. Необходимо поэтому дать несколько, хотя бы и весьма кратких, сведений о росте народного богатства и развитии государственного хозяйства в течение тех семи лет, в продолжение которых правительственная власть то в большей, то в меньшей степени дружно работала с большинством народных представителей.

Обращаюсь прежде всего к государственному хозяйству, поскольку оно отражалось в росписи государственных доходов и расходов и тех финансовых результатов, которые оно давало. Здесь надо прежде всего повторить то, что я уже указывал, а именно что Третья Государственная дума начала свое сотрудничество с правительством в сравнительно тяжелый в экономическом отношении период государственной жизни страны, только что пережившей серьезное поражение в своем боевом столкновении с Японией, и хотя по условию заключенного мира никакой контрибуции как таковой не уплатила, но тем не менее значительные суммы за причиненные Японии побочные

659 Эти высказывания трудно интерпретировать, поскольку В.И.Гурко не мог не знать, что подготавливаемая с 1907 г. реформа Сената не была проведена.

убытки вынуждена была ей возместить. Словом, в общем Японская война, по исчислению, произведенному нашим финансовым агентом в Париже Артуром Рафаловичем, обошлась Государственному казначейству в 2300 миллионов рублей. Смута 1905—1906 гг. тоже в значительной степени расстроила положение наших финансов, так что к 1 января 1906 г. Государственное казначейство не только не имело никакой свободной наличности, а еще состояло должным Государственному банку за выпущенные им шестипроцентные свидетельства Государственного казначейства<sup>660</sup> 158 миллионов рублей.

Ежегодный наш бюджет также балансировался довольно крупным дефицитом, покрывавшимся путем иностранных займов, совершение коих было, впрочем, необходимо главным

660\* Оперативное изменение денежной массы в ту эпоху часто достигалось денежными властями за счет выпуска краткосрочных казначейских обязательств (так называемых «серий»), о которых и говорит Гурко. Эти ценные бумаги использовались в деловом обороте (обычно при крупных сделках) как обычное платежное средство (с учетом накопленного процента); равная их привлекательность для экономических агентов, в сравнении с обычным кредитным рублем, достигалась тем, что «серии» давали процентный доход, но зато не обеспечивались золотым запасом и не подлежали свободному обмену на золотую монету.

образом для поддержания на нормальном уровне курса нашей денежной единицы<sup>661</sup>.

Не прошло, однако, и двух лет, как, несмотря на значительное увеличение государственных расходов, бюджеты наши заключались в порядке их исполнения весьма значительным превышением доходов над расходами, отчего и получилась огромная свободная наличность Государственного казначейства<sup>662</sup>.

661\* Гурко излагает вопрос упрощенно. В эпоху золотого стандарта курсы золотых валют являлись практически фиксированными, определяясь исключительно золотым содержанием двух соответствующих денежных единиц. Любой дисбаланс в платежах между двумя странами мог быть покрыт (и часто покрывался фактически), перемещением золотой монеты из одной страны в другую, в том числе с ее последующей перечеканкой в монету другого государства. Сложение баланса платежей России в 1910-х годах было таким, что из страны уходило в платежи за границу золотой монетой около 60 млн. рублей в год, не покрываемых внутренней золотодобычей. Соответственно, для поддержания желаемого размера золотого запаса (то есть возможности свободного размена банкнот, но не курса валюты как такового) Россия должна была периодически делать государственные займы.

662\* Ситуация была сложнее, чем ее описывает Гурко. Систематическое превышение доходов бюджета сверх сметных назначений отчасти имело причиной более быстрое развитие экономики, чем предполагалось при составлении бюджета. Однако была и другая причина - систематическое занижение прогноза бюджетных поступлений Министерством финансов. Такое заниже-

Составив на 1 января 1910 г. 107 миллионов рублей, она достигла к 1911 г. 333 миллионов рублей, к 1912 г. — 477 миллионов рублей, а к 1913 г. свыше 600 миллионов.

Если наше государственное хозяйство развивалось и крепло, причем даже накапливало в свое распоряжение такие огромные суммы, которые ему совершенно не были нужны, то, конечно, лишь благодаря тому, что не по годам, а, можно сказать, по дням и по часам развивалось хозяйство народное. Решительно не было той отрасли производства, которая бы бурно не развивалась.

Естественно, что при таких условиях силою вещей восстала и другая великая задача — освобождение населения от его главного врага — зелена вина — пьянства. Наш бюджет, как всем известно, покоился преимущественно на доходе от винной монополии. Понятно, что заведующие русскими финансами относились с величайшей опаской ко всем мерам, могущим сколько-нибудь решительно сократить этот источник государ-

ние приводило к формированию т.н. «свободной наличности казначейства», которой правительство могло распоряжаться (из-за особенностей законодательства и по общеполитическим причинам) значительно свободнее, чем расходами по бюджетным статьям. В частности, из свободной наличности покрывались т.н. «условные кредиты», то есть бюджетные назначения, проводившиеся через парламент дополнительно к общему бюджету, особыми законами. Наличие возможности согласовать условные кредиты давало правительству предмет для торга с парламентскими фракциями и иными группами интересов, и, генерально, увеличивало его влияние на Думу.



ственных доходов. На этой же точке зрения стоял, разумеется, и председатель Совета министров и министр финансов В.Н.Коковцов. Иначе смотрел на это А.В.Кривошеин, непосредственно в качестве главноуправляющего земледелия и землеустройства не ответственный за состояние русских государственных финансов, с другой стороны, вполне постигающий, какой огромный источник доходов составит русский трезвый крестьянин. Смелый и решительный в своих государственных начинаниях, Кривошеин, в то время пользовавшийся особым доверием не только государя, но и императрицы, решил взять быка за рога и так или иначе провести решительные меры против распространения пьянства. Государь, всегда увлекавшийся широкими планами, направленными к благоденствию широких народных масс, не только легко воспринял мысли Кривошеина, но тотчас сам сделался их горячим инициатором. Коковцову государь предложил немедленно внести в законодательные учреждения проект мер, направленных к уменьшению сбыта казенного вина, иначе говоря, водки. Едва ли с большой охотой, но подчиняясь царскому велению, Коковцов исполнил данное ему поручение. В Государственную думу был внесен законопроект под скромным наименованием «некоторых изменений в положении о казенной продаже питий». Законопроект этот, в общем заключающий лишь незначительный паллиатив, вызвал в Государственной думе обширные дебаты. Говорил чуть ли не четырехчасовую речь член Думы от Самарской губернии Челышев, уже раньше занявший место проповедника трезвости, в которой он отстаивал мысль о полном воспрещении производства и продажи водки.

Предлагались и другими членами Думы решительные меры к сокращению потребления вина, но в конечном результате законопроект был принят Думой лишь с незначительными дополнениями в смысле усиления мер, направленных против пьянства. Иная судьба постигла его первоначально в Государственном совете. Здесь решительным инициатором целого ряда радикальных мер против пьянства выступил не кто иной, как сам творец винной монополии С.Ю.Витте. Мотивы, которые им руководили, были при этом, несомненно, разнообразны; именно на винной монополии укрепивший положение Государственного казначейства Витте, пока он был во главе финансового ведомства, несомненно принимал все меры к увеличению сбыта казенного вина. Так, именно по его настоянию агенты фиска всемерно старались об отмене подлежащую властью, вследствие несоблюдения ими тех или иных формальностей, приговоров сельских обществ о закрытии в их пределах продажи напитков. Иное отношение к этому вопросу проявил Витте в декабре 1913 г., когда он обсуждался в Государственном совете. В пространной речи он доказывал, что его мысль, при создании по указанию императора Александра III винной монополии, была именно урегулировать потребление водки, но что эта мысль была его заместителями совершенно извращена, до такой степени, что ныне главное управление казенных напитков превратилось в растлителя народной нравственности. В постоянных поисках способа возвращения к власти, Витте, надо полагать, в ту минуту мыслил, что лучшим средством вернуть себе царское благоволение было именно всемерно распинаться за распространение трезвости. Из его речей было ясно, что он лично берется сократить до крайности

доход от винной монополии без нарушения государственного бюджета. Ему, как, впрочем, и всем близким к правительственным кругам лицам, было в то время хорошо известно, что мысль эта всецело овладела государем. Попутно потопить Коковцова, которого он до чрезвычайности не любил, ему тем более улыбалось, что тем самым открывалась вакансия министра финансов, вновь стать которым он не переставал надеяться.

Чрезвычайную стойкость выказал при этом Коковцов. Он не мог, конечно, не понимать, что, продолжая упорствовать в отстаивании винной монополии как главного источника государственных доходов и отвечая на всякую радикальную меру решительным «поп possumus», он одновременно рисковал своим положением. Однако на все предложения, исходившие из среды Государственного совета об усилении мер, направленных к сокращению потребления водки, он отвечал решительным «поп possumus». Тем не менее в дуэли между двумя последовательными министрами финансов — Коковцовым и Витте — одолел бы, конечно, не последний: слишком глубоко запало в душу государя недоверие к вдохновителю Манифеста 17 октября, если бы в этот бой не вступило третье лицо, открыто, впрочем, не выступавшее, а именно тот же А.В.Кривошеин. С Коковцовым его отношения уже давно испортились. Постоянное сопротивление финансового ведомства увеличению ассигнований на землеустройство и агрономию и вообще всяких расходов Главного управления земледелия, конечно, раздражало Кривошеина, и хотя он неизменно оставался победителем, тем не менее борьба с Коковцовым его утомляла и раздражала. Люди совершенно разных темпераментов, они

вообще трудно уживались друг с другом. Преисполненный инициативы, мечтавший о грандиозных реформах. Кривошеин не мог переваривать Коковцова — этого типичного представителя постепенщины, равновесия, умеренности и аккуратности. Одновременно он, разумеется, стремился закрепить свое положение, превращаясь из фактического руководителя всей государственной политики, каким он, несомненно, был в то время, в ее официального главу.

Эта мечта его была в то время необычайно близка к осуществлению. Вопрос этот был даже в принципе решен. Коковцов должен был быть уволен от должности председателя Совета министров, равно как министра финансов, а на пост председателя должен был быть назначен Кривошеин. Но тут судьба сыграла с ним злую шутку. Он внезапно заболел, причем весьма опасно. У него объявилась грудная жаба<sup>663</sup>, жестокие приступы которой ежеминутно угрожали ему мгновенным концом. Заболел он, если не ошибаюсь, в начале ноября 1913 г., и в половине декабря его положение было весьма тяжелое. Ни о каком новом назначении его и речи не могло быть. Однако во второй половине декабря он настолько поправился, что всякая немедленная опасность исчезла, но приступить к работе он еще не мог: доктора прописали ему продолжительный отдых и поездку в теплые края. Как было выйти из этого положения?

Министром финансов был назначен П.Л.Барк. Кто провел этого, впоследствии не стеснявшегося сношениями с Распути-

663\* Стенокардия.

ным, смелого финансиста в министры? Кривошеин говорил, что это был его выбор. Витте утверждал, что Барк выбран по его рекомендации, в чем я, однако, весьма сомневаюсь. Витте всегда стремился сохранить видимость государственного деятеля, имеющего влияние на ход государственных дел, а приписывать себе инициативу в том или другом правительственном акте, не служившем предметом его нападок, было приемом, им издавна усвоенным. Витте хорошо понимал, что в Петербурге, для того чтобы играть известную роль, нужно не столько обладать действительным влиянием, сколько казаться, что им обладаешь. Таким путем достиг известного положения такой проходимец, как Андронников. Как бы то ни было, тотчас после совершившейся смены председателя Совета министров и министра финансов законопроект о пьянстве, еще не пропущенный Государственным советом и продолжающий возбуждать при его обсуждении горячие прения, тотчас утратил всякий интерес. Утратил к нему всякий интерес и Витте. Продолжение его обсуждения происходило уже в совершенно иной атмосфере. Проникшее в публику, а тем более в среду Государственного совета известие, что Барк получил портфель министра финансов, обязавшись перестроить весь государственный бюджет и принять действительные меры к сокращению потребления, а следовательно, и сбора с вина, отняло и смысл бороться с яростью на почве обсуждаемого проекта с новой главой финансового ведомства. Тем не менее Государственный совет внес в этот проект ряд новых мер, направленных к сокращению продажи водки, и именно в таком виде превратился он в действующий закон. Трудно сказать, в какой мере проведенные мероприятия оказались бы действительными.

Возникшая шесть месяцев спустя мировая война и последовавшее с объявлением войны полное прекращение продажи водки, сопряженное с полным воспрещением ее сбыта, не дали возможности на практике испытать действительность упомянутого закона.

Не помню, какие еще вопросы волновали петербургские политические круги в течение первой половины 1914 г. Помню, однако, вызвавший горячие споры и пререкания вопрос о так называемой мелкой земской единице, иначе говоря, об учреждении волостного земства.

Соответствующий законопроект, уже давно выработанный в Министерстве внутренних дел — еще при Столыпине, застрял в совете Главного управления местного хозяйства, составленного, как известно, из представителей земств и дворянства.

Под напором Государственной думы и не без косвенного участия и в этом деле Кривошеина министр внутренних дел Н.А.Маклаков, едва ли вполне сочувствовавший учреждению волостного земства, а *son corps defendant*<sup>664</sup> внес этот вопрос в Государственную думу, где он при, как всегда, упорной оппозиции кадетов («мы-де хотим мелкую земскую единицу, но не ту, которую вы проектируете...») все же прошел и к маю месяцу поступил в Государственный совет. Здесь он встретил ожесточенную оппозицию среди правого крыла Государственного совета, инспирируемого П.Н.Дурново. Тщетно стремились зем-

664 «Неохотно» (фр.).

ские представители в Государственном совете горячо защищать идею волостного земства, причем выдающееся участие принимал в этом вопросе член Государственного совета от московского земства гр. Ф.А.Уваров, — все их доводы разбивались не опровержениями со стороны членов правого крыла, а упорным заявлением — «не желаем». По мере сил я также принял в этом вопросе близкое участие. Как теперь, помню одну из фраз, произнесенных мною по его поводу с кафедры Государственного совета, оказавшуюся, увы, пророческой. Говорил я, имея в виду крупных землевладельцев: «Идите в волостное земство, пока не поздно, пока вас еще туда пустят». Небезынтересно отметить, что такие опять-таки штампованные кадеты, как члены тверского губернского земского собрания Мошнин и Петрункевич, не только вполне поддерживали проект Министерства внутренних дел, но даже находили, что устанавливаемое этим проектом правило, в силу которого землевладельцы, обладавшие определенным количеством земли, входили в состав волостного земства *eo ipso*<sup>665</sup> без всякого предварительного избрания, вполне естественно и необходимо, по крайней мере в первое время, пока население не убедится на практике, с одной стороны, в полезности участия в вопросах местного благоустройства землевладельческого элемента, а с другой, не научится само разбираться в местных вопросах и не поймет, что местное благоустройство нельзя строить, не удовлетворив потребностей отдельных

665 В силу этого (лат.).

селений, а лишь на здоровом принципе всеобщего благоустройства, обеспечивающего нужды всех слоев населения.

Как бы то ни было, но проект волостного земства был чуть ли не одним голосом в Государственном совете отвергнут, причем чрезвычайно странную роль играл в этом вопросе Н.А.Маклаков. Он не только не защищал проект, но довольно открыто высказывал свое личное несочувствие ему. Действительно от правительства вполне зависело проведение этого проекта в Государственном совете. Ведь не надо забывать, что правое крыло Государственного совета, насчитывающее около ста членов, состояло в большинстве из лиц, назначенных правительством, а среди них было немало готовых следовать указаниям правительства. Такое указание, очевидно, дано не было, или, вернее, пущено было под сурдинку другое указание

— «Правительство за законопроект не стоит». Конечно, вполне умыл руки и новый премьер И.Л.Горемыкин. Его природная лень, усилившаяся под гнетом семидесяти лет, стала к тому времени господствующим фактором всей его деятельности.

В кулуарах Государственной думы рассказывалось в это время немало анекдотов насчет способа препровождения времени премьер-министром. Время это было распределено будто бы между сном, не только ночным, но и дневным, и чтением французских романов. Конечно, это было преувеличением.

Верно лишь то, что с годами у И.Л.Горемыкина все более брало верх его основное, можно сказать, пронизавшее всю его природу пристрастие к предоставлению событиям беспрепят-



ственно идти своим чередом, без всякого участия направляющей эти события человеческой воли.

Назначение Горемыкина не вызвало никакого сколько-нибудь резкого проявления общественного сочувствия или недовольства. Оппозиция — в лице кадетской партии и ее честолюбивого вождя — к весне 1914 г. окончательно при-смирела, по крайней мере наружно. Разумеется, она предпочитала не только заигрывать, но даже заключать те или иные частные соглашения с социалистическими лидерами, а в тайниках ее, надо полагать, все более зрела преступная мысль добиться своих целей; из них же главная — захват власти революционным путем. Кадетская милюковская газета «Речь» придиралась ко всякому случаю, чтобы возбудить общественное недовольство, но делала она это осторожно, неоднократно уже испытав, что слишком явное и злостное опорочение строя и лиц, стоящих у кормила власти, не проходит безнаказанно: цензура осмелела и по временам, несомненно, утрачивала чувство меры, вернувшись даже к прежнему порядку изъятия различных вопросов из числа дозволенных к обсуждению на страницах прессы и по-прежнему смешивая подчас вопросы самые пустяковые с основными и существенными.

Не прекращалась, однако, агитаторская деятельность революционных элементов. Эта деятельность была далеко не безрезультатна. Отошедшие от встряски 1905 г. рабочие многочисленных петербургских фабрик, среди коих никогда не переставали действовать революционные ячейки, вновь становились более или менее послушным орудием революционных вождей. Сказалось это весной 1914 г. довольно серьезными беспорядками на фабриках, сопровождавшимися бурными

уличными беспорядками. Правящие круги и массовый петербургский обыватель, в общем всегда и везде готовый фрондировать власть, но к революции относящийся в общем враждебно, не испытывали никакого беспокойства. Удачное подавление общественного движения 1905—1906 гг. вселило уверенность в безусловной крепости строя, а следовательно, в отсутствии сколько-нибудь серьезной опасности во вновь пробудившемся рабочем движении.

В середине лета ожидалось прибытие в Петербург сначала английской эскадры, а затем и французской, на которой должен был приехать Президент Французской республики. По случаю этих приездов Петербург принял праздничный вид, а при дворе состоялся ряд официальных приемов и банкетов. Звучали слова о ненарушимой англо-, а в особенности франко-русской дружбе. Словом, международный политический горизонт был совершенно безоблачен, и члены законодательных палат, разъезжаясь в июне месяце на летние вакансии, отнюдь не предвидели приближения мировой грозы. Уехал на лето и я к себе, в принадлежащее мне родовое гнездо, расположенное в нескольких верстах от города Твери.

## **| Часть VI. Годы мировой войны**

## Глава 1. Первый период войны (лето 1914 - до весны 1915 г.)

Стояли жаркие погожие июльские дни. По заведенному в последние годы порядку в Тверской, Новгородской и Петербургской губерниях горели торфяные болота, и воздух на многие версты кругом был пропитан едким дымом. Россия, особенно в ее провинциях, предавалась обычному сонному застою. 12 июля в день двадцатипятилетия учреждения института земских начальников земские начальники Тверского уезда собрались на общий обед, в котором в качестве тверского уездного предводителя принимал участие и я. Хотя уже получены были известия об убийстве в Сараево австрийского кронпринца, но факт этот в представлении большинства не имел международного значения. Так, например, принимавшие участие в упомянутом обеде, в том числе и тверской вице-губернатор, исполнявший за отсутствием Бюнтинга должность тверского губернатора, были, как они мне сами впоследствии сказали, чрезвычайно удивлены, когда в застольном спиче я сказал, что Европа, по-видимому, находится накануне грозных исторических событий. Не усилилось в провинциальной глуши беспокойство и в последующие дни, хотя газеты уже были переполнены сведениями о дерзком ультиматуме Австрии, обращенном к Сербии, о приближении мирового на этой почве конфликта.

Продолжалось это спокойствие вплоть до самого момента получения быстро следовавших друг за другом двух приказов о мобилизации, первого о мобилизации частичной, а второго о всеобщей. Уже с утра 19 июля в Твери начался осмотр прибывающих запасных. Мобилизации проходили при полном спокойствии; запасные (младшие возрасты) являлись все и, по-видимому, относились к призыву в войска в достаточной

степени спокойно. Благодаря закрытию винных лавок никаких, даже незначительных, уличных бесчинств не происходило. Большую нервность проявляли военные части, спешно переходившие на военное положение. Воинские части стали уходить на фронтовые местности по прошествии лишь двух дней со дня объявления мобилизации. Посадка в поезда происходила в отменном порядке. Разумеется, провожавшие уходившие поезда женщины усиленно плакали, заметно было волнение и на лицах солдат, но шли они бодро и уверенно.

Менее спокойно прошла реквизиция лошадей по военно-конской повинности, производившаяся почти следом за людской мобилизацией. Во множестве крестьянских хозяйств главами оставались женщины, и именно они проявляли и крайнее недовольство, и даже полное отчаяние, когда у них стали отбирать лучших лошадей. Здесь пришлось видеть несколько весьма тяжелых сцен: бабы буквально выли. Наблюдая за осуществлением военно-конской повинности, я несколько раз не мог выдержать тяжелых сопровождавших ее сцен и, признаюсь, вполне произвольно оставил на месте нескольких добрых коней, признав их вопреки очевидности негодными.

Внезапный отлив мужского населения в первое время привел к почти полной остановке некоторых отраслей производства. Впрочем, на сельских работах в нашей Тверской губернии отлив этот почти не отразился. Мужчин заменили женщины, привычные ко всем сельскохозяйственным работам. Цены на рабочие руки, разумеется, поднялись тотчас, но абсолютной нехватки в этих руках все же не было. Пострадали строительные работы, требующие некоторой специальной подготовки. Середина июля на Севере России — самый разгар

строительного периода. Собственно мужская сельскохозяйственная работа, сводящаяся в наших местностях главным образом к сенокосу, к этому сроку уже вполне закончена, уборка же посевов, площадь коих вообще незначительна, была во все времена преимущественно, если не исключительно, бабьим делом.

Утверждать, однако, что среди крестьянского населения был патриотический подъем и что война среди него была популярна, я не решился бы. Война вызвала молчаливое, глухое, покорное, но все же недовольство. В значительной степени примирила с ней начавшаяся приблизительно месяц спустя раздача пособий семьям призванных запасных. Дело это было поставлено весьма широко, но отнюдь не правильно. Скольконибудь точных инструкций, указывающих, какие именно члены семьи имеют право на получение пособий, своевременно установлено не было. Так, например, совершенно не было определено, с какого возраста мужчины, входящие в состав семьи, признаются неработоспособными. В результате получился крайний разнород: в смежных уездах сплошь и рядом устанавливались совершенно различные способы определения размера назначаемых пособий.

Образованные с этой целью при земских управах комиссии одни относились очень строго, всемерно стремясь щадить государственные, иначе говоря, те же народные, средства, другие, наоборот, выдавали эти пособия с необыкновенной щедростью. Были случаи, и неоднократные, назначения семье запасного, особенно многочисленной, по 30 и до 45 руб. в месяц, т.е. суммы, которую сам призванный, безусловно, не зарабатывал. В подобных семьях бабы обычно отнюдь не горевали об уходе на войну своих мужей.

Если в массе крестьянского, а тем более фабрично-заводского населения война не вызывала ни патриотического чувства, ни негодования, то, наоборот, среди культурных классов она, несомненно, пробудила патриотическое чувство. Так, в земской среде она немедленно породила полное единение. Исчезли все политические разномыслия, и кадеты как правого, так и левого крыла проявляли такую же патриотическую приподнятость, как и лица, исповедовавшие правые лозунги. Молодые представители наиболее левых тверских родов, например Бакунины, тотчас пошли добровольцами на войну. Не отставала и интеллигенция в кавычках: третий земский элемент выказывал полную готовность работать не покладая рук для надобностей поставленного на военную ногу государства. Партийные задачи, насколько можно было об этом судить по общественным элементам Тверской губернии, были временно забыты.

Увы, не так отнеслись к тому же делу исконные земские интриганы, из них же первый — пресловутый будущий разрушитель Русского государства кн. Львов. Его первой заботой было воскрешение общеземской организации, причем, разумеется, он приложил все старания, дабы стать во главе этого дела. Не имея никаких формальных связей с земством, так как он уже давно не состоял гласным ни губернского, ни уездного земства (его родной уезд Тульской губернии, досконально его знавший, уже давно его забаллотировал), он тем не менее ничтоже сумняся решил возглавить собственной персоной общеземскую организацию. Проникнуть наверх и усесться на председательское кресло какими-либо косвенными путями было для него делом привычным. Достиг он этого и в данном деле. Прием, им употребленный, был столь же циничен, как и

прост. Дело в том, что ему удалось какими-то путями сохранить от возглавления им во время Русско-японской войны общеземской организации довольно крупную сумму, в ту пору, когда еще не привыкли швыряться миллионами, казавшуюся даже огромной, а именно 800 тысяч рублей. Когда в Москве впервые собрались для образования общеземской организации земские деятели определенного уклона, то среди них, разумеется, тотчас появился кн. Львов, причем цинично заявил, конечно в кулуарных перешептываниях, что в случае его избрания он внесет в ее кассу упомянутые 800 тысяч, тем самым говоря, что в противном случае он этого не сделает. Однако поначалу ход этот не возымел надлежащего действия. В Москве среди собравшихся земских людей, естественно, имели сильное влияние и большое значение московские земцы. Между тем ими намечалось на означенное место другое лицо, а именно гр. Ф.А.Уваров, член Государственного совета от московского земства, и именно это лицо на первоначальном частном совещании собравшихся земцев и было избрано. Но судьбы России, очевидно, были предрешены. Гр. Уваров от выбора решительно отказался. Он тотчас по объявлении войны решил вступить в войсковые ряды среди родного ему казачества, в составе которого он состоял офицером запаса. Усиленные уговоры московских земцев, к которым присоединились и многие земцы других губерний, остались безрезультатны. А тем временем кн. Львов усиленно сзывал со всех концов России своих единомышленников, среди коих многие по существу вовсе не принадлежали к той клике беспринципных честолюбцев, ярким представителем которой искони и до конца своих дней был кн. Львов. В конечном результате отказ гр. Уварова расчистил дорогу кн. Львову, и он стал во главе обще-



земской организации, причем самые выборы были каким-то непонятным для меня образом произведены без предварительного созыва и оповещения составлявших общеземскую организацию специально уполномоченных для сего губернскими земскими собраниями<sup>666</sup>. По крайней мере, я, член общеземской организации по уполномочию тверского губер-

666 Общеземская организация для помощи больным и раненым в период Русско-японской войны воинам была создана в 1904 г., Г.Е.Львов был избран ее главно-уполномоченным. Однако отчеты организации появлялись с большим запозданием (Общеземская организация на Дальнем Востоке: История работы и опыт земских отрядов на театре военных действий в 1904—1905 гг. М., 1908), что повело к появлению устойчивых слухов о злоупотреблениях и испортило репутацию организации. Многие земства (в том числе московское и тульское) отказались от сотрудничества с Общеземской организацией, которая тем не менее формально не была ликвидирована. Когда 25 июня 1914 г. московское земство выступило с инициативой создания «Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам», кн. Г.Е.Львов сделал Московской управе заявление, что общеземская организация присоединяется к проектируемому союзу земств и вносит в кассу его все свои наличные деньги, которых оказалось до 600 000 р. Управа вынуждена была пригласить князя к участию в выработке доклада представителям земств, а на состоявшемся позднее съезде Г.Е.Львов был избран председателем союза. Его оппонентом выступал председатель московской губернской земской управы Ф.В.Шлиппе, который был избран товарищем председателя (см.: Полнер Т.Н. Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Париж, 1934. С. 137-138; 175-177).

ского земства, извещения о предстоящем учредительном собрании не получал и посему на собрании этом не присутствовал.

Трудно определить все то огромное значение, которое имел выбор кн. Львова, с одной стороны, и отказ гр. Уварова, с другой. Не подлежит никакому сомнению, что, будь гр. Уваров на месте кн. Львова, все дело бы получило совершенно иной характер. Весьма возможно, что оно не получило бы такого широкого размаха, который оно получило при Львове. Чужие, будь то народные, средства для Львова были трын-трава. До скарденности скупой в личной жизни, общественные деньги тратил он не столько щедро, сколько расточительно.

Гр. Уваров, старый земец, дотошный, сам вникающий во всякое дело, упорный и властный, конечно, не дал бы развернуться общеземской организации в такое учреждение, вести которое, а тем более контролировать было совершенно не под силу. Да кн. Львов об этом и не заботился. В среде третьего элемента было принято за аксиому, что казенные средства в руках чиновников тратятся и непроизводительно, и халатно, и нехозяйственно, и даже бесчестно. Между тем не было на Руси от века такого учреждения, где бы безумные траты и, скажу прямо, расточительность приняли такие размеры, как в общеземской организации, и не миновать было главарям этой организации по окончании войны, если бы она не закончилась революцией, попасть на скамьи подсудимых. Кн. Львову важна была лишь одна вещь — пускать пыль в глаза общественности, с одной стороны, и быть носимым на руках всеми своими сотрудниками, с другой. Предела при этом его попустительству, безусловно, не было. Его подчиненные ничтоже сумняся подписывали за него не только бумаги, но даже ассигновки.

Ему это было известно, но он ограничивался лишь мягкими просьбами этого не делать. Были ли у кн. Львова с самого начала революционные замыслы? Думается мне, что нет. Конечно, он принимал в состав своих учреждений заведомых агитаторов, но делал он это не с целью создать аппарат усиленной пропаганды, а просто потому, что его основным правилом было предоставлять каждому делать все, что он хочет. Эти анархические свойства ярко сказались, и Россия дорого за них заплатила, да платит и по сию пору, ведь Львов возглавлял печальной памяти Временное правительство. Рекламист, честолюбец, Львов был лишен всяких задерживающих начал, и это тем более, что легкомыслию его не было пределов.

Вообще, образ действий правительства по отношению к общеземской организации был совершенно непонятный. Относясь к ней с полнейшим недоверием и нередко это высказывая, оно одновременно снабжало ее десятками миллионов, причем не подчинило их расходованию какому-либо контролю. Под тем предлогом, что земские учреждения не подчинены Государственному контролю, а ревизуются своими же выборными органами, Львов убедил Маклакова и правительство, что никакая правительственная ревизия расходовании общеземской организацией отпущенных ей государством сумм не допустима, что это было бы оскорблением земства и общественности. Рассуждение до смешного наивное, разумеется, не выдерживало ни малейшей критики. Земство контролировало своими собственными органами расходы из доходов, уплаченных теми же земскими плательщиками, т.е. им самим. Здесь самоконтроль был, отвлеченно рассуждая, понятен и логичен, хотя по существу и он едва ли был правилен. Государство не только имеет право, но и обязано блюсти за правильным

расходованием на общественные надобности сумм, какого бы происхождения они ни были. Но по отношению к суммам общегосударственного назначения иной порядок совершенно немыслим. К тому же если губернские земские собрания в лице своих ревизионных комиссий, действовавших 10—14 дней в течение года, с грехом пополам и могли проревизовать произведенные исполнительным органом земства — управой — расходы, то ревизия многомиллионных сумм, расходовавшихся общеземской организацией, была таким путем совершенно неосуществима. С этой задачей мог бы справиться только Государственный контроль, обладавший мощным, налаженным и весьма опытным специальным аппаратом, действующим постоянно изо дня в день. В результате получилось то, что безбрежные расходы общеземской организации никакому контролю ни разу не были подвержены.

Правда, ревизионная комиссия на одном из собраний земских уполномоченных была избрана, но что же она сделала и к чему же пришла? Во-первых, вопреки всем земским традициям, ревизионная комиссия была избрана из лиц исключительно левого земского лагеря. В ее состав не были допущены ни один представитель, относительно которого не было уверенности, что вся ревизия сведется к дифирамбу деятельности исполнительного органа организации — ее центральному комитету. Председателем комиссии был избран старый тверской земец В.Д.Кузьмин-Караваев, в политическом уклоне коего не было сомнений. Кончилась эта ревизия (да ничем иным кончиться она не могла) весьма поверхностным осмотром на месте в прифронтовой полосе некоторых учреждений. Собственно ревизии произведенных расходов не только не было, но к ней и не приступали, вполне правильно решив, что

те 5—6 человек (не помню, сколько именно) если посвятят весь остаток дней своих ревизии произведенных расходов, то и то в таком случае не проконтролируют и половины их. Письменного отчета ревизии, по крайней мере, опубликовано во всеобщее сведение или хотя бы сообщено земским уполномоченным и через их посредство самим земствам также не было. Все свелось к тому, что председатель комиссии Кузьмин-Караваев на одном из собраний земских уполномоченных сделал устный доклад, разумеется, не о произведенных расходах и степени правильности их — отчет этот не заключал ни единой цифры, а лишь литературное описание деятельности различных земских отрядов, работавших на фронте. Сводился же этот отчет по существу к сплошному восхвалению деятельности этих отрядов. По словам докладчика, на фронте решительно всем известно, что у правительственных учреждений ничего нет, а у «Всероссийского», как будто бы именовалась на фронте общеземская организация, решительно все есть. Все без исключения эпитеты, направленные к восхвалению их деятельности, и притом в превосходной степени, были без остатка исчерпаны. «Восхитительно», «поразительно», «великолепно», «удивительно», «превосходно», «идеально» — вот те слова, из которых на добрую треть состоял доклад Кузьмина-Караваева. Закончился он, разумеется, общими аплодисментами, и к вопросу о ревизии и контроле уже ни разу больше не обращались.

Но какова же была деятельность общеземской организации по существу, не касаясь того, что она, с одной стороны, заключала множество революционных агитаторов, а с другой — превратилась в убежище для всех желавших уклониться от непосредственного участия в войне в войсковых рядах, — пресловутые земгусары даже при общей общественной симпа-

тии к земству и ее всероссийской организации сделались притчей во языцех.

Нет сомнения, что земские отряды, действовавшие на фронте, были снабжены всем необходимым и даже не необходимым весьма обильно. Нет сомнения, что они были богаче обставлены, нежели такие же организации казенные. Но происходило это лишь оттого, что с размером расходов общеземская организация не считалась вовсе, причем не была стеснена никакими предельными нормальными ценами и урочными положениями. На обратных условиях действовали учреждения казенные, да иначе действовать и не могли. Они получали средства по строго впредь рассчитанному плану, причем все их траты должны были укладываться в установленные ведомствами для отдельных предметов расхода нормальные заготовочные цены.

Впрочем, если общеземская организация работала незаконно и даже расточительно, то все же известных результатов она достигла и до мартовской революции открыто революционной деятельности не предавалась. Иную картину представляла общегородская организация — центр ее деятельности был безусловно революционным.

Возвращаюсь, однако, к начальным дням войны. Как я уже упомянул, партийные распри в земской, а тем более дворянской среде сразу не только утихли, но даже исчезли. Бросились с энтузиазмом в ту работу, которая была доступна земским и дворянским организациям. Приступили к устройству в весьма широком размере тыловых эвакуационных госпиталей, причем отнюдь не жалели средств. Пересмотрены были земские годовые бюджеты, и из них исключены были все небезотложные и необязательные расходы. При этом мало считались с

теми расходами, которые обусловят дальнейшее сколько-нибудь деятельное содержание вновь оборудованных госпиталей. Происходило это преимущественно от проникшего почти всех убеждения, что война будет крайне непродолжительная. Так, тверское экстренное Дворянское собрание поначалу решило ассигновать весь свой запасный капитал на устройство госпиталя в дворянском доме, совершенно не считаясь с теми эксплуатационными расходами, которые это породит. Стоило большого труда убедить господ дворян, что необходимо считаться с возможностью продолжительной войны. Состоявшееся ко времени этого собрания присоединение к державам Согласия<sup>667</sup> Англии и выяснившийся нейтралитет германского союзника Италии настолько всех опьянили, что господствовала мысль об окончании войны чуть ли не в шесть недель. Припоминалась Франко-прусская кампания 1870—1871 гг., и решили, что новая война будет столь же быстротечна, но с обратными для воюющих сторон результатами. Тщетно некоторые благоразумные люди старались разъяснить, что Герма-

667 Антанта, «Сердечное согласие» (от фр. Entente cordiale) — первоначально — военно-политический союз Англии, Франции и России (иногда именуемый «Тройственным согласием»), сложившийся в результате заключения русско-французского военного союза в 1891—1893 гг., англо-французского соглашения 1904 г. и англо-русского соглашения 1907 г. Окончательно союз был оформлен подписанием 23 августа (5 сентября) 1914 г. в Лондоне соглашения об объединении военных усилий против Германии и ее союзников и о незаключении сепаратного мира с противником. Позднее — общее наименование коалиции 25 стран, воевавших против Германии и ее союзников.

ния все же не без предварительного тщательного обдумывания вызвала международный конфликт, и что если победу над ней нужно считать при дружной работе держав Согласия обеспеченной, то все же борьба эта будет трудная и, несомненно, длительная.

«В Берлин, в Берлин!» — говорили на все лады оптимисты, а их было большинство, и вдумчивых людей это приводило в трепет. Припоминалось, что и французы с теми же криками вступили в 1870 г. в войну, столь трагически для них окончившуюся.

Убеждение в неминувости торжества союзников и кратковременности военных действий господствовало, впрочем, и в петербургских правительственных сферах.

Как сейчас вижу, как после приема государем членов законодательных палат в Зимнем дворце<sup>668</sup> Щегловитов и Кривошеин, обратясь к нескольким окружавшим их парламентариям, высказывали уверенность в скоропалительном разгроме Германии. Щегловитов, со свойственной ему манерой вводить шутку во всякий серьезный вопрос, с улыбкой говорил: «Ошибся Василий Федорович (т.е. император Вильгельм), ошибся. Не устоять ему».

Поддерживал ту же мысль и Кривошеин, причем было совершенно ясно, что он считал объявленную войну чуть что не благодеянием для России.

668\* Прием состоялся 27-го июля (ст.ст.) 1914 года. Кроме императора, в нем принял участие главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич.



Многих увлекла, восхитила и преисполнила лучших надежд грандиозная народная манифестация перед Зимним дворцом, когда народная толпа, заполнившая всю обширную, прилегающую к дворцу площадь, приветствовала государя и при появлении его на балконе внезапно вся стала на колени и запела: «Боже царя храни».

Эта грандиозная манифестация побудила верховную власть издать акт, в котором провозглашалось единение царя с народом и утверждался даже образец флага, эмблематически соединявшего общественность и официальную Россию<sup>669</sup>.

Увы, настроение это продолжалось недолго, и едва ли не единственный воспользовавшийся им был тот же кн. Львов, сумевший на почве этого настроения получить в свое бесконтрольное распоряжение миллионы государственных средств. Не обошлось, впрочем, и здесь без весьма мелкой, но весьма странной шиканы<sup>670</sup> со стороны правительства. Как почти всегда, упуская существенное и придираясь к мелочам, какому-то учреждению понадобилось разъяснить, что вновь утвержденный образец эмблематического флага не может быть употребляем как флаг и по своим размерам он не должен

669 Вскоре после июльских манифестаций 1914 г. циркуляром МВД было предписано во время патриотических демонстраций использовать в знак единения царя с народом специальные флаги, на которых императорский желтый штандарт с черным орлом помещался в «крыже» (верхней четверти, прилегающей к древку) национального (бело-сине-красного) флага (см.: Раскин Д. Русский флаг// Родина. 1990. № 3. С. 44).

670 Придирка, подвох (от фр. *chicaner* — притеснять, придирается).

превышать нескольких квадратных вершков. Эмблему национального объединения обратили таким путем в детскую игрушку, и она вследствие этого тотчас утратила всякое значение и скоро была всеми забыта.

Правительство было, кроме того, убеждено в полной нашей боевой готовности. Так, в том же разговоре с парламентариями в Зимнем дворце Кривошеин, когда разговор зашел о сроке возобновления сессии законодательных учреждений, настаивал на отложении этой сессии до начала февраля следующего года, тогда как члены Государственной думы настаивали на сроке 1 ноября. При этом, потирая привычным нервным жестом свои руки, что было у него всегда знаком довольства, он говорил, обращаясь к членам законодательных палат: «Положитесь на нас, господа (т.е. на правительство), все пойдет прекрасно, мы со всем справимся».

Возвращаясь к участию общественных сил в общей народной работе на войну и победу, надо, разумеется, признать, что допустить их участие и даже привлечь их к нему было необходимо. Не столько это нужно было для пользы и существа дела, сколько психологически. Русские общественные силы к 1914 г. настолько выросли, что ставить их в положение простых зрителей происходивших событий, как это было, скажем, в войну 1877-1878 гг., было совершенно невыносимо. Их нужно было привлечь к жизненному участию в общей работе. Это и было сделано, но сделано чрезвычайно неохотно, причем, как всегда, придирались к пустякам, уступая во всем существенном и важном. Конечно, положение правительства было трудное. Общественное мнение, руководимое оппозиционными элементами, опирающимися в свою очередь на элементы революционные, ставило правительству всякое лыко в

строку; наоборот, общественным учреждениям оно все прощало и раскрытие каких-либо дефектов воспринимало как козни и клевету правительства и на него же еще пуще по этому поводу негодовало. Полное неумение правительственного аппарата пользоваться гласностью и печатным словом тут, разумеется, играло существенную роль — обойтись в нашу эпоху без умелой и даже усиленной пропаганды ни одно правительство не в состоянии.

Само собою разумеется, что военные успехи изменили бы все положение, но, увы, этих успехов, после первой удаче — кратковременного захвата Восточной Пруссии и взятия Львова, не было. О степени впечатлительности массового рядового обывателя к действиям на фронте можно было судить, быть может, в особенности по провинциальной среде. Так, в Твери, где я прожил первое полугодие войны, известие о падении Львова, взятого нами, если память не изменяет, 30 августа<sup>671</sup>, т.е. лишь шесть недель после начала военных действий, произвело громовое впечатление. Начавшие прибывать в тверские госпитали раненые, преимущественно с австрийского фронта, были в весьма приподнятом настроении. В один голос они говорили, что «наших на фронте видимо-невидимо» и что наши успехи обеспечены. Настроение это передавалось местному населению, и толки о весьма близком окончании войны приняли массовый характер. Увы, продолжалось это настроенное недолго. Гибель армии Самсонова под Сольдау<sup>672</sup> произведе-

671 Гурко ошибается, Львов был взят 21 августа 1914 г.

672 Наступление Северо-Западного фронта российской армии, начатое удачно 4 (17 августа) 1914 г. в Восточной Пруссии, в ре-

ла тем более потрясающее впечатление, чем меньше она была ожидажна. Это был удар грома при ясном небе. Надо сказать, что и самое извещение об этом поражении было составлено чрезвычайно неудачно. Извещение это, оканчивавшееся выражением надежды, что все же это поражение не означает потери всей войны, наводило как раз на обратные мысли. Русскому человеку в ту пору и в голову не приходило, что война может окончиться нашим поражением, и самое упоминание об этом, хотя и в виде отрицания такой возможности, вселило глухую тревогу и колебало крепкую до того уверенность в нашем, при участии мощных союзников, скором торжестве. На почве этой тревоги, как это неизменно в таких случаях бывает, поползли темные слухи об измене. Где они нарождались, откуда они шли, не было возможности дознаться, и насколько в их распространении участвовали уже в то время революционные элементы и тайные немецкие агенты, трудно сказать. Во всяком случае, недостатка и в своих пессимистах, отнюдь не преследовавших при этом антинациональных целей, не было. Так, случалось, что те же лица, которые за несколько дней до известия о поражении под Сольдау распространялись на тему «гром победы раздавайся», с похоронными лицами провозглашали: «Все пропало».

зультате несогласованных действий командующих 1-й армией генерала П.К.Ранненкампа и 2-й армией генерала А.В.Самсонова закончилось 26—28 августа 1914 г. окружением и уничтожением центральной группировки 2-й армии (свыше 5 дивизий) восточнее Сольдау (Зольдау).

Прекратившийся вскорости после этого маневренный период войны и принятие ею на долгое время характера войны позиционной, окопной, имели и другое последствие: обыватель как-то потерял интерес к сведениям с фронта. Война превратилась в его сознании в какую-то длительную, преисполненную всевозможных угроз, вечно ноющую и постороннюю его повседневной жизни болячку. Да и трудно было обывателю иметь другое отношение к этому национальному событию. Угар первых дней войны быстро прошел, цели ведь ему были непонятны, и правительство ничего не делало для того, чтобы разъяснить населению внутренний смысл войны и до какой степени с ее благополучным исходом связано все благосостояние страны и ее населения.

Потере интереса обывателя к войне существенно содействовала и чрезвычайная скудость, или, вернее, отсутствие известий с фронта. Официальные бюллетени заключали в большинстве случаев лишь самые общие указания, притом касающиеся всего фронта либо значительной его части. Полный запрет упоминать и в корреспонденциях с театра войны названия участвовавших в том или ином бою частей, равно как фамилий военачальников, привел к тому, что корреспонденции эти утратили всякий интерес и вскоре совсем прекратились. Действительно, какой интерес могло представить описание военных действий, происшедших неизвестно где и с обозначенными X и Y частями и военными начальниками. Запрет этот, по существу, вовсе не оправдывался: немцы, несомненно, всегда знали, какие русские части против них действовали, знали и каких военачальников они имели против себя. Между тем умалчивание всяких имен привело и к другому, а именно что война не создала ни одного народного

героя. Я припоминаю Русско-турецкую войну 1877—1878 гг., когда имена Скобелева и моего покойного отца гремели по всей России. Народ нуждается в идолах — это приподнимает его, создает в нем веру в свою мощь и в свой успех. Скажут, война не выдвинула у нас героев. Но ведь героев всегда создать можно. Не замалчивать имена военачальников, а, наоборот, всячески их расшуметь — вот что нужно было для поднятия интереса к войне у населения и укрепления его веры в успех. Екатерина это так же хорошо понимала, как и Наполеон. Разве все екатерининские орлы и наполеоновские маршалы, облеченные громкими титулами, были в действительности исключительными людьми, но одно их прославление создавало атмосферу героизма и пафоса.

Возобновленная в начале ноября на несколько дней<sup>673</sup> сессия законодательных учреждений прошла вяло. Рассмотрение государственного бюджета утратило всякий смысл, так как в нем заключались лишь обязательные государственные расходы в размере предшествующего года, все же исполинские расходы, связанные сколько-нибудь с войной, проходили помимо бюджета и законодательных учреждений и ассигновывались в порядке управления. Мало-мальски важных законопроектов также не поступало, и все сводилось к посильному подъему общественного настроения. В Государственной думе это до известной степени удавалось, но в Государственном совете

673\* Гурко ошибается в дате; третья сессия IV Государственной думы проходила с 27 по 29 января 1915 года. Дума, практически без обсуждения, приняла государственный бюджет на 1915 год, и тут же была распущена.

более чем когда-либо выявились его мертвенность и старческое бессилие.

С начала 1915 г. стали понемногу распространяться тревожные слухи о недостатке на фронте снарядов и даже ружей, но слухи эти представителями военного ведомства, а в особенности Главного артиллерийского управления, начисто отрицались, и в сферах Государственного совета склонны были их приписывать русской, легко впадающей в пессимизм впечатлительности.

Заговорили в это время и о хищениях, происходящих будто бы в заготовительных ведомствах. Действительно, то ведомство, которое с давних пор этим славилось, а именно морское, также охваченное в начальный период войны патриотическим порывом, по общим отзывам прекратившее всякие поборы при заключении крупных контрактов, недолго выдержало эту марку. Из уст в уста передавались случаи циничного взяточничества со стороны лиц, стоявших по своему положению очень близко к самым верхам Морского министерства. Все это, разумеется, волновало парламентские круги, а дойдя до массы населения, уже превращалось в сплошной кошмар. Вызывал общественное негодование и такой мелкий сам по себе факт, как появление на улицах Петербурга автомобилей с разъезжающими в них дамами, среди коих были заведомые кокетки, тогда как все частные автомобили были реквизированы для военных надобностей. «Так вот для чего понадобилось отнимать у частных лиц автомобили», — говорила публика, а тем более собственники, у которых отобрали автомобили. Последовало со стороны военного управления запрещение должностным лицам, коим были предоставлены автомобили для надобностей службы, катать в них дам, но распоряжение

это, с одной стороны, лишь подтверждало факт незаконного ими пользования, а с другой — соблюдалось весьма относительно. Катающиеся кокетки исчезли, но жены должностных лиц, снабженных казенными автомобилями, все же продолжали ими пользоваться. Значения это, разумеется, не имело, но некоторый соблазн все же творило. В начавшие разгораться страсти это был приток поводов к растущему недоверию и озлоблению, истинная причина которых была, разумеется, иная, а именно — неудовлетворительные известия с фронта.

Наконец приблизительно к марту месяцу начал обнаруживаться в Петербурге недостаток угля для надобностей многочисленных работавших на оборону фабрик и заводов. В мирное время уголь в Петербург прибывал почти исключительно из Англии на пароходах, которые обратным фрахтом вывозили хлеб, прибывавший в Петербург по Мариинской водной системе. С закрытием Петербургского порта уголь пришлось провозить в Петербург из Донецкого бассейна, что составляло совершенно новую задачу для нашего железнодорожного транспорта, перенапряженного без того необходимыми перевозками на фронт и продовольствия, и боевого снаряжения. Между тем усиленный подвоз к Петербургу безусловно необходимого угля отражался на подвозе продовольствия, и цены на некоторые предметы питания начали понемногу подниматься.

Именно в это время группа членов Государственного совета задумала образовать экономическое совещание, посвященное рассмотрению текущих вопросов экономики. Заключение совещания вместе с подробной разработкой вопросов, к которым они относились, полагалось передавать на усмотрение правительства. Председателем совещания был избран



бывший министр земледелия А.С.Ермолов, а в состав его вошли все члены Государственного совета, интересующиеся экономикой, и в том числе все члены, избранные торгово-промышленной средой.

Но тут произошло нечто совершенно невероятное. Не успело это совещание закончить рассмотрение первого поставленного на очередь вопроса, а именно о способах увеличения добычи угля и облегчения доставки его в Петербург, как было правительством закрыто. Между тем вопрос этот был рассмотрен весьма тщательно и подробно при ближайшем участии члена Государственного совета Н.Ф.Дитмара, бывшего одновременно председателем работавшего в Харькове Постоянного совета горнопромышленников Юга России и, следовательно, близко знакомого с положением Донецкого угольного бассейна.

Чем было вызвано это нелепейшее распоряжение, понять невозможно, но факт в том, что в самый день, назначенный для доклада выработанных предположений более широкому кругу членов Государственного совета, председатель комитета А.С.Ермолов был вызван к председателю Государственного совета, и там ему было объявлено, что вне сессий законодательных учреждений члены Государственного совета не имеют даже права входить в здание Мариинского дворца и что возглавляемый им комитет должен немедленно прекратить свои собрания и занятия.

Из всех запретительных мер, принимавшихся в то время правительством, это едва ли не самый яркий пример придирчивости к не только абсолютно безвредным, но даже к способным принести реальную пользу проявлениям общественной деятельности. Итак, с одной стороны, передавали сотни мил-

лионов рублей в бесконтрольное расхищение лиц, к которым не без основания питали недоверие, а с другой, запрещали смиреннейшим членам Государственного совета собираться под эгидой долголетнего царского министра для обсуждения вопроса, никакого отношения к политике не имеющего.

Всякая революция идет сверху, и наше правительство в годы войны превратит в хулителей если не строя, то, по крайней мере, лиц, стоявших у власти, и их приемов управления самые благонамеренные элементы страны.

Распространяясь все расширяющимися концентрическими кругами, критика правительственной деятельности захватывала все более широкие слои, причем по пути, разумеется, обволакивалась рядом никогда не бывших фактов, подчас самого фантастического свойства.

Правительство при этом в смысле воздействия или хотя бы стремления к воздействию на общественное мнение было определено в нетях. Председатель Совета министров Горемыкин ничем не проявлял самое свое существование у кормила власти. К природному его отвращению ко всякой действительности присоединилась к этому времени старческая немощность. Поселившись в огромном, приобретенном им для председателя Совета министров доме на Моховой<sup>674</sup>, он в нем заперся и, кроме своих ближайших коллег по Совету министров, решительно никого не видел. По-прежнему, как во

674\* В 1914 году казна приобрела особняк Безобразовых на Моховой ул. (дом 34), в здании были размещены канцелярия Совета министров и служебная квартира премьер-министра.

время Первой Государственной думы никакого общения с членами законодательных палат он не имел. Правда, отдельные члены Государственной думы у него бывали, но в весьма ограниченном числе, и среди них чаще всего его свойственник по жене П.Н.Крупенский. Этот юркий тип, столь прославившийся в дни Временного правительства вследствие обнаружения в делах департамента полиции, что он получил из этого департамента 20 тысяч рублей, — факт, который он не смог отрицать, почему и был вынужден сложить с себя звание депутата, — был вообще за все время существования Государственной думы, избранной по положению 3 июня 1907 г., каким-то не то посредником, не то на обе стороны передатчиком и соглядатаем между правительством и нижней законодательной палатой. Роль этого господина была вообще недвусмысленно двойственная. Мастер закулисных разговоров и шептаний, он умел каким-то образом то объединять, то разъединять различные группы Государственной думы, несомненно действуя при этом в постоянном контакте с правительством и соответственно полученным от него указаниям. Впрочем, правительству он служил тоже постольку поскольку. Специализировался же он на образовании политических клубов, по-видимому извлекая из этого и личные материальные выгоды, так как клубы эти организовывались на казенные средства. Впрочем, ему удалось получить большие суммы и из банковских и торгово-промышленных сфер при организации и устройстве им уже во время войны так называемого экономи-

ческого клуба в обширном нанятом им помещении на Мойке у Царицына луга<sup>675</sup>.

Сведениями, приносимыми этим типом, и довольствовались Горемыкин, относясь, по существу, отчасти презрительно и во всяком случае равнодушно к законодательным палатам и придавая вообще мало значения творящемуся в них.

Однако в течение зимы 1914—1915 гг., а именно в феврале 1915 г., Горемыкин почему-то решил устроить торжественный раут специально для членов Государственной думы и Государственного совета, что должно было, по-видимому, означать, что он не чуждается их, а, наоборот, желает установить добрые с ними отношения.

На деле раут этот обратился в нечто необычайно нелепое. На приглашение Горемыкина члены крайнего левого крыла

675 Весной 1916 г. лидеры правого крыла Прогрессивного блока начинают искать союза с верхами бюрократии. Этой цели должно было служить создание (по инициативе П.Н.Крупенского) клуба «Экономическое возрождение России», деньги на оборудование помещения были получены от А.Ф.Трепова (см.: Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 33). Формально клуб был учрежден в апреле, но его открытие состоялось 6 ноября при участии министров, членов Государственного совета и Думы и большого числа влиятельных представителей торгово-промышленных кругов. В совет клуба были избраны А.В.Кривошеин, Н.Б. Щербатов, А.И.Путилов, Е.Г.Шайкевич, Я.И.Утин, А.И.Вышнеградский, И.Х.Озеров. К середине декабря число членов клуба достигло 900 человек (см.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1967. С. 188, 250).

Государственной думы, разумеется, не откликнулись, но почти все остальные члены обеих палат сочли долгом на нем появиться. Составилась огромная толпа, которая заполнила почти до отказа все комнаты занимаемого Горемыкиным дома, даром что они были лишены почти всякой мебелировки, — вся обстановка дома была еще до войны заказана в Италии и, ввиду прекращения вследствие войны сообщения с этой страной, так оттуда никогда вывезена не была. Сам Горемыкин при этом как-то затерся в этой толпе, а затем вскоре спустился в нижний этаж, где находился его кабинет и куда проникло лишь несколько лиц, личных знакомых хозяев дома. Продолжался раут весьма непродолжительное время — съехавшиеся, потолкавшись немного, почти все одновременно, гуртом, уехали. Осталось лишь несколько министров и лиц, ближе знавших Горемыкина. Между тем ко времени разъезда гостей получено было известие о нашем отступлении в Августовских лесах и о больших понесенных нами при этом потерях<sup>676</sup>.

Тут произошла сцена, глубоко врезавшаяся мне в память. На обширной верхней площадке парадной лестницы, потный,

676 Августовская операция (в немецкой литературе — «Зимнее сражение у Мазурских озер») — оборонительное сражение 10-й армии русского Северо-Западного фронта против наступавших 8-й и 10-й германских армий в Восточной Пруссии с 25 января (7 февраля) по 13 (26) февраля 1915 г. Несмотря на то, что стратегическая цель германского командования — окружение и разгром 10-й армии — не была достигнута, большие потери понес 20-й армейский корпус, окруженный в лесах юго-восточнее Августова.

усталый, сидел весь сгорбленный Горемыкин. Перед ним стояли министры Кривошеин и Рухлов и еще несколько лиц; они оживленно обсуждали полученное известие, вызывавшее немалую тревогу. Горемыкин не принимал в этом разговоре никакого участия, относясь к его предмету, по-видимому, совершенно безучастно, но внезапно он как будто немного оживился и, подняв опущенную голову, несколько раз подряд произнес следующую фразу: «N'est-ce pas que c'est tres spacieux ici?»<sup>677</sup> Была ли это хитрость, которой он отнюдь не был чужд, употребленная им для отвлечения разговора от неприятной темы, или желание иным способом сказать столь привычную ему фразу «Все пустяки», сказать не могу, но на присутствующих это произвело впечатление проявления старческого слабоумия.

Одно было несомненно: спокойный, рассудительный, но способный в нужные минуты на всякие решительные шаги И.Л.Горемыкин 1906 г., т.е. времени Первой Государственной думы, перестал существовать; остался жить слабый старик, способный в лучшем случае на маленькие хитрости чисто детского свойства, но жадно цепляющийся за власть или, вернее, за те материальные блага, которые она доставляет.

677 «Не правда ли, здесь очень просторно» (фр.).

## Глава 2. Второй период войны (летние месяцы 1915 г.)

Наше отступление в феврале 1915 г. в Августовских лесах, сопровождавшееся захватом германцами пограничной полосы при станции Вержболово, было едва ли не первым событием на фронте, вызвавшим в общественных кругах серьезные опасения за благоприятный исход войны. Тогда же достигли Петербурга и первые определенно тревожные слухи о недостатке на фронте орудийных снарядов и ружейных патронов.

Предпринятое движение наших войск на Карпаты, имевшее поначалу характер победоносного шествия, наконец, падение в марте месяце австрийской крепости Перемышль успокоили, однако, общественность. Словом, до мая 1915 г., когда стало общеизвестным наше поспешное отступление из Галиции — после прорыва у Дунайца, — истинное положение фронта было мало кому ведомо, а посему мало кого озабочивало. Положение резко изменилось в течение мая. К тому времени выяснилось, что уже в декабре 1914 г. нашим войскам, находившимся на Бзуре<sup>678</sup> и защищавшим подступы к Варшаве, циркуляром штаба Верховного было предписано под страхом отрешения от командования выпускать в месяц не более 60 снарядов на орудие, т.е. фактически ограничиваться в

678 На реке Бзуре разворачивались с 29 октября (II ноября) по 11 (24) ноября 1914 г. основные сражения Лодзинской наступательной операции германских войск, в результате которой выполнявшая окружение 2-й русской армии группа под командованием генерала Шеффера сама оказалась в окружении, из которого смогла выбраться только в результате медлительности командующего 1-й русской армией генерала Ренненкампа.

среднем одним выстрелом на утренней и одним на вечерней заре. Начали выплывать и такие, например, факты, что на запрос, сделанный Путиловским заводом еще в самом начале войны, не потребуется ли от него усиленной работы по изготовлению орудий и снарядов, ибо в таком случае завод должен немедленно приступить к соответственному увеличению своего технического оборудования, Главное артиллерийское управление ответило, что никакого усиленного производства от завода не потребуется.

Еще более непонятным был отказ того же управления от заказа снарядов обществу «Пулемет», последовавший уже в ноябре месяце, когда недостаток в них уже остро ощущался и когда Ставка усиленно требовала от военного ведомства увеличения подачи на фронт огнестрельных припасов.

Естественно, что тревога, порожденная нашими неудачами на фронте и усиленная приведенными фактами, привела к резкому обострению общественного недовольства правительством. Произнесенное кем-то грозное слово «измена», как это всегда бывает в моменты общественной тревоги, электрической искрой пробежало по всем слоям населения и достигло, не без деятельного участия революционных сил, народных низов. Особенное распространение и веру получил этот грозный слух в рабочей среде. Здесь он сразу превратился в боевой лозунг и в законный повод для беспорядков и разнообразных требований.

Заволновались, разумеется, и политические круги. Исходной точкой их похода, если не против правительства как такового, то против наиболее ответственного по условиям времени члена его — военного министра В.А.Сухомлинова, надо признать сенсационный доклад, сделанный в Петербурге



приехавшим с фронта лидером оппозиционно настроенной части московского купечества П.П.Рябушинским. В этом докладе Рябушинский сообщил, что на фронте ни орудий, ни снарядов, что целые части не имеют даже ружей и вооружены лишь палками. Сообщение это было сделано в чрезвычайно приподнятом, почти истерическом тоне и заканчивалось призывом к всеобщей работе по изготовлению оружия и боевых припасов.

Поскольку докладчик имел в виду своим сообщением усилить общественное негодование на правительство, но слова его дышали глубоким патриотическим чувством, и впечатление, им произведенное, было огромное. Сообщенные факты тотчас облетели весь город, а затем и всю страну.

Постоянный совет съездов промышленности, финансов и торговли<sup>679</sup> немедленно созвал съезд всех представителей этих отраслей общественной деятельности, а самый съезд постановил тотчас образовать центральный и множество местных военно-промышленных комитетов в целях мобилизации всей русской промышленности для работы на оборону страны.

Заволновались и лидеры Государственной думы, а ее председатель Родзянко, предварительно заручившись согласием Ставки, возбудил вопрос об образовании особой смешанной комиссии для обсуждения вопросов, связанных с потребностями

679 Постоянный совет съездов представителей промышленности и торговли был создан в октябре 1906 г. (председатель В.И.Тимирязев, секретарь А.А.Вольский) для выработки общей позиции отраслевых представительных организаций.

ми армии, в состав которой, наряду с представителями власти, вошли бы некоторые члены обеих законодательных палат.

Правительство поняло невозможность в такую тревожную минуту идти против пожеланий общественности и пошло на уступки. Было разрешено образование военно-промышленных комитетов<sup>680</sup> даже со включением в их состав представителей заводских рабочих и невзирая на то, что во главе всей их деятельности был поставлен на съезде промышленности Гучков, личность, к тому времени признанная правительственными верхами нежелательной, была образована, под названием Особого совещания по обсуждению мероприятий по обороне<sup>681</sup>, и комиссия, предложенная Родзянко.

680 Военно-промышленные комитеты — общественные организации, созданные по решению девятого торгово-промышленного съезда (26—29 мая 1915 г.) по предложению П.П.Рябушинского для содействия правительству в мобилизации промышленности. Положение об их создании было утверждено 27 августа 1915 г. Военно-промышленные комитеты привлекали к выполнению военных заказов мелкие и средние промышленные предприятия. Территориальные и отраслевые их подразделения возглавлял Центральный военно-промышленный комитет под председательством А.И.Гучкова. В условиях кризиса снабжения армии комитеты выдвигали лозунги обновления власти на принципах ответственности. После Октябрьской революции разрабатывали проект демобилизации промышленности. Упразднены СНК 24 июля 1918 г.

681 Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, образованное 17 августа 1915 г., имело штат «высшего государственного установления»; в вы-

Обе эти организации, а в особенности вторая, сыграли весьма большую роль в деле снабжения армии; их деятельности я намерен посвятить отдельную главу.

Достигла в это время общественность и другой весьма горячо и настойчиво преследуемой ею цели, а именно смены военного министра Сухомлинова и трех других министров, как то: прославившегося своей враждебностью ко всякой общественной деятельности министра внутренних дел Маклакова, получившего известность своим ухаживанием за Распутиным обер-прокурора Св. синода Саблера и усиленно будто нару-

сочайшем повелении подчеркивалось, что «никакое правительственное место или лицо не дают особому совещанию предприятий и не могут требовать от него отчета». Совещание осуществляло контроль и финансирование свыше 5 тысяч предприятий, изготавливавших предметы боевого снабжения, распределяло между ними заказы, устанавливало очередность их исполнения, имело право налагать секвестр и производить реквизиции, устранять от службы членов правлений и директоров предприятий. Часть членов Совещания назначалась правительственными ведомствами, часть избиралась общественными организациями, Государственной думой и Государственным советом. Члены Совещания имели только совещательный голос, решение принималось председателем, которым по должности состоял военный министр. Совещание было сформировано в декабре 1917 г., его аппарат был использован большевистским правительством для строительства центральных и местных органов Всероссийского совета народного хозяйства и Военно-хозяйственного совета наркомата по военным делам.

шавшего судебскую независимость министра юстиции Щегловитова. Смена эта последовала преимущественно вследствие предстоявшего возобновления сессии Государственной думы, но настаивала на ней и, в сущности, решила весь прос группа более прогрессивных министров. Группа эта, с Харитоновым во главе, в мае 1915 г. заявила Горемыкину, что с означенными министрами долее служить не желает и просит либо заменить названных лиц другими, либо их самих уволить. Горемыкин доложил об этом государю.

Николай II был этим чрезвычайно недоволен. Общественная возбужденность, которая не могла не отразиться на ходе прений в Государственной думе, вынудила, однако, царя согласиться с протестовавшими министрами. Высшая власть предпочла, чтобы правительство предстало перед задающей тон нижней палатой в обновленном виде, надеясь тем самым смягчить остроту ее нападков.

По отношению к Сухомлинову дело, однако, не ограничилось его увольнением от должности, и по настоянию собравшейся 9 июля на сессию Государственной думы была назначена особая комиссия, со включением в нее представителей законодательных палат, для установления виновников недостаточного снабжения армии.

Дело Сухомлинова вызвало в свое время столько шума, а его предание суду настолько содействовало дискредитированию всего существующего государственного строя, что приходится поневоле остановиться на его личности.

В.А.Сухомлинов начал службу в гвардейской кавалерии. Пройдя Академию Генерального штаба, он сразу выделился как блестящий, образованный и вдумчивый кавалерист. Обла-

дая бойким литературным пером и природным юмором, он обращал на себя внимание помещавшимися им в военной газете «Разведчик»<sup>682</sup> талантливыми фельетонами на военные темы, которые он подписывал псевдонимом Остап Бондаренко. Общительный, умевший не только ладить с людьми, но даже их обвораживать, Сухомлинов быстро прошел первые ступени службы офицера Генерального штаба, был назначен начальником кавалерийской школы, а затем, в сравнительно еще молодые годы, начальником кавалерийской дивизии, штаб которой находился в Харькове. В эту пору он был женат на высоко порядочной, прекрасной женщине, и вся его жизнь, как служебная, так и семейная, проходила в вполне нормальных условиях. Получавшегося им содержания вполне хватало для того образа жизни, который он в то время вел. К его несчастью, жена его вскоре скончалась, а он вслед за тем влюбился в другую женщину, вдову инженера, на которой и женился. Вторая жена Сухомлинова всем своим прошлым принадлежала к богеме. Близкая к театральному миру Харькова, Киева и Одессы, она привыкла проводить время за веселыми ужинами в ресторанах и домашними попойками. Словом, жизнь Сухомлинова со времени его второй женитьбы радикально изменилась. Дом его оказался открытым для самой разнообразной публики. Обеды сменялись ужинами, за которыми вино лилось рекой. Сопряженные с этим расходы далеко превосходили средства хозяев. Денежные затруднения становились все острее, и, надо полагать, уже с того времени он попал в руки

682 «Разведчик: Журнал военный и литературный» (СПб., 1889—1917). Изд.-ред. В.А.Березовский.

людей, ссужавших его деньгами, но одновременно чем-то помимо долговых обязательств его связывавших. Внешним образом это, однако, ни в чем не отражалось на Сухомлинове, и он продолжал делать блестящую карьеру. Казалось бы, что после назначения командующим войсками Киевского военного округа и киевским генерал-губернатором Сухомлинов мог бы при помощи получаемого им по этим двум должностям солидного содержания освободиться от тех темных типов, которые его к тому времени окружали. Произошло, однако, обратное. По мере возвышения служебного положения расходы его не только не приблизились к получаемому им по службе содержанию, а, наоборот, все больше его превышали. В результате зависимость его от разных темных типов увеличивалась. Среди этих типов был в особенности один, с которым он не расставался и который после его назначения сначала начальником Генерального штаба, а вскоре затем военным министром переехал за ним в Петербург и роль которого впоследствии была вполне установлена. Это был австрийский еврей Альтшулер — шпион австрийского генерального штаба. Сухомлинова, в бытность его военным министром, неоднократно предупреждали относительно Альтшулера, точно так же как о подозрительных сношениях с германскими властями Мясоедова<sup>683</sup>, ушедшего из состава жандармского корпуса бывшего

683 Досконально исследовавший «дело» Мясоедова К.Ф.Шацилло пришел к выводу, что нет никаких оснований для обвинения его в сознательной шпионской деятельности. «Дело» Мясоедова было использовано Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем для сведения давних сче-

начальника жандармского пункта станции Вержболово. Этот последний, имя которого прогремело еще до войны по всей России, из-за его дуэли с Гучковым, обвинявшим его с кафедры Государственной думы в весьма неблагоприятных поступках, настолько сумел втереться в доверие Сухомлинова, что последний, невзирая на упорный отказ департамента полиции принять Мясоедова вновь в состав жандармского корпуса, добился этого через посредство самого государя. Одновременно Мясоедов был откомандирован в распоряжение военного министра, т.е. того же Сухомлинова. Последующая судьба Мясоедова общеизвестна. Заподозренный во время войны в шпионстве в пользу Германии, он, по решению военно-полевого суда, был приговорен к смертной казни, которая и была над ним совершена.

Этими двумя лицами не ограничивался круг людей, завладевших доверием Сухомлинова и вместе с тем в той или иной степени причастных к военному шпионажу. Был ли, однако, сам Сухомлинов, как это впоследствии утверждали, сознательным пособником этих темных личностей? Это более чем невероятно. Личный интерес Сухомлинова, достигшего поста министра, осыпанного царскими милостями, слишком этому противоречил. Обнаруженные у него после ареста довольно крупные денежные суммы (около 700 тысяч рублей)

тов с военным министром В.А.Сухомлиновым, по инициативе которого в свое время был ликвидирован Совет государственной обороны — синекура великого князя (см.: Шацилло К.Ф. «Дело полковника Мясоедова» // Встречи с историей. М., 1988. Вып. 2. С. 136-144).

были все-таки слишком ничтожны для того, чтобы усматривать в них оплату его предательства. Это предательство, будь оно в действительности, дало бы ему неизмеримо более крупные, миллионные суммы. Наконец, происхождение обнаруженных у него сумм следствием было выяснено. Источником их была биржевая игра, которую за него вел один из петербургских банков, связанный с различными работавшими на войну предприятиями и желавший таким образом заручиться военными заказами. Само собою разумеется, что это была облеченная в более или менее невинную форму взятка, и в этом Сухомлинов, несомненно, повинен. Причина же была — все те же непомерные траты.

Действительно, после кончины своей второй жены он сошелся с некоей г-жой Бутович. Добившись путем самого невероятного нарушения существовавших по этому предмету правил, ее развода с г. Бутовичем, Сухомлинов на ней женился. Но г-жа Бутович, превратившись в г-жу Сухомлинову, оказалась новым изданием второй жены Сухомлинова. Безумные траты на туалеты с частыми поездками за ними в Париж, а в особенности открытый для всех званых и незваных роскошный стол вызывали огромные расходы, которых не могли покрыть ни получавшееся Сухомлиновым удвоенное по Высочайшему повелению министерское содержание, ни весьма значительные прогонные деньги по специально предпринимаемым им служебным поездкам<sup>684</sup> в столь отдаленные края, как

684\* Военное ведомство оплачивало служебные разъезды не по фактическим издержкам, а по условному расчету т.н. «прогонов», то есть по такой стоимости, как если бы путь целиком



Туркестан и Владивосток. Пришлось прибегнуть еще и к взяткам, но и тут все же в форме как будто невинной, а именно биржевой игры, которую вел за него без всякого риска для Сухомлинова банк<sup>685</sup>.

Да, для получения весьма крупных сумм Сухомлинову не было никакой надобности продавать родину и идти на сопря-

был бы проделан на лошадах, количество которых определялось чином командированного лица. Стоимость прогонов многократно (часто в 5 и более раз) превышала реальные транспортные расходы, поэтому любого рода командировки для военных де-факто оказывались премией, причем чем далее командировался офицер/генерал и чем выше был его чин, тем существеннее оказывалась эта премия. Сухомлинов, по многочисленным сообщениям, злоупотреблял разъездами просто в карикатурной степени; рассказывалась о предприятии им фиктивных инспекций военных округов, при которых он даже не выходил из вагона, и, доехав до точки назначения, тут же уезжал обратно.

685\* Гурко подразумевает, что банк перечислял на счет Сухомлинова суммы взяток, находя им затем объяснения в якобы совершенных операциях по покупке и продаже от его лица ценных бумаг; это было возможным, так как банки той эпохи часто оказывали клиентам услуги биржевого брокера. Разумеется, колебания курсов ценных бумаг позволяют задним числом объяснить любое движение средств по счету, имитируя соответствующие (не имевшие место в действительности) сделки с ними. Сделки с ценными бумагами для той эпохи не отражались в каких-либо реестрах немедленно в процессе сделки, а запись в книгах биржевого брокера (т.н. торговая записка) делалась де-факто только по просьбе участников сделки.

женный с этим безмерный риск. Предателем и изменником Сухомлинов не был. И тем не менее факт его окружения патентованными шпионами неопровержим. Объясняется это, надо полагать, невероятным природным легкомыслием Сухомлинова. В шпионство Альтшулера и Мясоедова Сухомлинов не верил и притом никаких секретных сведений им, конечно, не передавал, но по каким-то тайным причинам, приведшим, между прочим, к дружбе его третьей жены — ех Бутович<sup>686</sup> — с женой Мясоедова, не желал официально выяснить, что именно представляли эти люди. Что же касается Альтшулера, то нужные ему для оправдания своей деятельности перед австрийским Генеральным штабом сведения он, несомненно, мог получать от одной близости к военному министру. Этому в высшей степени содействовало одно из свойств Сухомлинова, а именно неумение хранить в тайне какой-либо секрет. Наоборот, у него была какая-то неудержимая потребность всякое секретное сведение кому-либо разболтать.

Словом, Сухомлинов был весьма плохой министр в военно-научном отношении, оставшийся на уровне тех военных знаний, которые он вынес в конце 80-х годов прошлого века из Академии Генерального штаба, ибо с годами он обленился и за движением военной науки совершенно не следил.

Более чем неразборчивый в добывании денежных средств, он был, кроме того, преступно легкомыслен и, наконец, даже давал возможность окружающей его темной компа-

686 Ех — латинская приставка, означавшая утрату качества, в данном случае — бывшая Бутович.

нии извлекать из себя сведения, касающиеся обороны государства, но все же сознательным, активным, а тем более продажным изменником он не был.

Предание Сухомлинова суду было, во всяком случае, одним из выдающихся русских событий периода мировой войны. Насколько это было тактически правильным — вопрос спорный. В то время как оппозиционные элементы этого всячески добивались в интересах как отвлеченной справедливости, так и очернения существующего строя, правые эту меру определенно порицали. Они говорили, что во время войны скандальный процесс, раскрывающий все наши военные недочеты, не исправит этих недочетов, а лишь подрывает веру и войска, и всего населения страны в конечный успех войны.

Как бы то ни было, увольнение Сухомлинова было столь же приветствовано общественностью, как и назначение на его место А.А.Поливанова. Партия кадетов, которая оказывала наибольшее влияние на формирование общественного мнения, считала Поливанова более или менее своим человеком. С Гучковым Поливанов был в личных дружеских отношениях. Правда, правые не доверяли лояльности Поливанова и предпочли бы видеть на посту военного министра более близкое им лицо, но определенного кандидата они не имели и поэтому мирились с Поливановым.

Как военный министр Поливанов был неизмеримо выше Сухомлинова. Знающий, серьезный, работающий, хорошо знакомый со всем аппаратом военного ведомства, он относился к возложенным на него обязанностям с полной добросовестностью. Уменье ладить с законодательными палатами было несомненным его большим плюсом.

Увы, как человек Поливанов оказался впоследствии достойным полнейшего презрения, но выяснилось это только после революции, оказавшейся для многих весьма неблагоприятным оселком. В качестве председателя учрежденной при Временном правительстве комиссии по выработке «прав солдата» Поливанов не только не сумел дать работе комиссии такое направление, при котором была бы в должной мере сохранена воинская дисциплина, но присоединил и свой голос к проекту, при осуществлении которого армия неминуемо превращалась в разнузданную, бесчинствующую толпу. Последнее, как известно, и произошло после утверждения означенного проекта Керенским, заменившим ушедшего Гучкова.

Назначение Поливанова было явной уступкой общественному мнению; так оно и было понято парламентскими кругами, тем более что оно сопровождалось назначением на место уволенных Маклакова и Саблера двух лиц, избранных из среды общественности, а именно кн. Н.Б.Щербатова, поставленного во главе Министерства внутренних дел, и А.Д.Самарина. Оба эти лица пользовались прекрасной репутацией.

Самарин, московский губернский предводитель дворянства, принадлежал ко всеми уважаемой славянофильской семье. Весьма правые убеждения Самарина были, разумеется, неприемлемы для оппозиции, но принадлежность его к общественным кругам, а в особенности тот ореол нравственной чистоты, который окружал его имя, не давали возможности критиковать его включение в ряды правительства.

Кн. Н.Б.Щербатов был известен как выдающийся сельский хозяин, сумевший в качестве председателя полтавского сельскохозяйственного общества придать деятельности этого общества исключительную плодотворность. Полтавский губерн-

ский предводитель дворянства, а затем член Государственного совета по избранию полтавского земства, Щербатов был назначен еще до войны главным управляющим Государственным коннозаводством и на этом месте, по отзывам специалистов, сумел дать порученному ему делу новую и весьма разумную постановку.

Чрезвычайно приятный в общении и мягкий в обращении как с равными, так и с подчиненными, Щербатов принадлежал к числу тех довольно редких людей, «которые имеют множество друзей и ни одного врага».

Прямой, честный, принявший Министерство внутренних дел с величайшей неохотой, вполне постигавший, что русские культурные круги — дворянские и земские — отнюдь не революционны и что самая их оппозиционность — результат длительного недоразумения, он, казалось, был вполне на месте, занимая пост министра внутренних дел.

Увы, на практике ни Самарин, ни в особенности Щербатов не оказались на высоте положения данного момента. Русский бюрократический слой имел, разумеется, свои недостатки, но обладал все же знанием административной техники. Самарин и Щербатов были дилетанты, и этот их дилетантизм сказался очень скоро.

Щербатов решил «почистить» губернскую администрацию и ради этого сменил множество старых губернаторов, заменив их земцами. Но эти последние, превратившиеся в бюрократов, тотчас впитали все недостатки бюрократии, не восприняв, однако, ее технических навыков. Не проявил Щербатов и той энергии, той силы воли, без которых власть перестает быть

властью и становится игрушкой разнообразных общественных течений.

Отвечало общественному желанию и увольнение министра юстиции Щегловитова, прославившегося за искажителя судебных уставов императора Александра II. Заменявший его Александр Алексеевич Хвостов общественности был малоизвестен, но в судейских кругах пользовался всеобщим уважением.

Словом, личный состав Совета министров летних месяцев 1915 г. никаких нареканий вызывать не мог.

Увольнение Сухомлинова. Маклакова. Щегловитова и Саблера было последним актом царской воли, принятым не под влиянием Распутина и не только не по настоянию императрицы, но и, наоборот, против ее желания.

Выбор новых лиц взамен уволенных произошел по совету Ставки с имевшим в то время наибольшее влияние у царской четы Кривошеиным. Выбор Поливанова принадлежал преимущественно Ставке, а выбор Самарина и Щербатова — Кривошеину. Хвостова провёл Горемыкин, бывший с ним в давних дружеских отношениях.

Сам Кривошеин видел в произведенной частичной смене членов Совета министров предварительный шаг для смены самого председателя Совета министров — Горемыкина. В представлении Кривошеина новые члены Совета министров должны были скоро убедиться в невозможности сохранения во главе правительства престарелого кунктатора<sup>687</sup>, с годами все менее считавшегося с новыми условиями политической жизни

687\* «Медлителя» (лат.)

страны. Дело в том, что Кривошеин уже в начале 1915 г. пришел к убеждению, что при наличии во главе Совета Горемыкина правительство не в силах развить ту деятельность, которая по энергии и решительности соответствовала бы сложным и разнообразным требованиям, предъявляемым современными событиями к правительственному аппарату.

Стремясь одновременно, как всегда, к возможному смягчению антагонизма между «мы» и «они», между бюрократией и общественностью, Кривошеин мечтал образовать такой правительственный синклит, который заключал бы сколь можно больше лиц из общественной среды. Озабочивался он привлечением на сторону правительства и московской купеческой среды, причем намечал на должность министра торговли московского крупного фабриканта, пользовавшегося большим влиянием среди московского купечества Г.А.Крестовникова.

Естественным преемником Горемыкина он, разумеется, почитал самого себя. Это с давних пор имел в виду и государь, но в последнюю минуту Кривошеин, по-видимому, испугался огромной принимаемой им на себя ответственности и сам убедил государя образовать министерство военного времени, поставив во главу его военного министра, с тем чтобы фактически все гражданское управление состояло в ведении его, Кривошеина, с присвоением ему звания вице-председателя Совета. Это была крупная тактическая ошибка. Государь определенно не любил генерала Поливанова и к нему не питал доверия; весьма вероятно, что это было одной из причин охлаждения государя к Кривошеину и отказа от мысли заменить кем бы то ни было Горемыкина, в безусловную преданность которого государь не без основания твердо верил.

Однако причина эта была второстепенная. Последующие изменения в составе Совета министров произошли по иным причинам, и вдохновителем их был Распутин.

Ранее, нежели перейти к изложению начала той драмы, которая закончилась трагическим крушением старой русской государственности, необходимо, хотя бы вкратце, описать связанные с войной события, ознаменовавшие июль и август 1915 г. В течение этих месяцев наши дела на фронте, сильно пошатнувшиеся уже в мае, становились все хуже и хуже. Общественная тревога, возрастая по мере все большего отступления нашей армии в глубь страны, достигла апогея приблизительно к половине июля, когда мы оставили, сдав их без боя, Брест-Литовск и Гродно и когда в столице заговорили о возможности ее захвата неприятелем и даже были приняты меры для постепенной эвакуации имеющихся в ней художественных сокровищ.

Удивляться охватившей общественность тревоге не приходится. Эту тревогу испытывало, едва ли не в большей степени, правительство.

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности» — так начал свое сообщение о нашем положении на фронте генерал Поливанов в заседании Совета 16 июля 1915 г. Вслед за тем он нарисовал ужасающую картину положения русской армии: «В войсках все возрастает деморализация. Дезертирство и добровольная сдача в плен приняли грозные размеры. Немцы нас гонят одной артиллерией, пехота даже не наступает, ибо против огня неприятельской артиллерии мы, лишенные снарядов, устоять не можем. При этом немцы не страдают вовсе, а наши гибнут тысячами».



Сообщение это, кстати сказать, сильно преувеличенное, естественно, приводит Совет министров в ужас.

Волнение, испытываемое Советом министров, было тем большее, что к этому же времени обнаружилось и другое крайне тяжелое явление, а именно то расстройство, которое вносила не только в ближайший, но и в более отдаленный тыл отступающая армия. Расстройство это, неизбежное при всяких отступлениях, увеличивалось до крайности полным разладом между действиями гражданской власти и распоряжениями Ставки, пользовавшейся, на основании положения о полевом управлении войск, неограниченной властью в пределах местностей, причисленных к театру военных действий. Упомянутое положение было составлено в том предположении, что во главе войск находится сам император, что Николай II всегда имел в виду и от чего отказался по настоянию министров лишь на третий день начала войны. Тем временем к местностям, подчиненным Ставке, были отнесены не только весьма обширная тыловая полоса армии, но и самая столица империи. Центр управления оказался подчиненным часто сменяющимся второразрядным военным начальникам (лучшие получали назначения на фронте). Эти воеводы, ввиду присвоенных им чрезвычайных полномочий, с места вообразили себя владыками и разговаривали с правительством, как с заносчивым подчиненным, нередко проводя собственную политику в вопросах внутренней охраны, в отношении печати, рабочего вопроса и общественных организаций. Петербургский градоначальник оказался подчиненным начальнику Петербургского военного округа и министру внутренних дел докладывал лишь то, что сам признавал нужным.

Такое положение вещей не могло не отражаться на ходе дел, тем более что Ставка не только в полной мере с места использовала свои чрезвычайные полномочия, но присвоила себе диктаторские замашки.

Естественно, что вопрос о взаимоотношениях власти общеимперской и власти Ставки составлял предмет частых и длительных суждений Совета министров. Жаловались на башибузукский способ действий военных тыловых властей все министры.

Животрепещущую картину дал в этом отношении Совету министров в половине июля министр внутренних дел.

Начальник штаба Верховного — генерал Янушкевич, по словам Щербатова, равно как непосредственный начальник северо-западного тыла генерал Данилов, именуемый «рыжим» (в отличие от генерала Данилова «черного», занимавшего должность генерал-квартирмейстера штаба Ставки), присвоили себе диктаторскую власть, которою преисполнялись и все их подчиненные, до прапорщиков включительно. Гражданские власти вынуждаются исполнять самые нелепые распоряжения.

«Невозможно разобраться, — говорил кн. Щербатов, — чьи приказания и требования следует исполнять. Сыпятся они со всех сторон, причем нередко совершенно противоположные. На местах неразбериха и путаница невообразимые, при малейшем возражении гражданских властей — окрик и угрозы, чуть не до ареста включительно. При этих-то условиях происходит спешное отступление войск, сопровождаемое бегством местного населения, отчасти добровольным, но преимущественно принудительным по распоряжению тех же военных властей».

Сообщение Щербатова вызвало горькое замечание Кривошеина: «На фронте бьют нас немцы, а в тылу добивают прапорщики».

Еще более тяжелую, душу ледящую картину получили господа министры в последующих заседаниях Совета, причем дело касается преимущественно положения беженской толпы, достигающей десятков и сотен тысяч людей. Гонят эту толпу распространяемые слухи о необычайных зверствах и насилиях, чинимых немцами, но главную ее массу составляет население, выселяемое по приказу военных властей в целях обезлюдения местностей, отдаваемых неприятелю.

Толпа эта чрезвычайно озлобленная. Людей отрывают от родных гнезд, давая на сборы несколько часов. У них на глазах сжигают оставляемые ими запасы, а нередко и самые жилища. Психология подобных беженцев понятна. Степень озлобленности против властей безгранична, а страдания беспредельны.

Вся эта раздраженная, измученная, а в большинстве своем голодная толпа сплошным потоком катится по всем путям, мешая военным передвижениям и внося в тыловую жизнь полнейший беспорядок. Тащатся за нею повозки, нагруженные домашним скарбом; напоить, накормить, согреть все это множество невозможно. Люди сотнями мрут на дороге от голода, холода и болезней. По сторонам дороги валяются непогребенные трупы. А в то время как десятки тысяч тянутся вдоль железнодорожного полотна, мимо них проходят поезда, нагруженные разным хламом, вплоть до клеток с канарейками птицелюбивых интендантов.

Широкой волной разливается беженская толпа по всей России, усугубляя тягости военного времени, создавая продовольственные, квартирные и иные кризисы.

По словам Кривошеина, сказанным в заседании Совета 4 августа, «беженская масса, идя сплошной стеной, топчет хлеб, портит луга, истребляет лес. По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и оборванные беженцы всюду вселяют панику. А за ними остается чуть ли не пустыня. Не только ближайший, но и глубокий тыл армии опустошен и разорен».

Особенно острый характер принял этот вопрос к половине августа, когда до сведения Совета дошло, что в Ставке разрабатывается проект расширения тыловой полосы до линии Тверь—Тула, а главнокомандующий Южным фронтом генерал Иванов собирается очистить прифронтовую полосу на сто верст в глубину страны от всякого обитающего его населения, да кстати эвакуировать и Киев.

В Совете указывается, что поголовное выселение населения с уничтожением имущества и всеобщим разорением недопустимо со всех точек зрения. К тому же выселение производится грубо. Раздраженные крестьяне вооружаются, чтобы охранять свое имущество. Разрушаются фабрики и заводы с запасами сырья и продуктов, к вывозу которых не принимается никаких мер.

«Нельзя давать центральные губернии на растерзание «рыжего» Данилова с его ордой тыловых героев!» — восклицает кн. Щербатов.

В начале августа, в связи с распоряжением Ставки, перед Советом министров возникает и другой чрезвычайно острый

вопрос, а именно как быть с евреями, изгоняемыми нагайками военной власти из всего театра войны, простирающегося, однако, далеко в глубь страны. В евреях, быть может не без основания, Ставка усматривает крайне ненадежный элемент, занимающийся шпионством и даже сигнализирующий неприятелю. Отсюда прибегнуть, однако, к насильственному изгнанию целого племени, даже если в его среде и встречаются отдельные предатели, — решение неожиданное.

Проявляемое военными властями совершенно безобразное отношение к еврейству, недопустимое с точки зрения элементарной гуманности, порождает для нас множество затруднений. Иностранная печать, заграничные еврейские банковские круги возмущены, и в то время, как первые нас разносят на столбцах, вторые угрожают полным прекращением всякого кредита. Между тем без кредита мы воевать не в состоянии. Министр финансов сообщает, что к нему явились банкиры Каминка, Варшавский и Гинцбург<sup>688</sup> и предъявили чуть не ультимативное требование немедленного прекращения столь безобразного гонения их племени.

688 Называя Гинцбурга «банкиром», Гурко не точен. В 1892 г. банкирский дом «И.Е.Гинцбург» из-за падения курса рубля не смог разместить облигации государственного займа и, не получив помощи Министерства финансов, прекратил операции. Администрация, назначенная по делам банкирского дома, в 1892—1894 гг. удовлетворила все претензии кредиторов, но деятельность банка не была возобновлена, и Гинцбурги занимались почти исключительно золотодобычей, будучи, в частности, пайщиками «Лензото».

Положение евреев до крайности осложняется еще и тем, что глубокий тыл им тоже закрыт, так как он вне установленной для них черты оседлости; наплыв евреев ввиду этого в ближайшую к тылу местность столь значителен, что местные жители встречают их местами в колья.

При таком положении вещей Совет министров приходит к заключению о необходимости предоставления евреям права жительства во всех городах империи, за исключением казачьих областей, где ненависть к ним местного населения настолько острая, что может вызвать весьма тяжелые последствия. Исключаются также места резиденций государя императора, что оформливается выражением «местности, состоящие в ведении Министерства императорского двора».

После краткого обмена мнений о способе осуществления этой меры выясняется, что в порядке ст. 87 Основных законов осуществить ее при наличии Государственной думы нельзя, а провести соответствующий закон через Государственную думу — медлительно, а главное, вызовет чрезвычайно нежелательные в данный момент прения, да и не известно даже, примет ли столь радикальную меру Четвертая Государственная дума. Совет останавливается на ее осуществлении простым циркуляром министра внутренних дел, основанным на ст. 188 Учреждения министерств, предоставляющей министрам в экстренных случаях издавать распоряжения, нарушающие действующий закон. Это, разумеется, явная натяжка, но при сложившейся обстановке иного исхода нет, и, таким образом, вековой вопрос, вызывавший столько толков, споров и всевозможных нареканий, разрешается простым росчерком пера министра внутренних дел. К приведенному решению приходят все министры, хотя и не без многих оговорок. Остается при

отдельном мнении, которого, впрочем, официально не заявляет, ограничившись лишь отказом от подписи соответствующего журнала Совета, министр путей сообщения, коренной горячий русак С.В.Рухлов. «Я не вношу разногласия, — говорит он, — но не могу и присоединиться к этому решению. Вся страна страдает, а льготы получают евреи».

С своей стороны министр торговли кн. Шаховской (единственный в ту пору ставленник Распутина в составе Совета министров) настаивает на разрешении евреям селиться повсеместно, т.е. не только в городах, но и в сельских местностях, но мнение это никем из министров не разделяется.

Между тем положение на фронте не улучшается, а пресловутый Янушкевич занят лишь одним — усиленным возложением ответственности за все происходящее на тыл и на гражданскую власть. Недостаток оружия и снарядов относится им исключительно к вине заготовительных ведомств, совершенно забывая, что о количестве запасов этих боевых средств Ставка знала заранее и тем не менее бросилась в карпатскую авантюру, совершенно не считаясь с необходимостью беречь снаряды и до времени их должного пополнения расходовать их на отражение неприятеля, а не на расширение линии фронта.

Можно даже предполагать, что не столько надежда, что общественность поможет пополнить недочеты военного снаряжения, сколько стремление обелить себя перед общественным мнением побудило Ставку усиленно ухаживать за общественными организациями в сознании, что общественное мнение создается именно этими учреждениями, а отнюдь не правительством и его агентами.

Но это еще было допустимо. Пошли, однако, значительно дальше. В конце июля месяца Ставка по телеграфу приказала военным цензорам, в руках которых была вся повременная печать, впредь не касаться вопросов, не относящихся до военной тайны. Расчет был столь же прост, как циничен. Военные действия тайна, а потому нас и наших распоряжений печать не должна касаться, ну а правительство можно критиковать сколько угодно. Таким образом, вина за все происходящее силою вещей ляжет целиком на одно правительство, что на деле и произошло.

На невозможность при таких условиях сладить с печатью неоднократно указывал в Совете министров кн. Щербатов, но помощи у него не находил, а сам действовать решительно не имел отваги. Между тем власть министра внутренних дел была все-таки весьма значительна. Ему достаточно было собрать редакторов газет и объяснить им, что если подвергнуть их органы предварительной цензуре он не может (хотя и это было возможно осуществить в условиях военного времени; установила же ее республиканская Франция, не говоря уже про другие монархические державы), то выслать их вправе, а потому в случае... и т.п.

Наконец, тот же Янушкевич изобретает уже совершенно чудовищное по мотивам и недействительное по существу средство для восстановления крепости русской армии. В письме на имя Кривошеина он пишет буквально следующее:

«Сказочные герои, идейные борцы и альтруисты встречаются единицами... таких не больше одного процента, а все



остальные — люди 20-го числа<sup>689</sup>. Русского солдата, — продолжает этот своеобразный ценитель русской военной доблести, — надо имущественно заинтересовать в сопротивлении врагу... необходимо его поманить наделением землей под угрозой конфискации у сдающихся». Наделение предполагается Янушкевичем определить в размере от 6 до 9 десятин на воина.

Письмо это вызвало в Совете министров общее и крайнее возмущение. Огульное посрамление русского солдата, лишённого оружия и умирающего тысячами, того русского солдата, выше которого Наполеон не ставил ни одного солдата в мире, и мысль покупкой создать героев доводит министров до пределов отчаяния. К тому же самая мысль Янушкевича неосуществима: такого количества земли, какое нужно для наделения многомиллионной армии, в империи просто нет. Превращение русской армии в ландскнехтов — вот мысль, которая еще никому не приходила. Кн. Щербатов справедливо замечает, что «никто еще не покупал героев, что любовь к родине и самоотвержение — не рыночный товар». Кривошеин в величайшем волнении восклицает: «За что бедной России переживать такую трагедию. Я не могу больше молчать, к каким бы это ни привело для меня последствиям». В таком же духе высказывается большинство министров.

По поводу всего происходящего в стране Совет неоднократно обращается к монарху с ходатайством о созыве военного совета с участием всего состава для упорядочения отноше-

689 Двадцатого числа выдавалось жалованье в государственных учреждениях, поэтому чиновников иронически называли «людьми двадцатого числа».

ний между военной и гражданской властью. «Надо постараться открыть царю правду настоящего и опасность будущего», — говорят министры. Одновременно Совет стремится сговориться с начальником Петербургского военного округа генералом Фроловым, которого приглашает с этой целью в свое заседание. Старания его в обоих направлениях безуспешны.

А тем временем военный министр подливает масло в огонь и усиленно разводит панику, доходя до утверждения, что «штаб потерял способность рассуждать и давать себе отчет в действиях. Вера в свои силы окончательно подорвана. Малейший слух о неприятеле, появление незначительного немецкого разъезда вызывает панику и бегство целых полков». Командир сданной им без боя крепости Ковно генерал Григорьев, по словам военного министра, удрал и исчез; его разыскивают для предания военному суду.

С своей стороны кн. Щербатов передает, что «в сумбуре отступающих обозов и воинских частей, вольных и невольных беженцев... происходит какая-то дикая вакханалия. Процветает пьянство, грабежи, разврат. Казаки и солдаты тянут за собой семьи беженцев, чтобы иметь в походе женщин».

Вновь и вновь Совет министров обращается с соответствующими представлениями к государю: власть царя в то время еще всесильна, но пользоваться ею в порядке действительном он все меньше решается. На мольбы министров о созыве военного совета он отвечает неизменно одно и то же: «погодите», «со временем». Сознывая свое слабование, государь, очевидно, опасался, что под напором всего правитель-

ственного синклита он вынужден будет принять какое-либо определенное решение, но именно этого он не желал<sup>690</sup>.

В результате господа министры волнуются, спорят, рисуют безотрадную картину действительности, которую при этом незаметно для самих себя изображают в еще более черных красках, нежели она имеется в действительности, но этим в большинстве случаев и ограничиваются.

Словом, происходит нервное, возбужденное, но совершенно бесплодное топтание на месте. Самарин при этом горячо восклицает: «Неужели же ближайшие слуги царя, им же самим облеченные доверием, не могут добиться, чтобы их выслушали».

Как я уже упомянул, личный состав Совета министров представляет в ту пору в своем преобладающем большинстве людей не только глубоко порядочных, но горячих патриотов,

**690** Известный психиатр Карпинский, пользовавший царскую семью, положительно утверждал, что, наблюдая за государем, он пришел к убеждению, что Николай II страдал душевной болезнью, именуемой в медицине негативизмом. Болезнь эта состоит в том, что пациент проявляет в общем сильный упадок воли в отношении противодействия решениям, принимаемым другими лицами даже в делах, касающихся его самого, и проявляет крайнее упорство в смысле отрицательном, а именно отказываясь лично предпринять какие-либо действия в любом направлении. Болезнь эта сопровождается обычно развитием недоверия ко всем лицам, что-либо исполняющим для больного и с которыми он вообще вынужден иметь дело. (Прим. автора)

всей душой болевших о России и надвигавшихся на нее тяжелых испытаниях.

Разумеется, не все министры были людьми исключительного ума и талантов. Так, Сазонов был человеком весьма упрощенного способа мышления, для него все вопросы были ясны, и всей сложности мировой обстановки и внутреннего положения России он определенно не постигал. К тому же России, как большинство наших дипломатов, он не знал и был, кроме того, заражен нетерпимым для русского министра иностранных дел англофильством.

Кн. Щербатов не обладал ни административным опытом, ни, тем более, той железной волей, без которой в то время Россией управлять нельзя было. Его мягкость неоднократно становилась ему в упрек Советом министров, но, конечно, безрезультатно: мягкого, в высшей степени деликатного человека, каким был Щербатов, в твердого борца никак не превратишь.

Наибольшей рассудительностью и хладнокровием отличался, несомненно, председатель Совета Горемыкин. Он не утрачивал ни при каких условиях ни спокойствия, ни уравновешенности, но необходимой действенности в нем не было, причем он совершенно не учитывал общественной психологии. Зато его природное отвращение к активной борьбе с каким-либо злом и необыкновенное умение сводить всякий вопрос на нет в высшей степени содействовали безрезультатности длительных суждений Совета министров.

Еще более существенной отрицательной чертой Совета министров того времени была недостаточная сплоченность в политическом отношении составлявших его членов. С одной

стороны, входили в него, составляя его левое крыло, такие люди, как П.А.Харитонов и С.Д.Сазонов, определенно гнувшие на всевозможные уступки общественности, а с другой, в его среде имелись такие крайние по своим убеждениям сторонники исключительного бюрократического правления, как С.В.Рухлов и Александр Алексеевич Хвостов. Оба они общественности совершенно не доверяли и во всех ее заявлениях и действиях усматривали лишь стремление свергнуть существующий государственный строй. К ним же в полной мере примыкал и председатель Совета. От некогда бывшего либерала в нем ничего не осталось, но зато усилилась глубокая преданность царю, которого он всячески стремился оберечь от всяких волнений и огорчений.

Вместе с этим лишен был Совет министров всякой возможности воздействовать на отдельных своих членов. Министры назначались и увольнялись государем лишь после формальной беседы с председателем Совета. Словом, объединенного правительства по-прежнему не было, не было единой, направляющей деятельность министров воли и мысли.

Однако главная причина бессилия Совета министров крылась в другом, и министры сознавали ее в полной мере, в том что Сазонов однажды определил словами: «Правительство висит на воздухе, не имея опоры ни снизу, ни сверху».

Действительно, в глазах общественности и даже широких слоев населения, в обыкновенное время вовсе не интересующихся политикой, правительство утратило всякое обаяние; не пользовалось правительство доверием его избравшего источника власти. Между тем без этого доверия правительство обойтись не могло, тем более что при создавшемся двоевластии многое оно могло осуществить только при согласии и

деятельном содействии самого императора, но ни этого согласия, ни тем более содействия оно добиться не было в состоянии.

При таких условиях окончательный развал представлялся неизбежным. Министры это сознавали и, не видя средств предотвратить надвигающуюся катастрофу, естественно, приходили в отчаяние.

Творящимся на фронте и в подчиненном военной власти тылу не ограничивались заботы и тревоги правительства. Вызывало его живейшее беспокойство и усиливающееся в стране общественное волнение.

Действительно, к этому времени наблюдалось то же самое, что происходило под конец войны с Японией, когда консервативные круги, охваченные патриотической тревогой, объединились с кругами оппозиционными как в усиленной критике деятельности правительства, так и в огульном недовольстве. Выросшие на этой почве общественные домогательства, естественно, не могли почитаться за действия революционные, и принять против них репрессивные меры — правительство это сознавало — не было возможности. Между тем под покровом тех же будто бы патриотических побуждений революционные силы действовали в определенно разрушительных целях. Отделить одних от других, различить, чьи домогательства вызваны тревогой за родину, а чьи направлены к разрушению существующего строя, было в высшей степени затруднительно. К тому же всякая мера, принятая против революционеров, коль скоро они свою деятельность покрывали патриотическим флагом, неминуемо принимала в глазах всей общественности одиозный характер лишения гражданских прав и возможности работать на пользу государства. Так

это было и с общеземским союзом, агенты которого занимались усиленной пропагандой на фронте и в тылу, так это было и с Государственной думой, где произносились речи ультрапатриотического содержания, но в существе превращавшиеся в тараны, вдребезги разбивающие авторитет и обаяние власти.

Между тем тождественная по виду, но стремящаяся к противоположным целям работа патриотов, с одной стороны, и революционеров, с другой, принимала все более широкий размах и приводила к тяжелым результатам.

Так, уже в начале августа в Москве возникли, опять-таки на патриотической почве, уличные манифестации, вскоре выродившиеся в беспорядки, усмирение которых сопровождалось пролитием крови. Серьезные беспорядки произошли приблизительно в это время в Иваново-Вознесенске<sup>691</sup>, где рабочие предъявили ряд требований, будто бы основанных на недостаточном использовании заводов для работы на оборону страны. Прекращенные при помощи войск беспорядки эти вызвали множество жертв — 16 убитых и свыше 30 раненых. Беспорядки были вызваны революционными силами, ловко пользовавшимися для усиления брожения в рабочей среде

691 Гурко ошибается или намеренно сближает хронологически далекие события. Немецкий погром в Москве, организованный черносотенными союзами («хитровцами»), в ходе которого власти обнаружили подозрительную «нераспорядительность», произошел 28–29 мая 1915 г. Рабочие волнения в Иваново-Вознесенске происходили в середине августа; войска стреляли по забастовщикам 10 августа.

такими лозунгами, как забота о государственной безопасности; борьба с ними представлялась крайне трудной.

Беспокойство правительства по поводу усушившегося народного брожения тем более понятно, что министр внутренних дел уже 11 августа 1915 г. определенно заявил Совету, что бороться с растущим революционным движением он не в состоянии, так как ему отказывают в содействии войск для подавления беспорядков, причем ссылался на неуверенность в возможности заставить войска стрелять в толпу.

«Ряды полиции редеют, — говорит кн. Щербатов, — а население ежедневно возбуждается думскими речами, газетным враньем, безостановочными поражениями на фронте и слухами о беспорядках в тылу».

К этому вопросу Совет министров возвращается неоднократно. Так, в течение того же августа кн. Щербатов указывает, что положение в Москве серьезное: «Войска нет, всего одна сотня казаков да один запасный батальон в 800 человек, наполовину ежедневно занятый содержанием караулов. На окраинах имеются две ополченские дружины, неверные. Зато в городе находится до 30 тысяч выздоравливающих от поранений нижних чинов. Народ это буйный, вольница, безобразничающая и дисциплины не признающая. В случае беспорядков эта орда станет на сторону толпы». Не лучше положение и в Петербурге, где уже происходили шумные забастовки на Путиловском и металлическом заводах.

Тут поневоле приходится сделать небольшое отступление и сказать: поистине права латинская пословица, гласящая:



Quos vult perdere Jupiter dementat<sup>692</sup>. Как, уже в августе 1915 г. правительство и главный блюститель внутреннего порядка — министр внутренних дел — знали, что в стране растет революционное движение, а что в распоряжении власти нет ни малейшей силы для подавления надвигающихся, по их же утверждению, народных волнений, и в течение последующих лет, протекших с того времени, до вспышки революционного бунта в Петербурге, не приняли никаких мер для получения такой силы в свое распоряжение? Как назвать такой образ действия, или, вернее, бездействия, и чем объяснить, если не ниспосланным на них всевышним лишением разума. Отвлечь от фронта какие-нибудь десять тысяч войска, расквартировать их по главным административным и промышленным центрам и там подчинить их той воинской дисциплине, от которой они на фронте силою вещей отвыкли и при которой войска неизменно превращаются в послушное оружие командного состава, — ведь это было столь же легко, как до самоочевидности необходимо.

Солдатские бунты возникали почти во всех государствах, принимавших участие в мировой войне. Правительства западных государств это предвидели и приняли соответствующие меры. Так, в Германии был создан специальный союз молодых людей из буржуазии, получивший соответственное обучение и вооружение, и именно этот союз справился с весьма серьезным матросским бунтом, вспыхнувшим в Киле еще в 1915 г. Так, Италия, невзирая на большую затруднительность для ее

692 Кого Юпитер хочет погубить, того он прежде всего лишает разума (лат.).

тогдашнего правительства свободно распоряжаться даже малейшей частью ее боевых сил, не задумалась с той же целью снять с фронта значительную часть своей кавалерии, сосредоточить ее в глубине страны и там вновь спаять той железной дисциплиной, которую воинские части, участвующие в боевых действиях, понемногу утрачивают. Мера эта оказалась далеко не лишней, настолько, что именно она спасла Италию от ниспровержения ее государственного строя. Не получившая широкой огласки революционная вспышка начала 1917 г. в Милане, настолько удачная, что там в течение шести дней действовало организованное революционными силами республиканское правление, была подавлена именно упомянутой кавалерией, причем было убито несколько тысяч повстанцев.

Наше правительство до этих предупредительных мер не додумалось либо не сумело настоять на их осуществлении. Оно сумело восстановить против себя едва ли не всю мыслящую Россию и, следовательно, с общественным мнением не считалось вовсе, но обезопасить себя и страну не считало нужным.

Не додумались до этого и крайние правые элементы, хотя основывать власть на штыках — их любимый способ действия.

Вместо того чтобы усилить воинскую дисциплину в частях, сосредоточенных в тылу, и тем самым подготовить силу для подавления возможных революционных вспышек, мы искусственно создали в самой столице такие воинские единения, которые как бы были предназначены для обеспечения торжества всякого революционного действия.

Так, по крайней мере, высказался генерал Корнилов, про сосредоточенные в Петербурге гвардейские запасные батальоны, когда по назначению Временным правительством началь-

ником Петербургского военного округа он ознакомился со способами их обучения и воспитания.

Наряду с усиливающимся движением в рабочих кругах возросло и общественное недовольство в кругах оппозиционных. Выражалось оно не только в горячих речах, произносимых с трибуны Государственной думы. Начали образовываться и более или менее конспиративные собрания, имевшие целью принудить правительство изменить свой способ действия, а в особенности поставить монарха в необходимость привлечь к власти людей, пользующихся общественным доверием.

Поначалу, а именно к марту 1915 г., партийные цели тут не преследовались, а имелось в виду едва ли не исключительно обеспечение победы над врагом. Впоследствии примешались и иные цели, а именно введение в России парламентского образа правления. Но произошло это значительно позднее. Первоначально стремились лишь поставить у власти людей, способных в тяжелую для страны минуту умелой и властной рукой править рулем государственного корабля. В сущности, вопрос шел в ту пору не об общественном доверии, а об отдельных правителях, причем *implicite*<sup>693</sup> предполагалось, что общественным доверием пользуются лишь выдающиеся государственные люди. Увы, последующее доказало, что это далеко не всегда так.

693 По умолчанию (лат.)

Собранный в августе 1915 г. в доме Коновалова в Москве съезд прогрессивных деятелей<sup>694</sup> пришел к заключению, что лучшим средством воздействия на власть является дружная, в

694 Многолюдное собрание 16 августа 1915 г. у Коновалова было устроено по инициативе прогрессистов, стоворившихся предварительно с кадетами, с целью сплочения «умеренно-прогрессивных» и «искони лояльных» сил общественности. В нем участвовали представители московских торгово-промышленных кругов, Земского и Городского союзов, все депутаты Государственной думы от Москвы, представители партий, вошедших в Прогрессивный блок. Участники совещания высказали недовольство Думой, которая «оказалась не на высоте своего положения», и постановили направить к Николаю II депутацию с требованием «правительства доверия». Поддержать кампанию должны были создаваемые на местах «коалиционные комитеты» из представителей органов городского самоуправления. По выработанному на совещании плану открыть эту кампанию должна была Москва. В соответствии с этими договоренностями 18 августа 1915 г. Московская городская дума, заслушав выступления о политическом моменте Н.И.Гучкова, представлявшего правое крыло думы, и А.А.Алферова, говорившего от левых, единогласно приняла резолюцию, заключительный пункт которой гласил: «Стоящая ныне перед страной ответственная задача требует созыва правительства, сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна» (цит. по: Вестник Европы. 1915. № 9. С. 357). Телеграмма аналогичного содержания была отправлена на высочайшее имя (см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914-1917. Л., 1967. С. 104-105).

определенном направлении общественная агитация. Решили прибегнуть к уже испытанному в 1905 г. средству, а именно к вынесению земскими и городскими учреждениями однозвучных по этому предмету резолюций. Первый сигнал должна была дать московская городская дума, которая это и исполнила единогласно. Поскольку здесь преобладали чувства и намерения патриотические, чуждые всяких революционных стремлений, можно судить по тому, что самое крайнее правое крыло московской думы с таким определенным черносотенцем во главе, как Шмаков, присоединилось к соответствующей резолюции думы. Одновременно московская дума обратилась с телеграммой на высочайшее имя с выражением верноподданнейших чувств и указанием на необходимость для успешного одоления врага образования министерства, пользующегося доверием населения страны. Вместе с тем дума ходатайствовала о разрешении избранной ею депутации представиться лично государю. Тут же дума обратилась с приветственной телеграммой к великому князю, верховному главнокомандующему, желая этим подчеркнуть, что в нем население видит своего национального вождя.

Телеграмма эта, равно как состоявшийся в Москве съезд и принятые на нем резолюции вызвали в Совете министров прения, впервые ясно обнаружившие то основное разногласие, которое существовало между большинством членов Совета и его председателем.

Горемыкин усматривал в резолюции и съезда и московской думы одно лишь желание — изменить существующий образ правления и ограничить власть монарха. Против этого протестовали почти все министры, причем с особой горячностью высказались по этому поводу Самарин и Кривошеин. Они

говорили, что общественная тревога и вызванные ею общественные выступления — не что иное, как «крик наболевшей души».

После, по обыкновению, длительных прений Совет министров пришел к заключению, что на телеграмму московской городской думы должен последовать весьма милостивый ответ государя, ходатайство же о принятии депутации должно быть отклонено, что в действительности и произошло.

Пока происходили описанные события, побуждавшие Совет министров настаивать перед государем о созыве военного совета, обозленная донельзя назначением Поливанова, а в особенности Самарина, темная клика, окружавшая Распутина и превратившая его в орудие достижения своих целей, усердно работала над упразднением влияния на государя великого князя Николая Николаевича. Ближайшей целью этой шайки — иначе назвать ее нельзя — было в то время внушение императрице, а через ее посредство и государю подозрения в лояльности престолу великого князя. Сначала полусловами, а затем совершенно определенно стремятся они убедить императрицу, что при помощи своей популярности в войсках великий князь Николай Николаевич замышляет так или иначе свергнуть царя с престола и воссесть на нем самому. Единственным средством, способным, по утверждению этих лиц, предупредить готовящееся военное *pronunciamento*<sup>695</sup>, является немедлен-

695\* Испанский термин, буквально обозначающий «прокламация», и являющийся расхожим названием многократно происходивших в 19 веке в Испании военных переворотов, характерной чертой которых было распространение заговорщиками про-

ное смещение великого князя, причем возможно это только при условии принятия государем верховного командования армиями лично на себя. Играя, как всегда, на мистических свойствах природы царской четы, Распутину и компании удастся внушить государю мысль, что долг царского служения повелевает царю делить с армией в тяжелые минуты ее горе и радости. Мысль эта падает на весьма благодатную почву. Стать самому во главе армии Николай II имел намерение еще при самом возникновении войны, и правительству стоило тогда большого труда убедить его отказаться от этого намерения. Под натиском Распутина, а в особенности царицы, государь преисполняется этой мыслью, и, как это доказали последующие события, ничто не было в состоянии поколебать принятое им решение.

Сведение о том, что государь решил сменить великого князя — верховного главнокомандующего, впервые достигло Совета министров в его заседании 6 августа.

Под конец этого заседания, посвященного обсуждению других вопросов, военный министр Поливанов, все время хранивший упорное молчание, но выказывавший явные признаки крайней чем-то озабоченности, внезапно заявил, что он вполне сознательно нарушает приказание государя до времени не разглашать принятого им решения и считает своим долгом сообщить Совету, что Его Величество намерен в самом ближайшем времени возглавить действующую армию.

кламаций с призывами присоединиться к ним, предшествующее собственно военному выступлению.

Известие это приводит господ министров в весьма возбужденное состояние; перебивая друг друга, хором высказываются они против принятого государем решения, приводя к этому множество разнообразных причин.

Надо сказать, что такое же отношение к решению государя проявила и вся общественность, когда и до нее дошла об этом весть. В основе такого отношения к решению государя крылись разнообразные причины. Одни тревожились за дальнейший ход военных действий, но в особенности страшились того громадного риска, который был сопряжен с принятием на себя государем военной ответственности как раз в тот момент, когда наше положение с каждым днем ухудшалось, причем предвиделась возможность захвата неприятелем любой из обеих столиц. Другие недовольны были главным образом устранением великого князя, завоевавшего симпатии передовой общественности как известным его приказом, касающимся восстановления Польши<sup>696</sup>, так и не столько им проявленным,

696 Воззвание «Полякам» Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 1 августа 1914 г. обещало начало «воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией». «Русские войска, — говорилось в воззвании, — несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» (Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926. С. 155). Туманные обещания манифеста были первоначально с удовлетворением восприня-



сколько приписываемым ему расположением к общественности и к принятию ею широкого участия в общем народном деле защиты родины.

Общеземский союз, сумевший завоевать себе на фронте привилегированное положение, опасался, что с переменой командования он этого положения не сохранит. Играя на разных струнах, всячески муссировала деятельность великого князя и печать разнообразных оттенков.

Приблизительно то же чувство испытывал и Совет министров, причем высказываемые министрами мотивы совпадали с мотивами, высказываемыми общественными кругами. Крайне болезненно отнеслись министры и к тому обстоятельству, что государь принял столь важное решение, не только предварительно с ними не посоветовавшись, но как бы тайком от них. Оказалось, однако, что председатель Совета уже знал про это решение. На упреки, обращенные к нему министрами по поводу того, что он утаил от них это важнейшее обстоятельство, Горемыкин строго ответил: «Я не считал возможным разглашать то, что мне государь приказал хранить в тайне. Я человек старой школы. Для меня высочайшее повеление закон». К этому Горемыкин прибавил: «Должен сказать, что все попытки отговорить государя будут все равно безрезультатны. Его убеждение сложилось уже давно. По словам Его Величества, долг царского служения повелевает монарху быть в момент опасности вместе с войсками, и когда на фронте почти

ты не только русскими либеральными кругами, но и частью польских политических деятелей.

катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть».

Министры этими словами не убеждаются. «Надо протестовать, просить, умолять, настаивать, словом, исчерпать все доступные нам способы, — говорит Самарин и прибавляет: — Народ давно уже со времени Ходынки и Японской войны считает государя царем неудачливым, несчастливым. Наоборот, популярность великого князя прочна, и он является лозунгом, вокруг которого объединяются последние надежды. И вдруг смена главнокомандующего. Какое безотрадное впечатление и в обществе, и в народных массах, и в войсках».

Дальнейшее отступление, могущее привести к эвакуации и Петербурга и Москвы после принятия на себя государем всей ответственности за ход военных действий, по мнению министров, породит ослабление и даже полное крушение обаяния монаршего имени, и даже закончится гибелью династии.

Опасался Совет министров и последствий, которые возымеет решение государя на тон речей, произносимых с трибуны Государственной думы. О степени возбуждения этих кругов Совет министров мог судить по следующему характерному инциденту.

11 августа во время заседания Совета министров приехал в Мариинский дворец председатель Государственной думы Родзянко и настоятельно потребовал, чтобы его приняли.

Вышедшему к нему Горемыкину он в величайшем возбуждении заявил, что немыслимо допустить осуществление намерений царя сменить великого князя и самому стать во главе войск и что Совет министров обязан принять все меры к

отмене этого решения. Неизменно спокойный Горемыкин ему холодно ответил, что правительство в данном вопросе делает все, что ему подсказывает совесть и сознание долга, а в его советах не нуждается. Тогда Родзянко, не прощаясь с Горемыкиным, выскочил из комнаты, где происходила их беседа, и ураганом промчался через переднюю, причем швейцару, подававшему ему его собственную палку, гневно закричал: «К черту палку!»

Тем временем государь посылает генерала Поливанова в Ставку с письмом великому князю, содержащим предложение занять пост наместника и главнокомандующего на Кавказе, а Щербатов в одном из ближайших заседаний сообщает, что Воейков не только не желает убеждать государя отказаться от своей мысли, а, наоборот, находит ее прекрасной. Борьба с влиянием Распутина, под влиянием которого, как это ныне доподлинно известно из писем государыни, государь принял решение, о котором идет речь, этот эгоистический царедворец, очевидно, не пожелал.

В заседаниях 10 и 11 августа Совет министров вновь возвращается к тому же вопросу, изыскивая способы хотя бы отсрочить осуществление мысли государя или, по крайней мере, смягчить возможные его последствия.

С разрешения государя, переданного им Сазонову, докладывавшему о той тревоге, которую вызывает в Совете министров предпринятый государем шаг, Совет поручает Кривошеину составление рескрипта на имя великого князя в коем были бы пояснены мотивы, побудившие царя стать самому во главе войск, как то: необходимость объединить гражданское и военное управление и долг царского служения, а засим указать на важные заслуги великого князя.

Самарин продолжает настаивать на коллективном ходатайстве перед царем об отказе от принятого им пагубного, по его мнению, решения. Он с пафосом восклицает: «Ведь русский царь — это наша последняя ставка».

Далее Совет вновь возвращается к вопросу о созыве военного совета с участием великого князя и правительства и вновь поручает вернувшемуся из Ставки Поливанову передать это ходатайство государю. Искушенный Горемыкин, лучше понимавший характер Николая II, твердо заявляет, что ничего из дальнейших настояний по этому предмету не выйдет. Вообще, с этого времени разномыслие между председателем Совета и его членами становится все явственнее и все резче.

Совет продолжает стоять за самое энергичное воздействие на государя, и одновременно большинство Совета высказывается за установление с законодательными палатами и общественностью возможно дружеских отношений. Горемыкин признает, что всякое воздействие на государя бесполезно, ибо реальных результатов не даст, а относительно отношений с Государственной думой и общественностью придерживается той же точки зрения, на которой он стоял 9 лет тому назад по отношению к Первой Государственной думе, а именно с Государственной думой не ссориться, но и не дружить, а по возможности ее игнорировать.

Решающим днем является в этом отношении 16 августа, когда во время заседания Совета министров Самарин вновь настаивает на том, чтобы Совет министров *in corpora*<sup>697</sup>

697 В полном составе (лат.)

обратился к государю с мольбой об отказе от мысли принять на себя командование войсками. «За последнее время, — говорит Самарин, — усиленно возобновились толки о скрытых влияниях, которые будто бы сыграли решающую роль в вопросе о командовании. Я откровенно спрошу государя об этом и имею на это право. Когда Его Величество предложил мне пост обер-прокурора Св. синода, я согласился лишь после того, как государь лично сказал мне, что все рассказы придуманы врагами престола. Но сейчас слухи настолько упорны, что я напому о нашей тогдашней беседе, и если положение действительно изменилось, буду просить об увольнении меня от должности. Готов до последней капли крови служить моему законному царю, но не ...»<sup>698</sup>

Вообще имя Распутина начинает все чаще раздаваться в заседаниях Совета, в особенности в связи с упомянутым решением Государя. Говорится о том, что распространение слухово влияния Распутина подрывает монархический принцип гораздо сильнее, чем все революционные выступления. Между тем, по словам Самарина, сам Распутин имеет смелость говорить, что он убрал великого князя. Тем более необходимо, чтобы не произошло смены главнокомандующего. Горемыкин упрямо твердит свое: «Государя переубедить нельзя. Не следует напрасно терзать и без того измученного человека».

После новых повторных ходатайств перед государем отдельных министров, действовавших по уполномочию остальных членов Совета, об изменении принятого царем решения

698 Фраза не окончена автором.

Николай II, невзирая на то, что эти ходатайства председателем Совета поддержаны, очевидно, не были, согласился наконец выслушать мнение всего правительства.

Заседание Совета в Высочайшем присутствии состоялось в Царском Селе 20 августа. Последствия его были совершенно не те, которые ожидали настаивающие на нем министры.

Предполагалось, что в нем будут обсуждаться вопросы 1) о Верховном главнокомандовании и 2) о будущей внутренней политике, т.е. будет ли эта политика твердая, носящая характер диктатуры, или же пойдет она на встречу общественным пожеланиям. «Золотая середина, — сказал по этому поводу в Совете министров Кривошей, — всех озлобит».

Эти вопросы и были предметом суждений председательствуемого государем заседания 20 августа. По первому вопросу, по обыкновению, ни к какому решению не пришли, но стало совершенно ясно, что реакционная точка зрения Горемыкина разделяется государем, который, не желая принять никаких решительных мер к прекращению обильно льющейся с кафедры Государственной думы страстной критики по адресу правительства, по существу, не желает с нею вовсе ссориться.

На состоявшемся на следующий день очередном заседании Совета министров многие его члены обратились с упреком к Горемыкину в том, что он не только не поддержал их стараний убедить государя отказаться от смены великого князя, но как бы сам признавал решение государя правильным, хотя в Совете высказывался в обратном смысле.

Тут же большинство министров обращается к государю с письмом, в котором еще раз умоляет государя не принимать на себя ответственности за дальнейший ход военных дей-

ствий. Письмо это подписывают все министры за исключением кн. Шаховского, что в достаточной степени объясняется его близостью к Распутину, и А.А.Хвостова, понемногу перешедшего в лагерь Горемыкина. Не подписывают письма и военный и морской министры, так как правила воинской дисциплины им это воспрещают, но при этом принимают меры для доведения до сведения государя, что они со своими товарищами по Совету в этом вопросе вполне солидарны.

Не могу по этому поводу не заметить, что выказанное в этом вопросе господами министрами упорство можно объяснить лишь каким-то тем более странным психозом, что они в то же время сознавали и указывали на невозможность сохранения того двоевластия, которое образовалось в империи при наделении Ставки Верховного диктаторскими полномочиями. Современная война отнюдь не ограничивается исключительно одними военными действиями. В ней силою вещей участвуют все живые силы страны и также все отрасли ее управления. При таких условиях, коль скоро главный военный начальник не ограничен в своих действиях исключительно преследованием боевых задач, ему по необходимости приходится передать управление всем государством. Каким образом русские министры летних месяцев 1915 г. этого не постигали, понять трудно.

Между тем разногласие между председателем Совета министров и его членами становится все более острым. Обнаруживается это в том же заседании 21 августа при обсуждении вопроса о прекращении сессии Государственной думы приблизительно до осени.

Желательность прервать занятия Государственной думы признают все министры, но в то же время одни из них желают

расстаться с Государственной думой по-хорошему, высказывая опасения, как бы в противном случае не возникли рабочие беспорядки. Некоторые министры даже говорят, что «лучше митингующая Дума», нежели ее насильственный, без предварительного сговора, роспуск. Наибольшую твердость проявляет в этом вопросе тот же Горемыкин. «Рабочее движение пойдет своим чередом и ничего общего с роспуском Государственной думы не имеет», — заявил он.

Однако все эти суждения служат лишь подступом к постановке основного вопроса, а именно — необходимости исполнить повсеместно высказываемое общественностью пожелание о назначении правительства, пользующегося доверием страны. При этом некоторые министры высказываются за коллективное в этом смысле заявление Совета министров государю.

Горемыкин говорит, что подобного заявления он допустить не может, на что Сазонов резко замечает, что «в таком случае мы (думающие иначе) оставляем за собою свободу действий». «Мы с вами, Иван Логгинович, находимся в разладе» — так заканчивает свое обращение к председателю Сазонов, на что Горемыкин тотчас отвечает: «Усердно прошу вас доложить государю о моей непригодности и о замене другим, более подходящим лицом», — и затем несколько раз с силой это повторяет.

Как бы то ни было первоначально Горемыкин разделяет мысль о желательности до роспуска Государственной думы сговориться с ее лидерами и сопроводить указ о перерыве сессии правительственной декларацией, заключающей милостивые слова по адресу законодательных палат. Но в начале сентября, предварительно заручившись соответственным



Высочайшим указом, Горемыкин объявляет Совету, что сессию он прекратит немедленно без всяких сопутствующих этому указу правительственных деклараций.

Изменение взгляда Горемыкина происходит в связи с образованием в половине августа так называемого прогрессивного парламентского блока. При каких условиях образовался этот блок? Кто был его инициатором? Мне сдается, что мысль образования блока между партиями, занимавшими центральное положение в Государственной думе и Государственном совете, впервые возникла у того же Кривошеина.

Имея в виду возглавить правительство, Кривошеин мечтал о принятии власти с одобрения общественности, обеспечив себе тем самым и ее будущую поддержку. Рассчитывал он при этом на поддержку парламентских кругов и для скорейшего увольнения Горемыкина.

Как было к этому реально подойти? С чего начать? Наиболее разумным ходом казалось Кривошеину, да и не ему одному, начать с объединения представленных в Государственной думе и Государственном совете разумных элементов в один объединенный союз, преследующий одну, превосходящую в данный момент все остальные цель. Для образования такого объединения естественно было обратиться к присяжному организатору новых в Государственной думе политических комбинаций П.Н.Крупенскому. По мнению Кривошеина, объединение умеренно-правых элементов прежде всего в лице октябристов, с которыми Кривошеин с давних пор был и в единомыслии, и в близком контакте, с элементами, еще недавно определенно оппозиционными, но со времени начала войны заявившими, что в деле государственной обороны они всецело будут поддерживать правительство, обеспечивало превраще-

ние большинства обеих палат из оппозиции в опору правительства. Словом, одним ударом получалось двойное действие: с одной стороны, обеспечивался разумный умеренно-правый состав правительства с некоторой прослойкой общественности, почерпнутой, между прочим, из рядов торгово-промышленной среды (с ней Кривошеин был близок через родство своей жены), а с другой, правительство получало мощную поддержку разнообразных политических течений и перед престолом, и перед страной. Спешу оговориться, что прямых конкретных данных для подтверждения высказанного мною предположения у меня нет. Мысли свои по этому предмету Кривошеин, умевший таить про себя свои планы, мне не высказывал, и во все время образования парламентского блока я отнюдь не подозревал его участия в этой политической комбинации хотя бы поневоле, косвенно. Но множество побочных данных убеждают меня, что моя догадка, ибо это, разумеется, догадка, верна.

Основываю я свою догадку прежде всего на том, что Кривошеин во время образования блока отнюдь не скрывал своего сочувствия этой политической комбинации, а во-вторых, что главное, принятое блоком тотчас по его образованию положение, а именно образование министерства общественного доверия, была именно та цель, которую стремился осуществить Кривошеин. Действительно, если впоследствии большинство блока под термином «министерство общественного доверия» подразумевало министерство, ответственное перед законодательными палатами, иначе говоря, парламентский строй, то я положительно утверждаю, что при своем образовании, да и в течение всей зимы 1915—1916 гг. под министерством общественного доверия имелся в виду лишь такой состав прави-

тельства, который пользовался лишь моральной, а не юридической поддержкой Государственной думы и широких общественных кругов. Конечно, это формула довольно туманная, и весьма возможно, что некоторые члены блока из наиболее видных, например, Милюков, с места имели в виду введение у нас парламентского строя, как обеспечивающего им лично участие в правительстве (в сущности основной цели которой они добивались), но гласно они этого не высказывали, и вообще вопрос об изменении конституции страны в блоке ни разу не возбуждался. Думается мне, впрочем, что и Милюков и иже с ним если и стремились к парламентскому строю, чего они никогда не скрывали, то все же первоначально подразумевали под министерством общественного доверия такое министерство, которое по личному составу не вызывало бы неприязни и даже негодования как в думских, так и в общественных кругах, что от такого министерства легко было перейти к определенно зависящему от народного представительства, было понятно каждому.

Обращаюсь, однако, к самому составлению блока. Я уже упомянул, что главным инициатором этого блока был П.Н.Крупенский. Обойдя и переговорив с наиболее видными представителями думских фракций, от кадет вплоть до умеренно-правых, а также с некоторыми членами Государственного совета, он предложил им собраться вместе за общей трапезой в ресторане «Контан», что на Мойке, с целью переговорить о согласовании деятельности обеих палат. Это предложение было охотно принято, и вот, приблизительно в начальных днях августа месяца, у Контана собрались представители всего думского центра и академической фракции Государственного совета барон Меллер-Закомельский, М.М.Ковалевский,

М.А.Стахович, а от членов Государственной думы Милюков, гр. В.А.Бобринский, Ефремов, Шульгин и, разумеется, сам П.Н.Крупенский. Первоначально разговор был общего характера и ничего конкретного не обсуждалось. Но к концу обеда временно удалившийся Крупенский влетел вновь в комнату и в большом возбуждении сообщил, что состоялось решение о принятии государем лично на себя командования армией. Известие это произвело огромное впечатление в особенности на лиц оппозиционного направления. В Ставке, возглавляемой великим князем Николаем Николаевичем, видели некоторый корректив к ультраправым течениям, поддерживаемым государем. Но независимо от сего и на чисто патриотической почве принятие на себя государем верховного главнокомандования войсками вызвало большие опасения. Что бы ни говорили, но собравшиеся члены Государственной думы, вплоть до самых левых, были в то время сплошь монархисты и всякого революционного действия во время войны не только не желали, но всемерно опасались. Впрочем, в момент образования блока о возможности революции и помыслов еще не было.

Как бы то ни было, полученное известие как-то способствовало объединению собравшихся. Тут было решено собраться вторично на квартире М.М.Ковалевского, за которым последовал ряд других собраний уже на квартире избранного председателем собравшихся барона Меллера-Закомельского, где и происходили заседания блока вплоть до самой революции. Приступили вскорости к составлению программы блока, приемлемой для всех представленных фракций законодательных палат. Для составления программы были избраны три лица: Милюков, Шульгин и автор этих строк. При составлении этой программы принимал, впрочем, участие и барон Меллер в

качестве хозяина квартиры, где собирались. По выработке программы она была воспроизведена в количестве экземпляров, соответствующем числу инициаторов (если не ошибаюсь, нас было в то время десять человек), и им разослана накануне дня, назначенного для ее обсуждения. Однако не успела эта программа быть обсуждена и утверждена пленум'ом инициаторов, как выяснилось, что она уже находится в руках правительства. Вслед за тем произошло довольно длительное обсуждение выработанной программы в различных фракциях Государственной думы и Государственного совета, что сопровождалось избранием этими фракциями своих представителей в комитет блока. Насколько помнится, программа была принята всеми фракциями без изменений, во всяком случае, без существенных изменений.

25 августа представители фракций и групп Государственной думы и Государственного совета подписали программу соглашения образовавшегося «Прогрессивного блока», в который вошли от Государственной думы: прогрессивный националист гр. В.Бобринский, группы центра Львов, земец-октябрист Дмитрюков, левые октябристы-прогрессисты С.Шидловский, И.И.Ефремов и кадет Милюков. От Государственного совета группы академистов Д.Гримм, центра барон Меллер-Закомельский и условно группы беспартийного объединения Гурко.

«Нижеподписавшиеся представители партий и групп Государственной думы и Государственного совета, исходя из уверенности, что только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и что такую может быть только власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли

к единогласному решению, что насущнейшая и важнейшая задача создания такой власти не может быть осуществлена без выполнения нижеследующих условий:

Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны, и согласившегося с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы. Решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывавшихся на недоверии к общественной самодеятельности. В частности: а) строгое проведение начал законности в управлении; б) устранение двоевластия в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций; в) обновлению состава местной администрации; г) разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами.

Для осуществления такой программы должны быть приняты следующие меры:

Частичная амнистия политически осужденных и возвращение административно сосланных. Полная веротерпимость. Разрешение русско-польского вопроса. Приступ к отмене ограничений для евреев. Примирительная политика по отношению к Финляндии. Восстановление деятельности профессиональных союзов. Проведение по соглашению с законодательными учреждениями уравнивания в правах крестьян с другими сословиями. Введение волостного земства. Введение земских учреждений в Сибири, Архангельской губернии, Донской области и на Кавказе. Изменение земского положения 1890 г. и городского положения 1892 г.» и т.д. (множество других менее важных законодательных мер).

В Государственном совете к блоку и его программе безоговорочно присоединилась лишь академическая группа.

Центр не принял определенного решения в смысле подчинения своей деятельности решениям, принятым блоком. Относясь в общем к образованию блока вполне сочувственно, центр Государственного совета в виду того, что многие его члены состояли в Совете по назначению, лишен был возможности открыто вступить в состав блока, но, однако, выбрал в качестве своего представителя в нем барона Меллера. Еще менее определенно высказалась партия беспартийных, к составу которой я принадлежал. Немногочисленная по своему составу — число ее членов постоянно колебалось между 12 и 14, — она в большинстве состояла из бывших министров, считавших неудобным записываться в какую-либо определенную фракцию. Однако в общем фракция состояла из лиц, настроенных если не определенно прогрессивно, то, во всяком случае, либерально. В качестве лиц, бывших у власти, но от нее отставленных, они, естественно, состояли в некоторой оппозиции по отношению к лицам, их сменившим, но при этом держались строго корректно, с трибуны никаких нападок на правительство себе не позволяли и, разумеется, открыто вступать в состав блока не признавали возможным, и я хотя и считался делегированным от этой фракции в комитет блока, но формальных полномочий не имел, ибо и самых выборов делегата не было произведено. Тем не менее большинство фракции беспартийных относилось как к самому образованию блока, так и к принятой им программе сочувственно.

Иначе отнеслись к образованию блока крайне-правые крылья как Государственной думы, так и Государственного совета. Они едва ли не с места заподозрили блок в революци-

онных устремлениях, не без основания опасаясь, что при объединении элементов оппозиционных с теми, которые в общем считали, что существующий государственный строй отвечает положению страны, верх и руководящее влияние в создавшемся таким путем союзе возьмут элементы левые, обладающие большими политическими навыками и большей трудоспособностью. Опасения эти, надо признать, до известной степени оправдались. Комитет блока (не помню точно, как именно он назывался) по мере развития событий, несомненно, левел, причем это полевение проявляли не столько представители оппозиционных фракций, сколько, наоборот, фракции, в общем консервативные.

О степени левизны, а тем более революционности блока и составляющих его комитет отдельных представителей различных течений политической мысли лучше всего судить не только по приведенной мною выше программе, но и по отношению к ней правительства.

Отношение это тем более интересно, что именно на ее почве произошел окончательный разрыв между председателем Совета министров и его членами. Последние тотчас по осведомлении об образовании парламентского блока и ознакомлении с его программой увидели возможность путем сговора с блоком установить нормальные и даже дружеские отношения с народным представительством. Иначе отнесся к этому Горемыкин. В то время как такой правый, как Самарин, говорил, что «нельзя отметать общественные элементы в год величайшей войны», что «необходимо единение всех слоев населения», Горемыкин усматривал в образовании блока, который к тому же, по его мнению, очень быстро рассыпется, революционные замыслы. Кроме того, он признавал блок за



организацию, вообще «неприемлемую», как законом не предусмотренную, «междупалатную». «Плохо скрытая цель блока, — утверждает Горемыкин, — ограничение царской власти. Против этого буду бороться до конца».

После продолжительных и страстных прений Совет пришел, однако, к заключению о необходимости вступить в переговоры с представителями блока, 5/6 программы которого, по мнению большинства Совета, вполне приемлемы для правительства. На это нехотя соглашается и Горемыкин, с тем чтобы эти переговоры имели совершенно частный и преимущественно осведомительный характер. С этой целью Совет избирает из своей среды четырех представителей, а именно кн. Щербатова, А.Хвостова, кн. Шаховского и П.А.Харитонов, на квартире у которого и должна происходить «беседа» с лидерами блока.

В означенной беседе, состоявшейся 27 августа, со стороны блока участвовали одни лишь члены Государственной думы, а именно Милюков, Дмитрюков, Шидловский и Ефремов. На вопрос министров, что надлежит понимать под правительством, пользующимся доверием общественности, все думцы единогласно заявили, что вопрос сводится к призыванию Его Величеством, по собственному выбору лица, пользующегося доверием общества, которому было бы поручено составление кабинета из лиц по его усмотрению, а равно установление определенных взаимоотношений с Государственной думой. При дальнейшем рассмотрении программы блока его представители проявили полную сговорчивость и готовность идти на уступки.

В смысле желательности и возможности сговориться с блоком докладывает в заседании 28 августа и Харитонов о происходившей у него накануне беседе.

Как бы пропуская это заявление мимо ушей, Горемыкин ставит на обсуждение вопрос о прекращении сессии законодательных палат, причем высказывается за его немедленность. Тогда Сазонов и некоторые другие, присоединившиеся к нему министры, соглашаясь с желательностью прекратить сессию Государственной думы в ближайшие дни, ставят, однако, срок прекращения в зависимость от предварительного соглашения с блоком, вследствие чего Совет вновь возвращается к обсуждению программы образовавшегося междупалатного объединения. Суждения Совета по этому вопросу вновь принимают характер расплывчатый и грозят кончиться, по обыкновению, ничем. Но тут вступает Кривошеин и путем вскрытия истинного положения вещей вынуждает председателя высказаться решительно по существу вопроса. Существо это, по мнению Кривошеина, сводится не к той или иной программе, а к выбору тех или иных лиц. «Пускай монарх решит, — говорит Кривошеин, — как ему угодно направить внутреннюю политику, по пути ли игнорирования высказываемых пожеланий (о людях) или по пути примирения, избрав, во втором случае, пользующееся общественными симпатиями лицо и возложив на него образование министерства. Без этого мы никуда не двинемся. Я лично высказываюсь за избрание государем такого лица и поручение ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны».

К вышесказанному Кривошеиным тотчас присоединяются Сазонов, Харитонов и гр. Игнатьев.

«Следовательно, по вашему мнению, вопрос о роспуске Государственной думы должен быть отложен до распределения портфелей и ограничения монарха в праве избрания министров», — сердито огрызнулся Горемыкин.

Кривошеин формулирует, однако, этот вопрос иначе: «Мы, старые слуги царя, берем на себя роспуск Государственной думы и вместе с тем твердо заявляем государю, что общее внутреннее положение страны требует перемены и кабинета, и политического курса».

Значит, царю ставится ультиматум: «отставка Совета министров и новое правительство», — подчеркивает Горемыкин.

Несмотря на столь резкую постановку вопроса, большинство Совета министров решает: Государственную думу распустить немедленно и предоставить Его Величеству ходатайство о смене кабинета.

«Все подробно доложу Его Величеству, что он велит, то и исполню», — сердито заявляет Горемыкин и закрывает заседание.

Следующее заседание Совета министров состоялось лишь 2 сентября. В промежуток Горемыкин съездил в Ставку, куда государь переехал еще 21 августа, и там имел продолжительный доклад у государя. Что при этом было доложено Горемыкиным государю, Совету министров осталось неизвестным, но сообщенное им решение царя было кратко и определено:

«Государственную думу распустить не позже 3 сентября. Совету министров оставаться в полном составе на своих местах». При этом Горемыкин сообщил, что государь обещал созвать господ министров в ближайшем будущем в Ставке.

Решение это приводит господ министров в ужас. Сазонову становится почти дурно, и, выходя из заседания, он восклицает: «И est fou, le vieillard!»<sup>699</sup>

С необыкновенной для него прямоотой и смелостью высказывается Кривошеин. «Все наши суждения, — говорит он, — обнаруживают, что проявившаяся между вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения еще более углубилась. Вы докладывали государю, он согласился с вами. Вы исполняете царские указания, а сотрудники ваши — те лица, которые возражали против целесообразности вашей политики. Простите мне один вопрос — как вы решаетесь действовать, когда представители исполнительной власти убеждены в необходимости других средств, когда весь правительственный механизм вам оппозиционен, когда и внешние и внутренние события становятся все более грозными?»

«Свой долг перед государем, — ответил Горемыкин, — я исполню до конца, с какими бы противодействиями и несочувствиями мне ни пришлось встретиться. Я все доложил Его Величеству и просил меня заменить другим более современным деятелем. Высочайшее повеление последовало, оно для меня закон».

Когда знакомишься с сохранившимися протоколами заседаний Совета министров<sup>700</sup> и той бурной распрей, которая

699 «Он с ума сошел, этот старик» (фр.).

700 См.: Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года). Составлено А.Н.Яхонтовым, бывшим помощником управляющего делами Совета мини-

возникла между председателем Совета и его членами в летние месяцы 1915 г.<sup>701</sup>, то при всем признании пагубности для России проводимой в то время Горемыкиным политики все же невольно преклоняешься перед ее цельностью, крепостью и лояльностью.

Иное впечатление получается при чтении пространных писем Александры Феодоровны, посланных ею государю<sup>702</sup> в

стров на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 5—136.

701 На заседании Совета министров 21 августа 1915 г. большинство министров выступили против решения Николая II принять на себя верховное главнокомандование и заявили о своем несогласии работать с премьером И.Л.Горемыкиным. В коллективном письме министры предупреждали императора: принятие «Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями». Указывали они и на «коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение во всякое время недопустимо, в настоящие дни губительно. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине» (Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 98).

702 Александра Феодоровна в письме от 23 августа 1915 г. сообщала Николаю II о своем свидании с И.Л.Горемыкиным, который был «возмущен и в ужасе от письма министров <...> не находил слов для описания их поведения и говорил мне, что ему трудно председательствовать, зная, что все против него и его мыслей, но никогда не подумает подать в отставку, так как знает, что

промежуток между 21 августа, временем заявления о их несогласии с политикой Горемыкина, и 16 сентября, днем заседания под председательством государя созданных в Ставке членов Совета. В этих письмах обнаруживается другое, а именно желание Горемыкина остаться у власти, а в особенности огульное порицание несогласных с ним министров. Горемыкин, разумеется, мог быть иного мнения, нежели члены его кабинета, но усматривать в их действиях какую-то интригу и даже будто недостаточную преданность государю он не мог. Он должен был ясно видеть, что его сотрудники глубоко потрясены всем происходившим в России и разошлись с ним не на почве мелких личных счетов и честолюбивых замыслов, а на почве иной оценки соотношения сил в Русском государстве.

Каковы же были истинные мотивы, руководившие Горемыкиным в описываемый критический для государства момент? Установить их ныне в точности, конечно, нельзя, но одно можно сказать с уверенностью, а именно что среди мотивов, руководивших Горемыкиным, было и желание сохранить власть за собою.

Потерпев неудачу перед государем в вопросе о смещении председателя Совета, отдельные его члены все же не хотели с этим примириться, причем опять-таки окольными путями постарались использовать с той же целью образовавшийся парламентский блок. Сообщив через третьих лиц о всем

ты ему сказал бы, если бы таково было твое желание» (Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 256).

происшедшем, они подсказали лидерам блока мысль самим обратиться к Горемыкину.

Комитет блока избрал из своей среды нескольких лиц, которым и поручил переговорить с председателем Совета министров или, вернее, указать ему, что в данное время, требующее от правительства исключительной энергии, он должен уступить свое место другим, более молодым силам.

Судя по докладу, сделанному упомянутой делегацией комитету блока, беседа с Горемыкиным велась в самых мягких, мирных тонах, но, разумеется, ни к каким результатам не привела. С доводами, высказанными представителями блока, Горемыкин, разумеется, не согласился, причем укрылся за волей государя. Пока-де государь считает соответственным иметь его во главе правительства, он не считает себя вправе уклониться от несения тяжелых возложенных на него обязанностей. Однако в описываемое время, а именно в начальные сентябрьские дни, государь ни к какому окончательному решению еще не пришел, и Кривошей имел еще основание считать, что министерский кризис будет разрешен в смысле желательном для общественности. Из тех же, относящихся к этому времени писем императрицы видно, что она сознавала в это время, что оставление Горемыкина председателем Совета министров при всеобщем возбуждении против него — невозможно, и лишь настаивала перед государем о том, чтобы он отложил эту меру на некоторое время, дабы принять ее затем по собственному побуждению, а не по настоянию членов Совета. Думала Александра Феодоровна и о кандидатах на эту

должность, причем останавливалась, правда как бы мельком, и на военном министре<sup>703</sup>. Предрешено было к этому времени лишь увольнение кн. Щербатова, заместителем которого намечался усиленно через Вырубову и Распутина добивавшийся этого Алексей Хвостов (племянник министра юстиции, сын бывшего обер-прокурора 2-го департамента Сената, о котором я упоминал в предыдущем изложении). Настаивала государыня в особенности на немедленном увольнении Самарина, в котором видела чуть ли не личного врага. Колебания государыни продолжались, однако, недолго. По мере приближения того дня, на который министры были созваны в Ставку, письма Александры Федоровны государю становятся под явным влиянием разговоров с Горемыкиным все решительнее, все настойчивее в смысле сохранения Горемыкина, и если не огульного увольнения всех министров, то, по крайней мере, их форменного разноса государем. Повлияло тут, во-первых, то, что смена главнокомандования произошла без всяких инцидентов, а положение на фронте заметно улучшилось почти тотчас после того, как царь стал лично во главе армии. Между тем на этой смене особенно настаивал Распутин, а потому вера

703 Александра Федоровна в письме Николаю II от 24 августа 1915 г., размышляя о неизбежной отставке Горемыкина, который «не сможет оставаться, раз все против него», ломала голову, «кого взять в такое время, чтобы был достаточно энергичен? Военного министра на короткое время, — чтобы наказать их (я эту мысль не одобряю) — это будет похоже на диктатуру, так как он ничего не понимает во внутренних делах» (Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 262).



государыни в правильность его советов еще более упрочилась. Советы же эти были направлены к сохранению Горемыкина и смене министров, осмеливающихся возражать против царских намерений. В этом духе и написаны все письма Александры Феодоровны. В них она прямо говорит: «Хлопни кулаком по столу», «Ты выдержал борьбу по вопросу о смене Николая Николаевича, поступай теперь так же»<sup>704</sup>.

14 сентября приехал в Ставку Горемыкин. Письмами государыни почва была уже настолько подготовлена, что Горемыкину уже не стоило труда убедить государя немедленно, не откладывая до своего возвращения в Петербург, разрубить создавшееся положение, а именно тотчас вызвать министров в Ставку и тут им решительно высказать, что их образ действий он не одобряет и признает соответственным оставить во главе правительства Горемыкина.

В конечном результате отчаянные попытки большинства членов Совета министров изменить характер государственной

704 Александра Федоровна призывала мужа «ударить кулаком по столу» на товарища министра внутренних дел, командира отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковского, который обнародовал данные о развратном поведении Г.Е. Распутина (см.: Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 236). В письме 12 сентября 1915 г. она наставляла мужа: «Все министры никуда не годятся... Им нужна твоя железная воля, которую ты им покажешь, не правда ли? Ты видишь результаты того, что взял все в свои руки. Сделай здесь то же самое, будь решителен, сделай им самый строгий выговор...» (Там же. С. 341).

политики не только не привели к этому, а, наоборот, ухудшили положение. Ко времени приезда министров в Ставку государь был уже настолько настроен против большинства из них, что, открывая заседание, обратился к собравшимся с совершенно для него необычной и несвойственной ему по резкости речью, причем назвал их поступок — обращение к нему с заявлением об увольнении Горемыкина либо их самих — забастовкой министров. Министры, разумеется, молча выслушали эту гневную речь, после чего наступило тяжелое и довольно продолжительное молчание. Прервал это молчание Горемыкин, обратившись к государю со словами: «Пускай эти господа объяснят Вашему Величеству, почему они не хотят со мною работать. Вот, например, министр внутренних дел, пускай это скажет».

Положение Щербатова, взятого врасплох, было трудное и щекотливое; он отделался общими, незначущими фразами, стараясь лишь настолько продлить свою речь, чтобы дать остальным министрам время собраться с мыслями.

После Щербатова попросил слова Кривошеин. Он, очевидно, решил идти напролом. В весьма решительных и смелых выражениях указал он на невозможность в столь серьезный переживаемый страной момент вовсе не считаться с общественным мнением и общественными силами. «Без деятельного, духовного участия общественности в ведении войны, без общения правительства с общественными силами мы одолеть врага не в состоянии. Между тем Горемыкин стоит не только на обратной точке зрения, но готов даже идти во всем и всюду наперекор общественным желанием и тем систематически всех раздражает. Понятно, что при таких условиях для общественности он неприемлем». Затем говорил Самарин. Он

высказался еще сильнее, притом в торжественном и приподнятом тоне. Говорил он на ту тему, что предки ему завещали служить государю и отечеству не за страх, а за совесть, что этому служению он готов отдать все свои силы, но против своей совести он действовать не может. Ныне же совесть ему повелевает сказать государю, что совместная служба с Горемыкиным не согласуется с велениями, которые ему та же совесть предъявляет.

Высказался вновь и оправившийся Щербатов. Говорил он в мягком, добродушном, примирительном тоне, явно стремясь хотя бы несколько разрядить сгустившуюся атмосферу собрания и понизить ее весьма повышенную температуру.

Развивал он при этом две мысли, а именно, во-первых, что между людьми разномыслия почти неизбежны, но разномыслия бывают различного порядка. Так если иначе думают люди различных областей деятельности, даже разных политических взглядов, то все же они нередко могут между собой сговориться, найдя точки соприкосновения. Но существует разномыслие неустранимое, а именно то, которое постоянно возникает между людьми разных поколений. Так, например, он чрезвычайно почтительный сын и отца своего, конечно, в высшей степени уважает, но, однако, хозяйничать с ним вместе в одном имении положительно не мог. То же самое происходит ныне между членами Совета министров и его председателем. Все они весьма уважают Горемыкина, который как раз ровесник его отца, но совместно работать с ним не в состоянии.

На это заявление Горемыкин, *sotto voce*<sup>705</sup>, пробурчал: «Да, с его отцом я бы скорее сговорился».

Далее Щербатов указал на чрезвычайную опасность стоять против напорающего течения, не давая ему никакого выхода, постепенно все более возвышающуюся плотину. Вода в конечном результате все же поднимется выше плотины, сколько бы она ни была высока, и чем выше будет плотина в тот момент, когда наплывающая волна перегонит ее рост, тем с большей высоты хлынет вода и тем больше натворит бед. Гораздо рациональнее своевременно дать выход напорающему течению и, направив его по правильному уклону, самому использовать его силу.

Собранное в Ставке собрание министров поначалу кончилось как бы ничем: государь своего решения не изменил, министры остались при высказанных ими убеждениях, но, конечно, такое положение длительно продолжаться не могло, и министры, наиболее решительно высказывавшиеся против Горемыкина, были вскорости один за другим уволены. Щербатова заменил член Четвертой думы Алексей Хвостов, Самарина — директор Департамента общих дел Волжин, Кривошеина — член Государственного совета по избранию самарского земства А.Н.Наумов, а Харитонов — товарищ министра финансов Покровский.

О каком-либо сговоре с парламентским блоком при таких условиях и речи быть не могло, а посему и дальнейшее рас-

705 Вполголоса (ит.).

хождение между правительством и общественностью было неизбежно.

Наиболее талантливый и разумный царский советник Кривошеин при этом сразу превратился в представлении императрицы в ее личного врага, что и побудило его тотчас уехать из Петербурга, приняв должность главноуполномоченного Красного Креста на Западном фронте. Здесь, как и на всех предыдущих занимаемых им должностях, он проявил присущую ему действенность и инициативу, но, конечно, на ход событий никакого влияния иметь уже не мог. Так закончилось государственное служение Кривошеина при старом строе. Какую роль играл Кривошеин в Добровольческой армии, где перед самой эвакуацией из Новороссийска он стоял во главе двух отраслей управления, я не знаю<sup>706</sup>. Видел я его в Крыму,

706 Летом 1918 г. А.В.Кривошеин вынужден был, спасаясь от ареста, бежать из Москвы, где он занимал должность директора мануфактуры «Савва Морозов, сын и К°». В Екатеринодаре, а затем в Ростове-на-Дону Кривошеин возглавил политическую группу «Государственное объединение», которую в правительстве А.И.Деникина представлял Н.В.Савич. Сам Кривошеин держался в стороне (лишь в конце существования деникинского правительства в январе 1920 г. он был привлечен заведовать продовольствием тыла армии), не одобряя политики Деникина, лишенной, на его взгляд, позитивной программы.

П.Н.Врангель, сменив Деникина, привлек Кривошеина к работе. В апреле—мае 1920 г. Кривошеин был с дипломатической миссией в Париже. 18 июня 1920 г. он занял пост помощника главнокомандующего по гражданской части, то есть главы правительства, а 12 ноября 1920 г. на английском крейсере уплыл в

когда он занимал должность помощника по гражданской части генерала Врангеля, но это был уже не прежний Кривошеин, спокойный, уравновешенный, способный принимать в нужные минуты решительные меры. По каким-то непонятным мне причинам он восстановил против себя все военные круги, причем вообще в значительной степени утратил те свойства, которые помогали ему в его стремлении привлекать симпатии общественности.

Новые условия, очевидно, требовали новых песен и, следовательно, новых птиц. Впрочем, вопрос это весьма сложный и совершенно выходит из рамок моих очерков старого строя. Относительно же Кривошеина одно несомненно: к этому времени нравственно и физически это был надорванный человек. Правда, последний год своей жизни в Париже он продолжал участвовать в различных общественных организациях, но серьезным влиянием в их среде уже не пользовался. Сам он при этом жаловался и на утрату им силы воли для принятия даже самых обыденных решений.

После состоявшихся в сентябре месяце перемен в составе Совета министров, председателем коего оставался Горемыкин, дальнейшее расхождение между правительством и общественностью было неизбежно.

Константинополь (см.: Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин: Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 231–255).

Вопрос здесь был, разумеется, не в парламентском блоке: стговор с ним важен был, лишь поскольку он приводил к сближению с общественностью.

О деятельности парламентского блока в то время говорили очень много, причем крайние правые элементы приписывали его образованию весьма преувеличенное значение, а его деятельности чуть ли не самое возникновение Февральской революции. Между тем на деле никаких реальных результатов или хотя бы последствий образование блока не породило.

Я не припомню ни одного случая, когда бы решение, принятое комитетом блока, повлияло на то или иное голосование законодательных палат или хотя бы на то или иное выступление в них. Это не обозначает, однако, что психологическое значение не только его образования, но даже происходивших в его комитете суждений не было весьма существенно. Настроение комитета блока, в течение зимы 1915—1916 гг., а в особенности начиная с осени 1916 г. все более повышавшееся, несомненно, отражалось на настроении если не Государственного совета, то, во всяком случае, Государственной думы. Заседания комитета блока происходили еженедельно и отличались большой живостью. Обсуждались все текущие злободневные вопросы, недостатка в которых никогда не было, причем обменивались сведениями о тех закулисных влияниях, которые все более и более давали себя чувствовать. Неоднократным предметом суждений было и все определеннее выяснявшееся влияние Александры Феодоровны и Распутина если не на самый ход дел, то, по крайней мере, на выбор личного состава правительства. Выступал неоднократно с сенсационными разоблачениями о вмешательстве Распутина в дела

церкви и в решения Св. синода В.Н.Львов, будущий обер-прокурор Синода в составе Временного правительства.

Этот человек отличался необузданным честолюбием и отсутствием всяких сдерживающих начал. Вступив первоначально в крайнее правое крыло Государственной думы, он постепенно переходил во все более левые партийные конъюнктуры. В составе Временного правительства он по этикетке принадлежал к наиболее правой из фракций Государственной думы, представленных во Временном правительстве, но на деле неизменно высказывался в духе наиболее левых его сочленов, причем всегда голосовал за наиболее радикальные, в революционном духе, мероприятия. Эволюция его этим, однако, не закончилась: в конечном результате он примкнул к большевикам и там занял какое-то видное положение среди так называемых живоцерковников.

Повторяю еще раз, что комитет блока каким-либо революционным потрясениям или хотя бы вспышкам не только не сочувствовал, а, наоборот, их всячески опасался и стремился их предотвратить. Когда однажды, кажется в осенние месяцы 1916 г., приехавший из Москвы кн. Г.Е.Львов и председатель общегородской организации (он же и московский городской голова) М.В.Челноков, приняв участие в заседании комитета блока, убежденно развивали ту мысль, что победоносно окончить войну при существующем строе нет ни возможности, ни надежды и что, следовательно, спасение состоит в революции, то к этому положению решительно все высказывавшиеся по этому вопросу члены комитета блока отнеслись резко несочувственно и, не обинуясь, высказали, что идти на революцию в момент войны — прямое преступление перед родиной.



За довольно значительную давностью, в особенности же за множеством испытанных с тех пор потрясений и трагических событий, у меня, к сожалению, в памяти не сохранилось никаких подробностей, касающихся деятельности комитета блока и происходивших в нем прений. Никаких записей я никогда не вел, да если бы и вел, то сохранить эти записи все равно бы не мог. Однако два члена комитета усердно вели записи о всем происходившем в его среде. Это были Ефремов и Милюков. Ефремов состоял председателем фракции прогрессистов, главной задачей которой в то время было обскатать по степени левизны и оппозиционности фракцию кадет<sup>707</sup>. Во время заседаний комитета блока я обыкновенно сидел рядом с ним и посему видел, как он усердно тут же записывал содержание произнесенных на нем речей и суждений. То же самое делал и Милюков. Если записи эти у них сохранились, то

707 Готовясь к открытию думской сессии в июле 1915 г., кадеты, лишившиеся массовой поддержки, придерживались умеренной тактики и «для успокоения страны» даже отказались выставить требование отставки И.Л.Горемыкина. Более требовательными в этот момент оказались прогрессисты, в заявлении которых 19 июля все внимание было сосредоточено на требовании создать ответственное перед Думой «правительство национальной обороны». Радикализм И.Н.Ефремова, представлявшего позицию группы Рябушинского—Коновалова, объяснялся некоторой эйфорией московских торгово-промышленных кругов, рассчитывавших извлечь политические дивиденды из обращения к ним правительства за помощью в деле налаживания военного производства (см.: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 559-560).

думается мне, что их опубликование было бы небезынтересно<sup>708</sup>. По этим речам и суждениям можно было бы, во-первых, проследить, как общественное настроение поначалу довольно медленно, а потом все ускоряющимся темпом неуклонно повышалось, а во-вторых, из них бы выяснилось, что революции блок не только не подготовлял, а, наоборот, когда призрак революции начал все более определенно реять над страной, всемерно стремился ее предотвратить.

Действительно, предметом суждений блока было, несомненно, влияние Распутина и его очевидная пагубность, однако личности государя и императрицы при этом никогда не касались. Не было разговоров о все шире распространявшихся слухах о будто бы сочувствии государыни немцам и даже о тайных с ними сношениях.

Где почерпнул Милюков те данные, на основании которых он позволил себе в ноябре 1916 г. с трибуны Государственной думы довольно прозрачно намекнуть чуть не на измену императрицы<sup>709</sup>, я не знаю, но, во всяком случае, в заседаниях

708 Совещания бюро (называемого иногда также комитетом и президиумом) Прогрессивного блока происходили с августа 1915 г. по февраль 1916 г. на квартире председателя В.В.Меллера-Закомельского. Записи, сделанные П.Н.Милюковым во время этих заседаний, были опубликованы (см.: Прогрессивный блок в 1915— 1917 гг. // Красный архив. 1932. № 1-3; 1933. № 4).

709 Речь П.Н.Милюкова в Государственной думе 1 ноября 1916 г. была посвящена обличению «темных сил», группирующихся у трона (см.: Государственная дума: Стенографические отчеты.

комитета блока он об этом ни разу не заикнулся, хотя по непринужденности происходивших в нем суждений имел аля этого полную возможность.

Невольно спрашиваешь себя после всего происшедшего: был ли вообще выход из создавшегося положения, было ли

Созыв IV. Сессия V. СПб., 1916. Стб. 35—48.). Перечисляя факты неудачных действий правительства, он в каждом случае адресовал слушателям риторический вопрос: «Что это — глупость или измена?» Центральное место речи, содержавшее намек на измену императрицы, было замаскировано цитатой из немецкой газеты. Говоря о назначении Б.В.Штюрмера, которого Милюков прямо обвинял в измене, председателем Совета министров, он процитировал «Neue Freie Presse»: «Это победа придворной партии, которая группируется около молодой императрицы» (Родзянко М.В. Падение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 146). Слабость аргументов Милюкова была очевидна. В.Л.Бурцев прямо заявил: «Историческая речь, но она вся построена на лжи» (цит. по: Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 72). Позднее Милюков был вынужден признать несостоятельность своих обвинений. Сведения об «измене» он будто бы получил во время поездки в Швейцарию, где у него были «кое-какие связи с старой русской эмиграцией», «в этой среде были уверены, что русское правительство сносится с Германией через своих специальных агентов. На меня посыпался целый букет фактов — достоверных, сомнительных и неправдоподобных. Рассортировать их было нелегко. <...> Часть материала из Швейцарии я все же использовал для своей речи 1 ноября» (Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 232).

спасение, или насильственное в тех или иных пределах изменение государственного строя было неизбежно?

Мое личное мнение по этому основному вопросу сводится к тому, что август 1915 г. был последним моментом возможного соглашения правительства с общественностью на таких основаниях, которые не грозили никакими тяжелыми последствиями. Общественность в ту пору, думается мне, вполне удовлетворилась бы сменой Горемыкина и Кривошеино-Поливановской комбинацией, причем подобранный ими личный состав правительства сумел бы, не подвергая опасности внутренний порядок и спокойствие, сговориться с народным представительством и превратить его из силы оппозиционной в силу содействующую и дружескую.

Конечно, оставалась бы опасность, что правительство, возглавляемое Кривошеиным, было бы по проискам Распутина и Ко в скором времени уволено и заменено иной комбинацией, состоящей из лиц распутинского толка. Но если исключить эту возможность, то в августе месяце раскол между государственно мыслящей и патриотически настроенной общественностью и верховной властью еще мог быть устранен без передачи власти людям, выдвигавшимся самой общественностью и к власти, как это показало последующее, совершенно не подготовленным.

Позднее простой сменой одних бюрократических деятелей другими, какого бы политического направления они ни были, удовлетворить пожеланий общественности уже не было возможности. Общественность к тому времени уже создала собственного идола в лице главноуполномоченного общеземского союза кн. Львова и никого иного видеть у власти не желала. Меньшим ни общественность вообще, ни кадетская

партия в частности, а она пользовалась в то время громадным влиянием, не удовлетворились бы.

Но мы знаем, к чему привело бы нахождение у власти дряблого кн. Львова, всегда послушно следовавшего господствующему течению, каково бы оно ни было.

Не подлежит сомнению, что первой заботой правительства, возглавляемого кн. Львовым, было бы спешное осуществление ряда радикальных реформ демагогического свойства. Между тем, даже не касаясь вопроса о том, поскольку такие реформы соответствовали интересам страны вообще, можно безошибочно утверждать, что самое обращение к внутренним серьезным реформам не только не помогло бы достижению ближайшей и важнейшей в данную минуту задачи — победе, реформы эти, коль скоро бы к ним приступили, всецело бы приковали к себе внимание общества и тем самым отвлекли бы внимание от войны и ослабили бы необходимое в этом направлении напряжение. Война, которая вообще к тому времени народу опостылела, превратилась бы для него уже в определенно невыносимую. Произошло бы приблизительно то, что произошло после Февральской революции, — усиленное дезертирство из армии, скоро перешедшее в открытые демонстрации против войны, к чему, несомненно, приложили бы все свои силы те же, поддерживаемые германскими деньгами большевики. Не следует при этом забывать, что в кадетскую программу входила еще полная амнистия всех политических по суду или в административном порядке заключенных, сосланных и высланных. Можно себе представить, какую вакханалию безудержной пропаганды развели бы эти господа в среде, тем более для нее благоприятной, что страна была все-

таки глубоко потрясена продолжительной тяжелой и изнурительной войной.

В сентябре месяце всего этого можно было бы избежать. В то время общественность легко примирилась бы с правительством, ответственным лишь перед монархом, если бы его личный состав был ею одобрен. Комбинация Кривошеин—Поливанов, которая тогда носилась в воздухе, думается, могла спасти положение. Иное положение создалось к концу 1916 г. Доведенную рядом нелепых, тем более раздражающих, что они не касались существенных государственных вопросов, мероприятий общественность уже нельзя было успокоить полумерами. Единственным исходом был, быть может, прямой сговор между верховной властью и лидером главных, имевшихся в стране общественных течений, т.е. образование правительства, формально исходящего сверху, а фактически избранного по предварительному сговору с лидерами Государственной думы. Спрашивается, не настояли бы и тогда кадеты, сумевшие к тому времени в значительной степени подчинить своему влиянию и октябристскую и национальную фракции Государственной думы (вспомним речи Шульгина в особом совещании по обороне, отражавшие кадетские приемы, вполне солидарные с кадетскими устремлениями)<sup>710</sup>, на назначении

710 В.В.Шульгин, избранный членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, впоследствии сожалел, что, слишком рьяно исполняя в совещании роль «раздувальщиков священного огня военного творчества», члены совещания от Думы «из пожарных, задавшихся целью тушить революцию <...> невольны становились ее

кн. Львова главой правительства, в каком случае последующий ход событий немногим отличался бы от того, который имел место в действительности? Но допустим, что при сговоре с политическими деятелями удалось бы сойтись на таком личном составе правительства, который отвечал бы требованиям момента, спрашивается, как бы такой сговор мог бы вообще произойти? Для такого сговора необходима была определенная прямота сговаривающихся сторон и верность данным ими обещаниям. Увы, я в эту прямоту не верю. Обе стороны сговорились бы с тайной надеждой в возможно скором времени обойти друг друга. Наконец, для подобных сговоров необходимо, чтобы у власти была сильная, непоколебимая воля, ибо Мишле прав, когда говорит в своей истории Французской революции<sup>711</sup>, что безответственные короли для охранения и соблюдения ими же октроированных конституционных гарантий должны обладать даже большей силой воли, нежели для охранения своих неограниченных прав. У нас в России такой воли не было, отчего и происходило, что сегодня уступленное и предоставленное завтра урезывалось или отменялось.

Да, в том конфликте, который между правительством и общественными политическими силами начался приблизительно с шестого месяца войны, а своего апогея достиг к концу

поджигателями. Мы были слишком красноречивы, слишком талантливы в наших словесных упражнениях. Нам слишком верили, что правительство никуда не годно...» (Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 295-296).

711 См.: Michelet Jule. Histoire de la revolution francaise. Paris, 1847—1853. Vol. 1-7.

1916 г., виноваты, безусловно, обе стороны, пожал же плоды этого конфликта — *tertius gaudens*<sup>712</sup>. Давно установлено, что революции неизменно идут сверху, и эта истина подтвердилась как нельзя более в нашей русской революции, о которой еще Пушкин сказал: «русский бунт бессмысленный и беспощадный»<sup>713</sup>.

Именно ввиду всего этого я и утверждаю, что роковым моментом, послужившим исходным пунктом для всего последующего, был сентябрь 1915 г., когда оставлена была мысль о назначении такого министерства, которое, всецело завися от короны, было бы одновременно приемлемо для общественности и само относилось бы к ней благожелательно. Это отнюдь не обозначало бы, что правительство должно было бы смотреть сквозь пальцы на всякие революционные действия. Оно могло и должно было всякие попытки в этом направлении решительно и сурово подавлять, но политика его должна была быть честная и прямая. Этой прямоты и честности в русской правительственной политике не было, за исключением первого года состояния у власти П.А.Столыпина.

712 «Третий радующийся» (лат.), т. е. человек, выигрывающий от распри двух сторон.

713 Гурко приводит часть фразы «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный» из «Пропущенной главы», не включенной в окончательную редакцию «Капитанской дочки» А.С. Пушкина.